

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения

ИСТОРИЯ СТРАН ВОСТОКА XX ВЕК

Серия основана в 1999 г.

Редакционная коллегия

Наумкин В.В. (главный редактор), Алпатов В.М.,
Белокреницкий В.Я., Ванина Е.Ю., Воронцов А.В.,
Егорин А.З., Зайцев И.В., Молодякова Э.В., Эммануилов Р.Я.,
Чудодеев Ю.В. (ученый секретарь серии)

Ф.Н. ЮРЛОВ, Е.С. ЮРЛОВА

**ИСТОРИЯ ИНДИИ
XX ВЕК**

**ИВ РАН
2010**

ББК 63.3 (5 Ид)
Ю 64Ф
Ю 64Е

Рецензенты:

Г.И. Чуфрин, чл-корр РАН

Л.Б. Алаев, д.и.н., проф.

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф.

Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С.

История Индии. XX век. – М.: Институт востоковедения РАН, 2010.
920 с.

ISBN 978-5-89292-434-7

Книга представляет собой исследование политической истории Индии в XX – начале XXI в. В ней рассматриваются вопросы национально-освободительной борьбы против британской власти в Индии, раздел страны на Индийский Союз и Пакистан, становление независимой Индии, проблемы ее внутренней и внешней политики. Работа основана на широкой документальной базе, научных результатах прошлых и новейших исследований. Она может быть интересной для широкого круга читателей, в том числе преподавателей гуманитарных дисциплин, аспирантов и студентов. Авторы книги – известные востоковеды, специалисты по истории и социально-политическим проблемам Индии. Им принадлежат многие научные публикации, в том числе крупные монографии.

ББК 63.3 (5 Ид)

ISBN 978-5-89292-434-7

© Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С., 2010

© Институт востоковедения РАН, 2010

Введение

В многовековой истории Индии XX в. был прежде всего временем освободительной борьбы индийского народа против колониального господства, за независимость страны. Временем преодоления прошлого наследия и строительства нового государства, решения гигантских по масштабам социальных и экономических задач, таких как массовая бедность и неграмотность огромных масс населения. Это было время вовлечения в созидательный процесс демократического строительства множества социальных групп, разделенных на разные конфессии, этносы и касты.

На начальном этапе борьбы за национальное освобождение преобладали сугубо конституционные методы, ограниченные рамками и законами Британской империи. Наиболее ярким представителем этого «умеренного» направления был Гопал Кришна Гокхале. Влияние «умеренных» в партии Индийский национальный конгресс (Конгресс), представлявшей ведущую силу освободительного движения, в основном распространялось на интеллигенцию. С начала 1920-х годов под влиянием Мохандаса Карамчанда Ганди в это движение стали вовлекаться широкие массы крестьянства, а позже и рабочих.

Борьба за освобождение велась преимущественно ненасильственными методами. Она осложнялась отсутствием единства индийцев прежде всего между двумя религиозными общинами – индусской и мусульманской. К тому же по мере нарастания этой борьбы на поверхность политической жизни стали выходить низы общества с их требованиями социального равноправия. Колониальные власти широко использовали в своих интересах разногласия между различными общинами, что затрудняло их объединение в единое антиколониальное движение.

Отличительной чертой в деятельности Конгресса во главе с Ганди были поиски компромисса с британскими властями, которые, несмотря на периодические обострения в отношениях между ними, продолжались вплоть до 15 августа 1947 г., когда Индия обрела независимость.

Достижение независимости сопровождалось разделом колониальной Индии на два государства – Индийский Союз, населенный преимущественно индусами, и Пакистан, в основном с мусульманским населением. Раздел привел к многочисленным столкновениям

на религиозно-общинной почве, что повлекло за собой огромные жертвы. С тех пор нередко возникал вопрос – а могло ли быть иначе? Простого ответа на него нет. Соотношение социальных и политических сил в стране в середине 40-х годов было таковым, что, возможно, это был едва ли не единственный выход из сложившейся ситуации. Индийцы не хотели больше оставаться под чужеземным господством, а англичане уже не могли сохранить свою власть.

Обретение Индией независимости оказало огромное воздействие на освободительное движение в других колониальных странах, стало примером в их борьбе против колониализма, и в последующие годы принципиально изменило ситуацию в Азии и во всем мире.

Основой для социально-экономического и политического развития Индии стала конституция страны, которая была выработана Учредительным собранием. В соответствии с ней Индия была провозглашена республикой 26 января 1950 г.

Завоевание независимости поставило перед руководством Индии ряд сложнейших задач, связанных, в первую очередь, с ликвидацией бедности и неграмотности. Правительство во главе с Джавахарлалом Неру выбрало путь демократического развития. Для решения тяжелейших социально-экономических проблем оно поставило своей целью строительство общества социалистического образца, а затем – демократического социализма. В условиях частного владения на землю и на большинство предприятий была выработана концепция смешанной экономики при контроле государства над ее ключевыми сферами – банками, крупными промышленными предприятиями при государственном планировании.

За годы независимости в Индии была создана достаточно стабильная политическая и экономическая (фактически государственной капитализм) система, которая опиралась на такие базовые ценности, как демократия, политический плюрализм, смешанная экономика, социальная справедливость.

Одним из важнейших итогов развития Индии стало укрепление ее как единого демократического государства. Конституция и весь механизм управления сверху донизу стояли на защите целостности страны и не допускали выделения ее отдельных регионов в самостоятельные государства. Система управления обеспечивала развитие страны по эволюционному демократическому пути. Тем не менее, нередко возникали серьезные трудности, связанные с изменениями в соотношении социально-политических сил, многообразием индийского социума, конфликтами и противоречиями между различными социальными и политическими группами. Они достаточно успешно преодолевались мирным путем, в том числе при помощи

изменения конституции. Таким образом, общество и законодатели реагировали на перемены в стране, а не рассматривали конституцию в качестве «священной коровы».

Происходивший в стране процесс децентрализации власти в пользу штатов был обусловлен спецификой социально-экономических и культурных условий в отдельных регионах. Развитие по пути демократии также способствовало такой децентрализации. Возникавшие в процессе развития противоречия и даже конфликты, как правило, решались мирными способами. Была отработана и осуществлялась система мирной передачи власти как в центре, так и на местах в условиях ее перехода от одной политической партии или коалиции партий к другой.

По территории (3287 тыс. кв. км) современная Индия занимает седьмое место в мире. Ее население составляет более 1100 млн. человек. По прогнозам, к 2025 г. оно может достичь 1350 млн. – 1450 млн. человек и сравняться с населением Китая. До недавнего прошлого в стране доминировало представление, что рост населения отрицательно сказывался на ее развитии. Однако в последнее время получила распространение иная точка зрения, в соответствии с которой огромный людской потенциал Индии представляет преимущество, особенно на фоне демографического кризиса и старения населения в Европе, Китае, Японии, России и ряде других стран. Чтобы обратить демографические проблемы в преимущество, Индии нужно решить ряд сложных вопросов: занятости населения, ликвидации неграмотности одной трети населения и бедности (более четверти населения). Как показал ее предыдущий опыт, эти ключевые проблемы не имеют легких решений.

В последние десятилетия в Индии наблюдается заметный рост среднего класса – по некоторым оценкам, до 300 млн. и более человек. Однако это средний класс развивающейся, еще весьма бедной страны. И, тем не менее, он является важным фактором развития и стабильности, значение которого постоянно растет.

Крупные перемены в индийском обществе за годы независимости, и особенно в последнее время, привели к более широкому вовлечению женщин в экономическую, общественную и политическую жизнь. Однако же до сих пор женщины заметно отстают от мужчин по многим показателям социального развития (уровню грамотности, участию в культурной и экономической деятельности). Из-за продолжающегося негативного отношения к девочке в семье, распространения женского инфантицида и растущей практики обязательного приданого в индийском обществе сохраняется и сильный гендерный дисбаланс, при котором число женщин заметно меньше числа мужчин.

Уникальной особенностью Индии является существование каст, которые составляют большую часть населения страны, исповедующего главным образом индуизм. Кастовая система продолжает играть заметную роль в социально-экономической и политической жизни индийского общества. Несмотря на то, что конституция Индии декларировала равенство всех граждан вне зависимости от религиозной, кастовой принадлежности и пола, эта задача в полной мере пока еще далеко не реализована.

Индийская диаспора – более 25 млн. человек в разных странах, преимущественно развитых, – является крупным партнером Индии в ее модернизации и глобализации. Вклад зарубежных индийцев в быстро растущую экономику Индии составляет значительную часть инвестиций в эту страну. Индийские общины за рубежом весьма успешно лоббируют интересы Индии в торговле, экономике и политике.

За годы независимого развития Индия добилась немалых успехов в повышении жизненного уровня населения, ликвидации массовой неграмотности, увеличении более чем в два раза продолжительности жизни людей.

На рубеже XX–XXI вв. Индия совершила рывок в своем экономическом развитии и сделала серьезную заявку на статус великой державы. Это было продолжением экономических реформ, начавшихся в 1990-х годах. Обосновывая их необходимость, правительство руководствовалось следующими соображениями: во-первых, они должны осуществляться по некоему среднему пути (между двумя «догмами» – командной и рыночной экономикой), во-вторых, государству надлежит проявлять заботу об основании «индийской социальной пирамиды», которое составляют огромные массы бедняков, в-третьих, в ходе реформ не должна быть утрачена индийская самобытность.

Реформы в Индии способствовали росту ее экономики, ее престижа в мире. Но в этих реформах была ахиллесова пята – они привели к увеличению неравенства. Индийские экономисты полагали, что огромные диспропорции в доходах не могли считаться нормальными и терпимыми. Чрезмерное богатство немногих и бедность огромной массы людей вели к социальной дисгармонии, преступлениям и коррупции, что разрушает общество.

Глобализация индийской экономики, особенно после ее вступления в ВТО, вместе с достижениями породила и крупные проблемы. Одна из них – это экономический рост без роста рабочих мест. И это притом, что численность населения в трудоспособном возрасте росла на 10 млн. человек ежегодно. Государство не могло «уйти» из экономики, особенно из ее обширного неорганизованного сектора, который имел крайне ограниченные внутренние

ресурсы воспроизводства. Отсюда необходимость его государственной поддержки.

Индия добилась крупных успехов в развитии науки, вошла в число передовых научно-технологических держав мира, прежде всего в сфере высоких технологий, информатики и компьютеризации. Это произошло во многом благодаря государственной поддержке, развитию высших форм научно-технического образования, кооперации в этой сфере с развитыми странами.

Вместе с тем в Индии образовался большой разрыв между образованной элитой и малограмотными и неграмотными слоями общества. Государственная поддержка элитарных форм образования не сопровождалась такими же усилиями в сфере ликвидации неграмотности и обучения широких масс населения более производительному труду на основе современных технологий и механизации. А это может негативно сказаться на расширении базы, необходимой для развития «общества знаний», о котором уже весьма настойчиво говорят в Индии.

Успехи модернизации Индии в значительной степени опирались на достижения нескольких миллионов людей, которые овладели современными знаниями. Принципиальный вопрос: станут ли они локомотивом развития, который потянет за собой состав из нескольких сотен миллионов людей? От ответа на него во многом зависит будущее Индии.

Об индийском обществе принято говорить как о полиэтническом и многоконфессиональном. Но эта формулировка дает лишь самое общее представление о его составе и характере. В Индии представлены почти все мировые религии, а также религии, присущие только этой стране. Подавляющее большинство составляют люди, исповедующие индуизм – 80,5% населения страны. Еще 13,4% – мусульмане, остальные: христиане – 2,3%, сикхи – 1,9, буддисты – 0,8, джайны – 0,4 и другие – 0,7%. Все общины, говорящие к тому же на разных языках и диалектах (только главных языков, определенных конституцией, насчитывается 18), живут в одном общественном пространстве, взаимодействуют, а иногда и противостоят друг другу в ходе экономической и политической конкуренции.

В последние десятилетия XX в. – начале XXI в. в результате изменений в обществе усилились религиозно-общинные группы и партии, которые стали теснить светские общественные и политические силы. Принятый в независимой Индии лозунг «Единство в многообразии», как часть общественной и политической культуры страны, стал подвергаться испытаниям. Светский характер государства, политика секуляризма как равного отношения государства ко всем

религиям стали уступать место религиозно-общинному подходу, чреватому конфликтами на этой почве.

Индия не имеет официальной религии. Все граждане, в соответствии с конституцией, имеют равное право на свободу совести и право свободно исповедовать религию, отправлять религиозные обряды и вести пропаганду любой религии по их выбору. Конституция также обеспечивает свободу тем, кто не исповедует какой-либо религии, она не допускает дискриминации со стороны государства по религиозным мотивам. Секуляризм в Индии не предполагал отделения религии от государства или от политики. Заложенная в этом противоречивость не могла не сказываться на состоянии общества. Но опыт развития независимой Индии свидетельствовал о том, что идея единства в многообразии не потеряла своей жизнеспособности и привлекательности. В этом заключена внутренняя сила такого сложного и многогранного организма, как индийское общество.

Достижения Индии, в том числе в экономике и, особенно, в высоких технологиях, позволили ей стать в один ряд с ведущими мировыми державами, превратиться в важный геополитический фактор мирового устройства.

После окончания холодной войны Индия заявила о своей приверженности целям установления демократичного мирового порядка, основанного на многополярном мире. Активизировалось участие Индии в международных организациях и группировках, что можно было рассматривать в качестве своеобразной «заявки» на статус великой державы. Индия расширила сотрудничество со многими крупными государствами, включая США, Китай, Японию, Францию, Германию, Великобританию. Она подтвердила свою заинтересованность в развитии стратегического партнерства с Россией.

Новая глобальная роль Индии начала вписываться в сложную конфигурацию отношений между крупными и малыми странами в мире. Индия еще искала свое достойное место в меняющейся международной обстановке, но уже вполне определенно заявляла о своих не только региональных, но и глобальных амбициях. Она использовала для этого свой растущий экономический и политический вес, отношения с другими крупными странами, а также накопленный опыт и умение поддерживать связи с разными центрами силы.

* * *

Предлагаемая читателю работа посвящена политической истории Индии в XX – начале XXI вв. В известной мере она является продолжением трудов отечественных востоковедов предшествующего поколения. Среди них особое место занимает «Новейшая исто-

рия Индии» под редакцией известных индологов В.В. Балабушевича и А.М. Дьякова, опубликованная в 1959 г. Она была первым опытом написания истории Индии новейшего времени в Советском Союзе. Основные разделы этой коллективной монографии были подготовлены В.В. Балабушевичем, Л.Р. Гордон-Полонской, Т.Ф. Девяткиной, А.М. Дьяковым, А.И. Левковским, А.М. Мельниковым, С.М. Мельман, Ю.П. Насенко.

В 1961 г. была издана Новая история Индии (ответственные редакторы К.А. Антонова, Н.М. Гольдберг, А.М. Осипов), в которой исследовался процесс развития этой страны с середины XVII в. до Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 г. Одним из инициаторов этого труда был И.М. Рейснер. Над различными главами и разделами книги работали: Л.Б. Алаев, К.А. Антонова, К.З. Ашрафян, Н.М. Гольдберг, Л.Ф. Гордон-Полонская, Э.Н. Комаров, Г.Г. Котовский, А.И. Левковский, А.М. Осипов, В.И. Павлов, Н.И. Семенова, А.И. Чичеров.

В последующие годы в монографиях и многочисленных статьях отечественных авторов исследовались главные институты политического и государственного устройства Индии и процессы ее политического развития.

Проблемам эволюции партийно-политической структуры, динамике выборов в масштабах страны и штатах, программным установкам политических партий, коалиционной политике и другим аспектам политической деятельности в Индии посвящены исследования Э.Н. Комарова, А.И. Чичерова и других авторов. Деятельности основных политических партий, в первую очередь Индийского национального конгресса и его лидеров были посвящены работы Э.Н. Комарова, А.И. Чичерова, Т.Ф. Девяткиной. Консервативные и религиозно-общинные партии и организации исследовались А.Г. Бельским, А.Г. Володиным, М.Х. Тарховой; левые партии – Т.Ф. Девяткиной, М.Н. Егоровой, П.В. Куцобиным, А.М. Мельниковым, С.В. Величкиным и другими авторами; штаты и региональные партии – Ю.Е. Бирюковым, М.А. Плешовой, Н.И. Семеновой и другими; рабочее движение и профсоюзы – Л.А. Гордоном, М.Н. Егоровой; крестьянское движение – Г.Г. Котовским, А.М. Мельниковым, Н.И. Семеновой. Роль религии и касты в политике изучались Б.И. Ключевым, О.В. Мезенцевой, А.А. Куценковым, Р.Б. Рыбаковым и другими авторами. Вопросы формирования гражданского общества и политической культуры исследовал А.А. Куценков. Этнополитические процессы и проблемы федеративного государственного устройства рассматривались в работах В.И. Казакова, А.А. Мишина, М.А. Плешовой, А.А. Прусаускаса, Б.П. Супруновича, Л.П. Ульяновой. В.Н. Егоров исследовал

государственно-административный аппарат. Проблемы внешней политики Индии изучали С.И. Лунев, Ю.П. Носенко, Г.И. Чуфрин, Т.Л. Шаумян и другие авторы.

Этот список авторов и их работ дает лишь самое общее представление о весьма широком охвате политических процессов в Индии, но не является исчерпывающим¹.

В 1973 г. был опубликован однотомник по истории Индии: Индия в древности (автор Г.М. Бонгард-Левин), Индия в средние века (К.А. Антонова), Индия в новейшее время (Г.Г. Котовский). В 1979 г. вышло второе издание этой книги.

Помимо указанных работ отечественными востоковедами был издан ряд научных трудов по историческим, социально-экономическим, политическим и другим актуальным проблемам современной Индии. Среди них работы Л.Б. Алаева, А.М. Горячевой, А.Е. Грановского, И.И. Егорова, В.П. Кашина, А.П. Колонтаева, М.К. Кудрявцева, А.Д. Литмана, С.И. Лунева, О.В. Малярова, О.В. Мартышина, А.В. Райкова, В.Г. Растяникова, Л.И. Рейснера, Р.А. Ульяновского, Г.К. Широкова. Изучение проблем современной Индии проводилось не только в научных центрах Москвы, но и в других научных и высших учебных заведениях России.

За последние десятилетия было издано огромное количество работ американских, английских, голландских, индийских, канадских, немецких и других зарубежных авторов по проблемам современной Индии (см. Библиографию). Авторы обращались ко многим из них при написании этой монографии. В эти же годы в США, Великобритании и других странах были рассекречены некоторые архивы, которые помогли в воссоздании реальной картины ряда важных событий в отношениях между Индией и другими странами. Большое значение для обсуждения узловых проблем политической и социальной жизни Индии имело участие авторов в международных семинарах и конференциях. Они также имели счастливую возможность встречаться со многими индийскими учеными и политиками во время их десятилетней командировки в Индию.

Из последних работ, опубликованных Центром индийских исследований ИВ РАН, хотелось бы отметить справочно-аналитическое издание «Индия сегодня» (руководитель авторского коллектива Т.Л. Шаумян, 2005 г.), посвященное в основном проблемам социально-экономического, политического и духовного развития современной Индии. В 2006 г. Институтом востоковедения РАН был издан V том Истории Востока (в шести томах) «Восток в новейшее время (1914–1945 гг.)», в котором помещена глава «Индия: национально-освободительное движение и обострение конфессиональных разногласий» (автор

Л.Б. Алаев). В 2008 г. был опубликован VI том Истории Востока «Восток в новейший период (1945–2000 гг.)» с отдельной главой об Индии (Ф.Н. Юрлов).

Индологические исследования нельзя отделить от отечественного пакистановедения. Творческое содружество индологов и пакистанистов, которые, по существу, трудятся на одном и том же поприще, стало хорошей традицией. В этой связи следует особо отметить монографию В.Я. Белокреницкого и В.Н. Москаленко «История Пакистана. XX век» (2008 г.), а также работы Ю.В. Ганковского, Л.Р. Гордон-Полонской, С.Н. Каменева, Р.М. Мукимджановой, О.В. Плешова, Ю.А. Пономарева, М.Т. Степанянц и многих других.

Авторы выражают глубокую признательность рецензентам этой монографии за их ценные замечания и предложения – Л.Б. Алаеву, В.Я. Белокреницкому, А.М. Горячевой, Э.Н. Комарову, А.А. Куценкову, С.И. Луневу, О.В. Малярову, А.Л. Сафроновой, Р.Б. Рыбакову, Г.И. Чуфрину, Т.Л. Шаумян.

Особая благодарность нашей дочери Татьяне Юрловой за ее многостороннюю неоценимую помощь в работе над рукописью этой монографии.

Первая часть

БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

«Я хочу, чтобы мы получили свободу немедленно... Я говорю: ничего другого, кроме свободы». «...Мы либо освободим Индию или умрем в попытке сделать это. Мы больше не будем жить в рабстве» [требование Ганди к британским властям в августе 1942 г.]²

«Английский народ отнюдь не намерен отказываться от контроля над жизнью и прогрессом Индии... Мы не намерены отказываться от этой самой блестящей и драгоценной жемчужины королевской короны, которая в большей мере, чем все прочие наши доминионы и владения, составляет силу и славу Британской империи... Англия, потеряв Индию в качестве своей империи, навсегда перестанет существовать как великая держава» (из заявлений Уинстона Черчилля в 1930 г. и 1931 г.)³.

Глава 1 ИНДИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Социально–политическая ситуация

На рубеже XIX и XX вв. Британская колониальная империя в Индии (юридически – Индийская империя), включавшая нынешние Республику Индия, Исламскую Республику Пакистан и Народную Республику Бангладеш, располагалась на территории более 4,2 млн. кв. км с населением 283 млн. человек (для сравнения: площадь Великобритании составляла 240 тыс. кв. км, население – 38 млн. человек).

В начале XX в. Индия была отсталой страной. Она подошла к этому времени с тяжким грузом огромных социально-экономических проблем: нищетой огромной части ее населения, продолжительными периодами голода и массовых эпидемий и даже абсолют-

ного сокращения численности населения (1891–1901 гг. и 1911–1921 гг.), низким уровнем продолжительности жизни (23 года). В значительной степени все это было результатом ее колониального подчинения. В Индии преобладало сельское население (около 90%). Горожане были сосредоточены преимущественно в малых городах (5 тыс. – 50 тыс.)⁴.

Хозяйственная жизнь страны во многом определялась традициями, разделением общества на касты и религии. В деревне господствовало полунатуральное хозяйство, обремененное полуфеодальными отношениями. Индийская агросфера того времени характеризовалась самими индийцами как абсолютно стагнирующая экономика⁵. В сельском хозяйстве действовали введенные англичанами три основные системы землевладения и налогообложения. Первая – постоянное обложение (постоянное заминдарство) (Бенгалия, Бихар, Орисса, северная часть Мадрааской провинции), по которой землю в собственность получили крупные землевладельцы (заминдары) из брахманских и торговых каст. Они были обязаны платить постоянный земельный налог, который в конце XVIII в. достигал 90% ренты. Вторая – временное заминдарство, введенное во второй половине XIX в. (Соединенные провинции, Центральные провинции, Пенджаб). В соответствии с ним земельный налог пересматривался каждые 20–40 лет и права на землю были предоставлены более мелким землевладельцам, преимущественно из высоких землевладельческих каст. Если в деревне земля принадлежала многим собственникам, то они как община несли не только индивидуальную, но и коллективную ответственность за уплату налога. Третья система – райтвари – была введена в Мадрааской и Бомбейской провинциях, начиная с 1850-х годов. Она предоставляла право собственности мелким владельцам земли – райтам («защищенным арендаторам»). Однако многие из них сами не обрабатывали землю, а сдавали в аренду⁶.

Большая часть сельских жителей не имела своего хозяйства. Это были в основном низшие касты и племена, находившиеся в социальном и экономическом подчинении у своих хозяев (фактически батраки или кабальные работники. Вместе с членами семей в 1901 г. их насчитывалось более 50 млн. человек). Почти все безземельные работники, арендаторы и многие мелкие собственники были должниками ростовщиков. В деревне сохранялись пережитки феодальных отношений – взимание произвольной ренты, бесплатный труд арендаторов на помещиков, сборы или поборы за пользование пустошами, пастбищами, водой из прудов, а также внеэкономическое принуждение, связанное с выполнением кастовых обязанностей, закрепленных за низшими кастами.

Введенная англичанами система землевладения предполагала получение больших налогов, а также поощрение сельскохозяйственного производства на экспорт. На деле получилось, что при сохранении постоянного «вечного» налога (что облегчало давление на помещика-заминдара) британские власти многократно увеличивали ренту за землю. К началу XX в. налог составлял лишь 4% валового дохода сельских производителей. Помещики не были заинтересованы в рискованном капиталистическом сельском хозяйстве. Они предпочитали традиционные формы использования земли. Сдача ее в субаренду, ростовщичество были для них более надежными и доходными, чем капиталистическое производство. В итоге расширялся паразитарный слой посредников.

К началу XX в. индийская буржуазия была еще весьма слабой и немногочисленной. Многие ее группы были «встроены» в оборот английского капитала или зависели от заказов правительства. Буржуазия состояла из нескольких конфессиональных или кастовых групп – парсы, марвари (джайны), гуджаратские баниа (индусы), мусульманские бохра и ходжа. Они нередко действовали за пределами своих этноконфессиональных районов. Английский торговый и банковский капитал преобладал в промышленности, в том числе в двух главных центрах Индии – Бомбее (Мумбаи) и Калькутте (Колкате)⁷. Численный рост имущих классов к началу XX в. сопровождался созданием современных форм экономической организации – коммерческих фирм, аукционных компаний, банков, а затем фабрик и плантаций.

В промышленном производстве, в основном на мелких предприятиях, было занято около 4,5 млн. человек. Из них фабрично-заводских рабочих было около 1 млн. человек. Для их положения были характерны тяжелый, преимущественно ручной труд по 12 и более часов в день, низкая заработная плата, зависимость от подрядчиков по найму (дjobберов). Кастовая и конфессиональная разобщенность рабочих препятствовала их консолидации. В своем большинстве они были выходцами из деревень и в городе проживали в трущобах, без семей. После нескольких лет изнурительного труда они возвращались в деревню. Им на замену приходили сыновья. Такой цикл повторялся из поколения в поколение⁸.

В Индии к тому времени было 6% грамотных (18 млн. человек). Из них около 500 тыс. лиц получили образование на английском языке, в основном среднее. Нарождавшийся современный средний класс в начале XX в. был представлен торговцами, чиновниками в государственном аппарате (торгово-контторскими и банковскими работниками), служащими английских компаний, муниципальных

учреждений, учителями школ и преподавателями колледжей, медицинскими работниками, адвокатами, судьями в местных судах (все, как правило, на низких должностях). В Индии традиционно умственный труд противопоставлялся физическому, что находило отражение в кастовом составе служащих. Большую часть работников умственного труда составляли выходцы из высших каст, значительное число которых имело английское образование. После восстания 1857–1859 гг. англичане учли, что получившие такое образование индийцы, как правило, не поддерживали восставших и сделали ставку на привлечение индийцев из высших каст на государственную службу. В Индии стала создаваться сеть учебных заведений с преподаванием на английском языке. В 1858 г. были открыты сразу три университета – в Калькутте, Бомбее и Мадрасе. К этому же времени относится появление национальной печати и профессионально-деловых объединений⁹.

Административная система Индийской империи имела атрибуты суверенного государства – правительство, армию, государственный аппарат, финансовые органы. Однако управление осуществлялось из Лондона министром по делам Индии и Бирмы в английском правительстве. Оно же назначало генерал-губернатора Индии, который имел почти неограниченную власть и как представитель короля-императора Великобритании, носил титул вице-короля. Корпус чиновников формировался почти целиком из англичан, которые сдавали экзамены в Индийскую гражданскую службу (ИГС). Число индийцев в ИГС к началу XX в. было незначительным. При вице-короле и губернаторах провинций имелись законодательные советы из назначенных властью лиц и располагавшие только совещательными функциями.

Индийская империя состояла из Британской Индии, в состав которой входили провинции во главе с губернаторами и лейтенант-губернаторами (Бенгалия, Бомбей, Мадрас, Бихар-Орисса, Соединенные провинции, Центральные провинции, Панджаб), а также провинции, возглавляемые комиссарами (Северо-Западная пограничная провинция (СЗПП), Белуджистан и Ассам). Центр и юг страны, а также крайний север занимали 562 княжества (около половины территории всей Индии с населением около 25% всего населения Индийской империи). Наиболее крупные из них: Хайдарабад, Майсор, Траванкор, Кочин, Бхопал, Гвалиор, Индор, Джамму и Кашмир. Княжества имели отдельные вассальные соглашения с колониальной властью, но фактически их делами занимался Политический департамент при генерал-губернаторе, который действовал через британских резидентов, ведавших одним крупным или несколькими мелкими княжествами¹⁰.

Реальную основу британского колониализма составляли экономическая эксплуатация и расовая дискриминация. Господство белого меньшинства чужеземцев с их комплексом превосходства и пренебрежением экономическими интересами огромного большинства индийцев были тем общественно-экономическим фоном, на котором развивались события в Индии. К тому же в канун XX в. голод охватил страну. От него страдали десятки миллионов человек. В довершение в то же время вспыхнула эпидемия чумы, от которой умерло более шести миллионов человек ¹¹.

О бедственном положении индийского народа свидетельствовали не только индийские, но и многие иностранные исследователи. Так, американский историк Уилл Дюрант пришел к выводу, что «ужасная нищета в Индии – это обвинительный приговор ее чужеземному правительству, которое невозможно оправдать... Существует множество свидетельств того, что британское владычество в Индии является бедствием и преступлением». Это абсолютно отличается от мусульманского господства, писал Дюрант. Мусульманские захватчики пришли, чтобы остаться, и их потомки называли Индию своим домом. То, что они забирали в качестве налогов, они расходовали в Индии, развивая ее ремесла, сельское хозяйство и другие ресурсы, обогащая литературу и искусство. «Если Британия поступила бы так же, то Индия сегодня была бы процветающей страной. Но ее нынешнее ограбление стало совершенно невыносимым. Год за годом Британия разрушает один из величайших и кратких народов»¹².

История Индии первой половины XX в. была прежде всего связана с национально-освободительной борьбой индийского народа против колониального господства Англии. Результатом этой борьбы стало завоевание независимости страны в 1947 г. Решающую роль в этой борьбе сыграл Индийский национальный конгресс (Конгресс, ИНК), при участии в ней и других политических сил.

Деятельность социально-религиозных реформаторов и просветительских обществ

Идейными предшественниками Конгресса были отдельные лица и организации, которые в XIX в. внесли свой вклад в формирование национальной идеологии и политики. Они изменялись по мере развития колониальной Индии под влиянием событий в общественной, экономической и политической жизни.

Выработка национального самосознания началась с религиозного реформаторства, основы которого заложили Раммохан Рай (1774–1833),

Дайянанда Сарасвати (1824–1883), Рамакришна Парамахамса (1836–1886), Свами Вивекананда (1863–1902) и многие другие. В организационном плане эта работа сосредоточилась вокруг таких обществ, как «Брахмо самадж» (Общество [почитания] Брахмана), «Арья самадж» (Общество ариев или Общество просвещенных) и подобных им¹³.

Основанное в 1828 г. Раммохан Раем¹⁴ «Брахмо самадж» было первым религиозно-реформаторским движением, которое поставило перед собой задачу ответить на вызовы европейского колониального влияния в Индии. И этим ответом стало признание важности и полезности европейской культуры и образования. «Западничество» стало модным в высших индийских кругах, что привело к отходу от некоторых традиций и обычаев индийского общества (в том числе таких, как средневековая практика самосожжения вдов на погребальном костре умершего мужа, которая была запрещена Законом о предотвращении сати в 1829 г.). По существу, речь шла о признании и ассимиляции того хорошего, что было в западной культуре, не отказываясь от основ индуизма, который нуждался в реформировании и очищении.

Последователь Раммохан Рая в «Брахмо самадж» Дебендранатх Тагор (1817–1905) продолжил работу по модернизации индуизма, освобождению его от суеверий и многобожия¹⁵. Другой крупный лидер «Брахмо самадж» Кешаб Чандра Сен (1838–1884) полагал, что Запад может принести в Индию науку, а Индия – дать Западу религию и духовность. И что спасение мира состоит в гармоничном сочетании того и другого. Поиски нового соотношения индуизма с христианством привели к отходу от «Брахмо самадж» многих деятелей, у которых не было существенных связей с западной культурой и которые были глубоко укоренены в индусской традиции и религии.

Вслед за Бенгалией брахмоистское движение распространилось в Мадрасе, где в 1864 г. возникло общество «Веда самадж» (Ведическое общество). В 1867 г. в Бомбее было основано «Прартхана самадж» (Молитвенное общество), которое выступало, как и в Бенгалии, за отмену детских браков и дискриминации женщин. В него входили люди, получившие английское образование. Поэтому оно было малочисленным (102 человека в 1882 г.). Более массовой организацией было религиозно-реформаторское общество «Арья самадж» (1875 г.), насчитывавшее в 1891 г. около 40 тыс. человек¹⁶.

Его основатель Дайянанда Сарасвати (1824–1883), по происхождению брахман из Гуджарата, вошел в историю Индии как первый активный проповедник реформированного индуизма. Выдвинул лозунг «Назад к ведам!»¹⁷, Дайянанда требовал «очищения» индуизма от всех позднейших наслоений и возврата к первоначальной просто-

те ведийских гимнов. Он заявлял, что жесткая кастовая система, базирующаяся на принципе рождения, а не на достоинствах человека, так же как и концепция неприкасаемости, не имели санкции в ведах и поэтому были чужды индуизму. Идеалом социального устройства общества, по мнению Дайянанда, является древнеиндийская система *чатурварнья*¹⁸, в которой успех общества зависел от добросовестного исполнения своего предназначения каждого из его членов. В ведах, утверждал Дайянанда, нет оправдания концепции превосходства или неполноценности какой-либо из варн. По его мнению, все варны были равны¹⁹. Впоследствии этой главной мыслью Дайянанда воспользовались фактически все известные высококастовые индусы-реформаторы. Его аргументы приобрели особое значение для оправдания индусского социального строя, в котором нашлось место и идее равенства.

Дайянанда рассматривал веды как единственный источник истинного знания, пытался примирить научное знание и ведийские истины. Он резко критиковал слабые стороны других религий. А его оценки основ ислама позднее использовали сторонники религиозного сепаратизма, как индусы, так и мусульмане. Создавая «Арья самадж», Дайянанда открыл путь к возможности для индуизма стать прозелитской религией. Он внедрил в практику этого общества особый обряд «шуддхи» (очищение), после проведения которого принявшие ранее иное вероисповедание ритуально очищались и возвращались в лоно индуизма. «Арья самадж» развернуло кампанию шуддхи в конце XIX в. в ответ на прозелитскую активность христианских миссионеров на Северо-Западе Индии²⁰.

Реформистское учение Дайянанда пропагандировало патриотические идеи. Поэтому в своей основе «Арья самадж» стало политическим движением, направленным против британского господства. Дайянанда первым заговорил о необходимости собственно индийского правления – *свараджа*. Однако он не выступал за немедленное отстранение британцев от власти в Индии. Без проведения необходимых религиозных и социальных реформ политическое подчинение индийцев Англии будет продолжаться, уверял Дайянанда, а изгнание англичан могло бы привести только к смене хозяев над индийцами. Один из руководителей «Арья самадж» заявлял: «Арья не может предпочесть господство индусов-идолопоклонников или мусульман, забывающих коров, просвещенному и толерантному правлению англичан»²¹.

Одним из наиболее известных реформаторов индуизма стал Свами Вивекананда, бенгалец из касты *каястха*. В отличие от своего учителя Рамакришны, который считал конечной задачей каждого человека познание бога и слияние с ним, Вивекананда помещал в центр своей системы не бога, а человека, призывал служить людям,

а не догмам, подчеркивая универсализм и гуманизм вед, под которыми он подразумевал главным образом упанишады²². Он стремился вооружить индийцев новой этикой силы, характерной для свободных людей. «Нам нужна религия мужества, мужественные теории. Нам нужно образование, чтобы добиться всестороннего развития»²³.

Вивекананда считал, что неприкасаемость и социальная тирания, санкционированные «Ману-смирти», противоречили самому духу индуизма – духу терпимости²⁴. Хотя он и критиковал брахманов за их социальный консерватизм, но в целом, как подчеркивает Р.Б. Рыбаков, положительно расценивал брахманский индуизм²⁵. Так же, как и Дайянанда, Вивекананда стремился привести в кастовую систему понятия социального равенства и гармонии. Он объявил такой идеал общественного устройства универсальным, полагая, что им может воспользоваться и Запад, который страдает от «жесткой, холодной и бессердечной конкуренции». «Закон Запада – конкуренция, наш закон – каста. Каста – это разрушение конкуренции, ее обуздание и контроль над нею, смягчение ее жестокостей, чтобы облегчить путь человеческой души через таинство жизни»²⁶.

В последней трети XIX в. стали появляться просветительские организации среди сикхов. В 1873 г. в Амритсаре было основано общество «Шри гуру Сингх сабха», целью которого было распространение образования и введение панджаби в качестве языка обучения в колледже в Лахоре. В 1879 г. было создано общество «Сингх сабха», которое ставило своей задачей пропаганду образования на панджаби, издательскую деятельность, связанную с выпуском религиозной и исторической литературы сикхов. В 1892 г. при содействии этого общества был открыт колледж хальсы («чистой» общины сикхов) при университете в Амритсаре. В 1890-х годах на основе сикхских просветительских обществ были созданы первые сикхские политические организации²⁷.

Последняя треть XIX в. была отмечена появлением просветительства среди индийских мусульман, особенно в Пенджабе, Бенгалии и Северо-Западных провинциях. Одной из первых просветительских организаций стало основанное в 1863 г. в Калькутте, столице Британской Индии, «Мусульманское литературное общество». Инициатором его создания был писатель и общественный деятель Абдул Латиф. Ему принадлежала идея создания колледжа по европейскому образцу для мусульманской молодежи. В 1877 г. он основал Национальную мусульманскую организацию, которая к началу 1880-х годов имела более 30 отделений в Бенгалии и других провинциях.

Деятельность подобных мусульманских организаций во многом опиралась на поддержку колониальной администрации и была на-

правлена на европеизацию образования мусульман. Их руководители не отказывались от религиозно-общинной работы и даже противопоставляли мусульманское просветительство индусскому.

Эти первые организации оказали немалое влияние на деятельность последующих просветителей. Одним из наиболее заметных среди них был Сайид Ахмад Хан (1817–1898). Он выступал за распространение среди мусульман светского образования и расширение сферы применения языка урду. Центром его деятельности стало Переводческое общество, основанное в 1864 г., и Мусульманская конференция по просвещению (1886 г.), а также Алигархский колледж (1877 г.). В Переводческом обществе на язык урду переводились английские книги по истории, экономике, философии. В Алигархском колледже, наряду с основами исламской теологии, преподавались светские дисциплины, изучались европейская культура, английский язык и литература. Студенты в Алигархском колледже воспитывались в духе лояльности к британской короне.

Вначале Сайид Ахмад Хан выступал с позиций «единой Индии». В своей лекции в Патне в январе 1883 г. он говорил: «Индия – родина индусов и мусульман... Наше длительное пребывание в Индии изменило нашу кровь и сделало нас единым целым. Наш внешний вид стал чрезвычайно схожим, наши лица изменились настолько, что стали похожи одно на другое. Мусульмане восприняли сотни обрядов и обычаев индусов, а индусы заимствовали бесчисленное множество привычек и манер поведения мусульман. Мы настолько сблизились друг с другом, что выработали новый язык – урду, который нельзя назвать языком только индусов или только мусульман. Таким образом, – продолжал Сайид Ахмад Хан, – если мы оставим в стороне вопрос веры, который является вопросом отношений между человеком и Богом, то мы – индусы и мусульмане – одна нация, так как принадлежим одной земле. Мы, индусы и мусульмане, и вся наша страна сможем добиться прогресса только на пути единства, взаимной любви и чувства товарищества. Любая жестокость, враждебность или недоброжелательство непременно приведут к разрушению нашего единства и обрекут нас на гибель». В феврале того же года в Лахоре Сайид Ахмад Хан заявил: «Под словом "нация" я подразумеваю индусов и мусульман, вместе взятых... Для меня несущественно, к какой религии они принадлежат. Но вот, что мы должны принять во внимание – это тот факт, что все мы, неважно кто – индусы или мусульмане – сыновья одной и той же земли»²⁸.

«Термины *индус* и *мусульманин*, – утверждал он, – являются лишь указателями религиозной принадлежности. Фактически все общины, проживающие в Индии, представляют единый народ... Их политические

интересы нельзя отделять друг от друга. Сейчас не время позволить религии стать разделительной линией между гражданами страны»²⁹.

Тем не менее, исподволь развивалась другая тенденция, направленная на противопоставление индульской и мусульманской общин. Она нашла свое выражение как в изменении позиций самого Сайид Ахмад Хана, так и в организационных принципах созданного им в 1877 г. Алигархского колледжа, в котором вначале обучались как мусульмане, так и индусы. Однако довольно быстро этот колледж превратился в эксклюзивное мусульманское учебное заведение и центр мусульманской общественной мысли. Его задачей стало воспитание у студентов чувства религиозной исключительности, а также «преданности» британской власти³⁰.

В созданную Сайид Ахмад Ханом в 1888 г. Объединенную патриотическую ассоциацию входили как мусульмане, так и индусы. Однако уже в 1893 г. она прекратила свое существование. Вместо нее была образована сугубо мусульманская Англо-восточная оборонительная ассоциация Верхней Индии³¹. Эта ассоциация выдвинула задачи защиты политических интересов мусульман, противодействия массовой агитации среди них (чтобы не привести к такому же «мятежу», который произошел в 1857 г.), поддержки действий, направленных на укрепление стабильности колониальной власти, и лояльности британскому правлению³².

Сайид Ахмад Хан полагал, что в случае ухода Англии из Индии страной станут править или индусы или мусульмане. В речи 14 марта 1888 г. в Мироте он сказал: «Предположим, что всем англичанам и всей английской армии пришлось бы покинуть Индию с их пушками и другим великолепным оружием и всем иным вооружением, то кто стал бы правителем Индии? Разве возможно, чтобы при этих обстоятельствах *две нации* (курсив наш. – Ф.Ю., Е.Ю.) – мусульмане и индусы смогли бы сидеть на одном и том же троне и оставаться равными во власти? Совершенно ясно, что это невозможно. Необходимо, чтобы одни из них победили других и сбросили их»³³. Таким образом, Сайид Ахмад Хан не только противопоставлял «две нации» – мусульман и индусов, но и заявлял о том, что вместе они не смогут ужиться во власти.

В своих речах в 1887–1888 гг. Сайид Ахмад Хан выступал против участия мусульман в деятельности созданного в 1885 г. Индийского национального конгресса. Он считал, что если в Индии будет установлена парламентская форма правления, как это планировал Конгресс, то интересы мусульман, как меньшинства, пострадают³⁴.

В конце XIX в. начал свою деятельность один из крупнейших лидеров мусульманского возрождения – поэт, философ и политик

Мухаммад Икбал (1877–1938), который сочетал в своем творчестве духовное начало ислама со стремлением модернизировать общество. Он полагал, что мусульмане могут реконструировать и построить современное общество только на основе ислама. Икбал считал, что ислам может служить объединяющим началом в жизни мусульман, в их динамичном социальном и общинном развитии. Он пытался соединить материальное и духовное начала, выступал против западной секулярной идеологии. Икбал писал: «Ни один народ не может позволить себе отвергнуть полностью свое прошлое, поскольку именно прошлое определяет его личную идентичность»³⁵.

Заметным общественно-политическим явлением конца XIX – начала XX в. были небрахманские и антибрахманские движения, охватившие многие районы Индии. В них участвовали практически все касты, кроме брахманов, и нередко они были направлены против брахманов, как главных идеологов кастовой системы и эксплуататоров остальных, особенно низших, каст.

Корни проблем межкастовых отношений уходят в традиционную иерархическую структуру индусской общины. Каждый индус рождается в соответствующей касте. В свою очередь, каждая каста входит в варновую систему, состоящую из четырех варн, или социальных общностей. В отличие от касты, варна – понятие сакральное. Наверху этой социальной пирамиды располагались брахманы – священники, наставники, советники правителей, учителя. Им возбранялся физический труд. Брахман считался воплощением бога на земле, все были обязаны ему прислуживать.

Ниже брахманов были кшатрии, отвечавшие за управление государственными делами, военное дело, защиту подданных, соблюдение ими обычаев своей касты. Еще ниже находились вайшьи – торговцы и ростовщики. Эти три варны еще назывались «дваждырожденными». Мальчики из этих варн были допущены к обучению сакральному знанию на санскрите, а обряд упанаяна давал им второе рождение. Четвертая варна – шудры – таких прав не имела. Шудры были обязаны служить «дваждырожденным», обрабатывать землю, но не владеть ею. За пределами этой четырехварновой системы находились неприкасаемые. Представители всех четырех варн считались «чистыми», представители неприкасаемых – «нечистыми», ритуально оскверняющими всех остальных индусов, особенно брахманов и кшатриев. Эта социальная организация индийского общества, возникшая в первом тысячелетии до н.э. была сугубо иерархической, что выражалось в неравноправии сначала варн, а впоследствии и каст. В отличие от общеиндийских варн, касты имели местный характер.

Каста – это эндогамная группа родственников, верящих в происхождение от одного предка. Члены касты могут вступать в брак только между собой. Основой касты является семья. Семья входит в состав рода, который считается экзогамным. Это значит, что вступать в брак могут только члены разных родов. Поскольку каста – закрытая группа, то чтобы быть ее членом, надо в ней родиться. Родство лежало в основе сплоченности касты, отношений солидарности и взаимопомощи между ее членами. Каста контролировала все аспекты жизнедеятельности человека. Каждая из каст могла иметь десятки подкаст, которые на протяжении веков сохраняли свою идентичность.

Одним из результатов функционирования кастовой иерархии в течение веков стало создание всепроникающей социальной системы, позволявшей высшим кастам, особенно брахманам, духовно, идеологически и материально эксплуатировать средние и низшие касты. При этом брахманы занимали самые престижные позиции в обществе.

Система каст является основой социальной структуры индийского общества. Она со временем претерпела заметные изменения, однако не только не исчезла, но и сегодня продолжает жить и играть большую роль в социально-экономической и политической жизни Индии³⁶. Индуизм дал идеологическое обоснование кастовой системе. Поэтому идеологи небрахманских движений в борьбе против кастовой дискриминации бросали вызов индуизму. Они призывали критически относиться к священным книгам индусов, переориентировать внимание социальных реформаторов на борьбу за гражданские права и светское начало в обществе, а решение проблемы низов видели в их самоутверждении, чему должна была способствовать масштабная экономическая и культурная помощь им со стороны государства и общества.

Первые выступления небрахманских каст были связаны с антифеодальными по своей сути крестьянскими движениями на западе Индии. В последней трети XIX в. небрахманское движение уже пустило корни в среде крестьянства, особенно в Махараштре. Его возглавил демократ-просветитель Джотиба Пхуле (1827–1890). Выходец из низкой касты шудр (садовников-мали), он стал подлинным трибуном ремесленников и мелких торговцев, а также сельскохозяйственных работников – неприкасаемых. Пхуле утверждал, что брахманы монополизировали административные и иные службы, юриспруденцию и образование, пользовались бесконтрольной властью над всем обществом. Он подчеркивал, что колониальные власти содействовали сохранению и даже усилению брахманского господства. Он выступал за ликвидацию традиционной системы внутриобщинного обмена услугами, наследственно закрепленными за кастами.

Пхуле заявлял, что четырехварновая система с момента ее зарождения была рассчитана на эксплуатацию низших каст высшими. Основанное им в 1873 г. «Сатьяшодхак самадж» (Общество правдолюбив) впервые в истории отношений между кастами бросило вызов многим брахманским привилегиям. Главным принципом деятельности этого общества стал отказ от обращения к брахману как к служителю культа и посреднику между богом и людьми. Из-за этого религиозные суды, состоявшие из брахманов-пандитов, стали жестоко карать тех, кто нарушал традицию. Однако члены «Сатьяшодхак самадж» отстаивали свою правоту, обращаясь к светским судам.

Пхуле выступал за равенство людей не только перед богом, но и в жизни, требовал отказа от дискриминации неприкасаемых, свободного общения между представителями всех каст и религиозных общин, равноправия для всех, в том числе женщин. Он полагал, что главным средством достижения равноправия должны стать образование и просвещение масс, развитие антикастового сознания, борьба против монопольного господства брахманов в общественной жизни. Пхуле считал, что все небрахманские касты, в том числе и неприкасаемые, являются исконными жителями Индии, которым захватчики-арии³⁷ отвели низшее место в своей социальной иерархии³⁸.

Свои усилия Пхуле сосредоточил на создании универсальной для всех индийцев религии, новых свадебных ритуалов и на воспевании самобытной и равноправной крестьянской общины «неариев». В книге «Сарваджаник сатья дхарм» (Всеобщая религия истины) Пхуле предлагал принять новый моральный кодекс, основанный на принципах гуманности, терпимости и равенства между людьми.

Небрахманское движение пыталось оспорить притязания брахманов на то, что именно они создали общенациональную культуру. По мнению Пхуле, на смену брахманской культуре должна была прийти культура всего народа. Нельзя создать нацию (имеется в виду страна, государство), заявлял Пхуле, не преодолев главную силу на пути единения граждан, – кастовую систему. Он обвинял брахманизм в создании препятствий к достижению национального единства³⁹.

Усилению брахманского влияния во многом способствовало британское правление, которое опиралось прежде всего на пандитов (ученых-брахманов), сотрудничавших с англичанами в качестве советников. Этому также способствовало проведение переписей населения, в которых впервые стало отмечаться деление на касты.

В конце XIX в. выступления небрахманских и низших каст имели место в южных районах Индии, где господство брахманов в идеологической и социальной сферах было, по существу, абсолютным. Находясь наверху кастовой пирамиды, брахманы выступали в каче-

стве самых ревностных защитников кастовой системы, ограничивая возможности для развития остальных каст.

Первый период борьбы отдельных неприкасаемых каст за изменение своего традиционного положения характеризуется в индийской историографии как движение «угнетенных классов». Вплоть до конца XIX в. неприкасаемые не имели общественных и политических организаций. В 1892 г. появились первые две организации неприкасаемых – ади-дравидов и париев в Мадрасском президентстве. А к 1910 г. в стране действовали уже 11 организаций неприкасаемых: семь – в Мадрасском президентстве, две – в Бомбейском, по одной – в Бенгалии и Центральных провинциях⁴⁰.

В конце XIX – начале XX в. борьба за улучшение положения керальских низших каст была тесно связана с именами крупных социальных реформаторов. Одним из них был Айянкали (1863–1941). В результате его деятельности и активных выступлений касты пулайя, которые нередко сопровождались столкновениями с высокими кастами, в 1900 г. она добились права пользоваться большинством общественных дорог в Траванкоре, хотя многие частные дороги и улицы были для них закрыты еще долгое время. Айянкали впервые организовал забастовку сельскохозяйственных работников пулайя исключительно для того, чтобы добиться права для их детей учиться в государственных школах. Понимая необходимость организованных действий в борьбе против дискриминации, Айянкали создал в 1905 г. «Садху джака парипалпана сангам» (Союз благосостояния бедняков), который добился введения шестидневной рабочей недели для сельскохозяйственных работников, ранее трудившихся без выходных.

Другой керальский реформатор Нараяна Гурусвами (1854–1928) – представитель самой многочисленной касты неприкасаемых ижава (или ирава, илайя, тхийя) в своем подходе к проблеме ликвидации кастовой дискриминации исходил из принципа – одна каста, один бог и одна религия для всех. Он осуждал кастовую иерархию и настаивал на социальном равенстве всех индусов. В начальный период своей деятельности он сосредоточил внимание на строительстве храмов, в которых в качестве жрецов выступали не брахманы, а ижава. Эти храмы были открыты для всех каст, включая бывших сельских рабов, низших из неприкасаемых – пулайя. Таким образом, была нарушена многовековая традиция, в соответствии с которой жрецом мог быть только брахман, а неприкасаемых и близко не подпускали к индусскому храму.

Небрахманские движения носили региональный характер, но со временем приобрели общеиндийское звучание и внесли социальное содержание в борьбу за независимость Индии.

Глава 2 СОЗДАНИЕ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНГРЕССА

Индийский национальный конгресс (Конгресс, ИНК) был образован 28 декабря 1885 г. на его первой сессии в Бомбее. Непосредственная инициатива в создании Конгресса принадлежала бывшему крупному чиновнику Индийской гражданской службы англичанину Аллану Октавиану Юму, который действовал в контакте с британской колониальной администрацией во главе с вице-королем Дафферином. Конгресс был задуман ими как вынужденная мера, как «предохранительный клапан» для выпуска накопившегося недовольства индийцев политикой колонизаторов. Вначале он действительно выполнял эту задачу, но постепенно от позиций реформаторства в рамках колониальной системы стал на путь национально-освободительной борьбы против британской власти. В течение более 60 лет деятельности Конгресс возглавлял национальное движение, которое в конечном итоге привело в августе 1947 г. к достижению Индией независимости и расколу величайшей империи в истории человечества.

Годы, предшествовавшие появлению Конгресса как всеиндийской организации, были отмечены созданием многочисленных националистических групп и организаций в стране. Среди них была Индийская ассоциация, которая в декабре 1883 г. провела в Калькутте Всеиндийскую национальную конференцию, ставшую своеобразной репетицией первой сессии Конгресса.

В первой сессии Конгресса участвовало 72 делегата и 30 наблюдателей из разных районов страны. Большинство из них были представителями среднего класса, получивших английское образование (более половины всех делегатов) – юристы, врачи, журналисты, государственные служащие, землевладельцы. Среди делегатов не было как представителей старой аристократии – раджей и махараджей, так и крупных заминдаров (помещиков) и торговцев, а также крестьян и ремесленников.

Ядро первоначального руководства Конгресса состояло из индийцев, которые в Лондоне в конце 1860-х – начале 1870-х годов изучали юриспруденцию или сдавали экзамены в Индийскую гражданскую службу. Среди них были Ферозшах Мехта, Бадруддин Та-

ябджи, Мохан Чандер Баннерджи, братья Манмохан и Лалмохан Гхош, Сурендранатх Банерджи, Анандамохан Бос и Ромешчандра Датт. Многие из них попали под влияние Дадабхай Наороджи (1825–1917) – бизнесмена и публициста, политического и общественного деятеля, первого индийца – члена британского парламента (1862 г.).

Некоторые из них, главным образом те, кто не был принят в ИГС (или уволены из нее, как Сурендранатх Банерджи), а также Дварканатх Гангули из «Садхаран Брахмо самадж» в Калькутте, М.Г. Ранаде и Дж.В. Джоши из Пуны, К.Т. Теланг из Бомбея, Дж. Субраманья Айер, Виаргхачавари и Ананда Чарлу из Мадраса создали местные патриотические организации. Наиболее значимыми из них стали Пуна Сарваджаник сабха (1870 г.), Индийская ассоциация (1876 г.), Мадрасская Махаджана сабха (1884 г.) и Бомбейская президентская ассоциация (1885 г.). Это были политические организации, состоявшие главным образом из юристов. С начала 1880-х годов предпринимались попытки объединить эти организации и создать всеиндийскую ассоциацию. В 1883 г. и 1885 г. в Калькутте были проведены две национальные конференции Индийской ассоциации под руководством Сурендранатха Банерджи⁴¹. С точки зрения исторической перспективы создание Индийского национального конгресса было ответом индийской передовой общественности на социально-экономическую и политическую ситуацию, сложившуюся в середине 1880-х годов⁴².

В работе первой сессии Конгресса приняли участие представители разных религиозных конфессий: индусы, христиане, парсы, джайны и мусульмане. Последних было всего двое, но в последующие годы представительство мусульман в Конгрессе существенно выросло: в 1886 г. – 33 из 434 делегатов, в 1890 г. – уже 116 из 677 делегатов. Но Конгресс никогда не мог претендовать на то, что он представляет большинство мусульман. В целом линия на сохранение определенного баланса в представительстве разных конфессий в руководящих органах Конгресса сохранялась и в последующие годы. Так, президентом Конгресса в 1886 г. был парс Дадабхай Наороджи, в 1887 г. – мусульманин Бадруддин Таябджи, в 1888 г. – христианин Джордж Юл и т.д.

По предложению Юма президентом первой сессии Конгресса был избран индус-бенгалец Ромеш Чандер Баннерджи, про которого говорили, что он выглядел – «каждый дюйм как англичанин», и в то же время «каждый дюйм как индус». В своей речи Баннерджи сформулировал четыре задачи – самых общих и достаточно скромных: «развивать личную дружбу и привязанность между всеми, кто работает на благо страны; укреплять чувство национального единства

среди тех, кто любит Индию; утверждать продуманные мнения образованных классов Индии по некоторым наиболее важным и насущным социальным вопросам; и определять направление и методы, при помощи которых местным политикам следует работать в течение последующих двенадцати месяцев в интересах общества».

Боннерджи выразил полную лояльность британским властям. «Многое, – сказал он, – было сделано Великобританией на благо Индии, и вся страна воистину благодарна ей за это». «Но, – добавил Боннерджи, – еще многое предстоит сделать... Я думаю, что наше желание быть управляемыми в соответствии с идеями, преобладающими в Европе, ни в коей мере не противоречит нашей глубокой лояльности Британскому правительству. Все, чего мы желаем, – это расширить базу правительства, чтобы народ имел соответствующую и законную долю в нем». Приблизительно в таком же духе были выдержаны выступления других делегатов. Достаточно острой была речь Дадабхаи Наороджи (впоследствии получившего почетное прозвище «Великий старый муж Индии»). Он посвятил ее своей теории выкачки богатства из Индии в Британию, которая, кстати, была в первоначальном виде сформулирована почти полвека до того Раммохан Раем в одной из его записок в парламентский комитет Великобритании⁴³.

Первоначально предполагалось просить тогдашнего губернатора Бомбея Рея быть первым президентом Индийского национального конгресса. Но от такой идеи пришлось отказаться, так как вице-король Дафферин посоветовал губернатору не участвовать в этой «политической конвенции»⁴⁴. В начальный период своей деятельности Конгресс не представлял собой настоящую политическую организацию, тем более политическую партию. У него не было ни центрального офиса, ни регулярных финансовых фондов. Его члены не платили вступительных взносов. Не было и постоянных сотрудников, которые вели бы организационно-партийные дела, кроме Юма, занимавшего пост генерального секретаря партии до 1892 г. Участники первой сессии Конгресса не избирались, а, по существу, назначались из определенной группы людей. Чтобы стать делегатом этой сессии, достаточно было уплатить небольшой взнос. Но уже в последующие годы делегаты избирались на публичных митингах, которые проводились в разных провинциях. В течение ряда лет у Конгресса не было устава. Каждый год его сессии проводились в разных городах, избирался новый президент. Подготовка этих мероприятий осуществлялась местным комитетом на собранные в городе или провинции средства. После окончания сессии местный комитет продолжал действовать в течение нескольких ме-

сяцев для того, чтобы организовать публикацию принятых документов и их распространение⁴⁵.

Появление Конгресса на общественной и политической сцене страны не было каким-то внезапным или неожиданным явлением. Оно стало кульминацией длительного процесса эволюции политических и общественных идей, результатом социально-экономических и политических изменений в индийском обществе во второй половине XIX в., в том числе и в отношениях между индийцами, точнее, их наиболее продвинутой и просвещенной частью, и британской колониальной администрацией.

Индийский историк Р. Маджумдар считал, что Конгресс вначале задумывался англичанами не для того, чтобы обеспечить индийцам представительство во власти или обучить их парламентским формам правления, а чтобы «остановить движение к революционному взрыву». Реальная цель, преследуемая созданием Конгресса, состояла в том, чтобы предотвратить объединение индийской интеллигенции с массами, что могло бы привести к восстанию против британской колониальной власти⁴⁶. Другой историк, Бипан Чандра, напротив, исходил из того, что участники первой сессии Конгресса были патриотами высоких моральных достоинств и ни в коей мере не были ставленниками иностранного правительства⁴⁷.

В первые десятилетия своей деятельности Конгресс требовал проведения конституционных реформ в рамках существующего колониального режима. Руководители Конгресса добивались своего участия в управлении страной через уже созданные англичанами законодательные советы в провинциях Британской Индии. Особое внимание Конгресс уделял участию индийцев в гражданских службах. Он требовал одновременного проведения экзаменов в эти службы в Индии и Англии и повышения возрастного ценза для экзаменующихся индийцев, чтобы они находились в равном положении с англичанами.

Экономические требования Конгресса отражали прежде всего интересы образованного среднего класса, который составлял основу этой организации. К этим требованиям, например, относилось повышение необлагаемого минимума дохода. Растущее влияние землевладельцев в Конгрессе проявилось в том, что уже на первых своих сессиях он выдвинул такие требования, как предоставление постоянного права на землю крестьянам, смягчение закона о пользовании лесами, снижение налога на соль и т.п.

Религиозные, социальные и региональные вопросы, затрагивающие интересы различных религиозных общин и каст, намеренно исключались из обсуждения на заседаниях Конгресса, который с самого начала подчеркивал важность единства всех индийцев.

На первом этапе своего развития Конгресс был целиком и полностью лояльным по отношению к британскому правительству. Председательствовавший на первой сессии Конгресса Р.Ч. Боннерджи говорил о «благословенном британском правлении в Индии». Дадбахай Наороджи заявил: «Мы, подданные и дети Британии, имеем право наследовать великое блаженство свободы и представительства». Другой делегат, Субраманья Айер, вторил ему: «Счастливая рука Провидения распорядилась поставить Индию под управление великой Британии... Правление Великобритании по своим результатам и направленности было лучше, чем другое правление». Не случайно, что на заключительном заседании все делегаты единодушно, по предложению Юма, трижды провозгласили здравицу «Ее Величеству Императрице»⁴⁸. И вместе с тем даже весьма умеренная и гибкая позиция Конгресса уже тогда вызвала негативную реакцию в британском истеблишменте. Лондонская газета «The Times» без обиняков напомнила лидерам Конгресса, что Индия была завоевана силой и будет управляться силой: «Если нам пришлось бы уйти из Индии, то это произошло бы не из-за красивых речей и умелых перьев, а от сильной руки и острого меча»⁴⁹.

В течение первых лет своей деятельности Конгрессу удалось утвердить себя в обществе в качестве организации с программой, главная цель которой состояла в том, чтобы добиться своей доли участия в существовавшей системе колониального управления Индии. По существу, эти цели были весьма скромными – лидеры Конгресса выражали надежду, что британское правительство позволит индийцам создать некое самоуправление при помощи представительных институтов в рамках колониальной власти. Речи лидеров и резолюции Конгресса в этот период постоянно начинались с уверений в глубокой лояльности колониальной власти, преданности короне и с благодарностей за «многочисленные блага, которые Великобритания принесла Индии». Что касается требований, то они в своей основе сводились к попыткам добиться незначительных административных перемен, а не каких-либо радикальных политических или управленческих реформ. Но даже эти в высшей степени скромные пожелания оставались без внимания колониальных властей⁵⁰.

Те лидеры, которые стояли во главе Конгресса в первые годы, сами были продуктом западного либерализма. Они искренне верили в британское чувство справедливости и уважения демократии. Конгрессисты встречались всего один раз в год, обсуждали и принимали резолюции, посылали в правительство петиции и делегации. Но все это не приносило желаемых результатов.

Главные идеи первых лидеров Конгресса

Один из основателей Конгресса, представитель умеренного национализма, видный социальный реформатор Махадев Говинд Ранаде (1842–1901), по касте читпаван-брахман, был судьей, историком, экономистом и властителем дум передовой индийской интеллигенции того времени. В 1887 г. Ранаде предпринял первую попытку обобщить опыт различных религиозно-реформаторских организаций и общественных движений на общеиндийском уровне. Созданная тогда под его председательством Индийская национальная социальная конференция вовлекла в орбиту своей деятельности реформаторов из различных религиозных общин, правителей некоторых княжеств, а также индийцев – чиновников Индийской гражданской службы.

Ранаде подчеркивал важность интеграции низов общества путем очищения индуизма, нравственного оздоровления общины и культивирования милосердия и благотворительности среди них. В этом процессе главная роль отводилась «чистым» кастам, деятельность которых должна быть направлена на улучшение положения низов в индусской общине. Ранаде критиковал тех политиков, которые выступали против проведения социальных реформ и призывали сосредоточить усилия только на политической борьбе с британскими колониальными властями за самоуправление Индии⁵¹.

Сторонником радикальных реформ в социальной сфере был Гопал Кришна Гокхале (1866–1915). Он родился в Махараштре в семье читпаван-брахманов, был таким же либералом, как и его гуру Махадев Говинд Ранаде. В 19 лет Гокхале вступил в Деканское образовательное общество в Пуне, члены которого давали «обет бедности» сроком на 20 лет, чтобы целиком и полностью посвятить себя служению соотечественникам. В 33 года он был избран членом недавно образованного законодательного совета Бомбея, а через три года стал членом Имперского законодательного совета, где занимался вопросами экономики.

Гокхале утверждал, что реальное национальное развитие невозможно без радикальных социальных реформ. По его мнению, одна из главных причин упадка Индии состояла в кастовом неравенстве, в том, что неприкасаемые – огромная масса населения – пребывают в невежестве и нищете. Он верил в духовное начало в политике, считал, что для достижения праведных целей должны использоваться праведные средства. Он активно участвовал в работе упоминавшейся

Индийской национальной социальной конференции. Гокхале считал, что государство должно принять и осуществить прогрессивные социальные законы, чтобы изменить общественное устройство страны. Он видел политическое возрождение Индии в социальном подъеме народа, настойчиво выступал за улучшение положения низших каст, за устранение социальных барьеров и неравенства, а также за укрепление индусско-мусульманского единства.

Британское правление Гокхале рассматривал как «невидимую руку Провидения на благо Индии». Так же, как и другие умеренные либералы – Дадабхай Наороджи, М.Г. Ранаде, Сурендранатх Банерджи, – он верил в справедливость английских либералов. Индийские умеренные рассматривали их как своих союзников. Они постоянно вели поиск компромисса между индийским национализмом и британским империализмом.

Гокхале полагал, что политическое и экономическое развитие Индии должно происходить в рамках Британской империи при помощи, сотрудничестве и под руководством Британии. Империализм не рассматривался умеренными либералами как зло. Они были убеждены в том, что Индия может достичь своих политических целей только в «результате длительного обучения» принципам и практике представительного правительства. Гокхале придерживался мнения, что в индийской ситуации использование насилия было бы непродуктивным и даже самоубийственным. Как и другие умеренные, он придерживался идеи самоуправления Индии в форме доминиона.

Индийские умеренные с самого основания Конгресса возлагали особые надежды именно на английских либералов, а не на консерваторов. Многие из них полагали, что судьба Индии решится в Англии. В 1905 г. Дадабхай Наороджи писал: «Именно в (английском) парламенте мы должны вести нашу последнюю борьбу и сказать наше последнее слово...»⁵² Во время поездки в Англию в 1906 г. Гокхале ставил своей задачей убедить британских парламентариев в необходимости срочных реформ по управлению Индией. А по возвращении в Индию он в своем выступлении на сессии Конгресса в Калькутте в декабре 1906 г. выразил надежду на понимание англичанами проблем Индии. С таких же позиций выступал на этой сессии и Дадабхай Наороджи.

Другой умеренный лидер Конгресса Сурендранатх Банерджи в 1904 г. вопрошал: «Разве азиаты ниже европейцев?.. Разве мы являемся представителями более низкой расы, мы, которые держали высоко факел цивилизации, в то время когда вся Европа еще пребывала во власти суеверий?» Тогда же Наороджи говорил о том, что крестьяне России получили Думу от величайшего автократа в мире,

и утверждал, что индийцы больше соответствовали принципам самоуправления, чем российские крестьяне⁵³. Но даже умеренные не могли примириться с идеей Р. Киплинга о «бремени белого человека».

Довольно абстрактные идеи о переосмыслении исторического прошлого Индии на основе своеобразной мечты-утопии о всеохватывающей, гуманной религии и справедливом обществе, которые высказывали некоторые умеренные либералы, очень скоро были оттеснены новой, энергичной, наступательной идеологией. Ее сердцевиной стал лозунг политической мобилизации индусов на борьбу за освобождение Индии от колониализма при сохранении традиционных основ индусского общества.

Одним из лидеров этого направления в политике был Бал Гангадхар Тилак (1856–1920). Он происходил из обедневшей семьи читпаванбрахмана – учителя маратхской школы. Вместе с патриотически настроенными Гопал Ганеш Агаркарром и Вишнушастри Чиплункаром он стал издавать в 1881 г. газеты «Махратта» на английском языке и «Кесари» («Лев») на маратхи для более широкого круга читателей. В отличие от умеренных либералов, Тилак выступал против вестернизации, за возрождение религиозных традиций, за просвещение масс на основе индусской культуры. При этом особое внимание он уделял вовлечению масс в национальное движение, используя народные праздники, посвященные культу Ганapati (Ганеши – бога мудрости, или «владыки народа») и национальному герою Шиваджи Радже Бхосле (1627–1680), сыгравшему большую роль в борьбе против Могольской империи. Сочетание национализма и индуизма придало популярность патриотическому движению. Вместе с тем это вызвало определенную неприязнь мусульман.

Опираясь на главную мысль Дайянанды о равенстве варн в ведах, Тилак в газете «Махратта» (15.09.1907) так высказал свое отношение к критикам индусского социального строя: «Сама идея о высших и низших кастах чужда индусской религии... Имеющая широкое хождение идея социального неравенства исключительно вредна. Такая идея настраивает один класс против другого. Эта дезинтеграция приведет нас к полному краху, если перед ней не поставит заслон»⁵⁴. Тилак начал свою политическую карьеру как умеренный. Он говорил, что не желает ослабления британского правительства. «Наоборот, мы хотим укрепить его, чтобы сделать неуязвимым для любых атак, будь-то России или еще какого-либо другого врага». Но в конце 1890-х годов он изменил свое мнение. В январе 1897 г. он писал в «Kesari»: «Последние двенадцать лет мы кричали до хрипоты, чтобы правительство услышало нас. Но наши крики были для правительства не более чем писк комара... Теперь давайте заставим правительство прислушаться к нашим требованиям при помощи сильных конституционных средств».

Тилак считал, что термины «умеренные» и «экстремисты» связаны с конкретным периодом борьбы за национальное освобождение. Экстремисты сегодняшнего дня, говорил он, будут умеренными завтра, так же как нынешние умеренные были экстремистами вчера. В качестве примера он приводил Дадабхаи Наороджи, которого считали экстремистом за его публичную критику британского правления. «Мы – экстремисты сегодня, и наши сыновья будут называть себя экстремистами, а нас – умеренными»⁵⁵.

Программа из четырех пунктов в рамках конституционной борьбы, которую пропагандировал Тилак, включала: сварадж (свое правление, самоуправление), свадеши (производство отечественных товаров), образование на национальных языках и бойкот иностранных товаров. За политические права, говорил он, нужно бороться. Тилак высмеивал умеренных, говоря, что их политика «попрошайничества» и умиротворения британских властей не даст нужных результатов. Если бы вооруженное восстание имело 50% на успех, говорил Тилак, то он прибег бы к нему. Однако такого шанса не было. Отсюда его требование бойкота иностранных товаров. Он писал: «Поскольку мы не можем начать войну как буры в Южной Африке, лучшее, что мы можем сделать, – это отказаться от покупки британских товаров»⁵⁶.

Английские конституционные методы, полагал Тилак, неприменимы к условиям его страны, где нет демократической конституции, которая наделяла бы индийцев властью. «Конгрессистская агитация на основе так называемых конституционных методов является пустой тратой времени», – писал он⁵⁷.

Тилак был известен своим радикализмом в политике и консерватизмом в социальной сфере. Он не верил, что в борьбе за независимость страны индийцы могут рассчитывать на поддержку какой-либо политической партии Великобритании, и призывал не полагаться на «такие мифы, как английская справедливость или английская милость». Стремясь сплотить индусов в борьбе за *сварадж* (самоуправление), Тилак вообще не хотел слышать о каких-либо религиозных или социальных реформах. Он прямо или косвенно оправдывал брахманскую ортодоксию, что встречало благосклонный отклик среди элиты высших и средних каст⁵⁸.

Националисты (экстремисты) и умеренные

Умеренные, или либералы конца XIX – начала XX в., такие как Дадабхай Наороджи, Ферозшах Мехта, Гопал Кришна Гокхале, Сурендранатх Банерджи, приветствовали внедрение западной культуры

и образования в Индии. Они старались «не смешивать» религию с политикой.

В отличие от них «Арья самадж» и многие другие религиозно-реформаторские движения и возникшие на их почве политические группы (включая школы террористов-мистиков в Бенгалии) считали необходимым ограничивать европейское культурное влияние в Индии. Такие лидеры, как Тилак, Бепин Чандра Пал, Лала Ладжпат Рай, Ауробиндо Гхош придавали своему патриотизму религиозную окраску, поощряли возрождение исконных индусских традиций в духе религиозного патриотизма. Они получили название «экстремистов». (Оно закрепилось в индийской литературе на английском языке; на хинди их называли *гарам* – букв. горячие, в отличие от умеренных – *нарам* – мягкие.) Экстремисты обвиняли умеренных в том, что те судили о своих согражданах, исходя из западных культурных традиций викторианской эпохи. Бепин Чандра Пал (1858–1932), в частности, писал, что умеренные постоянно осуждали свою собственную страну, ее культуру и пытались исправить и «улучшить» их в соответствии с чуждыми идеалами. Экстремисты старались внушить индийцам чувство гордости за свою культуру и традиции, и тем самым расширить рамки национального движения. Как пишет историк Санкар Гхош, это им частично удалось, используя «динамит религии». Естественным образом национализм (или патриотизм) стал ассоциироваться с индуизмом. Это была реакция на «избыточную» вестернизацию части образованных индийцев, на презрительное отношение некоторых английских идеологов и политиков к индийцам, которые не признавали каких-либо достижений Индии в сфере культуры и науки⁵⁹.

«Возрожденцы» и воинственные индийские националисты обращались не только к высоким образцам духовной культуры Индии. Они пропагандировали и воинские подвиги индийских вождей и героев. Так, Тилак стал одним из тех, кто фактически создал культ Шиваджи, основателя маратхского государства в Южной Индии. Принадлежавшие к этому направлению экстремистские лидеры критически оценивали и историю англо-индийских отношений. Один из них – Винаяк Дамодар Саваркар (1883–1966) был первым, кто не согласился с английской оценкой событий 1857–1859 гг., которые англичане называли (и многие до сих пор называют) «Сипайским мятежом» (мятежом наемных индийских солдат английской колониальной армии). Своей книге, написанной в 1908 г. и посвященной этим событиям, Саваркар дал название «India's First War of Independence» («Первая война за независимость Индии»). Некоторые националисты-патриоты считали, что эта война за независимость

была не только против британского политического господства, но и против всего сложившегося колониального порядка. «Это был не просто военный бунт: мятеж быстро распространился и принял характер народного восстания и войны за независимость Индии», — писал позже Джавахарлал Неру⁶⁰.

Широкое распространение западных идей, в том числе деятельность христианских миссионеров в Индии, привели к тому, что индуизм стал принимать новые формы. Как подчеркивал историк Санкар Гхош, это было «диссидентским движением, своеобразным протестантизмом против протестантов, протестом против англоизированных индийцев (или черных англичан), которые в припадке западного энтузиазма отвергали всю славу индийского прошлого», и еще довольно долго образованные индийцы выступали в роли интеллектуальных имитаторов Запада⁶¹.

Возврат к индуизму в его реформированном виде придал индийцам уверенности и силы. Патриотизм теперь стал ассоциироваться с их прошлым и традициями, а нередко и с враждебностью ко всему английскому. Индийские культурные националисты и возрожденцы считали, что западная цивилизация страдала от этического дуализма: она санкционировала одну модель для западных стран и другую модель для колоний. В стремлении противопоставить себя западным идеалам возрожденцы обращались к «Бхагавад-гите», в которой говорилось, что лучше голодать, чем принять чужую веру. Экстремисты стали выражать серьезное недовольство «политикой попрошайничества», бесконечных петиций и бесчисленных разговоров о «благословенном британском правлении». Они особо указывали на британскую экономическую эксплуатацию Индии и подчеркивали необходимость улучшения положения всего населения, а не только тех групп, представители которых входили в Конгресс. Принципиальным вопросом, который вызывал разногласия в Конгрессе, было проведение социальных реформ, связанных главным образом с изменением приниженного положения девочки и женщины в семье и обществе. Многие лидеры Конгресса, включая Тилака, считали, что выдвижение требований о принятии законодательных мер по этим вопросам ослабит их позиции по политическим и экономическим проблемам.

Первое десятилетие XX в. стало периодом активной политической трансформации Конгресса. К этому времени вполне определенно выявилось, что британские власти были готовы пойти лишь на незначительные конституционные реформы, но отказывались сделать что-то значительное, чтобы облегчить положение индийского народа. Поэтому преобладавшие в Конгрессе умеренные либералы

стали терять в нем свои позиции. Некоторые из них, как, например, Гокхале, пытались придать некий динамизм требованиям умеренных, но все это не было принципиальным изменением позиций Конгресса, а, по существу, было лишь повтором прежних идей. Выступая в качестве президента на сессии Конгресса в Бенаресе в 1905 г., Гокхале заявил: «Цель Конгресса состоит в том, чтобы Индия управлялась в интересах самих индийцев. И с течением времени в этой стране должна быть создана форма правления, подобная той, что существует в самоуправляемых колониях Британской империи». Далее он развил эту мысль следующим образом: «К лучшему или худшему, но наша судьба ныне связана с судьбой Англии, и Конгресс признает, что любое продвижение вперед, которого мы добиваемся, должно быть в рамках самой империи»⁶².

Но и такого рода заявления не производили должного впечатления на британские власти. Так, консерватор Джордж Керзон, ставший вице-королем и генерал-губернатором Индии в 1899 г., объявил себя «символом имперской миссии Англии», чтобы «править менее развитыми народами, живущими без закона». А что касается Конгресса, то он с удовлетворением отмечал: «По моему убеждению, Конгресс ковыляет по пути к своему падению, и одной из моих великих амбиций пока я буду находиться в Индии, – помочь ему мирно умереть»⁶³.

Но Конгресс не собирался умирать. Обстановка в стране подталкивала его к более решительным действиям. Конгресс не мог пройти мимо того, что с 1876 г. по 1900 г. страна пережила 18 голодных лет. Конгресс стал выступать против повышения налогов, в том числе акцизов на производство хлопчатобумажных изделий, которые вели к разорению местной промышленности в пользу английской. Это, а также британская монополия на экспорт важнейших сельскохозяйственных продуктов – чая, индиго, джута и других товаров – требовали решительного пересмотра всей экономической политики. Президент Конгресса в 1893 г. Дадабхай Наороджи объявил нищету индийского народа «вопросом всех вопросов». В 1901 г. Конгресс обратил внимание колониальной администрации на «плачевное положение беднейших классов в Индии, сорок миллионов которых, по официальным данным, влечат жалкое существование на грани голода, даже в урожайные годы»⁶⁴. Конгресс призывал исправить ситуацию и предлагал принять соответствующие меры как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, направленные на то, чтобы остановить утечку богатств из страны.

В течение почти 20 лет (1885–1905) на заседаниях Конгресса доминировали умеренные. «Они принадлежали к классу, который был индийским по крови и цвету кожи, но британским по вкусам,

взглядам, морали и интеллекту. Они поддерживали британские институты. Они верили в то, что Индия нуждается в сбалансированном и четком представлении ее нужд англичанам и их парламенту. Они верили в британское чувство справедливости и честной игры»⁶⁵.

Умеренные верили также в порядок и прогресс, в конституционные меры в рамках существующих законов. Они верили в терпение, настойчивость, переговоры и компромисс. Целью умеренных в этот период было продвижение индийцев на высокие государственные посты и создание представительных институтов. Вместе с тем умеренные поднимали и социально-экономические вопросы. Они организовали движение против предполагавшейся отмены таможенных тарифов на импорт иностранных товаров, настаивали на предоставлении дешевых государственных кредитов крестьянам, на расширении системы ирригации, на улучшении условий труда плантационных рабочих. Умеренные в Конгрессе также обвиняли правительство в растущей нищете и отсталости населения.

Но особенно настойчиво умеренные боролись против ограничений, вводимых колониальными властями в отношении свободы печати. Это было, в частности, связано с арестом Тилака в 1897 г. и осуждением его на 18 месяцев тюрьмы за высказывания против правительства, хотя Тилак не принадлежал к лагерю либералов. Умеренные активно выступили за его освобождение.

Главная слабость умеренных состояла в их узкой социальной базе. Их резолюции, петиции, обращения к британским властям оставались неизвестными большинству населения. Их влияние было ограничено лишь частью городского населения. А поскольку умеренные не пользовались массовой поддержкой, они заявляли, что время еще «не пришло», для того чтобы бросить вызов иностранным правителям. Вот что говорил в этой связи Гокхале: «Вы не представляете огромных резервов британской власти. Если Конгресс сделал бы что-то из того, что вы предлагаете, правительство без труда придушило бы это в течение пяти минут»⁶⁶.

И, тем не менее, умеренные выступали в защиту национальных интересов против колониальной эксплуатации. Они стремились реформировать существовавшую систему управления путем мирных, постепенных конституционных мер. Однако влияние умеренных в Конгрессе стало снижаться по мере ужесточения британской колониальной политики в начале XX в., что особенно ярко проявилось в разделе Бенгалии в 1905 г. Одновременно в Конгрессе стали набирать силу националисты-патриоты (экстремисты) во главе с Тилаком. Они выступили с призывом бойкотировать английские товары в знак протеста против раздела Бенгалии в 1905 г.

Теософское общество

Немалое влияние на деятельность Конгресса, особенно в первый период его деятельности, оказало Теософское общество, основанное в 1875 г. в Нью-Йорке Еленой Петровной Блаватской (1831–1893) и американцем Г.С. Олкоттом. Это общество способствовало развитию культурного национализма в Индии. Одним из наиболее ярких проводников теософского учения в Индии была ирландка Энни Безант (1847–1933), которая прибыла в эту страну в 1893 г. для работы в Теософском обществе. В общественной работе она использовала свой опыт борьбы за независимость Ирландии. Безант была избрана президентом Общества в 1907 г. и находилась на этом посту вплоть до ее смерти в Индии. Главным итогом влияния Теософского общества было пробуждение в европейски образованных индийцах воли к активному действию сообразно с ценностями свободы и прогресса. Большинство организаторов Конгресса были теософами, в том числе и А.О. Юм. Ежегодные собрания Теософского общества натолкнули их на идею проведения ежегодных сессий Конгресса с политической программой. Это общество было одной из первых западных организаций, которая активно действовала и открыто выражала оппозицию английскому колониальному режиму⁶⁷.

В 1914 г. Безант вступила в Индийский национальный конгресс, активно защищала права женщин, бедных и социально угнетенных. В 1917 г. она была избрана президентом Конгресса. Главным направлением ее деятельности стала пропаганда традиционного индуизма. При этом она выступала в защиту индуизма от нападок христианских миссионеров и против критики индуизма со стороны некоторых индусских религиозных реформаторов. Те, в свою очередь, критиковали Безант. Их журнал «Indian Social Reformer» писал: «Мы не принимаем притязаний на духовное превосходство, которые выдвигаются [Безант] от имени Индии ...Мы считаем, что упадок Индии произошел по разным причинам, главной из которых была чрезмерное увлечение духовностью»⁶⁸.

Однако постепенно Безант сама стала выступать за реформу индуизма. Еще в 1904 г. она заявила о необходимости очищения индуизма, «поскольку без этого у Индии нет будущего». Под «очищенным» индуизмом она понимала «просвещенный, интеллектуальный индуизм, полный силы и энергии», говорила о необходимости отменить кастовую систему. Безант оказала значительное влияние на М.К. Ганди (тогда еще студента в Лондоне) и на совсем юного Джавахарлала Неру⁶⁹.

Глава 3

СВАДЕШИ – ПООЩРЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ИНДИЙСКИХ ТОВАРОВ

В начале XX в., когда в Индии начал развиваться местный капитализм, остро нуждавшийся в помощи со стороны государства и не получавший ее, в отдельных областях страны начались выступления в поддержку товаров собственного производства (свадешы) и бойкота британских товаров. Именно они со временем переросли в движение против британской власти. Самым заметным толчком для развертывания движения свадешы стали события в Бенгалии, начавшиеся после того, как вице-король Индии Керзон объявил 3 декабря 1903 г. о плане раздела Бенгальской провинции на несколько административных единиц. В нее входили вся Бенгалия (включая нынешний штат Западная Бенгалия и Бангладеш), Бихар и Орисса с общим населением 78,5 млн. человек – более четверти всей Индии. Столицей Бенгальской провинции, как и всей Британской Индии, была Калькутта. Керзон утверждал, что огромные размеры провинции затрудняли ее управление. План этого раздела обсуждался еще в 1860-е годы с целью «более эффективного контроля и управления» Британской Индией.

Буквально через несколько дней после объявления о разделе Бенгалии, на сессии Конгресса в Мадрасе (декабрь 1903 г.), была принята резолюция, в которой выражалась глубокая озабоченность такими планами. Они вызывали также оппозицию со стороны многих бенгальских помещиков-заминдаров, которые опасались, что раздел мог послужить началом пересмотра постоянных ставок земельного налога, взимаемого с них. Эти планы Керзона задевали интересы и состоятельных банкиров-ростовщиков, главные конторы которых были расположены в Калькутте, а большая часть их ростовщических операций была связана с административным округом Дакка в Восточной Бенгалии. Определенную озабоченность высказывала и часть бенгальской интеллигенции, особенно те, кто были связаны с судопроизводством. Создание новой провинции привело бы к сокращению деятельности Калькуттского высшего суда, к созданию нового земельно-налогового совета. Сфера деятельности калькуттских адвокатов неминуемо должна была сократиться⁷⁰.

Раздел Бенгалии на две части (одну – преимущественно инду-скую и другую – преимущественно мусульманскую) вызвал бурю не-годования среди индийцев. Глубинный смысл раздела состоял в том, чтобы остановить растущее влияние национального движения против колониализма. 16 октября 1905 г. раздел Бенгалии стал свершившимся фактом. Керзон объявил о разделе единой Бенгалии и образовании новой провинции, включающей Восточную Бенгалию и Ассам.

По плану Керзона этот раздел должен был подорвать единство не только бенгальского, но и всего индийского народа, поднимавше-гося на борьбу против колонизаторов. Вот что писал об этом сам Керзон: «...одной из главных целей этого плана... является раскол, а поэтому и ослабление сплоченных усилий противников нашего правления». В другом документе он без обиняков подчеркнул: «Бенгальцы, которым нравится думать о себе как о нации и которые мечтают о том будущем, когда англичане будут выброшены из Ин-дии, а бенгальские бабу усядутся в Доме правительства в Калькутте, конечно, будут гневно возмущаться любыми действиями, стоящими на пути реализации их мечты. Если мы настолько слабы, что отсту-пим перед их недовольством сегодня, то завтра мы не сможем снова разделить или ослабить Бенгалию. В результате мы будем цементи-ровать и укреплять на восточном фланге Индии уже сейчас грозную силу, которая обязательно станет источником наших растущих бед в будущем». Таким образом, выдвигая план раздела Бенгалии, ан-глийские колонизаторы ставили перед собой и более широкую задачу – ослабить сопротивление своему господству не только в этой провин-ции, но и во всей Индии. «Представьте себе, какие будут вопли», – писал тот же Керзон губернатору Мадрасского президентства Эмпт-хиллу после того, как план раздела Бенгалии был санкционирован английским правительством. На это мадрасский губернатор отвечал, что да, конечно, «вопли будут ужасными», но «они не продлятся долго и не приведут к какому-либо настоящему нарушению порядка»⁷¹.

В декабре 1903 г. в Бенгалии начались массовые выступления против ее раздела. До октября 1905 г. состоялось более 2000 таких митингов и собраний, в которых участвовали не только индусы, но и мусульмане. Индийская пресса в Бенгалии и других провинциях страны осуждала планы раздела. В адрес колониальных властей на-правлялись многочисленные петиции, подписанные тысячами ин-дийцев с требованием отозвать это решение. После того как все эти меры не дали результата, 7 августа 1905 г. на многотысячных митин-гах в Калькутте было объявлено о начале движения свадеша и бой-кота английских товаров, которое будет продолжаться до тех пор, пока решение о разделе Бенгалии не будет отменено. Одновременно

раздавались призывы использовать только местные (свадешы) товары, вне зависимости от их качества. Именно в это время возникла популярная песня, в которой были такие слова: «О брат! Прими грубую домотканую одежду, которую дает тебе Родина-Мать».

К середине 1907 г. стало ясно, что бойкот наносит значительный ущерб торговле английскими товарами. Так, с 1904 г. по 1908 г. импорт хлопчатобумажных товаров в Индию снизился более чем на 25%, соли – на 11, сигарет – на 55, обуви – на 68% (последнее только за год с августа 1905 г. по сентябрь 1906 г.). Некоторые торговцы поменяли торговые марки британских товаров на «сделано в Германии», чтобы как-то оживить их импорт. В то же время текстильные фабрики в Бомбее, Ахмадабаде, Нагпуре и других городах увеличили производство отечественных тканей. Движение свадешы придало импульс промышленному развитию Индии, внесло вклад в развитие местной промышленности, особенно текстильной, а также в возрождение домашнего прядения и ткачества. Оно было широко поддержано женщинами, которые таким образом вовлекались в национально-освободительное движение. Однако в целом движение свадешы не смогло серьезно повлиять на британский бизнес в решающих секторах бенгальской экономики⁷².

Идеологическую основу движения свадешы составили патриотические книги, статьи и выступления предшественника радикального национализма Банкимчандра Чаттерджи (Банкимчондро Чоттопадхай) (1838–1894). Он критиковал западную цивилизацию и колониальное угнетение. «Сильное общество, – писал он, – живет за счет ограбления слабого общества. Я не имею в виду варварское общество, так поступает цивилизованная Европа»⁷³. Политическое освобождение Индии, считал Банкимчандра, немислимо без ее духовного возрождения. Он идеализировал Индию, обращался к ней как к Матери. В 1872 г. Банкимчандра написал на санскрите два куплета стихотворения «Ванде Матарам» («Привет тебе, Родина-Мать»). Это был прекрасный гимн, воспевавший красоту и природные богатства Индии. В 1881 г. он включил это стихотворение в свой роман «Анандаматх» («Обитель радости»), но придал образу Родины воинственный религиозный символизм. Появился новый облик страны, грозно протестующей «голосом семидесяти миллионов», подобно богине Дурге⁷⁴. Для Банкимчандры Родина – это, прежде всего, простые люди – крестьяне. «Они-то и есть Родина, – писал он в статье «Бенгальский крестьянин» (1873 г.). Огромное большинство ее народа – крестьяне. Что можем сделать ты и я? А если все они возьмутся за дело, посмотрим тогда, кто где окажется и что тогда будет? Если нет блага для них, не может быть никакого блага для Родины»⁷⁵.

За несколько лет до начала движения свадеша Вивекананда призывал индийцев к активным действиям во имя родины. Он обращался к молодежи: «Отбросьте заблуждения, что вы покорные овцы», «мне нужна только сила». «В последующие 50 лет, – писал он в 1897 г., – единственной нашей заботой должна быть великая Мать – Индия. Пусть все другие тщеславные боги на время исчезнут из наших душ. Единственный бог, который бодрствует, – это наш народ. Повсюду его руки, повсюду его ноги, повсюду его глаза. Он вездесущ». И далее: «Свобода – первое условие развития»⁷⁶.

В Бенгалии большая группа влиятельных деятелей культуры, образования и индийского бизнеса выступила с идеей «конструктивного» свадеша, означавшего самоорганизацию и собственные усилия в создании отечественной промышленности, национальных школ, улучшение жизни в деревне. Ведущую роль среди них играл Рабиндранат Тагор (1861–1941). В своих ранних произведениях он писал, что культурное влияние Запада принижало значение индийских традиций и обычаев. В Европе все хотели быть великими людьми, но лишь очень небольшое число могло реализовать свои устремления. Он полагал, что древний индийский идеал, в соответствии с которым больше ценилось удовлетворение жизнью, чем стремление к лучшей доле, превосходит духовные ценности европейцев. В своем выступлении на сессии Конгресса в Калькутте в 1906 г. Р. Тагор подчеркнул, что «бенгальцы считают себя бенгальцами не из-за географических границ, а потому что они связаны бенгальским языком и литературой. Мы должны помнить, – продолжал он, – что великая мантра⁷⁷ “Ванде Матарам” является даром бенгальской литературы». Впервые Тагор написал музыку на слова Банкимчандры и исполнил «Ванде Матарам» на сессии Конгресса в 1896 г. в Калькутте. А с 1905 г. эта песня и лозунг «Ванде Матарам» стали частью освободительного движения⁷⁸. Тагор внес свой вклад в движение свадеша, написав множество патриотических песен. Примеру Тагора последовали другие поэты. В результате только в 1905–1908 гг. было издано девять поэтических сборников таких песен.

Тагор призывал народ отбросить «старую политику бесплодного ублажения иностранных правителей и пустозвонства на иностранном языке», а вместо этого заняться реальными делами, имеющими отношение к жизни народа. Он выступил за возрождение индусской общины в деревне. К апрелю 1907 г. около одной тысячи деревенских комитетов (*самити*) откликнулись на его призыв⁷⁹.

В 1905–1908 гг. возникло огромное число различных обществ и организаций, которые выступили в поддержку движения свадеша. Среди них были Анушилан самити (Общество развития культуры и

физической подготовки)⁸⁰, Джугантар (Новая эра), Общество «Заря», Общество «Ванде Матарам» («Привет тебе, Родина-Мать») и многие другие. Их деятельность способствовала культурному возрождению в Бенгалии, своеобразным призывом которого стали слова «Ванде Матарам».

В эти же годы появился ряд печатных изданий, которые призывали к борьбе за независимость. В апреле 1906 г. Б.К. Гхош и Бупендранатх Датта (брат Вивекананды) стали издавать еженедельник «Джугантар». Появились журналы Бепин Чандра Пала «Новая Индия», Ауробиндо Гхоша «Ванде Матарам», Брахмабхандаба Упадхья «Сандхья» («Вечерняя молитва»). Все они выступали с лозунгами борьбы за сварадж, призывали к бойкоту иностранных товаров и поддерживали движение свадеши.

Между тем бойкот английских товаров принимал самые разные формы. Так, сапожники г. Майменсингха отказались чинить английскую обувь, прачки Калькутты перестали стирать иностранную одежду и ткани, жрецы не стали проводить свадебные церемонии, участники которых носили иностранную одежду. Ортодоксальные брахманы-пандиты заявили, что использование импортного сахара и соли противоречит индуизму, и т.п. Бойкоту подверглись товары английского производства.

Движение свадеши дало толчок местному производству товаров, которые до этого ввозились из Англии, таких как сахар, спички, обувь, изделия из металла. Заметным событием было создание в 1907 г. в Бенгалии без какой-либо помощи английских властей Tata Iron and Steel Company (она резко увеличила производство стали во время Первой мировой войны и ее сталелитейный завод стал крупнейшим в Британской империи в годы Второй мировой войны). Годом раньше были открыты индийские хлопчатобумажные фабрики Bangla Lakshmi Cotton Mills, предприятия по производству кожаных изделий, фарфора, мыла, сигарет и спичек. Инвестиции на эти цели поступали от нескольких крупных землевладельцев и профессиональной интеллигенции. И тем не менее развитие производств ограничивалось нехваткой капиталовложений, так как крупный индийский бизнес предпочитал выступать в роли торговцев иностранными товарами, а не инвестировать в промышленность.

Движение свадеши в Бенгалии возникло как часть сложных процессов, уходящих корнями в социально-экономическую структуру общества, его культурные и религиозные традиции. Появление движения свадеши, вызванное разделом Бенгалии обнажило непримиримый конфликт между Британией и Индией, который в конечном итоге был разрешен завоеванием Индией независимости. Но тогда,

в начале XX в., этот конфликт не вылился в массовое движение. Разрыв между бенгальской элитой, возглавившей движение свадеши, и массами народа был огромным. Фактически движение было изолировано от масс. Более того, не было предпринято сколько-нибудь серьезных попыток преодолеть эту изоляцию.

Невнимание и даже безразличие бенгальской интеллигенции к проблемам крестьянства было результатом как экономических и хозяйственных отношений между верхами и низами общества, так и глубокой и давней традиции «презрительного или снисходительного» отношения бхадралоков (людей умственного труда) к людям физического труда. Эта разделительная линия нередко совпадала с разделением общества на индусов и мусульман (соответственно помещиков-индусов и сельскохозяйственных рабочих или арендаторов – мусульман). Пассивность крестьянства, а тем более его низших слоев, включая мусульман, серьезно ограничивала возможности движения свадеши, препятствовала обретению им массового характера и его отходу от индивидуального террора.

Деятельность революционных групп в Бенгалии

Неотъемлемой частью движения свадеши была деятельность революционных и террористических групп. Первые такие группы, в том числе Анушилан самити, возникли в дистрикте Миднапур и Калькутте под руководством Прамотха Миттера, Джатиндранатха Банерджи и Бариндра Кумара Гхоша (брата Ауробиндо Гхоша). Их деятельность сначала была ограничена духовной и физической подготовкой членов общества. Однако в 1906 г. было предпринято несколько неудавшихся попыток убить лейтенанта-губернатора Восточной Бенгалии Фуллера, прославившегося своей жестокостью. Журнал «Сандхья» 21 ноября 1906 г. предлагал такой способ отказа от сотрудничества с властью: «Если чоукидар (охранник), констебль, депутат, судья, клерк, не говоря уже о солдате, – все уйдут со своих постов, иностранному правлению в стране наступит конец в тот же миг».

В серии статей в «Ванде Матарам» в апреле 1907 г., которые позже были опубликованы под названием «Доктрина пассивного сопротивления», Ауробиндо Гхош высмеивал идею «мирных ашрамов, свадешизма и самопомощи» как совершенно неадекватную. Ауробиндо выдвинул программу «организованного и неустанный бойкота» как английских товаров, так и официального англоязычного образования, британского судопроизводства и исполнительной власти. Он выступал за развитие отечественного производства, нацио-

нальных школ и судов, призывал к гражданскому неповиновению и даже вооруженной борьбе, в случае если британские власти прибегнут к чрезмерным репрессиям.

Ауробиндо Гхош (1872–1950) – выдающийся мыслитель, общественный деятель, поэт и мистик – был одним из наиболее известных экстремистских лидеров начала XX в. Характерно, что, как и многие другие индийские общественные и политические деятели того времени, он получил сугубо западное образование. С пяти лет Ауробиндо учился в христианской миссионерской школе в Индии, через два года его отправили для продолжения учебы в Англию. Закончив Кембриджский университет, Ауробиндо вернулся в Индию в 1893 г., служил в администрации гаеквара (правитель) княжества Барода и преподавал в колледже. Однако после начала движения против раздела Бенгалии в 1905 г. он оставил эту работу и полностью посвятил себя агитационной деятельности, направленной против раздела провинции. Как глубоко религиозный человек Ауробиндо Гхош стремился соединить религию с политикой. Он выступал с позиций религиозного национализма не только против политического господства Великобритании, но и против вестернизации Индии.

Для Ауробиндо сварадж означал полную независимость от британского правления. «Наш идеал, – говорил он, – это сварадж, или абсолютная автономия, свободная от иностранного контроля». Он определял национализм не просто как политическую программу, а как «ниспосланную богом» религию, которая должна содействовать пробуждению национального самосознания. Национализм черпает поддержку в «божественной силе» и поэтому его невозможно победить, писал он. «Национализм бессмертен и не может умереть. Так же, как нельзя убить Бога и посадить его в тюрьму»⁸¹. Религиозный национализм Ауробиндо Гхоша проявлялся в его программе, которая ставила главной и первостепенной целью достижение политической свободы. Проведение социальных реформ, развитие образования, промышленности и т.п. он считал вторичными и ненужными в борьбе за политическую власть⁸². Ауробиндо Гхош критиковал умеренных либералов за их веру в действенность «переговоров и петиций». Он считал, что Индия может добиться независимости при помощи пассивного сопротивления, но не придерживался методов ненасилия. Более того, он верил, что нация имеет право добиваться свободы, используя насилие, если не остается другой возможности. Ауробиндо поддерживал идею религиозной войны (dharma yuddha)⁸³.

Деятельность Ауробиндо Гхоша оказала огромное воздействие на его современников самой разной политической ориентации – от М.К. Ганди до революционных националистов и террористов. Его

брат Бариндра Гхош, руководивший группой революционеров-террористов в Бенгалии во время движения свадеша, в 1959 г. передал биографу Ауробиндо Каран Сингху записку, в которой отмечал следующее. Ауробиндо «не только предпринимал организованные усилия для конституционной борьбы с целью добиться свараджа путем свадеша, бойкота иностранных товаров, пассивного сопротивления, включающего в случае необходимости неуплату налогов, но и основывал тайные общества по всей Бенгалии, чтобы насильственно свергнуть империалистическую власть путем вооруженного сопротивления и убийства британских офицеров и судей»⁸⁴. Однако эта информация не была известна в 1907 г., когда Ауробиндо был арестован по делу о взрыве бомбы в Алипуре. Поэтому позже он был оправдан английским судьей Бичкрофтом, который по стечению обстоятельств был однокурсником Ауробиндо в Кембридже. После освобождения из тюрьмы Ауробиндо отошел от политики и в 1910 г. покинул свою семью и Бенгалию и поселился в Пондишери, на территории, управлявшейся Францией. Там он прожил около 40 лет в медитациях и духовных исканиях. Издавал ежемесячник, в котором публиковал свои философские труды. За эти годы он написал десятки книг, в которых пытался создать общечеловеческую религиозно-философскую систему, примиряющую Запад и Восток. Это ставит Ауробиндо Гхоша в один ряд с наиболее значительными философами нашего времени⁸⁵.

В 1908 г. с участием одного из самых известных революционных деятелей Хемчандра Канунго, который обучался подрывной работе в Париже (по некоторым данным, у одного русского эмигранта), в пригороде Калькутты Маниктола была создана религиозная школа и предприятие по изготовлению бомб. 30 апреля 1908 г. после убийства Кхудирамом Босом и Прафуллой Чаки англичан – супругов Кеннеди – по ошибке вместо магистрата Кингфорда вся группа, включая Ауробиндо Гхоша, была арестована. По данным полиции, во время обыска в домах членов этой группы была обнаружена «хорошо оборудованная фабрика по производству бомб», разнообразное оружие и «анархистская литература». По признанию Б.К. Гхоша, все это «предназначалось для вице-короля и главнокомандующего армией». Также отмечалось, что французская полиция предупреждала о существовании бенгальского террористического центра в Париже⁸⁶.

В августе 1908 г. еженедельник «Джугантар» писал: «А сколько всего английских чиновников в каждом дистрикте? При твердой решимости ты можешь покончить с британским правительством в один день... Если мы будем сидеть без дела и не восстанем до тех пор пока все население не будет доведено до отчаяния, то останемся без-

дельниками до конца времен... О патриоты! Разве можно пробудить страну без крови?»⁸⁷. В то же время в Восточной Бенгалии была создана группа Дакка Анушилан самити во главе с Пулин Дасом. Все эти организации осуществляли разные подрывные действия, включая нападения с целью получения средств на проведение «революционных акций» и убийства английских чиновников – угнетателей, а также предателей из числа индийцев.

У индивидуального элитарного терроризма не было тесных связей с массами. Социальная ограниченность бенгальских революционных террористов подтверждается и официальными данными о том, что из 185 казненных или осужденных террористов в 1918 г. не менее 165 принадлежали к трем самым высоким кастам – брахманам, каястха и вайдья⁸⁸. Тем не менее, индивидуальный террор оказал немалое воздействие на развитие национально-освободительной борьбы. Революционеры, по существу, провозглашали лозунг полной независимости, к которому Конгресс пришел лишь в 1929 г. Самопожертвование революционеров вызвало огромное восхищение образованной молодежи. Даже десятилетия спустя их имена прославлялись в песнях и печати.

В деятельности бенгальских революционеров, кроме различий в целях и методах их достижений, существовали противоречия между современными подходами, определявшимися политической ситуацией, и традиционными взглядами, связанными с возрождением индуизма. В целом движение свадеши было попыткой соединить политику с религиозным возрождением как главным инструментом для связей с массами. Религиозным содержанием были насыщены программы национального образования. На страницах «Ванде Матарам», «Сандхья» и «Джугантар» радикальные политические лозунги были часто пронизаны агрессивным индуизмом.

Однако среди сторонников свадеши были и такие группы, объединившиеся вокруг журналов «Sanjivai» и «Prabasi», которые выступали с критикой религиозного фундаментализма и обскурантизма и прямо заявляли, что «патриотизм, который идеализирует наше прошлое, не ведет к совершенствованию и отрицает необходимость дальнейшего прогресса, является тяжелой болезнью». Даже известные террористы, такие как Хемчандра Канунго, осуждали «избыточность» религиозности в движении свадеши. Весьма знаменательно, что и Р. Тагор, в течение нескольких лет находившийся под влиянием индусского возрожденчества, порвал с ним в 1907 г. после серии индусско-мусульманских общинных столкновений. Это нашло выражение в двух его романах – «Гора» (1907–1909 гг.) и «Дом и мир» (1914 г.).

Расширение географии свадеша и экстремизма

На раздел Бенгалии остро реагировали образованные индийцы по всей Индии. Однако эта реакция была разной в зависимости от многих факторов, в том числе региональных.

В Соединенных провинциях Агры и Ауда⁸⁹, где такие умеренные конгрессисты, как Мотилал Неру (1861–1931) и Мадан Мохан Малавия (1861–1946), выступали за сотрудничество с провинциальным правительством, экстремизм не получил широкого распространения. Поездка Тилака по Соединенным провинциям в январе 1907 г. с призывом поддержать движение свадеша вызвала отклик среди студенческой молодежи, но большинство влиятельных лидеров Конгресса предпочло не участвовать в антибританских собраниях. В этой провинции экстремистские формы протеста были поддержаны только в Бенаресе, где существовали большие бенгальские и маратхские общины.

Движение свадеша не приняло радикальных форм также в Ассаме, Бихаре и Ориссе, в том числе и потому, что бенгальцы были весьма непопулярны из-за того, что занимали доминирующие позиции в государственных учреждениях этих провинций и в таких профессиях, как юриспруденция, медицина и т.п. В этих районах по мере распространения образования даже возникли движения против бенгальской «элиты» с требованиями создания отдельных провинций для Бихара и Ориссы, а движение свадеша утратило свою политическую антибританскую направленность и приобрело характер конструктивной работы с учетом местных условий.

Приблизительно так же обстояло дело и в гуджаратских районах Бомбейского президентства. В 1907 г. Ферозшах Мехте, «умеренному среди умеренных» в Конгрессе, удалось перевести сессию Конгресса из Нагпура (населенного маратхами – сторонниками Тилака) в гуджаратский Сураат. Но и здесь не обошлось без возникновения экстремистских групп среди молодежи. Участвовавшие в сессии Конгресса два богатых гуджаратских фермера – братья Кунвар и Кальян Мехта поддержали «трио» Лал-Бал-Пал (Лала Ладжпат Рай, Бал Гангадхар Тилак и Бипин Чандра Пал) и создали «Патидар ювак мандал» («Молодежный комитет касты патидаров»), который в 1920-х годах принял самое активное участие в гандистском движении в Бардоли (об этом ниже).

В Панджабе движение свадеша, по существу, началось еще раньше – в 1890-х годах. Там торговые общины предприняли попытку

ки провести бойкот английских тканей с участием активистов из «Арья самадж» и «Брахмо самадж». Это придавало движению свадеша религиозную окраску. Среди видных деятелей этого направления был Лала Ладжпат Рай. Однако движение свадеша сводилось больше к конструктивной работе, социальным, культурным, образовательным вопросам и меньше – к бойкотам. Поэтому панджабский вариант экстремизма был существенно мягче бенгальского. Часто экстремисты оказывались на одной политической платформе с умеренными конгрессистами и даже с некоторыми мусульманскими группами.

Вместе с тем в Пенджабе в 1907 г. отмечались вспышки протестного движения, вызванного провокациями со стороны британских властей. Так, панджабская интеллигенция бурно реагировала на преследования газеты «Panjabee» за публикацию статей о расистских высказываниях в официальном органе «Civil and Military Gazette» («Гражданская и военная газета»). Суд над редактором панджабской газеты сопровождался демонстрациями протеста, а в феврале и мае 1907 г. были совершены нападения на англичан.

Хотя британские власти помнили, что Пенджаб поставлял в индийскую колониальную армию около одной трети ее состава, тем не менее они еще больше усугубили ситуацию, когда подняли плату за воду для ирригации на 25%, а в некоторых районах до 50%, и повысили земельный налог. Все это, а также разразившаяся эпидемия чумы усилили недовольство крестьян и рабочих, в том числе на Северо-Западной государственной железной дороге. Последовали забастовки, которые вызвали большую тревогу у английской администрации.

В этот период особенно активно действовала группа под руководством Аджит Сингха. Он основал в Лахоре Общество патриотов и журнал «Bharat Mata» («Индия – Мать»). Эта группа призывала крестьян к отказу от уплаты земельного налога и налога за пользование водой для орошения полей. Позже она перешла к террористическим действиям, но это продолжалось недолго. В мае 1907 г. власти запретили проведение политических митингов и собраний. Лала Ладжпат Рай и Аджит Сингх были осуждены по обвинению в подстрекательстве крестьян против колониальной власти и отправлены в ссылку. Вскоре, однако, власти пошли на уступки – снизили оплату за воду и в сентябре того же года освободили Рая и Сингха.

В Мадрасском президентстве экстремистские идеи получили довольно широкое распространение, особенно в районе Андхры и на крайнем юге – в дистрикте Тирунелвели. В ряде городов Андх-

ры (Раджахмандри, Какинада, Масулипатам) движение свадеши началось в 1906 г. и получило название «Вандематарам». Оно активизировалось после поездки в этот район и выступлений Бепин Чандра Пала. Студенты, принявшие в этом движении самое деятельное участие, настоятельно требовали открытия национальных школ. Власти прибегали к репрессиям против них даже за ношение значков «Вандематарам». 31 мая 1907 г. толпа напала на европейский клуб в Какинаде после того, как какой-то белый *сахиб* (господин) отрезал уши одному местному мальчику за то, что он выкрикивал слово «Вандематарам». Впоследствии ряд лидеров движения свадеши в этом районе отошел от экстремистской деятельности и стал требовать создания отдельной провинции для населения, говорящего на языке телугу. Среди них был Паттабхи Ситарамая, который позже стал сподвижником М.К. Ганди. В дистрикте Тирунелвели экстремистское движение приобрело более острые, радикальные формы. В нем приняли участие социальные низы. Они призывали к бойкоту английских товаров, выдвигали лозунг свараджа. Один из них звучал так: «Если кули потребуют повышения заработной платы, европейские фабрики в Индии прекратят свою работу!». На митинге 23 февраля 1908 г. один из активистов движения Субраманьям Сива заявил: «Русская революция (1905 г.) принесла блага народу. Революции всегда приносят пользу миру». Последовавшая затем забастовка на европейской хлопчатобумажной фабрике с требованием повысить рабочим заработную плату на 50% завершилась успехом. Газета «Vande Mataram» (Калькутта) писала по этому случаю: «Связь между образованным классом и массами является первым великим шагом к свараджу... Каждая победа индийских рабочих – это победа нации»⁹⁰. Британские власти попытались запретить проведение митингов и арестовали С. Сиву. Это привело к массовым забастовкам уборщиков улиц и перевозчиков грузов в г. Тутикорин, к нападениям на муниципальные офисы, здания судов и полицейские участки в Тирунелвели.

Широкий размах получило движение свадеши в Бомбейском президентстве, особенно в г. Бомбее, что было во многом связано с деятельностью Тилака и его единомышленников. Он считал, что оно является частью борьбы за сварадж. В 1905–1908 гг. движение свадеши привело к развитию радикального журнализма. В этой связи следует упомянуть журнал Тилака «Кесари», который издавался невиданным тогда тиражом в 20 тыс. экземпляров. Статьи Тилака, Аурбиндо Гхоша и Б.Ч. Пала создали идеологическую основу для укрепления движения свадеши. Тилак в своей газете «Махратта»

и в «Кесари» благодарил Бенгалию за организацию бойкота как единственного способа ответить на «открытую демонстрацию вице-королем беспредельного презрения к Индии и индийскому народу». С таких же позиций выступил и Лала Ладжпат Рай, который заявил: «То, что совершила Бенгалия, должно быть сделано во всех провинциях. Вся страна должна пойти на это одновременно...» Тилак, как лидер радикальной группировки в Конгрессе, занимал позицию жесткого противостояния британской администрации. Его поддерживали Б.П. Пал и Л.Л. Рай. Но все они не разделяли взглядов революционеров-террористов.

Два главных направления деятельности сторонников Тилака в Бомбейском президентстве в тот период были связаны с пикетированием винно-водочных магазинов и с вовлечением в движение свадешаи маратхского рабочего класса. Это вело к снижению правительственных доходов от продажи винно-водочной продукции и одновременно отвечало духу санскритизации, то есть усвоению брахманских норм поведения более низкими кастами, больше других страдавшими от привычки потреблять алкоголь.

Привлечение рабочих к движению свадешаи в Бомбее было более успешным, чем в Калькутте, где большую часть фабрично-заводских рабочих составляли небенгальцы. А в Бомбее 49% заводских рабочих (1911 г.) происходили только из одного дистрикта Ратнагири – родины Тилака. Кроме того, у бомбейских рабочих был опыт самоорганизации с 1880-х годов, когда по инициативе таких активистов, как Н.М. Локханде, они участвовали в небрахманском движении под руководством Джотибы Пхуле и в его организации Сатьяшодхак самадж.

К началу XX в. бомбейские рабочие уже имели большой опыт забастовочной борьбы против сокращения заработной платы (1892–1893 гг., 1901 г.). В сентябре – октябре 1905 г. они бастовали против увеличения рабочего дня до 15–16 часов, которое хозяева фабрик пытались ввести после того, как там было проведено электрическое освещение. Против закона, разрешавшего увеличение рабочего дня (1881 г.), резко выступили М.Г. Ранаде в «Quarterly Journal» и Тилак в «Махратта».

В выступлениях Тилака в 1907–1908 гг. главный акцент был сделан на бойкоте иностранных товаров. Речи Тилака, несмотря на их боевитость, не содержали идей о классовой борьбе. Тем более что маратхские джобберы – агенты по найму рабочих, как правило, происходили из одной и той же касты и были из того же района, что и рабочие. А над ними, как и над рабочими, стояли парсы либо белые мастера или управляющие. По существу, джоб-

беры играли существенную роль в создании рабочих организаций до тех пор, пока из них в 1928 г. не сформировался профсоюз «Гирни камгар».

Влияние Тилака в рабочей среде было весьма заметным. 22 июля 1908 г. он был осужден на шесть лет ссылки за выступления в «Кесари» в поддержку бенгальских революционеров. Еще во время суда 19 июля тысячи рабочих бастовали в знак протеста против суда над Тилаком. 23 июля началась забастовка 20 тыс. рабочих, одновременно торговцы текстильными товарами на одном из рынков Бомбея объявили хартал (закрыли лавки). На следующий день рабочие 76 из 85 текстильных фабрик Бомбея выступили с демонстрациями протеста против осуждения Тилака. Для их разгона была вызвана полиция, которая неоднократно открывала огонь по демонстрантам. По официальным данным, было убито 16 и ранено 43 человека. Забастовка продолжалась шесть дней – по одному дню за каждый год ссылки Тилака⁹¹.

После ареста и ссылки Тилака экстремизм в Бомбейском президентстве трансформировался в индивидуальный террор группы «Абхинав Бхарат» («Молодая Индия») в г. Насике, княжестве Гвалиор и других районах Бомбейского президентства⁹². Корни этого терроризма уходили в деятельность группы «Митра мела» («Собрание друзей»), которая в 1899 г. была основана двумя братьями Саваркар. Один из них – Ганеш Саваркар в июне 1909 г. был обвинен в «войне против короля» и приговорен к ссылке. Спустя несколько дней после этого его брат Винаяк Дамодар Саваркар произнес в Доме Индии в Лондоне речь, направленную против британской власти в его стране. Еще через несколько дней в Лондоне был убит полковник Уильям Керзон. А в декабре 1909 г. в Насике был застрелен магистрат Джексон, который приговорил к ссылке Г. Саваркара. По обвинению в убийстве магистрата было осуждено 27 человек, семь из них из касты читпаван-брахманов, к которой принадлежали и Саваркары. Трое из этих брахманов были повешены.

В судебном решении по делу о заговоре в Насике (1911 г.) говорилось, что еще до 1906 г. в этом городе действовала организация молодых людей, в основном брахманов, известная как «Митра мела». Ею руководили Ганеш и Винаяк Саваркары. Организаторы сочиняли «поджигательные» песни, которые исполнялись на праздниках, посвященных богу Ганеше и национальному герою маратхов Шиваджи. Члены «Митра мела» пели эти песни во время демонстраций и около храмов. Они проходили физическую подготовку «под руководством одного мусульманина». А в доме Г. Саваркара и Аба Дарекара, одного из авторов этих песен, проходили собрания, на которых читались

и перечитывались биографии «патриотических революционеров». Особым вниманием пользовались жизнеописания Шиваджи в изложении Самарта Рамдаса Свами (1608–1681), наставника Шиваджи и известного поэта, боровшегося за независимость Махараштры, и Джузеппе Мадзини (1805–1872). Активный участник революции 1848–1849 гг. в Италии, глава правительства Римской республики в 1849 г., Мадзини был исключительно популярен среди членов «Митра мела», особенно его призыв к национальному освобождению Италии и ее объединению революционно-патриотическим путем. Сторонников движения свадеши привлекало и то, что Мадзини считал участие в освободительной борьбе религиозным долгом каждого патриота. На собраниях «Митра мела» обсуждались вопросы, связанные с достижением независимости.

Среди обвинительных документов на суде были представлены отдельные экземпляры «поджигательных речей», с которыми выступали братья Винаяк и Нараян Саваркары и Махадев Бхат. В 1911 г. Винаяк Саваркар был осужден к ссылке на Андаманских островах на 50 лет. По состоянию здоровья он был освобожден в 1924 г. Британское правительство ограничило его пребывание в Индии дистриктом Ратнагири и запретило ему заниматься политической деятельностью до 1937 г. В 1937 г. он был избран президентом Хинду махасабхи (Великое собрание индусов) и после этого семь раз переизбирался на этот пост⁹³. Оценивая масштабы террористического движения в Бомбейском президентстве, следует сказать, что оно не было таким значительным, как в Бенгалии.

Движение свадеши поставило перед Конгрессом вопрос о дальнейшей политике по отношению к колониальным властям. Для умеренных (Ферозшах Мехта, Г. К. Гокхале и др.) бойкот и другие радикальные меры, а тем более терроризм, были неприемлемыми, так как означали прямую конфронтацию с англичанами. Но ситуация изменилась в пользу радикалов, когда власти прибегли к подавлению выступлений участников движения свадеши, арестам его руководителей, закрытию газет, к судам над студенческими и молодежными лидерами.

Революционное и террористическое движение в Бенгалии было во многом ответом на репрессии властей. Как пишет профессор Калькуттского университета Санкари Прасад Басу, «расовая ненависть белых, оскорбления, судебный произвол, нарушение прав человека – все это, вместе взятое, делало невыносимым бремя угнетения»⁹⁴.

По мнению лидера Лейбористской партии и члена парламента Англии Кир-Харди, который был очевидцем событий, связанных

с движением свадеши, преследования участников движения колониальными властями были настолько жестокими, что британское правительство могло «занять почетное место рядом с автократическими правительствами царской России и ненавистного турецкого султана». Все эти события, писал он, происходили в стране, где «по официальным данным, за последние 40 лет XIX в. 15 млн. индийцев умерли от голода... а 40 млн. человек постоянно испытывали голод после 150 лет британского правления»⁹⁵.

Лейтенант-губернатор Восточной Бенгалии Бэмпфайлд Фуллер полностью поддерживал жестокие меры, предпринятые колониальными властями против участников движения свадеши. Однако бывший лейтенант-губернатор, но уже Панджаба, Мэкуорт Янг полагал: «То, что происходит, является новым рождением, а не болезнью». Участники движения, писал он, – «это не просто бенгальские агитаторы или маратхские заговорщики, или мусульманские студенты в Лондоне или Алигархе, или образованные джаты в Панджабе. Это – интеллигентные люди, у которых родилась новая идея национализма, новое видение свободы»⁹⁶.

Были и другие авторитетные европейцы, которые выступали в поддержку революционного движения. Так, сподвижница Вивекананды сестра Ниведита (Маргарет Нобл) писала из Калькутты в мае 1907 г.: «Правительство кажется сошло с ума и пытается сокрушить национальное движение массовыми арестами, депортациями и т.п., и все из-за того, что оно страшится повтора 1857 г. Но именно эти репрессии являются верным способом привести к этому». А в сентябре 1907 г. Ниведита высказала такую мысль: «Я полагаю, что в мировой истории было мало моментов, которые случались в немногих местах, когда мыслям о Свободе и Правах человека как руководящих принципах придавалось так мало значения, как именно здесь и сейчас». Она указывала на арест около сотни ткачей в дистрикте Миднапур только за то, что они украсили словами из революционной песни края дхоти⁹⁷. И вот ее вывод: «Правительство бросило страну в самую настоящую войну»⁹⁸.

Движение свадеши выдвинуло ряд крупных проблем национально-освободительного движения. На поверхности событий главными действующими лицами движения были террористы, жертвовавшие собой во благо родины. В то же время в тени общественной жизни оставались такие явления, как волнения среди рабочих или конструктивная, малозаметная работа среди крестьян. Основная масса народа, крестьянство, была пассивной и не участвовала в этом движении.

Глава 4

РАСКОЛ В КОНГРЕССЕ

В январе 1907 г. Тилак заявил: «Мы не вооружены, и в этом нет никакой необходимости. Но у нас есть более сильное оружие – политическое, в виде бойкота». Он развил эту мысль дальше: «Если мы принимаем свадеши, то должны бойкотировать *видеши* (иностранные) товары. Без бойкота этих товаров свадеши не состоится»⁹⁹. На таких же или близких позициях стояли и бенгальские националисты: Бепин Чандра Пал (1858–1932) и Ауробиндо Гхош. Они призывали отказаться от сотрудничества с колониальными властями, полагая, что правительство не сможет существовать без поддержки народа.

Если умеренные в Конгрессе в качестве своей цели провозглашали самоуправление под эгидой Великобритании, то Тилак и другие националисты требовали полной автономии и устранения всякого иностранного контроля. Тилак агитировал за «прямые действия» и пассивное сопротивление и осуждал «политику выпрашивания уступок». Он писал: «Настало время потребовать *свараджа*, то есть самоуправления. Никакие частичные реформы неприемлемы. Система нынешней администрации разрушительна для страны. Она должна быть исправлена или устранена»¹⁰⁰. Лала Ладжпат Рай, в свою очередь, также считал, что Индия должна полагаться на свою силу, а не обращаться к Британии за помощью.

В число сторонников *свараджа* входили и другие крупные политические, общественные и культурные деятели Индии. Ауробиндо Гхош говорил: «Мы не отступим от нашего идеала – абсолютного *свараджа* – самоуправления, которое существует в Соединенном Королевстве... Мы отклоняем претензии чужеземцев навязать нам цивилизацию более низкого уровня, чем наша, или оторвать нас от нашего наследия, исходя из неприемлемого для нас довода, будто их цивилизация превосходит нашу»¹⁰¹.

Сессия Конгресса в Калькутте в 1906 г. стала важным этапом в национально-освободительной борьбе. Она проходила в разгар кампании свадеши. В Калькутте фактически произошел раскол Конгресса на либералов-умеренных и националистов-патриотов. Признанный лидер Конгресса Наороджи был специально привезен

в Калькутту из Англии, чтобы предотвратить открытый раскол в Конгрессе, и был избран президентом этой сессии. Умеренные в Конгрессе были вынуждены уступить националистам и принять вместе с ними резолюции о сварадже, расширении национального образования, бойкоте иностранных товаров и свадеши. Именно в Калькутте президент Конгресса впервые официально выдвинул лозунг свараджа.

Однако умеренные решили дать бой свараджистам на очередной сессии, которая должна была состояться в 1907 г. в Нагпуре. Организационный комитет Конгресса предложил кандидатуру Тилака в качестве президента этой сессии. Лидеры умеренных-либералов не согласились с этим и настояли на проведении сессии в Сурате, где они пользовались большей поддержкой, а также на кандидатуре умеренного Раш Бихари Гхоша в качестве ее президента. Они исключили из повестки дня резолюции по свараджу, свадеши, бойкоту иностранных товаров и развитию национального образования. Либералы считали сторонников Тилака безответственными политиками, которые могли ввергнуть Индию в большую опасность своими радикальными призывами и действиями. В свою очередь, националисты решили бороться против отхода от политической линии, утвержденной Конгрессом в Калькутте. Британские колониальные власти, со своей стороны, отдавали явное предпочтение умеренным в противоположность экстремистам, против которых предпринимались жесткие меры. Арестам и депортации подверглись Тилак, Лала Ладжпай Рай, Аджит Сингх и многие политические лидеры Бенгалии, что добавило им авторитета в глазах индийцев.

На сессии Конгресса в Сурате в декабре 1907 г. произошел открытый раскол между умеренными и экстремистами (которых все больше стали называть националистами). В Сурате произошло не только идеологическое противостояние, но и физическое столкновение между представителями обоих лагерей в Конгрессе. Преобладающее большинство умеренных на сессии даже не дало возможности Тилаку высказать свою точку зрения. Президент Конгресса Раш Бихари Гхош был вынужден приостановить работу сессии. Ситуация обострилась настолько, что в дело вмешалась полиция и потребовала очистить зал.

На следующий день, 28 декабря 1907 г., умеренные во главе с Ферозшах Мехтой объявили о созыве конвенции тех делегатов, которые были согласны с уже известными принципами политики Конгресса: это – достижение Индией самоуправления, сходного с тем, которое используется самоуправляющимися членами Бри-

танской империи. Продвижение к этой цели должно происходить строго конституционными методами. На заседание этой конвенции прибыло более 900 делегатов. Около 700 делегатов во главе с Тилаком, не согласных с указанными принципами, собрались в другом месте, где подтвердили свою позицию по вопросу о самоуправлении как форме независимости. Тилак объявил, что умеренные намерены отступить от решений Конгресса в Калькутте и подменить независимость самоуправлением, которое фактически сохраняло британскую власть. Вместе с тем Тилак высказал сожаление по поводу раскола Конгресса и выразил желание поддерживать связь с умеренными. На собрании его сторонников было решено создать свою организацию – Националистическую партию.

Несмотря на раскол в Конгрессе, обе его части надеялись, что рано или поздно партия сможет вновь объединиться. Конвенция умеренных создала комитет по подготовке устава Конгресса. Этот комитет в апреле 1908 г. подготовил проект устава, который отразил в качестве целей те же принципы, которые были провозглашены на конвенции в Сурате. Устав обязывал делегатов Конгресса давать письменное согласие с его целями и правилами их достижения.

Экстремисты, в свою очередь, развернули активную работу в массах по вовлечению в национальное движение рабочих ряда фабрик и заводов под лозунгами *свараджа* и *свадеш*. Ответом властей на это было ужесточение репрессий, массовые аресты участников демонстраций, забастовок, *харталов* (закрытия магазинов и лавок) и их руководителей. Преследованиям подверглись редакторы газет, выступавших с «подстрекательскими и бунтарскими» статьями.

Как упоминалось, в июле 1908 г. Тилак был приговорен судом к ссылке на шесть лет. Это вызвало массовые протесты в Бомбее, в том числе фабричных рабочих. Все это способствовало росту политического авторитета Тилака, который к тому же был известным ученым. Даже некоторые английские политические и общественные деятели выразили сомнение в целесообразности осуждения Тилака.

После Сурата Конгресс превратился в собрание либералов, которое продолжало свою традиционную линию в течение ряда лет. В декабре 1908 г. на сессии в Мадрасе президент Конгресса Р.Б. Гхош приложил немало усилий, чтобы вдохнуть оптимизм в организацию, которая пережила крупный раскол. Он говорил, что Конгресс «не умер», что «Сурат не стал его могилой», что «тучи, нависшие над его политическим небосклоном, рассеялись» и что «наступило утро и запели птицы» и т.п.¹⁰²

На сессию в Мадрасе съехалось всего 626 делегатов, из них подавляющее большинство составляли представители Мадраса (404) и Бомбея (134). На всю остальную часть Индии пришлось всего 96 делегатов. Таким образом, Конгресс резко сузил свою региональную базу. На этой сессии либералы приняли устав, который фактически исключал националистов-патриотов. Резолюция по движению свадешти и национальному образованию потеряла всякое содержание, а документ по бойкоту иностранных товаров вообще не был принят. Были также повторены резолюции предыдущих сессий Конгресса. Более того, была принята резолюция, выражавшая безусловную поддержку реформ Морли–Минто по управлению Индией, которые еще даже не были введены в действие.

Реформы Морли – Минто

В 1909 г. парламент Великобритании принял закон, предусматривавший изменения в составе и функциях законодательных советов Индии. Он получил название реформ Морли – Минто по имени министра по делам Индии Джона Морли и вице-короля Индии Гилберта Эллиота Минто. Число членов Центрального (имперского) и провинциальных законодательных советов было увеличено со 124 до 331, число выборных членов – с 39 до 136¹⁰³. При этом впервые предусматривалось большинство индийцев в провинциальных советах. Однако в Центральном совете британцы сохраняли подавляющее присутствие. При этом большинство членов законодательных провинциальных советов, кроме совета в Бенгалии (до 1911 г. Калькутта оставалась столицей Британской Индии), назначалось из числа чиновников колониальной администрации, как правило членов Индийской гражданской службы. Также впервые два индийца были назначены в Исполнительный совет при министре по делам Индии в Лондоне и по одному индийцу в исполнительные советы при вице-короле и при губернаторах провинций.

По закону 1909 г. члены законодательных советов могли обсуждать вносимые колониальной администрацией законопроекты. Однако их рекомендации не были обязательны для колониальной исполнительной власти. Более того, вице-король, который был председателем Центрального совета, мог запретить принятие любой резолюции, даже без объяснения причин. По существу, эти «законодательные» советы оставались совещательными органами и не

пользовались реальной законодательной властью. На выборах в советы устанавливался высокий имущественный ценз, что резко ограничивало число индийцев. Выборы проводились по нескольким избирательным куриям. Так, из 27 выборных членов Центрального совета 13 избиралось по общей курии, включавшей индусов, шесть – по курии землевладельцев, шесть – по курии мусульман, два избирались английскими торговыми палатами Бенгалии и Бомбея.

Особое значение имело учреждение отдельной избирательной курии для мусульман. В провинциальных советах для них выделялось большее число мест в сравнении с численностью мусульман в населении. В конечном итоге это служило одним из инструментов британской политики под лозунгом защиты интересов меньшинств.

Главной предпосылкой «либерализации» провинциальных советов было «полное сохранение имперской власти». Правительство Индии, писал Минто, должно всегда быть устроено таким образом, чтобы выполнять исполнительные и законодательные распоряжения, которые оно получало из Уайтхолла. Ни при каких обстоятельствах зависимость правительства Индии от Великобритании не должна быть ослаблена. «Я убежден, – подчеркивал Минто, – что постоянное официальное большинство в Имперском совете является абсолютной необходимостью»¹⁰⁴.

Минто также считал, что политической целью этих реформ было сохранение и усиление поддержки умеренных в Конгрессе английскими властями, а не удовлетворение требований несогласных с этой властью. Авторы Кембриджской истории Индии писали, что умеренные во главе с Гокхале, «хотя и остро критиковали ту часть реформ, которая касалась недостаточного представительства иных классов, кроме интеллигенции, мудро приняли реформы как существенный шаг на пути привлечения индийцев к управлению их страной...». Более того, «то единство, с которым ведущие индийские политики поддержали британское правительство после начала Первой мировой войны, во многом было связано с компромиссным характером этих реформ в сочетании с решительным подавлением политических преступлений и тех, кто занимался подстрекательством к ним»¹⁰⁵.

О сути этих реформ довольно определенно и цинично высказался в парламенте Великобритании в декабре 1908 г. секретарь по делам Индии Морли. Он сказал, что реформы не имели своей целью установление парламентской системы в Индии. «Если бы я жил в 20 раз дольше, то и тогда парламентская система в Индии не была той целью, к которой я стремился»¹⁰⁶.

Конгресс после раскола на умеренных и националистов

На съезде Конгресса в Калькутте в 1906 г., который проходил в атмосфере растущего патриотизма, вызванного движением свадеши, экстремисты добились заметного преимущества над умеренными, хотя им не удалось провести Тилака на пост президента Конгресса.

Тилак сравнивал ситуацию в Индии с положением в России во время первой русской революции 1905 г. Он писал, что сходство ситуации в обеих странах было причиной близких по характеру выступлений представителей общественности в обеих странах. Он предупреждал: «Существует предел человеческому терпению» и указывал: «Если правители прибегают к российским методам угнетения, то индийские подданные также будут вынуждены заимствовать методы русского народа... Тирания правительства стала невыносимой для его подданных... Реальное и надежное средство остановить бомбы состоит в том, чтобы предоставить народу право на свараж»¹⁰⁷.

Сессия Конгресса в Лахоре (1909 г.), в работе которой приняли участие всего 243 делегата, занималась в основном обсуждением реформ Морли–Минто, которые были уже введены в действие колониальными властями. Конгресс выразил несогласие с созданием отдельных электоральных курий и «диспропорционально большим» представительством в них мусульман¹⁰⁸. В таком же либерально-умеренном политическом ключе проводились и последующие сессии Конгресса, на которых не было радикальной оппозиции во главе с Тилаком. В это же время, в 1910 г., была образована Индийская либеральная партия во главе с известным юристом Тедж Бахадур Сапру¹⁰⁹. В свою очередь, образованная Тилаком Националистическая партия после его ареста и ссылки практически прекратила свою деятельность, многие ее деятели ушли в подполье. В течение шести лет партия не предпринимала каких-либо серьезных шагов по активизации своей работы, если не считать попытки созвать свою сессию экстремистов в Нагпуре, запрещенную правительством. Часть партии стремилась найти точки соприкосновения с умеренными в Конгрессе, чтобы воссоединиться с ними при условии сохранения основных принципов политики националистов-патриотов. На это умеренные не согласились. Другая часть считала, что не следует ничего предпринимать в этом направлении до возвращения Тилака из ссылки. В эти годы в Индии было политическое затишье, связанное с тем, что Тилак находился в тюрьме, экстремисты в Конгрессе ничем себя не проявляли, так как их руководство было арестовано¹¹⁰.

В декабре 1911 г. под давлением движения свадеши колониальные власти были вынуждены отменить раздел Бенгалии. Их расчеты не оп-

равдались. Движение бенгальцев против раздела приняло массовый характер национально-освободительной борьбы, которая нашла поддержку во всей Индии. Позже Ганди сказал, что «настоящее пробуждение Индии произошло после раздела Бенгалии». Он назвал день раздела Бенгалии «днем раздела Британской империи»¹¹¹. Столица Британской Индии была перенесена из Калькутты в Дели. Тогда же впервые за всю историю колониальной власти Индию посетил недавно вступивший на престол король Георг V. По этому случаю в Дели был устроен «имперский дарбар», на котором он был коронован императором Индии. На дарбаре было объявлено об образовании новых провинций – Бенгалии, Бихара и Ориссы, и Ассама.

В Бенгалии после провала плана ее раздела умеренные в Конгрессе поддержали закон Морли – Минто об управлении Индией 1909 г. По мнению Неру, Конгресс в это время представлял собой группу умеренных, которая ежегодно собиралась, выносила малозначимые резолюции и не привлекала к себе никакого внимания. Вот как он описывал сессию Конгресса в декабре 1912 г. в Банкипуре, на которой он впервые присутствовал в качестве делегата: «Там собрались главным образом представители высших классов, владевшие английским языком и щеголявшие визитками и отутюженными брюками». Самой выдающейся фигурой был Гокхале, только что вернувшийся из Южной Африки. Он принадлежал к числу тех немногих участников сессии, которые серьезно относились к политике и общественным вопросам¹¹².

После освобождения Тилака из ссылки в 1914 г. он дал понять, что выступает против создания параллельного Конгресса. К тому времени обнаружилось, что партия под руководством либералов-умеренных растеряла свои позиции и утратила большое число сторонников. И, тем не менее, его лидеры всячески противились возвращению Тилака и его сторонников в Конгресс. Так, Гокхале писал президенту Конгресса в Мадрасе (1914 г.) Бхупендранату Босу: «Можно сделать что-то разумное, чтобы вернуть раскольников, но только при условии, если они захотят сотрудничать с нами в осуществлении нынешней программы Конгресса нашими методами...» Гокхале предупреждал, что, «если они не дадут таких заверений, мы должны быть готовы к тому, чтобы продолжать делать то, что делали все последние семь лет»¹¹³.

На сессии Конгресса в Бомбее (1915 г.), несмотря на сопротивление умеренных, было решено внести изменения в устав партии, чтобы позволить делегатам от Националистической партии вернуться в Конгресс. Тилак приветствовал это решение и высказал пожелание его партии воссоединиться с Конгрессом. В 1916 г. экстремисты вернулись в Конгресс, а в 1918 г. умеренные покинули его.

Глава 5

ПОЯВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-ОБЩИННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И КАСТОВЫХ ДВИЖЕНИЙ

Одним из наиболее сложных вопросов общественной и политической жизни Индии были взаимоотношения между различными конфессиями в глубоко религиозном обществе. Обособление и идентификация социальных групп на религиозной основе доминировала в общественной жизни Индии на протяжении веков. Хотя не следовало преуменьшать значение и интеграционных процессов.

В период борьбы за независимость в XX в. в этой сфере вполне отчетливо проявились две основные тенденции. Одна – объединяющая, нашедшая выражение в деятельности Конгресса, который стремился на практике вовлекать в свою работу представителей разных конфессий, в первую очередь индусов и мусульман. Однако, несмотря на это, в нем преобладали индусы, которые задавали тон в этой партии. Попытки Конгресса расширять в нем участие представителей других конфессий, особенно мусульман, наталкивались на сопротивление внутри самой партии и индусской общины, а также извне – со стороны в основном мусульманских лидеров. Вторая тенденция – разъединяющая, выражалась в противопоставлении религиозных общин, главным образом двух наиболее значительных – индусской и мусульманской. Она усугублялась противоречиями между ними в социально-экономической и политической жизни.

Борьба за независимость Индии настоятельно требовала единства всех социальных групп, в то время как защита традиционных общинных ценностей вступала в противоречие с этим требованием. Религиозно-общинное сознание и практика использования религии в целях разжигания межконфессиональной вражды, известные в Индии как коммунализм, подпитывались и развивались в противостоянии общин (главным образом индусской и мусульманской). Проявления коммунализма зависели от конкретных исторических и политических условий в определенные периоды национально-освободительного движения, а также от обстановки в тех или иных регионах Индии. Индусский коммунализм порождал и провоцировал мусульманский или любой другой, и наоборот.

Далеко не последнюю роль в процессе противостояния между двумя основными религиозными общинами играли колониальные

власти, которые умело использовали противоречия между ними в своих интересах, связанных с сохранением и укреплением своего господства в Индии. После народного восстания 1857–1859 гг. губернатор Бомбея Эльфинстон предлагал британскому правительству активно использовать противоречия между разными общинами. Он писал: «Старый римский лозунг "разделяй и властвуй" должен стать и нашим»¹¹⁴. Для проведения такой политики у англичан были серьезные основания. В условиях Индии второй половины XIX – начала XX в. религиозная община была едва ли не единственным механизмом политической мобилизации масс в освободительной борьбе. Сам термин «нация» тогда не имел в Индии того значения, которое вкладывалось в это понятие на Западе. Для Рабиндраната Тагора, например, нация – «это целый народ – как организованная сила»¹¹⁵.

Создание Всеиндийской мусульманской лиги

В числе мусульманских организаций, стремившихся найти точки соприкосновения с националистами в Конгрессе, было Общество Надват-ул-улама (Собрание ученых богословов), основанное в 1894 г. в Лакхнау поэтом, ученым и мусульманским просветителем Шибли Нумани (1857–1914)¹¹⁶. Среди мусульманских лидеров, выступавших за единство действий всех национальных сил, вне зависимости от религии, были так называемые юнионисты (объединители) – Б. Таябджи и Р. Саяни (президенты Конгресса соответственно в 1887 г. и 1896 г.), а также М.А. Джинна (1876–1948) в ранний период его участия в работе Конгресса¹¹⁷. Б. Таябджи выражал свою «полную симпатию» Конгрессу. Он отрицательно относился к разногласиям между мусульманами и индусами и заявлял, что «мусульмане должны достичь общего согласия с их соотечественниками из других религиозных общин». В этой связи Таябджи выступал против создания в Калькутте в 1887 г. Мохаммеданской ассоциации, рассматривая ее как противопоставление Конгрессу, и призывал мусульман присоединиться к конгрессистскому движению¹¹⁸. Вместе с тем число мусульман в руководстве Конгресса было невелико. В первый период его деятельности до 1909 г. доля мусульман – участников его ежегодных сессий – составляла от 1,5 до 10% в зависимости от места и времени их проведения. Исключением была сессия Конгресса в 1899 г. в Лакхнау, населенном преимущественно мусульманами, на которой среди ее участников было более 40% мусульман¹¹⁹.

Кульминационным моментом в развитии разъединяющей тенденции стали события, связанные с движением свадеши против раз-

дела Бенгалии в 1905 г. Руководили им лидеры индусских организаций, которые придали этому движению религиозную окраску. Это противоречило идеям единства религиозных общин, которых стремился придерживаться Конгресс, и привело к отторжению от общего потока национального движения части тех мусульман, которые раньше поддерживали его. Это способствовало укреплению антиконгресси-стских позиций мусульманских «сепаратистов». Видный деятель Конгресса, впоследствии его президент, мусульманин Абул Калам Азад (1888–1958) писал в этой связи: «В те дни революционные группы пополнялись исключительно из числа индусских представителей среднего сословия. Фактически все революционные группы были тогда настроены антимусульмански. Они видели, что правительство Великобритании использовало мусульман в целях подавления освободительной борьбы Индии, и мусульмане играли на руку правительству»¹²⁰.

Британские власти использовали в своих интересах антиконгресси-стские настроения, преобладавшие в значительной части мусульманского общества. При их поддержке в декабре 1906 г. в Дакке была создана Всеиндийская мусульманская лига. Особую роль в этом сыграла большая группа мусульман, прибывших из Соединенных провинций, а точнее, так называемая Алигархская школа Сайид Ахмад Хана. Руководители этой школы противостояли той части образованных мусульман, в том числе среди студентов, которые выступали за совместные действия с индусами. Там же, в Дакке, были определены главные цели этой организации: развивать среди мусульман чувство лояльности британскому правительству; защищать политические права и интересы мусульман и соответствующим образом представлять их нужды и чаяния правительству; предотвращать появление у мусульман враждебных чувств в отношении других общин, но без ущерба для реализации целей Мусульманской лиги¹²¹.

После создания Всеиндийской мусульманской лиги в разных районах страны стали появляться ее отделения: в Панджабе, Бихаре, Западной и Восточной Бенгалии, Мадрасе и других местах. В декабре 1907 г. состоялась первая сессия Лиги в Карачи, заседания которой были продолжены в г. Алигархе в марте 1908 г. На ней был принят устав партии и создан руководящий орган – Совет Лиги. Большинство в Совете (всего 40 человек) составляли мусульманские богословы. Постоянным председателем Совета был избран глава секты исмаилитов Ага Хан III, почетным секретарем – Саед Хусейн Билграми¹²².

В те годы Всеиндийская мусульманская лига, как и Конгресс, пользовалась влиянием только в ряде районов Индии. Руководство

Лиги не было в состоянии контролировать деятельность региональных отделений. Лига испытывала серьезные трудности и с финансированием ее работы и в основном зависела от таких богатых людей, как Ага Хан III и Наваб Аркота.

На сессии Конгресса в Банкипуре в 1912 г. под руководством умеренных либералов произошли определенные подвижки в сторону сотрудничества с мусульманами. Председатель организационного комитета Конгресса Мазхар-уль-Хак заявил: «К нынешнему времени возникла великая и могучая партия либеральных мусульман, цели и идеалы которой совпадают с целями Конгресса. Она является партией, которая обязана возглавить в будущем мусульман Индии». Сближение индусов и мусульман продолжилось на очередной сессии Конгресса (1913 г.) в Карачи. Всеиндийская мусульманская лига объявила своей целью достижение самоуправления Индии. В выступлениях делегатов и документах этой сессии подчеркивалось единство обеих партий в борьбе за свадаж¹²³.

Образование Хинду махасабхи

В 1907 г. вскоре после создания Всеиндийской мусульманской лиги в Бенгалии было образовано «Объединенное бенгальское индусское движение». В том же году в Панджабе была основана Хинду сабха (Индусское собрание). Появление этих организаций во многом стало реакцией на создание Всеиндийской мусульманской лиги. На своем первом заседании в Панджабе Хинду сабха приняла программу, в которой, в частности, говорилось: «Хинду сабха является не сектантским, а всеохватывающим движением. Оно не направлено против какого-либо другого движения – индусского или неиндусского. Его цель – настойчивая защита интересов всей индусской общины во всех их проявлениях»¹²⁴.

С 1909 г. по 1914 г. панджабская Хинду сабха провела пять конференций в Лахоре, Амритсаре, Дели, Ферозпуре и Амбале. Большинство их участников были членами общества «Арья самадж». В эти же годы Конгресс также активно вовлекал в свою работу арья-самаджистов, среди которых наиболее известными были Лала Ладжпат Рай, Шаду Лал и Лала Лал Чанд.

По мере усиления влияния Всеиндийской мусульманской лиги во главе с М.А. Джинной индусские лидеры пришли к выводу о необходимости создания Всеиндийской индусской организации. В декабре 1913 г. по инициативе панджабской Хинду сабха в Аллахабаде была образована Всеиндийская хинду махасабха (Всеиндийское ве-

ликое собрание индусов – Махасабха). Ее первая сессия была проведена в 1914 г. в священном для индусов г. Хардвар на берегу Ганга. В первые годы деятельности Махасабхи она обычно проводила свои заседания совместно с Конгрессом. Так, ее вторая сессия прошла в 1915 г. в Бомбее, в том же месте, где заседал Конгресс. Это отвечало преобладавшей тогда идее, что Махасабха являлась своеобразным форумом внутри Конгресса для пропаганды взглядов индусов и защиты их интересов. На сессии Конгресса в Лахоре в 1909 г. Мадан Мохан Малавия и Лала Ладжпат Рай участвовали в деятельности как Конгресса, так и Махасабхи. Заседания обеих организаций проходили в одно и то же время в одном и том же месте. Тогда в 1909 г. М.М. Малавия был избран президентом обеих организаций – Конгресса и Хинду сабхи. Лидеры Хинду сабхи поощряли своих членов вступить в Конгресс, чтобы активнее «защищать интересы индусов».

Политизация религий и рост общинного самосознания

Набиравшее силу под руководством Конгресса движение за расширение участия индийцев в управлении делами страны не встречало положительного отклика у руководителей мусульманской общины. Среди мусульман стали вызревать опасения, что их община оттесняется на периферию политической жизни, в результате чего они могут быть отброшены назад в экономическом и культурном развитии по сравнению с индусами.

В петиции мусульманской делегации на имя вице-короля Минто в октябре 1906 г. содержалась просьба защитить интересы мусульман (62 млн. человек – 25% населения), выделив их в отдельную избирательную курию и предусмотрев резервирование определенного числа мест для всей общины. В петиции также обращалось внимание властей на недопустимость включения в состав индусской общины «неприкасаемых, анимистов и других нецивилизованных сегментов» общества, как это было сделано в переписи 1901 г. Подчеркивалось, что индусы не рассматривали неприкасаемых как своих единоверцев, поэтому нельзя за их счет увеличивать долю индусов в населении и соответственно квоту их представительства в будущих законодательных органах¹²⁵.

По новому Закону об индийских советах, вошедшему в силу в 1910 г., число выборных членов в Центральном (имперском) законодательном совете при вице-короле увеличилось до половины, а в законодательных советах при губернаторах крупнейших провинций создавалось выборное большинство. Одновременно была введена

система выборов по куриям: общей, землевладельческой и мусульманской¹²⁶. Хотя число избирателей, в соответствии с законом, составляло менее одного процента населения Британской Индии, прецедент отдельного участия различных общин в управлении был создан.

Еще во время подготовки упомянутого Закона об индийских советах власти вели дело к тому, чтобы законодательные органы были сформированы с учетом «желания и нужд индийских общин», а доля их представительства соизмерялась с их долей в населении Британской Индии¹²⁷.

В условиях, когда размеры общины стали приобретать первостепенное значение при определении доли ее представительства в законодательных органах, политическое соперничество развернулось вокруг вопроса о численности главных общин – индусской и мусульманской.

После того как в результате административной реформы мусульманская община получила отдельную избирательную курию, руководство других общин стало добиваться для себя таких же прав. Все это вело к усилению напряженности в отношениях между общинами.

Глубокую заинтересованность в обсуждении вопросов, связанных с изменениями в управлении Индией, проявили организации неприкасаемых. Суть их позиции состояла в следующем. Они выступали против кастового угнетения, экономической эксплуатации и социальной дискриминации со стороны «чистых» каст, против ограничений, налагаемых индуизмом на неприкасаемых в их общении с представителями всех других каст, особенно с брахманами. Руководители неприкасаемых подчеркивали первоочередную важность преобразований в социальной сфере, а затем уже в политической. По их мнению, Индия еще не созрела для самоуправления. «Индия, – говорилось в заявлении одной из этих организаций, – должна оставаться под британским контролем до тех пор, пока все классы, и особенно неприкасаемые, не поднимутся до такого уровня, чтобы участвовать в управлении страной... Те, кто требуют от имени индийского народа свободы для страны, сами не готовы раскрепостить 60 млн. неприкасаемых, признать их человеческое достоинство»¹²⁸.

Заклученный между Конгрессом и Мусульманской лигой в 1916 г. Лакхнауский пакт о единстве действий по вопросу о самоуправлении и согласие Конгресса на отдельную избирательную курию для мусульман были восприняты организациями неприкасаемых как попытка со стороны индусов «чистых» каст и верхушки мусульман помешать их участию в политической жизни, лишить их возможности занять свое место в создававшихся новых политических структурах,

поделить между собой сферы влияния и таким образом заблокировать участие неприкасаемых в политическом процессе. Именно это было главной причиной того, что организации неприкасаемых выступали против лозунга Конгресса о предоставлении Индии самоуправления, а также отказывались поддерживать руководимые им движения.

Наметившиеся еще в начале XX в. противоречия между целями национально-освободительного движения и требованиями организаций неприкасаемых поставили перед руководством Конгресса довольно сложную задачу. Тем более что между Конгрессом и Мусульманской лигой, стремившейся выступать от имени всех индийских мусульман, а также вести прозелитскую работу среди неприкасаемых, нарастали разногласия. Поэтому привлечение неприкасаемых на сторону Конгресса стало приобретать для него первостепенное значение. Все это вело к политизации религий и усилению религиозного самосознания отдельных общин.

На влияние среди неприкасаемых претендовали и другие политические силы, особенно организации небрахманов в Бомбейском и Мадрасском президентствах. Обвиняя Конгресс в брахманском засилье, они пытались вовлечь неприкасаемых в орбиту своей деятельности, по примеру христианских миссий открывали для них общежития, выделяли отдельным студентам стипендии, оказывали другую материальную помощь. Им удалось установить довольно прочные связи с наиболее активной частью неприкасаемых. Борьба небрахманских организаций с Конгрессом за влияние среди неприкасаемых выходила за рамки общинно-кастовых проблем. Так, Южноиндийская народная ассоциация и Южноиндийская либеральная федерация (ЮЛФ) отвергали требование Конгресса о введении самоуправления. Более того, ЮЛФ в Манифесте небрахманов (1916 г.) высказалась даже в поддержку английской администрации. В таком же ключе выступило и руководство Небрахманской партии в Бомбее в 1917 г.¹²⁹ Британские власти использовали эти противоречия в индийском обществе, что нашло отражение в их поддержке Джастис парти (Партии справедливости), лидеры которой составляли своеобразную элитарную группу, зависимую от крупных землевладельцев.

Соперничество между различными политическими силами за влияние среди неприкасаемых объективно способствовало распространению информации об их реальном положении, выдвижению из их среды собственных лидеров, готовых отстаивать интересы неприкасаемых.

Особенно активно организации неприкасаемых начали бороться за представительство в будущих органах власти после того, как

в августе 1917 г. министр по делам Индии Монтегю заявил в английском парламенте о «политике постепенного развития институтов самоуправления с целью создания ответственного правительства в Индии как составной части Британской империи»¹³⁰. В этой связи неприкасаемые провели первую общеиндийскую конференцию в Бомбее в ноябре 1917 г. и заявили о своих требованиях. Среди них – право избирать своих собственных представителей в законодательные органы пропорционально доле «угнетенных классов» в населении, введение обязательного бесплатного образования. Конференция обратилась к Конгрессу с требованием публично заявить о необходимости устранения всех препятствий, стоящих на пути улучшения социального положения неприкасаемых. В декабре того же года на заседании комиссии под председательством Монтегю организацией неприкасаемых «Мадрас ади-дравида махаджан сабха» («Мадрасское великое собрание исконных обитателей – дравидов»), в частности, заявила, что страна «не избежит кровопролития», если при предоставлении Индии самоуправления интересы общины неприкасаемых не будут учтены и им не будут обеспечены места в законодательных органах¹³¹.

Процесс вовлечения неприкасаемых в политику заметно ускорился после того, как британская администрация обнародовала план по предоставлению неприкасаемым земли, жилья, государственного трудоустройства, а также объявила незаконной традиционную практику, запрещающую допуск неприкасаемых в школы, пользование колодцами с питьевой водой и общественными дорогами¹³².

Глава 6 **ИНДИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ** **И ПОСЛЕ НЕЕ**

Объявление Англией войны с Германией в августе 1914 г. оказало большое воздействие на развитие событий в Индии. Она автоматически была вовлечена в войну на стороне метрополии и ее союзников. Вместе с тем руководство Конгресса пыталось использовать сложившуюся ситуацию и добиться уступок от британского правительства в предоставлении стране самоуправления. При этом индийские политические лидеры выступали в поддержку Великобритании в этой войне. В августе 1914 г. группа руководителей Конгресса, в том числе Б.Н. Басу, М.А. Джинна, Лала Ладжпат Рай, Н.М. Самарт,

обратилась с письмом к секретарю по делам Индии, в котором заявила о своей готовности сотрудничать с правительством Великобритании в его военных усилиях. Они писали: «У нас нет ни малейшего сомнения в том, что, как и прежде, когда британские войска защищали интересы Империи, князя и народ Индии с готовностью будут максимально сотрудничать с Великобританией... предоставив ресурсы их страны в распоряжение Его Императорского Величества». Эти же настроения были подтверждены на сессии Конгресса в Мадрасе в декабре 1914 г., проходившей под председательством Б.Н. Басу. В одной из резолюций Конгресса выражалась «глубокая преданность Трону», «неуклонная приверженность связям с Британией и твердая решимость поддержать любой ценой Империю во всех ее трудностях»¹³³.

Тилак, недавно освобожденный из ссылки, писал в своей газете «Махратта»: «В этом кризисе я твердо придерживаюсь мнения, что обязанностью каждого индийца, великого или малого, богатого или бедного, является полная поддержка и помощь правительства Его Величества. Я считаю, что нужно, не теряя времени, созвать публичные митинги всех партий, классов и слоев в Пуне, как это уже было в других местах, чтобы определенно заявить об этом... нынешний кризис, по моему мнению, является неожиданно обернувшимся благом, поскольку он пробудил повсюду общее чувство лояльности к Трону». Характерно и то, что М.К. Ганди, прибывший в Англию из Южной Африки за несколько недель до объявления Великобританией войны Германии, счел необходимым направить письмо секретарю по делам Индии, в котором выразил готовность лично принять активное участие в войне. Он писал: «Многие из нас считают желательным, чтобы во время поразившего Европу кризиса, когда многие англичане по призыву Императора покидают свои дома, чтобы вступить в армию, индийцы, живущие в Соединенном королевстве, могут сделать то же самое и должны без всяких условий предложить себя в распоряжение властей». Такая поддержка метрополии во многом была связана с надеждами на то, что в результате войны Индия получит определенную автономию в рамках Британской империи. Это признавали и некоторые английские политические деятели и журналисты. Так, влиятельная газета «The Times», ранее занимавшая жесткую позицию в отношении подобных индийских устремлений, теперь писала: «После того, как мы сведем счеты с врагом, Индии должно быть предоставлено более заметное место в Советах Империи»¹³⁴.

Действительно, вклад Индии в войну на стороне Великобритании был весьма ощутимым. Более одного миллиона индийских солдат участвовали в боевых действиях. Индийский экспедиционный

корпус воевал во Франции, Фландрии, в Турции, Месопотамии, Африке. Индия поставляла в армию продовольствие, ткани (хаки), изделия из кожи для обмундирования и экипировки армейских конных подразделений, паровозы, пароходы-госпитали, сырьевые ресурсы, включая древесину, и т.п.¹³⁵

Война оказала большое воздействие на экономическую и политическую жизнь Индии. Расходы на ведение войны (второе место в Британской империи после Англии), постоянная нехватка продовольствия, неурожай 1918 г. усугубили положение в стране. Голод и эпидемии вызвали смерть почти 13 млн. человек. В 1920 г. в Индии снова наблюдался неурожай, а с ним и голод. Резко выросли цены на продовольствие, особенно на основные продукты питания – рис и пшеницу.

В годы войны и после нее происходило массовое обезземливание крестьянства, концентрация земли в руках помещиков и ростовщиков, рост числа бесправных арендаторов. В то же время война привела к росту фабричного производства в Индии. Сокращение импорта товаров, особенно текстиля из Англии, и создание новых рынков на Ближнем Востоке способствовали росту индийской текстильной промышленности и увеличению доходов владельцев фабрик. С 1914 г. по 1921 г. число фабрик с числом рабочих не менее 50 выросло с 2874 до 3965, а фабричных рабочих – с 950 тыс. до 1266 тыс.¹³⁶ В Бомбее число рабочих текстильных фабрик увеличилось с 110 тыс. в 1914 г. до 126 тыс. в 1919 г.¹³⁷

В эти же годы происходило снижение жизненного уровня рабочих этих фабрик. Самые высокооплачиваемые рабочие – ткачи на текстильных фабриках – получали ничтожную плату в 35 рупий в месяц. Из них более 65% уходило на покупку основных продуктов питания (только риса или пшеницы). Инфляция и резкий рост цен в 1918 г., по существу, поставили рабочих на грань голода. Но при этом им приходилось работать по 10–12 часов в сутки. Большинство рабочих и их семей жили в *чолах* – однокомнатных блочных жилищах, за которые им приходилось платить немалую ренту. В каждом из них размещалось по несколько семей. Вот как описывала такое жилье врач – сотрудница муниципалитета Бомбея: «В одной комнате на втором этаже размером 15 на 12 футов я обнаружила шесть семей... Я узнала, что в этой комнате проживали 30 человек – взрослых и детей. Три женщины находились на последней стадии беременности... В комнате, расположенной в подвале, условия были еще хуже... Туда с трудом проникал дневной свет, а солнце – никогда...»¹³⁸

После войны ситуация в социальной сфере в 1918–1920 гг. была крайне удручающей, если не сказать катастрофической. По данным Уильяма Хантера, генерального директора департамента индийской статистики, 40 млн. индийцев почти всегда голодали. Нехватка питания приводила к различным заболеваниям и инфекциям. Дизентерия, малярия, холера и чума были постоянным фактором индийской жизни. После 150 лет британского правления водоснабжение и санитарные условия находились на примитивном уровне. В 1918 г. общие расходы на здравоохранение составляли 5 млн. американских долларов в год – около двух центов на человека. Проблема голода состояла не в том, что страна не производила достаточно продовольствия, а в том, что индийцы не могли покупать то, что производили. «80% населения Индии оказалось в ужасном положении из-за диспропорциональных налогов, которые разрушили практически все отрасли национального производства, – говорил один американский священник. – Беда в том, что народ доведен до такой нищеты, что не имеет возможности покупать продовольствие. Голод в Индии стал хроническим, хотя пароходы с продовольствием регулярно отправляются в Англию»¹³⁹.

Общий результат такого положения дел выражался в данных о смертности. Если в Англии в то время она составляла 13 на 1000 человек, то в Индии – 32 на 1000 человек. Половина детей в Бенгалии умирала не дожив до 8 лет. В Бомбее в 1921 г. младенческая смерть достигала 666 человек на 1000¹⁴⁰. Американский историк Дюрант подвел следующий итог бедственному положению в Индии в начале 1920-х годов: «Непомерное налогообложение, эксплуатация, голод, смерть». И далее: «Нищета не уменьшается, а становится все более ужасной. Англия не готовит Индию к самоуправлению, а обескровливает ее до смерти». Дюрант отмечал, что в начале XX в. всего 4% детей посещали школу. Вместо развития образования британские власти поощряли употребление спиртных напитков. До британского завоевания, пишет он, индийцы были трезвым народом. В 1922 г. деньги, полученные за лицензии на продажу алкогольных напитков, в три раза превышали ассигнования, выделяемые на школы и университеты¹⁴¹.

Дюрант обвинял колониальные власти в том, что они развили производство и продажу опиума. В 1921 г. в стране насчитывалось семь тысяч лавок по торговле опиумом, которые полностью контролировались властями. Продажа опиума приносила казне более 10% общего ежегодного дохода. Правительственная комиссия подчеркнула в 1925 г. «важность защиты продажи опиума как существенного источника дохода»¹⁴².

Националистические и террористические движения

Участие Индии в войне еще раз продемонстрировало ее значение для Британской империи и пробудило у индийцев надежду на получение права на самоуправление.

Закон об обороне Индии во время Первой мировой войны вводил жесткие ограничения на деятельность политических партий и организаций. Между тем в стране нарастали протестные настроения. В этих условиях активизировалась деятельность подпольных революционных и террористических организаций. Современные индийские исследователи избегают называть их террористическими, предпочитая другой термин – «национальные революционные организации и движения».

Эти организации начали свою деятельность еще в конце XIX в., продолжили и развили ее во время движения свадешти в первом десятилетии XX в. Многие из их выступлений были рассчитаны на демонстрационный эффект. Одним из них была террористическая акция в Дели в декабре 1911 г. во время упоминавшегося уже «имперского дурбара» по случаю визита в Индию короля Георга V. К этому визиту были приурочены два крупных мероприятия – перевод столицы Британской империи из Калькутты в Дели и объявление об аннулировании раздела Бенгалии 1905 г.

Во время торжественного въезда вице-короля Индии Хардинга в новую имперскую столицу 23 декабря 1911 г. в процессию из слонов, на которых в седлах с балдахинами восседала сопровождавшая вице-короля свита, была брошена бомба. Вице-король не пострадал, однако один из его помощников был убит. Организатор покушения Раш Бехари Бос скрылся и впоследствии эмигрировал в Японию.

Мировая война, по мнению индийских революционеров, открыла перед ними новые возможности в борьбе за свободу страны, особенно в первый период, когда англичане терпели неудачи и поражения. Революционеры пытались привлечь на свою сторону армию. Наиболее крупным в этой связи событием было восстание расположенной в Сингапуре в феврале 1915 г. Пятой пехотной дивизии, состоявшей из мусульман. Восставшие индийские солдаты арестовали британских офицеров, захватили Сингапур и держали его под своим контролем в течение двух недель. Восстание было подавлено с помощью японских военных кораблей. Организаторы восстания Исмаил Манджур и Соханлал Патхак, а также другие его участники (более 65 человек) были казнены. Причем некоторые из них – тем же

способом, который применялся во время подавления восстания 1857–1859 гг. – их привязывали к стволам пушек, из которых потом выстреливали.

В то же время был поднят мятеж в подразделении государственной охраны в Малае. Мятежников постигла та же участь – они были казнены. После этого была попытка поднять восстания индийских солдат в Мандалае (Бирма), затем в Белуджистане. Все они окончились неудачей. Часть их участников была казнена, а оставшихся в живых судили по делу о заговоре против короля. Суд проходил в Лахоре. 90 обвиняемых были приговорены к смертной казни, 800 – к пожизненной ссылке. Всего в Лахоре рассматривалось девять дел по обвинению в заговоре.

Еще один суд над обвиняемыми в заговоре против английских властей состоялся в 1916 г. в Бенаресе. Группа подсудимых обвинялась в подстрекательстве солдат к мятежу путем распространения листовок соответствующего содержания. Все обвиняемые были осуждены на вечную ссылку¹⁴³.

Индийские революционеры в своей борьбе за независимость рассчитывали на помощь извне, прежде всего со стороны индийцев, находившихся за границей. Имелось в виду насильственное свержение колониального гнета. Одной из крупных национально-революционных организаций была партия «Гадар» («Восстание»), созданная в США в 1913 г. эмигрантами из Индии, в основном сикхами. Во главе партии стоял Лала Хар Даял (1884–1939) – индус из касты каястха. Он получил образование в миссионерской школе, затем в колледже в Лахоре, а после этого направился в Оксфордский университет. В Англии Хар Даял познакомился с революционными идеями, в том числе русского революционного движения 1905–1907 гг., и после двух лет учебы в Оксфорде вернулся в Индию. Там он пропагандировал идею свержения британского господства путем всеобщего бойкота в сочетании с ненасильственными методами¹⁴⁴.

После репрессий властей при подавлении патриотических выступлений 1907–1908 гг. Хар Даял пришел к выводу, что ликвидация колониализма в Индии возможна только насильственными методами, и покинул Индию, на этот раз навсегда. Обосновавшись во Франции, он участвовал в издании журналов «Ванде Матарам» и «Индиан социолоджист». Там же он познакомился с революционными деятелями из других стран, в том числе с теоретиком анархизма П.А. Кропоткиным. В 1911 г. Хар Даял прибыл в Америку, где преподавал индийскую философию и санскрит в Стэнфордском университете (Сан-Франциско), но был уволен, поскольку пропагандировал радикальные взгляды. После образования партии «Гадар» он стал ее генеральным

секретарем и начал издавать газету «Гадар», а позже еженедельник «Хиндустан гадар» на английском языке, а также на хинди, урду, бенгали, панджаби и маратхи. Это подчеркивало всеиндийский характер партии «Гадар». Гадаровцам была чужда религиозная ограниченность. Целью партии было освобождение Индии от колониального господства путем вооруженного восстания. В марте 1914 г. Хар Даял был арестован властями США по представлению английского посольства. После этого партию возглавили новые люди – Санток Сингх, Бхагван Сингх и Баркатулла. К тому времени помимо Индии и США «Гадар» имела свои организации во Франции, Мексике, Панаме, Аргентине, Китае, Бирме, Сиаме и на Филиппинах.

Во время Первой мировой войны некоторые индийские революционные группы рассматривали возможность сотрудничества с Германией в борьбе против Англии. В Берлине в 1915 г. был создан Комитет индийской независимости, в создании которого принимали участие Вирандрнатх Чаттопадхьяя (брат известной конгрессистки Сароджини Наиду), Абхинаш Чандра Бхаттачария и Б.Н. Датта, а также прибывший из США Хар Даял и другие лидеры «Гадар». По данным английской разведки, немцы в сотрудничестве с индийскими революционерами разрабатывали планы восстания в Индии против Великобритании, которые включали освобождение индийских революционеров из тюрьмы на Андаманских островах, направление для них оружия, установление контроля над Северо-Западными провинциями, организацию восстания в Бенгалии и Северо-Восточной Индии.

В это время партия «Гадар» собирала за рубежом средства и оружие для доставки в Индию, вела пропагандистскую работу в индийских войсках. В 1915 г. группа индийских революционеров, в том числе Баркатулла, Нерамба Гупта, Обейдулла Синдхи, направилась в Месопотамию. Их задача состояла в пропаганде среди индийских солдат, расположенных в этом районе, в том числе в Басре, где произошел их мятеж. Многие участники мятежа были арестованы. Около 30 из них были приговорены к смертной казни, остальные – к длительным срокам заключения¹⁴⁵.

В 1915 г. немцы решили использовать возможности индийских революционеров, находящихся в Афганистане, для ведения пропаганды против Великобритании в Индии. В Афганистан была направлена миссия, членом которой был Раджа Махендра Пратап, возглавлял ее барон фон Хентиг из германского министерства иностранных дел. В декабре 1915 г. в Афганистане даже было создано временное правительство Индии во главе с Раджой Махендра Пратапом и Баркатуллой в качестве премьер-министра¹⁴⁶. Однако всем

планам индийских революционеров не удалось сбыться. Англия с союзниками одержала победу в войне над Германией.

Деятельность радикальных групп, ставивших своей задачей освобождение Индии от колониального гнета, не могла привести к успеху в сложившихся тогда условиях. Эти группы не пользовались широкой поддержкой индийского населения. И, тем не менее, они создавали обстановку террора и неуверенности в английских правящих кругах, которые жестоко расправлялись с террористами. К концу войны индийские революционеры в основном интегрировались в главный поток национально-освободительного движения, возглавляемого Конгрессом. Это свидетельствовало о том, что на пути террора они не смогли добиться успеха. У них не было четкой политической и социально-экономической программы. Вместе с тем их нравственное и политическое наследие оказало немалое влияние на поколения последующих борцов за независимость, особенно молодежь.

Движение за самоуправление (хоум рул)

В 1914 г. Тилак и его сторонники предприняли шаги по объединению двух основных группировок в Конгрессе: эстремистов-радикалов и умеренных. Рост антиколониальных настроений в стране и умеренность требований Тилака в этот период способствовали дальнейшему сближению позиций этих групп. К этому же времени относится смерть двух крупных лидеров Конгресса – Г.К. Гокхале (февраль 1915 г.) и Ферозшаха Мехты (ноябрь того же года), возглавлявших умеренное направление в партии и препятствовавших сближению с экстремистами.

Между тем Тилак решил вдохнуть новую жизнь в национально-освободительное движение. На этот раз вместо свараджа (самоуправления), который рассматривался властями как опасный и бунтовщический, Тилак вместе с Энни Безант дали новому движению заимствованное из Ирландии название *home rule* (также означавшее самоуправление).

На сессии Конгресса в Бомбее в декабре 1915 г. одним из наиболее важных был вопрос о самоуправлении. Принятая там политическая резолюция содержала требования предоставления автономии Индии, расширения участия индийцев в законодательных советах провинций, реформы или упразднения британского совета при министре по делам Индии, наделения органов местного самоуправления более широкими полномочиями¹⁴⁷. На этой же сессии активно обсуждались вопросы единых действий Конгресса и Мусульманской лиги, заседание которой проходило там же в Бомбее одновременно с сессией Конгресса.

После этого Тилак развернул активную пропаганду идеи самоуправления в газете «Кесари» и на митингах, подчеркивая мысль о том, что участие Индии в войне на стороне Великобритании способствует этой цели. 28 апреля 1916 г. он основал в Пуне Лигу самоуправления, которая начала действовать в Махараштре и Карнатаке. 15 сентября этого же года в Адьяре, около Мадраса, была создана такая же лига под руководством Энни Безант.

Колониальная администрация активно препятствовала проведению кампании индийцев за самоуправление. Она подвергла задержанию Безант и запретила Тилаку и Б.Ч. Палу посещать Панджаб и Дели. В связи с задержанием и интернированием Безант колониальными властями Конгресс и Мусульманская лига пригрозили массовыми выступлениями, требуя ее освобождения. Неру писал о митингах протеста в Аллахабаде в письме в газету «The Leader» 21 июня 1917 г.¹⁴⁸ Он считал, что одних протестов было мало. Нужны более решительные действия, так как правительство привыкло к такого рода выступлениям. «Каждый из нас, кто занимает ответственный пост при правительстве, должен уйти в отставку и отказаться от каких-либо отношений с бюрократией. Я знаю, что многие не готовы к этому и скорее готовы пойти к дьяволу, чем обидеть (английского) коллектора. В таких мы не нуждаемся. Нам не нужны в Лиге самоуправления слабые духом или колеблющиеся. Зерно будет чище, если очистить его от шелухи»¹⁴⁹.

Поскольку Индия была вовлечена в Первую мировую войну, Лига самоуправления заявила о своей готовности сотрудничать с британским правительством для достижения победы в этой войне и о том, что она будет придерживаться конституционных методов, противодействовать насилию и революционной агитации. Позже Безант в своей газете «New India» («Новая Индия») уточнила, что под самоуправлением она понимает «самоуправление в рамках Империи». И, тем не менее, она подчеркивала, что интересы Индии были подчинены интересам Британской империи, а ее ресурсы использовались не для ее нужд, а для нужд империи¹⁵⁰.

Движение за самоуправление на юге страны под руководством Безант опиралось преимущественно на представителей касты брахманов, в то время как средние и низшие касты выступали под антибрахманскими лозунгами, в частности требуя создания для них отдельной электоральной курии. Это нашло свое выражение в основании в 1917 г. Националистической ассоциации Мадрасского президентства небрахманских каст. Позже, в конце 1920-х годов, в этом регионе возникло радикальное антибрахманское движение во главе с Е.В. Рамасами Наикером (о нем ниже).

Некоторое время Лига самоуправления вела довольно активную агитацию за достижение своих целей, но в сложных политических условиях военного времени она не смогла долго просуществовать. После возвращения Тилака, Б.Ч. Пала, Г.С. Кхапарде и других националистов в лоно Конгресса во время работы его сессии в декабре 1916 г. в Лакхнау необходимость в Лиге самоуправления для Тилака и других радикалов в значительной мере отпала. Тем более что Тилак после шести лет ссылки вернулся в Конгресс в качестве главного и едва ли не единственного вождя национального движения. В течение последующих двух лет он оставался ведущей политической фигурой в Конгрессе, хотя и не занимал официальных постов. Но позже, в течение более года (с осени 1918 г.), он находился в Англии.

На сессии Конгресса в Лакхнау удалось добиться временной консолидации основных сил национально-освободительного движения. Прежде всего было достигнуто объединение двух группировок в Конгрессе, в том числе на основе движения за самоуправление. В решении Конгресса по этому вопросу отмечалось, что существовавшая система управления Индией не отвечала законным требованиям индийского народа. На сессии было заявлено, что власти Великобритании должны в самое ближайшее время объявить, что целью их политики является предоставление Индии самоуправления, в соответствии с планом, который был разработан в 1915 г. совместно руководством Конгресса и Мусульманской лиги. Частью этого плана была «реконструкция имперской Индии» таким образом, чтобы она стала равным партнером наряду с другими «самоуправляемыми» доминионами Британской империи.

Характеризуя этот план, Тилак сказал, что он был значительно более «либеральным», чем подготовленный в то время законопроект о самоуправлении Ирландии. Но он не предусматривал полного самоуправления Индии. По существу, он был «синтезом» всех предложений, выдвинутых Конгрессом за последние тридцать лет. Это был план постепенных, поэтапных реформ управления Индией. На этой сессии лидер Конгресса Сурендранатх Банерджи заявил, что партия выступает за реформы, поскольку они являются гарантией недопущения революции.

В эти годы на платформе движения за самоуправление Индии произошло сближение Конгресса и Мусульманской лиги, к руководству которой пришли новые политические деятели. В 1916 г. президентом Мусульманской лиги (МЛ) стал Мухаммед Али Джинна – один из наиболее талантливых индийских политиков, великолепный юрист, получивший образование в Англии. В его поддержку выступили популярные в мусульманской среде Абул Калам Азад, Мухаммед Али и другие лидеры. В Лакхнау, где одновременно с сессией Конгресса проходило заседание руководящего органа Лиги, между двумя

партиями было подписано соглашение, получившее название Лакхнауского пакта¹⁵¹. Однако сотрудничество между этими двумя партиями было недолговечным.

Движение за самоуправление и сближение позиций Конгресса и Лиги вызвали немалую озабоченность британских властей. Тем более что исход Первой мировой войны еще не был ясен. В начале 1917 г. министр по делам Индии Остин Чемберлен заявил о необходимости предоставления более широких полномочий Индии. При этом он сослался на Февральскую революцию 1917 г. в России, которая оказала заметное влияние на индийскую общественность. Однако вскоре Чемберлен был вынужден уйти в отставку, а на его место был назначен Эдвин Монтегю, который раньше выступал с резкой критикой правительства, заявив, что оно слишком «закостенелое», «негибкое» и не соответствует «современным задачам», которые стоят перед Великобританией. Заняв пост секретаря по делам Индии, он объявил в августе 1917 г., что целью правительства является «растущее вовлечение индийцев во все сферы администрации и постепенное развитие институтов самоуправления с целью создания ответственного правительства в Индии как неотъемлемой части Британской империи»¹⁵².

Это не удовлетворило многих лидеров движения за самоуправление. Председательствующая на сессии Конгресса в декабре 1917 г. Безант потребовала введения самоуправления до 1923 г. Однако умеренные в Конгрессе выразили удовлетворение заявлением Монтегю и даже назвали его «Великой хартией». Тогда же была принята резолюция о самоуправлении Индии. Однако, несмотря на то, что на сессии доминировали националисты-патриоты, Конгресс вновь заявил о своей «глубокой лояльности» трону и решимости любой ценой поддержать империю во время войны.

На этой же сессии в качестве официального флага Конгресса был утвержден триколор – флаг трех цветов: шафранового, символизирующего мужество и самопожертвование, белого – обозначающего правду и мир, и зеленого, являющегося признаком преданности и благородства¹⁵³.

Доклад и реформы Монтегю-Челмсфорда

Визит Монтегю в Индию в 1917 г., его встречи с представителями разных партий и организаций усилили разногласия в их подходах к целям и задачам реформ. Это привело к ослаблению движения за самоуправление, в котором разные группировки выступали друг против друга. Кроме того, в начавшихся дискуссиях между ними каждая община выдвигала свои собственные требования. Так, сикхи

по примеру мусульман настаивали на выделении для них отдельных избирательных округов. Организации небрахманских каст требовали создания для них отдельных избирательных курий или резервирования для них мест в общих (индусских) куриях. Свои организации начали создавать христиане, англо-индийцы (потомство от смешанных браков англичан с индийцами) и неприкасаемые.

К середине 1918 г. ситуация на фронтах войны изменилась в пользу Англии и других союзных держав. Переменилось и отношение британских властей к Индии, что получило свое выражение в их предложениях по административным реформам, ставших известными как доклад Монтегю – Челмсфорда. Суть этого доклада состояла в том, что ранее заявленное предложение Монтегю о реформе самоуправления, по существу, было отменено. Теперь оно касалось только местных органов власти, таких как муниципалитеты. В провинциях вся власть фактически оставалась в руках английских губернаторов, а в центре – генерал-губернатора.

Публикация доклада Монтегю – Челмсфорда в июле 1918 г. вызвала разногласия в Конгрессе. В то время как умеренные приветствовали эти предложения, экстремисты объявили их совершенно недостаточными. Тилак в свойственной ему прямой и четкой манере заявил, что доклад Монтегю–Челмсфорда является «абсолютно неприемлемым». Ему вторила Безант: «Доклад недостойн того, чтобы его предлагала Англия, а Индия приняла бы его». Как и десять лет назад, Конгресс оказался на грани раскола. Но на этот раз противоречия в партии не привели к исключению из нее экстремистов. Все произошло наоборот – умеренные покинули Конгресс и создали отдельную организацию – Либеральную федерацию. Они считали, что предлагаемые в докладе реформы являются «реальным и существенным шагом» к претворению в жизнь идеи «ответственного правительства»¹⁵⁴.

Радикальная фракция в Конгрессе полагала, что эти реформы не соответствуют задачам партии. Еще одна группа в партии придерживалась мнения, что предложения по реформе управления нельзя признать удовлетворительными, но их не следует отвергать, а нужно существенно изменить.

Принятый британским правительством Индии Закон об управлении Индией 1919 г., известный как реформы Монтегю – Челмсфорда, преподносился индийской общественности как шаг вперед в приобщении индийцев к управлению страной. В нем говорилось о необходимости их «растущей» вовлеченности «во все сферы» государственного управления и «постепенном» развитии институтов самоуправления с целью «прогрессивной реализации ответственного правительства в Британской Индии как интегрированной части Империи». Подчер-

кивалось, что прогресс в этом направлении может быть достигнут «только последовательными шагами. Время и содержание таких шагов может быть определено лишь парламентом Великобритании»¹⁵⁵.

Законом 1919 г. предусматривалось вместо Центрального законодательного совета создание двухпалатного законодательного органа, а именно: Государственного совета и Законодательного собрания. Первый состоял из 60 членов, из которых 33 избирались, а остальные назначались генерал-губернатором (вице-королем). Собрание состояло из 145 членов, из которых 103 избирались, остальные назначались тем же генерал-губернатором. Выборные члены избирались по куриям: 51 – в общих округах (которые включали индусов), 32 – в религиозных округах (30 мусульман и 2 сикха), 20 – в специальных округах (7 помещиков, 9 европейцев, 4 индийских предпринимателя)¹⁵⁶.

По Закону об управлении Индией 1919 г. сохранялись созданные еще по реформе Морли–Минто избирательная курия для мусульман и такая же курия для индусов (так называемая общая курия). Таким образом, система курий была сохранена, хотя в докладе Монтегю – Челмсфорда (1918 г.) об индийской конституционной реформе подчеркивалась опасность религиозно-общинных избирательных курий. Спикер Законодательного собрания назначался вначале правительством, последующие спикеры избирались членами собрания. Выборы проводились прямым голосованием. Но установленный высокий имущественный ценз резко ограничивал число избирателей. В 1920 г. общее число принявших участие в выборах в Государственный совет составило всего 17 364 человека, а в Центральное законодательное собрание – 909 874 человека (по переписи населения 1921 г. в Индии проживало 305 млн. человек)¹⁵⁷.

Формально Центральное законодательное собрание наделялось правом принимать новые законы, отзывать принятые раньше законы или вносить в них поправки. Однако на деле все выглядело иначе. Генерал-губернатор обладал правом наложить вето на любой закон, принятый этим собранием, чем он неоднократно пользовался. Фактически собрание было беспомощным в отношении генерал-губернатора. Но в конечном итоге решение по любому вопросу управления Индией принадлежало правительству Великобритании в лице министра по делам Индии.

Члены Исполнительного совета при генерал-губернаторе назначались только им. Центральное законодательное собрание не имело права уволить их в отставку даже в случае решения о недоверии правительству. Таким образом, Исполнительный совет был независим от Законодательного собрания. Тем не менее, последнее могло выступать как инструмент политического давления на правительство и вице-короля.

Законом 1919 г. предусматривалось определенное разделение полномочий между центром и провинциями. В список полномочий центра (центральный лист) были включены вопросы обороны, иностранных и политических отношений, тарифов, таможни, почты и телеграфа и пр. В полномочия провинций входили местное самоуправление, здравоохранение, образование, сельское хозяйство и пр.¹⁵⁸

Состав провинциальных законодательных советов был существенно расширен. Около 70% его членов избирались представителями населения, 30% назначались губернатором. Последний имел право вето на решения провинциальных законодательных советов. Законом 1919 г. в провинциях была введена так называемая диархия – разделение полномочий между губернатором и министрами. При этом губернатор назначал министров из членов законодательных советов. Он же назначал и чиновников исполнительных советов.

Зарезервированные за губернатором полномочия осуществлялись, как и раньше, напрямую губернатором «с помощью исполнительного совета», а «передаваемые полномочия» – им же, но уже «с помощью его министров». В зарезервированные полномочия входили все важнейшие вопросы – судопроизводство, полиция, сбор налогов, сельское хозяйство, ирригация и пр. В передаваемые полномочия – вопросы местного самоуправления (муниципалитеты и дистриктовые советы), здравоохранение, санитария и пр. Губернатор обладал правом отменять распоряжения министров. Система диархии оказалась неработоспособной, хотя и действовала формально с 1921 г. по 1937 г. Министры, по существу, не обладали правами, так как не распоряжались финансами.

Сама идея диархии довольно быстро себя изжила. Политики говорили, что она умерла. На бытовом уровне само слово «диархия» приобрело негативное значение. Интересно в этой связи наблюдение одного английского чиновника: «В Индии диархия превратилась в ругательство. Я слышал, как один человек кричал соседу – "Ей ты, диархия!" А индийский мальчишка грозил другому: "Я тебя отлуплю диархией!" Когда его спросили, что это такое, он ответил: "Это новая теннисная ракетка"»¹⁵⁹.

Закон об управлении Индией 1919 г. содержал важное положение о его пересмотре через 10 лет, имея в виду установление полностью «ответственного правительства» в стране. Это было в последующем использовано индийцами в борьбе за независимость. Сразу после принятия закона Конгресс выступил против участия индийцев в работе исполнительных органов в качестве министров, хотя некоторые из них все же согласились на эту роль. Например, Сурендранатх Банерджи был министром в правительстве Бенгалии.

После обнародования Закона об управлении Индией 1919 г. Тилак создал новую организацию – Конгрессистскую демократическую партию. Программа этой партии включала участие в выборах в соответствии с новыми реформами, контроль над законодательными собраниями в провинциях и использование этих собраний для того, чтобы предложить английским властям сотрудничество или выступить в роли конституционной оппозиции, в зависимости от обстоятельств. Таким образом, по существу, два главных течения в Конгрессе выступали с близких позиций по будущему управлению Индией, но расходились во мнениях, каким способом достичь самоуправления¹⁶⁰. Незадолго до смерти Тилак подготовил меморандум для мирной конференции в Париже, в котором заявлял о возможной роли Индии в миротворческом процессе в Азии и даже защите интересов Великобритании в этом регионе¹⁶¹. 1 августа 1920 г. Тилак умер. Постепенно затухло и движение самоуправления. Оно не имело массовой базы, не структурировалось в политическую партию. С его уходом с политической сцены закончилась целая эпоха в освободительном движении Индии.

Тилак – известный ученый и писатель был крупным политическим деятелем и борцом. Он придал антиколониальному движению конкретные формы, сформулировал такие лозунги, как «Свадеш» и «Сварадж», в своих изданиях он использовал родной язык вместо английского, что значительно расширило круг его последователей. Репрессии, аресты и тюремное заключение добавили многое к его славе. В народе его называли «Локманья» (уважаемый, почитаемый народом) и «Тилак махарадж» (великий царь)¹⁶².

Многие из идей Тилака были использованы позже Ганди в существенно больших масштабах. Вместе с тем Ганди не считал себя последователем Тилака.

Глава 7

ГАНДИ ВЫХОДИТ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СЦЕНУ ИНДИИ

Жизнь и деятельность Мохандаса Карамчанда Ганди можно условно поделить на четыре важных периода. Первый занял около 18 лет – со времени его рождения до отъезда в Англию. Второй – пребывание в Англии. Третий – работа и общественная деятельность

в Южной Африке, которые продолжались с небольшими перерывами более 20 лет. Четвертый и самый главный период – с 1915 г. до его смерти 30 января 1948 г., который был наполнен политической деятельностью, а точнее, борьбой за независимость Индии, в достижение которой Ганди внес самый значительный вклад из всех индийских лидеров.

Ганди родился 2 октября 1869 г. в Порбандаре (Гуджарат) в семье, принадлежавшей к торговой касте банья. Мужчины из этой семьи давно отказались от традиционных кастовых занятий и перешли на административную службу. Дед, отец и дядя Мохандаса были премьер-министрами в маленьких княжествах на полуострове Катхиавар. О своем отце Карамчанде М.К. Ганди писал, что он был предан своему роду, правдив, мужествен и великодушен, но вспыльчив. Он был неподкупен и справедлив, никогда не стремился к накоплению богатства и оставил семье совсем небольшое состояние.

Мать Ганди Путлибаи была глубоко религиозной женщиной, которая постилась во время бесчисленных индусских постов и вела чрезвычайно скромную жизнь. Как и отец, мать Мохандаса обладала практически здравым смыслом и была хорошо информирована о состоянии дел в княжестве.

Родители оказали огромное влияние на формирование характера и уклада жизни Мохандаса. Мальчиком и юношей он был прилежным учеником в школе, строго придерживался установленного распорядка. Он был приучен ничего не скрывать от родителей и старших в семье и никогда не обманывать их. Одним из его главных качеств стало глубокое чувство ответственности за выполнение своего долга.

В соответствии с традицией, Мохандаса женили в возрасте 13 лет. Позже Ганди писал, что он не видел никаких моральных аргументов в поддержку таких ранних браков.

После окончания школы и одного года учебы в местном колледже Ганди остался на попечении матери и старшего брата, так как умер его отец. Семья стала думать о дальнейшей судьбе Мохандаса. Было решено послать его в Англию для учебы на юриста. Старший брат был готов оплатить поездку и учебу на занятые деньги. Часть средств на эти цели была получена от продажи украшений жены Ганди Кастурбы, которые она получила от своих родителей в качестве приданого. Окончательное решение о поездке приняла мать. Она разрешила сыну поехать в Англию, взяв с него торжественное обещание не дотрагиваться до вина, женщин и мяса. После этого Мохандас отправился в путь. Ему было 18 лет.

Ганди в Южной Африке

Через три года учебы в Англии Ганди сдал экзамены на юриста и в 1891 г. получил право заниматься адвокатской практикой. В том же году он вернулся в Индию. Однако работа в качестве адвоката ему не удалась. Он не знал ни индусского, ни мусульманского права и к тому же был слишком неопытным и робким, чтобы публично выступать в суде.

Вскоре он получил предложение поехать в Южную Африку от одной торговой фирмы в качестве ее служащего сроком на один год. В апреле 1893 г. он отправился в Дурбан. Знакомство с рабскими условиями жизни индийских иммигрантов в Южной Африке и стремление изменить эти условия привели к тому, что вместо одного года Ганди остался там до начала 1915 г.

В Южной Африке Ганди испытал на себе тяжесть расового гнета и унижений. Ему не разрешали жить в европейской гостинице, высаживали из купе первого класса поезда, угрожали сжечь его дом, арестовывали и сажали в тюрьму за выступления в защиту индийцев. «Я видел, – писал он, – что Южная Африка не та страна, где может жить уважающий себя индиец, и меня все больше занимал вопрос о том, как изменить такое положение вещей»¹⁶³.

В английских колониях в Южной Африке жили несколько десятков тысяч выходцев из Индии. В своем большинстве это были контрактные рабочие на угольных шахтах и плантациях, а также мелкие и средние торговцы. С простыми рабочими белые хозяева обращались как с полурабами. Остальные индийцы были жестко ограничены в правах, связанных с гражданством, торговлей, владением земель и домами. Особенно унижительными были ограничения в общественной жизни. В трамваях и поездах им отводились отдельные места, вместо гостиниц европейского типа их размещали в специальных резервациях. Повсюду им давали понять, что они принадлежат к низшей расе.

Во время войны Англии против Республики буров в 1899–1902 гг. Ганди создал из 1100 индийцев, проживавших в провинции Наталь, отряд санитаров и заявил о поддержке империи. Он рассчитывал получить за это признание гражданских и национальных прав для индийских поселенцев со стороны властей. Однако вклад индийцев в победу британцев в той войне не привел к ослаблению расовой дискриминации, несмотря на то, что их заслуги тогда были признаны англичанами: 67 отличившихся санитаров были награждены медалями. Напротив, южноафриканские власти усилили дискриминационные меры по отношению к индийцам¹⁶⁴.

Идеи и практика ахимсы и сатьяграхи

Во время долгой борьбы Ганди против расовой дискриминации индийцев в Южной Африке сложилась его жизненная философия, морально-этическое кредо и методы гражданского неповиновения властям как способа достижения поставленной цели. Джавахарлал Неру отмечал, что именно там Ганди начал свою первую кампанию против расового неравенства, расового превосходства и угнетения. «Расовое неравенство, – писал он, – это не просто внутренняя проблема какой-то одной нации. Она имеет и международное звучание»¹⁶⁵.

Отстаивая интересы индийских поселенцев, Ганди использовал разные формы гражданского неповиновения, включая сидячие забастовки, мирные демонстрации и голодовки как инструменты политической борьбы против расовой дискриминации. Дж.Б. Крипалани, один из соратников Ганди и автор его биографии, впоследствии писал: «Идеи сатьяграхи были разработаны и применены на практике в борьбе за права, свободы и безопасность индийцев в Южной Африке»¹⁶⁶. На индивидуальном уровне доктрина сатьяграхи¹⁶⁷ практиковалась святыми и йогами. Ганди стремился преобразовать ее в динамичную социальную и политическую философию, которую можно было бы применить в национальном масштабе.

Там же, в Южной Африке, он познакомился с идеями Льва Николаевича Толстого, чья проповедь «непротивления злу насилием» послужила для него еще одним идейным источником. «Я извлек огромную пользу из трудов Толстого, – писал Ганди, – но, как он сам признавал, я развил и разработал этот метод в Южной Африке настолько, что он стал выглядеть иначе, чем то непротивление, о котором писал и которое рекомендовал Толстой...»¹⁶⁸

Объясняя содержание сатьяграхи, Ганди говорил, что это способ «достижения истины, причиняя страдания не оппоненту, а самому себе», сатьяграха – это «оружие сильнейших, оно исключает использование насилия в любом виде или форме... это движение с целью заменить методы насилия, это движение, основанное на истине». Отвечая на замечание, что «справедливость» и «несправедливость» по-разному оцениваются разными людьми (и законами), Ганди утверждал, что насилие должно быть устранено, а участник сатьяграхи должен дать своему оппоненту такое же право и возможность, которыми обладает он сам. «Он будет бороться, причиняя себе страдания»¹⁶⁹. Прогресс можно измерить, уверял Ганди, числом страданий, которые переносит страдающий¹⁷⁰.

Концепция сатьяграхи была разработана им в деталях, в зависимости от ситуации. Так, он указывал, что сатьяграхи (тот, кто прибегает к сатьяграхе) не должен испытывать гнева, а должен страдать от гнева оппонента. Он никогда не должен отвечать на нападение оппонента, но и не должен подчиняться любому приказу, отданному в гнев, из-за страха подвергнуться наказанию. Сатьяграхи не должен приветствовать Юнион Джек (британский флаг), но не должен оскорблять государственных чиновников – англичан или индийцев, и т.д.

Теория и практика ахимсы (ненасилия) были далеко не единственными достижениями Ганди как духовного лидера и политика. Сама идея ненасилия привела его к сатьяграхе – упорству в истине, что выразилось в гражданском неповиновении или ненасильственном несотрудничестве с колониальными властями¹⁷¹. Для Ганди ненасилие было лишь частью, пусть очень важной, всего свода его идейных и политических воззрений. Для него также имели исключительное значение такие качества человека, как смелость и решительность. Слово «страх» не может присутствовать в словаре ахимсы, писал он¹⁷². «Наша задача, – подчеркивал Ганди, – состоит в том, чтобы вновь вдохнуть жизнь в 400 миллионов индийцев. Мы должны изгнать страх из их сердец. В тот день, когда они избавятся от всякого страха, падут оковы Индии, и она станет свободной»¹⁷³. Сам Ганди был бесстрашным человеком, непреклонным в отстаивании истины, как он ее понимал. Он рассматривал сварадж как «освобождение от страха перед смертью», а готовность идти на смерть во имя свободы Индии – как высочайший акт мужества¹⁷⁴. Эти его призывы сыграли большую роль в мобилизации индийцев на борьбу за национальное освобождение страны.

Было бы очень просто сказать, что политическая философия Ганди определялась только ненасилием. На самом деле все обстояло гораздо сложнее. Ганди говорил: «На вещи надо смотреть в различных условиях по-разному». Он всегда был склонен к компромиссу: «На протяжении всей жизни именно верность истине, – писал он, – научила меня высоко ценить прелесть компромисса. Позже я понял, что дух компромисса представляет собой существенную часть сатьяграхи»¹⁷⁵.

Сатьяграха как оружие, инструмент борьбы органично сочеталась у Ганди с его идеями свободы, равенства и социальной справедливости. Не случайно, что фундаментальный принцип, который лег в основу его нравственной позиции и практической деятельности, исходил из нужд простого человека. «Когда вас одолевают сомнения или когда вы слишком поглощены собой, – говорил он, – используйте следующий тест: вспомните самого бедного, самого слабого человека, которого вам доводилось встречать, и спросите себя, будет ли

какая-нибудь польза для него от задуманного вами шага, получит ли он что-либо в результате этого»¹⁷⁶.

В соответствии с гандистским учением и практикой насилие не может привести к положительному результату. Ганди решительно отстаивал значение нравственных принципов в качестве главного направления в политике. В начале своей деятельности он столкнулся с неприятием его политики ненасилия со стороны отдельных крупных политических лидеров и некоторых конгрессистов, которые критиковали эту его теорию как непрактичную и нереальную. На это Ганди отвечал: «Я не мечтатель. Я претендую на то, чтобы быть идеалистом-практиком. Ненасилие – это закон нашего (человеческого) вида, а насилие – закон животных. Достоинство человека требует его подчинения более высокому закону, силе духа. Поэтому я рискнул предложить Индии древний закон самопожертвования»¹⁷⁷.

В Южной Африке Ганди издавал еженедельник «Indian Opinion» («Индийское мнение»), в котором из номера в номер публиковал статьи против дискриминации индийцев и пропагандировал принципы ненасилия и практику сатьяграхи. Там же он написал две книги: «Hind Swaraj» («Управление Индией») и «Indian Home Rule» («Индийское самоуправление»). Во время своих двух поездок в Индию за эти годы Ганди познакомился с лидерами Индийского национального конгресса М.Г. Ранаде, Г.К. Гокхале, Б.Г. Тилаком и Ферозшах Мехтой. Он рассказал им о тяжелом положении индийцев в Южной Африке и настоял, чтобы Конгресс поддержал их борьбу за равноправие. Он установил особо тесные связи с Г.К. Гокхале, которого считал своим гуру. «Мы расходимся с ним (Гокхале) в оценках западной цивилизации, – писал Ганди. – Он откровенно не принимал мои экстремальные взгляды на ненасилие. Но эти различия не имели значения как для него, так и для меня». По приглашению Ганди Гокхале приехал в 1912 г. в Южную Африку, где выступал в защиту прав индийцев. Он тогда написал, что Ганди «сделан из такого материала, из которого ваяют героев и святых». Тогда же он посоветовал Ганди вернуться в Индию¹⁷⁸. На сессии Конгресса в Банкипуре в 1912 г. большое место заняло обсуждение вопроса о положении индийцев в Южной Африке, о котором рассказал прибывший оттуда М.К. Ганди. Конгресс поддержал начатую им и его соратниками борьбу за права индийцев.

Ганди окончательно вернулся на родину 9 января 1915 г. Свою политическую деятельность в Индии он начал во время Первой мировой войны. Тогда Ганди, по его словам, «еще не стоял твердо на ногах, искал приложения своим возможностям, но это не означало, – сказал он в беседе с американским корреспондентом Л. Фишером, –

что я не верил в ненасилие»¹⁷⁹. Действительно, в то время он был мало известен в Индии. Как писал Крипалани, политические взгляды Ганди казались ему (Крипалани) ошибочными, ибо Ганди находился под влиянием умеренных лидеров в Конгрессе и считал, что общий итог правления Великобритании в Индии был положительным¹⁸⁰. В 1918 г., когда положение британских войск в Первой мировой войне заметно ухудшилось, Ганди снова начал заниматься вербовкой рекрутов в англо-индийскую армию, но на сей раз в Гуджарате. Этому предшествовала конференция, созванная вице-королем Челмсфордом, на которой обсуждалось решение о вербовке. После конференции Ганди написал письмо вице-королю, в котором подчеркнул, что «в час опасности мы должны, как было решено, оказать безоговорочную, идущую от всего сердца, поддержку империи, от которой мы ждем, что станем ее партнерами так же, как ее заморские доминионы. Совершенно ясно, что эта готовность вызвана надеждой осуществить нашу цель в ближайшем будущем». В письме Ганди подчеркивал: «Вы обратились к нам с призывом забыть о внутренних раздорах. Если это обращение предполагает нашу терпимость в отношении тирании и злоупотребление чиновников, то здесь я бессилен. Всеми силами я буду оказывать великое противодействие организованной тирании». Во время вербовочной кампании индийцы задавали Ганди трудные вопросы: «Как можете вы, последователь ахимсы, предлагать нам взяться за оружие? Что хорошего сделало правительство Индии, чтобы заслужить наше сотрудничество?» Сам Ганди не пишет, как он отвечал на эти вопросы, и обходился ответом, что «наше упорство побеждало». Характерно, что именно тогда, в выпускаемых Ганди листовках с призывом к населению записываться в рекруты, он писал: «Из всех злодеяний британского владычества в Индии история сочтет наиболее тяжким закон, лишающий весь народ права носить оружие. Если средние слои населения добровольно окажут правительству помощь в час испытания, его недоверие исчезнет, и запрещение носить оружие будет снято»¹⁸¹. В кампании по вербовке добровольцев в армию принимали участие вместе с Ганди также Валабхай Патель и Раджендра Прасад. Но их совместные старания не давали больших результатов¹⁸².

Гокхале посоветовал Ганди, прежде чем он приступит к активной деятельности, вникнуть глубже в суть индийской общественной и политической жизни, ведь он пробыл за границей четверть века – 22 года в Южной Африке и до этого три года в Англии. Ганди последовал совету Гокхале. Он принимал участие в съездах Конгресса в 1915 г. и 1916 г., но не выступал на них. Любопытная деталь: когда на сессии Конгресса в Бомбее (1915 г.) кандидатура М.К. Ганди была

предложена для избрания в состав одного из комитетов партии, он не получил необходимого количества голосов. Пришлось лично президенту Конгресса Сатъендра Прасанна Синхе назначить Ганди членом этого комитета¹⁸³.

В феврале 1916 г. Ганди представилась возможность изложить свои взгляды на положение в Индии на крупном мероприятии, связанном с закладкой фундамента здания Индусского университета в Бенаресе вице-королем Индии Хардингом. На церемонии присутствовали лидер Конгресса М.М. Малавия, Энни Безант, правители ряда княжеств. Был приглашен и Ганди.

В своей речи он говорил о необходимости ликвидации бедности в стране. Указывая на роскошь, с которой была обставлена вся эта церемония, Ганди сказал: «Я не вижу спасения для Индии до тех пор, пока богатые не откажутся от своих драгоценностей и создадут трест (для опеки) соотечественников... Когда я слышу, что где-то построен великолепный дворец, я говорю – это сделано за счет крестьян»¹⁸⁴. Ганди шокировал высоких гостей тем, что выступил в поддержку индийских патриотов-революционеров, хотя и осудил используемые ими методы. «Мне говорили, – сказал он, – что если бы некоторые люди не бросали бомбы, мы никогда не добились бы отмены раздела Бенгалии». При этих словах Энни Безант и председатель собрания покинули заседание в знак протеста против таких высказываний Ганди. В тот же вечер комиссар полиции издал приказ, чтобы Ганди немедленно покинул Бенарес, но Ганди раньше сам уехал из города¹⁸⁵.

Первые выступления Ганди в защиту крестьян

В апреле 1917 г. Ганди выступил в поддержку требований крестьян на индиговых плантациях в дистрикте Чампаран (Бихар), где крестьяне, преимущественно середняки и богатые, а также ростовщики и торговцы долгое время боролись с засильем английских владельцев плантаций в торговле и финансовой сфере. Местные власти сначала запретили Ганди оставаться в Чампаране, но под угрозой сатьяграхи более высокие органы были вынуждены дать согласие на его присутствие в этом дистрикте.

Ганди отказался подчиниться решению суда, в соответствии с которым должен был уехать из Чампарана. Ганди сам явился в суд и изъявил готовность понести наказание. Но суд не стал его преследовать. На суде он заявил, что в сложившейся ситуации решил добровольно предать себя наказанию за неподчинение: «Я хочу показать, что пренебрег приказом в отношении меня не из-за

того, что я не уважаю законные власти, а потому, что подчиняюсь высшему закону нашего существования – голосу совести». «Это был мой первый акт гражданского неповиновения против британцев, – рассказывал Ганди. – Я хотел утвердить принцип того, что ни один англичанин не имеет права настаивать на том, чтобы я покинул любое место в моей стране, куда я явился с мирными намерениями. И гражданское неповиновение одержало верх. Оно стало методом, при помощи которого Индия может стать свободной»¹⁸⁶.

Роль Ганди в Чампаране свелась к оказанию помощи в организации открытого расследования обстоятельств одного конкретного дела. Но психологический эффект от его присутствия был значительно более сильным. Как докладывал высокому начальству местный чиновник, Ганди «каждый день воздействует на воображение неграмотных людей представлениями о скором пришествии «Золотого века». Некоторые арендаторы сравнивали Ганди с богом Рамой и говорили, что теперь они не будут бояться Ракшаса (демона) – плантатора, так как Ганди защитит их. Распространялись слухи будто Ганди был прислан вице-королем или даже королем, чтобы защитить их от чиновников и плантаторов. Некоторые говорили, что англичане готовятся покинуть Чампаран через несколько месяцев. После отъезда Ганди из Чампарана там оставалась группа из 15 добровольцев, которые должны были вести работу по просвещению крестьян и помогать им в конфликтах с плантаторами. Эта группа проработала там немногим более года¹⁸⁷. И, тем не менее, сатьяграха в Чампаране привела к росту популярности Ганди.

В марте 1918 г. он начал первую в Индии крестьянскую сатьяграху в дистрикте Кхеда (Гуджарат). Она охватила около 70 деревень. Цель сатьяграхи – добиться приостановки уплаты налога в связи с плохим урожаем. Перед началом сатьяграхи в Кхеде, Ганди разъяснял ее значение, говоря, что за его борьбой скрывается очень важная идея. «При британском правлении нам с детства внушали, что их правление справедливо. Это их идеал. Я думаю, что вместо этого идеала у нас сегодня существует деспотическое правление. Поэтому я говорю: мы должны восстать против этого правительства... В конце концов, что мы просим? Всего лишь отсрочки на год налога на землю»¹⁸⁸.

Гандистские ненасильственные действия были поддержаны доминировавшими в дистрикте Кхеда зажиточными крестьянами из каст кунби и патидаров, среди которых были поставщики сельскохозяйственной продукции в Южную Африку. Патидары, как владельцы собственности (земли и домов), не желали применения

насилия. В отличие от них сельскохозяйственные рабочие из низших каст барайя были готовы к использованию силы.

Сатьяграху пришлось прекратить уже в июне, поскольку был получен хороший урожай весеннего риса (раби), и крестьяне были вынуждены уплатить налог. Даже такой ограниченный успех этой сатьяграхи способствовал укреплению влияния Ганди. В результате его настойчивой работы в деревнях Гуджарата, где у него были последователи, была создана солидная социальная база, накоплен важный опыт политической ненасильственной борьбы.

Ганди верил в то, что без вовлечения крестьянства в освободительную борьбу, она не может рассчитывать на успех. Отсюда его повышенное внимание к проблемам деревни, тех социальных групп, которые составляли большинство в стране. По мнению Дж. Неру, Ганди, безусловно, представлял крестьянские массы Индии. «Он – квинтэссенция сознательной и подсознательной воли этих миллионов людей. Это, пожалуй, нечто большее нежели представительство, ибо он является идеализированным воплощением этих неисчислимых миллионов... И при всем том он – великий крестьянин, с крестьянским взглядом на вещи и с крестьянской слепотой в отношении некоторых сторон жизни... Индия – страна крестьянская, и Гандиджи хорошо знает свою Индию и реагирует на малейшее ее движение, точно и почти инстинктивно оценивает положение и обладает даром действовать в нужный психологический момент»¹⁸⁹.

Следующим заметным успехом Ганди в разрешении мирным путем социальных конфликтов было его посредничество в достижении компромисса между владельцами и рабочими текстильной фабрики в Ахмадабаде в марте 1918 г. Рабочие объявили забастовку после того, как их попытались лишить бонуса, введенного во время чумы в 1917 г. Вместо бонуса рабочие требовали увеличить им заработную плату на 50%, в то время как хозяева соглашались только на 20%. В качестве компромисса Ганди предложил повысить заработную плату на 35%. Для достижения этой цели он впервые после возвращения в Индию использовал опробованное им в Африке средство – голодовку.

В письме к владельцу текстильной фабрики Ганди следующим образом объяснял необходимость достижения компромисса с рабочими: «Почему бы хозяевам фабрики не почувствовать себя счастливыми, заплатив немного больше рабочим? Есть только один-единственный королевский способ устранить их недовольство: войти в их жизнь и связать их шелковой нитью любви... В конечном счете право использовать деньги заключается в том, чтобы тратить их для страны. Если вы расходуете деньги для страны, это обязательно принесет свои плоды»¹⁹⁰.

После создания в 1920 г. Ассоциации текстильных рабочих Ахмадабада позиции Ганди среди них еще более укрепились. Своим успехом он был обязан хорошим личным связям одновременно с владельцами фабрик и рабочими. На этой основе им была выработана концепция «опеки» хозяев над рабочими. Вместе с тем Ганди, в отличие от многих конгрессистских лидеров, не участвовал в деятельности Всеиндийского конгресса профсоюзов, созданного под эгидой Конгресса¹⁹¹.

В Чампаране, Кхеде и Ахмадабаде Ганди впервые применил, хотя и в ограниченных масштабах, сатьяграху – свой метод политической борьбы, а также продемонстрировал умение добиваться нужного результата при помощи компромисса.

События в Амритсаре – поворотный пункт в освободительном движении

После окончания Первой мировой войны ситуация в Индии резко ухудшилась. Надежды большинства индийцев, особенно средних слоев, на улучшение жизни и получение больших свобод не оправдались. На сессии Конгресса в Дели в 1918 г., где впервые присутствовало около 1000 крестьян, вновь обсуждались вопросы возможного получения права на самоуправление. Это было связано с заявлениями президента США Вудро Уилсона и премьер-министра Великобритании Ллойда Джорджа о праве колоний на самоопределение. Тогда же Конгресс назначил Тилака, Ганди и Хасана Имама его представителями для участия в мирной послевоенной конференции.

Однако после войны британские власти почувствовали себя свободными от каких-либо обязательств перед индийцами и в ответ на начавшееся в обществе брожение усилили политику репрессий. Сигналом к этому послужило введение в действие Закона Роулэтта (март 1919 г.), наделившего колониальные власти правом ареста и ссылки без суда. Ганди назвал этот закон «несправедливым, подрывающим основы свободы и разрушающим элементарные права личности» и потребовал его отмены. Власти проигнорировали это требование. После этого Ганди решил начать всеиндийское движение за отмену Закона Роулэтта. Еще раньше, 24 января 1919 г., он основал организацию Сатьяграха сабха (Собрание сатьяграхи), члены которой после принятия Закона Роулэтта торжественно обязались не подчиняться ему и подвергаться арестам.

18 марта 1919 г. Ганди опубликовал обращение к народу, в котором заявил, что этот закон нарушает принципы свободы и спра-

ведливости, ликвидирует элементарные права граждан, на которых основана безопасность Индии. Он утверждал, что если этот закон будет принят, то «мы откажемся подчиняться ему и другим подобным законам... Мы заявляем также, что в этой борьбе мы будем следовать истине и воздерживаться от применения насилия в отношении людей и их собственности»¹⁹².

6 апреля 1919 г. в стране был проведен хартал, успех которого способствовал росту популярности Ганди. На следующий день после хартала Ганди дал конкретную инструкцию участникам сатьяграхи. Он писал: «Сейчас мы можем ожидать ареста в любой момент. Поэтому следует помнить, что, если кто-либо будет подвергнут аресту, он должен позволить властям сделать это. Если его вызовут в суд, он должен идти туда... Если суд наложит штраф или, в качестве альтернативы, приговорит к тюремному заключению, то следует выбрать последнее»¹⁹³.

При подготовке сатьяграхи Ганди стремился объединить три политические течения – Лигу домашнего управления, некоторые мусульманские группы и Собрания сатьяграхи, созданные в нескольких городах. Однако здесь возникло немало проблем. Энни Безант фактически перешла в лагерь умеренных, за что была резко раскритикована на сессии Конгресса в Дели в 1918 г. Тилак в это время находился в Англии. Тем не менее, многие последователи Безант согласились оказать поддержку, в том числе финансовую, в проведении сатьяграхи. Более молодые последователи Тилака тоже выступили на стороне Ганди. Но такие ведущие сподвижники Тилака, как Г.С. Кхапарде и Н.Ч. Келкар, предпочли оставаться в стороне. Вместе с тем Ганди установил хорошие отношения с рядом мусульманских лидеров. На сессии Мусульманской лиги в Дели произошла заметная смена руководства. К власти пришла группа радикалов, таких как М.А. Ансари и Абдул Бари. Ансари выступил в поддержку Ганди, заявив, что он является «бесстрашным лидером Индии... который одинаково любим как мусульманами, так и индусами». Оба лидера поддержали призыв Ганди к сатьяграхе против Закона Роулэтта. В марте и апреле 1919 г. Ганди совершил множество поездок по всей стране, выступив в десятках городов и деревень. В тот период Конгресс не смог оказать ему серьезную помощь. Во многих районах страны у него не было активно действовавших организаций, пропагандистских и агитационных инструментов и средств. А в тех районах, где в Конгрессе доминировали радикальные группы (Бенгалия и Махараштра), Ганди не мог рассчитывать на серьезную поддержку.

В результате сатьяграха 1919 г. в социальном плане была ограничена, в основном городами, где ее поддерживали представители «нижнего среднего класса» и ремесленники. Участие в ней рабочих

было весьма незначительным. Самые массовые выступления и демонстрации прошли в Амритсаре, Лахоре и других городах Пенджаба, а также в Ахмадабаде, Дели, Бомбее и, в меньшей степени, в Калькутте. Особенно напряженная обстановка сложилась в Пенджабе. В ходе массовых демонстраций произошло невиданное ранее единение индусов, сикхов и мусульман. Это, в частности, нашло свое проявление в участии мусульман в индусском весеннем религиозном празднике Рам Навами 9 апреля, в котором индусы и мусульмане «демонстрировали единство, в том числе и тем, что публично пили воду из одной и той же посуды» (из показаний официальной Комиссии Хантера по расследованию убийств в Амритсаре).

Все это происходило на фоне растущего недовольства населения, вызванного ростом цен на продовольствие, распространением антибританской пропаганды членами «Арья самадж», а также политическим пробуждением мусульман, в том числе под влиянием поэзии Мухаммада Икбала. Особенно его самой популярной патриотической песни «Наш Хиндустан», которую знали и распевали как мусульмане, так и индусы и сикхи¹⁹⁴.

Глубокий анализ ситуации во время движения несотрудничества, особенно в Пенджабе, дает историк Равиндер Кумар. Он пишет об отчуждении английской администрации от индийцев. Закон Ролэтта 1919 г., по его мнению, был задуман с целью предотвратить взрыв революционной деятельности на политической сцене Индии, особенно в Бенгалии, Махараштре и Пенджабе после окончания Первой мировой войны. Требования индийцев отозвать этот закон натолкнулись на упорное сопротивление колониальных властей. Ситуация осложнялась ухудшением экономического положения населения. В связи с растущей инфляцией в конце войны и неурожаем 1918 г. цены на зерновые выросли почти вдвое. Особенно пострадали от этого ремесленники, рабочие и представители среднего класса. Общая ситуация созрела для «революции», в том числе в столице Пенджаба Лахоре. На этом фоне произошло объединение представителей разных социальных слоев и классов, в том числе индусов и мусульман. Кумар считает, что мусульмане были более политически активными, чем индусы, поскольку больше страдали от инфляции, а также потому, что в то время огромное влияние на их настроения оказал Мухаммад Икбал и другие мусульманские идеологи. «Мусульмане, – пишет Кумар, – стали считать британское правительство законным врагом ислама»¹⁹⁵.

9 апреля 1919 г. из Амритсара были депортированы известные местные лидеры Сатьяпал и Китчлу. Власть запретила Ганди въезд в Дели и Пенджаб. 10 апреля мирная демонстрация индийцев в Амритсаре бы-

ла встречена огнем полиции. В ответ последовало нападение огромной толпы индийцев (около 40 тыс. человек) на символы британской власти – банки, почту, железнодорожную станцию. Было убито пять европейцев. 11 апреля в городе было введено военное положение.

13 апреля, в воскресенье, большая толпа (по некоторым оценкам, около 20 тыс.) мирных жителей, значительная часть которых приехала из деревень, собралась в Джалианвалла багхе – пустыре, окруженном со всех сторон каменным забором с одним лишь входом. Обычно там отмечали праздник весны Байсак и день рождения основателя сикхизма гуру Нанак (1469–1539). Многие из собравшихся ничего не знали о военном положении и запрете на митинги. Через некоторое время к этому месту прибыл отряд из 100 солдат под командой английского генерала Дайера. Без предупреждения в течение 10 минут он хладнокровно расстреливал безоружную толпу мирных жителей. Лейтенант-губернатор Пенджаба О’Двайер, известный своим высокомерным отношением к индийцам, полностью поддержал действие своего генерала. Вслед за этим последовали массовые аресты, жестокие приговоры трибуналов, публичные наказания плетью. Английские власти приказали всем местным жителям отдавать честь белым «сахибам», и даже заставляли их ползти по улице, где ранее была оскорблена белая женщина – христианская миссионерка (которую, кстати, выручил один из индийцев). Дайер похвалялся тем, что ему удалось так умело расправиться с индийцами. Дж. Неру довелось в конце 1919 г. ехать поездом из Амритсара в Дели в одном купе с английскими офицерами. Одним из них был генерал Дайер, который разглагольствовал в вызывающем и торжествующем тоне о событиях в Джалианвалла багхе. «Он заявил, – писал Неру, – что весь город был в его власти, и у него было желание обратить этот мятежный город в груды пепла, но что он сжалился над ним и воздержался от этого»¹⁹⁶. По официальным данным, в Джалианвалла багхе было убито 379 и ранено 1200 человек (по индийским данным, – убито более 1000 человек, а ранено вдвое больше)¹⁹⁷.

18 апреля 1919 г. Ганди приостановил сатьяграху. Вслед за этим Всеиндийский комитет Конгресса осудил Закон Роулэтта и потребовал проведения общественного расследования событий в Амритсаре¹⁹⁸. В течение нескольких месяцев власти пытались скрыть то, что произошло в Амритсаре. Однако Конгресс создал свою комиссию по расследованию этих событий. В нее, в частности, вошли Ганди, Мотилал Неру, Ч.Р. Дас.

Под давлением общественного мнения правительство создало свою комиссию во главе с Хантером. Несмотря на все имевшиеся факты, эта комиссия попыталась обелить действия властей. Выступая пе-

ред комиссией, Дайер выразил сожаление только о том, что у его отряда были израсходованы все патроны. Более того, английская палата лордов не остановилась перед тем, чтобы дать высокую оценку действиям генерала. В Англии даже объявили о сборе средств для его чествования в связи с предстоявшей отставкой¹⁹⁹. В этом принимали участие видные английские политические и общественные деятели, включая Редьярда Киплинга. Когда министр по делам Индии Монтегю попытался в парламенте обвинить Дайера в терроризме и расизме, его грубо остановили депутаты от консервативной партии. Они обвинили его в большевизме, выкрикивали антисемитские лозунги (Монтегю был евреем). «Дайер спас нас от мятежа!» – кричали они²⁰⁰.

Ситуация в Индии чрезвычайно обеспокоила британские власти. Вице-король Челмсфорд писал королю в августе 1919 г.: «...Я уверен, что в ходе расследования причин, которые привели к этим волнениям, мы можем прийти к выводу, что в Индии сложилась ситуация более серьезная, чем любая другая после мятежа 1857 г.»²⁰¹.

События в Амритсаре стали поворотным пунктом в истории национально-освободительного движения Индии. В декабре 1919 г. в Амритсаре состоялась сессия Конгресса. Она была запланирована год назад, на предыдущей сессии партии. Правительство пыталось заблокировать ее проведение в Амритсаре, но было вынуждено под давлением руководства Конгресса согласиться с этим. Естественно, что массовый расстрел индийцев был главным вопросом всех дискуссий. В этой связи Лала Ладжпат Рай заявил, что «Панджабская трагедия, произошедшая после великой войны, которая якобы велась для того, чтобы сокрушить империализм и милитаризм, прояснила обстановку и показала зверя в обнаженном виде». Ганди сказал: «Битва при Плесси (1757 г.) заложила основы Британской империи. Амритсар потряс эту империю». На сессии было заявлено, что «британский кабинет, из-за своего отказа предпринять соответствующие действия, утратил доверие народа Индии»²⁰².

Расстрел мирных людей в Амритсаре вызвал глубокое возмущение в Индии. Многие видные политические и общественные деятели страны дали суровую оценку этому преступлению колониальных властей. Среди них был Р. Тагор, который в знак протеста отказался от рыцарского звания, пожалованного ему английским королем в 1915 г. В письме вице-королю Индии он писал: «Я выступаю выразителем протеста миллионов моих сограждан, испытывающих муки отчаяния и ужаса... Отказываясь от всех отличий и привилегий, я заявляю, что я всей душой с теми моими согражданами, которых считают “ничтожными” и которые обречены на унижение и страдания, несовместимые с именем человека»²⁰³.

Позже, 1 августа 1920 г., Ганди также отказался от орденов и медалей, полученных от британского правительства за его гуманитарную работу в Южной Африке. Среди причин такого отказа он назвал «отношение британского правительства к панджабскому вопросу... Постыдное игнорирование событий в Панджабе и полное равнодушие к чувствам индийцев, проявленное палатой лордов, переполнили меня тяжелыми предчувствиями относительно судьбы Империи, полностью оттолкнули меня от нынешнего правительства и сделали невозможным мое лояльное сотрудничество с ним»²⁰⁴.

Конгресс в Амритсаре принял резолюцию, призывающую бойкотировать выборы в Центральный и провинциальные законодательные органы, назначенные в соответствии с Законом об управлении Индией 1919 г. Сессия Конгресса в Амритсаре дала импульс к пересмотру всей политики партии по принципиальным вопросам, связанным с целями и методами освободительной борьбы. Не случайно, что в работе сессии участвовало более 7000 делегатов, среди них множество крестьян²⁰⁵.

Сатьяграха против Закона Роулэтта заметно отличалась от всех прежних антибританских выступлений. Во-первых, она имела общендийский характер, хотя участие населения в ней в разных районах страны было неодинаковым. Во-вторых, к сатьяграхе примкнули социальные слои и религиозные общины, которые раньше воздерживались от поддержки подобных действий. В-третьих, в этом движении против британских властей произошло объединение усилий индусов и мусульман, хотя и временное.

Глава 8

ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОВАНИЯ 1920–1922 гг.

На специальной сессии Конгресса в Калькутте в сентябре 1920 г. была принята предложенная Ганди программа несотрудничества с властями. В ней предусматривалось массовое развитие отечественного производства. Поскольку индийские хлопчатобумажные фабрики не могли обеспечить потребности населения, предлагалось возродить ручное прядение и ткачество. Конгресс обратился к индийцам отказаться от правительственных титулов и наград, бойкотировать правительственные учреждения, отозвать индусские фонды

из государственных ценных бумаг, не посылать детей в государственные школы и колледжи и открывать свои национальные учебные заведения, отказаться от несения воинской службы. Юристы должны были бойкотировать государственные суды и создавать свои частные арбитражные суды для разбирательства споров между индусами. Кандидаты на выборах в законодательные советы должны были отозвать свои кандидатуры, а избиратели отказаться от участия в голосовании. Конгресс призвал к бойкоту иностранных товаров и заявил о проведении начатой Ганди политики ненасильственного несотрудничества с целью установления свараджа. Особое внимание было уделено проблеме укрепления индусско-мусульманского единства. Отмечалась важность борьбы против продажи алкогольных напитков. Была поставлена задача собрать 10 млн. рупий в Фонд свараджа им. Тилака²⁰⁶.

На этой же сессии предложенный Ганди план несотрудничества получил одобрение большинства делегатов. Однако часть конгресси-стов во главе с Ч.Р. Дасом выступила против него. Поддержали план и все мусульманские делегаты. И только Джинна голосовал против плана.

Существенной оказалась поддержка со стороны раджастанской торговой общины марвари в Калькутте, которая была заинтересована в расширении своего бизнеса. Впоследствии член этой общины, один из состоятельнейших фабрикантов Индии Гханшьям Дас Бирла оказывал большую материальную помощь лично Ганди, о чем он, в частности, писал в своей книге «В тени Махатмы»: «Влияние, оказываемое на меня Ганди, – отмечал Бирла, – объясняется его религиозной личностью – искренностью и поиском истины, – а не его силой политического лидера»²⁰⁷.

Принятые на специальной сессии Конгресса в Калькутте решения нужно было ратифицировать на его регулярной сессии в Нагпуре в декабре 1920 г. В ней участвовало рекордное число делегатов – более 14 тыс. Подавляющее большинство поддержало «ненасильственное прогрессивное несотрудничество» с правительством. На сессии был одобрен подготовленный Ганди новый устав Конгресса, в соответствии с которым создавался Рабочий комитет партии из 15 человек для осуществления всей текущей политической работы. Весьма быстро он превратился в главный руководящий орган партии. В Нагпуре был реорганизован Всеиндийский комитет Конгресса (300 человек), который стал представлять провинциальные комитеты партии (ПКК). Эти комитеты были созданы на лингвистической основе в районах (Махараштре, Гуджарате, Карнатаке), которые не совпадали с существовавшими тогда провинциями Британской

Индии. Более того, ПКК были также образованы во многих княжествах. Все комитеты Конгресса снизу доверху создавались на выборной основе. Члены ВИКК избирались из состава провинциальных комитетов Конгресса. В свою очередь, ВИКК избирал Рабочий комитет и президента Конгресса. Президент Конгресса и члены Рабочего комитета назначали генеральных секретарей ВИКК. В целом сессия Конгресса в Нагпуре начала новый этап в развитии партии, в котором руководящую роль играл М.К. Ганди²⁰⁸.

Мотилал Неру, М.А. Ансари и Чакраварти Раджагопалачари были назначены генеральными секретарями партии. Конгресс перестал быть собранием местных групп, которые встречались лишь один раз в год на своих сессиях. Тем не менее, он еще не освободился от своей аморфности.

На сессии было заявлено, что без единства между индусами и мусульманами, без хороших отношений между брахманами и небрахманами достижение свараджа невозможно. Была поставлена в высшей степени амбициозная, а скорее невыполнимая задача – достижение свараджа в течение одного года!

В Нагпуре не обошлось и без противников нового курса на ненасильственное несотрудничество. Председательствовавший на сессии умеренный конгрессист Виджаярагхавачария выступил против несотрудничества с властями. С другой стороны, М.А. Джинна предупредил, что независимость нельзя достичь без крови²⁰⁹.

Против движения несотрудничества выступила часть экстремистов. Один из них Г.С. Кхапарде к тому же критиковал Ганди за то, что он действовал как «диктатор». Он ссылаясь при этом на заявление Ганди о том, что он не связан с большинством Конгресса и является «главным советником партии»²¹⁰. Некоторые умеренные в партии также не разделяли взглядов Ганди. На все это Ганди отвечал, что действия властей сделают его движение несотрудничества популярным.

Движение несотрудничества встретило критику не только со стороны политических оппонентов Ганди, но даже и тех людей, с мнением которых он считался. Одним из них был Р. Тагор. Ганди, который был на восемь лет моложе Тагора, обращался к нему со словами «Гуру дев» (Божественный, или Духовный гуру) и восхищался его творчеством. В свою очередь, Тагор первым назвал Ганди «Махатмой» (Великой душой). Но, тем не менее, он критически отнесся к ряду программных установок движения несотрудничества. В частности, он высказал сомнение в отношении призыва прекратить изучение английского языка. Тагор писал: «Идея несотрудничества является политическим аскетизмом. Во имя чего должны жертвовать наши ученики и студенты? Не во имя полного образования, а необра-

зования... Отрицание в его пассивной нравственной форме является аскетизмом, а в его активной форме – насилием. Пустыня в такой же степени есть отрицание, как и бушующее море во время шторма. Оба они направлены против жизни ...Вы знаете, – обращался Тагор к Ганди, – что я не верю в материальную цивилизацию Запада так же, как я не верю в физическое тело как высшую истину в человеке. Но я еще меньше верю в разрушение физического тела и игнорирование материальных потребностей жизни. Что требуется, так это достижение гармонии между физической и духовной природой человека, сохранение баланса между основанием и надстройкой. Я верю в истинное объединение Востока и Запада...»²¹¹

Тагор подходил к проблеме несотрудничества с широкими философских позиций. Но он не предлагал альтернативного пути к достижению независимости. Ганди не стал вступать в прямую конфронтацию с ним, но нашел способ, чтобы высказать свое мнение по вопросам, затронутым Тагором, в журнале «Young India» (1 июня 1921 г.). В своем ответе Ганди, с одной стороны, поднялся до уровня философских обобщений, с другой – поставил ряд конкретных, насущных социальных и политических проблем. Вот, что он писал по вопросу об обучении на английском языке: «Поэт, наверное, не знает, что английский язык сегодня изучается по соображениям его коммерческой и так называемой политической ценности. Наши юноши думают, и правильно думают в нынешних условиях, что без знания английского языка они не поступят на государственную службу. Девушки учат английский язык, потому что это является паспортом к замужеству... Сотни молодых людей думают, что без знания английского языка свобода для Индии практически недостижима... Эта червоточина настолько въелась в наше общество, что для многих единственное образование – это знание английского языка. Для меня все это – признаки нашего рабства и деградации. Я не могу выносить уничтожение и оскудение индийских языков, что происходит на деле...»²¹²

В этой же статье Ганди проявил одновременно и более широкий подход к проблемам мировой культуры: «Я не хочу, чтобы мой дом был огражден со всех сторон стеной, а его окна были наглухо закрыты. Я хочу, чтобы ветры культур всех стран свободно, насколько это возможно, проникали в окна моего дома. Но я не хочу, чтобы они дули так сильно, чтобы сбить меня с ног... Мне очень жаль, что Поэт неверно истолковал это великое движение реформирования, очищения и патриотизма...»²¹³

Призыв к несотрудничеству с властями, на который откликнулись многие талантливые и бескорыстные люди – видные адвокаты,

чиновники и высокообразованные индийцы, – писала сестра Дж. Неру В.Л. Пандит, – был тем не менее встречен неодобрительно некоторыми аполитичными, более практичными и материально озабоченными людьми. Последние обвиняли Ганди в разорении многих из тех, кто пожертвовали карьерой, семейным благополучием и, став участниками национально-освободительного движения, подвергали себя преследованиям со стороны властей, арестам, тюремному заключению, потере здоровья, а нередко и жизни²¹⁴.

Практика несотрудничества

Начавшееся 1 августа 1920 г. движение несотрудничества охватило значительную часть провинций страны. Особенно активно хартал и демонстрации протеста проводились в Панджабе, Бомбее и Мадрасе. Частичный хартал состоялся в большинстве городов Соединенных провинций, в Бихаре и Ориссе. Однако в Калькутте призыв к харталу сначала не вызвал широкого отклика. Но после того как стало известно о смерти Тилака, в тот же день собралась большая демонстрация.

По мере развертывания движения несотрудничества в него стала активно вовлекаться студенческая молодежь. В Бенаресе, Гуджарате и ряде других мест были открыты национальные школы и колледжи. В 1921 г. широкое распространение получило домашнее прядение и изготовление ткани (кхадхи или кхаддара), что давало заработок безработным ткачам. Ганди призывал индийцев отказываться от использования иностранной одежды. С этой целью проводилось массовое сожжение иностранных товаров. Все это, как он предполагал, должно было обеспечить достижение свараджа к концу 1921 г. (Последнее было большой ошибкой, за что его не раз критиковали.) Ганди даже писал, что сварадж можно достичь к октябрю 1921 г., если выполнить определенные условия. Он считал, что страна никогда еще не была в такой степени готова к установлению свараджа, как в то время. Самым главным, обязательным условием он называл продолжение политики ненасилия как по отношению к правительству, так и к самим себе. Следовало твердо придерживаться этой политики, несмотря на серьезные провокации.

Следующим условием было создание органов Конгресса в каждой деревне и способность Конгресса к организации и проведению согласованных действий. Важно было довести послание Конгресса до каждого дома в тысячах индийских деревень. Одним из главных принципов движения несотрудничества было свадеши. Ганди во многом связывал свадеши с домашним прядением и ткачеством, что должно

было удовлетворить потребности населения в отечественных тканях. Он называл это «тихой революцией».

Ганди призывал всех внести хотя бы одну пайсу в Фонд свараджа им. Тилака. Каждый мужчина и каждая женщина могут отказаться хотя бы на год от роскоши, украшений и спиртных напитков, говорил он. Тогда «у нас не только будут деньги, но мы сможем бойкотировать многие иностранные товары. Наша цивилизация, наша культура, наш сварадж зависят не от роста наших потребностей ... а от их ограничения». Однако, как он признался позже, этих средств не хватило даже для проведения конгрессистских организационных мероприятий. Прядение не получило распространения и не стало фактором национальной экономики Индии²¹⁵.

Ганди полагал, что достижение индусско-мусульманского единства было решающим условием на пути к свараджу. Таким же критически важным было и избавление от проклятия неприкасаемости. «Неприкасаемость – это губительный яд, разъедающий индусское общество изнутри, – говорил Ганди, – ...Верующий в бога человек не может рассматривать другого как низшего по отношению к себе. Он должен считать каждого человека своим кровным братом. Таков основной принцип каждой религии»²¹⁶.

Иногда в своих призывах к несотрудничеству Ганди доходил до крайностей. Так, на вопрос одного школьника, что делать после того, как он откажется посещать уроки, Ганди посоветовал ему заниматься прядением 7 часов в день и один час посвящать чтению книг. При этом он ссылался на таких выдающихся религиозных реформаторов, как Чайтанья, который добился величия без английского образования²¹⁷.

Многие индийские интеллектуалы не испытывали большого энтузиазма по поводу некоторых гандистских методов политической борьбы. Р. Тагор в статье «Зов истины» приветствовал достижения и заслуги Ганди в пробуждении миллионов простых людей. Но он же резко критиковал элементы узости, обскурантизма и конформизма в культе проповедуемой Ганди прялки.

Ганди заявлял, что его движение направлено не против английского народа, а против *адхарма* – невыполнения религиозного долга и неправедных действий властей, которыми управляет *шайтаниат* – злой дух. На сессии Конгресса в Нагпуре более сотни садху-наги (приверженцев культа змей) образовали Садху сангх (Союз садху), который присоединился к Конгрессу для пропаганды идей несотрудничества²¹⁸. Особенностью развернувшегося движения несотрудничества стало активное участие в нем *саньяси* – странствующих отшельников и аскетов, *садху* – индусских святых, проповедников-

аскетов, факиров и свами – монахов Ордена Рамакришны. Они энергично действовали в Бенгалии, Сиккиме и других районах. Один из них – Свами Бхаскар Тиртх проводил работу среди крестьян в Соединенных провинциях, другой – Свами Видьянананд организовывал крестьян в Северном Бихаре для участия в движении несотрудничества²¹⁹.

Одним из центров деятельности садху был Хардвар в Соединенных провинциях, куда стекались сотни тысяч паломников. По данным английской полиции, один из монахов – Свами Дхармананд, ранее военный хирург, был «политическим саньяси» Ганди и активно вел пропаганду в пользу несотрудничества с властями. Выступая перед собравшимися, саньяси рассказывали о восстании 1857–1859 гг., о деятельности революционных террористов в 1907–1908 гг., о тайных обществах в России. Садху, саньяси, свами и факиры были весьма эффективными агитаторами идей движения несотрудничества. Своей деятельностью они придали религиозную окраску этому движению, что было понятно простым людям.

Крестьянские движения и кампания несотрудничества

Основную поддержку кампания несотрудничества нашла в той части крестьянства, движения которых имели больше антифеодальную, чем антиимпериалистическую направленность. Массовые крестьянские выступления начались еще до кампании несотрудничества, но затем влились в нее и придали ей массовый характер, особенно в Соединенных провинциях и Бихаре. В Соединенных провинциях с начала 1921 г. они были направлены против помещиков, ростовщиков и торговцев. Участники этих выступлений требовали предоставления земли безземельным крестьянам, отказывались платить налоги. При этом они ссылались на Ганди, который, однако, не поддерживал такие требования. Следуя лозунгу Конгресса «Иди в деревню», лидеры партии посещали отдаленные деревни, выступали на многочисленных крестьянских митингах. Как пишет Дж. Неру, «деморализованные, отсталые, отчаявшиеся люди внезапно распрямили спины, подняли головы и приняли участие в организованных совместных действиях в масштабе всей страны»²²⁰.

Среди наиболее крупных крестьянских выступлений было движение «Эка» («Единство») в нескольких дистриктах Соединенных провинций, которое возглавили местные конгрессисты. Его основным требованием была уплата налога наличными деньгами, а не произведенной продукцией, поскольку цены на зерно и другие продукты земледелия постоянно росли. Помещики отказывались выпол-

нять эти требования, но были вынуждены уступить в другом важном вопросе – введении пожизненной аренды земли вместо ранее установленного срока в семь лет.

В ряде районов крестьянские движения получили поддержку безземельных арендаторов и сельскохозяйственных работников из низких каст. Они надеялись, что Ганди даст им землю. Крестьянские движения в западных дистриктах Соединенных провинций выступали под лозунгами отмены разных налогов, в том числе специального военного налога, а также против системы *джаджмани*²²¹. В те же годы в Северном Бихаре развернулось антипомещичье движение, которым руководил Свами Видьянанд. Однако местный Конгресс не поддержал его. То же самое произошло и в Бенгалии, где конгресси-стские лидеры не поддержали арендаторов-мусульман против помещиков-индусов²²². Тем не менее, в других районах Бенгалии (Раджшахи, Пабне и Муршидабаде) крестьяне успешно выступили против производства индиго (которое использовалось британскими плантаторами для красителей в текстильной промышленности) в пользу выращивания риса. Они также требовали отмены ряда налогов, хотя это противоречило официальной политике Конгресса.

Крестьянские движения в это время проходили также в Трипуре, в районе Рампа (Андхра), населенном племенами, в Меваре (Раджастхан) и других местах. Далек не всегда крестьяне, арендаторы и сельскохозяйственные работники действовали в рамках движения несотрудничества и политики Конгресса. В ряде районов одновременно осуществлялись мероприятия, связанные с гандистской конструктивной программой. Так, к середине 1922 г. в Бихаре были открыты 600 начальных и неполных средних школ и 41 средняя школа. В 11 дистриктах Бихара были созданы пункты по выдаче хлопка и прялок. Всеиндийская ассоциация прядильщиков охватила своей деятельностью 5300 деревень, дала работу 220 тыс. прядильщиков и 20 тыс. ткачей, а также израсходовала более 20 млн. рупий на благоустройство деревень²²³.

Как отмечалось в докладе разведывательного бюро министерства внутренних дел Индии, призыв Конгресса к движению несотрудничества получил положительный отклик крестьянства в Соединенных провинциях, в дистриктах Андхры, Мадрасского президентства, в Бомбее и Ориссе. В Бихаре были крупные выступления против европейцев-землевладельцев на плантациях, что привело к необходимости укрепить полицейскую службу регулярными кавалерийскими подразделениями. В Мадрасе и Ассаме крестьяне нарушали закон об использовании лесов, а также не платили налоги. Когда в Ассаме Ганди провел широкую мирную антиопиумную кампанию, в результате

которой потребление опиума сократилось вдвое, правительство наложило запрет на его деятельность и арестовало 44 его последователя²²⁴.

В Бенгалии движение несотрудничества было направлено как против европейцев – владельцев земель, так и против некоторых налогов. Среди крестьянства распространялись слухи, что налоги будут отменены после того, как в 1922 г. к власти придет правительство свараджа. В том же докладе описывалось успешное применение тактики несотрудничества и антиевропейской пропаганды на частных плантациях в Ассаме. Рабочие (кули) говорили о том, что дни британской власти закончились и наступило правление Ганди, якобы он издал приказ, по которому кули больше не должны работать на европейцев и им следует покинуть чайные плантации. Лидеры движения несотрудничества поощряли создание местных органов самоуправления – панчаятов и крестьянских организаций (Кисан сабха). Они должны были отстаивать интересы крестьян, защищать их от помещиков и правительства. В Соединенных провинциях в 1920–1921 гг. движение по созданию крестьянских организаций проходило под руководством Мотилала и Джавахарлала Неру и привело к серьезным беспорядкам²²⁵. Несмотря на все трудности и издержки, движение несотрудничества 1920–1922 гг. смогло заложить основу влияния Конгресса под руководством Ганди в деревне, которое в будущем расширилось и окрепло и стало важной частью национально-освободительной борьбы.

Участие рабочих в кампании несотрудничества

Во время кампании несотрудничества Конгресс впервые определил свою политику в отношении организации рабочих в профсоюзы для борьбы в защиту их интересов, улучшения их положения и обеспечения законных прав. Конгресс учитывал тот факт, что рабочие стали играть заметную роль в индийской политике. К началу 1920-х годов в промышленности было занято 15,7 млн. рабочих (4,9% от общего населения страны в 319 млн. человек). Из них наибольшее число – 4 млн. человек – работали в текстильной промышленности. Значительная часть рабочих была сосредоточена в двух центрах – Бомбее и Калькутте.

В конце 1919-го – начале 1920-х годов Индию охватила цепь забастовок рабочих в Канпуре, Шолапуре, Калькутте, Мадрасе, Ахмадабаде, на железных дорогах. Самые крупные и продолжительные забастовки прошли в Бомбее. Вслед за ними стали появляться профсоюзные организации сначала на временной, а затем и постоянной основе. В 1920 г. в Бомбее насчитывалось 40 рабочих союзов и ассоциаций. К 1922 г. их число выросло до 75²²⁶.

В октябре 1919 г. в Бомбее состоялось первое заседание Всеиндийского конгресса профсоюзов (ВИКП) под председательством Лала Ладжпата Рая. На нем присутствовала большая группа видных индийских политиков – Мотилал Неру, Виталбхай Патель, Энни Безант, М.А. Джинна. Примечательно, что Ганди не только не присутствовал на этом заседании, но даже не направил приветственного послания. Находившийся под контролем Ганди профсоюз рабочих в Ахмадабаде не вошел в состав ВИКП. Позже Ганди так характеризовал свое отношение к забастовкам: не должно быть забастовок, которые не оправданы по существу. Всякая несправедливая забастовка успеха иметь не будет. Такие забастовки не должны вызывать сочувствие общественности... Политические забастовки никогда не следует смешивать с экономическими. Политические забастовки должны быть организованы так, чтобы не приводить к насилию²²⁷.

Секретарем ВИКП был избран конгрессист Диван Чаман Лал, который, по данным английских разведывательных служб, якобы поддерживал отношения с «прокоммунистической группой в Лондоне – Индийской лигой благосостояния рабочих. Через эту лигу он был связан с экстремистами в британской Лейбористской партии и коммунистами, которые, в свою очередь, имели отношения с Москвой. К ней они обращались за советами и финансовой помощью»²²⁸.

В Бомбее в начале 1920-х годов лидерство среди маратхов попало в руки радикальной интеллигенции, которая не разделяла многих взглядов Ганди, но готова была сотрудничать с ним в борьбе за сварадж. В этой группе выделялся Шрипад Амрит Данге, который считал себя последователем Тилака и Винаяка Саваркара. Были и иные организации, члены которых исповедовали идеи социализма. В 1921 г. Данге и члены его группы приняли решение создать политическую базу среди рабочих Бомбея. «В то время как наша группа решила участвовать в массовой революционной программе Махатмы Ганди, – писал Данге, – мы хотели продвигать революцию дальше при помощи рабочего класса Бомбея»²²⁹. С этой целью был создан профсоюз текстильщиков Гирни камгар юнион (Союз красного флага), который превратился в мощную силу и в 1928 г. и 1929 г. провел серию забастовок, парализовавших всю текстильную промышленность Бомбея. Следствием этого было судебное преследование практически всех его лидеров на процессе в Мируте в 1929–1933 гг. Некоторые из социалистов, такие как Нимбкар и К.Н. Джоглекар, принимали активное участие в деятельности бомбейской организации Конгресса в качестве ее секретарей. Они пытались сделать Конгресс политически более радикальным, превратив его в социал-демократическую партию, но были арестованы в 1929 г.

Халифатское движение

Халифатское движение стало одним из важных политических явлений в Индии, связанных с итогами Первой мировой войны. Оно впервые объединило индусов и мусульман на антианглийской основе, хотя и ненадолго. Во время войны Турция выступала на стороне Германии против стран Антанты – Британии, Франции и России. С окончанием Первой мировой войны она оказалась в числе побежденных. В соответствии с Севрским договором 1920 г. Османская империя была расчленена и потеряла контроль над рядом территорий. Власть султана была сведена к минимуму.

Индийские мусульмане выступили против расчленения Турции, в защиту султана – духовного лидера (халифа) всех мусульман-суннитов. Еще во время войны видные деятели Конгресса Мухаммад Али (1878–1931) и Шаукат Али, известные в народе как «братья Али», занимались активной антибританской пропагандой. В 1915 г. они были заключены в тюрьму и освобождены только в 1919 г. Тогда же было положено начало Халифатскому движению, которое было направлено против раздела Турции, в соответствии с Севрским договором 1920 г. Его возглавили братья Али, которые пытались объединить мусульман под лозунгом защиты ислама²³⁰.

На всеиндийской конференции Халифатского движения в Амритсаре (конец 1919 г.) Ганди был избран президентом Халифатского комитета. Комитет выдвинул требование к английскому правительству пересмотреть условия раздела Турции. Меморандум в этой связи подписали Ганди, Свами Шрадхананда, Мотилал Неру, Мадан Мохан Малавия и другие видные конгрессисты. В Англии делегация во главе с Мухаммадом Али выдвинула эти требования на встрече с премьер-министром Ллойдом Джорджем.

Англичане их отклонили. После этого Ганди заявил, что единственным способом добиться пересмотра условий раздела Турции является массовое ненасильственное несотрудничество (подобное тому, которое он использовал в Южной Африке, а затем в Индии, в дистриктах Чампаран и Кхеда). Халифатское движение увязывалось с борьбой за будущее управление Индии на основе индуско-мусульманского единства.

Халифатский комитет не только попал под влияние Ганди, но даже стал использовать его идеи ненасильственного несотрудничества. Мусульманские лидеры согласились с ними, указав, что делают это, исходя из политических, а не религиозных соображений, поскольку

ислам не запрещает применение насилия во имя правого дела. В результате политическое движение несотрудничества и Халифатское движение развивались в одном направлении. А после принятия Конгрессом гандистского принципа несотрудничества оба движения слились воедино. Братание индусов и мусульман в Амритсаре в 1919 г. против британских правителей способствовало тому, что Ганди использовал эту возможность, для того чтобы выступить против властей. Он говорил, что увидел в сложившемся положении «возможность объединения индусов и мусульман, которая вряд ли представится в течение ста лет». В общении с мусульманскими лидерами Халифатского движения Ганди взял на себя роль лидера. Вот как описывал Неру беседу Ганди с мусульманскими представителями Халифатского комитета. Ганди «говорил в своем самом повелительном тоне. Он был скромен, но в то же время непоколебим, как кремль, любезен, но непреклонен и исполнен глубокого убеждения. Взгляд его был мягок и глубок и в то же время сверкал неукротимой энергией и решимостью... Пока вы считаете меня своим вождем, сказал Ганди, вы должны принимать мои условия, вы должны подчиняться диктатуре и дисциплине, вытекающей из военного положения»²³¹.

Ганди объединил трагедию в Амритсаре и проблему Халифата в движение несотрудничества. Он настаивал на том, чтобы английское правительство удовлетворило требования Халифатского движения и «исправило зло», связанное с бойней в Джалианвалла багхе. Это отвечало его планам сотрудничества индусов и мусульман в освободительной борьбе, что было одной из главных целей, к достижению которой он стремился всю свою жизнь. В июле 1920 г. Конгресс и Халифатский комитет совместно выступили с манифестом, в котором наметили программу действий, которая предусматривала проведение всеобщего харталя и митингов во всех деревнях страны.

1 августа 1920 г. Ганди направил письмо вице-королю, в котором заявил, что начинает движение несотрудничества. Он объяснил это тем, что правительство Великобритании не приняло мер, чтобы удовлетворить требования индийских мусульман, нашедшие свое выражение в Халифатском движении, а также игнорированием трагедии, произошедшей в Амритсаре. В этой связи он писал: «Обычные методы агитации путем предоставления петиций, депутатий и тому подобного не могут вызвать раскаяния у правительства, безразлично к исполнению своего долга, что оно и доказало». «В европейских странах, – продолжал Ганди, – если бы правительство простило такое зло, которое было допущено в отношении халифата и Панджаба, то это привело бы к кровавой народной революции. Народ сопротивлялся бы любой ценой обескровливанию

нации, к которому приводило это зло. Но одна половина населения Индии слишком слаба, чтобы насильственно сопротивляться, другая не хочет этого делать. Поэтому я предложил такое средство, как несотрудничество. Оно может удовлетворить тех, кто не хочет иметь дело с правительством. И если оно не будет сопровождаться насилием и будет проводиться в организованном порядке, то должно заставить правительство пересмотреть свои действия и устранить допущенное зло»²³².

На сессии Всеиндийского комитета Конгресса в Бомбее в июле 1921 г. Ганди соединил воедино проблемы внешней и внутренней политики Конгресса – Халифатское движение и движение несотрудничества. По существу, речь шла о важности индуско-мусульманского единства для судеб страны. А в октябре 1921 г. на заседании Рабочего комитета Конгресса в Бомбее под руководством Ганди была принята резолюция, в которой говорилось, что после того как Индия добьется независимости, ее внешняя политика будет учитывать «религиозные обязанности мусульман, налагаемые на них исламом»²³³.

Слияние движения несотрудничества с Халифатским движением 1921–1922 гг. стало наивысшей точкой объединения индусов и мусульман, особенно в Бенгалии, где наблюдалось невиданное ранее стремление к единству индусов и мусульман.

В ходе движения несотрудничества стали возникать проблемы, связанные с тем, что во многих случаях это движение выходило за рамки провозглашенного Ганди ненасилия. Это проявлялось в столкновениях участников движения с полицией, сельскохозяйственных работников и арендаторов с землевладельцами и ростовщиками. Наиболее крупным по масштабам и острым по накалу борьбы было восстание безземельных сельскохозяйственных рабочих и арендаторов мопла на Малабаре, которое началось в августе 1921 г.

Мусульмане мопла были потомками арабских эмигрантов, которые веками подвергались жестокой эксплуатации помещиков и ростовщиков, большая часть которых принадлежала к высоким индуским кастам, таким как намбудири и наяры. Напряженные отношения между мопла и их хозяевами уходили корнями в далекое прошлое и нередко выливались в столкновения на экономической почве.

Заявление Ганди о возможности достижения свараджа к концу 1921 г. и пропагандистские лозунги халифатских вождей подтолкнули лидеров мопла к выступлениям как против англичан, так и непосредственных их эксплуататоров – индусов. Цепная реакция волнений среди мопла началась с банального инцидента – насильственным изгнанием помещиком арендатора-мопла с обрабатываемой им земли и арестом местного лидера Халифатского движения по об-

винению в краже оружия. Начались столкновения с полицией, а затем и с помещиками. В ходе одного из них был убит плантатор-европеец. После полицейского рейда в одну из мечетей в поисках оружия столкновения стали распространяться по всему региону и переросли в настоящее восстание мопла. Организованные вооруженные группы мопла напали на полицейские участки, государственные учреждения, дома помещиков и ростовщиков. Многие из индусских общественных деятелей осудили мопла как религиозных фанатиков²³⁴.

Британские власти на несколько месяцев утратили контроль в ряде районов, где были провозглашены «халифатские республики», подняты флаги Халифата, где, по мнению правительства, вооруженные банды мопла, насчитывавшие около 10 тыс. человек, вели партизанскую войну. В районах восстания было объявлено военное положение, введены правительственные войска. В конце 1921 г. восстание было в основном подавлено. Мопла понесли большие потери: было убито около 2000 человек, несколько тысяч арестовано, лидеры восстания были расстреляны, остальные осуждены и сосланы на Андаманские острова. Особенно жестоко власти обошлись с одной из групп плененных мопла, которых заперли в товарном вагоне без воды и доступа свежего воздуха. В результате погибло 70 человек. Это вызвало всеобщее возмущение в Индии. Правительство было вынуждено создать комиссию для расследования этого преступления. Однако дело ничем не кончилось – вина была возложена на инспектора по движению поездов, который к тому времени уже умер²³⁵.

Ганди в начале восстания поддержал «храбрых, богобоязненных мопла», которые «сражались за то, что они считали религией, и таким способом, который они считали религиозным». Однако позже он изменил свою позицию. Выступая 19 сентября 1921 г. в Тричинополи, он сказал: «Мое сердце обливается кровью, когда я думаю, что наши братья мопла сошли с ума... Но их действия – это не действия всех мусульман Индии, и даже, слава Богу, не всех мопла...»²³⁶

Сессия Конгресса в Ахмадабаде в декабре 1921 г. уделила особое внимание событиям на Малабаре. Она фактически отмежевалась от них. Конгресс выразил твердое убеждение, что «события на Малабаре можно было бы предотвратить, если правительство приняло бы помощь мусульманского лидера Мауланы Якуб Хасана и разрешило Ганди приехать туда». Кроме того, Конгресс заявил, что «действия властей в отношении плененных мопла, их гибель от удушья в вагоне, являются актигуманным актом, неслыханным в нынешнее время и недостойным правительства, которое называет себя цивилизованным». Кроме того, было подчеркнуто, что движение несотруд-

ничества и Халифатское движение не имеют ничего общего с восстанием мопла. В резолюции, принятой по этому поводу, говорилось: «Конгресс заявляет, что беспорядки, связанные с мопла, не имеют отношения к движению несотрудничества и Халифатскому движению... Конгресс осуждает действия отдельных представителей мопла, направленные на насильственное обращение индусов в ислам и уничтожение жизни и собственности»²³⁷. Восстание мопла на Малабаре и его последствия показали, насколько хрупким было индуско-мусульманское единство.

Образование светской Турецкой Республики в 1923 г. и упразднение султаната в этой стране в 1924 г. привели к распаду Халифатского движения.

Ганди получает полную власть в Конгрессе

17 ноября 1921 г. начался четырехмесячный визит в Индию наследника престола Эдварда, принца Уэльского. Конгресс объявил бойкот мероприятий, связанных с ним. По прибытии в Бомбей принц Уэльский зачитал послание своего отца Короля-Императора народам Индии. В нем говорилось о желании «Короля-Императора понять ваши трудности и устремления. Я хочу, чтобы вы знали меня, а я знал вас». Принцу был оказан торжественный прием, в котором принимали участие европейцы, парсы, богатые гуджаратцы и махараштрийцы²³⁸.

В тот же день по призыву Конгресса и Халифатского комитета в промышленном районе Бомбея состоялся массовый митинг. В нем приняли участие 60 тыс. человек – фабричных рабочих, ремесленников, торговцев, мелких служащих. На митинге выступил Ганди, который объявил о бойкоте визита принца Уэльского. Он особо подчеркнул важность индуско-мусульманского единства, ненасилия и свадеши. После этого Ганди поджег огромную кучу иностранной одежды, которая была специально собрана для этой цели. Затем демонстранты мирно разошлись. Однако уже в тот же день в других районах города начались беспорядки. Произошли столкновения между участниками движения несотрудничества – индусами и мусульманами, с одной стороны, и сторонниками британской власти – европейцами, парсами, христианами – с другой. Эти столкновения проходили на фоне забастовки 140 тыс. рабочих текстильных фабрик в Бомбее, требовавших повышения зарплаты и улучшения условий труда. В результате стычек и применения полицией оружия погибло несколько десятков человек.

Ганди обратился к жителям Бомбея с воззванием, в котором поставил вопрос о приостановке кампании гражданского неповиновения. «Рабочий комитет Конгресса, – писал он, – должен обратить внимание на создавшееся положение и решить, можно ли поощрять гражданское неповиновение пока мы не добились полного контроля над массами». В знак протеста против насилия Ганди заявил о своем решении начать голодовку. Это возымело свое действие, и через несколько дней беспорядки прекратились. Но это означало и прекращение движения несотрудничества в Бомбее²³⁹.

23 ноября Ганди предупредил правительство, что, если сварадж не будет предоставлен к 1 декабря 1921 г., он и участники движения несотрудничества в талуке Бардоли (административная единица в дистрикте Сурат в Гуджарате) направятся к полицейскому участку и другим правительственным учреждениям и предложат полицейским и чиновникам присоединиться к этому движению. Тогда же Ганди обратился к народу Индии с призывом бойкотировать суды и полицейские участки и не расходиться, даже если против них будет открыт огонь²⁴⁰.

Накануне сессии Конгресса в Ахмадабаде в декабре 1921 г. власти арестовали братьев Мохаммеда и Шауката Али, Мотилала и Джавахарлала Неру, Лала Ладжпат Рая и даже избранного президентом этой сессии Ч.Р. Даса. Находясь в Алипурской тюрьме в Калькутте, Дас подготовил свое президентское послание, которое было зачитано на сессии Сароджини Наиду. В послании Дас поставил ряд фундаментальных вопросов: В чем состоит наша цель? Куда мы идем? Что такое свобода? На последний из них он дал такой ответ: «Это такое состояние, такое условие, которое дает возможность нации реализовать ее индивидуальность и выбрать свою судьбу»²⁴¹.

Сессия Конгресса обратилась к индийской общественности с просьбой поддержать ручное прядение и ткачество, полный запрет на продажу и приобретение алкогольных напитков и ликвидацию неприкасаемости²⁴². Тогда же по инициативе Ганди каждый доброволец – участник движения несотрудничества – должен был подписать обязательство придерживаться ненасилия и на словах и на деле. В обязательстве говорилось: «...Я верю, что в нынешних условиях одно лишь ненасилие может помочь Халифату и Панджабу достичь свараджа и укрепить единство между всеми народами и религиозными общинами Индии – индусами, мусульманами, сикхами, парсами, христианами или евреями... Я верю в свадеши как в необходимое условие экономического, политического и морального спасения Индии и буду пользоваться домотканью, чтобы исключить любую другую одежду.... Как индус я верю в справедливость и необходимость

устранения зла неприкасаемости и буду постоянно искать личного контакта с угнетенными классами и стремиться помогать им... Я готов перенести без сожаления тюремное заключение, оскорбление и угрозу физического насилия и даже смерть ради моей религии и моей страны»²⁴³.

Конгресс заявил, что гражданское несотрудничество является единственной цивилизованной и эффективной альтернативой вооруженному восстанию. Поэтому он обратился к конгрессистам и ко всем тем, кто верит в мирные методы и убежден, что «не остается другого способа, как принести жертву, чтобы низложить существующее правительство... организовать индивидуальное и массовое гражданское неповиновение...».

В сессии Конгресса в Ахмадабаде приняло участие в три раза меньше делегатов, чем в Нагпуре (4762 и 14 583 делегата соответственно). Это объясняется тем, что к тому времени правительство арестовало 40 тыс. конгрессистов за участие в движении несотрудничества. Среди них были такие видные деятели Конгресса, как Мотилал и Джавахарлал Неру, Ч.Р. Дас и другие²⁴⁴. На этой же сессии Конгресса Ганди был наделен полной исполнительной властью и всеми полномочиями ВИКК, а также правом назначать преемника. Во время работы сессии произошло еще одно заметное событие: Маулана Хасрат Мохани, в то время избранный президентом Мусульманской лиги, предложил определить сварадж как требование «полной независимости». Ганди выступил против этого, и предложение было отвергнуто (за него проголосовали 52 члена ВИКК, против – 200). Ганди сказал в этой связи, что это предложение «бросит нас в неведомые глубины... Мы должны, прежде всего, собрать свои силы, измерить наши собственные возможности и проблемы. Мы не должны вступать в воду, глубину которой мы не знаем». Такое решение Ганди позволило ему не только сохранить влияние среди умеренных, но и свидетельствовало о том, что идея «полной независимости» окончательно еще не созрела, но уже витала в воздухе²⁴⁵. И Ганди не мог с этим не считаться.

Учитывая возможность арестов большого числа членов Конгресса, на сессии было решено не только сохранить, насколько это возможно, обычную организационную структуру партии, но и назначить, впредь до последующих распоряжений Конгресса, Махатму Ганди в качестве единственного руководителя и возложить на него все полномочия, исполняемые Всеиндийским комитетом Конгресса, включая полномочия созыва специальной сессии этой партии. Ганди был также наделен правом назначать себе преемника «в случае чрезвычайных обстоятельств»²⁴⁶.

В начале января 1922 г. Ганди принял решение провести в талуке (уезд) Бардоли (дистрикт Сурад в Гуджарате), в виде эксперимента и в небольших масштабах, кампанию по неуплате налогов. Он считал, что от исхода этой кампании могла зависеть судьба дальнейшего развития движения несотрудничества. Но уже 31 января Ганди отказался от своего требования неуплаты налогов. В инструкции конгрессистским организациям в провинциях Рабочий комитет Конгресса и Ганди рекомендовали «платить налоги правительству» и «воздерживаться от массового или индивидуального гражданского неповиновения агрессивного характера»²⁴⁷. 1 февраля 1922 г. Ганди направил вице-королю Ридингу послание под названием «Манифест». Его суть состояла в требовании прекратить проводимые правительством «репрессии в Бенгалии, Ассаме, Соединенных провинциях, Панджабе, Дели, Бихаре, Ориссе и в других местах», а также освободить из тюрем всех мирных участников движения несотрудничества. Если правительство сообщит о готовности сделать это «в течение семи дней со дня опубликования этого манифеста, – писал Ганди, – я готов предложить отложить гражданское неповиновение агрессивного характера до тех пор, пока заключенные в тюрьмы участники движения после их освобождения не рассмотрят заново сложившуюся ситуацию».

Колониальное правительство не замедлило с ответом. 7 февраля оно опубликовало коммюнике (а не письмо в адрес Ганди), в котором заявило о неприемлемости условий, выдвинутых в «ультиматуме» Ганди. «Массовое гражданское неповиновение чревато такими угрозами государству, что с ним нужно обращаться решительно и жестко». Власти напоминали о беспорядках в Бомбее в ноябре 1921 г. в связи с визитом в Индию принца Уэльского (о чем с сожалением писал и сам Ганди), в которых погибло 53 человека. Ганди тут же дал свой ответ на коммюнике правительства и разослал его в ряд газет. В нем он указал на репрессивные меры властей – арест Ч.Р. Даса, Мотилала Неру, Абул Калам Азада, Лала Ладжпата Рая. Ганди подтвердил свое обвинение правительства в «политике незаконных репрессий» и вместе с тем заявил: «Выбор перед народом состоит в массовом гражданском неповиновении со всеми его несомненными опасностями или незаконными репрессиями против законных действий людей». И при этом добавил: «Я считаю невозможным для любого уважающего себя человека ничего не делать из боязни неизвестных опасностей, в то время как по всей стране идет ограбление собственности и преследование безвинных людей во имя закона и порядка»²⁴⁸.

Однако уже на следующий день ситуация коренным образом изменилась. 5 февраля 1922 г. в деревне Чаури-Чаура (дистрикт Го-

ракхпур в Соединенных провинциях) полиция открыла оружейный огонь по большой толпе демонстрантов, которые пикетировали местный рынок, протестуя против высоких цен и продажи алкогольных напитков. Расстреляв все патроны, полицейские укрылись в своем участке. Толпа направилась к полицейскому участку и подожгла его. Находившиеся в нем 22 полицейских погибли. Правительство назвало это мятежом, поскольку полицейский участок был символом власти. Впоследствии суд приговорил 19 участников демонстрации к смертной казни и еще 153 к ссылке на каторгу. Ганди немедленно принял решение о прекращении кампании гражданского неповиновения. 12 февраля 1922 г. Рабочий комитет Конгресса одобрил это решение и осудил бесчеловечное поведение толпы в Чаури-Чаура²⁴⁹.

Прекращение движения гражданского неповиновения вызвало возражения таких лидеров Конгресса, как Мотилал Неру, Дж. Неру, Ч.Р. Дас, Лала Ладжпат Рай и других. «Мы к своему удивлению и ужасу узнали в тюрьме, – писал Дж. Неру, – что Гандиджи отказался от наступательного характера борьбы и приостановил кампанию гражданского неповиновения... Мы негодовали, узнав о прекращении борьбы в тот самый момент, когда мы, казалось, укрепили наши позиции и продвинулись на всех фронтах». При этом Неру отмечал, что в течение декабря 1921 г. и января 1922 г. в связи с движением неповиновения было приговорено к тюремному заключению около 30 тыс. индийцев²⁵⁰.

Решение Ганди о прекращении кампании, писал Субхас Чандра Бос, вызвало «настоящее восстание» в Конгрессе. «Никто не мог понять, почему Махатма должен был использовать отдельный инцидент в Чаури-Чаура для прекращения движения по всей стране... Дать приказ об отступлении, когда энтузиазм народа достиг точки кипения, было не чем иным, как национальным бедствием... Главные помощники Махатмы – С.Ч. Дас, Мотилал Неру и Ладжпат Рай, которые находились в тюрьме, разделяли общее мнение, – продолжал Бос. – Дас был вне себя от гнева и печали из-за того, что Махатма постоянно допускал ошибки»²⁵¹.

Тот же С.Ч. Бос описывал ситуацию, сложившуюся в конце 1921 г., следующим образом: «После завершения сессии Конгресса в Ахмадабаде подошел к концу 1921 г. Обещанный сварадж не наступил. За несколько месяцев до этого на встрече с бывшими революционерами в Бенгалии Махатма сказал, что он настолько уверен в достижении свараджа до конца 1921 г., что даже не может представить себя живым после 31 декабря, если сварадж не будет завоеван... После того, как 31 декабря занавес упал и срок истек, эти слова пронеслись в моей голове как несбывшиеся мечты»²⁵².

Британские власти, естественно, рассматривали ту же самую ситуацию со своих позиций. В конфиденциальном докладе заместителя директора Разведывательного бюро департамента внутренних дел правительства Индии П.Ч. Бэмфорда по этому вопросу сообщалось следующее: «Ганди не мог закрыть глаза на то, что гражданское неповиновение обязательно приведет к насилию ... После того как Ганди довел чайник до кипения, он столкнулся с проблемой – продолжить кипение или не позволить чайнику вообще кипеть... Он знал, что, если не пойдет дальше, его личное возвышение испарится. Он наметил 23 ноября 1921 г. для начала кампании гражданского неповиновения в Бардоли, но смог временно отложить эту программу в связи с беспорядками во время прибытия Его Королевского Высочества Принца Уэльского». Правительство арестовало многих участников движения. Поэтому «Ганди был вынужден назначить новые даты начала гражданского неповиновения, но позже каждый раз находил оправдания, чтобы откладывать движение ... Все это не укрепляло его репутацию среди последователей. Изменить занятую им позицию было равносильно политической смерти. Он должен был сделать что-то. И он направил 14 февраля 1922 г. письмо Его превосходительству Вице-королю, в котором заявил о своем намерении, при отсутствии некоторых уступок со стороны правительства, начать агрессивное движение в Бардоли через семь дней».

События в Чаури-Чаура, по докладу английской разведки, послужили Ганди «поводом», чтобы прекратить движение гражданского неповиновения, чего «он, несомненно хотел ... Это дало ему необходимое оправдание» поступить так на том основании, что «Индия не была еще достаточно ненасильственной, чтобы приступить к гражданскому неповиновению». Рабочий комитет Конгресса 11–12 февраля 1922 г. решил, что намечаемое массовое движение гражданского неповиновения в Бардоли должно быть приостановлено. Местные комитеты Конгресса получили инструкцию рекомендовать крестьянам платить налоги и предотвращать любую другую агрессивную деятельность²⁵³. Далеко не все соратники Ганди воспринимали его идею ненасилия и нравственных ценностей как первичные по отношению к целям и результатам деятельности. В этой связи Дж. Неру писал: «Несмотря на мое теснейшее сотрудничество с ним в течение многих лет, у меня нет ясного представления о его целях. Я сомневаюсь, ясно ли он представляет их сам. Мне достаточно одного шага, говорит он, и не старается заглянуть в будущее или иметь перед собой ясно сформулированную цель». Неру отмечал, что у Ганди «идеал ненасилия становится застывшей догмой, которую нельзя оспаривать. В качестве таковой она утрачивает свою притягательную

силу для разума и занимает место среди догматов веры и религии. Она даже становится опорой для привилегированных групп, которые используют ее для сохранения статус-кво»²⁵⁴.

Ганди отвергал ошибочность своего решения о прекращении движения гражданского несотрудничества. 19 февраля 1922 г. он писал Джавахарлалу Неру, что события в Чаури-Чаура «были последней соломинкой». Еще до этого инцидента он получал сообщения из Калькутты, Аллахабада, Панджаба и с юга страны о том, что «наши люди становились агрессивными, вызывающими и угрожающими...». Вслед за ними, продолжал Ганди, пришли известия о бойне в Чаури-Чаура, которая как «спичка подожгла пороховой заряд и возникло пламя. Если бы это не было прекращено, то мы возглавляли бы не ненасильственное движение, а фактически насильственную борьбу... Наше дело выиграет от отступления. Движение несотрудничества сошло с правильного пути. Мы вернулись назад к нашим корням и можем снова идти прямо вперед». Ганди также писал в этом письме Дж. Неру следующее: «Вы находитесь в менее выгодном положении, чем я, чтобы адекватно судить о событиях во всей их полноте»²⁵⁵.

25 февраля 1922 г. Всеиндийский комитет Конгресса во многом поддержал предыдущее решение Рабочего комитета, но Ганди был подвергнут резкой критике за его действия и решения в Бардоли. ВИКК разрешил продолжить индивидуальное гражданское несотрудничество под контролем провинциальных комитетов. Конгрессисты должны были ограничить свою деятельность «ненасильственной конструктивной» работой – ручным прядением и ткачеством, отказом от соблюдения неприкасаемости, созданием национальных школ, пикетированием лавок, продающих алкогольные напитки, и магазинов, торгующих иностранными тканями.

Для активистов Конгресса, особенно из высших слоев, было нелегко адаптироваться к этому. У конгрессистов одежда была из грубой ткани кхади, писала В.Л. Пандит, которая стала униформой участников национальной борьбы. Мужчины носили «гандистскую шапочку». Было трудно определить социальный статус человека по его одежде – кхади уравнила всех. Со временем это стало восприниматься как способ решительного разрыва с прошлым. Саму идею конструктивной работы многие не понимали. Поэтому Ганди советовал ехать в деревню и там на месте заниматься делом. «Работая в деревне, – продолжала Пандит, – мы открывали для себя простых людей и проблемы, о которых раньше ничего не знали»²⁵⁶. Раджендра Прасад (1884–1963), первый президент независимой Индии отмечал, что для выходцев из высших каст, не привыкших к физическому труду, конструктивная программа Ганди была особенно «трудной»,

у некоторых из тех, кто хотел научиться прядению, например, руки не были приспособлены для этого²⁵⁷.

Несмотря на все трудности, с которыми столкнулось движение несотрудничества, оно способствовало пробуждению огромных масс населения. Конгресс заметно окреп как массовая организация. Его главную силу составляли «активные члены» – организаторы всех массовых выступлений. В начале 1920-х годов их число превышало 100 тыс. человек. Кампания несотрудничества, борьба крестьян-арендаторов и плантационных рабочих против крупных землевладельцев охватили многие районы страны. И хотя события в ряде районов показали ограниченность ненасильственной формы борьбы, движение несотрудничества заметно подорвало веру в систему колониального правления. Оно также показало важность объединения патриотических сил.

Объясняя влияние Ганди на массы людей в начале 1920-х годов, С.Ч. Бос обращал внимание на проблему религиозного сознания в индусском обществе. Индусы не имели религиозных организаций, подобных тем, что существовали в Европе. Они глубоко верили не только в разных богов, но и их аватар (земных воплощений бога) – в святых, махатм (великих душ) и гуру (религиозных наставников). Ганди стал непререкаемым политическим лидером Индии после того, как в глазах индусов он предстал как Махатма. В этой связи интересный эпизод произошел в 1920 г. на сессии Конгресса в Нагпуре. Там М.А. Джинна, уже тогда известный мусульманский лидер, в своем выступлении назвал Ганди «господином Ганди». На это тысячи делегатов сессии стали требовать, чтобы он обращался к нему как к «Махатме Ганди».

Аскетизм Ганди, его простая чистая жизнь, вегетарианство, неистребимое упорство в достижении истины и бесстрашие создавали образ святого, которому невольно повиновались. Глубоко религиозные люди поддерживали Ганди и шли за ним. К тому же он говорил с ними на простом и доступном для них языке. Он был одним из них, но духовно выше их, и знал, куда вести народ. В этом смысле Ганди был в высшей степени харизматической личностью. В Конгрессе многие заимствовали нормы поведения Ганди, его аскетизм в быту, его регулярные молитвы. Ортодоксальные индусы из числа его последователей считали все, сказанное или написанное им, абсолютной истиной, а его журнал «Young India» – своей Библией.

В сельских хижинах висели картинки с изображением Ганди как аватары Вишну²⁵⁸. Индийские надсмотрщики в тюрьме, где в 1922 г. сидел С.Ч. Бос, отказывались верить, что Махатму англичане могли посадить в тюрьму. Они совершенно серьезно говорили, что, по-

скольку Ганди является Махатмой, он может обернуться птицей и в любой момент улететь из тюрьмы.

Значительная и влиятельная часть индийской интеллигенции была против Ганди, против иррационального, как она считала, подхода к решению политических проблем страны, против замены политического свараджа на духовный сварадж. Но эта интеллигенция не пользовалась таким влиянием в массах неграмотного народа, каким обладал Ганди²⁵⁹.

Глава 9 **ПАРТИЯ СВАРАДЖА: ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ**

Арест Ганди

Британская разведка, которая глубоко анализировала ситуацию в стране, располагала широкой агентурной сетью, в том числе и в руководящих органах Конгресса. Имеются свидетельства о том, что такие агенты присутствовали на заседании ВИКК 24–25 февраля 1922 г. и донесли правительству, что сложилась благоприятная обстановка для ареста Ганди²⁶⁰.

Правительство решило арестовать Ганди. Разведывательная служба отмечала, что, несмотря на приостановку гражданского неповиновения, фундаментальных изменений в политике Конгресса не произошло. Он был арестован и приговорен 18 марта 1922 г. к шести годам тюремного заключения²⁶¹.

На суде Ганди выступил с заявлением о том, как «из убежденного сторонника и человека, сотрудничавшего с властями» он превратился в «бескомпромиссного, разочарованного и не способного к сотрудничеству человека». Он закончил речь словами: «Судьи и заседатели, перед вами открыт только один путь – или уйти в отставку со своих постов и таким образом порвать со злом, если вы чувствуете, что закон, к которому вы взываете, является злом, и что я в действительности не виновен, или подвергнуть меня самому тяжкому наказанию, если вы верите, что система и закон, к которому вы прибегаете, являются добром для этой страны, и что моя деятельность наносит вред общественному благу»²⁶².

За день до своего ареста Ганди опубликовал статью «Если меня арестуют» в «Young India». В ней он выразил глубокую озабочен-

ность насилем в стране. Он обратился к членам Конгресса не организовывать каких-либо процессий или харталов в знак протеста против его ареста. Тем не менее, харталы и демонстрации протеста прошли в Бенгалии, Панджабе, Соединенных провинциях и других местах. Однако к лету 1922 г. движение несотрудничества практически прекратилось.

Кризис в Конгрессе. Акцент на работе в законодательных органах

Арест Ганди и других политических лидеров, фактическое прекращение движения несотрудничества стали болезненным и переломным моментом в истории Конгресса и всего национально-освободительного движения. Они ограничили возможности Конгресса в проведении массовой, в том числе пропагандистской работы. В самой партии возобладали настроения смятения и дезорганизации. Назначенная ВИКК комиссия по расследованию вопросов, связанных с возможностью возобновления гражданского неповиновения, пришла к выводу, что обстановка в стране не благоприятствовала такому движению.

Акцент в работе Конгресса резко сменился с проведения массовой работы к участию в законодательных органах. На упоминавшейся чрезвычайной сессии Конгресса в Калькутте в сентябре 1920 г., поддержавшей программу Ганди о ненасильственном движении несотрудничества, было принято решение бойкотировать работу этих законодательных органов (муниципальных, провинциальных и центрального советов). Однако уже тогда в Калькутте ряд видных лидеров партии и, главные среди них, Мадан Мохан Малавия, Лала Ладжпат Рай, Б.Ч. Пал, Ч.Р. Дас и М.А. Джинна, были против такого бойкота. При этом следует учесть, что еще со времени создания Конгресса его руководители выступали за участие в законодательных органах, что должно было, по их мнению, привести к укреплению влияния Конгресса не только в управленческом аппарате, но и среди избирателей. Место в законодательном органе считалось своеобразным пропуском в политику и индийскую общественную жизнь. Так, Дадабхай Наороджи был членом Палаты общин в Великобритании, Г.К. Гокхале и Ферозшах Мехта были членами Имперского законодательного совета, Тилак – членом бомбейского муниципального совета.

После прекращения движения несотрудничества и ареста Ганди Конгресс переживал глубокий кризис. Если в 1921 г. число его чле-

нов достигало 10 млн. человек, то в 1923 г. оно сократилось до нескольких сотен тысяч²⁶³. Не случайно, что после прекращения движения несотрудничества в руководстве Конгресса началась борьба за отмену решения бойкотировать законодательные советы. Активнее других за это выступали Мотилал Неру и Ч.Р. Дас.

На сессии Конгресса в Гайе в декабре 1922 г. руководители партии, выступавшие за участие в законодательных органах (они называли себя «сторонниками перемен»), пытались провести такое решение. Председательствовавший Ч.Р. Дас заявил, что работа в советах – это не отрицание принципа несотрудничества, а его развитие. Созданные британцами советы должны быть или реформированы для достижения свараджа или упразднены. И если раньше Конгресс бойкотировал законодательные органы извне, то теперь он будет бойкотировать их изнутри, но более эффективно.

Те, кто были против отмены бойкота советов («противники перемен»), считали, что отмена бойкота является отходом от программы Ганди и даже ее предательством. Эту группу возглавлял Ч. Раджагопалачари, который требовал отказа от участия в выборах в советы. Большинство делегатов поддержало эту точку зрения²⁶⁴.

После поражения в Гайе Ч.Р. Дас подал в отставку с поста президента Конгресса и вместе с Мотилалом Неру создал новую партию. В феврале 1923 г. на конференции в Аллахабаде было объявлено об образовании «Партии свараджа Индийского национального конгресса». Ее президентом был избран Ч.Р. Дас, генеральным секретарем – Мотилал Неру.

«В этот период между моим отцом и Ч.Р. Дасом завязалась тесная дружба, – писал Дж. Неру. – Дас, хотя и юрист по профессии, был в то же время поэтом и обладал поэтическим, эмоциональным складом души. Насколько мне известно, он писал красивые стихи на языке бенгали. Он был оратором и обладал религиозным темпераментом. Мой отец был человеком более практичным и прозаичным; он был прекрасным организатором, и религиозного в нем было очень мало. Он всегда был борцом, готовым как наносить, так и сносить сильные удары. Отец и Дешбханду, при всей их несхожести, в некоторых отношениях прекрасно подходили друг к другу. Они составляли вдвоем замечательное и очень удачное сочетание для руководства партией, ибо каждый из них в какой-то мере восполнял недостатки другого. Они питали друг к другу абсолютное доверие – настолько, что каждый из них предоставил другому право использовать его имя в любом заявлении или декларации без предварительного согласования или консультации»²⁶⁵.

Мотилал Неру (1861–1931) происходил из семьи, которая вела свое происхождение от кашмирских брахманов. В 1888 г., через три года после создания Конгресса, М. Неру принял участие в его работе. Дважды избирался президентом партии – в 1919 г. и 1928 г. В начале своей весьма успешной адвокатской карьеры он вел аристократический образ жизни, придерживался европейских взглядов, в быту жил на манер джентльмена викторианской эпохи. Его дочери воспитывались под присмотром английской гувернантки. Своего единственного сына Джавахарлала он отправил в Англию в аристократическую школу Хэрроу, а затем в Кембридж. Однако знакомство с М.К. Ганди и участие в его кампаниях оказало сильное воздействие на стиль жизни и деятельность как самого Мотилала, так и всей семьи Неру.

В свою очередь, Читта Ранджан Дас (1870–1925) был убежденным бенгальским националистом-патриотом, известным как «Деш-бандху» («Друг страны»). В своих ранних произведениях он писал о «бенгальской нации». В 1918 г. он говорил: «Я жду того времени, когда бенгальская нация даст о себе знать, встанет во весь рост перед лицом всего мира»²⁶⁶. Ч.Р. Дас критиковал английскую парламентскую демократию, поскольку она не обеспечивала социальную демократию, то есть равенство всех социальных слоев и классов. Он считал, что парламентская демократия ведет к централизации и не предоставляет возможности для развития политических институтов на уровне деревень, где проживает подавляющее большинство населения Индии. В этом вопросе он был близок к таким экстремистским лидерам, как Бепин Чандра Пал и Ауробиндо Гхош. В качестве известного и процветающего адвоката Ч.Р. Дас выступал защитником на суде над Ауробиндо Гхошем, обвиняемым в участии в террористическом заговоре (что не было доказано, и он был оправдан). Популярность Ч.Р. Даса в Бенгалии была огромной. Он был радикальным патриотом-националистом и в то же время умеренным конституционалистом, который выступал за участие в законодательных органах и рассматривал сварадж как самоуправление Индии в рамках Британской империи²⁶⁷.

Партия свараджа заявила, что каждый конгрессист может стать ее членом. Своей конечной целью она объявила достижение свараджа, но «ближайшей целью» – «быстрое получение статуса доминиона, что означало обеспечение права принять конституцию, создать такой механизм и систему управления, которые более всего отвечали бы условиям страны и гению народа». Партия свараджа полностью поддержала «конструктивную программу Конгресса (свадешти, антиалкогольную кампанию, борьбу с неприкасаемостью, открытие национальных школ, межобщинное согласие и т.п.).

Но главной целью партии было участие в выборах, назначенных на ноябрь 1923 г. В этой связи в программе было заявлено, что Партия свараджа будет участвовать в этих выборах, и после избрания ее членов они будут добиваться удовлетворения национальных требований. В случае отказа властей от этого партия будет проводить политику постоянной и последовательной обструкции работы советов, чтобы сделать невозможным управление страной.

Оставшиеся в Конгрессе «противники перемен» сначала добились «перемирия» с Партией свараджа на условиях отказа от агитации в пользу участия или неучастия в выборах. В течение трех месяцев такой компромисс сохранялся. Но свараджисты считали, что это нанесет им ущерб. Поэтому 1 мая 1923 г. Мотилал Неру заявил, что его партия пойдет на выборы. В ответ лидер «противников перемен» Раджагопалачари тотчас же призвал народ голосовать против выборов. Однако в конце мая ВИКК заявил, что агитация против участия в выборах не разрешается. В знак протеста шесть членов Рабочего комитета Конгресса, в том числе Раджагопалачари, Валлабхаи Патель, Раджендра Прасад, объявили о своей отставке. Был избран новый состав Рабочего комитета, в который вошли М.А. Ансари (президент), Дж. Неру, Т. Пракасам и Саед Махмуд.

На специальной сессии Конгресса в сентябре 1923 г. в Дели, на которой председательствовал Абул Калам Азад, было подтверждено решение позволить конгрессистам участвовать в выборах на индивидуальной основе, а не от имени партии. На выборах в законодательные органы в ноябре 1923 г. свараджистам удалось добиться успеха. В Центральном законодательном совете свараджисты получили 45 из 101 выборного места, еще 30 мест досталось группе во главе с Джинной, Малавией и Рангачарияром (они называли себя «независимыми»). Общее число назначаемых правительством депутатов в совете составляло 44. На выборах, из-за высокого имущественного ценза, правом голоса воспользовалось менее 1% населения.

На тех же выборах 1923 г. Партия свараджа смогла получить в законодательном совете Центральных провинций абсолютное большинство голосов и простое большинство в Бенгалии. В этих провинциях свараджисты выступали фактически как оппозиция правительственной фракции и даже смогли провести в жизнь несколько своих предложений. В законодательные органы других провинций было избрано лишь несколько депутатов от этой партии.

Поначалу сотрудничество свараджистов во главе с Мотилалом Неру и независимых было довольно успешным. Им удалось блокировать несколько законопроектов, внесенных правительством,

а также добиться положительного решения по некоторым выдвинутым ими предложениям. В частности, они провели решение об освобождении всех политических заключенных, находившихся в тюрьмах без суда.

Ганди на свободе

4 февраля 1924 г. Ганди был освобожден из тюрьмы по болезни. Он дал понять М. Неру и Ч.Р. Дасу, что рассматривает участие свараджистов в законодательных советах как политику, несовместимую с несотрудничеством. В конце мая он заявил, что не поддерживает свараджистов. Поскольку Конгресс ранее принял резолюцию об участии в этих советах, Ганди предложил «противникам перемен» сохранять нейтральную позицию, занимаясь «конструктивной программой». А сам по-прежнему выступал за бойкот судов, законодательных советов и английских школ. Он говорил, что свараджисты «культивируют британские взгляды и оглядываются на британский парламент в поисках поддержки свараджа».

На это М. Неру и Ч.Р. Дас отвечали, что они не считают работу в законодательных советах несовместимой с несотрудничеством, хотя в глазах «противников перемен» свараджисты выступали в роли своеобразных диссидентов. Свараджистов раздражали постоянные ссылки Ганди на необходимость домашнего прядения и ткачества.

Борьба между этими двумя фракциями в Конгрессе разгорелась на заседании ВИКК в июне 1924 г. На нем Ганди предложил, чтобы все выбранные члены партийных организаций занимались домашним прядением не менее получаса в день и каждый месяц посылали, по крайней мере, 2000 ярдов пряжи во Всеиндийский совет кхади. А те, кто не будут выполнять это требование, должны покинуть исполнительные органы Конгресса.

Свараджисты выступили категорически против такого предложения. М. Неру прямо заявил, что «прялка не приблизит нас к свараджу»²⁶⁸. Он также сказал, что это требование нарушает дух и букву существующего устава Конгресса. После этого М. Неру, Ч.Р. Дас и их сторонники покинули заседание ВИКК. Предложение Ганди было поставлено на голосование. 57 членов ВИКК поддержали Ганди, 37 выступили против. Это произвело тяжелое впечатление на него, поскольку даже после ухода свараджистов столь большое число членов ВИКК выступило в их поддержку. Ганди немедленно отозвал свое предложение о наказании тех, кто не выполняет требований о домашнем прядении.

Выступление свараджистов против Ганди после его двух лет отсутствия на общественной сцене страны свидетельствовало о серьезных изменениях в самой партии. И хотя свараджисты заявляли о своей верности идеалам Ганди, между собой они поговаривали о том, что он «хороший святой, но плохой политик». Они уже не хотели, чтобы решение политических проблем зависело от его моральных установок и приоритетов в решении социальных проблем. Они не отрицали значения конструктивной работы по устранению неприкасаемости, укреплению индусско-мусульманского единства и домашнего прядения как социально-экономического фактора. Но они не могли понять, как участие в этой работе может непосредственно сказаться на проведении эффективной политики Конгресса. А так как в сложившихся условиях гражданское неповиновение выдвинулось нереальным, работа в законодательных органах представлялась им единственно возможной формой оказания давления на британские власти.

Так, Ч.Р. Дас в частной беседе говорил, что он «испытывает чувство отчаяния – Ганди ведет страну в пустыню стерильной политической агитации в сторону от конституционной борьбы». Дас даже ставил и такой вопрос: «Как нам избавиться от Ганди и вернуть народ на путь захвата власти, что сейчас вполне в наших силах?». Похожие соображения высказывал и М. Неру. Беседуя с Ч.Р. Дасом в октябре 1924 г. о стратегии Партии свараджа, он говорил: «Мы знаем, что Ганди будет придерживаться своего собственного метода... Но у меня есть очень серьезные сомнения относительно его успеха... Мне кажется все более очевидным, что главная тяжесть реальной политической работы падет на нас. Гандиджи или превратит Конгресс в ассоциацию прядильщиков, или упрямо будет проводить свои пять видов бойкота. Ни то ни другое не устроит нас или страну»²⁶⁹.

После заседания ВИКК в Ахмадабаде раскол в Конгрессе казался неизбежным. И, тем не менее, компромисс был найден. 24 ноября 1924 г. Ганди, Дас и М. Неру подписали в Калькутте соглашение, которое предусматривало следующее. Движение несотрудничества приостанавливается, за исключением бойкота иностранных тканей; все конгрессисты должны заниматься «конструктивной программой»; работа в законодательных органах должна проводиться свараджистами от имени Конгресса. Партия свараджа получила право устанавливать свои правила, организовывать свои денежные фонды.

Уступка в пользу Ганди состояла в том, что было предложено внести в устав партии положение, по которому членом любого комитета Конгресса может быть только тот, кто на мероприятиях Конгресса носит одежду из ткани домашнего производства и бесплатно сдает во Всеиндийский совет кхади 2000 ярдов пряжи в месяц. При этом

особо отмечалось, что пряжа необязательно должна быть изготовлена лично этим членом Конгресса, это может сделать любой другой человек.

Сессия Конгресса в Белгауме (декабрь 1924 г.), проходившая под председательством Ганди, утвердила калькуттское соглашение. Конгресс, по словам Ганди, назначил Партию свараджа своим агентом по политическим вопросам. В новом Рабочем комитете большинство составили представители Партии свараджа. Ганди убеждал «противников перемен» не препятствовать свараджистам заниматься политикой в законодательных органах. Так, он писал Раджагопалачари: «Мы должны полностью отказаться от власти. Мы должны сдавать свараджистам позиции, но только не принципы»²⁷⁰.

Сам Ганди продолжал заниматься «конструктивной работой», но временно отошел от участия в каждодневной политической жизни. Некоторые лидеры Конгресса считали, что Ганди потерпел крупное политическое и моральное поражение и был вынужден отойти в сторону от активной политической деятельности. Один из последователей Ганди, ортодоксальный индус Паттабхи Ситарамаяя назвал соглашение Ганди с лидерами Партии свараджа «капитуляцией перед Ч.Р. Дасом и Мотилалом Неру»²⁷¹.

В свою очередь, С.Ч. Бос, один из помощников Ч.Р. Даса, писал: «Хотя свараджисты – лидеры и рядовые члены относились к Махатме с глубочайшим уважением, Партия свараджа была откровенно антигандистской, и она оказалась достаточно сильной, чтобы «заставить Ганди добровольно уйти из политики. Его отсутствие, по существу, продолжалось до сессии в Калькутте в декабре 1928 г.»²⁷².

Казалось, победа свараджистов была полной. Но дело было в том, что Ганди не хотел допустить раскола в Конгрессе, который и без того утратил свои позиции. Об этом свидетельствовал и тот факт, что на съезде в Белгауме присутствовало всего 1840 делегатов (в 1920 г. на сессии в Канпуре, например, было 14 500 делегатов, в 1921 г. в Ахмадабаде – 4700, в 1923 г. в Какинаде – около 6200 делегатов).

Но, пожалуй, самое главное состояло в том, что обстановка в стране резко ухудшилась – начались столкновения между индусами и мусульманами, которые нередко разгорались на сугубо бытовой почве. Но были и более глубокие причины, которые способствовали этому. Альянс между Конгрессом и Халифатским движением начал распадаться еще в 1922 г. после ареста Ганди, хотя один из лидеров этого движения Мохаммед Али председательствовал на сессии Конгресса в Какинаде еще в 1923 г. По мере угасания Халифатского движения связь между Конгрессом и мусульманами стала ослабевать. С другой стороны, конгрессистская агитация, особенно на низовом уровне, была далеко не секулярной и вызывала негативную реакцию мусульман.

Сварджисты теряют позиции

Победа Партии свараджа на сессии Конгресса в Белгауме оказалась недолговременной. Партия столкнулась с нелегкой задачей финансирования ее деятельности. Членский взнос в три рупии с человека в год, разумеется, не мог обеспечить нормальное функционирование партии. Это относилось и к созданию собственной информационной базы. Лишь в одной Бенгалии у партии была своя газета «Fogward». Индийские капиталисты не торопились вкладывать деньги в Партию свараджа, опасаясь соответствующей реакции со стороны британских властей. Позже Мотилал Неру говорил одному из индийских промышленников: «Невозможен союз между Конгрессом и индийскими капиталистами, которые стремятся нажать капитал на страданиях народа. Более подходящей для Конгресса является работа в этом направлении среди рабочих, а не владельцев фабрик. Я был введен в заблуждение патристическими разговорами некоторых из моих личных друзей из числа фабрикантов. Махатмаджи никогда не верил в альянс с ними. И я сказал ему сейчас, что он был прав, а я ошибался»²⁷³.

Сотрудничество между Партией свараджа во главе с М. Неру в центральном законодательном собрании с группой независимых под руководством Джинны продолжалось до начала 1925 г. Тогда Джинна заявил, что не может поддерживать политику сварджистов, направленную на обструкцию и разрушение конституции. С этого времени он занял ключевую позицию в собрании, что определялось в первую очередь его авторитетом и способностями как оратора и полемиста. Вместе с тем Джинна прекрасно понимал ограниченность возможностей законодательного собрания, поскольку, в соответствии с Законом 1919 г., генерал-губернатор обладал правом отклонять его решения.

Разрыв между сварджистами и группой независимых депутатов в собрании горячо приветствовался британской администрацией, которая стала тормозить реформы по предоставлению Индии самоуправления. Новый министр по делам Индии Биркенхед писал вице-королю: «Совершенно невозможно представить, что Индия когда-либо будет готова к статусу самоуправляемого доминиона». Он даже сомневался в том, что после 1929 г., когда надо будет пересматривать Закон об управлении Индией 1919 г., следует расширять конституционные реформы. Биркенхед признавал, что правительство Индии испытывает определенные трудности в законодательном соб-

рании. Но он предвидел ослабление позиций индийцев в нем в результате раскола между свараджистами и независимыми: «Я надеюсь, этот раскол будет нарастать». Его надежда была связана с сохранением «вечной» религиозно-общинной ситуации. «Чем большего прогресса добивались индусы, – писал Биркенхед, – тем больше было недоверия мусульман и антагонизма между ними»²⁷⁴.

Колониальные власти не собирались рассматривать вопрос о расширении конституционных реформ, на чем настаивали индийцы. В 1925 г. индийские депутаты в законодательном собрании опубликовали доклад, в котором говорилось, что диархия потерпела провал и что Закон 1919 г. нуждается в изменении. В июне 1925 г. скоропостижно скончался Ч.Р. Дас, и вся ответственность за деятельность Партии свараджа в законодательных органах легла на плечи М. Неру. Сессия Конгресса в Канпуре в декабре 1925 г. поддержала предложение М. Неру формально признать Партию свараджа как интегрированную часть конгрессистской организации. Сессия также приняла решение, что на следующих выборах в законодательные собрания в ноябре 1926 г. Партия свараджа будет действовать от имени Конгресса.

С учетом упорного нежелания властей пойти на дальнейшие конституционные реформы Конгресс в Канпуре рекомендовал еще более ужесточить обструкционистскую политику в собрании. Партия свараджа получила прямые указания руководства Конгресса выступить против принятия бюджета (предложение было заведомо неприемлемым для властей), а затем в знак протеста покинуть законодательное собрание. Свараджисты в собрании так и поступили. 6 марта 1926 г. то же самое произошло и в провинциальных законодательных советах.

Правительство тут же воспользовалось отсутствием свараджистов в собрании и провело необходимые ему решения. К тому же в Партии свараджа начались противоречия и даже расколы в Центральной провинции и Бенгалии, где вместо Ч.Р. Даса вновь избранный лидер партии в законодательном совете Дж.М. Сенгупта пытался заручиться поддержкой руководителя Мусульманской лиги в Бенгалии А.К. Фазлул-Хака²⁷⁵.

Незадолго до выборов в законодательные собрания из Партии свараджа вышел Лала Ладжпат Рай. Он обвинил ее в том, что она жертвует интересами индусов, и присоединился к создаваемой М.М. Малавией Независимой конгрессистской партии.

На выборах в законодательные советы 1926 г. Партия свараджа понесла значительный урон. Ее позиции были ослаблены повсюду, кроме Мадраса. В Центральном законодательном собрании она по-

лучила 38 мест из 100 и осталась самой крупной партией только в Бенгалии и Центральных провинциях, но не располагала там большинством голосов. Новая расстановка сил в Центральном собрании затрудняла принятие индийцами согласованных решений. Практически все партии и группы в собрании испытывали внутренние разногласия и расколы. В этих условиях правительству не представляло труда проводить свои решения, сохраняя видимость демократической процедуры.

После достигнутого компромисса с Ганди свараджисты еще некоторое время участвовали в работе Центрального законодательного совета. В этой связи особый интерес представляло выдвинутое Мотилалом Неру предложение созвать конференцию круглого стола для выработки схемы по созданию «ответственного правительства» в Индии. Эта схема должна была быть одобрена Центральным законодательным собранием, а затем британским парламентом. Имелось в виду добиться для Индии статуса доминиона. При этом М. Неру поставил под сомнение власть британского парламента над Индией. Предложение М. Неру получило большинство голосов в Совете (64 против 48).

Однако правительство Индии не имело в виду проведение радикальных изменений в управлении страной. Оно заявило, что «ответственное правительство», предусмотренное в 1917 г. министром по делам Индии Э. Монтегю, пока еще не считается актуальным. Продвижение Индии к этой цели должно быть постепенным. Очередной шаг в этом направлении должен быть сделан не ранее 1929 г. До этого времени законодательные советы в центре и провинциях будут обладать ограниченными правами²⁷⁶. По-прежнему вице-король и губернаторы в провинциях по их усмотрению могли своими указами провести любой закон или заблокировать предложения законодательных советов. Таким образом, так называемая диархия английской колониальной администрации и индийских представителей в законодательных советах и даже в министерствах (например, в Бенгалии) оказалась на деле фальшивой²⁷⁷.

Усиление напряжения между религиозными общинами

На фоне гандистского движения несотрудничества с властями Хинду махасабха долгое время оставалась в тени. Активизация ее деятельности пришлась на 1923 г., когда под эгидой Махараджи Бенареса руководство Хинду махасабхи впервые провело свое заседание отдельно от Конгресса. Среди лидеров Махасабхи был

Раджендра Прасад. Это заседание стало известно тем, что одобрило религиозный обряд *шуддхи* (очищение), принятый в свое время «Арья самадж» для возвращения в лоно индуизма тех индусов, главным образом неприкасаемых, которые ранее приняли ислам или христианство. Толчком для такого решения руководства Хинду махасабхи послужил Закон об управлении Индией 1919 г., по которому сохранялась избирательная курия для мусульман и вводилась такая же курия для индусов (так называемая общая курия), и численность каждой из этих общин приобретала особое значение. Со временем призыв Хинду махасабхи к проведению массовой кампании шуддхи стал водоразделом между секуляристами и шовинистами, которые заговорили о построении индусского государства (Хинду раштра) в Индии.

Большое влияние на деятельность Махасабхи оказала программа, сформулированная в речи Лала Ладжпат Рая – председателя на сессии Хинду махасабхи в Калькутте в 1925 г. В программе ставились следующие задачи: проведение собраний индусов по всей стране; оказание им помощи во время религиозно-общинных беспорядков; возврат в лоно индуизма тех, кто был насильственно обращен в ислам; организация спортивных занятий индусской молодежи; создание добровольных обществ; доступ в индусские храмы всем желающим; пропаганда языка хинди; проведение массовых индусских праздников; защита общинных интересов индусов в случае возникновения политических разногласий; улучшение положения индусских женщин. В программе содержалось и такое положение: «Поощрять добрые отношения с мусульманами и христианами»²⁷⁸.

Тогда же, в 1925 г., основатель революционной партии «Гадар» Хар Даял выступил в одной из лахорских газет с заявлением о судьбах индусов Хиндустана и Панджаба. По его мнению, их будущее зиждется на четырех столпах: «Сплочении индусов; правлении индусов; шуддхи для мусульман; подчинении и очищении Афганистана и Пограничных провинций. До тех пор пока нация индусов не осуществит все это, писал Хар Даял, судьба наших детей и правнуков будет в опасности, и даже безопасность самой индусской расы будет под угрозой»²⁷⁹.

В Махасабхе наибольшим влиянием пользовалась группа лидеров, продолжившая традиции тройки «Лал–Бал–Пал» в Конгрессе. Однако в последующие годы руководство перешло преимущественно к политикам из Махараштры, которые считали себя наследниками Тилака. Большинство из них были читпанван-брахманами. В эту группу входили Б.С. Мундже, Н.Ч. Келкар, Джаякар и Винаяк Саваркар. За годы ссылки на Андаманских островах (1911–1924)

Саваркар написал работу «Хиндутва» (Индусскость), которая была издана в 1924 г. В ней он поставил перед собой и читателями вопрос: кто есть индус? Ответ его был следующим. «Индус – это тот, кто считает страну Бхаратварша (Индию), простирающуюся от реки Инд до морей, своей родиной и своей святой землей». Эта формулировка была принята «Хинду махасабхой». В соответствии с ее канонами, полноправными гражданами Хинду раджа (Индусского государства) могли быть только индусы, которые также включали в себя джайнов, буддистов и сикхов, чьи религии считались ответвлениями индуизма. Мусульмане и христиане по определению не могли рассматриваться как лица, готовые принять Бхаратваршу в качестве своей «святой земли»²⁸⁰.

Решение лидеров Махасабхи обратиться к обряду шуддхи вызвало негативную реакцию руководства Мусульманской общины. В 1923 г. серьезные религиозно-общинные столкновения произошли в Мултане, Амритсаре, Агре и других местах. В течение трех последующих лет в ряде городов – Калькутте, Дели, Алигархе, Шолапуре, Лакхнау и других – возникали беспорядки на религиозно-общинной почве. В Конгрессе раздавались голоса против решения Махасабхи о проведении процедуры шуддхи.

К этому же времени относится движение *сангхатан* (объединение, сплочение), возглавленное Свами Шраддхананда, который активно проводил кампанию шуддхи с целью возвращения в лоно индуизма тех, кто раньше отверг его и принял ислам. Свами Шраддхананда (мирское имя – Мунши Рам) (1856–1926) до принятия монашеского сана занимался адвокатской практикой в Панджабе. Он принял участие в деятельности «Арья самадж», а затем стал одним из местных руководителей Конгресса. На сессии партии в Амритсаре в 1919 г. Свами Шраддхананда был председателем организационного комитета. В своем приветствии делегатам Конгресса он так объяснил вопрос о возможности участия саньяси в политической деятельности: «С того дня, как я вступил на путь святой жизни, я принял обет служить всему миру как моей семье... Я нахожусь здесь не для того, чтобы вести политическую агитацию, а для более высоких целей». Позже он вышел из Конгресса, протестуя против того, что эта партия препятствовала «возрождению индусского общества»²⁸¹.

Движения сангхатан и шуддхи встретили оппозицию со стороны мусульман, которые тоже стали создавать свои движения по пропаганде ислама – *таблигх* (образование) и *танзим* (организация). Первая религиозно-политическая организация богословствующих (ученых) мусульман Джамиат-ул-улама-е-Хинд (Общество улемов Индии), созданная в 1919 г., на своей конференции в Какинаде в де-

кабре 1923 г. объявила, что те, кто поддерживает шуддхи, являются «злейшими врагами Индии», и что движение сангхатан тормозит развитие Индии²⁸². Индийские политики не смогли взять под контроль нарастающую атмосферу недоверия и даже ненависти, которая стала результатом деятельности этих индусских и мусульманских движений и их пропаганды.

В мае 1924 г. после почти четырехлетнего перерыва в Лахоре состоялась сессия Мусульманской лиги. Председательствовавший на ней Мухаммед Али Джинна заявил, что движение несотрудничества потерпело крах и нанесло ущерб стране. Но вместе с тем он считал, что это движение открыло возможности для «немедленного установления ответственного правительства доминиона». На сессии были обозначены фундаментальные принципы новой конституции Индии, которые должны были быть приемлемы для мусульман. Среди них: федеральное устройство с полной автономией провинций; эффективное представительство меньшинств в законодательных органах во всех провинциях. Такое представительство должно быть обеспечено отдельными электоратами.

Эта сессия Мусульманской лиги осудила религиозно-общинную рознь и рекомендовала создание примирительных советов. При этом она дала экономическое обоснование межобщинных конфликтов – «большинство мусульман являются бедными, а большинство индусов находится в лучшем положении»²⁸³.

Тем не менее, напряжение между религиозными общинами продолжало усиливаться. Вспышки индусско-мусульманской розни перекидывались из одной провинции в другую. В сентябре 1924 г. в Кохате (СЗПП), населенном преимущественно мусульманами, в результате антииндусских выступлений погибло 155 человек. Это привело к массовому исходу индусов из этого района. Совместное расследование трагедии в Кохате, проведенное Ганди и Шаукатом Али, выявило различие в их оценках. Ганди заявил, что в этом месте были повреждены храмы, включая сикхскую гурдвару, разбиты идолы, за отказ принять ислам двое индусов были убиты и т.п. В свою очередь, Шаукат Али оправдывал мусульман, считая, что события были спровоцированы индусами²⁸⁴.

В знак протеста против межобщинных столкновений и событий в Кохате Ганди объявил голодовку на 21 день с 17 сентября 1924 г. Он проводил ее в доме Мохаммеда Али. Эта новость распространилась по всей стране. М. Али и Свами Шраддхананда обратились с призывом ко всем партиям и религиозным общинам провести в Дели конференцию для поиска путей по восстановлению межобщинного согласия и таким образом спасти жизнь Ганди. 26 сентября 300 уча-

стников этой конференции приняли ряд резолюций, призывающих к достижению мира и обратились к Ганди с просьбой прекратить голодовку. Однако решения конференции не повлияли ни на ситуацию в стране, ни на голодовку Ганди. Во время ее и после произошли серьезные религиозно-общинные столкновения в Шахджанпуре, Аллахабаде, Канчрапаре (около Калькутты), в Сагаре и Джаббалпуре (Центральные провинции), в которых погибло много людей²⁸⁵.

Сессия Конгресса в Белгауме в декабре 1924 г. отнеслась сдержанно к событиям в Кохате: ни одна из сторон не обвинялась в разжигании конфликта. Конгресс призвал мусульман Кохата заверить «индусских братьев в том, что они будут защищены». Мусульманская лига также проявила сдержанность в оценках этих событий, но, тем не менее, заявила, что «индусы первыми обратились к насилию и спровоцировали проявление религиозных чувств мусульман».

В свою очередь, Хинду махасабха выразила «печаль по поводу потери жизней индусов и мусульман», уничтожения 473 домов и лавок, осквернения многих храмов и гурдвар, что заставило всех индусов и сикхов покинуть Кохат. Все три организации обвинили правительство в этой трагедии и потребовали независимого публичного расследования.

В 1925 г. религиозно-общинные столкновения приобрели еще более масштабный характер. Самые серьезные из них произошли в Дели, Алигархе, Шолапуре. В 1926 г. только в Калькутте прошли три волны таких столкновений, в которых погибли десятки людей, были осквернены мечети и индусские храмы. За ними последовали индусско-мусульманские конфликты в Равалпинди, Аллахабаде и снова в Дели. В конце декабря 1926 г. был убит Свами Шраддхананда. Убийца оказался мусульманином. Все это подливало масла в огонь межобщинной розни – индусско-мусульманские столкновения охватили почти все провинции, не только города, но и деревни. По данным официальной комиссии, расследовавшей эти события, с 1923 г. по 1928 г. произошло не менее 112 крупных религиозно-общинных конфликтов²⁸⁶.

Эти события отложили отпечаток на последующую деятельность всех политических партий и общественных организаций.

Создание Раштрия сваямсевак сангха

В 1925 г. в Нагпуре был основан Раштрия сваямсевак сангх (Союз добровольных слуг нации – РСС) – идейный и политический противник Конгресса. Характерно, что это произошло в последний

день большого индуcского праздника Дуссера – виджаядашми, когда бог Рама, победивший демона Равану, возвращается в свою столицу Айодхья, и добро торжествует над злом²⁸⁷. Создателем РСС стал врач Кешав Балирам Хедгевар (1889–1940) и пятеро его последователей. Сам Хедгевар начал свою политическую деятельность во время движения свадеши в 1905 г., находясь под влиянием таких лидеров, как Тилак и Бипин Чандра Пал. Впоследствии он стал членом Хинду махасабхи в Нагпуре. В 1921 г. Хедгевар участвовал в работе местной организации Конгресса, а также в Халифатском движении. Позже он отошел от этой деятельности и сосредоточился на пропагандистской работе. Хедгевар считал, что только индусы могут завоевать независимость Индии. Для этого они должны духовно и физически совершенствоваться. Он говорил, что индусы являются доминирующей нацией в Индии (*Бхарате*) и что хиндутва представляет собой государственность (*раштриятва*). Только индусы смогут освободить Хиндустан и спасти индусскую культуру. Особая роль принадлежит в этом индусской молодежи, которая должна обладать твердым характером и абсолютной любовью к родине.

В начале 1930-х годов о превосходстве индусской культуры и индусской социальной организации (*сангхатан*) говорил и один из лидеров Махасабхи Бхаи Пармананда (1876–1947). Он считал, что индусы и их священные книги являются самыми древними в мире. Особое значение Пармананда придавал сплочению индусов. На сессии Махасабхи в 1933 г. Пармананда заявил: «Хиндустан является страной только индусов. Мусульмане, христиане и другие нации, живущие в Индии, всего лишь наши гости. Они могут жить здесь до тех пор, пока желают оставаться гостями». Махасабха также изложила свои взгляды на язык урду: «Урду является иностранным языком, который представляет собой живой памятник нашего рабства. Он должен быть искоренен. Урду – это язык варваров (*млеччха*), который причинил огромный ущерб нашему национальному делу тем, что приобрел популярность в Индии²⁸⁸. В середине 1930-х годов в ряды Махасабхи вошла группа умеренных индусских националистов, среди которых выделялся Шьяма Прасад Мукерджи как представитель образованных и зажиточных слоев бенгальского общества. Именно Мукерджи сменил на посту президента Хинду махасабхи Саваркара в 1943 г. после его ухода в отставку в связи с ухудшением здоровья.

Поначалу членство в РСС было ограничено сравнительно небольшим кругом лиц – к 1932 г. организация насчитывала около 500 добровольных слуг родины, которые вели работу преимущественно среди брахманов Махараштры. РСС приветствовал решение

Лахорской сессии Конгресса (1929 г.), которая выдвинула требование полной независимости Индии. По этому случаю все первичные ячейки РСС (*шакха*) направили поздравления Дж. Неру, тогдашнему президенту Конгресса²⁸⁹. Позже, в 1930 г., РСС активно участвовал в движении несотрудничества, за что сам Хедгевар был арестован. В это же время он вышел из Хинду махасабхи, несмотря на возражения Саваркара.

С начала 1930-х годов Хедгевар принял решение распространять деятельность РСС не только в Махараштре, но и в тех районах Центральных провинций, где проживали маратхи. Следующим этапом стало образование *шакха* в Бенаресе. В последующие годы деятельность РСС охватила практически все районы Индии, кроме Ориссы и Ассама. Решение руководства РСС перейти с санскрита на хинди и маратхи для чтения молитв в *шакхах* привело к заметному росту членства в этой организации, насчитывавшей в своих рядах к 1940 г. до 100 тыс. человек.

Активная деятельность Хедгевара подорвала его и без того слабое здоровье. Он умер в июне 1940 г., предварительно назначив своим преемником Мадхава Садашива Голвалкара (1903–1967), который и стал *сарсангчалаком* – руководителем РСС 5 июля 1940 г. Он так же, как и многие другие руководители РСС, был брахманом. По окончании христианской миссионерской школы Голвалкар поступил в Индусский университет в Бенаресе, стал последователем М.М. Малавии, который был к тому же одним из основателей этого университета. Некоторое время Голвалкар сотрудничал с Хинду махасабхой, а затем вступил в ряды РСС.

Помимо организационной работы по укреплению и расширению деятельности РСС, Голваркар внес свой вклад и в идеологию этой организации. В 1939 г. он издал книгу «Мы, или как определить нашу национальную идентичность». Вся она была пронизана духом индусского национализма. По отношению к меньшинствам он, в частности, писал: «Неиндусы, живущие в Хиндустане, должны принять индусскую культуру и язык, научиться уважать и почитать индуизм, не придерживаться каких-либо иных идей, кроме прославления индусской расы и культуры, они должны отказаться от проявления нетерпимости и неблагодарности к этой стране и ее вековым традициям, а вместо этого культивировать позитивное отношение любви и преданности – одним словом, они должны перестать быть иностранцами. В противном случае они могут оставаться в этой стране в полном подчинении у индусской нации, не претендуя ни на что, не заслуживая никаких привилегий, тем более какого-либо особого отношения, и даже прав гражданства»²⁹⁰.

Глава 10

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Движения небрахманских каст

Изменение политической ситуации в стране в начале XX в. способствовало активной самоорганизации небрахманских каст. В это время английская администрация объявила о подготовке поэтапного проведения конституционных реформ, что было реакцией колониальных властей на выдвинутый впервые в 1906 г. индийскими патриотами лозунг *свараджа* – самоуправления. Это требование было встречено с большой настороженностью представителями религиозных меньшинств и кастовых организаций небрахманов. Всех их интересовал вопрос, кто будет править страной после англичан. Отдельные мусульманские руководители выступали против будущей власти индусского большинства, а лидеры неприкасаемых и небрахманских каст высказывали опасения, что в случае перехода власти к Конгрессу, в руководстве которого преобладали брахманы, произойдет усиление кастового неравенства в пользу высших каст²⁹¹.

Подобные настроения в общественном сознании способствовали росту религиозно-общинных и кастовых разногласий и созданию политических и общественных структур, имевших своей целью защиту интересов отдельных общин и каст²⁹². Так, небрахманское движение в Махараштре разделилось на два крыла – одно, представленное в основном городской элитой, и другое, опиравшееся на маратхское крестьянство. Первое крыло выступало за усиление роли небрахманских каст в обществе, преимущественно путем распространения просвещения среди многочисленных маратха, а также городских неприкасаемых-махаров. Со временем городская часть небрахманского движения постепенно переродилась в узкокастовую борьбу маратха и отказалась от более широкой социально-культурной реформы, которая затрагивала бы и интересы низших каст.

Второе крыло небрахманского движения возникло на базе выступлений крестьянства против землевладельцев-абсентеистов²⁹³ и ростовщиков, представленных преимущественно брахманами, а также против кастовой эксплуатации. Недовольство крестьян нередко

выливалось в стихийные бунты, которые приводили к уничтожению урожая помещиков, осквернению храмов, нападениям на брахманов. По мере развития национально-освободительного движения и перемен в конгрессистской организации, крестьянство стало активно вовлекаться в антиколониальную борьбу.

Кампания несотрудничества, проведенная по инициативе Ганди в 1921 г., перехватила лозунги небрахманского движения, основной целью которого было оттеснение брахманов, занимавших главенствующие позиции в общественно-политической жизни. Бойкот Конгрессом выборов в законодательные органы, а также в суды, учреждения и учебные заведения нанес большой ущерб интересам брахманской мелкобуржуазной интеллигенции, занимавшей в тот период практически все должности на государственной службе. Небрахманская верхушка увидела, что для нее открылись новые возможности и поддержала следующую кампанию несотрудничества, объявленную Ганди. К 1930 г. оба направления небрахманского движения – его деревенская и городская части, слились с Конгрессом. Однако руководители организаций неприкасаемых не последовали примеру небрахманских лидеров. Они воспринимали конгрессистское движение как борьбу высоких каст только за политическую власть, а не за социальную справедливость и освобождение от кастовой зависимости. Поэтому неприкасаемые в Махараштре продолжали держаться в стороне от главного потока антиколониальной борьбы.

Иначе складывалась ситуация в Южной Индии. Там недовольство местного дравидского населения засильем брахманов подогревалось колониальными властями, которые первыми высказали идею об арийском происхождении брахманов – выходцев с Севера. Хинду махасабха, идеологи индусскости призывали к «эксклюзивному» индусскому национализму и к сплочению индусов против мусульман. На юге страны это воспринималось как стремление навязать дравидскому населению североиндийскую («арийскую») культуру и ее священные санскритские тексты и таким образом увековечить засилье тамильских брахманов, которые тоже стали подчеркивать свое «арийское» происхождение²⁹⁴. В конечном счете это недовольство приняло форму антибрахманского движения, которое приобрело антисеверный характер. В нем также наметились два направления – консервативное и демократическое.

Первое было представлено уже упоминавшейся Джастис парти, которая занимала антиконгрессистскую позицию. Ее социальной базой была образованная верхушка средних землевладельческих каст веллала (у тамилгов), редди и камма (у телугу), наяров (у малаяли), а

основное ядро составляла интеллигенция и предприниматели из богатых тамильских каст. Джастис парти пользовалась поддержкой крупных землевладельцев в районах нынешних Андхра, Кералы и Тамилнаду. Все они стремились утвердить свою, а не брахманскую, власть, с которой ассоциировался Конгресс.

Второе направление проявило себя в «Движении самоуважения», которое в 1920–1930-х годах проходило на юге Индии, преимущественно в тамилоязычных районах. Оно ставило своей задачей проведение социальных реформ в пользу широких масс. Его лидером и идеологом был Е.В. Рамасами Наикер (1879–1973), известный больше как Перияр. Он был выходцем из состоятельной семьи торговцев. Первые годы его политической деятельности были связаны с Конгрессом. Убежденный противник индусской кастовой системы и брахманской идеологии, Перияр завоевал известность тем, что в 1924 г. предпринял кампанию за допуск неприкасаемых в индусские храмы в княжестве Траванкор (ныне в штате Керала). Хотя по этому вопросу он сотрудничал с Ганди, мадрасская организация Конгресса, в то время состоявшая большей частью из брахманов, выступила против его инициативы. Его настойчивые призывы к социальным реформам не встретили понимания у местных лидеров этой партии. В 1927 г. он вынужден был разорвать отношения с Конгрессом и создать свою организацию – «Движение самоуважения». Оно имело ярко выраженный антикастовый характер. Осуждая кастовую систему, ритуальную иерархию, идолопоклонство, суеверия, санскритские священные тексты, особенно «Законы Ману», Перияр разоблачал содержащуюся в *дхарма-шастрах* концепцию неполноценности низших каст и превосходства высших²⁹⁵. Он подвергал критике священные книги индусов, заявлял, что индуизм, оправдывающий невежество, неграмотность и эксплуатацию неприкасаемых, был изобретением небольшой кучки людей, преследовавших своекорыстные, эгоистические интересы, призывал народ отказаться от ортодоксального индуизма, который, как он говорил, служит орудием духовного порабощения тех, кто своим тяжелым трудом создает материальные блага. Митинги с его участием иногда заканчивались публичным сожжением священных книг индусов, в которых оправдывалось униженное положение низов.

Борьба против социальной дискриминации рассматривалась Перияром в одном ряду с другими социально-культурными проблемами. Выдвигая требование гражданских прав для представителей индусских низших каст, он настаивал на отказе от соблюдения неприкасаемости, в том числе добивался для них доступа к общественным источникам воды, призывал к общению между людьми

независимо от кастовой и религиозной принадлежности, выступал за полное равноправие женщин и предоставление им гражданских прав. Перияр поднимал вопросы социально-ритуального и культурного угнетения народных масс. Борьба с социальным неравенством и неприкасаемостью была важной частью его движения.

Под руководством Перияра протест против брахманского господства принял форму дравидского движения, после того как в 1944 г. он создал «Дравидар кажагам» («Ассоциация дравидов»). Это движение оставалось замкнутым в пределах нынешних границ Тамилнаду и было сосредоточено на тамильской национальной идентичности. Перияр жестко критиковал «арийских брахманов», пришельцев с Севера, как врагов. Он считал, что в основе конфликта между арийским Севером и дравидским Югом лежало недовольство господством брахманской идеологии²⁹⁶. Наследие Перияра остается востребованным и в начале XXI в. Его нынешние последователи называют Перияра «пророком нового века, Сократом Юго-Восточной Азии, отцом социального реформаторского движения и страстным борцом против невежества, предрассудков и бессмысленных ритуалов»²⁹⁷.

Выход на политическую арену такой фигуры, как Перияр, вызвал к жизни подобные же движения в территориях нынешних Андхра, Кералы и Карнатака. Небрахманские движения на западе и юге Индии были выражением общеиндийского подъема народных масс, стремившихся бросить вызов и разрушить тысячелетнюю кастовую иерархию. По мере их возникновения и развития радикальные элементы из разных каст и общин вливались в них. Этот своеобразный бунт против брахманов сыграл положительную роль в развитии общедемократического движения в стране. Небрахманские движения способствовали формированию в обществе представлений о том, что борьба за независимость не может быть отделена от борьбы против кастовой дискриминации. Их главным итогом стала консолидация крестьянских каст и упразднение некоторых традиционных ограничений, препятствовавших более широкому общению между ними. Значительная часть этих каст в ходе совместной с низшими кастами борьбы против брахманской исключительности укрепила свои экономические и политические позиции, однако очень скоро «забыла» о своих прежних союзниках из низших каст, в том числе неприкасаемых. Так же, как и в Махараштре, движение неприкасаемых стало развиваться самостоятельно.

По требованию небрахманских и антибрахманских движений, проходивших в Бомбейском президентстве и Южной Индии, в 1920–1930-х годах британская администрация ввела систему резервирования (квотирования) мест на государственной службе для небрахма-

нов (помимо индусских каст она включала мусульман и христиан, а с 1943 г. и неприкасаемых)²⁹⁸. По существу, это нововведение способствовало частичному ограничению влияния традиций кастовой системы в сфере образования и государственной службы, которые всегда были привилегией высших каст.

Движения «угнетенных классов»

Небрахманские движения, деятельность организаций религиозных реформаторов-просветителей и христианских миссионеров были той идейной и организационной основой, на которой стали развиваться самостоятельные выступления низших каст. В Мадрасской провинции и Панджабе возникли движения, лидеры которых представляли неприкасаемых как *ади*, то есть как коренных обитателей Индии, и придерживались принципов равенства, справедливости, единства. Они пропагандировали широко распространенную концепцию, что пришедшие позже в Индию завоеватели-арии использовали систему четырех варн как средство подчинения местных народов. Поэтому движения *ади* нередко отвергали индуизм как религию завоевателей и орудие их господства.

Массовым и хорошо организованным в 1920-е годы было движение низов «Ад-дхарм» (первой, то есть доарийской религии) в Панджабе. Его социальной базой были касты неприкасаемых, преимущественно кожевники-чамары, которым в колониальный период удалось с выгодой использовать свои традиционные ремесла и навыки. В Панджабе были расквартированы многие колониальные воинские части, которым требовались изделия из кожи для обмундирования и экипировки армейских конных подразделений. Именно тогда чамары были наняты на работу в колониальную армию и начали приобщаться к грамоте.

Участники «Ад-дхарм» заявляли, что они как исконные жители этого края имели свою религию, а индуизм был навязан брахманами позже. Целью движения был разрыв с индуизмом, выделение неприкасаемых в самостоятельную общину. Руководители «Ад-дхарм» призывали неприкасаемых к активным действиям в борьбе за равноправие, и нередко после завершения проводимых ими собраний их участники толпой направлялись к деревенскому пруду и входили в воду, нарушая тем самым запрет индусов из «чистых» каст.

В Панджабе, помимо приверженцев «Ад-дхарм», неприкасаемые, некогда обращенные в сикхизм, объединялись в протестные секты типа *равидаси*, *рамдаси*, *удаси* и так же, как остальные общи-

ны, строили свои гурдвары²⁹⁹. Со временем эти гурдвары стали объединительными религиозными и социально-политическими центрами.

Наиболее отчетливо стремление неприкасаемых к самоорганизации проявилось в Бомбейском президентстве среди махаров. Это было во многом связано с расширением их участия в экономической и общественной жизни региона после того, как они вышли из системы традиционных отношений. По мере того, как сокращалась нужда в их кастовых услугах и открывались новые виды занятий (на текстильных фабриках, железных дорогах, в портах, на заводах по производству вооружений), махары уходили в город и нанимались на оплачиваемую работу. Новые виды работы оказали большое влияние на процесс их социального пробуждения. Особую роль в судьбе махаров сыграла их служба в армии.

В Махараштре под руководством Бхимрао Рамджи Амбедкара (1891–1956) началось движение за сплочение махаров в борьбе против социальной дискриминации. Выходец из семьи военных махаров Амбедкар имел возможность после окончания школы получить грант от князя Бароды Саяджирао на учебу сначала в Элфинстонском колледже в Бомбее, а затем в Колумбийском университете в Нью-Йорке (1913–1916 гг.), где ему присвоили степень доктора философии. В 1920 г. он продолжил занятия в Лондонской школе экономики и там также защитил докторскую диссертацию. В 1923 г. он сдал экзамены, которые дали ему право работать адвокатом при Верховном суде. В том же году он вернулся в Индию и включился в активную политическую жизнь³⁰⁰.

По его инициативе махары, требовавшие религиозного равенства с высококастовыми индусами, неоднократно пытались войти в индусские храмы. Все их попытки, однако, не достигали цели. Но именно эти кампании содействовали объединению и организации махаров.

Движения неприкасаемых отражали специфику общественных отношений в различных районах страны и поэтому заметно отличались друг от друга. Тем не менее, можно выделить некоторые общие проблемы, которые их объединяли. Прежде всего, неприкасаемые протестовали против феодального гнета, который особенно отчетливо проявлялся во внеэкономическом принуждении, они отказывались выполнять свои традиционные кастовые обязанности (ассенизаторские работы, уборка падали, игра на музыкальных инструментах во время похорон, бесплатные работы по распоряжению старосты деревни и чиновников и т.п.). Их организации боролись за получение образования, в том числе государственных субсидий для обучения в вузах, за резервирование для них рабочих мест на государственной службе.

Другой характерной чертой, объединявшей ранние выступления «угнетенных классов», была организация массовых кампаний за право допуска неприкасаемых в места общественного пользования (источники воды, дороги, храмы). Они выражали протест против веками установленного общественного порядка, требовали упразднить монополию высших каст на неограниченную экономическую и духовную власть и, по существу, впервые заявили, что конечной целью национально-освободительного движения должно стать достижение социального равноправия. В этом контексте и возникал вопрос на чьей стороне будут выступать неприкасаемые в борьбе за независимость страны.

Конгресс в борьбе за влияние среди неприкасаемых

В сложившихся условиях лидеры индусской общины, ее образованная и политически активная часть, включая религиозных и социальных реформаторов, стали вести агитацию за упразднение социальной дискриминации неприкасаемых. Однако провести это решение в жизнь оказалось исключительно сложным, поскольку высшие касты, по существу, не рассматривали неприкасаемых как своих единоверцев. Их ортодоксальная часть упорно отказывалась признавать неприкасаемых в качестве индусов и даже требовала не включать их в состав индусской общины при проведении переписей населения.

По мере поэтапного внедрения электоральной системы в стране большое значение стала приобретать численность общины. Поэтому индусские религиозно-общинные организации стремились не допустить роста других общин за счет неприкасаемых и племен. Отсюда возникла необходимость признания неприкасаемых «своими братьями», а также возвращения в лоно индуизма тех каст, в основном низших, которые в разное время приняли другое вероисповедание (ислам или христианство), чтобы избавиться от неприкасаемости.

О серьезной озабоченности Конгресса этой проблемой свидетельствует его пропагандистская работа в прессе на местных языках, где разъяснялась важность признания неприкасаемых в качестве составной части индусской общины и пагубность их дальнейшего отчуждения для ее судьбы. В этой связи Лала Ладжпат Рай писал: «Не может быть никакой солидарности, никакого единства нации до тех пор, пока угнетенные классы пребывают в таком положении. Они должны занять достойное место в социальной иерархии». И если высококастовые индусы не помогут им, продолжал Рай, то их не в чем

будет упрекнуть, если они отойдут от индуизма и присоединятся к тем, кто не имеет к нему отношения³⁰¹.

Вопрос – на чьей стороне будут неприкасаемые – был совсем не праздным. Как и Конгресс, Мусульманская лига тоже рассчитывала на их поддержку. В свою очередь, лидер неприкасаемых Амбедкар добивался политической самостоятельности неприкасаемых и считал, что шагом в этом направлении может быть создание отдельной избирательной курии для них.

По мере усиления борьбы за влияние среди неприкасаемых со стороны антибрахманских движений, христианских миссионеров, Мусульманской лиги и английской колониальной администрации лидеры Конгресса были вынуждены круто изменить свое отношение к их социальной дискриминации. В декабре 1917 г. на сессии партии в Калькутте была принята резолюция, в которой признавались «срочность, важность и необходимость освобождения угнетенных классов от всех ограничений, связанных с существующим обычаем». В марте 1918 г. Тилак выступил на конференции «угнетенных классов» в Бомбее с требованием отказаться от практики соблюдения неприкасаемости как болезни, от которой надо излечиться. В работе «Эмансипация неприкасаемых» он писал: «Грешно перед богом говорить, что человек неприкасаем, когда бог не воспринимает его таковым... Индуизм вобрал в себя шудр, разве он не в состоянии сделать то же самое и с неприкасаемыми». Однако Тилак не поддержал Всеиндийский манифест против неприкасаемости, который подписали другие лидеры Конгресса³⁰².

Как и большинство индийских духовных и политических лидеров, которые выступали за реформирование отношений в индусском кастовом обществе в пользу большего равноправия всех кастовых групп, Тилак не отказывался при этом от главного – четырехварновой системы. Почти все видные лидеры национально-освободительного движения, философы и реформаторы действовали в рамках веданты или большой санскритской традиции – самой влиятельной религиозно-философской традиции в Индии. Всех их объединяло то, что в стремлении реформировать и осовременить индуизм они никогда не посягали на его «святая святых» – систему четырех варн, а лишь по-разному ее толковали³⁰³. До прихода Ганди в руководство Конгресса среди реформаторов действовали две группы. Одна придерживалась мнения, что одновременно с развертыванием национально-освободительного движения следует заниматься реформами в социальной сфере для высвобождения энергии женщин и низших каст (ярким представителем этой группы был М.Г. Ранаде). Другая группа считала, что нужно ограничиться политическими реформами

на основе борьбы за традиционные ценности индийского общества (главным среди этих реформаторов был Тилак).

Начиная с 1920-х годов на смену ортодоксальному брахманизму Тилака приходит более утонченный, патерналистский подход к вопросам кастовой дискриминации, который возобладал в руководстве Конгресса. Он получил свое дальнейшее развитие в идеологической и политической деятельности Махатмы Ганди, который сумел объединить оба течения общественной мысли и соединить социальное реформаторство с политической борьбой за национальное освобождение от колониального гнета. Он говорил, что в борьбе за свободу должны участвовать все, независимо от пола, религии, касты и социально-классовой принадлежности.

Историческая заслуга Ганди состоит в том, что он впервые в истории Индии обратился к широким народным массам. Особое внимание он уделял вовлечению всех слоев индийского общества в борьбу за национальное освобождение Индии. Свою работу среди низов Ганди начинал не с чистого листа. Он во многом продолжил то, что было сделано его предшественниками–реформаторами индусского общества. Но он поднял эту работу на качественно иной – массовый уровень, обратившись к огромному слою традиционно угнетенных и обездоленных людей. В основе представлений М.К. Ганди о демократии лежало его служение и самопожертвование, что предусматривало использование морального давления. Себя он считал «прирожденным демократом». «Я заявляю это, – говорил Ганди, – если только полное отождествление с беднейшими мира сего, желание жить не лучше их и сознательное стремление приблизиться в меру своих способностей к этому уровню дают человеку право сделать такое заявление»³⁰⁴.

Вопреки традиции, Ганди призывал отказаться от многих устоявшихся социальных норм, освященных религией. Например, он придавал особое значение физическому труду всех членов общества. В традиционной индусской общине соблюдалось строжайшее деление на тех, кто занят умственным трудом, и тех, чьим делом был физический труд. Статус касты был обратно пропорционален степени ее участия в физическом труде. В этой связи характерно обращение Ганди к ручному прядению и его стремление убедить всех без исключения конгрессистов заниматься прядением. Местом для очередного эксперимента Ганди «в поисках истины» как социального реформатора стал ашрам (обитель) на берегу реки Сабармати, недалеко от Ахмадабада, в штате Гуджарат, а затем и ашрам в Вардхе в Центральных провинциях (ныне Мадхья-Прадеш), которые были настоящей школой воспитания молодежи и перевоспитания людей

старшего поколения в духе равенства и скромности. В них жили, помимо соратников Ганди по политической борьбе, пожертвовавшая своей карьерой известная пианистка Куршед Наороджи – внучка Дадабаи Наороджи, юная Виджая Лакшми – сестра Джавахарлала Неру, Раджжумари Амрит Каур – принцесса из старинного рода Капуртхала в Раджастхане, впоследствии – министр в первом правительстве Дж. Неру, врач Сушила Наяр, посвятившая себя уходу за Ганди, а позже министр здравоохранения независимой Индии, и многие другие высокообразованные женщины и мужчины, отказавшиеся от богатства и роскоши ради возрождения Индии³⁰⁵.

К 1920 г. Ганди сумел привлечь на свою сторону внушительную группу лояльных и надежных деятелей. Среди них были высоко авторитетные конгрессисты-ветераны, которые под его влиянием отказались от своих профессиональных занятий, чтобы полностью посвятить себя национально-освободительной борьбе. Это были весьма преуспевающие профессионалы, главным образом в области юриспруденции, такие как Читта Ранджан Дас из Бенгалии, Мотилал Неру (и тогда еще молодой Джавахарлал Неру) из Соединенных провинций, Лала Ладжпат Рай из Панджаба, братья Виталбхаи и Валлабхаи Патели из Гуджарата, бихарский лидер Раджендра Прасад, тамильский конгрессист Чакраварти Раджагопалачари и другие³⁰⁶.

Политическая деятельность Ганди была напрямую связана с его усилиями по реформированию индуизма и нравственных норм общества в пользу его демократизации и избавления от социальной дискриминации неприкасаемых. Решимость двигаться в этом направлении во многом определялась его собственным опытом борьбы против расовой дискриминации, который он приобрел за годы работы в Южной Африке. Ко времени прихода Ганди в активную политику социальная почва для реформирования индусского общества была в значительной мере подготовлена. Требовался новый мощный импульс, чтобы придать движению за равноправие неприкасаемых необратимый характер. Уже с начала 1920-х годов Ганди шаг за шагом готовил себя и своих последователей к тому, чтобы внедрить в общество понимание необходимости изменить отношение к париям. Его тактика в этом сложнейшем социальном вопросе характеризовалась последовательностью, настойчивостью и терпением. Не зря сам Ганди говорил, что для него «продвижение на один шаг вполне достаточно». Его практика малых дел затрагивала фундаментальные основы жизни индийского общества. Наверное, самым большим испытанием для реформатора, тем более социального, является его личное участие в предлагаемых им реформах. Ганди был именно таким лидером. Сам он говорил: «Действие – вот в чем моя сила. Неважно, что я говорю, а важно, что я делаю».

Понимая, что разрыв между «чистыми» индусами и неприкасаемыми может стать фатальным для индусского общества, Ганди начал с того, что попытался преодолеть этот разрыв у себя в Сабармати. Для этого он поселил там несколько семей неприкасаемых, которые выполняли все виды работ. В общей столовой ашрама «любой индус, посещающий ашрам, должен принимать пищу из рук неприкасаемых», – говорил Ганди, – общаться с ними на основе полного равенства³⁰⁷. Нужно было сильно верить в правоту своего дела, чтобы наперекор религиозной традиции, обычаям, вопреки протестам со стороны семьи и друзей открыто выступать в защиту изгоев общества и подкреплять свои слова делами – общаться с ними, жить в их кварталах, приглашать к себе в дом, самому выполнять работу, которую традиция прочно закрепила за неприкасаемыми. Он делал то, что, казалось, было далеко от высокой политики и вроде бы не имело отношения к задаче освобождения Индии. Но политика для него всегда имела социальный и нравственный аспекты. Для Ганди политическая независимость означала прежде всего равенство всех классов и вероисповеданий, освобождение от рабства самых униженных из деревенских жителей, которых он называл «солью индийской земли»³⁰⁸. Он четко сформулировал задачу Конгресса: «Нельзя достичь свараджа, не ликвидировав греха неприкасаемости и не добившись индусско-мусульманского единства».

В отличие от многих своих предшественников на индийской политической сцене, Ганди повернулся лицом к простым людям, к женщинам и изгоям общества, в первую очередь к индусским низшим кастам – неприкасаемым. Эта проблема имела нравственно-духовный и политический аспекты. Первый заключался прежде всего в необходимости отменить традиционный запрет на посещение неприкасаемыми индусских храмов, без чего они не могли рассматриваться как часть индусской общины. Второй состоял в предоставлении им определенных гражданских и политических прав. Для этого требовалось добиться уступок в пользу неприкасаемых со стороны «чистых» индусов и их организаций. Речь шла об отказе от социальной дискриминации. Сопротивление большинства в Конгрессе, а самое главное – в обществе, угрожало расколом в индусской общине.

В резолюции Конгресса о несотрудничестве с английской администрацией, принятой в 1920 г., заключительный ее параграф, предложенный Ганди, рассматривал ликвидацию неприкасаемости как неотъемлемую часть национально-освободительного движения. «Индусы – делегаты этой сессии Конгресса, – говорилось в резолюции, – обращаются к индусским авторитетам разрешить все существующие споры между брахманами и небрахманами и предпринять особые

усилия, чтобы избавить индуизм от позора неприкасаемости. Сессия Конгресса настоятельно просит религиозных деятелей оказать помощь в реформировании индуизма в его отношении к угнетенным классам». В своем еженедельнике «Young India» (23 февраля 1921 г.) одним из условий свараджа Ганди назвал избавление индуизма от проклятия неприкасаемости. Неприкасаемость, – писал он, – это губительный яд, разъедающий индусское общество изнутри³⁰⁹.

Но Ганди пошел еще дальше. В 1921 г. в текст клятвы, которую должен был произнести каждый член Национального добровольного корпуса (одной из общественных организаций Конгресса), для индусов был включен пункт о неприкасаемости. Как индус, говорилось в клятве, я верю в справедливость и необходимость устранения зла неприкасаемости и по мере сил буду стремиться к установлению личных контактов с угнетенными классами и оказывать им содействие. А через год Ганди писал: «Мы должны предпринять геркулесовы усилия по вопросу о неприкасаемости. Мы не имеем оснований заявлять, что сделали что-то в реформировании индуизма до тех пор, пока этого не подтвердят сами неприкасаемые»³¹⁰.

В Конгрессе и его массовых общественных организациях Ганди, безусловно, был главной движущей силой в работе по устранению неприкасаемости. По его инициативе Конгресс принял постановление о том, что членом партии может быть только тот, кто обязуется выступать против практики неприкасаемости. «Устранение неприкасаемости, – писал он, – означает ломку барьеров между человеком и человеком, между разными способами существования. Мы видим, что такие барьеры возведены повсюду в мире. Но в Индии мы в основном озабочены неприкасаемостью, которая получила религиозную санкцию и ввергла десятки миллионов людей в состояние рабства»³¹¹.

Ганди рассматривал движение против неприкасаемости и, соответственно, против жестких традиций индуизма как часть обширной комплексной задачи, которую он поставил перед собой. «Моя жизнь, – писал он, – это одно неделимое целое. Она не представляет собой систему, разделенную на отдельные части – сатьяграху, гражданское неповиновение, неприкасаемость, индусско-мусульманское единство и кое-что еще... Я не могу целиком посвятить себя ликвидации неприкасаемости и сказать: забудем об индусско-мусульманском единстве или сварадже. Все эти части переплетаются друг с другом, и все они взаимозависимы... Полное и окончательное устранение неприкасаемости абсолютно невозможно без достижения свараджа»³¹².

Однако многие лидеры неприкасаемых и главный из них – Амбедкар высказывали более радикальные идеи относительно неприкасаемости. «Если индуизму суждено стать религией неприкасаемых, –

заявлял Амбедкар, – то он должен признать их социальное равенство... Индусы придерживаются касты потому, что они глубоко религиозны и рассматривают соблюдение неприкасаемости как свой религиозный долг... Настоящим средством избавления от кастового сознания должно быть уничтожение веры в святость шастр»³¹³.

Ганди хотел добиться признания человеческого достоинства неприкасаемых, сохранив при этом учение о дхарме как основе гармоничного общества, свободного от конкуренции. Он верил, что все необходимое современному индусу можно найти в его собственной религии, что «идеальный» и «реальный» индуизм – это религия не только «чистых» индусов, но и неприкасаемых³¹⁴.

Глава 11 **СТАТУС ДОМИНИОНА** **ИЛИ ПОЛНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ?**

Бойкот комиссии Саймона и общинные проблемы

В 1926 г., когда Ирвин (с 1934 г. – лорд Галифакс) заменил Ридинга в качестве вице-короля, он обнаружил, что движение гражданского неповиновения и другие политические события радикально изменили ситуацию в Индии и, с точки зрения английских властей, положение в стране ухудшилось. В ноябре 1927 г. британское правительство назначило комиссию во главе с Джоном Саймоном для подготовки доклада о результатах проведения реформ по Закону об управлении Индией 1919 г., изучения ситуации в стране и предложений по будущим реформам. Министр по делам Индии Биркенхед бросил вызов индийским политикам, поручив этой комиссии подготовить согласованный со всеми партиями проект конституции Индии.

В состав комиссии Саймона вошли семь человек – все англичане. Это вызвало всеобщее возмущение в Индии. Когда комиссия прибыла в Бомбей 3 февраля 1928 г., ее встретил бойкот почти всех политических партий. За время длительного пребывания комиссии в Индии ее повсюду сопровождали демонстрации протеста. Более того, поездка членов комиссии сопровождалась демонстрациями с черными флагами и лозунгами «Саймон, убирайся домой».

Бойкот проводился ненасильственными методами, однако власти прибегали к репрессиям. Так, 30 октября 1928 г. в Лахоре поли-

ция применила силу против демонстрантов. В тот день пострадал и Лала Ладжпат Рая, который находился в числе демонстрантов. После полученных ударов полицейской дубинкой он скончался через несколько дней. 20–30 ноября протестная мирная демонстрация прошла в Лакхнау, где были жестоко избиты полицией лидеры Конгресса Говинд Валлабх Пант и Дж. Неру³¹⁵.

Бойкот комиссии Саймона в конечном итоге привел к провалу этой миссии. Чувство солидарности и стремление дать достойный ответ вызову министра по делам Индии побудили индийских политиков подготовить свой проект конституции страны. С этой целью в Дели в феврале 1928 г. была созвана всепартийная конференция, на которой было решено создать комиссию для подготовки проекта конституции Индии. Комиссию возглавил Мотилал Неру. Проект конституции, получивший название «Доклад (конституция) Неру», обсуждался на пленарной сессии Всепартийной конвенции в Лакхнау в августе 1928 г. и был единогласно одобрен. Затем он был поставлен на обсуждение на Всепартийной конвенции в Калькутте в декабре 1928 г. Однако там Доклад Неру встретил оппозицию со стороны представителей Мусульманской лиги, Хинду махасабхи и Лиги сикхов.

Джинна потребовал предоставления мусульманам одной трети мест в обеих палатах центрального законодательного собрания, резервирования мест для мусульман в Бенгалии и Панджабе соответственно их доле населения в этих провинциях, создания новых провинций с мусульманским большинством в Синде, Белуджистане и СЗПП, передачи остаточных полномочий провинциям и пр.³¹⁶ В заключение своей речи Джинна призвал к единству: «Мы все сыновья этой земли. Мы должны жить вместе... Поверьте мне, в Индии не будет никакого прогресса до тех пор, пока мусульмане и индусы не объединятся...»³¹⁷

Сикхи требовали резервирования для них мест в законодательных органах, которое превышало бы их долю в населении, в случае если за мусульманами и индусами будет зарезервировано число мест, пропорциональное их доле в населении. (В соответствии с Законом об управлении Индией 1919 г., в законодательном собрании Панджаба у мусульман было 50% мест в собрании при их доле в населении в 55%, у индусов соответственно – 31 и 34%, у сикхов – 19 и 11%.)³¹⁸

Главной проблемой при обсуждении доклада по конституции было предоставление мусульманам одной трети мест в центральном законодательном собрании. На этом настаивали не только Джинна, но и такие лидеры как М.А. Ансари и Маулана Абул Калам Азад. Лидеры Хинду махасабхи Н.Ч. Келкар, М.Р. Джаякар и другие выступали против образования новых мусульманских провинций, таких

как Синд, Белуджистан и СЗПП, против резервирования мест для мусульманского большинства в Бенгалии и Панджабе. Они поддерживали идею создания унитарного государства³¹⁹.

Кроме мусульман и сикхов, которых не все положения доклада устраивали, были еще и небрахманские касты, в том числе «угнетенные классы», в состав которых входили неприкасаемые и племена. Они полагали, что доклад не в полной мере защищает их интересы.

При окончательном обсуждении Доклада М. Неру удалось достичь компромисса по религиозно-общинной проблеме. Меньшинства сохранят право резервирования мест в законодательном собрании, пропорциональное их доле в населении, и в дополнение к этому – смогут выдвигать своих кандидатов от других избирательных округов. Однако резервирование будет сохраняться только на срок до 10 лет. По Бенгалии и Панджабу было достигнуто соглашение не вводить резервирование по религиозно-общинному признаку³²⁰. Тема религиозно-общинных разногласий стала предметом острых дискуссий в Калькутте на сессии Конгресса в декабре 1928 г. Выступая там в качестве президента партии, Мотилал Неру высказался против использования религии в политике. Он говорил, что религия – величайшее зло Индии: «Религия воздвигает искусственные барьеры между людьми... Не довольствуясь своим реакционным влиянием в социальных делах [защита кастовой системы и неприкасаемости], она вторглась в сферу политики и экономики. Ее связь с политикой не принесла добра ни ей, ни политике. Религия деградировала, а политика глубоко увязла в трясине. Единственный способ избавиться от этого – полностью отделить одно от другого»³²¹.

В Докладе М. Неру утверждалось, что целью индийских политических партий является предоставление Индии статуса доминиона. В нем было выдвинуто требование всеобщего избирательного права для взрослых обоих полов. В докладе не содержались рекомендации по немедленному изменению государственного устройства в княжествах, хотя и предусматривалась передача власти в них в будущем демократическому центру, то есть индийскому национальному правительству.

Доклад встретил поддержку представителей старшего поколения в Конгрессе. Они считали, что Британия не согласится на полную независимость Индии без кровопролития, в то время как статус доминиона дает «значительный уровень свободы, граничащий с независимостью». Ганди занял такую позицию: индийцам не надо беспокоиться о том, что означает слово «сварадж» – статус доминиона или полную независимость. Статус доминиона может легко превратиться в независимость, если у индийцев будет достаточно сил. Но без этой силы даже независимость может стать фарсом.

По сути, компромиссная формула Ганди по вопросу о независимости была направлена на сохранение единства в партии. Даже такие умеренные лидеры, как Джатиндра Мохан Сенгупта (который возглавил бенгальскую организацию Конгресса после смерти Ч.Р. Даса) убеждали Мотилала Неру изменить подход в пользу «полной независимости в ближайшем будущем». М. Неру в конечном итоге так определил свою позицию: «По моему мнению, если британское правительство верит тому, о чем говорит, и поможет нам стать равными с ним, то это будет большей победой, чем полный разрыв связей с Британией. Поэтому я выступаю за сварадж в рамках империи, но не буду колебаться разорвать все связи, если этот разрыв станет необходимостью по вине Британии. Таким образом бремя разрыва падет на британский народ»³²².

В то же время молодые, более радикальные лидеры, такие как Дж. Неру и Субхас Чандра Бос, требовали полной независимости. Дж. Неру говорил, что принять статус доминиона означало бы признать Британскую империю и психологию империализма.

Значение Доклада М. Неру состояло в том, что это была первая попытка индийцев самим выработать основы республиканской и федеральной структуры управления страны. После дискуссии по Докладу М. Неру на сессии Конгресса в Калькутте в 1928 г. была выработана компромиссная формула, которая фактически представляла собой ультиматум британскому правительству. Перед ним поставили выбор: предоставить Индии до конца декабря 1929 г. такой же статус доминиона, какой уже был у Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки, или Конгресс начнет по всей стране движение за полную независимость.

Выдвинутая Ганди резолюция по этому главному вопросу звучала так: в зависимости от политической ситуации Конгресс примет конституцию М. Неру, если она будет одобрена британским парламентом до 31 декабря 1929 г. В случае если этого не произойдет к указанной дате, то Конгресс организует ненасильственное несотрудничество, призвав страну к отказу от уплаты налогов или другим мерам.

А между тем комиссия Саймона предприняла новую попытку привлечь индийцев к ее работе во время ее второго визита в Индию. Это предложение не нашло отклика у подавляющего большинства индийских политиков, кроме нескольких либералов и лидера неприкасаемых Б.Р. Амбедкара. В марте 1928 г. комиссия покинула Индию. Она снова вернулась в страну в октябре того же года и оставалась там до апреля 1929 г. Бойкот комиссии по-прежнему продолжался.

Появление левого крыла в Конгрессе

Сессия Конгресса в Калькутте ознаменовалась появлением в нем радикального, левого, крыла во главе с Дж. Неру и С.Ч. Босом. Именно эта группа внесла предложение о том, что целью партии должна быть полная независимость. За это проголосовало 973 делегата, против – 1350. Сторонники Ганди, выступавшие против этого предложения, рассматривали свое голосование как вопрос доверия Ганди. Они полагали, что в случае поражения Ганди может выйти из Конгресса³²³. Возможный раскол Конгресса на сторонников Ганди и молодых радикалов во главе с Дж. Неру и С.Ч. Босом по проблеме независимости поставил в повестку дня вопрос о единстве партии. Из левых радикалов была создана так называемая Лига независимости для пропаганды идеи полной независимости³²⁴. Однако несколько позже, в июле 1929 г., Дж. Неру говорил Ганди, что «Лига независимости» оказалась «безнадежной неудачей». Он отдавал должное «политическому реализму Гандиджи» и подтверждал важность единства для успеха освободительного движения: «Я буду всеми силами сотрудничать со всеми, кто трудится для независимости, даже если они не согласны с социалистическим подходом к решению этой проблемы». Но это была только одна сторона проблемы единства в партии. Другую сторону четко обозначил Мотилал Неру. Он писал Ганди: «Наше поколение быстро умирает, и раньше или позже борьба будет продолжена людьми вроде Джавахарлала. Чем раньше они начнут, тем лучше». Закрывая калькуттскую сессию Конгресса, Мотилал Неру сказал: «Давайте работать во имя свараджа, каким бы именем мы его не называли»³²⁵.

Лозунг полной независимости Индии впервые прозвучал в декабре 1927 г. на сессии партии в Мадрасе. Тогда Джавахарлал Неру выдвинул резолюцию, в которой говорилось: «Конгресс заявляет, что целью индийского народа является полная национальная независимость». Резолюция была принята большинством. Одновременно Конгресс заявил о бойкоте предстоявшего визита комиссии Саймона. На сессии в Мадрасе генеральными секретарями партии были избраны радикально настроенные молодые люди Дж. Неру, С.Ч. Бос и Шайб Куреши³²⁶.

Несмотря на такую поддержку лозунга независимости на сессии Конгресса, Ганди занял осторожную позицию по этому вопросу. Он назвал резолюцию о независимости «наскоро придуманной и непродуманно принятой». На это Дж. Неру прямо писал Ганди, что вопрос

о независимости обсуждался в стране на митингах и в печати в течение последних пяти лет. Поэтому ни при каких обстоятельствах нельзя оправдать слова «наскоро придуманная». В тот период наиболее ярко проявились расхождения между Дж. Неру и Ганди. Неру отдавал должное лидерству Ганди во время движения несотрудничества: «Вы были на высоте положения, Вы были в своей стихии и автоматически принимали правильные решения... Но после выхода из тюрьмы что-то неправильное случилось с Вами, и определенно Вы не были в ладу с самим собой... Я неоднократно спрашивал, что Вы предполагаете делать в будущем, но Ваши ответы были совершенно неудовлетворительными... Вы говорили, что в течение года или 18 месяцев Вы ожидали, что движение кхадии распространится в геометрической прогрессии и тогда можно будет принимать некоторые прямые действия в политической сфере... Прошли годы с того времени и никаких чудес не произошло... Я говорил Вам раньше, что работа по распространению кхадии почти полностью отдалена от политики». Характерно, что в этот критический момент Неру посчитал нужным заявить не только о расхождениях с Ганди, но и обозначить свою позицию по ряду принципиальных вопросов. Он писал ему: «Я часто ощущал, насколько сильно отличаются мои идеалы от Ваших. Я чувствовал, что Вы были весьма поспешны в Ваших суждениях и, придя к определенным выводам, были готовы оправдать их любыми доступными доводами... Вы написали где-то, что Индии нечему учиться у Запада и что она достигла вершины мудрости в прошлом. Я совершенно не согласен с такой точкой зрения и никогда не считал, что так называемое царство Рамы (Рама радж) было хорошим в прошлом. Я не хочу его возврата... Вы жестко критикуете явные издержки индустриализации, но не обращаете никакого внимания на ее достоинства... Эти издержки – не производное от индустриализации как таковой, они от капиталистической системы, которая основана на эксплуатации других... Вы заявили, что, по Вашему мнению, не существует конфликта между капиталом и трудом. Я же думаю, что при капиталистической системе такой конфликт неизбежен»³²⁷.

Попытки достижения компромисса в Конгрессе

В течение 1929 г. Ганди ограничивал свою деятельность «конструктивной работой», то есть прядением и ткачеством, а также бойкотом иностранных товаров. На одной из публичных демонстраций сожжения тканей иностранного производства в Калькутте 4 марта

1929 г. он назвал себя человеком, который «сходит с ума по свободе», но предупредил, что время гражданского неповиновения еще не пришло. За нарушение порядка Ганди был арестован и приговорен к символическому штрафу в одну рупию. В день его ареста костры из иностранных тканей запылали по всей стране.

В попытке предотвратить приближающееся столкновение с Конгрессом вице-король Ирвин заявил 31 октября 1929 г., что статус доминиона является «естественным вопросом конституционного прогресса Индии» и предложил индийским лидерам встретиться с представителями британского правительства в Лондоне на конференции круглого стола.

2 ноября 1929 г. Ганди, М. Неру, М.М. Малавия, Э. Безант и лидеры либералов, такие как Т.Б. Сапру, подписали Совместный манифест, в котором выразили глубокое одобрение усилий вице-короля. Они заявили о своей готовности принять его предложение, но выдвинули ряд условий. Первое: конференция круглого стола должна исходить из предоставления Индии статуса доминиона. Второе: члены Конгресса должны составлять большинство среди участников конференции. Третье: деятельность британского правительства должна соответствовать требованиям, предъявляемым к правительству доминионов. Дж. Неру писал, что Совместный манифест был, по существу, отказом от требования независимости. Поэтому он сначала отказался подписать его. Но под давлением Ганди в конце концов сделал это. Однако Субхас Чандра Бос не стал его подписывать³²⁸. Как пронизательно заметил историк Р.Ч. Маджумдар, «интеллектуальный Джавахарлал Неру боролся против программы и теории Ганди, но эмоциональный Неру всегда подчинялся его авторитету»³²⁹.

Ответом вице-короля Ирвина на Совместный манифест была его встреча с Ганди, М. Неру, Джинной и Сапру 23 декабря 1928 г., на которой он заявил о неготовности дать гарантии предоставления статуса доминиона Индии и положительно ответить на требования, содержащиеся в манифесте. Таким образом, переговоры между индийцами и британскими властями закончились драматическим разрывом всего за несколько дней до начала очередной сессии Конгресса и ультиматума, выданного этой партией год назад. «Я сжег мои корабли», – сказал Ганди³³⁰.

После этого события стали развиваться стремительно. Политические партии и группы в Индии оказались перед выбором: требовать предоставления статуса доминиона или настаивать на полной независимости. Ситуация осложнялась тем, что в стране не было единства по вопросу об отношениях между индусами и мусульманами, а также о целесообразности проведения кампании гражданского неповиновения.

Дж. Неру и С.Ч. Бос при поддержке бихарского провинциального комитета Конгресса требовали полной независимости. Мотилал Неру и лидеры Либеральной партии, такие как Т.С. Сапру, Сриниваса Састри и М.Р. Джаякар, выступали против движения гражданского неповиновения и независимости Индии. Джинна и другие мусульманские лидеры также выражали свое несогласие с требованием независимости и движением гражданского неповиновения до того, как будет достигнуто решение по вопросу об отношениях между мусульманами и индусами. Руководители Хинду махасабхи М.М. Малавия и Н.Ч. Келкар высказывали сомнение в эффективности и правомочности гражданского неповиновения³³¹.

В этих условиях и проходила в конце декабря 1929 г. сессия Конгресса в Лахоре. Общее мнение руководства партии на заседании ВИКК в сентябре 1929 г. состояло в том, что президентом Конгресса на этой сессии должен стать Ганди. Однако он решительно отказался от этого и предложил на этот пост Джавахарлала Неру. Не обошлось, по-видимому, и без влияния М. Неру в пользу принятия такого решения. В 1928 г. Мотилал обратился к Махатме Ганди с предложением, чтобы президентство в партии перешло к его сыну³³². Джавахарлал (1889–1964) был единственным сыном Мотилала Неру. Когда ему исполнилось 15 лет, отец отправил его на учебу в Англию. Дж. Неру вернулся из Англии в 1912 г. после получения диплома юриста и стал работать адвокатом в Высоком суде Аллахабада. Тогда же он начал участвовать в политической жизни. В 28 лет он был уже профессиональным политиком, активным членом партии Индийский национальный конгресс.

Своим выбором Ганди решал несколько задач. Во-первых, он таким образом «отрывал» Джавахарлала Неру от левых в Конгрессе. Во-вторых, став президентом партии, Дж. Неру должен был учитывать интересы различных группировок в партии. И в-третьих, назначение 39-летнего Дж. Неру вдохновит молодых активистов на работу в самом Конгрессе и отвлечет их от социалистических и коммунистических идей, которые уже широко обсуждались в обществе. Дж. Неру тяготился тем, что своим избранием был обязан именно Ганди. По его же словам, он «взобрался на этот высокий пост не через главный вход, а по приставной лестнице»³³³.

В первом же выступлении на сессии в качестве президента Конгресса Дж. Неру заявил, что он является социалистом, республиканцем и защитником рабочих и крестьян. Он сказал, что свардх означает полную независимость и полную свободу от британского господства и британского империализма. Дж. Неру выразил свое несогласие с гандиистской теорией опеки и патернализма, а также с доктриной ненасилия³³⁴.

И, тем не менее, вся основная работа сессии проходила под руководством Ганди, который успешно лавировал между давлением справа и слева. Если либералы и ортодоксы выступали за предоставление Индии статуса доминиона, то левые, в первую очередь С.Ч. Бос, настаивали на «прямых действиях», создании в провинциях параллельных правительств на основе действовавших там комитетов Конгресса. Все попытки справа и слева провести свои решения были отклонены благодаря твердости и решимости Ганди.

Глава 12

ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В БОРЬБУ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Прозвучавшие на сессии Конгресса в Калькутте в 1928 г. лозунги о полной независимости Индии оказали огромное воздействие на молодежь. В конце 1920-х годов молодые люди из средних классов стали доминирующей силой в выступлениях против британских властей. Не последнюю роль в этом сыграла растущая безработица среди них. В это время создавались различные организации и партии, которые стремились объединить молодежь под своим началом и направить ее недовольство в соответствующее русло.

В середине 1920-х годов Конгресс создал молодежную Партию служения Хиндустана в Карнатаке. Дж. Неру и С.Ч. Бос приняли участие во множестве митингов и собраний молодежи по всей стране. В декабре 1928 г. Неру председательствовал на Конгрессе социалистической молодежи в Калькутте. На нем раздавались призывы к независимости как «необходимому предварительному шагу по переходу к коммунистическому обществу». В это же время С.Ч. Бос выступал на других конгрессиистских форумах молодежи, где говорил о молодежных движениях в Германии, Италии, России и Китае. Постепенно молодежь стала выходить из-под морального и политического контроля лидеров старшего поколения. Часть городской образованной молодежи начала выражать недовольство бесконечными призывами старшего поколения политиков к терпению и постепенным действиям. Снова стали появляться так называемые революционные группы, которые, особенно в Бенгалии, вновь обратились к прежним революционным и террористическим методам. Некоторые из них проповедовали культ героического самопожертво-

вания во имя независимости. И все это при отсутствии какой-либо социально-экономической программы. Одной из таких наиболее активных организаций была Партия нового насилия во главе с Сурья Сенем. Она поддерживала контакты с террористическими организациями в Соединенных провинциях, Панджабе, Бихаре, Ориссе и Ассаме.

Эти группы совершили ряд террористических акций, как они говорили, «для усиления революционной борьбы за национальное освобождение». Одной из таких акций стал захват арсенала в Читтагонге. «Юнион Джек» был сброшен и вместо него под лозунгом «Ванде Матарам» был поднят флаг Индии. В изданной в этой связи прокламации говорилось, что эти события вдохновят соотечественников на то, чтобы освободить родину от британских правителей³³⁵.

В сентябре 1928 г. в Дели группой молодежи была создана Социалистическая республиканская армия Хиндустана, в которую вошли Бхагат Сингх и его друзья из Панджаба, а также Аджой Гхош из Соединенных провинций и Пханиндранатх Гхош из Бихара. Эта организация осуществила ряд террористических актов. Среди них – убийство английского сержанта Сандерса, по ошибке принятого за офицера Скотта, который во время демонстрации протеста против комиссии Саймона подверг избиению Лала Ладжпат Рая, после чего он умер. В апреле 1929 г. Бхагат Сингх и Батукесвар Датта бросили бомбу в зале Центрального законодательного собрания в Дели, которая никому не причинила вреда. Одновременно распространялись листовки. В одной из них говорилось: «Пусть правительство знает, что, протестуя против... жестокого убийства Лала Ладжпат Рая, мы хотим указать на урок, который повторяется в истории – легко убивать отдельных людей, но невозможно убить идеи. Великие империи рушились, а идеи продолжали жить. Мы высоко ценим человеческую жизнь. Но жертвы отдельных людей на алтарь великой революции, которая принесет свободу всем и сделает невозможной эксплуатацию человека человеком, являются неизбежными»³³⁶.

После взрыва бомбы в Дели все руководители Социалистической республиканской армии были арестованы. Их судили в Лахоре по делу о заговоре против правительства. 7 октября 1930 г. суд приговорил Бхагат Сингха, Шиврама Раджгуру и Сукхдева к смертной казни, еще семь человек были осуждены к вечной ссылке.

В знак протеста против жестокого обращения в тюрьме большинство заключенных объявили голодовку до смерти. Один из обвиняемых – Джатин Дас умер на 63-й день голодовки. Его смерть вызвала негодование в стране. Дж. Неру удалось посетить лахорскую тюрьму во время этой голодовки, увидеть заключенных и поговорить с ними. После смерти Даса Неру сказал: «Еще одно имя добавлено

к длинному и доблестному списку индийских борцов. Еще один из храбрых сынов Индии добровольно пожертвовал собой на алтаре Родины... Давайте склоним наши головы и помолимся, чтобы набраться сил для борьбы, какой бы долгой она ни была и какими бы ни были ее последствия, до тех пор пока не одержим победу». С.Ч. Бос, выступая на студенческой конференции в Лахоре, заявил: «Когда мы сможем радостно отдать наши жизни ради наших принципов, как это сделал великий герой Джатин Дас, мы вернем утраченную славу нашей Родины. Движение молодежи, которое он начал, скоро станет одним из важных факторов в Индии»³³⁷.

Тем не менее, террористическая деятельность все более угасала. Лидеры революционных экстремистских организаций стали примыкать к легальным партиям, прежде всего Конгрессу, а также к Коммунистической партии Индии (создана в 1925 г.) и партиям социалистического направления. Так, один из осужденных по делу о Социалистической республиканской армии – Аджой Кумар Гхош (1909–1962) стал коммунистом, а впоследствии, в 1951 г. – генеральным секретарем компартии Индии.

В своих воспоминаниях о Бхагат Сингхе и его друзьях Аджой Гхош пишет: «Одно время мы размышляли над возможностью союза с коммунистами с целью организации массового движения. В этом случае мы могли бы выступать в качестве вооруженной группы этого движения. Но, когда мы узнали, что коммунисты считают вооруженные действия отдельных лиц вредными для этого движения, мы отказались от идеи сотрудничества с ними. Мы не считали коммунистов революционерами. Революция для нас означала, прежде всего, вооруженные действия, но мы чувствовали, что едины с ними во многих отношениях: в ненависти к империализму, в оппозиции к конституционным методам и в стремлении к социализму»³³⁸.

Многие организации национальных революционеров использовали тактику индивидуального террора против английских колонизаторов и были слабо связаны с народными массами. Однако их популярность как борцов за национальное освобождение была чрезвычайно велика. В целом они сыграли заметную роль в национально-освободительном движении, в пропаганде революционных методов борьбы вплоть до начала 1930-х годов³³⁹.

Зарождение коммунистического движения

После разгрома подпольных революционных организаций колониальными властями, а также после их добровольного роспуска

в разное время значительная часть национальных революционеров отошла от террористической деятельности и обратилась к социализму и марксизму. Заметное влияние на индийских революционеров оказала социалистическая революция 1917 г. в России, особенно на тех, кто жил и работал в Европе и США. Среди них были Вирендранатх Чаттопадхьяя, Баркатулла, М.Р.Б.Т. Ачарья, Манабendra Натх Рой (М.Н. Рой – настоящее имя Нарендранатх Бхаттачария), Абани Мукхерджи и другие.

Группу сторонников коммунизма составили также некоторые мусульмане, которые узнали об Октябрьской революции через афганские источники и отправились в Советскую Россию как своеобразные паломники. На обратном пути в Индию их арестовали. Среди них были Шаукат Усмани и Ферозуддин Мансур.

Эти две группы революционеров попытались установить связи с Коммунистическим интернационалом. Одним из тех, кому удалось это сделать, стал М.Н. Рой (1887–1954), который в 1920 г. приехал в Советскую Россию для участия во II Конгрессе Коминтерна³⁴⁰. На этом конгрессе к подготовленным В.И. Лениным «Тезисам по национальному и колониальному вопросу», в которых отмечалось, что коммунисты в колониальных странах на начальной стадии освободительного движения должны сотрудничать с национальной буржуазией, Рой внес дополнения к этим тезисам. Их суть – национальной буржуазии доверять нельзя. Такой подход Роя отражал в определенной степени мнение левых кругов в Индии о роли индийской буржуазии в освободительном движении.

17 октября 1920 г. группа индийских коммунистов основала в Ташкенте Коммунистическую партию Индии. Ее членами стали М.Н. Рой, его жена Эвелин Рой (псевдоним – Шанти Деви), Абани Мукхерджи, Мохаммед Али, Мохаммад Шафик Сиддики, М.Р.Б.Т. Ачарья и Роза Фитингова. Образование компартии в Ташкенте дало импульс созданию таких же групп в самой Индии. В Бенгалии была сформирована группа во главе с Музаффаром Ахмедом, в Бомбее – с Ш.А. Данге, в Мадрасе – с Сингаравеллу Четтийяром. Они сыграли заметную роль в распространении марксистской литературы на бенгали, маратхи, хинди, урду и других языках. Тогда же Данге написал книгу «Ганди против Ленина» и стал издавать журнал «Социалист»³⁴¹.

В 1921 г. М.Н. Рой и Абани Мукхерджи обратились к сессии Индийского национального конгресса в Ахмадабаде со своим «Манифестом». В нем подчеркивалось, что Индия находится на пороге «политической, экономической и социальной революции». В «Манифесте» выдвинутый Ганди лозунг «сварадж в течение одного года» был назван «великой декларацией». А Конгресс, «как лидер нации»,

должен был не только указывать цель, но шаг за шагом вести народ к этой цели. Для этого Конгрессу следовало включить в свою программу решение острейших проблем, стоящих перед народом³⁴².

Генеральный секретарь Коммунистической партии Индии (марксистской) Э.М.Ш. Намбудирипад (1909–1998) писал, что М.Н. Рой внес значительный вклад в развитие коммунистического движения в стране. Его работа «Индия на переходном этапе» (1922 г.) сыграла заметную роль в понимании реальной ситуации в тот период. Однако позже М.Н. Рой стал, по существу, антикоммунистом³⁴³.

1920-е годы были отмечены ростом активности индийского рабочего класса. Особенно высокий подъем борьбы рабочих за свои права наблюдался в 1928–1929 гг. Их массовые выступления – забастовки и антиколониальные демонстрации – отличались организованностью и боевым характером. Так, во всеобщей забастовке текстильщиков Бомбея, начавшейся в апреле 1928 г. и продолжавшейся шесть месяцев, участвовало 150 тыс. человек. Забастовку возглавил союз рабочих-текстильщиков – Гирни камгар лал бавта (Фабричный рабочий красного флага). По данным властей, за время забастовки число членов этого профсоюза увеличилось до 65 тыс. человек³⁴⁴. Эта забастовка, а вместе с ней и стачки в Калькутте, Мадрасе и других городах выдвинули коммунистов, которые стояли во главе этого профсоюза, на передовые позиции борьбы рабочего класса. Всего в 1928 г. в Индии состоялось более 200 забастовок, в которых приняло участие свыше полумиллиона рабочих. Одновременно с забастовками проводились политические демонстрации, в ходе которых провозглашались лозунги полной политической независимости Индии³⁴⁵. Власти предпринимали меры, направленные на ограничение политической деятельности левых сил. Этой цели служили принятый в 1928 г. закон об общественной безопасности, а также закон о промышленных конфликтах³⁴⁶.

Эти годы были отмечены также массовыми антифеодальными и антиколониальными выступлениями крестьян в различных районах страны, вызванными притеснениями со стороны властей и помещиков. Выступления жестоко подавлялись колониальной администрацией.

Британская колониальная администрация пристально следила за деятельностью первых индийских коммунистов и сочувствовавших им. Она предпринимала активные меры по блокированию их попыток к объединению. С 1922 г. по 1927 г. в Пешаваре было проведено несколько судебных процессов о «подрывной» работе индийских революционеров, которые возвращались из России (Акбара Куреши, Мухаммада Акбара, Мухаммада Хасана и других). Они были осуждены как «большевистские агенты». Однако на деле их роль в распространении коммунистических идей была незначительной.

Почти одновременно с процессами в Пешаваре проходил суд в Канпуре (1923–1924 гг.) над арестованными «агентами большевиков». Четверо из них были приговорены к тюремному заключению на четыре года (Музаффар Ахмед, Шаукат Усмани, Ш.А. Данге, На-лини Гупта). Обвиняемые М.Н. Рой и Р.Ч.Л. Шастри на суд не явились (первый был в то время в Германии, второй – во французской колонии Пондишери), Сингаравеллу Четтийяр был освобожден по старости и болезни. Еще один из обвиняемых оказался доносчиком, и дело против него было прекращено. Остальные пять человек были освобождены до суда.

В отличие от процессов в Пешаваре, где подсудимые отказывались признавать выдвигаемые против них обвинения, на процессе в Канпуре дело обстояло иначе. Обвиняемые использовали суд для пропаганды своих взглядов. Они настаивали на своем праве создать коммунистическую партию в Индии, указывая на то, что такие партии действовали в других странах, в том числе в Англии. В свою очередь, власти не обвиняли их в том, что распространение коммунистических идей является незаконным. И на суде, и вне его они утверждали, что судят не коммунизм, а заговорщиков, которые насильно хотят разрушить британскую власть в Индии, в соответствии с инструкциями, получаемыми из Москвы.

В 1925 г. там же, в Канпуре, была проведена первая Всеиндийская коммунистическая конференция. Ее организатором стал конгрессист Сатъябхакта. В конференции приняли участие Музаффар Ахмад (он был выпущен из тюрьмы по болезни), С.В. Гхате, К.Н. Джоглекар, Айодхья Прасад, Хасрат Мохани, Сингаравеллу Четтийяр и другие. Конференция приняла устав партии, образовала центральный комитет с двумя генеральными секретарями – С.В. Гхате и Дж.П. Багерхатта. Однако созданная таким образом компартия не смогла действовать на регулярной основе. Более того, последовавший вскоре судебный процесс в Мируте (1929–1933 гг.) фактически прервал работу этой организации³⁴⁷.

Мирутский процесс

Тщательная, продуманная до деталей подготовка к суду над коммунистами и националистами-революционерами велась в течение нескольких месяцев. В письме вице-короля Индии министру по делам Индии 24 мая 1928 г. указывалось, что коммунистическое движение в стране находится еще в «младенческом возрасте» и в течение некоторого времени не будет представлять серьезной угрозы для британ-

ского господства. Однако оно обладает большими возможностями, и поэтому следует принять необходимые меры, чтобы «воспрепятствовать росту его влияния».

Власти намеревались обвинить патриотов в заговоре против правительства Британской Индии. Процесс готовился в атмосфере строжайшей секретности. Особое внимание было обращено на то, чтобы любыми средствами заранее обеспечить «полный успех» судебного разбирательства. Предусматривалось, что суд будет весьма продолжительным и обойдется казне недешево, однако, как указывалось в послании вице-короля министру по делам Индии 19 января 1929 г., «по сравнению с теми преимуществами, которые дает успешный судебный процесс, время и деньги будут означать очень не много. Как только начнется суд, деятельность коммунистов будет, по существу, парализована, так как число коммунистических лидеров в Индии невелико, и все те из них, кто имеет какое-либо влияние, будут привлечены к судебной ответственности»³⁴⁸.

Британские власти позаботились и о том, чтобы ничто не помешало им осуществить свой замысел. Они решили провести судебный процесс в районе, отдаленном от промышленных центров, особенно от Калькутты и Бомбея, где, как указывалось в телеграмме из Индии правительству Его Величества 27 февраля 1929 г., «влияние коммунистов делает крайне нежелательным проведение судебного процесса такого масштаба с точки зрения сохранения общественного порядка». Кроме того, суд в этих крупнейших городах в соответствии с установленным порядком должен был бы проходить с участием присяжных заседателей. И это тоже не устраивало организаторов «дела о заговоре», ибо, как отмечалось в той же телеграмме, «как бы хорошо дело не было подготовлено, нет достаточной уверенности в том, что присяжные вынесут обвинительный приговор. Не понимая возможных последствий своего поведения, индийские политические деятели обычно относятся к коммунистам с симпатией. Присяжные заседатели могут поддаться этим настроениям. И если защита придаст делу политическую окраску, они могут вынести оправдательный приговор. В этих условиях мы не считаем целесообразным начать судебное разбирательство с участием присяжных заседателей»³⁴⁹.

Исходя из этих соображений, местом проведения судебного процесса был выбран небольшой город Мирут, удаленный от промышленных центров. Впоследствии во время судебного процесса обвиняемые неоднократно требовали перенести заседание суда в Бомбей или Калькутту, и каждый раз власти и суд отказывали им в этом. В своем заявлении обвиняемые так оценили факт проведения процесса в Мируте: «Это изолировало нас от движения, с которым

мы были связаны, разлучило нас с друзьями и родными. Это в большой мере затруднило получение нами юридической помощи. Это передало нас в руки самого раболепного и непросвещенного суда. И это лишило нас возможности судебного разбирательства с участием присяжных заседателей»³⁵⁰.

14 марта 1929 г. генерал-губернатор Индии дал санкцию на привлечение к суду группы людей, предварительно получив на это разрешение министра по делам Индии, что не было предусмотрено уголовным процессуальным кодексом. Это обстоятельство еще раз подчеркнуло факт прямого участия правительства Великобритании в организации и проведении мирутского процесса. На следующий день были подписаны ордера на арест обвиняемых. 20 марта были произведены аресты и обыски в Бенгалии, Бомбее, Панджабе и Соединенных провинциях. Арестованным было предъявлено обвинение в «заговоре с целью лишить короля его суверенной власти в Британской Индии». Всего был арестован 31 человек (еще один был подвергнут аресту позже.) Среди арестованных были руководители Всеиндийского конгресса профсоюзов, профсоюза Гирни камгар, секретари рабоче-крестьянских партий в Бомбее, Бенгалии и Соединенных провинциях, члены Всеиндийского комитета Конгресса, а также три англичанина. 14 арестованных были коммунистами, еще четверо, не являясь формально членами компартии, считали себя коммунистами по убеждению³⁵¹.

В качестве доказательств виновности подсудимых использовались захваченные у них при обыске такие широко известные образцы марксистской литературы, как «Капитал», «Гражданская война во Франции», «Классовая борьба во Франции с 1848 г. по 1850 г.», «Заработная плата, цена и прибыль» К. Маркса, «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельса, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, а также книги об Октябрьской революции в России и статьи о В.И. Ленине³⁵².

Среди 3500 свидетельских показаний и улик, предъявленных обвинением, были книги, брошюры, листовки, частная переписка и даже вывески профсоюзных и партийных организаций³⁵³. Стремясь создать впечатление о «заговорщической» деятельности обвиняемых, власти ссылались на использование ими специального кода в переписке, партийных кличек и т.п. Индийских патриотов обвиняли в «подстрекательстве к забастовкам», в «захвате профсоюзов», в «растлении молодежи» и т.п.³⁵⁴ Привлечение большого количества свидетелей (320 человек) также должно было создать представление о «чудовищном заговоре». При этом организаторы процесса стремились запугать индийскую общественность, особенно конгрессистов,

угрозой большевизма, ссылались на «руку Москвы». С самого начала процесса в печати была развернута широкая пропаганда против деятельности левых профсоюзов, против СССР.

Как отмечают авторы «Очерков истории Коммунистической партии Индии», главной целью империализма на процессе в Мируте было политически изолировать коммунистов и всех левых от национально-освободительного движения, обвинить их в антinationальной и даже антиобщественной деятельности. Выступления представителей обвинения, широко освещавшиеся в буржуазной прессе, были направлены на то, чтобы представить коммунистов некими «античеловеками», уголовными преступниками, людьми «без морали и совести». Сами подсудимые решили превратить суд в политический форум, в трибуну для пропаганды идей борьбы за национальное освобождение Индии.

Мирутский процесс продолжался более четырех лет. И все это время обвиняемые использовали любую возможность, чтобы показать общественности смысл и значение их политической борьбы. В совместном заявлении они подчеркнули, что их главной задачей является борьба против британского империализма, за освобождение страны. Указывалось, что в такой колониальной стране, как Индия, «пролетарской революции будет предшествовать революция буржуазно-демократическая, которая обеспечит полное освобождение Индии от контроля британского империализма и полную ликвидацию феодальных и дофеодальных форм общественных отношений, приведет к установлению независимой демократической республики»³⁵⁵.

Борьба патриотов против заговора колониальных властей встретила широкую поддержку национально-патриотических сил страны. На следующий же день после их ареста Мотилал Неру потребовал в Центральном законодательном собрании Индии обсудить действия правительства, связанные с этими арестами и обысками. Однако генерал-губернатор Индии наложил вето на рассмотрение этого вопроса, поскольку оно «нанесло бы ущерб общественным интересам»³⁵⁶.

Но обсуждение этого вопроса вышло за пределы законодательного собрания. В Дели, Бомбее, Калькутте и других городах были созданы комитеты в защиту патриотов. В Дели в Комитет защиты обвиняемых по Мирутскому процессу входили Мотилал Неру (председатель), Джавахарлал Неру и другие видные деятели Конгресса³⁵⁷. Сотрудничество конгрессистов и левых в деле защиты подсудимых в Мируте было продолжением их общей борьбы против закона об общественной безопасности, который ограничивал права рабочих и профсоюзов. Важным актом поддержки подсудимых было посещение их в тюрьме Махатмой Ганди³⁵⁸.

Ганди связывал Мирутский процесс с общей обстановкой в стране, особенно после ареста группы революционеров во главе с Бхагат Сингхом. Все это сопровождалось усилением репрессивных мер со стороны властей. Именно тогда особым распоряжением вице-короля был введен в действие закон об общественной безопасности. И это несмотря на то, что Центральное законодательное собрание во главе со спикером В. Пателем отклонило его. Именно на основании этого закона и были арестованы обвиняемые в Мирутском процессе. «Я думаю, – писал Ганди, – что главной целью этого преследования было не уничтожить коммунизм, а нанести удар по террористам. Правительство периодически показывает свои кровавые когти, которые обычно бывают не видны»³⁵⁹.

Солидарность с мирутскими узниками из зала лахорского суда выразили Бхагат Сингх, Батукесвар Датт и их товарищи. В свою очередь, обвиняемые в Мируте выступили с резким протестом против смертных приговоров и последовавшей затем казни Бхагат Сингха³⁶⁰.

Борьба индийских патриотов получила поддержку рабочего класса и общественности за рубежом. Против суда над ними протестовали многие известные деятели мировой культуры и науки, в том числе Ромен Роллан, Герберт Уэллс, Альберт Эйнштейн³⁶¹.

Суд в Мируте вынес суровый приговор. Многие из обвиняемых были осуждены на длительные сроки тюремного заключения и ссылки. Национально-патриотические круги Индии и демократическая общественность за рубежом выступили с протестами против приговора, что повлияло на дальнейшие действия английских колонизаторов. Именно это имел в виду министр по делам Индии, когда писал вице-королю: «Я в определенной степени обеспокоен суровостью некоторых приговоров, которые были вынесены на суде в Мируте, и думаю, что будет правильно сообщить Вам, что в различных местных кругах ощущается чувство тревоги»³⁶².

Под давлением общественного мнения колониальные власти были вынуждены пересмотреть приговоры. 3 августа 1933 г. Мирутский процесс был завершен. Некоторые из подсудимых были оправданы, другие сразу же освобождены, поскольку находились в заточении более четырех лет, остальные были освобождены в конце 1933 г.

Судебный процесс в Мируте закончился поражением британских властей, которые сфабриковали и начали его. По существу, сами организаторы суда признали это. Характерно, что к концу процесса в официальной переписке колониальных чиновников стали высказываться сомнения в целесообразности организации такого рода судебных преследований коммунистов и других патриотов. Так, чиновник департамента внутренних дел М.Г. Хэллит в своем донесе-

нии из Бомбея указывал: «Общее настроение сейчас не в пользу подобных судебных процессов о заговоре»³⁶³.

Это отмечали и многие политические деятели того времени. Так, Джавахарлал Неру писал, что Мирутский процесс в значительной мере способствовал привлечению внимания народа к новым идеям. «Туманные коммунистические и социалистические идеи распространялись и среди интеллигенции, даже среди интеллигентных правительственных служащих. Более молодые члены Конгресса, читавшие обычно работы Брюса о демократии, Морли, Кэйта и Мадзини, теперь читали, когда могли достать, книги о социализме и коммунизме и о России»³⁶⁴.

Арест руководителей коммунистического и профсоюзного движения Индии в связи с Мирутским процессом нанес в то время значительный ущерб делу национально-освободительной борьбы. Но вместе с тем этот судебный процесс объективно способствовал росту популярности в Индии идей национального освобождения от британского господства. Многие из подсудимых стали впоследствии видными деятелями коммунистического и рабочего движения. Среди них Г. Адхикари, С.В. Гхате, П.Ч. Джоши, Ш.А. Данге, Музаффар Ахмед, Шаукат Усмани, С.С. Мирадждар и другие. Этот процесс был широко использован патриотами для пропаганды идей марксизма. Индийские коммунисты оказали большое воздействие на патриотически настроенную общественность, в том числе на национальных революционеров. Коммунисты высоко ценили их самопожертвование и преданность делу национального освобождения, но критиковали их за террористические методы борьбы³⁶⁵.

Вскоре после окончания Мирутского процесса колониальное правительство запретило деятельность компартии, которая с 1934 г. по 1942 г. была вынуждена действовать в условиях подполья. Многие коммунисты были брошены в тюрьмы.

Деятельность коммунистов в массовых организациях

В условиях запрета компартии коммунисты вели свою деятельность в профсоюзах, крестьянских организациях и через Конгресс-социалистическую партию (КСП), которая была создана в начале 1930-х годов в рамках Индийского национального конгресса. Керальская организация КСП, в которой преобладали революционно-демократические настроения, пользовалась большим влиянием в Конгрессе. По мере развития антиколониальной борьбы многие революционеры, возглавлявшие КСП в Керале, обращались к коммунизму, и

в 1937–1940 гг. практически вся организация Конгресс-социалистической партии в Керале была преобразована в керальское отделение Коммунистической партии Индии.

К этому времени левые и демократические силы имели значительный опыт участия не только в национально-освободительном движении, но и в работе среди крестьянства, рабочих и интеллигенции. В 1930-е годы под руководством конгресс-социалистов в разных районах единой ныне Кералы создавались крестьянские союзы, которые выступали в защиту интересов сельских тружеников. После Второй мировой войны, накануне достижения Индией независимости, коммунисты добились создания объединенного крестьянского союза Кералы, который выдвинул требование ликвидации помещичьего землевладения, улучшения положения арендаторов и сельскохозяйственных рабочих, что способствовало росту влияния левых сил в керальской деревне.

В составе Конгресс-социалистической партии коммунисты сыграли большую роль в организации рабочего движения в этом районе Индии, несмотря на низкий уровень промышленного развития и сравнительную малочисленность рабочих. В конце 1920-х – начале 1930-х годов в ряде городов Кералы были созданы первые профсоюзы, в которых ведущую роль играли коммунисты и социалисты. В тот период многие из тех, кто впоследствии вступил в Коммунистическую партию Индии, возглавляли движения за социальные реформы (отмену неприкасаемости, улучшение положения низших каст), против деспотизма местных князей.

Левые партии и группы смогли значительно укрепить свое влияние в массах благодаря активному участию в движении за объединение в единое целое трех частей этнической территории народа малаяли: Малабара, входившего в состав Мадрасского президентства, и двух княжеств – Кочина и Траванкора. Начавшись в 1946 г., это движение завершилось 1 ноября 1956 г. образованием штата Керала. Все это способствовало тому, что в колониальный период и в первые годы независимости коммунисты создали весьма прочную массовую базу в Керале, на основе которой происходило дальнейшее укрепление влияния левых сил в этом штате³⁶⁶.

В период, предшествовавший достижению Индией независимости, КПИ, действуя открыто после выхода из подполья в 1942 г., сумела стать заметной силой в политической жизни страны. Большую работу по оказанию помощи голодавшим компартия провела в Бенгалии во время массового голода в 1943 г. Это во многом способствовало укреплению ее влияния. После окончания Второй мировой войны в Бенгалии развернулось забастовочное движение под руково-

дством левых профсоюзов. В 1945 г. и 1946 г. состоялись мощные забастовки трамвайщиков Калькутты, рабочих текстильных фабрик, типографий, служащих почты и телеграфа. В июле 1946 г. в Калькутте была проведена всеобщая забастовка³⁶⁷.

Укреплению позиций коммунистов в бенгальской деревне до независимости способствовало их активное участие в крестьянских движениях, прежде всего в движении «тебхага» (1946–1947 гг.), главное требование которого состояло в том, чтобы крестьянин-издольщик получал две трети урожая, выращенного им на земле помещика³⁶⁸. В целом усиление влияния левых сил в Бенгалии в колониальный период было тесно связано с их активным участием в национально-освободительной борьбе. Бенгалия была тем районом, где коммунисты широко сотрудничали с Конгрессом по вопросам борьбы за независимость.

Помимо Кералы и Западной Бенгалии влияние коммунистов было особенно заметным в Андхре, что явилось результатом их активного участия в национально-освободительном движении, в борьбе за интересы крестьянства, против помещиков и феодальных правителей, в том числе низама (правитель) княжества Хайдарабад, где немалую роль сыграло движение крестьян в Теленгане (1946–1951 гг.). Позже коммунисты активно выступали в поддержку создания штата Андхра-Прадеш на национально-лингвистической основе³⁶⁹.

Глава 13

ВТОРАЯ КАМПАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОЕНИЯ В НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

Сессия Конгресса в Лахоре в 1929 г. объявила, что требование статуса доминиона, содержавшееся в Докладе М. Неру, утратило свое значение. Она призвала всех конгрессистов в Центральном и провинциальных законодательных органах подать в отставку. Сессия наделила полномочиями ВИКК «начать программу гражданского неповиновения, когда он посчитает это нужным, включая неуплату налогов». Все понимали, что это в конечном счете зависит от Махатмы Ганди.

В полночь 31 декабря 1929 г. почти единогласно была принята резолюция о полной независимости. На берегу реки Рави был поднят триколор под возгласы «Ванде Матарам» и «Да здравствует ре-

волюция!»³⁷⁰. Это было началом нового этапа упорной борьбы за национальное освобождение. Британские власти спокойно и даже цинично отнеслись к этому решению Конгресса. Уже 6 января 1930 г. помощник министра по делам Индии Рассел заявил, что статус доминиона не будет предоставлен Индии даже в ближайшем будущем. В таком же ключе выступали в британском парламенте и другие официальные лица. Министр по делам Индии Биркенхед назвал индийских лидеров «невротическими адвокатами» и «неполноценными Керенскими». Еще один высокий британский чиновник написал вице-королю Ирвину, что у Ганди нет конкретного плана действий, поэтому правительство не считает, что будет какой-то драматический отход от прежней политики Конгресса, который представляет собой не что иное, как пеструю толпу³⁷¹.

На сессии Конгресса в Лахоре Ганди вновь вернулся к активной политической деятельности после добровольного отхода от нее в 1924 г. Он снова стал доминировать в Конгрессе. Это проявилось и в том, что в Рабочий комитет вошли только его сторонники. Вне этого руководящего органа партии остались как левые – С.Ч. Бос и Сриниваса Айянгар, так и правые – М.М. Малавия, Н.Ч. Келкар и Н.Ч. Бардоли.

Многие мусульманские лидеры призвали мусульман не принимать участие в демонстрациях и других массовых мероприятиях Конгресса, связанных с провозглашением независимости. Мусульманская конференция в Лахоре заявила, что не поддерживает кампанию гражданского неповиновения. Конгресс, чтобы придать импульс этой кампании, принял решение провести День независимости Индии 26 января 1930 г.

В этот день все конгрессисты должны были дать клятву бороться за независимость. В клятве были такие слова: «Мы считаем, что неотъемлемым правом индийского народа, как и всех других народов, является право на свободу, на плоды его труда, право на удовлетворение насущных нужд, чтобы он получил полную возможность для своего развития. Мы считаем, что британское правительство в Индии не только лишило индийский народ свободы и эксплуатирует массы, но оно разрушило Индию экономически, политически, культурно и духовно. Поэтому мы считаем, что Индия должна разорвать связи с Британией и добиться полной независимости (*пурна сварадж*)»³⁷². День независимости прошел во многих частях страны в мирной обстановке. Правительство не вмешивалось в это празднование, но было полностью готово к борьбе с нарушителями порядка. С тех пор ежегодно 26 января Конгресс отмечает День независимости массовыми акциями с подъемом флага и произнесением упомянутой клятвы.

15 февраля 1930 г. руководство Конгресса решило начать кампанию гражданского неповиновения. В своем ашраме в Сабармати Ганди обдумывал конкретные формы гражданского неповиновения. 30 января 1930 г. он подготовил 11 требований предстоявшей кампании и направил их вице-королю Ирвину. Среди них были следующие: снижение поземельного налога, по крайней мере, на 50%; отмена правительственной монополии и налога на соль; сокращение военных расходов не менее чем на 50%; уменьшение числа английских чиновников, по меньшей мере, наполовину; введение протекционистских тарифов на импорт иностранных тканей и одежды; запрет на продажу алкогольных напитков; освобождение всех заключенных, кроме осужденных за убийство; предоставление индийцам права иметь оружие для самообороны; ликвидация департамента уголовных расследований или установление над ним гражданского контроля³⁷³.

Ганди заверил вице-короля, что если будут приняты эти 11 требований, то он не будет настаивать на гражданском неповиновении. По мнению секретаря и помощника Ганди Махадева Десаи, для Махатмы особенно важными были четыре пункта, касавшихся отмены налога на соль, бойкота иностранных тканей, антиалкогольной кампании и снижения налога на землю. Ганди готов был обсуждать весь комплекс требований на базе этих четырех³⁷⁴. Однако Ирвин отклонил все требования Ганди, назвав их нереалистичными и фантастичными.

По призыву Конгресса большинство его представителей ушли в отставку из законодательных органов в центре и в провинциях. Одиннадцать лидеров Конгресса, включая С.Ч. Босу, были арестованы и приговорены к тюремному заключению сроком на один год. Рабочий комитет (РК) партии настаивал, чтобы Ганди предпринял очередные шаги. В его резолюции от 16 февраля 1930 г. прямо говорилось, что РК уполномочивает Ганди начать кампанию гражданского неповиновения и призывает всех участников к окончательной борьбе за свободу³⁷⁵.

2 марта 1930 г. Ганди направил ультиматум Ирвину – если вице-король не примет 11 требований, то он, Ганди, пойдет на нарушение соляного закона. Ирвин отказался выполнить это условие. На следующий день Ганди написал Ирвину: «На коленях я просил хлеба, а вместо него получил камень. Я не признаю этот закон и считаю моим священным долгом нарушить печальную обязанность соблюдать вынужденный мир, который душит сердце нации из-за нехватки воздуха»³⁷⁶.

Доклад комиссии Саймона появился в 1930 г. Он, как и следовало ожидать, вызвал полное неприятие индийцев. Доклад был даже

менее либеральным, чем реформы Монтегю-Челмсфорда 1919 г. Более того, было очевидно, что правительство Великобритании делало все, чтобы удержать Индию в тисках подчинения. Суть доклада комиссии Саймона состояла в следующем. Центральное законодательное собрание должно избираться провинциальными законодательными органами, а не населением. Его полномочия резко сокращались. Провинции во многом становились независимыми по отношению к центральной власти. По существу, это было скрытым движением к дроблению Индии. Эта горькая пилюля была «подсахарена» рекомендацией расширить электорат на выборах в провинциальные законодательные органы с 3 до 10%. Вместе с тем к ранее существовавшему имущественному цензу добавлялся еще и образовательный ценз. Избирательные курии для религиозных общин оставались нетронутыми, что служило не укреплению страны, а наоборот – ее расколу по религиозному признаку.

Назначенные британскими властями губернаторы по-прежнему обладали всей полнотой власти в провинции, включая право вето на предложения законодательного органа. Центральное (федеральное) собрание пополнялось за счет представителей почти 600 княжеств, что также ослабляло роль этого органа, поскольку князья выступали против предоставления Индии не только независимости, но и самоуправления в рамках доминиона. Вице-король, как и ранее, обладал всей полнотой власти, включая право вето на все решения федерального собрания и контроль над вооруженными силами³⁷⁷.

«Соляной поход»

Первым крупным мероприятием гражданского неповиновения стало нарушение государственной монополии на соль. 12 марта 1930 г. Ганди вместе с 71 последователем из ашрама Сабармати (около Ахмадабада) начал пеший «соляной поход» через Гуджарат к местечку Данди на берегу Аравийского моря. Поход тщательно планировался. Предстояло преодолеть 241 милю в течение 20 дней. Ганди заявил, что он не вернется в Сабармати до тех пор, пока соляной налог не будет отменен. «Победа или смерть!» – таким был девиз похода. По пути Ганди останавливался в деревнях и городах и на многочисленных митингах призывал людей нарушать монополию на производство соли. По всему его маршруту деревенские чиновники под давлением общественного мнения начали подавать в отставку.

По мере продвижения к морю к походу присоединились тысячи добровольцев. Среди них индусы, мусульмане, сикхи, христиане,

неприкасаемые, множество женщин. 6 апреля 1930 г. на берегу моря около местечка Данди состоялось символическое нарушение соляной монополии – индийцы во главе с Ганди стали выпаривать соль из морской воды. Ганди первым нарушил соляной закон, взяв щепотку этой соли. Он призвал участников сатьяграхи оказывать сопротивление полиции, если она будет пытаться отнимать у них соль.

В тот же день соляная монополия была нарушена в пяти тысячах пунктов пятью миллионами индийцев. Некоторые авторы назвали это «восстанием без оружия»³⁷⁸. Тогда же Рабочий комитет Конгресса обратился с призывом пикетировать лавки, торговавшие алкогольными напитками, и магазины по продаже иностранных товаров, не носить одежду европейского образца, сжигать иностранные ткани и использовать вместо них домоткань-кхади; бойкотировать английские учебные заведения, суды, правительственные учреждения и уйти в отставку, а также начать кампанию против неприкасаемости³⁷⁹.

Вначале власти недооценили значение похода. Они рассчитывали, что эта сатьяграха умрет сама по себе и отнеслись к походу с пренебрежением, даже высмеивали его как своеобразную «детскую стадию политической революции», в которой короля пытались свергнуть при помощи кипячения морской воды в чайнике. Само нарушение закона о монополии на соль рассматривалось как нечто фантастическое. Задавался вопрос – какое воздействие на производство и продажу соли могло оказать выпаривание небольшого количества соли низкого качества? Ответ был очевидным – ничтожное с точки зрения экономической и финансовой, но не политической. Поэтому власти стали производить аресты сначала только лидеров движения с целью дезорганизовать его. Были арестованы Валлабхай Патель, Джавахарлал и Мотилал Неру, Ч. Раджагопалачари, М.М. Малавия, сын Ганди Девадас и другие. Конгресс и принимавшие участие в кампании гражданского неповиновения организации были объявлены вне закона.

Наконец, пришла очередь Ганди. 5 мая 1930 г. и он был арестован, а лидерство в соляной сатьяграхе перешло к известной поэтессе, видной конгрессистке Сароджини Наиду. К этому времени 25 тыс. добровольцев собралось под ее началом, и она повела их к государственному предприятию по производству соли в Дхарасану. Если в начале соляного похода полиция только наблюдала за участниками сатьяграхи, но не вмешивалась в их действия, то теперь она прибегла к жестоким расправам над ними, избиванию дубинками совершенно незащищавшихся не только мужчин, но и женщин, и даже детей. 30 мая полиция остановила шествие, и после отказа Сароджини прекратить сатьяграху арестовала ее. Позже Сароджини Наиду пригово-

рили к тюремному заключению в Пуне, где она вместе с Ганди про-
сидела до января 1931 г.³⁸⁰

Применяемые Ганди на практике ненасильственные методы и восприятие массами самого Ганди как Махатмы, то есть духовного лидера и даже мессии, были особенно привлекательными для индийских женщин. «Ориентиры Ганди на ненасильственную борьбу за независимость Индии стали открытым обращением к женщинам, так как его методы более всего подходили им. Он считал, что нет необходимости в особом приглашении женщин. И этим он выразил уверенность в том, что женщины сами прекрасно осознавали свои обязанности перед страной», – писала впоследствии сподвижница Ганди и участница «соляного похода» Камаладеви Чаттопадхья³⁸¹.

Гражданское неповиновение или несотрудничество с английской колониальной администрацией, как инструмент борьбы, органично сочеталось у Ганди с его идеями свободы, равенства и социальной справедливости – не может быть свободы там, где есть несправедливость и неравенство. Он говорил также, что неравенство мужчин и женщин является первой всеобщей разделительной линией, созданной человеческим обществом, между угнетенными и угнетателями. Без уничтожения этого разделения все попытки добиться прогресса в развитии человека и общества обречены на провал.

Вдохновленные нравственными, мирными лозунгами борьбы, женщины по призыву Ганди активно приобщались к политике. Они широко участвовали в таких массовых кампаниях, как пикетирование магазинов, торгующих заграничными тканями и винами, использовали товары отечественного производства, особенно достойно проявили себя в «соляном походе». Большую помощь в работе Ганди оказывали матери, жены, сестры и дети политических деятелей. Они участвовали в массовых кампаниях неповиновения, выступали на митингах с призывом не сотрудничать с колонизаторами, не работать в правительственных учреждениях, отказываться платить налоги, поддерживать отечественные ремесла и ручное прядение, ратовали за индуско-мусульманское единство.

Власти прибегли к аресту более 17 тыс. женщин, которые приняли участие в ненасильственном движении несотрудничества. Среди них – Сароджини Наиду, жена Дж. Неру Камала, его сестры Виджая (Лакшми Пандит) и Кришна, Камаладеви Чаттопадхья, Аруна Асаф Али, позже Индира Ганди и многие другие³⁸². Неру писал в своей «Автобиографии»: «Самым поразительным, без сомнения, была та роль, которую играли в национальной борьбе женщины. Во всех городах происходили грандиозные демонстрации, в которых участвовали одни только женщины; вообще женщины занимали бо-

лее непреклонную позицию, нежели мужчины. Они часто становились конгрессистскими “диктаторами” в провинциях и на местах»³⁸³.

Деятельность Ганди способствовала коренному изменению общественного климата в пользу участия индийских женщин в общественно-политической жизни. В 1930-е годы Конгресс принял обязательство уравнивать женщин в правах с мужчинами перед законом, отменить дискриминацию женщин при приеме на работу и ввести всеобщее избирательное право³⁸⁴.

Первая конференция круглого стола и Делийский пакт

Арест Ганди не привел к окончанию движения гражданского несотрудничества, а, наоборот, придал ему новое дыхание. Правительство ответило жесткими репрессиями. Всего в 1930–1931 гг., по данным Дж. Неру, было арестовано более 90 тыс. человек. Ситуация накалялась. Еще раньше страну охватили забастовки (в Калькутте, Шолапуре, Мадрасе, Карачи), которые дополнялись массовыми движениями гражданского неповиновения во многих провинциях. В ряде мест (Читтагонге, Пешаваре) они выходили за рамки гандистского ненасилия. Британские власти ужесточили свою позицию.

В Англии поход против Индии возглавил Уинстон Черчилль (1874–1965). В 1930 г. он заявил: «Английский народ отнюдь не намерен отказываться от контроля над жизнью и прогрессом Индии... Мы не намерены отказываться от этой самой блестящей и драгоценной жемчужины королевской короны, которая в большей мере, чем все прочие наши доминионы и владения, составляет силу и славу Британской империи... Англия, потеряв Индию в качестве своей империи, навсегда перестанет существовать как великая держава»³⁸⁵. Неру, в свою очередь, писал, что Индия была основой империи, обладание ею, ее эксплуатация – вот что создавало силу и славу Англии, делало ее великой державой. Черчилль не мог мыслить себе Англию иначе как центром и владычицей обширной империи, а потому он не мог представить себе Индию свободной³⁸⁶. Именно поэтому так ожесточенно Черчилль сражался за обладание Индией: «Мы должны сказать совершенно ясно, – говорил он, – что намереваемся оставаться правителями Индии очень долго и на неопределенный период времени»³⁸⁷.

Английские власти, чтобы снизить накал напряжения в индийском обществе, пошли на проведение в Лондоне трех конференций круглого стола, имевших своей целью обсуждение с индийцами следующего законопроекта об управлении Индией.

12 ноября 1930 г. в Лондоне состоялась первая конференция круглого стола, которую Конгресс бойкотировал. В ней приняли участие, кроме англичан, делегации Мусульманской лиги, Хинду махасабхи, «угнетенных классов», Всеиндийской либеральной федерации и индийских князей.

Лидер Мусульманской лиги Джинна выдвинул на конференции программу из 14 пунктов. Главные из них: введение федерального устройства Индии; защита прав меньшинств в законодательных органах; предоставление мусульманам одной трети мест в Центральном и провинциальных органах власти; сохранение мусульманского большинства в Пенджабе, Бенгалии и СЗПП при изменениях в административном устройстве Индии; образование самостоятельной провинции Синд; сохранение курриальной системы выборов³⁸⁸. В своем выступлении лидер неприкасаемых Б.Р. Амбедкар подверг критике деятельность колониальных властей, не заинтересованных в глубоких, радикальных изменениях в социальной структуре индийского общества. Он был единственным из индийцев – участников конференции, заявившем о необходимости достижения независимости (пурна сварадж) для Индии. Амбедкар выдвинул требование гарантированного конституцией права для индусских низших каст участвовать в политической жизни, выбирать своих представителей в законодательные органы страны. В конце работы первой конференции круглого стола, в декабре 1930 г., он подал в подкомитет документ по меньшинствам под названием «Схема политических гарантий для защиты угнетенных классов в будущей конституции самоуправляющейся Индии». В нем говорилось об условиях, на которых неприкасаемые «согласятся на правление индусского большинства в случае получения Индией самоуправления». Это равное гражданство, освобождение от «рабской зависимости», конституционный запрет практики неприкасаемости, принятие закона, преследующего за социальную дискриминацию. Амбедкар потребовал выделения для неприкасаемых специальной электоральной курии и увеличения их представительства в законодательных органах³⁸⁹.

Руководство Конгресса негативно оценило сам факт проведения первой конференции круглого стола. Дж. Неру считал, что она «явно была сборищем представителей... привилегированных групп. Многие из них выступали против нашей борьбы; некоторые молча стояли в стороне»³⁹⁰.

В условиях начавшейся Великой депрессии в мире британские власти были заинтересованы в сохранении статус-кво в отношениях с Индией. Это обстоятельство, а также то, что в Индии многочисленные аресты и жесткие репрессии властей привели к спаду в движении

гражданского неповиновения, создалась возможность переговоров между вице-королем Ирвином и Ганди. 25 января 1931 г., накануне провозглашенного ранее Конгрессом Дня независимости, Ганди и другие члены Рабочего комитета партии были освобождены из тюрем. 17 февраля начались переговоры между Ганди и вице-королем Ирвином, которые продолжились до 5 марта и закончились подписанием Делийского пакта (пакта Ганди–Ирвина).

Пакт предусматривал прекращение движения гражданского неповиновения, освобождение заключенных в тюрьмы его участников, кроме тех, кто обвинялся в насилии. Ганди не настаивал на проведении расследования в связи с полицейскими эксцессами во время движения. Пакт определял участие Конгресса в очередной конференции круглого стола без каких-либо предварительных условий со стороны Ганди и обязательств английских властей. Единственной уступкой правительства было разрешение людям, проживающим в близких к морю районах, производить соль, потреблять ее и продавать жителям тех же деревень, но не за их пределами. В последней, 21-й, статье пакта говорилось, что, если Конгресс не выполнит обязательств, взятых на себя по пакту, правительство предпримет такие действия, которые сочтет нужными по защите людей и общества и для поддержания правопорядка³⁹¹.

Пакт вызвал возражения у многих представителей индийской общественности, в том числе и в Конгрессе. Дж. Неру особенно потрясла статья пакта, которая даже не гарантировала Индии статус доминиона: «Я считал, что при заключении соглашения, – писал он, – ни при каких условиях не должна пострадать наша цель – достижение независимости... Я теперь видел, что статья 2-я пакта, по всей видимости, ставит под угрозу даже это»³⁹². С.Ч. Бос отмечал, что основная масса людей рассматривала пакт как победу Конгресса. Но у «политически грамотных», в том числе у молодежи, особенно в Бенгалии, пакт вызвал разочарование³⁹³.

23 марта 1931 г. Бхагат Сингх, Раджгуру и Сукхдев были казнены. Бхагат Сингх, по словам Неру, стал символом борьбы за независимость Индии. За несколько месяцев его имя прогремело по всем городам и селениям Панджаба и Северной Индии. О нем было сложено бесчисленное множество песен, и популярность его приобрела поистине невиданные масштабы³⁹⁴. Буквально через несколько дней после казни Бхагат Сингха и его товарищей 29 марта 1931 г. в Карачи начала свою работу сессия Конгресса. Группа молодежи встретила Ганди черными флагами, протестуя против того, что он не обратился к властям с просьбой о помиловании Бхагат Сингха и его товарищей и таким образом не помог сохранить им жизнь³⁹⁵.

Конгресс осудил действия правительства, связанные с казнью и политическим насилием в стране. Он ратифицировал Делийский пакт и дал мандат на участие делегации Конгресса во второй конференции круглого стола. Была также принята декларация об основных правах индийского народа.

В декларации особо выделялись права всех граждан Индии на свободное выражение мнений, право на создание свободных ассоциаций, проведение мирных митингов и демонстраций. Государство должно соблюдать нейтралитет в отношении всех религий. Выборы следует проводить на основе всеобщего избирательного права. Государство должно обеспечивать бесплатное и обязательное начальное образование. И наконец, в Индии должна быть отменена смертная казнь. Последнее имело особое значение, поскольку британские власти часто использовали казнь в своей политической практике³⁹⁶.

Конгресс избрал Рабочий комитет из членов партии полностью лояльных Ганди. Как отмечал С.Ч. Бос, после смерти Мотилала Неру в 1930 г. в Рабочем комитете не осталось никого, кто мог бы «положительно влиять» на Ганди³⁹⁷. В результате Рабочий комитет принял решение направить Ганди на вторую конференцию круглого стола в качестве единственного представителя партии. По мнению ряда ведущих конгрессистов, это было ошибкой, поскольку Ганди оставался без помощников перед лицом хорошо подготовленных лидеров других партий.

Однако по просьбе Ганди Рабочий комитет Конгресса разработал директивы для переговоров во время работы конференции. Суть директив состояла в следующем: партнерство Индии и Великобритании должно базироваться на независимости Индии, что «должно быть чем-то большим, чем статус доминиона». Индия должна осуществлять контроль над «вооруженными силами, внешними сношениями, финансами, налогами, экономической политикой». Отдельно был поставлен вопрос о судьбе индийских княжеств. В этой связи указывалось: «... нам трудно представить, как какое-то княжество может долго находиться вне будущей Индийской федерации. Мы не можем отказаться от идеала единой Индии». В целом директивы характеризовались определенной расплывчатостью формулировок и оставляли Ганди широкое поле для маневра³⁹⁸.

Вторая конференция круглого стола и «Общинное решение»

Ганди прибыл в Лондон 12 сентября 1931 г. и находился там до 1 декабря. Английские политики сразу же дали понять ему, что Конгресс является лишь одной из множества партий, прибывших на конференцию, и ему не следует рассчитывать на какое-то особое отношение.

Состав участников и повестка дня конференции круглого стола определялись британским правительством, которое не было заинтересовано в решении крупных вопросов, таких как будущее управление Индии и ее независимость. Финансовый кризис и смена британского правительства были главными темами, которые интересовали британские политические круги. Новый министр по делам Индии Самуэл Хор (Hoare) во время конференции прямо предупредил Ганди, что, если Конгресс попытается ускорить изменения в стране при помощи «прямых действий», правительство сокрушит его всеми силами, которые имеются в его распоряжении³⁹⁹.

На конференции дискуссия сосредоточилась на общинных проблемах, отношениях между разными конфессиями. Ганди прямо спросил: разве британское правительство пригласило индийские делегации в Лондон за шесть тысяч миль от Индии только для того, чтобы обсуждать там общинный вопрос? Сначала надо решить проблему управления Индией, а не делить пирог, размер которого неизвестен. «Давайте посмотрим, что мы можем получить, – сказал он, – на этой основе я мог бы попытаться достичь единства даже в этой скверно подобранной группе»⁴⁰⁰.

Девадас, сын Ганди, сопровождавший его на конференции, писал Дж. Неру: «Вся дискуссия была отвратительной... Отец был чрезвычайно огорчен. Оппозиция была значительно хуже, чем он ожидал... Он полагает, что общинный вопрос преднамеренно выдвинут на передний план. Его значение преувеличено британским правительством, поскольку оно не намерено расстаться с властью... Отец сказал премьер-министру Джеймсу Рамсею Макдональду, что он представляет "угнетенные классы" лучше, чем Амбедкар. То же самое он сказал и о других меньшинствах. Они не нуждаются в каком-то особом представительстве в законодательных органах... Отец сказал, что единственные общины, которым он мог бы дать специальное представительство по историческим причинам, – это мусульмане и сикхи»⁴⁰¹.

На конференции лидеры религиозных меньшинств (в состав которых входили и неприкасаемые) подписали так называемый Пакт меньшинств. Для них права меньшинств в будущей Индии были самой насущной проблемой. Они требовали, чтобы предоставление Индии самоуправления обуславливалось гарантиями их представительства в органах власти в соответствии с их долей в населении. Макдональд заявил в этой связи, что Пакт меньшинств объединяет 115 млн. людей, или около 46% населения Индии⁴⁰². Он высказал сомнение в том, что Конгресс выражает интересы всей Индии. Макдональд особо подчеркнул, что Конгресс вообще не занимается решением проблем неприкасаемых. На это Ганди заявил, что его

партия считает отмену неприкасаемости «необходимым условием полной независимости». Именно Конгресс является истинным защитником неприкасаемых и представляет интересы индийского народа и всех его классов, но более всего – интересы миллионов безмолвных и полуголодных людей, живущих в тысячах деревень во всех уголках страны. Он выступил против отдельных избирательных округов для неприкасаемых. «Я готов обойти всю Индию из конца в конец, чтобы объяснить неприкасаемым, что отдельная избирательная курия и резервирование мест не являются средством избавления их от социальной дискриминации – этого позора ортодоксального индуизма... Я бы скорее согласился с тем, чтобы исчез индуизм, – продолжал Ганди, – но не с тем, чтобы оставалась неприкасаемость... Я не стану предавать жизненные интересы неприкасаемых даже ради того, чтобы завоевать свободу Индии»⁴⁰³.

В своем заключительном выступлении на конференции 1 декабря 1932 г. Ганди сказал, что единственным решением индийских проблем является предоставление Индии полной независимости. Макдональд же полагал, что главная проблема состояла в том, чтобы сначала выработать систему представительства, при которой власть была бы справедливо распределена между различными классами, общинами и религиозными группами, и только после этого можно будет заняться решением вопроса об управлении Индией как единым целым.

Поскольку Ганди не удалось склонить на свою сторону представителей неприкасаемых и мусульман, это дало основание Макдональду заявить, что британское правительство вынуждено учесть факт отсутствия согласия между представителями меньшинств, с одной стороны, и Конгресса – с другой. Поэтому правительство возьмет на себя решение вопроса об общинном представительстве в будущем управлении Индией. Ганди увидел в этом явное стремление англичан продолжить традиционную политическую линию «разделяй и властвуй». Но больше всего его беспокоила возможность создания отдельной избирательной курии для неприкасаемых, что привело бы к их политическому отчуждению от индусской общины и Конгресса⁴⁰⁴.

Позиция Ганди на второй конференции круглого стола во многом определялась отношениями между Конгрессом и Мусульманской лигой. Он знал, что неприкасаемые могут стать на ту или иную сторону при решении главного политического вопроса, если не пойти им на определенные уступки. Ведь все религиозные меньшинства имели отдельные избирательные курии и представительство в законодательных органах. И только судьба неприкасаемых еще не была определена. Как быть с ними? Согласиться на предоставление им отдельной избирательной курии, как того требовали лидеры непри-

касаемых? Или поделить их между индусами и мусульманами, как предлагал это сделать в деликатной форме председательствовавший на сессии Конгресса в 1923 г. Мохаммед Али? По его мнению, это способствовало бы прекращению соперничества между Индийским национальным конгрессом и Мусульманской лигой за влияние среди этих слоев⁴⁰⁵. Ко времени завершения второй конференции круглого стола стало вполне очевидно, что Конгресс не может рассчитывать на углубленное сотрудничество с этой партией. Поэтому было важно не допустить дрейфа неприкасаемых в сторону Мусульманской лиги.

По возвращении Ганди в Индию, в декабре 1931 г., он был вскоре арестован в Бомбее по приказу вице-короля Уиллингдона. 4 января 1932 г. вице-король ввел в действие четыре указа, направленных на пресечение и подавление выступлений против власти, против неуплаты налогов, пикетирования государственных учреждений. Все руководители Конгресса, включая Дж. Неру, Абдул Гаффар Хана, С.Ч. Боса, Раджендра Прасада, Валлабхаи Пателя, Раджагопалачари, а также Сароджини Наиду и Кастурбу Ганди были арестованы. Конгресс был объявлен вне закона. Были запрещены все его комитеты – сверху донизу, и примыкающие к нему организации – крестьянские, молодежные, студенческие, университеты, а также закрыты школы, больницы, предприятия, созданные в связи с движением свадеши. В одной только Бенгалии была запрещена деятельность 272 организаций. По мнению Дж. Неру, по всей Индии число запрещенных организаций, по-видимому, достигало в общей сложности нескольких тысяч⁴⁰⁶. За время второй кампании гражданского неповиновения было арестовано около 78 тыс. конгрессистов. Вице-король Уиллингдон писал в этой связи 29 декабря 1931 г. министру по делам Индии С. Хору, что он чувствует себя кем-то вроде Муссолини⁴⁰⁷.

О характере и масштабах репрессий можно судить по докладу делегации Лондонской Индийской лиги (Моника Уотлей, Эллен Уилкинсон, Леонард Мэттерс и В.К. Кришна Менон), которая находилась в Индии с 17 августа по 7 ноября 1932 г. Делегация посетила все провинции, кроме Соединенных провинций. В докладе отмечалось, что указы вице-короля нарушают основные права человека. По всей Индии введено военное положение, против людей используется оружие, введены специальные трибуналы и массовые наказания. Конфискуются земли, скот, личное имущество, проводятся обыски без решения судов. Известны многие случаи избиения добровольцев Конгресса и пикетчиков, осуществляется цензура прессы и т.п.

Дж. Неру считал, что в начале 1932 г. «инициатива явно была в руках правительства, и Конгресс занимал оборонительную позицию ...В Индии фактически было введено военное положение, и Конгрессу,

в сущности, так и не удалось вновь захватить инициативу или приобрести какую-либо свободу действий. Первые удары произвели ошеломляющее действие на него и на большинство его буржуазных последователей, которые в прошлом были его главной опорой»⁴⁰⁸.

Голодовка Ганди и Пунский пакт

Проницательный и глубокий политик, Ганди раньше других сумел понять грозящую опасность отхода неприкасаемых от индусской общины. Это могло иметь самые отрицательные последствия для Конгресса и для будущего Индии. В критический момент он поставил задачу удержать их в составе индусской общины, не дать им отойти от Конгресса и таким образом усилить его позиции на переговорах с британской администрацией по вопросу о будущих выборах в провинциях и центре.

В марте 1932 г. из тюрьмы в Йераваде, около Пуны, Ганди направил письмо министру по делам Индии С. Хору, в котором объявил о своем решении прибегнуть к голодовке до смерти, если в конституционном устройстве Индии будет предусмотрено создание отдельных избирательных округов для неприкасаемых. Однако это не повлияло на решение английских властей по этому вопросу.

В августе того же года английский премьер-министр представил парламенту «Общинное решение», в котором, в частности, говорилось, что предоставление Индии самоуправления должно сопровождаться гарантиями, которые предусматривали бы распределение власти между всеми общинами в соответствии с их долей в населении. Мусульманам предоставлялось 51% мест в законодательном собрании Пенджаба и чуть меньше 50% мест в Бенгалии⁴⁰⁹. Неприкасаемые получали право так называемого двойного голоса. Это означало, что они могли голосовать как в общих (индусских) избирательных округах наравне с «чистыми» индусами, так и в специально созданных для них округах (куда не допускались избиратели из «чистых» каст).

Ганди писал премьер-министру, что создание отдельной избирательной курии для неприкасаемых равносильно инъекции яда, рассчитанной на разрушение индуизма⁴¹⁰. На это Макдональд ответил, что «Общинное решение» может быть изменено только в случае достижения соответствующего соглашения между обеими частями индусской общины – «чистыми» индусами и неприкасаемыми⁴¹¹. Это означало необходимость компромисса между лидерами высококастовых индусов и неприкасаемыми. Иначе на выборах неприкасаемые были бы отделены от «чистых» индусов и в перспективе смогли бы

блокироваться в законодательных органах с оппонентами Конгресса. А в провинциях с преобладающим мусульманским населением индусы вообще могли остаться в меньшинстве в местных законодательных органах. Ситуация еще более обострилась.

Объясняя цель своей предстоящей голодовки, Ганди говорил, что он выступает против любого отделения неприкасаемых от индусов, и подчеркивал религиозный характер своей акции. Он называл себя «прикасаемым по рождению и неприкасаемым по выбору». «Я стремился квалифицировать самого себя как человека, – говорил Ганди, – который представляет не высшие 10% даже среди неприкасаемых, а, насколько это возможно, их самые нижние слои. Что бы я ни делал, они всегда были перед моим внутренним взором, поскольку они действительно испили до дна чашу яда... Я убежден, что если им суждено подняться, то это произойдет... в результате упорной работы среди них индусских реформаторов. То, чего я хочу, ради чего я живу и ради чего я с радостью умру, – это полная и абсолютная ликвидация неприкасаемости. Я хочу, чтобы моя голодовка легла на весы справедливости. И если это разбудит кастовых индусов от спячки, цель будет достигнута»⁴¹².

Ганди потребовал от премьер-министра Великобритании опубликовать их переписку относительно «Общинного решения», что и было сделано. Затем он направил письма своим друзьям и соратникам, в которых подчеркивал, что цель голодовки – встряхнуть индусскую общину, «нанести удар под самый корень неприкасаемости». В своем послании своему другу Рабиндранату Тагору Ганди просил благословить его на этот шаг.

По предыдущему опыту голодовок Ганди было хорошо известно, что он не отступит от своих планов. Поэтому, когда Ганди заранее объявил о своей голодовке до смерти, в индийских политических кругах серьезно обеспокоились за его жизнь. Более того, смерть Ганди могла привести к серьезным осложнениям в обществе. Тагор обратился к народу Индии с призывом поддержать вызов, брошенный Махатмой, и отказать от кастовых предрассудков и дискриминации неприкасаемых⁴¹³. Видные политические деятели – Тедж Бахадур Сапру, Раджендра Прасад, Мадан Мохан Малавия и промышленник Г.Д. Бирла – призвали лидеров «чистых» каст и неприкасаемых найти приемлемое решение, чтобы предотвратить голодовку Ганди.

Амбедкар в своем пространном заявлении для печати в резких тонах осудил предстоящую голодовку Ганди, но не отказался от поисков компромиссного решения. Смягчение позиции Амбедкара сделало возможным проведение встречи лидеров «чистых» каст и неприкасаемых в Бомбее. На следующий день после начала голодовки

Ганди состоялось более узкое совещание нескольких видных лидеров «чистых» индусов во главе с Сапру, с одной стороны, и Амбедкаром – с другой. Сапру просил Амбедкара отказаться от отдельных избирательных округов для неприкасаемых и голосовать вместе с «чистыми» индусами. После определенного торга, в котором Амбедкар потребовал закрепить за неприкасаемыми в законодательных органах страны точное число мест из общего числа, предназначенного для индусской общины, стороны достигли согласия.

А между тем 18 сентября Ганди начал голодовку. Власти приняли решение 20 сентября освободить Ганди на определенных условиях. «Трудно понять логику премьера, – писал Г.Д. Бирла, – когда он хочет достичь согласованного решения и одновременно заточает в тюрьму старого человека по его прибытии в Бомбей и освобождает его, когда он уже при смерти»⁴¹⁴. 21 сентября к Ганди явилась депутация в составе Сапру, Раджагопалачари, Р. Прасада и Девадаса Ганди. Она представила на его одобрение соглашение, достигнутое ранее с Амбедкаром. Ганди благожелательно отнесся к нему, но попросил дать ему время для обдумывания. Он также выразил желание лично встретиться со своим главным оппонентом – Амбедкаром.

Эта встреча – критическая для разрешения кризиса – состоялась 23 сентября. Ганди и Амбедкар пришли к согласию по всем принципиальным вопросам. Затем была проведена встреча лидеров «чистых» индусов и неприкасаемых. Первых представляли Сапру, Джаякар, Бирла и Раджагопалачари. Вторых – Амбедкар. Были уточнены и согласованы остающиеся вопросы. 24 сентября 1932 г. в Пуне было подписано соглашение, получившее предварительное одобрение Ганди и впоследствии вошедшее в историю как Пунский пакт⁴¹⁵.

«Соглашение между Ганди и Амбедкаром, – пишет индийский историк Равиндер Кумар, – спасло общество от коллективного самоубийства. Пунский пакт стал победой Ганди в его борьбе за освобождение индусского общества от злокачественной опухоли, находившейся в самой сердцевине его социального бытия. Возможно, это был самый прекрасный час Махатмы». Кумар назвал этот документ «пактом, который спас общество»⁴¹⁶.

Пактом предусматривалось резервирование 148 мест для неприкасаемых в общих (то есть индусских) избирательных округах в Мадрасе, Бомбее и Синде, Панджабе, Бихаре и Ориссе, Центральных провинциях, Ассаме, Бенгалии и Соединенных провинциях. Выборы на эти места должны производиться совместным электоратом. В Центральном законодательном собрании 18% всех мест, определенных для общего электората, будет зарезервировано для неприкасаемых⁴¹⁷.

В тот же день на сессии в Дели Хинду махасабха приняла резолюцию в поддержку пакта⁴¹⁸. После этого лидеры «чистых» каст ратифицировали пакт и приняли резолюцию, проект которой был составлен лично Ганди. Она дает представление о серьезности его намерений по проведению целой программы действий в пользу неприкасаемых. В резолюции говорилось, что впредь никто из индусов не будет рассматриваться как неприкасаемый по причине рождения, а все те, кого считали таковыми, получают такой же доступ к колодцам, дорогам и прочим местам, находящимся в общественном пользовании, а также к государственным школам, как и другие индусы. Все это будет юридически оформлено в качестве одного из первых законов парламента независимой Индии с целью обеспечить всеми законными и мирными средствами скорейшее упразднение всех социальных ограничений, налагаемых в настоящее время обычаем на так называемые неприкасаемые классы, включая запрет на посещение ими индусских храмов⁴¹⁹.

26 сентября 1932 г., в тот день, когда английский парламент, в соответствии с Пунским пактом, внес изменения в «Общинное решение», Ганди прекратил голодовку.

В конце 1932 г. закончила свою работу третья конференция круглого стола, в которой ни Ганди, ни Джинна не принимали участия. На ней было объявлено о том, что мусульманам будет обеспечено во Всеиндийском федеральном центре представительство в 33,3%, которого они добивались, а Орисса и Синд станут отдельными новыми провинциями Британской Индии⁴²⁰.

В Законе об управлении Индией 1935 г., в основу которого легло измененное «Общинное решение», неприкасаемые получили название «зарегистрированные касты» («scheduled castes»). В апреле 1936 г. особым указом был утвержден список этих каст, предоставивший им право на резервирование определенного числа мест в законодательных органах.

В политическом плане это означало, что борьба между Конгрессом и Мусульманской лигой за неприкасаемых была решена в пользу индусской общины и Конгресса. Мусульманская лига не могла более рассчитывать на увеличение своей общины за счет их перехода в ислам. Позже президент Конгресса Маулана Калам Азад писал: «Мы ...рассматриваем зарегистрированные касты как составную часть индусского общества»⁴²¹.

Пунский пакт определил взаимоотношения Индийского национального конгресса с неприкасаемыми на долгие годы. Большинство неприкасаемых связали надежды на улучшение своей жизни с деятельностью этой партии и национально-освободительным движением.

Хариджанская кампания Ганди

После заключения Пунского пакта ближайшее окружение Ганди начало активную работу по реализации его идей в отношении неприкасаемых. Созданная в 1932 г. при поддержке части индийских промышленников и лично Г.Д. Бирлы «Лига против неприкасаемости» за короткий период охватила сеть своих организаций практически всю страну. В центре этой деятельности, как и прежде, оставался Ганди, выступавший за расширение контактов с неприкасаемыми как с равными и за признание их человеческого достоинства. Опираясь на свой авторитет и исходя из главной цели объединения широких слоев населения в освободительном движении, он смело подвергал переосмыслению многие догмы индуизма, в том числе и неприкасаемость, не останавливаясь и перед риском для себя. Он говорил, что готов пожертвовать жизнью во имя сохранения целостности индусской общины.

В феврале 1933 г. Ганди начал выпуск газеты «Хариджан» на английском языке, в котором пропагандировал идеи интеграции неприкасаемых в индусскую общину. С этого времени стал активно использоваться термин «хариджан». «Для меня, – писал Ганди, – в этом слове заключен... глубокий смысл. Неприкасаемый... – это настоящий хариджан, то есть божий человек... В то время как неприкасаемый тяжело трудится и выполняет грязную работу для того, чтобы мы могли жить в комфорте и ритуальной чистоте, мы наслаждаемся, угнетая его. Мы единственные в ответе за все недостатки и проступки неприкасаемых, мы сами довели их до этого состояния. У нас есть возможность стать хариджанами – детьми бога, но мы можем этого достичь только путем чистосердечного испугления нашего греха в отношении неприкасаемых»⁴²².

В Бенгалии и Панджабе сложилась серьезная оппозиция пакту. Там отделения Хинду махасабхи, вопреки решению головной организации в Дели, предприняли попытки организовать массовые движения за аннулирование пакта. В мае 1933 г. Ганди провел 21-дневную голодовку, чтобы сломить сопротивление ортодоксов Пунскому пакту со стороны бенгальского отделения Хинду махасабхи. И снова добился своей цели.

После всех этих событий Ганди фактически отошел от активной политики и сосредоточился на конструктивной работе. Он даже обратился к вице-королю Уиллингдону с просьбой о встрече для «установления мира». Вице-король ответил отказом. 1 августа 1933 г. Ганди был снова арестован. 16 августа в тюрьме он начал голодовку в знак

протеста против запрета на проведение кампании в пользу неприкасаемых. Однако состояние его здоровья быстро ухудшилось, и он был освобожден. После этого он решил полностью посвятить себя агитации за упразднение социальной дискриминации неприкасаемых.

С ноября 1933 г. по август 1934 г. во время так называемой Хариджанской кампании Ганди посетил все основные районы страны, преодолев, в том числе пешком, 12 500 миль. Он выступал на митингах, посещал кварталы неприкасаемых, встречался с женщинами, студентами, дискутировал с брахманами-пандитами, проводил сбор средств на работу по устранению социальной дискриминации.

Ортодоксальные индусы, для которых неприкасаемость составляла суть индуизма, считали Ганди ренегатом. Они цитировали священные тексты в свою защиту и заявляли, что на взгляды Ганди по неприкасаемости оказали воздействие христианство и ислам. В ответ на это Ганди говорил, что он с гордостью называет себя индусом, потому что считает, что «это понятие достаточно емкое, чтобы не просто терпеть, но и ассимилировать учения других пророков со всех концов земли». Что касается неприкасаемости, то в «Бхагавадгите», которая, по мнению Ганди, является синтезом индусской религии, ей нет оправдания⁴²³. В этот период сторонники Ганди агитировали за принятие закона о доступе неприкасаемых в индусские храмы.

На сессии Конгресса в Бомбее (октябрь 1934 г.) Ганди официально вышел из партии и в течение трех лет занимался проблемами индийской деревни. Он возглавил Всеиндийскую ассоциацию деревенских производителей (ВАДП). Эта организация должна была, независимо от Конгресса, заниматься вопросами возрождения промыслов, ремесел и общего развития деревни. Во время Хариджанской кампании Ганди убедился в насущной необходимости экономического, социального и духовного подъема деревни. Отход Ганди от непосредственного участия в активной политической жизни вызвал критику в его адрес со стороны коллег по партии, которые недоумевали, каким образом его деятельность в деревне, в том числе среди хариджанов, могла помочь в достижении политической независимости. На это Ганди отвечал: «Я не могу понять, почему раздумья над насущными проблемами подъема деревни и стремление найти их решение не являются политически значимыми»⁴²⁴.

Критики Ганди указывали на то, что он отказывался от использования научных методов и машин в деревне, а проповедовал примитивную экономику, которая увековечивала бедность. Ганди отвечал, что его главное возражение против механизации состоит в том, что она способствует концентрации производства в руках немногих. «Я бы предпочел использовать самые современные машины, если

при их помощи можно было бы избежать нищеты и безработицы». Он также делал различие между массовым производством и производством для широких масс народа. В условиях свободного предпринимательства массовое производство часто делает богатых еще более богатыми, а бедных еще более бедными, говорил Ганди⁴²⁵.

В 1935 г. на деньги Бирлы был куплен большой участок земли недалеко от Дели и построено здание штаб-квартиры «Хариджан севак сангх» («Союза служителей хариджанам»). Политически наиболее энергичная часть индусской общины, а также организации «Арья самадж» и Хинду махасабха приложили немало усилий по вовлечению неприкасаемых в общественную жизнь.

В 1938 г. по инициативе Ганди члены законодательного собрания Бомбейской провинции от Конгресса внесли законопроект, предлагавший юридически признать и закрепить за неприкасаемыми новое название «хариджан» («дети бога» или «божьи люди»). Однако Амбедкар не согласился с этим. Вместо этого он стал использовать слово «далит» (угнетенный) для обозначения неприкасаемых. Слово «хариджан», по его мнению, «традиционно ассоциируется с неприкасаемыми и поэтому унижает человеческое достоинство людей, поднявшихся на борьбу против кастового угнетения». Дело в том, что в ряде районов Индии, в том числе и в Махараштре, определенные неприкасаемые касты по установившейся традиции «поставляли» в храмы *девадаси* (служительниц бога), которые рассматривались как собственность их жрецов. А детей *девадаси* называли «детьми бога».

Амбедкар расценивал Хариджанскую кампанию как преднамеренное отвлечение неприкасаемых от борьбы за социальное равноправие, подчеркивая, что если не будут пересмотрены все догмы индуизма, то допуск неприкасаемых в храмы, за который агитировали сторонники Ганди, не только не будет способствовать успешному решению проблемы неприкасаемых, но надолго отодвинет ее на задний план. Амбедкар выступал за радикальное реформирование индуизма. Он критиковал Ганди за его нежелание признать, что неприкасаемость санкционирована самим индуизмом и является исходным принципом этой религии, за его поддержку системы четырехварнового деления общества. Он требовал очистить индуизм от доктрины *чатурварньи*, лежащей в основе идеи неравенства. Амбедкар заявлял, что, до тех пор пока все это не будет сделано, неприкасаемые отказываются поддерживать конгрессистов в вопросе законодательного оформления их права на доступ в индусские храмы⁴²⁶.

Хариджанская кампания встретила жесткое сопротивление не только ортодоксальной части индусского общества и части неприкасаемых, но даже в Конгрессе Ганди оказался под перекрестным ог-

нем критики со стороны как консерваторов, так и радикалов. Против Хариджанской кампании выступали представители левого крыла в Конгрессе. Так, Неру хотя и признавал, что борьба Ганди с неприкасаемостью вызвала «горячий энтузиазм, охвативший всю страну», но тем не менее подчеркивал, что пострадало движение гражданского неповиновения, поскольку внимание страны было отвлечено другими проблемами⁴²⁷. Позже, однако, он пришел к выводу, что Хариджанская кампания способствовала усилению влияния Конгресса в массах неприкасаемых. Изменили свою позицию по этому вопросу и другие лидеры Конгресса. «Неприкасаемость не исчезла, – писал соратник Ганди Раджагопалачари, – но революция фактически закончена и остается только убрать мусор»⁴²⁸. Субхас Чандра Бос пришел к выводу, что в результате «эпохальной голодовки» Ганди движение за уничтожение неприкасаемости получило мощный импульс⁴²⁹.

Со своей стороны, часть неприкасаемых также отмечала благоприятные изменения в поведении высококастовых индусов по отношению к себе. «Голодовка Ганди, – писал впоследствии один из лидеров неприкасаемых Джагдживан Рам, – положила начало эмоциональной перестройке индусского общественного сознания»⁴³⁰.

Нельзя недооценивать те изменения в положении неприкасаемых, которых смог добиться Ганди во время развернутой им широкой кампании по вовлечению неприкасаемых в общественно-политическую жизнь. Впервые верхушка социально-кастовой иерархии вынуждена была пойти на крупные уступки социально приниженным и экономически угнетенным слоям. Но было ясно и то, что процесс перестройки общественного сознания еще только начинался и в этом смысле социальная революция была еще очень далека от завершения.

Индийский бизнес и движение гражданского неповиновения

Важным элементом конгрессистского движения была его поддержка со стороны многих индийских предпринимателей. В условиях тогдашней мировой экономической депрессии, падения производства и торговли, прежде всего тканями, некоторые индийские предприниматели выступали в поддержку местной промышленности. Так, президент Бомбейской ассоциации владельцев фабрик Хоми Модии заявил в марте 1931 г.: «Движение свадеши, несомненно, помогло индийской промышленности в период огромных трудностей. И теперь будущее полно надежд»⁴³¹. Но так думали далеко не все индийские бизнесмены. Были и те, кто опасались поражения конгрессистского движения, отчего мог пострадать и бизнес.

На начальном этапе второй кампании гражданского неповиновения вице-король Ирвин писал крупному индийскому торговцу и промышленнику Пуршотамдас Тхакурдасу: «Исправить нынешнюю ситуацию могут, как я полагаю, торговцы и такие лица, как Вы. Если такие люди готовы публично и ясно заявить, что они больше не желают усиления политики, диктуемой Конгрессом, у меня почти нет сомнений, что это окажет большее влияние, чем что-либо иное, чтобы придать Конгрессу и его лидерам более разумное направление хода их мыслей. И если торговцы и бизнесмены будут готовы утвердиться в этом, правительство предпримет все возможные меры, чтобы защитить их от неприятного вмешательства»⁴³².

Уже после того, как Ганди был посажен в тюрьму по возвращении в Индию со второй конференции круглого стола, Г.Д. Бирла 14 марта 1932 г. заверил министра по делам Индии С. Хора в том, что сотрудничество с Ганди вполне возможно. «Я всегда делаю различие между Ганди и Конгрессом, – сказал Бирла. – Если вы дадите нам конституцию, которая понравится прогрессивным людям, ее сможет приветствовать даже Ганди... но вы можете дать нам такую конституцию, которая хотя и будет неприемлема для Конгресса, не будет отвергнута Ганди и сможет обеспечить спокойную работу в будущем»⁴³³.

По мере угасания движения гражданского неповиновения некоторые индийские деловые группы все больше склонялись к сотрудничеству с британцами. В конечном итоге индийский бизнес выступил за перемены в политике Конгресса – от массовых движений к конституционным мерам, включая участие в провинциальных правительствах. Именно в этом направлении шло лоббирование интересов индийского бизнеса в политическом руководстве Конгресса. В октябре 1933 г. появились планы возрождения Партии свараджа. В апреле 1934 г. эти планы были поддержаны рядом видных конгрессистов, такими как Бхулабхаи Десаи, М.А. Ансари и Б.Ч. Рой. Тогда же Ганди писал Бирле: «В Конгрессе всегда будет партия, которая поддерживает участие в законодательных органах. Бразды правления Конгресса должны быть в руках этой группы»⁴³⁴.

В середине 1930-х годов в Конгрессе произошло сближение ортодоксальных приверженцев гандистской конструктивной программы и сторонников участия в законодательных органах. Оно было направлено против растущего влияния левых в партии, главным образом Дж. Неру. Крупный бизнес сыграл важную роль в процессе формирования и укрепления правого крыла в Конгрессе в лице таких авторитетных конгрессистов, как Раджендра Прасад, Раджагопалачари, Валлабхаи Патель и Крипалани.

Глава 14 РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ИНДИИ

Борьба социалистов и консерваторов в Конгрессе

В середине 1930-х годов по мере нарастания национально-освободительного движения и вовлечения в него широких народных масс Конгресс стал испытывать сильное давление со стороны левого молодежного крыла партии, наиболее яркими представителями которого были Джавахарлал Неру и Субхас Чандра Бос. Оба выступали сторонниками развития Индии по социалистическому пути.

Левые идеи и левое движение в Индии имели глубокие корни. В первые годы после создания Конгресса некоторые из его лидеров поддерживали связи с руководителями рабочих движений в Европе. Более того, даже умеренные конгрессисты, такие как Дадабай Наороджи, обращались за поддержкой к английским социалистам в борьбе за освобождение Индии от британского господства. В ответ на критику со стороны консервативно настроенных националистов Наороджи писал в 1901 г.: «Не следует поддаваться предрассудкам в связи с тем, что именно социалисты помогают нам... Наша неожиданная удача состоит в том, что делом Индии заинтересовалась мощная и растущая организация, которой во многом принадлежит будущее»⁴³⁵.

Другой видный общественный деятель того времени М.Г. Ранаде подчеркивал, что теория *laissez-faire* не является универсальной и не может без ограничений применяться ко всем странам. В такой бедной стране, как Индия, государство должно играть активную роль в экономическом развитии. Государство, отмечал он, все больше признается как национальный орган, обязанный проявлять заботу о национальных нуждах в тех вопросах, в которых индивидуальные и кооперативные усилия, по всей видимости, не настолько эффективны и экономичны, как усилия государства⁴³⁶.

Социалисты в Великобритании указывали на то, что колониальное господство является главной сутью британского империализма. Эта идея привлекла внимание индийских общественных деятелей. Ссылки на социализм стали появляться в речах и статьях индийцев

уже в начале XX в. После окончания Первой мировой войны Лала Ладжпат Рай заявил, что Индия должна придерживаться целей, выдвигаемых Лейбористской партией Великобритании. Он утверждал, что анализ К. Маркса пороков капиталистического общества оказался правильным. Однако Лала Ладжпат Рай не был марксистом и не разделял доктрину коммунизма⁴³⁷. Но на Лала Ладжпата Рая, а за ним и на лидера бенгальской организации Конгресса Бепин Чандра Пала большое влияние оказала Октябрьская революция 1917 г. в России. В этой связи они не раз предупреждали, что если в Индии не будут предприняты адекватные меры по исправлению сложившегося положения, то это может привести к такому же взрыву, как в России.

Вместе с тем представления Лала Ладжпата Рая и Б.Ч. Пала о социализме не были четкими и последовательными. Так, Пал говорил об «индусском социализме» и даже о «языческом социализме». А Лала Ладжпат Рай писал: «Мы знаем, что не можем идти под флагом социализма. Мы никогда не изучали его». По сути дела, до революции 1917 г. в России лишь немногие индийцы были знакомы с социалистическими идеями⁴³⁸.

В это время в Конгрессе обозначились три главных направления деятельности: осуществление гандистской конструктивной программы, работа в законодательных органах и пропаганда социалистической идеологии.

Первое направление пользовалось широкой поддержкой консервативных лидеров Конгресса и деятелей культуры, таких как Рабиндранат Тагор, известных ученых – Дж.Ч. Боса, Ч.В. Рамана, а также промышленников, в том числе Г.Д. Бирлы. В декабре 1914 г., в соответствии с решением Конгресса, была основана Всеиндийская ассоциация по развитию сельской промышленности под руководством Ганди и при финансовой помощи Джамналы Баджаджа.

В мае 1934 г. ВИКК разработал программу участия Конгресса в законодательных органах с целью широкого использования имеющихся конституционных возможностей. В подготовленном Ганди предвыборном манифесте Конгресса на выборах в Центральное законодательное собрание 1934 г. были отвергнуты идеи, содержащиеся в Белой книге правительства, прежде всего «Общинное решение». В манифесте выдвигалось требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщих выборов, а также реализации основных прав и экономической программы, содержащихся в решениях Конгресса в Карачи (1931 г.).

В отличие от этих двух направлений, в Конгрессе стала набирать силу социалистическая идея, особенно поддержанная молодежью и студенчеством. Лидером продвижения этой идеи стал Дж. Неру.

На него сильное впечатление произвело посещение Советского Союза (1927 г.), и особенно заметный его прогресс в ликвидации неграмотности, в образовании и эмансипации женщин. Неру писал, что социализм и марксизм стали символом стремления к социальной справедливости и пользовались огромным влиянием в массах. Человечеству, полагал он, нужна вера в «достойный идеал» для того, чтобы сделать жизнь осмысленной и сплотить всех вместе, нужно «чувство цели», выходящее за пределы материальных потребностей ежедневной жизни. В 1929 г. на сессии Конгресса в Лахоре и позже он неоднократно заявлял о том, что борьба Индии за освобождение связана с борьбой против капитализма и империализма. По его мнению, индийский национализм должен дополняться идеологией социальной революции.

В 1933 г. Неру писал своей дочери Индире: «Существует, как я говорил тебе, много разновидностей социализма. Однако все согласны в том, что целью социализма является установление контроля государства над средствами производства – то есть над землей, рудниками, заводами и тому подобное – и средствами распределения, такими как железные дороги и т.д., а также над банками и другими подобными учреждениями. Идея состоит в том, чтобы не допускать эксплуатации частными лицами этих средств, или учреждений, или труда других людей в интересах личной выгоды. Сегодня большинство этих средств находится во владении частных собственников и эксплуатируется ими, в результате чего некоторые люди преуспевают и богатеют, а обществу в целом наносится большой ущерб, и народные массы остаются в бедности»⁴³⁹.

Неру глубоко изучал марксизм, так как считал, что эта теория «приводит в движение огромные массы мужчин и женщин и может оказаться полезной для нас в нашей собственной стране». Некоторые соратники Неру, в том числе Субхас Чандра Бос, подвергали его критике за недостаточно определенную интерпретацию социализма. На это Неру отвечал: «Я думаю, что по темпераменту и по образованию я – индивидуалист, а интеллектуально – социалист... Я надеюсь, что социализм не убивает и не подавляет индивидуальность. По существу, социализм привлекает меня потому, что он освобождает бесчисленное число людей от экономической и культурной зависимости»⁴⁴⁰.

В свою очередь, Субхас Чандра Бос считал, что главное содержание социализма состоит в борьбе за улучшение положения бедноты. Для него социализм не был новым учением, импортированным из Европы, а представлял собой реализацию на практике идей Вивекананды о служении обществу и уходил корнями в индийскую культурную традицию. «Этот социализм, – писал Бос, – не рождается из книг Карла Маркса. Он берет свое начало в общественной мысли и

культуре Индии. Евангелие демократии, которое проповедовал Свами Вивекананда, нашло свое полное воплощение в работах Дешбандху Даса, который говорил, что Бог живет с теми, кто пашет землю, зарабатывает свой хлеб в поте лица... Идея социализма не является новой в этой стране»⁴⁴¹.

Резолюция сессии Конгресса в Карачи давала левым основание для расширения их деятельности. В ней, в частности, говорилось: «Государство должно владеть ключевыми отраслями промышленности и сервиса, минеральными ресурсами, железными дорогами, водными путями, морскими и другими средствами общественного транспорта или контролировать их»⁴⁴².

В 1933 г. левые стали серьезно подумывать о создании своей организации внутри Конгресса, особенно после того, как Ганди приостановил в 1933 г. движение гражданского неповиновения. По мнению Виталбхай Пателя и Субхас Чандра Боса, это действие Ганди является «признанием провала» нынешних методов Конгресса. Более того, они вполне определенно высказались в том духе, что Ганди как политический лидер «потерпел неудачу». Поэтому пришло время для радикальной реорганизации Конгресса. Если этого не произойдет, то должна быть создана «новая партия внутри Конгресса, состоящая из радикальных элементов»⁴⁴³.

В своей «Автобиографии», написанной в период с июня 1934 г. по февраль 1935 г., Неру подчеркивает: «Мы неизбежно приходим к единственно возможному решению – установлению социалистического строя сначала в национальных границах, а в конечном счете во всем мире, с контролируемым производством и распределением богатств в интересах общества». При всем уважении к Ганди, Неру отмечал, что руководимое им движение за внедрение ручного прядения и ручного ткачества ведет к «возврату в доиндустриальную эпоху. Оно не может считаться серьезным решением какой-либо жизненно важной современной проблемы». Неру подвергал критике ключевую гандистскую теорию опеки. Он говорил: «Разумно ли верить в теорию опеки – предоставлять неограниченную власть и богатство отдельному лицу и ожидать, что оно целиком употребит их на благо общества?.. Настолько ли совершенны лучшие из нас, чтобы им можно было так доверять?.. А хорошо ли для других иметь над собой даже этих добродетельных сверхчеловеков?».

Неру признавался, что результаты его социалистической пропаганды «обескуражили» даже некоторых его коллег по Рабочему комитету. «Мои действия в известной степени начали пугать привилегированные классы в стране, и моя деятельность уже не могла больше считаться безобидной»⁴⁴⁴.

Кроме Неру о социализме стали говорить и другие деятели. Джайпракаш Нараян, Пхулан Прасад Варма и Рахул Санкритьян в 1931 г. в Бихаре создали социалистическую партию. Такие же партии или группы были сформированы в Соединенных провинциях, в Бомбее и Панджабе. А в 1933 г. группа молодых социалистов, в которую входили Дж. Нараян, Ачют Патвардхан, М.С. Масани, Ашок Мехта, С.М. Джоши, Т.Дж. Горе и М.Л. Дантвала, выступила с идеей образования всеиндийской социалистической организации в составе Конгресса. В апреле 1934 г. член ВИКК Сампурнананда опубликовал брошюру под названием «Примерная социалистическая программа» для Индии, в которой обосновывал необходимость создания всеиндийской социалистической партии как крыла Конгресса. Была обозначена цель этой партии – противостоять «капиталистам и крупной буржуазии», которые пытаются «активно внедриться в различные псевдонациональные организации».

Программой предусматривалось в случае получения власти отменить систему заминдари, ввести государственную собственность на землю, национализировать промышленность и банки, установить минимальные и максимальные размеры заработной платы⁴⁴⁵.

17 мая 1934 г. в Патне состоялась первая Всеиндийская конференция социалистов под председательством Ачарья Нарендра Дева. На конференции было заявлено, что социалисты, находясь внутри Конгресса, будут вести пропаганду с целью расширения массовой базы национально-освободительной борьбы. Конференция обратилась к Конгрессу с призывом принять «социалистическую по своим целям» программу, чтобы обеспечить экономическую свободу голодающим миллионам. Конгресс-социалисты придерживались теории классовой борьбы. Они выступали за обобществление средств производства и ставили своей задачей добиться цели законными и мирными средствами, но не придерживались гандистской доктрины ненасилия. В качестве ближайшей задачи они рассматривали достижение независимости под руководством Конгресса. При этом они хотели одновременно бороться против как британской власти, так и индийских капиталистов, помещиков и князей. Рабочий комитет Конгресса, состоявший в основном из правых консерваторов, в июне 1934 г. осудил конгресс-социалистов за пропаганду классовой войны и «пустые разговоры» о конфискации собственности⁴⁴⁶.

Ганди выступал против доктрины социализма. Он считал, что социализм и коммунизм Запада основаны на концепциях, «фундаментально отличных» от индийских. Они предполагают, что человек по своей сути корыстолюбив и эгоистичен, и поэтому переход к со-

циализму невозможен без насилия. В то же время, писал Ганди, в индуизме заложена духовность человека, и в силу этого он может подняться над корыстью и эгоизмом. Поэтому, объяснял Ганди, он не верил в неизбежность классовых войн, ибо они «чужды духу индийского гения, способного выработать такую форму коммунизма, которая основана на фундаментальных правах всех и равной справедливости для каждого». Ганди говорил: «*Рамараджья* моей мечты обеспечивает права как принца, так и нищего». Индийский социализм, указывал он, должен «базироваться на ненасилии и на гармоничном сотрудничестве труда и капитала, помещика и арендатора»⁴⁴⁷. Ганди считал социалистов непрактичными в их подходах и вместо «научного социализма» просил их разработать социализм, который учитывал бы индийские условия.

Осознавая рост влияния социалистов в Конгрессе, Ганди даже угрожал уйти в отставку. 17 сентября 1934 г. он заявил: «Если они (социалисты) возьмут верх в Конгрессе (что они могут сделать), я не смогу оставаться в Конгрессе. Я не могу и подумать о том, чтобы находиться в активной оппозиции»⁴⁴⁸.

Конгресс-социалисты и их программа

В 1934 г. Неру и Бос приняли активное участие в создании в рамках Индийского национального конгресса Конгресс-социалистической партии, в которую вступили как социалисты, так и коммунисты. Одним из лидеров этой партии стал Джайпракаш Нараян (1902–1979), жизненный путь которого совпал с процессом зарождения и развития социалистических идей в Индии. Выходец из небогатой крестьянской семьи в бихарской деревне Нараян рано вовлекся в национально-революционное движение. В 1921 г. он прервал учебу в колледже, чтобы по призыву Ганди участвовать в первой кампании гражданского несотрудничества, но уже через год уехал для продолжения учебы в Америку. «Выглядит довольно странным, – писал он, – что именно в стране процветающего и успешного капитализма – в Соединенных Штатах Америки, которые стали моим домом с 1922 г. по 1929 г., я стал последователем марксизма, или точнее – советского коммунизма, каким он тогда был». По мысли Нараяна, «марксова наука революции» тогда предлагала более верный и быстрый путь к свободе Индии, чем гражданское неповиновение и несотрудничество, которые практиковал Ганди. Марксизм был также привлекателен своими идеями равенства и братства⁴⁴⁹.

Вернувшись в Индию в конце 1929 г., Нараян обнаружил, что ситуация в стране оказалась не очень благоприятной для марксизма. В тот год большая группа видных коммунистов на Мирутском процессе была обвинена в «заговоре» против английских властей, часть из них была приговорена к пожизненной ссылке, остальные – к длительным срокам заключения. Оставшиеся на свободе коммунисты находились в подполье, но даже в подполье, по словам Нараяна, они не участвовали в национально-освободительном движении, поскольку считали его «буржуазным». Нараян держался в стороне от коммунистов, разногласия с которыми стали «началом его идеологического отхода от Советской России». В своей работе «Социализм, сарводая и демократия» он высказал сожаление по поводу того, что в свое время согласился на участие коммунистов в Конгресс-социалистической партии. Он считал это ошибкой и этим объяснял переход Юга страны под влияние компартии.

Позже Нараян писал, что советский опыт позволил ему понять, что социализм не является простым отрицанием капитализма, что можно разрушить капитализм, но продолжать оставаться далеким не только от целей социализма, но даже подрывать веру в него. Он объяснял это сверхцентрализацией политической и экономической власти и тотальным огосударствлением всего и вся. Ускоренный, насильственный процесс индустриализации, отмечал Нараян, сопровождавшийся подавлением свобод, был чреват негативными последствиями для промышленно отсталых азиатских стран. Поэтому Азия должна была найти собственный путь к социализму, а также выработать свои темпы индустриализации, чтобы исключить возможность диктатуры⁴⁵⁰.

На конференции в Патне (1934 г.) Нарендра Дева заявил: «Наша обязанность состоит в том, чтобы найти способы усилить национальную борьбу, которая до сих пор была преимущественно движением среднего класса. Я считаю, что единственный способ сделать это состоит в расширении базы этого движения при помощи организации масс на экономической и классовой основе»⁴⁵¹.

Первая сессия Конгресс-социалистической партии состоялась 21–22 октября 1934 г. в Бомбее под председательством Сампурнананда. Присутствовало 150 делегатов из всех провинций. Был избран национальный исполком партии: генеральный секретарь Джайпракаш Нараян, секретари – М.Р. Масани, Моханлал Гаутам, Н.Г. Горе, Э.М.Ш. Намбудирипад (один из лидеров компартии Индии) и 11 членов исполкома, в том числе Сампурнананда, Раммохан Лохия и Ачют Патвардхан. Был принят устав партии, чле-

нами которой могли быть только конгрессисты. Уставом определялся и план действия партии. Им предусматривалось: работа внутри Конгресса, чтобы добиться признания им целей и программы Конгресс-социалистической партии; организация рабочих и крестьянских союзов для создания мощного массового движения с целью достижения независимости и социализма; создание молодежных лиг, женских и других добровольных организаций для поддержки программных установок партии; активная оппозиция всем империалистическим войнам и использование войн и других кризисов для усиления национально-освободительной борьбы; отказ вступать в переговоры с британским правительством по конституционным вопросам⁴⁵².

Конгресс-социалистическая партия выступала против применения насилия при проведении социально-экономических преобразований. Конгресс-социалисты требовали активизации национально-освободительной борьбы, а также скорейшего удовлетворения экономических требований. Они также настойчиво подчеркивали, что действуют в рамках Конгресса.

Сессия Конгресс-социалистической партии дала свое определение понятию «независимость»: «Создание независимого государства, в котором власть будет принадлежать трудящимся. И это означало отказ пойти на компромисс с британским империализмом». Конгресс-социалисты также отказались принимать участие в выборах в законодательные органы и занимать какие-либо посты в самом Конгрессе⁴⁵³.

Если Дж. Неру и С.Ч. Бос поддержали создание Конгресс-социалистической партии, то правые в Конгрессе (Валлабхаи Пател, Бхулабхаи Десаи и другие) выступили с резкой критикой конгресс-социалистов. Они заявили, что те ослабляют Конгресс и тормозят продвижение страны к независимости.

Поскольку компартия Индии формально была объявлена властями вне закона с 1934 г., ее руководство приняло решение об участии ее членов в деятельности Конгресс-социалистической партии на индивидуальной основе. Многие видные руководители КПИ стали ее членами.

Формальный уход Ганди из Конгресса на его сессии в Бомбее в октябре 1934 г. способствовал тому, что в партии наметилось разделение на левых и правых. Фактическим руководителем левых стал Дж. Неру. Правые состояли из последователей Ганди, который оставался их неформальным лидером. Они располагали большинством в Рабочем комитете и в целом в Конгрессе. Однако в 1935 г. по совету Ганди Неру был вновь избран президентом Конгресса.

Предполагалось, что он должен был служить своеобразным «мостом» между левыми и правыми.

В 1936 г. Конгресс-социалистическая партия опубликовала брошюру «Почему нужен социализм?», которая, по существу, представляла собой программу новой партии. В ней поднимался ряд принципиальных вопросов. Основной из них – неравенство в индийском обществе, неравноправное распределение произведенных товаров и услуг. С одной стороны, бедность, голод, болезни, неграмотность подавляющего большинства населения, с другой – комфорт, роскошь, высокий статус, достояния культуры и власть в руках немногих. Решение вопроса равенства является центральной проблемой общества. Филантропия, благотворительность абсолютно неадекватны, чтобы добиться этого. Конгресс-социалисты отвергли гандистскую теорию опеки, заявив, что было бы совершенно бесплодным ожидать, что богатые будут выступать в качестве опекунов бедных.

Программа утверждала, что главным принципом социализма является обобществление средств производства. Для этого нужно упразднить частную собственность на эти средства, а также на банки, транспорт и т.д. При этом конгресс-социалисты предупреждали, что построение социализма – это длительный процесс. Программа их действий включала: передачу всей власти трудящимся массам; планирование и контроль государства над экономической жизнью в стране; обобществление основных отраслей промышленности и сферы обслуживания (металлургии, шахт, текстильных фабрик, плантаций, транспорта, банков, страховых компаний и т.д.); государственную монополию на внешнюю торговлю, устранение князей и помещиков без компенсации; перераспределение земли в пользу крестьян; ликвидацию долгов крестьян и рабочих; осуществление принципа «каждому по потребностям, от каждого по способностям»; всеобщее избирательное право; упразднение дискриминации по признаку пола и т.д.⁴⁵⁴

Неру в качестве президента на сессии Конгресса в Лакхнау в 1936 г. заявил о приверженности социализму как единственному средству для решения проблем Индии. Это означает, сказал он, «огромные революционные изменения в нашей политической и социальной структуре. Нужно положить конец власти корыстных интересов в деревне и в промышленности, системе феодальных авторитарных княжеств. Нужно положить конец частной собственности, за исключением отдельных случаев, и заменить существующую систему получения прибыли более высокими идеалами кооперативного служения»⁴⁵⁵.

Глава 15

ИНДИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Закон об управлении Индией 1935 г.

В августе 1935 г. правительство Великобритании приняло Закон об управлении Индией, который еще называли «конституцией 1935 г.». Закончился долгий процесс, начатый первой поездкой комиссии Саймона в Индию, в котором предложения индийцев, по существу, были отвергнуты. Реальное участие индийских представителей в подготовке этого закона было ничтожным. Третья (и последняя) конференция круглого стола в Лондоне (ноябрь – декабрь 1932 г.) с участием 46 делегатов (в 1931 г. их было 112) была сугубо формальным мероприятием. После нее британское правительство создало так называемый Совместный комитет парламента для «проведения консультаций» с индийцами. Окончательный текст Закона об управлении Индией обсуждался только в британском парламенте.

Под давлением консервативного крыла парламента во главе с У. Черчиллем выборы в Индии на федеральном уровне были заменены с прямых на не прямые, расширены и укреплены полномочия исполнительной, то есть британской, власти в Индии. Верховная власть в стране по-прежнему оставалась в руках англичан.

Единственным заметным шагом вперед была так называемая провинциальная автономия. Она предполагала расширение электората на выборах в законодательные собрания в провинциях с 6,6 до 30 млн. человек (с 3 до 16% взрослого населения). Предусмотренная Законом 1919 г. диархия была упразднена и заменена на «ответственные» (перед собранием) правительства в провинциях.

У губернаторов оставалось право вето. Они сохраняли полномочия издавать указы, давать согласие или отклонять законопроекты. Более того, они могли на неопределенное время полностью брать власть в свои руки в случае нарушения правопорядка. Министры провинциальных правительств должны были назначаться из состава избранных членов законодательных собраний, но были ограничены в своих правах. Так, они могли «давать советы» по таким вопросам, как интересы британского бизнеса, привилегии гражданских (то есть

преимущественно британских) служащих, по вопросам меньшинств и т.п., но их предложения могли быть отклонены губернатором.

Выборы должны были проводиться в избирательных куриях, которые якобы обеспечивали права всех групп и слоев населения, с учетом религиозно-общинного, кастового, этнического и иных факторов. С этой целью было создано 12 курий (в том числе и с учетом «Общинного решения», которое приняло во внимание предложения Пунского пакта). Среди этих курий были: общая (то есть индусская, включавшая и зарегистрированные касты – неприкасаемых и к тому же поделенная на городскую и деревенскую), мусульманская, сикхская, христианская, англо-индийская, европейская и т.д. Вместе с тем некоторым слоям и группам было отдано предпочтение, с учетом интересов британской власти. Так, мусульмане получили определенное преимущество (по сравнению с их долей в населении) перед индусами.

«Федеральная схема» закона 1935 г. предусматривала сохранение сильного центра под контролем вице-короля, назначаемого, как и ранее, правительством Великобритании и ответственного только перед ним. В свою очередь, совет министров Индии должен был подчиняться только вице-королю. Центральное законодательное собрание должно состоять из двух палат: Государственного совета – верхней палаты (в составе 276 членов, из которых 104 назначались князьями) и Федеральной ассамблеи – нижней палаты (375 членов, от княжеств – 125). Депутаты в Центральное законодательное собрание должны были избираться членами законодательных собраний провинций.

Центральное законодательное собрание получало право принимать законы. Однако вице-король сохранял право вето и право издавать указы, имеющие силу законов. Кроме того, в исключительной компетенции вице-короля находились вопросы, связанные с внешними сношениями и обороной Индии. Его контроль также распространялся на создаваемый центральный резервный банк, на финансовую сферу, включая три четверти бюджета Индии. Вице-король контролировал железные дороги. Как «представитель короны» вице-король получил право прямых сношений с князьями через бюрократические структуры – политический департамент, местных резидентов и политических агентов⁴⁵⁶.

И пожалуй, самое главное состояло в том, что закон 1935 г. не обмолвился ни словом о статусе доминиона для Индии. Индийцы не получили контроля над колониальной администрацией и не могли изменить новую конституцию. Политика в стране по-прежнему формировалась в Лондоне. В соответствии с конституцией, члены законодательных собраний должны были избираться на основе

Общинного решения, которое подрывало солидарность и единство индийского народа. Неру назвал новую конституцию «машинной с тормозами, но без мотора». Джинна описал ее как «насквозь прогнившую, фундаментально плохую и абсолютно неприемлемую»⁴⁵⁷. Линлитгоу – председатель Совместного парламентского комитета, а с 1936 г. вице-король Индии, писал в 1939 г.: закон 1935 г. был «лучшим способом... сохранить британское влияние в Индии. В нашу политику не входит ускоренная передача власти в индийские руки, раньше, чем мы считаем нужным, ее цель состоит в том, чтобы в длительной перспективе удержать Индию в составе Империи»⁴⁵⁸.

В более дипломатичном, но, по существу, в таком же духе говорил об этом законе министр по делам Индии С. Хор: «Я, разумеется, не считаю, что самоуправление [для Индии] само по себе предпочтительнее хорошего [то есть британского] правления». Несколько раньше, в период подготовки закона, премьер-министр Великобритании Макдональд четко зафиксировал, что «точная форма и структура нового федерального правительства Индии должна быть определена после дальнейших обсуждений между князьями и представителями Британской Индии», а по существу, с представителями Короны⁴⁵⁹.

Закон 1935 г. встретил оппозицию почти всех политических групп и ориентаций. Дж. Неру назвал его «ублюдочным федерализмом», который содержал некоторые возможности для местных правительств в провинциях. Этот «подарок» был сделан в год золотого юбилея Конгресса, когда партия была фактически запрещена и не смогла провести свою ежегодную сессию. Неру считал, что «сотрудничество с британской властью представляет серьезную опасность для борьбы за независимость. Он выражал опасение, что закон 1935 г. расколется нацию на несколько религиозных и социальных групп во имя справедливости по отношению к меньшинствам»⁴⁶⁰.

В свою очередь, мусульманские лидеры также не были согласны с законом 1935 г., так как, по их мнению, он создавал унитарное государство, что вело к доминированию индусского большинства. А конгрессисты выступили против предлагаемой федерализации Индии. Против «Федеральной схемы» высказались и индийские князья, поскольку они могли потерять значительную часть власти в случае вхождения в состав федерации. В результате «Федеральная схема» была отвергнута Центральным законодательным собранием. Выборы в провинциальные собрания были назначены на начало 1937 г.

Но в Конгрессе дискуссия продолжалась. На сессии партии в декабре 1936 г. левые подвергли жесткой критике Закон об управлении Индией 1935 г. и потребовали созыва Учредительного собрания. Выступая в качестве президента Конгресса на этой сессии, Неру

сказал, что закон 1935 г. увековечивает империалистическое господство и эксплуатацию индийского народа⁴⁶¹. И тем не менее, правое большинство в руководстве партии сумело провести решение об участии в выборах в провинциальные собрания. В связи с этой победой правых Г.Д. Бирла писал: «Махатма Ганди сдержал свое обещание и, не произнеся ни единого слова, добился того, что Конгресс не взял на себя никаких новых обязательств. Речь Неру, по сути, была выброшена в мусорную корзину, поскольку все принятые резолюции были направлены против этой речи. Он мог бы пойти на раскол партии, заявив о своей отставке. Но он не сделал этого»⁴⁶².

Дискуссия по закону 1935 г. фактически вышла за рамки этой проблемы. Неру, по существу, был вынужден признать свое поражение, когда из 15 членов Рабочего комитета партии он был вынужден назначить 10 правых конгрессистов – последователей Ганди. Кроме самого Неру, в состав Рабочего комитета вошли еще три конгресс-социалиста (Нарендра Дева, Джайпракаш Нараян и Ачут Патвардхан) и один левый член Конгресса С.Ч. Бос, который сидел в тюрьме. Таким образом, Ганди, не принимавший участия в работе сессии Конгресса, продемонстрировал свое решающее влияние в партии.

Тем не менее, Неру продолжал пропагандировать свои социалистические идеи, но уже в личном качестве. Он выступал на сессии Всеиндийского конгресса профсоюзов, собраниях Конгресс-социалистической партии, митингах рабочих. Это вызывало противодействие как в Конгрессе, так и за его пределами. Так, группа из 21 ведущих бизнесменов Бомбея выступила с заявлением, осуждающим Неру за «деструктивную и подрывную программу», которая ведет к «хаосу и препятствует достижению самоуправления»⁴⁶³.

В июне 1936 г. в знак протеста против выступлений Неру и конгресс-социалистов семь правых членов Рабочего комитета (Раджендра Прасад, Валлабхаи Патель, Ч. Раджагопалачари, Дж.Б. Крипалани и другие) подали в отставку. Они объясняли это следующим: «Настойчивая пропаганда социализма президентом Конгресса и другими социалистами – членами Рабочего комитета, в то время как Конгресс не принял их программу, наносит ущерб интересам страны и национальной борьбе за освобождение», а также ослабляет Конгресс⁴⁶⁴.

Раскол в Конгрессе казался неизбежным. Но тут вмешался Ганди. В результате все семь правых членов Рабочего комитета отозвали свои заявления об отставке при условии, что в ближайшем будущем Неру, как президент партии, будет представлять точку зрения большинства. Раскол был преодолен, но Неру был вынужден пойти на компромисс. Он сместил акценты в своих выступлениях. Теперь он стал говорить, что вначале должна быть достигнута независимость и

только потом может быть социализм или попытка построить его. Он также выдвинул идею создания «мощного антиимпериалистического фронта» во главе с Конгрессом⁴⁶⁵.

В конце 1936 г. очередная сессия Конгресса проводилась по желанию Ганди в деревне Фаизпур (дистрикт Восточный Хандеш Бомбейского президентства). Снова встал вопрос о будущем президенте партии. Многие в партии требовали переизбрания Неру на этот пост. Другим кандидатом был Валлабхаи Патель. Но он отказался от борьбы. И Неру вновь был избран президентом партии. В своей речи он заявил: «Сегодня Конгресс выступает за полную демократию в Индии и борется за демократическое государство, а не за социализм»⁴⁶⁶.

Выборы в провинциальные собрания 1937 г.

В своем предвыборном манифесте Конгресс потребовал отмены закона 1935 г., созыва Учредительного собрания для подготовки конституции страны на основе предоставления Индии полной независимости. Среди других требований была реформа в аграрной сфере, равные права для мужчин и женщин, ликвидация неприкасаемости и т.д. Во время подготовки к выборам Хинду махасабха вела агитацию под лозунгом «Индия для индусов». Мусульманские партии пропагандировали единство их действий на основе «Общинного решения».

В выборах 1937 г. приняли участие 15,5 млн. (54%) из 30 млн. избирателей. Конгресс завоевал большинство мест в провинциальных собраниях (714 из 1585). Он добился абсолютного большинства в пяти провинциях из 11 (Мадрасе, Бихаре, Ориссе, Центральные провинции и Соединенных провинциях). Еще в четырех провинциях Конгресс не получил большинства мест, но стал самой крупной партией в собраниях (Бомбее, Бенгалии, Ассаме, СЗПП). Он также выиграл большинство мест, зарезервированных для зарегистрированных каст. Лишь в Бомбее он уступил по этому показателю Независимой лейбористской партии Амбедкара, которая завоевала 13 из 15 таких мест⁴⁶⁷. В округах, отведенных для мусульман (482), Конгресс выдвинул 58 кандидатов и получил всего 26 депутатских мандатов, 15 из них – в СЗПП.

Мусульманская лига получила 109 депутатских мандатов в 482 мусульманских округах. Большинство остальных мест в этих округах досталось другим мусульманским партиям. В Панджабе победу на выборах одержала Юнионистская партия во главе с Сикандером Хаят Ханом, которая до этого отказалась сотрудничать с Мусульманской

лигой под руководством Джинны⁴⁶⁸. В Синде, который выделился из Бомбея в 1934 г., большинство в собрании получила Мусульманская партия единства⁴⁶⁹. Выступление Хинду махасабхи на выборах было провальным.

После победы на выборах Конгресс оказался перед необходимостью решить вопрос о своем участии в провинциальных правительствах. В этой связи в руководстве партии развернулась серьезная борьба. Левая группировка (Неру, Сарат Чандра Бос, Джайпракаш Нараин, Ачарья Нарендра Дева и другие) выступала против участия в провинциальных правительствах. Правые (Раджендра Прасад, Валлабхаи Патель, Раджагопалачари, Бхалубхаи Десаи и другие) поддерживали идею участия в них. Ганди, который официально уже не был членом Конгресса, убедил Рабочий комитет партии дать согласие на участие в правительствах. После продолжительных дебатов резолюция была принята ВИКК большинством в 135 голосов против 78.

В резолюции отмечалось: выборы продемонстрировали, что избиратели отвергли закон 1935 г. и изъявили желание создать свою собственную конституцию на основе независимости Индии. Для этой цели должно быть избрано Учредительное собрание.

19–20 марта 1937 г. все избранные на выборах конгрессисты собрались в Дели на национальной конвенции, где резко осудили закон 1935 г. и заявили, что индийский народ не примет конституцию, созданную какой-либо иностранной державой. Конвенция дала согласие на формирование конгрессистских правительств в провинциях при условии, если губернаторы дадут заверения, что не будут использовать свои особые полномочия, которые позволяли бы им вмешиваться в дела правительств и отклонять их решения.

Однако губернаторы, ссылаясь на закон 1935 г., не были готовы пойти на это. Жесткая дискуссия между руководством Конгресса и британскими властями продолжалась несколько месяцев. В конце июня вице-король Линлитгоу выступил с примирительным заявлением, в котором отмечалось, что суть провинциальной автономии состоит в сотрудничестве губернатора и министров. В его заявлении не давалось каких-либо конкретных заверений по вопросам, поднятым Конгрессом. Рабочий комитет Конгресса на заседании в начале июля 1937 г. рассмотрел заявление вице-короля и разрешил конгрессистам сформировать правительства. При этом Неру, в то время президент партии, сказал, что это согласие «не означает принятия Конгрессом рабской конституции. Оно означает борьбу против федерации всеми способами, имеющимися в нашем распоряжении, как внутри законодательных собраний, так и вне их»⁴⁷⁰.

Сначала Конгресс сформировал свои правительства в шести провинциях, в сентябре 1937 г. к ним прибавилось правительство мусульманского отделения Конгресса в СЗПП во главе с Хан Сахибом – братом Абдул Гаффар Хана, известного как «пограничный Ганди»⁴⁷¹. Не последнюю роль в этом сыграло то, что в соответствии с Общинным решением 1932 г., в СЗПП немусульманам, составлявшим всего 8% населения, в законодательном собрании выделялось 28% мест. В марте 1938 г. было сформировано конгрессистское правительство в Ассаме. Таким образом, Конгресс возглавил правительства в восьми из 11 провинций⁴⁷².

Сформирование собственных правительств в провинциях сопровождалось определенной эйфорией среди конгрессистов, тем более что часть политических узников стала министрами и депутатами. В новых законодательных собраниях звучала национальная песня «Ванде Матарам», на флагштоке развевался конгрессистский флаг. Общее настроение в обществе способствовало укреплению антибританских настроений и созданию патриотических организаций, в том числе и в княжествах. Увеличилось число рабочих и крестьянских организаций. Членство в Конгрессе за год, с 1936 г., выросло с 3,1 до 4,5 млн. человек.

Между тем очень скоро обнаружили и серьезные проблемы. Создалась парадоксальная ситуация в провинциях, когда правительства Конгресса, призывающие к независимости и критически относящиеся к закону 1935 г., должны были действовать в рамках этого самого закона и были крайне ограничены в своих политических и финансовых возможностях. Более того, они вынуждены были опираться на колониальный административный аппарат и полицию.

Одна из самых крупных проблем, с которой пришлось столкнуться этим правительствам, состояла в необходимости учета сложного комплекса вопросов, связанных с интересами религиозных общин и разных социально-классовых групп. Наиболее важными из них были отношения между индусами и мусульманами.

Очень серьезным по своим политическим последствиям, которые привели к ухудшению отношений между Конгрессом и Мусульманской лигой, был отказ Конгресса сотрудничать с Лигой во всех провинциях, где он сформировал правительства. Наиболее болезненным для Лиги оказался отказ президента Конгресса Дж. Неру предоставить ей два места в правительстве Соединенных провинций. Хотя формально Неру был прав, так как его партия располагала абсолютным большинством в законодательном собрании провинции. Вместе с тем сам Неру, а также Нарендра Дева и К.М. Ашраф поставили своей задачей в Соединенных провинциях

завоевание на сторону Конгресса мусульман при помощи «массовых контактов» с ними. При этом они рассчитывали на сотрудничество с рядом мусульманских организаций в Панджабе, СЗП и Бенгалии, которые могли бы бросить вызов Лиге и ее претензиям на представительство мусульман всей Индии. Фактически Конгресс добивался самороспуска Лиги⁴⁷³.

Однако Мусульманская лига предприняла решительные и успешные шаги, которые позволили ей укрепить свое влияние в Соединенных провинциях. Она, в частности, обвинила Конгресс в разжигании «классовой ненависти и религиозно-общинной войны». Ей удалось в течение нескольких месяцев привлечь в свои ряды более 100 тыс. новых членов.

С другой стороны, правительство Конгресса в Соединенных провинциях оказалось неспособным провести заявленные им социально-экономические реформы в пользу бедных слоев общества, включая мусульман. «Массовые контакты» с мусульманами, по существу, остались на бумаге. К тому же секулярная, а также радикальная индусская риторика насторожила мусульман. Похожие процессы происходили и в других провинциях.

В это же время заметно активизировали свою деятельность Хинду махасабха и РСС. В своем выступлении на сессии Хинду махасабхи в 1937 г., за три года до того как Мусульманская лига выдвинула требование создания Пакистана, ее президент В.Д. Саваркар сформулировал «теорию двух наций»: «Индию нельзя рассматривать сегодня как унитарное и однородное государство, – заявил он. – Напротив, в ней существуют две главных нации – индусы и мусульмане... Это две антагонистические нации, живущие бок о бок». И в то же время Саваркар и возглавляемая им Хинду махасабха решительно возражали против создания отдельного мусульманского государства⁴⁷⁴. На следующей сессии партии в Нагпуре в декабре 1938 г. Саваркар сказал: «Мы, индусы, сами по себе являемся нацией... Индусские националисты не должны чувствовать вину за то, что их называют индусскими коммуналистами»⁴⁷⁵.

В таком же направлении действовал и РСС под руководством К.Б. Хедгевара. Его поддерживал Б.С. Мундже, в прошлом сторонник Тилака, ставший позже лидером Хинду махасабхи. РСС распространил свое влияние из Нагпура (Центральные провинции) в Соединенные провинции, Панджаб и другие районы страны. К 1940 г., когда руководителем РСС стал Голвалкар, эта организация насчитывала около 100 тыс. дисциплинированных и хорошо тренированных членов, связанных между собой идеологией бескомпромиссного индусского шовинизма. Деятельность Хинду махасабхи и РСС никак не

способствовала привлечению мусульман на сторону Конгресса. Он рассматривался многими из них как партия индусов, несмотря на то, что Конгресс старался дистанцироваться от Хинду махасабхи и РСС.

На этот период пришлось немало индусско-мусульманских общинных столкновений в разных провинциях. Все это использовалось Мусульманской лигой для наращивания своего влияния. В эти годы Джинна приложил немало усилий, чтобы взять под контроль Лигу и другие мусульманские организации. На сессии Лиги в Лакхнау осенью 1937 г. он призвал мусульман объединяться. В декабре 1938 г. в своем президентском выступлении на сессии Мусульманской лиги Джинна заявил, что Конгресс не представляет мусульман, христиан, зарегистрированные и небрахманские касты. Он не является общенациональной организацией. «Конгресс есть не что иное, как индусская организация, – сказал Джинна. – Но он даже не представляет всех индусов... Конгресс, несомненно, самая крупная партия в стране, но не более того»⁴⁷⁶.

К этому времени среди лидеров Лиги практически созрела идея основания отдельного от Индии мусульманского государства. Не без оснований В.Я. Белокреницкий полагает, что соавтором теории Джинны о двух нациях можно считать известного поэта и философа Мухаммада Икбала, который еще в 1930 г. говорил о том, что хотел бы видеть Панджаб, СЗПП, Синд и Белуджистан объединенными в одно государство⁴⁷⁷. О том, что идея отдельного мусульманского государства давно витала в воздухе, говорит и такой факт. В 1933 г. три мусульманских студента в Кембридже, а не в Индии (!), приняли участие в подготовке брошюры «Теперь или никогда». В ней они призывали к созданию независимого Пакистана, состоящего из Панджаба, СЗПП, Кашмира, Синда и Белуджистана. Тогда впервые появилось новое слово «Пакистан»⁴⁷⁸. В письме Джинне в мае 1937 г. Икбал обосновывал необходимость создания на территории Индии «одного или большего числа мусульманских государств с абсолютным большинством мусульман»⁴⁷⁹.

До конца 1930-х годов Мусульманская лига не могла претендовать на то, чтобы представлять интересы мусульман во всей Индии. Поэтому, как отмечает историк Джудит Браун, «многие мусульманские политики сделали свою карьеру и защищали свои местные и провинциальные интересы при полном игнорировании Лиги. А правительство в поисках коллаборационистов прислушивалось к ним и реагировало на их деятельность, а не Лиги»⁴⁸⁰. Но в результате событий, которые развернулись после победы Конгресса на выборах 1937 г., ситуация изменилась. Индийские мусульмане в своем большинстве осознали необходимость сплотиться вокруг Лиги.

Ключевым моментом в развитии идеи независимого мусульманского государства стало выступление Джинны в Лахоре 22 марта 1940 г. В этот день на митинге с участием более 600 тыс. мусульман Джинна сказал, что мусульмане являются не меньшинством, а нацией. Если британское правительство желает обеспечить «мир и счастье» населению субконтинента, то единственный путь, открытый для всех, – предоставить основным народам отдельные земли, разделив Индию на «автономные национальные государства». Джинна не использовал название «Пакистан», не появилось оно и в Лахорской резолюции, единогласно одобренной на следующий день сессией Мусульманской лиги. В ней говорилось, что конституционный план не может быть принят мусульманами, если он не будет отвечать следующим основным принципам. Районы, в которых мусульмане имеют численное большинство, как в Северо-Западной и Восточной зонах Индии, должны составить независимые государства, в которых территориальные единицы будут автономными и суверенными. На вопрос, подразумевает ли резолюция одно мусульманское государство или более одного, Джинна высказался в пользу одного государства. Он назвал Лахорскую сессию Мусульманской лиги «вехой в истории Индии». На следующий день в индийских газетах Лахорская резолюция была названа Пакистанской резолюцией⁴⁸¹.

На состоявшейся в том же году сессии Конгресса в Рамгархе (Бихар) было заявлено, что «конституция Индии должна основываться на независимости, демократии и национальном единстве». Конгресс отверг «попытку расчленить Индию или разделить ее народ»⁴⁸².

Теория «двух наций» стала частью достаточно длительного исторического процесса, когда в отдельные моменты, в конкретных условиях в силу тех или иных причин обострялись отношения между двумя самыми крупными индийскими религиозными общинами – индусами и мусульманами. По большому счету, речь шла не о «нациях». Этот термин служил своеобразным цивилизационным «прикрытием» для религиозно-общинного разделения общества. Главное состояло в политическом содержании этой идеи. А именно – борьбы за власть. По мере формирования партийно-политической системы в условиях национально-освободительной борьбы решающее значение в ней стали играть три силы: английская колониальная власть, Конгресс и группировавшиеся вокруг него социальные слои, в основном индусы, и на более позднем этапе – Мусульманская лига, пользовавшаяся преимущественным влиянием среди мусульман. Были и другие, существенно менее сильные, «игроки» на этом поле – политические группы, представлявшие сикхов, неприкасаемых и другие социальные слои.

Противоречия между Ганди и Босом

Два срока президентства Неру в Конгрессе (1936 г. и 1937 г.) дали толчок развитию радикальных сил в партии. В феврале 1938 г. на сессии Конгресса в Харипуре (Гуджарат) президентом партии был избран Субхас Чандра Бос. Ганди поддержал его кандидатуру, несмотря на то, что идеологически Бос был более далек от Ганди, чем Неру. Более того, Бос неоднократно критиковал Ганди, в том числе за его теорию и практику ненасилия. Он считал, что будущее Индии связано с «радикальными и боевыми силами, готовыми пойти на жертвы и страдания ради обретения свободы». «Махатма Ганди, – писал Бос, – оказал и продолжает оказывать исключительную услугу своей стране. Но спасение Индии не будет достигнуто под его руководством»⁴⁸³.

В своем президентском выступлении на сессии в Харипуре Бос призвал к ликвидации помещичьего землевладения, отмене долгов бедных крестьян, развитию промышленности под государственным контролем. Он обратился с воззванием к левым группам в Конгрессе объединить силы для демократизации партии и ее реорганизации на широкой антиимпериалистической основе⁴⁸⁴.

По инициативе Боса и под председательством Неру был создан Плановый комитет партии, который должен был подготовить основу промышленного развития Индии. Эта идея вызвала возражения у Ганди, и он призвал своих сторонников не участвовать в работе этого комитета. Бос настойчиво призывал конгрессистов проводить жесткую политику в отношении британского правительства. Он считал, что настало время для «прямых действий» в борьбе за независимость. После подписания в сентябре 1938 г. Великобританией, Францией, Германией и Италией Мюнхенского соглашения Бос вел открытую пропаганду по всей Индии против британской власти, нацеленную на подготовку к «национальной борьбе», которая должна быть «синхронизирована с предстоящей войной в Европе»⁴⁸⁵.

Такая деятельность Боса вызывала серьезные возражения у Ганди и его сторонников. В конце 1938 г. правые в Конгрессе решили не допустить повторного избрания Боса на пост президента партии. 24 января 1939 г. семь членов правого крыла в Рабочем комитете Конгресса выступили с заявлением, в котором потребовали от Боса отказаться от выдвижения его кандидатуры на этот пост в пользу Паттабхи Ситарамай, которого поддерживал Ганди.

На выборах Бос одержал победу над Ситарамайей. После этого Ганди заявил, что поражение Ситарамай является его (Ганди) лич-

ным поражением. Победа Боса означает, писал он, что «делегаты не поддерживают мои принципы и политику». Это заявление Ганди привело к кризису в руководстве Конгресса. 22 февраля 1939 г. 12 из 15 членов Рабочего комитета партии объявили о совместной отставке. Неру подал отдельное заявление об отставке⁴⁸⁶. Таким образом, Бос оказался в изоляции вместе с братом Сарат Чандра Босом, тоже членом Рабочего комитета.

В этих условиях 10 марта 1939 г. в Трипури (дистрикт Махако-сал в Центральных провинциях) состоялась ежегодная сессия Конгресса. В своей президентской речи Бос (ее зачитал его брат Сарат Чандра Бос, поскольку Бос был тяжело болен и его принесли на заседание на носилках) предложил предъявить британскому правительству «национальные требования» в форме ультиматума. Требования включали: отклонение Закона об управлении Индией 1935 г. с его «федеральной схемой», созыв Учредительного собрания, признание права Индии на самоопределение. В случае невыполнения этих требований предлагалось начать массовое движение гражданского неповиновения. Это предложение Боса было принято на сессии партии. Конгресс также одобрил резолюцию, в которой осуждал Великобританию за «преднамеренное предательство демократии» и за то, что она постоянно поддерживала фашистские державы⁴⁸⁷.

Но для правого крыла Конгресса наиболее важными были вопросы, связанные с пребыванием Боса на посту президента партии. Чтобы ограничить возможности Боса, правые провели резолюцию, в которой президент партии должен был заручиться поддержкой Ганди при назначении членов Рабочего комитета⁴⁸⁸. На основе этой резолюции Бос вел переговоры с Ганди (обменом письмами) о составе Рабочего комитета. Эти переговоры не дали результата. Под давлением Ганди и правых в руководстве Конгресса Бос не смог сформировать Рабочий комитет и 29 апреля 1939 г. на заседании ВИКК он подал в отставку с поста президента партии⁴⁸⁹. Президентом Конгресса был избран Раджендра Прасад, который назначил в состав Рабочего комитета только приверженцев Ганди, не включив в него даже Неру.

3 мая 1939 г. Бос объявил о создании новой партии «Форвард блок», которая должна была действовать внутри Конгресса и объединять «все радикальные и антиимпериалистические силы». Однако ему не удалось привлечь на свою сторону левые силы в Конгрессе. Джайпракаш Нараян и Нарендра Дева призвали социалистов «не ослаблять Конгресс, а защитить его от тех, кто хочет подорвать его влияние и престиж». 11 августа 1939 г. Рабочий комитет партии отстранил Боса от руководства организации Конгресса в Бенгалии и

лишил его права избираться в любой руководящий орган Конгресса в течение трех лет⁴⁹⁰.

Ганди и правые в партии одержали победу над Босом, в том числе и над его радикальными планами начать массовую кампанию гражданского неповиновения британским властям.

Конгресс и Неру против фашизма

В годы, предшествовавшие Второй мировой войне, лидеры Конгресса внимательно следили за обстановкой в мире и реагировали на события, непосредственно касавшиеся вопросов свободы и независимости страны. В апреле 1936 г. они выразили протест против итальянского вторжения в Абиссинию. Тогда же Неру отклонил настойчивое предложение итальянцев о встрече с Муссолини. В своем выступлении в качестве президента Конгресса в апреле 1936 г. он сказал, что война в Абиссинии является примером того, как «жадный и хищнический империализм ведет себя в безумном стремлении к колониальному господству». Конгресс заявил, что борьба абиссинского народа является частью борьбы всех эксплуатируемых народов за свободу⁴⁹¹.

Конгресс выступил с решительной поддержкой борьбы республиканских сил Испании против фашистского режима Франко. В декабре 1936 г. на своей сессии Конгресс заявил, что гражданская война в Испании была борьбой между силами демократии и фашистской реакцией, и поэтому имела большое значение для будущего Индии и всего мира. В июне 1938 г. Неру посетил Испанию в качестве гостя республиканского правительства, чтобы лично заявить о его поддержке Индией⁴⁹².

Конгресс также осудил англо-французскую политику умиротворения гитлеровской Германии, которая завершилась Мюнхенским соглашением в сентябре 1938 г. За несколько недель до этого сговора Неру, находившийся в то время в Европе, был приглашен нацистским правительством посетить Германию. Он отказался принять это приглашение и вместо этого поехал в Чехословакию, чтобы выразить ее лидерам поддержку Индии⁴⁹³.

Конгресс занял еще более жесткую позицию по отношению к Германии, когда в марте 1939 г. она оккупировала Чехословакию. «Для нас в Индии, – писал Неру в апреле 1939 г., – наша позиция ясна: полная оппозиция фашизму и полная оппозиция империализму. Мы не собираемся отдавать наши ресурсы на защиту империи. Но мы с радостью предложим эти же ресурсы для защиты демократии в свободной Индии и других свободных странах». В мае 1939 г.

Всеиндийский комитет Конгресса заявил о своей решимости противостоять вовлечению Индии в войну без согласия индийского народа. Эта же позиция была подтверждена руководством Конгресса в августе 1939 г. Тогда же в знак протеста против отправки индийских войск в Египет и Сингапур Конгресс призвал своих членов в Центральном законодательном собрании воздержаться от участия в следующем заседании этого органа. Он также обратился к правительствам Конгресса в провинциях не поддерживать военные приготовления британского правительства⁴⁹⁴.

Еще раньше Конгресс выступил против вторжения Японии в Китай в 1937 г. В октябре того же года руководство партии заявило о своей поддержке борьбы китайского народа против империалистической агрессии Японии и призвало к бойкоту японских товаров. Впоследствии на своих ежегодных сессиях в 1938 г. и 1939 г. Конгресс последовательно выступал на стороне китайцев. С этой же целью в 1939 г. Неру посетил Китай⁴⁹⁵.

В 1939 г. после подписания советско-германского договора о ненападении руководители Конгресса, в том числе Неру, увидели в этом элемент оппортунизма, но избегали прямо критиковать Советский Союз. Неру старался рассматривать этот договор в исторической ретроспективе на общем фоне британской политики в отношении СССР. «Не может быть реального союза между Гитлером и Сталиным, – писал он. – Оба хотят вести игру методами силовой политики. Но в прошлом Россия сильно пострадала от Англии и не могла не помнить об этом, не выразить своего негодования». Когда на основе этого договора советские войска заняли восточную часть Польши, Неру выразил убеждение, что эти действия направлены против Германии и в конечном итоге помогут западным союзникам. Он полагал, что действия Советского Союза предотвратили оккупацию Германией восточной Польши, захват ею нефтяных месторождений Румынии, а также спасли от германской агрессии Балканы и облегчили положение Турции⁴⁹⁶.

После начала советско-финской войны зимой 1939–1940 гг. Неру писал, что СССР расплачивался с Западом его же монетой. По его мнению, советско-финская война не могла рассматриваться изолированно от общей мировой ситуации. Британия и Франция в прошлом проводили антисоветскую политику и могли вместе с Германией и Италией объединить усилия против Советского Союза. Более того, у германских стратегов были планы вторжения в СССР через Финляндию. Одного взгляда на карту было достаточно, писал Неру, чтобы убедиться в реальности такого плана, поскольку Ленинград находится вблизи финской границы. Отсюда нетрудно понять жела-

ние Советского Союза защитить один из своих жизненно важных центров. Однако позже, по мере развития военных событий на советско-финском фронте, Неру стал выступать с критикой действий СССР, которые он называл агрессией. Но это не привело к тому, что Неру и другие лидеры Конгресса отказались от поддержки Советского Союза. Речь шла о защите всего советского эксперимента, у которого, как признавал Неру, было много нежелательных черт, вызывающих глубокое сожаление, но который по-прежнему оставался надеждой простых людей. Война в Финляндии предоставила удобную возможность «силам реакции» вновь проявить свою старую ненависть к социализму и Советскому Союзу как социалистическому государству. Индийцы, предупреждал он, должны быть начеку и противостоять пропаганде против СССР. Они должны сохранить веру в социализм, который может избавить их от социальных бед. Они должны также помнить, что Советский Союз, несмотря на его многие недостатки, прошел долгий путь к установлению социалистической экономической системы, и «было бы трагедией, если эта мощная система, так много обещающая для будущего, потерпела бы поражение или была бы парализована. Мы не можем участвовать в этом», – заявлял Неру⁴⁹⁷.

Глава 16

ИНДИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Объявление Индии воюющей стороной

3 сентября 1939 г. Индия без согласия ее политических партий, представленных в Центральном законодательном собрании, была объявлена британским правительством воюющей стороной. Сразу же после этого в стране был введен закон «Об обороне Индии», которым предусматривалось создание специальных трибуналов по рассмотрению дел, связанных с «преступлениями против обороны страны». Закон давал право властям запрещать митинги, распускать любые организации и арестовывать людей, если их деятельность признавалась опасной для обороны Индии⁴⁹⁸.

Вовлечение Индии в мировую войну вызвало протест индийской общественности в форме антивоенных, антиимпериалистических демонстраций и забастовок. 14 сентября руководство Конгресса вы-

ступило с заявлением, в котором подчеркивалась принципиальная позиция партии по вопросам войны и мира. Если война ведется во имя защиты статус-кво, империалистических владений, колоний, интересов отдельных групп и привилегий, говорилось в заявлении, индийский народ не может позволить, чтобы ресурсы страны использовались для таких целей. Если же в ней решается судьба демократии и мирового порядка, основанного на демократии, то Индия глубоко заинтересована в этом. Если Великобритания борется за сохранение и расширение демократии, она должна непременно покончить с империализмом в ее собственных владениях, установить полную демократию в Индии. Ее народ должен иметь право на самоопределение. Свободная демократическая Индия готова объединиться с другими свободными странами ради совместной обороны от агрессии и в целях экономического сотрудничества⁴⁹⁹.

Руководство Конгресса также заявило, что начавшаяся война – это кризис всего человечества, который изменит облик мира в политическом, социальном и экономическом отношении. Индия с ее огромными ресурсами может сыграть важную роль в реорганизации мира, но лишь в качестве свободной нации. Конгресс призвал британское правительство заявить о его целях в войне в отношении демократии, империализма и предполагаемого нового порядка, о том, как эти цели будут осуществлены в Индии. «Случится величайшая трагедия, если даже эта ужасная война будет вестись в духе империализма и в целях сохранения нынешнего строя, который сам по себе стал причиной войны и человеческого вырождения»⁵⁰⁰.

По мнению Неру, метрополии было бы несложно опубликовать декларацию о свободе Индии и увязать ее с нуждами войны. Если бы у Великобритании было желание и воля признать свободу Индии, то все противоречия можно было бы примирить с общего согласия заинтересованных сторон. Поскольку в провинциях уже действовали местные правительства, сформированные после выборов 1935 г., в центре на период войны можно было бы создать национальный аппарат власти. Он организовал бы военные усилия на национальной основе, обеспечил сотрудничество с армией и стал бы связующим звеном между народом и правительствами провинций, с одной стороны, и британским правительством с другой. И далее: все прочие конституционные проблемы можно было бы отложить до окончания войны, после чего выборные индийские представители разработали бы постоянную конституцию и заключили с Великобританией договор, обеспечивающий взаимные интересы⁵⁰¹.

17 октября 1939 г. колониальная администрация опубликовала «Белую книгу», в которой подтвердила данные ранее обещания:

по окончании войны разработать новую конституцию при участии представителей разных общин, политических партий Индии, а также индийских князей. Конгресс же настаивал на том, чтобы конституция Индии выработывалась не путем совещаний с лидерами партий и общин, а Учредительным собранием, которое будет избрано индийским народом на основе всеобщего избирательного права⁵⁰². Как писал Неру, колониальные власти «ответили отказом на все наши просьбы. Нам стало ясно, что они желают видеть в нас не своих друзей и коллег, а только рабов, которые исполняли бы их приказания»⁵⁰³. Конгресс заявил, что отказ Великобритании удовлетворить его требования свидетельствовал об империалистическом характере войны. Поэтому он предложил своим министрам в восьми провинциях в знак протеста подать в отставку, что и было сделано. В ответ на это колониальная администрация ввела в этих провинциях губернаторское правление и создало правительствa из назначенных ею чиновников.

Мусульманская лига также отказалась поддержать Великобританию в войне. В то же время по случаю прекращения деятельности конгрессистских правительств Джинна объявил 22 декабря 1939 г. «днем избавления и благодарения». Он подчеркнул, что именно «высшее командование Конгресса несет главную ответственность за то зло, которое было причинено мусульманам и другим меньшинствам»⁵⁰⁴. Хотя было очевидно, что конгрессистские правительства в провинциях не обладали всей полнотой власти, а, наоборот, были серьезно ограничены всей системой колониального управления, частью которого был закон 1935 г.

Против участия Индии в войне выступала и Коммунистическая партия Индии, которая находилась на нелегальном положении. В принятой руководством партии в ноябре 1939 г. резолюции о войне германский фашизм был назван главным поджигателем войны, а британский империализм рассматривался как сила, поощряющая фашистскую агрессию с целью направить ее против СССР. КПИ считала необходимым использовать военный кризис для достижения независимости Индии. По этому вопросу коммунисты сотрудничали с Конгресс-социалистической партией и массовыми организациями Конгресса – профсоюзами и крестьянскими союзами.

Наращение антивоенных настроений в стране вынудило британские власти выступить 10 января 1940 г. с новым заявлением о политике Великобритании в Индии. В нем указывалось, что метрополия готова предоставить Индии права доминиона после войны в «возможно короткий срок». При этом Великобритания будет отвечать за оборону Индии в течение 30 лет после того, как Индия станет доминионом⁵⁰⁵. Руководство Конгресса отклонило это предложение. 26 ян-

варя 1940 г., когда был проведен «День независимости», Конгресс призвал народ к борьбе за свободу страны.

Заметную, хотя и неоднозначную, роль в формировании общественного мнения Индии в отношении Великобритании и других участников Второй мировой войны сыграл Субхас Чандра Бос. Еще до начала войны он уделял большое внимание анализу ситуации в Европе и Азии. На сессии Конгресса в Трипури в марте 1939 г. он заявил, что важнейшим событием минувшего года был Мюнхенский договор, который стал «прямой сдачей» Великобританией и Францией своих позиций нацистской Германии. В результате Франция перестала быть доминирующей державой в Европе. Гегемония перешла к Германии без единого выстрела. Несколько раньше поражение республиканского правительства в Испании усилило позиции фашистской Италии и нацистской Германии. «Так называемые демократические державы – Франция и Великобритания – присоединились к Италии и Германии в сговоре с целью устранить Советскую Россию из европейской политики, по крайней мере, на время, – писал Бос. – Но как долго это окажется возможным? Нет сомнения, что в результате последних международных событий в Европе, а также в Азии, британский и французский империализм понесут значительный урон»⁵⁰⁶.

По мнению Боса, который неоднократно посещал Европу в 1930-е годы, нацистская Германия никогда не посмела бы аннексировать Австрию и захватить Чехословакию, если бы Великобритания и Франция выступили против этого. Он считал, что британские политики были либо обмануты Гитлером, либо «намеренно помогли» Германии установить гегемонию на европейском континенте. «Британия сдалась Гитлеру, и это означало фактическое создание англо-германского альянса вместо англо-французского союза». Бос также считал, что Франция могла спасти Чехословакию и предотвратить последующую войну. «...Если бы французы решительно сказали Британии и Германии, что они поддерживают Чехословакию, тогда свою роль сыграла бы и Россия»⁵⁰⁷.

Бос исходил из того, что Россия упорно и настойчиво стремилась заключить соглашение с Великобританией и Францией. «И только после того как она убедилась в полной безнадежности добиться этого, она решила подписать с Германией Пакт о ненападении». Бос откликнулся на это событие статьей в своей газете «Fogward Bloc» 26 августа 1939 г.: «...если разразится война между Германией и Польшей, симпатии индийского народа будут на стороне поляков». А применительно к Индии он писал: «Если русские и немцы, которые еще вчера были заклятыми врагами, смогут закопать топор войны в случае всемирного кризиса, то не следует ли Конгрес-

су покончить с внутренними разногласиями и объединить усилия, чтобы повести страну к достижению полной независимости?» И далее: «Настало время сказать Британии в самой понятной форме, что Индия не позволит использовать ее людские, финансовые и материальные ресурсы для империалистической войны ...Если война не начнется в течение нескольких дней и если нынешняя буря рассеется, мы не должны быть настолько глупыми, чтобы считать, что кризис окончательно разрешен... Если господин Гитлер хочет войны, он никогда не будет испытывать проблем в поисках удобного предложения. Поэтому мы в Индии должны осознавать, что нынешняя международная напряженность будет иметь продолжение, и мы должны соответствующим образом подготовиться»⁵⁰⁸.

Дальнейший ход событий заставил индийцев переосмыслить ситуацию с учетом изменившейся обстановки. «Когда немецкие орды захватили Париж (14 июня 1940 г.), – писал Бос на следующий день после этого в своей газете, – кто бы мог подумать, что они сумеют достичь своих целей так быстро?» Трудно предсказать, как начнут развиваться события, «если будет захвачена и Великобритания. Соединенные Штаты Америки не могут пойти дальше определенных пределов в своей помощи союзникам, если только Япония не создаст каких-либо проблем на Дальнем Востоке...». В чем же должна состоять позиция Индии при таком политическом раскладе? – задавался вопросом Бос⁵⁰⁹.

Такой ход мыслей Боса был связан прежде всего с событиями в Европе, где для Англии складывалась крайне неблагоприятная ситуация. Вполне возможно, что именно тогда у него созрел план собственных действий по освобождению Индии. 17 января 1941 г. Бос бежал из-под домашнего ареста в Калькутте сначала в Пешавар, затем в Кабул. Там он через посольства Германии и Италии получил транзитную визу для поездки через Москву в Берлин. 31 марта Бос встретился в Москве с послом Германии в СССР Шуленбургом и поездом выехал в Берлин. По имеющимся данным, у него не было встречи в Москве с советскими политическими руководителями⁵¹⁰.

Реакция индийских политических партий на события в мире

В начале войны для индийцев особое значение имели заявления и действия английских руководителей и военные планы Гитлера. Оккупация Германией Бельгии и капитуляция Франции в июне 1940 г. вызвали в Индии огромную озабоченность. В те дни Гитлер заявил

(в присутствии начальника генерального штаба германской армии Гальдера): «Мы ищем точки соприкосновения с Англией на основе раздела мира». А вскоре после этого в узком кругу близких сотрудников он сказал: «Армия – становой хребет Англии и ее империи. Если мы разобьем ее экспедиционный корпус (в Европе), империя погибнет. Поскольку мы не хотим и не можем стать ее наследниками, мы должны оставить ей шанс»⁵¹¹.

Позже Гитлер подтвердил эту мысль в беседе с заместителем государственного секретаря США С. Уэллесом, который в качестве личного представителя Рузвельта посетил в феврале – марте 1940 г. Рим, Берлин, Париж и Лондон. В беседе с ним Гитлер говорил о желании жить в мире с Англией. Он подчеркнул, что немцы не хотят уничтожения Британской империи. Эту же идею высказал Уэллесу и Г. Геринг, заявив о готовности гарантировать целостность Британской империи⁵¹². Попытки примирения Германии и Англии продолжались и позже. Одним из главных условий было сохранение целостности Британской империи.

Дальнейшие события в Европе – оккупация Германией Бельгии, Франции, Норвегии, Дании, Нидерландов, воздушные налеты германской авиации на Англию – привели к укреплению позиций тех индийцев, которые выступали в поддержку военных усилий Великобритании.

В этих условиях Мусульманская лига на своей сессии в Лахоре 24 марта 1940 г. приняла резолюцию, в которой содержалось требование к английским властям создать на Северо-Западе и Востоке страны, где мусульмане составляли большинство населения, независимые государства, в которых образующие их конституционные единицы должны быть автономными и суверенными. В резолюции указывалось, что это следовало предусмотреть при разработке будущей конституции Индии⁵¹³. Резолюцию внес на рассмотрение Лиги главный министр Бенгалии А.К. Фазлул Хак. Не исключено, отмечает В.Я. Белокреницкий, что именно по этой причине она предусматривала создание не одного, а двух мусульманских государств. Джинна поддержал резолюцию, но высказался за одно государство мусульман⁵¹⁴.

В своем выступлении на сессии Джинна подчеркнул: «Мы знаем, что история последних 1200 лет... показала, что Индия всегда была разделена на индусскую Индию и мусульманскую Индию... Нынешнее искусственное единство Индии восходит только к британскому завоеванию и поддерживается британскими штыками. Но и прекращение британского режима... провозгласит полный развал с худшими бедствиями, которые когда-либо имели место в течение последней тысячи лет при господстве мусульман»⁵¹⁵.

Джинна особо отметил, что «мусульмане являются нацией... и они должны иметь свое отечество, свою территорию и свое государство»⁵¹⁶. По мнению О.В. Плешова, теория двух наций нужна была Джинне не столько как идеология государственного строительства, а как средство достижения политических целей. Важнейшей из них был раздел Индии и создание на ее территории отдельных, независимых друг от друга государств индусов и мусульман⁵¹⁷.

Конгресс на своей ежегодной сессии в апреле 1940 г. в Рамгархе принял решение начать подготовку к кампании гражданского неповиновения в знак протеста против участия Индии в войне. Однако конкретных шагов в этом направлении не было сделано. Затем в июле 1940 г. руководство Конгресса предприняло новую попытку достичь соглашения с британским правительством. Оно заявило, что готово принять участие в военных действиях Великобритании, если в Индии будет создано временное ответственное национальное правительство и британские власти заявят о предоставлении Индии независимости после войны. Конгресс предлагал, чтобы национальное правительство было сформировано вице-королем в рамках действующей конституции.

В этот критический для Великобритании период войны премьер-министр Черчилль откровенно заговорил о важности колониальных владений для сохранения его собственной страны. Внимание индийцев особенно привлекло выступление Черчилля в палате общин 13 мая 1940 г., в котором он сказал: «Необходимо понять: не сможет выжить Британская империя – погибнет все то, ради чего она существовала, погибнет то, что веками отстаивало человечество, к чему веками стремилось оно и к чему будет стремиться»⁵¹⁸. В другой своей речи в парламенте 4 июня 1940 г. Черчилль заявил: «... мы никогда не сдадимся; но даже если, чего я ни на миг не допускаю, этот остров или большая его часть будет захвачена ... тогда наша Империя за океанами, вооруженная и охраняемая британским флотом, продолжит борьбу до тех пор, пока в благословенный Богом час Новый мир не выдвинется вперед своей силой и мощью, чтобы спасти и освободить Старый мир»⁵¹⁹. Когда Черчилль говорил о «нашей Империи», он прежде всего имел в виду, конечно, Индию.

В это время в мире широко обсуждался вопрос о вторжении гитлеровской армии на Британские острова. Об этом свидетельствует и то, что за месяц до падения Парижа Черчилль вынужден был пойти на крайний и даже унижительный шаг – обратиться к Муссолини с посланием с целью удержать Италию в стороне

от конфликта. Ответ Муссолини, по словам Черчилля, «был холодным». А 10 июня 1940 г. Италия объявила войну Франции и Англии. В те дни 1940 г. Черчилль писал: «...мы были в полном одиночестве. Ни один английский доминион, ни Индия, ни колонии не могли оказать нам решающей помощи или вовремя прислать то, что сами имели»⁵²⁰.

16 июня 1940 г. Черчилль направил послание премьер-министрам британских доминионов (Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки) с целью показать им свою решимость продолжать борьбу. Посылать что-либо подобное в Индию он не считал нужным, так как она находилась под непосредственным управлением Великобритании. Он писал: «Я лично верю, что ...если мы даже будем разбиты вследствие превосходящей численности неприятельской авиации, всегда останется возможным... послать наши флоты за океан, где они будут защищать империю и дадут ей возможность продолжать войну и блокаду, надеюсь, совместно с Соединенными Штатами, пока гитлеровский режим не рухнет от напряжения»⁵²¹.

То есть в самый критический час Черчилль видел спасение Великобритании именно в империи, главной частью которой была Индия. Англия использовала Индию не только как источник огромных ресурсов, но и для обучения и подготовки там войск, перебазировавшихся из ее доминионов и колоний (Сингапура, Австралии, Новой Зеландии и т.д.) для военных действий на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В июне 1940 г. он писал послу Великобритании в США Лотиану: «Вы должны рассеять... беззаботное предположение США, что они сумеют в результате проводимой ими политики подобрать обломки Британской империи. Наоборот, они подвергаются страшному риску, что их могущество на море будет полностью сломлено»⁵²².

Правительство Великобритании было серьезно озабочено развитием событий в Европе и в этих условиях отказывалось пересмотреть свою прежнюю позицию в отношении Индии. Его ответ на требования индийцев о предоставлении независимости, получивший название «августовского предложения», проигнорировал мнение большинства индийских политических партий и их лидеров. Неру отмечал, что этот отказ был сформулирован в самых надменных выражениях и сопровождался прославлением английского господства и английской политики. За всем этим скрывалось «твердое намерение до последней возможности цепляться за Индию как за владение и собственность империи; империализм не желал разжимать своих когтей, которые он глубоко запустил в живое тело Индии»⁵²³.

29 августа 1940 г. близкая к Конгрессу газета «The National Herald» опубликовала статью, в которой подчеркивалось, что освобождение Индии оказало бы сильное воздействие на мировое общественное мнение, включая англичан. Там же прямо указывалось: «Мы уверены, что если война будет долгой, Англия не сможет победить без сотрудничества с Америкой, Индией и Россией». «Индия предложила Великобритании сотрудничество на условиях, почетных для обеих сторон. Целый год переговоров, консультаций, речей и дебатов закончился полным отказом Британии предоставить свободу Индии»⁵²⁴.

Ганди, Неру и другие лидеры Конгресса считали, что освобождение Индии было не только ее делом. Индия, по их мнению, была символом всех колониальных и эксплуатируемых народов, пробным камнем, на котором проверялась мировая политика. Если бы сотни миллионов людей в колониях знали и верили, что война ведется за их освобождение, это стало бы моральным фактором огромного значения даже с военной точки зрения. Но политика колониального правительства препятствовала этому. Во время войны все попытки Конгресса хотя бы временно разрешить «индийскую проблему» терпели неудачу, и его требования отвергались.

Третья кампания гражданского неповиновения 1940 г.

В сентябре 1940 г. Конгресс принял резолюцию о проведении кампании гражданского неповиновения британским властям. Чтобы не допустить широких народных волнений, под руководством Ганди была избрана форма индивидуального гражданского неповиновения, которое носило характер нравственного протеста. Назначенные для этой цели члены Конгресса, в основном из числа руководителей партии в центре, провинциях и на местах, выступали с антивоенными призывами и тем самым нарушали введенные колониальной администрацией законы и порядки.

В соответствии с разработанным Конгрессом планом, участники этой кампании должны были формально заявить властям о своем намерении нарушить закон, указать дату, время и место своего действия. Их задачей было объяснять собравшимся суть следующих призывов: «Не вносить деньги в военный фонд; не посылать индийцев на войну; не давать материалов на военные цели». В случае ареста и последующего освобождения из тюрьмы участники кампании должны были снова и снова продолжать свои выступления⁵²⁵.

К кампании гражданского неповиновения присоединились видные деятели Конгресса, в том числе Неру. 31 октября 1940 г. он был

арестован и приговорен судом к четырем годам тюремного заключения. Изложение его речи на суде было дано в ряде газет, несмотря на преследования со стороны властей и цензуру. Газете «The National Herald» в Лакхнау удалось опубликовать 5 ноября даже ее полный текст под заголовком «Британская империя перед всемирным судом... Свобода в опасности. Защитим ее всеми нашими силами». Власти тут же вынесли предупреждение газете и запретили публиковать речь Неру в других печатных изданиях.

На суде Неру заявил, что он не был врагом народа Великобритании, а выступал против ее империализма, против отказа колониального правительства предоставить свободу индийскому народу. В войне Британии против нацизма и фашизма Конгресс предложил британскому правительству сотрудничество на почетных условиях. Это сотрудничество было отвергнуто. Поэтому Конгресс был вынужден прибегнуть к гражданскому неповиновению, чтобы дать индийскому народу возможность выразить свое мнение и решить, что он должен и не должен делать в этой британской войне»⁵²⁶.

К этому же времени можно отнести последнее выступление Рабиндраната Тагора 14 апреля 1941 г. «Настанет день, когда по воле судьбы англичанам придется покинуть Индию, – сказал Тагор. – Но какую ужасающую бедность оставят они после себя, какое опустошение! Когда, наконец, поток их двухвекового правления иссохнет, сколько грязи и мерзости останется на дне!.. Когда я оглядываюсь вокруг себя, я вижу разрушающиеся руины гордой цивилизации, разбросанные как большая куча мусора. И тем не менее я не совершу страшного греха – утраты веры в Человека. Я верю, что после бури в небе, очистившемся от туч, засияет новый свет: свет самоотверженного служения Человеку»⁵²⁷.

Но тогда события развивались в другом русле. К февралю 1941 г. было арестовано около 25 тыс. лидеров и активистов Конгресса – участников кампании гражданского неповиновения, и сама она не вызвала широкого отклика в обществе. С точки зрения колониальных властей кампания гражданского неповиновения не представляла угрозы для Британской империи. Вербовка в армию продолжалась прежними темпами, военная промышленность наращивала производство, выросло число рабочих мест. Колониальные власти обвиняли лично Ганди и Конгресс в том, что они препятствуют победе союзных войск над Германией. При этом полная информация о деятельности Конгресса, его позиции по вопросу о войне и независимости Индии тщательно цензурировались.

Только к концу 1941 г. большинство участников кампании гражданского неповиновения было освобождено из тюрем. А это озна-

чало, что в течение целого года руководство Конгресса было выключено из борьбы за отстаивание своих позиций. Этим воспользовалась Мусульманская лига, которая развернула движение за образование независимого Пакистана, привлекла на свою сторону большие массы мусульман. В противовес этому Хинду махасабха стала пропагандировать лозунг единой неделимой Индии (Акханд Хиндустан), но ее влияние в массах не было столь заметным.

После нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. в определенной части индийского общества произошел поворот в отношении к войне. В то время авторитет СССР в Индии был весьма значительным. Руководство КПИ объявило, что характер мировой войны изменился, и она стала «народной войной». Компартия призвала к поддержке военных усилий Англии и сотрудничеству в борьбе против Германии и Японии.

24 декабря 1941 г. Ганди написал открытое письмо Гитлеру, в котором выразил протест против вторжения фашистской Германии в страны Европы. Он обвинял фюрера в развязывании войны: «...ваши публикации и заявления ваших друзей и почитателей не оставляют никаких сомнений, что многие из ваших действий чудовищны и противоречат человеческому достоинству...» Об Индии Ганди писал: «Мы находимся в уникальном положении. Мы выступаем как против британского империализма, так и против нацизма. Если и есть какое-то различие между ними, то оно только в степени. Одна пятая человечества оказалась под британской пятой, и это было достигнуто средствами, не выдерживающими серьезной критики... Мы знаем, что означает британская власть для нас и неевропейских рас во всем мире. Но мы никогда не хотели бы покончить с британским правлением с помощью Германии». И далее Ганди прямо осуждал Гитлера: «Вы не оставите своему народу наследие, которым он мог бы гордиться. Он не сможет испытывать гордость перечнем жестоких деяний, как бы искусно они не планировались. Поэтому я обращаюсь к Вам – во имя человечества остановите войну». Однако цензор не позволил опубликовать письмо Ганди⁵²⁸.

В январе 1942 г. Конгресс принял резолюцию, в которой выразил сочувствие советскому народу в его борьбе против фашизма. Советский Союз, говорилось в ней, защищает определенные человеческие, социальные и культурные ценности, которые имеют огромное значение для прогресса человечества, и было бы трагедией, если бы катаклизмы войны привели к разрушению этих устремлений и достижений. Конгресс высказал восхищение поразительным самопожертвованием и героической борьбой советского народа за свободу своей страны⁵²⁹.

Вклад Индии в борьбу против держав оси

Стратегическое значение Индии для Британской империи сыграло важную роль в войне. В определенном смысле подтвердились слова бывшего министра иностранных дел Англии Джорджа Керзона, который говорил о центральном положении Индии, ее огромных ресурсах, растущем населении, ее армии, которая может быть переброшена в любой пункт Азии или Африки. Керзон считал, что «Индия – это центр защиты Британской империи»⁵³⁰.

События в Европе (Мюнхен, аншлюс Германией Австрии, захват ею Чехословакии, оккупация Польши, Франции и т.д.) сопровождались подготовкой Великобритании к войне. В Индии проводились организационно-мобилизационные мероприятия в промышленности, транспорте, производстве материалов военного назначения. В 1939–1940 гг. было расширено производство на металлургических заводах. Было открыто восемь заводов по производству вооружений и боеприпасов, в том числе полевых орудий, танков, броневиков, пулеметов, автоматов, авиабомб, снарядов, начато строительство патрульных катеров и минных тральщиков, первого авиационного завода на оборудовании, закупленном из США. Велись работы по созданию предприятий химической промышленности, продукция которых могла быть использована для военных целей⁵³¹.

В первые же дни войны промышленность Индии получила значительные военные заказы на поставку для Англии, других стран Британской империи боеприпасов, стали и угля, железной руды, марганца, слюды, изделий из джута, хлопчатобумажных тканей «хаки», шерстяных изделий (одеяла, шинели и пр.). За девять месяцев с начала войны производство военных предприятий в Индии выросло в шесть-семь раз по сравнению с предыдущим годом. В связи с войной британская администрация ввела льготы для торговли Индии с США.

В целом за годы войны наибольший рост наблюдался в отраслях промышленности военного назначения и обслуживающих нужды армии (хлопчатобумажной и пищевой). Во время войны Индия снабжала продовольствием англо-индийскую армию, находившуюся в самой стране, а также размещенные в Индии и Бирме южноафриканские, американские и китайские войска. Кроме того, Индия обеспечивала продовольствием индийские и английские войска, действовавшие в Северной Африке, а также на Ближнем и Среднем Востоке. И это притом, что до войны она импортировала зерновые (1,5–2 млн. тонн в год) из Бирмы, Таиланда, стран Индокитая⁵³².

В ноябре 1939 г. правительство Великобритании заключило с колониальной администрацией Индии (то есть со своим же агентом) соглашение о распределении между метрополией и колонией расходов по содержанию англо-индийской армии и проведению ряда военных акций. Метрополия брала на себя обязательство содержать англо-индийские войска, дислоцированные вне Индии, и собственно индийские войска, размещенные в Индии. Однако на деле бóльшая часть этих расходов была переложена на Индию. По официальным данным, военные расходы в бюджете Индии за годы войны составили 1275 млн. фунтов стерлингов. А в целом стоимость материальных ресурсов, изъятых Великобританией из Индии за этот же период, обошлась Индии не менее чем в 2800 млн. фунтов стерлингов⁵³³.

В 1940 г. Франк Нойс, советник английского правительства по торговле с Индией, следующим образом охарактеризовал значение Индии во время войны: «Ее важнейшей экономической функцией является выполнение роли центра снабжения стран, начиная от Египта, где уже находится часть ее войск, до Малайи. Она будет... делать все, чтобы снабдить сырьем и готовыми товарами все побережье Индийского океана и Красного моря, освобождая, таким образом, ресурсы и, главное, флот Англии для использования в более важных целях»⁵³⁴. Именно это и произошло во время войны. Через Индию также была реализована часть американских поставок по ленд-лизу, которая составила с марта 1941 г. по сентябрь 1945 г. более 2,1 млрд. долларов.

Предельное напряжение во время войны ресурсов Индии, особенно продовольствия, при обычном его дефиците и отсутствии государственных запасов зерна привело к голоду. В 1943 г. голодало около трети населения страны. Больше всего людей погибло в Бенгалии и ее крупнейшем городе Калькутте: по официальным данным – от 1,5 до 2 млн. человек, по другим подсчетам – от 3,5 до 4,5 млн. человек⁵³⁵. При этом, как пишет В.Л. Пандит, находившаяся в то время в Калькутте, «голод сосуществовал рядом с изобилием. В Калькутте богатые – иностранцы и индийцы – продолжали жить в условиях изобилия, окруженные всевозможной роскошью, в то время как люди за их воротами умирали от голода и отчаяния. Коррупция была такой огромной, что в этот период наживались целые состояния, и каждая смерть означала огромные прибыли для спекулянтов продовольствием и подобным им»⁵³⁶.

Голод в Бенгалии в 1943 г. продемонстрировал неспособность и нежелание метрополии решать проблемы, возникавшие в Индии, в том числе по вине Великобритании. В течение Второй мировой войны Англия вывозила зерно из Индии, усугубляя ее и без того трудное продовольственное положение. Осенью 1942 г. циклон и

последовавшие за ним приливные волны затопили огромные посевные площади в Бенгалии. Как отмечалось в отчете Комиссии по расследованию голода в Бенгалии (1944 г.), значительная часть урожая погибла. В 1943 г. около 6 млн. человек были охвачены голодом⁵³⁷.

Вице-король Уэйвелл направил премьер-министру Уинстону Черчиллю целый ряд телеграмм, в которых сообщал, что несколько миллионов человек умирают от голода и нужна продовольственная помощь. В ответ Черчилль прислал вице-королю телеграмму, в которой ехидно спрашивал: «Почему до сих пор не умер Ганди?»⁵³⁸.

Министр по делам Индии Леопольд Эмери писал Черчиллю в связи с голодом в Бенгалии: «Как только станет известно, что поставки продовольствия из внешних источников не поступают в Индию, правительство Индии не сможет помешать повсеместному сокрытию продовольствия, и голод с разрушительной скоростью распространится по всей Индии... Результат может быть абсолютно фатальным для нашего участия во Второй мировой войне, и не только с точки зрения Индии как базы для наших дальнейших операций. Я не думаю, что у Вас есть достаточное представление о том, насколько глубоко общественное мнение уже настроено против правительства по вопросу о голоде в Бенгалии, и какой ущерб это причинило нам в глазах американцев. Это является самым тяжким ударом, который уже нанесен по нашему имени как Империи за всю нашу жизнь. Мы просто не можем позволить, чтобы это повторилось, и к тому же в еще больших масштабах... После этого ничто не сможет удержать Индию в составе Империи»⁵³⁹.

Несмотря на огромное давление со стороны вице-короля и министра по делам Индии, пишет английский историк Алекс фон Тунзелманн, Черчилль и бенгальское правительство настаивали на проведении политики, результатом которой стал «некий геноцид, проводимый капитализмом». Правительство Индии в панике лгало и обманывало, говоря, что продовольствие уже находится в пути. Позже в официальном докладе правительства утверждалось, что голода можно было избежать и что все действия в этой связи были катастрофическими⁵⁴⁰.

Англо-индийские вооруженные силы в годы войны

Англо-индийская армия по составу делилась на две части. Первая – расположенные в Индии регулярные части британской армии, комплектуемые в метрополии. Вторая – так называемая индийская армия, комплектуемая в Индии. К началу войны англо-индийская

армия по численности занимала второе место в империи после собственно английской армии, а в конце войны даже превосходила ее. Индийская армия комплектовалась как наемная. Никакого закона о воинской повинности в Индии не было. Большинство солдат вербовалось из мусульман, сикхов, индусских «воинских» и земледельческих каст. В годы войны стали вербовать представителей и других каст, включая неприкасаемых.

Конгресс выступал против направления индийских войск за пределы страны. Так было в июле 1939 г., когда британское правительство послало часть этих войск в Малайю, Ирак и Египет. Усмотрев в этом подготовку к началу военных действий, Конгресс призвал своих членов – депутатов Центрального законодательного собрания, составивших в нем большинство, бойкотировать его заседания. Партии, поддерживавшие колониальное правительство в этом вопросе – Мусульманская лига, Хинду махасабха и либералы, наоборот, продолжили участие в работе собрания.

В англо-индийской армии строго соблюдался принцип – англичанин не может подчиняться индийцу. Существовала огромная дискриминация в зарплате: английский офицер получал в 4–5 раз больше, чем индийский. Индийские солдаты и офицеры присягали королю-императору Англии, воспитывались в духе защиты безопасности и целостности Британской империи.

Накануне войны в англо-индийских вооруженных силах насчитывалось около 350 тыс. человек. Основная группа вооруженных формирований (206 тыс.) – регулярная армия – состояла из наемных индийских войск, комплектуемых в Индии и Непале (159 тыс.), и английских частей (47 тыс.), присылаемых на определенный срок из Великобритании. В составе индийских дивизий на каждые три индийских полка полагался один английский.

Исключительно английскими были все авиационные и бронетанковые части, а также почти вся артиллерия. Кроме того, все ответственные командные должности в индийских частях занимали английские офицеры. К началу войны в армии было всего лишь около 500 индийцев в чине младших офицеров. К 1944 г. численность англо-индийских войск составила более двух миллионов человек. Индийская армия по-прежнему оставалась наемной. За годы войны заметно выросло число офицеров-индийцев, которых в 1945 г. насчитывалось 8 тыс. человек (примерно 20% к общему числу офицеров всех вооруженных сил). Среди них было два бригадных генерала, но в основном индийцы были лишь младшими офицерами, многие из которых состояли в нестроевых частях, административной, санитарной, транспортной службах⁵⁴¹.

За время войны в армию было набрано около 2,5 млн. индийцев, которые принимали участие в боевых действиях в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и Европе, в обеспечении охраны транспортировки грузов из Индии и других частей империи через Индийский океан, Красное и Средиземное моря. Во Второй мировой войне участвовало вдвое больше индийских солдат, чем в Первой мировой войне. Таким образом, вклад Индии в военные усилия союзников был весьма значительным⁵⁴².

Глава 17

МИССИЯ КРИПСА. «ПРОЧЬ ИЗ ИНДИИ!»

Война приближается к Индии

С нападением японцев на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. война стала быстро приближаться к границам Индии. 15 февраля 1942 г. под натиском японской армии пал Сингапур. Защищавшие его войска, в том числе англо-индийские дивизии и бригады, были вынуждены капитулировать. В начале марта 1942 г. японцы захватили Рангун и продолжили свое продвижение по Бирме к индийской границе. Им противостояли англо-индийские войска, которые к середине мая 1942 г. сосредоточились в районе г. Имфал, уже на территории Индии⁵⁴³.

Таким образом, японцы, поддерживаемые мощными морскими и воздушными силами, захватили всю цепь островов Голландской Индии (нынешнюю Индонезию), Сиам (Таиланд), всю Британскую Малайю, Южную Бирму, а также Андаманские острова и непосредственно угрожали самой Индии.

Великобритания пыталась сосредоточить в Индийском океане военно-морские силы, которые могли бы защитить Индию. Для этой цели в этом районе были дислоцированы 4 авианосца, 5 линкоров, 7 крейсеров и 16 эсминцев. Кроме того, прилагались усилия по созданию авиабаз вдоль восточного побережья Бенгальского залива. 5 апреля 1942 г. 80 японских бомбардировщиков из ударного отряда адмирала Нагумо (5 авианосцев, 4 линкора плюс сопровождавшие их крейсера, эсминцы и танкеры) нанесли удар по Коломбо, где базировался английский флот. В ходе воздушного боя был сбит 21 японский самолет, а англичане потеряли 25 самолетов; в гавани Коломбо

были потоплены эсминец и вооруженный торговый крейсер. Несколько позже в тот же день японская авиация потопила в открытом море два английских крейсера. На следующий день 54 японских бомбардировщика в сопровождении истребителей совершили налет на морскую базу Тринкомали (Цейлон). Были потоплены английские крейсер и эсминец. В то же время в Бенгальском заливе против беззащитных английских торговых судов действовал второй японский ударный отряд (авианосец и шесть тяжелых крейсеров). В течение нескольких дней японцы, действуя почти беспрепятственно на море и в воздухе, потопили английские суда общим тоннажем более 115 тыс. тонн⁵⁴⁴.

В начале марта 1942 г. Черчилль обратился с просьбой к Рузвельту использовать военно-морские силы США, чтобы вынудить Японию вернуть свои корабли в Тихий океан и отказаться таким образом от вторжения в Индию. Черчилль писал, что японцы установили свой контроль над Бенгальским заливом и в любой момент могут сделать то же самое в районе Цейлона и что британские военно-морские силы на время полностью покинули Индийский океан, за исключением африканского побережья. Чтобы предотвратить высадку японцев в Индии или на Цейлоне, Черчилль просил Рузвельта рассмотреть возможность быстрой доставки в Индию американских самолетов для прикрытия флота США в Индийском океане. Кроме того, для обеспечения транспортировки грузов в Англию, значительная часть которых шла из Индии, он просил направить грузовые суда в помощь тем, которые находились в распоряжении Великобритании⁵⁴⁵.

Рузвельт, в свою очередь, выразил понимание масштабов проблем, с которыми столкнулась Великобритания в районе Индийского океана, но заявил об обеспокоенности США положением в Тихом океане. В своем ответе он писал: «Индию нужно удержать, и Вы должны сделать это; но, откровенно говоря, эта проблема не так беспокоит меня, как многие другие. Японцы могут высадиться на морском побережье западнее Бирмы. Они могут бомбардировать Калькутту. Но я не вижу, каким образом они могут сосредоточить достаточное количество войск, для того чтобы осуществить нечто большее, чем небольшой прорыв на границах, и я думаю, что Вы можете удержать Цейлон».

На это Черчилль выразил надежду, что Америка будет продолжать оказывать помощь и таким образом даст возможность Великобритании «успешно защищать Египет, Левант (общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря) и Индию. Это будет трудной задачей. Теперь все зависит от широкой русско-германской борьбы»⁵⁴⁶.

С продвижением Японии в глубь Азии обстановка в Индии ухудшалась. Престижу Великобритании был нанесен урон в результате потери Гонконга (а затем Сингапура и Рангуна). Впервые за время пребывания под британским правлением Индии угрожало широкое вторжение извне, со стороны азиатской державы. «Скрытая напряженность в политической жизни Индии усилилась... Значительная часть общественности, которая поддерживала Ганди, была убеждена в том, что Индия должна оставаться пассивной и нейтральной в мировом конфликте, писал Черчилль. По мере продвижения японцев эти пораженческие настроения становились все более распространенными». В Индии высказывалось мнение: если бы она смогла каким-то образом освободиться от Англии, то, возможно, не было бы никакого основания для вторжения японцев. То есть опасность для Индии заключалась именно в ее связях с Великобританией. «Таковы были не лишённые силы аргументы, выдвигавшиеся в то время», – подчеркивал Черчилль. В марте 1942 г. Черчилль писал Рузвельту, что он серьезно рассматривает вопрос о том, не следует ли «в нынешний критический период выступить с декларацией о предоставлении Индии после войны статуса доминиона, при желании – с правом отделения». К этому он добавлял, что Великобритания «ни в коем случае не должна разрывать отношения с мусульманами, представляющими 100-миллионный народ и главные соединения армии, на которые мы рассчитываем в ближайших боях... Естественно, мы не хотим ввергнуть Индию в хаос накануне вторжения» [японцев]⁵⁴⁷.

В это трудное для Великобритании и Индии время общественность в обеих странах обсуждала вопросы, связанные с возможным изменением британской политики в отношении Индии. В частности, появилась идея широкого вовлечения индийской элиты в управление страной и даже предоставления индийцам реальной власти с тем, чтобы завоевать поддержку населения в военных усилиях Англии. Даже в метрополии раздавались голоса о необходимости «нового духа партнерства между равными» нациями для того, чтобы избежать катастрофы.

Лейбористы занимали более «проиндийскую» позицию, чем консерваторы, которые придерживались прежней линии на сохранение status-quo в отношении колонии. 4 марта 1942 г. группа членов парламента от Лейбористской партии внесла предложение в Палате общин – признать независимость Индии и провести переговоры с ее лидерами по вопросу о передаче суверенной власти индийскому временному правительству. В колонии некоторые политики и обозреватели писали о возможном упразднении в Великобритании министерства по делам Индии, о полной индианизации исполнительного совета при вице-

короле. Ожидалось также, что лидер Мусульманской лиги Джинна на время отложит требование создания Пакистана⁵⁴⁸.

Провал миссии Криппса

11 марта 1942 г. Черчилль заявил в Палате общин, что член военного кабинета Стаффорд Криппс будет направлен в Индию, чтобы добиться от главных лидеров этой страны согласия на «справедливое и окончательное решение» индийской проблемы. Премьер-министр подчеркнул, что Криппс приложит усилия, чтобы добиться согласия как индусского большинства, так и крупных меньшинств, среди которых мусульмане являются самыми важными. Это будет «способствовать концентрации всех усилий и энергии на защиту родной земли». В тот период вопросы, касавшиеся Индии, постоянно обсуждались военным кабинетом⁵⁴⁹.

22 марта 1942 г. Криппс прибыл в Дели и провел переговоры с лидерами всех индийских партий и общин на основе проекта декларации, одобренного военным кабинетом. Суть декларации состояла в следующем. Во время войны никаких изменений в управлении Индией не будет произведено. После войны предлагалось создать Индийский Союз, который представит собой доминион, ассоциированный с Соединенным Королевством и другими доминионами. Провинции и княжества, не желающие войти в Индийский Союз, могут сохранить прежние отношения с британским правительством либо образовать отдельные доминионы. Им будет предоставлен такой же статус, как и Индийскому Союзу. Индийские политические партии приглашались оказывать помощь британскому правительству в ведении войны. Вся ответственность за оборону Индии возлагалась на британское правительство. Оно может допустить введение в состав исполнительного совета при вице-короле индийского советника, который будет курировать вопросы, связанные с материальным обеспечением военных действий⁵⁵⁰.

Таким образом, впервые правительство Великобритании официально объявляло, что готово предоставить Индии права доминиона сразу после окончания военных действий. Сохранялась возможность для выхода из Индийского Союза отдельных провинций и княжеств. Вся полнота власти в Индии во время войны оставалась в руках английского правительства, то есть колониальной администрации во главе с вице-королем.

Во время пребывания в Индии Криппс провел отдельные встречи с представителями всех главных и даже второстепенных полити-

ческих партий и общественных группировок. Но более всего он старался добиться согласия Конгресса и Мусульманской лиги.

Конгресс отказался принять британский план, так как в нем не было твердого заявления о предоставлении Индии независимости и создании временного национального правительства. В резолюции Рабочего комитета Конгресса по этому вопросу говорилось: «Эти предложения Криппса, которые были сделаны в самый последний момент под давлением событий, должны рассматриваться не только в связи с требованием независимости для Индии, но и особенно в связи с нынешним опасным военным кризисом с тем, чтобы эффективно противостоять угрозам и опасностям, которые обрушились на Индию и охватили весь мир». Народ Индии желает объединиться со всеми прогрессивными силами мира и принять на себя то бремя войны, которое существует с 1939 г. Конгресс выразил несогласие с предложениями британского кабинета по четырем главным пунктам: о статусе доминиона; о будущем индийских княжеств; о неприсоединении части провинций к Индийскому союзу; по вопросам обороны Индии⁵⁵¹.

Тогда же Неру решительно заявил: «Мы хотим сказать британским правителям... – вы сидите здесь неизмеримо долго по сравнению с тем добром, которое вы сделали. Уходите, говорю я вам. Позвольте нам расстаться с вами. Ради Бога – уходите! Мы хотим еще большего – наше стремление к свободе безгранично»⁵⁵².

В целом предложения Криппса подверглись критике всеми партиями и группами. Они критиковали их, исходя из своих интересов и политических позиций. Конгресс, например, хотел, чтобы исполнительный совет при генерал-губернаторе действовал в качестве правительства с участием индийцев. При этом генерал-губернатор был бы лишен права вето. Конгресс выступал против идеи о неприсоединении провинций к Индийскому союзу, считая, что это приведет к созданию Пакистана. Часть левых конгрессистов, а также партия Форвард блок Субхас Чандра Боса жестко выступили против любого компромисса по вопросу о независимости Индии⁵⁵³.

А Ганди прямо сказал Криппсу: «Зачем Вы приехали сюда, если можете предложить только это. Если это все, что Вы предлагаете Индии, я посоветовал бы Вам улететь обратно следующим самолетом»⁵⁵⁴.

Хинду махасабха отвергла предложения Криппса по двум причинам. Первая – она выступила против предложения дать право провинциям выйти из Индийского союза и создать свои правительства. Вторая – она возражала против выборов на религиозно-общинной основе, считая их антинациональными и антидемократическими. Хинду махасабха жестко выступила против создания независимого Пакистана.

Сикхи также возражали против возможности создания независимых провинций. Они говорили, что будут бороться всеми доступными средствами против отделения Панджаба от Индийского союза, хотя часть сикхских лидеров заняла более примирительную позицию. Зарегистрированные касты во главе с Б.Р. Амбедкаром заявили, что предложения Криппса не обеспечивают их интересы.

Со своей стороны, Мусульманская лига выступила против предложения о создании Индийского союза. Она полагала, что в этом случае образование отдельного мусульманского государства из состава Индии станет невозможным. Лига возражала и против предложенной системы выборов как противоречащей идее представительства по религиозному признаку, на основании которой мусульмане избирали своих представителей. Лига также возражала против проведения плебисцита по вопросу об отделении провинций взрослым населением Индии. Такой плебисцит был неприемлем для нее, так как он мог воспрепятствовать самоопределению мусульман и созданию независимого Пакистана. В то же время Лига соглашалась с идеей возможного раздела Индии⁵⁵⁵.

Что касается индийских князей, то их вполне устраивала возможность выхода из Индийского Союза при сохранении договорных отношений с Великобританией и учетом их преимуществ и льгот.

На последнем этапе переговоров Криппса с лидерами Конгресса к ним в качестве посредника присоединился полковник Луис Джонсон, личный представитель Рузвельта по военным поставкам в Индию. После бесед с Неру Джонсон передал Криппсу, что Конгресс мог бы рассмотреть британское предложение при условии, что Департамент обороны будет передан в руки индийцев, даже при главнокомандующем Уэйвелле. Однако вице-король Линлитгоу и Уэйвелл выступили против этого⁵⁵⁶.

Миссия Криппса закончилась провалом. Ни одна из сторон не хотела идти на серьезные уступки.

Индия и японская угроза

Тем временем война приближалась к Индии. Начались японские бомбардировки Калькутты, Мадраса, Висакхапатнама, Какинады. Около 300 тыс. человек покинули Мадрас. Японская военная угроза стала реальной.

К концу апреля 1942 г. руководство Конгресса более точно определило свою позицию по отношению к войне: «Мы не подчинимся ни британским империалистам, ни японским агрессорам», – заявил

Неру. «Возможно, что мы окажемся перед лицом катастрофы, но сохраним самоуважение и честь. И из этой катастрофы поднимется свободная и независимая Индия». Неру говорил о своей поддержке Объединенных Наций (так назывались государства, входившие во время войны в антигитлеровскую коалицию), о готовности индийцев защищать страну от японцев с оружием в руках в союзе с Великобританией, США и Китаем. При этом он неизменно подтверждал свою оппозицию британскому правлению в Индии.

В апреле 1942 г. в Индию прибыли американские войска. Отношение индийцев к участию США в обороне Индии было неоднозначным, а скорее негативным. В этой связи Ганди писал: «Мы знаем, что означает американская помощь. В конечном итоге она означает усиление американского влияния, если не американское правление, в дополнение к британскому правлению. Это огромная цена за возможный успех союзных сил»⁵⁵⁷.

В июне 1942 г. американский корреспондент Луис Фишер посетил Ганди в его ашраме в Севаграме. Он задал вопрос Ганди о сотрудничестве между Индией и союзниками. Его ответ был опубликован в газете «Хариджан» 14 июня 1942 г. Ганди утверждал: «Америка – союзник Англии, которая держит нас в рабстве. Я совершенно не уверен, что демократии (Англия и США) создадут более справедливый мир после того, как победят фашистов. Они сами могут стать такими же фашистскими». Далее он пояснил свою мысль: «Я не вижу никакой разницы между фашистскими или нацистскими державами и союзниками. Все они эксплуататоры, все прибегают к жестокости, чтобы достичь своей цели. Америка и Британия великие государства, но их величие будет повержено в прах перед судом безмолвных народов Африки и Азии. Именно Америка и Британия одни в состоянии исправить зло. У них нет права говорить о свободе человека и тому подобном, пока они не смоят грязь со своих рук»⁵⁵⁸.

29 апреля 1942 г. в Аллахабаде на сессии Всеиндийского комитета Конгресса президент партии Абул Калам Азад подтвердил неизбежность решения о полной независимости: «Только свободная Индия может защитить себя». Вместе с тем он выступил против тех, кто думал «поменять хозяев Индии», то есть англичан, на японцев. Среди участников заседания разгорелась острая дискуссия как по оценке сложившейся ситуации, так и о будущих действиях партии. 1 мая 1942 г. была принята резолюция, которая призывала к полному ненасильственному несотрудничеству с японцами в случае их нападения на Индию.

В течение мая 1942 г. Ганди настойчиво призывал англичан уйти из Индии. Наиболее полно его идеи по этому вопросу, а также об отношении к японцам были сформулированы в беседе с бомбейски-

ми и гуджаратскими конгрессистами 15 мая 1942 г. Он заявил: «Я говорю им – уходите. Почему я делаю это? Потому что в любом случае они должны уйти. Они терпят поражение, начиная с Сингапура, затем в Бирме, а теперь уже у ворот Индии. Если они будут продолжать оставаться здесь, это будет означать страдание для Индии. Да, я прошу их уйти. А если они не сделают этого? Тогда я должен подумать, что делать. Если они не послушаются моего совета, я буду вынужден заставить их уйти при помощи несотрудничества или гражданского неповиновения. А, может быть, при помощи того и другого». При этом Ганди заявил, что он не выступает на стороне японцев, поскольку «Япония для меня является агрессором», а англичане – «непосредственными агрессорами, они несколько не лучше японцев»⁵⁵⁹.

На вопрос: не будет ли массовое гражданское неповиновение прямой помощью японцам, Ганди ответил: «Нет. Мы выгоним британцев, но не приглашаем японцев. Прежде всего, я не согласен с теми, кто считает их освободителями. Фактически, я считаю, что мы должны выступить против Субхас Боса... Если он имеет в виду установить правительство Индии под властью японцев, мы будем противодействовать этому...мы выступим только против британцев. Японцы могут рассчитывать на то, что мы подпишем с ними пакт о нейтралитете. А почему бы и нет? Почему они должны вторгаться к нам? А если они это сделают, мы будем сопротивляться»⁵⁶⁰.

Поясняя свою позицию по отношению к тем индийцам, в том числе коммунистам, которые полагали, что Индия должна быть на стороне международных сил, борющихся за свободу таких стран, как Китай, ведущий борьбу с Японией, Ганди сказал: «О какой Индии идет речь? Индия как таковая не существует. Она в кармане у Британии. Как может такая Индия оказывать помощь и почему? Британцы ничего нам не дали, в то время как требуют от нас всего. А что, разве мы им не помогаем... Каждый месяц 50 тысяч индийцев отправляются в армию... Кроме того, Британия получает финансовую помощь от Индии»⁵⁶¹.

В конце мая 1942 г. британское правительство стало получать информацию от секретных служб о том, что Ганди готовит массовое движение в форме гражданского неповиновения британским властям в районах, непосредственно подверженных японской угрозе. На митинге в Лахоре 22 мая 1942 г. Неру заявил, что Индию ожидают большие изменения, что в течение нескольких последующих месяцев мировая история будет написана в двух странах – Индии и России. Что касается Конгресса, то он не может пойти на компромисс с британским правительством. «Формирование правительства, подчиненного британской власти, означало бы согласие с британским

правлением, с чем я ни на минуту не готов согласиться». Относительно других партий, в частности Мусульманской лиги и Хинду махасабхи, он говорил, что «если они готовы работать вместе с Конгрессом, чтобы сначала освободить Индию, решение религиозно-общинной проблемы будет, несомненно, более легким»⁵⁶².

В этой связи интересно наблюдение Неру, который писал, что индийцы не питали симпатии к Японии, но получали удовлетворение, наблюдая крушение старых европейских колониальных держав под натиском вооруженной мощи азиатской державы. Прояпонские настроения, отмечал Неру, «практически отсутствовали, ибо никто не желал менять хозяев, прокитайские же настроения были сильны и широко распространены». Однако была небольшая группа людей, позиция которых была косвенно прояпонской – в том смысле, что они рассчитывали воспользоваться японским вторжением в интересах освобождения Индии... Большинство было, конечно, попросту пассивным, молча выжидая дальнейшего развития событий»⁵⁶³.

В Индии довольно широко было распространено мнение, что в случае оккупации японцами некоторых восточных районов страны произойдет развал английской администрации в других районах. В результате возникнет хаос. Примером служили Малайя и особенно Бирма, где под натиском японских войск британская власть перестала существовать. Однако с учетом того, что Индия – обширная страна, едва ли кто-либо мог ожидать, чтобы японцы могли захватить сколько-нибудь значительную ее часть. Перед глазами был пример Китая, в котором они не смогли или не планировали захватить все китайские территории. Возникал вопрос, что следует предпринять Индии в том случае, если часть страны будет оккупирована, как действовать в ней? И что делать, если британская администрация в остальной Индии перестанет существовать? В любом случае Конгресс настаивал «на необходимости любой ценой сопротивляться захватчику»⁵⁶⁴.

В это же время в Великобритании серьезно задумывались над тем, как защитить Индию, а тем самым и саму метрополию от нашествия держав оси. 22 апреля 1942 г. Черчилль писал Рузвельту: «Я считаю, что до соединения японцев и немцев [в Индии] – еще очень и очень далеко, но понимаю, что не следует упускать из виду и отдаленную возможность». А позже, по другому случаю, он подчеркивал: «Нашим первым обязательством перед империей была защита Индии от японского вторжения, которое ей, по-видимому, угрожало... допустить, чтобы немцы и японцы подали друг другу руку в Индии или на Северном Востоке, было бы неизмеримой катастрофой для дела союзников. По значению я признавал ее почти равносильной отступлению Советской России за Урал или даже

заключению ею сепаратного мира с Германией. В то время я не считал вероятным ни то ни другое. Я верил в силу русских армий и русской нации, защищавших свою родную землю. Однако наша индийская империя со всей ее славой могла оказаться легкой добычей... Без активной английской помощи Индия могла быть завоевана в течение нескольких месяцев»⁵⁶⁵.

О военной ситуации в начале 1942 г. Черчилль писал следующее: «... в этот момент мировой борьбы никто не мог быть уверен, что Германия не сломит Россию, а затем не сумеет повернуть и вторгнуться в Англию либо, избрав другое направление – через Кавказ и Персию, не сомкнется с японскими авангардами в Индии»⁵⁶⁶.

Как показали последующие события, ни один из этих вариантов не сработал, потому что на пути гитлеровской Германии встал Советский Союз, который огромными усилиями и жертвами перемолол непобедимую раньше мощь немецкой военной машины.

26 мая 1942 г. Великобритания и Россия подписали военный договор сроком на 20 лет. В свою очередь, англо-американский союз укрепил военные позиции Великобритании в Индии. 4 июня 1942 г. в Дели были обнародованы сведения о поставке вооружений в Индию из США. Через несколько дней в Индию прибыл крупный конвой судов с американским вооружением и военным оборудованием. В восточных районах страны – Ассаме и Бенгалии, были приняты меры по противодействию нападению Японии, чьи самолеты совершали облеты границы Индии. Но по мнению индийцев, такое нападение было маловероятно, поскольку к тому времени уже начался сезон тропических дождей. Тем не менее Калькуттский университет и все его колледжи закрылись на неопределенный период. Были закрыты и все школы в Бенгалии. Ситуация оставалась напряженной.

И в это самое время Ганди вновь и вновь выступал с требованиями к Британии уйти из Индии. Каким образом все это сочеталось с индийской помощью Великобритании в борьбе против Японии и Германии? Ответ частично содержался в письме Ганди президенту Рузвельту от 1 июля 1942 г. Ганди писал: «Я хотел бы превратить в добрую волю те недобрые чувства, которые... существуют в Индии по отношению к Великобритании. Это нужно для того, чтобы позволить миллионам индийцев сыграть свою роль в нынешней войне. Однако, находясь под чужеземным господством, мы не можем внести какой-либо эффективный вклад в эту войну, кроме как оставаться рабами... Я беру на себя смелость сказать, что заявление союзников о том, что они борются во имя обеспечения свободы личности и за демократию, звучит неубедительно, в той мере, в какой это касается Индии, эксплуатации Африки Великобританией и про-

блемы негров в Америке. Но чтобы избежать всех этих сложностей, я ограничусь только Индией. Если Индия станет свободной, все остальное последует за ней, хотя и не автоматически». Он писал, что для предотвращения японской агрессии в Индии и для защиты Китая союзники могут держать свои войска в Индии, за их счет. Что касается Индии, то она должна быть такой же свободной, как Америка и Великобритания⁵⁶⁷.

26 июля 1942 г. в газете «Хариджан» Ганди опубликовал статью «Каждому японцу», в которой он писал: «Мы поднялись на вооруженное восстание против британского правления... Наш призыв к Великобритании [уйти из Индии] сочетается с предложением свободной Индии разрешить союзникам оставить их войска в Индии. Это предложение сделано для того, чтобы доказать, что мы не имеем в виду причинение ущерба делу союзников, а также для того, чтобы вы не подумали, что можете прийти в ту страну, из которой ушла Великобритания». Несколько днями раньше в той же газете «Хариджан» Ганди в статье «Каждому британцу» призвал их поддержать его требование к правительству Великобритании «добровольно и мудро» уйти из своих азиатских и африканских владений или, по крайней мере, из Индии⁵⁶⁸.

Призыв Ганди «Прочь из Индии!»

14 июля 1942 г. Рабочий комитет Конгресса на заседании в Вардхе принял предложенную Ганди резолюцию «Прочь из Индии!». Это требование сопровождалось такими словами: «Конгресс будет вынужден использовать все возможности ненасилия, которые накопил с 1920-х годов, когда обратился к ненасилию как части его политики по защите прав и свобод». За несколько дней до этого Ганди призывал мусульман Индии, в том числе и сторонников Мусульманской лиги присоединиться к движению «Прочь из Индии!». Он в полной мере сознавал всю драматичность момента, когда говорил: «Я поджигаю свой собственный погребальный костер, чтобы прекратить агонию»⁵⁶⁹.

Решение Рабочего комитета Конгресса вызвало противоречивые отклики со стороны других политических партий и группировок. Джинна заявил, что решение о неделимой Индии является не чем иным, как стремлением установить правление Конгресса, что на деле означает правление индусов. Кроме того, требование уйти из Индии в критический момент ставит Великобританию в трудное положение. Джинна призвал мусульман не поддерживать такую позицию Кон-

гресса. По существу, Мусульманская лига выступила на стороне британского правительства.

Хинду махасабха, со своей стороны, официально заявила о поддержке Великобритании и призвала индусов рекрутироваться в англо-индийскую армию. Позже, 2 августа 1942 г., лидер Хинду махасабхи Саваркар уточнил позицию партии: она поддержит требование Конгресса об уходе англичан из страны, если Конгресс возьмет на себя твердое обязательство сохранить территориальное единство и неделимость Индии.

В отличие от Хинду махасабхи РСС, который не занял пробританскую позицию по вопросу о вовлечении Индии во Вторую мировую войну, тем не менее не поддержал полностью и конгрессистскую «августовскую революцию» 1942 г. (об этом позже) и требование Конгресса к англичанам – «Прочь из Индии!». Отдельные члены РСС участвовали в движении 1942 г. в их индивидуальном качестве. Такой подход объяснялся весьма прагматически: РСС считал, что настало время укреплять организацию, а не сидеть в тюрьмах. Действительно, после ареста многих лидеров Конгресса и его активистов РСС воспользовался образовавшимся политическим вакуумом и стал активно расширять свое влияние среди индусов.

По мнению Б.Р. Амбедкара, объявленное Ганди массовое движение против британского правительства было «безответственным и безумным».

Умеренные представители индийской общественности высказали сожаление по поводу решения Ганди настаивать на уходе Великобритании из Индии, в то время как Япония угрожает ей вторжением. Отвечая на все это, Ганди заявил, что он без колебаний начнет самое мощное движение в его жизни, чтобы добиться удовлетворения своих требований, и что движение может начаться неделю спустя после намеченного на 7–8 августа заседания Всеиндийского комитета Конгресса в Бомбее. Движение не будет прекращено даже в случае его ареста⁵⁷⁰.

Со времени объявления Конгрессом о подготовке движения «Прочь из Индии!» (14 июля 1942 г.) и до решающего заседания ВИКК 7 августа 1942 г. британские власти предпринимали меры с целью не допустить, чтобы это движение нанесло ущерб позициям англичан в Индии и затруднило их военные действия на Востоке и Ближнем Востоке. Их задачей было полностью сохранить свое влияние в Индии не только на весь период войны, но и после нее.

В то же время британское правительство адекватно оценивало реальные возможности Конгресса под руководством Ганди создать для него большие проблемы в Индии. Поэтому оно стремилось вбить клин между Конгрессом и другими политическими силами. 23 июля

1942 г. правительство заявило, что снимет запрет на деятельность Коммунистической партии Индии, и стало освобождать коммунистов из тюрем. Этому предшествовало изменение позиции руководства КПИ после нападения фашистской Германии на Советский Союз. Тогда КПИ призвала к поддержке Великобритании и сотрудничеству в борьбе против Германии и Японии. Это дало основание Конгрессу обвинять компартию в «предательстве» интересов Индии в ее борьбе за национальное освобождение. Впоследствии в самой КПИ высказывалось мнение, что такая позиция партии во время Второй мировой войны нанесла ей долговременный ущерб.

Английские власти также пытались усилить влияние партий и группировок, выступавших против Конгресса. Для этой цели был расширен до 15 членов Исполнительный совет при вице-короле, в который были включены представители мусульман, сикхов и зарегистрированных каст. Одновременно проводилась целенаправленная работа по дискредитации Ганди и других руководителей Конгресса.

5 августа 1942 г. Рабочий комитет Конгресса вновь обратился к Объединенным нациям и отдельно к Великобритании с призывом освободить Индию. В резолюции Конгресса говорилось о целях внешней политики свободной Индии. Во-первых, союз с Объединенными Нациями для эффективного противостояния агрессии; во-вторых, освобождение всех стран Азии, находящихся под колониальным господством; в-третьих, создание Объединенными Нациями Всемирной федерации свободных наций (своеобразный прообраз ООН) для обеспечения будущего мира, безопасности и прогресса в мире; в-четвертых, разоружение наций под эгидой этой федерации.

В резолюции Рабочего комитета Конгресса подчеркивалась необходимость создания после ухода англичан временного правительства из представителей главных индийских партий и групп. Основной его задачей должна стать защита Индии вместе с союзными войсками. Будущая конституция страны должна быть приемлемой для всех слоев населения и основана на федерализме. В тот же день Неру выступил в поддержку движения «Прочь из Индии!», указав при этом, что нельзя допустить вывода из Индии союзных войск, так как это открыло бы двери для вторжения Японии в страну⁵⁷¹.

Ответом Объединенных Наций на призыв Конгресса не последовало. Что касается Великобритании, то Криппс от имени правительства повторил прежние предложения, сделанные им во время визита в Индию. Он заявил, что считает неразумным, чтобы индийский народ требовал полных и фундаментальных изменений в то время, когда продолжаются военные действия⁵⁷².

«Августовская революция»

7 августа 1942 г. на сессии Всеиндийского комитета Конгресса в Бомбее партия решительно потребовала ухода Великобритании из Индии, провозглашения ее независимости, создания временного правительства страны, которое стало бы союзником Объединенных Наций. Подчеркивалось, что независимость придаст Индии силы бороться против агрессии. «Свобода Индии должна стать символом и прелюдией к свободе всех других азиатских наций, находящихся под иностранным господством. Бирма, Малайя, Индокитай, Голландская Индия, Иран и Ирак также должны обрести свою полную свободу. Следует ясно понимать, что те из указанных стран, которые находятся в настоящее время под японским контролем, впоследствии не должны попасть под господство или контроль какой-либо другой колониальной державы», – говорилось в резолюции ВИКК⁵⁷³.

Выступая по этому вопросу, Ганди заявил: «Я хочу, чтобы мы получили свободу немедленно... Я говорю: ничего другого, кроме свободы». Он также подчеркнул: «Я даю вам короткую мантру. Вы можете запечатлеть ее в своих сердцах и при каждом вашем дыхании произносить ее. Вот она: "Сделай или умри". Мы либо освободим Индию или умрем в попытке сделать это. Мы больше не будем жить в рабстве»⁵⁷⁴.

Подытоживая обсуждение, Неру сказал, что Конгресс «будет вести борьбу до конца». Голос Индии представляет «голос всего угнетенного человечества». Нынешняя мировая война является «прелюдией» огромной революции, охватившей весь мир. «Война может закончиться или продолжиться еще какое-то время, но мира не будет, равновесие не будет достигнуто до тех пор, пока эта революция не пойдет своим путем». К сожалению, лидеры на Западе «не сознают революционного значения этой войны... Черчилль и другие англичане не отказались от мышления категориями англосаксонской расы... Сейчас слишком много говорят о величии и достоинстве англо-саксонской расы, или германской расы, или итальянской расы. Но существуют также и другие расы в мире... Нельзя более терпеть расовое превосходство», – сказал Неру. «Несмотря на все угрозы и опасности, Англия не хочет отказаться от империализма и империи... В течение последних нескольких месяцев мы наблюдали невиданный ранее пример неэффективности и некомпетентности английского правительства. Вся эта система насквозь прогнила»⁵⁷⁵.

Неру подверг критике и Америку: «Могу ли я, при всем уважении к великому американскому народу, сказать ему, что он неправильно вел себя в отношении Индии, Китая и всей Азии. Американцы считали Индию придатком Британии, а Азию – зависимой от Европы и Америки. Некоторые из них доброжелательно относятся к этим странам, но всегда с оттенком превосходства. Они всегда считали себя выше нас из-за изобретений машинной эпохи, рассматривая нас как невежественных отсталых людей. Но народы Азии не намерены, чтобы и впредь с ними обращались таким же образом. Азия – мать-континент всего мира, а Индия и Китай – материнские страны мира...» В заключение Неру подчеркнул: «... если японцы придут в Индию, будем страдать все мы, а не люди в Лондоне и Вашингтоне. Нам придется умереть, испытать невиданные страдания и муки. Эти люди поучают нас из Вашингтона, Нью-Йорка и других мест. Но вы сами знаете, что такое Япония. Мы знаем, что такое подчинение и зависимость, мы знаем это лучше американцев или англичан. Мы испытываем это в течение двухсот лет. И мы пришли к решению сбросить оковы в огонь и стать свободной страной, а не превращаться в пепел»⁵⁷⁶.

8 августа 1942 г. ВИКК в Бомбее принял решение начать массовую борьбу за независимость Индии и довести ее до конца. Но на следующий день в 5 часов утра полиция провела аресты Ганди, Неру, Азада, Пателя, Сароджини Наиду, Ашоки Мехты, Асафа Али, других членов Рабочего комитета Конгресса по обвинению в подготовке заговора с целью свержения колониального режима. Были арестованы и руководители провинциальных организаций Конгресса, а деятельность партии была запрещена. Аресты руководителей Конгресса обезглавили партию и движение. Но часть активистов Конгресса ушла в подполье. Среди них была Аруна Асаф Али (1909–1996). Именно она подняла на площади в Бомбее трехцветный флаг национально-освободительного движения и объявила о начале кампании «Прочь из Индии!»⁵⁷⁷.

Массовые демонстрации и забастовки протеста, в которых приняли участие десятки тысяч людей, получившие название «Августовской революции», были жестоко подавлены властями.

Колониальные власти действовали в соответствии с хорошо разработанным планом, предусматривавшим упреждающий удар по организациям Конгресса. У них были все возможности, для того чтобы сокрушить «Августовскую революцию» – в их распоряжении находилась не только полиция, но и огромная армия, созданная во время Второй мировой войны. Только в первые дни после объявления Конгрессом движения «Прочь из Индии!» для его подавления, кроме полиции, было использовано 50 армейских батальонов. Власти

действовали жестко и быстро. После ареста главных лидеров конгрессистское движение осталось без центрального руководства, без координации деятельности провинциальных организаций, которые вынуждены были действовать по своему усмотрению, без какого-либо общего плана. Их действия состояли в основном в нападениях на полицейские участки и почту, железнодорожные станции и пути сообщения. На короткий период управление в ряде дистриктов в Бихаре, Уттар-Прадеше и Ассаме было нарушено. Но уже через несколько недель власти взяли ситуацию под свой контроль.

Тем не менее, к концу 1943 г. было уничтожено или повреждено 332 полицейских участка и 945 почтовых зданий. По участникам движения полиция неоднократно открывала огонь. В результате было убито 763 человека, ранено – 1941. Были подвергнуты наказанию публичной поркой 2562 человека и арестовано более 91 800⁵⁷⁸.

После подавления движения англичане смогли снять внутреннее напряжение в стране до окончания войны не только тем, что посадили в тюрьмы главных лидеров Конгресса, но и тем, что оставили на свободе таких политиков, как руководители «умеренных» и мусульман, которые были склонны сотрудничать с властями или, по крайней мере, не создавали им проблем.

Вместе с тем эта демонстрация имперской мощи вызвала возмущение даже у тех индийцев, которые не поддерживали движение «Прочь из Индии!». Несмотря на его поражение, оно стало серьезным предупреждением колониальным властям о возможном будущем выступлении Конгресса уже после войны, когда они не могли бы рассчитывать на огромные материальные, военные и психологические ресурсы, использованные ими для подавления «Августовской революции».

В течение всей Второй мировой войны в Индии явно обозначились свидетельства утраты англичанами опоры среди части населения, на которую они полагались в управлении страной. Важными ее элементами были индийские политики, которые после конституционных реформ 1919 г. активно вовлекались в структуры поддержки властей. Однако к 1946 г. эта опора была серьезно ослаблена. Главными инструментами принуждения у колониальной администрации оставались армия и полиция, в которых большинство рядового состава (но не офицерского) составляли индийцы. К концу войны англичане начали подвергать сомнению их лояльность властям полиции и армии.

Еще одна угроза колониальному управлению Индией нависла в связи с изменениями в составе Индийской гражданской службы (ИГС) – «стального каркаса» империи. В 1920–1930-е годы происходил ак-

тивный набор индийцев в ИГС. В 1943 г. этот набор был приостановлен, так же как из-за войны сократилось и количество англичан, поступавших на эту службу. В результате уменьшилась общая численность работающих в ИГС. В 1940 г. впервые число индийцев в ней превысило число европейцев (соответственно 614 против 587). В начале 1947 г. их соотношение было уже равно 510 к 429. К этому времени индийцы в ИГС занимали крупные посты. Но, что более существенно: многие из них сочувствовали настроениям в обществе и, естественно, задумывались над тем, какую роль им придется играть в ситуации, при которой власти вновь могут прибегнуть к насилию. Не случайно вице-король Уэйвелл в декабре 1946 г. докладывал в Лондон, что индийские чиновники ИГС не будут готовы осуществлять «твердую политику», если Великобритания не останется в Индии, по крайней мере, на десять лет, чтобы защитить их интересы⁵⁷⁹.

6 мая 1944 г. после года и девяти месяцев заключения Ганди был освобожден по состоянию здоровья. Это было его последнее заточение в тюрьме. А всего он провел в британских тюрьмах 2338 дней, 2089 дней – в Индии и 249 дней – в Южной Африке⁵⁸⁰. Другие лидеры Конгресса оставались в тюрьмах до мая 1945 г. 15 июня того же года был освобожден и Дж. Неру – спустя 1041 день после ареста в августе 1942 г. Так закончилось его девятое, самое длительное, заточение. А всего Неру провел в тюрьмах более девяти лет⁵⁸¹. Отметим, что в то время как лидеры Конгресса находились в тюрьмах, основные руководители Мусульманской лиги находились на свободе, в том числе М.А. Джинна, который за все годы борьбы за независимость ни разу не был арестован колониальными властями⁵⁸².

Глава 18

С.Ч. БОС ИЩЕТ ПОДДЕРЖКИ У ДЕРЖАВ ОСИ

С.Ч. Бос в гитлеровской Германии

Между тем Бос после прибытия в Берлин 2 апреля 1941 г. представил немцам свой «План сотрудничества между державами оси и Индией». В нем, в частности, говорилось, что Индия заинтересована в полном поражении Великобритании в войне, в распадае Британской империи, что дало бы возможность Индии добиться независимости. Британская империя представляет собой главное препятствие к сво-

боде не только на пути Индии, но и всего человечества. Поскольку отношение индийского народа к англичанам в нынешней войне исключительно враждебное, он (Бос) может оказать содействие в том, чтобы «выбросить» Великобританию из своей страны. Сотрудничество Индии можно обеспечить в том случае, если индийцы будут уверены в том, что победа держав оси приведет к освобождению Индии.

Для достижения «общей цели» – поражения Великобритании – предлагалось осуществить совместные действия в Европе, Афганистане, на территории племен между Афганистаном и Индией, и в самой Индии. В Европе, предпочтительнее – в Берлине, создать «Правительство свободной Индии», заключить соглашение между державами оси и этим правительством, которое предусматривало бы в случае победы держав оси создание для них особых условий в Индии после установления там независимого правительства.

«Планом сотрудничества» предусматривалось проведение пропагандистской кампании, особенно на «Радио свободной Индии», с призывом к индийскому народу бороться за независимость, поднять восстание против британских властей. Предлагалось создать в Кабуле центр для связи между Европой и Индией, пропагандистский центр на территории племен, а также агентурную сеть для ведения военной разведки, и т.д. Финансирование всей этой работы должно осуществляться державами оси в форме займа «правительству свободной Индии». После окончания войны и установления правительства независимой Индии он будет полностью выплачен.

В своем плане Бос писал, что общее число войск в Индии, включая вооруженную полицию, составляло около 250 тыс. человек, из них англичане – 70 тыс., индийцы – 180 тыс., которыми командовали в основном британские офицеры. После начала войны около 100 тыс. солдат были посланы на Ближний Восток, Средний Восток и Дальний Восток. Чтобы восполнить этот дефицит в самой Индии, британское правительство в течение последних 15 месяцев рекрутировало в армию 100 тыс. индийцев и планирует дополнительно набрать в армию еще 500 тыс. человек. В революционной ситуации британское правительство может полагаться только на английских солдат. Поэтому, когда индийские войска поднимут восстание, британцам будет трудно удержать власть. В этот момент, если 50 тыс. солдат держав оси, вооруженных современным оружием, придут на помощь Индии, британцы могут быть выброшены из Индии.

Бос особо подчеркивал, что поражению британцев в Индии может содействовать Япония. Ее продвижение на юг приведет к открытому столкновению с Великобританией. И даже если Америка придет на помощь англичанам, японцы все равно могут одержать

победу. Поражение британского флота на Дальнем Востоке, а также в Сингапуре ослабит британскую военную мощь и престиж Великобритании в Индии⁵⁸³.

После нападения Германии на Советский Союз Бос понял, что его планы по вовлечению Германии в борьбу за освобождение Индии рушатся. Сразу же после этого он направил письмо чиновнику МИД Германии Верманну из Рима, где в то время встречался с министром иностранных дел Италии Чиано. Бос, в частности, писал: «В изменившейся ситуации перспективы реализации моих планов выглядят мрачными... Реакция общественности моей страны на новую ситуацию на Востоке [Европы] не в пользу Вашего правительства»⁵⁸⁴.

Несколько позже Бос заявил в Берлине немцам, что германо-советская война – трагическая ошибка, так как «индийский народ определенно считает Германию агрессором. Поэтому для Индии она является еще одной империалистической державой». Он настаивал на том, чтобы державы оси немедленно заявили о своем намерении освободить Индию. Немцы уклонились от ответа на это требование.

Бос не смог добиться от гитлеровского руководства каких-либо обязательств в отношении независимости Индии. Но ему было разрешено создать Центр «Свободная Индия», который объединял несколько десятков индийцев. Основная деятельность центра заключалась в публикации газеты «Азад Хинд» («Свободная Индия») и ведении радиопередач на Индию на английском, хинди, персидском, пушту, тамили, телугу и еще нескольких индийских языках. Вся эта работа контролировалась немецкими властями. В своем первом выступлении по радио «Азад Хинд» 19 февраля 1942 г. Бос подчеркнул, что враги британского империализма являются естественными союзниками Индии, так же как союзники британского империализма сегодня являются естественными врагами его страны⁵⁸⁵.

Бос также пытался создать так называемый Индийский легион из своих соотечественников, попавших в плен к немцам и итальянцам во время военных действий в Африке. Имелось в виду, что этот легион составит ядро армии освобождения Индии. К концу 1942 г. в легион вступило около 3500 человек. Реальное командование легионом осуществляли немцы, а его деятельность в Бельгии, Голландии и Франции сводилась к патрулированию и вспомогательным работам. В целом роль Индийского легиона в Европе была, по существу, символической⁵⁸⁶.

После единственной встречи Боса с Гитлером 27 мая 1942 г. его иллюзии относительно искренности немцев в оказании помощи индийцам в борьбе за независимость окончательно рассеялись. Гитлер заявил, что он выступает против опубликования декларации об осво-

бождении Индии, поскольку это не имеет смысла в условиях, когда враг еще окончательно не разбит. Если бы у него было полдюжины бронетанковых дивизий и несколько моторизованных дивизий к югу от Кавказского хребта для поддержки арабских и египетских повстанцев, тогда он без колебаний опубликовал бы такую декларацию. Но такая возможность может появиться в течение трех месяцев или даже одного–двух лет. Что касается Индии, то она бесконечно далека от Германии. Путь к Индии, сказал Гитлер, мог бы лежать через «труп России». Он также сказал Босу, что британское господство в Индии можно сокрушить только одновременными совместными усилиями революции в самой Индии и военным ударом держав оси. Германии потребуется еще один или два года, чтобы она смогла оказать прямое давление на Индию, в то время как японское влияние на Индию можно будет почувствовать уже через несколько месяцев. Поэтому Гитлер посоветовал Босу выехать в Японию. Он предложил использовать для этой цели германскую подводную лодку, если японцы не смогут предоставить свою.

Гитлер суммировал четыре главных задачи, стоящие перед Индией: нейтрализация британского влияния; выступление в качестве барьера против давления СССР; достижение соглашения с Японией по вопросу о восточной границе с Индией и, наконец, внутренняя реорганизация Индии с целью достижения единства, что может занять сто или даже двести лет⁵⁸⁷.

Шеф политической разведки гитлеровской Германии Вальтер Шелленберг особо отмечал, что в беседе с Босом Гитлер подчеркнул: «...в данный момент его не особенно интересует Индия, и что он предпочел бы предоставить Японии следить за ней и в политическом и в стратегическом отношениях. И только в том случае, если удача будет ему сопутствовать и впредь, если будут завоеваны Южная Россия и Кавказ, и немецкие танки достигнут Ирана, тогда и только тогда он будет готов совещаться с Босом о будущем Индии»⁵⁸⁸.

Индийская национальная армия (ИНА)

После долгих переговоров немцев с японцами о том, как переправить Боса на Восток, 8 февраля 1943 г. Бос покинул г. Киль на германской подводной лодке U-180. 28 апреля в районе острова Мадагаскар он перебрался на японскую подводную лодку I-29, которая доставила его в Сабанг близ острова Суматра 6 мая 1943 г. Оттуда самолетом он прилетел в Токио 16 мая 1943 г. Дважды – 10 и 14 июня 1943 г. – Бос был принят премьер-министром Японии генералом

Хидеки Тодзио. Через несколько дней, выступая в парламенте, Тодзио заявил: «Япония твердо решила использовать все средства, чтобы помочь изгнать и устранить из Индии англо-саксонцев, которые являются врагами индийского народа, и способствовать Индии добиться независимости в полном смысле этого слова»⁵⁸⁹.

Отъезд Боса из Германии совпал с окончанием Сталинградской битвы 2 февраля 1943 г., которая стала переломным событием во Второй мировой войне. Другое дело на Востоке, где ситуация складывалась иначе. Японские войска уже к весне 1942 г. захватили Бангкок, Малайзию, Сингапур, а позже – Рангун (8 марта) и подошли к границам Индии. Сокрушительное поражение англичан в Юго-Восточной Азии оказало большое влияние на два с половиной миллиона этнических индийцев, проживавших в этом регионе. К тому времени у японцев находилось почти 55 тыс. индийских военнопленных, которых они собирались использовать в войне против английской армии. После захвата японцами Сингапура более 40 тыс. пленных индийцев были переданы под руководство также плененного ими капитана 14-го Панджабского полка Мохана Сингха.

Это положило начало созданию Индийской национальной армии (ИНА). 16 февраля 1942 г. премьер-министр Тодзио заявил, что захват Сингапура «предоставляет Индии великолепную возможность избавиться от жесткого британского гнета и принять участие в создании Великой Восточно-Азиатской сферы сопротивления». Тодзио не сказал ничего нового по сравнению с его предыдущими заявлениями на эту тему. Это его выступление не означало признания борьбы индийцев за независимость. Но очевидно, что Тодзио решил воспользоваться моментом и подтолкнуть индийцев к усилению борьбы против Англии. Представляет интерес, что в это же время (9 февраля) в Индии находился Чан Кай-Ши (1887–1975), который, помимо встреч с руководством колониальных властей, беседовал и с Ганди. Он обратился к индийскому народу с призывом «добровольно взять на себя полную долю ответственности в нынешней борьбе за спасение свободного мира, в котором Индия должна играть свою роль». При этом он подчеркнул, что Англия «должна как можно скорее передать реальную политическую власть народу Индии»⁵⁹⁰.

До августа 1942 г., пока не началась в Индии «Августовская революция», японцы не помышляли использовать индийских солдат в боевых действиях, но вели с их помощью пропаганду и разведку. Они приостановили свое продвижение к Индии в ожидании того момента, когда германские войска достигнут Персидского залива и Красного моря. Тогда можно было бы установить прямой военный контакт между двумя державами оси. Правда, надежд на это остава-

лось все меньше и меньше. «Августовская революция» в Индии хотя и способствовала подъему патриотического духа среди Индийской национальной армии, но не привела к изменению ситуации в пользу Конгресса и других национальных сил в самой Индии и за ее пределами. И тем не менее, к концу августа 1942 г. около 40 тыс. индийцев записались в ИНА. К 10 сентября 1942 г. первая индийская дивизия ИНА численностью в 16 тыс. солдат была готова к боевым действиям.

Капитан Мохан Сингх настаивал на формировании второй дивизии и даже на создании индийской армии из 250 000–500 000 солдат. Японцы не хотели форсировать события в этом направлении. Они не торопились признавать решения Бангкокской конференции (15–23 июня 1942 г.), в которой участвовали представители ИНА, Лиги индийской независимости и индийских общин, проживавших в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Бангкокская конференция потребовала, чтобы организация и управление ИНА находились в руках самих индийцев и чтобы ИНА стала национальной армией независимой Индии на условиях равенства с армией Японии. Решение вопроса о любой военной акции против британской или иной иностранной власти в Индии ставилось в зависимость от позиции Индийского национального конгресса. Конференция требовала, чтобы после освобождения Индии японское правительство уважало территориальную целостность и признало полный суверенитет Индии⁵⁹¹.

Премьер Тодзио выразил крайнее недовольство решениями этой конференции и назвал их «наглыми»⁵⁹². Японцы были заинтересованы в использовании ИНА в своих целях, но отказывались признавать независимость Индии. Не хотели они признавать и самостоятельности ИНА.

Между тем военная ситуация стала меняться не в пользу Японии. В мае и июне 1942 г. японский флот впервые за время войны потерпел ощутимое поражение в морских боях с американскими кораблями в Коралловом море и около атолла Мидуэй. Эта победа США лишила Японию господствующего положения на Тихом океане и оказала немалое влияние на их действия на суше⁵⁹³.

Что касается ИНА, то поведение японцев по отношению к индийцам становилось все более высокомерным и циничным. В начале декабря 1942 г. японцы дали ясно понять, что правительство Японии не несет никаких обязательств в отношении решений Бангкокской конференции и индийцам не следует ожидать от него декларации о независимости Индии. Кроме того, было заявлено, что все индийцы-военнопленные, не входящие в состав ИНА, считаются обычными пленными и не могут рассчитывать на какие-либо льготы. И наконец, дальнейшее увеличение сил ИНА может состояться только тогда, когда этого пожелают японцы.

Отношения между японским военным командованием и индийским руководством ИНА стали еще более напряженными после отказа Мохана Сингха направить части ИНА в Бирму и Голландскую Индию. Индийцы соглашались воевать только за освобождение своей страны. Конфликт завершился тем, что 21 декабря 1942 г. главнокомандующий ИНА Мохан Сингх издал приказ о роспуске ИНА и был уволен в отставку. Японцы стали разоружать ИНА. Четыре тысячи индийских солдат и офицеров ИНА были отправлены на тяжелые работы в Новую Гвинею и другие острова Тихого океана. Сам Мохан Сингх через несколько дней был арестован японцами. Ситуация зашла в тупик. К началу 1943 г. в ИНА насчитывалось около 8000 человек. Во главе Лиги индийской независимости японцы поставили Раш Бехари Боса, когда-то известного революционера, который бежал от английского суда в Индии за организацию покушения в 1912 г. на вице-короля Хардинга и с 1915 г. жил в Японии. По сценарию японцев он провел в апреле 1943 г. конференцию индийцев в Сингапуре. Лояльность индийцев к японцам была восстановлена⁵⁹⁴.

Решения Бангкокской конференции стали достоянием истории. И в это время в Японии появился харизматичный лидер Субхас Чандра Бос – однофамилец Р.Б. Боса. Прибытие С.Ч. Боса в Сингапур в июне 1943 г. открыло новую страницу в истории ИНА. При поддержке японцев он развил активную деятельность. Численность ИНА быстро возросла до 20 тыс. человек. В октябре 1943 г. он провозгласил создание Временного правительства свободной Индии, в котором занял все руководящие посты – главы государства, премьер-министра, военного министра и даже министра иностранных дел. Позже он предпочел, чтобы его называли *нетаджи* (вождь). Хотя Бос был главой виртуального государства, в ноябре 1943 г. японцы передали в его распоряжение оккупированные ими Андаманские и Никобарские острова, но под жестким контролем японского флота.

К тому времени, когда Бос принял на себя командование ИНА, во Второй мировой войне произошел коренной перелом на советско-германском фронте. Среди решающих событий этого периода было поражение немцев под Сталинградом в январе 1943 г. А битва на Курской дуге 5–12 июля 1943 г., которая завершилась разгромом немецких войск, стала самым масштабным сражением в мировой истории и, по существу, решила исход войны. По словам американских военных историков У. Муррея и А. Миллетта, германская армия потеряла большую часть своих мобильных сил. «Наступило время подведения счетов», – пишут они. После этой битвы стратегическая инициатива перешла в руки советского командования⁵⁹⁵.

После Мидуэя и Курской битвы Германия и Япония не только утратили инициативу, но уже не строили планов каких-то крупных военных действий против Индии, хотя Япония еще не оставляла надежду на антибританское выступление в этой стране. Субхас Чандра Бос с его Индийской национальной армией мог бы оказаться полезным в этом деле. Позже Мохан Сингх писал в своих мемуарах: «В неподходящее время, без должным образом подготовленных вооруженных сил, он (Бос) смело взял на себя исключительно трудную и сложную задачу провести парад великой победы перед великим Красным фортом в Дели. С теми средствами, которые были в его распоряжении, это можно было сделать только при участии и полном сотрудничестве врага [Японии], но, к сожалению, враг не собирался помочь ему в его так называемой исторической миссии»⁵⁹⁶.

Вполне очевидно, что в тот период Япония не могла сосредоточить сколько-нибудь крупные силы на индийском направлении. Для этого ей пришлось бы отозвать войска с других театров войны. Задачи, которые ставили перед собой японцы, носили ограниченный характер – занять часть побережья Бенгальского залива около Читтагонга, а также Имфал и Кохиму в Ассаме, чтобы предотвратить ожидаемое контрнаступление британских войск.

В марте 1944 г. японцы начали наступление на Имфал, в котором приняли участие около 6000 солдат ИНА. Бос настаивал на том, чтобы первыми на индийскую землю вступили солдаты его армии⁵⁹⁷. Однако к середине мая, когда начались муссонные дожди, наступление японцев захлебнулось. Намного лучше вооруженные англо-индийские войска, располагавшие авиацией и тяжелой артиллерией (чего не было у японцев), наносили удар за ударом по японской армии и солдатам ИНА. 3 июня 1944 г. японцы начали отступать. Из 220 тыс. японских солдат, участвовавших в этой кампании, выжило только 130 тыс. Тяжелые потери понесла Индийская национальная армия Боса⁵⁹⁸. Существуют разные мнения о том, сумела ли ИНА вступить на индийскую землю, о чем так мечтал Бос. Историк Тойе считает, что ИНА не удалось захватить и части индийской территории⁵⁹⁹.

Героическая и трагическая жизненная эпопея Боса закончилась 18 августа 1945 г., когда он погиб в авиакатастрофе на острове Тайвань. Однако многие индийцы считали, что его судьба была иной. Якобы Бос оказался в СССР или Китае либо жил в горах как монах и т.д.⁶⁰⁰ Так или иначе, моральный авторитет Боса в Индии как борца за независимость страны оставался очень высоким. Ганди первым назвал Боса «патриотом из всех патриотов», однако считал, что он «был введен в заблуждение». Сам Ганди говорил: «Я не хочу ничьей помощи в освобождении Индии... Я хочу, чтобы Индия сама себя освободила»⁶⁰¹.

Популярность Боса и Индийской национальной армии подтвердилась во время суда над офицерами ИНА, захваченными в плен британскими войсками. Англичане решили сначала предать суду военного трибунала трех офицеров ИНА. Им были предъявлены обвинения в измене британской короне, убийстве и подстрекательстве к убийству.

Суд над офицерами ИНА

Проходивший в открытом заседании суд начался 5 ноября 1945 г. и завершился 31 декабря того же года. Сразу же выяснилось, что колониальные власти допустили несколько серьезных политических просчетов. Первый – местом суда стал Красный форт в Старом Дели, который рассматривался всеми патриотическими индийцами как оплот независимости страны со времени Великого народного восстания 1857–1859 гг. Второй – ошибочный отбор для предания суду представителей трех крупнейших религиозных общин Индии – индуса, мусульманина и сикха. Это объединило все политические партии в защиту обвиняемых, кроме коммунистов. Последние осуждали Боса за сотрудничество с Германией и Японией и оказались в изоляции, чем причинили себе политический ущерб, который сказывался долгое время.

Конгресс использовал суд для того, чтобы бросить решающий вызов британскому правительству. Защиту офицеров ИНА вели видные индийские юристы, некоторые из них одновременно были и политическими деятелями Конгресса. Среди них – Дж. Неру, который впервые за 25 лет выступил в качестве адвоката. Защита настойчиво доказывала, что ИНА представляла независимое правительство, и поэтому подсудимые обладают иммунитетом от обвинений в измене колониальной власти. Она утверждала, что главной целью ИНА было завоевание свободы Индии и что не существовало идеологической связи между ИНА и японским фашизмом. В свою очередь, Ганди обратился к вице-королю. Он писал: «Индия восхищается людьми, которых судят. Нет сомнения, что правительство обладает подавляющей мощью. Но если оно использует ее против всеобщей оппозиции, то это будет злоупотребление властью»⁶⁰².

Суд признал всех трех офицеров ИНА виновными, но вынужден был вынести им мягкие приговоры. Вскоре после суда все они были освобождены. Английские власти хотели избежать ситуации, когда солдаты ИНА и ее руководители стали бы мучениками в борьбе за независимость Индии. Тем более что в Дели и других городах прошли массовые демонстрации в защиту ИНА. А в феврале 1946 г. в Калькутте произошли антибританские выступления.

За этим последовало восстание индийцев-моряков Королевского индийского флота в Бомбее и Карачи, а также нескольких экипажей Королевских военно-воздушных сил. 18 февраля матросы-сигнальщики на тренировочном судне «Тальвар» начали голодную забастовку, протестуя против недоброкачественной еды и дискриминации на расовой почве со стороны британских офицеров. На следующий день забастовка распространилась на 22 корабля в бомбейском порту и береговые военные подразделения. Избранный матросами забастовочный комитет потребовал улучшения питания, равной оплаты для британских и индийских моряков, а также освобождения пленных Индийской национальной армии. К 22 февраля забастовка охватила многие морские базы в стране – всего 78 кораблей и 20 тыс. матросов. В поддержку восставших матросов около 300 тыс. рабочих прекратили работу на заводах и фабриках. В город были вызваны войска, которые применили оружие. По официальным данным, было убито 228 гражданских лиц и более 1000 ранено. Патель и Джинна убедили матросов в необходимости прекратить забастовку при условии, что не будет репрессий по отношению к бастующим. Ганди осудил забастовку, которая, как он сказал, показала индийцам «плохой и недостойный пример»⁶⁰³. Восстание моряков оставило глубокий след в общественном сознании индийцев⁶⁰⁴.

Глава 19

ИНДИЯ НАКАНУНЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

В мае 1945 г. многие руководители Конгресса, в том числе его президент А.К. Азад, были освобождены из тюрем. 14 июня министр по делам Индии Л.С. Эмери заявил, что Индии будет предоставлена возможность решить вопрос о своем участии в войне с Японией на правах свободной нации, а также о том, что Англия обращается к Конгрессу и Мусульманской лиге с предложением выделить своих представителей для формирования правительства при вице-короле⁶⁰⁵.

Конференция круглого стола в Симле

С 25 июня по 14 июля 1945 г. в Симле по инициативе британских властей была проведена Конференция круглого стола с участи-

ем представителей Конгресса (Азада, Ганди и других членов Рабочего комитета партии, к которым позже присоединился освобожденный из тюрьмы Неру), Мусульманской лиги во главе с Джинной, а также представителей сикхов, включая Мастера Тара Сингха (Акали дал) и Шива Раджа из зарегистрированных каст.

На конференции выявились разногласия между Конгрессом и Мусульманской лигой по вопросу о составе Исполнительного совета (правительства) при вице-короле (всего 14 членов). Джинна требовал, чтобы Конгресс выдвигал кандидатуры только индусов, в то время как все мусульманские места в нем должны быть представлены Лигой. Руководители Конгресса настаивали, что партия имеет право предлагать кандидатуру любого индийца, вне зависимости от вероисповедания. Мусульманская лига протестовала против включения в список Конгресса любого мусульманина. По сути, это и привело к провалу конференции.

Эмери писал в этой связи: «Все наши планы разрушились прежде всего из-за неуступчивости Джинны». Ему вторил вице-король Уэйвелл: «Основной причиной провала конференции было несогласие Джинны по вопросу о представительстве мусульман в Исполнительном совете, а также нежелание Конгресса отказаться от требования представлять в нем все общины, в том числе мусульман»⁶⁰⁶.

Конференция в Симле не случайно совпала с приходом к власти в Англии Лейбористской партии во главе с Клементом Эттли. В этой связи у индийцев возникли надежды на более быстрое и справедливое решение вопросов, связанных с независимостью Индии. Многие индийцы горячо приветствовали победу лейбористов и смену секретаря по делам Индии. Вместо Эмери им стал Петик-Лоуренс. В телеграмме новому премьер-министру президент Конгресса Азад писал: «От имени народа Индии сердечно поздравляю народ Великобритании с результатами выборов, которые демонстрируют отказ от старых идей и принятие нового мира»⁶⁰⁷.

Выборы 1946 г. в Индии

19 сентября 1945 г. Эттли выступил с заявлением о намерении британского правительства провести в ближайшее время в Индии выборы в законодательные органы и после консультации с представителями этих органов сформировать Учредительное собрание для выработки конституции Индии. Было также объявлено, что после этих выборов вице-король создаст Исполнительный совет, состоящий из индийцев.

21 и 22 сентября 1945 г. на заседании Всеиндийского комитета Конгресса было принято решение участвовать в этих выборах. Вместе с тем заявление британских властей было расценено как «неясное, неадекватное и неудовлетворительное». Критике было подвергнуто и то, что выборы в Центральное законодательное собрание были ограничены узким кругом избирателей. Конгресс потребовал отмены запрета на Конгресс-социалистическую партию, Форвард-блок и крестьянские организации, а также настаивал на освобождении политических заключенных. ВИКК осудил предложение колониальных властей отложить сроки проведения выборов на конец 1945 г. – начало 1946 г.

В октябре 1945 г. руководство Конгресса издало предвыборный манифест, в котором, в частности, подчеркивалось, что партия выступает за предоставление равных прав и возможностей всем гражданам Индии, за свободу каждой группы населения развивать свою жизнь и культуру в рамках единого общего государства, за создание федеральной конституции с предоставлением широкой автономии составным частям Индии⁶⁰⁸.

Все эти события свидетельствовали о быстром падении престижа и утрате власти британской колониальной администрации. Член английского парламента от Лейбористской партии Франк Ричардс, посетивший Индию в январе–феврале 1946 г., по возвращении в Лондон сказал премьер-министру Эттли: «Мы должны как можно быстрее уйти из Индии. Если мы не сделаем этого, то нас просто вышвырнут»⁶⁰⁹. Газета «The New York Times» в то же время опубликовала статью под заголовком «Революция в Азии против Британии», в которой подчеркивалось: «Совершенно определено Индия станет сценой одной из решающих битв в послевоенный период»⁶¹⁰.

Солнце Британской империи быстро катилось к своему закату. На этот раз уже навсегда. Еще недавно казавшаяся несокрушимой империя менее чем через год после окончания Второй мировой войны начала распадаться на части. Война стала катализатором этого процесса, и не только Британской Индии, но и всей Британской империи, что коренным образом изменило политическую ситуацию как на Востоке, так и во всем мире⁶¹¹.

Миссия британского кабинета

Поражение гитлеровской Германии во Второй мировой войне, рост влияния Советского Союза, внесшего решающий вклад в борьбу против фашистской агрессии, в огромной степени способствовали укреплению национально-освободительного движения в Индии.

19 февраля 1946 г. британское правительство приняло решение направить в Индию делегацию в составе трех министров: государственного министра по делам Индии Петик-Лоуренса, министра торговли Стаффорда Криппса (который уже был в Индии с неудачной миссией в 1942 г.) и первого лорда адмиралтейства А.В. Александера. Как заявил об этом в палате общин премьер-министр Эттли, цель делегации состояла в том, чтобы «ускорить при согласии с индийцами выработку механизма, который позволил бы индийскому народу самому решать свою судьбу»⁶¹².

15 марта 1946 г. перед поездкой делегации Эттли подчеркнул, что она едет в Индию с «намерением приложить максимум усилий, чтобы помочь ей обрести свободу так быстро и полно, насколько это будет возможно... Наше желание состоит в том, чтобы помочь ей создать механизм для принятия такого решения... Я надеюсь, что индийский народ может сделать выбор, чтобы остаться в Британском содружестве». Эттли также заявил: «Мы помним о правах религиозных меньшинств, которые должны жить, не испытывая страха. С другой стороны, мы не можем позволить меньшинству наложить вето на развитие большинства»⁶¹³.

Лидеры Конгресса в целом выразили удовлетворение таким заявлением. В свою очередь, Джинна выступил с критикой высказываний Эттли. Он заявил, что индийские мусульмане составляют не меньшинство, а нацию, и самоопределение – это их право от рождения. Единственным справедливым решением проблемы Индии является ее раздел на Пакистан и Хиндустан⁶¹⁴.

На состоявшихся в апреле 1946 г. выборах большинство мест в Центральном законодательном собрании получил Конгресс. Конгресс набрал 91% голосов в общей (индусской) курии, 59% всех голосов избирателей и 56 мест в Центральном собрании вместо прежних 36. Мусульманская лига завоевала 86% голосов в мусульманской курии и около 28% всех голосов избирателей, получив 30 мест в собрании. В результате выборов две партии – Конгресс и МЛ – усилили свои позиции, в то время как ортодоксальные индусские группировки, такие как Хинду махасабха, а также Юнионистская партия в Панджабе утратили свое влияние.

Такая же картина сложилась и на выборах в провинциальные собрания зимой 1945–1946 гг., в которых участвовало 16% населения. Конгресс получил 55% всех голосов и завоевал в общей сложности 930 мест (вместо 715 в 1937 г.). В том числе ему удалось получить большинство мест и по мусульманской курии в СЗПП. Все это позволило Конгрессу сформировать правительства в восьми из 11 провинций.

Мусульманская лига завоевала 74% голосов по мусульманской курии и 427 мест в собраниях (вместо прежних 108). В Бенгалии она смогла создать свое правительство. В Панджабе и Синде голоса по мусульманской курии разделились между Мусульманской лигой и региональными партиями. На выборах 1946 г. Конгресс получил 19 млн. голосов избирателей, Мусульманская лига – 4,5 млн., все другие партии, вместе взятые, – 2,6 млн.⁶¹⁵

В целом Конгресс получил почти вдвое больше мест и в четыре раза больше голосов, чем Мусульманская лига. Но выдвинутый ею лозунг создания Пакистана оказался привлекательным для большинства мусульман. Выборы 1946 г. стали, по существу, прелюдией к разделу Индии.

Делегация правительства Великобритании, известная как «Миссия кабинета», прибыла в Индию 23 марта и находилась там до 29 июня 1946 г. Первые несколько недель пребывания миссии в стране были посвящены встречам с губернаторами, князьями, лидерами Конгресса и Мусульманской лиги, другими политическими организациями и группами.

В ходе этих переговоров выявились главные разногласия между Конгрессом и Лигой по вопросу о дальнейшей судьбе Индии. Конгресс выступал за создание единого государства в той или иной форме. Лига настаивала на создании независимого Пакистана.

В попытке найти взаимоприемлемое решение в Симле была созвана трехсторонняя конференция с участием британской делегации, руководителей Конгресса и Лиги. Работа конференции продолжалась с 5 до 12 мая. Однако добиться согласованного решения между Конгрессом и Лигой не удалось.

После провала переговоров в Симле миссия кабинета 16 мая 1946 г. выступила с заявлением, в котором содержались рекомендации по будущему государственному устройству Индии. При этом отмечалось, что это план правительства Великобритании, а не только делегации.

Рекомендациями предусматривалось следующее. Создание Индийского Союза, включающего Британскую Индию и княжества; выборы Учредительного собрания для подготовки конституции страны. В этой связи предлагалось, чтобы избранные на последних выборах провинциальные законодательные собрания использовались в качестве органов по избранию косвенным голосованием представителей Учредительного собрания, исходя из соотношения один член Учредительного собрания на один миллион населения, а также из пропорционального представительства трех главных религиозных общин: общей (объединяющей всех, кроме мусульман и сикхов), мусульман-

ской и сикхской. (На этом основании в июле 1946 г. был избран состав Учредительного собрания.)

Миссия кабинета предлагала, чтобы до завершения работы над конституцией административные функции исполнялись временным правительством, состоящим из индийцев. А после вступления конституции в действие, любая провинция могла проголосовать за изменение условий ее участия в Индийском Союзе⁶¹⁶. При этом было сказано, что заявление миссии кабинета не является окончательным решением и Учредительное собрание может изменить, принять или отклонить его⁶¹⁷.

Миссия кабинета рекомендовала разделить провинции на три группы. (А) – провинции с индуским большинством (Соединенные провинции, Центральные провинции, Бихар, Орисса, Мадрас и Бомбей). (В) – северо-западные провинции с мусульманским большинством (Панджаб, СЗПП, Синд и Белуджистан). (С) – северо-восточные провинции с мусульманским большинством в регионе, состоявшем из Бенгалии и Ассама, хотя в последней провинции преобладало индуское население. Представители каждой группы должны были встретиться отдельно, чтобы подготовить конституции для провинций, входящих в эту группу. Провинциям предоставлялось право выхода из Индийского Союза после подготовки их конституций и первых выборов на этой основе.

В качестве ближайшей задачи предлагалось сформировать временное правительство в составе признанных лидеров индийских политических партий⁶¹⁸.

Ганди отреагировал на предложения миссии кабинета следующим образом: «Несмотря на все зло, причиненное Индии британским правлением, если заявление миссии является правдивым (а я верю, что оно является таковым), то это означает выполнение обязательства, о котором она объявила, а именно – слезть со спины Индии. В заявлении содержится зерно, которое поможет преобразовать эту страну печали в страну без печали и страданий»⁶¹⁹. Ганди возразил против создания групп из разных провинций, а также подчеркнул необходимость вывода британских вооруженных сил из страны. «Если войска будут оставаться, – сказал он, – то так называемая независимость уже в следующем месяце – это неправда или бездумное сотрясение воздуха»⁶²⁰.

Президент Конгресса Азад высказал возражения в связи с рекомендациями разделить провинции на три группы, поскольку это подрывало базовый принцип автономии каждой провинции⁶²¹.

В начале июля Неру стал новым президентом Конгресса и через несколько дней выступил более жестко против британских предложений. Он заявил, что Конгресс остается «абсолютно свободным» и «несвязанным» с какой-либо частью плана, а также подчеркнул не-

обходимость усиления роли центральной власти. Что касается создания трех групп провинций, Неру сказал, что существует большая вероятность того, что вообще не будет никаких групп. Поскольку группа «А» может выступить против такого деления, СЗПП может пожелать выйти из группы «В», а Ассам может возразить против вхождения Бенгалии в группу «С»⁶²².

Но еще раньше, 22 мая 1946 г., Джинна заявил, что миссия не признала требования мусульман создать суверенное государство Пакистан, что мусульманская культурная, социальная и политическая жизнь может быть поглощена унитарной Индией, в которой индусы занимают доминирующие позиции⁶²³. Тем не менее, Мусульманская лига приняла предложения миссии кабинета в целом, поскольку в них была заложена «основа» для создания Пакистана (шесть мусульманских провинций в группах «В» и «С»). Лига дала согласие на участие в Учредительном собрании⁶²⁴. Однако выступление Неру, в котором говорилось о вероятности того, что вообще может не быть никаких групп, вызвало полное неприятие со стороны Джинны. Он почувствовал себя «преданным» не только Конгрессом, но и миссией кабинета⁶²⁵.

Когда встал вопрос о формировании временного правительства, возникли немалые проблемы. Неру первоначально предлагал, чтобы правительство состояло из 15 членов: 5 – от Конгресса (все индусы), 4 – от Мусульманской лиги, одного мусульманина (не из Лиги), одного индуса (не из Конгресса), одного от зарегистрированных каст (из Конгресса), одного христианина, одного сикха и одной женщины (от Конгресса). Это предложение не было принято Джинной. Он предлагал следующий состав правительства: 5 членов Лиги, 5 членов Конгресса, один сикх, один христианин (или англо-индиец). Это оказалось неприемлемым для Конгресса. В конечном итоге вице-король А. Уэйвелл предложил сформировать временное правительство из 14 человек: 6 – от Конгресса (включая представителя от зарегистрированных каст), 5 – от Мусульманской лиги, одного сикха, одного христианина и одного парса. Предлагалось начать работу правительства 26 июня, если обе партии дадут согласие по его составу. В результате долгих и трудных переговоров по составу правительства Мусульманская лига заявила о своей готовности сотрудничать в надежде, что это в конечном счете приведет к «образованию полностью суверенного Пакистана»⁶²⁶.

В седьмом томе сборника документов «Передача власти», посвященном миссии британского кабинета в Индии, среди большого числа документов содержатся записи бесед членов миссии с видными индийскими политическими деятелями. Они позволяют прояснить не только взгляды этих деятелей, но и позиции и ход мысли англичан.

В одном из таких документов под грифом «совершенно секретно» и без указания даты Джинне предлагалось рассмотреть два варианта будущего развития Индии.

Первый исходил из того, что англичане «не смогут оказать давление на Конгресс, чтобы он согласился с чем-то большим, чем то, что может быть названо меньшим Пакистаном. Это означает (включение в Пакистан) Белуджистана, Синда, СЗПП, а также западной половины Панджаба и Восточной Бенгалии с Силхетом, но без Калькутты... В этом случае мы могли бы убедить Конгресс согласиться на раздел (Индии)».

Второй вариант имел в виду, что Джинна считал, что в составе Пакистана должны быть более значительные территории, включая, по существу, весь Панджаб и всю Бенгалию. «Договориться об этом с индусами и сикхами невозможно, если только Вы (Джинна) не будете готовы в этой связи согласиться на некую центральную исполнительную власть, которая от имени всех территорий, включая княжества, будет контролировать вопросы обороны, внешней политики и, может быть, связи. Возможно, такое положение могло бы продолжаться в течение зафиксированного срока, скажем, в 15 лет, после которого состоялась бы передача власти ... Это означало бы, что во всех других вопросах провинции или группы провинций (то есть Пакистан и Хиндустан) имели бы полную автономию».

«В реальности это означает следующее. Мы думаем, что было бы возможно – и мы не идем дальше этого – достичь договоренности о меньшем по размеру Пакистане, без (единого) центра и без договора об обороне (единой) Индии. Или большим (по размеру) Пакистане, а также центре, который имел бы ограниченные полномочия, указанные нами ранее, возможно, с правом передачи власти по истечении 15 лет»⁶²⁷.

Из всего этого следовало, что англичане не оставляли идею продолжить сохранять контроль над Индией в решающих сферах – обороны и внешней политики – еще на 15 лет. Фактически это был политический зондаж возможностей маневра в этом направлении с использованием амбиций Джинны в отношении Пакистана. Об этом свидетельствовало и то, что упоминавшееся англичанами «первое предложение» было впоследствии изменено на следующее: «Не исключено, что нам удастся убедить Конгресс согласиться на отделение этих двух населенных мусульманами территорий (Панджаба и Бенгалии), в которых немусульманское меньшинство составит не более 30%, если ему (Конгрессу) предложить договор о взаимной помощи и общей внешней обороне. Это и есть первое наше предложение»⁶²⁸.

Представляет интерес письмо вице-короля Уэйвелла королю Георгу VI по результатам миссии кабинета в Индию, которое сам ко-

роль оценил как «чертовски хорошее письмо». В нем Уэйвелл, в частности, писал, что «Индия еще не в состоянии обходиться без нас, и я считаю, что это должно быть доведено более четко до ее довольно безответственных лидеров... В конце концов, мы до сих пор руководим Индией... Я думаю, что было ошибкой, когда миссия кабинета, помимо официальных переговоров, поддерживала такие продолжительные и тесные связи с одной из двух главных партий – Конгрессом. Это, естественно, вызывало глубокое подозрение Мусульманской лиги и, вероятно, стало причиной того, что последняя внесла вклад в развал временного правительства».

«Ближайшее будущее Индии, – продолжал Уэйвелл, – трудно предсказать с большой уверенностью. У меня на руках довольно большой ребенок – Учредительное собрание, которое очень трудно вырастить и воспитать. Кроме того, еще есть недоношенный младенец – временное правительство, которое, как ожидается, я должен каким-то образом оживить... Мы, вероятно, сможем обеспечить упорядоченный отход от нашего управления Индией без мятежа или гражданской войны, но это будет исключительно трудно. И никто не может быть уверен в способности индийцев, которые примут от нас власть, создать сильную и процветающую новую Индию... Три месяца тесных контактов (миссии кабинета) с индийскими политиками явно не способствовали укреплению мнения кого-либо в их политической мудрости или дальновидности⁶²⁹.

В этом же письме Уэйвелл дал своеобразную, весьма высокомерную характеристику ряда ведущих индийских политиков. Он писал, что Ганди продолжает сохранять большое влияние. Он сосредоточен на одной цели, от которой не отступал в течение последних 40 лет – устранение «ненавистного британского влияния в Индии... Мое недоверие к этому хитрому, недоброжелательному старому политику было весьма глубоким еще до начала конференции в Симле. Оно стало еще глубже после этого. Между прочим, он выглядит более жестким и в лучшем состоянии здоровья по сравнению с тем временем, как я впервые увидел его».

«Я во многом симпатизирую Джинне, – продолжал Уэйвелл. – Он более прямой, более позитивный и более искренний, чем большинство лидеров Конгресса». Но он также человек «со странным характером, одинокий, несчастный, своевольный, эгоцентричный. Он с огромной решимостью ведет битву, которая, я боюсь, будет проиграна».

О Неру Уэйвелл писал, что много раз встречался с ним, и он ему понравился. Неру «искренний, интеллигентный и лично мужественный человек». Но он «неуравновешен... и ему не хватает политического мужества противостоять Ганди, даже когда он знает, что тот не прав»⁶³⁰.

В сопроводительной записке к письму королю Георгу VI Уэйвелл писал: «Угнетает то, что нужно передать контроль над Индией таким маленьким людям, менталитет большинства которых такой же, как у мелких адвокатов и баниа (торговцев)»⁶³¹.

22 июля 1946 г. вице-король направил письма Неру и Джинне по вопросу о формировании правительства. Неру ответил ему вопросом: захотят ли обе партии – Конгресс и Лига – войти в состав предложенного вице-королем правительства. Мусульманская лига дала свой ответ на письмо вице-короля принятием двух резолюций на заседании Рабочего комитета партии 29 июля. Она отозвала свое решение принять участие во временном правительстве, а также заявила о готовности прибегнуть к «прямым действиям», чтобы добиться «создания Пакистана, утвердить справедливые права мусульман, защитить их честь и освободиться от нынешнего британского рабства и намечаемого будущего господства высококастовых индусов...».

В своей речи на заседании Рабочего комитета Лиги Джинна сказал, что Лига «прощается с конституционными методами»⁶³². Позже «день прямых действий» был назначен на 16 августа. В этот день повсюду по стране Лига провела митинги и процессии, которые прошли достаточно мирно. Но в Калькутте они сопровождались индусско-мусульманскими столкновениями, убийствами, поджогами, грабежами и погромами. Этому способствовало то, что правительство Бенгалии во главе с членом Лиги Х.Ш. Сухраварди объявило этот день общественным праздником. В первые два дня полиция бездействовала. В результате число убитых составило около пяти тысяч человек, еще 16 тыс. было ранено, 100 тыс. остались без крова. «Великая калькуттская резня» перекинулась на сельские районы Бенгалии, в том числе в дистрикте Ноакхали. Затем межобщинные столкновения распространились на Бихар, Бомбей, Ахмадабад, некоторые города Соединенных провинций⁶³³. «Великая калькуттская резня» и ее последствия стали поворотной точкой в последний год колониального режима в Индии. Раздел Индии был предreshен.

Формирование временного правительства

22 августа 1946 г. по приглашению вице-короля Неру сформировал правительство на правах Исполнительного совета при вице-короле, которое начало действовать с 2 сентября и было фактически конгрессистским. В его состав вошли 12 человек: Неру (вице-премьер и министр иностранных дел), Валлабхаи Патель, Раджендра Прасад, Асаф Али, Ч. Раджагопалачари, Сарат Чандра Бос, Джон

Матхаи, Балдев Сингх, Шафат Ахмед Хан, Джагдживан Рам, Сайед Али Захир и Хормеджи Бхабха. Было заявлено, что два члена-мусульманина войдут в него позже⁶³⁴.

Однако английская сторона была недовольна тем, что Конгресс все больше сосредоточивал власть в своих руках и ограничивал возможности администрации влиять на ход событий. Вице-король писал в этой связи: «Боюсь, что Конгресс стремится усилить свое влияние... Я абсолютно уверен в том, что мы не должны позволить ему, по существу, монополизировать власть под защитой британского режима. Мы должны продолжать усилия по созданию коалиции»⁶³⁵.

11 сентября вице-король обратился к Джинне с предложением назначить пять членов Лиги для включения в состав временного правительства. Уэйвелл заранее проинформировал об этом Неру, который возражал против введения членов Лиги в состав правительства. Но под давлением вице-короля сказал: «Если Вы хотите видеть Джинну, этого я предотвратить не могу»⁶³⁶.

Джинна назначил пять членов руководства Лиги для включения в состав временного правительства: Лиакат Али Хана, И.И. Чундригара, Абдул Раб Ништара, Гхазанфар Али Хана и Джогендра Натх Мандала. При этом Джинна вместо термина «временное правительство» использовал слова «Исполнительный совет» (как раньше назывался этот орган при вице-короле). Он также не признавал руководящую роль Неру в этом правительстве⁶³⁷.

Деятельность правительства, и без того весьма ограниченная рамками пока еще существующей колониальной власти и ее бюрократического аппарата, фактически была заблокирована из-за противостояния Конгресса и Мусульманской лиги. После того как Неру объявил о дате созыва Учредительного собрания 9 декабря 1946 г., Лига подтвердила свое решение от 29 июля, что ни один из ее представителей не примет участия в этом собрании⁶³⁸.

Британское правительство предприняло попытку спасти этот ключевой пункт плана, предложенного миссией кабинета. Оно пригласило Неру и Джинну в Лондон для переговоров. Однако они не дали результата. После возвращения в Индию Неру заявил: «Мы теперь полностью отказываемся оглядываться на Лондон»⁶³⁹.

Учредительное собрание начало свою работу 9 декабря 1946 г. На нем присутствовало 205 делегатов. Представители Мусульманской лиги и княжеств отсутствовали. Председателем собрания был избран Раджендра Прасад. Собрание приняло «Резолюцию о целях», предложенную Неру. В ней, в частности, говорилось: «Учредительное собрание торжественно выражает свою твердую и законную решимость объявить Индию независимой суверенной республикой и

выработать для ее будущего управления конституцию, в соответствии с которой территории, составляющие ныне Британскую Индию, территории, образующие индийские княжества, и другие части Индии, которые находятся вне Британской Индии и вне княжеств, а также другие территории, которые желают стать частью независимой суверенной Индии, образуют союз ... в котором вся власть и полномочия будут принадлежать народу... и в котором будут обеспечены адекватные гарантии меньшинствам, отсталым и племенным районам, угнетенным и другим отсталым классам»⁶⁴⁰.

Неру неоднократно повторял, что Учредительное собрание должно быть выше групповой и партийной политики и что разумные требования Мусульманской лиги будут внимательно и положительно рассмотрены. Во время дискуссии М.Р. Джаякар и Б.Р. Амбедкар предложили проявлять осторожность в принятии решений, пока Мусульманская лига и княжества не войдут в состав Учредительного собрания. Это предложение было принято собранием.

Однако атмосфера вокруг деятельности Учредительного собрания накалялась. После того, как 20 января 1947 г. Учредительное собрание вновь приступило к работе в прежнем составе, Мусульманская лига заявила, что выборы в это собрание были незаконными, а потому продолжение его деятельности и все его решения являются недействительными и незаконными. Поэтому собрание должно быть распущено⁶⁴¹. Ситуация осложнялась и тем, что работа временного правительства была чрезвычайно затруднена противостоянием министров – членов Конгресса и Мусульманской лиги. К тому же в Бенгалии и Бихаре продолжались столкновения на религиозно-общинной почве.

В начале ноября 1946 г. 77-летний Ганди выехал в Бенгалию – в дистрикт Наокхали, где шли ожесточенные межобщинные столкновения. В этом густонаселенном районе проживало 2,5 млн. человек, из них 80% – мусульман. Ганди удалось успокоить людей. Индусы и мусульмане стали устраивать совместные трапезы. В одном из митингов участвовало около пяти тысяч индусов, мусульман, неприкасаемых. Ганди оставался в этом районе шесть недель. За это время он пешком обошел 47 деревень, везде призывая к миру и ненасилию. Он считал это паломничеством ради искупления греха. Индусско-мусульманские столкновения в Ноакхали случились, по его мнению, потому что ему не удалось излечить людей путем ненасилия. Ганди писал в этой связи: «Эта моя миссия – самая трудная и сложная в моей жизни... Я готов к любой случайности. Призыв “Сделай или умри!” должен быть испытан здесь. “Сделай” означает, что индусы и мусульмане должны научиться жить вместе в мире и дружбе. Иначе мне следует умереть, в попытке добиться этого»⁶⁴².

2 марта 1947 г. Ганди покинул Ноакхали и направился в Бихар, где также посетил десятки деревень. Его усилия не прошли даром. Простые люди верили ему, и это способствовало снижению напряженности в обществе⁶⁴³. Вместе с тем в других провинциях межобщинные столкновения и беспорядки не затихали, а все более нарастали.

Британское решение о «передаче власти»

В этой тревожной ситуации премьер-министр Великобритании Эттли заявил 20 февраля 1947 г., что англичане передадут власть индийцам не позднее июня 1948 г. Одновременно было объявлено о назначении Луиса Маунтбэттена вице-королем Индии вместо Уэйвелла⁶⁴⁴. Маунтбэттен приступил к своим обязанностям 24 марта 1947 г. Он немедленно встретился с Неру и Лиакат Али Ханом в попытке примирить их и вывести из тупика Временное правительство. Однако этого ему не удалось сделать. Неру, Патель и другие деятели Конгресса выступали за сохранение единой Индии. Мусульманская лига под руководством Джинны требовала создания Пакистана.

Ко времени прибытия Маунтбэттена в Индию положение в стране было крайне напряженным, если не сказать взрывоопасным. В своем первом послании премьер-министру Эттли 31 марта 1947 г. Маунтбэттен писал: «Ситуация здесь выглядит безысходно мрачной... На ранней стадии своего пребывания я не вижу достаточных оснований, чтобы добиться согласованного решения будущего Индии. Временное правительство жестко разъединено на религиозно-общинной основе. У каждой партии есть свое решение, и они не демонстрируют ни малейшего намека считаться с мнением других... К тому же вся страна находится в самом дезорганизованном состоянии... Единственный вывод, к которому я был в состоянии прийти, состоит в том, что если я не буду действовать быстро, то могу реально столкнуться с началом гражданской войны»⁶⁴⁵.

Политическое и экономическое положение в Индии действительно было крайне тяжелым. Да и возможности воздействия на процессы в Индии у Великобритании были весьма ограниченными. Сама Англия с трудом выходила из завершившейся всего два года назад Второй мировой войны. Она испытывала серьезный финансовый кризис, в стране не хватало продовольствия, которое отпускалось по карточкам. Английское общественное мнение мало интересовало то, что происходило в далекой Индии. Да и в Индии у Великобритании почти не оставалось каких-либо серьезных политических, экономических и моральных ресурсов для сохранения ее в составе империи.

В распоряжении британского командования в Индии было всего лишь 11 400 английских солдат и офицеров. Это число постоянно сокращалось⁶⁴⁶.

Маунтбэттен стал склоняться к тому, что раздел Индии неизбежен. Наиболее упорно против раздела выступал Ганди. Начиная с 31 марта у него было несколько встреч с вице-королем. На них Ганди говорил о традиционной для англичан политике «разделяй и властвуй», которая подогревала враждебность между мусульманами и индусами. Он предупреждал вице-короля о том, что ему придется «пожать» то, что преднамеренно «посеяли» его предшественники. На одной из таких встреч Ганди неожиданно предложил вице-королю ради сохранения единства Индии дать Джинне возможность сформировать правительство из членов Мусульманской лиги. Однако это предложение не встретило поддержки у руководства Конгресса⁶⁴⁷.

После этого Ганди фактически отошел от непосредственного участия в обсуждении политических вопросов с англичанами, не желая связывать себя с последующими событиями, которые привели к разделу страны. По просьбе вице-короля он подписал заявление, осуждавшее жестокость и использование силы в политических целях. Джинна присоединился к этому заявлению.

Накануне раздела Индии, который сопровождался насилием и гибелью людей, Ганди писал: «Я должен признать свое банкротство, но не принципа ненасилия. Я уже говорил, что ненасилие, которое практиковалось на протяжении 30 лет, было ненасилием слабых... Индия не имеет опыта ненасилия сильных»⁶⁴⁸.

Далее события начали развиваться по самому трагическому сценарию. Реально встал вопрос о разделе Бенгалии, Панджаба и Ассама. По британскому плану к Пакистану должны были отойти Панджаб, вся Бенгалия и весь Синд. Джинну такое предложение не устроило. Его концепция Пакистана предполагала включение в него территорий Индии, в которых мусульмане составляли большинство, создание двух зон на северо-западе и северо-востоке в составе шести провинций – Синда, Белуджистана, СЗПП, Панджаба, Бенгалии и Ассама.

После нескольких бесед с Джинной по вопросу о разделе Бенгалии и Панджаба 10 апреля 1947 г. Маунтбэттен сказал ему: «Вы требуете права для крупного мусульманского меньшинства на масштабный раздел Индии. Если я предоставлю Вам это, то как я могу отказать Конгрессу, который будет настаивать на точно таком же праве для индусского крупного меньшинства в Панджабе и Бенгалии на раздел этих провинций?». Маунтбэттен дал понять Джинне, что к Пакистану могут отойти Синд, половина Панджаба, возможно, СЗПП и часть Бенгалии. Все остальное останется в Хиндустане⁶⁴⁹.

Планы раздела Индии

Проблемы раздела Индии и судьбы почти 600 княжеств стали предметом острых дискуссий в руководстве Конгресса, Мусульманской лиги и других партий. В стране усилились беспорядки и насилие, в которые были вовлечены сотни тысяч людей. Обстановка становилась все более тревожной и взрывоопасной. 24 апреля 1947 г. министр внутренних дел Временного правительства Индии Патель заявил Маунтбэттену: «С тех пор как Вы приехали в страну, обстановка значительно ухудшилась. Идет гражданская война, а Вы не предпринимаете никаких усилий, чтобы остановить ее. Вы не управляете страной сами и не даете возможности Временному правительству управлять. Вам не удастся избежать ответственности за это кровопролитие»⁶⁵⁰. Обсуждение проблемы раздела Индии достигло критической точки. Британское правительство прорабатывало различные варианты, исходя из складывавшейся ситуации в стране, с учетом мнения английских официальных лиц, находившихся непосредственно в Индии. В связи с требованием Мусульманской лиги о включении всей Бенгалии в состав Пакистана главнокомандующий войсками в Индии фельдмаршал Клод Окинлек еще в 1946 г. предупреждал правительство Великобритании, что «Хиндустан без Калькутты и контроля над Бенгальским заливом практически нереален. Индусы понимают это. Отсюда неизбежность войны между Хиндустаном и Пакистаном. В этом случае правительство Его Величества будет вынуждено вступить в борьбу за удержание этой зоны Пакистаном и в связи с этим может быть вовлечено в мировую войну»⁶⁵¹.

Окинлек даже допускал возможность создания в будущем альянса между Индией и Советским Союзом главным образом из-за «естественной враждебности» Индии к Пакистану и ее желания вновь объединить страну. Его предупреждение британским властям не вовлекаться в планы Джинны по созданию Пакистана было продиктовано стремлением сохранить Индию в составе Британского содружества наций, что отвечало глобальным интересам Великобритании.

В создавшейся ситуации руководство Конгресса вынуждено было дать согласие на раздел страны, но только при условии раздела Бенгалии и Пенджаба на мусульманские и немусульманские части. Это вызвало неоднозначную реакцию в Бенгалии. Часть местных конгрессистов под влиянием Ганди, выступавшего в принципе против раздела страны, заявляла о необходимости сохранить культурное и языковое единство этой провинции. Однако Хинду махасабха под

руководством влиятельного политического деятеля Шьяма Прасада Мукерджи настойчиво вела дело к разделу Бенгалии на две почти равные части – индусскую и мусульманскую.

Из 60-миллионного населения Бенгалии в то время 33 млн. (55%) составляли мусульмане, 25 млн. (44%) – индусы, остальные – христиане, англо-индийцы и прочие. На востоке провинции преобладали мусульмане, на западе – индусы. Конгресс требовал раздела Бенгалии (77,5 тыс. кв. миль) на Западную (34 тыс. кв. миль) и Восточную (42,5 тыс. кв. миль). В первой мусульмане составили бы 30% населения, во второй 30% населения – индусы.

Руководитель отделения Мусульманской лиги в Бенгалии и премьер ее правительства Сухраварди возразил против предложенного Конгрессом плана раздела провинции, по которому к Индии отошла бы наиболее развитая ее часть, включая Калькутту, а к Пакистану – преимущественно сельские районы, а также Дакка и Читтагонг. 26 апреля 1947 г. Сухраварди предложил Маунтбэттену сохранить единую Бенгалию. Он выдвинул идею раздела Индии на три, а возможно, даже на четыре независимых государства: Хиндустан, Пакистан, Бангластан и Союз княжеств.

Маунтбэттен согласился с таким предложением, заявив, что выступает за сохранение Бенгалии как единого экономического целого. В свою очередь, Джинна также полностью поддержал Сухраварди в этом вопросе. С благословения Маунтбэттена Сухраварди стал продвигать идею о независимой Бенгалии, где мусульманское большинство будет жить в гармонии с индусами. Он даже говорил о «великой» независимой Бенгалии, к которой можно было бы присоединить и некоторые дистрикты Бихара, чтобы она стала «частью мира и превзошла любую другую страну таких же размеров». Чуть позже Маунтбэттен писал губернатору Бенгалии Барроузу, что план Сухраварди оставляет дверь открытой для единой, но независимой Бенгалии, которая не принадлежала бы ни Пакистану, ни Индии⁶⁵².

Однако Конгресс усмотрел в идее независимой Бенгалии своеобразный маневр в пользу Мусульманской лиги. В случае ее реализации Лига, используя мусульманское большинство в законодательном собрании провинции, добилась бы ее присоединения к Пакистану. Конгресс же, находившийся в меньшинстве, не смог бы предотвратить такой ход событий. Неру и другие лидеры Конгресса решительно выступили против создания единой независимой Бенгалии.

В результате Сухраварди был вынужден отказаться от этой идеи, но начал активно зондировать возможность передачи Калькутты в Восточную Бенгалию или, если это окажется нереальным,

превращения Калькутты с ее промышленными пригородами в свободную междунациональную зону.

Не менее сложной была проблема Панджаба. Если в Бенгалии были две основные религиозные общины – мусульмане и индусы, то в Панджабе присутствовал еще и третий этнический компонент – сикхи. При общем населении в 28,4 млн. человек на долю мусульман приходилось 16,2 млн., индусов – 8,2 млн., сикхов – 4 млн. Панджаб состоял из 29 округов, сгруппированных в пять областей. В двух западных областях – Мултани и Равалпинди – мусульмане существенно преобладали – 9 млн. против 2 млн. немусульман. В области Лахор было 4 млн. мусульман и 3 млн. индусов и сикхов. Ситуация осложнялась еще и тем, что в этой же области находился Амритсар с сикхской святыней Золотым храмом. В двух остальных областях – Джалландаре и Амбале – преобладали индусы и сикхи (всего 7 млн.), а мусульман насчитывалось 3 млн.

Мусульманская лига настаивала на том, чтобы весь Панджаб отошел к Пакистану. В свою очередь, Конгресс склонялся к разделу Панджаба как единственному решению этой проблемы. Его позиция была в принципе поддержана лидерами сикхов. Сикхи оказались перед сложной дилеммой. С одной стороны, они не могли согласиться на присоединение к Пакистану, с другой – любой раздел был бы для них особенно губительным, поскольку они были рассеяны по всей провинции. Поэтому среди сикхских лидеров были и такие, которые выступали за создание коалиционного правительства в провинции из представителей мусульман, индусов и сикхов. Однако эта идея не была осуществлена. Дискуссии о разделе Панджаба вызвали вспышки религиозно-общинной розни и насилия. Началась настоящая междоусобная война, унесшая тысячи жизней.

Положение осложнилось тем, что в Панджабе находилось около одного миллиона недавно демобилизованных солдат из всех трех общин. Религиозная вражда могла перекинуться и на армию, в которой влияние английских офицеров значительно ослабло, поскольку солдаты хорошо понимали, что этим офицерам скоро придется покинуть Индию. Фельдмаршал Окинлек высказывал опасения о возможности масштабных волнений в случае раздела страны: «Если Панджаб будет расколот, возникнут серьезные проблемы у мусульманского меньшинства в Восточном Панджабе, которое будет лишено будущего. В случае, если сикхи станут выступать против них, мусульмане, по всей вероятности, немедленно обратятся к мусульманскому большинству в западном Панджабе, и это приведет к настоящей гражданской войне»⁶⁵³.

Но лидеры сикхов, как и индусов, в конечном счете потребовали раздела Панджаба. Рабочий комитет влиятельной сикхской партии Широмани акали дал в середине апреля 1947 г. в своей резолюции с удовлетворением отмечал, что «националистические индусы и сикхи Панджаба полностью согласились на раздел Панджаба. Нынешнее варварское поведение пакистанских мусульман (то есть поддерживающих создание Пакистана) в отношении индусов и сикхов в Панджабе не оставило иного решения проблемы общинного противостояния, как раздел Панджаба»⁶⁵⁴.

Между тем Маунтбэттен до последнего момента не исключал возможности создания независимого Панджаба, как и в случае с Бенгалией. Он провел ряд бесед с политическими деятелями из Панджаба, но ни один из них не дал определенного ответа⁶⁵⁵. Черта в этом вопросе была подведена британским министром по делам Индии, который в письме вице-королю 9 мая 1947 г. писал: «Я полагаю, что ключевым моментом нынешней ситуации является то, что у сикхов существует завышенное представление об их истинном статусе в будущем устройстве... Исходя из того, что ни в одном из дистриктов Панджаба они не составляют большинство населения, нет никаких оснований для удовлетворения их претензий о создании отдельного сикхского государства»⁶⁵⁶. Однако для Мусульманской лиги Панджаб принципиально отличался от Бенгалии – без Бенгалии можно было создать жизнеспособный Пакистан, а без Панджаба или его части такая возможность была почти равна нулю. Для руководства Конгресса и сикхов создание независимого единого Панджаба с большинством мусульман означало бы поглощение его Пакистаном после ухода англичан из Индии.

В итоге план раздела Панджаба по принципу большинства той или иной общины предусмотрел отход 17 дистриктов к мусульманам и 12 – к немусульманам. При этом сикхи оказались разделенными почти поровну.

Были немалые проблемы и с другими провинциями. Так, в СЗПП, где мусульмане составляли абсолютное большинство (индусы и сикхи насчитывали всего 7% населения), правительство возглавлял Конгресс под руководством Хан Сахиба – брата Гаффура Хана, известного как «пограничный Ганди». (Отделение Конгресса в СЗПП было создано в 1928 г. на основе националистической организации «Пахтун джирга».)⁶⁵⁷ Мусульманская лига начала движение за свержение этого правительства при негласной поддержке английского губернатора провинции. После посещения Пешавара Маунтбэттен пришел к выводу о необходимости проведения референдума в СЗПП по вопросу

о присоединении к Хиндустану или Пакистану, несмотря на протесты Конгресса.

2 мая 1947 г. Маунтбэттен направил правительству Великобритании предварительный проект плана раздела Индии. 8 мая, еще до того, как вице-король получил ответ из Лондона, Ганди предпринял очередной шаг по спасению единства страны. В своем послании Маунтбэттену он прямо заявил: «Британия допустит колоссальную ошибку, если в какой-либо форме примет участие в разделе Индии. Если такой раздел и случится, то пусть он произойдет после ухода британцев и в результате достигнутой договоренности между сторонами или вооруженного конфликта, который, как считает Джинна, является табу. Защита меньшинств может быть гарантирована установлением арбитражного суда в случае различия мнений между сторонами». Ганди предлагал создать временное правительство на однопартийной основе (целиком из представителей Конгресса или Мусульманской лиги), поскольку существовавший двойной контроль и отсутствие командного духа в правительстве наносили ущерб стране. Он считал также, что раздел Бенгалии и Панджаба в любом случае является ошибочным и может рассматриваться после ухода англичан; референдум по СЗПП на этой стадии представляет опасность, поэтому вице-король должен исходить из сложившейся там ситуации. Поскольку Британия управляет Индией, она должна нести ответственность за сохранение мира. По поводу княжеств Ганди заявил, что нынешние князья являются марионетками, созданными и поддерживаемыми для сохранения престижа британской власти. Народы этих княжеств должны быть частью независимой Индии, как и народы Британской Индии⁶⁵⁸.

В это же время Патель обвинил англичан в том, что, «оставаясь нейтральными, но имея власть, они на деле подталкивают к гражданской войне». Он потребовал, чтобы вице-король немедленно передал власть Временному правительству и не вмешивался в дела Индии. По его мнению, это помогло бы «установить мир в течение недели», так как те, кто совершают акты насилия, делают это в условиях, когда нет сильной центральной власти. Без вмешательства третьей силы (то есть англичан) Конгресс и Мусульманская лига безотлагательно разрешат свои разногласия⁶⁵⁹. Вместе с тем Патель склонялся к разделу Индии. По словам Абул Калам Азада, Патель говорил следующее: «Нравится нам или нет, но в Индии действительно существуют две нации... И не лучше ли откровенная драка, а затем раздел, чем ежедневные ссоры и пререкания»⁶⁶⁰.

Индия на пороге раздела и независимости

Предложенный Маунтбэттенем план был существенно изменен кабинетом министров Великобритании 10 мая 1947 г. Теперь предполагалось поделить Индию на несколько частей вместо того, чтобы разрешить некоторым территориям отделиться от будущего Индийского Союза, если они не желают в нем остаться. Эта позиция была сформулирована премьер-министром Эттли, который предложил рассматривать ситуацию в Индии с учетом того, что западная Индия, Бенгалия и одно из прибрежных княжеств, такое как Траванкор, пожелают остаться в Британском содружестве наций, в то время как «остальная Индия решит выйти» из состава этого содружества. Таким образом, речь шла о том, чтобы независимость была предоставлена только той части страны, в которой доминировал Конгресс. Все остальные районы Индии должны были оставаться под прямым или косвенным контролем англичан.

Неру решительно выступил против такого замысла. Он заявил, что этот план угрожает Индии и будущим отношениям между Британией и Индией. По его мнению, Конгресс не может принять предложения, которые разрушат Индийский Союз, принять «теорию», по которой «провинции становятся независимыми государствами, преемниками предыдущей власти»⁶⁶¹.

После консультаций с Неру, Пателем, Джинной и Лиакат Али Ханом англичане были вынуждены пересмотреть свои предложения. Пока шла подготовка к окончательной выработке плана, который позже получил название по имени вице-короля, все заинтересованные стороны продолжали оказывать давление с тем, чтобы добиться наиболее выгодных для себя условий.

Накануне отъезда Маунтбэттена в Лондон 18 мая 1947 г. для окончательного принятия решения по плану о разделе Индии Неру от имени руководства партии сообщил ему, что Конгресс решительно выступает против создания независимой Бенгалии. Кроме того, он дал интервью одной из газет, в котором заявил, что Конгресс согласится на сохранение единой Бенгалии только в том случае, если она останется в составе Индии.

С учетом всего этого Комитет по делам Индии при кабинете министров Великобритании принял следующее окончательное решение по вопросу о Бенгалии: «Вице-король Индии высказал опасение, что в результате последних событий (заявление Неру) перспективы сохранения единства Бенгалии и превращение ее в третий доминион

в Индии были серьезно подорваны. Он полагал, что если Пандит Неру принял окончательное решение, то единственным способом избежать раздела Бенгалии был бы отказ г-на Джинны от притязаний на эту провинцию для Пакистана и его согласие на то, что статус Бенгалии может быть таким же, как и статус любого индийского квазинезависимого княжества, состоящего в тесных отношениях с правительствами одного или другого доминиона. Если окажется невозможным избежать раздела провинции, будущее Восточной Бенгалии видится очень трудным, поскольку совершенно очевидно, что она является нежизнеспособной единицей»⁶⁶².

А в Индии Ганди продолжал выступать против раздела страны. «Задача Британской власти, – писал он, – не изменять карту Индии. Все, что нужно сделать англичанам, – это уйти из Индии, по возможности соблюдая порядок, но в любом случае – уйти из Индии в срок или раньше, может быть, даже и в условиях хаоса»⁶⁶³.

Джинна, в свою очередь, вдруг потребовал создания коридора через весь Хиндустан для соединения западной и восточной частей Пакистана, а Сухраварди продолжал вести переговоры с советниками вице-короля о создании независимой Бенгалии. Неру вновь без колебаний выступил против этих идей, чтобы у англичан не оставалось никаких сомнений в отношении позиции Конгресса.

Наконец, настал решающий час. Вернувшись из Англии 31 мая, Маунтбэттен представил план раздела Индии на совещании с индийскими лидерами «большой семерки»: Неру, Пателем, Крипалани – от Конгресса, Джинной, Лиакатом и Ништаром – от Мусульманской лиги, Балдев Сингхом – от сикхов. Индийские лидеры выразили согласие с компромиссным планом передачи власти.

В состав Пакистана должны были войти Синд, Белуджистан, западная часть Панджаба, населенная преимущественно мусульманами, Восточная Бенгалия с мусульманским большинством, СЗПП, дистрикт Силхет провинции Ассам. Все остальные провинции Индии должны были оставаться в составе Индийского Союза.

3 июня 1947 г. «План Маунтбэттена» был обнародован. Он предусматривал предоставление статуса доминиона одному или двум правительствам-преемникам. Правительство Великобритании заявило, что оно не имеет намерения пытаться создать какую-то совершенную конституцию для Индии. Это является делом самих индийцев. В плане нет ничего, что могло бы препятствовать переговорам между общинами по вопросу о единой Индии. В плане отмечалось, что конституция, которая будет подготовлена существующим Учредительным собранием, не будет применяться к частям страны, неготовым принять ее. Они могут созвать свои отдельные Учреди-

тельные собрания, состоящие из представителей тех районов, которые решили не участвовать в нынешнем Учредительном собрании, для подготовки их конституций. После этого станет возможным определить администрацию или администрации, которым должны быть переданы властные полномочия. Индийские Учредительные собрания сами примут решение относительно их дальнейшего участия в составе Британского содружества наций⁶⁶⁴.

В связи с грядущим разделом Британской Индии Хинду махасабха заявила, что этот план свидетельствует о «триумфе руководства Мусульманской лиги над невнятным планом высшего командования ИНК... Конгресс, похоже, готов сдать свои позиции, Лига же настаивает на своих требованиях» (создания Пакистана). В дополнение к этому Всеиндийский комитет Хинду махасабхи принял 8 июня 1947 г. резолюцию, имевшую серьезные последствия для будущего: «Главным принципом Хинду махасабхи всегда было единство и целостность Индии, и ни при каких обстоятельствах она не будет участвовать в вивесекции Индии в любой ее форме... Хинду махасабха повторяет, что Индия едина и неделима и что в ней не будет мира до тех пор, пока отделившиеся районы не будут возвращены в Индийский Союз и не станут его неотъемлемой частью»⁶⁶⁵.

В связи с опубликованием «Плана Маунтбэттена» Неру обратился по радио к нации. Он, в частности, сказал: «В течение поколений мы мечтали и боролись за свободную, независимую единую Индию. Предложения для некоторых частей страны отделиться от Индии... вызывают у нас боль. И, тем не менее, я уверен, что наше нынешнее решение является верным... Давайте встретим будущее не с легковесным оптимизмом, беззаботностью или слабостью, а с уверенностью и твердой верой в Индию»⁶⁶⁶.

Ганди встретил новость о разделе Индии с большой горечью. Он считал, что раздел страны до установления в ней мира будет фатальным. Вместе с тем он говорил, что, принимая «План Маунтбэттена», Рабочий комитет Конгресса подчинился не силе оружия, а силе обстоятельств. Он был вынужден согласиться с отделением некоторых частей от Индийского Союза⁶⁶⁷.

На следующий день, 4 июня 1947 г., вице-король объявил 15 августа 1947 г. Днем независимости Индии и Пакистана. За оставшееся время предстояло сделать еще очень многое. На заседании Всеиндийского комитета Конгресса 14–15 июня прошло бурное обсуждение предстоящего раздела страны. Неру призвал конгрессистов поддержать план раздела: «Раздел лучше, чем убийство невинных граждан». Патель продолжил в том же духе, сказав, что вне зависимости от Конгресса Пакистан уже реализуется в еще неразделенных

Бенгалии и Панджабе. Поэтому лучше признать Пакистан, чем продолжать то разрушение, которое происходит в Индии»⁶⁶⁸. В принятом на этом заседании ВИКК постановлении было сказано, что «План Маунтбэттена» приведет к отходу некоторых частей от Индии, но в существующих условиях Конгресс вынужден принять его.

10 июня 1947 г. Неру, Патель и Крипалани встретились с Маунтбэттеном и заявили ему, что независимость княжеств абсолютно неприемлема, поскольку они никогда до этого не были независимыми. При этом Неру сказал, что правители княжеств не могут сами решать вопрос об участии княжеств в работе Учредительного собрания без согласия их народа. Он даже эмоционально добавил: «Я поддерживаю восстание во всех княжествах, правители которых выступают против нас». Маунтбэттен на это ответил, что «некоторые правители уже поняли в чем дело, а другие быстро начинают понимать»⁶⁶⁹.

После объявления «Плана Маунтбэттена» в некоторых крупных княжествах (Хайдарабаде и Траванкоре) началась подготовка к провозглашению их независимости. 13 июня диван (премьер-министр) Траванкора Рамасвами Айяр объявил, что это княжество станет независимым 15 августа 1947 г.

На заседании Всеиндийского комитета Конгресса 14–15 июня было принято решение и по вопросу о княжествах. ВИКК заявил, что меморандум от 12 мая 1946 г. определил, что Индийский Союз будет включать управляемые Англией провинции, а также индийские княжества. Британские полномочия и обязательства (paramountcy-сюзеренитет) в них прекратятся с передачей власти индийцам. В резолюции ВИКК по этому вопросу говорилось следующее: «ВИКК не может признать право какого-либо из княжеств на независимость и жить в изоляции от основной Индии. Это было бы отрицанием всего хода индийской истории и задач, стоящих сегодня перед индийским народом. ВИКК полагает, что правители княжеств полностью осознают нынешнюю ситуацию и, в сотрудничестве с их народами, войдут в Индийский Союз в качестве демократических частей, и таким образом послужат делу их собственных народов и Индии в целом»⁶⁷⁰.

Весьма решительным было выступление Ганди по этому вопросу на заседании ВИКК. «Поразительно, что князья, которые были фактически рабами британцев, – заявил он, – отвергают почетное место в Индийском Союзе и хотят быть независимыми. Индийский Союз не враждебен по отношению к ним. Но сегодня, когда рычаги управления перешли в руки народа, он ревностно будет защищать благополучие всей Индии. Если князья станут независимыми, то это может быть только за счет народов княжеств. И насколько я знаю

Индию, она никогда не потерпит этого. Князья должны читать знаки своей судьбы на стене»⁶⁷¹.

В свою очередь, Джинна заявил, что «каждое княжество было суверенным государством», поэтому именно они должны решать – присоединиться им к действующему Учредительному собранию или не делать этого (из 389 членов Учредительного собрания 93 должны были представлять княжества, но они не вошли в состав собрания). По мнению Джинны, после окончания условий сюзеренитета они будут свободны сами решать, какой путь им избрать. Они могут войти в Учредительное собрание Хиндустана или Учредительное собрание Пакистана, или оставаться независимыми. В последнем случае они могут вступить в такие отношения с Хиндустаном или Пакистаном, какие сочтут нужными. Они могут оставаться независимыми, если того желают сами⁶⁷².

По существу, Джинна стремился к тому, чтобы не допустить усиления Индийского Союза (Хиндустана) за счет присоединения к нему княжеств. Их население составляло 93 млн. человек – 24% всего населения колониальной Индии (по переписи 1941 г.). Большая часть княжеств находилась в пределах границ будущего Индийского Союза. При этом в некоторых из них правителями были князья-мусульмане, а большинство населения составляли индусы (Хайдарабад, Джунагадх, Бхопал). В Кашмире ситуация была иной – правителем был индус, махараджа Хари Сингх, в то время как большинство населения составляли мусульмане (около 80%). В конечном итоге Маунтбэттен выступил в поддержку Неру по вопросу о княжествах, и при его активном содействии большинство из них было присоединено к Индийскому Союзу еще до 15 августа 1947 г.

Под руководством Пателя, отвечавшего во Временном правительстве за дела княжеств, была проведена работа по присоединению этих княжеств к Индийскому Союзу. Правители только трех из них – Хайдарабада, Джунагадха и Кашмира – не согласились сразу войти в Союз, что осложнило ситуацию как для Индии, так и для них.

Одновременно были проведены предусмотренные «Планом Маунтбэттена» мероприятия, которые законодательно оформили присоединение населенных преимущественно мусульманами частей Бенгалии, Панджаба, а также Синда, Белуджистана, СЗПП и ассамского дистрикта Силхет к Пакистану. Все это проходило далеко не гладко, особенно в СЗПП.

Еще до завершения всех этих мероприятий 18 июля 1947 г. в Англии был принят Закон о независимости Индии. На следующий день вице-король объявил об установлении двух отдельных переходных правительств – одно для Индии и одно для Пакистана. Но пред-

стояла еще одна особенно сложная работа – демаркация границы между Индией и Пакистаном в Бенгалии и Панджабе. С этой целью была создана специальная комиссия во главе с английским судьей Сирилом Рэдклиффом, который ранее не бывал в Индии. Это, как считали некоторые, было его главным достоинством, поскольку он мог быть объективным при решении столь трудной проблемы. Рэдклифф прибыл в Индию в конце июля 1947 г. Ему помогали две группы из четырех индийских судей в каждой из провинций, назначенных по партийной принадлежности. Но поскольку они постоянно конфликтовали между собой, Рэдклифф, по существу, был вынужден отказаться от их услуг. Окончательное решение возлагалось на него. Пограничной комиссии предстояло провести демаркационную линию на территориях в 175 тыс. кв. миль, где проживало около 90 млн. человек, между районами с преобладающим большинством мусульман и большинством немусульман. Окончательным сроком завершения этой работы было установлено 15 августа 1947 г.

В Панджабе главную проблему представил крупнейший город Лахор, в котором проживало 600 тыс. мусульман и 500 тыс. индусов и сикхов. Вплоть до Дня независимости индусы и сикхи считали, что Лахор отойдет к Индии. Мусульмане, однако, полагали, что вся Лахорская область будет передана Пакистану. По решению комиссии Рэдклиффа, 38% территории Панджаба, вместе с Амритсаром, и 45% населения должны были отойти к Индии, остальная часть, включая Лахор, – к Пакистану. И хотя вплоть до 15 августа это решение считалось секретным, в Панджабе начались религиозно-общинные столкновения. Надежды на мирный переход населения, принадлежащего к меньшинствам, в районы, населенные их большинством, оказались несостоятельными. В конце июня вице-король и Совет по разделу страны создали пограничные силы из 55 тыс. человек с участием британских офицеров под командованием генерала Т.У. Риса для обеспечения порядка при переходе населения из одного района в другой. Но и этих сил оказалось недостаточно, чтобы предотвратить жестокие столкновения между общинами, которые происходили в каждой деревне и каждом городе. В июле 1947 г. в СЗПП был проведен референдум. Большинство участвовавших в нем проголосовали за Пакистан.

Опасная ситуация складывалась в Калькутте, тем более что власти не имели возможности направить в Бенгалию крупные воинские соединения. 9 августа в Калькутту приехал Ганди. Он планировал направиться далее в Ноакхали, где ранее ему удалось остановить кровопролитное столкновение между мусульманами и индусами. Калькутта жила предчувствием трагедии. Мусульмане и индусы бук-

важно уговорили Ганди остаться в городе, чтобы помочь предотвратить масштабные религиозно-общинные столкновения. Благодаря огромному авторитету и влиянию ему удалось это сделать.

14 августа, накануне Дня независимости Индии, Ганди сделал следующее заявление: «С завтрашнего дня мы освободимся от гнета британского правления. Сегодня в полночь Индия будет разделена. Поэтому завтра будет днем радости и днем печали. Все это накладывает на нас огромный груз ответственности... Давайте позволим всем мусульманам, которые были вынуждены покинуть свои дома, вернуться обратно. Если два миллиона индусов и мусульман обнажат кинжалы друг против друга в Калькутте, с каким лицом я поеду в Ноакхали отстаивать там интересы индусов и мусульман? Если пламя общинной розни охватит всю страну, как сможет выжить наша только что родившаяся свобода?»⁶⁷³.

В то время как в Пенджабе сотни тысяч людей были убиты в межобщинных столкновениях и миллионы покинули свои дома, чтобы спасти свою жизнь, Бенгалия и Калькутта избежали этой участи. В этой связи Маунтбэттен написал Ганди: «В Пенджабе, несмотря на присутствие 55 тыс. солдат, произошли огромные волнения. В Бенгалии армия состояла только из одного человека, и там не было волнений... Разрешите мне выразить восхищение этой армией». Один из руководителей Конгресса Ч. Раджагопалачари сказал тогда: «Ганди добился многого, но ничто не было столь замечательным, как его победа над злом в Калькутте»⁶⁷⁴.

Так Индия подошла к порогу независимости через море страданий, связанных с разделом страны. Индийская империя была разделена на Республику Индия и Исламскую Республику Пакистан.

Положение в Индии в канун независимости

Первая половина XX в. стала заключительным этапом почти 200-летнего господства Британии в Индии. В этот период англичанам пришлось искать ответы на многие вызовы, связанные с нарастающим освободительным движением в Индии, в том числе в условиях Первой и Второй мировых войн. На этом фоне развивались события, которые закончились завоеванием индийцами независимости.

Доставшееся независимой Индии колониальное наследство состояло из двух главных элементов: системы государственного управления и социально-экономической сферы. Первый из них характеризовался тем, что в начале XX в. Британская Индия, а также княжества фактически управлялись из единого центра Британской Индии в Калькутте

(затем в Дели) и Лондоне. Таким образом, независимая Индия унаследовала единое управление страной. Ей также достался современный аппарат управления и правосудия, созданный англичанами. В нем преобладали англичане, но постепенно стали участвовать и индийцы. Важной частью этого аппарата была весьма эффективная бюрократическая машина, главным звеном которой стала Индийская гражданская служба (ИГС). В 1920–1930-х годах она активно пополнялась индийцами. Их опыт управления (поддержание правопорядка, сбор налогов, осуществление правосудия и т.п.) был использован после независимости при создании Индийской административной и других служб.

Для более эффективной эксплуатации Индии колониальные власти создали многочисленные организации по изучению ресурсов страны (антропологическая, геологическая и другие службы), которые также сыграли свою роль в независимой Индии.

В колониальный период было положено начало созданию нового среднего класса, на который власть могла опираться и править страной. Большое значение имело внедрение английского языка в школах и колледжах. Фактически именно этот класс, а скорее сравнительно небольшая по размерам социальная группа выдвинула лозунг независимости Индии, а после ее завоевания взяла в свои руки управление ею.

Колонизаторы создали в Индии современные транспорт, связь и другие элементы инфраструктуры, что было необходимо для эксплуатации и извлечения ресурсов из страны.

Однако общее состояние экономики определялось тем, что сельское хозяйство пребывало в состоянии застоя, а фактически деградировало. В деревне (83% населения) господствовало полунатуральное хозяйство, обремененное полуфеодальными отношениями. Сельскохозяйственные производители продавали на рынке всего около 35% валового продукта земледелия. С 1900 г. по 1950 г. темп роста сельскохозяйственного производства в Индии был менее 0,5% в год. А среднегодовой прирост урожайности главной культуры – риса – выражался за те же годы отрицательной величиной (минус 0,55%)⁶⁷⁵. Производство сельскохозяйственных продуктов не успевало за ростом населения (хотя он не превышал и 1% в год). Продолжалось разорение традиционного домашнего производства в результате индустриализации. Таким образом, «цивилизаторская миссия» (или «бремя белого человека» по Р. Киплингу) затронула лишь поверхность огромной людской массы, проживающей в основном в деревнях.

В промышленности преобладали мелкотоварные сектора экономики. Фабрично-заводские рабочие, а также рабочие на транспорте,

предприятиях связи и строительстве насчитывали около 4 млн. человек. Их положение было крайне тяжелым⁶⁷⁶. Во время Второй мировой войны происходил весьма активный рост индийского предпринимательства. С 1939 г. по 1948 г. число акционерных компаний, контролируемых индийцами, увеличилось с 239 до 626, то есть в два с половиной раза, а контролируемых английским капиталом – с 701 до 712, то есть оставалось стабильным. В 1943 г. 2/3 крупнейших фабричных предприятий находились под контролем индийского капитала. С 1945 г. начали создаваться смешанные англо-индийские, а затем и индо-американские акционерные общества, что свидетельствовало об укреплении позиций индийской буржуазии⁶⁷⁷.

В канун независимости общее число грамотных в Индии составляло 60 млн. человек (17% из 361 млн. населения – 1951 г.). Из них около 10 млн. были служащими и людьми умственного труда. Многие из них представляли собой независимую социальную силу, которой был свойственен демократический радикализм, а нередко и экстремизм. Значительное число служащих было объединено в профсоюзы⁶⁷⁸.

Последние десятилетия колониальной власти были отмечены сначала стихийными, а затем и более организованными выступлениями крестьянства. В 1936 г. в Лакхнау состоялась первая Всеиндийская конференция крестьян, на которой был создан Всеиндийский крестьянский союз. Позже союз принял «Хартию крестьянских прав», в которой содержались требования снижения наполовину арендной платы и земельного налога, ликвидации принудительного труда и феодальных поборов. Была также сформулирована аграрная программа – устранение феодально-помещичьего землевладения (заминдари), реформа земельно-налоговой системы в районах райятвари, списание ростовщической задолженности и наделение безземельных и малоземельных крестьян землей. К 1945 г. число членов союза составило более 800 тыс. человек. В 1946–1947 гг. издольщики и сельскохозяйственные рабочие вели борьбу за улучшение своего положения. Самым сильным было движение издольщиков в Бенгалии, которые требовали снижения доли урожая землевладельца с половины до одной трети (тебхага)⁶⁷⁹.

К этому же периоду фабрично-заводские рабочие и железнодорожники были объединены в несколько крупных профсоюзов. Среди них – созданный в 1920 г. Всеиндийский конгресс профсоюзов, в котором участвовали коммунисты и конгрессисты. Тогда же по инициативе М.К. Ганди была основана Ассоциация текстильных рабочих. В 1937 г. ее лидеры создали «Хиндустан маздур севак сангх» («Союз служения индийским рабочим»), который стал школой по подготовке профсоюзных функционеров. В мае 1947 г. сторонники

Конгресса образовали Индийский национальный конгресс профсоюзов. Его составной частью стал основанный М.К. Ганди профсоюз⁶⁸⁰. Движения крестьян и забастовки рабочих стали заметным явлением общественной жизни в колониальный период, хотя рост их активности пришелся на 1950-е и последующие годы.

Главный результат колониального правления состоял в том, что огромная масса населения Индии жила в бедности. Доход на душу населения накануне независимости, по существу, оставался таким же, как и в 1900 г. Он более чем в 10 раз уступал аналогичному показателю в Англии. Особенно тяжелым было положение в деревне, где реальный доход на каждого работника сократился на 30–40% по сравнению с 1900 г.⁶⁸¹ Более 4/5 жителей страны были неграмотными. Современное здравоохранение для большинства населения фактически отсутствовало. К середине 1940-х годов глубина и масштабность социально-экономических проблем в Индии достигли критического уровня. Все эти проблемы достались на долю независимой Индии.

Вторая часть

ИНДИЯ В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

«... Мы никогда не забывали о том, что главной нашей целью было поднять общий уровень жизни индийского народа – психологический и духовный, а также, разумеется, политический и экономический. Возрождения этой подлинной внутренней силы народа мы и добивались, зная, что все остальное неизбежно придет само собой». – Джавахарлал Неру, 1945 г.⁶⁸²

Глава 20 НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП НЕЗАВИСИМОСТИ

Рождение Индийского Союза. Свобода в крови и страданиях

В ночь с 14 на 15 августа 1947 г. президент Индийского национального конгресса Джавахарлал Неру, выступая перед Учредительным собранием, заявил: «Много лет назад мы встретились с судьбой, теперь настало время выполнить наши обещания... Наше будущее будет непростым и нелегким... Служение Индии означает служение миллионам людей, которые страдают. Оно означает ликвидацию нищеты и невежества, болезней, неравенства возможностей... И поэтому мы должны работать, трудиться, много трудиться, чтобы воплотить наши мечты в действительность. Эти мечты нужны Индии и всему миру, так как все страны и народы сегодня настолько зависят друг от друга, что не могут даже представить свою жизнь в изоляции»⁶⁸³.

После этого члены Учредительного собрания поклялись посвящать себя «служению Индии и ее народу, чтобы эта древняя земля заняла свое законное и почетное место в мире и внесла свой весомый добровольный вклад в укрепление мира на земле и благополучие че-

ловечества»⁶⁸⁴. После принятия клятвы председатель собрания Раджендра Прасад объявил, что Учредительное собрание приняло на себя полномочия управлять Индией.

Затем была одобрена резолюция, в соответствии с которой Луис Маунтбэттен приглашался стать генерал-губернатором – конституционным главой доминиона Индия. Вслед за этим главный судья Индии принял присягу генерал-губернатора, а тот, в свою очередь, утвердил Джавахарлала Неру в должности премьер-министра страны.

В своем обращении к Учредительному собранию Маунтбэттен, в частности, сказал: «С сегодняшнего дня я являюсь конституционным генерал-губернатором и хотел бы просить считать меня одним из вас, как человека, полностью посвятившего себя защите интересов Индии». Маунтбэттен особо отметил вклад Ганди в достижение независимости: «В этот исторический час мы не должны забывать все то, что Индия должна Махатме Ганди – архитектору ее свободы при помощи ненасилия»⁶⁸⁵. Маунтбэттен оставался генерал-губернатором до 21 июня 1948 г., когда его сменил на этом посту Чакраварти Раджагопалачари. Первым генерал-губернатором Пакистана стал М.А. Джинна, провозглашенный «Великим вождем» («Каид-и-Азам») ⁶⁸⁶.

После 15 августа 1947 г., когда началось реальное воплощение «Плана Маунтбэттена» в жизнь, межобщинные столкновения вышли из-под контроля. Раздел страны на две части повлек за собой невиданные жертвы и страдания. Столкновения на религиозно-общинной почве и переселение сотен тысяч людей из Индии в Пакистан и, наоборот – из Пакистана в Индию сопровождалось гибелью огромного числа людей, поджогами, грабежами, насильственными обращениями в иную религию.

Неру назвал это «кризисом индийской души», «человеческим землетрясением». Он писал: «Свобода пришла к нам, и она пришла с минимумом насилия. Но сразу же после ее достижения мы были вынуждены плыть по океану крови и слез. И хуже, чем кровь и слезы, был стыд и позор, который сопутствовал им. Куда подевались наши ценности и нравственные нормы, куда подевалась наша древняя культура, наш гуманизм и духовность и все то, что Индия защищала в прошлом? Темная ночь вдруг опустилась на эту землю, и безумие овладело людьми. Страх и ненависть ослепили наш ум, и все ограничения цивилизации были выброшены прочь. Ужас громоздился на ужасе, и мы почувствовали внезапную опустошенность при виде жестокого варварства человеческих существ. Свет, казалось, совсем исчез. Но нет, он еще иногда мелькал в яростной буре. Мы горевали по умершим и умирающим и по тем, для которых страдания были больше, чем смерть. Но мы еще сильнее горевали по Индии,

нашей общей матери, ради свободы которой мы трудились долгие годы»⁶⁸⁷.

Почти сразу же после провозглашения независимости Индии Панджаб, где беспорядки продолжались уже в течение нескольких дней, оказался на грани полного коллапса общественной жизни – там начались массовые столкновения между мусульманами, индусами и сикхами. 16 августа главнокомандующий бывшей армией Британской Индии, а с 15 августа – индийской и пакистанской армиями Клод Окинлек доложил генерал-губернатору Маунтбэттену, что Индия находится в состоянии гражданской войны.

17 августа Неру вылетел в Панджаб для встречи с премьер-министром Пакистана Лиакат Али Ханом. Они вместе обратились к народу с призывом к миру. Однако это не помогло. Столкновения продолжились с еще большей жестокостью. Так, 23 августа поезд с сикхами-мигрантами был атакован мусульманами г.Ферозпура. Было убито 25 и ранено 100 человек. В г. Кветте (провинция Белуджистан) между сторонниками Мусульманской лиги и пуштунами начались столкновения, которые переросли в схватки и тех и других с индусами⁶⁸⁸.

24 августа Неру снова прибыл в Панджаб с той же целью. Однако, несмотря на его усилия, столкновения продолжались, и к концу августа они охватили почти весь Панджаб. В них погибали сотни людей. По пути в неизвестное будущее многие умирали от голода и истощения.

В конце августа 1947 г. в Калькутте начались столкновения между индусами и мусульманами. Туда приехал Ганди. 2 сентября он начал голодовку протеста против межобщинного безумия. 4 сентября лидеры этих общин подписали клятву, что они остановят эти столкновения. Только после этого Ганди прервал голодовку с намерением выехать в Панджаб, чтобы умиротворить и там враждующих людей. Но по пути он задержался в Дели, где также начались массовые религиозно-общинные столкновения, сопровождавшиеся большими жертвами.

За три недели со времени провозглашения независимости Маунтбэттен принял участие в проводах в Бомбее 5000 английских солдат и офицеров в Англию, а также отдохнул несколько дней в Симле. По пути туда его личный поезд был остановлен, и все 100 пассажиров-мусульман были убиты, за исключением личного слуги генерал-губернатора, который успел спрятаться под лавкой.

Судья Рэдклифф, который накануне Дня независимости завершил демаркацию границ между Индийским Союзом и Пакистаном, 17 августа улетел в Лондон. За три дня до этого он написал своему

приемному сыну: «Никто в Индии не проникнется любовью ко мне за решение по Пенджабу и Бенгалии. Около 80 млн. человек, имеющих повод для недовольства мной, начнут разыскивать меня. Я не хочу, чтобы им удалось это сделать». Впоследствии Рэдклифф сжег все документы, относящиеся к разделу⁶⁸⁹.

Современники трагедии раздела Британской Индии, а затем историки и литераторы расходятся в оценках числа жертв во время религиозно-общинных столкновений. Наиболее часто повторяемая цифра – один миллион убитых в период раздела. Индийский историк Гьянендра Панде приводит эту оценку как некую среднюю между минимальной в 200 тыс. человек и максимальной в два миллиона⁶⁹⁰.

Кроме данных об убитых в этой междоусобной бойне, есть и другие цифры, не менее важные для понимания масштабов этой человеческой трагедии. Так же, как и в случае с числом убитых, нет и, наверное, не могло быть сколько-нибудь точного числа беженцев из одного доминиона в другой в течение 1947 г. и 1948 г. Называют цифры в десять, двенадцать и даже пятнадцать миллионов. Но все они не имеют документального подтверждения, а дают лишь общее представление о трагедии библейского масштаба. По некоторым оценкам, около семи миллионов индийских мусульман мигрировали в Пакистан⁶⁹¹.

Примечательно в этой связи заявление губернатора Западного Пенджаба Френсиса Мьюди о получаемых им донесениях о числе убитых. Он вспоминал: «Я должен был игнорировать любой доклад о беспорядках, если в нем не было указаний на то, что было убито, по крайней мере, тысяча человек. А если это было так, то я просил предоставить мне еще один доклад, подтверждающий это. Но я не помню ни одного случая, когда я был бы в состоянии сделать что-либо»⁶⁹².

Ужасающие масштабы гибели и страданий людей дали основание Раджагопалачари написать: «Если бы вице-король не передал власть (что он и сделал), то вообще не было бы никакой власти, которую можно было бы передать»⁶⁹³.

В самом Дели трагическая драма разыгрывалась на глазах правительства. Тысячи мусульман-переселенцев прибывали в город и оставались в нем в поисках убежища. Они располагались во временных лагерях, мечетях, на мусульманских кладбищах, возле домов известных мусульман, в том числе двух министров правительства – Абул Калам Азада и Рафи Ахмед Кидваи. Вместе со многими делейскими мусульманами они держали путь на запад – в Пакистан. А навстречу им из Пакистана в Дели шли тысячи и тысячи индусов. В разных районах города вспыхивали кровавые столкновения. Поли-

ция получила приказ стрелять на поражение при возникновении беспорядков. Город был парализован, транспорт, телефон и телеграф не работали. Среди убитых и пострадавших больше было мусульман. Мечети подвергались нападениям и осквернениям. Ганди осудил все это как «позорное пятно на индуизме и сикхизме»⁶⁹⁴. В это же время в Синде были подвергнуты нападениям и осквернению индуские храмы⁶⁹⁵.

21 сентября Маунтбэттен, Неру и Патель (вице-премьер, министр внутренних дел) вылетели в Панджаб, чтобы оценить масштабы миграции. Около г. Ферозпура они из самолета увидели караван переселенцев и, пролетев 50 миль, не нашли его конца⁶⁹⁶. Переселенцы медленно передвигались на арбах, запряженных волами, или шли пешком, неся на спине детей, стариков, больных. Над караваном кружили стервятники в ожидании очередной смерти людей, что постоянно и происходило⁶⁹⁷. Страдания и муки не объединяли людей из разных общин, а еще больше отдаляли их друг от друга. Хрупкий мир рушился на глазах и уступал место жестокой бойне.

В условиях огромного напряжения и неопределенности в стране и обществе в руководстве Конгресса стали проявляться признаки серьезных противоречий и даже раскола. И прежде всего между Неру и Пателем. Патель считал, что либеральное отношение Неру к мусульманам вредно для страны, так как оно могло подорвать ее национальную безопасность. Он также не разделял негативного мнения Неру о РСС, члены которого, по мнению Пателя, были «любящими свою страну» патриотами. РСС в день провозглашения независимости Индии объявил о трауре «в связи с разрушением священной неделимости Бхарат-маты (Матери-Индии)». В первом номере его еженедельника «Organiser» 3 июля 1947 г. была опубликована статья Ш.П. Мукерджи «Индусы никогда не примирятся с разделом Индии»⁶⁹⁸.

Многие в руководстве Конгресса уже обсуждали вопрос о целесообразности его раскола на две части – правую, которую возглавил бы Патель, и левую во главе с Неру. После того, как президент Конгресса Дж.Б. Крипалани подал в отставку в знак протеста против обострившихся отношений между Индией и Пакистаном, Пателю удалось провести на этот пост Пуршоттама Дас Тандона. Последний открыто выступал с позиций ортодоксального индуизма в поддержку жесткой линии в отношении Пакистана.

Несмотря на различия в подходах к некоторым крупным проблемам, в стиле работы и темпераменте, оба лидера Конгресса – и Неру, и Патель – признавали, что они чаще дополняют друг друга, чем противостоят. Патель выразил это в одной фразе: «Наше сочета-

ние нерушимо, и в этом наша сила»⁶⁹⁹. Большую роль в смягчении разногласий между Неру и Пателем сыграл Ганди. 11 января 1948 г. Ганди заявил, что лучше «распустить» Конгресс, который стал «местом коррупции» и «властного политиканства». На следующий день он объявил голодовку в знак протеста против религиозно-общинных столкновений. Он также требовал, чтобы правительство передало Пакистану причитавшиеся ему 550 млн. рупий (около 30 млн. фунтов стерлингов). Оно не делало этого в связи с конфликтом по вопросу о Кашмире, но когда Неру и Патель вместе посетили голодавшего Ганди, этот вопрос был решен в пользу передачи денег⁷⁰⁰. Тогда же произошло и сближение позиций Неру и Пателя по другим проблемам.

На вечерней молитве в доме Бирлы в Дели, где Ганди жил последние пять месяцев, он обратился к собравшимся сотням людей со словами: «Смерть была бы для меня прекрасным избавлением от такого состояния, когда мне пришлось быть беспомощным свидетелем разрушения Индии, индуизма, сикхизма и ислама... Пусть моя голодовка пробудит сознание, а не умертвит его»⁷⁰¹.

Неру, Патель, другие члены правительства собирались у постели голодающего Ганди, просили его прекратить голодовку. Бирла опасался за его жизнь, на что Ганди отвечал: «Моя жизнь в руках Бога». В то же время у дома Бирлы собирались и иные люди. Они выкрикивали: «Пусть Ганди умрет!».

18 января представители индусской и сикхской общин заверили Неру, что жизнь и имущество мусульман, их религиозные святыни будут сохранены. Неру сообщил об этом Ганди, и только после этого он прекратил голодовку. Через два дня во время очередной коллективной молитвы возле дома Бирлы, недалеко от Ганди, взорвалась бомба. Он не пострадал, но при этом сказал: «Если бы кто-то выстрелил в меня в упор, и я встретил бы его пулю с улыбкой, повторяя имя бога Рамы в моем сердце, то я заслужил бы поздравления». Патель настаивал на предоставлении Ганди охраны. Тот отказался, говоря: «Бог – единственный мой защитник»⁷⁰².

30 января Ганди, как всегда, отправился на вечернюю молитву в саду дома Бирлы, где собралось около 500 человек. Ганди продвигался в людском коридоре почтительно склонившихся людей к месту, с которого он обычно обращался с молитвой. В это время из толпы выступил молодой человек, сложил руки в традиционном индусском приветствии, а затем вытащил пистолет Беретта и выстрелил в грудь Ганди три раза. Ганди успел только произнести «О Рама». Почти тут же в толпе собравшихся нашелся врач. Но он уже был не нужен. Мохандас Карамчанд Ганди был мертв.

После смерти Ганди Неру обратился к нации по радио. «Свет ушел из нашей жизни, – сказал Неру. – Но я не прав, так как тот свет, который освещал нашу страну, не был обычным светом... И через тысячу лет мы будем видеть его в Индии и во всем мире, поскольку он представляет собой живую, вечную истину. Он напоминает нам о правильном пути, предохраняет нас от ошибок и ведет нашу древнюю страну к свободе». Индийцы, продолжал Неру, должны избавиться от яда, который разлился среди них и привел к смерти Ганди. Они должны отринуть насилие и объединиться⁷⁰³.

Суд приговорил убийцу Ганди Натурама Годсе к смертной казни. В речи на суде он пытался оправдать свой поступок тем, что Ганди «постоянно и настойчиво потворствовал мусульманам», что «завершилось его последней голодовкой в их пользу. Это привело меня к выводу, – сказал он, – что с Ганди нужно немедленно покончить»⁷⁰⁴.

Решение судьбы княжеств и возникновение «кашмирской проблемы»

К решающему дню раздела Британской Индии на Индийский Союз и Пакистан только три княжества из почти 600 не были присоединены к Индии – Хайдарабад, Джамму и Кашмир и Джунагадх. Все остальные еще раньше согласились или вынуждены были согласиться войти в состав Индийского Союза. Это произошло в результате жесткой и одновременно гибкой политики Валлабхай Пателя, который во Временном правительстве был ответственным за решение этой проблемы. В этом ему активно помогал В.П. Менон – секретарь департамента по интеграции штатов⁷⁰⁵.

Князья примирились с присоединением к Индийскому Союзу, во-первых, под давлением населения княжеств, которое надеялось на перемены к лучшему в составе Индийского Союза. Известно, что многие князья отличались жестокостью по отношению к своим подданным. Во-вторых, князья фактически «отдавали» то, чем на самом деле не обладали, так как по договорам с Великобританией в конечном итоге власть в княжествах принадлежала последней, по крайней мере в вопросах внешних сношений, обороны и в поддержании связей с прилегающими к ним территориями. Вместо этого князья получали весьма солидные и регулярные государственные пенсии, а также сохраняли важные привилегии, подчеркивавшие их высокое положение⁷⁰⁶.

Мусульманский правитель – наваб княжества Джунагадх на полуострове Катхиавар попытался присоединиться к Пакистану. Одна-

ко индийское правительство подвергло княжество экономической блокаде, вооружило «освободительную армию» из мигрантов-индусов и взяло княжество под свой контроль в октябре 1947 г. На референдуме в феврале 1948 г. население Джунагадха подтвердило его присоединение к Индийскому Союзу.

Сложнее обстояло дело с самым крупным княжеством Хайдарабад, равным по площади Великобритании. В нем проживало более 17 млн. человек (89% индусы, остальные мусульмане). Низам Хайдарабада к 15 августа 1947 г. не дал своего согласия на присоединение к Индийскому Союзу⁷⁰⁷. Однако он был вынужден подписать с правительством Индии 26 ноября 1947 г. временное соглашение о сохранении на определенных условиях прежнего статуса на один год. Низам не имел права внешних сношений, численность его войска была строго ограничена до 7000 человек. Но низам нарушил эти обязательства. Кроме того, положение низама усугублялось тем, что в одном из районов княжества – Теленгане – еще с 1946 г. продолжалось крестьянское восстание, охватившее около 300 деревень. Руководившее восстанием Великое собрание Андхра требовало передачи земли крестьянам и упразднения власти низама. Войска низама жестоко расправлялись с восставшими крестьянами.

Правительство Индийского Союза предъявило ультиматум низаму, в котором потребовало дать разрешение на ввод индийских войск для наведения правопорядка. Низам отказался это сделать. 13 сентября 1948 г. индийская армия вошла на территорию княжества и через четыре дня заняла его. В этих условиях низам был вынужден согласиться на присоединение к Индийскому Союзу.

Судьба княжества Джамму и Кашмир, три четверти из четырех миллионов населения которого составляли мусульмане, оказалась более сложной. Правитель Кашмира махараджа Хари Сингх принадлежал к индусскому клану догра раджпутов из Джамму. Он управлял Кашмиром при помощи чиновников из числа кашмирских брахманов-пандитов. Наиболее известным из них был клан Неру–Кауля. Еще в 1932 г. 27-летний Шейх Мухаммед Абдулла (прозванный позже «Львом Кашмира») основал партию Мусульманская конференция Джамму и Кашмира, которая позже потребовала своей доли в управлении штатом. Когда индусы и сикхи присоединились к этой партии, она получила новое название – Национальная конференция Джамму и Кашмира. В мае 1946 г. Национальная конференция возглавила движение «Прочь из Кашмира». Оно было направлено против махараджи Хари Сингха. Абдулла был арестован.

Махараджа решил не входить ни в один из доминионов в надежде, что его княжество останется независимым. В то же время он,

конечно, понимал, что его надежды на независимость будут менее реальными в случае присоединения к мусульманскому Пакистану.

В конце августа – начале сентября 1947 г. на юго-западе Кашмира, в Пунче, началось движение мусульманских крестьян против помещиков-индусов. Оно было поддержано пуштунскими племенами из СЗПП, которые двинулись в поход на Сринагар. Махараджа Хари Сингх расценил эти действия как попытку Пакистана низложить его. В этих условиях он обратился к индийскому правительству за помощью. Шейх Абдулла был освобожден из тюрьмы для проведения переговоров в Дели о судьбе Кашмира с Дж. Неру, которого он хорошо знал ранее.

26 октября 1947 г. Хари Сингх формально заявил о присоединении своего княжества к Индии и попросил оказать ему военную помощь в защите столицы княжества г. Сринагар. На следующий день в Сринагар из Дели по воздуху был переброшен сикхский батальон. Сринагар был спасен. Однако Джинна попытался ввести в действие пакистанскую армию. На это британский командующий пакистанской армией генерал Грейси сказал, что он не может отдать приказ войскам вступить в бой против вооруженных сил другого британского доминиона, то есть Индийского Союза, без согласия фельдмаршала Окинлека, главнокомандующего как индийскими, так и пакистанскими войсками. В свою очередь, Окинлек прилетел из Дели в Лахор 28 октября и заявил генерал-губернатору Джинне, что если он будет настаивать на направлении регулярной пакистанской армии в Кашмир, который «законно присоединился к Индии», то это «автоматически и немедленно» повлечет за собой отзыв всех британских офицеров из пакистанской армии⁷⁰⁸. В то же время генерал-губернатор Маунтбэттен настоял на том, чтобы согласие на присоединение Кашмира к Индии было обусловлено проведением плебисцита (с учетом мусульманского большинства в княжестве). Неру и его правительство согласились с этим.

К концу 1947 г. число вооруженных пуштунов в Кашмире увеличилось почти до 30 тыс., и они, по существу, стали армией созданного тогда правительства Азад Кашмира (Свободного Кашмира), которое контролировало около четверти территории Кашмира. Азад Кашмир со столицей в Муззафарабаде присоединился к Пакистану.

Плебисцит в Кашмире так и не был проведен. Неру настаивал на том, чтобы условием плебисцита стал предварительный отвод Пакистаном «захватчиков»-пуштунов из Кашмира. Однако Джинна соглашался только на одновременный вывод вооруженных сил индийского доминиона и племен. Между тем шейх Абдулла стал премьером Кашмира, что укрепило позиции индийского правительства в этом районе.

31 декабря 1947 г. Индийский Союз передал кашмирский вопрос на рассмотрение Совета Безопасности ООН. Для решения этой проблемы была создана комиссия ООН из трех членов по согласованию с Индией и Пакистаном. В нее вошли представители Колумбии, Бельгии и США. В результате деятельности комиссии боевые действия в Кашмире были прекращены, а с 1 января 1949 г. установлено перемирие. Между двумя частями Кашмира была проведена разделительная линия контроля, или «линия прекращения огня». Под контролем Пакистана оказались северо-западные районы бывшего княжества – 40% его территории и 27% населения⁷⁰⁹. В феврале 1954 г. Учредительное собрание контролируемой Индией части Кашмира приняло решение о вхождении княжества на правах штата в Индийский Союз⁷¹⁰.

Включенные в состав Индийского Союза княжества были поэтапно интегрированы в систему управления страны. Князья в крупных княжествах были назначены раджпрамуками, то есть правителями, исполняющими функции губернаторов в бывших княжествах. Мелкие княжества образовали группы провинций, также во главе с раджпрамуками. На этой основе были созданы Саураштра (из княжеств полуострова Катхиавар), Раджастхан (из княжеств Раджпутаны), Пепсу (княжества Патиалы и Восточного Панджаба), Мадхья-Бхарат (княжества Гвалиор и Индор). Такие княжества, как Барода и Куч-Бихар, влились в соседние провинции (соответственно в Бомбей и Западную Бенгалию). Другие княжества сохранялись как самостоятельные административные единицы (Бхопал и Трипура). Остальные объединялись в союзы (Химачал-Прадеш, Виндхья-Прадеш). Все эти новые административные образования были подчинены центральному правительству⁷¹¹.

Формирование правительства во главе с Неру

После достижения Индией независимости Конгресс был ведущей политической силой в центре, и в регионах (штатах). Авторитет, завоеванный в годы национально-освободительного движения во главе с М.К. Ганди и Дж. Неру, предопределил то, что именно представители Конгресса возглавили правительство независимой Индии.

К участию в работе правительства Неру пригласил представителей разных политических взглядов и направлений. От правых группировок – Шьяма Прасада Мукерджи, от организации зарегистрированных каст – Бхим Рао Амбедкара и позже (1952 г.) от социалистов – Джай Пракаш Нараяна. Первые два согласились

принять участие в работе кабинета министров. Нараян отказался, заявив, что не заинтересован в этом, поскольку не уверен, что правительство предпримет все необходимые меры для продвижения к социализму. Он писал Неру: «Мы все, без сомнения, хотим создать новое общество, в котором нет эксплуатации, в котором существует социальное и экономическое равенство, свобода и благополучие для всех. Более того, эти цели должны быть достигнуты не в далеком будущем, а в возможно кратчайшие сроки». Нараян также отмечал, что он всегда находился под влиянием Ганди и вновь «открывает» его как самого крупного мыслителя эпохи. Поэтому он полагал, что гандисты и социалисты должны работать вместе на благо простого народа.

Нараян оценил предложение Неру участвовать в работе правительства как «смелый шаг», поскольку Конгресс не нуждался в коалиции, располагая необходимым большинством в парламенте. К тому времени Нараян отошел от марксизма, который был, по его мнению, аморальным. Он также полагал, что такими же аморальными являются капитализм и проповедующие его политики разных мастей и оттенков. Фактически все они на деле придерживались одного и того же принципа – цель оправдывает средства ее достижения. И только такие исключительные лидеры, как Махатма Ганди, пытались связать политику с нравственностью. Эти раздумья привели Нараяна к разрыву с марксизмом и приблизили к Ганди. Однако он не сразу стал полным приверженцем Ганди, а «остановился» на полпути – на идее и практике демократического социализма. Для этого он вышел из Конгресс-социалистической партии и за два года до достижения Индией независимости создал Социалистическую партию.

Отказавшись войти в правительство, Нараян, тем не менее, направил Неру проект «Программы-минимум по национальному возрождению». В ней он, в частности, предложил следующее: внести изменения в конституцию, чтобы расчистить путь для социальных преобразований; провести административные реформы, включая децентрализацию политической власти; осуществить перераспределение земли для устранения экономического неравенства и эксплуатации, отдавая при этом предпочтение сельскохозяйственным рабочим и безземельным крестьянам; ликвидировать все формы помещичьего землевладения; создать в деревнях в качестве обязательной меры кооперативные хозяйства; осуществить национализацию банков и страховых компаний, угольных шахт и т.п.⁷¹² Впоследствии эти идеи легли в основу программы, возглавляемой Нараяном Народно-социалистической партии, преобразованной из Социалистической партии.

Глава 21

ВЫРАБОТКА И ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ ИНДИИ

18 июля 1947 г. британский парламент принял Закон о независимости Индии, в соответствии с которым прекращались властные полномочия правительства Великобритании в отношении Британской Индии и княжеств, расположенных на территории индийского субконтинента. Все договоры британской короны с правителями княжеств теряли силу с 15 августа 1947 г.⁷¹³ До выработки и принятия конституции независимой Индии и избрания новых органов законодательной власти функции парламента страны осуществляло Учредительное собрание, созданное в декабре 1946 г.

После обретения Индией независимости Учредительное собрание продолжило свою работу над конституцией. В январе 1948 г. был опубликован ее проект. Восемь месяцев отводилось на его обсуждение общественностью страны. С 15 ноября 1948 г. по 17 октября 1949 г. проект обсуждался в Учредительном собрании, статья за статьей. Всего было внесено 7635 предложений и поправок. Из них фактически было обсуждено 2473. С 14 по 26 ноября 1949 г. состоялось третье чтение проекта конституции. 26 ноября того же года она была принята Учредительным собранием. Таким образом на выработку и принятие конституции ушло почти три года⁷¹⁴.

25 ноября 1949 г. накануне принятия конституции Учредительным собранием председатель комиссии по подготовке основного документа страны Б.Р. Амбедкар в своем выступлении отметил не только главные положительные черты конституции, но и предупредил об опасностях, которые могут встретиться в будущем. Он заявил, что конституция не оставляет места для «кровавых революций» и для массовых выступлений вроде гражданского неповиновения и несотрудничества. Он также предупредил о неприемлемости авторитарного правления так называемых харизматических личностей. Это особенно касалось Индии, где распространен культ бхакти, то есть почитания бога, героя или вождя. Как отмечал Амбедкар, бхакти в религии может быть дорогой к спасению души. Но в политике бхакти – это верный путь к деградации, в конце концов, к диктатуре. Кроме того, Амбедкар предупреждал, что индийцы не должны до-

вольствоваться только политической демократией. После достижения независимости Индия добилась политического равноправия. Однако неравенство сохраняется в социально-экономической жизни. Если не решить этого противоречия, то политическая демократия окажется под угрозой⁷¹⁵.

После введения в действие конституции Индии 26 января 1950 г. были отменены Акт английского парламента о независимости Индии 1947 г. и Акт об управлении Индией 1935 г.⁷¹⁶

Конституция Республики Индия была выработана индийцами с учетом опыта многих стран и специфических индийских исторических и социально-культурных особенностей. Ее обсуждение произошло в условиях открытости, жестких дискуссий и столкновений, борьбы разных мнений. Так родилась уникальная в своем роде конституция, по форме и содержанию во многом отличная от всех до сих пор имевшихся основных законов⁷¹⁷.

Конституция учреждала Индию как суверенную демократическую республику, призванную обеспечить социальную, экономическую и политическую справедливость, свободу мысли, выражения мнений, убеждений, вероисповедания, культов, равенства положений и возможностей, укрепление среди всех граждан братства, достоинство личности и единство нации.

На основе конституции правительство во главе с Неру осуществило коренную реорганизацию всей системы политического устройства страны. В результате произошло распределение полномочий между центром и штатами, были улажены многие спорные вопросы между отдельными штатами, которые были созданы на месте бывших провинций колониальной Индии и княжеств.

Основные положения конституции Индии

День введения конституции в действие стал национальным праздником – Днем Республики Индия. Никогда ранее территории, образующие современную Индию, не представляли собой единого социально-экономического и политического пространства, живущего по одним законам и объединяющего различные этносы, религии и культуры.

К моменту завоевания независимости в Индии уже сложился довольно многочисленный слой образованной элиты, приобщившейся к современным знаниям, достижениям мировой цивилизации, в том числе западным ценностям. За плечами многих индийцев был уже немалый опыт как политической борьбы за независимость, так и

государственного управления в тех сферах, куда колониальные власти допускали представителей местного населения. На их долю выпала ответственность по подготовке основного закона страны.

Концепция будущей конституции была изложена в «Резолюции о целях», предложенной Джавахарлалом Неру и одобренной Учредительным собранием 31 января 1947 г. В ней говорилось, что Индия должна стать суверенной республикой и объединить территории Британской Индии и территории княжеств, не входивших в ее состав. Объединение должно произойти на добровольной основе, степень автономии всех территорий определит конституция. Народу Индии, от лица которого будет осуществляться управление страной, должны быть обеспечены и гарантированы социальная, экономическая и политическая справедливость; равенство статуса, возможностей и прав; свобода выражения мнений, вероисповедания, культов. Необходимые гарантии должны распространяться на меньшинства, районы, населенные отсталыми племенами, на угнетенные и отсталые классы. Должна быть обеспечена территориальная целостность будущей республики. «Резолюция о целях» оказала большое влияние на разработку, обсуждение и принятие конституции⁷¹⁸.

Тем не менее, в Учредительном собрании существовали различные точки зрения на будущее Индии и высказывались разные предложения по вопросам устройства страны. Так, Учредительное собрание отклонило предложение о президентской республике в пользу парламентской формы правления. Не получила в нем поддержки идея провозглашения Индии теократическим индусским государством, на чем настаивали идеологи индусского национализма. Некоторые депутаты высказывались против введения всеобщего избирательного права, мотивируя это тем, что основная масса населения была неграмотной и нищей. Но это предложение не получило поддержки. Также были отклонены предложения ввести образовательный ценз и предоставить избирательное право только мужчинам. Серьезные разногласия возникли при обсуждении вопроса о форме государственного устройства. В Учредительном собрании было немало сторонников сильного централизованного государства. Тяжелые последствия раздела Британской Индии порождали опасения, сможет ли федерация обеспечить целостность страны. С другой стороны, раздавались голоса в пользу децентрализации и за максимальную автономию для регионов. В конечном итоге возобладало мнение, что федерация необходима, но при этом нужна сильная центральная власть, способная противостоять центробежным тенденциям и обеспечить политическую, социальную и экономическую интеграцию страны.

Конституция на многие годы вперед определила главный вектор развития Индии по демократическому пути, заложила основу системы управления на принципах федерализма. Индия утверждалась как суверенная, демократическая республика с парламентской формой правления, как федеративное государство – Союз штатов. В центре и в штатах устанавливалась парламентская форма правления. Главой исполнительной власти в центре де-юре был президент, в штатах – губернаторы, которые в обычное время действуют по совету кабинетов министров. Фактически же премьер-министр в центре и главные министры в штатах являются главами исполнительной власти. Президент избирается путем не прямых выборов один раз в пять лет выборными членами парламента и законодательных органов штатов. Губернатор назначается президентом. Премьер-министром и главным министром становятся лидеры победившей на выборах политической партии или коалиции, пользующейся поддержкой большинства членов соответственно народной палаты парламента и законодательного собрания штата. Всеобщие выборы в народную палату парламента проводятся на многопартийной основе каждые пять лет. Подсчет голосов ведется по мажоритарной системе, то есть победившим считается кандидат, получивший относительное большинство голосов. Аналогичная система действует и в штатах.

В конституцию заложен принцип ответственности кабинетов министров перед парламентом и законодательным собранием штата. Широкие полномочия президента, предусмотренные конституцией, фактически осуществляются кабинетом министров. Президент, как правило, лишь утверждает решения, принимаемые кабинетом во главе с премьер-министром. Однако роль президента при определенных обстоятельствах становится весьма значимой: во время чрезвычайного положения в стране или президентского правления в отдельных штатах⁷¹⁹.

В Индии все штаты пользуются равными правами, однако штат Джамму и Кашмир, в отличие от других штатов, имеет свою собственную конституцию, принятую его Учредительным собранием в 1957 г. Штаты Индии заметно отличаются друг от друга по размерам территории, численности населения, социально-экономическому и культурному развитию, языку, историческому прошлому, а также по своему представительству в центральном парламенте, которое напрямую связано с численностью населения. Все штаты являются полноправными субъектами Индийского Союза и участвуют вместе с ним в распределении полномочий.

Индии присущи основные черты федеративного государства, хотя в конституции слово «федерация» вообще не упоминается. Это:

двойная система управления – федеральная и субъектов федерации; распределение полномочий между властями федерации и властями штатов, юридическое верховенство конституции, означающее, что все полномочия – исполнительные, законодательные и судебные, независимо от того, кому они принадлежат – федеральному центру или субъектам федерации, закреплены в конституции и регулируются ею; разделение властей обеспечивается тем, что Верховному суду Индии предоставляется окончательное право толкования конституции и признания недействительными действия властей федерации и штатов и их различных органов в случае нарушения ими положений конституции; центр имеет право при определенных обстоятельствах брать на себя полномочия, в обычных условиях реализуемых штатами⁷²⁰.

Индия отличается от большинства федераций мира по способу образования и по положению штатов в федерации. В отличие от федераций, образованных на основе добровольного соглашения, заключенного суверенными государствами для управления некоторыми делами в общих интересах, вхождение в Индийский Союз бывших провинций Британской Индии было обязательным, а княжеств – добровольным, хотя добровольность в историческом контексте второй половины 1940-х годов носила весьма условный характер.

Конституция Индии предусмотрела сильный центр и пользующиеся реальной автономией штаты. Полномочия центра и штатов четко разграничены. Конституция регулирует отношения между центром и штатами, а также между штатами. Контроль за управлением и законодательной деятельностью штатов осуществляет центр при содействии губернаторов, которые имеют право представить любое решение законодательного органа штата по перечню совместных полномочий и полномочий Союза на рассмотрение президента. Кроме того, Союз может контролировать и вопросы, находящиеся исключительно в компетенции штатов, если прямо или косвенно затрагивается отчуждение частной собственности⁷²¹.

В основу деления Индии на штаты были положены административные границы, исторически сложившиеся еще в период английского господства, а также соображения политической целесообразности. Во время выработки конституции не могли быть полностью учтены языковые, культурные, социальные и другие интересы многочисленных народов, населяющих различные регионы. Именно поэтому создатели конституции предоставили широкие полномочия центральным властям по реорганизации штатов и упростили процедуры, связанные с их решением.

Вмешательство в компетенцию штатов допускается и без введения президентского правления – верхняя палата парламента боль-

шинством в две трети голосов может принять соответствующее решение, которое действует в течение одного года.

Конституцией предусматривается возможность временного перехода всех прав штата к Союзу, если в результате каких-либо серьезных осложнений штатовские власти не в состоянии справиться с ними собственными силами или если на местах нет условий для создания устойчивого правительства.

Парламентская система правления

Представители штатов и союзных территорий избираются в нижнюю – народную палату (Лок сабха) парламента голосованием взрослого населения на основе всеобщего избирательного права. Правом голоса пользовались граждане, достигшие 21 года. В 1989 г. в соответствии с принятой поправкой к конституции возрастной ценз был снижен до 18 лет.

Для проведения выборов в народную палату территория страны делится на избирательные округа. Число мест, представляемых каждому штату и союзной территории в этой палате, пропорционально населению, которое определяется по последней переписи. Срок полномочий народной палаты – пять лет.

Наравне с народной палатой верхняя палата (Раджья сабха – совет штатов) участвует в избрании президента и вице-президента, осуществляет право импичмента, участвует в изменении конституции. Верхняя палата наделена широкими полномочиями в вопросах компетенции штатов.

Депутатом народной палаты может быть гражданин Индии, достигший 25 лет, верхней палаты – 30 лет.

В случае разногласия между палатами президент имеет право созвать совместное заседание обеих палат, на котором вопрос решается большинством голосов присутствующих членов обеих палат.

Принятый парламентом законопроект не может стать законом без одобрения президентом. Президент издает указы в перерывах между работами обеих палат.

Парламентская система правления в Индии обеспечивает весьма устойчивое сочетание деятельности законодательных и исполнительных органов власти. Достигается это благодаря тому, что исполнительная власть принадлежит той партийно-политической фракции или коалиции в парламенте, которые располагают большинством в народной палате парламента. Она сохраняет эту власть до тех пор, пока имеет такое большинство.

В индийской конституции разработан институт чрезвычайного положения. Он предусматривает следующее: введение чрезвычайного положения, если безопасности страны или какой-то ее территории угрожает война, внешняя агрессия или внутренние беспорядки; введение президентского правления на всей территории какого-либо штата или его части «ввиду несостоятельности конституционного механизма»; введение чрезвычайного положения в области финансов, вызванного ситуацией, когда под угрозой находится финансовая устойчивость страны. За 60 лет действия конституции чрезвычайное положение вводилось в Индии трижды: в 1962 г. во время индийско-китайского пограничного конфликта, в 1971 г. во время военных действий между Индией и Пакистаном и в 1975 г. из-за широкомасштабных внутренних беспорядков в стране.

Управление в штатах

Конституция Индии установила федеральную форму государственного устройства, в котором Союз и образующие его штаты имеют самостоятельные системы управления. Она предусматривает единообразную структуру управления в штатах, за исключением штата Джамму и Кашмир, который, как упоминалось, занимает особое положение в составе Союза.

Управление в штатах во многом напоминает систему управления в центре. По конституции исполнительная власть в штате принадлежит губернатору, который назначается президентом страны и занимает свою должность «пока это угодно президенту», а обычно в течение пяти лет. Реальная исполнительная власть в штате находится в руках Совета министров штата, возглавляемого главным министром, который формально назначается губернатором. Однако на деле главный министр избирается законодательным собранием штата. Им, как правило, становится лидер партийной фракции партии или коалиции партий, получившей большинство в законодательном собрании. Другие министры назначаются губернатором по представлению главного министра. Министр, который в течение шести месяцев подряд не является членом легислатуры штата, по истечении этого периода перестает быть министром. Совет министров несет коллективную ответственность перед законодательным собранием штата. По установившемуся обычаю президент страны согласовывает кандидатуру губернатора с главным министром.

Законодательная власть в штате включает губернатора и легислатуру. В некоторых штатах легислатура состоит из двух палат – за-

конодательного собрания и законодательного совета, а в других – из одной палаты – законодательного собрания. Конституция предусматривает возможность упразднения второй палаты (законодательного совета в штатах, где имеется такая палата) или создание такой палаты там, где ее нет. Процедура эта достаточно простая и предусмотрена конституцией.

Законодательное собрание каждого штата состоит из членов, избираемых от территориальных избирательных округов прямым голосованием на основе всеобщего избирательного права лицами, достигшими 18 лет. Общее число членов законодательного собрания не должно быть менее 60 или более 500. Законодательное собрание избирается сроком на пять лет, однако оно может быть распущено губернатором штата до истечения этого срока. Пятилетний срок полномочий собрания может быть также продлен в случае издания президентом страны прокламации о чрезвычайном положении. При этом парламент Союза имеет право продлить срок полномочий законодательного собрания штата на срок, не превышающий одного года, но не более чем на шесть месяцев после прекращения действия указанной прокламации.

Губернатор имеет право обращаться к легислатуре штата, направлять ей послания, а также созывать и закрывать ее сессию и распускать законодательное собрание при определенных условиях, оговоренных в конституции. Законодательное собрание штата имеет право издавать законы в пределах компетенции штата, предусмотренной конституцией страны, а также в рамках законов, изданных парламентом.

В отношении союзных территорий законодательные полномочия принадлежат в первую очередь парламенту Союза и президенту страны, хотя в некоторых из них в соответствии с законом 1963 г. были созданы законодательные собрания. Конституция четко определяет полномочия центра и штатов. В перечень вопросов, отнесенных к компетенции Союза, входят: оборона Индии; все вооруженные силы страны; атомная энергия и источники сырья, необходимые для ее производства; все вопросы внешней политики; вопросы войны и мира; гражданство, натурализация и иностранные подданные; железные дороги; морское судоходство; порты; воздушные пути и аэродромы; почта, телеграф, телефон, другие виды связи; торговля и коммерческие отношения с иностранными государствами; денежное обращение, монетные системы; торговля и коммерческие отношения между штатами; проверка отчетности Союза и штатов; переселение из одного штата в другой; налоги и сборы, за исключением налогов, входящих в компетенцию штатов; выборы в парламент, в законода-

тельные собрания штатов и на должности президента и вице-президента и т.д.⁷²²

Вместе с тем штаты наделены немалыми правами и полномочиями. В их компетенцию входят: охрана и поддержание порядка; полиция; отправление правосудия, должностные лица и служащие Высокого суда в штате; органы местного самоуправления; сельское хозяйство; производство, закупка и продажа алкогольных напитков; водоснабжение, ирригация, каналы, водохранилища; земля, то есть права на землю и права, связанные с землей; аренда земли, взимание ренты, передача и отчуждение земель сельскохозяйственного назначения; леса; выборы в законодательное собрание, контроль за соблюдением любого закона, изданного парламентом; налоги и сборы с сельскохозяйственных доходов, земли, зданий, налоги на право разработки полезных ископаемых (с ограничениями, установленными парламентом); налоги на потребление и продажу электроэнергии, на покупку и продажу товаров, акцизные сборы с алкогольных напитков, опиума, индийской конопли и других наркотиков; налоги на предметы роскоши, включая налоги на развлечения, увеселения, тотализаторы, игорные центры и т.д.⁷²³.

Штаты, как правило, решают многие вопросы, находящиеся в совместной компетенции Союза и штатов. Среди них: уголовный процесс; передача имущества, за исключением сельскохозяйственных земель; банкротство и несостоятельность; гражданские процессы; конфликты в промышленности и трудовые конфликты; контроль над ценами и т.д. (Остаточные полномочия принадлежат к компетенции центра.)

Анализ полномочий Союза и штатов и практики отношений между ними указывает на то, что Индийский Союз представляет собой централизованную федерацию, в которой решающие позиции в законодательстве и управлении сохранены за Союзом. Так, конституцией закреплено его право на вмешательство в дела штатов – досрочного смещения их правительств и введения президентского правления⁷²⁴.

Независимость судебной системы

В Руководящих принципах политики государства, которые являются частью конституции страны, записано: «Государство примет меры для отделения судебной власти от исполнительной власти в системе органов Государства»⁷²⁵. Судебная система Индии является важной частью всего механизма управления. Она состоит из Верховного суда, Высших судов штатов и нижестоящих местных судов.

Верховный суд является судом первой инстанции по любому спору между субъектами федерации. Он также выступает в качестве апелляционного суда по гражданским и уголовным делам, если они затрагивают существенный вопрос права, связанный с толкованием конституции. Решения, принятые им в осуществление своей юрисдикции и создающие судебный прецедент, являются обязательными для всех остальных судов на территории Индии. В качестве федерального суда Верховный суд Индии обладает первоначальной и исключительной юрисдикцией в разрешении любых таких споров.

Верховный суд Индии также обладает специфичными консультативными полномочиями, укрепляющими его роль в качестве блюстителя конституции и в обеспечении законности на территории республики. И хотя правительство не обязано исполнять консультативное заключение Верховного суда, оно имеет свое значение как авторитетное мнение высшего судебного органа относительно обоснованности того или иного законодательного акта, или иного вопроса. Кроме того, такое заключение имеет обязательный характер для всех нижестоящих судов, и в своей практике индийские суды нередко ссылаются на мнение Верховного суда, изложенное им в том или ином консультативном заключении, как на обязательную норму права⁷²⁶.

Конституционный контроль, осуществляемый Верховным судом, играет весьма значительную роль в обеспечении единообразного понимания законов и конституции по всей территории Индии. При этом Верховный суд нередко использует право конституционного контроля, чтобы не допустить вступления в силу таких законодательных актов, которые были приняты поспешно или из конъюнктурных соображений.

Высокий суд является высшим судебным органом штата. Иногда его юрисдикция распространяется на два или более штатов и союзных территорий⁷²⁷. Помимо обычных апелляционных и надзорных функций Высокие суды штатов осуществляют также и административный контроль за деятельностью подчиненных им нижестоящих судов.

Верховный суд и Высокие суды штатов по определению являются органами, стоящими вне политики. Но на деле они нередко являются инструментами политической власти.

Каждый член Верховного суда Индии и Высоких судов штатов назначается президентом страны. Выбор делается среди судей, уже зарекомендовавших себя, иногда из адвокатов. Обязательное условие – будущий член Верховного суда Индии должен иметь стаж работы в Высоком суде на должности судьи не менее пяти лет или на долж-

ности адвоката не менее 10 лет. Конституция Индии обеспечивает независимость судей Верховного суда. Судья не может быть отстранен от занимаемого им поста иначе как по постановлению президента страны после того, как обе палаты парламента примут соответствующее решение большинством голосов депутатов в каждой палате и не менее двух третей присутствующих и участвующих в голосовании.

Несмотря на стройную систему судопроизводства, она не свободна от многих проблем. Самая большая беда индийских судов – бюрократическая волокита. На решение сложных вопросов в судах нередко уходит несколько лет. Тем не менее, индийский суд, особенно Верховный суд, и Высокие суды штатов пользуются весьма большим авторитетом как независимые органы государственной власти.

Эволюция судебной системы в Индии свидетельствует о расширении демократических начал в политической жизни страны, усилении внимания к защите прав наиболее отсталых и социально незащищенных слоев населения. Однако эти вопросы пока решаются довольно медленно.

Государственные службы

По образцу британской Индийской гражданской службы колониальных времен в независимой Индии были созданы собственные административные структуры. В соответствии с конституцией важнейшими из них стали Индийская административная служба и Индийская полицейская служба, отвечающие за подготовку кадров для всех звеньев государственного аппарата. В 1976 г. была образована Всеиндийская юридическая служба.

Набор и условия службы лиц, назначаемых на государственные должности, регулируются актами парламента и легислатур штатов с соблюдением соответствующих положений конституции. Для проведения экзаменов на замещение должностей в службах Союза и штатов создаются комиссии по делам государственных служб. Условия работы членов и персонала таких комиссий определяются президентом страны (в центре) и губернаторами (в штатах). Комиссии отвечают за все вопросы, связанные с методами набора в гражданские службы, вырабатывают принципы и нормы, которыми следует руководствоваться при назначении на должности в этих службах, при продвижении или перемещении с одной должности на другую, а также при определении пригодности кандидатов на такие назначения, продвижения или перемещения.

Комиссия Союза по государственным службам ежегодно представляет президенту отчет о проделанной работе. Президент, в свою очередь, должен распорядиться о представлении этого документа каждой палате парламента с памятной запиской, выражающей его мнение в этой связи. Подобная же процедура происходит и в штатах, где отчет представляется губернатору⁷²⁸.

Таким образом, в Индии создана стройная система гражданских служб, которая во взаимодействии с органами исполнительной и законодательной власти обеспечивает управление государством, в том числе соблюдение законности и правопорядка на территории всей страны. Реализации этих задач способствует гражданский контроль над деятельностью властных структур и их подотчетность как исполнительной, так и законодательной власти.

Реорганизация штатов

После завершения процесса интеграции княжеств в состав Индийского Союза на передний план вышла проблема управления страной, сохранения и укрепления ее единства, без чего невозможно было приступить к решению других проблем. В начале 1950-х годов в Индии возобладала идея реорганизации штатов на лингвистической основе. Несмотря на объективную необходимость сильной централизации экономической и политической власти в стране, невозможно было игнорировать тенденцию к децентрализации и регионализму.

Еще в 1920-е годы Конгресс выступал с идеей создания федеративного государства и образования штатов на лингвистической основе. После достижения независимости реальная действительность подтвердила жизненную важность решения этой проблемы. Особенно остро это проявилось в вопросе создания штата Андхра-Прадеш. Толчком к этому послужила голодовка гандистского лидера Потти Срирамалу, которую он начал 20 октября 1952 г., требуя создания отдельного штата для населения, говорящего на языке телугу. 15 декабря Срирамалу умер от истощения, что привело к массовым выступлениям в 11 дистриктах Мадрасского президентства в пользу образования такого штата. 18 декабря правительство Неру приняло решение создать отдельный штат Андхра-Прадеш⁷²⁹.

В 1954 г. была создана специальная комиссия, в соответствии с рекомендациями которой в 1956 г. была принята поправка к конституции – закон о реорганизации штатов. На основании этого закона было образовано 14 штатов на языковой основе, а также пять союзных территорий под непосредственным управлением центра⁷³⁰.

Их создание явилось результатом активной борьбы народов Индии за национально-языковую автономию, в которой принимали участие демократические силы, принадлежавшие к разным политическим партиям.

По новому закону были пересмотрены границы ряда штатов, удовлетворены многие местные требования языкового характера; нивелированы политические различия между штатами – бывшими провинциями Британской Индии и бывшими княжествами. Все 14 штатов были уравнены в правах. Несколько большая самостоятельность сохранилась за штатом Джамму и Кашмир. Некоторые положения конституции Индии не распространяются на Джамму и Кашмир. В соответствии со статьей 370, ряд полномочий (введение чрезвычайного положения, назначение и смещение губернатора и некоторые другие) центр может осуществлять только с согласия правительства этого штата. Остаточные полномочия принадлежат Джамму и Кашмиру, а не центральным властям, как это предусмотрено в отношении других штатов⁷³¹. Штаты на деле стали полноправными субъектами Индийского Союза.

Однако реорганизация штатов 1956 г. хотя и была весьма масштабной, не смогла полностью удовлетворить их требования. Продолжались движения за пересмотр границ между соседними штатами, за дальнейшую реорганизацию на лингвистической основе.

В полиэтническом обществе проблема отношений и взаимодействия разных языков была и остается одной из наиболее сложных. Этот вопрос бурно обсуждался еще в Учредительном собрании. В дискуссии участвовали Ганди, Неру, Патель, Р. Прасад и другие деятели Конгресса. Было предложено рассмотреть несколько языков в качестве общего языка для страны: английского, хинди, хиндустани, урду, бенгали, телугу и санскрита. В сложных условиях тогдашней исторической и политической ситуации в стране Учредительному собранию удалось добиться консенсуса по этому вопросу. Была принята статья 343 конституции Индии, в которой записано: «Официальным языком Союза является хинди в письме деванагари ...Английский язык продолжает применяться для всех официальных целей Союза, для которых он использовался до введения в действие конституции». Особо указывалось на необходимость содействовать развитию языка хинди, в то время как для использования английского языка сначала был установлен 15-летний срок. Потом его продлевали в 1967 г. и 1976 г., но использование английского языка не только не сократилось, но и значительно расширилось, особенно с усилением процесса глобализации. Отметим, что в Верховном суде и в Высших судах, а также для актов, законопроектов и т.п. используется только английский язык.

При подаче жалоб о нарушении прав личности в любой орган власти Союза или Штата можно пользоваться любым языком, употребляемым в Союзе или Штате.

Поправка к конституции, принятая в 1956 г., гласит: «Каждый штат и местные власти в штате должны стремиться обеспечить надлежащие условия для проведения занятий на начальной стадии обучения на родном языке детей, принадлежащих к группе лингвистических меньшинств; президент страны может направлять такие директивы любому штату по своему усмотрению, чтобы создать для этого благоприятные условия»⁷³².

При принятии конституции Индии в Восьмом приложении этого документа под названием «Языки» было перечислено 14 языков (включая хинди). По мере социально-экономического и политического развития штатов и союзных территорий принимались поправки к конституции о включении в это приложение других языков. В 2008 г. конституционно признанными были уже 22 языка Индии⁷³³.

В Индии нет единого национального языка. Хинди и английский являются официальными языками. Как подчеркивает профессор Рама Кант Агнихотри, в 28 штатах и семи союзных территориях современной Индии люди говорят на 1652 разных языках. Другой специалист Сриниваса Рао называет 428 языков и более 3000 диалектов, относящихся к четырем семьям языков: индоевропейской (76% населения), дравидской (21,6%), австроазиатской (1,2%) и тибето-бирманской (1%)⁷³⁴.

Борьба за создание национально-языковых штатов способствовала углублению процесса демократизации, отвечала задачам развития отдельных народов и тогда объективно вела к упрочению единства страны, поскольку выбивала почву из-под ног экстремистски настроенных националистов.

В то же время этот процесс породил много проблем и трудностей, связанных, в частности, с установлением границ, разделом водных ресурсов и т. д. В начале 1960-х годов в ряде районов страны отмечались выступления за пересмотр межштатовских границ, против хинди как языка межнационального общения, за автономию малых народностей и племен и т. п. Причины подобных требований были вызваны не столько стремлением к национально-языковой автономии, сколько активизацией религиозно-общинных сил. На конференции по вопросам единства Индии, проходившей в сентябре 1961 г. с участием представителей разных политических партий и под председательством премьер-министра Дж. Неру, высказывалось мнение, что реорганизация штатов по языковому принципу привела к значительной стабилизации положения в тех местах, где ранее об-

становка отличалась неустойчивостью и напряженностью и помогла делу единства страны. Отмечалось также, что в конечном счете национальное единство сводится к проблеме демократии и коренных социально-экономических преобразований⁷³⁵.

Создание индийской федерации, налаживание отношений между центром и штатами было абсолютно новым опытом государственного строительства Индии. За чрезвычайно короткий исторический период было немало сделано для консолидации нации и демократизации общественной жизни, в том числе и посредством образования штатов на национально-языковой основе. Неудивительно, что на этом пути встретились большие трудности, особенно если принять во внимание огромное многообразие языковых, религиозных, кастовых факторов, неравномерность социально-экономического и культурного развития отдельных районов страны.

Одним из основных итогов развития независимой Индии на ее первом этапе стало укрепление страны как целостного государства. Важная роль в этом бесспорно принадлежала демократическим силам, в первую очередь Конгрессу и его правительству во главе с Неру.

В то же время в стране были партии и группировки, которые не были удовлетворены разделом Индии и ходом ее исторического развития как многонационального государства. Упорными противниками его строительства на федеративной основе, демократических преобразований в национально-языковых штатах выступили правые, консервативные силы. Так, представители Хинду махасабха еще в период подготовки конституции страны возражали против того, чтобы штатам были даны сколько-нибудь значительные полномочия, поскольку это якобы повлечет за собой «балканизацию» страны.

Лидер другой правой религиозно-общинной организации Раштрия сваямсевак сангх М.С. Голвалкар заявлял (декабрь 1953 г.), что реорганизация на лингвистической основе приведет в конечном счете к дезинтеграции Индии как самостоятельного государства. Впоследствии тот же Голвалкар в книге «Гроздь мыслей» выступил с критикой как федеративного устройства, так и реорганизации штатов по национально-языковому признаку. Он даже пытался доказать, что Индия находится на грани распада из-за того, что ее государственное устройство основано на федерализме.

Голвалкар развивал свою идею о национальной интеграции следующим образом. Основой этой интеграции, писал он, является прежде всего любовь к стране, которую с незапамятных времен индусы считали священной. На втором месте было чувство общности, братства, которое исходило из осознания того, что все индусы являются детьми одной великой общей Матери-Родины. На третье место он

ставил глубокое понимание общего потока национальной жизни, созданной на основе общей культуры и наследия, общей истории и традиции, общих идеалов и надежд. Триединство этих ценностей, или индусский национализм, образует основу всего национального здания. По вопросу об отношениях между индусами и представителями других конфессий он писал: «Мы должны ясно заявить, что у индуса, который живет в Индии, есть ответственность перед нацией (раштра дхарма), обязанность перед обществом (самадж дхарма) и долг перед предками (кула дхарма). И только в своей личной вере (въякти дхарма) он может выбирать любой путь для удовлетворения своих духовных потребностей. И если после того, как он выполнил все свои обязанности в общественной жизни, и говорит, что изучает Коран или Библию, и это вызывает в его душе особые чувства, у нас абсолютно нет никаких возражений. Это его выбор в его личной жизни. В остальном он должен находиться в национальном потоке. Это и есть настоящая ассимиляция»⁷³⁶.

Консервативная религиозно-общинная партия Бхаратия джана сангх также отвергала реорганизацию штатов по языковому признаку. В манифесте партии на всеобщих выборах 1957 г. говорилось, что она будет стремиться к изменению конституции Индии, чтобы добиться установления унитарной формы правления⁷³⁷.

Против образования лингвистических штатов выступала и Народно-социалистическая партия. Ее лидер Дж. П. Нараян ратовал за унитарное, централизованное государство⁷³⁸.

Противники реорганизации административно-политической системы Индии на национально-языковой основе были и внутри Индийского национального конгресса. Однако их влияние не росло, а падало по мере укрепления экономической и политической независимости страны, роста национальных и демократических движений. Поэтому они оказались в меньшинстве в правящей партии и не смогли воспрепятствовать процессу национального строительства в Индии.

После достижения независимости на территории Индии оставались еще два рудимента европейского колониального господства: это португальские колонии в Гоа и два анклава на гуджаратском побережье – Даман и Диу, а также французские поселения в Пондишери и Чандернагаре. В 1954 г. в соответствии с договоренностью, достигнутой с Францией, территория Пондишери стала частью Индии и получила в 1956 г. статус союзной территории, а Чандернагор был включен в состав штата Западная Бенгалия. Но правительство Португалии долгое время отказывалось расставаться со своими колониальными владениями. В итоге в 1961 г. индийские войска заняли Гоа, и португальские территории были включены в состав Индии на пра-

вах союзной территории Гоа, Даман, Диу, из которой в 1987 г. выделен самостоятельный штат Гоа, а Даман и Диу остались союзной территорией.

В 1975 г. в состав Индии на правах штата был принят Сикким, в прошлом квазисуверенное королевство, которое имело договорные отношения с Индией и находилось под ее протекторатом.

Таким образом, индийская федерация постоянно подвергалась изменениям: пересматривались границы штатов, менялись названия, статус отдельных территорий, появлялись новые штаты. Однако ни одно решение по этим острым вопросам не принималось спонтанно. Любому требованию о переменах давали время вызреть, приобрести отчетливые очертания, затем тщательно анализировалась экономическая и политическая целесообразность удовлетворения этих требований и только после этого принималось политическое решение.

В 2000 г. на политической карте Индии появились три новых штата. Из территорий Уттар-Прадеша, Мадхья-Прадеша и Бихара были выделены штаты Уттаракханд, Чхаттисгарх и Джаркханд, в двух последних значительную часть населения составляли племена. Создание новых административных образований не решило крупных проблем, связанных с социально-экономическим развитием как этих штатов, так и тех, из которых они вышли. Но новые штаты открыли возможности для местной элиты участвовать в их управлении, а также напрямую лоббировать интересы этих территорий в центре и не зависеть от правительств штатов, в состав которых они входили раньше. Их пример может спровоцировать дальнейшее дробление штатов. Нельзя исключать, что число штатов будет увеличиваться и впредь.

Однако главным для индийского государства остается безусловное сохранение территориальной целостности и единства страны. Важным принципом индийской конституции является положение о том, что штаты не обладают правом отделения от Индии. Принятая в 1963 г. поправка к конституции внесла уточнения в это положение, подчеркнув, что любые действия, выступления, а также создание партий, организаций и ассоциаций, деятельность которых направлена на отделение от Союза, считаются антиконституционными со всеми вытекающими из этого последствиями⁷³⁹.

Опасность сепаратистских настроений и движений в Индии существовала с момента ее образования. Однако ни одна попытка отделения от Индии не увенчалась успехом. В случае возникновения угрозы единству страны центральные власти располагают целым набором конституционных мер для борьбы с ней.

При общей отсталости экономики и неравномерности развития штатов правительство Неру оказалось в исключительно сложном положении при определении первоочередности регионального развития, особенно если учесть давление снизу, со стороны штатов, каждый из которых требовал внимания к себе и ревностно относился к финансовым средствам, выделяемым другим штатам на те или иные проекты. В этом смысле правительства штатов играли роль своеобразных групп давления, добивавшихся финансово-экономических льгот. Их отношения с центром складывались далеко не всегда гладко. Фактически до 1967 г. между конгрессистскими властями штатов и таким же центральным правительством неоднократно возникали значительные расхождения по различным вопросам социально-экономического развития. Правительство Уттар-Прадеша, например, неоднократно заявляло о своих разногласиях с правительством Конгресса в центре, не одобряло его политику в сфере экономики и выступало против осуществления пятилетних планов⁷⁴⁰.

Существовали значительные проблемы в отношениях между центром и правительствами Конгресса и в других штатах. Так, за время пребывания Конгресса у власти в Западной Бенгалии с 1947 г. по 1967 г. в отношениях между центром и этим штатом неоднократно возникали серьезные трудности. И это несмотря на то, что между премьер-министром страны Дж. Неру и главным министром штата Б.Ч. Роем существовали отношения личной дружбы и глубокого взаимопонимания. Проблемы в отношениях между центром и Западной Бенгалией были связаны с ограниченными экономическими возможностями индийского государства в начальный период независимого развития, тем более в условиях после раздела единой Бенгалии на две части – индийскую и пакистанскую. Экономика штата оказалась в кризисном состоянии, транспортные и хозяйственные контакты были нарушены. Миллионы беженцев из Восточного Пакистана усугубили и без того тяжелое положение.

Отношения центр–штаты не сводились лишь к связям на правительственном уровне. Большую роль в них играли организации Конгресса в Дели и на местах. Правительства Конгресса и организации этой партии в штатах не могли не принимать во внимание особенности социально-экономического и политического развития на местах, которые не всегда ощущались в центре. Местным властям, например, в той же Западной Бенгалии приходилось учитывать наличие радикальных тенденций в бенгальском обществе, рост влияния левых сил, в том числе коммунистов. Правительство штата и местные лидеры Конгресса выражали неудовлетворенность отношением центра к нуждам Западной Бенгалии. В начале 1960-х годов главный ми-

нистр правительства штата П.Ч. Сен заявил, что Калькутта не получила ничего в течение первого пятилетнего плана и почти ничего в течение второго пятилетнего плана⁷⁴¹.

Директивы правительства Неру далеко не всегда выполнялись конгрессистскими правительствами в штатах. Так, несмотря на указания центра о проведении повсюду в стране аграрных реформ, власти в штатах действовали, исходя из местных условий. В той же Западной Бенгалии они фактически отказались пересмотреть систему издольщины. Центральное правительство во многих случаях было вынуждено считаться с мнением руководства в штатах⁷⁴².

Глава 22

НОВЫЙ КУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Программные документы правительства Неру

Раздел Индии на Индийский Союз и Пакистан нанес огромный экономический ущерб обеим странам. Вся единая экономическая система, включая ирригационные сооружения, транспортную сеть, оказалась разорванной. Возникли новые вопросы, связанные с нерешенностью проблем миллионов беженцев. Индийский Союз испытывал нехватку продовольствия, а также сырья для ведущей текстильной промышленности. В 1949 г. объем промышленного производства составлял 60–70% от уровня, достигнутого во Второй мировой войне. Резко выросла безработица. В 1947–1950 гг. Индия была вынуждена ввозить более 10 млн. тонн зерна⁷⁴³.

После прихода правительства к власти возник вопрос, насколько оно сможет на практике осуществить социалистические идеи, которых придерживался Неру и некоторые другие руководители Конгресса. В Индии социалистические идеи (мы используем этот термин только для обозначения круга идей, так или иначе имеющих отношение к этому направлению общественной мысли) в их разных формах были широко распространены в общественно-политических кругах. За годы национально-освободительной борьбы идея социальной справедливости пропитала общественное сознание индийцев. Почти все политические силы использовали ее в своих целях, поскольку она отвечала интересам большинства населения, состоявшего из бедных

и беднейших слоев. В свою очередь, советский социализм выглядел достаточно привлекательным в глазах индийской политической элиты. Этому способствовали поддержка Советским Союзом национально-освободительных движений колониальных народов, его успехи в ликвидации нищеты и неграмотности, быстрая индустриализация, победа над фашизмом в Великой Отечественной войне, достижения в ряде сфер техники и производства.

Джавахарлал Неру, впервые побывавший в СССР в 1927 г., впоследствии писал, что социализм и марксизм стали символом стремления к социальной справедливости и пользовались огромным влиянием в массах. Человечеству, полагал Неру, нужна вера в «достойный идеал» для того, чтобы сделать жизнь осмысленной и сплотить всех вместе, нужно «чувство цели», выходящее за пределы материальных потребностей ежедневной жизни⁷⁴⁴.

В 1930-х годах Неру заявлял, что его целью является «бесклассовое общество, обеспечивающее всем равную экономическую справедливость и возможности», а все, что препятствует этому, «придется устранить – если возможно, мягкостью, а в случае необходимости и насильственными средствами». Но под влиянием Ганди и «издержек» советского социализма он практически отошел от идеи использования силы. «Я очень далек от того, чтобы быть коммунистом, – писал Неру. – ...Мне не нравится догматизм, отношение к трудам Карла Маркса или каким-либо другим книгам как к непогрешимому священному писанию, регламентация жизни и травля инакомыслящих, составляющие, видимо, характерную черту современного коммунизма. Мне не нравится также многое из того, что произошло в России, и особенно чрезмерное применение насилия в обычной обстановке, и все же я все больше склоняюсь к коммунистической философии»⁷⁴⁵.

Неру тогда считал, что социализм обладает огромным потенциалом и привлекательностью. Он писал, что успех или провал социальных экспериментов в России не имеет прямого отношения к теории Маркса. Возможно, хотя и весьма мало вероятно, что стечение неблагоприятных обстоятельств сорвет эти эксперименты. Но эти великие социальные сдвиги не утратят своего значения. «При всем моем инстинктивном отвращении ко многому из того, что произошло там, я считаю, что именно они сулят наибольшую надежду миру». Однако в отношении Индии оптимизм Неру был более сдержанным. «Если говорить об Индии, – подчеркивал он, – то коммунизм и социализм, по-видимому, являются здесь делом далекого будущего, если только влияющие внешних событий не ускорит темп нашей жизни. Нам приходится иметь дело не с коммунизмом, а

с коммунализмом (на один слог больше!), то есть с религиозно-общинной рознью»⁷⁴⁶.

Для Индии социалистическая идея выражалась в социальной справедливости и равенстве, на основе которых, как говорил Неру, можно «покончить с нищетой, массовой безработицей, деградацией и угнетением индийского народа». Отвечая на вопрос, каким образом социализм утвердится в Индии, он заявлял, что его страна «вырабатывает свои собственные методы и может приспособить эту идею к гению народа»⁷⁴⁷.

Однако это не означало, что в Индии не было альтернативных идей развития. Справа их выдвигали партии и силы, которые выступали за более решительное создание институтов и механизмов частного предпринимательства, отказ от лозунгов и программ, ориентированных на достижение социальной справедливости. Левые силы, напротив, требовали резко усилить акцент на социальное равноправие, распределительную справедливость. На сложную идеологическую и политическую борьбу вокруг идеи о путях развития Индии оказывали влияние разные силы. Прежде всего, силы внутри страны – конгрессисты, конгресс-социалисты, коммунисты, другие партии социалистического толка, а также партии и группы, которым была чужда идея социализма.

Влиятельная консервативная группировка в Конгрессе во главе с заместителем премьер-министра и министром внутренних дел Пателем решительно выступила против реализации социалистических идей Неру. В партии, по существу, сложилось двоевластие. Однако после смерти Пателя в 1950 г. среди консерваторов не нашлось лидера, который мог бы противостоять авторитету Неру. И тем не менее, он был вынужден учитывать возможности и интересы этой группировки, идти на компромиссы в своей практической деятельности.

В ноябре 1947 г. Конгресс принял резолюцию, которая предусматривала создание политической системы, сочетающей эффективные методы управления с демократическими свободами, а также такой экономической структуры, которая обеспечивала бы условия для быстрого развития производства, но не допускала бы появления частных монополий и концентрации богатства⁷⁴⁸.

В принятой Конгрессом в 1948 г. резолюции по промышленной политике была заложена основа смешанной экономики, в которой при стратегическом контроле со стороны государства частному сектору отводилась заметная роль. Государственные предприятия должны создаваться в тех сферах, где частные предприятия не могут адекватно удовлетворять нужды страны. В соответствии с этим

курсом, за государством были зарезервированы важнейшие отрасли тяжелой промышленности и машиностроения, включая черную металлургию, угольную и нефтяную промышленность, производство вооружений и атомной энергии, железные дороги. 1 июля 1948 г. был национализирован Резервный банк Индии, усилен контроль за деятельностью частных банков. На образованный таким образом государственный сектор в 1948 г. пришлось 6% промышленного производства страны⁷⁴⁹.

В 1949 г. Конгресс внес уточнение в цели партии: построение общества «всеобщего благоденствия», основанного на равенстве политических, экономических и социальных возможностей. Важной частью всего процесса экономического развития Индии стало планирование. При этом был использован опыт Советского Союза. Конгресс заявил, что будет осуществлять планирование главных направлений жизни страны, что базовые предприятия должны находиться в руках государства и под его контролем. Одновременно широкое поле деятельности оставалось для частного предпринимательства, которое вместе с тем должно было учитывать цели, выдвигаемые государством.

Все это получило свое выражение в первом пятилетнем плане (1951/52–1955/56), который выдвигал достаточно скромные цели. Его идеи базировались на разработках Планового департамента Конгресса, созданного еще в 1938 г., а также совещательного совета по планированию в уже независимой Индии. В 1950 г. этот совет был преобразован в Плановую комиссию под председательством премьер-министра. Главное внимание в первом пятилетнем плане было уделено аграрному сектору. Ставилась задача увеличить производство продовольствия и соответственно сократить импорт зерна. Около двух третей всех расходов планировалось выделить на сельское хозяйство, ирригацию, производство электроэнергии, транспорт и связь. А на развитие промышленности предусматривалось израсходовать всего около 10%. За эти пять лет валовый национальный продукт вырос на 18%, что послужило основанием для дальнейшего планирования развития страны⁷⁵⁰.

При обсуждении вопросов, связанных с выполнением задач первого пятилетнего плана, Плановая комиссия заявила: «В плановой экономике различия между государственным и частным секторами состоят лишь в акцентах. Оба сектора должны действовать как части одного организма»⁷⁵¹. В свою очередь, Неру полагал, что государственный и частный секторы экономики могут плодотворно сосуществовать и сотрудничать в Индии, которая нуждается в ускоренном развитии. В декабре 1954 г., выступая в парламенте, он

сказал: «Вполне очевидно, что в такой неразвитой стране, как наша, мы не сможем продвигаться вперед без инициативы со стороны государства, без расширения государственного сектора ... без контроля над частным сектором в определенных сферах. Очень важно, чтобы частный сектор действовал в условиях широкого стратегического контроля, но при полной свободе и инициативе. Частный сектор является частью плана, его скоординированной частью. И именно в этом состоит контроль»⁷⁵².

Под влиянием складывавшейся ситуации в стране и мире правительство Неру сделало еще один шаг вперед в социализации экономики и утверждении принципов справедливости и равенства в обществе. Оно подчеркивало необходимость установления социализма мирным путем, без насилия и диктатуры, на основе демократии. Эти поиски привели Неру к концепции среднего пути, которая нашла свое выражение в теории и практике смешанной экономики. Он полагал, что в такой слаборазвитой стране, как Индия, нельзя добиться прогресса без государственного сектора и контроля над частным сектором в наиболее важных сферах.

В 1955 г. на сессии Конгресса в г. Авади была принята программа построения «Общества социалистического образца». Этой программой утверждалась необходимость уже существовавшего планирования экономики и определялся курс на индустриализацию страны при главенствующей роли государственного сектора⁷⁵³. В резолюции Конгресса в этой связи отмечалось: «Планирование должно осуществляться с целью построения общества социалистического образца, в котором главные средства производства находятся в общественной собственности или под контролем общества, где производство непрерывно растет и существует справедливое распределение национального богатства»⁷⁵⁴.

После того как Конгресс заявил о строительстве общества «социалистического образца», Неру неоднократно разъяснял свою позицию по этому вопросу. В 1956 г. он писал, что в промышленно развитых странах капитализм достиг монополистической стадии, используя новейшие технологии для того, чтобы усилить свою власть до такой степени, что это может стать в будущем опасным для общества. Индия выбрала разумный курс, имея в виду это серьезное обстоятельство и в то же время позволяя частному предпринимательству развиваться в тех сферах, которые не являются стратегически важными.

Вместе с тем Неру приходилось быть более прагматичным и более приближенным к индийской реальности, а также учитывать мнение оппозиции внутри Конгресса, которая придерживалась кон-

сервативных взглядов. В речи на заседании Всеиндийского комитета Конгресса в 1958 г. он заявил: «Я не хочу установления государственного социализма экстремального типа, при котором государство является всемогущим и управляет практически всем. Государство имеет большую политическую власть ... Поэтому я должен придерживаться децентрализации экономической власти. Я вовсе не являюсь догматиком. Мы должны учиться на нашем собственном опыте и продвигаться по нашему собственному пути ... Моя идея социализма состоит в том, что каждый человек в государстве должен иметь равные возможности для развития»⁷⁵⁵.

Во втором пятилетнем плане (1956/57–1960/61) была поставлена задача значительно ускорить экономический рост, добиться быстрой индустриализации с акцентом на создание базовой тяжелой промышленности, значительно увеличить занятость, сократить неравенство в доходах и богатстве. Предполагалось увеличить на 25% валовой национальный продукт и производство продовольствия.

Выполнение плана натолкнулось на непредвиденные трудности. Наводнения и засуха в 1956–1957 гг. нанесли ущерб сельскому хозяйству. Возникли проблемы инфляции и финансового кризиса, что потребовало увеличения налогов. Однако не были изменены главные цели плана – рост сельскохозяйственного производства, строительство энергетических мощностей и трех металлургических заводов при содействии СССР, Великобритании и Германии. Но в целом поставленные планом задачи не были выполнены, в том числе и в социальной сфере – безработица не сократилась, положение населения практически не улучшилось.

В период 1963–1964 гг. Конгресс разработал концепцию «демократического социализма», которая была утверждена на сессии партии в г. Бхубанешваре в январе 1964 г. – последней с участием Неру. Конгресс провозгласил главной задачей ликвидацию бедности, быстрое экономическое развитие, активный рост промышленного и сельскохозяйственного производства, использование планирования и государственного регулирования экономики. Подчеркивалась необходимость сокращения неравенства в доходах и богатстве. Подтверждалась задача укрепления стратегической роли государственного сектора в промышленности, особенно тяжелой индустрии. Одновременно отмечалось большое значение частного сектора, его важная роль в стратегии национального планового развития. В области аграрных отношений на первый план выдвигалась задача ликвидации посредников, введения максимума («потолка») землевладений, создания кооперативной сельской экономики, основанной на деревенской общине и добровольных ассоциациях⁷⁵⁶.

Все основные программные документы правительства Неру 1950–1960-х годов подчеркивали важнейшую роль государства в строительстве национальной экономики. Фактически политика государственного капитализма и создание государственного сектора стали решающим фактором экономического развития Индии в этот период. К середине 1960-х годов в государственном секторе были созданы основные предприятия тяжелой индустрии – черной и цветной металлургии, нефтехимии, тяжелого машиностроения, производства строительных материалов и электроэнергетики. Общий объем промышленного производства в 1948–1964 гг. вырос в 2,5 раза.

Вместе с тем к 1960 г. доля государственного сектора в валовой промышленной продукции составляла всего 18%. Ограничивая деятельность частного капитала в отдельных отраслях экономики, государство одновременно обеспечивало заметное расширение частного предпринимательства, особенно крупного капитала. Так, с 1956 г. по 1966 г. 70 крупнейших корпораций получили более половины всей государственной помощи, выделенной частному сектору.

Аграрные реформы 1950–1960-х годов

Индустриализация оказывала положительное влияние на ситуацию в сельском хозяйстве. Проведение аграрных реформ (хотя и ограниченных по своим масштабам и социально-экономической значимости) также способствовало капиталистическим преобразованиям в аграрной сфере.

До середины 1950-х годов в каждом штате был выработан и принят закон об аграрной реформе. Закон касался только тех районов, в которых существовала феодально-помещичья система заминдари, но не затрагивал помещичьи землевладения в районах райатвари, которые занимали 57% всех обрабатываемых земель в стране. В результате этих реформ помещики потеряли около 60% принадлежавших им земель, но сохранили за собой усадьбы, приусадебные земли, скот и другое имущество. В свою очередь, крестьяне-арендаторы, а точнее, их верхняя прослойка, приобрели статус, аналогичный статусу землевладельцев в районах райатвари. В большинстве штатов эта группа арендаторов получала этот статус автоматически или при проведении нового земельного кадастра. В других штатах (Уттар-Прадеш, Бомбей, Майсор) они приобретали эти права за выкуп. Но в большинстве

штатов страны положение арендаторов на отчужденных землях земиндаров после проведения аграрных реформ существенно не изменилось. Вместе с тем все они, несомненно, выиграли от аграрных реформ, так как прекратилось взимание с них различных феодальных поборов⁷⁵⁷. Аграрные реформы проходили в острой политической борьбе между крестьянами и помещиками, а также с представителями власти, тесно связанными с хозяевами земли. «Земельные реформы были абсолютно необходимы, – писал Неру, – и мы стремились к этому и работали для этого на протяжении жизни целых поколений. Мы должны их эффективно провести, преодолевая помехи и препятствия. Если кто-либо станет на пути этих преобразований, мы будем вынуждены убрать их с нашего пути. Другого выхода нет, ибо миллионы людей ждут и ждали этого многие десятилетия»⁷⁵⁸.

В 1953 г. в ходе аграрных реформ был остро поставлен вопрос о «потолке» земельных владений, решение которого стало одной из главных задач в период осуществления первого и второго пятилетних планов. Этот вопрос затрагивал всех крупных землевладельцев и крестьянскую верхушку. К середине 1960-х годов законы о «потолке» землевладения были приняты в большинстве штатов.

Этот «потолок» в среднем составлял 15–30 акров для орошаемой земли и 80–100 акров для богарной. Это превышало размеры основной (60–70%) части крестьянских хозяйств – 5 акров в районах поливного и 10 акров в районах богарного земледелия. В свою очередь, помещики умело обходили законы и таким образом сохраняли имеющуюся у них землю сверх «потолка». В результате в 1967 г. было выявлено всего 2,3 млн. акров земель, превышающих установленный законом максимум землевладения, в то время как у крупных землевладельцев имелось более 100 млн. акров⁷⁵⁹.

Как отмечает В.Г. Растянников, законы о «потолке» владений не преследовали своей целью достижение «социальной справедливости» в агросфере. Они побуждали крупного землевладельца переходить к реальной обработке принадлежавшей ему земли «своими силами», к обзаведению собственным хозяйством⁷⁶⁰.

Одним из главных направлений аграрных реформ в начальный период независимости стало устранение феодально-иерархического землевладения, которое до принятия первых аграрных законов охватывало 57% частновладельческих земель в Британской Индии и много меньше в княжествах. В.Г. Растянников пишет, что такая структура земельной собственности и паразитарного класса посредников-рентополучателей не имела аналогов в развивающихся странах. В результате развития аграрных отношений за 150 лет

колониального владычества в Индии сложились районы (например, в Бенгалии), где между джотедаром-помещиком и крестьянами, обрабатывающими землю, находились до 50 слоев паразитарных рентополучателей, деливших между собой взимаемую с крестьян земельную ренту. С началом аграрных реформ заминдары и посредники стали вести активную борьбу за сохранение своих прав на сдаваемую ими в аренду землю. Это привело к массовому сгону крестьян-арендаторов с обрабатываемой ими земли, так как по закону о реформе они могли получить право защищенной аренды на нее⁷⁶¹.

Как упоминалось, изучению проблемы аграрных реформ было посвящено множество работ отечественных и зарубежных авторов. В этой связи несомненный интерес представляет книга американского ученого Томассона Джаннузи «Аграрный кризис в Индии. На примере Бихара». Этот автор провел глубокое полевое исследование аграрных реформ в одном из беднейших штатов Индии в период с 1956 г. по 1970 г. Он считал, что Бихар (как и Индия в целом) переживал аграрный кризис, который характеризовался огромными масштабами и сложностью. Этот кризис оказывал влияние на все общество. Его суть состояла в том, что сельская элита полностью контролировала ограниченные земельные ресурсы. Напряженность и конфликты между традиционными крупными землевладельцами и новыми растущими группами, никогда ранее не имевшими прав на землю, должны были привести к изменениям в аграрной сфере и во всей экономике. Оставался нерешенным принципиально важный вопрос – каким способом произойдут эти изменения: упорядоченным и эволюционным или хаотичным и революционным. Экономический рост в аграрной сфере, отмечал автор, невозможен, если массам крестьянства будет отказано в социальной справедливости⁷⁶².

С 1951 г. по 1966 г. государственными организациями удалось освоить 7,5 млн. акров целинных и залежных земель, провести строительство оросительных сооружений и таким образом увеличить вдвое площадь орошаемых земель. Одновременно создавались сети животноводческих и семеноводческих ферм. Активно развивалась кредитная, сбытовая и потребительская кооперация.

Несмотря на все трудности и издержки, проведение аграрных реформ несколько улучшило положение основной массы крестьянства и в определенной мере создало благоприятные условия для капиталистических преобразований в аграрной сфере. С 1951 г. по 1965 г. рост валовой продукции сельского хозяйства составил 65%. Однако за это же время население страны увеличилось примерно

на 125 млн. человек, то есть приблизительно на 30%. К середине 1960-х годов аграрная сфера не обеспечивала полностью потребностей страны в продовольствии и некоторых видах сельскохозяйственного сырья. Тем не менее удалось избежать хронического голода, который был частью колониального хозяйствования в стране.

Движения бхудан и грамдан

Участие деревенской бедноты в проведении аграрных реформ оказало огромное влияние на их настроения, способствовало пробуждению их общественного и политического сознания. В ряде мест, например в Теленгане (Хайдарабад), это сопровождалось насильственным захватом помещичьих земель бедными крестьянами и сельскохозяйственными рабочими. К концу 1948 г. таким способом было перераспределено более 1 млн. акров земель. На подавление восстания были брошены войска. Под руководством компартии Индии восстание переросло в вооруженную партизанскую войну. Именно в этот период в КПИ возобладали левосектантские взгляды, от которых она стала избавляться с начала 1950-х годов.

В противовес насильственным захватам земель в то же время начались мирные движения бхудан (дарение земли) и грамдан (дарение деревни), суть которых состояла в добровольном пожертвовании земли крупными землевладельцами для ее раздачи безземельным и малоземельным крестьянам. Не случайно, что движение бхудан возникло именно в Теленгане.

Во главе этих движений стоял Ачарья Виноба Бхаве, последователь М.К. Ганди. В апреле 1951 г. Бхаве впервые получил в дар участок земли для передачи безземельным крестьянам. Бхудан был задуман как инструмент для решения проблемы безземелья в Индии. Бхаве заявил, что эта проблема может быть решена мирным путем, без насилия, и без помощи государства. Бхудан должен был стать ненасильственной революцией, в ходе которой будет создано новое общество, своеобразное «царство добра». Оно изменит самого человека и построит новый социальный порядок. Имелось в виду создание бесклассового, бескастового общества, без эксплуатации и несправедливости. В центре этого общества должен быть бескорыстный человек.

Бхаве полагал, что проблема земельного голода в Индии может быть решена путем дарения 50 млн. акров земли и распределения ее среди безземельных крестьян. Он объяснял это следующим обра-

зом: «В Индии имеется 300 млн. акров обрабатываемой земли. Каждая семья состоит в среднем из пяти человек. Она могла бы отдать одну шестую часть своих земельных владений безземельным». Бхаве предложил, чтобы эти 50 млн. акров были переданы в дар безземельным крестьянам до 1957 г. Среди тех, кто поддержал это движение был Джай Пракаш Нараян. Сначала его реакция на бхудан была негативной. Он полагал, что потребуются сотни лет, чтобы таким образом перераспределить землю в Индии. Однако его привлекла сама фигура Бхаве – искреннего, бескорыстного последователя Ганди, которого тот выбрал в качестве первого участника сатьяграхи – движения гражданского неповиновения в 1941 г. Кроме того, казалось, что с самого начала движение было успешным, особенно в Бихаре, родном штате Нараяна. В течение одной недели в дистрикте Гайя этого штата Бхаве получил семь тысяч акров земли в качестве дара, в основном от мелких землевладельцев⁷⁶³.

В реальной действительности успехи движения бхудан не были столь значительными. В результате к 30 июня 1966 г. удалось получить 4,3 млн. акров земли, в основном в Уттар-Прадеше и Бихаре, и распределить среди безземельных крестьян 1,2 млн. акров. Однако большая часть этой земли оказалась неудобной или даже непригодной для земледелия.

Движения бхудан и грамдан оказались малоэффективными. И это притом, что правительство Неру оказывало им заметную финансовую поддержку. В третьем пятилетнем плане отмечалось, что «движения бхудан и грамдан существенно помогли создать благоприятную атмосферу для осуществления прогрессивных земельных реформ»⁷⁶⁴. Однако после того как Бхаве отошел от руководства движениями в 1970 г., они постепенно сошли на нет. Подводя итоги аграрной реформе, В.Г. Растяников отметил ее два крупных последствия. Во-первых, она существенно расширила слой легитимных субъектов владельческого права на землю (в лице как собственников земли, так и арендаторов с относительно прочно защищенными законом арендными держаниями) и тем самым утвердила универсально однородную систему владельческих прав (в том числе – прав собственности) на землю на всей территории Индии. И во-вторых, господствующий класс страны заблокировал перераспределение земли в пользу неимущего и малоимущего населения деревни. Самую массовую социальную опору современной модели экономического роста образовывали группы сельскохозяйственных производителей, к которым относились среднесостоятельные и зажиточные земледельцы, составлявшие меньшинство производящего сельскохозяйственный продукт самодеятельного населения деревни⁷⁶⁵.

«Зеленая революция»

Во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов в Индии начался первый этап «зеленой революции», которая охватила в основном районы, традиционно специализировавшиеся на производстве пшеницы, – Панджаб, Харьяну и западную часть Уттар-Прадеша. Благодаря применению новых высокоурожайных сортов, усиленному развитию ирригации и широкому использованию удобрений и ядохимикатов за первые шесть лет производство пшеницы выросло более чем в 2,6 раза. Все это происходило при активном участии государства.

Однако уже на втором этапе «зеленой революции» (1972–1975 гг.) произошел ее спад, который был во многом связан с ростом цен на основные средства новых технологий – машины, удобрения, пестициды, а также на горючее и электроэнергию, который заметно опережал рост цен на продовольственное зерно. Происходило и замедление строительства ирригационных сооружений. Развитие «зеленой революции» на ее очередном этапе с середины 1970-х до начала 1980-х годов в немалой степени определялось нестабильностью в экономике страны.

В целом «зеленая революция» в Индии носила очаговый характер. С точки зрения использования общественных ресурсов страны она обходилась достаточно дорого, так как не привела к заметному снижению издержек производства. И, тем не менее, за полтора десятилетия (1965/66–1980/81) производство продовольственного зерна выросло с 72 млн. до 129,6 млн. тонн (из них пшеницы – с 10,4 млн. до 36,5 млн. тонн, риса – с 30,7 млн. до 53,2 млн. тонн, при этом урожайность пшеницы выросла в 3,2 раза, риса – в 1,6 раза).

Одним из результатов «зеленой революции» стало замещение пшеницей, а затем и рисом более дешевых продовольственных культур, в том числе бобовых – основного источника протеина в пищевом рационе наименее состоятельных групп населения. А общим итогом стало то, что с 1978 г. был полностью прекращен импорт зерновых (за исключением 1981 г., когда тяжелый неурожай заставил Индию импортировать в 1982 г. 1,5 млрд. тонн зерна). «Зеленая революция» помогла решить проблему создания крупных государственных запасов зерна. В 1979 г. они достигли 21,5 млн. тонн. Это было гарантией продовольственной безопасности страны, но вместе с тем отражало трудности в реализации зерна, вызванные низкой платежеспособностью основной массы населения. По данным В.Г. Растьянникова и И.В. Дерюгиной, урожайность всех зерновых в Индии с 1966 г. до 1981 г. выросла с 6,4 до 10,3 ц/га, а к 2001 г. – до 17,3 ц/га⁷⁶⁶.

Глава 23 ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНДИИ В 1947–1964 гг.

Изоляция религиозно-общинных партий

После убийства М.К. Ганди бывшим активистом шовинистической религиозно-общинной организации РСС положение в стране серьезно осложнилось. Правительство запретило деятельность этой организации. 4 февраля 1948 г. арестовало ее президента Голвалкара и около 20 тыс. ее членов. Оно заявило, что декларируемые РСС цели по физическому, духовному и нравственному развитию индусов, воспитанию среди них чувства братства, любви и служения обществу расходятся с практической деятельностью этой организации. Утверждалось также, что «вредная деятельность» РСС связана с культом насилия, что привело ко многим жертвам. Последней из них стал Махатма Ганди.

События, связанные с убийством Ганди, коренным образом повлияли на будущее РСС и Хинду махасабхи. И хотя правительство Индии не смогло доказать прямого участия Махасабхи и РСС в убийстве, почти все участники судебного процесса по этому делу, включая Саваркара, были связаны с этими двумя организациями. Многие из них были арестованы, однако уже через полгода выпущены из тюрем⁷⁶⁷.

Хотя деятельность Хинду махасабхи была серьезно ограничена властями, тем не менее, ее руководитель Мукерджи продолжал оставаться в составе кабинета министров первого правительства Индии. Избежавшие ареста члены Рабочего комитета Махасабхи приняли решение «приостановить» политическую деятельность и сосредоточиться на «конструктивной работе» – решении многообразных социальных, культурных и религиозных проблем во имя «создания мощного и хорошо организованного индусского общества в независимой Индии».

Однако уже через полгода, оправившись от потрясения, руководство Хинду махасабхи вновь вернулось к мысли о воссоздании политической партии. Мукерджи предложил, чтобы Махасабха изменила свой общинно-религиозный облик, открыла двери для членства в ней представителей всех конфессий и даже сменила свое название. Большинство членов Рабочего комитета Махасабхи выступило против такого предложения. Мукерджи вынужден был уйти в отставку с поста прези-

дента партии. Таким образом, Махасабха вновь подтвердила свою исключительную приверженность индуизму. Новый президент Махасабхи Бхопаткар, приводя аргументы в пользу этого, писал: «Если Пакистан может быть мусульманским государством, Палестина – еврейским государством, Англия или США – христианскими государствами, я не вижу причин, почему Индия не может быть индусским государством»⁷⁶⁸.

В апреле 1950 г. Мукерджи вышел из состава кабинета министров в знак протеста против подписания Неру и премьер-министром Пакистана Лиакат Али Ханом пакта, по которому обе стороны брали на себя обязательство защищать права меньшинств в обеих странах, а также содействовать возвращению беженцев к местам их прежнего проживания. В соответствии с пактом, оба правительства заявляли об отсутствии у них экстратерриториальных претензий к меньшинствам в обеих странах. Мукерджи не был согласен с этим. По его мнению, Индия не может быть безучастной, если нарушаются гражданские права индусов в Пакистане.

В октябре 1951 г. из правительства Неру также вышел министр юстиции, лидер зарегистрированных каст Б.Р. Амбедкар. Причиной его разрыва с Конгрессом стали разногласия по вопросу о подготовленном им законопроекте по секуляризации частного индусского права, что предусматривало предоставление права собственности женщинам. После этого Амбедкар сосредоточил свою деятельность на критике политики Конгресса в отношении зарегистрированных каст и на проведении работы по организации Республиканской партии Индии.

Уход из правительства развязал Мукерджи руки для создания в 1951 г. новой партии – Бхаратия джана сангха (Индийского народного союза – Джана сангх, БДС), предтечами которой были Хинду махасабха и РСС. Руководство последнего приняло непосредственное участие в создании новой партии. Около 500 делегатов ее первого съезда избрали Мукерджи президентом БДС.

В своей речи на съезде он говорил о необходимости борьбы с «диктатурой» Конгресса, которую возглавит именно Бхаратия джана сангх как главная оппозиционная партия. Мукерджи заявил, что БДС открыт для всех граждан Индии вне зависимости от касты, вероисповедания или общины, для всех, кто лояльно относится к своей родине. Последняя часть этого заявления Мукерджи – представителя умеренного крыла во вновь образованной партии, вызвала дискуссию в БДС и РСС.

Уже через месяц после образования БДС лидер РСС Голвалкар выступил с политическим заявлением, в котором, в частности, утверждал следующее. «Конгресс расколол страну на две части. Коммунисты разделят ее на десять частей. Единственной целью РСС

является собрание сил для сплочения страны от Кашмира до Канья Кумари... Мусульмане тихо выжидают, чтобы принести нам беды. Еще слишком рано строить нашу политику, полагаясь на их лояльность...» Ему вторил генеральный секретарь РСС Бхаяджи Дани: «Только индусы являются лояльными гражданами Бхарата, поскольку именно они наследовали все в этой стране с незапамятных времен – свою национальность, язык, историю и религию, которые неразрывно связаны с этой землей»⁷⁶⁹.

Правительство Конгресса во главе с Неру выступило против религиозно-общинного подхода БДС к главным проблемам страны. В письме президенту БДС Неру писал в 1951 г.: «Если и существует какая-либо по-настоящему религиозно-общинная организация в Индии, то это БДС. Он целиком и полностью является реакционной организацией. Все реакционные люди в Индии – и я говорю это намеренно – князья и джагирдары (феодалы-землевладельцы), которые, по моему мнению, представляют поистине регрессивные классы, выступают в поддержку Джана сангха. Они финансируют его»⁷⁷⁰. В январе 1952 г. Неру характеризовал эту партию как «незаконно рожденное дитя РСС»⁷⁷¹.

На первом съезде БДС Мукерджи произвел главные назначения. Маули Чандра Шарма и Махавир стали генеральными секретарями партии. А в качестве своего личного секретаря Мукерджи выбрал 26-летнего перспективного политического деятеля Атал Бихари Ваджпаи. К этому времени Ваджпаи окончил колледж в Канпуре, был генеральным секретарем Арья кумар сабхи – молодежного крыла «Арья самадж». В 1941 г. он стал членом РСС и занимался журналистской работой в газетах, близких к этой организации.

БДС не разделял взглядов Неру о широком вовлечении страны в мировую политику, тем более в качестве лидера движения неприсоединения. Он также проводил антисоветскую и антикитайскую линию. С начала 1960-х годов руководители БДС неоднократно посещали США с разными целями (Ваджпаи, например, для наблюдения за ходом президентских выборов 1960 г.). Вместе с тем БДС критически следил за отношениями между США и Пакистаном.

Первые всеобщие выборы.

Победа Конгресса и появление политической оппозиции

Лидирующая роль Конгресса в национально-освободительном движении предопределила то, что именно его лидер Дж. Неру стал первым премьер-министром независимой Индии. Легитимность пре-

бывания ИНК у власти была подтверждена на первых всеобщих выборах (одновременно в парламент и законодательные собрания всех штатов), которые проходили в конце 1951 г. – начале 1952 г. Конгресс подтвердил свое право на руководство страной. Он победил не только в центре, но и во всех штатах. На выборах в народную палату парламента Конгресс получил 45% голосов избирателей и 364 депутатских мандата из 489.

На второе место с большим отставанием вышла Коммунистическая партия Индии (КПИ), которая вместе с союзниками получила около 6,3% голосов избирателей и 16 мест в парламенте (без независимых)⁷⁷². Еще три партии – Народно-социалистическая, Крестьянско-рабочая народная партия и Социалистическая партия – также прошли в парламент, где они объединились вокруг Народно-социалистической партии (НСП) и с 16% голосов избирателей получили 22 депутатских мандата. Созданной незадолго до выборов партии Бхаратия джана сангх с трудом удалось набрать необходимые для прохождения в парламент 3% голосов и завоевать три мандата в нем. В результате этих выборов четыре партии – Конгресс, КПИ, НСП и БДС были зарегистрированы как общеиндийские (национальные) партии. Они получили свои избирательные символы, которые действовали на территории всей Индии.

Коммунисты смогли завоевать значительное число голосов на первых выборах в парламент и в законодательные собрания таких штатов, как Керала, Западная Бенгалия и Андхра-Прадеш, где у них были свои организации еще в период борьбы за независимость. Тогда КПИ, действуя открыто после выхода из подполья в 1942 г., сумела стать заметной силой в политической жизни страны. Однако в условиях, сложившихся после 15 августа 1947 г., компартия, из-за преобладания в ее руководстве левосектантских и догматических взглядов, не смогла быстро осмыслить сложившуюся ситуацию. В течение последующих трех лет она, как отмечалось впоследствии в документах КПИ, проводила «ошибочную линию авантюризма». На II съезде КПИ (март 1948 г.) и после него руководство партии допустило ряд левосектантских ошибок, что нанесло ей большой ущерб, ослабило позиции коммунистов и на определенный период затруднило ее сотрудничество с другими демократическими силами. II съезд КПИ пришел к выводу, что провозглашение независимости Индии не положило конец британскому господству, а лишь изменило его форму, что индийской буржуазии была дана доля государственной власти, чтобы она «утопила национально-демократическую революцию в крови»⁷⁷³. На съезде было заявлено, что индийская буржуазия и ее партия Индийский национальный конгресс перестали играть про-

грессивную роль и начали сотрудничать с империализмом. Поэтому революционная борьба на этом этапе означала прямое выступление против правительства Конгресса, за отстранение его от власти⁷⁷⁴.

В принятом после II съезда документе Политбюро ЦК КПИ «О народной демократии» утверждалось, что действия индийской буржуазии во всех сферах жизни являются реакционными. По всем вопросам интересы трудящихся якобы вступают в конфликт с интересами буржуазии, что создает «беспрецедентный антагонизм» между пролетариатом и буржуазией. Поэтому подчеркивалось, что осуществление демократической революции в Индии обязательно должно иметь антикапиталистический характер. В этой связи указывалось, что «ближайшей целью революции является свержение буржуазии, лишение ее политической власти». Средством для достижения этой цели объявлялась политическая борьба, в ходе которой по буржуазии должен быть нанесен «фронтальный удар», чтобы обеспечить ее полное поражение⁷⁷⁵.

Имелось в виду, что после поражения правительства Конгресса к власти придет «блок пролетариата с непролетарскими элементами, то есть демократическая диктатура рабочих и крестьян». А затем эта государственная форма в общем контексте «мировой социалистической революции и прямой борьбы против господства капитала... быстро перешла бы в диктатуру пролетариата». Одновременно утверждалось, что борьба за «настоящую независимость» связана с «нанесением поражения капиталу» в Индии и ее выходом из капиталистической системы⁷⁷⁶.

В документах II съезда КПИ фактически утверждалось, что в стране существует революционная ситуация. Механически сравнивая положение в своей стране с ситуацией в России в 1917 г., тогдашнее руководство КПИ пришло к выводу, что Индия к тому времени «уже прошла этап Февральской буржуазно-демократической революции, но еще не вступила в этап Великой Октябрьской социалистической революции», поскольку КПИ «еще не в состоянии немедленно выдвинуть лозунг диктатуры пролетариата» в результате сложившихся условий в стране. Однако говорилось, что в ходе борьбы может открыться прямая дорога к диктатуре пролетариата⁷⁷⁷.

На основе этого ошибочного и субъективистского анализа положения в стране и соотношения классовых и политических сил в Индии после августа 1947 г. КПИ начала осуществлять тактическую линию, которая нанесла огромный ущерб коммунистическому и рабочему движению, подорвала влияние партии в массах. Как указывал впоследствии генеральный секретарь КПИ Аджой Гхош, «лево-сектантская политика, тактика и лозунги вместе с бюрократическими

методами их применения... внесли разброд и замешательство в партийные организации, что, в свою очередь, привело к затяжному и глубокому кризису внутри партии и фактически демобилизовало ее на долгий период времени»⁷⁷⁸.

Как позже отмечалось в документах компартии, провозглашенная на II съезде КПИ «революционная борьба» против конгрессистского правительства, по существу, была «революцией на бумаге», поскольку левым силам не удалось организовать сколько-нибудь значительных выступлений трудящихся. Однако выводы съезда о свержении правительства Индии дали последнему повод для обвинения КПИ в подготовке вооруженного восстания. Деятельность ряда организаций компартии была запрещена, многие члены партии были арестованы. Особенно пострадала западнобенгальская организация КПИ, которая была объявлена вне закона, а тысячи членов партии были брошены в тюрьмы. Все учреждения компартии в Западной Бенгалии были закрыты, прекратился выпуск газеты «Свадхината» («Независимость»). Оставшиеся на свободе руководители и члены партии ушли в подполье. Всего в Индии было арестовано 25 тыс. членов партии и сочувствующих ей, 50 тыс. находилось под судом и следствием. В этот период КПИ оказалась во многом оторванной от масс, ее влияние резко упало. Число членов партии сократилось с 89 тыс. во время II съезда КПИ до 20 тыс. к 1951 г.⁷⁷⁹ Таким образом, сама жизнь наглядно показала глубокую ошибочность линии II съезда КПИ. Поэтому сравнительно скоро в партии начались поиски путей преодоления левосектантского подхода. Это был сложный, мучительный и длительный процесс, в ходе которого происходило постепенное освобождение от груза ошибок 1948 г.

Заметным этапом на этом пути стала партийная конференция в октябре 1951 г., которая проводилась в Калькутте в условиях подполья. В принятых на конференции документах был намечен отход от прежней сектантской линии партии по ряду важных вопросов. Так, в принятой на конференции программе партии была исправлена ошибочная характеристика этапа индийской революции как социалистического или «смешанного», указывалось, что Индия находится на «демократической стадии революции». Был также сделан важный вывод о том, что партия должна участвовать в парламентских и иных выборах с целью «мобилизации широких слоев населения и защиты их интересов», подчеркивалась необходимость сотрудничества всех демократических, антифеодальных и антиимпериалистических сил. Однако документы этой конференции по-прежнему содержали оценочную роль индийской национальной буржуазии и ее правительства как коллаборационистскую и проимпериалистическую⁷⁸⁰.

И только на V съезде КПИ в Палгхате в 1956 г. компартия пришла к выводу, что индийская национальная буржуазия не исчерпала своих прогрессивных потенциалов. Это открыло перед КПИ возможность сотрудничества с патриотическими силами индийской буржуазии, которые выступали за развитие страны по пути демократии и прогресса.

Отход от левосектантской линии II съезда КПИ и, в частности, участие в выборах способствовали расширению влияния КПИ в массах. Новый курс партии дал положительные результаты уже на первых всеобщих выборах 1952 г., в ходе которых за кандидатов компартии в парламенте проголосовало около 3,5 млн. человек⁷⁸¹.

Результаты последующих выборов показали, что в то время как позиции Конгресса крепили, левые силы, из-за их разрозненности и ограниченного влияния в массах, не могли стать реальной альтернативой правящей партии, которая в этот период значительно упрочила свои позиции. Если до первых всеобщих выборов организация Конгресса находилась еще в стадии становления, когда между отдельными группировками в партии шла борьба за лидерство, то в последующий период произошло значительное усиление этой партии, что свидетельствовало о консолидации ее влияния в результате проведения аграрных реформ и других общедемократических преобразований.

Конгресс укрепляет позиции. Победа левых сил в Керале

На выборах в 1957 г. Конгресс еще больше укрепил свои позиции в стране, набрав 47,8% голосов избирателей и получив 361 депутатский мандат в народной палате парламента. На второе место опять вышла компартия Индии (8,9% голосов и 27 мест). На третьем месте оказалась Народно-социалистическая партия, объединившаяся в конце 1952 г. с Социалистической и Крестьянско-рабочей партиями. Она получила 10,4% голосов избирателей и 19 мест в парламенте. Партия БДС смогла несколько улучшить свои позиции среди избирателей (5,9% голосов), но провела в парламент лишь четырех депутатов⁷⁸². Успех Конгресса на этих выборах был во многом связан с началом преобразований в аграрной сфере и промышленности, что отвечало интересам большинства населения.

Особенностью политической ситуации, сложившейся после выборов 1957 г., была победа левых сил во главе с компартией в Керале. Это был первый опыт создания и деятельности неконгрессистского правительства в одном из штатов страны. После успеха на выборах в Керале Политбюро ЦК КПИ на своем заседании в марте 1957 г.

в г. Эрнауламе заявило, что левое правительство будет осуществлять свою деятельность в рамках конституции Индии⁷⁸³. Эту же мысль подтвердил секретарь керальской организации КПИ М.Н. Говиндан Наир, который сказал, что коммунистическое правительство будет действовать в интересах народа, исходя из положений конституции страны. Он подчеркнул, что деятельность правительства не имеет никакого отношения к «красной революции». «Пугало революции, – заявил Наир, – придумано нашими оппонентами». Что же касается провозглашенных в предвыборном манифесте КПИ социально-экономических мероприятий, в том числе аграрного законодательства, то они полностью отвечают задачам, выдвинутым правительством Индии. Коммунистическое правительство в Керале будет в полном объеме осуществлять провозглашенную программу Конгресса, который заявил о своей приверженности социализму⁷⁸⁴. Впоследствии в статье «Вызов, брошенный Кералой» Наир писал, что деятельность коммунистического правительства может оказать глубокое воздействие на остальную Индию, активизируя силы, борющиеся за социализм. Но это не означает, что КПИ будет способна в сложившихся условиях осуществить программу радикальных социальных преобразований. На этот счет не должно быть никаких иллюзий. Коммунисты в правительстве поставили перед собой задачу улучшения положения трудящихся, осуществления только тех аграрных реформ, которые будут соответствовать конституции, а также принятия мер по демократизации государственного управления.

Отвечая тем, кто пытался обвинить коммунистов в том, что таким образом они «отказались» от революции в пользу реформизма, от марксизма в пользу гандизма, Наир заявил, что компартия будет стремиться полностью использовать возможности правительства для того, чтобы дать новый мощный импульс массовому движению за демократию и социализм. В практической политике правительство будет, в частности, проводить линию на то, чтобы уменьшить социальное неравенство, вести дело таким образом, чтобы приблизить правительство к народу, добиваясь его участия в управлении делами штата⁷⁸⁵.

В своей программе действий коммунистическое правительство в Керале подчеркнуло, что оно в основном согласно с главными целями, изложенными во втором пятилетнем плане Индии, который предусматривал ускоренную индустриализацию с акцентом на развитие базовых отраслей промышленности; значительное расширение занятости; сокращение неравенства в доходах и богатстве и более равное распределение экономической власти. Правительство выступило также с требованием увеличить финансовые средства, выделяе-

мые центром для Кералы, предусмотреть строительство в штате промышленных предприятий.

Левое правительство придавало особое значение отношениям между рабочими и предпринимателями, принимая во внимание, что частный капитал встретил его приход к власти с большой настороженностью. Предприниматели склонялись к тому, чтобы отказаться от новых инвестиций в Керале, что серьезно осложнило бы решение проблемы безработицы. Учитывая это, правительство заявило, что оно будет проводить линию на создание атмосферы «промышленного мира» или, по крайней мере, «перемирия», чтобы сократить число промышленных конфликтов. Одновременно оно обратилось к представителям делового мира с призывом удовлетворить такие требования рабочих, как разумное повышение заработной платы, выплата премиальных и т. п. Программой правительства предусматривалось также создание кооперативов на мелких и кустарных предприятиях и в рыболовстве.

В сельском хозяйстве левое правительство планировало сосредоточить усилия на проведении земельной реформы. Оно обратило внимание прежде всего на защиту огромной массы земледельцев-арендаторов, обрабатывающих чужую землю, от бесконтрольной эксплуатации землевладельцев, предусмотрев значительное снижение арендной платы и установление конкретных сроков сдачи земли в аренду. Особо указывалось на необходимость ликвидации крупного землевладения путем установления «потолка» владений и распределения изъятых излишков земель среди безземельной бедноты. Отмечалась также важность решения исключительно сложной проблемы, связанной с отношениями между арендаторами и мелкими землевладельцами-бедняками.

Принципиально новым направлением в политике правительства в Керале было его отношение к роли и функциям полиции. В этом вопросе оно исходило из необходимости демократизации всей системы управления, считало, что использование полиции в интересах имущих классов является нарушением основных прав трудящихся – права на коллективный договор, на забастовку или другие формы мирных действий. При этом оно указывало, что право трудящихся выступать в защиту своих требований имеет четкие границы, то есть не должно быть насилия в отношении имущих слоев и их собственности.

Объясняя смысл и значение программы правительства в Керале, главный министр штата Э.М.Ш. Намбудирипад подчеркивал, что эта программа «не представляет собой программу коммунистическую или некоммунистическую. Она является программой коммунистов и некоммунистов, программой каждого истинного патриота страны»⁷⁸⁶.

Придавая большое значение проведению аграрных реформ, реорганизации административного аппарата и т. п., правительство в Керале исходило из того, что его успех или неудача имеют общенациональное значение, поскольку за «керальским экспериментом» пристально следили представители разных социальных групп и классов во всех штатах Индии.

Сформирование правительства во главе с коммунистами и его деятельность были своеобразным вызовом Конгрессу, располагавшему властью в центре и во всех других штатах Индии. И хотя это левое правительство было демократически избранным и действовало в рамках конституции страны, некоторые руководители Конгресса рассматривали его как угрозу монополющей власти Конгресса, поскольку такая тенденция могла распространиться и на другие штаты.

Индира Ганди входит в политику

Вторая половина 1950-х годов была отмечена усилением роли Индиры Ганди в политике. Постепенно ее социальные и политические обязанности как помощника и близкого к Неру человека стали все более многогранными и значимыми. Она фактически начала выступать в качестве «первой леди», организатором официальных приемов и встреч Неру с иностранными государственными деятелями. И. Ганди, как правило, сопровождала отца в его зарубежных поездках, в том числе на конференцию стран Азии и Африки в Бандунге в 1955 г. В 1953 г. она одна, без Неру, поехала в Советский Союз, где встретила теплый прием. Исполнитель И. Ганди превращалась в самостоятельную политическую величину. Всем было ясно, что она является доверенным лицом Неру. Знающие люди говорили: «Попасть к Неру трудно. Идите и расскажите о своих проблемах Индире». Да и сам премьер-министр нередко отсылал местных политических лидеров к Индире, а иной раз советовал им обговорить тот или иной вопрос в деталях именно с ней. В окружении Неру заговорили о том, что он готовит ее к самой высокой политической миссии⁷⁸⁷.

В январе 1959 г. на ежегодной сессии Всеиндийского комитета Конгресса И. Ганди была избрана президентом партии. Неру занял внешне отстраненную позицию по этому вопросу. Некоторые утверждали, что выдвижение на этот пост Индиры означает победу левых сил в Конгрессе. На это Неру отвечал, что он не рассматривает этот вопрос категориями «левый-правый», а полагает, что в избрании ее президентом сказалось желание партии избавиться от рутины старого руководства и привлечь в Конгресс молодежь.

Сама И. Ганди заявляла о необходимости проведения крупных аграрных реформ, введения ограничений на размеры землевладений, создания кооперативов. Говоря об экономической справедливости и проблеме равенства, она объясняла: «Мы принимаем социализм только как эффективный инструмент. В Индии слово "социализм" означает всего лишь обобщенное выражение требований народа как можно больше производить и максимально справедливо распределять в условиях демократии»⁷⁸⁸.

Уже в первом выступлении в качестве президента Конгресса И. Ганди заявила, что предпримет «особые усилия», чтобы вернуть Конгресс к власти в Керале. Она развернула широкую кампанию по устранению левого правительства в этом штате. При этом, вопреки прежней политике Конгресса, И. Ганди пошла на сотрудничество с такими религиозно-общинными партиями, как Мусульманская лига и Керальский конгресс, опиравшийся на христиан. В данном случае вопросы идеологии для нее были вторичными. Главное – добиться поставленной цели. Ее прагматизм восторжествовал над идеологией. Она поставила цель и должна была ее осуществить.

Неру занял по этому вопросу более осторожную позицию. Он исходил из того, что левое правительство было законно избрано демократическим путем и что его отстранение от власти и сотрудничество Конгресса с религиозно-общинными силами могут вызвать осложнения на общеиндийской политической сцене⁷⁸⁹.

Разные подходы Неру и И. Ганди по данному вопросу сфокусировались в одном эпизоде. Один из корреспондентов задал Неру вопрос: «Вы хотите бороться с коммунистами или сместить их правительство в Керале?» На это Неру ответил: «Сместить? Как? Что вы имеете в виду? Они тоже были избраны». Тут же вмешалась Индира Ганди: «Папа, что Вы говорите! Вы говорите как премьер-министр, а я как президент Конгресса намерена бороться с ними и сбросить их правительство»⁷⁹⁰.

И она добилась этого. 31 июля 1959 г. в Керале было введено президентское правление, а правительство и законодательное собрание были распущены после 28 месяцев пребывания у власти. После внеочередных выборов в Керале в феврале 1960 г. Конгресс в союзе с Мусульманской лигой и другими партиями вернулся к власти. Индира Ганди торжествовала победу.

Как показали последующие события, победа Конгресса была недолгой. Осторожность Неру и глубокое понимание ситуации в стране в целом, столь присущее ему, оказались оправданными. Миф о победе Конгресса в Керале был развеян уже результатами выборов 1960 г. в законодательное собрание. На них в этом штате

левые получили на 1200 тыс. голосов избирателей больше, чем в 1957 г., а на парламентских выборах в 1962 г. они набрали 55% голосов и завоевали 10 из 18 депутатских мандатов в парламенте. После выборов в законодательное собрание Кералы, проведенных в том же 1962 г., коалиция Конгресса с Мусульманской лигой распалась, и ее правительство вынуждено было уйти в отставку. Очередная попытка Конгресса сформировать свое правительство в Керале в 1964 г. вновь провалилась⁷⁹¹. На досрочных выборах в 1965 г. коммунисты получили больше мест, чем Конгресс, но ни одна из партий не смогла добиться преобладания в законодательном собрании. Поэтому было введено президентское правление⁷⁹². А после выборов 1967 г. Конгресс не смог сформировать свое правительство не только в Керале, но еще и в восьми крупных штатах, где проживало три пятых населения страны⁷⁹³.

Примечательно, что против политики Индиры Ганди в отношении возглавляемого коммунистами правительства в Керале высказывался и ее муж, член парламента Фероз Ганди (1912–1960). Он считал, что она отошла от левых позиций, а также поставил под сомнение конституционность ее действий⁷⁹⁴.

Усиление влияния консервативных сил

На всеобщих выборах 1962 г. Конгресс уверенно удержал свои позиции в центре, получив 45% голосов избирателей и 361 место в народной палате парламента из 494. Компартия Индии вновь осталась на втором месте, получив 10% голосов и 29 мест. Сократила свое влияние Народно-социалистическая партия (6,8% голосов и 19 мест). Вместе с тем заметно выросло влияние правых сил. Созданная недавно консервативная партия Сватантра (Независимая) получила 7,9% голосов и 18 мест в народной палате. Существенно усилил свои позиции Бхаратия джана сангх (6,4% голосов и 14 мест)⁷⁹⁵.

В условиях разрозненной оппозиции при мажоритарной системе голосования Конгресс получал существенно больше мест в парламенте, чем поданных за него голосов избирателей. По итогам парламентских выборов, это соотношение выглядело следующим образом: в 1952 г. – 45% голосов и 72% мест; в 1957 г. – соответственно 47,8 и 70%; в 1962 г. – 45 и 73%. Однако на выборах в законодательные собрания штатов Конгресс получал заметно меньше голосов избирателей и депутатских мандатов, соответственно: в 1952 г. – 42,1 и 68,2%; в 1957 г. – 45,6 и 65,7%; в 1962 г. – 43,4 и 58,3%⁷⁹⁶. Эти данные свидетельствовали о том, что Конгресс про-

должал сохранять свои позиции в центре, в то время как оппозиция стала заметно консолидироваться на региональном уровне.

К тому же Конгресс начал испытывать заметное давление не только слева, но и справа. В дополнение к БДС на правом фланге индийской политики в августе 1959 г. появилась еще одна партия – Сватантра – во главе с Ч. Раджагопалачари, который вышел из Конгресса⁷⁹⁷. Эта партия пользовалась влиянием среди представителей крупного бизнеса, помещиков и князей, что обеспечивало ей финансовую поддержку. Однако ее слабостью было ограниченное влияние в деревне.

По словам генерального секретаря Сватантры Мину Р. Масани, создание этой партии было обусловлено принципиальными разногласиями с Конгрессом в экономической политике. Основные цели партии Масани объяснял следующим образом: «В свете распада конгрессистской партии и ее несомненного движения к закату водораздел в современной индийской политике проходит между линией коммунистической партии, с одной стороны, и либеральной демократической линией, воплощенной в программе Сватантры, – с другой. Вопрос заключается в следующем: “За кем останется будущее?..” Сватантра намеревается повести Индию в абсолютно ином (чем Конгресс) направлении, противоположном хаосу и коммунизму, к которому она сейчас идет»⁷⁹⁸. В 1961 г. Сватантра вступила в предвыборный союз с партией бывших князей в штате Орисса – Ганатантра паришад (Советом демократии). Этой коалиции удалось одержать победу над Конгрессом и сформировать в Ориссе правительство.

Более влиятельную силу среди правых партий представлял Бхаратия джана сангх – хорошо организованный и глубоко укорененный в индийской политике. На выборах 1952 г. он выступил под лозунгом «единой страны, единой нации, единой культуры». Джана сангх заявлял, что недавний раздел Индии не решил ни одной из ее проблем, а, наоборот, породил много новых. В то время как «идея теократического государства является чуждой для Индии, секуляризм представляет собой эвфимизм политики поощрения мусульман». Джана сангх достаточно туманно говорил о предлагаемой им альтернативе теократии и секуляризму как некоему «среднему пути» между этими двумя идеологиями. Экономический блок программы Джана сангха был обозначен лишь в самых общих чертах – поддержка земельных реформ, но так, чтобы «не оттолкнуть» помещиков. В заявлении о промышленной политике указывалось на необходимость развития государственного сектора, особенно в отраслях, связанных с обороной страны. Одновременно Джана сангх

декларировал своей целью поощрение частного предпринимательства. Особенно подчеркивалось значение индийской культуры и языка хинди. В области внешней политики содержалось требование интеграции всего Кашмира (включая Азад Кашмир) в состав Индийского Союза.

Пользуясь своим авторитетом, президент БДС Мукерджи попытался в начале 1950-х годов создать консервативный блок в парламенте из партий, близких к Джана сангху по своей идеологии и политике – Хинду махасабхи, Ганатантра паришада, Акали дал, Джаркханд парти и некоторых других. Ему удалось собрать группу из 32 членов парламента, которая получила название Национальной демократической партии. Однако она оказалась нежизнеспособным формированием, так как держалась только на лидерстве Мукерджи и сразу распалась после его внезапной смерти в июне 1953 г.

Мукерджи умер во время так называемой кашмирской сатьяграхи, в ходе которой Джана сангх вел активную пропагандистскую и политическую борьбу за сохранение всего Кашмира в Индийском Союзе. Джана сангх выдвинул такие требования: Кашмир должен целиком принадлежать Индии; вопрос о плебисците не стоит в повестке дня; единственная неотложная проблема – полное и окончательное освобождение Пакистаном занятых им территорий в Кашмире.

Новый президент Джана сангха Маули Чандра Шарма пытался объединиться с Хинду махасабхой. Эти попытки с переменным успехом продолжались вплоть до следующих выборов 1957 г. Разногласия концентрировались в основном вокруг концепции индийского государства. Джана сангх считал, что им должно быть Бхаратия раштра, то есть государство индийцев, а Махасабха выступала за создание Хинду раштра, то есть государства индусов. Хотя попытки объединения двух партий и закончились неудачей, часть известных деятелей Махасабхи перешла в Джана сангх.

В августе 1954 г. М.Ч. Шарма подал в отставку и вышел из Джана сангха в знак протеста против вмешательства РСС в дела партии. После него реально руководившие Джана сангхом члены РСС, и среди них Дин Даял Упадхайя, провели на пост президента Прем Догру, который придерживался консервативных позиций и выступал против участия в БДС неиндусов. Внутрипартийная борьба продолжалась в течение нескольких лет. Сменилось и несколько президентов партии. Но постоянным оставалось влияние генерального секретаря Джана сангха Упадхайи и его последователей.

К выборам 1957 г. Джана сангх подошел, испытав немалые организационные, идеологические и политические трудности. По существу, за эти годы у него так и не появился признанный национальный

лидер. И итоги выборов не были убедительными – 5,9% голосов избирателей и четыре места в парламенте. Лидером этой небольшой группы Джана сангха в парламенте стал Атал Бихари Ваджапай.

После выборов Джана сангх предпринял шаги по укреплению организации. Была создана трехступенчатая система управления – генеральный секретарь (Упадхайя), три зональных секретаря (северная зона – Балрадж Мадхок; восточная зона – Нана Дешмух и западная зона – Сундер Сингх Бхандари) и секретари Джана сангха в отдельных штатах. Общий контроль над организацией осуществлял Упадхайя. Все его помощники были выходцами из РСС. Секретарем Джана сангха был назначен Ваджапай, который отвечал за парламентскую деятельность партии. Все главные политические решения формулировались группой из трех человек – Упадхайя, Ваджапай и Мадхоком. Вышедшие по разным причинам из Джана сангха диссиденты утверждали, что свои решения Упадхайя сверял с лидером РСС Голвалкармом.

Появление новой консервативной партии Сватантра вызвало неоднозначную реакцию в руководстве Джана сангха, которое обеспокоилось тем, что Сватантра может отнять у их партии часть голосов избирателей на парламентских выборах 1962 г. Результаты этих выборов в какой-то степени подтвердили это опасение.

Последующий период вплоть до парламентских выборов 1967 г. был отмечен активизацией деятельности Джана сангха как во внутренней жизни, так и внешней политике. Росло и число его членов (с 75 тыс. в 1957 г. и 275 тыс. в 1961 г. до 1300 тыс. человек в 1967 г.). Индийско-китайский вооруженный конфликт в 1962 г. и индийско-пакистанский вооруженный конфликт в 1965 г. были в полной мере использованы Джана сангхом для демонстрации своего патриотизма и укрепления политических позиций. Именно в это время он потребовал от индийского правительства пойти на сближение с Западом и странами Юго-Восточной Азии, чтобы «отразить угрозу Китаю». Джана сангх также выступил против переговоров с Пакистаном по Кашмиру и осудил подписание Ташкентской декларации (10 января 1966 г.) между Индией и Пакистаном.

Вызов монополии Конгресса на власть

До середины 1960-х годов Конгресс, по существу, пользовался монопольным влиянием в Индии. Но в стране, в том числе на уровне штатов, уже тогда начались процессы, которые бросали вызов

его однопартийной власти. К этому времени конгрессистские правительства немало сделали для укрепления независимой государственности, осуществили ряд крупных социально-экономических преобразований, в том числе индустриализацию на основе смешанной экономики, в которой ключевая роль принадлежала государственному сектору. Были предприняты усилия по реформированию аграрного сектора экономики, в результате чего несколько улучшилось положение малоземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Проводились и другие мероприятия под лозунгом построения общества социалистического типа. Все это способствовало сохранению влияния Конгресса в широких слоях населения.

Однако со временем проведение в жизнь декларированной программы социально-экономических преобразований стало тормозиться из-за серьезного сопротивления консервативных сил, главным образом внутри самого Конгресса. Стали углубляться противоречия между отдельными социальными группами и слоями общества. Они неодинаково проявлялись в разных регионах из-за особенностей их исторического прошлого и неравномерности их социально-экономического, политического и культурного развития. Начало проявляться разочарование результатами деятельности правительства Конгресса, невыполнением его предвыборных обещаний.

Одним из важных факторов сохранения единства Конгресса на первом этапе его деятельности после достижения независимости было лидерство в нем Джавахарлала Неру. Однако в самой партии существовали силы, которые не разделяли его взглядов относительно путей развития страны. Под их давлением Неру несколько раз заявлял о возможности его ухода в отставку с занимаемых постов президента партии и премьер-министра. В 1954 г. он освободил пост президента Конгресса, который занимал четыре года (1951–1954) в пользу своего сторонника У.Н. Дхебара. В 1958 г. Неру объявил о своей возможной отставке с поста премьер-министра. Тем не менее расстановка сил в руководстве партии по-прежнему была в его пользу, и он остался на посту руководителя правительства.

Вскоре ситуация в Конгрессе стала осложняться, в том числе из-за внешнеполитического кризиса. В октябре 1962 г. начался китайско-индийский вооруженный конфликт, в ходе которого индийская армия потерпела поражение. Авторитету Неру, который до этого выступал за активное развитие индийско-китайских связей под лозунгом «хинди-чина бхай-бхай» (индийцы и китайцы – братья), был нанесен значительный урон. Правые деятели в Конгрессе повели на него атаку. Неру был вынужден отправить в от-

ставку своего твердого последователя и соратника, министра обороны В.К. Кришна Менона. Однако довольно быстро Неру удалось изменить ситуацию в руководстве партии и правительства в свою пользу.

В августе 1963 г. он предпринял крупный политический маневр, который стал известен как «план Камараджа» (по имени главного министра штата Тамилнаду в 1954–1963 гг. Кумарасами Камараджа, преданного гандиста, участника национально-освободительного движения, президента Конгресса в 1964–1966 гг.). Цель этого плана состояла в укреплении партийной организации Конгресса и устранении ряда министров в центре и штатах, которые, по мнению Неру, стали тормозом на пути развития партии и страны. План Камараджа предусматривал «возвращение партии в народ», возрождение у конгрессистов духа «служения, самопожертвования» и высоких идеалов. На практике это привело к увольнению шести министров из центрального правительства и шести главных министров в штатах.

В прессе того времени писали, что таким способом Неру избавился от неугодных ему лидеров партии и заодно изменил в ней ситуацию в связи с возможным избранием его преемника (в 1962 г. он серьезно заболел). Таким образом, эта проблема впервые стала обсуждаться публично. В декабре 1963 г. был проведен опрос среди жителей Бомбея, в котором они должны были ответить на вопрос: «Кто после Неру?» Опрос носил местный характер, и, тем не менее, полученные на нем результаты представляли определенный интерес. Среди тех, кого назвали респонденты, были Я.Б. Чаван (министр обороны Индии), Морарджи Десаи, Лал Бахадур Шастри (последние два вышли в отставку из правительства по плану Камараджа), Индира Ганди и Виджая Лакшми Пандит⁷⁹⁹.

В январе 1964 г. на открытии 68-й сессии Конгресса в Бхубанешваре у Неру случился инсульт. Врачи посоветовали ему полный отдых на 4–6 недель. После этого работа сессии Конгресса продолжилась без Неру. В руководстве Конгресса началось серьезное обсуждение вопроса о возможном преемнике Неру на посту руководителя страны. На этой же сессии в Бхубанешваре было объявлено, что министр внутренних дел Гулзарилал Нанда и министр финансов Т.Т. Кришнамачари будут вместе выполнять повседневные обязанности премьер-министра. Было также предложено вернуть в состав правительства Л.Б. Шастри в качестве министра без портфеля. Он должен был помогать премьер-министру после его выздоровления по всем вопросам, находящимся в его непосредственной ответственности, включая и внешние сношения. Фактически

это исключало Индиру Ганди из числа претендентов на высший пост в стране. Что касается Неру, то еще раньше он говорил, что преемник должен выявиться естественным образом в результате демократической процедуры.

Через какое-то время Неру приступил к работе и казалось, что он справился с тяжелым заболеванием. На его последней продолжительной пресс-конференции 22 мая 1964 г. один из корреспондентов задал ему прямой вопрос: «Сообщалось, что в интервью телевидению США Вы сказали, что не готовите Индиру Ганди занять пост премьер-министра. Не было бы правильнее в интересах управления и стабильности в стране решить проблему преемственности при Вашей жизни демократическим путем?» Неру ответил: «Это наводящий вопрос» и засмеялся. Корреспондент продолжал: «Но это у всех на устах». На что премьер-министр сказал: «Мало ли что говорят. Моя жизнь не закончится так скоро»⁸⁰⁰.

Перемены в Конгрессе после смерти Неру

Неру умер 27 мая 1964 г. В тот же день временно исполняющим обязанности премьер-министра стал старший по рангу в кабинете министров Гулзарилал Нанда. А 9 июня 1964 г. Лал Бахадур Шастри (1904–1966) был единодушно избран лидером парламентской фракции Конгресса и после этого приведен к присяге в качестве премьер-министра страны президентом Индии. Шастри подтвердил приверженность правительства курсу Неру. И. Ганди получила портфель министра информации и радиовещания. С учетом ее общественного положения и близости к Неру она заняла четвертое место в неофициальной иерархии – после Шастри, Нанды и Кришнамачари.

В это же время И. Ганди впервые была избрана членом верхней палаты парламента (по закону министр должен быть членом одной из палат, а если он им не был, то обязан стать им в течение шести месяцев). В Индии престижнее быть членом нижней палаты, поскольку его избирает народ, а не парламентская курия, как в верхнюю палату. Но на освободившееся после смерти Неру место в нижней палате парламента от избирательного округа Филпур уже претендовала Виджая Лакшми Пандит, которая и победила на этих выборах.

В новом качестве И. Ганди развила бурную деятельность, особенно в партии, подчеркивая необходимость следовать по пути демократического социализма, строить плановую экономику и на ее

основе – тяжелую промышленность. Частный и государственный секторы должны дополнять, а не противоречить друг другу. Она особо подчеркивала вклад Неру в строительство новой Индии, оценивала его как «одну из ключевых фигур XX века». Неру не придерживался какой-то идеологической доктрины, говорила И. Ганди. Он взял многое из мысли Востока и Запада и из философий прошлого и настоящего. Он никогда не был ортодоксальным марксистом, но эта теория оказала на него глубокое влияние. Определенное воздействие имело и то, что он увидел в Советском Союзе во время своего первого визита туда в 1927 г. Как лидер свободной Индии Неру признавал, что его страна не может стоять в стороне от остального мира, но не отказывается от своих интересов в мировых делах⁸⁰¹.

В августе 1965 г. начался вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном. 23 сентября было объявлено о прекращении огня. Но мир не был обеспечен. По инициативе Советского Союза в январе 1966 г. в Ташкенте была организована встреча между премьер-министром Индии Л.Б. Шастри и президентом Пакистана Айюб Ханом. При содействии А.Н. Косыгина 10 января 1966 г. ими было подписано соглашение о мире между обеими странами. Но 11 января Л.Б. Шастри внезапно скончался там же, в Ташкенте, от инфаркта.

Известие о смерти Шастри было передано Нанде, который информировал об этом Индиру Ганди и тогдашнего министра финансов Сачина Чоудхури. Они тут же направились к президенту Индии С. Радхакришнану. В три часа ночи Нанда как старший министр в кабинете принял присягу в качестве исполняющего обязанности премьер-министра, а И. Ганди и С. Чоудхури – как министры нового правительства.

В течение последующих двух недель в высшем руководстве Конгресса шла напряженная борьба за пост лидера парламентской фракции партии, а соответственно и за должность премьер-министра. Главными претендентами были 48-летняя Индира Ганди и лидер консерваторов 71-летний Морарджи Десаи. В этой борьбе участвовали не только члены Рабочего комитета Конгресса, но и главные министры штатов и другие видные деятели партии. Важную роль в ней сыграл президент Конгресса Камарадж.

На совместном заседании членов парламентской фракции Конгресса в нижней и верхней палатах парламента убедительным большинством голосов (при тайном голосовании) победу одержала Индира Ганди. Она получила 355 голосов, а ее оппонент М. Десаи – 169.

25 января 1966 г. И. Ганди приняла присягу в качестве премьер-министра Индии⁸⁰².

Глава 24

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ В ИНДИИ (1966–1984 гг.)

И. Ганди начала свою деятельность на посту премьер-министра в то время, когда Индии удалось уже утвердиться в качестве независимой страны, решить ряд крупных проблем индустриализации. К середине 1960-х годов рост промышленного производства составлял 7,8% ежегодно. Произошли заметные изменения в аграрной сфере. Главным результатом аграрных реформ стало укрепление предпринимательской верхушки крестьянства, переход к капиталистическим методам хозяйствования. С 1951 г. по 1964 г. объем продукции сельского хозяйства вырос на 40%. За этот же период внутренний национальный продукт увеличился на 60%⁸⁰³. Положительные сдвиги произошли в развитии системы просвещения, здравоохранения, науки. Число студентов в высших учебных заведениях выросло в пять раз. Общее повышение уровня жизни сопровождалось ростом продолжительности жизни с 32 лет в 1951 г. до 50 лет в 1971 г.

Вместе с тем в сельском хозяйстве (в нем занято около 80% населения страны) более 20% хозяйств не имели земли, 40% хозяйств с участками до одного гектара занимали всего 7% обрабатываемой площади. В то же время в 6% помещичьих и зажиточных хозяйств (от 10 до 20 га) было сосредоточено 43% земли⁸⁰⁴. Рост цен, высокая инфляция, массовая безработица при ежегодном приросте населения около 2,5% нивелировали определенные достижения в промышленности и сельском хозяйстве. Более того, экономическое положение большей части населения оставалось очень тяжелым. На этой почве в стране обострились социально-экономические противоречия и конфликты. К тому же стали активно развиваться наметившиеся ранее центробежные процессы, усилилась децентрализация власти, быстрыми темпами происходило социально-экономическое и политическое расслоение общества. Окрепшие зажиточные слои в деревне и городе требовали для себя большего участия во власти, используя для этого местные ресурсы в индийских штатах.

Власть правящего Конгресса начала размываться снизу. Социально-экономическое и политическое расслоение общества привело

в середине 1960-х годов к определенному кризису в Конгрессе. Из него стали выходить группировки, поддерживавшие зажиточные слои крестьянства. Итогом этого стала существенная потеря партией политического влияния в ряде важных регионов страны.

Обозначившийся в Конгрессе политический и организационный кризис происходил на фоне социально-экономических перемен в стране. Интересы крупного торгово-промышленного капитала все больше сближались с интересами части руководства Конгресса, в том числе на местах. В штатах обострились противоречия между монополистическими группами и местной буржуазией, включая сельскую. Эти противоречия проявлялись преимущественно в рамках Конгресса как правящей партии, обладавшей реальной властью.

В ряде штатов – Западной Бенгалии, Уттар-Прадеше, Бихаре, Керале и некоторых других – в конгрессистских организациях развернулась фракционная борьба между группами, представлявшими интересы крупной буржуазии, и теми, кто выступал в защиту крестьянства, средних и мелких предпринимателей и торговцев. Последние обвиняли руководство Конгресса в том, что оно на практике отошло от провозглашенных идеалов построения общества «социалистического образца», полностью подчинило себе партийные организации на местах, нарушает принципы партийной демократии, использует свое положение в личных целях, что ведет к развитию коррупции. В результате наносится ущерб позициям Конгресса в массах, подрывается его влияние.

Эти идеи прозвучали на сессии Конгресса в Джайпуре в феврале 1966 г. В этой связи председательствовавший на сессии Камарадж подчеркнул, что в стране происходит концентрация экономической власти, возрастает роль монополий. Он особо отметил, что Конгресс признал социализм своей целью в 1955 г. на сессии в Авади. Однако партии не удалось устранить неравенство между богатыми и бедными или хотя бы ослабить его. В Джайпуре Конгресс призвал ускорить проведение аграрных реформ с целью улучшения положения низов общества⁸⁰⁵.

Между тем разногласия в конгрессистских организациях на местных уровнях продолжали нарастать. Вышедшие из Конгресса группировки стали образовывать оппозиционные ему политические партии и сотрудничать с антиконгрессистскими силами.

Так, в Западной Бенгалии из отколовшейся от Конгресса значительной группировки во главе с ветераном партии Аджоем Мукерджи в ноябре 1966 г. был создан Бенгальский конгресс, который выражал интересы крестьянства и средних слоев буржуазии этого штата. Бенгальский конгресс выступал за реализацию на деле демо-

кратического социализма, проведение радикальных аграрных реформ. В том числе в пользу баргадаров-издольщиков, а также сельскохозяйственных рабочих.

Образование Бенгальского конгресса вызвало недовольство ряда крупных промышленников, традиционно поддерживавших Конгресс. Так, К.К. Бирла, один из руководителей монополистической группы Бирла, заявил в октябре 1966 г., что после выхода Бенгальского конгресса Индийский национальный конгресс «очистился» от ненужных элементов⁸⁰⁶.

Вскоре Бенгальский конгресс заявил о своей готовности совместно выступать на выборах с оппозиционными Конгрессу социалистическими партиями. Однако, учитывая сравнительно небольшое влияние этих партий в штате, Бенгальский конгресс пошел на сотрудничество с Коммунистической партией Индии и другими левыми группировками, кроме Коммунистической партии Индии (марксистской), образовавшейся после раскола единой компартии в 1964 г. Впрочем, сама КПИ(м) не была готова идти на союз как с Бенгальским конгрессом, так и с КПИ, и создала свой более радикальный левый блок партий⁸⁰⁷.

Схожие процессы накануне всеобщих выборов 1967 г. происходили и в других штатах, с учетом их специфики и соотношения социально-политических сил. От Конгресса откалывались крупные группировки, как правило представлявшие интересы среднего и зажиточного крестьянства. Это были: Керальский конгресс в Керале, Бхаратия кранти дал (Индийская революционная партия) в Уттар-Прадеше и Бихаре⁸⁰⁸.

Выход из Конгресса в разных штатах страны влиятельных группировок, которые стали выступать против этой партии, заметно ослабил ее позиции. Кроме того, к середине 1960-х годов во многих штатах появились весьма сильные региональные партии, которые опирались на влиятельные и массовые слои населения. Они стали вступать в предвыборные блоки на антиконгрессистской основе.

Вскоре после прихода И. Ганди к власти были осуществлены первые мероприятия по реформированию индийской экономики, согласованные с Всемирным банком и другими международными финансовыми институтами. Они включали девальвацию рупии (на 36,5%), снятие многих ограничений на импорт, промышленное дерегулирование. Все это должно было сопровождаться помощью со стороны международных финансовых организаций и развитых стран. Это был определенный отход от стратегии самообеспечения. Однако, как писал член Плановой комиссии Индии, известный экономист Арджун Сенгупта, международные агентства крупно «подставили» Индию.

Ожидаемый объем финансовых ресурсов не был получен. Более того, богатые страны существенно снизили свой вклад в развитие Индии. США, в частности, отказались возобновить соглашение на поставку зерна в тот период, когда потребность в нем была особенно острой из-за двух подряд неурожаев⁸⁰⁹.

Реформы не дали нужного результата. Девальвация рупии, рост цен на продовольствие и существенное падение уровня жизни в этот период способствовали формированию в общественном сознании мнения, что правительство отходит от провозглашенных Конгрессом целей строительства общества социальной справедливости.

Политическое руководство ИНК было вынуждено изменить стратегию развития и ослабить зависимость страны от иностранного капитала. На деле речь шла о возврате к прежней стратегии на самообеспечение.

Тенденция потери Конгрессом влияния в массах подтвердилась и на внеочередных выборах в некоторых штатах. В партии стали говорить о поляризации левых и правых сил внутри Конгресса. Левые радикалы в Конгрессе – так называемые младотурки – требовали немедленного проведения национализации банков и других мероприятий, чтобы вернуть доверие масс.

Раскол в коммунистическом движении

В первой половине 1960-х годов в коммунистическом движении Индии произошел раскол, который привел к его ослаблению, по крайней мере, на некоторое время. После того, как в 1959 г. центральное правительство сместило леводемократическое правительство во главе с коммунистами в Керале, в компартии обострились разногласия по вопросу об отношении к индийской буржуазии и ее правительству. Предметом этих разногласий была тактика «единства и борьбы» в отношении Конгресса, то есть поддержка компартией прогрессивных мероприятий конгрессистского правительства и борьба против тех его шагов, которые шли «вразрез с интересами трудового народа». Совпавший по времени раскол в международном коммунистическом движении, а также обострение индийско-китайских отношений усугубили внутрипартийные разногласия, что привело к расколу КПИ в 1964 г. и образованию двух партий – Коммунистической партии Индии и Коммунистической партии Индии (марксистской)⁸¹⁰.

Раскол нанес большой ущерб коммунистическому и демократическому движению Индии. Вместе с тем он был, как показало время, исторически неизбежным. Организационное оформление раскола

в компартии получило свое идеологическое обоснование. Так, в новой программе КПИ выдвигалась идея «альтернативного, некапиталистического» развития Индии и «создания предпосылок для перехода страны на путь социализма». Для достижения этой цели ставилась задача создания правительства «национальной демократии». КПИ (м), в свою очередь, заявляла, что установление национальной демократии и развитие по некапиталистическому пути нереальны. Выдвигалась задача создания государства народной демократии на основе леводемократического фронта. В программах обеих партий были расхождения и по вопросам социально-классового характера индийского общества, и в оценке современного этапа развития страны. Было и много сходных черт, связанных, например, с требованиями конкретных социально-экономических преобразований.

КПИ (м), подчеркивая свою самобытность и самостоятельность, поначалу взяла резкий курс влево. Однако к концу 1960-х годов главным тормозом на пути к расширению ее влияния стал левый экстремизм. Руководство партии заявило, что левый уклон превратился в источник опасности и открыто повело с ним борьбу. Выход и исключение экстремистов из КПИ(м) завершили важный этап борьбы внутри партии по вопросам ее стратегии и тактики, хотя процесс освобождения от левозкстремистского наследия продолжался еще долго. Экстремисты, в свою очередь, безуспешно пытались создать свою партию «революционеров», их небольшие группировки пользовались влиянием в отдельных районах страны.

С середины 1960-х годов в разных штатах Индии (Западной Бенгалии, Андхра-Прадеше, позже в Бихаре и ряде других) началось движение сельскохозяйственных рабочих, большинство из которых были безземельными далитами и племенами. В Западной Бенгалии вскоре после прихода к власти правительства Объединенного фронта (1967 г.) левые экстремисты из КПИ(м) возглавили движение беднейших крестьян и сельскохозяйственных рабочих на севере этого штата, в деревне Наксалбари. Отсюда и название участников этого движения – наксалиты.

Идейным вдохновителем этого движения стала маоистская «культурная революция» в Китае и даже его первоначальный лозунг был заимствован у Мао Цзедунa: «Винтовка рождает власть». Основное содержание движения состояло в насильственном захвате земель, принадлежавших не только богатым землевладельцам и плантаторам, но нередко и малоземельным крестьянам. Оно было похоже на другие крестьянские движения, проходившие ранее в Бенгалии. Но на этот раз это движение развернулось в период пребывания у власти леводемократического правительства с уча-

ствием коммунистов и было направлено против него. Исключенные из КПИ(м) левые экстремисты в апреле 1969 г. создали Коммунистическую партию Индии (марксистско-ленинскую) – КПИ(м-л).

Движение в Наксалбари и соседних округах, населенных преимущественно племенами и низшими кастами, в своей основе было вызвано прежде всего их экономическим притеснением и явилось выражением их протеста против социальной и культурной приниженности. Левые и радикальные лозунги этого движения оказались хорошей приманкой и для городской молодежи, особенно студенчества, которое стало совершать налеты на учреждения, учебные заведения, заниматься поджогами общественного транспорта и т.п.

Массовая кампания политических убийств в 1970–1971 гг., осуществленная наксалитами и примкнувшими к ним городскими антисоциальными элементами, вела к общественной изоляции экстремистских группировок. Власти в этих условиях начали репрессии против наксалитов в Западной Бенгалии, в результате которых только в 1971 г. было арестовано около 15 тыс. человек⁸¹¹.

Ставшее широко известным и в других штатах как «наксалитское», это движение за сорок с лишним лет прошло через многие стадии развития⁸¹². Идеологическая, политическая и вооруженная борьба с наксалитами правительственных органов и политических партий привела к их изоляции и последующей трансформации из боевых отрядов в политические группы, выступавшие с радикальными лозунгами в защиту социальных низов. Эти выступления носили преимущественно мирный характер (некоторые группы даже принимали участие в выборах), но нередко они проявлялись и в виде вооруженных действий, как правило ответных, на насилие со стороны созданных богатыми землевладельцами вооруженных банд, известных как «сена» (армия)⁸¹³.

К началу XXI в. экстремистские движения в отдельных районах страны стали представлять заметную силу. Экстремисты действовали в 115 дистриктах из около 570 по всей стране. Они были особенно активны в 33 дистриктах. Зоны их влияния и деятельности в основном концентрировались в районах проживания племен и беднейшего населения в штатах Бихар, Джаркханд, Чхаттисгарх, Орисса, Махараштра и Андхра-Прадеш. (Этот племенной пояс даже получил название «Красного коридора».) Корни этого экстремизма лежали в нерешенности социально-экономических проблем, в бедности населения (около 100 млн. человек) этих регионов. Как писал позже министр внутренних дел Индии в правительстве Национального демократического альянса (1999–2004 гг.) во главе с Бхаратия джаната парти (преемником БДС) Л.К. Адвани, «факторы,

которые порождают наксализм, перевешивают систематические усилия по его подавлению»⁸¹⁴.

Правительства штатов, где действовали такие группы, рассматривали наксалитизм прежде всего как проблему законности и порядка. Без должного внимания оставались острые экономические вопросы, особенно в отсталых районах. Бедность, безработица и нещадная эксплуатация сельскохозяйственных рабочих зажиточной частью деревни – все это воспроизводило атмосферу безысходности, которая была питательной средой наксалитизма. Безработные люмпен-интеллигенты также становились одним из источников экстремизма.

КПИ и КПИ(м) находились в острой конфронтации друг с другом вплоть до конца 1970-х годов. Начало процесса сближения и политического сотрудничества обеих партий во многом было связано с их совместной работой в парламенте страны, в коалиционных леводемократических правительствах в штатах Западная Бенгалия и Керала, а также с согласованными действиями по защите прав трудящихся. Располагая устойчивой массовой поддержкой в нескольких штатах, обе компартии оказывали заметное воздействие на формирование политических процессов в стране. Коммунисты накопили большой опыт парламентской деятельности. Постоянно участвуя в работе парламента, они вместе с другими левыми партиями оказывали влияние и на политику правительства⁸¹⁵.

Выход Бхаратия джана сангха на политическую авансцену

Начало 1960-х годов было отмечено активизацией правых партий. Наиболее значимой из них стал Бхаратия джана сангх. Он уже тогда считался одной из самых массовых и дисциплинированных партий с широкой сетью тесно связанных с ней индуских религиозно-общинных организаций. Главной и ведущей из них был Раштрия сваямсевак сангх, к которому примыкали созданные им «крылья» – массовые организации⁸¹⁶. Среди этих «крыльев» – Вишва хинду паришад (Всемирный совет индусов – ВХП), Индийский рабочий союз – один из крупнейших профсоюзов страны, Всеиндийский студенческий совет, Платформа агитации за свадеши, то есть за отечественное производство, молодежная организация Баджранг дал (Отряд сильных)⁸¹⁷, а также женские и другие организации. Позже все они вместе составили «Сангх паривар» («Семья союза»). Вместо «Сангх паривар» чаще используется название «Хиндутва паривар» («Семья хиндутвы»), то есть тех, кто верят в индускость), но суть от этого не меняется⁸¹⁸. К середине 1960-х годов БДС объединял около одного миллиона членов.

В предвыборном манифесте 1967 г. БДС обрушился с резкой критикой на правительство Конгресса, который за 20 лет «не справился со стоящими перед страной задачами и потерял доверие народа». Он обвинил Конгресс в коррупции и неэффективности, заявив, что «даже политическая независимость страны находится в опасности». С учетом угроз со стороны Китая и Пакистана БДС требовал укрепления вооруженных сил Индии, в том числе создания ядерного оружия и ракет.

БДС выступал против политики неприсоединения. По его мнению, Индия должна проводить независимую внешнюю политику и заключать двусторонние союзы с разными странами, независимо от их принадлежности к двум противостоящим блокам – СССР и США, на основе взаимного уважения и учета интересов друг друга. БДС осудил китайскую агрессию против Индии. Он также объявил, что пойдет на признание независимости Тайваня (если последний признает территориальные границы Индии с Китаем), а также независимости Тибета и Синьцзяна. БДС говорил о готовности признать и правительство Далай-ламы в изгнании.

В манифесте партии выражалась вера в конечное объединение Индии и Пакистана. БДС заявлял, что будет добиваться включения Индии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН. Он утверждал, что правительство Конгресса слишком много полагается на иностранную помощь. БДС брал на себя обязательство провести «революционные перемены» в экономической политике, основой которых должна стать «самообеспечивающаяся, процветающая и эгалитарная» экономика. Вместо пятилетних планов предусматривалось ввести более долгосрочное индикативное планирование. БДС делал упор на свадешу (отечественном производстве), которому был нанесен ущерб «безответственной либеральной импортной политикой» Конгресса. Вместо либерализации, по мнению Бхаратия джана сангха, должна быть «рационализация», хотя суть последней не объяснялась.

БДС обещал «индианизировать» шахты и другие предприятия, а также чайные, кофейные и джутовые плантации, находящиеся преимущественно в распоряжении иностранного капитала. Более того, он заявлял, что сведет к минимуму использование этого капитала.

Идеологические и политические задачи БДС на выборах 1967 г. были ярко представлены в выступлениях одного из его руководителей А.Б. Ваджапай. Стратегия партии, говорил он, направлена на то, чтобы уменьшить влияние Конгресса в центре и лишить его монополю власти в штатах. Задача БДС состоит в перестройке Индии на основе индийской культуры, политической, социальной и экономической демократии, которые гарантируют равенство возможностей

и свободу всем гражданам. Некоторые идеологии на Западе, по словам Ваджпай, основаны на представлении о существовании внутреннего конфликта между личностью и обществом. Однако на деле такого конфликта нет. Личность является представителем неделимого общества, которое проявляет себя через нее. Личность – это главный инструмент общества и мера его достижений. Разрушение индивида приведет к потрясению общества. Развитие личности и развитие социума не противоречат друг другу.

По мнению Ваджпай, капиталистическая система экономики, которая признает «экономического человека» в качестве ее центрального субъекта, не является адекватной. Корыстное стремление получить наибольшую прибыль является движущей силой этой системы, а конкуренция – ее регулятором. Это не соответствует индийской философии. В свою очередь, социализм, говорил Ваджпай, возник как реакция на проблемы, созданные капитализмом. Цели социализма похвальны, но его результаты не принесли блага человечеству. Причина в том, что анализ общества и личности, в соответствии с учением Маркса, в своей основе – материалистический, а поэтому и неадекватный. Концепция конфликта классов не способствует постоянному сотрудничеству между гражданами. Капитализм и социализм расходятся в своей оценке значения частной собственности. Но оба ведут к централизации и монополизации. В результате человек, личность оказываются вне их внимания.

Индия нуждается в такой системе, продолжал Ваджпай, при которой ничто не должно препятствовать инициативе личности, но при этом в ходе ее отношений с обществом не должен причиняться ущерб человеческим ценностям. Такая цель может быть достигнута в децентрализованной экономике.

Западный мир достиг большого материального прогресса, но в духовной сфере, по мнению Ваджпай, ему не удалось добиться многого. Индия, со своей стороны, отстает в материальном развитии, и поэтому ее духовность превратилась в пустой звук. «Слабый не может реализовать свою духовность», – гласит санскритская мудрость. Не может быть духовного спасения без материального благополучия. Поэтому Индия должна стремиться к тому, чтобы быть сильной и материально обеспеченной, чтобы на этой основе укрепить здоровье нации, внести свой вклад в мировой прогресс вместо того, чтобы быть бременем для мирового сообщества⁸¹⁹.

Выборы 1967 г. существенно укрепили позиции БДС в парламенте – он стал третьей по числу депутатов партией в нижней палате после Конгресса и Сватантры. Впрочем, последняя вскоре перестала существовать как единое целое. Но особенно заметными были дос-

тижения БДС в штатах хиндиязычного пояса – Уттар-Прадеше, Бихаре и Харьяне, где он вышел на вторые позиции после Конгресса и даже участвовал в составе местных коалиционных правительств. Ему также удалось завоевать большинство мест в муниципальной корпорации Дели.

Таким образом, к концу 1960-х годов БДС заявил о себе как о крупной политической силе, реально претендующей на власть, по крайней мере в нескольких штатах. Одновременно происходило ослабление позиций Конгресса. А для БДС этот период закончился тем, что после убийства президента партии Упадхайя в феврале 1968 г. ее руководителем стал Ваджапай.

Всеобщие выборы 1967 г. Изменения в соотношении политических сил

Выборы 1967 г. принципиальным образом изменили политическую карту страны. Конгрессу удалось вновь прийти к власти в центре, но заметно ослабленным. Он набрал всего 41% голосов избирателей и 284 места в парламенте (из 520). Из оппозиционных Конгрессу партий наибольшего успеха добилась Сватантра – около 9% голосов и 42 места в парламенте, Бхаратия джана сангх – 9% голосов и 35 мест. А индийские коммунисты, выступавшие после раскола компартии порознь, смогли вместе получить 9,3% голосов (КПИ – 4,8%, КПИ (м) – 4,5%) и 33 места (соответственно 14 и 19). Народно-социалистическая партия набрала три процента голосов и получила 13 мест в парламенте, а созданная незадолго до выборов Объединенная социалистическая партия – 5% голосов и 23 места. Таким образом, после парламентских выборов 1967 г. Конгресс впервые с трудом получил более половины мест в парламенте. На долю всех национальных оппозиционных партий пришлось 35% голосов избирателей и 146 мест. Остальные почти 24% голосов и 90 мест достались региональным партиям и независимым кандидатам⁸²⁰.

Основной урон Конгресс понес в девяти штатах (всего 17), где он не смог получить большинства в законодательных собраниях и в результате был отстранен от власти. Это крупные штаты – Уттар-Прадеш, Бихар, Западная Бенгалия, Керала, Мадхья-Прадеш, Орисса, Панджаб, Тамилнаду и Харьяна, в которых проживало две трети населения страны.

В этих штатах были образованы неконгрессистские правительства. По характеру и составу политических партий их можно разделить на несколько групп. К первой относились правительства,

возглавлявшиеся региональными националистическими партиями в Тамилнаду и Панджабе. Ко второй группе – коалиционные правительства во главе с отколовшейся от Конгресса региональной партией Бхаратия кранти дал (Индийская революционная партия) в Уттар-Прадеше и в Бихаре. Третью группу составляли коалиционные правительства с участием региональных партий, контролируемых правыми коалициями в Мадхья-Прадеше, Ориссе и Харьяне. К четвертой группе относились коалиционные правительства с участием региональных партий в Западной Бенгалии и Керале во главе с коммунистами.

Всего на выборах 1967 г. в законодательные собрания штатов Конгресс смог получить 40% голосов избирателей, а доля его депутатских мандатов в собраниях сократилась до 49%. Такое заметное изменение в соотношении партийно-политических сил объяснялось как усилением оппозиционных Конгрессу партий, в том числе региональных, так и их способностью к объединению на антиконгрессистской основе.

Все семь национальных партий – Конгресс, Сватантра, Бхаратия джана сангх, КПИ, КПИ(м), НСН и ОСП – смогли набрать около 73% голосов избирателей и получили 79% мест в законодательных собраниях. Остальные 27% голосов и 21% мест достались на долю региональных партий и независимых депутатов⁸²¹.

Непосредственной причиной такого поражения Конгресса стал раскол в ряде организаций в штатах партии и усиление позиций как правых, так и левых сил. Монополия Конгресса на власть в стране была существенно подорвана. С этого времени ему приходилось вести борьбу как с правыми, так и с левыми партиями. Но не менее важным было сохранение единства самой партии, которое стало подвергаться все большим испытаниям в результате социально-экономического расслоения и политического размежевания в обществе.

После парламентских выборов 1967 г. правительство, как и прежде, возглавила И. Ганди. Заместителем премьер-министра и министром финансов стал Морарджи Десаи. Реагируя на утрату влияния в массах, Конгресс принял в мае 1967 г. программу «Десять пунктов», в которой подчеркивалась необходимость более динамичных усилий по построению общества «демократического социализма». Программа включала национализацию ряда крупных коммерческих банков и предприятий угольной промышленности, а также системы страхования, ликвидацию привилегий бывших правителей княжеств, введение ограничений на владение городской землей, реформу арендных отношений в деревне, мероприятия по ограничению власти монополий и концентрации экономической власти⁸²².

В обращении к нации в связи с национализацией банков И. Ганди напомнила, что решение о построении общества социалистического образца, принятое много лет назад, остается неизменным. Она подчеркнула, что контроль над банками как над «командными высотами экономики» является жизненно необходимым в такой бедной стране, как Индия. И. Ганди также заявила, что в последние годы Конгресс отошел от простого народа, поскольку провозглашенные им социалистические лозунги не были полностью реализованы. Вера народа в Конгресс и его правительство пошатнулась. Поэтому правительство должно предпринять необходимые шаги, чтобы восстановить доверие населения.

Однако эти меры встретили противодействие со стороны консерваторов в Конгрессе во главе с М. Десаи, который в знак протеста против такой политики был вынужден уйти в отставку. Решение правительства И. Ганди о национализации банков приветствовалось всеми оппозиционными партиями, кроме правых. Особенно активно выступали против этого Сватантра и Бхаратия джана сангх.

Раскол в Конгрессе в 1969 г.

Противостояние внутри Конгресса между левоцентристскими и правыми силами привело в ноябре 1969 г. к расколу партии – на Конгресс во главе с И. Ганди и Организацию конгресс, возглавленную М. Десаи и С. Ниджалингаппой. Левая оппозиция, за исключением Объединенной социалистической партии (ОСП), выступила в поддержку И. Ганди. Правые партии – Бхаратия джана сангх и Сватантра – поддержали Организацию конгресс. Примечательным было выступление в этой связи одного из лидеров БДС Балрадж Мадхока. «Раскол в Конгрессе, – заявил он, – хорошая новость для страны, и мы приветствуем его. Если бы Конгресс действовал в соответствии с завещанием Махатмы Ганди, раскол произошел бы еще в 1948 г., что привело бы к созданию двух жизнеспособных партий. Одну из них возглавил бы Неру, другую – Валлабхаи Патель. Нынешний раскол послужит катализатором политической поляризации»⁸²³.

Правые в Конгрессе обвиняли И. Ганди в том, что она склоняется к коммунизму. Она отвергала эти обвинения, заявив, что Неру придерживался политики «левее центра», и именно эту линию она намерена продолжать.

Некоторые руководители Организации конгресс пытались объяснить раскол в партии не идеологическими причинами, а амбициями И. Ганди, ее стремлением «остаться навечно на посту премьер-

министра даже ценой раскола». Об этом писал в 1970 г. один из лидеров Организации конгресс и ветеран единой партии Атулья Гхош. Такого же мнения придерживался С. Ниджалингаппа. Он заявлял, что после переизбрания И. Ганди на пост премьер-министра в 1967 г. она была «более озабочена своей персоной, своей властью и амбициями стать диктатором в стране». Эти и другие руководители Организации конгресс обвиняли И. Ганди в сотрудничестве с КПИ, которая якобы была заинтересована в расколе Конгресса⁸²⁴.

Руководители Организации конгресс утверждали, что они будут придерживаться ранее заявленных единым Конгрессом социалистических целей. Однако на деле они оказались в одном лагере с Бхаратия джана сангхом, Сватантрой, а также с Объединенной социалистической партией. Все они занимали антиконгрессистские позиции.

Раскол в Конгрессе получил оформление в декабре 1969 г., когда обе партии провели отдельные сессии. Но еще до этого произошли серьезные изменения в конгрессистской фракции в парламенте. Организация конгресс во главе с ее лидером в парламенте М. Десаи стала располагать примерно 60 депутатскими мандатами в народной палате и превратилась в главную оппозицию правящей партии. А руководимый И. Ганди Конгресс сохранил относительное большинство, но имел в нем лишь 220 депутатов, то есть менее 50% от общего числа депутатов в народной палате. 17 ноября 1969 г. правые партии внесли предложение выразить недоверие правительству И. Ганди. Однако за него проголосовали всего 140 депутатов от Организации конгресс, БДС, Сватантры и некоторых депутатов-социалистов. В поддержку правительства И. Ганди выступило 306 депутатов. Помимо разделявших ее взгляды конгрессистов, за это правительство голосовали левые партии, включая КПИ и КПИ(м), а также депутаты от ряда региональных партий (ДМК, Акали дал) и часть независимых депутатов⁸²⁵.

Таким образом, раскол в Конгрессе, вызванный изменением в соотношении партийно-политических сил в стране, в свою очередь, привел к принципиально новой ситуации в парламенте. Конгресс во главе с И. Ганди был вынужден прибегнуть к поддержке других партий, которые не столько разделяли ее политическую программу, сколько не хотели допустить к власти правые консервативные силы. Со всей очевидностью проявилось и то, что Конгресс начал утрачивать монополию на власть не только в штатах, но и в центре.

После раскола правительство во главе с И. Ганди провело национализацию 14 крупнейших банков, осуществило ряд других мер, намеченных в программе «Десять пунктов». Это также нашло свое отражение в четвертом пятилетнем плане (1969/70–1973/74). В этой

связи И. Ганди подчеркивала значение государственного сектора, который должен был обеспечить необходимые инвестиции в металлургию, энергетику, машиностроение, нефтехимию⁸²⁶.

Национализация важнейших отраслей индийской экономики сыграла свою роль в заметном их укреплении, что благотворно сказалось на экономическом росте в целом. Национализация банков сопровождалась созданием их филиалов по всей стране, привела к существенному увеличению банковских депозитов, накоплению средств, особенно в сельских районах. В этот же период были созданы благоприятные условия фермерам для проведения «зеленой революции». В результате Индия стала производить столько зерна, что смогла не только сделать запасы на следующие несколько засушливых лет, чтобы обеспечить свои потребности, но даже экспортировать его в другие страны⁸²⁷.

Всеобщие выборы 1967 г. были последними, когда выборы в парламент и законодательные собрания штатов проводились одновременно. Основной причиной этого стала утрата повсеместной монопольной власти Конгрессом и неравномерное развитие политического процесса в разных штатах, в том числе из-за усиления в некоторых из них региональных партий, которые шли на выборы в законодательные собрания под лозунгами, больше отвечавшими настроениям местных избирателей, чем те, под которыми выступали Конгресс и некоторые другие национальные партии.

Обострение политической борьбы привело к тому, что в декабре 1970 г. И. Ганди распустила парламент. Она заявила, что ее партии нужен новый мандат от народа, чтобы проводить социалистическую и секулярную политику, и выдвинула лозунг «Гариби хатао!» («Долой бедность!»). Ганди подчеркивала, что правительство не в состоянии выполнить свою программу, так как его попытки ускорить социальные и экономические реформы наталкиваются на сопротивление реакционных сил⁸²⁸.

С 1967 г. по 1971 г. Конгресс находился у власти одновременно не более чем в девяти штатах. А накануне внеочередных парламентских выборов, состоявшихся в марте 1971 г., он располагал властью всего в семи штатах из 18. На этих выборах Конгресс под руководством И. Ганди одержал убедительную победу, набрав 43,6% голосов и получив 350 мест в парламенте из 515. Провозглашенные Конгрессом лозунги демократии, социализма и секуляризма обеспечили этой партии поддержку огромных масс бедноты, в том числе мусульман и зарегистрированных каст.

Одновременно с парламентскими выборами тогда же, в 1971 г., состоялись выборы в законодательные собрания только трех штатов –

Тамилнаду, Ориссы и Западной Бенгалии. В первом штате большинство мест вновь получила Дравида муннетра кажагам (Дравидская прогрессивная федерация – ДМК)⁸²⁹, которая и сформировала правительство. Конгресс не выдвигал своих кандидатов в законодательное собрание «в обмен» на поддержку Конгресса со стороны ДМК на выборах в парламент от этого штата.

В Ориссе правый блок в составе Сватантры, местных партий Уткал конгресс и Джаркханд сформировал антиконгрессистское правительство. В Западной Бенгалии Конгресс не смог получить большинства в законодательном собрании и образовал коалиционное правительство с участием нескольких местных партий. Однако это правительство оказалось нестабильным и через несколько месяцев было вынуждено уйти в отставку.

На выборах в парламент 1971 г. четыре правые партии – Организация конгресс, Сватантра, Бхаратия джана сангх и ОСП – выступили единым альянсом под лозунгом «Индира хатаа!» («Долой Индиру!»). Выборы не принесли ожидаемого успеха этому альянсу – он получил около 21% голосов и 47 мест в парламенте. По существу, эти партии «отобрали» друг у друга голоса. Результатом поражения правых сил стал фактический самороспуск Организации конгресс и Сватантры. Но Бхаратия джана сангх сохранил свою идентичность и продолжил борьбу на политической арене⁸³⁰.

Эта тенденция подтвердилась и на выборах 1972 г. в законодательные собрания 16 из 21 штатов. На них Конгресс завоевал более 70% мест в собраниях, в то время как Организация конгресс – всего лишь 3% мест. Остальные партии альянса также потерпели поражение. Бхаратия джана сангх получил менее 4% мест, Сватантра – 0,6%, ОСП – 2%⁸³¹.

В результате Конгресс смог вернуться к власти в 13 штатах, но остался в оппозиции в трех, где состоялись выборы, – Нагаленде, Мегхалайи и Тамилнаду. Но за этот успех ему пришлось заплатить определенную цену. Он, по существу, впервые прибег к тактике предвыборных соглашений с национальными и региональными партиями, располагавшими влиянием в разных штатах. Так, он заключил соглашение о несоперничестве с КПИ в Бихаре, Западной Бенгалии, Карнатаке, Мадхья-Прадеше, Пенджабе и Раджастане. Это стало возможным в результате определенной близости позиций обеих партий по некоторым вопросам социально-экономических преобразований, хотя главным мотивом для Конгресса в пользу такого сотрудничества было удержаться у власти в этих штатах, а для КПИ – укрепить свои позиции в противостоянии с КПИ(м).

И, тем не менее, даже на волне благоприятных обстоятельств (победа в войне с Пакистаном и образование Бангладеш) Конгресс

не смог восстановить свои былые позиции и вернуть безраздельное господство. Выборы 1971 г. и 1972 г. показали, что, несмотря на победу, Конгресс утратил монополию на повсеместную власть во всех штатах страны. Одной из причин этого было усиление региональных партий, отказавшихся идти в фарватере его политики. По большому счету, все это было сопряжено с разочарованием населения в проводимой Конгрессом социально-экономической политике. Нарастала волна недовольства деятельностью Конгресса, которая была активно использована оппозицией.

После выборов 1971 г. правительство И. Ганди приступило к осуществлению социально-экономической программы. Важнейшей ее частью было дальнейшее проведение аграрных реформ – снижение «потолка» землевладения в деревне (до 10–18 акров) и распределение излишков земель среди безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, поскольку земельные реформы 1950–1960-х годов не дали ощутимых результатов.

Принятие законов, направленных на осуществление этих мер, вызвало обострение политической борьбы в стране и внутри Конгресса. Действия правительства натолкнулись на сопротивление помещиков и других крупных землевладельцев. Борьба в деревне отразилась на политической борьбе между партиями и в самом Конгрессе. В результате аграрная реформа приостановилась. Некоторые радикально настроенные члены Конгресса говорили, что партия, по существу, не стремится к проведению преобразований в пользу деревенской бедноты, а своими социалистическими лозунгами вводит в заблуждение людей.

Помимо аграрной реформы, острая борьба в стране и в Конгрессе разгорелась вокруг вопросов, связанных с национализацией свыше 100 иностранных и индийских страховых компаний, ряда промышленных предприятий. В то время под контроль государства перешло около 100 текстильных фабрик, владельцы которых угрожали их закрытием, ссылаясь на убыточность. В качестве компромисса между государством и предпринимателями возникла идея создания совместного сектора в экономике. Речь шла об использовании финансовых возможностей государства для контроля за деятельностью монополий (через покупку их акций). Со своей стороны, крупные промышленники настаивали на реприватизации предприятий государственного сектора.

Получив в парламенте подавляющее большинство депутатских мандатов, правительство смогло провести 26-ю поправку к конституции, на основании которой правители бывших княжеств были лишены привилегий раз и навсегда⁸³². Затем оно вплотную занялось

разработкой программы ликвидации бедности как инструмента обеспечения социальной справедливости и экономического роста. Эта программа нашла свое выражение в пятом пятилетнем плане Индии (1974/75–1978/79), который, по мнению ряда экономистов, был новым словом в осуществлении индийских реформ.

Его главной идеей была борьба с бедностью. Имелось в виду интегрировать процесс производства и распределения таким образом, чтобы потребление бедноты увеличивалось в процессе ее участия в производстве (преимущественно в сельском хозяйстве). Ставилась задача в течение пяти лет достичь устойчивого роста производства, при котором подушевое потребление 30% низших групп населения должно было превысить уровень бедности.

Для решения этой задачи руководству страны было представлено два варианта развития. Первый предусматривал ежегодный рост ВВП на 6,5%, при сохранении уровня потребления высших 30% населения с учетом получения внешних инвестиций и удлинения срока выполнения поставленной задачи. Второй вариант предполагал ежегодный рост ВВП на 5,5%, при некотором снижении потребления 30% высших групп. Предпочтение было отдано второму варианту, так как он обеспечивал более быструю ликвидацию бедности⁸³³.

Планом предусматривался существенный рост сельскохозяйственного производства, повышение производительности малых и средних фермерских хозяйств, внедрение программ гарантированной занятости населения в сельской местности, развитие трудоемких малых производств в городах. Все это должно было сопровождаться улучшением образования, здравоохранения и продовольственного снабжения.

Изменения в положении женщин

В то время когда премьер-министром Индии была Индира Ганди, возникали естественные вопросы: каково положение простых индианок в обществе и семье, где они добились успеха и в чем их проблемы? 22 сентября 1971 г. постановлением правительства И. Ганди был впервые учрежден Комитет по положению женщин. Он должен был провести работу по исследованию изменений в положении женщин в ходе социально-экономического и политического развития страны после достижения независимости и определить основные задачи по улучшению их положения. Само создание такого комитета вызвало определенное недоумение среди общественности. Ведь в соответствии с конституцией Индии, женщинам гарантирова-

лось полное равенство с мужчинами, они участвовали в работе парламента, самый высокий пост в стране занимала женщина.

И, тем не менее, в работе Комитета приняли участие видные индийские ученые, общественные деятели, представители политических партий, профсоюзов и женских организаций. Было проведено 75 исследований положения женщин по разным проблемам: законодательства, занятости, образования, здравоохранения и т.п. Был проведен анкетный опрос, в котором приняли участие 5603 человека, из них 75% женщин – представительниц различных социальных слоев города и деревни во всех штатах страны.

После изучения собранных данных Комитет обнаружил, что положение индийских женщин мало в чем изменилось за годы независимости. Более того, во многих отношениях оно даже ухудшилось. Их доля в населении за годы независимости продолжала снижаться. В 1951 г. на 1000 мужчин приходилось 946 женщин, в 1971 г. – 931. В отличие от большинства стран мира продолжительность жизни индийских женщин была меньше, чем у мужчин. Уровень грамотности женщин составил всего 22% (у мужчин 46%). За этими цифрами скрывалось неблагоприятное положение женщин в семье и обществе.

По всем социально-экономическим показателям женщины серьезно отставали от мужчин. Особенно тяжелым было положение сельских женщин (сельское население в 1971 г. составляло 80,1% всего населения страны)⁸³⁴. Большинство трудящихся женщин были сельскохозяйственными работниками. В этой категории сельских труженников число женщин было равно числу мужчин. Среди безземельных семей работниц было больше – 78%. Как правило, они выполняли наиболее вредные для здоровья виды работ, в том числе посадку риса, когда женщины стоят по щиколотку в воде. Традиционной обязанностью женщин оставалась доставка воды, обеспечение семьи топливом, в том числе приготовление кизяка из коровьего навоза и, конечно, приготовление пищи на примитивных печках. Женщины должны были ухаживать за многочисленными детьми и стариками.

С 1961 г. по 1971 г. доля участия женщин в промышленности сократилась с 31,5 до 17,4%, так как по мере модернизации производства были упразднены многие виды неквалифицированного труда, которые раньше выполнялись женщинами. И если доля занятых женщин в целом по стране за этот же период возросла с 23 до 28%, то это произошло в основном за счет увеличения числа женщин – сельскохозяйственных работниц. Характерно и то, что некоторые меры государства, направленные на улучшение положения женщин, объективно вели к снижению их трудовой активности. Так, принятие законов по защите трудящихся женщин (выдача пособий по беремен-

ности и родам, обязательное открытие детских садов на производстве, где занято более 50 женщин, и т.п.) сопровождалось их увольнением с работы. Таким способом предприниматели избегали дополнительных издержек, связанных с соблюдением законодательства.

Показателем ухудшения положения женщин из крестьянских каст стало внедрение многих обычаев, которые ранее были характерны только для высших каст и от которых они отказались в результате приобщения к грамотности и профессиональному образованию (соблюдения правил затворничества, детских браков, запрета на повторное замужество вдовы и пр.). Более того, практика выдачи приданого при замужестве дочери, ранее имевшая распространение только среди высших каст, со временем охватила практически все общество, даже те касты и племена, которые обычно брали выкуп при выдаче дочери замуж.

По существу, за первые 15 лет независимости социальные реформы коснулись женщин лишь из городских зажиточных высококастовых семей. Они имели возможность давать своим дочерям профессиональное образование. Именно в их среде появилось заметное число женщин – врачей, преподавателей вузов, ученых и политиков.

Тем не менее произошли некоторые позитивные изменения и в низших слоях общества. Все-таки заметно возросла грамотность среди женщин – с 6% в 1947 г. до 22% в 1971 г. Но даже эти скромные средние данные не относились ко всем частям Индии. В таком штате, как Бихар, в 1971 г. лишь 4% женщин были грамотными.

Иначе выглядело участие женщин в политике, в том числе в выборах – в 1971 г. в них участвовало 50% женщин. В начале 1970-х годов произошел заметный рост активности женских организаций, которые требовали улучшения положения женщин⁸³⁵.

Авторы отчета Комитета по положению женщин подчеркивали, что женщины в своей массе остались за пределами прогрессивных форм общественного труда, в характере их занятости не произошло крупных структурных изменений. Обществу не удалось выработать новые нормы и создать новые институты, которые улучшили бы положение женщин. Большинство женщин не могли воспользоваться правами и возможностями, гарантированными конституцией⁸³⁶.

В январе 1975 г. парламенту страны были представлены выводы и предложения, выработанные Комитетом по положению женщин в Индии⁸³⁷. Предложения комитета были приняты как руководство к действию при планировании социальной политики индийского государства. Однако их выполнение затянулось на долгие годы. Так, предложение о введении 33%-ной квоты для женщин во всех выборных органах власти даже частично не было реализовано в течение

более чем 15 лет. И только в начале 1990-х годов она была узаконена в органах городского и сельского самоуправления. В 1996 г. на рассмотрение парламента был внесен законопроект о резервировании для женщин 33% мест в парламенте и законодательных собраниях штатов. Однако до конца 2010 г. он все еще не был принят нижней палатой парламента.

Обострение ситуации в стране

После убедительной победы в войне с Пакистаном в 1971 г., которая подняла мощную волну патриотизма в обществе, позиции И. Ганди стали крепкими, как никогда ранее. Именно тогда на политическую арену страны стремительно ворвался ее младший сын Санджай (1946–1980). До этого момента у него не было каких-то особых достижений в жизни. Его исключили из одной индийской школы, и он с трудом закончил другую. После этого Санджай недолго работал в Англии в фирме по обслуживанию и ремонту автомобилей Роллс-Ройс. Вернувшись в Индию, он решил создать компанию по выпуску малолитражных автомобилей «Марути». Получить лицензию на производство автомобиля не составило большого труда. Из 18 поданных заявок на этот проект была одобрена только заявка сына премьер-министра, хотя он не имел никакого опыта в этом деле⁸³⁸. Затем Санджай Ганди начал подыскивать участок земли для завода «Марути». Как и ожидалось, этот вопрос также был решен без каких-либо задержек. Главный министр штата Харьяна и верный последователь И. Ганди Банси Лал предоставил зарегистрированной Санджаем автомобильной компании «Марути» 290 акров земли по бросовой цене и кредит на ее приобретение⁸³⁹. В этой связи оппозиция в парламенте начала задавать премьер-министру неудобные вопросы. Однако И. Ганди их игнорировала. Некоторые советники премьер-министра предлагали ей отказаться от проекта «Марути» и дистанцироваться от Санджая. Но она не прислушалась к этим советам. А те, кто отважились давать их, быстро утратили влияние в аппарате премьер-министра.

Одновременно с реализацией автомобильного проекта «Марути», совместно с японской компанией Судзуки, Санджай Ганди начал делать первые шаги в политике. В мае 1971 г. он по поручению Индиры Ганди открыл кампанию по выборам в муниципальную корпорацию г. Дели. Затем Санджай стал активно участвовать в работе молодежной организации Конгресса и в 1980 г. был избран в парламента.

Не занимая никакого государственного поста, Санджай Ганди стал пользоваться большим влиянием в правительстве и административном аппарате, оказывать прямое воздействие на кадровую политику Конгресса и его правительства, снимать и устранять неугодных ему высших политиков и чиновников. И. Ганди поддерживала его, что вызывало недовольство в партии и сопротивление оппозиции, которая использовала это в политических целях.

Между тем осуществление программы ликвидации бедности оказалось под вопросом, в том числе в связи с повторявшейся засухой в период 1972–1975 гг. Положение ухудшилось после окончания войны с Пакистаном (1971 г.) и образования Бангладеш, что сопровождалось наплывом миллионов беженцев в Индию. Затем последовал нефтяной кризис 1973–1974 гг. Все это оказало крайне негативное влияние на экономическую и политическую жизнь страны. Реализация программы «Десять пунктов» натолкнулась на огромные трудности, связанные с противодействием со стороны крупных землевладельцев и промышленников³⁴⁰.

Процесс консолидации правой, консервативной оппозиции, опиравшейся на крупных землевладельцев и отдельные группы буржуазии, стал заметно усиливаться во второй половине 1970-х годов. Под руководством Дж.П. Нараяна, который через 20 лет после ухода из политики вернулся к активной политической деятельности в качестве «лок нета» (народного вождя), оппозиция выдвинула лозунг «тотальной революции» методами неповиновения. Это подразумевало демократизацию политической жизни, борьбу против монополии Конгресса на власть и «авторитарных» методов правления И. Ганди, против коррупции в различных эшелонах власти и в обществе. Оппозиция сплотила значительную часть зажиточного крестьянства, средние городские слои, в том числе часть интеллигенции и студенчества. Она потребовала отставки премьер-министра.

Ситуация осложнилась в связи с неурожаем зерновых в 1972 г. Правительство И. Ганди объявило о национализации оптовой торговли зерном. Таким образом, оно стало единственным покупателем и продавцом пшеницы и риса с апреля 1973 г. Зерно стало исчезать с рынков. В ряде мест (Нагпуре, Бомбее, некоторых городах Майсора) начались продовольственные бунты. Предвыборный лозунг 1971 г. «Долой бедность!» не только утратил свое содержание, но и стал подвергаться насмешкам. А тем временем засуха в 1973 г. охватила районы с населением в 180 млн. человек. Она продолжилась в 1974 г. и 1975 г. Начали быстро расти цены на товары первой необходимости. В этих условиях И. Ганди обратилась за помощью во Всемирный

банк и Международный валютный фонд. Однако оказанная Индии помощь не решила столь масштабную проблему.

В стране начались широкие антиправительственные выступления. Массовые забастовки, марши протеста против высоких цен и коррупции в правящей партии охватили многие районы страны. В мае 1973 г. в Уттар-Прадеше армейскими частями был подавлен бунт вооруженной полиции. В результате было убито 22 полицейских и 13 солдат. В январе 1974 г. началось массовое антиправительственное движение в штате Гуджарат под лозунгами борьбы с коррупцией, против «диктаторского» режима в центре. Более двух месяцев в этом штате проходили крупные выступления оппозиции, которые сопровождались грабежами лавок, поджогами правительственных учреждений, автобусов, нападениями на полицейские участки. В столице штата Ахмадабаде и еще в 105 городах был введен комендантский час. В ходе столкновений было убито 103 человека, 300 ранено. Более 800 человек были арестованы. На волне насильственных протестных выступлений возникло движение «Нав нирман» («Движение за восстановление»), которое фактически бросало вызов всей системе власти во главе с И. Ганди⁸⁴¹. Его руководители требовали отставки главного министра правительства штата и роспуска законодательного собрания. И. Ганди согласилась на отставку главного министра, но упорно старалась сохранить законодательное собрание, в котором ее партия располагала большинством в две трети депутатов. Однако под давлением оппозиции она была вынуждена пойти на роспуск собрания в январе 1974 г.

Неожиданно для оппозиции в январе 1974 г., когда в Гуджарате движение «Нав нирман» находилось на подъеме, а недовольство правлением И. Ганди широко распространилось во многих штатах, ее партия одержала победу в законодательных собраниях Уттар-Прадеша и Ориссы. Это означало, что ее влияние в низах общества оставалось достаточно прочным. Кроме того, оппозиционные партии не сумели объединиться, чтобы противостоять правящему Конгрессу, который широко использовал административные ресурсы.

Вместе с тем эрозия влияния И. Ганди во многом была связана с многочисленными обвинениями в коррупции правящей партии. Все это не способствовало укреплению доверия к правительству И. Ганди. Один из таких, может быть, самых одиозных случаев был связан с делом Рустома Сохраба Нагарвалы.

24 мая 1971 г. в кабинете главного кассира Государственного банка Индии Вед Пракаша Малхотры раздался звонок. В телефонной трубке звучал голос премьер-министра. Малхотра получил указание выплатить шесть миллионов рупий человеку, который будет ждать

его на определенной улице и представится как «господин из Бангладеш». Малхотра взял в банке затребованную сумму, сел в такси, прибыл в означенное место и передал деньги ожидавшему его человеку. Малхотра обнаружил обман после того, как прибыл в резиденцию премьер-министра, чтобы доложить об исполнении поручения и получить расписку за переданные деньги.

Оказалось, что организатором всего этого дела был некто Р.С. Нагарвала, бывший капитан армии, одновременно работавший в разведке. Именно он имитировал голос И. Ганди. В тот же день он был арестован. В парламенте началось бурное и возмущенное обсуждение этого инцидента. Задавались вполне логичные вопросы: звонила ли ранее премьер-министр Малхотре? Если не звонила, то как он мог узнать ее голос по телефону? Мог ли кассир взять такую большую сумму денег из банка, если раньше не было подобного прецедента? И вообще, чьи это были деньги?

В рекордно короткий срок – три дня, Нагарвала был осужден и приговорен к четырем годам строгого тюремного заключения. Но дело Нагарвалы не было раскрыто. Сначала он признался, что обманул Малхотру, затем потребовал пересмотра его дела. Но в марте 1972 г. он умер. Сообщалось, что у него было большое сердце. Вскоре и полицейский чиновник, расследовавший его дело, также скоропостижно скончался в автокатастрофе. После победы на парламентских выборах в 1977 г. правительство Джаната парти назначило комиссию по расследованию дела Нагарвалы. Однако она не нашла ничего, что могло бы скомпрометировать И. Ганди. Но как бы то ни было, эти события нанесли ущерб ее имиджу⁸⁴².

В мае 1974 г. началась всеиндийская забастовка железнодорожников, которая грозила парализовать всю страну. Правительство И. Ганди подавило забастовку с необычайной жестокостью. 20 тыс. рабочих и служащих железных дорог были арестованы. Семь бастовавших были выброшены из ведомственных домов. По некоторым данным, кампанией по подавлению забастовки лично руководила И. Ганди. Она якобы высказалась в том духе, что забастовку надо «раздавить, и после этого ничего подобного не будет в течение 50 лет». Всеиндийская забастовка железнодорожников и ее подавление вызвали огромное волнение в обществе. Противостояние между бастующими и властями достигло своего предела⁸⁴³.

Тогда же произошло событие, которое, судя по всему, должно было укрепить позиции правительства и И. Ганди, по крайней мере в обществе. 18 мая 1974 г. в Индии было взорвано ядерное устройство. И. Ганди заявила, что это испытание проведено в мирных целях. Фактическое присоединение Индии к клубу ядерных держав было

встречено в стране с одобрением, хотя нашлось и немало критиков этого судьбоносного шага. Однако проблемы внутренней жизни страны довольно быстро отодвинули это научное и военно-стратегическое достижение И. Ганди на второй план.

Ситуация в стране накалялась. Возглавляемое Дж.П. Нараяном движение против «коррупционного и антидемократического» правительства И. Ганди стало приобретать всеиндийский характер. Сам Нараян, бывший социалист, а затем последователь ненасильственной идеологии Махатмы Ганди, выдвинул лозунг «тотальной революции» под призывами борьбы с коррупцией и демократизации общественной жизни. Он встретил отклик среди части молодежи, студенчества и средних городских слоев. Нараян даже говорил о «беспартийной демократии». Но на деле он фактически оказался в одном лагере с религиозно-общинным РСС, который был весьма далек от идеологии и практики ненасилия. Не случайно критики Нараяна говорили, что собравшиеся вокруг него оппозиционные партии объединились под одним главным лозунгом: устранить И. Ганди и ее партию от власти⁸⁴⁴. Так или иначе, но политическая инициатива перешла в руки Нараяна, который даже стал призывать армию и полицию не подчиняться «незаконным приказам» И. Ганди. Более того, он напрямую обратился к министрам конгрессистского правительства Дж. Раму и Я. Чавану присоединиться к его движению, чтобы «сбросить» Индиру Ганди.

В январе 1975 г. в Бихаре на железнодорожной станции Самастипур был убит министр железных дорог Лалит Нараян Мишра. Бомба была подложена под трибуну, с которой он выступал перед собравшимися. Мишра был первым кабинетным министром, который стал жертвой террористического акта. И. Ганди немедленно обвинила в убийстве тех, кто распространял «культ насилия и ненависти» – сгруппировавшимися вокруг Нараяна партиями и группировками. На это они ответили, что правительство И. Ганди само «избавилось» от Мишры, поскольку он стал неудобным для нее. И. Ганди, решительно отвергнув эти домыслы, заявила, что это убийство стало подготовкой к ее устранению, и добавила: «Когда меня убьют, то они скажут, что я сама устроила это»⁸⁴⁵.

Напряжение в стране нарастало. Оппозиция во главе с Нараяном набирала силу. Весной 1975 г. она организовала одну из крупнейших демонстраций перед зданием парламента в Дели. 2 апреля 1975 г. 79-летний Морарджи Десаи объявил голодовку, требуя назначения новых выборов в Гуджарате. Опасаясь осложнений, И. Ганди назначила выборы в этом штате на начало июня 1975 г. 12 июня, когда выборы уже закончились и при подсчете голосов стало ясно, что они

были не в пользу Конгресса, в Высоком суде Аллахабада судья Джагмохан Лал Синха прочитал свой вердикт по иску социалиста Радж Нараяна против И. Ганди. Чтобы избежать утечки, судья от руки написал главную часть своего решения. Высокий суд обвинял И. Ганди в нарушении правил проведения избирательной кампании 1971 г. в округе Рае-Барели (штат Уттар-Прадеш), от которого она была избрана в парламент. Тогда она добилась победы над Радж Нараяном. Суд отменил избрание И. Ганди в парламент от этого округа в 1971 г. и запретил ей занимать выборную должность в течение шести лет. И. Ганди была обвинена в коррупционной деятельности во время тех выборов. По существу, речь шла о технических вопросах: правительственные чиновники и инженеры строили трибуны для ее предвыборных митингов, личный секретарь премьер-министра Яшпал Капур стал ее агентом на выборах до того, как была принята его отставка с государственной службы. Судья также приостановил исполнение своего вердикта на 20 дней, чтобы позволить И. Ганди «предпринять альтернативные меры».

Буквально через несколько часов после вынесения вердикта суда стали поступать сведения о результатах выборов в Гуджарате. На этих выборах антиконгрессистской оппозиции удалось создать наскоро сколоченный блок «Джаната фронт» («Народный фронт»), объединивший Организацию конгресс, БДС, социалистов и ряд мелких партий. Одним из руководителей этого фронта стал Морарджи Десаи, а духовным лидером – Дж.П. Нараян. В обстановке массовых антиконгрессистских настроений Конгресс потерпел в Гуджарате поражение.

Решение Высокого суда потрясло страну. Оппозиция решила воспользоваться сложившейся ситуацией и начала массовую кампанию гражданского неповиновения, требуя отставки премьер-министра и характеризуя ее деятельность как «автократическую и деспотическую». Однако И. Ганди не собиралась уходить, а готовилась дать бой оппозиции. Она подала апелляцию в Верховный суд Индии на вердикт судьи Высокого суда Аллахабада с просьбой о безусловной приостановке исполнения этого решения. 24 июня дежурный судья Верховного суда Кришна Айяр (Верховный суд в это время находился на каникулах) вынес решение – условная приостановка вердикта Высокого суда Аллахабада. Это означало, что И. Ганди могла оставаться на посту премьер-министра и выступать в парламенте, но не могла голосовать в нем впредь до окончательного решения по ее апелляции.

После этого оппозиция с новой энергией возобновила требования об отставке И. Ганди с поста премьер-министра. Некоторые ру-

ководители Конгресса считали целесообразным, чтобы она временно ушла в отставку. На это время один из ее коллег по кабинету министров (упоминался Сваран Сингх) мог бы исполнять обязанности премьер-министра до вынесения Верховным судом окончательного решения по ее апелляции.

Однако ближайшее окружение И. Ганди – ее сын Санджай и главный министр Западной Бенгалии Сидхартха Шанкар Рай, известный юрист и друг ее детства (его дед Чита Ранджан Дас и дед Индиры Мотилал Неру были соратниками и близкими друзьями), посоветовали ей не подавать в отставку. (Позже И. Ганди говорила своему биографу: «Что еще я могла сделать, кроме того, как остаться на посту премьер-министра? Вы знаете, в каком состоянии была страна. Что могло бы произойти, если бы никто ее не возглавил? Я была единственным человеком, который мог это сделать»⁸⁴⁶. Некоторые индийские исследователи говорили даже о том, что был создан «культ личности» И. Ганди, которой якобы не было альтернативы. Этому способствовало создание мифа, будто только династия Неру может удержать страну в рамках поступательного демократического развития.)⁸⁴⁷

И. Ганди приняла решение о введении чрезвычайного положения в стране⁸⁴⁸. Не поставив в известность кабинет министров, поздно вечером 25 июня она в сопровождении Рая прибыла в президентский дворец и сообщила президенту Фахруддин Али Ахмеду о решении ее правительства ввести чрезвычайное положение. Президент, не задавая вопросов, подписал этот документ. По правилам, И. Ганди должна была предъявить президенту соответствующую резолюцию кабинета министров, но поскольку большая часть руководства Конгресса, его парламентской фракции, министров центрального правительства и конгрессистских главных министров в штатах выступала в поддержку И. Ганди, она не сомневалась в получении их согласия.

Чрезвычайное положение (1975–1977 гг.)

26 июня 1975 г. в стране было введено чрезвычайное положение. В 6 часов утра собрался кабинет министров. Прокламация о введении чрезвычайного положения была одобрена «в считанные минуты», никакой дискуссии не было. Затем это решение было успешно проведено и через парламент. Тогда же в заявлении по Всеиндийскому радио И. Ганди сказала: «Президент объявил чрезвычайное положение. Не нужно паниковать». Затем она упомянула о проведении «арестов в целях предосторожности», однако не назвала фамилии

задержанных лиц⁸⁴⁹. Но еще до этого, накануне в полночь, подверглись аресту видные деятели и активисты оппозиционных партий (по разным оценкам, от 30 тыс. до 100 тыс. человек, включая М. Десаи, Дж.П. Нараяна, А.Б. Ваджапай), запрещена деятельность 26 религиозно-общинных и левозэкстремистских организаций и наксалитских группировок, введена цензура печати, ограничены полномочия судов и основные права граждан. Одновременно Верховным судом Индии было отменено решение Высокого суда Аллахабада⁸⁵⁰.

Оппозиционные партии осудили репрессивные действия властей, в первую очередь аресты участников кампании неповиновения.

1 июля 1975 г. правительство И. Ганди провозгласило Программу из 20 пунктов, которая во многом была продолжением предыдущей социально-экономической политики. Наиболее важными среди предложенных мероприятий были: снижение цен на продовольствие и другие жизненно важные товары, реализация на деле аграрной реформы – изъятие излишков земли сверх «потолка» у землевладельцев и распределение ее среди безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, освобождение сельской бедноты от кабальной задолженности⁸⁵¹. В программе также содержалось положение о целесообразности либерализации в сфере частного предпринимательства. Правительство заявило, что оно не намерено продолжать национализацию.

Для подкрепления своих позиций в народе правительство И. Ганди провело в 1976 г. в парламенте 42-ю поправку к конституции. В Преамбулу основного закона, характеризующую устройство государства, к формуле «Индия – суверенная демократическая республика» были добавлены слова «социалистическая, светская». Идея секуляризма зафиксировала на государственном уровне необходимость регулирования отношений между государством и религиозными общинами в целях сохранения единства страны⁸⁵². Вместе с тем немалый ущерб влиянию Конгресса в массах нанесла деятельность Санджая Ганди, который выдвинул свою программу из пяти пунктов, обращенную в основном к молодежи. Ее цель – каждому члену партии обучить грамоте одного неграмотного, бороться с неприкасаемостью, посадить одно дерево, бороться с обычаем выдачи приданого за невестой и ограничить рождаемость двумя детьми на семью. Программа С. Ганди была признана руководством Конгресса в качестве официальной. Ее осуществление властями, особенно в той части, которая касалась ограничения рождаемости, сопровождалось принуждением и насилием. По некоторым данным, была проведена «добровольная стерилизация» сотен тысяч мужчин и женщин. Насилием также сопровождалось «наведение» порядка в городах, а

по существу, переселение огромных масс бедноты, особенно мусульман и низших каст, за их пределы. Это вызывало протесты населения, происходили столкновения с полицией, в результате чего было много жертв⁸⁵³.

С. Ганди начал активно вмешиваться в отношения Конгресса с другими партиями, в том числе с КПИ, которая поддерживала И. Ганди в вопросе чрезвычайного положения. В декабре 1975 г. в одном из интервью он обрушился на коммунистов, назвав их «непатриотами и предателями» из-за их оппозиции конгрессистской кампании «Прочь из Индии!» 1942 г. Одновременно С. Ганди выступил против основ политики Конгресса. Он осудил работу государственного сектора и призвал приватизировать государственные промышленные предприятия. Это вызвало негативную реакцию как коммунистов, так и левоцентристов, но нашло горячий отклик со стороны большого бизнеса, который провозгласил его «новым Мессией»⁸⁵⁴. В годы чрезвычайного положения Конгресс во многом утратил свое политическое влияние. Конструктивную работу в массах он подменял выдвиганием популистских лозунгов в поддержку И. Ганди. На съезде Конгресса в Гаухати президент партии Дев Кант Баруа провозгласил лозунг: «Индия – это Индира, Индира – это Индия».

Это был самый сложный период за все годы пребывания И. Ганди у власти. Сама она следующим образом определила причины, приведшие к введению чрезвычайного положения в стране. И. Ганди заявила, что в Индии был создан климат насилия, который привел к убийству одного из министров правительства (Л.Н. Мишры) и покушению на главного судью Верховного суда Индии. Оппозиционные партии разработали целую программу с целью парализовать деятельность властей. Они даже призывали армию не исполнять приказов. Эта программа должна была начаться 29 июня 1975 г. Нет сомнения, говорила И. Ганди, что это привело бы к огромным нарушениям общественного порядка и непоправимому ущербу для экономики. Такого рода программа не имела ничего общего с демократией и была антинациональной. Поэтому ее следовало предотвратить⁸⁵⁵.

Чрезвычайное положение, которое действовало в стране в течение 19 месяцев, стало водоразделом в истории независимой Индии. Оно оставило глубокие шрамы на демократической политической системе Индии. Чрезвычайное положение создало оппозицию, которая узаконила популистское пренебрежение по отношению к установившимся демократическим институтам⁸⁵⁶. Оно показало хрупкость этих институтов, которым противостояли многообразные неконституционные организации и формирования, созданные в различных районах страны. Попытки разрешить кризис управления и власти

с помощью чрезвычайного положения привели лишь к усугублению ситуации. И. Ганди сама оказалась политическим пленником этого процесса.

Много позже политический обозреватель Индер Малхотра назвал введение чрезвычайного положения «катастрофической ошибкой, самым главным грехом» И. Ганди. Он попытался объяснить причину такого решения премьер-министра тем, что «ее невежество в юриспруденции, незнание законов сделали ее полностью зависимой от С.Ш. Рая». В отличие от своего отца и деда, которые были юристами, так же как и многие другие лидеры национально-освободительного движения, и самый знаменитый из всех Махатма Ганди, Индира не имела подобной подготовки. Однако в ее кабинете были знатоки конституционного права, но она пренебрегла ими в желании сохранить тайну принятого ею решения⁸⁵⁷. Но главное, конечно, состояло не в этом, а в стремлении сохранить власть.

Коалиционное правительство Джаната парти

В крайне сложной политической обстановке правительство И. Ганди довольно неожиданно объявило 18 января 1977 г. о проведении выборов в парламент. Смягчение законов чрезвычайного положения в связи с предстоящими выборами изменило политическую ситуацию. Из тюрем были освобождены оппозиционные лидеры, принадлежавшие к разным политическим партиям. Оппозиция вновь начала объединяться на антиконгрессистской основе. По инициативе Нараяна, выпущенного из тюрьмы несколько ранее в связи с тяжелой болезнью, был создан коалиционный блок Джаната парти. В его состав вошли Организация конгресс, Бхаратия джана сангх, Бхаратия лок дал (Индийская народная партия) и Социалистическая партия. Как писал политолог Джанардан Тхакур, «именно Индира Ганди непреднамеренно дала жизнь Джаната парти... Если бы не родовые муки чрезвычайного положения и тот сюрприз, который Индира преподнесла оппозиции, Джаната парти так и осталась бы мечтой»⁸⁵⁸.

Джаната парти, несмотря на ее консервативный облик, подчеркивала важность борьбы за социально-экономические права простого народа, утверждала, что отстаивает идеи и ценности Махатмы Ганди и видит свою задачу в построении в Индии демократического и социалистического общества, опирающегося на наследие и традиции национально-освободительного движения. Джаната парти осуждала пороки капитализма, элитарного потребительского общества. Она обвиняла Конгресс в неспособности реализовать законы о введении

ограничений на размеры землевладений и наделить землей безземельных крестьян, особенно из далитов и племен, и обещала принять необходимые меры по решению этих проблем. В промышленной сфере ставилась задача борьбы с ростом влияния монополий и концентрацией экономической власти. Таким образом, Джаната парти, по существу, «перехватывала» левоцентристские лозунги Конгресса в условиях, когда они оказались выхолощенными насильственной, авторитарной политикой, проводившейся группировкой Санджая Ганди.

Еще одним ударом по престижу Конгресса стал выход из него 2 февраля 1977 г. группы видных деятелей во главе со старейшим членом руководства партии Джагдживаном Рамом, которая объявила о создании новой партии Конгресс за демократию (КЗД), провозгласив в качестве своих целей демократию, социализм и секуляризм – против «диктатуры Индиры Ганди и ее сына Санджая». КЗД сразу же пошла на союз с Джанатой.

На состоявшихся в марте 1977 г. выборах блок Джаната парти – Конгресс за демократию одержал убедительную победу над Конгрессом. Он завоевал 43,2% голосов и 298 мест в парламенте из 542. После выборов к этому блоку присоединилась Широмаи акали дал (Панджаб), получившая 8 депутатских мандатов.

Конгресс потерпел тяжелое поражение. Он смог завоевать всего 35% голосов и 153 места в парламенте. В своих избирательных округах проиграли Индира и Санджай Ганди, а также больше половины членов правительства⁸⁵⁹.

Исполняющий обязанности президента Индии Б.Д. Джатти (в феврале 1977 г. скончался президент Ахмед) принял последнюю рекомендацию правительства Конгресса – об отмене чрезвычайного положения, затем и отставку И. Ганди с поста премьер-министра. Поскольку Джаната парти не смогла сразу сформировать правительство, Джатти попросил И. Ганди оставаться на своем посту до тех пор, пока не будет назначен новый премьер-министр. На этот пост претендовали трое – М. Десаи, Ч. Сингх и Дж. Рам. Для разрешения создавшегося положения они обратились к старейшим политикам – Дж.П. Нараяну и Дж.Б. Крипалани. Те предложили на пост лидера парламентской фракции Джаната парти Морарджи Десаи. 23 марта он принял присягу в качестве премьер-министра. В кабинете министров нового правительства шесть министерских портфельей получила Организация конгресс, по четыре – Бхаратия джана сангх и Бхаратия лок дал (БЛД), три – Социалистическая партия, два – Конгресс за демократию. Министром внутренних дел был назначен Чаран Сингх (БЛД), иностранных дел – А.Б. Ваджпаи (БДС), обороны –

Дж. Рам (КЗД). На следующий день на огромном массовом митинге в Дели в честь победы Джаната парти на выборах главным выступавшим был М. Десаи, но особенно остро говорил А.Б. Ваджапай. Он отметил мудрость индийского народа, которая позволила «отправить Индиру в мусорный ящик истории»⁸⁶⁰.

Хорошо понимая значимость регионов и влияния в штатах, Джаната парти начала свою деятельность с того, что использовала положение конституции (ст. 356) о временном переходе всех прав штата к Союзу в случае несостоятельности конституционного механизма в штате, то есть возникновения каких-либо серьезных внутренних осложнений, с которыми правительство штата не может справиться собственными силами. При таких обстоятельствах президент Индии (а фактически центральное правительство) мог принять на себя все или часть функций правительства штата, передать законодательные права штата парламенту. В таком случае законодательное собрание штата могло быть распущено и назначены новые выборы. Прокламация президента о делегировании Союзу власти представлялась на утверждение парламента. Она объявлялась на срок до шести месяцев, но могла быть продлена парламентом до трех лет. В конституции (ст. 365) разъяснялось, что под такую ситуацию подходил и тот случай, когда действия штата расходились с указаниями, данными центром, или не были направлены на их выполнение⁸⁶¹.

Блок Джаната парти распустил законодательные собрания во многих штатах и ввел в них президентское правление. После этого в этих штатах были проведены новые выборы с использованием административных и партийных ресурсов. К концу 1977 г. правительство Джаната парти полностью контролировало власть в 10 штатах, а еще в двух делила ее – в Панджабе с местной партией Акали дал, в Триपुरе – с КПИ(м). В пяти штатах – Андхра-Прадеше, Ассаме, Карнатаке, Махараштре и Мегхалайе – действовали правительства Конгресса, в двух штатах – правительства левых и региональных партий во главе с КПИ(м) (в Западной Бенгалии) и КПИ (в Керале). В Тамилнаду у власти находилась партия Анна ДМК, названная так в честь умершего популярного главного министра штата Аннадураи. Она образовалась в результате раскола ДМК в 1972 г. (Впоследствии Анна ДМК была переименована во Всеиндийскую Анна ДМК – АИДМК.) В штате Джамму и Кашмир правила местная партия Национальная конференция. Штат Нагаленд управлялся центром в рамках президентского правления. Таким образом, блок Джаната парти продолжил битву за влияние в штатах, начатую в 1967 г., используя для этого преимущественно административные рычаги.

Основную роль в новом правительстве играл Бхаратия джана сангх, который из всех участников коалиции был наиболее организованной массовой партией и располагал самой большой депутатской группой (100 мандатов) в парламенте. Он во многом навязывал свои решения партнерам в правительстве, у которых не было столь значительных организационных возможностей и партийных кадров. А поскольку БДС обладал и тем и другим, то вполне естественно, что он находился в лучшем положении, чем другие партии коалиции. В правительстве возник конфликт, который обострился после того, как другие члены коалиции обвинили БДС в так называемом двойном членстве – одновременно в этой партии и в индусской религиозно-общинной организации РСС, которая оказывала влияние на деятельность правительства.

Бхаратия джана сангх стремился усилить свое влияние, образуя блоки с другими партиями и движениями. Когда в БДС обсуждался вопрос о возможном сотрудничестве с начавшимся в 1973 г. антиконгрессистским движением во главе с Дж. П. Нараяном, один из лидеров БДС Л.К. Адвани утверждал, что партия достигла своего «идеологического плато» и для расширения сферы влияния ей нужно сотрудничать с другими силами. Поэтому БДС пошел на создание коалиционного блока Джаната парти. По словам Ваджапай, БДС решил не настаивать на своей «идентичности», а объединиться с другими антиконгрессистскими группировками.

Лидеры БДС считали обвинение в двойном членстве необоснованным, так как Джаната парти не имела общего членства. А главное, как писал Ваджапай, БДС предпочел занять твердую позицию. Лидеры этой партии, прошедшие почти всю свою сознательную жизнь в РСС, не могли вдруг порвать все отношения с этой организацией. Они решили выйти из правительства, но не идти на идеологический компромисс. Истинная причина истории с двойным членством состояла в том, что БДС был самой сильной частью Джаната парти. Однако были и более глубокие причины, которые привели к выходу БДС из Джаната парти и расколу последней. Социальная база Джаната парти состояла как из представителей высоких каст, преимущественно крупных землевладельцев, так и из низких каст – в основном малоземельных крестьян. Попытки лидеров отсталых крестьянских каст использовать пребывание у власти в составе Джаната парти для укрепления своих позиций (например, введение в Уттар-Прадеше и Бихаре квот для этих каст в государственных учреждениях и учебных заведениях) вызвали резкий протест высших каст, широко представленных в БДС. Именно в этом состояла главная суть противоречий внутри коалиционного блока Джаната парти, что и привело к его расколу⁸⁶².

В течение первого года правления Джаната парти в стране было зарегистрировано более 10 тыс. столкновений на кастовой почве. Одно из них произошло в бихарской деревне Белчи 27 мая 1977 г., где девять бывших неприкасаемых были сожжены толпой индусов из высоких каст.

И. Ганди в это время находилась в состоянии глубокой депрессии после поражения на выборах. Она собиралась уйти из политики и поселиться в Гималаях. Однако трагедия в Белчи изменила все ее планы. Ее политический инстинкт подсказал – это может быть началом возвращения на олимп власти. И. Ганди быстро приняла решение – она вылетела в столицу Бихара Патну и оттуда направилась в Белчи. Было время дождей, дороги размыло. С автомобиля она пересела на трактор, а затем и на слона. Так она добралась до Белчи, выразила соболезнование и утешила семью погибших бедняков⁸⁶³.

Этот поступок вернул И. Ганди на политическую авансцену. Один из видных индийских политиков Мадху Лимае писал, что посещение И. Ганди деревни Белчи помогло ей осудить безразличие правительства Джаната парти к судьбе бедняков и неприкасаемых. Эта поездка восстановила образ И. Ганди как друга бедных и униженных. Это также продемонстрировало конгрессистам, что именно она является человеком действия и только ей одной можно доверять в борьбе за возвращение Конгресса к власти⁸⁶⁴.

Неуклюжие попытки правительства Джаната парти блокировать деятельность И. Ганди оказались контрпродуктивными. Они скорее способствовали росту ее престижа как гонимой и преследуемой властями. Так, по указанию министра внутренних дел Чаран Сингха был подготовлен ордер на ее арест по обвинению в коррупции. И. Ганди была арестована и на автомашине направлена в соседний с Дели штат Харьяну – подальше от политизированной общественности столицы. Однако при остановке у железнодорожного переезда И. Ганди вышла из машины. Ее окружили многочисленные прохожие и в их присутствии сопровождавшему ее адвокату удалось доказать полицейским, что ордер на арест не действует за пределами Дели. Полиция была вынуждена вернуть И. Ганди в Дели, где она провела ночь в полицейском участке. На следующий день судья рассмотрел это дело и вынес вердикт в ее пользу, посчитав обвинения необоснованными и несущественными.

Эта промашка правительства дорого обошлась ему, так как еще больше повысила шансы И. Ганди на возвращение к власти. В феврале 1978 г. партия И. Ганди выиграла выборы в штатах Андхра-Прадеш и Карнатак. При этом главным организатором этих выборов была именно И. Ганди. Этот успех побудил ее к тому, чтобы попы-

таться вновь стать членом парламента, и ей это удалось сделать в округе Чикмаглур в штате Карнатак.

Но как только И. Ганди появилась в парламенте, правящая группировка обвинила ее в том, что в 1974 г., находясь на посту премьер-министра, она препятствовала расследованию нарушений, связанных со строительством завода по производству автомобилей Марути, главным владельцем которого был ее сын Санджай Ганди. На основании этого обвинения И. Ганди посадили в тюрьму, но после вмешательства одного из влиятельных членов семейства промышленника Бирлы через неделю ее освободили. Решением комиссара по выборам она была исключена из состава членов парламента. Но все это лишь добавило И. Ганди популярности, и на следующих парламентских выборах она снова была избрана от того же округа⁸⁶⁵.

В 1978 г. в Конгрессе произошел новый раскол. Из руководимой И. Ганди партии вышел ряд видных конгрессистов, которые обвиняли ее и Санджая в авторитарных методах правления, насильственном проведении программы ограничения рождаемости и т.п. Новую группировку конгрессистов возглавил бывший министр обороны Индии Я. Чаван, а затем главный министр штата Карнатак Деврадж Урс. По имени последнего эта группировка получила название Конгресс (У), а большинство партии во главе с И. Ганди – Конгресс (И). С 1978 г. по 1984 г. И. Ганди бессменно была президентом этого Конгресса (И)⁸⁶⁶.

А тем временем в правительстве Джаната парти разрастался конфликт между премьер-министром М. Десаи и министром внутренних дел Ч. Сингхом. В июне 1978 г. М. Десаи уволил Ч. Сингха из кабинета министров. На это Ч. Сингх, пользовавшийся большим влиянием среди своей касты джатов-земледельцев в штате Уттар-Прадеш, организовал огромную демонстрацию фермеров в Дели. В ней участвовало около 200 тыс. крестьян из Северной Индии, которые прибыли в столицу на тракторах и грузовиках. Эта демонстрация силы вынудила премьер-министра изменить свое решение и вернуть Ч. Сингха в состав правительства в качестве заместителя премьер-министра и министра финансов (другим заместителем премьера был лидер партии Конгресс за демократию Джагдживан Рам). Но примирение между М. Десаи и Ч. Сингхом было недолгим. Тем более что в Джаната парти возник новый конфликт, на этот раз с Бхаратия джана сангхом.

Вслед за выходом БДС из правительства последовал разрыв отношений с еще одним участником коалиции – Социалистической партией. Правительство во главе с М. Десаи потеряло большинство в парламенте и вынуждено было уйти в отставку в июле 1979 г.

В свою очередь, Ч. Сингх вступил в оппортунистический союз со своим «заклятым врагом» И. Ганди, которая согласилась поддерживать его в качестве премьер-министра. Эта политическая игра нужна была И. Ганди для того, чтобы подготовиться к новым, внеочередным выборам в парламент.

В конце июля Ч. Сингх был приведен к присяге президентом Н.С. Редди в качестве нового премьер-министра страны. Но уже через месяц И. Ганди отозвала поддержку Ч. Сингху со стороны партии Конгресс (И). Правительство Ч. Сингха осталось в меньшинстве в парламенте. Еще в течение месяца президент рассматривал возможность альтернативных предложений по формированию правительства. Их не последовало. Было объявлено о подготовке к внеочередным выборам в парламент, которые были назначены на январь 1980 г. До этого времени правительство во главе с Ч. Сингхом, по существу, выполняло технические функции.

В октябре 1979 г. умер Джай Пракаш Нараян, духовный лидер борцов против авторитаризма И. Ганди. На его похороны в Патне приехали не только лидеры Джаната парти, но и И. Ганди с сыном Санджаем.

Правительство Джаната парти, состоявшее из пестрого блока оппозиционных партий, различных по своей идеологии и имевших разную социальную базу, не смогло проводить конструктивную политику и добиться сколько-нибудь серьезных успехов в решении сложных социально-экономических задач, стоявших перед страной. Главные из них были – рост безработицы, нищета огромной массы населения, усиление инфляционных процессов. В деревне обострилась социальная обстановка, возросло число религиозно-общинных и межкастовых столкновений. Особенно от этого страдали низы общества, включая зарегистрированные касты и племена. В городах ширилось забастовочное движение, главным требованием которого было улучшение положения рабочих, в том числе увеличение заработной платы и улучшение условий труда.

Неспособность правительства Джаната парти решать стоявшие перед страной сложные проблемы усугубилась тем, что участники этой коалиции «тянули» в разные стороны, стремились использовать возможности пребывания у власти не только для узкопартийных, но и личных целей. Как отмечали многие индийские аналитики, дело доходило до того, что и в центре, и на местах руководители Джаната парти стали откровенно обогащаться за государственный счет. Даже традиционные антиконгрессистские издания писали о «смерти идеализма» в партиях этого коалиционного блока, о том, что Конгрессу потребовалось 30 лет, чтобы «отказаться от своих принципов», а Джаната парти – всего один год⁸⁶⁷.

Несмотря на все проблемы и недостатки правительства Джаната парти, его деятельность в течение неполных трех лет (1977–1980 гг.) стала важным звеном индийской политики. Впервые за годы независимости Индии к власти пришло альтернативное Конгрессу правительство. Система управления стала более децентрализованной. Произошли перемены и на общественном уровне, которые выразились в более активном участии населения в политическом процессе, особенно социальных низов.

Правительство Джаната парти смогло внести поправки в конституцию Индии, направленные на демократизацию общественной и политической жизни. Одной из них была 44-я поправка к основному закону страны (декабрь 1978 г.), которая затрудняла введение чрезвычайного положения в стране. В частности, теперь требовалось одобрение этого двумя третями членов парламента. Характерно, что за принятие этой поправки голосовала и И. Ганди⁸⁶⁸.

Возвращение Конгресса во главе с И. Ганди к власти

Раскол в Джаната парти, ошибки и неудачи ее правительства позволили И. Ганди и ее сторонникам активно вмешиваться в политический процесс и шаг за шагом брать инициативу в свои руки.

В результате на внеочередных выборах в парламент в начале 1980 г. Конгресс во главе с И. Ганди вновь пришел к власти. Партия завоевала 42,5% голосов избирателей и 351 место в парламенте. Конгресс (У) смог получить лишь 6,5% голосов и 13 мест, что предопределило его последующий уход с политической арены. Входившие в Джаната парти группировки потерпели сокрушительное поражение – у них осталось в парламенте всего лишь 71 место. БДС смог провести в парламент всего двух депутатов. Несколько усилили свои позиции левые партии – они получили более 50 депутатских мандатов, в том числе КПИ (м) – 36, КПИ – 11⁸⁶⁹.

После разгромного поражения на выборах Бхаратия джана сангх предпринял шаги по обновлению партии. В апреле 1980 г. БДС была преобразована в Бхаратия джаната парти (Индийская народная партия – БДП), что должно было символизировать разрыв с прошлым и освобождение от клейма коммунизма.

Победа Конгресса на выборах 1980 г. позволила И. Ганди вновь стать премьер-министром. К этому времени социально-экономическая ситуация в стране еще более обострилась, что было связано с засухой и неурожаем 1979 г., а также с резким повышением цен на нефть на мировом рынке, что привело к росту расходов на импорт энергетических ресурсов.

Для выхода из создавшегося положения правительство Конгресса вступило в переговоры с Международным валютным фондом (МВФ) с целью получения крупного кредита. Были оговорены условия его предоставления: либерализация импорта, ослабление контроля над ценами, дерегулирование промышленного производства в отдельных отраслях, развитие экспортно-ориентированной индустрии, сокращение расходов в государственном секторе экономики, снижение налогов и т.д. Согласованная с международными финансовыми организациями программа начала реализовываться в ноябре 1981 г. Однако ее выполнение было приостановлено, так как она не дала требуемого результата, а только привела к увеличению внешних долгов. Страна использовала 3,9 млрд. из предусмотренных программой МВФ 5 млрд. долларов⁸⁷⁰.

После возвращения к власти в 1980 г. И. Ганди сразу занялась «исправлением» ситуации в штатах. Она отправила в отставку правительства в девяти штатах страны. На последовавших за этим выборах в законодательные собрания этих штатов Конгрессу в основном удалось решить задачу изменения расстановки политических сил в штатах в свою пользу⁸⁷¹. В восьми из них он получил большинство в собраниях и сформировал там свои правительства.

Актуальность и важность проблемы центр–штаты получили свое выражение в работе сессии Всеиндийского комитета Конгресса в октябре 1983 г. в Бомбее. Конгресс заявил, что он «поощряет ответственное обсуждение отношений между центральным правительством и штатами в свете тех событий, которые произошли со времени принятия конституции». Одновременно была подчеркнута «особая важность существования сильного центрального правительства для сохранения единства и независимости страны»⁸⁷².

Выступая в качестве президента Конгресса на его сессии в Калькутте (декабрь 1983 г.), И. Ганди подчеркнула, что Конгресс имеет долгую историю «примирения» региональных и национальных интересов. Конституция Индии, сказала она, составлена таким образом, чтобы укреплять нацию как единое целое, а также ее отдельные части. В ней «заложена» способность к такому компромиссу, а что касается Конгресса, то он «желает, чтобы каждый язык, каждый регион, каждая религия сохраняли и дальше развивали свои отличительные особенности»⁸⁷³.

Тем не менее, под давлением штатов правительство Конгресса было вынуждено создать в 1983 г. комиссию Саркариа (по имени ее руководителя бывшего судьи Верховного суда Индии Раджиндер Сингх Саркариа), которая рассмотрела вопросы отношений между правительствами центра и штатов. В своем отчете (1988 г.) она реко-

мендовала существенно расширить полномочия штатов. Вопрос, однако, был «заморожен» правительством Конгресса. Центр не хотел передавать часть своих функций штатам. Тем более что решить этот вопрос конституционным путем было крайне сложно. Даже при наличии политической воли законодателей для принятия соответствующей поправки к основному закону требовалось согласие двух третей депутатов нижней палаты парламента. В последующий период тема укрепления единства страны продолжала оставаться одной из главных в политической деятельности Конгресса.

В 1984 г. неконгрессистские правительства действовали в пяти штатах. В Тамилнаду, Андхра-Прадеше, Джамму и Кашмире у власти находились региональные националистические партии – соответственно «Анна ДМК», Телугу десам и Национальная конференция (последняя при поддержке Конгресса). Еще в двух штатах – Западной Бенгалии и Трипуре – правили леводемократические коалиции из региональных и местных партий, возглавляемые коммунистами. Кроме того, еще в двух штатах – Панджабе и Сиккиме – было введено президентское правление, то есть фактически они управлялись центральной администрацией.

После победы Конгресса на парламентских выборах 1980 г. Санджай Ганди вновь оказался на политической авансцене. Он распорядился назначениями на важные посты в партии и правительстве. Многие политики называли его «неконституционным центром» власти. Тем не менее, ряд руководителей Конгресса воспринимали это как данность. Так, главный министр Уттар-Прадеша Вишванатх Пра-тап Сингх заявил в этой связи: «Санджай – лидер в своем праве. Он также и мой лидер»⁸⁷⁴.

23 июня 1980 г. Санджай разбился насмерть на спортивном самолете. И. Ганди крайне тяжело переживала его гибель. Место Санджая рядом с матерью занял старший сын Индиры Ганди Раджив (1944–1989). Вначале он решительно не хотел заниматься политикой. Его жена Соня также категорически была против этого. В течение 13 лет Раджив был пилотом в компании Indian Airlines. В январе 1981 г. он сдал экзамены на второго пилота на реактивных Боингах. Но уже 5 мая Раджив ушел в отставку из авиакомпании, чтобы стать кандидатом на выборах в парламент в избирательном округе Аметхи в Уттар-Прадеше, от которого раньше депутатом был его брат.

Р. Ганди был избран членом парламента. На вопрос, почему он пришел в политику, он ответил: «Я считаю, что маме нужно помочь». Принадлежность Раджива к клану Неру–Ганди катапультировала его в первые ряды политиков. Он быстро стал не только узнаваемой, но и почитаемой политической фигурой. Конгресси-

стские министры и руководители партийных организаций из разных штатов выстраивались в очередь, чтобы приветствовать нового и, возможно, будущего лидера партии и страны. В 1983 г. Р. Ганди был избран одним из генеральных секретарей партии Индийский национальный конгресс⁸⁷⁵.

Сама И. Ганди стремилась освободиться от своего авторитарного облика периода чрезвычайного положения не только в Индии, но и за рубежом. Фестивали индийской культуры прошли в СССР, США, Великобритании и Франции. В Великобритании, во время фестиваля, И. Ганди заявила: «Индия всегда придерживалась демократии и социализма... Что касается последнего, то мы расходимся в этом с М. Тэтчер». И добавила: «Я надеюсь, что теперь вы перестанете называть меня "императрицей Индии"»⁸⁷⁶.

Но в Индии ситуация складывалась не лучшим образом. В Андхра-Прадеше наксалиты, арестованные во время чрезвычайного положения, а после выпущенные на свободу, развернули активную деятельность среди племен, направленную против помещиков и ростовщиков. Другие группы наксалитов в Бихаре поднимали сельскохозяйственных рабочих из низших каст против высококастовых помещиков.

В Андхра-Прадеше нарастала волна местного национализма. Популярный киноактер Н.Т. Рама Рао основал в 1982 г. партию Телугу десам, которая должна была защитить «честь и самоуважение 60 млн. людей, говорящих на языке телугу». Он заявил, что Андхра-Прадеш не может больше рассматриваться как «филиал партии Конгресс»⁸⁷⁷. На выборах в законодательное собрание Телугу десам во главе с Рама Рао завоевала две трети голосов, и он стал главным министром штата.

В конце 1982 г. в Бомбее началась крупная забастовка текстильщиков, продлившаяся почти два года. В ней участвовало от 200 до 300 тыс. рабочих, которым грозили массовые увольнения в связи с реконструкцией производства. Руководил забастовкой популярный политический и профсоюзный лидер, бывший конгрессист, врач по образованию Дата Самант. Во время забастовки тысячи рабочих были арестованы. Протестные волны распространились и на другие слои общества. Даже полицейские вышли на улицы с требованиями создать свой профсоюз. В конечном итоге они были разоружены пограничными силами безопасности и посажены в тюрьмы.

В это же время в Ассаме развернулось движение за автономию и против чужаков-бенгальцев. Оно имело глубокие исторические корни. В конце XIX – начале XX в. большую роль в управлении этой провинцией играли бенгальцы, которые доминировали

на средних и нижних ступенях колониальной администрации. Позже в Ассам стали переселяться бенгальские крестьяне, испытывавшие земельный голод в Бенгалии. В 1970-х годах усилился приток мигрантов из Бангладеш. На этом фоне началось широкое движение в защиту интересов ассамцев. Его возглавил Всеассамский студенческий союз, который в течение пяти лет с 1978 г. провел многочисленные забастовки и демонстрации протеста с требованием «очистить» Ассам от пришельцев. Эти требования подкреплялись и экономическими выкладками. Вся экономическая жизнь Ассам находилась в руках неассамцев. Чайные плантации принадлежали хозяевам, проживавшим в Лондоне или Калькутте. Добываемая в штате нефть перегонялась по нефтепроводам на нефтеперерабатывающие заводы в другие штаты. Местная торговля находилась в руках марвари – торговой касты из Раджастхана. Ассамцы подводили такой общий итог: Ассам является «внутренней колонией», поставляющей дешевое сырье в «индийскую метрополию», которая обрабатывает его и получает прибыль⁸⁷⁸. Правящая в центре и Ассаме партия Конгресс обвинялась в том, что она поддерживает мигрантов, поскольку они обеспечивают ей дополнительные голоса на выборах⁸⁷⁹.

В начале 1980-х годов произошла целая серия индусско-мусульманских столкновений. В Уттар-Прадеше (Морадабад – август 1980 г. и Мирут – сентябрь– октябрь 1982 г.), в Бихаре (Бихар-шариф – апрель–май 1981 г.), в Гуджарате (Годхра – октябрь 1981 г.), в Андхра-Прадеше (Хайдарабад – сентябрь 1983 г.), в Махараштре (Бомбей – май–июнь 1984 г.). Во всех этих случаях межобщинные столкновения продолжались в течение многих дней и привели к большим жертвам и разрушениям. В конечном итоге их смогли погасить только с помощью армии.

Межобщинные конфликты принимали разные формы. Так, в феврале 1981 г. жители деревни Минакшипур (штат Тамилнад) – бывшие неприкасаемые – приняли ислам. Все они поменяли свои имена на мусульманские и изменили название деревни на Рехматнагар. Их примеру последовали другие поселки неприкасаемых. Причина – крупные столкновения между низшими и так называемыми чистыми кастами в нескольких дистриктах этого штата. В знак протеста против притеснений со стороны «чистых» каст зарегистрированные касты, исповедующие индуизм, нередко переходили в другие религии. Массовое принятие ислама в нескольких южных деревнях вызвало широкий общественный резонанс в Индии, возмущение и гнев РСС и близких к нему индусских организаций, которые выдвинули лозунг «Индуизм в опасности!»⁸⁸⁰.

Операция «Голубая звезда»

По еще более трагическому сценарию развивались события в Пенджабе. Они происходили не изолированно, а на фоне многочисленных и продолжительных столкновений и конфликтов, прежде всего на экономической почве, но принимали религиозно-общинную форму. Суть этих событий заключалась в том, что Пенджаб, обогатившийся в результате «зеленой революции», не хотел делиться своими богатствами с другими, более бедными и дотационными штатами. Корни этих событий уходили в историю.

После раздела Индии на Индийский Союз и Пакистан в 1947 г. жители этого региона – сикхи, индусы и мусульмане – пережили страшное время. С тех пор сикхи непрерывно вели борьбу за создание штата с преимущественно сикхским населением. В конечном итоге после нескольких реорганизаций в 1966 г. был создан штат Пенджаб⁸⁸¹. Однако сикхи не получили в нем соответствующего политического представительства. Главная сикхская партия Акали дал (Партия бессмертных) приняла в 1973 г. резолюцию (Anandpur Sahib Resolution), которая требовала от правительства Индии передать Пенджабу г.Чандigarх (Пенджаб делил этот город вместе со штатом Харьяна) и те районы из соседних штатов, население которых говорило на пенджаби, а также расширить полномочия Пенджаба на основе «реальных федеративных принципов». Речь вроде бы шла о расширении автономии штата. Но в резолюции говорилось о том, что Акали дал является «воплощением надежд и чаяний сикхской нации». Политическая цель сикхской общины (пантха) определялась как *халса* (братство сикхов). Реализация этого братства должна была осуществиться через создание соответствующих политических организаций.

Тысячи членов Акали дал попали в тюрьмы во время чрезвычайного положения 1975–1977 гг. После отмены этого положения Акали дал пришла к власти в Пенджабе и возобновила свои требования. К ним добавились другие: большая доля воды для орошения из протекавших по этому штату рек и объявление «Святым городом» Амритсара со святыней сикхов Золотым храмом⁸⁸².

Во главе движения за расширение полномочий и прав Пенджаба встал до этого малоизвестный сикхский проповедник Джарнаил Сингх Бхиндранвале. По некоторым данным, он первоначально был выдвинут на политическую сцену Санджаем Ганди и министром внутренних дел Индии Заил Сингхом, который до этого был главным

министром Пенджаба. Перед Бхиндранвале ставилась задача расколоть движение, руководимое Акали дал⁸⁸³.

Однако Бхиндранвале быстро продемонстрировал свою независимость. Он принадлежал к высокостатусной касте сикхских джатов-землевладельцев и вовлек эту многочисленную группу в движение за расширение полномочий Пенджаба. За джатами последовали более низкие касты ремесленников, а также сельскохозяйственные рабочие из бывших неприкасаемых. Все они требовали своей доли в успехе «зеленой революции» в Пенджабе, которая обогатила более зажиточные слои общества.

Движению вскоре был придан религиозный характер. Бхиндранвале заявлял, что сикхи стали «рабами в независимой Индии». Он призывал их к религиозному «очищению» и возврату к основам их религии. В 1980 г. группа сикхских студентов собралась в Золотом храме и провозгласила создание независимой сикхской республики Халистан (страны сикхского братства). Президентом республики был объявлен живущий в Лондоне Джагджит Сингх Чоухан. Это заявление было также сделано в Великобритании, США, Канаде и Франции, где жило значительное число сикхов.

Правительство Индии не придавало большого значения этим заявлениям. Его непосредственной задачей было решение проблем, относящихся к противостоянию с новым лидером Акали дал Сант Сингх Лонговалом. Он расположился в Золотом храме и руководил оттуда выступлениями сикхов в поддержку заявленных ранее требований. В другой части Золотого храма создал свой штаб Бхиндранвале, окруженный верными ему вооруженными охранниками.

В это же время произошли столкновения между сторонниками Бхиндранвале и религиозной сектой ниранкари, которая считала себя частью сикхов, но рассматривалась другими сикхами в качестве еретиков, отступников от сикхизма. Последовал ряд громких убийств. Бхиндранвале был арестован, но впоследствии освобожден за недостатком улик и превратился в народного героя. Его антиправительственная риторика стала еще более жесткой. Он позволял себе прямые насмешки и критику в адрес премьер-министра. На вопрос, хотел бы он встретиться с И. Ганди, Бхиндранвале ответил: «Нет, я не желаю этого, но если она хочет встретиться со мной, то может приехать сюда». Он стал открыто выступать против индусов.

5 октября 1983 г. группа террористов остановила на шоссе автобус, отделила индусов и расстреляла их. Это взбудоражило индийскую общественность. На следующий день в Пенджабе было введено президентское правление.

Через некоторое время Бхиндранвале совершил глубоко символическое действие – он расположился в Акал Тахт – здании, по своей

святости уступавшее только Золотому храму. По традиции именно из Акал Тахта сикхские гуру издавали свои эдикты (хукумнама), которые все сикхи должны были исполнять и почитать. В Акал Тахт сикхские воины в средние века приходили получать благословение перед сражениями с угнетателями.

В мае 1984 г. в Пенджабе произошло еще несколько убийств. Бхиндранвале и его люди стали укреплять Золотой храм. В этом им помогал бывший генерал индийской армии Шубег Сингх, отличившийся в войне с Пакистаном в 1971 г. Центральные власти также готовились к столкновению. Ответственным за правительственную операцию был назначен генерал Р.С. Брар, так же, как и Бхиндранвале, сикхский джат. Властями была предпринята последняя попытка договориться с Бхиндранвале. Но она провалилась.

Как сообщалось в печати, премьер-министр «после больших колебаний и сомнений» приняла решение «выдать» Бхиндранвале и его людей из Золотого храма. В соответствии с планом, который получил название операция «Голубая звезда», все должно было завершиться в течение 48 часов и таким образом, чтобы не причинить разрушений Золотому храму, и с минимумом человеческих жертв⁸⁸⁴.

2 июня 1984 г. И. Ганди обратилась по радио ко всем жителям Пенджаба «не проливать кровь и освободиться от ненависти». Но армия уже была готова к атаке. 3 июня все дороги к Амритсару были перекрыты, телефонные линии отключены. В самом Амритсаре введенный раньше комендантский час был временно отменен, чтобы позволить сикхским паломникам отметить годовщину мученической смерти гуру Арджун Дева.

Атаки войск на укрепления вокруг Золотого храма и Акал Тахта начались 5 июня. Но военные недооценили число оборонявшихся, их вооружение, боевой дух и решимость сопротивляться. План операции был на грани срыва. Было запрошено разрешение Дели использовать танки. Утром 6 июня танки (по разным оценкам, от 5 до 13) продвинулись к храму. С этой позиции они начали вести обстрел Акал Тахта. Только к вечеру солдаты смогли проникнуть в Акал Тахт. Там они обнаружили убитыми Бхиндранвале и его соратников.

По данным правительства, в этом бою погибло 4 офицера, 79 солдат и 429 террористов. Другие данные говорят о значительно большем числе жертв: более 500 солдат и 3000 сикхов, включая паломников, попавших под перекрестный огонь⁸⁸⁵. Позже один из сикхских генералов дал такую оценку операции «Голубая звезда»: «Армия была использована, чтобы решить проблемы, созданные правительством»⁸⁸⁶. Тогда индийские политики и политологи сравнивали эту трагедию с другой, происшедшей в том же Амритсаре

в 1919 г. в Джалианвалла багхе, находившимся всего в 10 минутах ходьбы от Золотого храма. Бойня в Джалианвалла багхе привела к массовой национальной кампании несотрудничества против колониального правления.

Операция «Голубая звезда» оставила глубокую рану в сознании сикхов. Даже те сикхи, которые были противниками Бхиндранвале, стали считать, что, несмотря на все его ошибки и преступления, он и его люди «умерли, защищая святой храм от вандалов»⁸⁸⁷. Однако за пределами Панджаба ситуация была иной. Многие придерживались мнения, что И. Ганди поступила правильно, предприняв, хотя и с опозданием, решительные действия против террористов.

Убийство Индиры Ганди

«Победа» в Панджабе подвигнула И. Ганди на решительные действия в штате Джамму и Кашмир, где в июле 1984 г. она отстранила от власти законное, но неугодное ей правительство Фарука Абдуллы. И это несмотря на то, что губернатор штата и ее родственник Б.К. Неру предупреждал не делать этого, поскольку это противоречило конституции. За это он поплатился увольнением с занимаемого им поста⁸⁸⁸.

Спустя один месяц похожее мероприятие было проведено в штате Андхра-Прадеш, где было устранено также законно избранное правительство партии Телугу десам во главе с Рама Рао. По мнению ряда индийских аналитиков, И. Ганди таким образом вела подготовку к следующим выборам в парламент с единственной целью одержать на них победу.

После «Операции голубая звезда» служба безопасности предупредила И. Ганди об угрозе возможного покушения на ее жизнь. Ей советовали заменить личную сикхскую охрану. Она отвергла это предложение.

Утром 31 октября 1984 г. И. Ганди вышла из резиденции и отправилась пешком на встречу с английским режиссером Питером Устиновым, который снимал о ней фильм. Она успела сделать всего лишь несколько десятков шагов по дорожке в своем саду, когда была в упор расстреляна сопровождавшими ее телохранителями Беантом Сингхом и Сатвантом Сингхом (оба эти сикха недавно вернулись из отпуска в Панджабе). По пути в госпиталь Индира Ганди скончалась. Она предчувствовала свою гибель. В записке, найденной после ее смерти, И. Ганди писала: «Если я умру насильственной смертью, чего некоторые боятся, и что другие задумывают совершить, я знаю,

что насилие будет в мыслях и действиях убийцы, а не в моей смерти. Поскольку никакая черная ненависть не может набросить тень на мою любовь к моему народу и моей стране. Никакая сила не может отвернуть меня от моей цели и моего стремления вести страну вперед»⁸⁸⁹.

По получении этого известия ее сын Раджив, находившийся в Калькутте, немедленно прилетел в Дели. В тот же день он был единогласно избран лидером парламентской фракции Конгресса и приведен к присяге президентом страны Заил Сингхом в качестве премьер-министра. Раджив Ганди стал самым молодым руководителем этой огромной и сложной страны. Ему было всего 40 лет.

Смерть Индиры Ганди подвела черту под целым периодом деятельности Конгресса и всей страны. Годы ее пребывания у власти и влияние на развитие событий в стране во многом были сопоставимы с тем, что удалось сделать ее отцу и первому премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру.

Неру смог направить Индию по пути демократического развития, выработать курс смешанной экономики, на основе которого была проведена индустриализация страны, было начато решение основных проблем ее самообеспечения и главное – освобождения от хронического голода. Но все это было только началом пути, на котором приходилось преодолевать огромные трудности, доставшиеся от колониального периода. Неру стоял у истоков политики неприсоединения, которая способствовала росту авторитета Индии на мировой арене. Но у него были и серьезные проблемы во внутренней политике (реорганизация штатов, невыполненные аграрные реформы и т.д.), и даже поражения во внешней – особенно война с Китаем в 1962 г. Несмотря на все это, Неру удалось создать и оставить после себя единую Индию.

Индира Ганди проявила себя как более жесткий, решительный лидер. Особенно это обнаружилось во время войны с Пакистаном в 1971 г., которая закончилась ее победой и ослаблением позиций Пакистана после отделения от него независимого государства Бангладеш. И. Ганди решила и на взрыв ядерного устройства в 1974 г., через 10 лет после того, как Китай испытал атомную бомбу.

Во внутренней политике она провозгласила следование тем же принципам демократии и социальной справедливости, которые были фундаментом всей деятельности Неру. Но в реальной жизни она часто поступалась этими принципами во имя укрепления своей власти. Подтверждением этому стало введенное ею в 1975 г. чрезвычайное положение, а также недемократические, а по существу авторитарные меры, направленные на усиление централизованной власти за счет

ослабления демократических основ самого Конгресса и общества в целом. Все это можно объяснить осложнившейся социально-экономической обстановкой в стране. Но ее деятельность немало способствовала углублению этих проблем и появлению новых, особенно в штатах.

Неру, наверное, хотел, чтобы Индира Ганди стала его преемником на посту лидера. Но он не давал повода обвинить его в семейственности. Беда и трагедия И. Ганди состояла в том, что она как мать пошла на то, что открыто продвигала на высшие партийные и государственные должности сначала одного, а затем и другого сына. Это не способствовало развитию здоровой конкуренции в индийском политическом классе и в самой партии, а, наоборот, вело к разрушению демократических основ и к коррупции, в широком смысле этого слова.

Эпитафией Индире Ганди могли бы послужить слова ее обета на санскрите, во время ведической свадебной церемонии с Ферозом Ганди, которую подготовил Джавахарлал Неру: «Если найдется кто-либо в четырех частях света, кто осмелится лишить нас нашей свободы, знайте! Здесь я стою, меч в моей руке, готовая бороться до конца! Моя молитва – это распространение света свободы. Пусть он светит нам со всех сторон!»⁸⁹⁰.

Глава 25

ПРОБЛЕМЫ И ТРУДНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА РАДЖИВА ГАНДИ

Новые веяния в социально-экономической политике

Раджив Ганди, знакомый с историей погромов после убийства Махатмы Ганди, в своем первом обращении к нации в качестве премьер-министра предупредил своих соотечественников: «Ничто так не может причинить боль душе любимой нами Индиры Ганди, как насилие в любой части нашей страны». Несмотря на это, 1 ноября в Дели начались массовые избиения сикхов под лозунгами «кровь за кровь», «смерть сикхам», «покончим с предателями» и т.п. 2 ноября в другом обращении Раджив Ганди сказал: «В то время как миллионы индийцев скорбят по трагической смерти их лидера, некоторые люди пытаются очернить ее память ненавистью и насилием... С этим надо покончить»⁸⁹¹. Но правительство, по существу,

не предприняло мер для того, чтобы остановить погромы. Полиция бездействовала. Армия была приведена в состояние готовности, но не получила приказа остановить массовые беспорядки. Только в Дели было убито около тысячи сикхов, преимущественно мужчин, сожжены их дома, лавки, магазины. Подвергались осквернению сикхские храмы и священные книги. В целом по стране четыре тысячи сикхов были убиты, около 50 тыс. остались без крыши над головой. Некоторые индийские политики объясняли случившееся «аморальной» позицией правящей партии Конгресс и ее правительства в центре и на местах. Единственным крупным городом, в котором сикхи почти не пострадали, была Калькутта с ее 50 тыс. сикхов, многие из которых были таксистами и, конечно, легко узнаваемыми по тюрбанам и бородам. Правительство Левого фронта во главе с главным министром Джьоти Басу (1915–2010) отдало четкие распоряжения полиции не допустить возникновения каких-либо беспорядков⁸⁹².

Раджив Ганди пришел к власти в чрезвычайно сложной и даже взрывоопасной обстановке. К тому же всего через один месяц после того, как он стал премьер-министром, в стране произошла крупнейшая в ее истории техногенная катастрофа. В г. Бхопал (Мадхья-Прадеш) на химическом заводе, принадлежавшем американской фирме Union Carbide, 3 декабря 1984 г. произошел гигантский выброс ядовитого газа в атмосферу. В течение нескольких часов погибло более 400 человек, а в конечном итоге число жертв достигло 14 тыс., и десятки тысяч (по некоторым оценкам, до 50 тыс.) получили поражения жизненно важных органов. В страхе жители бросились из города. Председатель Union Carbide Уоррен Андерсон прибыл в Индию, был арестован властями штата, но через несколько дней выпущен на свободу и выехал в США. Таким образом он избежал обвинений в индийском суде⁸⁹³.

В этих условиях началась кампания по выборам в парламент. Конгресс проводил ее под лозунгом единства страны: «...нет ничего более важного, чем единство и целостность нашей нации. Индия неделима»⁸⁹⁴. В предвыборном манифесте партии подчеркивалось, что над страной «нависает серьезная угроза ее безопасности и целостности. Силы дестабилизации развили необычайную активность»⁸⁹⁵.

По актуальному вопросу об отношениях между центром и штатами Конгресс заявлял, что его «главный принцип» состоит в том, что штаты должны быть достаточно сильными, чтобы эффективно выполнять свои обязанности в деле социального, экономического и культурного развития общества. В то же время «сильное центральное правительство» необходимо, чтобы защитить единство и цело-

стность страны, обеспечить успех «процесса планирования» и направлять усилия всей страны в интересах поддержания социального и экономического порядка на основе принципов социализма⁸⁹⁶.

Победа Конгресса под руководством Р. Ганди на выборах была ошеломляющей. Он получил почти 50% голосов избирателей и 401 место в парламенте (около 80% депутатских мандатов) – значительно больше, чем этого когда-либо добивался Конгресс при Неру или И. Ганди. Едва ли не главным фактором такой победы была реакция избирателей на пролитую Индирой Ганди кровь. Среди них было заметно больше женщин. Все партии правого спектра индийской политики потерпели сокрушительное поражение. Крупнейшая из них Бхаратия джаната парти получила 7% голосов и лишь два депутатских мандата в парламенте.

После выборов Р. Ганди подтвердил первоочередность задачи укрепления единства страны. В своем обращении к народу 5 января 1985 г. он говорил, что единство Индии имеет определяющее значение, все другое отходит на второй план. Позже в документах юбилейной сессии Конгресса, посвященной 100-летию партии (декабрь 1985 г.), отмечалось, что Конгресс ответил «демократическими и мирными мерами» на «вызов единству и целостности страны». Одновременно указывалось на то, что «между сильным центром и сильными штатами нет противоречий. Фактически обе стороны взаимно поддерживают и укрепляют друг друга... Для Конгресса политический плюрализм, успешно функционировавший под эгидой конституции, воплощает в себе мечты основателей Республики».

Р. Ганди подчеркивал, что социализм является подлинно индийской идеологией, уходящей корнями в историю страны. Он провозгласил задачей правительства экономическое развитие на основе социальной справедливости при «ограничении игры рыночных сил и свободы частного корыстолюбия и жадности». Правительство Конгресса вновь объявило в качестве своего главного приоритета «войну нищете», сокращение разрыва в доходах богатых и бедных и устранение социального и экономического неравенства⁸⁹⁷.

Однако вскоре в деятельности правительства Р. Ганди в экономической сфере начались серьезные изменения. Социалистическая риторика Конгресса все больше стала уступать место рассуждениям о новой технологической революции, «прыжке в XXI век». Подготавливалась почва для более широкого внедрения рыночных отношений в индийскую экономику и большей открытости страны внешнему миру. По существу, был взят курс на либерализацию экономики и ее интеграцию в мировое хозяйство. Основой новой

промышленной политики правительства стали ослабление государственного контроля над производством и распределением продуктов, сокращение промышленного лицензирования, смягчение ограничений на импорт, поощрение независимости предприятий, входивших в государственный сектор экономики. Такая политика дала определенные результаты, в том числе увеличение роста промышленного производства до 5,5% в год. Быстрыми темпами рос средний класс, численность которого, по некоторым оценкам, достигла 100 млн. человек⁸⁹⁸.

В этот период расцвел крупный бизнес, особенно те предприниматели, которые были тесно связаны с правительством. Происходило слияние интересов бизнесменов и крупных чиновников. А на этой основе росла коррупция и взаимное обогащение и тех и других. Эта политика правительства подверглась критике со стороны левых интеллектуалов, которые обвиняли Р. Ганди в поощрении богатых и растущей зависимости от иностранного капитала⁸⁹⁹.

Поменялся жизненный стиль многих политиков. Если раньше для них хорошим тоном была скромность в быту и поведении, простая национальная одежда, путешествия третьим классом в поезде и т.п., то теперь они жили в больших и богато обставленных домах, ездили в роскошных зарубежных автомобилях, останавливались в пятизвездочных отелях и т.д. Их стали называть «новыми махараджами»⁹⁰⁰.

В то же время большая часть Индии продолжала испытывать нищету и лишения. Осенью 1985 г. в ряде районов страны наблюдались засуха и неурожай. Сообщалось о смерти более 1000 человек от голода только в двух дистриктах штата Орисса. В 1987 г. в результате еще более жестокой засухи пострадало, по некоторым оценкам, около 200 млн. человек. Все это привело к массовому недовольству и антиправительственным выступлениям крестьян. В Махараштре их возглавил бывший чиновник Шарад Джоши, в Харьяне и Пенджабе – фермер из джатов Махиндра Сингх Тикаит.

Джоши и Тикаит утверждали, что граница главного конфликта в Индии пролегает между деревней и городом, между городским средним классом и землевладельцами. Для разрешения этого конфликта необходимо повысить цены на продукцию сельского хозяйства и понизить тарифы на электричество для нужд деревни. Эти требования объединили десятки тысяч фермеров, которые в течение длительного времени выступали с демонстрациями и протестными маршами. Однако это движение не затронуло огромную массу деревенской бедноты – издольщиков и сельскохозяйственных рабочих, в основном из низших каст⁹⁰¹.

Примирение центрального правительства с конфликтующими штатами

Убедительная победа Конгресса на выборах позволила Р. Ганди обратиться к решению панджабской проблемы. В результате переговоров с лидером партии Акали дал Лонговалом в июле 1985 г. было подписано соглашение, по которому центр шел на уступки. Он согласился передать г.Чандигарх штату Панджаб, удовлетворить требования штата в перераспределении вод из рек для орошения, пересмотреть в пользу Панджаба отношения центра с ним. Президентское правление было отменено и началась подготовка к выборам в законодательное собрание штата.

На одном из массовых митингов Лонговал был убит двумя молодыми людьми, которые обвиняли его в предательстве «дела сикхов». Это вызвало волну сочувствия и поддержки в пользу Акали дал и осуждения действий экстремистов. В сентябре 1985 г. впервые за всю историю штата на выборах победила Акали дал⁹⁰².

Почти в то же самое время центральное правительство заключило соглашение в Ассаме с Всеассамским студенческим союзом (ВАСС) на следующих условиях: «чужаки», прибывшие в Ассам после 1 января 1966 г., но до 25 марта 1971 г. (когда началась война в Восточном Пакистане), получили разрешение остаться в штате без права гражданства. А тех, кто прибыли позже, следовало депортировать. Так же, как и в Панджабе, было отменено президентское правление и принято решение провести выборы в законодательное собрание штата. ВАСС преобразовался в политическую партию Ассам Гана паришад (Ассамский народный совет – АГП) и на выборах в декабре 1985 г. нанес поражение Конгрессу. Главным министром стал 32-летний Прафулла Маханта⁹⁰³.

Процесс примирения со штатами был продолжен. В июне 1986 г. центральное правительство подписало соглашение с лидером Национального фронта Мизо Лалденга. Впервые Мизорам получил статус штата Индии, а Лалденга возглавил его правительство. В свою очередь, повстанцы сложили оружие и были амнистированы⁹⁰⁴.

В этот период Р. Ганди пользовался большой популярностью, особенно среди молодежи. Он не был вовлечен в какие-либо скандалы. Его открытые, мягкие манеры, приятная внешность вызывали одобрение в народе. Именно тогда его прозвали «г-н Чистый» – большая похвала в обществе, уставшем от коррупции. Его непосредственное окружение и министры, такие же молодые люди, как пра-

вило, не традиционные политики, были хорошо знакомы с современными технологиями. Они заявили о намерении перенести Индию «из XVI в XXI в.», из эпохи «воловьей упряжки в век персонального компьютера».

У одной части общества это вызывало удивление и недоумение. Этим молодых министров насмешливо называли «компьютерными мальчишками Раджива». Другой, более молодой частью населения, Раджив воспринимался как символ «молодости и надежды нового поколения». Он много ездил по стране, «открывал» для себя Индию и встречал благосклонное к себе отношение, чему немало способствовало государственное телевидение (иного просто не было).

«Дело Шах Бано» и обострение религиозно-общинных отношений

Во время пребывания правительства Р. Ганди у власти ему довелось столкнуться с еще одним кризисом, который в конечном итоге сводился к вопросу об отношении государства к двум крупнейшим религиозным общинам – индусской и мусульманской. Он вызвал дискуссию в стране, в которую были вовлечены как широкая общественность, так и политики. Суть проблемы состояла в следующем.

В 1981 г. мусульманин А.М. Хан обратился в Верховный суд Индии с протестом против решения одного из местных судов, по которому он должен был выплачивать своей разведенной жене, 70-летней Шах Бано, пожизненное пособие. Хан настаивал на том, что он уже выплатил ей положенное трехмесячное содержание и, таким образом, у него нет перед ней каких-либо иных обязательств в соответствии с частным мусульманским правом, которое было сохранено и в независимой Индии.

В апреле 1985 г. дело Шах Бано начал рассматривать Верховный суд, который подтвердил правильность вердикта местного суда. В ходе процесса главный судья подчеркнул, что в вопросах алиментирования преимущество отдается Уголовно-процессуальному кодексу, а не частному праву, и женщины из мусульманской общины после развода так же, как и женщины из всех других религиозных общин, имеют право на содержание от бывшего мужа. После чего он заявил о назревшей необходимости провести через парламент Индии закон о едином гражданском кодексе для всех религиозных общин и что мусульманская община должна заняться вопросами реформирования ее частного права.

Мусульманские клерикалы восприняли решение Верховного суда как вмешательство в дела их общины и наступление на ислам. Но наиболее продвинутая мусульманская интеллигенция поддержала это решение суда, ссылаясь на авторитетные исламские источники, которые свидетельствовали о том, что после развода муж должен материально поддерживать бывшую жену вплоть до ее повторного замужества или смерти.

Дискуссия вокруг этого решения Верховного суда быстро приобрела политическую окраску. В июле 1985 г. один из членов парламента предложил законопроект об освобождении мусульман от ответственности по Уголовно-процессуальному кодексу в отношении брака и семьи. Против этого законопроекта выступил министр правительства Ариф Мохаммед Хан, который пользовался поддержкой премьер-министра Р. Ганди. При голосовании в парламенте законопроект был отклонен. Таким образом, правительство и парламента, по существу, выступили в поддержку решения Верховного суда по делу Шах Бано.

Однако на этом дело не завершилось. Дискуссия вышла за пределы парламента – на улицы. Вокруг судебного вердикта началась острая политическая дискуссия. Мусульманские ортодоксы требовали отмены решения Верховного суда, ссылаясь на преимущество мусульманского частного права над Уголовно-процессуальным кодексом. В мечетях раздавались голоса, осуждавшие решение Верховного суда и поведение Шах Бано. Ее называли «неверной». Напуганная таким поворотом дела, Шах Бано была вынуждена отказаться от решения Верховного суда и заявила, что выступает против судебного вмешательства в частное мусульманское право⁹⁰⁵.

Личное дело Шах Бано на этом закончилось. Но начались его политические последствия. В конце 1985 г. Конгресс потерпел поражение в ряде дополнительных выборов в Северной Индии. Противники Конгресса использовали религиозные настроения мусульман в районах с их преобладающим населением. Они осуждали решение Верховного суда и поддержавший его Конгресс.

Отход части мусульман от Конгресса встревожил правительство Р. Ганди. В результате оно полностью пересмотрело свою позицию. Более того, правительство выступило с осуждением вердикта Верховного суда по делу Шах Бано, назвав его «дискриминационным и полным противоречий». Как писали некоторые индийские издания, Конгресс сам «признал мусульманских фундаменталистов как единственных представителей их общины»⁹⁰⁶.

Но правительство Р. Ганди пошло еще дальше. В 1986 г. оно внесло в парламента законопроект, направленный на то, чтобы дезавуировать решение Верховного суда по делу о Шах Бано. В мае 1986 г.

он был принят и получил название «Закон о защите прав мусульманок (на развод)»⁹⁰⁷. Этот закон полностью исключил из поля действия Уголовно-процессуального кодекса разведенных мусульманок и передал решение их судеб в ведение мусульманского частного права, лишив возможности обращаться в гражданский суд, и, как результат, дискриминация мусульманок по сравнению со всеми остальными индийскими женщинами.

Этот шаг по умиротворению консервативной части мусульманской общины вызвал резкий протест передовой общественности, квалифицировавшей его как ретроградный, и острую реакцию в общественно-политических кругах страны. Он поставил под сомнение прочность устоев индийского государства и секуляризма, заложенных курсом Неру⁹⁰⁸.

В этом кризисе, который напрямую был связан с политикой Конгресса в отношении мусульман, Р. Ганди пошел на поводу у мусульманских консерваторов из-за боязни потерять голоса мусульман на выборах. Однако в конечном итоге это нанесло большой ущерб его партии.

Вместе с тем правительству Р. Ганди предстояло выдержать еще одно испытание. Дело в том, что рост мусульманского фундаментализма в стране был в большой степени отражением усиления шовинистических настроений в индусской общине. Это было другой стороной медали растущей религиозно-общинной розни.

С начала 1980-х годов происходил заметный рост влияния индусских консервативных сил, объединившихся вокруг преобразованной в 1980 г. Бхаратия джаната парти, а также близких ей по духу и идеологии таких влиятельных индусских организаций, как РСС и Вишва хинду паришад.

Хрупкое равновесие между двумя главными религиозными общинами, с большим трудом, огромными усилиями и политическим тактом завоеванное и сохраненное прогрессивными индийскими общественными, культурными и политическими деятелями, стало подвергаться испытаниям на прочность.

Лидер Бхаратия джаната парти Л.К. Адвани писал, что принятие Закона о защите прав мусульманок (на развод) в 1986 г., который аннулировал решение Верховного суда, было явно направлено на поощрение мусульманского блока голосов. Оно вызвало сильную волну недовольства среди индусов (а также среди умеренных мусульман) и превратило это судебное решение во всеиндийское событие. «Никогда за годы независимости Индии, – продолжал Адвани, – мусульманские организации не прибегали к движению на национальном уровне для оказания давления на правительство. Ситуация изменилась после дела Шах Бано»⁹⁰⁹.

1 февраля 1986 г. дистриктовый судья в г. Айодхья (штат Уттар-Прадеш) распорядился снять замки с дверей небольшого храма, чтобы индусы могли в нем молиться. Это был особый храм. Он находился внутри большой мечети, построенной в XVI в. генералом могольского императора Бабура (отсюда и название – мечеть Бабура). Индусы считали, что именно в этом месте родился бог Рама, и храм, посвященный ему, был построен задолго до мечети. Индусы называли это место *Рамджанмабхуми* (буквально: «земля, на которой был рожден Рам»). В XIX в. происходили неоднократные столкновения между индусами и мусульманами за право обладать этим местом. Британские власти предложили компромисс: мусульмане могут молиться внутри мечети, а индусы – на построенной снаружи своеобразной платформе.

Более поздняя история храма Рамы гласит, что в 1949 г. один из чиновников разрешил установить внутри мечети идол младенца Рамы. Все это было сделано под прикрытием темной ночи. Верующие индусы поверили в сотворение чуда, означавшее, что божество требует вернуть ему место его рождения. Крайне обеспокоенный этими событиями премьер-министр Неру направил 26 декабря 1949 г. телеграмму главному министру штата Уттар-Прадеш Говинд Валлабх Панту: «Я озабочен развитием событий в Айодхье. Я очень надеюсь, что вы лично примите участие в этом деле. Создается опасный прецедент, который будет иметь плохие последствия»⁹¹⁰. Тогда же проблема в Айодхье была решена следующим образом: доступ индусов к божеству был закрыт, однако один день в году – в декабре – они могли войти в храм Рамы и помолиться богу.

В начале 1980-х годов тлевший в течение долгих лет конфликт вокруг храма Рамы и мечети Бабура разгорелся вновь. В октябре 1984 г. Вишва хинду паришад развернул массовую агитацию за «освобождение места, где был рожден бог Рама». Многочисленные индусские монахи и святые из почитаемых старых храмов откликнулись на эти призывы. Были организованы массовые демонстрации и публичные митинги индусов, на которых звучало требование освободить бога Раму из «мусульманской тюрьмы». Местный адвокат подал в суд иск, требуя разрешить допуск индусов к храму Рамы. Именно по этому иску дистриктовый судья принял решение открыть замки на дверях храма Рамы и разрешить индусам входить в него для молитвы. Замки тотчас же были открыты, и последователи бога Рамы ринулись в храм.

Некоторые индийские обозреватели полагали, что существовала прямая связь между принятием Закона о защите прав мусульманок (на развод) и решением дистриктового судьи о храме в Айодхье. Даже утверждалось, что храм бога Рамы был открыт по решению пре-

мьер-министра. Таким образом, уступка мусульманским фундаменталистам в деле Шах Бано компенсировалась уступкой индусским шовинистам. Если Закон о защите прав мусульманок преследовал своей целью привлечение голосов избирателей-мусульман, то открытие храма Рамы в Айодхье было рассчитано на голоса индусов. Известный обозреватель Нирджа Чоудхури писал: «Проводимая правительством политика умиротворения обеих общин с целью достичь преимущества на выборах представляет собой порочный круг, из которого будет крайне трудно выйти»⁹¹¹.

1 февраля 1989 г. около 100 тыс. индусских монахов и жрецов собрались в святом для индусов месте слияния рек Ганга, Джамуны и подземной священной реки Сарасвати около Аллахабада по случаю массового религиозного праздника Кумбх мела⁹¹². Они заявили, что 10 ноября 1989 г. в основание храма Рамы в Айодхье будет возложен краеугольный камень. Там же было решено, что для строительства этого храма в каждой из сотен тысяч индийских деревень, и даже за пределами Индии, будут изготовлены и освящены *шила* (кирпичи). Затем эти освященные кирпичи будут доставлены в Айодхью *карсеваками* (добровольными служителями в храмах), чтобы воздвигнуть из них храм Рамы. В июне 1989 г. руководство БДП приняло решение по ситуации в Айодхье. Его суть состояла в следующем: чувства индусов следует уважать, поэтому место рождения бога Рамы должно быть передано индусам, по договоренности с мусульманами или посредством принятия соответствующего закона. БДП обратилась к правительству Р. Ганди с просьбой положительно решить проблему Айодхьи. Но, пишет Адвани, Конгресс не занял позицию последовательной поддержки дела Рамаджанмабхуми. «Конгресс и Раджив Ганди колебались и даже отступали в критические моменты. У нас также все большее беспокойство вызывало враждебное отношение некоторых мусульманских организаций к законным требованиям индусской общины в Айодхье». Адвани ссылаясь на то, что Всеиндийский комитет действий по мечети Бабура (ВКДМБ) пытался мобилизовать мусульман по всей стране под лозунгом «Ислам в опасности». Если бы Конгресс внял просьбе БДП, то наша партия не присоединилась бы к движению в Айодхье таким образом, как она потом это сделала, признавался Адвани⁹¹³.

Тревожная ситуация в Айодхье оказала большое влияние на положение в Индии, особенно на севере страны. Так, в г. Бхагалпур (штат Бихар) в ноябре 1989 г. произошли межобщинные столкновения между индусами и мусульманами. Погибло несколько сотен мусульман, еще больше осталось без домов, которые были разгромлены или сожжены. Активную роль в этом вандализме сыграли члены РСС.

События в Айодхье и Бхагалпуре привели к еще большему отчуждению мусульман и индусов. Мусульмане заявляли, что Конгресс отказывается поддерживать их. В свою очередь, значительная часть индусов, особенно средний класс, стала выступать в поддержку БДП⁹¹⁴.

Новые этнические и религиозные проблемы

Если в начале своего пребывания у власти правительство Р. Ганди весьма успешно справилось с этническими и религиозными конфликтами в Ассаме, Мизораме и Панджабе, то в последующие годы ему пришлось столкнуться с новыми вызовами в этой же сфере.

В 1986 г. в Западной Бенгалии Национальный освободительный фронт гуркхов (непальцев) потребовал создания для них отдельного штата. Мирные выступления гуркхов перерастали в жесткие столкновения с полицией. В конечном итоге после встречи премьер-министра с лидером гуркхов Субхашем Гхисингхом удалось принять компромиссное решение о создании автономного совета для гуркхов⁹¹⁵. Но на этом проблема не была решена.

В Ассаме племена бодо потребовали создания для них отдельного штата. На этой почве возникли конфликты и столкновения с ассамцами, которые унесли много жизней⁹¹⁶.

Вновь накалилась обстановка в Панджабе. Центральное правительство не передало г. Чандигарх этому штату, как ему ранее было обещано. В тому же была еще жива память об операции «Голубая звезда» и антисикхских погромах в Дели и других городах. На этой почве вновь появились лозунги о создании независимого Халистана. Начались акты террора, убийства индусов, число которых превысило число жертв во время первого выступления сикхов под руководством Бхиндранвале. В ответ на это правительство увеличило полицейский контингент в штате до 34 тыс. человек. В свою очередь, сикхские боевики провели ряд террористических актов в Дели и других городах Северной Индии. В мае 1988 г. правительственный спецназ успешно справился с боевиками, засевшими в Золотом храме. Они были окружены, лишены доступа к воде и пище и после трех суток осады сдались⁹¹⁷.

В 1987–1989 гг. вновь возникли проблемы в Кашмире, в котором был создан Объединенный мусульманский фронт, требовавший более широкой автономии для штата. Группы молодых людей проходили в Пакистан, где проходили подготовку в лагерях, созданных пакистанской армией. Затем они возвращались обратно с оружием и опытом ведения подрывных действий. Только в первой половине

1989 г. было зарегистрировано около 100 нападений на полицию и мирных жителей. По разным данным, было убито более 50, ранено 250 человек⁹¹⁸.

В это же время разгорелся долго тлевший этнический конфликт в Шри Ланке между сингалами и тамилами. Несмотря на все внутренние проблемы Индии, правительство Р. Ганди откликнулось на просьбу президента Шри Ланки и попыталось оказать ему помощь в решении этого конфликта. Там в течение ряда лет шла, по существу, гражданская война между сингальским большинством и тамильским меньшинством. Противостояние началось, когда правительство Шри Ланки объявило сингальский язык официальным языком этого государства. Тамилы потребовали таких же прав для своего языка. Получив отказ, они вышли на улицы с мирным протестом, который перерос в вооруженную борьбу. Позже была создана организация «Тигры освобождения Тамил илама» под руководством В. Прабхакарана, которая стала требовать создания отдельного государства на северо-востоке Шри Ланки, где тамилы составляли большинство населения. Столкновения между правительственными войсками и тамильскими боевиками приобрели ожесточенный характер и вылились в затяжную войну⁹¹⁹.

В этих условиях летом 1987 г. президент Шри Ланки попросил Р. Ганди выступить в роли посредника-примирителя. В соответствии с соглашением между Коломбо и Дели, индийский миротворческий контингент должен был быть переброшен в Шри Ланку, армия Шри Ланки – уйти в армейские бараки, а боевики – разоружиться.

С июля 1987 г. индийские войска начали прибывать в Шри Ланку. В конечном итоге число солдат достигло 48 тыс. Их присутствие вызвало неприязнь сингальских националистов, которые усмотрели в этом покушение на суверенитет их страны. Тамильские боевики также не были довольны тем, что от них требуют разоружиться. В качестве условия этого они выдвинули требование не только освободить из тюрем всех тамильских заключенных, но и очистить восточную часть Шри Ланки от «сингальских колонизаторов». Переговоры индийского командования с «Тиграми освобождения Тамил илама» ни к чему не привели. В октябре 1987 г. индийские подразделения атаковали штаб-квартиру боевиков в г. Джаффне, захватили ее, но понесли большие потери. Тамильские боевики ушли в лес, откуда периодически нападали на индийских солдат.

Миротворческий индийский контингент в Шри Ланке превратился в глазах местных жителей в «оккупационную армию». Пресса писала, что Шри-Ланка стала для Индии ее «Вьетнамом». По мере того как из Шри Ланки начали поступать тела убитых солдат, в Ин-

дии усилились требования вернуть армию на родину. С лета 1989 г. до весны 1990 г. армия была выведена из Шри Ланки. Более 1000 солдат и офицеров были убиты в этой «мирной» операции.

Коррупция в высших эшелонах власти

На этом фоне в самом правительстве Конгресса происходили события, которые также вели к подрыву его авторитета. Министр финансов Вишванатх Пратап Сингх начал кампанию против крупных корпораций, обвиняемых в неуплате налогов. Это привело к росту разногласий в кабинете министров. В.П. Сингх был сначала переведен на пост министра обороны, а затем вообще уволен из кабинета министров, когда стал настаивать на расследовании так называемого дела Бофорс⁹²⁰.

Это дело возникло в связи с продажей в 1986 г. шведской компанией Бофорс крупной партии 155-миллиметровых гаубиц вооруженным силам Индии. В апреле 1987 г. государственное радио Швеции сообщило, что большие суммы денег были выплачены посредникам в этой сделке. В течение последующих двух лет индийская пресса и оппозиция требовали назвать имена посредников и наказать их. Однако правительство Р. Ганди хранило молчание. Это вызвало подозрение в том, что посредники связаны лично с премьер-министром. Индийские СМИ опубликовали материалы о том, что при решении вопроса о приобретении гаубиц в результате конкуренции между Бофорс и некоей французской компанией руководство индийских вооруженных сил отдало предпочтение французам. Однако, несмотря на это, заказ на гаубицы был отдан компании Бофорс якобы по поручению политического руководства. Дальнейшие расследования документально показали, что в покупке шведских гаубиц действовал посредник, который работал в Дели в качестве агента одной итальянской многонациональной компании. По тем же данным, он и его семья, как полагали, установили связи с женой премьер-министра Сонеи Ганди. Высказывались мнения, что посредники, получившие эти комиссионные, каким-то образом были связаны с премьер-министром. Раджив Ганди отрицал свое участие в «деле Бофорс». Однако этот вопрос широко обсуждался в политических кругах Индии и нанес серьезный ущерб его репутации⁹²¹.

В 1988 г. правительство Р. Ганди пыталось провести законопроект по ограничению свободы прессы, который предусматривал тюремное заключение для редакторов и владельцев печатных изданий, если они виновны в «оскорбительных публикациях» или в «крими-

нальных попытках запятнать чью-либо репутацию». Как полагали индийские наблюдатели, этот законопроект был реакцией на публикацию материалов о коррупции. Он встретил коллективный протест издателей газет и резкую оппозицию в парламенте. В конечном итоге законопроект был снят с рассмотрения⁹²².

Незадолго до очередных парламентских выборов правительство Р. Ганди провело в 1989 г. широкое празднование 100-летия со дня рождения Джавахарлала Неру, в котором отдавалась дань его крупному вкладу в строительство независимой Индии. Вместе с тем в подтексте читалось, что именно семья Неру всегда была самым преданным хранителем и защитником интересов страны⁹²³.

Однако в обществе продолжали обсуждать вопросы, связанные с коррупцией в высших эшелонах власти. В общественном мнении отставка В.П. Сингха связывалась с его противодействием этой коррупции. Именно он приобрел в глазах многих облик «чистого политика». После разрыва отношений с Р. Ганди и выхода из Конгресса В.П. Сингх выступил на дополнительных выборах в парламент от округа в Аллахабаде в июне 1988 г. в качестве кандидата от объединенной оппозиции и одержал победу над кандидатом Конгресса. С этого времени он стал центром притяжения антиконгрессистских сил. В октябре 1988 г. В.П. Сингх основал Джан морча (Народный фронт), который объединился с бывшей Джаната парти, и таким образом была создана Джаната дал (Партия народа). В свою очередь, Джаната дал вступила в предвыборный союз с рядом региональных антиконгрессистских партий (Телугу десам, Дравид муннетра кажагам, Конгресс (С) и Ассам гана паришад) и образовала Национальный фронт⁹²⁴.

Глава 26

УСИЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ КАСТ

Кастовая система, существовавшая в течение тысячелетий, не исчезла после получения Индией независимости. Однако это не означало, что она не изменилась за эти годы. Социально-экономические и политические преобразования в обществе оказали немалое воздействие на внутрикастовые и внекастовые связи. Особенно заметно эти изменения стали проявляться в политической жизни страны. Если после достижения независимости о касте практически не говорили

вслух, то в 1960-х годах политологи и особенно социологи обратились к более глубокому изучению такого явления, как каста и кастовая система⁹²⁵.

Каста как устойчивая система правил «ритуальной чистоты и осквернения» в современной Индии подвергается изменениям, но продолжает сохраняться ее зависимость от общей крови и членства по рождению, что напрямую связано с браком внутри касты. А.А. Куценков считает, что каста как универсальная структура пронизывает все уровни, институты и сферы общественной и духовной жизни Индии. «Это всепроникающая структура. Она обнимает все другие, как традиционные, так и современные, общности – семейные, клановые, племенные, этнические, лингвистические, религиозные, региональные, культурные, профессиональные, классовые»⁹²⁶. Традиционность кастовой организации индийского общества, объясняет М.К. Кудрявцев, выражается в том, что «при сложнейшем кастовом режиме кастовое общество не имеет никакой формальной всекастовой организации, никаких ни общих управляющих или административных органов, ни верховных авторитетов и руководителей... кастовая система функционирует традиционно и автономно от всяких властей»⁹²⁷. Общественное мнение внутри касты, этого замкнутого самовоспроизводящегося коллектива, выполняло и во многом продолжает выполнять роль основного механизма контроля за соблюдением установлений брахманского жречества, в чьем распоряжении всегда имелись такие грозные санкции, как социальный бойкот и, теперь реже, изгнание из касты, которые по силе воздействия были равны гражданской смерти.

Кастовая система не претерпевает фундаментальных изменений в силу того, что главную роль в ее сохранении играет эндогамия (когда брак должен заключаться внутри касты или подкасты). На это обращает внимание американский социолог Мортон Класс. Ни одно из многочисленных изменений и стрессов, которые испытала Южная Азия за последние сто лет, не сказалось в решающей степени на правиле эндогамии. Изменились род занятий, диетические нормы и многое другое. Но до сих пор для любой семьи, исключенной из любого брачного круга, в любом регионе сельской местности в Южной Азии, почти невозможно найти супругов своим детям. И система продолжает действовать без какого-либо ущерба для себя⁹²⁸.

Членство любого индивида в касте/подкасте оказывает важное и определяющее воздействие на его положение во всем обществе. Именно сохранение касты продолжает быть питательной базой для ретроградной идеологии кастового превосходства или недостаточности, чистоты или осквернения, и т.п. Свидетельство определенной

привязанности к касте можно обнаружить практически в любой части индийского общества – среди врачей, юристов и ученых, не говоря уже об администраторах, менеджерах и бизнесменах. Сильнее всего эти кастовые начала проявляются среди простого народа.

Индийский социолог А. Бетей замечает: «Было бы странным, если то, что занимало такое центральное место в обществе, потеряло бы все положительное значение для его членов только потому, что они поменяли свои законы, или перешли на другую систему образования, или обрели новые виды занятий». Если мы хотим понять, что происходит с кастой в современной Индии, пишет Бетей, нам придется собрать новые данные, разработать новые понятия и, прежде всего, приступить к изучению этого явления с более открытым умом, чтобы не игнорировать отличительные черты индийского общества, но и не преувеличивать разницу между Индией и Западом⁹²⁹. Так или иначе, но и в начале XXI в. кастовая система является важной частью индийской социальной жизни и продолжает играть заметную роль в обществе.

Большое значение каст и кастовой идентичности в политической жизни особенно ярко стало проявляться с середины XX в. в связи с подъемом «прочих отсталых классов/каст» (ПОК) – социальных групп, составляющих более 50% населения страны и расположенных между зарегистрированными кастами, которые находятся на нижней ступени кастовой иерархии, и высшими кастами – брахманами (и раджупутами на севере страны) – наверху кастовой системы.

Укрепление экономических позиций отсталых каст и увеличение их удельного веса в общественно-политической жизни в результате преобразований в стране за годы независимого развития дали возможность этим кастам остро поставить вопрос о более адекватном их представительстве в тех сферах жизни, которые традиционно считались едва ли не исключительной привилегией высших каст: образование, государственная служба и, наконец, властные структуры – правительство, парламент, законодательные собрания штатов, Верховный суд и т.п. С их выходом на политическую арену Индии во весь рост встал вопрос о выполнении конституционных гарантий в отношении этих «прочих отсталых классов».

В политической жизни это проявилось, например, в том, что на парламентских выборах 1977 г. многочисленные крестьянские касты в штатах хиндиязычного пояса и Гуджарате сплотились вокруг коалиционного блока Джаната парти (Народная партия), который одержал победу над Конгрессом. Эти касты заявили о своих экономических и политических требованиях. Под их давлением главные министры правительств блока Джаната парти в Уттар-Прадеше (1977 г.) и

Бихаре (1978 г.) – сами выходцы из этих каст – ввели резервирование для «прочих отсталых классов». Это вызвало протест высших каст, что в конечном итоге привело к отставке этих руководителей в обоих штатах и закончилось расколом в блоке Джаната парти в центре.

Тем не менее, правительство Джаната парти в 1978 г. назначило Комиссию по отсталым классам под председательством бывшего члена парламента Биндешвар Прасад Мандала. Ей было поручено изучить социально-культурное положение зарегистрированных каст, зарегистрированных племен и «прочих отсталых классов» и предложить парламенту рекомендации в отношении представительства этих слоев населения в государственных учреждениях и высших учебных заведениях.

Деятельность комиссии Мандала

Одной из задач, стоявших перед комиссией Мандала, было определить, какие слои населения отнести к категории «прочие отсталые классы». В своей работе она использовала обширные материалы первой комиссии по «отсталым классам» (1953–1955 гг.), отчет которой в свое время был отклонен правительством Индийского национального конгресса⁹³⁰. Она также ознакомилась с концепциями социальной и культурной отсталости, выдвигаемыми правительствами всех штатов и предлагаемыми ими мерами по ее преодолению. По этому же вопросу высказалось большинство членов тогдашнего парламента. Созданная комиссией экспертная группа во главе с профессором М.Н. Сринивасом провела специальное социально-культурное обследование на основе выработанных ею одиннадцати индикаторов отсталости. Свои материалы представили также Институт социальных наук имени Таты, Антропологическая служба Индии, Индийский совет по социальным наукам, Центр по изучению развивающихся обществ, Национальный институт труда, Институт экономического роста и другие организации.

Комиссия Мандала учитывала как традиционную структуру индийского общества, так и достижения страны в социально-экономической и политической сферах за годы независимого развития. Подход комиссии к проблеме «отсталых классов» определялся прежде всего конституцией, провозглашавшей равенство всех граждан и запрещавшей дискриминацию на основе религии, расы, касты, пола, языка, а также обеспечивавшей всем гражданам Индии социальную, экономическую и политическую справедливость. По мнению комиссии, социальная справедливость предполагает равенство среди рав-

ных, а не обращение с неравными как с равными, поскольку это приводит к увековечению неравенства: «Когда мы позволяем слабому и сильному соревноваться на равной основе, – говорится в отчете комиссии, – мы играем в заранее выигранную сильным игру... Такой подход обеспечивает выживание сильнейшего, что является законом джунглей. Гуманность общества определяется степенью защиты, которой оно обеспечивает более слабых, отсталых и менее способных членов».

Комиссия пришла к выводу, что культурно и социально отсталые касты одновременно являются и экономически отсталыми. Поэтому большинство таких каст идентифицировались как «отсталые классы».

В своей работе комиссия исходила из того, что кастовая система продолжает оказывать свое воздействие и на неиндусские общины, хотя и в разной степени. После обращения в иные религии бывшие неприкасаемые во многом придерживались поведенческой модели кастовой системы. А неиндусские меньшинства (мусульмане, христиане, сикхи, буддисты и др.) также полностью не смогли избавиться от социально-культурного влияния кастовой системы.

И, тем не менее, комиссия Мандала совершенно определенно заявила, что, когда речь идет о неиндусских общинах, каста не может быть основой для идентификации социально и культурно «отсталых классов». Поэтому она решила, во-первых, отнести к группе неиндусских «отсталых классов» всех неприкасаемых, обращенных в неиндусские религии, и, во-вторых, зачислить в эту категорию все неиндусские общины, которые по роду традиционных занятий аналогичны индусским «отсталым кастам».

Авторы отчета приняли во внимание изменения, которые произошли за 40 лет в социально-экономическом и культурном положении целых кастовых конгломератов. Взяв за ориентир данные переписи населения 1931 г. (последняя перепись, в которой содержались сведения о кастовом составе населения), они произвели сложные расчеты, в результате чего была предложена следующая классификация из пяти групп: 1) зарегистрированные касты (по данным переписи населения 1971 г. – 15,05%) и зарегистрированные племена (7,51%); 2) развитые индусские касты и общины (17,8%); 3) отсталые индусские касты и общины (43,8%); 4) неиндусские общины и религиозные группы (16,6%); 5) отсталые неиндусские общины (8,4%).

В группу «развитые индусские касты и общины» были включены брахманы (5,52%), раджпуты (3,9%), каястха (1,07%), вайшья и банья (1,88%), а также бывшие земледельческие (шудрянские) касты маратха (2,21%) и джатов (1%) и другие группы (2%).

«Отсталые индусские касты и общины» составили среднюю промежуточную группу между развитыми и низшими (зарегистрированными) кастами. В ней преобладали крестьянские земледельческие касты, из числа которых в результате аграрных реформ сформировалось ядро зажиточных землевладельцев.

К категории «прочие отсталые классы» комиссия отнесла третью и пятую группы – всего 52% населения. Ею была проделана большая работа по подсчету доли представителей указанных групп населения в государственных учреждениях, в результате чего выяснилось, что зарегистрированные касты и племена, использующие систему резервирования, заполняли 18,7% рабочих мест, «прочие отсталые классы» – 12,5%, в то время как львиная доля этих мест доставалась представителям «развитых индусских каст и общин» – 68,8% рабочих мест. Наиболее слабо были представлены в государственных учреждениях и высших учебных заведениях «прочие отсталые классы».

Учитывая тот факт, что «прочие отсталые классы» составляли больше половины населения страны, а уровень их представительства в администрации, на госслужбе и предприятиях госсектора был даже ниже, чем у зарегистрированных каст и племен, комиссия Мандала рекомендовала ввести и для них резервирование 27% мест, принимая во внимание как требование Верховного суда о том, что общая квота резервирования не может превышать 50%, так и то, что 22,5% мест уже закреплено конституцией за зарегистрированными кастами и племенами.

Резервирование распространялось на государственные должности в учреждениях центра, на предприятиях госсектора и в национализированных банках, на частных предприятиях, получающих финансовую помощь от государства, в технических и профессиональных институтах и учебных заведениях как в центре, так и в штатах.

Кроме резервирования, рассматриваемого как паллиатив, который не может решить принципиальные проблемы отсталости, предлагались другие меры, в том числе проведение коренных земельных реформ. Преодоление социально-культурной и экономической отсталости, по мнению комиссии, возможно только в результате структурных преобразований и радикальной трансформации производственных отношений в пользу этих классов.

Составленные комиссией Мандала списки «прочих отсталых классов» по каждому из штатов и союзных территорий охватили в общей сложности две тысячи каст и общин (в Карнатаке – 333, Андхра-Прадеше – 292, Тамилнаду – 288, Мадхья-Прадеше – 279, Махараштре – 272, Керале – 208, Бихаре – 168, Уттар-Прадеше – 116 и т.д.)⁹³¹.

Отчет комиссии Мандала был завершен в 1980 г. и представлен парламенту страны и правительству Конгресса во главе с Индирой Ганди. Хотя отчет вызвал много критики, правительство обещало реализовать часть рекомендаций комиссии Мандала. Признавалась необходимость увеличить существовавшую квоту резервирования в тех штатах, где она была меньше 50%. Властям штатов была предоставлена возможность решать эту проблему с учетом местной специфики⁹³².

Такой подход к проблеме был вызван далеко не одинаковым соотношением различных каст в отдельных штатах. Поэтому реализация этой рекомендации в практической политике варьировала от штата к штату. Общим было то, что правящие на местах партии стремились использовать резервирование для укрепления своих позиций. В 1980-е годы это было характерно для конгрессистских правительств в Мадхья-Прадеше и Гуджарате, правительства Объединенного демократического фронта в Керале во главе с Конгрессом, а также для правительства партии Телугу десам в Андхра-Прадеше⁹³³.

Однако вопрос о резервировании в учреждениях центрального правительства был, по существу, отложен на неопределенный срок.

Организации отсталых каст не удовлетворились таким положением и усилили агитацию в пользу резервирования. Они выдвинули угрожающий лозунг: «Конгресс не получит наши голоса, если не признает рекомендации комиссии Мандала»⁹³⁴. Конгресс был вынужден учесть эти настроения. В канун парламентских выборов 1984 г. в двух штатах – Мадхья-Прадеше и Гуджарате, где проводились выборы в законодательные собрания, – правительства объявили о заметном увеличении доли мест, резервируемых для «прочих отсталых классов». В результате Конгрессу удалось привлечь на свою сторону значительную часть избирателей из отсталых каст, что содействовало его успеху на выборах в этих штатах и в какой-то мере сбалансировало наметившееся после 1980 г. усиление влияния раджпутских каст.

Разгул кастеизма

Изменения в соотношении кастовых сил в правящих группировках в различных штатах не привели к ослаблению межкастового соперничества. Если в южных штатах основная борьба за власть шла внутри землевладельческой верхушки, представленной средними кастами, то в штатах хиндиязычного пояса (кроме Харьяны) эта борьба была более многоплановой: она велась между высшими и крестьянскими кастами, а также непосредственно внутри высших каст. В ней немаловажную роль играли многочисленные зарегистрированные касты.

Эта борьба шла в условиях роста общественного и политического влияния далитов, которые все настойчивее отстаивали свои законные права на оплату труда, на землю, протестовали против социальной дискриминации и жестокого обращения с ними.

В отличие от деревни, где кастеизм нередко приводил к тому, что весь социальный организм как бы раздваивался на противоборствующие части – «чистые» касты и далиты, в городе водораздел наметился между высшими кастами и всеми остальными, входившими в категорию «отсталые классы». Противниками резервирования мест в государственных учреждениях и высших учебных заведениях были исключительно организации высших каст. Именно они вели борьбу против попыток увеличить число этих мест в пользу «прочих отсталых классов».

Успешная попытка Конгресса привлечь на свою сторону отсталые касты накануне выборов 1984 г. в Мадхья-Прадеше и Гуджарате за счет увеличения их квот в учреждениях и учебных заведениях государственного сектора имела и негативные последствия. Она вызвала массовые протестные выступления студенчества из высших каст. Эти выступления, длившиеся в Гуджарате более года, получили поддержку Бхаратия джаната парти и даже отдельных конгрессистов, кандидатуры которых Конгресс отказался выдвинуть на выборах. В результате столкновений между организациями высших каст, с одной стороны, и отсталых каст и далитов – с другой, погибло несколько сот человек. Для наведения порядка правительству пришлось ввести армейские подразделения.

Политически мотивированные выступления против расширения системы резервирования сопровождались кровопролитием в Бихаре и Уттар-Прадеше (1977–1978 гг.), Гуджарате (1980–1981 гг.), Мадхья-Прадеше и снова в Гуджарате (1985 г.). Высшие касты продолжали считать, что право занимать должности на государственной службе и учиться в престижных высших учебных заведениях является их исключительной привилегией, и не хотели делить ее с представителями других каст.

Во время этих событий организации высших каст выдвинули требование полной отмены всякого резервирования, в том числе для зарегистрированных каст и племен. Это вызвало недовольство как отсталых каст, так и далитов, которые впервые объединились в борьбе против засилья высших каст на государственной службе, в полиции и т.п. Так, партия «Пантеры далитов» заявила, что отмена резервирования не только усугубила бы положение низов, но и привела бы к настоящей «межкастовой войне»⁹³⁵.

Если конгресси́стскому правительству во главе с Дж. Неру удалось замолчать отчет первой комиссии по «отсталым классам» 1955 г., то правительство И. Ганди уже не могло пренебречь отчетом Манда-ла, ибо за прошедшие десятилетия ситуация в стране существенно

изменилась. Отсталые слои населения окрепли не только экономически, но и политически. Их представители в парламенте добились повторного слушания отчета комиссии Мандала в 1983 г. Но положительного решения не было принято.

Борьба по вопросу о резервировании начала принимать серьезный оборот, превращаясь в открытое противостояние между его сторонниками и противниками, особенно на севере страны, где происходили жестокие столкновения между представителями высших каст и «отсталых классов». Вопрос о резервировании для социально отсталых каст стал одним из ключевых в общественно-политической жизни Индии 80–90-х годов XX в. По нему шли острые дебаты, причем мнения диаметрально расходились. Десять лет спустя после того, как комиссия Мандала представила свой отчет, резервирование рабочих мест для «прочих отсталых классов» превратилось в общенациональную проблему.

Рекомендации этой комиссии были подвергнуты критике многими партиями, отдельными общественно-политическими деятелями, учеными и журналистами. Оппоненты возражали против самой системы резервирования, считая ее нарушением конституционной нормы о равенстве всех граждан перед законом. Они утверждали, что кастовый принцип, избранный комиссией для идентификации «прочих отсталых классов» среди индусов, способствует увековечению кастовой системы. Оппоненты также заявляли, что отсталые касты, как, впрочем, и другие, не были однородными по своему социально-культурному и экономическому развитию. Поэтому, с их точки зрения, было бы ошибочным относить ту или иную касту или общину целиком к отсталой группе населения. Отсюда – требование применять только экономический критерий для определения отсталости, поскольку бедных немало и среди высших каст.

Подвергалась критике и сама концептуальная постановка вопроса комиссией Мандала, исходившей из того, что не может быть равенства возможностей среди неравных. Такой подход характеризовался как противоречащий основам социальной демократии. Выдвигались и такие аргументы: прием на государственную службу ежегодно нескольких тысяч представителей «прочих отсталых классов» не сможет оказать существенного влияния на их общественное положение, но значительно ухудшит качество и эффективность государственного аппарата; преимущества от резервирования достанутся лишь наиболее зажиточным из этих слоев.

В свою очередь, сторонники резервирования напоминали, что сам принцип резервирования не был новым для индусской общины, он тысячелетиями непреклонно осуществлялся через кастовую систему,

но только в пользу высших каст. Несмотря на экономическое расслоение каст и наличие в каждой из них отдельных богатых или бедных семей, социальный аспект в индийском обществе всегда преобладал над экономическим. И в этом отношении высшие касты в целом находятся в более благоприятном положении. Они пользуются преимуществами традиционно «встроенного» в кастовую систему резервирования, властью, основанной на их высоком положении в кастовой иерархии, общественном престиже, культурном превосходстве. Высшие касты располагают широкой сетью влиятельных и хорошо финансируемых кастовых ассоциаций, которые через свои школы, колледжи, культурные фонды и тресты оказывают разностороннюю помощь членам своих каст. Они же действуют и как политическое лобби. А это, в свою очередь, способствует их кастовому сплочению.

Резервирование, говорили его сторонники, – это возможность для «отсталых классов» воспользоваться предоставленным конституцией правом на исправление исторической несправедливости по отношению к ним и реализовать провозглашенные в конституции страны идеи равенства граждан. Резервирование поможет национальной интеграции путем вовлечения во властные структуры дискриминируемых социальных групп, которые ранее были исключены из участия в процессе управления государством. Тем, кто опасался, что резервирование приведет к увековечению касты, напоминали, что отчет комиссии Мандала лишь отразил реальный факт разделения общества на касты, и в этой связи указывали на то, что конституция не упразднила кастовую систему, а только декларировала ликвидацию неприкасаемости.

Может быть, главный аргумент в защиту рекомендаций комиссии Мандала состоял в том, что, определив критерии отсталости и идентифицировав социально и культурно «отсталые классы и общины», составляющие большинство населения страны, она подчеркнула огромную важность проблем, стоящих перед обществом и государством, которое должно взять на себя заботу по преодолению их отсталости. Комиссия подтвердила, что кастовый фактор продолжает оказывать существенное влияние на развитие индийского общества. Средства массовой информации наконец заговорили вслух о касте, которую замалчивали многие годы.

Правительство В.П. Сингха и проблема резервирования

На выборах в парламент в ноябре 1989 г. ни одна политическая партия не получила большинства. Конгресс во главе с Р. Ганди потерпел крупное поражение. Он получил вдвое меньше депутатских

мандатов, чем в 1984 г. – всего 197. Оппозиция одержала победу, но она представляла собой далеко не единое целое. Тем не менее, было сформировано правительство Национального фронта, в который вошли пять партий: Джаната дал, Телугу десам, Дравида муннетра кажагам, Ассам гана паришад и Конгресс (С). Правительство поддержали извне (то есть, не входя в его состав), справа – БДП и слева – коммунистические и другие партии⁹³⁶.

Резервирование рабочих мест для отсталых слоев общества стало предметом острой политической борьбы еще во время избирательной кампании. Национальный фронт выступил за реализацию рекомендаций комиссии Мандала. Находившийся у власти Конгресс не включил это требование в свой предвыборный манифест.

Помимо проблемы резервирования правительства Национального фронта во главе с В.П. Сингхом (1931–2008) предстояло решить и другие крупные вопросы, оставшиеся в наследство от предыдущих правительств. Одна из таких проблем была связана с сикхами, которые после событий во время военной операции «Голубая звезда», а затем и сикхских погромов, последовавших за гибелью И. Ганди, были далеко не доброжелательно настроены по отношению к центральному правительству. В.П. Сингх хотел подать им сигнал к примирению. Он посетил Золотой храм в Амритсаре, что было положительно воспринято сикхской общиной, как своеобразная просьба о прощении за ошибки предыдущих правительств.

Еще одна важная политическая акция В.П. Сингха была связана с выводом в марте 1990 г. из Шри Ланки индийского воинского контингента, что положило конец вмешательству Индии во внутренние дела этого государства.

Но главная проблема, которая «нависала» над правительством, была связана с противоречиями в обществе по вопросу о резервировании для отсталых классов. В августе 1990 г. премьер-министр В.П. Сингх объявил в парламенте о принятии 27%-ного резервирования рабочих мест в государственных учреждениях и такой же доли мест в высших учебных заведениях федерального подчинения для отсталых каст. В эту группу были включены не только индусские отсталые касты, но и часть мусульман, которым отводилось 4,2% мест по этой квоте⁹³⁷.

Этот шаг премьер-министра был поистине историческим. Он положил конец 35-летнему бойкотированию заявленного в конституции права на социальную справедливость для «прочих отсталых классов» на Севере Индии. «Мы бросили вызов главной властной структуре в стране – ее социальной устройству, – заявил В.П. Сингх. – И мы должны быть готовы к тому, чтобы сгореть в огне ради того, чтобы обеспечить социальную справедливость... Политическая муд-

рость диктует необходимость решать вопросы социальной справедливости до того, как они начнут взрывать общество». Он сказал, что «происходит передача власти другим социальным группам, создается новая правящая элита»⁹³⁸.

Признавая, что низшие касты и религиозные меньшинства все эти годы почти не участвовали в государственном управлении, Сингх заявил, что Конгресс в течение длительного пребывания у власти привлекал во имя стабильности отдельных представителей этих слоев населения в представительные органы власти, избегая при этом решения принципиальных вопросов социальной справедливости. В то время как почти все политические партии в Индии, подчеркивал Сингх, клянутся в своей приверженности делу социальной справедливости – этому основополагающему требованию конституции страны, на деле они не торопятся с его реализацией. До сих пор правящая элита, по его замечанию, умышленно уходила от серьезного обсуждения реальных социальных проблем, связанных с несправедливостью кастовой системы, поскольку боялась подорвать свои властные позиции. Поэтому она ограничивала общественную дискуссию лишь экономическими и политическими проблемами, но приглушала вопросы социальных отношений, объявляя их кастеистскими и вносящими раскол в обществе.

Но так не могло продолжаться вечно. Социальная справедливость прочно утвердилась в качестве национальной повестки дня, и именно она будет в решающей степени определять динамику политического развития страны в грядущие десятилетия. Сингх заявлял, что обездоленные слои общества уже хотят получать не только рабочие места или какие-то льготы, они хотят взять в свои руки рычаги управления. И это меняет саму суть индийской политики. Происходит передача власти другим социальным группам, создается новая правящая элита. До сих пор, говорил Сингх, только команды из высших социальных слоев играли на поле, в то время как далиты, отсталые касты и религиозные меньшинства приглашались на стадион только для того, чтобы наблюдать за ходом матча и аплодировать одной или другой команде. Сейчас зрители сами решили стать игроками. В будущем они будут играть под руководством своих капитанов и, возможно, вытеснят нынешние команды с поля на трибуны для зрителей⁹³⁹.

Решение о резервировании мест для «прочих отсталых классов» вызвало бурную волну протеста со стороны высших каст. В Дели и других городах хиндиязычного пояса состоялись массовые демонстрации против этого решения, 63 студента пытались совершить саможжение, одного из них спасти не удалось. Средства массовой информации публиковали фотографии этих ужасных событий. Ответ

последовал незамедлительно – на севере страны представители средних каст провели демонстрации в поддержку резервирования. В административном центре штата Бихар – Патне прошел многотысячный митинг под лозунгом «Брахманы, убирайтесь из страны!»

В сентябре 1990 г. Верховный суд рассмотрел вопрос, связанный со всеми этими событиями и на время приостановил действие решения по резервированию. Под давлением обстоятельств премьер-министр В.П. Сингх вынужден был отказаться от резервирования в высших учебных заведениях мест для «прочих отсталых классов».

Вместе с тем Бхаратия джаната парти и ее организации подошли к вопросу о резервировании для «прочих отсталых классов» с большой осторожностью. Формально БДП признала рекомендации комиссии Мандала, но РСС, Вишва хинду паришад, Баджранг дал и другие организации «Семьи хиндутвы» придерживались мнения, что резервирование вносит раскол в общество. Негативная реакция БДП и стоящих за ней организаций на решение премьер-министра В.П. Сингха о введении в действие рекомендаций комиссии Мандала была вызвана их беспокойством о том, что политическое усиление «отсталых классов» могло привести к дальнейшей потере влияния высших каст, особенно в хиндиязычном поясе, а это, в свою очередь, отрицательно сказалось бы на позициях партий и организаций, сделавших ставку на создание *хинду раитры*. Такая реакция на попытку ввести для «прочих отсталых классов» государственную опеку и квоты на общеиндийском уровне была не случайным, а логическим продолжением и развитием деятельности консервативных индусских организаций по этому вопросу. По существу, такой подход отразил идеологию индусского фундаменталистского движения *хиндутва*, которое особенно заметно стало проявлять себя с начала 1980-х годов, то есть фактически параллельно с развертыванием движений за и против резервирования⁹⁴⁰. Как отмечалось в исследовании причин выступлений против подобного резервирования, проведенного Институтом социальных наук им. Таты, «движение отсталых классов можно размыть, если в данном регионе появится националистическое возрожденческое движение, которое могло бы отвлечь энергию, внимание... обездоленных низших каст»⁹⁴¹. Именно таким движением и стала хиндутва.

Движение хиндутвы и проблема Айодхьи

В БДП и ее массовых организациях, прежде всего РСС и Вишва хинду паришад, разгорелась дискуссия в отношении проблемы резервирования для «прочих отсталых классов». Эта дискуссия привела

к тому, что БДП решила перенести центр политических дебатов с рекомендаций комиссии Мандала на проблему храма в Айодхье, то есть с кастовой проблемы на религиозную – отношениям индуистского большинства с мусульманским меньшинством.

Для мобилизации как можно более широкой поддержки индусов по вопросу о храме в Айодхье БДП организовала Рам ратх ятру – процессию с колесницей Рамы. Главным идеологом и исполнителем ее был один из старейших лидеров партии Лал Кришна Адвани. Процессия должна была пройти по восьми штатам и покрыть 10 000 км. Ее лозунг был сформулирован предельно ясно: «Во имя Рамы мы решили построить храм на месте его рождения».

Для этой цели была специально оборудована автоколесница, с громкоговорителями и проигрывателями, украшенная цветами и символами Бхаратия джаната парти. Именно Адвани ехал на этой колеснице. Процессия сопровождалась исполнением в записи песни одной из самых популярных певиц Латы Мангешкар. Тема песни: «Магическое имя Рамы приносит всем мир и счастье. Айодхья останется пустой и безмолвной, пока Рама не войдет в нее». Звучали также патриотические песни популярных киноактеров. По мере продвижения процессии Адвани обращался к собравшимся на многочисленных митингах. Он говорил, что индуизм вносит «огромный вклад в социальную трансформацию общества, в преодоление кастовых барьеров и в национальное строительство». Адвани также призывал лидеров мусульманской общины уважать чувства индусов в отношении храма Рамы в Айодхье⁹⁴².

Процессию сопровождали активисты ВХП, на митингах присутствовали святые и садху в оранжевых одеждах. И хотя процессия выглядела как «сугубо религиозная», но, по мнению оппонентов БДП, она имела «агрессивный и антимусульманский» характер⁹⁴³.

Адвани отвергал эти обвинения и заявлял, что БДП представляет всех граждан Индии, вне зависимости от их религиозной принадлежности, и что на пути следования процессии не было каких-либо столкновений. Хотя одновременно с ней в других районах происходили беспорядки, в которых погибло около 600 человек⁹⁴⁴.

Процессия во главе с Адвани была остановлена в Бихаре 23 октября 1990 г. Он был арестован по распоряжению главного министра штата Лалу Прасад Ядава. «Этот день запечатлен в истории современной Индии, – писал корреспондент журнала "Outlook", – как столкновение между силами Мандира (храма Рамы) и силами Мандала – двух движений, которые трансформировали индийскую политику»⁹⁴⁵. Адвани провел пять недель под арестом⁹⁴⁶. На этом продвижение колесницы Рамы закончилось, хотя по плану она долж-

на была достигнута Айодхья 30 октября. Именно там намечалась ее встреча с добровольными служителями индуистских храмов из разных частей Индии. Тысячи таких добровольцев стекались к Айодхье. Главный министр Уттар-Прадеша Мулаям Сингх Ядав, один из политических оппонентов БДП, приказал арестовать всех добровольцев из других штатов Индии. По некоторым данным, было задержано около 150 тыс. человек. Однако десятки тысяч смогли добраться до Айодхьи. Для поддержания правопорядка в город было введено около 20 тыс. полицейских и полувоенных формирований сил пограничной безопасности.

30 октября тысячи добровольцев прорвались через оцепление, выставленное полицией и силами пограничной безопасности вокруг мечети Бабура. Они водрузили оранжевое знамя на мечети, некоторые стали бить по ней топорами и молотками. Чтобы предотвратить дальнейшее развитие событий в таком направлении, полиция применила слезоточивый газ, а затем и огнестрельное оружие. Беспорядки продолжались три дня и в них погибли около 20 добровольцев⁹⁴⁷. Позже их тела были кремированы активистами ВХП, а урны с прахом направлены в города Северной Индии. Там на митингах раздавались призывы отомстить за эти жертвы. Штат Уттар-Прадеш был охвачен беспорядками на религиозной почве, которые по своим масштабам и жестокостям напомнили события во время раздела Индии в 1947 г.⁹⁴⁸

Предвидя такой поворот событий, 17 октября 1990 г. Национальный исполнительный комитет БДП принял резолюцию, призывавшую правительство В.П. Сингха разрешить строительство храма Рамы, и предупредил, что в случае отказа это сделать БДП отзовет свою поддержку этому правительству. Премьер-министр намеревался пойти на компромисс с БДП по этому вопросу. Однако главный министр Уттар-Прадеша Мулаям Сингх Ядав и главный министр Бихара Лалу Прасад Ядав – однопартийцы В.П. Сингха – выступили категорически против этого. Поэтому 23 октября, после ареста Адвани, делегация БДП во главе с А.Б. Ваджапайи передала президенту Индии Венкатараману письмо, в котором сообщалось об отзыве БДП поддержки правительству. После этого президент Индии попросил премьер-министра подтвердить большинство Национального фронта в парламенте 7 ноября. К этому времени из Джаната вышла группа из 58 членов парламента во главе с Чандрашекхаром и образовала отдельную партию – Джаната дал (секулярная). При голосовании в парламенте В.П. Сингх остался в меньшинстве, получив 151 голос, против него выступили 356 депутатов⁹⁴⁹. После этого он подал в отставку. Это было частью политической игры, в которой решающую роль играла БДП.

Вместо правительства В.П. Сингха 10 ноября 1990 г. было сформировано другое правительство меньшинства во главе с премьер-министром Чандрашекхаром (1927–2007). На этот раз в качестве главного игрока за сценой выступил Конгресс, который поддержал это правительство извне, явно готовясь к выборам в удобный для него момент.

Правительство сменилось, но проблемы остались. Главной из них были разногласия по вопросу о резервировании для отсталых классов. Как писал об этих событиях политический обозреватель С.М. Менон, «жребий был брошен», и ни одно правительство уже не могло игнорировать проблемы, поднятые в отчете комиссии Мандала⁹⁵⁰.

Борьба против социальной дискриминации далитов

В ходе социально-экономического и политического развития страны кастовая дискриминация и неравенство постепенно уходили в прошлое. Однако в ряде районов Индии практика неприкасаемости в отношении далитов продолжалась как в открытой, так и завуалированной форме. Это в первую очередь было связано с тем, что именно далиты представляли собой беднейшую часть населения. В отсталых штатах, например в Бихаре, в середине 1980-х годов 95% далитов жили ниже уровня бедности. Большинство из них страдали от традиционных запретов: не могли пользоваться общественными источниками питьевой воды, чайными и столовыми, ходить по главной улице деревни и т.п. Во многих местах они жили в «сегрегациях» – отдельных кварталах, расположенных за пределами деревень. В связи с этим в отчетах комиссара по делам зарегистрированных каст и зарегистрированных племен неоднократно подчеркивалось, что проблема «сегрегации далитов крайне трудно поддается решению». Предлагалось, в частности, при застройке новых жилых кварталов в городах часть домов отводить для далитов, а во вновь открывавшихся магазинах определенное число лицензий на ведение торговли отдавать представителям этих каст⁹⁵¹.

Несмотря на конституционную отмену неприкасаемости и на законодательство, запрещавшее дискриминацию в общественных местах, и деятельность организаций, борющихся против неприкасаемости, эта проблема не получала своего решения. Время от времени поднимался вопрос о допуске далитов в некоторые древние индусские храмы. Знаковым событием во второй половине 1980-х годов стали попытки таких организаций, как «Хариджан севак сангх» и «Арья самадж», добиться для далитов права посещать древний индусский храм в г. Натхдвара

(штат Раджастхан). В дело вмешались центральное правительство и Высокий суд штата, а для охраны далитов и соблюдения порядка было привлечено 2500 полицейских. Однако двухтысячная толпа из высококастовых индусов заблокировала храм. Около 25 далитов, вошедших в него, были избиты нанятыми для этой цели боевиками⁹⁵².

В конце 1980-х годов антидалитские настроения в стране заметно усилились. Это, в частности, нашло свое выражение в том, что в здании Высокого суда в Гуджарате была установлена статуя Ману – легендарного «автора» религиозных законов, освятивших бесправное положение неприкасаемых. Участились случаи осквернения памятников Б.Р. Амбедкару. Тогда же шанкарачарья⁹⁵³ из г.Пури Ниранджан Дев Тиртх открыто выступил против допуска далитов в индусские храмы. Он заявил, что даже самый высокообразованный далит не может сравниться с необразованным брахманом, ибо неприкасаемость имеет религиозную санкцию, и неприкасаемый всегда останется неприкасаемым. Характерно, что правительство Конгресса никак не реагировало на эти действия консервативных сил. В свою очередь, традиционалисты и защитники привилегий высших каст восприняли это как отход властей от опеки зарегистрированных каст и усилили свой натиск на законные права далитов.

В этой связи президент Хариджан севак сангх Нирмала Дешпанде пояснила, что ее организация выступила против заявления шанкарачарьи, но избегала противостояния, учитывая глубокую религиозность индусов. Наоборот, она использовала традиционные методы в борьбе за права зарегистрированных каст. В феврале 1989 г. во время праздника индусов *Кумбхмела* активисты Хариджан севак сангха бойкотировали религиозно-общинную организацию Вишва хинду паришад и самого шанкарачарью из Пури. На выставку домашних изделий – *кхадди*, организованную на празднике, Дешпанде пригласила 200 уборщиков-бханги, которых ее сотрудники-брахманы усадили на стулья (по традиции неприкасаемый не может сидеть в присутствии члена высокой касты, тем более брахмана) и демонстративно омывали им ноги (омовение ног является одним из способов выражения наивысшего почтения в индуизме), а затем угощали их едой и беседовали с ними, что также противоречит традиции. Потом они подарили бханги теплые одеяла (традиция признавала одаривание брахманов, а не наоборот). Средства на приобретение одеял и других подарков поступили от шанкарачарьи из Канчи, человека прогрессивных взглядов, который поддерживал усилия Хариджан севак сангха в его работе по изживанию неприкасаемости.

Дешпанде подчеркивала, что народ в своей массе еще неграмотный, не читает газет, не знает своих прав, не ходит по судам. А во время

таких религиозных праздников можно сделать очень многое. Об уважительном отношении к бханги-уборщикам узнают во всех концах страны. После праздника паломники вернутся в свои деревни и расскажут о том, что видели своими глазами или слышали от других. Такой способ борьбы с неприкасаемостью через наглядную агитацию среди простых людей является самым надежным и доходчивым, объяснила Дешпанде⁹⁵⁴.

Одна из важнейших проблем улучшения жизни далитов была связана со снабжением их питьевой водой. Во многих местах далитов не допускали к общественным источникам воды. Среди индусов бытует суеверное представление о том, что прикосновение далита к воде оскверняет ее, и поэтому она становится непригодной для использования «чистыми» индусами, причем степень осквернения в этом случае даже выше, чем при непосредственном физическом контакте с ним. Такое отношение неодинаково в разных районах страны и зависит от степени их социально-экономического и культурного развития, специфики традиций и обычаев. С проблемой питьевой воды для далитских семей напрямую связано положение женщин. Поскольку в сельской местности доставка воды – исключительная обязанность женщин, улучшение снабжения водой далитских кварталов было одним из способов изменить к лучшему условия их жизни.

И все же главным препятствием на пути развития равноправных отношений в деревне, в том числе и в вопросе допуска далитов к общественному источнику воды, были экономические факторы. В условиях, когда проблема воды, особенно питьевой, стала даже более острой, чем проблема земли, имущие слои были заинтересованы в сохранении своей власти и контроля над ее распределением⁹⁵⁵.

К началу 1980-х годов в отношениях между далитами и «чистыми» кастами в деревне произошли заметные изменения. В результате проведения аграрных реформ, несмотря на их ограниченность и социальную ущербность, ослабили позиции крупных землевладельцев из высших каст и одновременно усилились зажиточные крестьяне из земледельческих каст. Выступления далитов – сельскохозяйственных рабочих – с требованиями повышения оплаты труда в ряде районов северных штатов вызвали ответную реакцию землевладельческой верхушки крестьянства как высших, так и средних каст, интересы которых во многом совпадали. Как никогда ранее они стали спланиваться в борьбе против деревенской бедноты. В то же время сельскохозяйственные рабочие и маргинальные землевладельцы из низких каст и далитов по своему этническому, религиозному и кастовому составу были значительно более разнородны. Это облегчало деревен-

ским верхам возможность использовать кастеизм для разъединения низов. Процесс консолидации имущего крестьянства на этой основе привел к дальнейшему усилению зависимости от него сельскохозяйственных рабочих, в том числе в общественно-политической жизни⁹⁵⁶.

Одновременно продолжалась пауперизация и пролетаризация деревенских низов. Внедрение механизации и современных методов агротехники в сельском хозяйстве сопровождалось ростом безработицы среди деревенской бедноты, в первую очередь среди далитов. А поскольку они уже не хотели жить как прежде и начали активно выступать в защиту своих прав и интересов, то это приводило к столкновениям между ними и зажиточными «чистыми» кастами. Как правило, жертвами были именно далиты. Причины насилия над далитами были многообразными: их требование повысить оплату труда или вернуть им отнятый у них клочок земли; попытка далита выдвинуть свою кандидатуру на выборах в местные органы власти; случаи, когда далитские женщины осмеливались брать воду из колодца, которым традиционно пользовались только «чистые» касты; это и знаки внимания со стороны молодого далита в отношении девушки из «чистых» каст и т.п.

Случаи жестокого обращения с далитами неоднократно обсуждались в правительстве и парламенте, принимались меры по обеспечению их безопасности. С этой целью был принят Закон о пресечении жестокости в отношении зарегистрированных каст (*Scheduled Castes Atrocities Prevention Act*, 1989 г.). Он был направлен на устранение этого зла. Однако после его принятия в северных штатах страны стал наблюдаться рост столкновений между хозяевами деревни и далитами, которые начали более активно защищать свои гражданские права. В 1995 г. парламент принял «Правила пресечения жестокостей в отношении зарегистрированных каст и зарегистрированных племен», в соответствии с которыми, в частности, штаты должны были учредить специальные суды в каждом дистрикте и назначить общественных обвинителей для рассмотрения дел, попадающих под закон 1989 г.⁹⁵⁷

Рост столкновений между верхами и низами деревни был связан с тем, что верхи не хотели уступать свои экономические, социальные и политические позиции, а низы почувствовали возможность и силу отстаивать свои права при поддержке государства.

Директор департамента социологии в Мадрасском университете профессор Д. Сундарам полагал, что в прошлом жестокие расправы над далитами случались редко, «поскольку они знали свое место. Но в наше время они уже не хотят мириться со своим приниженным положением. Это провоцирует гнев так называемых чистых каст, кото-

рые не привыкли к такому поведению бывших неприкасаемых. Но главное – далиты претендуют на то, о чем раньше и думать не могли. Прежде всего, это земля, образование и более квалифицированная и престижная работа, чем та, что была положена им по их кастовому статусу»⁹⁵⁸. Эту же мысль высказал обозреватель журнала *Mainstream* Нарендра Шарма: «Далиты посягают на то, что веками считалось священным: на образование, духовную жизнь и на землю»⁹⁵⁹.

Самые большие изменения произошли в социальном поведении и психологии далитов. Они стали активно участвовать в общественной и политической жизни, настойчивее добиваться своих законных прав и, как отмечалось в индийской прессе, «заметно осмелели». Так, после принятия Закона о защите гражданских прав (1976 г.) число жалоб на дискриминацию, поданных далитами в суды, выросло с 6 тыс. в 1977 г. до 11 тыс. в 1980 г. В дальнейшем количество таких жалоб увеличилось многократно. Так, в 2000 г. только в Уттар-Прадеше в судах находилось 70 тыс. подобных дел.

Характерно, что сами далиты и их организации стали заниматься их своеобразной психологической реабилитацией, направленной на избавление от синдрома неполноценности и приниженности. Как рассказывал президент Бахуджан самадж парти Канши Рам, его партия устраивала для далитов «тренировочные лагеря», на которых они проводили занятия по «преодолению векового страха и боязни перед лицом высококастовых индусов». Среди них были, например, такие «упражнения». Устанавливались макеты с изображением типичного высококастового индуса с характерными для него символами – усами и *тилаком* на лбу⁹⁶⁰. Далиты по очереди подходили к макету и ножницами срезали усы и стирали тилак на этом макете. Далит, обслуживавший макет, восстанавливал и усы, и тилак. И все повторялось снова. В реальной жизни за такие действия поплатился бы не один далит, а, возможно, весь квартал или поселок бывших неприкасаемых⁹⁶¹.

Мирные формы протеста далитов

Традиционно самой мирной формой протеста далитов против социальной дискриминации было их демонстративное отречение от индуизма и принятие другого вероисповедания. В независимой Индии, с появлением из среды далитов своих лидеров, низшие касты для защиты своих конституционных прав стали пользоваться угрозой принятия другой религии или совершать массовое публичное отречение от индуизма с одновременным переходом в иную веру.

Одним из таких событий было принятие ислама далитами в феврале 1981 г. в нескольких дистриктах штата Тамилнаду, которому предшествовали крупные столкновения между низшими и «чистыми» кастами. После этого в одной из деревень 37 далитских семей приняли ислам, затем 60 семей из ближайших пяти деревень последовали их примеру. Далиты жаловались на многочисленные притеснения со стороны «чистых» каст: им не разрешали пользоваться общественным колодезем, не пускали в храм, высококастовые индусы не покупали товары в лавках, которые далиты открывали с помощью государственных кредитов, и т.д.⁹⁶²

После этих событий в Тамилнаду была создана конфедерация индусских организаций «Вират Хинду Самадж» («Великое индусское общество», ВХС), которая выступила с призывом «крепить единство и солидарность среди индусов», искоренять неприкасаемость и считать далитов «братьями, находящимися в лоне индуизма». Тогдашний руководитель отделения РСС в Дели и Харьяне Ашок Сингхал заявил, что «всем главам различных индусских сект пора объединить усилия, чтобы воскресить веру в индусское общество и возродить его. Хариджань⁹⁶³, – сказал он, – на протяжении долгого времени испытывают унижение. Следует хорошо постараться, чтобы завоевать их доверие»⁹⁶⁴.

Индусские религиозно-общинные организации не ограничивались только заявлениями. Они вели практическую работу среди индийских низов в этом направлении, опираясь на большой исторический опыт своих предшественников. Вишва хинду паришад выступал против системы резервирования для «отсталых классов», которая, по его мнению, разъединяла индусское общество. Но одновременно он пытался «удержать» далитов в лоне индуизма. В этой связи генеральный секретарь Вишва хинду паришад Правин Тогадиа заявил: «Мы располагаем достаточным влиянием, чтобы изменить умонастроение индусов-нехариджанов. Каждая семья хариджанов установит отношения с одной семьей нехариджанов. Нами мобилизовано более 20 тысяч святых-*садху*, которые будут посещать зарегистрированные касты, устраивать религиозные песнопения – *бхаджан-киртан*, время от времени делить с ними общую трапезу. Мы начали готовить священнослужителей из числа хариджанов. В районах проживания племен мы также проводим большую конструктивную работу – открываем школы, общежития и интернаты для детей, клиники, занимаемся ликвидацией неграмотности среди женщин и их профессиональным обучением». Он особо подчеркнул, что ВХП является реформаторской, а не фундаменталистской организацией⁹⁶⁵.

На средства ВХП и других организаций, принадлежащих к семье *хиндутвы*, строились индуские храмы, которые были доступны и далитам. Эти организации также активизировали деятельность, направленную на противодействие переходу далитов в ислам и христианство. Вишва хинду паришад проводил кампании *шуддхи* – очищения по возвращению в индуизм далитов, ранее обращенных в христианство и ислам.

Индуизм в принципе отвергает саму идею смены религии, потому что в индуизме, как и в касте, можно только родиться. По крайней мере так считают многие образованные индусы. Известный писатель, драматург и режиссер Вишрам Бедекар считал, что «настоящая религия – это индуизм. В индуизме надо родиться. А христианство, ислам – это секты, целью которых является охота за новыми адептами. Если бы махары приняли не буддизм, а ислам, тогда наша культурная среда претерпела бы изменения. А буддизм – это всего лишь ответвление от индуизма. Он не привился на индусской почве»⁹⁶⁶. В свою очередь, социолог М.Н. Сринивас считал, что индуизм проигрывает по сравнению с другими религиями, поскольку «у него нет механизма» для обращения в него. Он полагал, что это можно исправить лишь в том случае, если другие религии будут воздерживаться от прозелитизма или «если индуизм станет миссионерской религией»⁹⁶⁷.

Основной причиной разрыва далитов с индуизмом всегда было их угнетенное социально-экономическое положение. Один из видных лидеров молодежного крыла «Арья самадж» Свами Агнивеш писал, что главное – это нищета, неграмотность, безработица и эксплуатация далитов. Их даже не считают за людей, им отказывают в элементарной справедливости. Он сравнивал положение далитов с положением человека в доме, объятый пламенем. Для его спасения нужно потушить пожар или «разрешить ему выбраться из горящего дома». Участвовавшие случаи принятия другой религии – свидетельство того, что у далитов кончается терпение. И их винить никак нельзя, подчеркивал Свами Агнивеш, они ждали достаточно долго, слишком долго. Для того чтобы не было религиозных обращений, индусы должны отказаться от кастовой дискриминации и изменить свое кастовое сознание. Требования индусских религиозно-общинных организаций принять законы, запрещающие такие обращения, не помогут кардинально решить эту проблему⁹⁶⁸.

Стремление далитов освободиться от своего традиционного статуса неприкасаемых сталкивается с тем, что этот статус был навязан преобладающей в обществе кастовой идеологией. Возможно, лучше всего существо этой проблемы раскрыли события, связанные с решением о присвоении имени Амбедкара Маратхадскому университету

в г. Аурангабад (штат Махараштра). Борьба по этому вопросу продолжалась почти 17 лет – со времени принятия в середине 1977 г. решения Исполнительным советом университета о его переименовании и вплоть до 1994 г., когда это решение было наконец реализовано. Это стало знаковым событием, которое подвело своеобразный итог десятилетий борьбы далитов за их социальное и политическое равноправие.

Решение о переименовании Маратхвядского университета, принятое на волне борьбы за права социально уязвимых слоев, вызвало жесткое сопротивление «чистых» каст. В 1978 г. Махараштру и особенно один из четырех ее главных регионов – Маратхваду охватила небывалая волна насилия в отношении далитов, главным образом махаров. Решение правительства штата Махараштра во главе с главным министром Шарадом Паваром о переименовании Маратхвядского университета в университет имени Б.Р. Амбедкара было единогласно поддержано обеими палатами законодательного органа штата. Все ведущие партии подчеркивали политическое значение этого шага, направленного на социальное, экономическое и политическое равноправие всех членов общества, на его интеграцию. Они отмечали, что присвоение имени Амбедкара университету не означало, что в нем должны обучаться только далиты. Как и все остальные университеты, он будет функционировать на секулярной основе.

Политическое руководство Махараштры, принимавшее это беспрецедентное решение, понимало, что оно столкнется с немалыми трудностями. Так, Ш. Павар говорил в этой связи: «Мы должны принять меры, чтобы наше решение не нарушило спокойствие в обществе. И хотя уже существуют некоторые признаки того, что идет нагнетание социальной напряженности, следует стремиться к подлинно социальному миру, отбросив в сторону политические искушения»⁹⁶⁹.

В тот день, когда правительство еще только обсуждало вопрос о переименовании университета, Студенческий комитет Маратхвядского университета в знак протеста призвал к всеобщей забастовке в Аурангабаде. В последующие две недели Маратхваду охватили массовые выступления студенчества из «чистых» каст. Они сопровождались актами насилия и вандализма, поджогами государственных учреждений, в том числе и полицейских участков, автобусов, автомобилей, железнодорожных вагонов, остановкой поездов, крушились телеграфные столбы, выворачивались шпалы. Закрывались учебные заведения, офисы и кинотеатры. К студентам нередко примыкали лавочники, учителя школ и некоторые профсоюзы. Во многих местах был введен комендантский час и проведены многочисленные аресты.

Выступления «чистых» каст против присвоения имени Амбедкара Маратхадскому университету, масштабность этих волнений и беспорядков вынудили правительство штата Махараштра отложить реализацию своего решения по этому вопросу. Социально-кастовые противоречия в обществе оказались настолько глубокими и сложными, что потребовались многие годы, прежде чем вопрос о переименовании университета был решен положительно. С конца 1970-х вплоть до начала 1990-х годов число насилий над далитами продолжало возрастать. В 1993 г. в Маратхваде было зарегистрировано более 1000 таких случаев⁹⁷⁰. По существу, все они не имели никакого отношения к переименованию университета, тем более в отдаленных деревнях.

Но отношение консервативных, религиозно-общинных сил к далитам, как и прежде, было неоднозначным. Так, в стане индусских общинно-религиозных организаций начались разногласия по вопросу об отношении к далитам-буддистам. Партия Шив сена называла их отщепенцами и предателями индуизма. Однако руководство Бхаратия джаната парти занимало иную позицию. Опасаясь, что поведение Шив сены может спровоцировать сплочение низкокастовых избирателей против «чистых» индусов, оно заявляло, что буддизм – всего лишь ответвление от индуизма и далиты-буддисты – их братья.

Другие политические силы также не обходили своим вниманием далитов. Так, Конгресс настойчиво заявлял о своем намерении усилить внимание к социальным нуждам далитов. В свою очередь, правительство Национального фронта во главе с В.П. Сингхом предприняло меры по восстановлению в 1990 г. махаров-буддистов в прежнем статусе зарегистрированной касты⁹⁷¹.

Бахуджан самадж парти – партия большинства народа

В конце 1970-х годов политическая жизнь в стране поставила перед далитами главный вопрос: можно ли решить их проблемы в изоляции от демократического движения, без союза с другими угнетенными слоями, без обращения к более широким темам социальной справедливости и прав человека, тем более в условиях жесточайшего сопротивления верхушки высших каст и их организаций.

Дискуссия по этим и другим социально-политическим проблемам привела к размежеванию между левыми и умеренными организациями далитов. Левые группировки типа «Далит сангхарш самити» («Комитет борьбы далитов») в Карнатаке, «Далит сена» («Армия далитов») в Бихаре, «Далит махасабха» («Великое собрание далитов»)

в Андхра-Прадеше перешли на позиции борьбы исключительно в интересах наиболее обездоленных далитов – безземельных сельскохозяйственных рабочих. Эта часть далитских организаций попала под влияние левых экстремистов, которые активно действовали в ряде сельских районов страны.

В то же время умеренные далитские организации стали проявлять стремление к солидарности с другими организациями в борьбе за интересы не только безземельных сельскохозяйственных рабочих, но и мелких фермеров, а также других отсталых групп населения в Махараштре, Уттар-Прадеше, Керале. Так, внук Б.Р. Амбедкара Пракаш Амбедкар создал в 1980-х годах на основе одной из фракций Республиканской партии Индии партию «Бахуджан махасангх» («Великий союз большинства народа»), в которую, кроме далитов, вошли другие низкие касты. Партия занималась организацией низов на борьбу за перераспределение в их пользу излишков земли, образовавшихся при проведении аграрной реформы.

На волне борьбы за сохранение системы резервирования и расширения ее действия на всю категорию «Отсталые классы» в 1978 г. под руководством Канши Рама была создана Федерация служащих, работающих по системе резервирования. В нее вошли представители далитов и племен, религиозных меньшинств, предки которых были неприкасаемыми, а также низших слоев отсталых каст. К середине 1980-х годов Федерация насчитывала 220 тыс. членов.

Несмотря на социальную дискриминацию, которая в городе действовала в более завуалированной форме, чем в деревне, представители зарегистрированных каст занимали благодаря резервированию второе после брахманов место в Индийской административной службе, потеснив на третье место каястха – немногочисленную, но высокообразованную касту. Далитам, в частности, принадлежало около 25% административных постов в дистриктах, четверть заместителей комиссаров полиции также были далитами. В Уттар-Прадеше из 400 служащих Индийской административной службы было 106 брахманов и 98 далитов⁹⁷². Таким образом, Федерация служащих опиралась на достаточно мощный слой весьма влиятельных людей по всей стране, но эффективнее всего она действовала в хиндиязычных штатах и Панджабе, особенно в тех районах, где организации неприкасаемых существовали еще с конца 1920-х годов. Тогда под влиянием Б.Р. Амбедкара они начали участвовать в борьбе за политическое представительство низших каст в законодательных органах.

Федерация служащих выступала в качестве лоббистской организации государственных служащих и одновременно вела агитационно-пропагандистскую деятельность среди них. Она стала той основой,

на которой в 1981 г. выросла политическая группировка «Далит сит самадж сангхарш самити» (ДСССС, или Д4С, – Комитет борьбы угнетенных и эксплуатируемых) с штаб-квартирой в Дели и более чем сотней филиалов в различных районах страны. Д4С объявил своей целью достижение политической власти парламентским путем под лозунгом объединения представителей отсталых классов на платформе антибрахманизма – борьбы против засилья высших каст в общественно-политической и культурной жизни. Д4С стал идеологическим и политическим предшественником Бахуджан самадж парти (Партии большинства народа, БСП) во главе с Канши Рамом (1934–2006), выходцем из семьи панджабских чамаров, принявших сикхизм. По окончании университета он работал в одной из лабораторий министерства обороны в Махараштре. Там он сблизился с руководством Республиканской партии, основанной в 1956 г. Б.Р. Амбедкаром, и вскоре стал его идейным последователем. В 1971 г. он занялся политикой и своей деятельностью вскоре заполнил «вакуум», образовавшийся после кончины одного из лидеров Конгресса Джагдживана Рама (1908–1988). Некогда соперничавший с Амбедкаром за лидерство среди хариджанов, Дж. Рам во многом обеспечивал Конгрессу голоса избирателей из бывших неприкасаемых каст на выборах вплоть до 1977 г., когда он вышел из Конгресса и создал партию «Конгресс за демократию». Однако ему не удалось «увести» за собой прежнюю социальную базу избирателей.

Бахуджан самадж парти сформировалась на волне борьбы за сохранение системы резервирования, расширения ее действия на всю категорию «отсталых классов» под лозунгом «Рекомендации Мандала в жизнь!» и была официально зарегистрирована в 1985 г. Канши Рам вел дело к тому, чтобы отойти от «далитизма» как идеологии защиты интересов исключительно далитов. Его партия поставила задачу взять власть в интересах большинства – то есть всех «отсталых классов», составлявших около 75% населения страны. Таким образом, значительно расширились рамки далитского движения, которое должно было включать все социальные низы. Все они получили название *бахуджанов* (большинства). Выступая за «социальную справедливость» и «социальную трансформацию», он заявлял, что бахуджанам нужна политическая власть, чтобы добиться достоинства, самоуважения и социального равенства⁹⁷³.

Это способствовало привлечению на сторону БСП симпатий избирателей не только из далитов и мусульман, но и бедных крестьянских каст. Партия стала наращивать влияние в тех районах, где доля этих социальных групп в населении была особенно велика, там, где отмечалось соперничество в экономической и общественно-политической

жизни между набравшими силу отсталыми и высшими кастами, где произошло заметное социально-экономическое расслоение в среде крестьянства и была высока активность индусских шовинистических организаций, которые противодействовали росту политического влияния социальных низов.

Особенно остро проходили эти процессы в штате Уттар-Прадеш, где зарегистрированные касты составляли 21%, а мусульмане – 13% населения (общее население 160 млн. человек)⁹⁷⁴. Рост влияния Бахуджан самадж парти в Уттар-Прадеше позволил ей закрепить за собой статус общенациональной партии⁹⁷⁵ и стать в один ряд с шестью-семью крупными партиями, в том числе Конгрессом и Бхаратия джаната парти⁹⁷⁶. В Уттар-Прадеше в 1989–2002 гг. она участвовала в пяти выборах в законодательное собрание, постепенно наращивая число завоеванных мест. БСП потеснила Конгресс и успешно соперничала с двумя другими партиями – Самаджвади парти (Социалистической партией) и Бхаратия джаната парти. Канши Рам использовал любые парламентские возможности для продвижения БСП к власти. В штате Уттар-Прадеш она входила в разные политические коалиции, образуя правительство как с Самаджвади парти (1993 г.), так и с БДП (1995 г., 1997 г., 2002 г.). В течение 15 лет БСП экспериментировала с разными составами социальных коалиций – от выступлений в защиту прав далитов к более широкому подходу, объединявшему интересы разных, даже разнородных, сословно-кастовых групп. В мае 2007 г. в Индии произошло событие, не имевшее аналога во всей ее истории. На выборах в законодательное собрание Уттар-Прадеша победу одержала Бахуджан самадж парти. Эта победа расценивалась как исключительное событие в истории индийской демократии. Завоевав большинство в законодательном собрании штата, БСП создала новый социальный альянс угнетенных слоев. Впервые за последние 15 лет однопартийное правительство во главе с Майявати – президентом БСП, к тому же женщиной, – смогло прийти к власти в штате, который играл огромную роль в политической жизни страны: от него в парламент избиралась почти шестая часть всех депутатов. Выходцы из Уттар-Прадеша были премьер-министрами страны более 50 лет⁹⁷⁷.

В любых ситуациях лидеры этой партии отстаивали право на резервирование для «отсталых классов». Процесс их общественной активизации в тех штатах, где на политическую арену стали выходить представители этих социальных слоев, привел к частичной реализации рекомендаций комиссии Мандала и способствовал вовлечению в политическую жизнь совершенно новых лидеров из социальных групп, ранее не претендовавших на участие в управлении страной.

Они привнесли в политику свои собственные ценности, устремления, привычки, нравственные представления, в чем-то отличные от устоявшихся за годы независимости норм политического поведения.

По существу, вопрос резервирования сфокусировал в себе стремление разных социальных групп решить свои проблемы, накопившиеся за столетия и обострившиеся в результате частичного перераспределения экономической и политической власти после достижения Индией независимости. Важным элементом в этой борьбе стал рост влияния низов на общественно-политические процессы в стране. Правящие круги опасались возможности вовлечения общества в «гражданскую войну». Вопрос резервирования, по словам директора делийского Центра политологии В.А. Пай Панандикера, был «единственной самой серьезной угрозой политической жизни Индии 1990-х годов». Он призвал всех здравомыслящих индийцев и политиков провести широкое обсуждение этого вопроса и прийти к консенсусу, чтобы предупредить серьезные волнения и беспорядки в стране⁹⁷⁸.

Глава 27 **РЕФОРМЫ 1990-х ГОДОВ**

Власть политической династии Неру–Ганди прервана

Через четыре месяца после прихода правительства Чандрашеkhара к власти Конгресс отозвал свою поддержку в его пользу. Правительство было вынуждено подать в отставку, но продолжало функционировать до внеочередных парламентских выборов 1991 г.

Во время предвыборной кампании 21 мая 1991 г. погиб лидер Конгресса Раджив Ганди. Он был убит террористкой из организации «Тигры освобождения Тамил илама». Трагическая гибель Р. Ганди прервала деятельность политической династии Неру – Ганди, члены которой возглавляли Конгресс в течение 42 лет после достижения страной независимости, из них почти 40 лет – в качестве премьер-министров Индии. Сразу же после выборов Рабочий комитет Конгресса обратился к вдове Раджива Ганди – Соне Ганди с просьбой возглавить партию и правительство. Она отказалась от этого предложения (в то время она не была даже членом партии Конгресс и практически не имела какого-либо опыта политической деятельности).

На выборах, которые состоялись в мае–июне 1991 г., Конгресс получил всего 232 депутатских места в парламенте из 545 и 36,5% голосов избирателей – меньше, чем когда-либо за годы независимости (за исключением выборов 1977 г., когда он получил 153 мандата в парламенте и 34,5% голосов)⁹⁷⁹. Однако позже ему удалось разными сомнительными способами переманить часть депутатов из других партий и в буквальном смысле «сколотить» однопартийное большинство в нижней палате парламента. Было сформировано конгрессистское правительство во главе с Нарасимха Рао, который после отказа Сони Ганди через некоторое время был избран президентом Конгресса.

Его главной задачей стало осуществление экономических реформ, которые были во многом подготовлены всем ходом предыдущего развития страны. За четыре десятилетия независимого развития в Индии была создана достаточно стабильная политическая и экономическая система, которая не без труда, но весьма успешно амортизировала толчки и удары, порой очень жесткие и болезненные, в разных сферах общественной, политической и экономической жизни. Эта система опиралась на такие базовые ценности, как демократия, политический плюрализм, смешанная экономика, социальная справедливость. При этом идеологическая приверженность правящей партии этой системе ценностей была весьма размытой, а иногда внешне даже противоречивой. Может быть, именно в этих нечетких очертаниях идеалов и была сила Индии, которая синтезировала в них как свои традиции, так и определенные достижения современного развития человечества. Смешанная экономика с крупным государственным сектором Индии способствовала формированию достаточно мощной инфраструктуры, а также заметному продвижению по пути решения социальных вопросов.

Важной частью деятельности индийского государства стали аграрные реформы, которые привели к демократизации системы земельных отношений благодаря значительному расширению слоя легитимных субъектов владельческого права на землю – как собственников земли, так и арендаторов с устойчивым, прочно защищенным законом арендным держанием. По всей Индии была создана однородная система прав собственности на землю, при которой земельные собственники различались между собой лишь размерами участков, которыми они владели на правах полной (или частично ограниченной в некоторых штатах) собственности⁹⁸⁰.

Индии удалось создать свою национальную промышленность, подготовить квалифицированные кадры ученых, специалистов, ин-

женеров, рабочих. В городе и деревне возник достаточно мощный средний класс, который стал оказывать растущее влияние на политический и экономический курс страны. Расширились торгово-экономические, научно-технические связи Индии со многими странами и регионами мира.

Темпы развития Индии заметно ускорились за десятилетие с 1980 г. по 1990 г., когда ежегодный рост ВВП составлял около 5,5%. К началу 1990-х годов Индия, несмотря на все трудности и проблемы, смогла заметно продвинуться вперед. Это прежде всего было видно по основным показателям человеческого развития. За этот период ожидаемая продолжительность жизни выросла почти вдвое – с 32,1 года в 1951 г. до 60,8 лет в 1992 г., грамотность повысилась с 18,3 до 52,2%⁹⁸¹.

По оценке Всемирного банка, используемая Индией модель экономического развития в период, предшествовавший либерализации начала 1990-х годов, была достаточно успешной. Это нашло свое выражение не только в ликвидации угрозы голода и снижении уровня бедности, но и в создании диверсифицированной индустриальной базы, относительно крупного и развитого финансового сектора. В отчете Всемирного банка «Тенденции в развитии экономик» говорилось, что дореформенной Индии удавалось сохранять инфляцию на низком уровне, избегать (за исключением редких случаев) несбалансированности платежного баланса. Индия никогда не допускала невыплат по иностранным долгам. Несмотря на высокую степень государственного регулирования, частный сектор стал важной частью во всех отраслях экономики. «Все эти успехи были достигнуты в условиях очень сложного общества, разделенного по этническому, лингвистическому и религиозному признакам. К тому же все эти меры осуществлялись демократически избранными правительствами»⁹⁸².

И вместе с тем оставались нерешенными многие важные проблемы, такие как практически неконтролируемый рост населения, ухудшение экологической обстановки. Несмотря на определенное улучшение ситуации в 1980-е годы, прежний темп экономического развития не мог обеспечить заметного подъема благосостояния населения, прирост которого ежегодно составлял около 2,3%. Как и раньше, главными проблемами оставались бедность и массовая неграмотность, что способствовало воспроизводству трудностей и кризисных ситуаций. Все это подталкивало к поискам новых путей развития, которые обеспечили бы более быстрый экономический рост при одновременном решении социальных проблем.

Новая экономическая политика

Результаты реформирования торговой и экономической политики в 1980-е годы стали, по мнению некоторых индийских экономистов, «историческим прорывом в темпах экономического роста». Однако другие характеризовали их как «ускорение без адекватных изменений», которое невозможно поддерживать в течение долгого времени. Подтверждением второй точки зрения было то, что в начале 1990-х годов стали появляться негативные тенденции, которые выразились в антиэкспортном торговом режиме, жестком протекционизме национальной промышленности, сокращении государственных накоплений, росте финансового дефицита. Эти и другие трудности привели к росту внешнего долга Индии, который с 23 млрд. долл. в 1980/81 г. (12% ВВП) вырос до 82 млрд. долл. в 1990/91 г. (24% ВВП), а расходы по его обслуживанию за этот же период – с 10 до 30% текущих доходов⁹⁸³.

Все это сопровождалось очередным нефтяным кризисом, который последовал за войной в Персидском заливе в начале 1991 г. В итоге в Индии разразился острый финансовый кризис – имевшиеся к июню 1991 г. валютные резервы Индии в 1 млрд. долл. были в состоянии покрыть только двухнедельный импорт товаров. Международные коммерческие банки отказались предоставлять стране новые кредиты, началось бегство капитала из Индии, которая могла получать кредиты только в обмен на золото, которое вывозилось за границу. Ситуация осложнялась из-за нехватки товаров первой необходимости, роста инфляции (до 16% в год). К тому же конец 1980-х – начало 1990-х годов были отмечены политической нестабильностью, связанной с частыми сменами правительств.

На повестку дня встал вопрос о корректировке экономического курса страны. По существу, весь корпоративный сектор, промышленники и их лоббисты выступили с позиций решительной активизации курса на либерализацию экономики и внешнеэкономических связей. Под этим имелись в виду прежде всего освобождение промышленности от государственного лицензирования и постоянного контроля со стороны правительства и приватизация государственной собственности. Многие деловые люди подчеркивали, что в такой либерализации особенно нуждаются мелкий и средний секторы экономики, и меньше – промышленные гиганты типа Бирлы или Таты, которые без проблем решают эти вопросы («лицензии им приносят на дом»).

Выступая за отмену контроля со стороны государства, предприниматели исходили из того, что государственно-административный

механизм не в состоянии быстро и эффективно решать вопросы промышленного развития, а сложившаяся макроэкономическая система не может адекватно реагировать на происходящие изменения на рынке. Кроме того, промышленники настаивали на создании таких условий, при которых экономическое развитие не зависело бы от того, какая партия находится у власти.

Высказываясь в пользу экономической либерализации, многие индийские предприниматели видели и немалые трудности на этом пути. Поскольку либерализация неизбежно ведет к усилению конкуренции, неэффективные предприятия и производства будут вынуждены прекратить свою деятельность, выбросив на улицу тысячи безработных. Отсюда проблема политической нестабильности. Не случайно, что уже на начальном этапе реформ сами промышленники задавались вопросом: а какова будет их социальная цена, как на это отреагируют рабочие? Видимо, они не будут возражать, если либерализация приведет к повышению уровня их жизни, если цены снизятся, качество и количество товаров и услуг возрастет, коррупция уменьшится. Этот вопрос ставился с учетом опыта, накопленного с середины 1980-х годов, когда политика либерализации оказалась необеспеченной необходимыми мерами социальной защиты населения. В то время контроль государства над промышленностью был заметно ослаблен, увеличилось производство промышленных товаров и доходы компаний, но одновременно произошел рост цен, инфляции, выросли государственные долги, образовался дефицит бюджета, уменьшились валютные запасы государства. Усилилась социальная напряженность, поскольку блага либерализации не дошли до широких масс населения⁹⁸⁴.

Поэтому вновь возникла проблема: как сочетать либерализацию с интересами большинства населения. По сути, речь шла о целях реформ, о том, во имя кого они будут осуществляться. Поскольку реформы являются инструментами, обслуживающими задачи как экономического роста, так и социальной справедливости, то они, по мнению экономиста А. Сенгупты, «не могут считаться успешными, если в процессе реформ мы жертвуем целями развития»⁹⁸⁵.

Вопрос о реакции населения на либерализацию рассматривался в политических кругах как один из важнейших. По мнению П. Мукерджи, министра финансов и одного из лидеров Конгресса, либерализация может оказать позитивное влияние на все слои общества в том случае, если вместе с ростом эффективности производства она будет обеспечивать социальную справедливость, что следует достичь при помощи государства⁹⁸⁶.

Особенно остро стоял вопрос о малообеспеченных слоях общества, для которых даже незначительные негативные изменения в уровне

жизни могли оказаться крайне болезненными, а потому и социально опасными. Не случайно один из идеологов правой Бхаратия джаната парти Джай Дубаши предупреждал, что если результаты либерализации не планируется довести до низов в первые же годы, то следует хотя бы сказать им об этом, чтобы у них не было завышенных ожиданий.

Промышленники еще на начальном этапе либерализации поднимали важный вопрос о государственном планировании. Одни считали, что пятилетнее планирование является анахронизмом и не отвечает задачам либерализации и свободного рынка, и требовали ликвидации Плановой комиссии, а также министерства промышленности и развития. Другие полагали, что полная ликвидация системы планирования может причинить немало вреда. До решения этого вопроса прежде всего следовало разработать и внедрить механизм, который обеспечил бы финансирование штатов и государственных предприятий.

В вопросе приватизации государственной собственности многие индийские промышленники исходили из того, что предприятия государственного сектора экономики неэффективны и поэтому их следует передать в частные руки, и чем меньше правительство будет вмешиваться в экономику, тем лучше для страны. Однако были и сторонники более взвешенного, диверсифицированного подхода. Так, бывший председатель крупной государственной организации Steel Authority of India В. Кришнамурти полагал, что государственные предприятия должны быть поделены на три категории. Первая – предприятия по производству продуктов питания, товаров повседневного спроса и длительного пользования (холодильники, велосипеды, мотороллеры и т.п.) – должны быть приватизированы. Вторая – государственные предприятия, которые успешно конкурировали с частным сектором. На них доля акций, принадлежащих государству, должна составлять менее 50%. Третья – предприятия, составляющие основу инфраструктуры: нефтехимическая промышленность, добыча угля и другие, связанные с эксплуатацией природных ресурсов страны. Они могут оставаться под контролем государства, но с участием частного капитала⁹⁸⁷.

Сторонники подобного подхода полагали, что приватизацию нельзя проводить поспешно. Особенно следовало учитывать позицию профсоюзов, без участия которых приватизация вообще могла не состояться. Более того, при решении вопросов приватизации, подчеркивали они, не нужно делать различий между государственным и частным секторами, а вести разговор об эффективном и неэффективном секторах.

Таким образом, несмотря на видимую внезапность перехода к новой экономической политике в Индии, определенная политиче-

ская и идеологическая работа в этом направлении проводилась, хотя критики реформ считали, что крупной общенациональной дискуссии по этому важнейшему вопросу в стране не было. Именно это заметно ослабило позиции реформаторов.

Один из вопросов, который дискутировался индийскими политиками и учеными, состоял в том, отвечают ли они той модели развития, которая предусматривает экономический рост и социальную справедливость, или выходят за рамки этой парадигмы и противостоят ей.

Понятно было, что в ходе реформ должен реализоваться фундаментальный принцип, сформулированный в свое время М.К. Ганди. Он говорил: «Когда вас одолевает сомнение ...используйте следующий тест: вспомните самого бедного, самого слабого человека, которого вам довелось встречать, и спросите себя, будет ли какая-нибудь польза для него от задуманного вами шага, получит ли он что-либо в результате этого?»⁹⁸⁸. Именно этот принцип, по их мнению, составил базу «человеческого развития», получившую свое выражение в восьмом пятилетнем плане (апрель 1992 – март 1997 гг.).

Экономические реформы и либерализация рынка, считали они, не самоцель, а средство для развития общества. В свою очередь, развитие состоит не только в увеличении ВВП на душу населения при эффективном использовании ресурсов, но и в социальной справедливости и уменьшении бедности. И если последняя задача не достигается рыночными реформами, то должны быть предприняты дополнительные меры⁹⁸⁹.

Касаясь сути предстоявших реформ 1990-х годов, премьер-министр Н. Рао подчеркивал принципиальную важность коренных перемен в экономике. «Мы заняты переориентацией политики последних 45 лет, – говорил он, – и пытаемся создать экономику, которая направляется рынком, а также либеральный режим торговли, с целью преодолеть макроэкономический кризис. Одновременно мы пытаемся добиться того, чтобы основа индийской социальной пирамиды не была изолирована и лишена результатов этого великого преобразования. Мы заботимся и о том, чтобы сама суть индийского народа (indianess), его самобытность, его глубокие корни и его гордость за свою идентичность ни в коей мере не пострадали»⁹⁹⁰.

В своем философско-идеологическом обосновании экономических реформ правительство Индии исходило из того, что, во-первых, они должны осуществляться по некоему среднему пути (между двумя «догмами» – командной и рыночной экономик), во-вторых, государство должно проявлять заботу об основании «индийской социальной пирамиды», то есть огромных массах бедняков, в-третьих, в ходе

этих реформ не должна быть утрачена индийская самобытность. Очень важный нюанс состоял и в том, что речь шла не о чисто «рыночной экономике», а об экономике, «направляемой или ведомой рынком».

Проблема поиска и разработки срединного пути не была новой для Индии. В колониальный и постколониальный период модернизация общества сопровождалась столкновением с западными ценностями, а затем синтезом этих ценностей или их части. Такой синтез был возможен лишь на основе органического восприятия традиционным обществом новых ценностей, когда они становятся частью общественной жизни, вписываются в традиционную среду, не разрушают ее, а дополняют, усиливают тем лучшим, что было создано в процессе развития. Если же модернизация осуществляется путем механического заимствования, переноса чужеродного опыта на иную социально-культурную почву, то неизбежно наступает реакция отторжения.

В этом смысле Индия в период британского колониального господства накопила огромный, можно сказать уникальный, опыт взаимопроникновения ценностей индийского и западного обществ. В ходе длительного, временами весьма болезненного, а иногда даже насильственного процесса, происходила их своеобразная взаимная притирка. На каждом этапе достигался новый баланс между ценностями в области культуры, науки, технологии, производства. Главное состояло в том, что это был в основном эволюционный процесс, в ходе которого выявлялись как сильные черты традиционного общества, так и его слабости, а также те ценности западной цивилизации, которые положительно воспринимались индийским общественным мнением. Стремление опередить, ускорить естественный ход модернизации приводило к общественным взрывам и откатам.

Духовная и политическая элита Индии была главным двигателем модернизации страны. Однако этот двигатель тянул за собой огромный обоз из воловьих упряжек традиционного общества, и общая скорость продвижения вперед во многом определялась скоростью самой медленной упряжки. В этих условиях нельзя было игнорировать ни одну из социально-культурных групп населения, в том числе и самую отсталую. И когда скорость превышала какой-то допустимый предел, то происходил разрыв в цепи, связывавшей ведущих и ведомых, а затем и отчуждение последних, с соответствующими социально-экономическими и политическими последствиями и издержками.

Но благодаря своему многовековому опыту индийская элита как раз и отличалась тем, что достаточно хорошо чувствовала, какой должна быть скорость реформирования или модернизации, в какой сфере и как она должна происходить, насколько глубоко могут быть

затронуты основы традиционного общества. Она сохраняла живую связь с обществом, в том числе с его огромным массивом социальных низов. Взяв курс на демократическое развитие страны, политическое руководство Индии не могло поступать иначе, ибо только это обеспечивало ему легитимность в общественном сознании и, соответственно, возможность оставаться у власти.

Учет реальных возможностей реформирования и модернизации индийского общества, ощущение той границы, за которой начинается отторжение западных ценностей, всегда были сильной чертой индийского политического истеблишмента.

Традиция сохранения тесных связей с народом, с его историко-культурными корнями продолжает оставаться важной частью политической культуры Индии, хотя и претерпевает существенные изменения, особенно в последние годы. В ней материальное благосостояние играет заметную роль, однако традиционные ценности до сих пор не утратили своего значения. Большинство успешных политических деятелей Индии – это те, кто смог идентифицировать себя, используя эти ценности. Но это не означает, что все индийские политики – традиционалисты или что им чужды новые веяния в сфере экономики, идеологии и политики. В силу исторически сложившихся связей индийской элиты, или, по крайней мере, значительной ее части, с Западом она открыта для влияния разных идей, но не заимствует их слепо, а «прилаживает» к условиям своей страны.

Эволюционная модернизация Индии

Опыт Индии, ее постепенный, эволюционный подход к модернизации, экономическим реформам, сам метод примирения, компромисса, казалось бы, далеко отстоящих друг от друга культурно-цивилизационных ценностей, и в результате такой, вроде бы, неспешной работы выработка весьма устойчивого курса движения имеет самостоятельное значение. С 1991 г. Индия спокойно и осторожно искала новые пути своего развития, тщательно оберегая то, что было уже сделано и что дало положительные результаты. Такой взвешенный подход при проведении экономической реформы проявился и в том, что Индия не отказалась от государственного планирования экономики, в то время как Россия, например, одним махом избавилась от этого инструмента государственного регулирования. Индийская реформа получила свое отражение в восьмом пятилетнем плане, который предусматривал ежегодный экономический рост в 5,6%, промышленный рост в 7,5% и рост экспорта в 13% в год⁹⁹¹.

В условиях повального увлечения рыночной экономикой, когда сама целесообразность государственного планирования подвергалась сомнению, сохранение планирования в условиях реформирования экономики было одним из ответов на важнейший вопрос об участии государства в происходящих экономических, социальных и политических изменениях. Индийское руководство подчеркивало, что государство не должно снимать с себя ответственности за эти перемены, а планирование должно играть решающую роль в социально-экономическом развитии, особенно в сфере создания социальной инфраструктуры и развития человека.

Имея немалый опыт деятельности в рамках рыночной экономики, хорошо зная ее преимущества и недостатки и признавая ее роль, правительство Индии вместе с тем полагало, что рост и развитие в стране не могут происходить только на базе рыночных механизмов. Прежний индийский опыт указывал на определенные ограничения и издержки при использовании рыночных механизмов. Он, в частности, свидетельствовал о том, что вряд ли можно полагаться на рынок в вопросах, связанных с удовлетворением нужд огромных масс – сотен миллионов, живущих на грани или за гранью бедности. Это касается не только продуктов питания и товаров первой необходимости. Рынок не может предоставить образование и обеспечить охрану здоровья всем людям, занятость и прожиточный минимум для бедноты, особенно деревенской. Только участие государства в состоянии решить эти вопросы. Поэтому планирование необходимо для защиты насущных интересов социальных низов, многие из которых до сих пор живут и работают вне рыночной системы. Развитие отсталых и отдаленных районов, их интеграция в экономическую жизнь страны не могут быть оставлены на волю рынка и поэтому должны осуществляться усилиями государства в плановом порядке.

Опыт Индии также показал, что рыночные отношения не дают нужного результата в таких сферах, как защита и сохранение окружающей среды, особенно лесов, земли, вод и ископаемых. Здесь требуется учет всей суммы обстоятельств на долгосрочную перспективу и участие в этом государства. Отсюда и необходимость планирования.

Индийский опыт продемонстрировал, что еще одной важной сферой участия государства является инфраструктура, в том числе энергетика, средства коммуникаций, ирригационные сооружения. Планирование во всех указанных сферах должно носить конкретный характер. А все иные формы планирования могут быть индикативными, то есть указывающими общие направления развития. В целом планирование должно отражать определенную степень согласия

в обществе через диалог между социальными партнерами – правительством, крестьянами, профсоюзами и деловыми кругами. При этом планирование не следует противопоставлять рыночной экономике.

В условиях Индии отчетливо выявилось и то, что главным и наиболее трудным вопросом было децентрализация экономики снизу доверху. Притом что правительство как в центре, так и в штатах не могло отказаться от своей интегрирующей роли в выработке экономической политики, особенно в такой критически важной сфере, как развитие человека.

Исходя из этих принципиальных подходов, в восьмом пятилетнем плане Индии были определены следующие приоритетные направления развития: достижение полной занятости к концу столетия, контроль за ростом населения, введение всеобщего начального образования, ликвидация неграмотности, обеспечение населения качественной питьевой водой, создание первичной системы здравоохранения для всего населения, рост и диверсификация сельского хозяйства для достижения самообеспеченности в производстве продовольственного зерна, развитие инфраструктуры для обеспечения устойчивого экономического роста. Все это концентрировалось вокруг человека, его нужд и потребностей⁹⁹².

Возможности частного сектора значительно расширились, в том числе и в тех сферах экономики, в которых раньше его присутствие было менее заметным – в энергетике, угольной промышленности, нефтехимии, коммуникациях. А в целом восьмой пятилетний план, в ходе которого осуществлялся крутой поворот в сторону либерализации индийской экономики, представлял программу развития всей страны, а не ее отдельных отраслей или регионов.

Был ли избран Индией наилучший вариант – сказать трудно, учитывая как масштабы страны, так и то, что на ход реформ оказывало влияние огромное число факторов, как внутренних, так и внешних. В сравнении с некоторыми другими странами, где реформы давно назрели, но не были подготовлены ни в социально-экономическом, ни в политическом и еще меньше в психологическом плане, в Индии путь к либерализации и глобализации экономики был начат в 1980-е годы, хотя предпосылки этих реформ создавались еще раньше, в начальный период индийской независимости. Возможность развития по этому пути была заложена в смешанной экономике, которая предполагала наличие как частного, так и государственного секторов. Но индийская экономика в своей основе всегда оставалась экономикой частного сектора.

Реформы 1990-х годов в Индии во многом стали продолжением стратегии развития, разработанной Неру и продолженной далее

И. Ганди. Эти лидеры выдвинули задачу превращения Индии в великую мировую державу. В качестве главного условия для этого был необходим быстрый экономический рост на основе модернизации, особенно развития науки и технологии, повышения производительности. В свою очередь, экономический рост должен был сочетаться с социальной справедливостью, что в условиях Индии означало, с одной стороны, предоставление возможностей для развития большинства населения, а с другой – устранение социально-экономического неравенства между отдельными группами людей, вне зависимости от религии или касты, и между отдельными регионами.

Не выполнив этой задачи, невозможно было обеспечить единство народа, без чего в Индии нельзя было решить и все другие проблемы. Эта стратегия по большому счету оправдала себя, позволила, несмотря на масштабные изначальные трудности и проблемы, связанные прежде всего с бедностью населения, существенно продвинуться вперед в экономическом и социальном развитии страны.

Правительство во главе с Н. Рао предприняло шаги по разрешению финансового кризиса. Уже в июле 1991 г. оно начало программу стабилизации и структурных изменений экономики, предложенную и финансируемую МВФ, Всемирным банком, Азиатским банком развития и отдельными странами, в том числе Японией.

Главная задача новой экономической политики состояла в том, чтобы привести в соответствие рост спроса с долговременным ростом экономики, снизить инфляцию и улучшить ситуацию с платежным балансом. Стабилизационные меры включали также сокращение финансового дефицита, сдерживание денежной эмиссии и т.п. Предусматривалось проведение структурных преобразований, которые включали отмену лицензий, снятие государственного контроля цен на ряд товаров, либерализацию внешней торговли, дерегулирование финансов, приватизацию государственных предприятий, а также сокращение государственных субсидий на социальные нужды.

В ходе осуществления реформ были достигнуты определенные успехи. Произошло заметное уменьшение финансового дефицита, рупия стала конвертируемой по текущим операциям после снижения ее обменного курса на 20%. Импортные товары, за исключением небольшого списка, были освобождены от лицензирования. Торговая либерализация дополнялась политикой более свободного иностранного инвестирования, дерегулированием промышленности, снятием государственного контроля с цен на некоторые товары первой необходимости. Реализация программы реформ позволила преодолеть острый кризис платежного баланса, выросли резервы в иностранной валюте (до 19,6 млрд. долл. в 1995 г.). Увеличились иностранные

капиталовложения, хотя их приток не соответствовал нуждам страны. Переводы валюты от индийцев из-за рубежа составили 7,4 млрд. долл. (1995/96 г.). Инфляция в первый год реформ выросла до 24%, однако оставалась на уровне 10–11% в 1993–1995 гг., а затем упала до 4% в 1995/96 г. В сельском хозяйстве наблюдался определенный подъем прежде всего благодаря хорошим урожаям в течение двух лет подряд, что во многом было связано с обильными муссонами. К концу 1995 г. объем государственных запасов риса составил 13 млн. тонн⁹⁹³. В первый год проведения нового экономического курса большую озабоченность вызвало резкое падение роста ВВП: в 1991/92 г. он составил всего 0,9%. В последующие три года положение несколько изменилось. Рост ВВП достиг 4% ежегодно. Однако это было существенно ниже, чем в предыдущее десятилетие. Ситуация впоследствии заметно улучшилась – в 1995/96 г. ВВП вырос на 6,6% по сравнению с 1994/95 г. При этом промышленное производство увеличилось на 8–9% (в машиностроении даже до 10–11%)⁹⁹⁴.

На первом этапе реформ крупной проблемой стало сокращение внутренних инвестиций, как государственных, так и частных. Особенно резко уменьшились инвестиции физических лиц (почти на 1/3 в первый год реформ). И это произошло, несмотря на то, что было снято большинство ограничений на открытие предприятий частными компаниями во всех отраслях, кроме шести (оборонные предприятия, атомная энергетика, угольная промышленность, нефтяная промышленность, минеральное сырье для атомной промышленности, железные дороги). В последующие годы ситуация с внутренними инвестициями заметно улучшилась⁹⁹⁵.

В целом, по признанию авторов реформ, реакция экономики на либерализацию была неоднозначной. В соответствии с объявленной правительством стратегией развития, оно брало на себя обязательство осуществлять более эффективные мероприятия по социальному и человеческому развитию (повышение грамотности, улучшение начального образования, здравоохранения, благосостояния семьи, обеспечение питьевой водой, жилищем, более полной занятости населения). Имелось в виду усилить роль государства в тех сферах, где одни рыночные силы не могут достичь поставленных социальных и экономических задач. Однако относительно вялый экономический рост, а также нулевой рост занятости негативно сказались на реализации этой части программы.

Именно эта сторона деятельности правительства была подвергнута наибольшей критике со стороны его оппонентов. Они признавали, что правительству удалось преодолеть финансовый кризис, увеличить резервы иностранной валюты, что экономика стала посте-

пенно, хотя и медленно, набирать темпы, несколько выросло сельскохозяйственное производство. Однако на этом фоне положение социальных низов не улучшилось, а в ряде случаев даже ухудшилось.

В ходе реформ проблема бедности продолжала оставаться в центре внимания общественности. Профессор С.П. Гупта, директор Индийского совета по исследованию международных экономических отношений, исходил из того, что экономические реформы были начаты для достижения высокого роста и сокращения бедности на устойчивой основе. Однако в ходе реформ «просачивание» этих достижений в бедные слои снизилось по сравнению с предыдущим периодом. Потребление в деревне и городе в целом уменьшилось, в то время как среди богатых оно возросло⁹⁹⁶.

По данным 46–48-го раундов Национального выборочного обследования, число бедных с 35,5% в 1990/91 г. увеличилось до 40,6% в декабре 1992 г. В этой связи индийский исследователь Дж. Мехта задавал вопрос: «Могут ли рост и глобальная интеграция небольшой элитной группы создать достаточную занятость, чтобы абсорбировать 900 миллионов человек, включая 350 миллионов бедняков? Опыт говорит об обратной тенденции, а именно об увеличении числа бедных и усилении отчуждения бедных от ориентированной на экономический рост глобальной экономики»⁹⁹⁷.

Такого рода критика была довольно типичной (разница – в степени остроты) для многих индийских авторов – оппонентов экономических реформ, находившихся на разных флангах индийской политики и общественной мысли. То, что эта критика опиралась на общественное мнение, проявилось в результатах выборов в законодательные собрания ряда штатов в конце 1993 г. и в начале 1995 г. В большинстве из них правящая в центре партия Конгресс потерпела поражение, что стало для нее важным сигналом для корректировки реформ в сторону большей социальной защищенности населения, хотя сделать это было непросто, учитывая, в частности, условия, выдвинутые в программе МВФ и Всемирного банка.

Некоторые индийские специалисты высказывали мнение, что сокращение расходов на программы в социальных секторах (здравоохранение, начальное образование, уход за детьми и т.д.) оказывает негативное воздействие на широкие массы, ведет к тому, что реформы могут восприниматься как направленные против бедноты. Отсюда предложения рассмотреть возможность значительного расширения системы государственного распределения при увеличении субсидий, продаже товаров первой необходимости по сниженным ценам. Поднимался вопрос о дальнейшей стратегии реформ. Член Рабочего комитета Конгресса М. Соланки, специально назначенный руководством

партии для выработки ее политики по экономическим вопросам с учетом поражения Конгресса на выборах в законодательные собрания, выступил с предложением «притормозить» реформы с тем, чтобы дать время уже достигнутым результатам «просочиться» до слабых слоев общества⁹⁹⁸.

Однако правительство не было свободно в принятии такого рода решений. На него оказывали давление силы внутри страны и за ее пределами, считавшие, что Индия слишком медленно идет по пути реформ. Такого мнения, например, придерживался Канвал С. Рекхи, вице-президент компании «Новелл», США, одной из крупнейших в мире по производству компьютеров. Он полагал, что в сравнении с Китаем, Малайзией, Таиландом, Индонезией и Польшей Индия движется «со скоростью улитки»⁹⁹⁹.

Даже в такой жизненно важной сфере, как закупка и экспорт зерновых, индийское правительство не имело полной свободы действий. Политика жесткого контроля над экспортом зерна позволяла ему в предыдущие годы постоянно иметь резервы продовольствия на случай неурожая. В начале 1996 г. правительство приняло политическое решение о распределении части запасов риса между беднейшими слоями населения, что диктовалось необходимостью улучшить положение этих социальных групп, а также задачей завоевать их поддержку на парламентских выборах в 1996 г. Однако это вызвало возражение со стороны МВФ, выступающего против потребительских субсидий и дотаций. Правительство Индии было вынуждено отказаться от этого плана в пользу экспорта 3,8 млн. тонн риса в Индонезию, Китай и Бангладеш, которые были вынуждены из-за неурожая 1995 г. импортировать рис¹⁰⁰⁰.

Реформы не привели к существенным переменам к лучшему в жизни крупных социальных групп, прежде всего низов, что лишило правительство их поддержки. К этому добавился слабый учет общественного мнения, отсутствие традиционной для Индии широкой дискуссии и общенационального согласия по вопросу о выборе экономической стратегии. Все это способствовало тому, что начавшая эти реформы правящая партия Конгресс потерпела поражение на очередных парламентских выборах в мае 1996 г.

Характерно, что в момент истины – после проигрыша Конгресса на выборах – уже бывший премьер-министр Н. Рао настаивал на том, что его правительство продолжало курс Неру и политику смешанной экономики, осуществляло реформы «с человеческим лицом», избегая крайностей¹⁰⁰¹. Тем не менее, этот курс не сопровождался улучшением ситуации с занятостью, уменьшением бедности, решением других острых социальных проблем.

Опыт индийских реформ свидетельствовал, что они стали естественным и логическим продолжением прежней экономической политики. Однако это был новый, более крутой поворот в реформировании экономики – ответ на новые вызовы индийского общества и международной политики начала 1990-х годов. Стратегическая цель реформ – резко усилить темпы экономического роста при сохранении социальной стабильности – отвечала задачам Индии как государства, стремящегося занять достойное место среди великих держав. И если первая часть поставленной цели – экономический рост – стала постепенно обретать свои конкретные формы, то вторая – социальная стабильность – столкнулась с новыми и старыми проблемами, связанными с бедностью и огромным неравенством в обществе.

Пять лет реформ в Индии показали, что без сильной социальной политики экономический рост сам по себе не может обеспечить стабильного развития общества. Такая политика была не менее важным элементом преобразований, чем рыночные реформы. Но, несмотря на большие трудности в проведении реформ, индийское общество не отказывалось от их поддержки. Судьба как самих реформ, так и будущее страны, перспектива ее превращения в мощную мировую державу во многом зависели от того, насколько Индия могла совместить экономический рост с сильной социальной политикой в интересах широких слоев населения.

Глобализация экономики Индии

В историческом контексте проблема глобализации экономики для Индии не была новой. После завоевания британскими колонизаторами она получила выход в мировую экономику через систему колониальных отношений. Результаты были неоднозначными, но главный итог очевидным – обогащение и капиталистическое развитие метрополии, с одной стороны, разграбление и определенное, хотя и ограниченное, экономическое развитие Индии в рамках колониальной экономики – с другой. Когда вплотную встал вопрос о том, насколько открытой должна быть Индия зарубежному влиянию (прежде всего в области культуры), М.К. Ганди в присущей ему афористической манере высказал свое отношение к этому вопросу следующим образом: «Я хочу, чтобы ветер культуры всех стран свободно веял в моем доме. Но я не хочу, чтобы он сбил меня с ног»¹⁰⁰².

В годы независимости ориентир на самообеспечение, на разумный протекционизм позволил Индии создать инфраструктуру экономики, крупный промышленный потенциал, решить многие масштабные

проблемы при участии как государственного, так и частного капитала. Но протекционизм породил и немалые проблемы, связанные, в частности, с привлечением инвестиций и высоких технологий. И, тем не менее, Индия не изолировала себя от внешнего мира, а постепенно интегрировалась в мирохозяйственные связи, хотя и довольно медленно.

Для этого существовали не только экономические, но и политические причины, которые были связаны в первую очередь с достижением экономической независимости. Политика опоры на свои силы была вполне оправданной после 200-летнего колониального порабощения. Проблема независимости – политической и экономической – была центральной темой общественной жизни Индии колониального и постколониального периода. Актуальной она была и в конце XX в., хотя ее содержание и акценты существенно изменились в новых условиях. По существу, мало кто в Индии выступает против глобализации ее экономики. Вопрос состоит не в том, нужно это или не нужно, а в том, как и насколько глубоко и быстро осуществлять этот процесс, чтобы не нанести ущерба национально-государственным интересам страны.

Логика внутреннего развития Индии в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда, по выражению индийского обозревателя Сваминатхана С.А. Айяра, страна в течение ряда лет «жила не по средствам», и дефицитное финансирование достигло небывалых масштабов, привела к тому, что она постоянно использовала внутренние и внешние займы. Это сопровождалось огромным ростом внешнего долга. Страна оказалась не в состоянии обслуживать его, что поставило под сомнение ее финансовые возможности в глазах иностранных кредиторов. Принятые по согласованию с МВФ и Всемирным банком меры по финансово-экономической стабилизации стали составной частью бюджета на 1992/93 г.¹⁰⁰³ Впервые в истории Индии бюджет получил сначала одобрение иностранных финансовых организаций и только затем был представлен на рассмотрение парламента, что вызвало бурю возмущения как в самом парламенте, так и за его стенами... Многие говорили об унижении, которое испытала Индия, о том, что с ней обращались как с безответственным партнером, которого следует подвергать тщательной проверке, указывали на угрозу национальной безопасности страны, о ее подчинении иностранному влиянию.

В ходе дискуссии по вопросу о глобализации экономики Индии ее сторонники активно продвигали мысль, что привлечение иностранного капитала через посредство многонациональных корпораций (МНК) или их филиалов не означает экономического подчинения

страны, тем более что доля прямых иностранных инвестиций в Индии очень мала в сравнении с Китаем, Бразилией, Мексикой и некоторыми другими государствами. Подчеркивалось также, что глобализация экономики приведет к получению Индией передовых технологий, без которых невозможен научно-технический прогресс.

К началу экономических реформ Индия накопила значительный опыт сотрудничества с иностранными компаниями. Поэтому индийские предприниматели настаивали на привлечении иностранного капитала, но на определенных условиях и в конкретные сферы экономики. Некоторые из них считали, что иностранные инвестиции следует использовать только в сфере высоких технологий и предлагали определить список отраслей промышленности, где запрещается такое инвестирование, при условии, что все остальные сферы экономики будут открыты для него.

В свою очередь, оппоненты широкой глобализации полагали, что политика масштабного участия МНК в финансово-экономической жизни страны приведет сначала к увеличению доли их акций в индийских компаниях, а затем и поглощению этих компаний иностранным капиталом, что нанесет серьезный ущерб индийскому частному предпринимательству. Не случайно, что крупные промышленники, объединившиеся в «Бомбейском клубе» и Всеиндийской организации товаропроизводителей, выступили против «дискриминационной политики глобализации», которая, по их мнению, предоставляла широкие возможности иностранному капиталу за счет отечественного. Они отмечали, что рост прямых иностранных инвестиций может «открыть Эльдorado» для иностранных компаний, поскольку существенная доля этих инвестиций реализуется в финансовой сфере, что способствует спекулятивной торговле акциями, а не подъему реальной экономики. Кроме того, инвестиции осуществляются в форме «коротких» денег, которые могут быстро изыматься, как только рынок подаст об этом сигнал. Указывалось и на то, что в Индии прямые иностранные инвестиции не направляются на развитие основных секторов экономики, таких, например, как машиностроение, а идут на развитие технологий, которые дают быструю прибыль – линий по производству безалкогольных напитков, мороженого, отверточных технологий по сборке компьютеров, телевизоров и т.д. Такое использование иностранных инвестиций ведет к технологической зависимости.

Все это способствует так называемому элитарному росту, то есть росту производства товаров, отвечающих потребностям верхней части среднего класса и более богатых слоев, которых в Индии, по разным оценкам, тогда насчитывалось от 50 до 150 млн. человек.

Таким образом, развиваются сектора экономики, ориентированные на «новую культуру потребительства» этих слоев общества. Действительно, за 1980–1993 гг. производство «элитарных» товаров росло ежегодно в среднем на 10%, в то время как выпуск товаров массового потребления – всего на 4,5%. По мнению многих индийских политиков и исследователей, это приводило к тому, что производство «отворачивалось» от нужд большинства населения страны, что вело к ухудшению его положения, усилению имущественного неравенства, поляризации в обществе и к росту нестабильности¹⁰⁰⁴.

Так, Мадху Дандавате, занимавший пост министра финансов в правительстве Национального фронта Индии (1989–1990 гг.), а затем заместителя председателя Плановой комиссии Индии при правительстве Объединенного фронта (1996–1997 гг.), полагал, что «элитарному росту» без социальной справедливости сопутствуют эрозия реальных доходов широких масс, экономическое неравенство, рост социального напряжения. По его мнению, предоставление дополнительных льгот МНК наносит ущерб мелкому предпринимательству и сельскому хозяйству, которые не могут конкурировать с ними. Внедрение МНК в так называемые «мягкие зоны», например в сферу пищевой промышленности, приносящую быструю прибыль, ведет к закрытию многочисленных мелких предприятий, к росту безработицы¹⁰⁰⁵.

Другие оппоненты широкой глобализации выражали беспокойство, что полная открытость международному рынку приведет к усилению давления иностранных товаров на индийский рынок, что окажет отрицательное воздействие на работу промышленности, особенно тех предприятий, которые не могут выдержать иностранной конкуренции. В Индии стали раздаваться призывы к проведению движения свадешти по образцу 1930-х годов, которое под руководством М.К. Ганди было направлено на поощрение развития местной промышленности и отказ от иностранных товаров.

Защитники местного производителя товаров и услуг требовали, чтобы иностранные инвестиции содействовали подъему национальной экономики путем внедрения передовой технологии и ноу-хау, а не вели к подавлению местных предпринимателей. Эта защита принимала иногда острые формы, такие как выступления общественности против открытия закусовых типа «Цыплеты из Кентукки», которые, по мнению индийских мелких и средних предпринимателей, подрывали позиции закусовых и ресторанов, десятилетиями специализировавшихся на цыплетях «тандури».

А более непримиримые противники глобализации считали, что она является инструментом подчинения развивающихся стран богатым странам не только в экономической, но и духовной сфере. Так,

политический обозреватель Дев Мурарка полагал, что «глобализация угрожает стать высшей и последней стадией империализма, более всеобъемлющей и коллективной, чем когда бы то ни было в истории. Всеобъемлющей потому, что она преследует своей целью не только установление экономического или политического господства МНК над остальным миром, но и контроль и манипулирование всей мыслительной деятельностью, которая может вступать в противоречие с ее жестким нажимом... Она рассчитана на то, что мир во всем должен действовать в соответствии с их намерениями и планами. Коллективной потому, что это не будет господством одной страны над другими, как раньше в случае с Англией и Францией, а гегемонией всех западных стран во главе с США»¹⁰⁰⁶.

Проблема открытости рынка и его защищенности в условиях Индии и других развивающихся стран особенно сложна с учетом того, что богатые страны сами прибегали к политике протекционизма. Не случайно президент Всемирного банка Л. Престон вынужден был говорить об «ужасной иронии», когда развивающиеся страны открывают свои рынки, а промышленно развитые государства проводят политику протекционизма. «Кто-то должен указать развитым странам, – писал Престон, – что они пользуются выгодами открытости этих рынков, но, как известно, любовь – это улица с двусторонним движением, поэтому им следует также проводить политику открытых рынков»¹⁰⁰⁷.

Помимо политики протекционизма, к которой эгоистично прибегали развитые страны, другая крупная проблема заключалась в том, что богатые государства использовали дешевый труд в странах третьего мира для получения сверхприбылей. Глобальная экономика позволяла многонациональным корпорациям выбирать те сферы деятельности в развивающихся странах, в которых можно снизить расходы на заработную плату, обходя при этом нормы и стандарты, установленные на Западе. Это облегчалось конкурентной борьбой между странами третьего мира и бывшими социалистическими странами за иностранные инвестиции. В конечном итоге это лишало рабочих в этих странах их законной доли в созданном богатстве.

Существовали и другие аспекты глобализации, связанные со способностью развивающихся стран привлекать иностранный капитал. Одним из главных факторов в пользу или против размещения иностранных инвестиций были затраты на сохранение окружающей среды. В отличие от демократических государств, авторитарные режимы в некоторых развивающихся странах располагали большими возможностями решать проблемы иностранных капиталовложений без должного учета экологических затрат. Они зачастую не

стеснялись игнорировать мнение и даже сопротивление защитников окружающей среды при выборе места будущих промышленных объектов. Индия является одной из стран, где общественные организации в состоянии заблокировать реализацию таких проектов, если они могут нанести ущерб окружающей природной и культурно-исторической среде. И они не раз это делали. В этом смысле, пишет индийский обозреватель Нарендар Пани, у Китая и Индонезии есть преимущество перед Индией в привлечении иностранного капитала¹⁰⁰⁸.

Хорошо представляя себе сложности и неоднозначность процесса глобализации, индийские политики и специалисты выступали за такую интернационализацию экономики страны, которая означала бы не только большую открытость ее рынков, но и адекватный приток инвестиций и технологий. Однако в реальности этот вопрос решался весьма непросто. «К сожалению, писал вице-президент Индии К.Р. Нараянан, налицо растущая тенденция во многих развитых странах укреплять свои таможенные барьеры, особенно против импорта из развивающихся стран. Наблюдается и устойчивое падение мировых цен на товары, экспортируемые из этих стран. Существует также тенденция увязывать торговые отношения с социальными вопросами, условиями труда и проблемами окружающей среды в развивающихся странах, что наносит им большой ущерб». Свободная торговля, по его мнению, во многих аспектах является не «свободной, а управляемой торговлей»¹⁰⁰⁹.

Проблема свободной торговли воспринималась многими индийцами не догматически, а исходя из конкретных исторических условий, с учетом уровня развития Индии и ее места в мире. «Нам нужно определенное время, чтобы стать полноправными участниками свободной торговли», – писал член парламента К.Р. Малкани. При этом он не без оснований ссылался на эпизод столетней давности из истории отношений между Великобританией и США. Первая потребовала от Америки отменить протекционистские тарифы и «открыться» для такой торговли. На это президент США У. Грант (1822–1885) напомнил, что Англия защищала свою промышленность в течение 100 лет до того, как сама стала проводить политику свободной торговли. Америка сделает то же самое, сказал президент¹⁰¹⁰.

По мнению экономиста С.П. Гупты, либерализация изменила лицо корпоративного сектора и привела к появлению новых проблем. Он полагал, что свободный рынок не обязательно ведет к конкуренции и повышению эффективности. Внутренний рынок эксплуатируется иностранными инвесторами, которые игнорировали конкурентоспособный индийский экспорт. Значительное число

лидеров на внутреннем рынке уступило свои позиции многонациональным корпорациям. Росла озабоченность, связанная с реальной проблемой защиты индийских компаний, угрозой деиндустриализации Индии. Отсюда необходимость сдерживания негативных последствий деятельности иностранных компаний на экономику и сохранения основы местного бизнеса в руках индийцев. Важным является «совместимость» глобальной конкуренции с существованием мелких производителей. Экономика, в которой огромную роль играет многочисленный неорганизованный сектор, должна пройти через тщательно спланированный переходный период, чтобы избежать социально-политической напряженности. Гупта признавал, что глобализация, являясь естественным результатом развития всей системы международных отношений и мирового хозяйства, стала насущной задачей дня. Однако она представляет собой противоречивый процесс, связанный как с рисками, так и с новыми возможностями, которые неодинаковы в разных странах¹⁰¹¹.

В пользу более широкой глобализации говорило то, что Индия нуждалась в иностранном капитале, технологиях и управленческом ноу-хау, поскольку в ходе предыдущего развития индийская промышленность мало инвестировала в развитие передовых технологий. А это привело к еще большей зависимости от иностранных государств. Поэтому у Индии не было иного выбора, кроме привлечения капитала из-за рубежа. Сторонники такого подхода справедливо отмечали, что нельзя остановить ход истории, поступательное экономическое и технологическое развитие, что следует преодолеть узкий национализм¹⁰¹².

Другие предостерегали, что на этом пути немало трудностей. Так, индийский ученый Р. Нараянсвами предупреждал о последствиях не критического подхода к программам международных финансовых организаций, которые не всегда принимают во внимание специфику стран Южной Азии, настаивая на своих рецептах. «Путь, по которому пошла Россия, конечно, не является единственной дорогой к хаосу, – пишет он. – И если сейчас мало что можно сделать, чтобы остановить этот процесс, то пока еще не поздно учиться на этом опыте»¹⁰¹³.

Преобразования в Индии в первой половине 1990-х годов продолжали и развивали (пусть не всегда с равной настойчивостью и последовательностью) то лучшее, что было уже завоевано, а не проходили под лозунгом отказа от прошлого. По-прежнему правительство Конгресса делало главную ставку на внутренние ресурсы страны. Вместе с тем наблюдался отход от прежней социальной политики, которая составляла основу влияния Конгресса в массах,

отход от понимания того, что такая политика является не менее важным элементом преобразований, чем сами рыночные реформы, что экономический рост сам по себе не может обеспечить стабильного развития общества. Реформы не привели к осязаемому улучшению положения большинства народа, более того, треть населения, как и ранее, оставалась за гранью бедности.

Усиление роли местного самоуправления

В 1992 г. правительство во главе с Н. Рао предприняло важные меры по развитию и укреплению органов самоуправления в деревнях и городах. Парламент принял поправки к конституции, на основе которых были установлены правила организации деревенских панчаятов как реально действующих органов сельского самоуправления, определен четкий порядок выборов на основе всеобщего голосования в панчаяты трех уровней – деревни, талука (района) и дистрикта. Закон предписывал обязательное резервирование мест в панчаятах, а также в их руководящих органах для представителей зарегистрированных каст и племен (пропорционально их численности в данной местности) и как минимум одной трети мест – для женщин (в 2009 г. центральное правительство приняло решение выделять 50% таких мест для женщин). Был установлен пятилетний срок полномочий панчаятов. В случае введения административного управления панчаятом его срок не должен превышать шесть месяцев, после чего должны состояться выборы. Развитие системы самоуправления в тысячах индийских деревень было крупным шагом в демократизации всей общественной жизни страны. Аналогичный закон был принят в отношении органов самоуправления в городах¹⁰¹⁴.

Правление панчаята, или деревенского самоуправления, было ключевым моментом в системе взглядов М.К. Ганди на управление в стране. Однако ни Дж. Неру, ни И. Ганди не пошли на предоставление реальной власти этим органам. Неру полагал, что это может затормозить экономическое развитие страны, так как финансовые ресурсы будут распылены, И. Ганди предпочла централизованное управление.

Первые серьезные попытки создать эффективные деревенские панчаяты были предприняты в Западной Бенгалии правительством Левого фронта, которое пришло к власти в 1977 г. Оно использовало этот инструмент самоуправления для проведения аграрных реформ в пользу многочисленного слоя баргадаров-издольщиков. В 1983–1987 гг. этот процесс получил развитие в Карнатаке, где правитель-

ство Джаната парти (С) наделило деревенские панчаяты существенными полномочиями.

Правительство Конгресса во главе с Радживом Ганди пыталось создать всеиндийскую систему местного самоуправления. Этот план преследовал двойную цель. Во-первых, сделать вынужденную уступку растущим требованиям со стороны штатов. Во-вторых, создать такие условия в штатах, где действовали оппозиционные Конгрессу правительства, когда центр получил бы возможность, направляя фонды в панчаяты в обход штатовских властей, прямо обращаться к населению в этих штатах¹⁰¹⁵. Однако во время дискуссий в парламенте, предшествовавших принятию поправок к конституции в 1992 г., правительства штатов выразили озабоченность относительно возможности ущемления их полномочий. В конечном итоге принятый закон предоставил право штатам на их территории определять функции и полномочия панчаятов¹⁰¹⁶.

В отличие от союзного и штатовского уровней, управление которыми определено конституцией, местное самоуправление и управление было отнесено к компетенции штатов, которые могли принимать законы по этим вопросам. Основой местной власти в Индии считается дистрикт – главная административная единица штатов и союзных территорий. Территория дистрикта поделена на городские и сельские районы, в каждом из которых действуют те или иные разновидности органов местного самоуправления. В отличие от многих других стран в Индии нет унифицированной системы местного самоуправления. Городское и сельское самоуправление фактически не связаны между собой и действуют самостоятельно.

Во главе администрации дистрикта стоит коллектор. На эту должность в колониальную эпоху, как правило, назначался чиновник Индийской гражданской службы, после независимости – сотрудник Индийской административной службы (IAS). Функции коллектора широки и многообразны. Достаточно сказать, что он управляет территорией с населением в миллион и более человек.

В 1950-х годах начала создаваться система сельского самоуправления, известная под названием *панчаяти радж*. Эта трехступенчатая или, в некоторых случаях, двухступенчатая система стала вводиться в Индии с 1959 г. Ее нижнее звено на уровне деревни – *грам панчаяты* существовали еще в 1920-х годах, но к моменту достижения независимости почти перестали действовать. Деревенский панчаят создавался для одной, а иногда нескольких небольших деревень. Он состоял из 15–20 членов, избираемых на пять лет деревенским собранием, в котором теоретически принимало участие все взрослое население деревни. Главу панчаята также выбирали члены

деревенского собрания, а заместителя – члены панчаята из своей среды. Деревенский панчаят занимался всеми делами деревни.

Позже к уже существовавшим деревенским панчаятам (более 225 тыс. по всей стране) было добавлено среднее звено *панчаят самити* (комитет панчаятов) на уровне блока общинного развития (на которые в начале 1950-х годов была поделена вся страна для осуществления программ по социальному и культурному развитию) и верхнее звено – *зила паршиад* (совет дистрикта).

В большинстве штатов комитет панчаятов считается главным звеном в системе деревенского самоуправления, ибо он имеет непосредственное отношение к распределению фондов общинного развития и к осуществлению местных экономических программ. Этот комитет не избирается, а назначается из председателей деревенских панчаятов, находящихся на территории блока общинного развития. С правом совещательного голоса в него входят депутаты парламента и законодательного собрания от этой территории. Председателя и его заместителя выбирают члены комитета панчаятов. Главным исполнительным лицом в комитете панчаятов является чиновник блока общинного развития, который назначается правительством штата.

Совет дистрикта объединяет председателей всех комитетов панчаята, находящихся на территории дистрикта. В него входят также члены парламента, законодательного собрания и законодательного совета от данного дистрикта, представители кооперативов и кооперативных банков. С правом совещательного голоса в нем принимает участие коллектор дистрикта. Члены совета дистрикта выбирают из своей среды председателя. Правительство штата назначает секретаря, на которого возлагаются исполнительные функции. В большинстве штатов совет дистрикта – это консультативный и координационный орган, осуществляющий контроль за деятельностью комитетов панчаята.

Несмотря на все эти организационные меры, система сельского самоуправления, так же как и городского, работала недостаточно эффективно. Выборы в панчаяты проводились нерегулярно, соответственно не происходило обновления вышестоящих органов, нарушался их представительный характер. Большую роль в них по-прежнему играли чиновники.

Необходимость развития демократических институтов на деревенском уровне потребовала конституционного оформления этой жизненно важной проблемы. В результате в 1993 г. конституцией были установлены правила выборов, организации и деятельности сельских панчаятов.

В крупных городах самым представительным органом самоуправления является муниципальная корпорация. Она состоит из со-

вета корпорации, мэра и его заместителя. Члены совета корпорации избираются прямым голосованием на основе всеобщего избирательного права на срок от трех до пяти лет, в зависимости от штата. Мэр и его заместитель выбираются членами совета из своего числа. Совет корпорации принимает и утверждает бюджет, назначает постоянно действующие комитеты, издает постановления и осуществляет надзор за работой корпорации. Мэр является фактически церемониальной фигурой. Исполнительная власть сосредоточена в руках комиссара корпорации, который является ее главным администратором. Его назначает правительство штата.

В средних и малых городах самоуправление осуществляет муниципальный совет или муниципалитет. Муниципальный совет состоит из членов, избираемых населением на основе всеобщего избирательного права (на срок от трех до пяти лет), председателя, выбираемого членами совета, и секретаря, назначаемого правительством штата, в руках которого сосредоточена исполнительная власть.

Практика городского самоуправления в Индии вплоть до начала 1990-х годов свидетельствовала о том, что нередко в тех или иных районах страны муниципальные органы бездействовали, а управление городами осуществлялось государственной администрацией. Все это вынудило правительство принять поправку к конституции, в соответствии с которой учреждались три вида муниципального управления: органы самоуправления для поселков городского типа, муниципальные советы для небольших городов и муниципальные корпорации для больших городов. Были также разработаны уставы избирательных комиссий штатов и союзных территорий для организации регулярного проведения выборов в городские органы власти. После этого в сравнительно короткие сроки были проведены выборы в муниципальные органы практически по всей Индии, и, таким образом, заметно оживилась деятельность демократических институтов на городском уровне.

Спустя десятилетие после принятия указанных поправок к конституции в органах самоуправления в деревнях и городах было более трех миллионов избранных членов. Из них одна треть – женщины. Активность на выборах была весьма высокой – более 70% избирателей участвовали в голосовании. Однако в разных районах картина участия в этих выборах и реальный вклад членов панчаятов от разных социальных групп во многом отличались. Это особенно касалось женщин и представителей низших каст. Одному из авторов этой работы довелось беседовать в 2004 г. с членами панчаята в деревне Мубаракпур дистрикта Бхагпат штата Уттар-Прадеш. Из 18 членов панчаята на встрече присутствовало 12 его членов-мужчин. Осталь-

ные шесть – женщины – отсутствовали. Глава панчаята, отвечая на вопрос, почему их нет, сказал, что они заняты своими делами¹⁰¹⁷.

Правление БДП в Уттар-Прадеше. Разрушение мечети в Айодхье

Политические страсти вокруг резервирования для отсталых каст, достигшие своего пика в 1990 г. после принятия премьер-министром В.П. Сингхом части рекомендаций комиссии Мандала, продолжали оставаться одним из центральных вопросов политической жизни и в последующие годы. А на горизонте маячила не менее сложная и грозная проблема, связанная с религиозно-общинными противоречиями после событий в Айодхье. Правительство Чандрашеkhара предприняло попытку решить эту проблему путем переговоров между Вишва хинду паришад и Всеиндийским комитетом мечети Бабура (ВКМБ). Однако сблизить их позиции не удалось. ВХП заявил, что рождение Рамы в Айодхье является вопросом веры, которую разделяют десятки миллионов индусов. Это нельзя ни оспорить, ни доказать. Поэтому центральный вопрос диалога состоял в следующем – была ли мечеть Бабура построена на месте храма Рамы в результате его разрушения.

С другой стороны, ВКМБ утверждал: Рамайна (Жизнь Рамы) является мифом, а не историческим фактом; мечеть Бабура не была построена на месте какого-то разрушенного храма; нет свидетельств того, что храм Рамы стоял на том же месте; мусульмане всегда постоянно молились в мечети Бабура до 1949 г., когда в нее были помещены идолы Рамы и других индусских богов¹⁰¹⁸.

БДП и стоявшие за ней индусские религиозно-общинные организации реанимировали долго прозябавшую втуне идею строительства храма бога Рамы в Айодхье. Широкая кампания, проведенная в этой связи РСС и ее «крыльями», принесла крупные дивиденды БДП и существенно усилила ее позиции среди индусов. Однако она сопровождалась разгулом индусского высококастового шовинизма, что привело к дальнейшему отчуждению от БДП мусульман, а также низких каст и далитов.

И, тем не менее, идея хиндутвы, или индусской нации, в течение многих лет пропагандировавшаяся РСС, получила новое дыхание. Хиндутва, как одна из форм религиозного фундаментализма, охватила значительную часть высших слоев общества, включая крупный бизнес, бюрократию и интеллигенцию, а также большую часть среднего класса. Но часть средних слоев, большинство отсталых, мало-

имущих и неимущих групп населения остались вне влияния идеологии хиндутвы.

Таким образом, проблемы равноправия каст, кастовых взаимоотношений выплеснулись наружу и вовлекли в свою орбиту не только политические круги, но и значительную часть общества. Правительство во главе с Н. Рао попыталось снять остроту противоречий между высшими кастами и «отсталыми классами» путем введения квот для «экономически отсталых» граждан, независимо от кастовой принадлежности. Но этого ему не удалось.

В октябре 1992 г. Верховный суд Индии принял новое решение, теперь уже обязывающее правительство претворить в жизнь рекомендации комиссии Мандала относительно резервирования 27% рабочих мест для «прочих отсталых классов». Суд указал, что каста может быть главным критерием для идентификации «прочих отсталых классов»: «Каста может быть и очень часто является социальным классом в Индии; если каста социально отсталая, она должна считаться 'отсталым классом' на основании конституции»¹⁰¹⁹. В статье 16 (4) конституции говорится: «Ничто в настоящей статье не препятствует Государству издавать какие-либо постановления относительно резервирования назначений или должностей за представителями каких-либо отсталых классов граждан, которые, по мнению Государства, недостаточно представлены на государственной службе»¹⁰²⁰.

Верховный суд также высказался за гибкое применение 50%-ного ограничения резервируемых мест, учитывая большое многообразие в стране и ее населении, поскольку в некоторых районах «прочие отсталые классы» составляли преобладающее большинство (в штате Тамилнаду, например, резервировалось 69% мест).

После этого решения Верховного суда каста была признана законным критерием для определения отсталости, и с тех пор номенклатура «прочие отсталые классы» была заменена на «прочие отсталые касты». В нее вошли «отсталые индусские касты и общины» – в преобладающем большинстве бывшие крестьянские земельные касты. Вместе с зарегистрированными кастами и племенами они во многом противопоставляли себя высшим кастам, когда речь шла о резервировании. Решение Верховного суда до известной степени отразило новую ситуацию в соотношении экономических и политических возможностей разных кастовых сил в обществе¹⁰²¹.

Вместе с тем в индусской общине, прежде всего среди высших каст, усиливались тенденции, связанные с подчеркиванием особой, ведущей роли индуизма. Это получило свое выражение в последующих событиях в Айодхье. Ключевым моментом в истории индусского

движения в Айодхье была победа БДП на выборах в законодательное собрание Уттар-Прадеша в июле 1991 г., в результате которой было сформировано правительство этой партии. Главным министром штата стал один из лидеров БДП, ветеран РСС Кальян Сингх. В октябре 1991 г. правительство штата приобрело 2,77 акра земли, которая находилась, как пишет Адвани, в непосредственной близости к «спорному зданию» (то есть мечети Бабура)¹⁰²². К тому же в результате выборов 1991 г. БДП укрепила свои позиции в центральном парламенте (до 119 депутатов по сравнению с 86 в парламенте предыдущего созыва).

При поддержке БДП индусские религиозные организации усилили давление на правительство по вопросу о храме Рамы в Айодхье. 28 ноября 1992 г. Верховный суд Индии разрешил символическое богослужение добровольных служителей храмов в Айодхье под гарантии правительства БДП в Уттар-Прадеше. Со своей стороны, Дхарма сансад – высшее собрание индусских религиозных авторитетов – 30 октября 1992 г. приняло решение провести богослужение добровольцев в Айодхье с 6 по 10 декабря 1992 г.

Главный министр Кальян Сингх дал указание разместить и кормить добровольцев, прибывавших из других штатов (в отличие от прежнего главного министра М.С. Сингха, который в 1990 г. приказал задерживать их и высылать за пределы Уттар-Прадеша). Обеспокоенное ситуацией, центральное правительство направило в Айодхью в ноябре 1992 г. около 20 тыс. бойцов полувоенных формирований.

Адвани, который тоже направлялся в Айодхью, заявил: «Я не могу дать каких-либо гарантий того, что может произойти 6 декабря. Все, что я знаю, это то, что мы собираемся провести богослужение с участием добровольцев»¹⁰²³. Руководство БДП в целях поддержки движения за строительство храма в Айодхье решило организовать несколько процессий. Одну из них возглавил президент БДП Мурли Манохар Джоши, который начал ее в Матхуре, другую – Адвани, из Варанаси. Обе процессии двинулись в путь 3 декабря и к утру 6 декабря они достигли Айодхьи. К этому времени там собралось более 100 тыс. добровольцев на массовое богослужение. К ним присоединились Адвани и другие лидеры БДП, ВХП, РСС. В то же самое время часть добровольцев начала разрушать мечеть Бабура. Когда Адвани попытался остановить их, руководитель РСС Х.В. Сешадри сказал ему: «Ход истории predetermined. Примите то, что произошло». Адвани выразил сожаление по поводу случившегося. К исходу дня мечеть была полностью разрушена. За ночь на ее месте добровольцы возвели временный храм и провели религиозную церемонию по установлению в нем идолов младенца Рамы, богини Ситы, богу Лакшмана и Ханумана¹⁰²⁴.

В тот же день правительство БДП в Уттар-Прадеше объявило о своей отставке, чтобы дистанцировать себя от разрушения мечети. После этого центральное правительство ввело президентское правление в штате и тем самым взяло на себя ответственность за последующий ход событий. Адвани также направил заявление о своей отставке с поста лидера оппозиции в нижней палате парламента. 8 декабря он, Мурли Манохар Джоши, Ашок Сингхал и другие лидеры БДП, ВХП и РСС были арестованы. 10 декабря центральное правительство запретило деятельность ВХП, РСС, Баджранг дал, а также Организации мусульман Индии и Союза служителей ислама. Еще через пять дней были отправлены в отставку правительства БДП в штатах Раджастан, Мадхья-Прадеш и Химачал-Прадеш. Подводя итог событиям в Айодхье, Адвани писал: «Я не могу отрицать, что шестое декабря стало эпохальным днем в жизни Индии и индусов. Это был ясный и четкий сигнал в современной истории Индии о том, что индусская община не будет бесконечно долго терпеть пренебрежение ее законными интересами и чувствами, и неуважение к ним». 6 декабря стало «днем пробуждения индусов, что имело поистине историческое значение»¹⁰²⁵. Лидер ВХП Ашок Сингхал, в свою очередь, заявил, что разрушение мечети Бабура стало «катализатором идеологической поляризации, которая почти завершилась» к 1994 г.¹⁰²⁶

Во время разрушения мечети в Айодхье произошли столкновения, в ходе которых погибло 6 человек, более 50 было ранено. Центральное правительство не ввело войска в город. Эти жертвы оказались первыми, но не последними. В течение последующих двух месяцев в этом штате и других районах страны началась настоящая оргия насилия, в ходе которой, по некоторым данным, погибло более 2000 человек. Волна насилия перекидывалась из города в город, из штата в штат в северных, западных и даже южных районах Индии. В Гуджарате погибло 246 человек, в Уттар-Прадеше – 201, в Мадхья-Прадеше – 120, в Ассаме – 100, в Карнатаке – 60¹⁰²⁷. Во многих городах религиозно-общинные столкновения были спровоцированы процессиями и выступлениями, организованными ВХП. В других местах мусульмане вышли на улицы, протестуя против разрушения мечети Бабура. Их гнев был обращен против правительства. Больше всего пострадал от религиозно-общинных беспорядков Бомбей (Мумбай). Уже 7 декабря в одном из его районов мусульмане разрушили индусский храм, подожгли лавки и магазины индусов. Погибло около 60 человек. В другом районе города «победная» демонстрация индусов, проведенная ВХП и Шив Сенной, закончилась атакой на дома и лавки мусульман. В ответ му-

сультмане подожгли еще один индульский храм. 9 декабря Шив сена и БДП объявили о всеобщей забастовке в знак протеста против ареста их лидеров в Айодхье. Это было сигналом к нападениям на мечети и дома мусульман. На следующий день вождь Шив сены Бал Тхакре заявил, что предыдущие выступления индульсов являются всего лишь «началом эры – войны возмездия». В этой эре «история и география не только Индии, но и всего мира претерпит изменения. Мечта о создании неделимого индульского государства станет явью. Даже тень фанатичных грешников (мусульман) исчезнет с нашей земли». «...Никакая революция невозможна без слез. Революция требует только одной жертвы – крови ее последователей»¹⁰²⁸. Всего за время межобщинных столкновений в Бомбее погибло около 800 человек, из них две трети – мусульмане, хотя они составляли всего 15% населения этого мегаполиса¹⁰²⁹.

В феврале 1993 г. правительство Индии опубликовало Белую книгу о событиях в Айодхье. В ней описывалась предыстория этих событий. В частности, отмечалось, что правительство штата Уттар-Прадеш и видные лидеры БДП и ВХП Свами Чинтаманьянд и Виджая Радже Синдия дали обещание, что собрание добровольцев в Айодхье будет носить символический характер и не повлечет за собой каких-либо действий, связанных с нарушением решения состоявшегося ранее суда, обеспечивавшего сохранность здания мечети Бабура и находившегося внутри его храма Рамы. С учетом напряженной обстановки центральное правительство в ноябре 1992 г. разместило около Айодхьи 195 рот полувоенных формирований, которые могли быть использованы в случае необходимости правительством штата.

В Белой книге давалась подробная хронология событий 6 декабря 1992 г., которые привели к разрушению мечети Бабура при бездействии правительства Уттар-Прадеша, поскольку главный министр отдал распоряжение не использовать силу. Центральное правительство обвиняло правительство штата в полной безответственности и нарушении конституции.

В Белой книге отмечалось, что во время процессий на автоколесницах Л.К. Адвани и М.М. Джоши выступали с «провокационными» речами и призывали храмовых добровольцев и всех других людей, сопровождавших эти процессии, идти в Айодхью для участия в массовом богослужении¹⁰³⁰.

События в Айодхье продемонстрировали, что у государства не оказалось достаточно политической воли, чтобы предотвратить случившееся 6 декабря. Центральное правительство располагало достаточной силой, чтобы сделать это, но не пошло на такой шаг. Оно

боялось, что его могут обвинить в антииндусских настроениях. Устранение правительства штата и введение президентского правления произошли уже после того, как мечеть Бабура была разрушена.

16 декабря 1992 г. была назначена комиссия во главе с судьей Либерханом для изучения всех фактов и обстоятельств, имевших отношение к комплексу Рам Джанмабхуми и мечети Бабура в Айодхье 6 декабря 1992 г., последовательности событий, приведших к разрушению мечети и роли в них тогдашнего главного министра Кальяна Сингха, а также членов Совета министров Уттар-Прадеша и других лиц и организаций. В своих показаниях членам комиссии Кальян Сингх утверждал, что разрушение мечети Бабура «было божьим промыслом, и он (К. Сингх) не испытывает ни сожаления, ни угрызений совести, ни горечи, ни печали»¹⁰³¹.

В середине 2009 г. комиссия Либерхана представила свой отчет премьер-министру Манмохану Сингху. В нем были названы имена 68 лидеров, ответственных за эти события, в том числе имя бывшего тогда премьер-министра А.Б. Ваджаи и бывшего министра внутренних дел Л.К. Адвани. Назначенное на 1 декабря 2009 г. обсуждение этого отчета в нижней палате парламента только раззадорило руководителей «семьи хиндутвы». Один из таких обвиненных комиссией Либерхана, лидер ВХП Ашок Сингхал заявил, что «мусульмане заслужат любовь и привязанность 80% индийских индусов», если они откажутся от своих мечетей в местах рождения Рамы в Айодхье, Шивы в Каши и Кришны в Матхуре. Только после этого ВХП будет готова отказаться от своих требований в отношении других 30 тыс. мечетей¹⁰³². Все это свидетельствовало о том, что серьезная проблема индусско-мусульманских отношений продолжала оставаться в политической повестке дня Индии.

30 сентября 2010 г., почти через 18 лет после разрушения мечети Бабура в Айодхье в декабре 1992 г., специальная судебная коллегия Высокого суда в Аллахабаде в составе трех человек вынесла решение по этому делу. Его суть состояла в следующем. Спорная земля в Айодхье должна быть поделена на три равные части. Две трети должны быть разделены между истцами-индусами, одна треть – передана суннитской мусульманской организации (Sunni Muslim Waqf Board), которая претендовала на владение мечетью Бабура и прилегающей к ней землей с XVI в.

Индусские организации и партии выразили удовлетворение таким решением. Мусульманские – заявили о своем несогласии с ним и намерении подать апелляцию в Верховный суд Индии. Правительство Индии объявило, что также намерено обратиться в Верховный суд Индии для решения этого вопроса¹⁰³³.

Глава 28 ВРЕМЯ КОАЛИЦИЙ

Конец однопартийного правления

Состоявшиеся в мае 1996 г. очередные парламентские выборы поставили окончательную точку в вопросе однопартийного правления Конгресса в стране. Он смог получить всего 141 место в парламенте и 28% голосов избирателей. БДП стала самой крупной партией в парламенте, имея в своем распоряжении 161 депутатский мандат и набрав 20,3% голосов избирателей.

16 мая президент Индии Шанкар Даял Шарма привел к присяге Атал Бихари Ваджпаи в качестве премьер-министра как лидера самой крупной партии в парламенте. Он поручил новому премьер-министру сформировать правительство и подтвердить доверие большинства в парламенте в течение 14 дней.

Однако, несмотря на статус ведущей партии в парламенте, БДП не смогла привлечь на свою сторону другие партии, за исключением близкой ей по духу шовинистической Шив сены и Акали дал, и смогла заручиться поддержкой всего лишь 181 депутата (при минимально необходимых 272). БДП продолжала находиться в своеобразной идеологической и политической изоляции. Как вспоминал об этом тогдашний президент БДП Л.К. Адвани, «никто не хотел даже приблизиться к БДП, несмотря на наше приглашение другим партиям войти в правительство». Поэтому судьба БДП в качестве правящей партии была предreshена. Понимая это, руководство БДП еще до того, как оно решило принять приглашение президента Индии возглавить правительство, обсуждало целесообразность такого шага. Адвани считал, что сам факт принятия присяги Ваджпаи в качестве премьер-министра «намного усилит популярность и престиж БДП в народе. Именно так и произошло»¹⁰³⁴.

Правительство меньшинства БДП–Шив сена просуществовало рекордно короткий срок – всего 13 дней (май–июнь 1996 г.), так как не могло получить вотума доверия в парламенте. На будущее БДП учла этот урок и стала подыскивать союзников, располагавших влиянием среди избирателей.

Перед тем как подать президенту Индии заявление об отставке, Ваджпаи решительно объявил: «Мы вернемся обратно. Мы знаем, как попасть в *чакравьюха*, но мы также знаем, как выбраться из нее»¹⁰³⁵.

Объединенный фронт во власти

После отставки Ваджпаи было сформировано коалиционное правительство Объединенного фронта (ОФ), состоявшее из 14 центристских и левых, преимущественно региональных, партий. Среди них наиболее крупными были Джаната дал – 46 мест в парламенте, КПИ (м) – 32 места и КПИ – 9 мест. ОФ также не имел парламентского большинства. Конгресс выступил в его поддержку, не входя в состав этого правительства. В Объединенном фронте активно обсуждался вопрос о кандидате в премьер-министры. Лидер Джаната дал и бывший премьер-министр в правительстве Национального фронта В.П. Сингх снял свою кандидатуру, тем более что он вряд ли мог рассчитывать на поддержку Конгресса из-за его прежнего противоборства с Р. Ганди. Затем лидер Самаджвади парти Мулаям Сингх предложил кандидатуру Джьоти Басу – одного из руководителей КПИ(м) и главного министра правительства Левого фронта Западной Бенгалии. Сам Басу не возражал против такого предложения. Однако Центральный комитет КПИ(м) отклонил его, ввиду отсутствия в центральном правительстве решающего влияния партии. Позже Басу назвал это «исторической ошибкой».

Джьоти Басу тогда предложил кандидатуру Деве Гоуды, главного министра штата Карнатак, который до этого не принимал сколько-нибудь значительного участия в политике на национальном уровне. Тем не менее, выбор остановился на нем. 1 июня 1996 г. Деве Гоуда стал премьер-министром. Правительство Объединенного фронта продолжило курс на экономические реформы. Однако при этом был заметно усилен акцент в пользу их социальной направленности. При подготовке предварительных документов к 9-му пятилетнему плану (апрель 1997 г. – март 2002 г.) премьер-министр Д. Гоуда предложил в качестве главной цели избрать «экономический рост и справедливость». Предусматривалось достичь ежегодного экономического роста в 7% (4% в сельском хозяйстве) одновременно с крупными капиталовложениями в социальную сферу и инфраструктуру. «Ориентированная на рынок и менее регулируемая экономика, – сказал Д. Гоуда, – не означает отказа государства от ответственности»¹⁰³⁶.

Тогда же, в 1996 г., правительство ОФ подготовило законопроект о предоставлении женщинам 33% мест в парламенте и законодательных собраниях штатов. Он был внесен в парламент, но в последний момент его направили в комиссию на доработку. Законопроект приветствовали все женские организации, и только РСС заявил, что он

не отвечает условиям Индии и является подражанием Западу в вопросе о роли женщины в обществе¹⁰³⁷.

В правительстве ОФ возникла проблема согласованных действий по ряду важных вопросов, включая проблему терроризма и сепаратистских настроений на северо-востоке страны. Индраджит Гупта, известный индийский политик, лидер КПИ и министр внутренних дел в правительстве ОФ, говорил, что премьер-министр ни разу не советовался с ним по этим и другим крупным вопросам¹⁰³⁸.

Между тем в руководстве Конгресса произошли драматические события. В поражении Конгресса на выборах 1996 г. был обвинен бывший премьер-министр и президент этой партии Нарасимха Рао. Он был устранин с этого поста, и новым президентом Конгресса стал Ситарам Кесри, бывший казначей партии. В апреле 1997 г. он объявил, что Конгресс отзывает свою поддержку правительства ОФ, так как премьер-министр не считается с мнением Конгресса.

21 апреля того же года Индер Кумар Гуджрал, который был в правительстве ОФ министром иностранных дел, заменил на посту премьер-министра Деве Гоуду. Однако уже 28 ноября 1997 г. Конгресс заявил, что вновь отзывает поддержку правительства ОФ. На этот раз поводом послужила публикация в августе 1997 г. предварительного доклада комиссии под руководством судьи Милап Чанд Джайна, расследовавшей убийство Р. Ганди. В докладе партия ДМК обвинялась в том, что позволила Тиграму освобождения тамил илама найти прибежище в Тамилнаду, когда ДМК находилась там у власти в 1991 г. Конгресс потребовал от И.К. Гуджрала уволить из его правительства трех министров, принадлежавших к ДМК. Но получил отказ. (Отметим, что в окончательной версии комиссии Джайна это обвинение ДМК и главного министра Тамилнаду М. Карунанидхи было снято.)

Одним из заметных событий во время пребывания правительства Объединенного фронта у власти было избрание на пост президента Индии Кочерила Рамана Нараянана в июле 1997 г. Он стал первым далитом в истории страны, который занял этот высший пост в государстве. Единодушное избрание Нараянана президентом Индии представителями всех политических партий в обеих палатах парламента и в законодательных собраниях всех штатов свидетельствовало прежде всего о признании ими самых высоких моральных, духовных и идейных достоинств и качеств этого человека, его выдающихся способностей и недюжинного интеллекта¹⁰³⁹.

После того, как Конгресс лишил правительство ОФ своей поддержки, оно вынуждено было уйти в отставку. Президент Индии К.Р. Нараянан распустил парламент и объявил о проведении новых парламентских выборов, которые были назначены на февраль 1998 г.

Выборы 1998 г. – победа Национального демократического альянса

Внеочередные парламентские выборы в Индии (12-е), состоявшиеся в феврале 1998 г., вновь подтвердили, что страна продолжала достаточно стабильно развиваться на основе парламентской демократии. Выборы показали, что народные массы в своем большинстве верили в демократический избирательный процесс, привыкли к именно такой форме волеизъявления, научились ценить свое право выбирать.

Эти выборы состоялись менее чем через два года после предыдущих, то есть до истечения пятилетнего срока полномочий парламента. БДП взяла курс на создание коалиции. Первоначально в нее входило около десятка партий из разных штатов и разной идеологической и политической направленности. На этих парламентских выборах БДП получила в парламенте 182 места (25,4% голосов избирателей), Конгресс – 141 место (24,8% голосов), партии Объединенного фронта – всего 86 мест. БДП вместе с союзниками располагала 250 депутатскими мандатами, что было недостаточно, чтобы сформировать правительство.

Сразу же после неудачных для Конгресса выборов Соня Ганди, принимавшая участие в избирательной кампании, была избрана президентом этой партии. Руководство Конгресса вновь попыталось восстановить влияние партии при помощи привлечения в его ряды члена семьи Неру–Ганди.

В результате весьма длительных и трудных переговоров БДП удалось удержать в своей политической орбите ряд союзников по предвыборному блоку (например, в штате Тамилнаду – Всеиндийскую Анна ДМК (Дравидскую прогрессивную федерацию имени Аннадурани – ВИАДМК), пойдя на компромисс с ними по ряду программных установок. Но и этих депутатов не хватило, чтобы получить большинство в парламенте. Продолжая действовать в этом направлении, БДП «отколола» от ОФ партию Телугу десам, лидер которой Ч.Б. Наиду, главный министр в штате Андхра-Прадеш, и был основным организатором Объединенного фронта левых и левоцентристских партий. Эта партия согласилась поддерживать БДП извне, не входя в состав правительства. Один из 12 депутатов от Телугу десам стал спикером нижней палаты парламента. Это был Г.М. Балайоги – бывший неприкасаемый. Его избрание на этот высокий и престижный пост было беспрецедентным в истории индийского парламентаризма. Сыграло на руку БДП и то, что

еще один бывший участник предыдущего правительства ОФ – Национальная конференция (Кашмир) – воздержалась при голосовании вотума доверия. Кроме того, назначенные членами парламента в соответствии с конституцией два представителя от общины англо-индийцев также выступили в поддержку правительства.

В ходе формирования правительства, которое продолжалось почти месяц, ни одна из партий – ни БДП, ни Конгресс – не располагала решающим большинством в парламенте. Поэтому для достижения цели использовались всевозможные приемы и способы. Имевшая больше депутатов, чем Конгресс, БДП не хотела упускать исторический шанс сформировать правительство. В итоге ей удалось создать коалицию из 18 партий – Национальный демократический альянс (НДА).

Во время решающей схватки в парламенте в конце марта 1998 г. за вотум доверия НДА во главе с БДП проголосовали 274 депутата, против – 261. Премьер-министром стал А.Б. Ваджапайи. В последующие недели БДП даже несколько упрочила свои позиции, получив еще три депутатских мандата в округах, где выборы по разным причинам состоялись позже.

На выборах 1998 г. на долю двух крупнейших партий пришлось почти одинаковое число голосов избирателей: Конгресс – 25,4%, БДП – 25%. Таким образом, они имели в своем активе немногим более половины голосов избирателей (в пик своего влияния Конгресс в одиночку набирал до 49% голосов). Остальные голоса избирателей распределились среди рекордного числа партий – 38, представленных в парламенте. (В 1996 г. их было 29.) Все кандидаты избирались в соответствии с мажоритарной системой – от «одномандатных округов» (по российской терминологии). Помимо БДП и Конгресса, в парламенте 1998 г. было еще шесть относительно крупных партий, которые располагали следующим числом депутатов: КПИ(м) – 32, Самаджвади парти – 20, Всеиндийская Анна ДМК – 18, Раштрия джаната дал (Народная партия отечества) – 17, Телугу десам парти – 12, Самата парти (Партия равенства) – 12. Еще семь партий имели от шести до десяти мандатов, одиннадцать партий – от двух до пяти мандатов, а каждая из остальных партий (их более десяти) была представлена всего одним депутатом¹⁰⁴⁰.

Таким образом, можно было говорить о тенденции ослабления влияния Конгресса, критически усилившейся в 1990–е годы. Его массовая поддержка по сравнению с наивысшим показателем сократилась почти в два раза. Потеря влияния партии была заметна в штатах, и особенно в таких крупных, как Уттар-Прадеш, Бихар, Тамилнаду и Западной Бенгалия (с общим населением более 350 млн. человек). В апреле 1998 г. Конгресс возглавлял правительство всего в двух штатах (Мадхья-Прадеше и Ориссе). И, тем не менее, Конгресс про-

должал оставаться единственной партией, сохранявшей политическое присутствие в партийных и государственных органах власти повсюду в стране.

В свою очередь, БДП также стала приобретать черты общендийской партии. Если раньше ее влияние ограничивалось преимущественно северными штатами, то после выборов 1998 г. она – во многом благодаря союзу с местными партиями – смогла обеспечить значительное присутствие на Юге (штат Карнатак) и Востоке (штат Орисса). Однако БДП еще не стала общендийской партией в подлинном смысле этого слова.

А.Б. Ваджпай в качестве премьер-министра сразу же после получения вотума доверия в парламенте заявил, что программа правительства – результат коллективных решений всех партий коалиции. «Консенсус должен быть мантрой для всех последующих действий правительства», – сказал он. Вместе с тем консенсус не является признаком слабости или принуждения кого-либо из участников коалиции. «Он уходит корнями в реальность многообразной плюралистической политики Индии», – подчеркнул премьер-министр¹⁰⁴¹.

Возглавивший коалиционное правительство 71-летний А.Б. Ваджпай был известен как один из наиболее видных руководителей БДП, крупный деятель общенационального масштаба, имевший большой опыт политической деятельности. Он был одним из основателей партии в 1950-е годы, активно работал в РСС – Союзе добровольных служителей нации, являющегося, по существу, главной идеологической и организационной базой БДП. В конце 1970-х годов Ваджпай как представитель своей партии входил в состав коалиционного правительства Джаната парти в качестве министра иностранных дел¹⁰⁴².

Итак, в 1998 г. к власти в Индии пришла коалиция партий, политическое лицо которой определялось прежде всего БДП. По мнению лидеров БДП, успех партии был во многом связан с движением за «восстановление» храма Рамы в Айодхье. «Мы присоединились к этому движению, – писал Ваджпай, – потому что Господь Рама воплощает в себе наш культурный национализм. При помощи этого движения мы смогли высвободить подавленные ранее устремления миллионов индийцев и направить их националистический порыв на строительство нашего государства. Это движение воочию доказало, что если Рама являет собой идеал поведения, то Рама Раджья (государство Рамы) представляет идеал правления»¹⁰⁴³.

Приход БДП и ее союзников к власти и первые их заявления вызвали настороженность и критику со стороны оппозиции, прежде всего Конгресса и партий Объединенного фронта. Они выражали

обеспокоенность тем, что БДП будет действовать при помощи «дистанционного контроля» со стороны РСС, а не самостоятельно, что может привести к утрате секуляризма в политике и общественной жизни и созданию в конечном итоге теократического индуССкого государства.

А.Б. Ваджапай и президент партии Л.К. Адвани (министр внутренних дел в новом правительстве) решительно опровергали такие обвинения, хотя и подтвердили свои связи с РСС. Л.К. Адвани заявил, что он состоял в этой организации с 14-летнего возраста и не собирается отказываться от провозглашенных БДП в предвыборном манифесте путей решения ряда проблем. К их числу относились: разработка и принятие единого гражданского кодекса (по вопросам семьи, брака и наследования); отмена статьи 370-й Конституции Индии, предусматривавшей ограничение права парламента издавать законы для штата Джамму и Кашмир; и строительство храма Рамы в Айодхье¹⁰⁴⁴.

Все эти проблемы были связаны воедино в главном – отношении к мусульманскому меньшинству в Индии, составлявшему более 13% населения. Индийские мусульмане в основном придерживались частного мусульманского права в вопросах семейно-брачных отношений и наследования. И хотя принятие Единого гражданского кодекса предусмотрено статьей 44-й Конституции Индии, они опасались, что это могло привести к размыванию социальных устоев их общины и потере идентичности.

Что касается отмены статьи 370-й конституции, то это означало бы лишение штата Джамму и Кашмир с его преимущественно мусульманским населением особых прав по сравнению с другими штатами Индии. Это рассматривалось мусульманами как стремление подорвать их позиции в общественно-политической жизни Индии. Заявление БДП о намерении построить храм Рамы на месте мечети также вписывалось в общий сценарий усиления индуизма за счет ослабления мусульманского меньшинства. Все это, по мнению многих обозревателей, могло бы нанести ущерб испытанной на практике политике секуляризма, которая была одним из фундаментальных принципов общественной жизни в многоконфессиональном индийском государстве.

Программа управления НДА

БДП и ее союзники в правительстве действовали на основе разработанной ими национальной программы, которая во многом была по-

хожа на предвыборный манифест БДП, но без включения в нее трех упомянутых ранее спорных вопросов. «Я уверен, – говорил А.Б. Ваджпай во время избирательной кампании 1998 г., – что Индия вступит в следующее тысячелетие с высоко поднятой головой, сильным и процветающим государством, гордая своим прошлым и уверенная в своем будущем, как ведущий член содружества государств. Чтобы достичь этих целей, мы должны использовать ту же мантру, при помощи которой избавились от иностранного владычества – бескомпромиссный национализм; национализм, граничащий с религиозным рвением... национализм, ставящий наше государство превыше всего»¹⁰⁴⁵.

Правительство заявляло, что начатый в 1991 г. процесс реформ будет продолжен, но сами «реформы подвергнутся реформированию». Особенностью такого процесса должен стать «сильный акцент» на использование национальных ресурсов – свадешти, чтобы экономический рост измерялся категориями растущего числа рабочих мест и ликвидацией безработицы. Развитию надлежало иметь «человеческое лицо». Лидеры БДП говорили, что индийцы должны быть уверены в том, что построят современную и процветающую Индию своим трудом. Ваджпай подчеркивал, что Индия может самостоятельно решить свои проблемы. Она располагает богатыми природными ресурсами, подготовленными техническими кадрами, большими достижениями в науке и технологии. Но все это не означает, что Индия станет проводить политику изоляционизма и превратится в своеобразный остров или что она запретит приток новых идей, новых технологий и иностранных инвестиций.

Национальная программа правительства предусматривала направление иностранных инвестиций в ключевые отрасли хозяйства, особенно инфраструктуру и энергетику. В программе был заложен определенный уровень протекционизма. Правительство исходило из того, что индийской промышленности потребуются время и всесторонняя помощь, чтобы подготовиться к вызовам глобализации. Тем более что совсем недавно местные предприниматели действовали в рамках защищенного рынка. Государство должно играть важную роль в социальной сфере – здравоохранении, образовании, жилищном строительстве, обеспечении населения продовольствием и питьевой водой. Вместе с тем правительство выступало за освобождение экономики от государственного контроля¹⁰⁴⁶.

Проблему роста населения Индии, которое еще до 2000 г. должно было достичь одного миллиарда человек, правительство намеревалось решать при помощи комплекса мер: путем кампаний по ограничению рождаемости и введением как поощрительных, так и ограничительных мер рождаемости при рекомендуемой норме в два

ребенка. Речь шла даже о принятии соответствующего закона, который запрещал бы тем, у кого более двух детей, работать в государственных учреждениях.

Правительство провозглашало намерение с «равным уважением относиться ко всем религиям на основе равенства для всех», уделять внимание вопросам развития меньшинств (речь шла, таким образом, и о мусульманах). БДП заявляла, что «верит в создание общества, в котором каждый, вне зависимости от касты, религии или пола, получит место под солнцем, общества, в котором оптимизм, имеющиеся возможности и согласие придадут импульс построению сильного и процветающего государства». Особенно большое значение придавалось пропаганде патриотических идей. Одновременно подвергались критике идеи «демократического социализма»: «Дух национализма, который вдохновлял наших борцов за свободу, побуждая их идти на великие жертвы во имя Родины, хотели подавить при помощи консенсуса, достигнутого Неру в первые десятилетия независимости Индии. Но национализм нельзя убить привнесенными извне идеологиями или псевдоидеологиями». Программа правительства также включала такие пункты, как пересмотр конституции страны с учетом изменений в ходе независимого развития, обеспечение продовольственной безопасности («за пять лет избавить Индию от голода»), подготовку Национальной хартии социальной справедливости и ряд других¹⁰⁴⁷.

Правительство во главе с БДП смогло продержаться у власти чуть более одного года. За такой короткий срок трудно было сделать что-то существенное в социально-экономической жизни страны. Но зато уже через полтора месяца после прихода к власти ему удалось провести в мае 1998 г. ядерные испытания, которые вызвали широкий резонанс как в Индии, так и за рубежом (об этом см. главу 41).

Роспуск парламента и назначение новых выборов

14 апреля 1999 г. региональная партия в Тамилнаду ВИАДМК во главе с Джаялалитой отозвала свою поддержку правительства Национального демократического альянса. Президент Индии К.Р. Нараянан попросил премьер-министра Ваджапи подтвердить в парламенте наличие у НДА большинства в течение трех дней. При тайном голосовании правительство НДА потерпело поражение, получив на один голос меньше, чем оппозиция (269 и 270).

Президент Конгресса Соня Ганди заявила, что ее партия сформирует коалиционное правительство. Однако Конгрессу не удалось заручиться хотя бы минимальным большинством в 272 депутата. Это

произошло из-за того, что лидер Самаджвади партии Мулаям Сингх Ядав, имевший 20 депутатов в парламенте, решил не поддерживать Соню Ганди. Об этом еще до голосования он сказал лично Адвани, выдвинув при этом одно условие: БДП не будет пытаться снова сформировать правительство, а пойдет на новые выборы в парламент. Так и произошло. Ядав направил соответствующее письмо президенту Индии. Еще две партии – Форвард блок и Революционно-социалистическая также отказались поддержать Конгресс.

На одной из пресс-конференций Ядав заявил, что его партия спасла страну от «иностранный державы» тем, что отказалась предоставить поддержку правительству меньшинства во главе с Соней Ганди. На вопрос корреспондента, связана ли его оппозиция по отношению к Соне Ганди с тем, что она является итальянкой, Ядав ответил, что его партия считает, что ключевые посты в Индии – президента, вице-президента, премьер-министра и спикера нижней палаты парламента – не должны занимать иностранцами¹⁰⁴⁸.

23 апреля 1999 г. Соня Ганди смогла представить президенту Индии список всего лишь из 233 депутатов. Президент дал ей еще два дня для формирования правительства. 25 апреля С. Ганди информировала президента о том, что она не располагает необходимой поддержкой депутатов парламента. При этом она заявила, что Конгресс не поддержит правительство третьего фронта (как это было в 1996 г.). В результате президент Индии после беседы с премьер-министром Ваджпай получил от правительства НДА рекомендацию распустить парламента. Что и было сделано 26 апреля 1999 г. Было также объявлено о проведении внеочередных выборов в парламента, которые состоялись в сентябре–октябре 1999 г.¹⁰⁴⁹

Глава 29

НОВЫЙ ВИТОК КОАЛИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Парламентские выборы 1999 г.

Выборы в Народную палату индийского парламента, состоявшиеся в сентябре – октябре 1999 г., были 13-ми по счету. В них приняла участие 3943 кандидата в депутаты (из них около половины независимых) на 537 мест в парламенте – в среднем по семь претендентов на один депутатский мандат. Эти кандидаты представляли

175 политических партий. Всего лишь семь из этих партий имели национальный статус, остальные – штатовский или местный. В Индии правом участвовать в выборах наделены все партии, вне зависимости от их статуса.

Выборы 1999 г. не отличались повышенной активностью избирателей, поскольку за последние три с половиной года это были уже третьи парламентские выборы. К тому же в ходе предвыборной кампании не было таких лозунгов или событий, которые могли бы обеспечить повышенный интерес избирателей к ним. Не было и того, что в Индии называют «волной» поддержки в пользу той или иной партии. Как это было, например, на парламентских выборах 1984 г., когда после убийства Индиры Ганди Конгресс под руководством ее сына Раджива использовал волну сочувствия в свою пользу. Не последнюю роль в сравнительно спокойном ходе выборов 1999 г. сыграло и то, что они проходили в пять этапов в течение месяца.

Избирательная комиссия объясняла необходимость проведения выборов именно таким образом задачей обеспечения законности и правопорядка в стране. После завершения выборов на первом этапе силы по поддержанию правопорядка перебрасывались в те округа, где заранее планировалось проведение второго этапа, и т.д. Это во многом исключило использование насилия в предвыборной борьбе, захвата участков соперничающими кандидатами и т.п. Однако в психологическом плане выборы как бы утратили общенациональный характер и приобрели оттенок событий местного значения. Так, если в Дели избиратели уже завершали голосование, то в Калькутте в это же время еще не проводилась и регистрация кандидатов в депутаты. Общеиндийская картина выборов размывалась, а на первый план выступали сообщения из отдельных штатов и регионов.

Результаты голосования на отдельных этапах не публиковались, чтобы не повлиять на последующий ход выборов в других округах. К тому же Избирательная комиссия запретила проведение каких-либо опросов в течение всего срока проведения выборов. Однако это решение было отменено Верховным судом Индии, который весьма оперативно вынес вердикт, разрешивший проводить опросы избирателей, уже принявших участие в голосовании, но не публиковать эти данные до завершения выборов. Всего в выборах приняли участие около 360 млн. человек, или почти 60% избирателей.

Одним из итогов выборов был рост участия в них избирателей из низших слоев – «отсталых классов», в том числе низких и зарегистрированных каст, а также племен. Все вместе они составляли около трех четвертей населения страны. На выборах была также отмечена возросшая активность женского электората. Впрочем, эти

явления представляли собой часть общей тенденции, связанной с усилением роли социально уязвимых или непривилегированных групп в политическом процессе, которая особенно заметно проявилась в последнем десятилетии. Одновременно происходила определенная деполитизация городской образованной элиты.

Выборы вновь подтвердили продвижение Индии по пути дальнейшего развития демократического общества. Несмотря на бедность и неграмотность большей части индийцев, многие избиратели хорошо понимали важность своего участия в избирательном процессе. Доля тех, кто считал, что голосование может повлиять на последующее развитие страны, выросла с 48% в 1971 г. до 63% в 1999 г.

Парламентские выборы 1999 г. также показали, что происходили изменения в самоидентификации избирателей в отношении страны в целом и штата, в котором они проживали. Проведенные в ходе выборов опросы продемонстрировали, что 50% респондентов были согласны с тем, что избиратель должен быть лояльным прежде всего по отношению к своему штату, а затем – к центру. Такого рода идентификация со своим регионом не являлась проявлением сепаратизма или исключительности, а скорее результатом происходившей регионализации партийно-политической системы, в ходе которой центр политической активности смещался на уровень штатов. Не случайно, что более половины избирателей проявляли бóльшую заинтересованность в деятельности правительства своего штата, чем центрального правительства¹⁰⁵⁰.

Из 175 зарегистрировавшихся на выборах партий в парламент прошло 39. Бхаратия джаната парти получила 182 депутатских мандата (23,7% голосов избирателей), Конгресс – соответственно 112 мандатов и 28,4% голосов. Четыре партии завоевали от 20 до 30 мест, еще пять партий – от 10 до 15, три партии – семь-восемь мест. Одиннадцать партий провели от двух до пяти депутатов в парламент, а остальные – только по одному. Всего пять депутатов были избраны как независимые.

При подготовке к выборам 1999 г. руководство БДП поставило задачу формирования широкой коалиции, которая обеспечила бы достижение устойчивого большинства в парламенте. Несмотря на давление РСС, требовавшего проведение жесткой линии в реализации идей хиндутвы, оно не пошло по пути полной самоизоляции от других социальных групп и конфессий. Как заявлял Адвани, «мы встали на путь создания коалиции, приглашая в нее всех, кого могли вовлечь...»¹⁰⁵¹. Так была заложена основа нового Национального демократического альянса. Его предвыборный манифест по определению был документом весьма расплывчатым, так как представлял собой попытку не допустить идеологических и политических разно-

гласий между его участниками. В манифесте отсутствовали три спорных позиции, о которых БДП заявляла на выборах 1998 г. и которые вызывали возражения у многих ее партнеров по прежней коалиции (отмена статьи 370-й Конституции Индии об особом статусе Кашмира; введение единого гражданского кодекса в области брака, семьи и наследования, а также строительство храма бога Рамы в Айодхье)¹⁰⁵².

Как в манифесте НДА, так и в выступлениях его лидеров содержались некоторые новые идеи и лозунги, больше отвечавшие, по их мнению, сложившейся политической ситуации в стране. Один из них – запрет лицам иностранного происхождения занимать высшие посты в законодательных, исполнительных и судебных органах страны. Цель была очевидной – подорвать позиции Сони Ганди и ее партии на выборах. Дискуссия по этому вопросу в ходе избирательной кампании носила весьма острый характер и в определенной мере сказалась на окончательных результатах выборов. По некоторым опросам, около четверти избирателей считали, что место рождения имеет значение при избрании или назначении высших должностных лиц страны. Эта проблема получила определенный резонанс и в самом Конгрессе. Еще на начальном этапе предвыборной борьбы такой запрет был поддержан рядом членов руководства Конгресса во главе с Шарад Паваром, влиятельным лидером партии в одном из ключевых штатов – Махараштре. Возникший в этой связи острый конфликт в высших эшелонах партии в конечном итоге привел к выходу Павара и его сторонников из Конгресса и образованию им в 1999 г. Националистической конгрессистской партии, что не могло не ослабить позиции Конгресса и сыграть на руку БДП и ее союзникам. В итоге Конгресс понес политический урон не только в Махараштре, но и в Андхра-Прадеше, Ориссе и некоторых других штатах.

БДП вместе с союзниками по Национальному демократическому альянсу, состоявшему уже из 24 партий, завоевала большинство в народной палате – 297 мест. Таким образом, НДА получил право на формирование правительства. Уже через десять дней после выборов новый кабинет министров во главе с бывшим премьер-министром и лидером БДП Ваджапай приступил к работе¹⁰⁵³.

Блок партий во главе с Конгрессом потерпел крупное поражение. Ему удалось получить всего 133 депутатских мандата. На долю всех остальных партий, не входивших в эти два главных предвыборных блока, досталось немногим более 100 мест. Самые крупные из них: КПИ(М) – 32 мандата; Самаджвади парти – 26, Бахуджан самадж парти – 14¹⁰⁵⁴.

Третье подряд поражение Конгресса на парламентских выборах было для него и самым тяжелым. Он получил рекордно низкое число

депутатских мандатов в народной палате, потеряв надежду на формирование не только однопартийного правительства, но даже и коалиции с его участием. Эта неудача Конгресса не была случайной. В течение последних трех десятилетий складывалась устойчивая тенденция утраты им влияния, которая приняла критический характер в 1990-е годы. Одновременно происходил рост популярности БДП как главного политического оппонента Конгресса.

Потеря Конгрессом монополии на власть была связана с расслоением индийского общества в результате развития, в том числе проведения аграрных реформ, с ростом влияния средних слоев в городе, зажиточного фермерства в деревне, а в последние два десятилетия и с усилением позиций отсталых социальных групп. В отличие от БДП, Конгресс не демонстрировал былой способности приспосабливаться к меняющимся условиям, продолжал во многом действовать в соответствии со сложившимися ранее устаревшими стереотипами, которые в новой ситуации не давали необходимого политического эффекта.

Поражение Конгресса было вызвано неблагоприятным состоянием дел в самой партии, политическими ошибками ее руководства. Одной из них была ориентировка на то, что партия в одиночку может прийти к власти. По вопросу о возможности создания правительственной коалиции с его участием Конгресс занимал двойственную позицию, скорее считал, что обойдется своими силами. А на самих выборах лидеры Конгресса, в первую очередь президент партии Соня Ганди, неоднократно высказывались в пользу однопартийного правления, против создания коалиции с участием других партий. Это подрывало веру в Конгресс его немногочисленных союзников по предвыборной борьбе и ориентировало членов партии на борьбу в одиночку.

В то время как БДП сделала ставку на опытного и широко известного политического деятеля Ваджапай и заранее объявила, что он займет пост премьер-министра в случае победы НДА на выборах, руководство Конгресса так и не смогло представить избирателям своего кандидата в премьер-министры. Индийские политологи полагали, что им могли бы стать Соня Ганди или бывший министр финансов в правительстве Конгресса 1991–1996 гг. Манмохан Сингх, считавшийся родоначальником индийской экономической реформы. Однако этого не произошло. Конгресс не смог окончательно определиться со своей кандидатурой на пост главы правительства.

Соня Ганди, по сути, новичок в большой политике, вступившая на этот путь всего за год-полтора до выборов, когда она стала руководителем Конгресса, уступала Ваджапай во всех аспектах политической борьбы, кроме одного – она была членом семьи Ганди–Неру.

Это и был тот главный аргумент, используя который ее окружение хотело привести Конгресс к победе. В то время как БДП подчеркивала в ходе избирательной кампании представительный характер возглавляемой ею коалиции, Конгресс делал акцент на сохранение династийности в его руководстве. Сонию Ганди представляли прежде всего как вдову убитого премьер-министра Раджива Ганди и невестку также погибшей Индиры Ганди. Этой же цели служило и участие в предвыборной гонке вместе с Соней Ганди ее дочери Приянки (29 лет) и сына Рахула (27 лет), выступавших в поддержку матери.

В целом вовлечение Сони Ганди в активную политическую борьбу на том этапе не принесло Конгрессу ожидаемых результатов. Однако, несмотря на тяжелое поражение, Конгресс сохранил важные политические рычаги в первую очередь в тех штатах, где он возглавлял местные правительства. Это – Мадхья-Прадеш, Раджастан, Дели, Орисса, Керала, Карнатак, Махараштра и Аруначал-Прадеш. В последних трех штатах Конгресс пришел к власти в результате выборов в местные законодательные собрания, которые проводились одновременно с парламентскими. Можно сказать, что Конгресс пока еще оставался единственной организацией, которая пользовалась влиянием почти во всех районах страны, хотя за последние годы оно существенно сузилось, особенно в таких крупных штатах, как Уттар-Прадеш, Бихар и Западная Бенгалия¹⁰⁵⁵.

Выборы как зеркало перемен в обществе

Сформирование БДП и ее союзниками политической коалиции НДА стало не единственным результатом выборов 1999 г. По существу, была предпринята попытка создания нового социального блока. Сама БДП сделала важный шаг, который должен был изменить облик этой партии как опирающейся преимущественно на горожан из высших каст. Она обратилась к более широкой социальной базе – зажиточному и среднему крестьянству. Кроме того, неспособность в одиночку прийти к власти вынудила БДП сотрудничать с региональными партиями, многие из которых представляли средние и даже низшие социальные/кастовые слои и группы.

В своем восхождении к власти и продолжавшихся в течение последних лет попыток завоевать большинство в парламенте БДП на деле стала реализовывать идею политической коалиции разных социальных групп. Этот эксперимент мог оказать серьезное воздействие на весь ход дальнейшего развития Индии. Но сам процесс создания такой коалиции пока еще находился в начальной стадии.

А поскольку в коалицию было вовлечено большое число политических партий, представлявших разные социальные группы, то нельзя было исключать возможности перемен в ее составе с вытекающими отсюда последствиями.

На выборах 1999 г. коалиция во главе с БДП смогла усилить свои позиции в парламенте главным образом за счет центристских партий бывшего Объединенного фронта, которые на этот раз не выступали единым блоком, а также за счет союзников Конгресса. Левым партиям в основном удалось сохранить влияние среди своего традиционного электората.

В этой связи представляла интерес поддержка партий избирателями в зависимости от их кастовой и классовой принадлежности. За БДП и ее союзников голосовали 60% высококастовых индусов (непосредственно за БДП – 69%) и 52% доминировавших в деревне средних землевладельческих каст. Однако социальные базы самой БДП и ее союзников в кастовом отношении существенно отличались. БДП поддерживали в основном брахманы, раджпуты, бхумихары и городские торговые касты, а ее союзников по коалиции – джаты, маратха, патидары, редди, камма, а также часть бихарских ядавов, курми и далитов. Полученную Национальным демократическим альянсом часть голосов далитов, племен и мусульман можно было отнести почти исключительно на счет союзников БДП. Влияние же БДП среди мусульман, и без того незначительное, даже уменьшилось по сравнению с выборами 1998 г.

Вместе с тем нельзя сказать, что БДП не предпринимала попыток получить голоса отсталых слоев населения и религиозных меньшинств. Она делала это, используя в качестве предвыборного механизма возможности Национального демократического альянса. Так, Ваджпай заявлял, что если НДА придет к власти, то его правительство примет соответствующую поправку к конституции страны, которая обеспечит справедливость в отношении меньшинств, далитов и бедняков и проложит путь к их активному участию в процессе развития. Это является «приоритетным направлением в программе НДА», говорил Ваджпай¹⁰⁵⁶.

Социальная поддержка Конгресса была во многом иной, нежели у БДП. Конгресс смог получить всего 21% голосов высококастовых индусов и 31% голосов землевладельческих каст, но усилил позиции среди «отсталых классов». Именно Конгресс добился большей, чем другие партии, поддержки племен, далитов, мусульман и христиан, хотя его позиции среди племен и далитов несколько ослабли по сравнению с 1998 г. Это произошло в основном из-за того, что эта часть электората находилась под влиянием левых партий и Бахуджан са-

мадж партии, которые вели активную работу среди далитов, а также таких региональных группировок, как Самаджвади партии, Националистическая конгрессистская партия и др. Примечательно, что впервые после антисикхских погромов 1984 г. (последовавших за убийством И. Ганди сикхом) часть этой общины стала снова голосовать за Конгресс.

Анализ парламентских выборов 1999 г., проведенный индийским Центром изучения развивающихся обществ, показал, что БДП пользовалась влиянием в основном среди высших и богатых слоев населения, в то время как ее союзники по коалиции – среди средних слоев. Доля бедного населения составляла всего около одной трети от избирателей, отдавших свои голоса за БДП. Что касается Конгресса, то его поддержка была значительно более широкой. В нее входили представители как богатых, так и средних слоев населения. В то же время союзники Конгресса имели социальную базу преимущественно среди низов.

В Индии кастовая и классовая стратификации еще во многом совпадают. Это означает, что высшие касты в основном состоят из богатых, в то время как низшие – из бедных и беднейших. Однако полного совпадения здесь нет. Касты в основном являются категорией социальной, а классы – экономической.

Электоральная поддержка БДП снижалась по мере движения от высших каст/классов к низшим. По результатам выборов 1999 г. было ясно, что БДП располагала наибольшим влиянием среди высших каст и классов и наименьшим среди низших – далитов и племен. (В целом 45% всех избирателей относились к более высоким классам/кастам, 55% – к более низким кастам/классам.) Итак, социальная коалиция НДА была образована главным образом на основе ее поддержки со стороны преимущественно богатых и зажиточных групп.

Партийно-политические предпочтения электората в зависимости от других социальных факторов также представляли определенный интерес. Так, просматривалась тенденция голосования за БДП более образованной части населения. В свою очередь, Конгресс пользовался влиянием среди избирателей, имевших средний уровень образования, и меньшей поддержкой у остальных. Приблизительно так же обстояло дело и с левыми партиями.

Другой важный момент – распределение голосов избирателей среди партий в городах и сельской местности. Со времени своего создания сначала Бхаратия джана сангх, а затем его преемник БДП пользовались большей поддержкой среди горожан, чем деревенских жителей. Эта модель электорального поведения существенно изменилась во второй половине 1990-х годов. На выборах 1999 г. БДП заметно упрочила свою социальную базу в деревне. Она получила

73% всех завоеванных ею голосов именно в сельской местности. Это было лишь немногим меньше, чем у Конгресса. Таким образом, можно говорить о том, что фактор урбанизации не повлиял на позиции БДП среди электората.

Конгресс в этом отношении оказался на прямо противоположных позициях. Если два-три десятилетия назад он пользовался самым большим влиянием в деревне, то к концу 1990-х годов оно заметно ослабло. Это в определенной мере было связано с тем, что некоторые региональные партии, в том числе левые, усилили свои позиции на селе, одновременно утратив поддержку горожан (например, в Западной Бенгалии).

Политический взлет БДП в 1990-е годы привнес заметные изменения в роль возрастного фактора при определении избирателями политических предпочтений. На выборах 1999 г. БДП получила среди молодежи на 4% больше голосов, чем у людей старшего возраста. В свою очередь, Конгресс несколько утратил влияние среди молодежи. Если на выборах 1996 г. число поданных за него голосов молодежи было на 2,5% больше, чем число голосов пожилых людей, то на выборах 1999 г. этот разрыв почти полностью исчез. Очевидно, что молодежь больше, чем другие возрастные группы, стремилась к переменам. Впрочем, и в прошлом БДП пользовалась относительно большим влиянием среди молодежи, а Конгресс – среди людей среднего возраста. Отметим, что левые партии также имели несколько меньшую поддержку у молодежи, чем у людей среднего возраста.

Еще одна существенная особенность индийской политики. Традиционно Конгресс пользовался большим влиянием среди женщин. На выборах они отдавали ему на 5–6% голосов больше, чем мужчины. Среди факторов, которые способствовали высокому уровню влияния Конгресса среди женщин, были программы этой партии по улучшению их положения и то, что в течение около двух десятилетий эту партию возглавляла И. Ганди. Потеря политических позиций Конгресса в 1990-е годы привела к заметному оттоку женщин от этой партии. Однако позже Конгресс вновь начал усиливать позиции среди них. В 1999 г. за него проголосовало на 5% больше женщин, чем мужчин.

В то же время влияние БДП среди женщин было заметно ниже, чем среди мужчин. На выборах 1998 г. за нее голосовало на 4,7% меньше женщин, чем мужчин, а на выборах 1999 г. этот показатель еще больше снизился. Среди причин можно назвать определенную патриархальность идеологических воззрений БДП и примыкавших к ней организаций и то, что многие женщины рассматривали БДП как партию, в которой преобладали консервативные взгляды на роль женщины в семье и обществе.

Итоги парламентских выборов 1999 г. еще раз подтвердили, что, несмотря на огромные трудности, Индия продолжала идти вперед по пути демократического развития. Они также показали, что политическая активность все больше смещалась из центра в регионы. Этот процесс охватывал не только штаты, но и отдельные дистрикты, что было объективно связано с усилением самостоятельной роли штатов в экономической и политической жизни.

Коалиции в центре и штатах отражали сложившееся новое соотношение социальных (в том числе кастовых), экономических и политических сил. Прежнее неприятие коалиционной политики стало уступать место все большей ее поддержке среди общественности, особенно тех избирателей, которые голосовали за партии, участвовавшие в коалиционных блоках. Однако раздробленность индийского социума и противоречия между различными социальными группами серьезно затрудняли формирование и сохранение устойчивых коалиций в центре. Тем не менее, многолетний успешный опыт правительственных коалиций на уровне штатов (Западная Бенгалия, Керала, Тамилнад) свидетельствовал о том, что достижение согласия и устойчивости коалиций и на федеральном уровне вполне возможно, но при условии близости идеологических позиций входивших в них партий.

События второй половины 1990-х годов показали, что монополия одной партии на власть в Индии ушла в прошлое. На смену ей пришла эпоха коалиций, которые больше соответствовали изменившейся расстановке социально-классовых сил. Этому же способствовал полиэтнический и многоконфессиональный характер индийского общества, а также продолжавшаяся децентрализация власти в стране. Результаты выборов 1999 г. свидетельствовали о крупных изменениях в социальной и политической сферах¹⁰⁵⁷.

Реформы «второго поколения» правительства НДА

После возвращения к власти в 1999 г. правительство Национального демократического альянса подтвердило, что продолжит реализацию программных установок предыдущего правительства во главе с БДП. Вместе с тем оно пошло дальше, объявив о проведении экономических реформ «второго поколения», включая дальнейшую финансовую либерализацию. Предусматривалось привлечение капиталовложений, в том числе прямых иностранных инвестиций на сумму 10 млрд. долл. ежегодно. Предоставление разрешений на иностранные инвестиции должно происходить в «автоматическом режиме», за исключением небольшого списка отраслей, в которых такой режим не будет действовать.

Правящая коалиция сформулировала задачу «более быстрого роста, обеспечивающего занятость и справедливость». Она считала, что бедность и безработица могут быть ликвидированы только в условиях быстрого экономического роста на 7–8% в год. Планировалось создавать 10 млн. рабочих мест ежегодно, в основном в сельском хозяйстве, мелком бизнесе, кустарном производстве, строительстве и сфере услуг. Правительство НДА, как и многие его предшественники, заявило, что бедность должна уйти в прошлое, как это произошло с рабством и колониализмом. В течение пяти лет Индия должна полностью освободиться от голода и его угрозы.

Такое заявление было не только многообещающим и привлекательным, но и чрезвычайно ответственным. Очевидно, что за столь короткий срок решить проблемы 300 млн. индийцев, живущих за чертой бедности, – задача архитрудная. Для этого требуется концентрация огромных ресурсов, усилий и политической воли. Это был вопрос не столько будущего самой БДП и ее партнеров по коалиции, сколько будущего самой Индии.

Правительство вновь подтвердило приоритетное значение защиты отечественной промышленности: «Индия должна быть построена индийцами». Вместе с тем в руководстве БДП и примыкающих к ней организаций шла борьба по вопросу о путях дальнейшего развития страны, в частности по проблемам провозглашенного партией протекционизма отечественного производства и реально осуществляемой в течение последних лет либерализации и глобализации экономики. Правительство предлагало выделить 60% всех расходов, предусмотренных государственным планом, на поддержку сельского хозяйства и развитие деревни. Была поставлена задача ускоренного развития информационных технологий: «Индия должна стать информационной сверхдержавой». Планировалось увеличить к 2008 г. экспорт программного обеспечения до 50 млрд. долл. Особое внимание уделялось фармацевтической и другим наукоемким отраслям промышленности, чтобы превратить Индию в мирового лидера в этих сферах¹⁰⁵⁸.

В программе НДА отмечалось, что Индия находится на неплохих стартовых позициях для того, чтобы осуществить предлагаемые планы. В частности, в 1999/2000 финансовом году рост экономики составил 6%, валютные резервы – 33 млрд. долл., инфляция не превысила 2%¹⁰⁵⁹.

Предлагалось также реализовать такие политические мероприятия, предложенные еще предыдущим правительством, как принятие поправки к конституции о предоставлении 33%-ной квоты мест для женщин в народной палате парламента и законодательных собраниях

штатов, создание специальной организации для борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти и отмыванием незаконно полученных денег, а также образование трех новых штатов – Уттаркханд, Джаркханд и Чхаттисгарх – из состава крупнейших штатов Индии – Уттар-Прадеша, Бихара и Мадхья-Прадеша.

Некоторые из этих планов, включая создание новых штатов, были выполнены. Вопрос о квотах для женщин по-прежнему оставался предметом дискуссии в партиях и парламенте.

Предусмотренная программой конституционная поправка, обеспечивающая продление системы резервирования (квотирования) мест в народной палате и в законодательных собраниях штатов для зарегистрированных каст и племен еще на 10 лет с 2000 г., была представлена в парламенте в первые же дни деятельности правительства НДА и принята единогласно¹⁰⁶⁰.

Как и раньше, вопросы внешней политики не занимали особого места во внутривнутриполитической борьбе. Однако вооруженное столкновение в Каргиле между Индией и Пакистаном во время избирательной кампании 1999 г., которое привело к росту индийского национализма, было использовано политическими партиями в своих целях. БДП заявляла о своей решимости дать отпор «поползновениям» Пакистана на целостность Индии. С другой стороны, Конгресс подвергал критике правительство за то, что оно проявило беспечность и не пресекло вовремя попытки этой соседней страны вмешаться во внутренние дела Индии.

Не случайно, что возглавляемое БДП правительство в программном документе заявило, что Пакистан должен прекратить террористические вылазки. Подчеркивалось особое значение отношений с США, которые следует «дальше углублять и развивать», а также важность укрепления «традиционных связей» с Россией. Отношения с США получили дополнительный импульс после того, как Индия благожелательно отнеслась к американским планам по созданию Национальной противоракетной обороны. Связи Индии с Россией получили свое развитие после визитов президента РФ В.В. Путина в эту страну в октябре 2000 г. и в декабре 2002 г. и визита Ваджпай в Россию в ноябре 2001 г.

Победа БДП в Гуджарате и «культурный национализм семьи хиндутвы»

Последующее развитие событий свидетельствовало о неустойчивом политическом равновесии в стране. В 2002 г. БДП потеряла

поражение на выборах в законодательные собрания штатов Уттар-Прадеш, Панджаб, Уттаркханд, Джамму и Кашмир. Однако тот же год завершился триумфальной победой партии в декабре на выборах в Гуджарате – штате с населением в 50 млн. человек. БДП удалось получить в законодательном собрании штата более двух третей депутатских мандатов (126 из 181) и 51% голосов избирателей. В собрании предыдущего созыва у БДП было 117 мест и 41,8% голосов¹⁰⁶¹.

Главный соперник БДП Конгресс остался далеко позади. Поражение в Гуджарате показало, что Конгрессу было трудно что-либо противопоставить политике хиндутвы. Раздумья над тем, как действовать Конгрессу в будущем, приводили некоторых его руководителей к мысли о том, что партии следует больше уделять внимания вопросам, непосредственно затрагивающим жизнь простых людей, с учетом бытовавших традиций и обычаев. Или, может быть, вернуться к нравственным аспектам гандистской философии и социалистическим идеалам Неру. Кроме того, лидеры Конгресса серьезно задумывались над вопросом о создании широкой жизнеспособной коалиции, которая могла бы противостоять Национальному демократическому альянсу во главе с БДП.

На исход выборов в Гуджарате огромное влияние оказали события в городе Годхра и последовавшие за ними погромы мусульман. В феврале 2002 г., по сообщениям печати, возле Годхры группа мусульман якобы напала на поезд, в котором паломники-индусы возвращались из Айодхьи, и в одном из вагонов были сожжены и убиты 58 индусов. Однако следствие показало, что пожар начался внутри вагона¹⁰⁶². За этим последовали массовые избиения и погромы мусульман. Были полностью или частично разрушены тысячи домов и лавок, сотни мелких предприятий и фабрик, несколько гостиниц, 45 мечетей и молитвенных домов. По некоторым данным, погибло около 2000 человек¹⁰⁶³.

Представительный «Трибунал обеспокоенных граждан» во главе с бывшим судьей Верховного суда Индии В. Кришна Айяром, который обследовал место событий и опросил множество свидетелей, также отверг первую версию и установил, что пожар начался внутри вагона, а не в результате нападения извне. Это и привело к гибели людей. Трибунал заявил, что пожар в поезде был использован БДП для «циничной политической игры». Авторы представленного трибуналом двухтомного доклада обвиняли власти штата во главе с главным министром Нарендра Моди в «преступлениях против человечности и геноциде». Доклад расценивал Моди как «автора и архитектора» всего того, что случилось после нападения на поезд в Годхре. Вместо того, чтобы предотвратить дальнейшее разрастание

конфликта, главный министр распорядился транспортировать обгоревшие тела убитых индусов на грузовиках через весь штат до административного центра Ахмадабад. А позже лидер ВХП Ашок Сингхал публично заявлял, что «целые деревни были очищены от ислама»¹⁰⁶⁴. Трибунал обвинил Моди в разжигании религиозно-общинной розни и ненависти. Он также рекомендовал немедленно задержать и подвергнуть судебному преследованию руководителей Вишва хинду паришад Правина Тогадию и Ашока Сингхала¹⁰⁶⁵.

Конфедерация индийской промышленности также выразила тревогу в связи с антимусульманскими погромами и нарушениями правопорядка, которые могли негативно повлиять на инвестиционный климат в штате¹⁰⁶⁶. Многие лидеры индийской оппозиции выступили с требованием отставки Моди с поста главного министра. Однако центральное руководство БДП отвергло это требование. Напротив, Моди получил полную поддержку БДП и вновь стал главным министром после выборов в декабре 2002 г.

Итоги выборов в Гуджарате вызвали прилив энтузиазма в рядах БДП и примыкавших к ней организаций из «семьи хиндутвы». После объявления результатов этих выборов премьер-министр А.Б. Ваджпай заявил, что начался «победный марш» и Гуджарат представляет собой лишь начало этого шествия¹⁰⁶⁷. Вместе с тем он занял взвешенную позицию по вопросу о приверженности БДП к хиндутве, принимая во внимание более широкие интересы всех членов коалиции НДА.

Однако руководители «семьи хиндутвы» торопились зафиксировать свои более жесткие, а порой и экстремистские взгляды в общественном сознании. Так, официальный представитель РСС Рам Мадхав высказался в том духе, что полученный БДП мандат – это хороший урок оппозиции, «псевдосекулярному» лобби и даже БДП. Бхаратия джаната парти должна идентифицировать себя с национализмом и теснее сотрудничать с «семьей хиндутвы». Еще более определенно выразился П. Тогадия. Отныне, сказал он, политика в Индии будет сосредоточена вокруг хиндутвы. «Мы не позволим БДП отойти от идеологии хиндутвы», – заявил он и дал понять, что ВХП не остановится даже перед конфронтацией с самим премьер-министром. «Мы не являемся закабаленными работниками какой-либо партии. Мы останемся приверженными делу хиндутвы, и партии, поддерживающие нашу идеологию, не должны отступать ни на шаг от хиндутвы»¹⁰⁶⁸.

Определенный итог дискуссиям в БДП по вопросу о выборах в Гуджарате был подведен на заседании национального исполкома партии 23–24 декабря 2002 г. В принятой на нем политической резолюции подчеркивалось: «Выборы стали испытанием культурного

национализма БДП... Народ Гуджарата поддержал нашу приверженность культурному национализму и проголосовал за нашу партию третий раз подряд». Далее выражалась уверенность в том, что выборы в этом штате станут «поворотным пунктом в истории Индии, а пропагандируемая БДП идеология культурного национализма будет широко воспринята всей страной». Указывалось также, что партия использует опыт Гуджарата и повторит свой успех в других штатах.

В то же время премьер-министр Ваджпай заявил, что не следует использовать религию для завоевания голосов избирателей, а хиндутва не должна быть частью политической, в том числе предвыборной, программы. Кроме того, в выступлении на заседании парламентской фракции БДП Ваджпай больше обращал внимание на вопросы управления в Гуджарате, что, по его мнению, внесло большой вклад в победу партии на выборах в этом штате¹⁰⁶⁹.

Ваджпай реагировал на заявления поборников «жесткой хиндутвы» в свойственном ему сдержанном и образном стиле. Он заявил, что хиндутва не может быть объектом предвыборной борьбы, и постарался утихомирить страсти внутри «семьи хиндутвы» и в самом Гуджарате, вызванные как событиями в Годхре, так и последующими погромами мусульман. Для этого он обратился к понятной для индусов мифологии. Ваджпай сказал, что БДП должна выпить яд, который появился в Гуджарате за месяцы межконфессионального конфликта, подобно тому, как это сделал бог Шива, когда он создавал вселенную, в результате чего наряду с добром появилось и зло (яд), и Шива проглотил его, чтобы избавить человечество от зла¹⁰⁷⁰.

В свою очередь, в своем анализе выборов в Гуджарате некоторые руководители Конгресса возлагали вину за его поражение на проводимую им политику «мягкой хиндутвы», которая не смогла противостоять «жесткой хиндутве», пропагандируемой БДП. Другие считали, что проведение политической линии на развитие секуляризма сильно навредило партии. Третьи полагали, что, наоборот, партия должна более настойчиво защищать идеалы секуляризма. Это говорило о том, что в Конгрессе не было единства по такому важнейшему вопросу идеологической и политической борьбы.

В свою очередь, часть руководства БДП считала, что успех партии в Гуджарате и использованные там методы предвыборной борьбы не могли быть применены в других штатах, поскольку условия в них существенно отличались. Кроме того, в БДП возникали опасения, что другие участники правительственной коалиции могли не самым благожелательным образом отнестись к тому, как Бхаратия джаната парти добилась успеха в Гуджарате. Победа БДП в этом штате вызвала в партии дискуссию о возможности проведения дос-

рочных выборов в парламент еще до истечения сроков его полномочий в 2004 г. Отсюда и жесткие, по существу, предвыборные заявления некоторых руководителей примыкающих к БДП организаций. «Лаборатория хиндутвы начала действовать, – заявил Тогадия. – Можно ожидать создания хинду раштра (государства индусов) в течение последующих двух лет ...К тому времени мы изменим историю Индии и географию Пакистана. Если в разных регионах Индии в медресе могут обучать людей джихаду, – сказал он, – то почему Вишва хинду паришад не может создать свою лабораторию? Гуджарат стал могилой секуляристских сил»¹⁰⁷¹.

Руководство Вишва хинду паришад вновь и вновь подчеркивало, что эта организация придерживается ранее заявленных целей хиндутвы – строительства храма бога Рамы в Айодхье, принятия закона, запрещающего переход в другие религии, а также требования единого гражданского кодекса для всех конфессий, в том числе и мусульман, которые продолжают жить по законам частного права, отмены статьи 370-й Конституции Индии, предоставляющей особый статус штату Джамму и Кашмир, населенному преимущественно мусульманами, принятия закона, запрещающего забой коров. ВХП предупреждал, что «грядущая буря» не ограничится Гуджаратом. Следующими регионами, на которые распространится идеология хиндутвы, станут Химачал-Прадеш, Раджастхан, Мадхья-Прадеш, Чхаттисгарх и Дели.

Тогадия также объявил, что «мусульмане в Индии будут пользоваться таким же статусом, как индусы в Пакистане, может быть даже несколько лучшим». В этой связи он сказал, что ВХП выступает за «расчленение» Пакистана, поскольку «нельзя покончить с фундаментализмом и экстремизмом, не расколов Пакистан на части»¹⁰⁷².

Выборы в Гуджарате еще раз подтвердили значимость социальных и политических процессов, происходивших на уровне штатов. Более того, некоторые индийские аналитики считали, что центральное руководство БДП, по существу, играло роль второй скрипки, а тон задавали местные политики. Судьба выборов в регионах стала определяться не в центре, а зависела от соотношения сил на местах. В БДП многое решалось под влиянием местных лидеров партии, таких как Нарендра Моди в Гуджарате, Васундхара Радже Синдия в Раджастхане, Ума Бхарати в Мадхья-Прадеше, Дилип Сингх Джу-део в Чхаттисгархе¹⁰⁷³.

Состоявшиеся в марте 2003 г. выборы в законодательное собрание штата Химачал-Прадеш не подтвердили надежд БДП и ее организаций на то, что «волна хиндутвы» прокатится по всей Индии. БДП потерпела в этом штате поражение, уступив власть Конгрессу.

Но на состоявшихся в ноябре–декабре 2003 г. выборах в законодательные собрания штатов Мадхья-Прадеш, Раджастан, Чхаттисгарх, а также Дели и Мизорама БДП одержала убедительную победу в первых трех из них. В свою очередь, Конгресс победил в Дели и опередил БДП в Мизораме. Победа БДП в указанных штатах свидетельствовала о восстановлении ее влияния в хиндиязычном поясе. Многие политики и обозреватели отмечали, что эти выборы проходили в обстановке более спокойной, чем в Гуджарате. На них не наблюдалось заметных столкновений на религиозно-общинной почве. Эти выборы рассматривались как своеобразный «полуфинал» перед парламентскими выборами, намеченными на осень 2004 г. БДП, несомненно, укрепила свои позиции. Но и Конгресс продолжал сохранять влияние во многих районах Индии – он контролировал 12 штатов из 28, а также Дели. Борьба за власть в центре и штатах продолжалась.

Идеологическое обеспечение политической деятельности БДП

Победа БДП в Гуджарате придала дополнительный импульс усилиям этой партии по идеологическому обеспечению ее партийно-государственной деятельности. Эта работа активно проводилась еще задолго до событий в этом штате. Одним из ее итогов стало издание в декабре 2002 г. национальных программ по социальным наукам и истории для учащихся XII классов. Еще раньше такие программы были подготовлены для VI и IX классов. Они были разработаны Национальным советом по образованию и профессиональной подготовке.

Сравнивая эти программы и подготовленные на их основе учебники с аналогичными предыдущими учебниками по этой же тематике, многие учителя школ и преподаватели в колледжах и университетах считали, что новые программы нацелены на то, чтобы разрушить секулярный характер школьного обучения, что они исподволь проповедают шовинизм, брахманизм и имеют антимусульманскую направленность.

Так, в учебниках по истории появилось такое нововведение, как «цивилизация Инда–Сарасвати». Объединение в одно историческое целое двух понятий означало, что более древняя цивилизация долины Инда была, по существу, частью ведийской цивилизации, что противоречило выявленному ранее научным данным. В учебнике для XII класса была глава «Ведийская цивилизация», однако в тексте отсутствовали

какие-либо ссылки на дату ее возникновения. В новых учебниках также говорилось, что арийская культура является ядром индийской культуры, а сами ведийские арии были автохтонами Индии и создателями вед. В то же время в них содержались указания на то, что мусульмане и христиане являются «иностранцами».

В разделе учебника по новейшей истории не нашлось места, например, таким фактам, как убийство Махатмы Ганди индусским шовинистом Н. Годсе и запрета в этой связи Хинду махасабхи и РСС, что оказало большое влияние на ход развития современной Индии. Характерно, что в фильме «Война и мир» известного кинорежиссера Ананда Патвардана, который начинался с убийства Махатмы Ганди, вся эта сцена была запрещена цензурой¹⁰⁷⁴.

Помимо учебников, официально рекомендованных правительственной организацией, при спонсорстве РСС издавались книги, призванные укрепить веру в превосходство индусов. Так, в некоторых из них даже утверждалось, что человечество возникло в верховьях реки Сарасвати. Все это служило цели доказать культурное и духовное превосходство индуизма, опровергнуть устоявшиеся представления о том, что самые древние тексты индусов были связаны с пришествием ариев с Северо-Запада, что цивилизация реки Инда предшествовала ведийской цивилизации, что индуизм, как и многие другие религиозные течения в Индии, возник в результате синтеза культур и верований многих народов¹⁰⁷⁵.

Приход БДП к власти можно было рассматривать как начало нового этапа в политической истории современной Индии. Усиление ее влияния было связано не только с использованием этой партией традиционных инструментов воздействия на массы, но и с тем, что она умело приспособливалась к происходящим в обществе и мире переменам, сочетая старые и современные методы партийно-политической борьбы с учетом специфики индийского общества. Это, однако, не означало, что возглавляемая Бхаратия джаната парти коалиция была «обречена» на долгий успех. НДА представляла собой достаточно хрупкую политическую и социальную структуру. Формирование этой коалиции было скорее результатом использования лидерами БДП логики партийно-политической борьбы за власть, чем естественного объединения усилий различных социальных групп, продиктованного сходством или близостью их интересов. Социально-политические группировки, объединившиеся под политическим патронажем БДП, испытывали серьезные трудности в отношениях друг с другом. Судьба коалиции и самой БДП во многом зависела от того, насколько успешно БДП и ее союзники могли преодолевать идеологические и политические противоречия между ними¹⁰⁷⁶.

НДА объявляет о досрочных выборах в парламент

За восемь месяцев до истечения срока его деятельности, в январе 2004 г. правительство НДА во главе с БДП объявило о проведении выборов в парламент. Такой шаг был связан с рядом благоприятных для БДП моментов. В декабре 2003 г. этой партии удалось сформировать свои правительства в законодательных собраниях трех из четырех штатов, в которых были проведены выборы; обильные муссонные дожди 2003 г. обеспечили хороший урожай, что отразилось на настроениях в сельской Индии; кроме того, БДП могла рассчитывать на поддержку того слоя населения, который выиграл в результате проведенных правительством реформ. По имеющимся данным, за время правления НДА 20% наиболее зажиточного городского населения увеличили свои доходы на 30%, 20% состоятельного сельского населения – на 10%¹⁰⁷⁷.

У этой части общества были все основания «чувствовать себя хорошо». Власти принимали во внимание также значительно большее влияние этих слоев на индийский электорат, нежели их доля в населении. Отсюда и появление таких предвыборных лозунгов, как «Почувствуйте себя хорошо» и «Сияющая Индия».

Главный документ Национального демократического альянса, определивший стратегию и тактику его предвыборной борьбы, получил привлекательное название: «Программа развития, хорошего управления, мира и гармонии». В нем подчеркивалось, что под «мудрым руководством» премьер-министра А.Б. Ваджаи на выборах 2004 г. НДА будет стремиться получить новый мандат на управление страной, чтобы служить народу еще пять лет. НДА «выполнил обещания», которые содержались в его манифесте 1999 г., получившем название «Программа для гордой, процветающей Индии».

НДА заявлял, что строго придерживался канонов «коалиционной дхармы», взаимного доверия, деятельности на основе консенсуса, регулярных консультаций, выработки общих подходов. Страна окончательно преодолела годы стагнации и медленного экономического роста, которыми была отмечена «большая часть полувекового периода независимости». Сельскохозяйственное производство превзошло все предыдущие рекорды. Валютные резервы достигли 110 млрд. долл. Многие отрасли промышленности стали конкурентоспособными на мировом рынке. Всемирно признанными стали достижения Индии в развитии «экономики знаний», что получило выражение в экспорте программного обеспечения, который за пять

лет вырос более чем в пять раз и составил 480 млрд. рупий (более 10 млрд. долл.). Плохая и неадекватная инфраструктура, оставшаяся в наследство от Конгресса, «была заменена инфраструктурой мирового класса». Была начата «революция связи» (телеком, интернет, шоссе и деревенские дороги), которая будет продолжена в критических точках инфраструктуры – строительстве железных дорог, аэропортов, морских портов, ирригационных сооружений и т.п. То есть там, где это сдерживает экономический рост и занятость.

Главный вывод относительно достигнутых результатов: Индия – процветающая и развивающаяся страна. Миллионы индийцев получили работу, купили дома, пользуются мобильными телефонами, дают хорошее образование детям. Однако такие же миллионы людей, отмечалось в документе НДА, все еще ждут своего шанса получить блага от воплощения в жизнь «Великой индийской мечты». Правительство НДА провозгласило впечатляющую программу на последующие годы: устойчивый экономический рост в 8–10% ежегодно, ликвидация бедности к 2015 г. (последнее обязательство оно брало на себя еще в 1999 г.)¹⁰⁷⁸.

В то же время у большей части населения, особенно сельского, не было причин для хорошего самочувствия и радости. Известный публицист и писатель Арундхати Рой отмечала, что экономисты громкогласно объявляли о феноменальном росте ВВП, о том, что магазины забиты товарами, правительственные склады переполнены зерном. Но за пределами этого видимого благополучия последние годы были отмечены самым быстрым ростом неравенства в доходах города и деревни со времени независимости. Крестьяне утонули в долгах и сотнями совершали самоубийства. 40% сельского населения имели такой же уровень потребления зерновых, как в странах Африки к югу от Сахары; 47% индийских детей в возрасте до трех лет страдали от недоедания. Однако по телевидению в крупных городах – в магазинах, ресторанах, аэропортах, в залах железнодорожных станций – демонстрировали довольную, сверкающую Индию¹⁰⁷⁹.

Не только индийские, но и иностранные эксперты подчеркивали масштабность нерешенных проблем, стоявших перед страной в 2004 г. Американский журнал «Business Week» писал: «Вряд ли Индия может стать современной экономической державой, когда 300 млн. человек существуют менее чем на один доллар в день. В 1990-е годы при экономическом росте в 6,2% в год средний и высший классы страны процветали. А вдали от офисов из мрамора и стекла в Бангалоре, Хайдарабаде, Бомбее и Дели 65% индийцев продолжали жить в стагнирующей сельской Индии». Почти 40% индийцев оставались неграмотными. Мизерные правительственные расходы на электрификацию, ирригацию, здравоохранение, базовое образование оставили

большинство этого населения далеко позади. Безработица в Индии составляла 7–10%. С учетом того, что каждый год 10 млн. человек вступали на рынок труда, безработица постоянно росла. За годы быстрого экономического роста разрыв между богатыми и бедными, городом и деревней достиг драматических размеров¹⁰⁸⁰.

Перед выборами 2004 г. одним из ключевых мероприятий, организованных БДП, была поездка лидера партии и заместителя премьер-министра Л.К. Адвани на автомобиле, украшенном индусскими символами, по многим штатам страны. По своей сути она подчеркивала связь между религией и политикой. Для изучения настроений избирателей в конце марта 2004 г. в 16 штатах был проведен опрос о роли религии в политической и общественной жизни. Большинство опрошенных (48%) заявили, что обращение к авторитету религии помогает отвлекать внимание населения от насущных проблем, таких как нехватка питьевой воды, снабжение электричеством, строительство дорог. Несколько меньше (44%) сказали, что использование религии не может отвлечь внимание народа от этих проблем. Мнение о том, что религия используется в политических целях было особенно распространено в Гуджарате, Раджастане, Мадхья-Прадеше и Махараштре, где БДП имела наибольшее влияние.

44% опрошенных в стране полагали, что использование религии помогает политическим партиям в получении голосов избирателей. Несколько больше (49%) считали, что это не дает преимуществ партиям. На севере страны, где влияние БДП было весьма велико, 60% опрошенных придерживались мнения, что обращение к религии является средством получения дополнительных голосов избирателей, в то время как на юге, где влияние БДП было ограничено, большинство считало, что религия не помогает получать дополнительные голоса. Еще около половины опрошенных (48%) полагали, что некоторые политические партии больше используют религию в политических целях, чем другие. На западе страны, где преобладало влияние БДП, такую точку зрения разделили 64% опрошенных. При этом характерно, что три четверти участников опроса заявили: использование религии в политических целях должно быть полностью запрещено, и только 18% придерживались иного мнения¹⁰⁸¹.

Общий вывод по результатам этого опроса можно свести к следующему: использование религии продолжало оставаться важным ресурсом некоторых партий (прежде всего БДП) в укреплении их политических позиций. Вместе с тем, несмотря на глубокую религиозность населения, большинство считало, что религия является внутренним делом каждого человека и не должна эксплуатироваться политиками в корыстных целях.

Накануне выборов 2004 г. был проведен еще один опрос в 10 крупных городах (Дели, Мумбай, Колката, Бангалор, Канпур, Сурат, Патна, Бхопал, Виджаявада, Салем) и 12 деревнях в разных районах страны среди жителей 18–25 лет. Три четверти опрошенных считали, что политические лидеры не думают о волнующих их проблемах. Почти такое же количество полагало, что политические партии не заботятся о будущем страны, а скорее решают свои текущие задачи. Большую озабоченность опрошенных вызывали безработица, коррупция и бедность. Подавляющее большинство молодых людей, принявших участие в опросе, полагало, что среди политических лидеров слишком много пожилых людей, которые, видимо, плохо понимают проблемы молодежи и мало делают для их решения. И, тем не менее, несмотря на критику политических партий и их лидеров, более трех четвертей опрошенных сказали, что примут участие в выборах. Причем в деревне их доля составила 85%, в городе – 63%. Число женщин, готовых принять участие в выборах, составило соответственно 74 и 81%¹⁰⁸². Это косвенно подтверждало, что демократия в Индии работает и что выборы являются достаточно эффективным инструментом изменения политической ситуации в стране.

Глава 30

ВЫБОРЫ 2004 г. – КОНГРЕСС СНОВА ВО ВЛАСТИ

На выборах 2004 г. БДП делала ставку на А.Б. Ваджапай – многоопытного, искусного политика и государственного деятеля, которому удавалось не раз выводить свою партию из трудных ситуаций. Как заявляли некоторые политологи, БДП, по существу, стала создавать культ его личности, утверждая, что именно он добился признания Индии в качестве мировой державы, предложил амбициозный проект превращения Индии в развитую страну и т.п. Однако НДА не удалось представить убедительных доказательств в пользу крупных достижений в сферах развития, хорошего управления, общественно-политического порядка и мира в интересах большинства населения.

По мере развертывания избирательной кампании, которая активно велась три месяца после объявления о выборах, ситуация стала меняться не в пользу НДА. Его лозунг «Сияющая Индия» стал контрпродуктивным. Наблюдатели отмечали, что накануне первого этапа выборов (20 апреля 2004 г.) Ваджапай впервые заявил о трудно-

стях управления многопартийной коалицией, сказав, что он сможет лучше служить стране, если ему не придется возглавлять такую большую коалицию, как раньше. Такое заявление из уст Ваджпай – мастера компромисса и консенсуса, автора звучной фразы «дхарма коалиции», человека, признававшего, что его главная сила была в Национальном демократическом альянсе, а не в БДП, по мнению некоторых обозревателей, выглядело, по крайней мере, странным. Отмечалось даже, что Ваджпай был недоволен некоторыми нюансами предвыборной кампании БДП, такими как «Сияющая Индия» и «Почувствуйте себя хорошо». Акцент, по его мнению, следовало сделать больше на проблемах сельской Индии и бедноты¹⁰⁸³.

В предвыборном манифесте НДА отдельной строкой было записано: будут приняты законодательные меры, обеспечивающие занятие важных постов в индийском государстве только теми лицами, которые являются «естественными гражданами Индии по их индийскому происхождению». Эта позиция являлась продолжением и развитием линии БДП на недопущение на высшие посты в стране (президента, премьер-министра, судей Верховного суда и т.п.) лиц иностранного происхождения. И это несмотря на то, что в Конституции Индии не содержится такой нормы. Позиции БДП по вопросу об иностранном происхождении Сони Ганди на выборах 2004 г. были заметно ослаблены по сравнению с выборами 1999 г. Наблюдатели отмечали, что даже Ваджпай не одобрял жесткую критику в адрес Сони Ганди, а позже признал, что это не помогло партии¹⁰⁸⁴.

Предвыборная программа Конгресса

В своем предвыборном манифесте Конгресс объявил, что парламентские выборы 2004 г. являются не просто выбором между той или иной партией, а столкновением диаметрально противоположных идеологий и острой борьбой между разными системами ценностей. «Предстоящие выборы – это борьба между Конгрессом, который всегда опирался на славное прошлое Индии и использовал ее традиции, чтобы построить современную Индию, и БДП, которая систематически подрывала суть индийской цивилизации и разрушала саму идею независимой Индии». Своей целью Конгресс объявлял нанесение поражения силам обскурантизма и фанатизма в лице БДП, которая угрожает «переписать наше прошлое и уничтожить наше будущее». Конгресс заявил, что он вместе с союзниками составит альтернативу БДП и «вернет Индию на дорогу экономического роста и социальной гармонии»¹⁰⁸⁵.

Конгресс заявлял о своих заслугах в период национально-освободительного движения, в создании демократических институтов. Особо отмечались достижения Конгресса в строительстве государственного сектора экономики, индустриализации страны, развитии отсталых регионов, проведении социальных реформ в интересах низов, которые столетиями подвергались дискриминации. Указывалось, что при правлении Конгресса были созданы инфраструктура и организации, позволившие Индии стать ядерной, космической и ракетной державой, а также мировым лидером в информационных технологиях. Именно Конгресс начал либерализацию и экономические реформы. Политика этой партии привела к тому, что к 1998 г. Индия стала четвертой экономикой мира по объему ВВП (по паритету покупательной способности).

Конгресс заявлял, что он всегда был не просто политической партией в обычном смысле этого слова, а широким национальным движением. Для него национализм означал равное и достойное место для каждого индийца. А для БДП, по мнению лидеров Конгресса, «культурный национализм» являлся средством разделения индийцев. Конгресс руководствовался принципом секуляризма и объединял индийскую нацию путем консенсуса, в то время как БДП разъединял ее при помощи конфронтации. Для Конгресса секуляризм означал полную свободу и уважение всех религий, религиозных общин и решительное противодействие коммунизму. Поэтому выборы 2004 г. представляли собой настоящее поле битвы за секуляризм¹⁰⁸⁶.

Конгресс подвергал критике БДП и правительство НДА за их «монументальные провалы». Он подчеркивал, что политика этого правительства привела к резкому увеличению безработицы, дестабилизации и снижению темпов роста экономики – менее 6% в течение последних пяти лет. Это сопровождалось ухудшением положения крестьян и сельскохозяйственных рабочих, что вызвало беспрецедентное число самоубийств в деревне и растущую бедность сельских жителей. Экономическая политика БДП способствовала увеличению разрыва в доходах богатых и бедных, между городским и деревенским населением, между различными регионами страны.

БДП обвинялась в преднамеренном разжигании религиозно-общинной розни в штате Гуджарат, в поощрении религиозно-общинных и «фашистских организаций», таких как Вишва хинду паришад и Баджранг дал, к распространению ненависти среди людей. Конгресс упрекал премьер-министра Ваджпайи в политике «двойных стандартов» по вопросу о строительстве храма бога Ра-

мы на месте разрушенной индусскими фанатиками мечети Бабура в Айодхье в 1992 г., в погроме в Гуджарате в 2002 г., в отношениях с Пакистаном. Конгресс считал, что при правлении БДП коррупция достигла беспрецедентных масштабов. Особой критике подвергся пропагандируемый БДП лозунг «Почувствуйте себя хорошо». Говорилось также, что БДП использует Национальный демократический альянс в качестве ширмы, за которой она вводит народ в заблуждение¹⁰⁸⁷.

Критика правительства НДА слева

В своих предвыборных документах и выступлениях левые партии подвергли жесткой критике деятельность БДП и правительства НДА. Они призвали к объединению левых и других секуляристских сил для «спасения страны» от распространения религиозно-общинной идеологии и политики. Левые партии подчеркивали, что правительство НДА обслуживало интересы крупных корпораций и большого бизнеса, спекулянтов фондового рынка, богатых слоев общества, но игнорировало нужды простого народа. Все это сопровождалось растущей нищетой, безработицей, особенно среди молодежи, голодом и самоубийствами отчаявшихся людей. В 2002 г. правительство закупило у крестьян 60 млн. тонн зерна, но не предприняло мер, чтобы облегчить участь сельской бедноты, которая пострадала во время засухи. Оно предпочло экспортировать 10 млн. тонн зерна по низким ценам, а не распределить их среди остро нуждающихся. Существовавшая прежде государственная система распределения продовольствия и магазинов справедливых цен была разрушена. Продажа предприятий государственного сектора означала передачу общественных ресурсов в частные руки. Левые партии заявляли, что правительство во главе с БДП вело дело к разрушению государственного сектора экономики, крупные прибыльные предприятия которого (нефть, транспорт, связь, электроэнергия) по дешевым ценам продавались индийским и иностранным корпорациям. Правительство проводило политику снижения налогов для крупного бизнеса. Были уменьшены акцизы и таможенные сборы на товары, пользующиеся спросом преимущественно у богатых, – золото, бриллианты, автомобили, кондиционеры и т.п. До 50 тыс. увеличилось число семей, богатство которых превышало 50 млн. рупий (более 1 млн. долл.).

Левые партии подчеркивали, что сельская Индия оказалась в кризисе. В результате падения цен на сельскохозяйственные продукты потери фермеров составляли 1160 млрд. рупий (около

25 млрд. долл.) в год. Подушное потребление зерна снизилось с 184,5 кг в 1997 г. до 152 кг в 2001 г. Огромных размеров достигла безработица. За время правления БДП число бедных увеличилось на 19 млн. человек. По-прежнему не выполнялась конституционная норма об обязательном начальном образовании детей в возрасте от 6 до 14 лет. Высшее образование оставалось привилегией богатых. Не улучшилось положение и в здравоохранении, на которое направлялось всего около 1% бюджетных средств. Это означало, что большинство малоимущих не имело возможности пользоваться медицинскими услугами. Все это привело к тому, что в 2002 г. Индия по индексу человеческого развития находилась на 127 месте из 175 стран¹⁰⁸⁸.

Отдельно отметим, что в Индии предвыборные документы партий, их манифесты и программы играют существенную роль в избирательных кампаниях, так как являются идеологической и политической основой, на которой активисты партий строят свои обращения к простым людям, нередко безграмотным. Не менее важно и то, что за исполнением этих программ пристально следят политический класс и средства массовой информации. Они привлекают общественное внимание к тому, как та или иная партия выполняет взятые на себя обязательства. А это, в свою очередь, отражается на исходе последующих выборов на национальном и местном уровнях.

Результаты выборов 2004 г.

Парламентские выборы 2004 г. проводились с 10 апреля по 10 мая 2004 г. в четыре этапа – в разные сроки в разных штатах страны, чтобы обеспечить законность и правопорядок и свести к минимуму нарушения в процессе волеизъявления граждан. С этой целью правоохранительные органы усиливали свое присутствие именно в тех регионах, где проходили выборы. Это во многом исключало использование насилия, захват избирательных участков сторонниками соперничающих кандидатов, и даже похищение урн с бюллетенями. В целом, по свидетельству Избирательной комиссии, предвыборная кампания была мирной, хотя в отдельных местах были зарегистрированы стычки между сторонниками противоборствующих партий, в результате которых погибло 35 человек¹⁰⁸⁹.

На выборах применялось электронное голосование. Поскольку у большинства избирателей не было документов, подтверждавших их личность, каждому из них на избирательном участке делали на ногте

пальца руки отметку несмываемой краской (сохраняется в течение нескольких дней), чтобы он не смог проголосовать вторично. На всех участках, как и раньше, присутствовали наблюдатели от политических партий, хорошо знавшие местных жителей. Они следили за ходом голосования и активно вмешивались в случае нарушений избирательного процесса.

В 2004 г. из 670 млн. избирателей в выборах приняли участие 387,5 млн. человек, или около 58%¹⁰⁹⁰. По итогам выборов, в нижнюю палату парламента был избран 541 депутат из 5435 кандидатов всех партий и 5 независимых депутатов. Еще два депутата от общины англоиндийцев, в соответствии с конституцией страны, были назначены президентом Индии. В нижнюю палату парламента прошли представители 39 из 216 партий, принявших участие в выборах. Из них 5 партий получили от 21 до 145 мандатов, 4 партии – от 11 до 19 мандатов, 5 партий – от 6 до 10 мандатов, 25 – получили от одного до пяти мандатов¹⁰⁹¹. Из прошедших в парламента партий шесть имели право на общенациональный статус. Это – Конгресс, БДП, КПИ(м), Бахуджан самадж парти, Компартия Индии, Националистическая конгрессистская партия¹⁰⁹².

Самое большое число мест получил Конгресс – 145 (26,7% голосов избирателей), БДП осталась на втором месте – 138 мест (22,2% голосов). До заветной цифры в 272 мандата (то есть большинства в народной палате) Конгрессу не хватало 127 мандатов. Часть из них получили его союзники по предвыборному блоку – всего 72 мандата. Итого блок во главе с Конгрессом имел в парламенте 217 мест из 543. До большинства ему не доставало еще как минимум 55 мандатов.

Эта простая арифметика отразилась на сложных политических переговорах, которые Конгресс проводил сразу же после выборов как с союзниками по предвыборному блоку, так и с левыми партиями.

Левые партии, как и раньше, выступили единым блоком. Самая крупная из них – Компартия Индии (марксистская) объявила о поддержке кандидатов Конгресса в тех округах, где у нее не было реальных возможностей победить. Блок левых партий получил 59 мест в парламенте и заявил о своей поддержке будущего правительства во главе с Конгрессом.

БДП сразу же по объявлении результатов выборов отказалась от борьбы за формирование правительства, а премьер-министр Ваджапай подал в отставку. Однако все та же логика цифр реального представительства Конгресса в парламенте заставила его проявлять большую гибкость и крайнюю осторожность в отношении нынешних и будущих партнеров во власти. По сравнению с выборами 1999 г.

Конгресс увеличил число мест в парламенте всего на 33 депутата – с 112 до 145, потеряв при этом часть голосов избирателей – с 28,3 до 26,7%. То есть он не смог расширить свою социальную базу. В свою очередь, БДП лишилась 44 мест в парламенте – с 182 до 138, и части голосов – с 23,7 до 22,2%.

Таким образом, в парламенте 2004 г. обе главные партии – Конгресс и БДП, вместе взятые, располагали всего 283 депутатами, то есть немногим более половины всего состава палаты, и имели поддержку всего 48,9% голосов избирателей. Иначе говоря, при любом раскладе сил в пользу Конгресса или БДП «блокирующий пакет» депутатских мандатов находился в руках других крупных, преимущественно региональных, партий. Самыми значительными из них были: КПИ(м) – 43 депутата, Самаджвади парти – 36, Раштрия джаната дал (Национальная народная партия) – 21, Бахуджан самадж парти – 19 депутатов. При этом в целом штатовские и иные (не общенациональные) партии получили 171 депутатское место и 32,8% голосов¹⁰⁹³.

Главным результатом выборов 2004 г. стало довольно неожиданное поражение БДП и возглавляемого ею альянса. На сей раз НДА смог объединить всего 9 политических партий в отличие от выборов 1999 г., когда их было 24. Коалиция во главе с БДП была заметно ослаблена. Многие союзники БДП, такие как Тринамул конгресс (Коренной конгресс) в Западной Бенгалии, Всеиндийская Анна ДМК в Тамилнаду, Телугу десам парти (Партия страны телугу) в Андхра-Прадеше растеряли свое влияние в штатах.

В течение месяца после выборов в парламент лидеры БДП, по существу, уходили от объяснения причин поражения партии. И только 13 июня 2004 г. Ваджпай, который был избран председателем парламентской фракции БДП (Л.К. Адвани стал лидером оппозиции в парламенте), высказался по этому поводу. Ваджпай говорил, что лично он считал необходимым устранение главного министра штата Гуджарат Н. Модии после событий, приведших в 2002 г. к массовым беспорядкам и потере многих жизней. Однако в БДП были и другие мнения и ему пришлось принять во внимание все точки зрения. Ваджпай считал, что должна быть выработана новая стратегия партии, «оставив позади тот урон, который события в Гуджарате нанесли облику партии ... Сейчас мы должны думать о новом начале». В этой связи он заявил: «Если Адвани возглавит партию, это будет очень хорошо... Я хочу, чтобы он возглавил БДП». Ваджпай не согласился с мнением, что БДП проиграла, потому что отказалась от радикальных лозунгов хиндутвы. В этой связи он подчеркнул: «Мы не отказались от строительства храма Рамы» на месте разрушенной мечети Бабура¹⁰⁹⁴.

Курс Конгресса на создание Объединенного прогрессивного альянса

Курс Конгресса на создание коалиции, который впервые обозначился на выборах в законодательное собрание штата Джамму и Кашмир в 2002 г., укрепил его позиции. Тогда помимо Конгресса в коалицию вошли Мусульманская лига, левые и другие партии. Ориентир на создание предвыборных коалиций был продолжен Конгрессом и в других штатах, что позволило ему вместе с союзниками одержать верх на выборах в законодательное собрание штата Химачал-Прадеш и в Дели, где позиции БДП были всегда сильны. Более того, ряд партий, которые в 1999 г. противостояли Конгрессу и входили в состав НДА, вышли из него и стали сотрудничать с Конгрессом. Наиболее крупной из них была Дравида муннетра кажгам. Знаковым событием стало присоединение к коалиции под руководством Конгресса Националистической конгрессистской партии во главе с Шарад Паваром. В изменившейся ситуации он пошел на сотрудничество с президентом Конгресса Соней Ганди.

Конгресс впервые за историю парламентских выборов создал предвыборный блок из 12 партий. На следующий же день после объявления результатов выборов Соня Ганди была избрана лидером парламентской фракции Конгресса в нижней палате. Поскольку Конгресс, его союзники по коалиции и левые партии располагали большинством в нижней палате, Соня Ганди получила право занять пост премьер-министра. Президент Индии Абдул Калам направил ей официальное письмо с приглашением на следующий день, 19 мая, обсудить вопрос, связанный с формированием правительства. Предполагалось, что в тот же день она примет присягу в качестве премьер-министра¹⁰⁹⁵.

Однако вечером 18 мая Соня Ганди неожиданно решила отказаться от поста премьер-министра. На заседании парламентской фракции Конгресса в нижней палате она заявила: «Пост премьер-министра не является моей целью. Я всегда была уверена в том, что если окажусь в положении, в котором нахожусь сегодня, я последую своему внутреннему голосу. Сегодня этот голос говорит мне, что я должна смиренно отказаться от этого поста... Моей целью всегда была защита секулярной основы нашей нации и бедных в нашей стране – святое кредо Индиры Ганди и Раджива Ганди... В это критическое время наша первостепенная обязанность состоит в том, чтобы создать в Индии сильное и стабильное секулярное правительство»¹⁰⁹⁶.

Отказ Сони Ганди от поста премьер-министра многие индийские эксперты связывали с кампанией по ее дискредитации в качестве возможного руководителя страны, которую широко комментировали средства массовой информации. Сообщалось также о выступлениях ряда лидеров БДП с протестами против ее назначения на этот пост¹⁰⁹⁷.

С учетом такого драматического развития событий парламентская фракция Конгресса приняла решение внести изменения в устав партии. Помимо существовавших постов лидеров парламентских фракций партии в нижней и верхней палатах, учреждался пост председателя парламентской фракции обеих палат, который теперь избирался членами партии в этих палатах. Председатель имел полномочия назначать лидера парламентской фракции каждой палаты из числа членов соответствующей палаты. На основе этих изменений устава Соня Ганди была единодушно избрана председателем парламентской фракции Конгресса. И уже в этом качестве она назначила новым лидером парламентской фракции члена верхней палаты парламента Манмохана Сингха.

Назначение 72-летнего М. Сингха, сикха, на этот пост, а значит, и премьер-министром Индии, не вызвало возражений ни у союзников Конгресса по коалиции, ни у левых партий. М. Сингх стал первым сикхом – премьер-министром страны. Это вполне отвечало сложившейся в Индии традиции, в соответствии с которой представители всех религий и этносов могут занимать самые высокие государственные и общественные посты. После окончания университета в Кембридже (Англия) и Панджабского университета Сингх занимался вопросами экономики в своих разных ипостасях. Он был советником правительства Индии по экономическим вопросам, заместителем председателя Плановой комиссии (председателем по традиции является премьер-министр), руководителем Резервного банка страны (аналог ЦБ России). Впервые Сингх был избран в верхнюю палату парламента в 1991 г., когда стал министром финансов правительства Конгресса. С его именем были связаны успешные экономические реформы первой половины 1990-х годов.

Новый премьер-министр Манмохан Сингх заявил: «Мы взяли на себя обязательство проводить экономические реформы. Но у этих реформ должно быть человеческое лицо... Мы должны создать условия, чтобы реформы, которые мы задумываем, отвечали интересам людей, наших партий... интересам социальной безопасности»¹⁰⁹⁸.

Соня Ганди, оставаясь президентом Конгресса, была избрана председателем Объединенного прогрессивного альянса (ОПА)¹⁰⁹⁹. По ее предложению спикером нижней палаты стал член КПИ(м) Сомнатх Чаттерджи – один из наиболее опытных парламентариев, в 10-й раз подряд избранный в парламента.

Программа-минимум Конгресса и его союзников

Через две недели после объявления результатов выборов, 27 мая 2004 г., Конгресс, его союзники по Объединенному прогрессивному альянсу и поддерживающие его левые партии объявили о совместной программе-минимум коалиционного правительства. Программа готовилась с учетом требований всех этих партий. Лишь шестой по счету проект программы смог удовлетворить всех участников. Однако левые партии, хотя приветствовали и в целом одобрили программу, в отдельном заявлении указали, что по ряду экономических проблем у них есть «иные позиции». Они будут предлагать альтернативные пути их решения, поддерживая при этом правительство ОПА.

Программа-минимум правительства ОПА выдвинула шесть основных задач: сохранение, защита и укрепление социальной гармонии общества; обеспечение устойчивого экономического роста как минимум в 7–8% в год; улучшение благосостояния фермеров, сельскохозяйственных и промышленных рабочих; содействие женщинам в расширении их участия в политической и экономической жизни и в получении образования; обеспечение равенства возможностей, особенно в сфере образования и занятости, для «отсталых классов» и религиозных меньшинств; содействие бизнесменам, предпринимателям, ученым, инженерам, другим профессионалам в раскрытии их творческого потенциала¹¹⁰⁰.

В программе-минимум утверждалось, что все случаи приватизации должны быть «прозрачными» и каждый должен рассматриваться отдельно, прибыльные предприятия государственного сектора не могут быть приватизированы. Вместе с тем правительство не будет выступать против приватизации, если она служит интересам страны, способствует наращиванию ресурсов и обеспечивает большую свободу для деятельности государственных предприятий. Предусматривалось поощрение прямых иностранных инвестиций в инфраструктуру, высокие технологии и экспортные отрасли, а также в те сферы, где создавались новые рабочие места¹¹⁰¹.

Левые партии объявили о своей поддержке ОПА без вхождения в его состав. Сразу после обнародования программы-минимум фондовые биржи отреагировали заметным падением основных индексов фондового рынка. Это связывалось с тем, что многие инвесторы были обеспокоены возможностью остановки или замедления экономических реформ, особенно после того, как новое правительство объявило об упразднении министерства приватизации. Отмечалась

преднамеренная игра биржевых спекулянтов, отражавших интересы крупного бизнеса, который опасался участия в правительстве левых партий, что, по их мнению, могло бы ограничить инвестиции, в том числе и иностранные¹¹⁰². Левые партии расценили эти попытки как дискредитацию не только самой идеи сотрудничества левых с Конгрессом и его союзниками, но и реальной политики леводемократических правительств в штатах под их управлением. Они обещали не препятствовать проведению реформ при условии, что реформы не нанесут ущерба трудящимся.

Со своей стороны, руководители Конгресса заявили, что их партия будет способствовать развитию предпринимательской активности, росту инвестиций. Одновременно правительство ОПА предупредило, что оно будет принимать строгие меры против рыночных спекулянтов и снизит зависимость финансовой системы от притока спекулятивного капитала¹¹⁰³.

Формирование правительства ОПА завершилось выступлением президента Индии Абдул Калама 7 июня 2004 г. на совместном заседании нижней и верхней палат парламента. В нем отмечалось, что программа-минимум ОПА, поддержанная левыми и другими партиями, провозглашала приверженность секулярным ценностям и готовность использовать силу закона, чтобы помешать «обскурантистским и фундаменталистским элементам» нарушить социальный мир и спокойствие (речь шла о Гуджарате и Ајодхье). Было заявлено о необходимости пересмотра отношений между центром и штатами. Говорилось также об ускорении процесса социального и экономического развития с тем, чтобы XXI в. «стал веком Индии»¹¹⁰⁴.

Реформы и проблема неравенства

Правительство ОПА во главе с М. Сингхом действовало в достаточно ограниченных политических рамках, поскольку приходилось учитывать интересы партнеров по коалиции и четырех левых партий, не входивших в его состав. Это требовало большой гибкости, умения находить компромиссы. За время пребывания у власти правительство добилось определенных успехов в вопросах увеличения занятости, улучшения положения низов. Однако многие провозглашенные цели не были реализованы. Особенно серьезное положение сложилось в деревне. Не удалось повысить закупочные цены на продукцию сельского хозяйства и обеспечить фермеров институциональным кредитом. Это вело к увеличению зависимости крестьян от ростовщиков, их разорению, что, в свою очередь, приводило даже к самоубийствам (только в 2007 г. их число составило 16 600 человек)¹¹⁰⁵.

В целом большая часть населения не ощутила на себе результатов развития страны. Недаром многие политики, в том числе и в самом правительстве, говорили о существовании «другой Индии», которая создает основу материального богатства страны, но все более отстает от «сверкающей» Индии. В индийской прессе все чаще встречались ссылки на «две Индии» – богатую и бедную.

Реформы в Индии способствовали росту ее экономики, ее престижа в мире¹¹⁰⁶. Но в этих реформах была ахиллесова пята – они привели к увеличению неравенства в стране. По данным американской компании Меррилл Линч, в Индии насчитывалось 83 000 миллионеров (в долларах) без учета их недвижимости (2005 г.). Их общее богатство составляло около половины ВВП страны. В то же время на 36 индийских миллиардеров (4-е место в мире) приходилась одна треть ВВП.

По мнению индийских экономистов, эти астрономические цифры были вызовом для большинства людей, которые зарабатывали около 3000 рупий (80 долл.) в месяц. Доходы топ-менеджеров в 500–1000 раз превышали средний заработок рабочих. В обществе, где сотни миллионов человек (из них половина – это дети) не получали достаточного питания, такие диспропорции не могли считаться нормальными и терпимыми. Они бросали прямой вызов справедливости, подрывали устои демократии. По данным опросов, большинство индийцев не верило, что богатые получили свое состояние благодаря талантам или упорному труду. Они полагали, что чрезмерное богатство немногих и ужасающая бедность огромной массы людей ведут к социальной дисгармонии, преступлениям и коррупции, что разрушает общество, в том числе и самих богатых.

Такое положение не могло долго оставаться без внимания властей. Премьер-министр Сингх предупреждал крупных бизнесменов об их ответственности перед обществом, указывая на их непомерные прибыли, сверхпотребление и отсутствие внимания к неравенству доходов, что может привести к социальному протесту или взрыву. Но, как отмечали некоторые индийские аналитики, такие увещания не достигали своих целей. Нужны были соответствующие законы, чтобы исправить положение.

С начала 1990-х годов индийская экономика в целом росла более чем на 6% ежегодно (в 2003–2007 гг. на 7–9%), но происходило это главным образом за счет роста промышленного производства, высоких технологий и сферы услуг. За эти же годы рост в сельском хозяйстве составлял всего 2,2%. Эта цифра примерно соответствовала ежегодному приросту населения Индии. Таким образом, возник огромный разрыв в жизненном уровне населения городов и деревень.

В процессе реформ явно обозначились две Индии. Одна – это страна растущего предпринимательства, растущих городов (часто плохо управляемых), растущего слоя богатых и зажиточных людей, которые составляли около четверти ее населения. Другая Индия – это тысячи деревень и сотни миллионов бедняков. Они оказались на обочине экономических реформ, которые не принесли им заметного улучшения жизни.

Индийские политики и эксперты задавались вопросом – как долго продлится в Индии экономический бум? Ответ состоял в том, что в условиях глубоко укорененной демократии политический класс, элита не могли игнорировать стремление масс к перераспределению растущих доходов в их пользу. Экономические теории, утверждавшие, что рынок приносит блага всем слоям общества в далекой перспективе, вряд ли могли устроить миллионы отверженных и тех, кто их представлял в органах власти. Это напрямую отражалось на результатах выборов, которые приводили к смене правительств и показывали, что большинство населения не может и не хочет бесконечно долго ждать, когда и до них дойдет очередь. Индийским политикам, в том числе и правительству во главе с Сингхом, предстояло решить сложнейшую задачу – как сочетать экономические реформы с надеждами и требованиями большинства народа¹¹⁰⁷.

Избрание президентом Индии Пратибхи Патил

В 2007 г. в связи с окончанием срока президентства Абдул Калама в стране были проведены выборы нового президента. 19 июля 2007 г. впервые в истории Индии на этот пост была избрана женщина – Пратибха Девисингх Патил. Ее кандидатуру выдвинула правящая коалиция Объединенный прогрессивный альянс. Патил одержала убедительную победу над вице-президентом Индии Б.С. Шекхаватом, которого предложила оппозиционная Бхаратия джаната парти. Это была проба сил двух ведущих партий, в которой победу с солидным преимуществом завоевала коалиция во главе с Конгрессом.

Пратибха Патил – опытный политик. Юрист по образованию, она более 45 лет активно участвовала в политической и общественной жизни страны. Четыре раза избиралась в законодательное собрание штата Махараштра, а также в верхнюю и нижнюю палаты парламента, была министром в правительстве Махараштры в течение 15 лет. За все годы участия в политике Патил придерживалась курса Джавахарлала Неру и Индиры Ганди. Она неоднократно демонстрировала приверженность демократическим и секулярным ценностям.

Патил активно выступала в защиту прав женщин и других уязвимых слоев населения.

Процесс раскрепощения индийских женщин сопровождался последовательным расширением их участия в общественной и политической жизни. Со времени первых парламентских выборов (1952 г.) и до 2004 г. число женщин, приходящих к избирательным урнам, выросло с 37 до 55% от общего числа женщин-избирателей. Политические партии вели активную работу среди женщин, стремясь привлечь их на свою сторону. В результате за последнюю четверть века число женщин, участвовавших в политической деятельности, увеличилось почти вдвое.

Еще в 1957 г. правящий Конгресс пытался установить обязательную 15%-ную норму для женщин среди кандидатов на выборах в парламент. Однако это оказалось непросто. В разные годы Конгрессу удавалось выдвигать всего 4–10% женщин от общего числа кандидатов. Женщины избирались в парламент, законодательные собрания штатов, назначались в центральные и местные органы исполнительной власти. В нижней палате парламента 14-го созыва (2004–2009 гг.) насчитывалось 48 женщин из 545 ее членов (около 9%) – что сопоставимо с представительством женщин в Конгрессе США, парламентах Великобритании, Франции и России. Более заметным было участие женщин в исполнительной власти Индии. Так, в правительстве ОПА работало 9 женщин-министров из приблизительно 55 (численный состав правительства подвергается изменениям)¹¹⁰⁸.

Важным шагом на пути приобщения женщин к общественной жизни стало принятие в начале 1990-х годов поправок к конституции, предусматривавших введение женской квоты в размере одной трети мест в органах городского и сельского самоуправления. На основе этих поправок в 1990-х годах в ряде индийских штатов прошли выборы, которые впервые завершились избранием большого числа женщин в местные органы власти. В штатах Уттар-Прадеш, Мадхья-Прадеш и Раджастхан почти половина победивших на этих выборах женщин оказались выходцами из низших каст и племен, более 40% – из бедных семей. Все это поощряло десятки миллионов женщин к участию в политической жизни.

Особенностью индийской демократии, в отличие от многих других стран, стало избрание женщин на самые высокие должности. Среди них особо выделялась Индира Ганди, которая была премьер-министром Индии в течение 16 лет. В конце XX – начале XXI в. женщины занимали высокие государственные должности – министров центрального правительства и штатов, губернаторов, послов и т.д. Некоторые из них возглавляли крупные политические партии и были

главными министрами штатов. Среди них: Прадибха Девисингх Патил – действующий президент Индии, Соня Ганди – лидер Конгресса и председатель правящего ОПА, Майявати – президент Бахуджан самадж парти и в 2007 г. главный министр в Уттар-Прадеше, Джаялалита Джаярам – лидер Всеиндийской дравидской прогрессивной федерации и в 2001–2005 гг. главный министр в Тамилнаду¹¹⁰⁹.

В Индии большое значение всегда придавалось символам власти и социального статуса. Окруженный аурой почета и уважения пост президента страны в глазах простых людей выглядел почти сакральным. И даже то, что начальники штабов трех родов войск – сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил – в торжественной обстановке отдавали честь президенту-женщине как верховному главнокомандующему, оказывало воздействие на массовое сознание. Избрание Патил на пост президента Индии стало закономерным продолжением развития Индии по пути демократии¹¹¹⁰.

Достижения и трудности коалиционного правительства (2004–2009)

Правительство ОПА продолжило реформы. К началу XXI в. произошло существенное изменение в структуре экономики. Доля сельскохозяйственного производства в ВВП упала с 43% в 1970-е годы до 19,9% в 2005–2006 гг. Доля промышленного производства увеличилась за этот же период с 23 до 26,1%. Одновременно резко вырос сектор обслуживания – с 34 до 54%. Высокий рост ВВП (в среднем до 8% ежегодно) сопровождался низким уровнем инфляции. К концу 2006 г. золотовалютные запасы Индии составили 160 млрд. долл. (в начале финансового кризиса в июне 1991 г. они были равны 1,1 млрд. долл.). Денежные переводы зарубежных индийцев стали самыми крупными в мире – около 50 млрд. долл. в год.

Улучшение макроэкономических показателей опиралось на изменения в реальной жизни людей. Так, Индия стала крупнейшим в мире производителем молока – 90 млн. тонн в год, хотя на душу населения приходилось всего 230 граммов молока в день (2003–2004 гг.). Произошли заметные изменения в информационных технологиях. Например, число телефонов (стационарных) в 2006 г. составило 12 на 100 человек (в 1991 г. – менее одного на 100 человек). Индия продолжала оставаться крупнейшим производителем и рынком золотых украшений¹¹¹¹.

На фоне динамичного развития экономики происходили определенные положительные изменения в социальной сфере: рост средней

продолжительности жизни, увеличение грамотности, улучшение положения женщин. Вместе с тем сохранялись масштабные социально-экономические проблемы и вызовы, такие как бедность и неграмотность больших масс населения. Так, по данным Всемирного банка, который в 2008 г. ввел новый международный показатель бедности – 1,25 долл. в день и ниже, вместо существовавшего ранее 1 долл. (в ценах 1985 г.), 455,8 млн. человек в Индии находились за гранью бедности. (Исходя из показателя в 1 долл. в день, число бедных составляло 266,5 млн. человек.) В то же время правительство Индии оценивало количество бедных в 310 млн. Имелись и другие показатели бедности в Индии. По данным авторитетной комиссии во главе с экономистом Сен Гуптой (2006 г.), 750 млн. человек жили на 20 рупий (около 0,5 долл.) в день. По оценкам Азиатского банка развития, эта цифра составляла 621,9 млн. человек – это те, кто зарабатывали менее 1,35 долл. в день¹¹¹². В любом случае, число индийцев, живших за гранью бедности, составляло огромную цифру, что не могло не оказывать влияния на социально-экономические и политические процессы в стране.

Масштабы бедности в Индии заставляли задумываться и о реальных размерах растущего среднего класса. По данным Национального выборочного обследования за 2004–2005 гг., доходы верхних 10% городского населения составили 378 тыс. рупий (около 9450 долл.) в год, в то время как доходы низших 10% – 23 285 рупий (около 580 долл.). Разрыв между социальными верхами и низами в сельской Индии достигал еще более внушительных размеров. То есть речь шла об огромной социально-экономической стратификации, разрыве между богатыми и бедными. С одной стороны, экономика Индии производила и потребляла в год более 1,5 млн. автомобилей, 12,5 млн. телевизоров, 9,2 млн. мобильных телефонов, и депозиты в банках росли ежегодно на 4000 млрд. рупий (около 100 млрд. долл.). В то же время абсолютное число бедных в Индии примерно было равно количеству бедняков в Африке (южнее Сахары)¹¹¹³.

Оставались не менее сложными и другие социальные проблемы, такие как неграмотность одной трети населения и здравоохранение индийцев. По последнему показателю, Индия занимала 171-е место из 175 стран (2007–2008 гг.). При этом она расходовала всего 5,2% ВВП на эти нужды, из них на долю государства приходилось лишь 0,9% таких расходов. Это означало, что огромная часть населения, не имевшая средств на оплату расходов по сохранению здоровья, фактически была лишена доступа к медицинскому обслуживанию. И это притом что страна являлась мировым лидером по таким болезням, как диабет, сердечно-сосудистые заболевания, туберкулез (от которого

ежедневно умирало 900 человек). Директор Института общественного здравоохранения в Бангалоре Н. Девадасан отмечал: «ВВП в Индии растёт, но нет увеличения расходов на охрану здоровья». Комиссия по макроэкономике и здравоохранению во главе с К. Сударшаном пришла к принципиальному выводу, что улучшение здоровья нации приводит к росту экономики¹¹¹⁴.

На саммите 20 стран в Вашингтоне в ноябре 2008 г. М. Сингх заявил, что начавшийся «финансовый кризис перерос в системный кризис, оказывающий влияние на весь мир» и продемонстрировал, что «все мы находимся в глобально интегрированном мире и потому нужны глобально скоординированные действия». Развивающиеся страны, сказал М. Сингх, «не являются причиной этого кризиса, но находятся среди тех, кто более всего пострадал от него». Он предложил обеспечить ресурсами развивающиеся страны через Всемирный банк и МВФ. М. Сингх призвал лидеров 20 стран осуществить реформы глобальной финансовой архитектуры, которые должны включать укрепление МВФ и отражать изменившуюся экономическую реальность¹¹¹⁵.

Позже М. Сингх предложил развивающимся странам выработать собственные способы борьбы с финансовым и климатическим кризисами, а также с терроризмом. Говоря о том, что в вопросе глобализации мир разделился на тех, кто одержим идеологией рынка, и тех, кто придерживается идеологии статизма, он заявил, что Индия давно отвергла такие стереотипы. Она всегда шла по прагматическому среднему пути и намерена так двигаться¹¹¹⁶.

В важном вопросе внешней политики по подготовке и заключению масштабного соглашения с США по ядерным проблемам правительство фактически пошло на разрыв отношений с левыми партиями, требовавшими воздержаться от реализации этих договоренностей, которые, по их мнению, «подрывали суверенитет и независимость Индии» и не соответствовали ранее согласованной с Конгрессом программе-минимум. М. Сингх высказывал уверенность в том, что это соглашение позволит Индии продвинуться в развитии мирной атомной энергетики и при этом сохранить возможность совершенствования военной ядерной программы, а также развивать связи с США по всем направлениям. В середине 2008 г. четыре левые партии – КПИ (м), КПИ, Форвард блок и Революционно-социалистическая партия, вместе располагавшие 61 депутатским мандатом в народной палате парламента, отозвали свою поддержку, которую они оказывали извне правительству ОПА во главе с Манмоханом Сингхом. Во время этого правительственного кризиса на выручку ОПА пришли Самаджвади парти во главе с Мулаям Сингх

Ядавом (ранее министром правительства НДА) и несколько независимых членов парламента. Во время голосования в парламенте вотума доверия правительство ОПА подтвердило наличие у него большинства. Однако оппозиция во главе с БДП обвинила его в подкупе и переманивании на свою сторону ряда депутатов. Тем не менее, правительство удержалось и продолжило свою работу.

Глава 31

ИНДИЯ ПОДТВЕРЖДАЕТ СТАТУС КРУПНЕЙШЕЙ ДЕМОКРАТИИ В МИРЕ

Прологом к очередным парламентским выборам стало выступление президента страны П. Патил в парламенте 12 февраля 2009 г. с отчетом правительства за пять лет его пребывания у власти. В этом объемном докладе видное место было уделено социально-экономическим вопросам, особенно тем, которые были направлены на улучшение положения большинства населения, прежде всего беднейших слоев общества.

Правительство исходило из того, что оно выполнило «почти все обещания», которые содержались в программе-минимум Объединенного прогрессивного альянса в 2004 г. Эти обещания «инклюзивного развития» (то есть развития, которое включает все общество) были реализованы в законах и программах. Подчеркивалось значение Закона о гарантированной занятости, в соответствии с которым в 2007–2008 гг. около 34 млн. сельских хозяйств были обеспечены работой. Большую часть из них составляли зарегистрированные касты, племена и женщины. Кроме того, правительство погасило долги 37 млн. крестьян. Предпринимались меры по развитию деревни, особенно по ирригации, строительству дорог, а также электрификации (более 50 тыс. деревень получили электричество).

Отмечались усилия правительства в области ликвидации неграмотности, особенно в расширении системы начального образования (число детей в начальных школах с 2004 г. по 2008 г. выросло со 156 млн. до 185 млн.), хотя 7,6 млн. детей по-прежнему оставались вне школы (правда, в отчете не упоминалось о том, что около 30% учеников начальных классов отсеиваются, 50% учеников выбывают из школы до восьмого класса)¹¹¹⁷.

Социальная направленность программ правительства проявлялась в особом внимании к таким категориям населения, как зарегистриро-

ванные касты и племена, прочие отсталые классы/касты и меньшинства, включая мусульман. Особо отмечалась работа правительства среди молодежи, которая составляет большинство населения страны, подчеркивалась приоритетность задачи превращения «демографического дивиденда» Индии в реальность при помощи образования и повышения квалификации этого огромного слоя населения.

Правительство отмечало достижения в научно-технической области, в создании «общества знаний» и необходимость продолжать эту работу в будущем. Большое внимание было уделено развитию энергетики – угольной, нефтегазовой промышленности и особенно строительству атомных электростанций. Было введено в строй три АЭС, еще шесть АЭС находились в стадии строительства.

За последние три года экономический рост составил 9%. Правительство заявило, что, как и весь мир, Индия испытывает трудности, связанные с экономическим кризисом, но ее базовые отрасли находятся в лучшем положении, чем в других государствах. Индийский внутренний спрос в состоянии дать новый толчок развитию экономики, банки не подверглись тем испытаниям, с которыми встретились в других странах, правительство предприняло ряд шагов по стимулированию экономики¹¹¹⁸.

Расстановка сил перед выборами 2009 г.

С середины апреля до середины мая 2009 г. в Индии прошли очередные парламентские выборы. Учитывая огромный электорат в 714 млн. человек – 373 млн. мужчин и 341 млн. женщин – и необходимость обеспечить безопасность, выборы проводились в пять этапов в разных штатах и территориях. Избирательная комиссия установила 1100 тыс. электронных машин для голосования на 828 тыс. избирательных участков¹¹¹⁹.

В выборах приняли участие более 400 млн. человек, или 58,4% избирателей. Их главный результат – к власти вновь пришла правившая с 2004 г. коалиция Объединенный прогрессивный альянс (ОПА) во главе с партией Индийский национальный конгресс.

В ходе подготовки к выборам произошли изменения в составе двух главных коалиционных группировок: ОПА с Конгрессом в качестве лидирующей партии и Национальном демократическом альянсе (НДА) под руководством Бхаратия джаната парти. По сравнению с предыдущими выборами 2004 г. из ОПА вышли Раштрия джаната дал во главе с популярным в Бихаре лидером Лалу Прасад Ядавом и Лок джанашакти парти под руководством Рам Вилас Пасвана (оба были минист-

рами в правительстве ОПА). Левые партии отказались сотрудничать с Конгрессом.

Несмотря на то, что летом 2008 г. Конгрессу удалось справиться с правительственным кризисом во многом благодаря поддержке Самаджвади парти, эти партии не смогли договориться о создании предвыборного союза на выборах 2009 г., прежде всего из-за конфликтной ситуации в штате Уттар-Прадеш. Там Самаджвади парти располагала значительными позициями и рассматривала Конгресс в качестве младшего партнера. Конгресс не пошел на такие условия, избрав этот штат в качестве одного из решающих направлений своей предвыборной деятельности. Главная роль в этом отводилась 38-летнему Рахулу Ганди, сыну Сони и Раджива Ганди.

На выборах 2009 г. Самаджвади парти совместно с Раштрия джаната дал и Лок джанашакти парти образовала своеобразный блок (главным образом в Уттар-Прадеше и Бихаре), который выступал самостоятельно, но заявлял о своей готовности оказать поддержку ОПА в случае необходимости, чтобы не дать БДП одержать верх над Конгрессом. Эти потери были восполнены Конгрессом за счет включения в состав ОПА ряда других партийных группировок. Наиболее заметной из них был Тринамул конгресс во главе с Маматой Банерджи, располагавшей существенным влиянием в Западной Бенгалии. Конгресс заключил предвыборный союз с ним в этом штате фактически на условиях младшего партнера. Политически этот союз был направлен против правительства Левого фронта, правившего в штате непрерывно с 1977 г. Конгресс пошел на союз с Тринамул конгресс, несмотря на то, что раньше он входил в состав НДА, а М. Банерджи была министром этого правительства.

Конгрессу удалось также заключить предвыборные соглашения с рядом других влиятельных штатовских партий, таких как Дравида муннетра кажагам (Тамилнаду), Джаркханд мукти морча (Джаркханд), Национальная конференция в Джамму и Кашмире и некоторыми другими.

В свою очередь, Бхаратия джаната парти не сумела сохранить свою прежнюю предвыборную коалицию НДА, в которую в новых условиях вошли Шив сена, Акали дал, Джаната дал (объединенная) и другие. Но от нее откололся ряд партий и группировок. Крупнейшей из них была Биджу джаната дал во главе с главным министром штата Орисса Навином Патнаиком, которая заключила предвыборное соглашение с левыми партиями и Националистической конгрессистской партией (НКП) во главе с Шарадом Паваром. Последний занял позицию равноудаленности от Конгресса и так называемого Третьего фронта, инициаторами которого выступали левые партии. В своем

родном штате Махараштра Павар выступал в сотрудничестве с Конгрессом, а в других штатах НКП даже объявила его кандидатом в премьер-министры.

Официальным кандидатом в премьер-министры от Конгресса был объявлен Манмохан Сингх, от БДП – Лал Кришна Адвани.

Попытка создать Третий фронт – одновременно против Конгресса и БДП – была предпринята левыми партиями во главе с КПИ (м). Однако этот фронт, по существу, был ограничен только этими партиями. Несколько в стороне от всех группировок стояла главный министр штата Уттар-Прадеш и лидер Бахуджан самадж парти Маявати.

Предвыборные манифесты Конгресса и БДП

Манифест Конгресса на выборах 2009 г. обозначил главные направления его идеологической, политической и экономической деятельности. Конгресс заявил, что добивается нового мандата на управление страной на основе своих коренных ценностей и идеологии – секуляризма, национализма, социальной справедливости и экономического роста для всех, особенно для простых людей. Он выступает в союзе с близкими ему партиями в отдельных штатах, которые разделяют его взгляды и ценности.

Конгресс утверждал, что выступает против четырех «измов», которые угрожали расколоть страну – коммунизма всех мастей, лингвистического шовинизма, регионализма и кастеизма. Он подчеркивал, что в его секулярном и либеральном национализме равное внимание уделено всем индийцам (инклюзивный подход), в отличие от узкого религиозно-общинного национализма БДП, отрицающего равенство и равные права для всех групп индийцев, что соответствовало эксклюзивной доктрине этой партии. Указывалось, что отличительной особенностью политики Конгресса «всегда был средний путь, или поддержание баланса в обществе». Особо подчеркивалось, что правительство ОПА оказало помощь миллионам крестьян, увеличив закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, погасив их долги на общую сумму в 650 млрд. рупий (около 13 млрд. долл.).

Отмечалось также, что в условиях мирового кризиса индийская экономика проявила способность к быстрому восстановлению, что было результатом политики предыдущих правительств Конгресса, в том числе деятельности государственного сектора экономики и одновременного развития сильного частного сектора¹¹²⁰.

В свою очередь, в предвыборном манифесте БДП рассматривался широкий круг вопросов – от древней истории Индии до конкретных

идей в области идеологии, экономики и политики современности. Значительное место в нем отводилось жесткой критике Конгресса и его правительства. Концептуальный подход БДП состоял в том, что индийская цивилизация представляла собой, возможно, самую древнюю цивилизацию в мире. Однако в течение столетий Индия подвергалась постоянным нашествиям извне, что привело к потере ее достижений и славы. В результате навязанной Британией системы образования Индия утратила свое культурное и цивилизационное величие. В мобильном и глобализирующемся мире каждая нация должна знать свои корни. Индия не должна слепо копировать ту или иную модель развития, а выработать собственную модель, отвечающую ее гению и ресурсам.

БДП выступала за формирование меньших по населению штатов путем разделения ныне существующих. Она поддерживала создание штата Теленгана из состава штата Андхра-Прадеш. БДП вновь заявила о необходимости отмены статьи 370-й Конституции Индии, которая установила особый статус Джамму и Кашмира. БДП требовала остановить поток иммигрантов из Бангладеш в Ассам и другие северо-восточные штаты и для этого срочно закончить строительство ограждения вдоль индийско-бангладешской границы. Она подтвердила, что использует все возможности для ускорения строительства храма бога Рамы в Айодхье¹¹²¹.

Итоги парламентских выборов 2009 г.

В результате выборов коалиция во главе с Конгрессом получила наибольшее число мест в парламенте (261 из 543), набрав 36,2% голосов избирателей. Из них Конгресс завоевал 206 депутатских мандатов и 28,5% голосов. Остальные 55 мандатов и 7,7% достались союзникам Конгресса по предвыборной коалиции. Наиболее крупными из них стали Тринамул конгресс (19 мандатов и 3,2% голосов) и Дравида муннетра кажагам (18 мандатов и 1,8% голосов).

Предвыборный блок НДА во главе с Бхаратия джаната парти потерпел поражение, получив всего 159 мест в парламенте и 24,1% голосов. Из них на долю БДП пришлось 116 депутатских мандатов и 18,8% голосов избирателей. Самый крупный союзник БДП партия Шив сена получила 11 мандатов и 1,5% голосов.

Третий фронт, состоявший из левых партий во главе с КПИ(м), добился победы всего лишь в 24 парламентских округах (7,6% голосов) и, таким образом, более чем вдвое сократил свое присутствие в нижней палате.

Так называемый Четвертый фронт (Самаджвади парти, Раштрия лок дал и Лок джанашакти парти) смог получить всего 27 парламентских мандатов (5,2% голосов). Из них 23 мандата и 3,4% голосов пришлось на Самаджвади парти.

Бахуджан самадж парти, не примкнувшая ни к одному из блоков, завоевала 21 депутатский мандат (6,2% голосов).

Всего в выборах приняли участие 8070 кандидатов в депутаты. Из них 3829 независимых завоевали 9 мест в парламенте (5,2% голосов)¹¹²².

Как крупнейшая партия в нижней палате парламента Конгресс получил право сформировать правительство, в состав которого, кроме него, вошли в первую очередь те партии, которые составляли предвыборный блок ОПА. Премьер-министром вновь стал Манмохан Сингх, лидером ОПА – Соия Ганди. К концу мая 2009 г. в правительственную коалицию ОПА входили шесть партий. Число полученных ими портфелей в Совете министров (всего 78) соответствовало их представительству в нижней палате: Конгресс – 59, Тринамул конгресс – 7, ДМК – 7, Националистическая конгрессистская партия – 3, Индийская объединенная мусульманская лига – 1, Национальная конференция Джамму и Кашмира – 1¹¹²³. Позже в правительство ОПА вошли представители других небольших партий и некоторые независимые депутаты. Представляет интерес и то, что в состав правительства было включено 10 далитов, 9 женщин и 5 мусульман¹¹²⁴.

При формировании парламентской фракции ОПА в нижней палате руководство Конгресса сделало тонкий политический ход, предложив на престижную и важную должность спикера палаты 64-летнюю Миру Кумар, дочь видного в прошлом конгрессиста Джагдживана Рама, выходца из самой крупной зарегистрированной касты чамаров. М. Кумар была избрана единогласно. Впервые в истории спикером индийского парламента стала женщина, да к тому же далитка. Около 12 лет она работала в министерстве иностранных дел Индии. В 1985 г. М. Кумар начала свою политическую карьеру победой на выборах в парламент от Уттар-Прадеша. Позже она избиралась в парламент от Дели и Бихара¹¹²⁵. Назначение М. Кумар спикером посылало сигнал далитам, что Конгресс будет и дальше продолжать работу по их вовлечению в деятельность партии.

В 2009 г., в отличие от многих предыдущих выборов, Конгресс расчетливо и удачно использовал тактику предвыборного и поствыборного блокирования. В тех штатах, где он не мог рассчитывать на победу в одиночку, Конгресс успешно использовал предвыборные союзы с партиями, обладавшими хорошим политическим потенциалом и готовыми пойти на сотрудничество с ним в борьбе против главного политического оппонента – БДП, а также левых партий.

При этом руководство Конгресса не смущало то, что ему приходилось в ряде случаев выступать в качестве младшего партнера в таком союзе (например, с Тринамул конгрессом в Западной Бенгалии и ДМК в Тамилнаду). Не останавливало Конгресс и то, что в некоторых штатах его союзниками становились партии, которые еще недавно были его оппонентами. Конгресс согласился на сотрудничество с Националистической конгрессистской партией Павара в Махараштре, несмотря на то, что эта партия выступала в союзе с другими партиями в иных штатах (например, в Ориссе). Политический прагматизм в сочетании с умелым использованием разнообразных тактических союзов, в зависимости от расстановки политических сил в тех или иных штатах, принес Конгрессу дивиденды на выборах.

Помимо тактических достижений, Конгрессу удалось в условиях финансового кризиса выбрать правильные лозунги стабильности, секуляризма, социальной справедливости и экономического роста прежде всего для простых людей. Немалую роль для обеспечения победы сыграли меры по облегчению положения бедных и беднейших слоев, особенно программа гарантированной занятости в деревне и погашение государством долгов значительного числа крестьян. Успех Конгресса был связан также с его левоцентристской платформой инклюзивности. В организационном плане определенная доля успеха партии была отнесена на счет Рахула Ганди, успешные выступления которого в поддержку около 100 кандидатов партии привели к победе 75 из них.

Конгресс вместе с союзниками занял первое место по числу полученных депутатских мандатов в семи штатах: Андхра-Прадеше, Махараштре, Керале, Западной Бенгалии, Тамилнаду, Панджабе, Харьяне, а также в Дели¹¹²⁶. И вместе с тем его победа была весьма относительной. На 543 места в парламенте ему удалось провести всего 206 депутатов и набрать лишь на два процента больше голосов избирателей, чем на выборах 2004 г. (соответственно 28,56% и 26,53%). Это существенно отличалось от достигнутых им результатов на всех выборах, начиная с 1952 г. и вплоть до начала 1990-х годов, когда он в одиночку завоевывал 40% и более голосов и получал по 350–400 мест в парламенте (исключение составляли парламентские выборы в 1977 г., когда Конгресс потерпел поражение, получив всего 34,5% голосов избирателей и 153 места в парламенте)¹¹²⁷.

Для сравнения отметим, что на парламентских выборах 1999 г., когда Конгресс, по существу, выступал в одиночку, он получил поддержку 28,3% избирателей (всего на 0,3% меньше, чем в 2009 г.), но завоевал лишь 112 депутатских мандатов против 206 в 2009 г.¹¹²⁸ Это еще раз подтвердило большое значение прагматичной коалиционной тактики Конгресса на выборах 2009 г.

Фактически все руководство предвыборной кампании находилось в руках Сони Ганди, хотя, в отличие от 2004 г., она больше находилась «в тени», в то время как Рахул Ганди проецировался в общественном сознании как будущий лидер Конгресса и даже как возможный руководитель страны. Не случайно, что Манмохан Сингх вполне определенно сказал, что Рахул Ганди обладает всеми качествами, чтобы быть премьер-министром¹¹²⁹.

Вместе с союзниками по коалиции ОПА Конгресс получил 261 место в парламенте и 36,2% голосов. До простого большинства (272 места) ОПА недоставало 11 мест, которое пришлось «добирать» из других партий и независимых.

Бхаратия джаната парти вместе с союзниками потерпела крупное поражение на выборах. Из выдвинутых ею 433 кандидатов в парламент только 116 получили депутатские мандаты. По сравнению с выборами 2004 г. БДП потеряла 22 места в парламенте и 3,4% голосов избирателей¹¹³⁰. И, тем не менее, ее позиции остались достаточно крепкими, по крайней мере, в шести штатах.

По оценкам некоторых индийских политологов, БДП испытывала как идеологический, так и организационный кризис, в том числе в отношениях с другими членами «семьи хиндутвы». Отмечалось, что активное продвижение идей и политики хиндутвы ударило бумерангом по БДП. Когда ее кандидат Варун Ганди (сын Санджая и внук Индиры Ганди) выступил на выборах с антимусульманской речью, БДП не осудила его. В. Ганди был обвинен в разжигании религиозной розни и посажен в тюрьму на несколько дней. Это нанесло политический ущерб БДП, хотя сам В. Ганди все-таки был избран в парламент.

Другие политические обозреватели подчеркивали, что «ультра-национализм» БДП больше не пользовался доверием населения, что РСС якобы утратил прежнюю способность оказывать содействие БДП. Но на деле связи БДП с ее фронтальными организациями (РСС, ВХП, Баджранг дал и другими) оставались весьма прочными. Недаром после выборов печатный орган РСС «Органайзер» писал: «Нет свидетельств того, что идеология партии потерпела поражение... БДП должна расширить свою территорию влияния и утвердиться в своей идеологической чистоте»¹¹³¹.

После выборов руководство БДП открыто признало, что их результаты не оправдали ожиданий партии. Хотя в Гуджарате, Мадхья-Прадеше, Чхаттисгархе, Уттаркханде, Карнатаке и Химачал-Прадеше она добилась хороших показателей, однако в ряде штатов партия выступила плохо, а во многих штатах не смогла завоевать ни одного места.

Представляет интерес заявление БДП о том, что теократия или любая форма фанатизма чужда ей. «Индуизм, или хиндутву, не сле-

дует понимать как нечто, узкоограниченное религиозными практиками. Эта глубинная концепция служит вдохновляющим началом для возрождения Индии как великой страны. Она связана с культурными нормами поведения народа Индии, отражая образ жизни индийцев. В ней наилучшим образом запечатлены наши культурные и цивилизационные идеи». Миссия БДП состоит в том, подчеркивалось в политической резолюции, чтобы сделать Индию великой страной, полностью реализовать ее потенциал в разных сферах. Создать такую Индию, которая, черпая силу из своего наследия, одновременно должна быть современной в образе мысли, соответствующей требованиям меняющегося времени¹¹³².

На заседании Национального исполнительного комитета БДП президент партии Раджнатх Сингх заявил, что партия, признавая результаты выборов, «отвергает пропаганду о том, что БДП потерпела поражение в национальном масштабе». Партия подтверждает свое обязательство построить храм Рамы в Айодхье, упразднить из Конституции Индии статью 370-ю об особом статусе Джамму и Кашмира и выработать Единый гражданский кодекс. БДП считает эти вопросы центральными для сохранения единства и целостности страны¹¹³³.

В этих высказываниях руководства БДП не было признания одного из главных недостатков политики партии – она не учитывала в своей политике то, как голосуют меньшинства, прежде всего мусульмане. В этой же связи Баджеш Мишра, советник по национальной безопасности бывшего премьер-министра Ваджапай, высказался в том духе, что БДП «никогда не вернется к власти, если не предложит более инклюзивную программу»¹¹³⁴.

Самое серьезное поражение на выборах 2009 г. потерпели левые партии. Их представительство в парламенте уменьшилось с 61 мандата в 2004 г. до 24 в 2009 г. Наибольшие потери понесла самая крупная из них – Компартия Индии (марксистская). Она смогла провести в парламент всего 16 депутатов (43 в 2004 г.), получив 5,3% голосов избирателей (5,7% в 2004 г.). В Западной Бенгалии и Керале, где КПИ(м) возглавляла правительства, она смогла завоевать соответственно 9 и 4 депутатских мандата (26 и 12 в 2004 г.).

Политические аналитики считали, что поражение левых партий было вызвано как тактическими ошибками, так и причинами стратегического порядка. К их числу относились планы этих партий создать «третий фронт», чтобы противостоять как Конгрессу, так и БДП. В реальности левым партиям не удалось вовлечь в этот фронт какие-либо значительные силы. Их попытки создать предвыборный союз с такими партиями, как БСП, Всеиндийская Анна ДМК и некоторыми другими, оказались непродуктивными. Серьезный ущерб

позициям левых в Западной Бенгалии был причинен событиями в Нандиграме и Сингуре, когда в столкновениях с полицией погибли люди и которые были связаны с попытками отчуждения земель у крестьян для реализации промышленных объектов (например, строительства автозавода компании Таты).

По мнению некоторых политологов, поражение левых партий на выборах 2009 г. было связано с тем, что их правительства в Западной Бенгалии и Керале проводили во многом ту же политику, что и центральное правительство. При этом они отошли от поддержки крестьянства и даже пошли на «захват» сельскохозяйственных земель с целью индустриализации. В результате часть традиционного электората левых партий перешла на сторону их политических оппонентов¹¹³⁵.

Руководство КПИ(м) провело «всестороннее изучение» результатов выборов и пришло, в частности, к следующим выводам. В отношении Западной Бенгалии была отмечена «эрозия поддержки партии среди сельской и городской бедноты и части среднего класса». Было указано на «недостатки в деятельности правительства, панчаятов и муниципалитетов, в основе которой должен быть правильный классовый подход». «Это произошло в результате неспособности правительства правильно осуществлять меры, непосредственно связанные с жизнью людей. Неприятие людьми шагов правительства Левого фронта по отчуждению земель способствовало отходу от КПИ(м) некоторых слоев крестьянства».

В Керале слабое выступление КПИ(м) на выборах было результатом отсутствия единства в леводемократическом фронте, определенные негативные тенденции в партийной организации самой КПИ(м). Активную роль в партии сыграла христианская церковь. В целом по стране была отмечена организационная слабость партии и ее массовых движений. КПИ(м) считала, что ее призыв к формированию альтернативы, направленной против Конгресса и БДП, в тактическом отношении был правильным. В результате удалось добиться предвыборного соглашения с некоторыми региональными и левыми партиями в Андхра-Прадеше, Тамилнаду, Ориссе и Карнатаке. Однако это соглашение не распространилось за пределы этих четырех штатов и тех трех штатов, во главе которых стояли левые партии (Западной Бенгалии, Кералы и Трипуры. В последнем левые одержали победу в обоих избирательных округах, получив 61,7% голосов).

На общенациональном уровне левые партии «не смогли создать жизнеспособную и надежную альтернативу». Руководство КПИ(м) пришло к выводу, что ему не следовало настаивать на ее создании, поскольку такой призыв был «нереалистичным». И, тем не менее, оно заявило, что КПИ (м) и впредь будет стремиться к предвыбор-

ным соглашениям и альянсам с идеологически близкими ей неконгрессистскими секулярными партиями. Она извлечет уроки из итогов выборов и будет играть роль левой оппозиции в парламенте¹¹³⁶.

Традиционные формы политической мобилизации

Парламентские выборы 2009 г. показали, что традиционные формы политической мобилизации избирателей на основе их местной, кастовой, религиозной идентичности не утратили своего значения. Это было продемонстрировано во многих штатах, но особенно ярко в Уттар-Прадеше. Правящая в нем партия Бахуджан самадж парти во главе с Маявати не примкнула ни к одной из коалиций или фронтов и, по существу, выступала как независимая сила. Помимо Уттар-Прадеша, она выдвинула своих кандидатов в парламент и в других регионах (всего 500 кандидатов, больше, чем любая другая партия). Однако итоги выборов показали, что влияние БСП по-прежнему сосредоточено только в Уттар-Прадеше. Там она смогла получить 20 мест в парламенте (19 мест в 2004 г.) из 21 по всей стране. Вместе с тем снизилась массовая поддержка партии – с 30,5% голосов на выборах в законодательное собрание штата в 2007 г. до 27,4% голосов – в парламент в 2009 г. Тем не менее, БСП сохранила и даже укрепила влияние среди большей части далитов, получив 64% голосов этих избирателей (прирост в 9,9% по сравнению с выборами 2007 г.). При этом она добилась подавляющей поддержки зарегистрированной касты кожевников-джатавов (84% голосов), к которой принадлежала сама Маявати. Однако БСП утратила часть влияния среди других слоев населения. Особенно заметными были ее потери среди крестьянских земледельческих каст ядавов и курми. Среди прочих отсталых классов/каст влияние БСП зависело от местных условий. Так, в одних кастах оно выросло, в других – уменьшилось. Одновременно из БСП ушла значительная часть высших каст – брахманов и раджутов, недовольных тем, как много средств тратила Маявати на возведение себе памятников и наращивание личного богатства¹¹³⁷.

Потери БСП на выборах 2009 г. можно отнести главным образом за счет относительного усиления влияния позиций Конгресса в Уттар-Прадеше. Он смог добиться поддержки 18,2% избирателей и получить 21 место в парламенте. Особенно заметным был прирост голосов в пользу Конгресса среди высших каст. Конгрессу также удалось укрепить позиции в некоторых крестьянских землевладельческих кастах и даже вернуть себе поддержку части низов общества, среди которых в последние десятилетия влиянием пользовались БСП

и Самаджвади партии. Конгресс сумел привлечь на свою сторону и часть мусульман, чему во многом способствовала его секулярная позиция по проблемам Айодхьи и жестокого обращения с мусульманами в Гуджарате, а также принятие правительством ОПА рекомендаций комитета Раджиндра Сачара по проблемам мусульманского меньшинства¹¹³⁸.

Результаты выборов со всей очевидностью выявили тот факт, что многие политические партии вели активную борьбу за влияние среди многочисленного электората далитов, особенно в штатах хиндиязычного пояса. Так, в Бихаре союзник БДП по коалиции партия Джаната дал (объединенная), возглавлявшая правительство штата под руководством Нитиш Кумара, приложила особые усилия, чтобы завоевать на свою сторону самые отсталые зарегистрированные касты, которые раньше голосовали за Раштрия джаната дал. Правительство оказало им заметную экономическую поддержку по ряду вопросов. В результате многие избиратели из этих каст проголосовали за Джаната дал (объединенную), которая успешно выступила на выборах, получив 20 депутатских мандатов в парламенте. В Уттар-Прадеше, как уже отмечалось, часть далитов отдала свои голоса Конгрессу, который оказал некоторым из них определенную помощь.

Все это свидетельствовало о том, что политическая поддержка этих социальных слоев той или иной партии не может рассматриваться как некая само собой разумеющаяся данность. Изменения социально-экономических условий, в которых живут эти и другие группы населения, и политического климата оказывают на них заметное влияние, что приводит и к перемене их лояльности той или иной партии. Кастовые, религиозные и другие традиционные факторы продолжали оставаться важным инструментом мобилизации и в других штатах, хотя далеко не в равной степени.

Выборы 2009 г. показали, что развитие демократии в Индии во многом было связано с региональными и местными факторами, хотя их влияние корректировалось присутствием и действиями национальных партий, прежде всего Конгресса. Демократия в плюралистическом и многоконфессиональном индийском обществе является итогом сочетания множества социальных явлений традиционной и современной жизни. Штаты, отдельные районы, религиозные, кастовые, классовые группы и создаваемые ими альянсы продолжают играть большую роль в функционировании индийской демократии. Многообразие Индии во всех его проявлениях и активное участие социальных низов в электоральном процессе являются важнейшими факторами демократической жизни страны. Это многообразие во многом осложняет формирование демократического процесса, но также и обогащает его. Сочетание тра-

диционного и современного делает этот процесс неоднозначным, непредсказуемым, во многом непохожим на то, что происходит в других демократических странах. В этом состоит специфика Индии.

Программа правительства ОПА

4 июня 2009 г., через несколько дней после формирования правительства ОПА во главе с Конгрессом, президент страны Пратибха Патил выступила на совместном заседании обеих палат парламента с программной речью правительства. В ней получили отражение многие идеи, содержащиеся в предвыборном манифесте Конгресса.

Президент заявила, что правительство обеспечит экономический рост, который будет носить более инклюзивный и равноправный характер в социальном и региональном отношении. Реализация стремления индийского народа к экономической, социальной и культурной инклюзивности остается главной и еще не завершенной задачей правительства. Правительство отвергает попытки тех сил, которые направлены на раскол страны и на создание атмосферы нетерпимости в обществе. Особое внимание будет уделено поддержанию религиозно-общинной гармонии, защите принципов секуляризма, предотвращению насилия на религиозно-общинной почве.

В экономической сфере планировалось продолжить работу по реализации программы гарантированной занятости в деревне, активизировать начатую в 2004 г. деятельность по реконструкции деревни (Бхарат нирман) – строительства дорог, домов, водоснабжения, электрификации и телефонизации. Семьи с доходом ниже уровня бедности будут иметь право получать ежемесячно 25 кг риса или пшеницы по цене 3 рупии за килограмм.

В соответствии с энергетической политикой ежегодно будут сдаваться в эксплуатацию энергоблоки мощностью не менее 13 000 МВт (с использованием угля, гидроэнергии, ядерной энергии и возобновляемых источников). Будет расширяться космическая программа.

Одним из высших приоритетов правительства будет благосостояние меньшинств, в том числе мусульман. Особые усилия будут направлены на обучение и создание рабочих мест для молодежи (более 50% населения составляют люди моложе 25 лет). Поставлена задача к 2020 г. иметь в стране 500 млн. человек, обладающих профессиональными навыками и умениями. Это поможет Индии реализовать свой «демографический дивиденд». Правительство взяло на себя обязательство добиться полной грамотности женщин в течение пяти лет; принять закон, предусматривающий резервирование в пар-

ламенте и законодательных собраниях штатов 33% мест для женщин, а также 50% мест для женщин в панчаятах и городских местных органах. Было также заявлено, что последующие 10 лет станут в Индии десятилетием инноваций¹¹³⁹.

Сразу после выборов правительство ОПА представило бюджет на 2009/10 финансовый год, в котором нашли отражение некоторые предвыборные обещания Конгресса, в том числе меры по улучшению положения бедных слоев населения. В нем подчеркивалось, что в течение пяти лет будет вдвое сокращено число бедных (27,5% по официальным данным за 2005 г.). Отмечалась необходимость ограничения деятельности межнациональных корпораций и иностранных страховых компаний. В этой связи отмечалось, что крупные индийские банки смогли успешно противостоять экономическому кризису 2008–2009 гг. благодаря их национализации Индирой Ганди 40 лет назад.

Эти меры получили одобрение в парламенте, но встретили противодействие со стороны ряда крупных индийских и многонациональных компаний и иностранных инвесторов, которые надеялись на дальнейшую либерализацию в банковском секторе, розничной торговле и других секторах экономики. Некоторые из них даже заявили, что Индия отстает на позиции 1960-х годов¹¹⁴⁰. Все это свидетельствовало о том, что правительству ОПА предстоял нелегкий путь – между выполнением его предвыборных обещаний и давлением со стороны индийских и иностранных корпораций.

Новый бюджет попал под огонь критики как справа, так и слева. Многие политические обозреватели обращали внимание на то, что новое правительство ОПА во главе с Конгрессом исключило всякое упоминание об общей программе-минимум, которая была центральной частью деятельности первого правительства ОПА в 2004–2007 гг. Это указывало на значительные изменения в его политической и экономической деятельности. Конгресс как доминирующая составная часть ОПА более не нуждался в таком сложном и компромиссном инструменте, как программа-минимум. Более того, некоторые лидеры Конгресса подчеркивали, что второе правительство во главе с Манмохан Сингхом является новым правительством с новым мандатом управления¹¹⁴¹.

Критики правительства указывали на то, что ОПА был переизбран благодаря его обещаниям проводить инклюзивную политику в интересах бедных. Это породило ожидания в народе, что Конгресс будет придерживаться левоцентристского курса, который принес ему хорошие дивиденды на выборах. Такого курса, который будет направлен на уменьшение огромного социального неравенства. Однако, по их мнению, было мало признаков того, что правительство

готово действовать в этом направлении. Принятый бюджет не давал оснований говорить о том, что в политике начался поворот в пользу большинства населения, особенно его бедной части¹¹⁴².

Отвечая на эту критику, заместитель председателя Плановой комиссии Индии Монтек Ахлувалия заявил, что трудности финансирования всех проектов, включая социальные, связаны с мировым кризисом. Бюджет на 2009/10 финансовый год исходил из того, что «инвестиции в частный сектор являются очень важными, и поэтому, – говорил он, – мы хотим стимулировать этот сектор. Дополнительные инвестиции направляются в инфраструктуру и социальные секторы». По его мнению, правительство рассматривало победу на выборах как одобрение стратегии инклюзивного роста. «Поэтому мы хотим сначала добиться активного роста экономики настолько быстро, насколько это возможно, и тогда продолжим концентрировать внимание на проблемах инклюзивности». Это не было изменением стратегии, считал Ахлувалия, а лишь «сосредоточением усилий на экономическом росте, чтобы решить краткосрочные проблемы. Инклюзивная часть стратегии будет опираться на приобретенный в результате этого опыт»¹¹⁴³.

Последующие действия правительства во главе с Конгрессом во многом зависели от глобального экономического кризиса. Тем не менее, в 2009 г. Индии удалось справиться с ним лучше, чем многим другим странам.

Глава 32

ОТНОШЕНИЯ ЦЕНТР–ШТАТЫ И РОСТ ВЛИЯНИЯ РЕГИОНОВ

Одним из основных итогов развития независимой Индии стало укрепление ее как единого целостного государства. Важная роль в этом, бесспорно, принадлежала демократическим силам. Создание индийской федерации, налаживание отношений между центром и штатами было абсолютно новым опытом государственного строительства Индии. За чрезвычайно короткий исторический период было немало сделано для консолидации нации и демократизации общественной жизни, в том числе и посредством образования штатов на национально-языковой основе. Неудивительно, что на этом пути встретились большие трудности, особенно если принять во внимание огромное многообразие языковых, религиозных, кастовых факторов,

неравномерность социально-экономического и культурного развития отдельных районов страны¹¹⁴⁴.

В независимой Индии действовала достаточно эффективная устойчивая система управления, которая обеспечивала соблюдение предусмотренных конституцией демократических норм и процедур. В период правительственных кризисов, например в конце 1990-х годов, когда за три года сменилось три правительства, в обществе возникли идеи пересмотра базовых принципов управления государством. В частности, предлагалось установить фиксированный срок в пять лет для депутатов народной палаты и законодательных собраний штатов вне зависимости от того, как меняется в течение этого срока соотношение сил между политическими партиями в самом парламенте (имеется в виду переход депутатов из одной партии в другую); заменить мажоритарную систему выборов на пропорциональное представительство с голосованием по партийным спискам. Время от времени возникали предложения о более фундаментальных изменениях – переходе от парламентской системы к президентской. Однако все эти идеи не получили одобрения в обществе. Главная причина состояла в том, что существовавшая в течение 60 лет система управления обеспечивала развитие страны по эволюционному демократическому пути, несмотря на огромные трудности и проблемы, стоявшие перед страной.

За годы независимого развития в Индии произошли принципиальные изменения в партийно-политической структуре. Это было связано с рядом факторов. Прежде всего, страна избрала демократический путь развития, институты парламентской демократии внедрялись как на федеральном уровне, так и в штатах. С 1952 г. по 2009 г. было проведено 15 парламентских выборов и такое же, а в ряде случаев и большее, число выборов в законодательные собрания штатов. Происходило развитие институтов демократии на уровне самоуправления – выборы в корпорации и муниципалитеты городов и панчаяты в деревнях. За все эти годы в парламентских выборах принимало участие в среднем около 60% избирателей. Приблизительно такое же число избирателей участвовало в выборах в законодательные собрания штатов. Частая периодичность всех видов выборов и активное участие в них избирателей позволяли говорить об активном участии населения в общественно-политической жизни страны.

Тенденции децентрализации власти

Создание штатов на лингвистической основе не помешало заметному укреплению централизованной власти, тесно связанному с хозяй-

ственной интеграцией. Развитие плановой экономики, расширение государственного сектора привело к усилению финансово-экономической власти центра, что сыграло позитивную роль в упрочении экономической самостоятельности Индии. Вместе с тем очевидно и то, что в такой огромной стране, где многие штаты по размерам территории и численности населения превосходят многие крупные государства мира, управлять только из центра невозможно. Население крупнейших четырех штатов превышало 80 млн. человек (Уттар-Прадеш – 166 млн., Махараштра – 96 млн., Бихар – 82 млн., Западная Бенгалия – 80 млн.). Население еще пяти штатов – от 50 до 75 млн. человек, еще пяти штатов – от 20 до 37 млн. человек и т.д.¹¹⁴⁵

Эффективное осуществление программ развития штатов и прогресс страны в целом во многом зависели от тесного и конструктивного сотрудничества между центром и штатами. При общей отсталости экономики и неравномерности развития штатов центр оказался в исключительно сложном положении при определении первоочередности регионального развития, особенно если учесть давление снизу, со стороны штатов, каждый из которых требовал внимания к себе и ревностно относился к дополнительным финансовым средствам, выделяемым другим штатам на те или иные проекты. В этом смысле правительства штатов играли роль своеобразных групп давления, добивавшихся финансово-экономических льгот. Даже в условиях, когда в Дели и штатах функционировали правительства, сформированные одной и той же политической партией, их взаимоотношения складывались не всегда гладко¹¹⁴⁶.

Отношения центр–штаты не сводились лишь к связям на правительственном уровне. Большую роль в них играли политические партии как в Дели, так и на местах. Власти в штатах не могли не принимать во внимание особенности социально-экономического и политического развития отдельных регионов, которые не всегда учитывались в центре.

Существенным моментом, во многом определявшим изменения в социально-политической структуре страны, в том числе и в отношениях центр–штаты, был и остается ее полиэтничный и многоконфессиональный характер. Заметное место в общественной жизни занимали взаимоотношения между кастами в индусской общине. Причем в каждом из штатов сочетание разных социальных факторов имело свою, часто неповторимую специфику.

Это «накладывалось» на неравномерное социально-экономическое развитие различных штатов и даже отдельных дистриктов в одном и том же штате. Индийская формула «единство в многообразии» уходит корнями в многообразии страны – в культуре, языках, традициях,

обычаях, социальном поведении и т.п. Далеко не всегда это многообразие бывало гармоничным. В ряде случаев разделительные линии проходили между регионами, конфессиональными группами и кастами. Нередко они бывали достаточно явными и жесткими, что не обязательно нарушало общественный мир и спокойствие (хотя и такие случаи были далеко не единичными), но способствовали развитию штатовской и даже местной идентичности, которая проявляла себя в общественной и партийно-политической сфере в форме многообразных неправительственных организаций, политических группировок и партий, возникавших снизу в виде реакции на изменения в социально-экономической и политической жизни.

Неравномерность развития штатов

Проблемы в отношениях между центром и штатами нередко были связаны с неудовлетворенностью отдельных штатов финансовой помощью центра, что усугублялось неравномерностью в развитии регионов страны. Так, в 2000 г. наивысший среди штатов подушевой доход в богатой Махараштре был почти в три раза выше, чем в беднейшей Ориссе. Доля населения, живущая за гранью бедности в той же Ориссе, была в восемь раз больше, чем в зажиточном Панджабе¹¹⁴⁷.

По данным Плановой комиссии Индии, региональное неравенство в доходах на душу населения по сравнению с 1970-ми и 1980-ми годами существенно выросло и достигло максимума в ходе осуществления рыночных реформ в 1990-е годы. О неравномерном развитии штатов говорили и данные по потреблению электричества на душу населения, по доступности безопасной питьевой воды, которые разнятся в десятки раз.

По индексу человеческого развития неравенство среди штатов также весьма значительно: от высшего уровня в Керале до низшего в Бихаре. Так, уровень грамотности – в 2001 г. в Керале был почти в два раза выше, чем в Бихаре (соответственно 91 и 47%), а продолжительность жизни в 1993 – 1997 гг. составляла 73 года в Керале и 56 лет в Мадхья-Прадеш.

Усилия государства по снижению неравномерности социально-экономического развития штатов пока не привели к значительным успехам. Более того, разрыв между богатыми и бедными штатами все более увеличивался. Росло и недовольство в более бедных штатах, тем более что они не разделены непроходимыми барьерами от богатых. Действительно, вместе взятые штатовские и центральные ресурсы самого богатого штата Махараштра соста-

вили в 2007 г. более 66 000 млрд. рупий, а самого бедного Бихара – всего 21 000 млрд. рупий.

Неравномерность в развитии штатов, а соответственно и проблемы в отношениях между ними и центром, проявлялись в разных сферах социальной и экономической жизни. Так, в соответствии с десятым пятилетним планом (2002–2007), предусматривалось сокращение бедности в среднем по Индии с 26,1 до 19,34%. Однако по штатам оставался огромный разброс по этому показателю. Если в богатых Гуджарате, Панджабе, Харьяне, Химачал-Прадеше уровень бедности в 2007 г. не должен был превышать 2%, то в Бихаре, Ориссе, Ассаме он планировался соответственно на уровне 43,1, 41 и 33,3%.

По данным Плановой комиссии Индии, региональное неравенство в доходах на душу населения по сравнению с 1970-ми и 1980-ми годами существенно выросло и достигло максимума в 1990-е годы.

О неравномерном развитии штатов говорят и такие данные. Если наивысшее потребление электричества на душу в 2000 г. составило в Панджабе 823 кВтч, то наименьшее – в Манипуре 65 кВтч. По доступности безопасной питьевой воды самый высокий показатель среди штатов был у Ориссы – 16,8% хозяйств, самый низкий у Панджаба – 0,97% (при среднем по Индии – 6,3%).

В течение всего периода независимого развития центр постепенно повышал (в том числе и под давлением штатов) отчисления в бюджеты штатов. Если в 1951/52 г. доля чистых переводов штатам в расходах бюджета центрального правительства составляла 22,1%, то в 1980/81 г. она выросла до 38,1% (все эти годы, за исключением 1977–1980 гг., в центре правил Конгресс). В 2004/2005 гг. эта доля упала соответственно до 27,4% во время правления в центре правительства во главе с Бхаратия джаната парти¹¹⁴⁸.

В начале XXI в. финансовые ресурсы штатов были сопоставимы с помощью центра штатам и даже превышали ее. В десятом пятилетнем плане (2002–2007) собственные ресурсы штатов оценивались в 306 771 млрд. рупий, в то время как помощь центра – в 253 844 млрд. рупий. При этом в некоторых штатах собственные ресурсы значительно превышали помощь центра (Махараштра – соответственно 56 862 млрд. и 9 770 млрд. рупий, Панджаб – 15 000 млрд. и 4 000 млрд. рупий). В других, более бедных, штатах картина была противоположной: в Ориссе ресурсы штата составляли 4 393 млрд., помощь центра – 14 607 млрд. рупий, в Уттар-Прадеше – соответственно 24 297 млрд. и 35 410 млрд., в Бихаре – 9 278 млрд. и 11 721 млрд. рупий¹¹⁴⁹.

Рост политического влияния регионов

С конца 1990-х годов произошло значительное усиление роли регионов и региональных партий, выросла зависимость от них двух крупнейших партий – Конгресса и Бхаратия джаната парти. Борьба за влияние в регионах, за укрепление позиций в отдельных штатах стала важной составной частью всего политического процесса в стране. Об этом свидетельствовало и то, что в начале 2000-х годов как Конгресс, так и БДП возглавляли местные правительства не более чем в одной трети штатов.

Усиление региональных партий сделало невозможным создание однопартийных правительств в центре и потребовало нового подхода к формированию центральных правительств на основе партийных коалиций, в которых большую роль играли именно региональные партии. Такое положение в стране сложилось в ходе эволюционного социально-экономического и политического развития в течение более 60 лет. Этот процесс постепенно набирал силу, что подтверждалось динамикой партийно-политического развития, которая вела к усилению роли региональных сил, к тому, что коалиционные правительства в центре были вынуждены опираться на штаты и региональные партии.

Стали углубляться противоречия между отдельными социальными группами и слоями общества, которые неодинаково проявлялись в разных регионах из-за особенностей их исторического прошлого и неравномерности их социально-экономического, политического и культурного развития. Открыто выражалось разочарование результатами деятельности правительства Конгресса. В политическом плане это нашло выражение в усилении существовавших региональных партий и в появлении новых, часть которых стала «отпочковываться» от Конгресса еще в 1960-е годы. Эти группировки и партии вступали в предвыборные блоки на антиконгрессистской основе.

Процесс усиления влияния региональных партий продолжился в 1970-х годах и позже. Несмотря на сохранение власти в центре, Конгресс утратил монополию на власть во всех штатах страны. Одной из причин этого было усиление региональных партий, отказавшихся идти в фарватере его политики. По большому счету, все это было сопряжено с недовольством населения страны проводимым Конгрессом социально-экономическим курсом, что было активно использовано оппозицией как в штатах, так и в центре.

Результатом стало введение правительством Конгресса в 1975–1977 гг. чрезвычайного положения, которое стало важным ключевым моментом в политической истории страны. Оно обозначило ограниченность возможностей однопартийного правления Конгресса в центре, а не только в штатах. Это получило свое выражение в результатах парламентских выборов 1977 г., на которых Конгресс потерпел поражение. К власти в центре пришел коалиционный блок Джаната парти¹¹⁵⁰.

Правительство Джаната парти распустило законодательные собрания во многих штатах, ввело в них президентское правление. После этого там были проведены новые выборы с использованием административных и партийных ресурсов. К концу 1977 г. это правительство контролировало власть в 10 штатах, а еще в двух делило ее с местными партиями. Однако в июле 1979 г. из-за внутренних противоречий между партиями-участниками блока – центральное правительство было вынуждено уйти в отставку. Парламент был распущен, а в январе 1980 г. состоялись новые выборы. Убедительную победу на них одержал Конгресс.

Победа в центре не означала победу в стране, поскольку в большинстве штатов у власти находились партии, оппозиционные центральному правительству. Конгресс, как и три года назад Джаната парти, решил прибегнуть к тому же способу, чтобы изменить соотношение сил в штатах в свою пользу. Опять была использована статья конституции, на основании которой были распущены законодательные собрания многих штатов, а затем последовали отставка их правительств и новые выборы. Конгрессу в основном удалось решить задачу новой расстановки политических сил в штатах в свою пользу. В восьми штатах он получил большинство в собраниях и сформировал свои правительства.

В последующие годы происходило дальнейшее усиление влияния региональных партий. Это получило свое выражение в создании в центре в 1996 г. коалиционного правительства Национального объединенного фронта из 14 центристских и левых, по своей сути региональных, партий. В 1998 г. в результате парламентских выборов к власти пришла новая коалиция – Национальный демократический альянс – на этот раз из 18 партий (также преимущественно региональных), объединившихся вокруг Бхаратия джаната парти. После внеочередных парламентских выборов 1999 г. число партий этой правящей коалиции выросло до 24. На выборах 2004 г. победила коалиция Объединенного прогрессивного альянса во главе с Конгрессом. Она сформировала правительство, в которое входило 10 партий. Еще четыре левые партии поддерживали это правительство

извне. В 2009 г. Конгресс вновь победил на выборах и сформировал коалиционное правительство, но уже в ином составе.

Президентское правление в штатах как инструмент политики

Президентское правление было впервые введено в 1951 г. в Панджабе. Вторично оно было использовано в 1959 г., когда после вторых всеобщих выборов в штате Керала было сформировано левое коалиционное правительство. В то время и в центре, и во всех других штатах у власти находилась одна партия – Конгресс. Перед ее руководством встал вопрос – как относиться к правительству в Керале, которое было оппозиционным по отношению к правительству в Дели из-за его идеологических и политических установок. Сначала вопрос был решен премьер-министром Джавахарлалом Неру в духе демократии. Избранному народом Кералы правительству позволили остаться у власти. Однако через два года оно все же было отстранено центром.

Процесс децентрализации власти был приторможен. Но ненадолго. Уже после всеобщих выборов в 1967 г. Конгресс не смог сформировать свои правительства сразу в девяти штатах из имевшихся тогда семнадцати и лишился монополии на повсеместную власть в стране.

В штате Тамилнаду, начиная с 1967 г., у власти непрерывно находились региональные партии, идеологически и политически отличные от тех, что правили в центре. То же самое наблюдалось и в Западной Бенгалии, где в 1977–2010 гг. штатом управляло правительство Левого фронта. Список таких штатов, где в течение ряда лет власть принадлежала партиям, чьи политические взгляды не совпадали с позициями правящих в центре сил, можно было бы продолжить.

В 1970–1980-е годы вмешательство центральной власти в процесс урегулирования кризисных ситуаций в политической жизни штатов использовалось весьма широко. В период правления И. Ганди, когда Конгресс доминировал на федеральной политической сцене, президентское правление в штатах вводилось около 70 раз и нередко применялось для смещения оппозиционных правительств в штатах. Эта практика была продолжена и позже. Только за три года (1977–1980), когда у власти в центре находилась оппозиционная Конгрессу Джаната парти, президентское правление в различных штатах вводилось 25 раз. Таким образом, в большинстве случаев оно использовалось в сугубо политических целях. Ситуация изменилась во второй половине 1990-х годов, когда закончилась эпоха однопар-

тийного преобладания Конгресса и началась эра коалиционного правления в центре.

В ходе развития независимой Индии произошла реальная децентрализация экономической и политической власти, развились и окрепли региональные экономические и политические элиты, усилилось их собственное мироощущение. К тому же это происходило на фоне растущего конфессионального и кастового самосознания, что сопровождалось проведением разделительных линий между отдельными религиями и кастами и нашло отражение в дроблении политических объединений на региональные (штатовские) и субрегиональные партии и группировки.

В условиях, когда национальные партии не располагали необходимыми политическими ресурсами, им приходилось прибегать к помощи региональных партий и даже выступать в роли их младших партнеров при формировании правительств в штатах. В 1990-х годах использование инструмента президентского правления в штатах в сугубо политических целях как Конгрессом, так и блоком Джаната парти стало предметом широкого обсуждения в политических и общественных кругах. Начиная с 1977 г. этот вопрос неоднократно рассматривался в Верховном суде. В этой связи принципиально важным было решение Верховного суда Индии по делу «Боммай против Индийского Союза». 11 марта 1994 г. Верховный суд принял следующие решения по вопросу об использовании статьи 356-й конституции в отношении законно избранных правительств в штатах и их законодательных собраний. Во-первых, президентская прокламация о роспуске законодательного собрания любого штата может быть пересмотрена в суде. Во-вторых, бремя ответственности по доказательству существования фактов, оправдывающих издание президентской прокламации, лежит на правительстве Индии. Если суд отклоняет президентскую прокламацию, он также имеет право восстановить ушедшее в отставку правительство в штате. Кроме того, президент (а по существу, центральное правительство) не может распустить законодательное собрание штата до получения одобрения обеими палатами парламента (хотя и может приостановить деятельность законодательного собрания – «подвешенное состояние»). Но даже после парламентского одобрения суд все равно может восстановить деятельность законодательного собрания штата при наличии доказательств в пользу этого. Верховный суд Индии также уточнил, что «неспособность» правительства штата действовать в соответствии с конституцией означает «грубое или полное нарушение» конституции, а не какую-либо менее значимую проблему управления, нарушения порядка и законности и т.п.¹¹⁵¹

Решение Верховного суда Индии положило конец беспрепятственному вмешательству центрального правительства в дела штатов в политических целях. Но поскольку роль штатов и региональных партий в политической жизни продолжала возрастать, правящие в центре силы все же пытались изменить баланс сил в свою пользу. Однако после этого решения Верховного суда такие попытки часто оканчивались неудачей.

Так, в 1998 г. центральное правительство во главе с Бхаратия джаната парти предприняло попытку устранить оппозиционное ему правительство в штате Бихар, используя свои административные возможности. Без согласования с правительством Бихара центр назначил губернатором штата бывшего крупного чиновника С.С. Бхандари. При этом не были приняты во внимание рекомендации комиссии Саркариа (1988 г.) по вопросам отношений между центром и штатами, которые предусматривали такое согласование. Губернатор информировал центр о «нарушении конституции» в штате, и на этом основании центральное правительство приняло решение ввести президентское правление в Бихаре. Соответствующий документ был направлен президенту Индии К.Р. Нараянану. Одновременно деятельность правительства в штате была приостановлена.

Однако в отличие от прежней практики, когда президент просто «штамповал» решение правительства, Нараянан отправил документ обратно, указав, что не видит достаточных оснований для введения президентского правления в Бихаре. Правительство не вняло его совету и вновь послало тот же документ на подпись президенту, который он при вторичном представлении был обязан подписать в соответствии с законом. Далее прокламация о президентском правлении в этом штате с большим трудом получила одобрение в народной палате парламента. Но соотношение сил в Совете штатов было не в пользу правительства во главе с БДП. После некоторых раздумий правительство отозвало из Совета штатов свое решение о введении президентского правления в Бихаре до того, как истек двухмесячный срок, после чего оно автоматически утратило бы свою силу. В итоге правительство Бихара было восстановлено в своих правах, и политический кризис был разрешен не в пользу центра.

Этот пример свидетельствовал о том, что в Индии сложилась совершенно новая политическая ситуация, которая в первую очередь была связана с усилением роли региональных партий как в штатах, так и в центре. Большинство региональных партий выступало против использования механизма президентского правления в политических целях. Отныне ни одно коалиционное правительство в центре не от-

важивалось вводить президентское правление в штатах без многопартийного консенсуса по этому вопросу.

Коалиционные правительства – часть партийно-политической системы

События последнего десятилетия XX в. и первого десятилетия XXI в. еще раз подтвердили, что создание коалиционных правительств в центре стало не исключением, а определенной закономерностью, обусловленной своеобразием социально-экономических условий в каждом из штатов Индии. Развитие страны по пути политической демократии с первых лет независимости способствовало децентрализации власти.

По мере становления федеративного государства происходило усиление роли штатов, правительства которых настойчиво ставили вопрос о расширении их полномочий. В их поддержку выступали региональные партии. На какое-то время этот вопрос был отложен центром, который, вне зависимости от того, какая партия находилась у власти, не хотел передавать часть своих функций штатам.

Принципиально важным было то, что в ходе развития независимой Индии произошла реальная демократическая децентрализация экономической и политической власти, развились и окрепли региональные экономические и политические элиты, усилилось их собственное мироощущение. По данным ряда опросов, население штатов больше идентифицировало себя с конкретными штатами, чем с центром. Это во многом было связано с тем, что штаты создавались в основном по языковому признаку на традиционной, исторической территории с особенностями культурного и бытового уклада. Власть в штате рассматривалась его жителями как более близкая к ним, их интересам и чаяниям. Это получало свое выражение и в том, что на выборах в законодательные собрания штатов явка избирателей нередко превышала явку на выборах в парламент страны.

Динамика партийно-политического развития Индии свидетельствовала об усилении региональных сил. Это вело к утверждению в обществе и политике института коалиционного правления в центре и штатах, который становился доминирующей частью политической культуры. Создание коалиционных правительств стало закономерностью, обусловленной спецификой социально-экономических и культурных условий в штатах Индии.

Широкий плюрализм мнений и политических взглядов в Индии не препятствовал, а, наоборот, способствовал успешному развитию

по пути демократии. Несмотря на демократическую децентрализацию власти, правительство Индии не выпускало из своих рук контроль за политическими и экономическими процессами в стране. Центр умело и гибко реагировал на любые проявления сепаратизма, не допуская разрастания таких тенденций, хотя иногда и был вынужден идти на непопулярные меры. Тем более что в соответствии с конституцией штаты не имеют права на самоопределение, как это было в случае с республиками в Советском Союзе. Индия сохранила и еще более укрепила свое единство. Оно обеспечивалось не только органами и силами правопорядка, но и всем политическим и экономическим механизмом, при котором государство сохраняло главные рычаги власти, а частный бизнес, особенно крупный, действовал в этих рамках и, по существу, представлял собой национальную объединяющую силу, заинтересованную в таком единстве.

И, тем не менее, объективный ход событий вел к тому, что штаты, региональные партии и общественные движения неуклонно наращивали свое влияние. При этом их позиции далеко не всегда и не во всем совпадали с линией центрального правительства, особенно в тех вопросах, которые касались управления на местах. В экстремальной форме проблема радикального расширения полномочий штатов прозвучала в 1980-е годы в лозунге о создании независимого государства Халистан вместо штата Панджаб. Этот вопрос был снят с повестки дня, хотя и далеко безболезненно, при помощи силовых и иных методов (президентское правление) со стороны центра. Но проблема отношений между центром и штатами, между региональными и правящими в центре национальными партиями по-прежнему оставалась, хотя и не в такой острой форме.

Формирование правящих коалиций из партий, отражающих интересы региональных сил, постепенно стало во многих штатах скорее правилом, чем исключением. Начавшись снизу в штатах, этот процесс дошел и до центра. Первой правящей коалицией в центре стал блок политических партий, объединившихся под названием Джаната парти (1977 г.). За этим снова последовал период однопартийного правления Конгресса (1980–1989 гг.). И вновь на смену ему пришло коалиционное правительство Национального фронта (1989–1990 гг.). Его сменило правительство меньшинства во главе с Чандрашекхаром при поддержке извне со стороны Конгресса (1990–1991 гг.). В июне 1991 г. Конгресс пришел к власти после того, как президент Индии разрешил ему сформировать однопартийное правительство меньшинства. В июле 1993 г. во время голосования доверия в парламенте Конгрессу удалось «переманить» необходимое число депутатов из других партий и получить парламентское большинство¹¹⁵². Начиная

с 1996 г. последовала череда коалиционных правительств разной политической направленности.

Развитие событий со второй половины 1990-х годов подтвердило, что Индия вошла в эпоху коалиционных правительств. Возникло немало вопросов, связанных с их жизнеспособностью, стабильностью самой системы власти в стране, возможностью политических кризисов. Большое значение в этой связи имела позиция крупного бизнеса. Он выступал против коалиций. Важным фактором, определявшим подход промышленников и предпринимателей к коалиционным правительствам, было обеспечение стабильности. Они также выдвигали требование преемственности политического курса. Однако, понимая неизбежность формирования коалиций, бизнесмены были готовы пойти на уступки. Так, президент Федерации торгово-промышленных палат Индии К.К. Модии заявил, что коалициям в Индии не удавалось успешно работать. Мы можем позволить им действовать, но лишь на определенных условиях: если входящие в коалицию некоторые партии отказывают правительству в поддержке, то следует разрешить правительству выбирать иных партнеров в парламенте (а не отправлять его в отставку). Высказывалось и такое мнение: коалиционное правительство не следует формировать при поддержке извне, партии, составляющие коалицию, сами должны располагать большинством в парламенте, чтобы правительство было устойчивым и стабильным.

Однако у политиков был несколько иной подход. Они исходили из того, что без создания коалиций невозможно прийти к власти и полагали, что коалиционные правительства в состоянии решать проблемы страны, поскольку они отражали существовавший расклад социально-классовых и политических сил в обществе. Так, бывший премьер-министр Индии И.К. Гуджрал считал, что Индия должна развивать культуру коалиций, поскольку коалиционные правительства становятся вполне естественной особенностью политики в Индии, как, впрочем, и в других частях мира. По его мнению, «коалиционные правительства доказали, что во многих отношениях они более демократичны и более "прозрачны", чем однопартийные»¹¹⁵³. Отмечалось и то, что коалиционная политика, основанная на компромиссе, смягчает радикализм партий, находящихся на разных полюсах политического спектра. При относительной идеологической и политической однородности или близости взглядов партнеров по коалиции она может успешно решать стоящие перед страной задачи и обеспечивать политическую и социально-экономическую стабильность.

Десятилетия независимого развития Индии свидетельствовали в пользу того, что она твердо придерживалась курса на эволюцион-

ную демократизацию общества и государства, включая и децентрализацию власти. Этот опыт также говорил о том, что эпоха монопольного преобладания одной партии во власти в Индии ушла в прошлое. Она перестала соответствовать изменившейся расстановке социально-политических и экономических сил, что сопровождалось ростом влияния региональных партий. Партийные коалиции в центре и штатах стали одним из важнейших факторов общественной жизни Индии в начале XXI в.

В этой связи возникал ряд вопросов. Как долго может продлиться эпоха коалиционных правительств в центре и штатах? Смогут ли в ближайшей перспективе две самые крупные доминирующие партии – Конгресс и БДП – находиться у власти, опираясь на собственные политические, социальные и иные ресурсы? Возможно ли в ближайшей перспективе формирование двухпартийной системы власти? Есть ли реальные перспективы создания третьего центра власти, помимо Конгресса и БДП? Насколько стабильными и эффективными могут быть коалиционные правительства? Не приведет ли коалиционная политика к глубокому социально-политическому размежеванию в Индии и даже к ее распаду?

Ответ на эти и подобные вопросы, очевидно, нужно искать в социально-экономической и политической истории независимой Индии.

Прежде всего, следовало бы отметить, что Конгресс правил Индией в течение более 40 лет, в том числе и потому, что он сам представлял собой социально-политическую коалицию, которая до поры до времени отвечала интересам разных слоев общества – от низов до крупного капитала. В середине 1960-х годов в этой коалиции проявились явные признаки дезинтеграции и распада на разные социальные и политические общности прежде всего в штатах. Это происходило в результате социально-экономического роста и укрепления отдельных групп, которые стали выдвигать свои собственные требования. Сначала они обретали формы политических и социальных движений, а затем и партий.

Эти партии безвозвратно ушли из-под объединявшего их ранее влияния Конгресса, поскольку их интересы перестали совпадать с интересами материнской партии и даже противоречить им. Усиление коалиционной политики неизбежно отразилось на политических процессах, затрагивавших центральную власть. В первом десятилетии XXI в. сложилась такая расстановка социально-политических сил, когда ни Конгресс, ни БДП не были в состоянии монопольно управлять политическими процессами в стране. Более того, обе эти партии, вместе взятые, располагали лишь половиной политических ресурсов, в то время как другая половина этих ресурсов принадлежала

нескольким десяткам политических партий, глубоко укорененных в социально-экономической и политической жизни отдельных штатов. Это привело к зависимости двух доминирующих партий от региональных партий и группировок. Без их участия и сотрудничества ни Конгресс, ни БДП не могли прийти к власти.

Попытка создания коалиционного левоцентристского правительства «третьего фронта» (1996–1998 гг.) при поддержке извне со стороны Конгресса показала возможность создания такой коалиции, при всех трудностях и издержках в ее работе. Она продемонстрировала способность за короткий срок провести ряд эффективных мероприятий, направленных на улучшение положения в стране, особенно низших слоев общества. Однако она также выявила недостаточную идеологическую и политическую сплоченность партий, входивших в эту коалицию, и их зависимость от более крупного партнера – Конгресса. Тем не менее, попытки создания «третьего фронта» партий, находившихся в оппозиции как к Конгрессу, так и БДП, продолжились и в 2009 г., хотя и безуспешно. Все эти годы формирование коалиций шло очень активно. Происходили сближения и отдаления, и даже разрывы, в отношениях между отдельными участниками сложнейшего политического процесса в Индии. Региональные политические движения и партии были весьма жестко «привязаны» к определенным социально-экономическим слоям, в которых огромную роль играли этнические, религиозные, кастовые и иные факторы¹¹⁵⁴.

Все эти процессы происходили в условиях и рамках существующей социально-экономической системы. За годы независимости Индии удалось не только сохранить, но и укрепить ее единство. Поэтому вряд ли можно говорить о том, что коалиционная политика, имеющая внешнюю форму центробежных процессов, может привести к ослаблению этого единства и государственного устройства страны.

Глава 33

ИНДИЙСКИЙ ОПЫТ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В основе индийской модели развития лежали жизненные реалии и адаптированный к ним комплекс идей демократии и социальной справедливости. Эти идеи не были прямым заимствованием из опыта

европейских социалистов или Советского Союза. Чем больше страна продвигалась по пути независимого развития, тем больше эти идеи реформировались в своеобразный сплав «индийского социализма», национализма и западного либерализма.

Дебаты по вопросам социальной справедливости и равенства, остро актуальные для Индии, по существу, шли в рамках демократического развития страны и неприемлемости диктатуры. Индийская общественная и политическая элита всегда уделяла много внимания сохранению социальной стабильности в обществе, тем более что опыт политических и социальных потрясений в первой половине XX в. (попытка раздела Бенгалии в 1905 г., раздел Индии в 1947 г. и сопутствующие ему события) был ярко запечатлен в национальной памяти. Именно этой стабильности и отвечал лозунг социальной справедливости. Его реализация в конкретных программах (ликвидации нищеты, неграмотности, распределения земель среди бедноты и т.д.) не только способствовала известному улучшению положения низов и давала им надежду на лучшее будущее, но и помогала созданию определенной социальной и политической устойчивости общества и государства. В этом смысле идеи социальной справедливости и равноправия в Индии, безусловно, сыграли положительную роль.

«Конгрессистский социализм» отрицал теорию классово-борьбы, отвергал любую диктатуру, утверждал использование демократических методов и решение проблем мирными средствами, эволюционным путем. Дистанцирование индийских лидеров от советской модели социализма касалось многих сторон общественно-политической и экономической жизни. Об этом свидетельствовали программы Конгресса о путях развития страны – строительство «общества социалистического образца» (1955 г.), «демократического социализма» (1963 г.), провозглашение Индии «суверенной, демократической, социалистической республикой» (1976 г.). Но главной была приверженность Индии принципам демократического развития при сохранении разных форм собственности, и прежде всего частной собственности на землю. Индийский социализм не привел к переделу собственности или ее экспроприации, как это было в СССР.

Принципиальное отличие индийского опыта общественного развития от российского революционного опыта 1917 г. и 1991 г. состояло в том, что он был прежде всего эволюционным и демократическим. Индия вела поиски путей развития во многом на основе собственных исторических традиций. В своей политической практике, государственном и общественном строительстве эта страна использовала методы, основанные на традиционных особенностях индийского общества.

Индийцы брали лучшее и у других (например, демократическое устройство) и осторожно, не форсируя, встраивали это лучшее в свою систему ценностей, придавая ему национальное своеобразие. При этом они постоянно реагировали на сигналы снизу, на то, как воспринимает общество новые элементы социального устройства, не отторгает ли оно их. Далеко не все получалось гладко и спокойно, да и не могло быть иначе, если принять во внимание масштабы страны и огромный объем сложнейших проблем, стоявших перед ней во время ее перехода из колониально-феодалного состояния в иное качество, связанное с достижением независимости и строительством современного демократического государства.

Существовало и мощное внешнее влияние – опыт социалистической революции в России, достижения и жертвы советского строительства в СССР, успехи и кризисы капиталистического мира, колониализм и империализм. Под воздействием этих сил, а также менявшихся условий в стране и мире эволюционировала и сама социалистическая идея.

Немалое значение для распространения идей социализма имела деятельность в течение десятилетий возглавляемых коммунистами леводемократических коалиционных правительств в Западной Бенгалии, Керале и Трипуре. Действуя в рамках конституции страны, правительства этих штатов сосредоточивали главное внимание на улучшении положения широких слоев населения, особенно деревенской бедноты. Пребывание у власти этих правительств существенно расширило участие обеих компартий, а также других левых сил в национальной жизни страны, и дало им возможность более полноценно проявить свой независимый общественно-политический потенциал¹¹⁵⁵.

Характерно, что и все другие национальные партии Индии в той или иной форме выдвигали идеи социальной справедливости и равенства. Интересна в этом контексте позиция консервативной Бхаратия джаната парти, стоявшей на правом фланге индийской политики. Она обращалась к идеям «гандистского социализма», выступала с лозунгом «справедливость для всех», призывала оказать помощь социальным низам, чтобы они могли участвовать в процессе развития на основе равенства. Значение идей социальной справедливости в политической жизни Индии весьма наглядно проявилось в судьбе партии Сватантра (Независимая), которая создавалась в конце 1950-х годов как партия предпринимателей, чуждая принципам социального равенства. Она не встретила поддержки индийских избирателей и через несколько лет прекратила свое существование. Политические партии и группы, выдвигавшие социалистическую идею в своих про-

граммах, рассчитывали на привлечение на свою сторону огромных масс социальных низов.

Сегодня вряд ли можно говорить о какой-либо единой концепции «индийского социализма». Его толкования широко варьируются в зависимости от партийной принадлежности тех, кто выступает с лозунгами социальной справедливости, равноправия, защиты интересов социальных низов. Важно отметить при этом несколько существенных моментов. Первый – эти лозунги падают на благодатную почву в стране, где треть населения живет на грани или за гранью бедности. Второй – индийский социализм тесно увязывается с демократией, с ненасильственными методами борьбы за преобразование общества (исключение составляют сравнительно малочисленные левозкстремистские группировки). Третий – идеи социальной справедливости учитывали исторический опыт и традиции страны, хотя и не без влияния извне. И четвертый – это развитие носило эволюционный характер.

Опыт индийской демократии

Реальный отсчет времени по созданию демократии в Индии следует вести со дня провозглашения ею независимости, так как колониальное правление Великобритании не представляло собой демократического государственного устройства.

Однако предпосылки демократии сформировались задолго до завоевания Индией независимости. Они выражались в терпимом отношении к инакомыслию и плюрализму мнений. За годы колониального господства, особенно в период борьбы индийцев за национальное освобождение, были созданы важные элементы демократических институтов, что выражалось в деятельности различных ассоциаций, объединений и партий. Получили определенное развитие политические и правовые демократические структуры. Успела сформироваться довольно развитая индийская буржуазия. Созданный колониальной властью государственный аппарат оказался не пригодным для управления независимой Индией. Но он был сначала адаптирован к условиям суверенной страны, а затем и принципиально изменен. Становление демократических институтов происходило в атмосфере политизации чрезвычайно фрагментированного общества.

Важным, а может быть, и решающим моментом в определении такого выбора было наличие политической воли у тех, кто возглавил независимую Индию. И в этой связи следует назвать первого пре-

мьер-министра страны Джавахарлала Неру. Он полагал, что построение общества на принципах демократии даст лучшие результаты, чем любая иная форма правления, и связывал с этим надежды на прогресс страны.

Основным механизмом создания демократических структур был Конгресс, хотя не следует преуменьшать роль и других политических партий и организаций. Именно в их противоречивых взаимоотношениях с Конгрессом создавалась та основа, на которой впоследствии и стала развиваться политическая демократия в Индии. К 1947 г. Конгресс имел солидную социальную и организационную базу, пользовался доверием широких слоев населения. Меньшая, но, тем не менее, значительная социальная опора была и у других партий, прежде всего левых.

Вместе с тем индийская элита была подготовлена к демократической форме правления самым ходом политического развития Индии в колониальный период и борьбы индийцев за независимость.

Можно сказать, что Конгресс и другие политические партии и организации в процессе долгой национально-освободительной борьбы выстрадали демократию как форму правления. Решающим элементом в определении такого выбора было наличие политической воли тех, кто находился у руля власти независимой Индии.

Обращение к демократической форме правления в огромной полиэтнической, многоконфессиональной стране, с устоявшимися традициями, не всегда сочетающимися с задачами реформирования и модернизации, может вызвать вопрос: а не проще было бы избрать какую-то авторитарную или иную более жесткую форму правления, чтобы, используя силу централизованной власти, попытаться в короткие сроки решить сложнейшие политические и социально-экономические задачи? Тем более что такие или близкие к ним формы правления установились во многих азиатских странах. В Пакистане, например, главной чертой государственного управления был авторитаризм и слабость демократических норм и принципов. Как отмечает В.Я. Белокреницкий, некоторые особенности авторитарного политического устройства этой страны были прямо связаны с наследием колониального времени. По сравнению с Индией элементы авторитаризма в политической системе Пакистана (а затем и Бангладеш, хотя и с некоторыми отличиями) были значительно сильнее. Исторически это объяснялось менее развитыми традициями политической жизни в этих регионах. В Пакистане к середине 1950-х годов сложился военно-гражданский бюрократический альянс, оттеснивший профессиональных политиков на второй план. Судебная власть оказалась в подчиненном положении,

хотя и сохранила определенную самостоятельность. К управляющей элите примкнула и наиболее преуспевающая часть деловых людей – торговцев и промышленников¹¹⁵⁶.

Индия встала на нелегкий путь демократического развития и прошла по нему более шести десятилетий. Ей пришлось решать такие масштабные проблемы, которых не было у развитых стран, достигших весьма высокого уровня жизни еще в тот период, когда она была колонией. Несмотря на огромные трудности, Индии удалось обеспечить поступательное политическое и социально-экономическое развитие на демократической основе. В начале 1960-х годов Неру отмечал, что проблемы Европы, Америки или России существенно отличались от индийских. Эти страны смогли обеспечить, одни больше, другие меньше, необходимые условия для жизни своих народов. Перед ними тогда стояли вопросы дальнейшего повышения уровня благосостояния. А «наша первоочередная задача, – говорил Неру, – состоит в том, чтобы обеспечить базовые условия жизни для наших людей, такие как продовольствие, одежда, жилище, образование, здоровье и работа»¹¹⁵⁷.

За сравнительно короткий исторический отрезок времени Индия смогла во многом продвинуться по этому пути. Через два десятилетия после достижения независимости она в основном добилась самообеспечения в продовольствии. В 1980-е годы страна начала экспортировать зерновые, а в середине 1990-х годов стала вторым, крупнейшим после Китая, производителем пшеницы в мире, отодвинув на третье место США. Однако все еще оставались сложнейшие проблемы, связанные с земельным голодом и незавершенностью аграрных реформ в интересах большинства сельских жителей. Одним из главных препятствий на пути решения этих проблем был ускоренный рост населения. Результатом этого стал замедленный темп развития, в том числе в аграрной сфере.

Не менее трудной была и задача индустриализации страны. В условиях политической демократии ее осуществление заметно отличалось от промышленной революции в Европе, которая началась в то время, когда демократия была еще в самом зародыше. Тогда эта революция не учитывала нужды и запросы многих слоев общества на Западе и в колониях и принесла им немало бедствий и страданий. Но поскольку у них не было таких эффективных средств защиты своих интересов, как демократия, их мнение не особенно принималось во внимание. В Индии, взявшей курс на демократизацию, индустриализация заметно отличалась и от индустриализации Советского Союза не только более медленными темпами, но также тем, что она не решалась за счет насильственной перекачки ресурсов от крестьянства.

Важным достижением индийской демократии стало создание основы гражданского общества. В стране действуют тысячи неправительственных, общественных и частных организаций, представляющих разные слои и группы населения. Это профсоюзные, крестьянские, молодежные, женские организации, культурные, научно-технические и иные ассоциации. Все они вместе и каждая в отдельности оказывают влияние на формирование общественно-политического климата в стране. Благодаря свободе деятельности таких добровольных объединений граждан, гарантированной и защищенной законом, и идет процесс дальнейшего развития гражданского общества. Он далеко еще не охватил все слои населения, тем более низшие, но уже достиг той стадии, когда само общество в состоянии генерировать идеи и оказывать заметное влияние на политику и экономику.

Еще более быстрыми темпами развивались политические институты и политическая демократия, основы которых были заложены еще до независимости. Объединенные единой целью, многие партии и группы действовали в общем русле национально-освободительного движения. Но уже тогда у них обнаружились разные идейные и политические подходы к центральным проблемам дальнейшего развития индийского общества и государства. И это вполне закономерно, поскольку все они отражали интересы соответствующих слоев и групп населения.

Опыт демократии в Индии свидетельствовал, с одной стороны, о ее заметных успехах, с другой – о многих невыполненных обещаниях. К достижениям индийской демократии можно отнести политическое и общественное пробуждение многомиллионных масс населения, сохранение этнического и культурного многообразия страны, развитие политической демократии и экономического плюрализма, сохранение стабильности в обществе. А среди далеко не полностью реализованных обещаний выделяются проблемы избавления от бедности огромных масс населения и качественного улучшения их жизни. Без их решения политической демократии трудно обеспечить дальнейшие темпы развития, стабильность и согласие в обществе и государстве.

Индийские политические деятели неоднократно подчеркивали важность этих проблем. «Сейчас очень много толкуют о свободе, – говорила И. Ганди. – А я часто спрашиваю себя: свобода для кого? Суфийская пословица гласит: Если у меня есть две лепешки, я продам одну, чтобы купить цветок для своей души. Я принадлежу к числу тех, кто с радостью продаст полторы лепешки, если у меня есть две, чтобы купить цветы, книги или другие вещи. Но как быть тому,

у кого есть только половина или четверть лепешки? Как поступить тому, у кого вообще нет хлеба? Что мы должны сделать для него? В чем же состоит его свобода? В чем же состоят его права?»¹¹⁵⁸.

Нерешенность крупных проблем в Индии время от времени вызывала вопросы о способности парламентской демократии в сжатые сроки изменить ситуацию в лучшую сторону. Поэтому некоторые влиятельные политические силы в стране заявляли о необходимости усиления государственной власти, перехода на президентскую форму правления. Опыт Индии свидетельствует о том, что движение по пути демократии не может рассматриваться в качестве раз и навсегда данной реальности¹¹⁵⁹.

Смешанная экономика – третья альтернатива?

Разработанная в первые годы независимости Индии промышленная политика была определенной «социализацией вакуума», то есть созданием государственных предприятий в тех сферах, где частные предприятия не существовали или не смогли быстро развиться. С этого же времени началась и практика экономического планирования на основе пятилетних планов, которая действует и поныне. Плановая комиссия Индии подчеркивала уникальность этого «эксперимента в демократическом планировании», которое не имела аналога в мире (хотя сама идея государственного планирования была заимствована у СССР). «В конечном счете, – говорилось в ее документе, – испытанию подвергается способность демократии решить проблемы массовой нищеты»¹¹⁶⁰.

Смешанная экономика и сильная социальная политика дали возможность Индии уже в первые десятилетия независимого развития устранить угрозу постоянно нависавшего над ней голода, в основном осуществить индустриализацию страны, освободиться от колониальной зависимости. Однако главная задача – ликвидация массовой бедности – не была решена. С середины 1960-х годов правительство провело ряд мер по социализации экономики и улучшению положения масс. Среди них – национализация нескольких крупных банков, системы страхования и угольных шахт, а также реформы в пользу низших слоев (Программа из 20 пунктов). «Наше национальное движение, – говорила И. Ганди, – связано с определенной целью, а не с какой-либо доктриной. Этой целью является модернизация нашего общества без утраты индийской индивидуальности; развитие и интеграция промышленности и сельского хозяйства с современной наукой и технологией; подъем масс и ликвидация архаичной, иерархической

системы, с ее дискриминацией и эксплуатацией. В экономической области с самого начала было ясно, что мы не могли полагаться только на частные предприятия и игру рыночных сил, что мы должны установить социальный контроль над ключевыми отраслями экономики и осуществить экономическое планирование, которое отвечало бы уровню достигнутого развития. Наш социализм не является готовой идеологией, а представляет собой гибкую концепцию»¹¹⁶¹.

В индийском контексте это означало, что государство должно было взять на себя обязательство ликвидировать нищету, инициировать шаги по увеличению производства, модернизировать экономику путем создания государственных предприятий в ключевых отраслях, уменьшить неравенство, в том числе историческое, между различными классами и регионами, обуздать рост монополий. Социализм в Индии предполагал определенные ограничения на право собственности, но не его отмену. И только там, где право собственности вступало в конфликт с общественной целью, преимущество было у последней.

В годы пребывания И. Ганди у власти концепция смешанной экономики получила свое дальнейшее развитие. «Сутью нашей смешанной экономики, – заявляла она, – является необходимость уходить от экстремальных проявлений идеологий, будь то капиталистическая или какая-либо другая. Смешанная экономика – это третья альтернатива, при которой общественная собственность и контроль распространяются на жизненно важные сферы экономики, но при этом сохраняется свободный рынок». И важное добавление: «Достижение социальных целей не является антитезой существованию частного сектора». По ее мнению, нерегулируемое экономическое развитие могло бы привести к концентрации богатства и доходов в одних руках. Поэтому государство должно управлять национальными ресурсами. Аграрные реформы как главное направление деятельности государства должны были прежде всего решить проблемы бедности и социальной справедливости в деревне¹¹⁶². В свою очередь, социальная справедливость и равенство означали не перераспределение собственности, а производство богатства и лишь затем его последующее распределение.

За четыре десятилетия пребывания Конгресса у власти с 1947 г. сложилась политическая система, в которой эта партия выступала как главная мобилизующая сила, как своеобразная широкая социальная коалиция, которая включала многие, если не большинство, группы населения, объединенные в борьбе за построение независимой Индии под лозунгами демократии и секуляризма. Однако в созданной Конгрессом системе эти группы не были равноправными участ-

никами при распределении результатов развития страны. И, тем не менее, Конгрессу удавалось сохранять это рыхлое единство. Он многое делал для того, чтобы не возникали разделительные линии между отдельными социальными группами, понимая, что это приведет к потере части коалиции, а за ней и власти. Но по мере социально-экономического и политического развития каждой из этих групп, в том числе и «отсталых классов», задача сохранения даже относительного социального единства становилась все более проблематичной. Социальная коалиция, находившаяся под патронажем Конгресса, стала постепенно распадаться на части. Этот процесс, начавшийся в середине 1960-х годов, получил бурное развитие во второй половине 1970-х годов и усилился в середине 1990-х.

Параллельно шло создание новых политических структур (сначала на уровне штатов), которые постепенно стали заполнять появлявшийся политический вакуум. Идеология индусского национализма БДП, опирающаяся на традиционные ценности индуизма, оказалась во многом востребованной. Произошло это по ряду причин. Прежде всего, это было связано с развитием среднего класса в городе и деревне. Рост благосостояния этой части населения – торговцев, чиновников, учителей, студентов, зажиточного крестьянства – привел к повышению их культурных запросов. Большинство из них ориентировалось на традиционные индийские, а точнее – индусские, культурно-религиозные ценности, поскольку более 80% населения страны составляли именно индусы¹¹⁶³.

Все это сопровождалось размыванием идей социально-политического развития, являвшихся частью концепции демократического социализма, социальной справедливости и секуляризма, связанной с именем Дж. Неру. Этот процесс был неоднозначным. Он во многом определялся, с одной стороны, ростом влияния среднего класса и крупной буржуазии. Но с другой – в результате проведенных мероприятий в социально-экономической сфере заметно выросли и окрепли низшие социальные слои, которые все настойчивее стали требовать своей доли в управлении страной.

Индийский опыт смешанной экономики при регулирующей деятельности государства свидетельствовал, что государство не препятствовало развитию капиталистических отношений. Созданные им предприятия государственного сектора не были социалистическими, а являлись частью системы государственного капитализма. Вместе с тем проводимая государством политика социальной справедливости и равенства обеспечивала определенную защиту интересов наиболее бедных слоев населения и одновременно, в какой-то степени, снимала остроту в отношениях между богатыми и бедными, способ-

ствовала предотвращению социальных взрывов, которые могли расколоть общество. А если учесть, что решение всех этих сложнейших задач осуществлялось демократическими методами, то этот опыт представлял немалый интерес для теории и практики общественного развития¹¹⁶⁴.

Однако некоторые аналитики утверждали, что относительно низкие темпы развития Индии были связаны с тем, что, стремясь воплотить принципы социальной справедливости в жизнь, государство сдерживало модернизацию страны. Проблема не так проста. Проводя такую политику, Индия сумела обеспечить пусть замедленный, но достаточно устойчивый рост благосостояния народа, развитие всего общества, и избежала крупных социальных потрясений, которые вполне были возможны в условиях обездоленности огромных масс населения. У индийского государства просто не было иного выбора. Слишком велики были (и все еще остаются) масштабы и острота этих проблем, чтобы стоять в стороне от них и ждать, пока они разрешатся «естественным способом» при помощи игры рыночных сил.

Выбрав определенную модель развития, духовная и политическая элита Индии никогда не прекращала дальнейших поисков путей решения как доставшихся от прошлого проблем, так и новых вызовов времени. Главным в этих поисках была не приверженность какой-то идеологии, а способность той или иной модели решить их. Возможно, наилучшим образом этот подход был сформулирован Неру: «Если мы в конечном итоге не решим базовые проблемы обеспечения населения продовольствием, одеждой, жилищем и т.п., то совершенно неважно, как мы будем называть себя – капиталистами, социалистами, коммунистами или еще кем-то. Если мы не выполним эту задачу, то будем сметены, а вместо нас придет кто-то другой»¹¹⁶⁵.

Индия и распад СССР

С начала 1990-х годов Индия вступила в новый этап развития, что было продиктовано не только потребностями внутренней жизни, но и изменениями на мировой арене. Видимо, не случайно, что этот этап совпал с распадом Советского Союза, с которым она поддерживала многолетние отношения дружбы и сотрудничества. Все это вызвало повышенный интерес индийцев к событиям в нашей стране.

В период холодной войны Индия занимала свое, вполне определенное и достойное место в системе международных отношений. В изменившихся условиях речь шла о том, как ей сохранить авторитет в новом мире. А в более широком плане затрагивался вопрос

о фундаментальных ценностях, связанных с социализмом, который оказался во многом дискредитированным после распада СССР. Вопросы о будущем социализма в тех или иных его проявлениях (социальная справедливость, равноправие) имели для Индии большое значение, во-первых, в силу ее предшествовавшего исторического, общественно-политического и социально-экономического развития и, во-вторых, с точки зрения определения путей ее дальнейшего развития.

В индийском плюралистическом обществе перестройка в СССР и последовавшие за попыткой августовского путча 1991 г. перемены вызывали неоднозначные, нередко прямо противоположные толкования со стороны разных политических групп и общественных течений. Можно сказать, что в общественном мнении Индии среди ее политических и научных кругов преобладали два основных подхода к развитию событий в бывшем СССР и СНГ. Первый воспринимал их как закономерный процесс объективного исторического развития. К нему принадлежало большинство тех, кого принято считать представителями либерально-демократического направления со всеми его оттенками и нюансами. Второй рассматривал как деформацию и нарушение исторического процесса, отход назад, утрату ценностей социализма. К этой категории относятся левые и левоцентристские партии, группы и отдельные лица. Представители обоих подходов исходили из того, что перемены в СССР имели огромное значение для мира в целом и для Индии в особенности¹¹⁶⁶.

Многие аналитики подчеркивали беспрецедентный характер перемен в СССР. Их уникальность состояла в том, пишет политолог Раджни Котхари, что никогда раньше в истории не было такого, чтобы руководство страны, контролирующее огромную власть и имеющее в своем распоряжении институциональные средства ее защиты, само демонтировало весь аппарат власти и свою базу массового влияния, полностью изменило свои идеологические привязанности. То, что не удалось сделать «американской имперской мощи» в ходе ее массивного наступления в последние 45 лет, было достигнуто в результате «игры идей», которые распространялись весьма немногими людьми, занимающими стратегические позиции в истеблишменте. Причем все это происходило без широкого массового движения снизу¹¹⁶⁷.

Индийские общественные и государственные деятели уделяли особое внимание вопросам, связанным со стремлением России, других государств СНГ встать на путь развития рыночной экономики. Они отмечали, что руководство этих стран почти полностью связало себя с попыткой осуществить экономические и технологические пре-

образования по западным образцам. Многие индийские политики и ученые считали, что внезапный переход от плановой социалистической экономики к капиталистическим методам хозяйствования таил в себе немало сложных проблем прежде всего потому, что в Советском Союзе почти полностью отсутствовали необходимые для этого базовые структуры, не было слоя предпринимателей и капиталистов. Вероятно, от социалистической экономики так же трудно перейти к рыночной, писал К. Р. Нараянан, как трансформировать капиталистическую систему в социалистическую¹¹⁶⁸. Высказывалась также мысль о том, что опыт всех стран мира, включая западные, свидетельствовал, что рынок сам по себе нигде не привел к созданию более справедливых и равноправных общественных отношений. Потребовалось вмешательство государства, чтобы скорректировать дисбаланс в отношениях между разными слоями общества, который возникает в результате игры рыночных сил. Как показывает история капитализма, писал индийский исследователь К.А.М. Ченой, рынок как таковой не может решить все проблемы. Не является он и гарантом демократии¹¹⁶⁹.

Исходя из собственного опыта смешанной экономики, многие индийские ученые утверждали, что планирование вполне поддается децентрализации и деbüroкратизации и может служить инструментом для направления ресурсов в нужное русло, причем не обязательно для извлечения прибыли. Полный отход от государственного планирования чреват экономической и политической нестабильностью в стране. Вместе с тем рынок может и должен быть использован как индикатор нужд и потребностей населения.

Индийцы о социальной справедливости

В связи с распадом Советского Союза индийские политики, общественные деятели и ученые разных направлений уделяли особое внимание вопросам, связанным с судьбой социализма, социалистических идей. Это и понятно. Ведь в Индии идея социального равенства пустила глубокие корни в общественном сознании. Социализм – в разном его толковании – стал популярным лозунгом практически всех политических партий и групп, за исключением крайне правых, которые выражали свое удовлетворение тем, что «социалистический эксперимент в СССР» не состоялся, а социализм «ушел» из политической жизни.

Однако представители большинства центристских, левоцентристских, левых групп в Индии исходили из того, что социализм испы-

тывает глубокий кризис, проходит через сложный этап своего развития. Причины крушения советской модели социализма, по мнению ряда индийских ученых, состояли в том, что в Советском Союзе, несмотря на «величие» идеи и намерений, был создан такой «порядок», который во имя коллективистского мифа отрицал автономию личности, устанавливал превосходство государства над человеком и обществом. Крах советского социализма означал нежелание людей соглашаться с тем, что государство и общество равны. Некоторые индийские политологи говорили даже о «предательстве» идеи социализма в Советском Союзе в том смысле, что социализм в СССР не смог на практике выработать свою собственную привлекательную идентичность, не сумел преодолеть своеобразный комплекс неполноценности, что, в частности, проявилось в его стремлении соревноваться с США на их условиях.

Подвергнув критике практику социализма в Советском Союзе, представители этого направления общественной мысли Индии не воспринимали распад СССР как конец социализма. Они считали, что новый, обновленный социализм в состоянии создать общество, где не будет как оков бюрократического государства, так и жесткого духа потребительства, свойственного капитализму¹¹⁷⁰.

Некоторые индийские политики и ученые полагали нереалистичным, что идеи социализма будут отвергнуты в других странах только по той причине, что они потерпели поражение в СССР. Ведь после раскола в коммунистическом движении, вызванном разногласиями между КПСС и компартией Китая, многие коммунистические партии, в том числе и в Индии, повернулись лицом к проблемам своих стран, вместо того чтобы искать совета извне, поскольку в конечном итоге успех любого политического движения решающим образом зависит от внутренних условий каждой конкретной страны.

События в Советском Союзе и восточноевропейских странах, по мнению ряда индийских аналитиков, показали, что определенная модель социализма оказалась нежизнеспособной. Но была ли она единственно возможной моделью социализма, объективной целью которого является построение гуманного, демократического общества, где общественное благо – движущая сила человеческого поведения? Исследуя причины поражения социализма в СССР, эти авторы пришли к заключению, что величайший ущерб практическому социализму был нанесен отрицанием демократии, что, в свою очередь, было производным от таких концепций, как диктатура пролетариата и демократический централизм. И, тем не менее, несмотря на распад СССР, идея социальной справедливости не утратила своего значения, особенно для развивающихся стран. Этому способствует и то,

что развитые страны до сих пор представляют собой своеобразный эксклюзивный клуб, допуск в который строго охраняется. Те, кто желают вступить в мировую капиталистическую систему, могут этого добиться. Но удастся ли им стать равноправными партнерами? Это может принести процветание «ценою свободы» таким небольшим странам, как Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг, отмечает бывший крупный чиновник правительства Индии Р.Ч. Датт, но не большим государствам вроде Бразилии, Мексики или Индии. В любом случае бедные страны Азии и Африки с их огромным населением имеют мало шансов на это, поскольку капитализм развивается на основе неравенства в распределении сырьевых ресурсов. Любое уменьшение такого неравенства ведет к соответствующему снижению уровня благосостояния в развитых странах, что встречает в них огромное сопротивление. Поэтому интеграция бедных стран в мировую капиталистическую систему возможна преимущественно в качестве младших партнеров¹¹⁷¹.

В этой связи нелишне вспомнить о подходах Неру к этой проблеме, тем более что его наследие до сих пор продолжает оказывать большое влияние на формирование современной общественной мысли. Неру не считал частное предпринимательство в принципе несовместимым с социализмом. Он полагал, что государство должно поощрять частную инициативу во многих сферах, но частные предприятия обязательно должны быть составной частью национальной экономики и соответствующим образом контролироваться государством. Вместе с тем в нынешней Индии эти принципы Неру подвергаются острой критике. Некоторые политики и политологи полагают, что его «фабианский социализм» устарел и не отвечает больше потребностям сегодняшнего дня. Возможно, социализму и присущи благородные идеи, писал один из индийских обозревателей, но в нынешней международной ситуации требуется поменьше таких идей, а побольше практической хватки¹¹⁷².

Ряд индийских ученых критиковал концепцию смешанной экономики и результаты ее применения в Индии. Так, Ч.К. Прахалад считал, что в ходе развития Индия оказалась вне «дисциплины как плановой, так и рыночной экономик, и в лучшем случае может быть названа гибридным рынком, который нередко приобретает худшие черты этих обеих систем»¹¹⁷³.

В целом, однако, большинство представителей демократического направления – центристов, левоцентристов, левых – исходили из того, что социализм представляет собой глобальное явление, существующее во многих проявлениях и не ограниченное рамками нынешних и бывших коммунистических стран. Его судьбы во многом будут

определяться развитием событий в каждой конкретной стране, прежде всего в развивающихся государствах Азии и Африки. Крушение советской системы не означает конца социализма. Говорить так, значит забывать об исторических прецедентах. В 1930-х годах капитализм потерпел катастрофу всемирного масштаба, которая рассматривалась многими как конец капиталистической системы. Но капитализм выжил и окреп в новой форме при помощи социальных мер, направленных на защиту прав и интересов трудящихся и, в известной мере, заимствованных из опыта Советского Союза. Однако в последние десятилетия эти принципы социально ориентированной политики и экономики уступили место жесткой рыночной системе, особенно в США. Стало нарастать социально-экономическое неравенство между людьми и странами, которое достигло невиданных ранее масштабов.

В 2000 г. 1% самых богатых жителей земли располагал 40% всех мировых активов, а 10% богатых жителей (включая и самых богатых) – 85% таких активов. С другой стороны, половина населения земли имела всего лишь 1% мирового богатства. Соотношение доходов 20% богатого населения планеты и 20% беднейшего населения составило в 1960 г. 30:1, а в 2001 г. – 78:1¹¹⁷⁴.

Начавшийся в конце 2008 г. мировой кризис, эпицентром которого стали США, показал, что многие финансово-экономические структуры, сложившиеся после Второй мировой войны, более не соответствовали ни требованиям времени, ни требованиям народов, живущих за пределами «золотого миллиарда».

В то же время в Индии и во многих развивающихся странах проблема социальной справедливости продолжала оставаться актуальной. И это несмотря на то, что в правящей элите сам термин «социализм» почти вышел из употребления и заменен (или подменен) такими понятиями, как равенство или равноправие. В последние годы в общество активно внедряется представление об инклюзивном экономическом росте, который якобы может решить проблемы всех слоев населения снизу доверху. Не случайно, что XI пятилетний план Индии (2008/09–2013/14) ставит задачу именно такого «быстрого инклюзивного роста». Сама по себе эта идея не вызывает возражений. Если реализовать ее должным образом, пишет бывший министр правительства Индии (1996–1998 гг.) Чатуранан Мишра, то инклюзивный рост мог бы стать переходной ступенью к социализму в демократическом обществе¹¹⁷⁵.

Об инклюзивном развитии, которое способствует более равноправному распределению богатства, говорила президент Индии Прадипа Патил в упоминавшемся отчете правительства, представленном парламенту 12 февраля 2009 г. «Когда ребенок в отдаленной деревне,

населенной племенами, сможет ходить в построенную поблизости местную школу, когда он получит необходимое медицинское обслуживание, когда его родители не будут мигрировать в поисках работы, а получают ее на месте, когда у них будет право на обрабатываемую ими землю, и когда они смогут потребовать от правительства отчитаться по всем этим вопросам, тогда можно будет сказать, – подчеркнула президент, – что мы приблизились к целям, которые Джавахарлал Неру поставил перед страной... Хотя мы признаем, что создание инклюзивного общества с равными возможностями для всех граждан все еще находится в стадии развития, мое правительство считает, исходя из результатов его деятельности, что мы существенно продвинулись в осуществлении этих целей»¹¹⁷⁶.

Содержание идеи инклюзивного развития во многом зависело от идеологической и политической приверженности того или иного автора. Так, С.П. Шукла, президент 32-го Индийского конгресса по общественным наукам (декабрь 2008 г.), полагал, что в Индии следует создать «новую инклюзивную платформу», которая будет принципиально отличаться от «инклюзивного роста», предлагаемого доминирующими политическими партиями. Эта платформа должна учитывать требования, вытекающие из условий современной Индии и принципиально изменившейся обстановки в мире. Шукла считает, что в нынешней Индии «лакмусовой бумажкой» инклюзивности являются проблемы наиболее уязвимых слоев – мусульман, далитов и племен. В этой связи нужно предпринять кардинальные меры по обеспечению социального и экономического подъема этих групп населения. Они должны получать предпочтение в вопросах образования и занятости как в государственном, так и в частном секторах. По его мнению, в аграрной сфере требуется проводить социализацию таких базовых ресурсов, как земля и вода, в промышленности – развивать производства, которые увеличивают число рабочих мест и наращивают массовое потребление. Шукла предупреждал, что отказ от такой политики поставит под вопрос не только защиту интересов народа, но и приведет к параличу всего демократического процесса. Следствием этого станет «опасное отступление» от достигнутых ранее завоеваний независимой Индии¹¹⁷⁷.

Впрочем, в стране многое складывалось не лучшим образом для реализации самой инклюзивной модели развития. Об этом, в частности, свидетельствовал доклад «Индия: городская бедность. 2009», подготовленный правительством Индии при содействии Программы развития ООН. В нем отмечалось, что к 2030 г. 50% населения Индии будет жить в городах. Это притом что в них существуют огромные проблемы с занятостью населения, отсутствуют элементарные

удобства для нормальной жизни. В 2001 г. 23,7% городского населения ютилось в трущобах в антисанитарных условиях, без адекватного снабжения водой, электричеством и т.п. Еще хуже обстояло дело в деревнях. В докладе подчеркивалось, что борьба с городской бедностью должна быть направлена прежде всего на улучшение положения самых бедных и уязвимых слоев населения. По мнению министра жилищного строительства и борьбы с городской бедностью Кумари Селджа, главная задача состояла в том, чтобы обеспечить базовые условия для бедноты и жителей трущоб и не допустить, чтобы городская элита захватила эти ресурсы в дополнение к тем богатствам, которыми она уже располагает¹¹⁷⁸.

В сложившейся в Индии социально-экономической ситуации, когда более четверти населения имеет доход менее одного доллара в день, когда сотни миллионов людей живут в нищете, неизбежен поиск и иных путей развития. Именно поэтому многие политики и ученые продолжали научную и политическую дискуссию о новых подходах к социализму в начале XXI в. Некоторые из них считали, что социализм будет оставаться в повестке дня до тех пор, пока существует капитализм, поскольку человечество по-прежнему стоит перед проблемой – каким должно быть общество, которое наиболее полно отвечает интересам большинства.

На этот вопрос Рандхир Сингх, профессор Делийского университета, отвечал следующим образом. На первом месте в гуманном обществе должны быть люди, а не экономический рост. Такое общество не может существовать без обеспечения базовых нужд населения. Но подчинение гуманности воле рынка, капитализма подрывает и разрушает отношения между людьми. В конечном итоге люди становятся менее свободными при диктатуре потребительства, которая создает свои единообразные ценности, в то время как ценности разнообразия, многостороннего развития человека, человеческой свободы исчезают в условиях рынка. Распад Советского Союза не положил конец структурной логике капитализма, которая проявляется в бедности, недоразвитии, недоиндустриализации и эксплуатации в Африке, Азии и Латинской Америке. Он только усилил его эксплуататорскую сущность¹¹⁷⁹. Другие представители такого направления общественной мысли в Индии подчеркивают необходимость переосмысления идей социализма в конкретном историческом контексте, в том числе и в условиях нынешнего всемирного кризиса.

Индийский философ и социолог Дж.Ч. Капур писал, что этот кризис вызван бытующей иллюзией быстрого обогащения, а также ролью олигархов, которые как воронки всасывают в себя все богатства мира. Современный мир, построенный на защищенном оружии

потребительстве, переживает глубокий кризис под грузом материальных и психологических излишеств. Ни оружие массового поражения, ни сверхусердие средств массовой информации не в силах преобразовать его в глобализованный заповедник однополярных олигархий. Должен появиться новый справедливый и жизнеспособный порядок¹¹⁸⁰.

По мнению Амартья Сена, нобелевского лауреата по экономике, индийская экономическая политика не является неолиберальной. Если бы она была таковой, Индия больше бы пострадала от кризиса, начавшегося осенью 2008 г. Тем не менее, главным вопросом, стоящим перед страной, является «адекватное решение первичных проблем несправедливости». «Голод не ушел с приходом демократии, как я ожидал, – сказал Сен. – Но я думал, что другие вопросы, такие как гендерное неравенство и огромное недоедание детей получат больше внимания. Но этого не произошло... Одна из причин того, почему так трудно решаются вопросы недоедания детей, состоит в том, что женщины очень обездолены, даже во время беременности... Гендерное неравенство является одним из базовых вопросов». «Мы можем позаимствовать опыт Кубы в решении проблем здравоохранения и базового образования, но не в области демократии. Есть кое-что, чему мы могли бы поучиться у Америки, но не в сфере здравоохранения для масс населения. Нет такой страны, которая могла бы служить для нас моделью»¹¹⁸¹.

Дискуссия в Индии о путях развития, о судьбах социалистической идеи не утратила своей актуальности. Она концентрируется вокруг вопросов, связанных с оценкой советской модели социализма, китайского опыта, опыта социалистических и социал-демократических партий Европы, теории социализма, индийского опыта реализации идей социальной справедливости, места социалистических идей и практики в будущем развитии этой страны.

Большая часть индийских исследователей и политиков приветствовала происшедшие перемены в бывшем СССР, других странах Восточной Европы в направлении демократизации. И вместе с тем многие из них отдают должное достижениям советского общества, других социалистических стран в обеспечении равноправия, социальной защищенности человека. Так, по мнению профессора экономики в Индийском институте государственной администрации К.Н. Кабра, ни одна из систем не добилась таких успехов в подъеме низов, как социализм. Однако это, к сожалению, сопровождалось «бесчеловечными эксцессами» диктаторов и партийной бюрократии. И, тем не менее, «вряд ли какая-либо другая система внесла столь большой вклад в достижения XX в., как социализм, не-

смотря на все искажения и отступления». Фундаментальное значение имело глобальное воздействие социализма на капиталистические общества, на страны третьего мира, на развитие социальной демократии в целом. В то время как социализм оказывал положительное влияние по многим направлениям на капитализм, последний «сделал все, чтобы разрушить и исказить социализм». Социализм, считает Кабра, проходит через стадию давно назревшего очищения, из которой он выйдет обновленным и окрепшим¹¹⁸².

Мысль о том, что в Советском Союзе и странах Восточной Европы потерпел поражение не социализм, а его определенная модель, содержится в работах многих индийских ученых, документах политических партий и групп. В условиях, когда само понятие «социализм» превратилось в своеобразное пугало, ряд авторов стал приписывать проблемы и беды индийской экономики практике индийского социализма. Такое объяснение во многом связано с подменой сути реальных процессов провозглашенными лозунгами о социальной справедливости и равенстве. Следует еще раз подчеркнуть, что, по существу, индийская экономика никогда не была социалистической. Предприятия госсектора были составной частью капиталистической экономики, планирование осуществлялось в рамках той же экономики в условиях деятельности достаточно мощного и разветвленного частного капитала, который многократно усилил свои позиции за годы независимости. И все это происходило при сохранении и защите государством частной собственности на землю и средства производства.

Достаточно широкий круг политиков и ученых исходил из того, что в Индии в течение всех лет независимости создавалась именно капиталистическая экономика, а происходивший в ее рамках экономический рост не привел к адекватному улучшению жизни большей части населения. И, тем не менее, нельзя отрицать подъема низших социальных слоев, роста вдвое продолжительности жизни, значительного повышения грамотности, вовлечения широких масс в политический процесс на основе демократии, формирование нового соотношения социальных сил, при котором низы начинают играть все более активную роль. Другое дело, что до сих пор остаются нерешенными многие масштабные задачи социально-экономического и культурного развития страны. Именно это и заставляет задумываться над выбором дальнейшего пути. К этому же подталкивает и новая конфигурация политических сил на международной арене и нынешний кризис современного капитализма.

Глава 34

ИНДИЙСКАЯ ДИАСПОРА И ЕЕ ВКЛАД В МОДЕРНИЗАЦИЮ СТРАНЫ

Индийская диаспора – более 25 млн. человек в разных странах и континентах мира – это крупный партнер Индии в ее модернизации и глобализации. Зарубежные индийцы являются энергичными и эффективными посредниками в торгово-экономических, социально-политических и культурных связях между странами их проживания и исторической родиной. Общегодовой доход индийцев, живущих за пределами Индии, в 2004 г. составлял около 370 млрд. долл. Для сравнения: ВВП Индии в 2005 г. был равен 857 млрд. долл.¹¹⁸³

Наиболее динамичная и богатая часть зарубежных индийцев проживает в США, Великобритании и Канаде. Значительное их число также живет и работает в странах Персидского залива, в Малайзии и Сингапуре, в странах Карибского бассейна, в Африке (ЮАР, Кения, Танзания, Уганда), Фиджи и Маврикии и других.

В конце XX в. зарубежные индийцы ежегодно переводили в Индию около 10 млрд. долл. За последние годы ситуация с денежными переводами индийцев-мигрантов существенно изменилась. По данным Всемирного банка, Индия значительно улучшила свои позиции в качестве лидера по получению денежных переводов из зарубежья. Во время кризиса в 2008–2009 гг. денежные переводы индийских мигрантов составили 44 млрд. долл. Это означало, что индийская диаспора во всех странах мира направляла в Индию больше средств, чем зарубежные китайцы в Китай (40,6 млрд. долл.). Большая часть денег переводилась в Индию из развитых стран, в первую очередь из США и Канады. При этом самое большое число переводов приходилось на индийцев, которые работали в этих странах по рабочим визам (Н1-В), преимущественно в информационном секторе и программном обеспечении. Переводы направлялись в Индию как для финансовой поддержки семей мигрантов, так и для накоплений на родине¹¹⁸⁴.

Денежные переводы из зарубежья были важным источником пополнения финансовых ресурсов Индии и ее экономического роста. Они сравнивались с доходами от экспорта программного обеспечения (44 млрд. долл.). Зарубежные индийцы всегда активно участвовали

в совместных с Индией предприятиях, финансировали торгово-экономические проекты в этой стране.

Индийское правительство постоянно уделяло много внимания зарубежным соотечественникам, создавало для них благоприятный торговый и инвестиционный климат в Индии. На собрании представителей индийской общины в Берлине в апреле 2006 г. премьер-министр Индии Манмохан Сингх особо отметил, что зарубежные индийцы являются важными партнерами Индии в процессе глобализации. Он призвал их участвовать «в создании современной и процветающей Индии»¹¹⁸⁵.

Миграция индийцев за рубеж

Миграция из Индии и формирование этнических меньшинств индийского происхождения в странах Центральной Америки, Азии и Африки относятся к XIX – началу XX в. При всех различиях в конкретных причинах миграции в разные страны общим было то, что индийские мигранты XIX в. формировались из законтракованных рабочих, которых стали завозить в эти страны после отмены рабства в британских колониях в 1833 г. Это привело к оттоку с плантаций негров и нехватке рабочих рук. Под давлением плантаторов колониальное правительство в Индии приняло в 1844 г. закон, разрешающий иммиграцию индийцев. К 1921 г. только на Тринидаде число индийских иммигрантов достигло более 120 тыс. – трети населения страны.

На Фиджи иммиграция индийцев началась в 1879 г., и к началу XXI в. там проживало 335 тыс. лиц индийского происхождения – 51% населения страны. Почти аналогичная картина сложилась на острове Маврикий, где индийская община насчитывала около 65% жителей страны.

Индийская эмиграция в Южную Африку в массовом масштабе началась в 60-х годах XIX в. Но еще раньше – в середине XVII в. голландцы привозили индийских рабов в Капскую колонию. К началу XX в. в Южной Африке было более 150 тыс. индийцев, которые своим каторжным трудом на плантациях способствовали тому, что Капская провинция и Наталь стали одними из самых богатых колоний Британской империи. К 1980-м годам в Южной Африке проживало почти 800 тыс. выходцев из Индии. Однако к 1990-м годам их число сократилось до 350 тыс. Большинство индийцев, покинувших Южную Африку под давлением режима апартеида, переместились в Европу.

Торговые и культурные связи Индии с Восточной Африкой (нынешние Кения, Танзания и Уганда) привели к возникновению там индийской колонии задолго до прихода англичан. Но лишь после введения британского колониального порядка миграция индийцев стала массовой. К началу XXI в. в Кении и Танзании насчитывалось по 85 тыс. зарубежных индийцев. А в Уганде, откуда большинство индийцев были выселены при диктаторском режиме Иди Амина, – всего около 15 тыс. Из Восточной Африки индийцы переселялись преимущественно в Великобританию, где их число достигло 200 тыс. В чем-то схожая ситуация сложилась в Малайзии и Сингапуре, где к концу XX в. проживало соответственно 1 млн. 600 тыс. и 200 тыс. индийцев.

После достижения Индией независимости в 1947 г. появление новых независимых государств в бывших британских колониях сопровождалось межэтническими конфликтами и вытеснением из них индийцев. Так, из одного миллиона индийцев в Бирме к концу 1960-х годов осталось около 250 тыс. Остальные индийцы переселились в основном в Индию.

С 1950-х годов в потоке индийской иммиграции на смену неквалифицированной рабочей силе пришли специалисты. При этом миграция проходила преимущественно в развитые страны – Великобританию, Канаду и США. В страны Персидского залива миграция индийцев к началу XXI в. достигла трех миллионов человек.

Главным фактором «выталкивания» иммигрантов из Индии были бедность, безработица и поиски лучшей жизни. Число индийцев в США выросло более чем в два раза за последнее десятилетие XX в. Они стали там третьей крупнейшей «азиатской» группой населения (почти 2 млн. человек в 2005 г.), уступая лишь китайцам и филиппинцам. При сохранении нынешнего роста населения число индо-американцев в первом десятилетии XXI в. может вырасти вдвое¹¹⁸⁶.

Индийские иммигранты в США

Положение индийской диаспоры в США следует рассматривать в общем контексте всей американской социально-экономической, культурной и политической жизни, а также с учетом проводимой государством иммиграционной политики. Америка испытывает нужду в высококвалифицированных специалистах, которую не могут удовлетворить только ее университеты и колледжи. Большинство американцев склонны были рассматривать иммигрантов как источник

пополнения населения страны и укрепления могущества государства. Хорошо известно, что американская культура, как и глобальные интересы США, являются продуктом этнического многообразия, которое связывает США с разными регионами мира и превращает иммиграцию в своеобразный инструмент внешней политики. Кроме того, многие американцы полагают, что, общаясь с детьми иммигрантов в школах, их сыновья и дочери выходят за рамки своеобразного «местечкового» восприятия жизни, расширяют свое видение мира.

В свою очередь, представители делового мира настаивают на сохранении больших квот квалифицированных иммигрантов. Так, во время ежегодных дебатов в Конгрессе США по вопросу о временных рабочих визах (H1-B) для иностранцев крупные предприниматели из Силиконовой долины неоднократно доказывали необходимость приглашения по этим визам специалистов по программному обеспечению.

Первая большая волна иммиграции, по существу, началась после принятия Конгрессом в 1965 г., наверное, самого важного в истории Америки иммиграционного закона, который подготавливался с 1952 г., когда президентом США был Гарри Трумэн. Подписанный уже президентом Линдоном Джонсоном, новый закон отказывался от дискриминационных ограничений в иммиграционной политике, которые до этого давали огромные преимущества иммигрантам из Великобритании, Германии и Ирландии. Одновременно было почти удвоено число иммигрантов – со 154 до 290 тыс. человек ежегодно. Этот закон устранил квоты для отдельных стран и сместил основной акцент на воссоединение семей, хотя и сохранил иммиграцию работников, обладающих высокой квалификацией. Закон об иммиграции 1965 г. в буквальном смысле отворил ворота для людей, желающих работать и жить в США. Воссоединение семей (в том числе многочисленных семей с Востока) стало тем механизмом, который привел к неожиданному росту иммиграции. В первую очередь это касалось политических беженцев из Южного Вьетнама в 1970-е годы, затем кубинских иммигрантов в 1980-е годы, а вслед за ними тысяч иммигрантов из Центральной Америки и Мексики. В этом потоке индийцы занимали тогда довольно скромное место. Не очень многочисленная индийская диаспора использовала разнообразные приемы и зацепки, чтобы пополнять свои ряды. На первом месте – это воссоединение семей и создание новых. Одинокие индийцы – граждане США или обладатели права на жительство – со временем привозили своих жен или мужей из Индии, а вслед за ними и их родственников.

Реагируя на складывающуюся ситуацию, Конгресс США принял закон об иммиграционной реформе и контроле 1986 г. и закон об иммиграции 1990 г. Предпринимались усилия, направленные на прекращение главным образом нелегальной иммиграции. Число же легальных иммигрантов, на основании закона 1990 г., было увеличено до рекордного уровня в 825 тыс. человек.

Первая большая волна индийских иммигрантов прибыла в Америку в середине 1960-х годов в разгар Вьетнамской войны. Тогда в США выявилась острая нехватка врачей, так как многие из них были призваны обслуживать огромный контингент американских военнослужащих во Вьетнаме. Власти США в поисках медиков обратили свой взор на Индию, которая была широко известна квалифицированными врачами, завоевавшими авторитет во многих странах, в первую очередь в Великобритании. К тому же, и это не самое последнее обстоятельство, они знали английский язык, на котором проходило обучение в медицинских колледжах. Предложения переехать в США направлялись не только опытным врачам. В 1964 г. по договоренности с правительством Индии многие выпускники ведущих медицинских колледжей получили приглашение на работу в Соединенных Штатах.

Предлагалась упрощенная процедура оформления документов на жительство в США (так называемых зеленых карт), выдавался кредит на проезд до места назначения (с погашением из последующей зарплаты), предоставлялось постоянное место работы. Правда, не обходилось без проверки на благонадежность – требовалось предъявление справки из местной полиции о том, что приглашаемые не связаны с экстремистскими, террористическими и подобного рода организациями.

За индийскими врачами последовали представители других профессий и специальностей, преимущественно люди с высшим образованием, многие из которых имели ученые степени и звания.

Вторая крупная волна индийской иммиграции в США была связана с развитием информационных технологий, программного обеспечения для компьютеров. Ее пик пришелся на 1990-е годы¹¹⁸⁷. Индийцы в США добились немалых успехов. Их средний доход на 25% выше среднеамериканского. Почти все индийцы владели собственным домом. Около 65% индийцев имели высшее образование (при среднем показателе в США 23%). Более 60% индоамериканцев были заняты на должностях менеджеров и высококвалифицированных специалистов. Индо-американцы – это программисты, врачи, биологи, юристы, финансисты, журналисты, научные работники. Среди них преподаватели точных наук в университетах и

колледжах, а в последнее время и в средних школах, большое число бизнесменов, связанных не только с высокими технологиями, но и более «земным» бизнесом – торговлей, содержанием гостиниц, мотелей, ресторанов, аптек и т.п. Индо-американцы владеют 15% новых фирм в Силиконовой долине в Калифорнии, составляют 10–12% всех врачей США, контролируют около 40% американского гостиничного бизнеса¹¹⁸⁸.

Значительное число индо-американцев избирались и назначались в федеральные и местные законодательные органы. Индийские предприниматели и профессионалы сформировали влиятельное политическое лобби, в том числе и в Конгрессе США, которое нередко выступает в защиту интересов Индии. В целом индийская община сумела утвердить себя как трудолюбивая, законопослушная, благополучная, зажиточная часть американского общества, пользующаяся заметным авторитетом среди представителей разных этносов и культур.

Наибольшего успеха индо-американцы добились в информационных технологиях. Созданные ими компании в этом секторе оценивались в 300 млрд. долл. на бирже по индексу NASDAQ. Только в Силиконовой долине в Калифорнии проживали тысячи индийских миллионеров. Большинство из них было занято информационным бизнесом, в том числе программным обеспечением для компьютеров. Получившие высшее образование в Индии молодые специалисты широко использовали свои семейно-родственные связи, чтобы обосноваться в Америке. Прибыв туда по рабочей визе или женившись на индианках, имевших американское гражданство или вид на жительство, они динамично встраивались в систему деловых и общественных отношений США. Связь со своей общиной в Индии и Америке, знание английского языка помогли избежать «культурного шока», который нередко испытывают иммигранты из других стран¹¹⁸⁹.

Залог успехов индийских иммигрантов

Успехи индийских иммигрантов в США, особенно последней волны, были прямо связаны с достижениями Индии в области высшего образования, в том числе в математике. Последние два-три десятилетия около 150 тыс. специалистов ежегодно заканчивали индийские университеты и колледжи. В стране активно развивались наукоемкие информационные технологии, программное обеспечение и компьютерная техника. Индийцы-иммигранты в полной мере использовали этот потенциал, подключая к работе в своих компаниях инженеров, живущих в Индии.

Развитие высоких технологий в Индии сопровождалось образованием многочисленных фирм, преуспевающих на этом поприще. Своя индийская «Силиконовая долина» появилась в Бангалоре, штат Карнатак. Достижения Индии в этой области нашли свое выражение в том, что 140 из 500 крупнейших компаний мира используют индийское программное обеспечение¹¹⁹⁰.

Успехи Индии в программном обеспечении привлекли внимание таких компьютерных грандов, как Майкрософт, который создал свой Центр развития в Хайдарабаде, штат Андхра-Прадеш. В сентябре 2000 г. Билл Гейтс и глава индийской фирмы Infosys Technologies Нараяна Мурти подписали соглашение о сотрудничестве в области информационных технологий, использовании интернета для продажи товаров, финансового обслуживания и страхования. Обе компании вели совместную работу по расширению индийского компьютерного рынка, в частности по созданию программного обеспечения на хинди и других индийских языках¹¹⁹¹.

Сам Нараяна Мурти считал, что главным рынком индийского программного обеспечения были США (60–70% получаемых этой отраслью доходов). Для обеспечения дальнейшего развития на этом направлении Infosys Technologies создала свои центры в Калифорнии и Массачусетсе. Однако она не ограничивала свою деятельность только Америкой, а расширяла свой рынок в Европе и Японии. Филиалы Infosys Technologies были открыты в Канаде, Германии, Швейцарии, Швеции, Японии, Австралии¹¹⁹².

Было бы в высшей степени наивным представлять дело таким образом, что все индо-американцы – только суперчемпионы и миллионеры в высоких и наукоемких технологиях. Все-таки большинство из них заняты обычными делами, нужными каждой стране и каждому городу. Они в разных долях присутствуют во многих сферах американской деловой и общественной жизни. И вместе с тем есть специфические области приложения их труда и таланта. Во многом они связаны с традиционными занятиями их семей в самой Индии. Так, приверженцы учения Махавиры джайны принесли на свою новую родину изготовление и торговлю ювелирными изделиями – одно из занятий, которыми они славились в течение многих веков. Высокий профессионализм в этом бизнесе в сочетании с сохраняющимися тесными контактами с Индией – крупнейшим потребителем ювелирных изделий из золота и драгоценных камней, позволяет им успешно конкурировать с другими предпринимателями.

Склонность индийцев к занятиям юриспруденцией, в основе которой лежат британские принципы права, помогает им достаточно свободно ориентироваться в американском законодательстве и самим

влиться в огромную когорту американских юристов. Да и сами индийцы в США охотнее прибегают к услугам своих соотечественников – адвокатов, без которых в этой стране не ступишь ни шагу. Особенным успехом пользуются индийские юристы, специализирующиеся на вопросах, связанных с иммиграцией.

Некоторое представление о том, чем заняты индийцы в Америке, дает реклама одного из банков, управляемых индийцами. Банк объявляет, что кредиты на сумму до 1,5 млн. долл. с рассрочкой до 25 лет выдаются на приобретение гостиниц, мотелей, бензоколонок, ресторанов, химчисток, магазинов и иных подобных заведений¹¹⁹³.

Одна из сфер, в которой индоамериканцы успели проявить себя как умелые бизнесмены, – обслуживание мотелей и небольших гостиниц. Объемы этого бизнеса можно представить, исходя из огромного количества дорог, пересекающих Америку вдоль и поперек, и еще большего числа путешествующих на всех видах транспорта, особенно в автомобилях. Многие из мотелей в ряде районов страны принадлежат индийцам, которые нередко управляют ими на основе своеобразного «семейного подряда». Не прибегая к наемному труду, большая семья, в состав которой входят не только родители, но и несколько сыновей с женами и детьми, полностью обеспечивает обслуживание клиентов и поддержание порядка в мотеле или гостинице. Все работают, не считаясь со временем и выходными днями, но зато весь доход идет в общую семейную копилку и активно используется для расширения бизнеса.

В некоторых американских штатах этот бизнес стал своеобразной монополией выходцев из индийского штата Гуджарат, принадлежащих к касте пателей или патидаров – традиционных сельских старост. Видимо, поэтому индийцы, которым не откажешь в юморе, ввели в обиход неологизм, добродушно назвав это явление «мотель-отель-патель». Сами владельцы мотелей и гостиниц рассматривали это скорее как рекламу и продолжали упорно трудиться и рачительно вести хозяйство, не отвлекаясь на развлечения. Они наращивали капитал, скупали старые мотели, модернизировали их и в пик туристического сезона продавали с большой для себя выгодой.

Ресторанный бизнес был для индийцев таким же естественным в Америке, как и на родине. Просторные или крошечные индийские рестораны и кафе разбросаны почти по всем городам и весям США, особенно в тех местах, где сосредоточены иммигранты из Индии. Этот бизнес также во многом базировался на семейно-родственных связях.

По мере разрастания сети индийских ресторанов и магазинов, возникла необходимость в поставке привычных для индийцев товаров и продуктов из Индии и других стран, например риса, специй,

манго и т.п. Появились компании и фирмы, которые занялись этим делом. Одной из них была Раджа Фудс, имевшая свои крупные упаковочные предприятия и складские помещения в Ахмадабаде, Мумбаи (Бомбее), Нью-Йорке и Чикаго. Компания успешно развивалась – к 2000 г. ее оборот достиг 30 млн. долл. в год. Как и во многих других случаях, весь бизнес в ней был построен на родственных и клановых связях¹¹⁹⁴.

Таким образом, по своей сути индийская иммиграция в Америке – сугубо экономическое явление. Отсюда и ее главные проблемы, особенно на первом этапе: адаптация на новом месте работы, домашнее обустройство, вживание в иную социально-культурную среду. Одновременно возникало много вопросов, связанных с интеграцией в американское общество.

Индийская диаспора с ее глубокими многоконфессиональными и полиэтническими традициями жила и действовала в условиях такой же многоконфессиональной и полиэтнической американской действительности, осложненной к тому же расовыми отношениями. В середине 1960-х годов, когда первая волна индийцев начала прибывать в США, эта страна проходила через болезненный этап освобождения и очищения от жесткой расовой дискриминации, которая затронула и их. Именно тогда во время выступлений афро-американцев за свои права, пиком которых стало убийство в 1968 г. их лидера Мартина Лютера Кинга, и были приняты законы, направленные на утверждение расового равенства. Об этом говорил в своем выступлении 17 июля 2009 г. президент США Барак Обама. Он подчеркнул большие достижения в этом вопросе, но вместе с тем отметил, что «до сих пор сохраняется слишком много барьеров...». Боль дискриминации до сих пор ощущается в Америке¹¹⁹⁵.

За прошедшие годы ситуация во многом изменилась. Прежде всего, появилось новое поколение рожденных уже в США индо-американцев. В условиях гетерогенного американского общества с его огромным многообразием, каждая составная часть которого так или иначе гордится своим историческим прошлым, совершенно нормальным является подчеркивание своей духовной или семейно-родственной связи с исторической родиной. Это касается всех – британцев, ирландцев, немцев, китайцев, русских (под которыми понимаются все выходцы из СССР и России) и других.

Индийцы не являются исключением, тем более что за их спиной тысячелетняя, огромная и многообразная культура и цивилизация. Обращение индийских иммигрантов к своим корням выглядит вполне естественным и логичным и в условиях сегодняшней Америки не вызывает недоуменных вопросов.

Американская писательница индийского происхождения Бхарати Мукерджи вела курс мировой литературы и мастерскую по литературному творчеству в университете Беркли в Калифорнии. По ее наблюдениям, во время бесед со студентами – индо-американцами – она слышит «внутренний голос» молодых людей, рожденных и воспитанных в США и практически ставших американцами во многих своих ипостасях. И, тем не менее, они пытаются найти свои корни в прошлом, которое их родители оставили в 1960-е и 1970-е годы в Индии и направились в Америку, чтобы там учиться, работать и жениться¹¹⁹⁶.

Стремление к сохранению традиций в индийской диаспоре в США находит свое проявление в создании индуских храмов, обществ Веданты (начало которым положил выдающийся религиозный реформатор Свами Вивекананда еще в конце XIX в.), а также многочисленных ассоциаций на основе этнического и языкового единства.

Помимо отправления религиозных обрядов и церемоний, индуские храмы в Америке занимаются и религиозно-просветительской деятельностью, обращая особое внимание на привлечение молодежи и разъяснение ей сути индуизма. Во многих городах США они стали центром общения индусов и возрождения обычаев индуизма. Для этой цели используются не только сами храмы, но и создающиеся при них комплексы с культурными центрами.

В условиях многоконфессионального американского общества стремление сохранить свою индускую идентичность не означает противопоставления другим религиям. Одной из особенностей культурно-религиозной деятельности индуских храмов и расположенных рядом с ними индийских культурных центров является проведение мероприятий с участием представителей разных вероисповеданий.

Большую работу по пропаганде индуизма среди индийских американцев проводят центры и общества Веданты, Миссии Рамакришны в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго, Сиэтле, Бостоне, Сент-Луисе и других городах. Центры Веданты занимаются религиозно-просветительской деятельностью, и в этой связи издают значительное число книг и брошюр. Открытые для всех, они, как правило, включают в себя храм и библиотеку для своих членов. На службу в храм, беседы со свами – духовным наставником – приходят не только индийцы, но и другие американцы. В некоторых храмах в качестве наставников служат американцы неиндийского происхождения, принявшие посвящение в монашеский сан в Миссии Рамакришны в Белур Матхе близ Колкаты (Калькутты).

Одна из главных идей, которая проповедуется в этих центрах, состоит в том, что Веданта не является эксклюзивной религией. Она придерживается всеобщей духовной истины, которая лежит в основе

всех религиозных доктрин. В качестве таковой она представляет собой общую основу или фундамент всех религий. Веданта не настаивает на каких-либо догмах. Она исповедует духовные принципы, общие для большинства религий. Учение Веданты обращено ко всем людям, вне зависимости от расы, национальности или религиозной приверженности. В издаваемых обществами Веданты работах подчеркивается, что они выполняют две главные миссии. Первая – помогать отдельным людям в их духовном развитии. Вторая – содействовать взаимопониманию и уважению среди последователей различных религий.

Духовные наставники обществ Веданты подчеркивают также, что они приехали из Индии не как миссионеры, а по приглашению отдельных лиц или групп, интересующихся Ведантой. Что они являются не профессионалами, а духовными гуру, ведущими монашеский образ жизни. Они не получают заработной платы, а зависят от добровольных подношений. Их работа целиком финансируется американскими последователями и друзьями. Особо отмечается, что деятельность обществ Веданты не преследует своей целью отделить приверженцев Веданты в культурном, национальном или социальном плане от других групп населения¹¹⁹⁷. Немалую роль в объединении индийских американцев играют общественные ассоциации представителей разных индийских этносов, живущих в Америке. В свою очередь, эти этнические организации входят в Федерацию индийских ассоциаций.

Индо-американцы объединяются как на этнорелигиозной, так и на профессиональной основе. Например, хорошо известны своей активностью две крупные медицинские организации индийцев – Association of American Physicians from India (Ассоциация американских врачей из Индии – ААВИ) и Indian Medical Association (Индийская медицинская ассоциация). Главные задачи этих ассоциаций – оказание бесплатной медицинской помощи индийцам в США и Индии. Для этой цели создаются клиники в обеих странах. В конце XX в. ААВИ управляла 13 клиниками в Индии и планировала распространить свою деятельность на все крупные города.

В США действует также Global Organization of People of Indian Origin (Всемирная организация людей индийского происхождения), которая ранее занималась вопросами нарушения прав индийцев во всем мире. В настоящее время она сосредоточивает усилия на создании благоприятных возможностей в бизнесе для индийцев – выходцев из Индии, Маврикии, Тринидада и Тобаго, Гайаны, Фиджи, Суринама и других стран.

Заметную роль в жизни индийской диаспоры в США играют издающиеся в крупных американских городах на английском и индий-

ских языках такие газеты, как «India Tribune», «India Post», «India West», «India Abroad» и ряд других.

Постоянная связь с Индией индийской диаспоры поддерживается и большим интересом к Америке со стороны индийских бизнесменов, общественных и культурных деятелей, а также политиков. Они используют контакты с индийскими американцами для развития деловых и политических отношений с США. Индийская диаспора является важным инструментом укрепления связей между двумя странами¹¹⁹⁸.

Индо-американцы постепенно вовлекаются в активную политическую жизнь США. На местном уровне, в отдельных городах и штатах некоторые из них участвуют в избирательных кампаниях в качестве кандидатов на выборные должности. На общенациональном уровне роль индо-американцев пока ограничивается преимущественно сбором средств в пользу политических партий и их кандидатов¹¹⁹⁹.

Все это, вместе взятое, позволяет говорить о том, что молодая индийская диаспора в Америке продолжает сохранять свою самобытную идентичность. Но было бы сильным преувеличением утверждать, что процесс ассимиляции не затронул ее. Особенно наглядно это проявляется среди тех индийцев, которые родились, учились и выросли в США. Ассимиляция, видимо, является одним из необходимых условий успеха в Америке. Знание специфических особенностей американской культуры, деловой жизни дает ключ к продвижению вперед в условиях жесткой конкурентной борьбы. И это касается не только индийцев, но и всех других иммигрантов. Рыночная экономика, потребительская психология, общепринятые в Америке нормы поведения не могут не оказывать огромного влияния на жизненный уклад любой диаспоры.

Этносоциальная интеграция индийских иммигрантов в США облегчается тем, что у разных общин (гуджаратцев, бенгальцев, телугу, тамили и других) нет общего языка, кроме английского. Поэтому билингвизм (родной язык плюс английский) подавляющего большинства индийских иммигрантов не мешает этой интеграции.

Родной язык остается средством общения в семье или в этнической общине. Но поскольку рамки такой общины крайне неустойчивы и подвергаются эрозии в процессе общения с другими американцами, в том числе и индийцами – носителями другого языка, этноязыковая изоляция, по сути дела, становится невозможной как внутри самой индийской диаспоры, так и в американском обществе в целом. Среди индо-американцев нередко встречаются случаи межнациональных браков. Индо-американцы во втором и тем более третьем поколении все более подвержены аккультурации, в процессе которой традици-

онная культура этноса все более размывается. Для многих индо-американцев общим является принадлежность к одной религии – индуизму. Но за пределами этого важного сплачивающего фактора остаются индийские джайны, мусульмане, сикхи. А это ослабляет консолидирующую роль религии.

Заинтересованность Индии в связях с диаспорой

Индия активно развивала связи с индийской диаспорой, которая играет значительную роль в экономической и общественной жизни Америки, Великобритании, Канады и ряда других стран, а также в их отношениях с Индией. Она является важным инструментом укрепления связей между странами ее проживания и Индией. Индийские общины за рубежом достаточно успешно лоббируют интересы Индии в торговле, экономике и политике. В свою очередь, для стран проживания индийская диаспора является важным рычагом развития связей с Индией и оказания влияния на ее экономическую и политическую элиту. Индийская диаспора остается одним из инструментов укрепления влияния Индии за рубежом.

По мере роста численности индийских эмигрантов правительство Индии стало уделять большое внимание работе с диаспорой по всему миру. В 2000 г. был создан представительный комитет по вопросам диаспоры во главе с видным общественным деятелем Л.М. Сингхви, перед которым была поставлена задача проанализировать широкий круг вопросов, связанных с ее нынешней и будущей ролью в экономическом, социальном и технологическом развитии страны.

Члены комитета посетили 20 стран, где обсуждали с представителями индийской диаспоры вопросы расширения сотрудничества по многим направлениям. По результатам этих поездок был подготовлен обстоятельный доклад, содержащий предложения и рекомендации правительству Индии по укреплению связей с лицами индийского происхождения, проживающими за рубежом. Главный вывод, к которому пришел комитет, сводился к тому, что индийская диаспора всегда была важным фактором в развитии отношений Индии со странами ее проживания. Она располагает большим потенциалом для сотрудничества с Индией, в том числе в становлении страны в качестве «супердержавы знаний». Диаспора также является одним из инструментов распространения достоверной информации об Индии среди общественности стран ее пребывания.

Комитет предлагал усилить политическое взаимодействие со странами, в которых присутствует значительная и влиятельная

индийская диаспора. Рекомендовалось уделять внимание развитию торговых, экономических и культурных связей с этими странами. Указывалось на целесообразность учреждения наград для зарубежных индийцев, признания заслуг выдающихся представителей диаспоры, в том числе путем наименования в их честь улиц, школ, библиотек. На основе рекомендаций комитета в Индии были созданы министерство по делам зарубежных индийцев и влиятельная организация по делам диаспоры во главе с премьер-министром в качестве ее председателя, а также сформирован в парламенте постоянный комитет по этим же вопросам, который поддерживает связи с парламентариями индийского происхождения в разных странах.

Конструктивная роль диаспоры, ее достижения и вклад в развитие отношений с Индией достойно отмечаются в стране, в частности, проведением Дня индийских мигрантов в январе каждого года. Начало таким крупным мероприятиям было впервые положено в 2001 г. В Дели состоялась международная конференция Всемирной организации выходцев из Индии, на которой с приветствием выступил премьер-министр Индии.

В первое десятилетие XXI в. была проведена большая работа по совершенствованию контактов с индийской диаспорой, привлечению ее к активному участию в торгово-экономических и культурных связях с Индией. В частности, были разработаны меры по облегчению для ее представителей паспортных и таможенных процедур при въезде в Индию; по оказанию юридических услуг для индийцев, направляющихся за рубеж; по пропаганде индийской культуры и языков за рубежом, особенно среди молодежи.

Министерство по делам зарубежных индийцев уделяло большое внимание использованию их ресурсов для увеличения инвестиций в Индию, развития торговли, экономики и туризма. Создавались специальные экономические зоны, предназначенные для зарубежных индийцев, а также системы «одного окна» по оказанию им консультативных услуг в этой связи.

Большое внимание уделялось связям с зарубежными индийцами в сфере образования. Предпринимались меры по привлечению ученых и преподавателей из числа индийских мигрантов на работу в учебные заведения и научные центры Индии. Разрабатывались также планы по приглашению на учебу в Индии молодежи индийского происхождения. Одним из направлений в работе с иностранцами индийского происхождения стало использование средств массовой информации, контролируемых индийскими мигрантами, – газет, журналов, радиостанций, телевидения и интернета для инфор-

мирования общественности зарубежных стран об индийской культуре, достижениях и проблемах Индии.

Проводилась работа по созданию в Индии Дома индийских мигрантов с библиотекой, постоянной выставкой о жизни зарубежных индийцев, их успехах и трудностях. На крупном мероприятии «Дни индийских мигрантов» 7–9 января 2009 г. в Ченнаи присутствовало около 1500 делегатов из разных стран, представлявших 25 млн. зарубежных индийцев – граждан и неграждан Индии. О значении этого события свидетельствовало и то, что в нем приняли участие президент Индии Пратибха Патил, премьер-министр Манмохан Сингх, министры правительства, крупные промышленники и предприниматели, деятели науки и культуры из Индии, США, Канады, Великобритании, Малайзии, Таиланда, Сингапура и других стран. Главная тема этого, седьмого по счету, мероприятия такого рода получила отражение в названии «Вовлечение диаспоры – продвижение вперед». Основное внимание было сосредоточено на обсуждении проблем, связанных с вкладом индийской диаспоры в растущее влияние Индии в мире, определении путей участия диаспоры в процессе развития страны. Большое значение придавалось вопросу стимулирования инвестиций зарубежными индийцами в экономику Индии в условиях всемирного финансового кризиса, особенно в такие отрасли, как информационные технологии, автомобильная и текстильная промышленность¹²⁰⁰.

В выступлении президента Индии Патил подчеркивалась мысль, что и в условиях мирового кризиса страна располагает возможностями придерживаться курса на экономический рост и предлагает инвестировать в ее устойчивую, растущую экономику. Зарубежные индийцы могли бы успешно вкладывать капиталы в индийскую инфраструктуру. Президент отметила, что индийские мигранты каждый год переводят в Индию значительные суммы. Министерство зарубежных индийцев должно рассмотреть вопрос, как лучше использовать эти средства для инвестирования в экономику¹²⁰¹.

Возвращение индийских эмигрантов на родину

В начале XXI в. многие индийские эмигранты стали возвращаться на родину. Особенно много индийцев приехало в Индию после 2006 г., когда правительство страны выпустило карту «Зарубежные граждане Индии», которая предлагала иностранцам индийского происхождения безвизовый въезд в Индию для проживания и работы в ней. К июлю 2008 г. более 280 тыс. индийских иммигрантов получили эти карты, в том числе 120 тыс. в США.

Один из бывших индийских иммигрантов в США Ананд Гиридардас в статье с символическим названием «Индия зовет» рассказал о причинах, побудивших его и многих других иммигрантов вернуться в Индию. Его родители в 1970-х годах отправились в США в поисках лучшей жизни. Им удалось многого добиться в новой для них стране. Однако их сын Ананд, родившийся в Америке, решил еще в 2003 г. отправиться в Индию, чтобы работать и жить там. Он объяснял причины отъезда из США следующим образом: «В то время как Индия динамично развивалась, Америка постоянно спотыкалась – 11 сентября 2001 г., Афганистан, Ирак, ураган Катрина, сокращающиеся нефтяные ресурсы, аутсорсинг, финансовый кризис. И если в США – кризис доверия, то в Индии оптимизм в отношении будущего». Если раньше можно было говорить об «утечке мозгов» из Индии, то теперь более точным стало выражение «циркуляция мозгов». Многие из нас почувствовали перемену, притягательную, необычайную силу Индии. И мы вернулись. «Мы, индо-американцы, – пишет Ананд, – хотим заново открыть себя, снова почувствовать себя индийцами»¹²⁰².

Возвращение индийских эмигрантов из США в Индию получило новый импульс в условиях всемирного кризиса 2008–2009 гг. В этой связи представляет интерес исследование «Америка теряет – мир приобретает» Вивека Вадхава, профессора Юридического факультета Гарвардского университета и Университета Дьюка, опубликованное 2 марта 2009 г. В нем рассматриваются мотивы отъезда из США в Индию более 500 индийцев. Если в начале 2000-х годов большая часть индийских студентов планировала остаться в Америке на работе в течение нескольких лет, то к 2009 г. ситуация принципиально изменилась. Ухудшение экономического положения в США привело к тому, что много индийцев пожелало вернуться домой.

Помимо карьерных соображений, важным фактором возвращения в Индию были условия их жизни на родине. Большинство из них считало, что качество их личной жизни в Индии не уступало американскому. Многие индо-американцы считали, что карьерные перспективы для них в Индии лучше, чем в США, и спрос на их знания был существенно выше. Они быстрее продвигались вверх по профессиональной и служебной лестнице¹²⁰³.

К этому следует добавить, что за последние годы в Индии активно развивались высокие технологии, в том числе информационные. Индия стала одним из крупных экспортеров компьютерного обеспечения. Одновременно с расширением этого сектора рос и спрос на квалифицированные кадры. «Отток мозгов» из Индии в развитые страны изменил вектор движения в обратную сторону в начале XXI в.¹²⁰⁴

Рост индийского среднего класса и укрепление его социальных и экономических позиций могут способствовать «оседанию» индийских «мозгов» в Индии. Однако в условиях глобализации, большой социальной и экономической мобильности этого класса, накопленного им опыта международного общения, немалых острых проблем в самой Индии, включая демографическую, вряд ли можно ожидать, что индийцы будут ограничивать свою деятельность только пределами родины. Каждый шестой человек в мире – это индиец. И естественно, что они будут и дальше искать возможности приложения своего труда и знаний вне Индии. Какие масштабы и формы примет миграция индийцев в будущем, зависит от социально-экономической ситуации как в Индии, так и в странах нынешнего и потенциального распространения индийской диаспоры.

Третья часть

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ

«Неприсоединение – это национальная независимость и свобода. Наше движение выступает за мир и за предотвращение конфронтаций. Его цель состоит в том, чтобы держаться в стороне от военных союзов. Оно подразумевает равенство между странами и демократизацию международных отношений, как экономических, так и политических». – Индира Ганди, 1983 г.¹²⁰⁵

После достижения независимости Индия начала активно участвовать в международной деятельности. Особая роль в этом принадлежала Джавахарлалу Неру, который еще в качестве вице-премьера и министра иностранных дел Временного правительства инициировал шаги по установлению дипломатических отношений с рядом ведущих стран. В 1946 г. такие отношения были установлены с Китаем, Советским Союзом, США, в 1947 г. – с Францией, Бельгией, Швецией и другими странами. Индия почти сразу вошла в мировое сообщество как крупный его участник и постепенно начала наращивать свое международное влияние. После двухвекового колониального господства она должна была утвердить себя в качестве независимого государства, способного существенно влиять на международные дела, и немало сделала в этом направлении.

Глава 35 ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ

Индия в Движении неприсоединения

В первые годы независимости внешняя политика Индии формировалась под большим влиянием внутренних факторов. Они были связаны с решением масштабных задач строительства независимой

страны, в первую очередь с ликвидацией массовой бедности и неграмотности, созданием промышленной и аграрной инфраструктуры, обеспечивающей поступательное развитие Индии. Во внешней сфере это были поиски и определение достойного места страны в мире после окончания Второй мировой войны и крушения мировой системы колониализма, что обеспечило бы Индии благоприятные внешние условия для устойчивого стабильного развития.

В итоге первое правительство Индии во главе с Неру выработало принципиально новую концепцию позитивного нейтралитета, фундаментом которого стало неприсоединение Индии к двум противостоящим мировым блокам, возглавляемым СССР и США. Индия заявила о неприсоединении в качестве ключевого элемента своей внешней политики. Это означало, что она не будет вступать в военные блоки или тесно сближаться с тем или иным лагерем в начавшейся холодной войне. Однако неприсоединение Индии не означало ее отстранения от мировых дел. Наоборот, имелось в виду, что она должна активно участвовать в мировой политике, выступая в важной роли лидера Азии и всех неприсоединившихся стран. В эти годы Индия проявила себя как борец против колониализма и империализма, за мир, стабильность и мирные перемены. По мнению Неру, Запад был прямо связан с колониализмом и империализмом. Кроме того, социалистические идеи Неру входили в известное противоречие с капитализмом. Однако он не мог не учитывать, что Запад, прежде всего США, располагал большими экономическими и военными ресурсами, а также одобрительно относился к усилиям Индии в развитии демократии.

Советский Союз имел определенное преимущество в глазах Индии, поскольку не был связан с наследием колониализма и империализма. Он выдвигал идеи, которые были во многом созвучны с представлениями многих индийцев о направлении развития их страны в 1950–1960-е годы. СССР не рассматривался ими как угроза и, более того, мог выступать как противовес Западу, а позже и Китаю¹²⁰⁶.

Независимость от колониализма создала условия для зарождения Движения неприсоединения (ДН). Еще в 1946 г. Неру говорил о решимости Индии «держаться в стороне от блоков или группировок, заключающих союзы друг против друга, которые в прошлом приводили к мировым войнам и которые могут вновь повлечь катастрофы в еще более широких масштабах». Он также предупреждал: как только «иностранные дела выходят из-под вашего контроля и попадают под контроль кого-то другого, в такой же степени и в таких же масштабах вы теряете независимость...». Поэтому, продолжал Неру, мы и впредь будем считать принципом нашей политики

необходимость держаться в стороне от союзов, но стараться создавать возможности для дружественного сотрудничества. «Наш подход ко всему миру зиждется на дружественной основе»¹²⁰⁷.

На Конференции по отношениям между странами Азии (март 1947 г., Дели), в которой приняли участие представители советских республик Средней Азии, Неру заявил, что Индия будет сотрудничать со всеми странами и народами в укреплении дела мира, свободы и демократии. Эти принципы внешней политики неоднократно подтверждались как самим Неру, так и другими руководителями Индии.

Созданию Движения неприсоединения предшествовали события, связанные с освобождением от пут колониализма большого числа государств Азии и Африки, укреплением их независимости, стремлением этих молодых государств к объединению. Крупным шагом в этом направлении было проведение в апреле 1955 г. Бандунгской конференции, в которой приняли участие 29 стран Азии и Африки. Выступая в индийском парламенте по итогам этой конференции, Неру сказал, что в Бандунге был осужден колониализм в общепринятом смысле, то есть господство одного народа над другим. Вместе с тем Бандунгская конференция обсудила и другие важные вопросы, такие как проблемы зависимых народов, экономическое и культурное сотрудничество между ними, вопросы борьбы за мир и сотрудничество между странами¹²⁰⁸.

К началу 1960-х годов холодная война вступила в активную стадию. Не случайно, что на XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1960 г.) Неру, Нкрума (Гана), Насер (Египет), Сукарно (Индонезия) и Тито (Югославия) совместно внесли резолюцию, призывающую США и СССР «найти решение нерешенных проблем». Позже в ООН была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Это стало началом появления в ООН, а затем и в мировом сообществе новой силы, которая позже оформилась в Движение неприсоединения.

В сентябре 1961 г. в Белграде, Югославия, состоялась первая конференция Движения неприсоединения, в которой участвовали 25 государств. Одним из главных организаторов этой конференции была Индия. Белградская декларация ДН выступила в поддержку деколонизации, против расового неравенства, за мир и разоружение, по существу – за неучастие в холодной войне. Декларация потребовала устранить наследие колониализма и империализма – экономическое неравенство между странами, указала на растущий разрыв в уровне жизни немногих богатых стран и большинства развивающихся государств. Страны – учредители ДН также заявили о необходимости расширения членства Совета Безопасности ООН.

Впоследствии на конференциях ДН в Каире (1964 г.), Лусаке (Замбия, 1970 г.), Алжире (1973 г.) и Коломбо (Шри-Ланка, 1976 г.) неприсоединившиеся страны уделяли особое внимание вопросам социально-экономических и культурных преобразований. Так, в политической декларации конференции ДН в Коломбо, в которой приняли участие 86 стран, подчеркивалось, что неприсоединение символизирует поиск мира и безопасности в мировом сообществе и решимость установить новый и справедливый международный экономический, социальный и политический порядок; оно является динамичной силой в борьбе против империализма во всех его формах и проявлениях, а также против всех других форм иностранного господства; неприсоединение поддерживает право всех народов на свободу и самоопределение, право всех государств проводить независимую стратегию развития и участвовать в разрешении мировых проблем¹²⁰⁹.

Премьер-министр Индии И. Ганди в марте 1983 г. на седьмой Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Дели, которая проходила под ее председательством, развила и расширила понятие неприсоединения. По ее мнению, Движение неприсоединения представляло собой важнейший исторический процесс, в котором слились в единый поток исторические, духовные и культурные течения разных стран. Оно выражало чаяния тех, кто в течение долгого времени испытывал лишения и лишь недавно обрел свободу. В этом движении воплощалась решимость человечества выжить, несмотря на угнетение, эскалацию гонки вооружений и идеологические разногласия. Это движение было лишено догматизма и имело динамичный характер¹²¹⁰.

На этой конференции ДН Индией были подняты актуальные проблемы современности. Во-первых, это право палестинского народа на создание независимого государства. Ганди выступила с жестким заявлением по этому поводу: «Мы (страны ДН) придерживаемся одного мнения в нашей поддержке смелого, лишенного родины и многострадального народа Палестины. Израиль чувствует себя свободным совершать любые насилия, неприкрытую агрессию, не задумываясь о нарушениях международного права и норм поведения. Но сможет ли он вечно препятствовать осуществлению законных прав палестинцев?». Острой критике индийского руководства был подвергнут режим апартеида в Южной Африке, который игнорировал мнение международного сообщества и возводил расизм в ранг государственной политики. Еще одной проблемой, вокруг которой были объединены усилия стран ДН, стала милитаризация Индийского океана и создание американской военной базы на острове Диего-Гарсия¹²¹¹.

На посту председателя ДН Индию в сентябре 1986 г. сменила Зимбабве. Выступая на конференции в столице Зимбабве Хараре, уходящий с поста председателя Движения неприсоединения премьер-министр Индии Раджив Ганди говорил о фундаментальных задачах, стоявших перед ДН: борьбе за достоинство и права человека, за выживание в ядерном веке, мирном сосуществовании, отстаивании принципов равенства и демократии, независимости и безопасности всех стран, устранение бедности. Отмечалась важность сотрудничества развивающихся стран (Юг–Юг) и вовлечение в него развитых государств (Севера)¹²¹².

В своей внешней политике Индия постоянно подтверждала, что в основе ее неприсоединения лежит национальная независимость и свобода, борьба за мир и предотвращение конфликтов и конфронтаций, равенство между странами, демократизация международных отношений, дружба со всеми, за исключением расистских правительств и тех, кто угрожают свободе других стран. На конференции И. Ганди вновь подтвердила, что Движение неприсоединения отнюдь не является расплывчатым, негативным или нейтральным.

Рост числа членов Движения неприсоединения до 100 государств к концу 1980-х годов доказал, что оно отвечало интересам сотен миллионов людей на разных континентах. Индия, как и другие его члены, выступала за коренную перестройку международных экономических отношений на основе справедливости и равноправия. Она отстаивала право каждой страны на свои ресурсы и свою политику, требовала отсрочки выплаты долгов развивающихся стран, проведения реформы международной валютно-финансовой системы, которая, по ее мнению, безнадежно устарела, стала несправедливой и неадекватной. Проблема экономического развития, по мнению Индии, была одной из важнейших. Странам, входившим в Движение неприсоединения, по большей части бедным и отсталым, было не по силам удовлетворить даже самые скромные чаяния их народов. Оставалась еще и нелегкая задача сохранения независимости из-за оказываемого на эти страны экономического, политического и военного давления¹²¹³.

Тектонические сдвиги в международных отношениях в конце XX в. в результате распада СССР и фактически создания однополярного мира во главе с США резко ослабили Движение неприсоединения и, казалось, обрекли его на исчезновение. Однако ДН нашло в себе силы адаптироваться к новым условиям в мире и даже расширить свои ряды. В начале XXI в. в него входили более 110 стран, которые поставили перед ДН задачу обновления с учетом новых реалий. По мнению Индии, Движение неприсоединения должно

в перспективе принять в качестве руководящих принципов следующее: достичь консенсуса по основным вопросам, в которых заинтересованы все развивающиеся страны; не углубляться в спорные проблемы между странами-участницами; прилагать усилия, чтобы стать полюсом в многополюсном мире; укрепить сотрудничество между странами Юга в качестве важного пункта экономической повестки дня движения; и, наконец, все страны-участники должны развивать такие ценности, как демократия, права человека и многокультурность¹²¹⁴.

На встречах на уровне министров иностранных дел стран Движения неприсоединения (Дурбан, апрель 2002 г.; Нью-Йорк, сентябрь 2002 г.) отмечалась важность этих задач и необходимость полного разоружения. В свою очередь, Индия вновь подчеркнула значение Движения неприсоединения.

В ноябре 2002 г. министр иностранных дел Индии Яшвант Синха отметил, что под руководством Неру, Насера и Тито Движение неприсоединения стало серьезной политической силой, а группа 77, включавшая в себя большинство неприсоединившихся стран, превратилась в важный инструмент обсуждения экономических вопросов. Благодаря неприсоединению, сказал он, Индия играла и продолжает играть заметную роль в международных отношениях. Я. Синха прямо заявил: «Я считаю, что философия неприсоединения до сих пор является весьма актуальной для современной внешней политики, поскольку в ее основе лежит идея независимой внешнеполитической линии нашей страны»¹²¹⁵.

Главной темой XIII конференции Движения неприсоединения (Куала-Лумпур, февраль 2003 г.) было «возрождение Движения неприсоединения». Участвовавшая в ней делегация Индии во главе с премьер-министром А.Б. Ваджапайи подчеркнула, что движение должно сосредоточиться на глобальных проблемах современности, которые объединяют его членов, а не разъединяют их. Оно должно принять позитивную повестку дня с акцентом на создание многополюсного мира, реформе системы ООН, сотрудничестве между Севером и Югом и между странами Юга. Такая позиция индийского правительства во главе с Бхаратия джаната парти тем более важна, ибо ранее, находясь в оппозиции, она заявляла, что неприсоединение не может быть ни ее идеологией, ни основой внешней политики страны¹²¹⁶.

Пришедшее к власти в 2004 г. правительство Объединенного прогрессивного альянса во главе с Индийским национальным конгрессом также подчеркнуло необходимость возрождения Движения неприсоединения, его реконструкции и обновления, для того чтобы соответствовать вызовам начала XXI в. При этом оно отмечало, что

Движение неприсоединения и само неприсоединение не являются синонимами. Если сорок лет назад важными вопросами были колониализм, апартеид и империализм, то в начале XXI в. определилась новая повестка дня. Это финансовые вопросы, терроризм, проблемы экологии, демографии. Неприсоединившиеся страны должны также объединить свои усилия в ООН, в том числе по вопросу реформирования Совета Безопасности ООН. В нем Азия, Латинская Америка и Африка представлены всего лишь одной страной – Китаем – в качестве постоянного члена СБ, а западный мир – четырьмя странами: США, Францией, Великобританией и Россией, что абсолютно недемократично¹²¹⁷.

Мысль о переориентации роли неприсоединения в период после холодной войны прозвучала в выступлении президента Индии Абдул Калама на совместном заседании обеих палат парламента 7 июня 2004 г. В свою очередь, министр иностранных дел Индии Натвар Сингх так поставил вопрос о значении Движения неприсоединения: если неприсоединение более не является актуальным, то почему же актуально существование Организации Североатлантического договора (НАТО), созданной в 1949 г.? Варшавский договор более не существует, а НАТО продвинулась к границам России. А что нужно НАТО в Афганистане, где 99% населения не видели моря, тем более океана?¹²¹⁸

В начале XXI в. Движение неприсоединения вновь начало обретать уверенность в своих силах, что получило выражение в адаптации его идей и действий к новым реальностям, сложившимся в мире. Это проявилось и в работе XIV конференции Движения неприсоединения, которая состоялась 15–17 сентября 2006 г. в Гаване, Куба (первая такая конференция в Гаване прошла в 1979 г. в разгар холодной войны). Драматические изменения за прошедшие годы отразились на работе конференции 2006 г. Несмотря на экономическую блокаду Кубы со стороны США, на конференцию прибыли представители 118 государств-членов ДН, 16 стран-наблюдателей¹²¹⁹. Характерно, что США получили приглашение участвовать в этой встрече, но даже не подтвердили получения такого приглашения.

В своем выступлении на конференции премьер-министр Индии Манмохан Сингх говорил о стремлении этих стран объединить свои усилия по защите мира и безопасности на основе международных законов, на основе культурного и политического многообразия мира. Он подчеркнул, что в Движение неприсоединения входят представители разных религий, идеологий, этнических групп и культур и призвал к сближению цивилизаций, осудив теорию их «столкновения». Он призвал к объединению усилий с другими «близкими по духу

нациями» для развития демократии в процессе глобального управления, для выработки новой глобальной политики, «основанной на законе, разуме и равенстве»¹²²⁰. «Сегодня мы снова должны выступить против угрозы раскола мира по искусственно созданным культурным и религиозным разделительным линиям. Движение неприсоединения, охватывающее все религии человечества, все этнические группы и идеологические направления, – сказал М. Сингх, – вновь занимает уникальное место, чтобы играть роль моста в достижении понимания между разными странами»¹²²¹.

На конференции ДН в Гаване Индия заявила о необходимости решения в рамках этого движения проблем равноправного развития во всем мире, глобальной энергетической безопасности, а также более активной работы по подъему Африки¹²²². ДН выступило в поддержку демократии как универсального политического инструмента, однако указало, что ни одна страна не имеет права определять суть демократии для всего остального мира. Было также подчеркнуто, что каждая страна имеет суверенное право выбирать свою форму правления.

В целом позиция Индии на конференции отличалась взвешенностью подходов и аккуратностью формулировок, особенно по тем вопросам, которые могли бы вызвать раздражение США. Это нашло отражение в Политической декларации ДН, которую эксперты охарактеризовали как «идеологически нейтральную». И, тем не менее, в тексте декларации нашлось место для слова «гегемония», подразумевающего США¹²²³.

Конференция ДН в Гаване подтвердила тот факт, что в нынешнем многообразном мире растет и укрепляется тенденция к объединению усилий стран, представляющих большинство населения планеты, тех, кто не входит в «золотой миллиард». Речь идет о более эффективном сотрудничестве между странами Юга, которые к началу XXI в. заметно продвинулись в своем экономическом и политическом развитии. Об этом свидетельствует и то, что на долю стран, входящих в ДН, приходилось 43% от их мировой торговли¹²²⁴. В отличие от 1960–1980-х годов ДН не противопоставило себя развитым странам, а выразило готовность сотрудничать с ними на равноправных условиях. Политические декларации ДН, отражающие взгляды и таких растущих держав, как Индия и Китай, сами по себе были крупным фактором мировой политики. Последующая XV конференция ДН, в которой Индия приняла участие, состоялась в июле 2009 г. в Шарм-эль-Шейхе (Египет).

В сложившихся в мире условиях в начале XXI в. Движение неприсоединения принципиально изменило свой характер по сравнению

с той ролью, которую оно играло до раскола Советского Союза. На передний план вместо политических вышли вопросы экономического развития, сотрудничества как между развивающимися странами, входящими в это движение, так и с развитыми странами. Для Индии участие в новом по своей сути Движении неприсоединения означает то, что она может выступать в качестве связующего звена между этими двумя группами стран и использовать эту возможность для наращивания своего экономического и политического влияния в мире.

Индия и ООН

Индия была одной из участниц Учредительной конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско в октябре 1945 г. Но еще раньше, 5 мая 1945 г., там же, в Сан-Франциско, глава индийской делегации Рамасвами Мудалияр заявил о претензиях Индии на место в Совете Безопасности ООН. Он сказал, что Индия имеет на это право с учетом размеров ее территории, населения, экономического и промышленного потенциала, а также ее вклада в победу союзных сил во Второй мировой войне. Однако эти претензии Индии были отклонены, прежде всего, потому, что она не была независимым государством.

Вскоре после формирования Временного правительства в 1946 г. вице-король Уэйвелл и Ганди договорились направить представительную индийскую делегацию во главе с Виджаей Лакшми Пандит для участия в первой Генеральной Ассамблее ООН. Ганди высказал пожелание, чтобы она добилась включения в повестку дня ООН протеста Индии против дискриминации индийцев в Южной Африке. «Ганди представлял себе ООН, – пишет Пандит, – как место, где дружба между нациями укреплялась, где дискуссии и дебаты проводились на самом высоком уровне и где правда и нравственность торжествовали»¹²²⁵. Однако она не скрывала своего разочарования тем, что усилия ООН не были направлены на защиту большинства населения на Земле, страдающего от голода и лишений. Само функционирование ООН, включая огромные расходы на «бесчисленные приемы, коктейли» и т.п., вызывало многочисленные вопросы у представителей развивающихся стран. Как отмечала Пандит, «невозможно было не думать о том, что эти деньги могли бы быть потрачены на лучшие цели, если бы был сохранен тот идеализм, который привел к рождению ООН»¹²²⁶.

В середине 1950-х годов вопрос о постоянном членстве Индии в СБ был поставлен генеральным секретарем ООН Трюгве Ли. Тогда

же появилась идея о принятии в качестве постоянного члена Совета Безопасности Китайской Народной Республики (КНР). Западные страны выступили против такого предложения. В то время Неру фактически отказался от союза с западными державами и начал активно развивать отношения с Китаем и Советским Союзом. Кроме того, он был разочарован позицией ООН по кашмирскому вопросу. Все это привело к тому, что КНР получила место постоянного члена в Совете Безопасности, в то время как Индия осталась вне СБ ООН. В 1963 г. была принята поправка к Хартии ООН, в соответствии с которой произошло расширение состава СБ за счет непостоянных членов¹²²⁷.

В течение более 60 лет Индия принимала активное участие в деятельности ООН, в том числе в миротворческих операциях в Корее, Конго, в секторе Газа (Палестина), Египте, Новой Гвинее (Западный Ириан), на Кипре, в бывшей Югославии, Мозамбике, Сомали и других странах.

Как и многие другие страны, Индия возлагала большие надежды на ООН как на коллективный орган, главной задачей которого должно быть предотвращение столкновений и войн и укрепление мира. Тем более что ООН была создана сразу после окончания кровопролитной Второй мировой войны. Как позже с сожалением говорила премьер-министр Индии Индира Ганди, год создания ООН был также годом, когда впервые было использовано ядерное оружие¹²²⁸.

Энтузиазм Индии в отношении ООН постепенно стал сменяться сомнениями в ее эффективности как инструмента мира. В сентябре 1963 г. Джавахарлал Неру заявил в индийском парламенте в связи с войной во Вьетнаме, что по важнейшим вопросам, таким как разоружение, создавалось впечатление, что они вряд ли могут быть разрешены Генеральной Ассамблеей ООН. Реальный прогресс достигается большими странами, а именно США и СССР¹²²⁹. В том же 1963 г., вновь выступая в парламенте, Неру сказал: «...нынешняя структура ООН не представляет должным образом Объединенные нации. Она отражает ситуацию, которая сложилась после Второй мировой войны. Нужно что-то сделать для того, чтобы привести ООН в соответствие с условиями, сложившимися в нынешнем мире. Это требует изменения Хартии ООН». Он выступил с критикой в адрес ООН, в частности, по вопросу о праве постоянных членов Совета Безопасности на вето. «И тем не менее, – подчеркнул Неру, – само существование ООН является огромным вкладом в дело мира во всем мире... И трудно представить себе мир без ООН»¹²³⁰.

Позже критика ООН со стороны Индии стала более конкретной. Выступая в октябре 1970 г. на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций по поводу 25-летия ее основания, И. Ганди

отдала должное усилиям ООН в борьбе за мир и предотвращение ряда конфликтов. Вместе с тем она поставила вопрос о необходимости внесения изменений в организационную структуру и процедуры ООН, выработку новых программ, отвечающим задачам дня. И. Ганди отметила, что и через четверть века не произошло отказа от системы односторонних действий и эксклюзивных альянсов. Сферы влияния и баланс силы в международных отношениях продолжают оставаться важной частью политики многих государств. Право народов на выбор формы их правления признано только на словах. Сильные государства по-прежнему стремятся расширить сферу своего влияния. Их военные усилия в новых регионах неизбежно ведут к противодействию со стороны других держав. Результатом такой политики являются «ограниченные войны», в том числе на Ближнем Востоке и во Вьетнаме. ООН не смогла предотвратить эти войны или разрешить эти конфликты. Тем не менее ООН следует сохранить, вдохнуть в нее новый смысл и новые цели, чтобы создать тот порядок, при котором использование силы приведет к поражению тех, кто ее применяет. «Такие страны, как Индия, недавно завоевавшие свободу, – сказала И. Ганди, – придают большое значение ООН и ее деятельности, ООН должна обеспечить, чтобы ресурсы Земли использовались не для возвеличивания отдельных наций, а для благополучия единой семьи человечества»¹²³¹.

Глубинные перемены за шестьдесят лет со времени основания ООН не сопровождались соответствующими изменениями в ее структуре с учетом интересов развивающихся стран. За этот период число членов ООН увеличилось более чем в три раза. Ряд развивающихся стран, в том числе Индия, достигли весьма высокого уровня экономического развития и стали играть заметную роль в мировой политике. Они требовали демократизации ООН и ее перестройки. Этот призыв вновь был повторен после окончания холодной войны 103 неприсоединившимися государствами на конференции в Аккре (Гана) в сентябре 1991 г. По их мнению, сложившаяся структура ООН не соответствовала реальному соотношению сил в мире, а консервировала отжившую концепцию гегемонии великих держав¹²³².

В 1993 г. в связи с предстоявшим 50-летием ООН была создана группа по рассмотрению вопросов, относящихся к расширению членства в Совете Безопасности. Однако постоянные члены СБ не были готовы разделить свои привилегии с возможными новыми членами Совета Безопасности. Кроме того, возникли противоречия между претендентами на постоянное место в СБ. Так, Германия и Япония столкнулись с оппозицией со стороны Италии и Южной Ко-

реи. Пакистан пытался заблокировать стремление Индии получить место постоянного члена Совета Безопасности.

В 1994 г. Индия публично заявила о своих претензиях на постоянное членство в Совете Безопасности ООН и с тех пор неоднократно повторяла свои требования на этот счет. Она исходила из того, что развивающиеся страны крайне неудовлетворительно представлены в Совете Безопасности, тем более в числе его постоянных членов. Из них Россия, Франция и Великобритания выражали свою поддержку Индии в ее стремлении стать постоянным членом СБ. США ограничивались заявлением, что Индия «очень серьезный и сильный претендент» на постоянное членство в СБ. Китай, в свою очередь, заявлял, что не возражает против предоставления Индии такого членства, поддерживая в более широком плане идею о реформе и расширении Совета Безопасности с тем, чтобы его состав отражал изменившиеся реалии в мире¹²³³.

Конференция министров иностранных дел стран, входивших в Движение неприсоединения, которая состоялась в Дели в апреле 1997 г., выразила озабоченность положением, сложившимся в ООН, что эта организация не учла реалии, возникшие после завершения холодной войны, не отвечала интересам большинства ее членов. В острой форме она поставила вопрос о реформировании Организации Объединенных Наций¹²³⁴.

Представители Индии и других стран считали, что ООН утратила моральное право представлять все человечество, так как почти все развивающиеся страны оставались за рамками аппарата, принимающего решения, то есть Совета Безопасности. К тому же большинство стран подвергало сомнению право пяти великих держав фактически управлять всем миром.

Доминирование великих держав, полагали некоторые индийские ученые и политики, уходило корнями в историю последних 350 лет. И хотя число и список этих держав менялись по мере изменений в мире, они продолжали оставаться силой, имеющей особые права в международном сообществе, несмотря на попытки более слабых и малых государств положить конец такому порядку вещей. Этот гегемонизм получил свое оформление в постоянном членстве в Совете Безопасности ООН пяти государств, несмотря на провозглашенный ООН принцип суверенного равенства всех ее членов. Во время создания ООН в 1945 г. это противоречие (суверенное равенство всех государств и привилегированное положение постоянных членов СБ ООН), получило свое разрешение (хотя и не без протестов со стороны 45 «малых членов» ООН) на той основе, что дополнительные власть великих держав и их ответственность перед миром неразде-

лимы. Однако за прошедшие десятилетия великие державы не выполнили многих из своих обязательств. Напротив, они участвовали в войнах и конфликтах: США – в Латинской Америке, Вьетнаме, других регионах, бывший СССР – в Восточной Европе, Афганистане, иных «горячих точках». Великобритания, Франция и Китай также несли ответственность за подобные действия¹²³⁵.

При создании ООН выбор постоянных членов СБ отражал сложившееся соотношение сил после окончания Второй мировой войны. СБ рассматривался как гарант мира. Однако очень скоро обнаружилось разногласия и соперничество между постоянными членами СБ ООН. В этой связи не раз возникали критические или патовые ситуации. Поэтому развивающиеся страны неоднократно выступали с требованиями создания более представительного СБ.

В 1992 г. генеральный секретарь ООН выдвинул предложение включить в состав СБ дополнительно пять постоянных членов: Индию, Бразилию, Нигерию, Германию и Японию. Первые три – исходя из географического принципа и численности их населения, а также их огромного потенциала. Последние две – с учетом их экономической мощи. Имелось в виду, что широко представительный СБ должен сыграть свою роль в коллективной борьбе против бедности, голода, экономического неравенства и технологической отсталости. Вопрос не получил своего решения.

После окончания холодной войны ООН, и особенно Совет Безопасности, заметно активизировали свою деятельность. Это подтверждалось такими фактами: за 45 лет со времени создания ООН до кризиса в Персидском заливе в 1991 г. СБ принял 659 резолюций, за последующие пять лет – 350 резолюций. Но главное состояло не в количестве резолюций, а в изменении характера деятельности СБ, причем не в сторону его демократизации. Многие из 183 членов ООН ощущали свое отчуждение от СБ, в котором после окончания холодной войны господствовали три западные державы (Россия была больше занята своими внутренними делами, а Китай обычно не проявлял интереса к отдаленным районам мира). СБ, говорили его наиболее жесткие критики, стал не более чем дополнительным рычагом западной внешней политики. Новое соотношение сил в мире в конце XX в. привело к тому, что СБ ООН стал склоняться к более широкой интерпретации определенного Хартией ООН мандата по поддержанию международного мира и безопасности. По мнению Н. Коши, профессора Юридической школы в Гарварде, «ряд ситуаций, которые в прошлом считались делом внутренней юрисдикции стран, стали квалифицироваться как угроза международному миру и стабильности»¹²³⁶.

Такие изменения в деятельности СБ ООН вызывали озабоченность многих стран, в том числе развивающихся. Индия, например, выдвигала в этой связи следующие требования: во-первых, СБ ООН не должен посягать на национальный суверенитет государств под предлогом борьбы за права человека; во-вторых, решения СБ должны отражать консенсус Генеральной Ассамблеи ООН; в-третьих, СБ должен быть полностью подотчетен Генеральной Ассамблее. В таком же духе выступали и другие развивающиеся страны¹²³⁷.

В свое время создатели Хартии ООН были обеспокоены прежде всего проблемами, связанными с войнами между странами, а не конфликтами внутри отдельных государств. Обстановка, сложившаяся на планете в 1990-е годы и в начале XXI в., когда значительно увеличилось число внутренних конфликтов, потребовала новых подходов к проблеме сохранения мира и безопасности, выработки таких механизмов, которые придали бы полную легитимность действиям ООН. В противном случае неизбежным было возникновение разногласий между членами ООН по важнейшим вопросам международной безопасности. Все это могло бросить тень сомнения на правомерность некоторых решений СБ.

Так, во время дебатов по резолюции о репрессиях в отношении гражданского населения в Ираке в 1990-е годы многие члены ООН высказывались в том духе, что эта резолюция выходит за рамки мандата СБ. Представитель Индии, в частности, заявил, что право Совета Безопасности заняться этим вопросом наступает только в том случае, если существуют условия, представляющие явную угрозу международному миру и безопасности. Тем не менее, указанная резолюция была принята, поскольку общее настроение в мире склонялось в пользу того, чтобы наказать Ирак за агрессию против Кувейта. Однако вопрос легитимности решений СБ не снят с повестки дня.

Эта проблема переплеталась и с другими вопросами, не менее важными для деятельности ООН, а именно – с ее выступлениями в качестве коллективного органа по обеспечению мира и безопасности, который самостоятельно и независимо принимает решения, на основе которых затем и предпринимаются соответствующие меры. Эпизод с войной в Персидском заливе в 1991 г. достаточно наглядно продемонстрировал, что здесь было немало вопросов для раздумий по поводу роли ООН. Как пишет Г. Киссинджер, «США, не дожидаясь международного консенсуса, в одностороннем порядке направили большую экспедиционную группу [в Персидский залив в 1991 г.]. Другие страны были в состоянии оказать влияние на действия Америки, только присоединившись к тому, что было, по существу, американским предприятием, так как они не могли избежать конфликта

в случае использования права вето. Кроме того, внутренние проблемы в Советском Союзе и Китае подтолкнули постоянных членов Совета Безопасности к тому, чтобы поддержать действия США. В войне в Персидском заливе коллективная безопасность была востребована для оправдания лидерства США, а не в качестве замены этого лидерства»¹²³⁸.

Некоторые индийские политологи весьма критически рассматривали роль ООН во время войны в Персидском заливе. Так, Анил Наурия полагал, что своей деятельностью во время войны и после нее ООН существенно подорвала свой авторитет¹²³⁹. Представители развивающихся стран, в том числе Индии, подвергали критике роль ООН и в бывшей Югославии, где ряд действий в 1992-м и последующих годах сначала был предпринят западными державами, а затем уже одобрен ООН. В этом случае Россия и Китай не воспользовались правом вето, что было связано главным образом с их нежеланием и неспособностью в тогдашней геополитической обстановке противостоять Западу.

Индия, как и многие другие развивающиеся страны, предлагала сделать более «прозрачной» работу Совета Безопасности и усилить роль стран, не являющихся членами СБ, что способствовало бы более широкому их участию в выработке и принятии решений. Одной из важных проблем, стоящих перед ООН, по мнению Индии, было реформирование ее Совета Безопасности. Нынешняя его структура – пять постоянных членов СБ с правом вето и 10 непостоянных членов – является анахронизмом. Однако требования развивающихся стран, в том числе Индии, не встретили поддержки западных держав. В 1995 г. индийская парламентская делегация обсуждала проблему включения Индии в число постоянных членов СБ с генеральным секретарем ООН Бутросом Б. Гали. В этой связи сообщалось, что в ООН по этому вопросу нет консенсуса. Осенью 1996 г. Индия не смогла набрать необходимого количества голосов для избрания в качестве непостоянного члена СБ от Азии. Это место сроком на два года тогда досталось Японии.

В вопросе о расширении Совета Безопасности Индия и многие развивающиеся страны руководствовались двумя принципиальными соображениями: географически равноправным распределением мест в СБ и суверенным равенством государств. Существовало много разных вариантов реформирования СБ ООН. Все это свидетельствовало, что реформа СБ действительно назрела, но консенсуса членов ООН по этому вопросу не было и достичь его было непросто.

Индия настойчиво демонстрировала свою приверженность принципам и целям, заявленным в Хартии ООН, а также задачам

создания многополярного мира. Ее представители принимали участие в обсуждении актуальных вопросов на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности. В том числе таких важных проблем, как положение в Африке, Афганистане, Боснии и Герцогине, Ираке и Кувейте, в обсуждении таких тем, как международный мир и безопасность, терроризм, положение женщин и детей и других.

Накануне войны в Ираке в марте 2003 г. Индия заявила, что вопрос о войне должен быть решен только ООН, а не в одностороннем порядке какой-либо страной. Следует избегать войны. Она выступала за мирное решение иракской проблемы коллективными усилиями ООН, призывала не проводить силовых действий без согласия мирового сообщества, урегулировать ситуацию в Ираке строго в рамках ООН с учетом законных интересов иракского народа, при уважении суверенитета и территориальной целостности этой страны.

По положению в Афганистане после начала в 2001 г. военной операции коалиции во главе с США Индия вместе с другими членами ООН выражала озабоченность проблемами безопасности, восстановления Афганистана, производства и незаконной торговли наркотиками, обустройства беженцев.

Предметом озабоченности Индии на обсуждениях в ООН была также ситуация на Ближнем Востоке. На заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН и СБ ООН она призывала к проведению мер по улучшению социального и экономического положения палестинского народа, настаивала на мирном разрешении конфликта на основе резолюций ООН.

Индия выступала в роли одной из главных миротворческих сил ООН. До 2004 г. она участвовала в 39 миротворческих операциях ООН, вносила свой вклад во время дебатов по вопросам усиления роли миротворцев ООН и гражданской полиции, в разработке нового механизма сотрудничества между СБ ООН, Секретариатом ООН и странами, направлявшими миротворцев¹²⁴⁰.

Индия настойчиво подчеркивала необходимость реорганизации всей системы ООН, особенно ее Совета Безопасности, используя для этого различные формы, а не только самой ООН. Так, на встрече стран, входящих в Движение неприсоединения в 2006 г., Индия высказывалась в пользу реструктуризации Совета Безопасности ООН. Предусматривалось, что вето Совета Безопасности могло быть преодолено двумя третями стран, входящими в Генеральную Ассамблею ООН.

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, принявший участие в этой встрече, поддержал призыв к реформированию ООН в интересах развивающегося мира и самой ООН. Иначе ООН рискует потерять авторитет, законность, нейтральность и независимость. Он

считал, что нужно ввести новых постоянных или долгосрочных членов в состав СБ. Нынешнее представительство в этом органе, сказал Аннан, отражает реалии 1945 г.¹²⁴¹

Несколько раньше, еще до этой встречи глав стран Движения неприсоединения, Индия, Бразилия, Германия и Япония сформировали так называемую Группу четырех с целью добиваться постоянного членства в Совете Безопасности. На двусторонней встрече лидеров Индии и Бразилии в сентябре 2006 г. они подчеркнули приоритетность реформирования ООН, чтобы она больше отвечала реальностям сегодняшнего дня. Оба руководителя заявили, что будут тесно взаимодействовать в рамках Группы четырех с целью добиться постоянного членства в Совете Безопасности ООН¹²⁴².

Борьба по вопросу о расширении числа постоянных членов СБ ООН приобрела затяжной характер, в которой позиции постоянных членов СБ были достаточно осторожными. Пожалуй, наиболее определенную позицию заняли США, которые заявили о поддержке Японии в качестве возможного постоянного члена СБ.

Разногласия по вопросу о реформе ООН и ее Совета Безопасности в косвенной форме отразились на борьбе за пост генерального секретаря ООН вместо ушедшего в отставку в декабре 2006 г. Кофи Аннана. Кандидатом на этот пост Индия выдвинула Шаши Тхарура, одного из заместителей генерального секретаря. Основное соперничество развернулось между ним и министром иностранных дел Южной Кореи Пан Ги Муном, в поддержку которого высказывались США и Китай. Было еще пять других кандидатов – от Шри Ланки, Таиланда, Иордании, Афганистана и Латвии. Кандидат от Шри Ланки снял свою кандидатуру, а правительство этой страны поддержало южнокорейского дипломата.

В результате трех рейтинговых голосований в Совете Безопасности предпочтение было отдано Пан Ги Муну, которого поддержали все пять членов СБ. США выразили глубокое удовлетворение результатами голосования. После избрания на пост генерального секретаря ООН Пан Ги Мун заявил, что его приоритетами будут реформирование и финансы ООН. Эти требования также выдвигались администрацией президента Буша¹²⁴³.

Участие Индии в международных организациях и группировках

Индия и Содружество наций. Временное правительство во главе с Неру, сформированное в 1946 г., испытало сильное давление со сто-

роны британских властей, которые настаивали на присоединении Индии к Британскому содружеству наций с королем-императором Великобритании в качестве главы государства. Но Индия выбрала свой путь как независимая республика. Неру не мог пойти даже на символическую власть прежней метрополии над ее бывшей колонией, хотя и не желал разрывать связи как с Великобританией, так и тем более с ее бывшими колониями, входившими в Британское содружество наций¹²⁴⁴.

После долгих переговоров в течение более трех лет, на встрече премьер-министров стран Британского содружества наций в Лондоне 28 апреля 1949 г. было достигнуто соглашение (Лондонская декларация), что Республика Индия примет британского суверена в качестве символа свободной ассоциации независимых государств, то есть главы Содружества. Таким образом, по инициативе Индии в Содружество могли входить не только государства, находящиеся «под английской короной», но и республики, а также государства с монархическим устройством, независимые от британской монархии. В большинстве случаев все они – 54 государства – были бывшими колониями Великобритании. 16 членов Содружества признавали короля Великобритании как главу их государств. 33 члена были республиками, а еще 5 – монархиями.

В Лондонской декларации говорилось: «Правительство Индии... заявило и подтвердило желание продолжать ее полное членство в Содружестве наций и ее согласие принять Короля в качестве символа свободной ассоциации независимых государств, главы Содружества». Эта формула была принята в качестве прецедента для всех других стран. При этом Британское содружество было переименовано в Содружество наций¹²⁴⁵.

В своей деятельности Содружество выдвигало следующие цели: развитие демократии, совершенствование управления, защита прав человека, гендерное равенство и более справедливое распределение благ глобализации¹²⁴⁶. Фактически оно было сугубо консультативным органом, собиравшимся один раз в два года, решения которого не были обязательны для его членов. Содружество было представлено в ООН его секретариатом в качестве наблюдателя. С 1 апреля 2008 г. генеральным секретарем Содружества на двухлетний срок был избран индеец Камалеш Шарма, до этого профессиональный дипломат.

Индия и Азия. В доколониальный период Индия имела обширные культурные и торгово-экономические связи с азиатским регионом. В эпоху колониализма они были во многом ослаблены и даже разорваны. После достижения Индией и странами Азии независимо-

сти начался новый период в отношениях между ними. Проводимая Индией политика неприсоединения вызывала симпатии в ряде стран Юго-Восточной Азии. Это, в частности, нашло свое проявление в том, что Индия стала в 1954 г. председателем Международной контрольной комиссии по Вьетнаму. В 1955 г. Индия была коспронсором и активным участником Афро-Азиатской конференции в Бандунге.

Однако в последующие годы она во многом утратила интерес к Юго-Восточной Азии. Внимание Индии в 1960–1980-х годах было приковано к проблемам в ее ближайшем окружении – вооруженному конфликту с Китаем в 1962 г., военным конфликтам с Пакистаном, непростым отношениям с Шри Ланкой. С другой стороны, многие государства ЮВА оказались в политической орбите США, что затрудняло развитие их отношений с неприсоединившейся Индией, которая к тому же нередко выступала на стороне СССР. Кроме того, политическая система многих азиатских стран тяготела к авторитаризму, в то время как Индия стремилась развиваться по демократическому пути. В конце 1970-х годов Индия пыталась принять участие в разрешении конфликта в Камбодже, однако ее усилия не увенчались успехом.

Индия и Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии. Индия придавала особое значение отношениям в ближайшем окружении. Однако во время холодной войны процесс развития связей со странами Южной Азии был заторможен и, по существу, возобновился в начале 1980-х годов. 8 декабря 1985 г. была создана Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (South Asian Association of Regional Cooperation – SAARC, СААРК). Она получила свое оформление на встрече глав государств и правительств семи южноазиатских государств – Бангладеш, Бутана, Индии, Мальдивов, Непала, Пакистана и Шри Ланки, которая состоялась в Дакке, Бангладеш. Подготовительная работа к этой встрече проводилась с мая 1980 г., что свидетельствовало о немалом количестве сложных проблем, которые предстояло решить до вынесения согласованного решения по вопросу о создании СААРК.

Эта организация поставила перед собой довольно скромные задачи – развивать и укреплять «коллективное самообеспечение» среди стран Южной Азии, а также активное сотрудничество и взаимопомощь в сфере экономики, культуры, техники и науки. Налицо была явная попытка уйти от политических вопросов, а тем более противоречий, которые существовали между государствами Южной Азии. Отсюда и последующая деятельность СААРК, которая ограничивалась преимущественно торгово-экономическими и культурными вопросами¹²⁴⁷.

В рамках этой организации была создана торгово-промышленная палата СААРК со штаб-квартирой в Карачи, Пакистан. С декабря 1995 г. стало действовать соглашение о преференциях в торговле между странами-участниками СААРК, а также ряд других соглашений по вопросам продовольственной безопасности, незаконной торговли наркотиками, обмену учеными и студентами, отмене визовых ограничений и т.д. К 2004 г. СААРК разработала ряд согласованных программ сотрудничества: в сельском хозяйстве, коммуникациях, образовании и культуре, охране окружающей среды, здравоохранении и демографии, метеорологии, борьбе с наркотиками, туризме, транспорте, развитие женщин и т.п.

За годы существования СААРК были достигнуты определенные результаты по указанным направлениям социально-экономической и культурной жизни. Однако региональное экономическое сотрудничество сдерживалось рядом факторов. Среди них – недостаточная интеграция экономик отдельных стран Южной Азии, отсутствие даже ограниченной конвертации национальных валют и инвестиционных институтов для развития региональных совместных предприятий; недостаточное сотрудничество в совместном освоении природных ресурсов. А главное – политические противоречия и конфликты в Южной Азии, особенно между Индией и Пакистаном. До начала XXI в. СААРК не использовала всех имевшихся у нее возможностей для развития Южной Азии как единого, интегрированного экономического пространства.

На встрече глав государств и правительств СААРК в Дели 3–4 апреля 2007 г. в состав этой организации был принят Афганистан. Весьма важным также стало решение о создании института наблюдателей СААРК. Ими стали Китай, США, Япония, Европейский Союз, Республика Корея, Иран, Австралия, Маврикий и Мьянма. Институт наблюдателей должен был расширить международные связи Южной Азии и помочь экономической интеграции стран этого региона с международным сообществом¹²⁴⁸. Эти решения СААРК отразили изменения в конфигурации сил в Азии и мире за последние годы. Обращало на себя внимание то, что по тем или иным причинам в число наблюдателей не вошла Россия, хотя, по некоторым данным, она высказывала намерение быть наблюдателем в СААРК.

В последующие годы СААРК продолжала свою достаточно ограниченную деятельность. На состоявшейся 28–29 апреля 2010 г. в г. Тхимпху, Бутан, 16-й встрече в верхах СААРК были подведены итоги деятельности этой организации за 25 лет ее существования. В этой связи премьер-министр Индии М. Сингх сказал, что члены СААРК должны признать – достижения этой ассоциации по сравне-

нию с подобными же группами в Восточной и Юго-Восточной Азии напоминают «стакан, наполненный лишь наполовину». При этом он отметил определенные успехи СААРК, такие как создание совместного банка развития, продовольственного банка, соглашение о свободной торговле. В то же время М. Сингх заявил, что декларации СААРК не означают реального сотрудничества. Потенциал этой организации может быть реализован только, если состоится свободное передвижение людей, товаров, услуг и идей. Другими словами, сказал он, страны региона должны быть более тесно связаны, стать «более сильными, сытыми и образованными». Страны Южной Азии смогли выступать на международных форумах в их индивидуальном качестве, но, к сожалению, не имели того голоса в мировых делах, который они могли и должны были иметь¹²⁴⁹.

В совместной декларации лидеры СААРК заявили о необходимости принять меры по борьбе с бедностью в Южной Азии, в которой проживает более 1,5 млрд. человек. Было принято решение развивать торговые отношения между странами СААРК. С учетом важности проблемы глобального потепления было решено посадить 10 млн. деревьев в течение последующих пяти лет¹²⁵⁰.

В целом эта организация не сыграла крупной роли в интеграции стран Южной Азии, главным образом из-за политических противоречий между рядом ее участников, прежде всего Индией и Пакистаном.

Индия и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. В середине 1990-х годов Индия провозгласила политику «Лицом к Востоку», которая была ориентирована в том числе и на страны Юго-Восточной Азии. Это дало толчок развитию экономических связей с этим регионом. С этой целью Индия воспользовалась возможностями Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (Association of South-East Asian Nations – ASEAN, АСЕАН), созданной в 1967 г. в Бангкоке (Таиланд) объединенными усилиями пяти стран – Индонезией, Малайзией, Филиппинами, Сингапуром и Таиландом. В 1984 г. к ним присоединился Бруней. В декларации об образовании АСЕАН говорилось, что одной из главных задач этой организации было развитие экономического сотрудничества. Однако вплоть до начала 1980-х годов страны АСЕАН большую часть своих усилий тратили на решение политических проблем, в том числе противоречий между ними. Позже страны ЮВА стали пересматривать стратегию развития в пользу более глубокого торгово-экономического сотрудничества. Это привело к тому, что в январе 1993 г. страны – члены АСЕАН создали зону свободной торговли с населением более 300 млн. человек.

С целью развития сотрудничества Индии с АСЕАН были созданы Деловой совет Индия – АСЕАН, Совместный управляющий ко-

митет АСЕАН – Индия. Затем были сформированы Рабочая группа по торговле и инвестициям и Фонд АСЕАН–Индия для развития торговли, экономики, науки, технологии и туризма. Индия впервые стала «региональным партнером по диалогу» с АСЕАН в 1992 г., и полноправным партнером АСЕАН в конце 1995 г. Рост торговли Индии со странами АСЕАН в 1991–1997 гг. превысил такой же показатель в торговле Индии с другими регионами мира. Однако финансовый кризис 1997–1998 гг. негативно повлиял на ее товарооборот со странами АСЕАН. Тем не менее в 2000 г. индийский импорт из АСЕАН вырос до 6,2 млрд. долл., а экспорт из Индии в эти страны увеличился до 3 млрд. долл.¹²⁵¹ В октябре 2003 г. на саммите АСЕАН был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Индией и АСЕАН, а также достигнуто соглашение о ежегодных встречах на высшем уровне представителей Индии и АСЕАН. Таким образом, был создан необходимый инструмент для развития сотрудничества Индии со странами Юго-Восточной Азии.

На встрече АСЕАН – Индия на высшем уровне в Себу, Филиппины, в январе 2007 г. с участием премьер-министра Индии М. Сингха был отмечен прогресс в реализации плана сотрудничества «Партнерство ради мира, прогресса и процветания», подписанного в ноябре 2004 г. Особо отмечались достижения и перспективы сотрудничества в сфере высоких технологий, биотехнологий, фармацевтики, сельского хозяйства и продовольственной безопасности, а также в области культуры¹²⁵².

Процесс взаимодействия Индии со странами Юго-Восточной Азии был продолжен и в последующие годы. В октябре 2009 г. на встрече в верхах в Хуа Хин (Таиланд) стран АСЕАН и шести ее партнеров по диалогу (Индии, Китая, Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии) премьер-министр Индии М. Сингх активно продвигал идею Азиатского экономического сообщества (АЭС), которую он же впервые провозгласил в 2005 г. Сингх заявил, что «весь мир сегодня смотрит на Азию, которая может возглавить глобальное экономическое возрождение»¹²⁵³.

Индия–БИМСТЭК. В рамках политики «Лицом к Востоку» Индия также приняла участие в создании региональной организации прибрежных стран Бенгальского залива с целью развития технического и экономического сотрудничества между ними. В нее вошли: Бангладеш, Бутан, Индия, Мьянма (Бирма), Непал, Таиланд и Шри Ланка. Эта организация была создана 31 июля 2004 г. на первой встрече в верхах представителей этих стран в Бангкоке, Таиланд, и получила название «Инициатива стран Бенгальского залива по многостороннему техническому и экономическому сотрудничеству»

(«Bay of Bengal Initiative for Multisectoral Technical and Economic Cooperation» – BIMSTEC, или БИМСТЭК).

Созданная по географическому признаку, эта организация была сугубо региональной. В то же время в нее вошли Бутан и Непал, которые не имеют прямого выхода к Бенгальскому заливу, а осуществляют свои связи с ним через Индию. Характерно и то, что в составе БИМСТЭК оказались все страны СААРК, кроме Пакистана и Мальдивов.

В декларации первой встречи в верхах БИМСТЭК подчеркивалось, что географическое расположение стран, входящих в эту организацию, их богатые природные и людские ресурсы создают надежную основу для взаимовыгодного сотрудничества. Отмечался плюралистический характер их обществ и общее культурное наследие, убежденность в том, что региональное и субрегиональное сотрудничество в рамках БИМСТЭК внесет вклад в глобальную торговлю. Указывалось также на необходимость сотрудничества в устойчивом использовании морских ресурсов Бенгальского залива¹²⁵⁴.

Выступая на первой встрече глав государств и правительств стран, входивших в БИМСТЭК, премьер-министр Индии М. Сингх сказал, что участие его страны в этой организации стало ключевым элементом индийской политики «Лицом к Востоку», что региональная интеграция не противоречила глобализации, а, наоборот, могла быть полезной частью этого общего процесса¹²⁵⁵.

На второй встрече в верхах стран БИМСТЭК в ноябре 2008 г. в Дели была достигнута договоренность о совместной борьбе с международным терроризмом, организованной преступностью и незаконной торговлей наркотиками. Были также подписаны соглашения по развитию сотрудничества в энергетической, климатической и культурной сферах. М. Сингх заявил, что БИМСТЭК может служить в качестве моста между Южной Азией и Юго-Восточной Азией. На встрече были обозначены такие сферы сотрудничества, как инвестиции, технологии, туризм и здравоохранение, рассматривались вопросы создания продовольственного банка, которым могли бы пользоваться участники этой организации. В рамках БИМСТЭК было начато обсуждение таких крупных проектов, как совместная эксплуатация Ганга–Меконга, строительство дороги, связывающей Индию с Мьянмой и Таиландом. Было предложено обмениваться информацией по вопросам, связанным с предупреждением об опасности цунами¹²⁵⁶.

Группировка Индия–Бразилия–Южная Африка. Помимо указанных региональных организаций, Индия вошла в состав ряда группировок, ставящих своей целью развитие торгово-экономических связей, сотрудничества в области сельского хозяйства, сфере услуг, разработке альтернативных технологий, совместных действий

в обеспечении энергетической безопасности. В качестве такой платформы для объединенных действий в 2003 г. была создана группировка, включавшая Индию, Бразилию и Южную Африку (ИБЮА). Несколько позже с ней стал сотрудничать по отдельным вопросам и Китай. Некоторые эксперты высказывали мысль, что эта группировка четырех стран (ИБЮАК) могла бы стать ролевой моделью для развивающихся стран, а также платформой для обсуждения крупных проблем развития мира по образцу G-8. Ее образование могло рассматриваться как реакция на изменения в мировом балансе экономических сил в пользу развивающихся стран. Особенно наглядно это проявилось при сравнении экономик этих четырех стран с экономиками США и Европейского Союза. По данным Всемирного банка, уже в 2015 г. по объему ВВП (по паритету покупательной способности – ППС) Китай обгонит Европейский Союз и почти сравняется с США, а совокупный ВВП стран ИБЮАК на 11,9% превысит совокупный ВВП Европы и на 10,4% – ВВП США¹²⁵⁷.

В пользу создания группировки Индия–Бразилия–Южная Африка – Китай говорило следующее: высокий темп роста их экономик (особенно Китая и Индии – соответственно около 10% и 7% ежегодно); демографические изменения в пользу более «молодого» общества в этих странах (кроме Китая), в то время как в Европейском Союзе, США и Японии наблюдались противоположные процессы. В странах ИБЮАК к началу XXI в. насчитывалось около 800 млн. человек в возрасте до 40 лет, в то время как в Европейском Союзе, США и Японии, вместе взятых, – 190 млн. человек в той же возрастной категории. Значение ИБЮАК как рынков сбыта и производства товаров существенно выросло за последнее десятилетие XX в. и начало XXI в.

Важным преимуществом ИБЮАК являлись относительно дешевые людские ресурсы, в том числе в сфере высоких технологий, что открывало для них возможности производства более сложных, конкурентоспособных товаров на мировом рынке. В то же время одной из проблем этих стран было то, что они не были интегрированы (а Китай вообще формально не входил в состав этой группировки) и могли выступать в качестве конкурентов между собой на мировом рынке.

Стремление объединить усилия указанных четырех стран на торгово-экономическом поприще могло рассматриваться как попытка этих стран выйти за региональные рамки в своей деятельности (в случае с Китаем – это довольно успешные усилия по завоеванию рынков в глобальном масштабе). Объединение ИБЮАК также можно было бы считать прообразом грядущей расстановки сил в мире по мере ослабления экономического влияния США и Европейского Союза.

В ноябре 2009 г. страны ИБЮАК выступили с инициативой по вопросу о глобальном потеплении, которая была представлена в качестве проекта на конференции глав государств и правительств по изменению климата в Копенгагене 7 декабря 2009 г. Премьер-министр Индии заявил, что результатом конференции по климату должен быть всеобъемлющий, сбалансированный и, прежде всего, равноправный подход, который учитывал бы сокращение выбросов и адаптацию государств к этому, финансовую сторону этого процесса и передачу технологий от развитых стран. Сокращение выбросов, сказал он, весьма существенно, но не должно быть достигнуто за счет адаптации развивающихся государств, что представляет для них еще больший вызов. «Наука не должна преобладать над равенством, – продолжал он. – Действия по изменению климата, основанные на увековечении бедности, просто не могут быть устойчивыми»¹²⁵⁸.

Формирование группировки **Бразилия–Россия–Индия–Китай (БРИК)** – государств, экономика которых развивалась наиболее быстрыми темпами, можно рассматривать как развитие идей и сотрудничества в рамках ИБЮАК. Начало созданию БРИК было положено четырехсторонними консультациями на уровне министров иностранных дел в 2005 г. Практическое взаимодействие стран БРИК стало возможным в сентябре 2006 г. в Нью-Йорке, где состоялась первая встреча министров иностранных дел стран БРИК в рамках сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Ее итогом стало подтверждение участниками заинтересованности в развитии четырехстороннего диалога. Вторая встреча тех же министров прошла в сентябре 2007 г. снова в Нью-Йорке. На ней были приняты решения о ежегодном проведении таких встреч. В мае 2008 г. в Екатеринбурге состоялось совещание министров иностранных дел стран БРИК, основным итогом которого стала договоренность о координации подходов по вопросам глобальной повестки дня. Министры обменялись мнениями по проблемам мирового политического порядка, международной торговли, ядерного разоружения, энергетической и продовольственной безопасности, борьбы с терроризмом и торговлей наркотиками, изменения климата, защиты окружающей среды, реформы ООН и мировых финансовых институтов, положения на Ближнем Востоке и вокруг Косова. В совместном коммюнике по итогам совещания были зафиксированы согласованные подходы стран БРИК по актуальным международным проблемам.

В июле 2008 г. в Японии в рамках мероприятий G-8 состоялась встреча лидеров четырех стран, на которой была достигнута договоренность о проведении полномасштабного саммита БРИК в 2009 г. В сентябре 2008 г. в Нью-Йорке состоялась очередная встреча руко-

водителей МИД стран БРИК, на которой обсуждались проблемы, связанные с мировым финансовым кризисом, а также вопросы взаимодействия четырех стран в ООН. На встрече министров финансов стран БРИК в Сан-Паулу в ноябре 2008 г. обсуждалось воздействие финансового кризиса на экономику этих стран, перспективы реформирования международной финансовой архитектуры в пользу предоставления большего права развивающимся странам. Позже, на саммите G-20 в Вашингтоне в том же месяце, страны БРИК выступили с идеей реформирования бреттон-вудских институтов.

Страны БРИК располагают огромными природными и людскими ресурсами – более четверти поверхности земной суши и 40% населения планеты. В то же время, несмотря на их быстрый экономический рост за последнее десятилетие, эти страны имели в МВФ всего около 10% голосов по сравнению с 50% голосов у США и Европы. До начала мирового кризиса в 2008 г. экономика стран БРИК росла в среднем на 6–10% в год. В опубликованном в декабре 2008 г. прогнозе Национального совета США по разведке «Глобальные тенденции – 2025: изменившийся мир» отмечается, что в 2020–2050 гг. ВВП стран БРИК превысит суммарный ВВП стран G-7. Вместе с тем у стран БРИК имелись серьезные структурные недостатки. Индия и Китай испытывали большие проблемы в социальной сфере (бедность значительной части населения, неравномерность развития регионов, проблемы экологии), Россия и Бразилия во многом зависели от экспорта сырья.

В декабре 2008 г. в Москве состоялась первая встреча экспертов, представлявших страны БРИК. На ней обсуждались экономические основы и перспективы сотрудничества этих стран с учетом их значительных ресурсов и растущего влияния в мировых делах, в том числе в свете кризисных явлений в мировой финансово-экономической системе. Рассматривался вопрос об альтернативах однополярности на политической карте мира¹²⁵⁹.

Мировой кризис наглядно показал ограниченность идеи и политики однополярности и значительно ускорил движение в сторону разработки концепции и практики многополярного мира как неизбежного и необратимого процесса в XXI в. На первой официальной встрече лидеров государств БРИК – Луиса Игнасио Лулы да Сильвы, Дмитрия Медведева, Манмохана Сингха и Ху Цзиньтао – в Екатеринбурге в июне 2009 г. подчеркивалась поддержка более демократического и справедливого многополярного мира, основанного на международном праве, равенстве, взаимном уважении, сотрудничестве, координированных действиях и коллективном принятии решений всеми государствами. Лидеры стран БРИК призывали к реформированию глобальных финансовых институтов, а также к реформе в ООН, предоставлению

Индии и Бразилии места в Совете Безопасности, соответствующего их роли в мире. Они говорили о центральной роли стран БРИК в преодолении финансового кризиса (и даже не упоминали о G-8). Таким образом, недвусмысленно давалось понять, что эпоха, когда богатейшие страны мира определяли мировую повестку дня, подходит к концу.

Одной из конкретных задач, поставленных странами БРИК, стало увеличение их представительства в МВФ, Всемирном банке и других финансовых организациях. «Растущие и развивающиеся экономики должны иметь больше голосов и представительства в международных финансовых институтах», – отмечалось в совместном коммюнике лидеров стран БРИК. «Мы также считаем, что существует настойчивая необходимость создания стабильной, предсказуемой и более диверсифицированной международной денежной системы», – говорилось в этом документе. В своем выступлении на этой встрече президент России Дмитрий Медведев подчеркнул, что американский доллар оказался не в состоянии выполнять роль главной валюты, и высказал мысль о неизбежном появлении новых резервных валют¹²⁶⁰.

После этой встречи были предприняты практические шаги с целью ослабления зависимости от доллара. Так, Китай и Бразилия приняли решение о взаимной торговле в их собственных валютах, без использования доллара. Россия и Китай заявили о том, что будут проводить работу по переводу части их торговли с доллара на рубль и юань.

Сближение стран БРИК происходило, несмотря на существенные культурно-цивилизационные, социально-экономические и политические различия между ними. Так, ВВП Китая превосходил этот же показатель остальных трех стран, вместе взятых. Китай превратился в ведущую «фабрику» мира. В то же время Россия была крупнейшим в мире поставщиком сырья, прежде всего углеводородов. Индия достигла больших высот в сфере информационных технологий и программного обеспечения. Бразилия стала одним из крупнейших поставщиков сельскохозяйственной продукции. Впрочем, все эти различия могли служить в качестве взаимодополняющих факторов в развитии торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между странами БРИК.

В политическом плане у России, Индии и Китая были серьезные наработки в сотрудничестве на трехстороннем уровне. Были свои достижения и в контактах группы Индия–Бразилия–ЮАР и Китая. В то же время между отдельными странами БРИК оставалось немало проблем. Так, у России были непростые отношения с Китаем, связанные с его растущим влиянием в Центральной Азии. У Индии сохранялись разногласия с Китаем по пограничному вопросу, а также

определенная напряженность, связанная с китайской поддержкой Пакистана. И только у Бразилии, которая находится на большом расстоянии от первых трех стран, не было заметных проблем в отношениях с остальными членами группы БРИК.

Однако, несмотря на все различия, четверка стран БРИК была объединена общей целью – добиться более благоприятного для них положения в новой расстановке сил на мировой арене. Это можно было сделать при условии изменения мировой финансовой и экономической архитектуры, что является весьма сложной задачей, требующей серьезных уступок со стороны доминирующей группировки развитых стран во главе с США. Предстояла длительная и упорная работа стран БРИК на этом направлении.

Деятельность стран БРИК по реформированию международной финансовой системы была продолжена на встрече глав государств G-20 в сентябре 2009 г. в Питтсбурге. Там встал вопрос о легитимности МВФ как глобальной международной организации, о нетерпимости такого положения, при котором США и ЕС, по существу, располагали в МВФ контрольным пакетом голосов, в то время как квоты таких крупных экономик, как Китай, Индия, Южная Корея, были сопоставимы с далеко не самыми крупными странами Европы.

Документы, подписанные на встречах глав государств G-20 в Лондоне в апреле 2009 г., а затем и встреча в Питтсбурге в сентябре того же года, выявили произошедшие изменения в балансе экономических сил в мире, а также стремление стран БРИК и некоторых других заменить G-8 на G-20, по крайней мере, при обсуждении мировых экономических проблем и принятии по ним решений. Это был, безусловно, положительный сигнал, так как G-20 более адекватно представляла мировую экономику, чем G-8. Страны «двадцатки» производили 85% мирового ВВП, в них было сосредоточено 80% объема мировой торговли. Кроме того, там проживало две трети мирового населения.

Накануне саммита в Питтсбурге министры финансов стран БРИК совместно потребовали перераспределения квот в МВФ от развитых экономик в пользу развивающихся в размере 7%. Европейские страны выступили против какого-либо перераспределения. Тем не менее, был достигнут компромисс – принято решение о перераспределении 5% квот. Ко времени принятия этого решения квоты в МВФ распределялись следующим образом: страны Евросоюза – 32,38% голосов, США – 17,09%, Япония – 6,12%, страны БРИК – 9,76% (из них Россия – 2,73%)¹²⁶¹. Поскольку на саммите в Питтсбурге вообще не обсуждались проблемы бедности огромной массы населения Земли, его главным итогом представлялось решение о пе-

пераспределении квот в МВФ, тем более на фоне так называемой проблемы бонусов для руководства банков. И, тем не менее, эти решения свидетельствовали о начале важного процесса в мировой структуре международных отношений в пользу развивающихся стран.

15 апреля 2010 г. на втором саммите БРИК, который состоялся в столице Бразилии, г.Бразилиа, лидеры четырех стран выступили с требованием осуществить реформирование бреттон-вудских институтов к концу 2010 г. В принятой совместной декларации отмечалась необходимость реструктуризации глобальной экономики, выработки мировым сообществом общих позиций по проблемам глобального потепления, энергетики, торговли, сельского хозяйства и реформе ООН. В этом документе подчеркивалась поддержка стремления Индии и Бразилии играть более значимую роль в ООН, содержался призыв к созданию более стабильной, предсказуемой и диверсифицированной международной валютной системы, к более широкому участию развивающихся стран в МВФ и Всемирном банке. Было также заявлено о целесообразности изучения возможности валютного сотрудничества между странами БРИК, включая использование национальных валют в торговле. Ряд стран – Мексика, Индонезия, Турция – выразили заинтересованность в присоединении к БРИК.

Одновременно с саммитом БРИК там же, в Бразилии, проходила и встреча в верхах группировки Индия–Бразилия–Южная Африка. Как отмечалось в индийской прессе, Южная Африка хотела бы присоединиться к БРИК. В то же время Китай был не против формального присоединения к ИБЮА. Вместе с тем Индия не выразила оптимизма в связи с возможным участием Китая в ИБЮА. По этому поводу премьер-министр Индии заявил, что ИБЮА – это «объединение трех крупных демократий». По существу, это означало, что Китай не отвечает такому требованию¹²⁶².

Все это свидетельствовало о том, что четверка стран БРИК пока делала первые шаги в качестве новой международной структуры. Ей еще предстояло доказать свою способность стать важным опорным узлом развития мира на ближайшие десятилетия и дать, таким образом, дополнительный импульс формированию многополярного мира на равноправной основе.

Индия и Шанхайская организация сотрудничества. В 2005 г. Индия вступила в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в качестве наблюдателя. Это подтвердило ее готовность проводить многовекторную политику в Азиатском регионе. Создание «Шанхайской пятерки» (апрель 1996 г.) в составе России, Китая, Казахстана, Киргизстана и Таджикистана и последующее преобразование ее в июне 2001 г. в ШОС с присоединением к ней Узбекистана суще-

ственно изменили политический пейзаж евразийского континента. ШОС охватила страны с населением около 1,5 млрд. человек на площади в две трети всей территории Евразии. Заявленные цели этой организации и уже имеющиеся результаты ее деятельности открыли дополнительные возможности как для двустороннего, так и многостороннего сотрудничества стран, входящих в ШОС.

Учреждение Региональной антитеррористической структуры ШОС с дислокацией в Ташкенте, подписание странами ШОС документов о безъядерной зоне в Центральной Азии свидетельствовали о том, что эта организация действовала в основном как региональная структура безопасности, которая могла превратиться в важный экономический фактор в случае углубления сотрудничества между странами ШОС, в том числе и в сфере экономики, и расширения состава этой организации за счет привлечения в нее новых членов.

Главные принципы деятельности ШОС, такие как ненаправленность против других стран, а также решение всех проблем в духе равноправия, взаимного доверия и сотрудничества, открывали перспективы присоединения к этой организации других государств, прежде всего азиатского региона.

Вместе с тем в ШОС существовал консенсус относительно целесообразности сохранения принятого ее участниками бессрочного моратория на расширение числа членов этой организации. В 2008 г. статус полного члена ШОС имели упомянутые шесть государств. В число наблюдателей входили Индия, Пакистан, Иран, Монголия. При этом Пакистан и Иран проявляли наибольшую заинтересованность в получении статуса полноправных членов ШОС.

Индия была заинтересована прежде всего в экономическом сотрудничестве со странами ШОС, включая энергетику и создание транспортных коридоров Север–Юг. Важной проблемой для нее была безопасность, в том числе борьба с терроризмом. Ее участие в ШОС в качестве возможного полноправного члена было связано с рядом проблем. Прежде всего, Индия не могла не учитывать фактор США, с которыми она динамично развивала отношения во многих сферах. В свою очередь, США пристально следили за изменениями в соотношении сил в азиатском регионе и не хотели упускать возможность контролировать ситуацию в нем. Об этом, в частности, свидетельствовало то, что Америка проявляла интерес к ШОС и даже выразила желание участвовать в нем в качестве наблюдателя.

Были у Индии проблемы и в отношениях с Китаем, но уже другого плана. Несмотря на нормализацию отношений с ним, у Индии сохранялись пограничные проблемы с этой страной. Кроме того, Индия, так же как и Китай, позиционировала себя как будущая великая

держав. Поэтому ее участие в ШОС могло стать возможным только на паритетных началах с Китаем и Россией, которые были лидерами в этой организации. И если Россия благожелательно относилась к возможному сотрудничеству с Индией в ШОС, то у Китая были основания занимать сдержанную позицию по этому вопросу, поскольку Индия могла стать для него сильным конкурентом в Центральной Азии, богатой энергоресурсами, столь необходимыми для обеих стран¹²⁶³.

В июне 2009 г. в Екатеринбурге одновременно с саммитом БРИК проходила очередная встреча руководителей стран – членов Шанхайской организации сотрудничества. В ней приняли участие главы шести стран: России, Китая, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана, а также лидеры четырех стран-наблюдателей – Индии, Пакистана, Монголии, Ирана – и премьер-министр правительства Афганистана. Было принято решение расширить торговые связи и инвестиции между государствами-членами ШОС и государствами-наблюдателями. Особенно большое внимание было уделено обсуждению масштабных проектов в транспорте, коммуникациях, торговле и туризме, инновациях, энергосберегающих и возобновляемых энергетических технологиях. Лидеры ШОС заявили, что их целью является превращение Центральной Азии в трансконтинентальный мост между Европой и Азией. Для этого должны быть созданы новые транспортные коридоры и модернизированы существующие железные дороги и шоссе.

ШОС одобрила ряд документов, направленных на усиление борьбы с терроризмом и экстремизмом в 2010–2012 гг. Особое внимание было уделено вопросам безопасности. Был принят документ о политико-дипломатических механизмах по реагированию на ситуации, угрожающие миру, безопасности и стабильности в регионе.

Как и на предыдущих встречах, было рассмотрено положение в Афганистане. ШОС выразила глубокую озабоченность ухудшившейся ситуацией в этой стране и приняла решение усилить сотрудничество со странами-наблюдателями ШОС и другими государствами и организациями для усиления борьбы против растущей угрозы терроризма и наркотрафика. Было объявлено о создании трехсторонней группы в составе России, Афганистана и Пакистана с целью решения проблемы терроризма в зоне племен. Россия заявила, что проблема Афганистана не может быть разрешена без нормализации положения в некоторых пакистанских провинциях и без уничтожения укрывшихся там террористов.

В свою очередь, Индия не была сторонним наблюдателем того, что происходило в Афганистане после начала контртеррористиче-

ской операции, проводимой коалицией во главе с США. Она не принимала участия в военных действиях, но осуществляла масштабные работы по восстановлению гражданских объектов, на что ею было выделено более 1,2 млрд. долл. С этой целью в 2009 г. в Афганистане работало около 4 тыс. индийцев. По мнению командующего войсками США в этой стране генерала Стэнли Мак Кристала, «растущее влияние Индии может привести к усилению напряженности в этом регионе»¹²⁶⁴.

Впервые на саммите ШОС в Екатеринбурге участвовал премьер-министр Индии Манмохан Сингх. Россия давно выступала за предоставление Индии полноправного статуса члена ШОС. Однако Китай был против этого и инициировал принятие моратория на вступление новых членов в эту организацию. На саммите ШОС в Душанбе в 2008 г. была создана комиссия для выработки правил по приему новых членов, которая подготовила проект этого документа. На встрече ШОС в Екатеринбурге президент РФ Дмитрий Медведев выступил за ускорение принятия решения по этому вопросу. Лидеры Узбекистана и Таджикистана поддержали это предложение. Однако Китай продолжал выступать против расширения ШОС. Председатель КНР Ху Цзиньтао даже не упомянул об этом предложении в своих выступлениях.

В Екатеринбурге Беларусь и Шри Ланка получили установленный на этом саммите ШОС статус «партнеры ШОС по диалогу». После окончания встречи ШОС в верхах М. Сингх заявил, что Индия не только ожидает укрепления «функционального сотрудничества с ШОС», но и приветствовала бы приглашение присоединиться к ней в качестве члена этой организации. При этом он добавил, что не лоббирует этот вопрос¹²⁶⁵.

На встрече глав стран ШОС в Екатеринбурге было заявлено о необходимости расширения экономических связей между этими странами. Китай объявил о решении предоставить странам Центральной Азии кредиты на общую сумму в 10 млрд. долл. для оказания помощи в борьбе с мировым кризисом. Раньше КНР уже предоставила кредит в 10 млрд. долл. Казахстану и 3 млрд. долл. Туркменистану для разработки новых нефтяных и газовых месторождений, а также согласилась инвестировать 1 млрд. долл. в строительство электрогенерирующих мощностей в Таджикистане. Таким образом, Китай стал крупнейшим донором в Центральной Азии, опередив Россию. В начале 2009 г. она создала антикризисный фонд для этого региона в объеме 10 млрд. долл. и обязалась предоставить более 2 млрд. долл. экономической помощи и кредитов Киргизстану¹²⁶⁶.

Что касается Индии, то Центральная Азия является для нее важным стратегическим плацдармом, особенно с точки зрения энергети-

ческих ресурсов. Насколько ее возможное участие в ШОС поможет укреплению ее позиций в этом регионе остается открытым вопросом. А между тем Индия предпринимает активные усилия по развитию отношений со странами Центральной Азии на двусторонней основе.

Вместе с тем Индия постоянно подчеркивает стремление нормализовать отношения с Китаем, несмотря на сохраняющиеся противоречия по пограничному вопросу. В августе 2009 г. новый министр иностранных дел Индии С.М. Кришна, занявший этот пост после создания правительства Объединенного прогрессивного альянса по итогам выборов 2009 г., подчеркнул, что пограничный вопрос не заслуживает более широкую картину индийско-китайских двусторонних отношений. Он подчеркнул важность развития экономических связей между обоими государствами. Продолжая мысль о сотрудничестве между Индией и Китаем, министр особо отметил, что его страна хочет укреплять связи с Китаем, продолжить процесс урегулирования пограничных вопросов с ним¹²⁶⁷.

Новая внешнеполитическая ориентация Индии

Кардинальное изменение международной обстановки после окончания холодной войны не могло не повлиять на перемены и в индийской внешней политике. Распад Советского Союза и последующая почти тотальная ориентация России на Запад потребовали от Индии новых подходов к оценке ее безопасности. В своей внешней политике она не предпринимала резких ходов, противоречащих ее прежней политике и тем более отрицающих ее. В традиционном для нее духе спокойной, глубокой и детальной проработки внешнеполитической стратегии и тактики она гибко приспосабливалась к изменениям на мировой арене, исходя из принципиальных соображений защиты национальных интересов и безопасности. Для Индии эта задача облегчалась тем, что она не встала на путь отказа от прошлого. Вместе с тем и ей было непросто найти свое достойное место в мире в изменившихся условиях.

В своей внешней политике Индия, по существу, не руководствовалась идеологией, а придерживалась прагматической линии, отвечавшей ее национальным интересам в условиях конкретной международной обстановки. Как отмечает индийский политолог и член Индийского консультативного совета по национальной безопасности Раджа Мохан, такой подход появился не в последние 60 лет, а много раньше. В великом индийском эпосе «Махабхарата», пишет он в книге «Невероятные союзники. Ядерная Индия, Соединенные Штаты и гло-

бальный порядок», говорится о битве двух родов и их сторонников – пандавов и кауравов. После битвы один из героев «Махабхараты» Бхишма сказал: «Не существует вечного, постоянного понятия о друзьях и врагах. Дружба и вражда связаны с интересами и выгодой. Дружба может с течением времени обернуться враждой. А враг также может стать другом. Друзья и враги создаются силой обстоятельств». И тут же Раджа Мохан заявляет: «Нет свидетельств, которые заставили бы усомниться, что этот урок был забыт индийским государством»¹²⁶⁸.

Нам остается только судить, насколько эта оценка применима в нынешнем мире. Но очевидно следующее: сегодня нельзя принимать за данность то, что было вчера (в историческом плане), и на этом строить свою политику.

Индийская внешняя политика всегда характеризовалась прагматизмом, реалистичной оценкой происходящих событий в мире, глобальным охватом основных экономических и политических проблем, стоящих перед мировым сообществом. Она, как и любая другая крупная держава, ощущала главные вызовы, стоявшие перед человечеством, в том числе и связанные с глобализацией. Есть, по крайней мере, две главные причины такого восприятия современных проблем. Первая – это долгий исторический опыт страны, прошедшей через множество испытаний, поражений и побед и сохранившей свою самобытность, многообразие и единство. И вторая – масштабность ее внутренних проблем.

Нынешний глобализирующийся мир, отмечал премьер-министр Индии Ваджапай (1998–2004), фундаментально отличается от прошлого. Торговля и технология разрушили старые барьеры между странами и культурами. Мир становится «глобальной деревней» или «всемирным рынком». Однако в нем существуют несколько конфликтов. Один из них – огромный разрыв между неудовлетворенными насущными нуждами бедняков и сверхпотреблением богатых мира сего. Другой конфликт состоит в не менее опасном отсутствии баланса между нынешним восприятием человека как потребителя материальных ценностей и услуг и пренебрежением к «целостному человеку» в самом широком и высоком понимании этого слова. Несмотря на весь достигнутый материальный прогресс, в нем отсутствует самое ценное – человеческий элемент. В поиске ответов на насущные вопросы современный человек приходит к необходимости изучать суть как своей веры, культуры и цивилизации, так и цивилизации своих братьев во всех странах, он постепенно становится все более взаимозависимым и нуждается в диалоге между цивилизациями¹²⁶⁹.

Совершенно очевидно, что проблемы взаимозависимости стран и диалога между ними стали исключительно актуальными, требующими глубокого изучения и воплощения в реальную жизнь. Складывавшаяся новая структура власти и влияния в мире в начале XXI в. вынуждала развивающиеся страны, в том числе Индию, приспосабливаться к новым условиям, новому соотношению сил. Если раньше они имели возможность использовать в своих интересах соперничество сверхдержав за контроль в мировых делах, то в новой обстановке эти страны оказались перед необходимостью коренного пересмотра многих своих внешнеполитических позиций.

Индия не могла не учитывать, что развал СССР и предшествовавший этому распад Варшавского договора, а затем последующее резкое падение экономической и военной мощи России привели к принципиальному изменению соотношения сил на международной арене. С начала 1990-х годов стали нарастать тенденции, свидетельствующие о резком усилении военно-политической роли США и их союзников по НАТО. Одновременно происходило снижение роли и влияния таких международных институтов, как ООН, которые за полвека после окончания Второй мировой войны смогли немало сделать для смягчения международного климата и разрешения конфликтов в разных частях мира.

Индийцы реагировали на то, что в конце XX – начале XXI в. происходило активное наращивание усилий Запада во главе с США по подчинению своему контролю (политическому, экономическому и военно-стратегическому) тех регионов, которые входили в зону жизненных интересов СССР, то есть Восточной Европы, Закавказья, Центральной Азии. Индия с большой озабоченностью отнеслась к агрессии НАТО во главе с США в Югославии в 1999 г., главным результатом которой стало изменение стратегической концепции НАТО, позволявшей ей вмешиваться в дела суверенных государств там и тогда, когда она считала это необходимым.

В своей внешней политике Индия учитывала расширение НАТО на Восток (в страны Прибалтики, Чехию, Венгрию, Польшу), готовность этих стран размещать у себя натовские войска и вооружения, подготовку к вступлению в НАТО Болгарии, Румынии, а также Украины и Грузии. Не оставалась незамеченной линия Запада во главе с США на ослабление России, ее политическую и экономическую изоляцию.

С конца XX в. Индия прошла нелегкий путь адаптации к изменившимся условиям в мире, поиска своего достойного места, соответствующего потенциалу миллиардной страны. Индия гибко адаптировалась к переменам на мировой арене, исходя из соображений защиты национальных интересов и безопасности. Несмотря

на масштабные нерешенные проблемы, она весьма успешно преодолевала внутренние и внешние трудности, сохраняла свое единство и целостность. Индия приняла изменившийся мир со всеми его сложностями и активно использовала возможности для укрепления своих экономических и политических позиций.

При всех обстоятельствах внешняя политика Индии базировалась на защите национальных интересов. Модифицируя свой внешнеполитический курс в соответствии с требованиями времени, она не становилась на путь отказа от прошлого. Ее курс – это продолжение и развитие внешней политики предыдущих десятилетий. Важно и то, что Индия формулировала и проводила свою внешнюю политику в условиях демократии. Можно также сказать, что эта политика была, по существу, консенсусной, то есть пользующейся поддержкой большинства общества.

Глава 36

ИНДИЙСКО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Установление дипломатических отношений между Индией и Советским Союзом

Индия и СССР установили дипломатические отношения еще в то время, когда Индия не была независимым государством. Этому предшествовали события, которые объективно привели к такому результату.

В конце апреля 1945 г. в Сан-Франциско состоялась конференция, которая положила начало созданию Организации Объединенных Наций. Индия была одним из членов-основателей ООН и приняла участие в этой конференции. Индийская делегация, состав которой определил вице-король Индии Уэйвелл, состояла из сторонников британской власти. В знак протеста против этого сестра Неру Виджая Лакшми Пандит, которая в это время находилась в США с частным визитом по приглашению президента Рузвельта, возглавила другую делегацию Индии. Хотя эта делегация не добилась официального признания, она привлекла широкое внимание общественности. Участвовавший в работе конференции министр иностранных дел СССР В.М. Молотов нанес визит В.Л. Пандит и в своем выступлении на конференции заявил, что именно ее делегация представляет ин-

дийский народ, а официальные делегаты были всего лишь рупором Британии и их не стоило воспринимать серьезно. Его примеру последовали представители Франции, Филиппин, ряда других стран. Хотя США не высказались в пользу официального признания этой делегации, президент Гарри Трумэн пригласил Пандит на беседу в Белом доме¹²⁷⁰.

После формирования временного правительства Индии в начале сентября 1946 г. Неру в качестве вице-премьера Исполнительного совета при вице-короле Индии и министра иностранных дел (члена этого совета по международным делам) выступил 7 сентября того же года с первым заявлением, определившим основные направления внешней политики Индии. Он сказал, что Индия будет стремиться находиться вне «силовой групповой политики», «не присоединяться ни к одной группе против другой, что приводило в прошлом к мировым войнам и снова может привести к катастрофам еще большего масштаба. Мы считаем, что мир и свобода неделимы, и отрицание свободы где-либо обязательно будет угрожать свободе в других местах, и приведет к конфликтам и войнам, – подчеркнул он. – Несмотря на соперничество, ненависть и внутренние конфликты, мир движется в направлении более тесного сотрудничества и построения мирового сообщества. Свободная Индия будет трудиться во имя этого Единого Мира, мира, в котором народы будут свободно сотрудничать, и ни один класс или группа не будут эксплуатировать другие»¹²⁷¹.

Неру также заявил, что, несмотря на историческое прошлое, свободная Индия будет поддерживать дружеские отношения с Британией и другими странами Британского содружества наций. Он обратился с приветствием к народу Соединенных Штатов Америки, подчеркнув, что судьба предоставила ему возможность играть большую роль в международных делах, и выразил надежду, что это будет использовано в интересах мира и свободы человека. Неру приветствовал Советский Союз как «еще одну великую страну современного мира... которая несет огромную ответственность за формирование мировой политики... СССР является нашим соседом в Азии, и мы, естественно, должны осуществить много общих задач». Неру особо упомянул Китай – «мощную страну с мощным прошлым, нашим соседом», указав, что «Китай был другом Индии в течение веков», и выразил надежду, что «эта дружба будет развиваться и крепнуть»¹²⁷².

Осенью 1946 г. В.Л. Пандит уже официально возглавила делегацию Индии на первом заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. 25 октября 1946 г. Молотов выступил в поддержку независимости Индии на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Он сказал: «Хотя Индия является членом ООН, и поэтому, в соответ-

ствии с Хартией ООН, ее отношения с Великобританией должны основываться на суверенном равенстве, разве вы не слышали здесь на Генеральной Ассамблее призывы Индии поддержать и помочь ей? Настало время, чтобы справедливые требования Индии были признаны». Реагируя на это заявление Молотова, Пандит подчеркнула: «Мы приветствуем заявление Вячеслава Молотова по Индии. Оно является знаком понимания и дружбы между нашими странами. Это была очень смелая речь»¹²⁷³.

14 ноября 1946 г. Неру послал письмо Пандит, в котором сформулировал основные направления внешней политики Индии в отношении великих держав. Он писал: «... наш общий подход состоит в том, чтобы избегать излишнего вовлечения в деятельность определенных групп, а две главные такие группы в нынешнем мире хорошо известны. С одной стороны, можно убедительно доказывать, что наш крен в сторону России будет раздражать США и их сателлитов. С другой стороны, всегда существует опасность, что мы можем сами стать сателлитами англо-американской группы, которыми мы действительно в большой степени были в прошлом. Нам следует придерживаться среднего курса не просто из соображений целесообразности, но также потому, что считаем это верным курсом. Если Россия помогает и поддерживает нас, будет правильно выразить ей нашу признательность и наше дружеское отношение. Не сделать этого из-за боязни обидеть Америку или Англию... было бы совершенно непродуктивно и неправильно по отношению к самим себе. Я не хочу, чтобы ты или наша делегация стали сторонниками российского лагеря, – продолжал Неру. – Но я еще меньше хочу, чтобы вы крутились вокруг группы Британского содружества... Одно совершенно ясно – в нашей внешней политике мы не должны быть привязаны к британской политике и должны избегать того, чтобы она оказывала слишком большое влияние на нас. В то же время мы не должны явно идти на разрыв отношений с ними, хотя, разумеется, по любым конкретным вопросам у нас есть полное право порвать с ними, если мы почувствуем, что это нужно сделать... Лично я думаю, что в этой всемирной борьбе перетягивания каната в целом больше смысла быть на стороне России, но, конечно, не всегда... Мы должны поддерживать дружественные отношения как с Россией, так и с Америкой»¹²⁷⁴.

Буквально за несколько дней до установления дипломатических отношений с Советским Союзом 23 марта – 2 апреля 1947 г. в Дели состоялась первая Конференция по отношениям в Азии. В ней приняли участие делегаты от 28 азиатских стран. СССР был представлен республиками Средней Азии. На конференции Неру особо подчеркнул: «Мы хотим стоять на собственных ногах и сотрудничать со все-

ми, кто хочет сотрудничать с нами. Мы не хотим быть игрушками в чужих руках»¹²⁷⁵.

Менее чем через месяц после формирования Временного правительства Неру заявил, что поскольку Индия не имела прямых дипломатических контактов с СССР, он полагал необходимым изучить возможность их установления. По его поручению В.К. Кришна Менон, сподвижник Неру и впоследствии министр обороны в правительстве независимой Индии, встретился 28 сентября 1946 г. с министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым на Парижской мирной конференции. Кришна Менон передал Молотову письмо Неру, в котором он писал: «Мы искренне желаем развивать дружественные отношения с Советским Союзом и обменяться дипломатическими и иными представлениями с Вашей страной. Мы надеемся, что сотрудничество между Индией и Россией будет взаимовыгодным и послужит интересам мира и прогресса во всем мире»¹²⁷⁶. Через несколько дней, в начале октября 1946 г., советское правительство сообщило Неру о готовности установить дружественные отношения с Индией. Тогда же в октябре член индийской делегации на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке К.П.Ш. Менон получил указание из Дели провести переговоры с Молотовым об установлении дипломатических отношений между обеими странами¹²⁷⁷.

В ноябре 1946 г. Неру информировал Учредительное собрание Индии, что СССР заявил о своей готовности установить дипломатические отношения с Индией. Между тем британские власти пытались заблокировать это, вплоть до того, что установили слежку за перепиской Кришны Менона и К.П.Ш. Менона с Неру¹²⁷⁸. При этом они ссылались на то, что Временное правительство не имеет полномочий на подобные действия, поскольку это является прерогативой британских властей. В связи с намечавшейся (но не состоявшейся) поездкой К.П.Ш. Менона в Москву для переговоров по вопросу о дипломатических отношениях верховному комиссару (послу) Великобритании в Москве было дано указание затормозить этот процесс, пока ситуация в Индии не прояснится¹²⁷⁹.

В дальнейшем Неру публично заявлял о стремлении Индии установить дипломатические отношения с СССР. В январе 1947 г., выступая на приеме в честь советской делегации на Индийском научном конгрессе, он выразил надежду, что «в ближайшем будущем наши две страны смогут обменяться дипломатическими представителями и после этого будет открыта дверь во многих благотворных областях человеческой деятельности»¹²⁸⁰.

Окончательные переговоры об установлении дипломатических отношений между Индией и СССР были проведены в Китае между

генеральным агентом Индии в Китае К.П.Ш. Меноном и послом Советского Союза в этой стране А.А. Петровым. Тем самым удалось избежать вмешательства английского правительства в процесс установления этих отношений. 13 апреля 1947 г. Временное правительство Индии заявило: «Желая установить и далее развивать дружественные отношения между Индией и СССР, правительство Индии и правительство СССР решили обменяться дипломатическими миссиями на уровне посольств». Аналогичное заявление было сделано в Советском Союзе¹²⁸¹.

Таким образом, установление дипломатических отношений завершилось в очень короткий срок – чуть более полугода. И это несмотря на то, что Индия не обрела к тому времени независимость, и несмотря на то, что английское правительство всячески противилось этому.

Важное значение этого шага было подчеркнуто назначением первым послом Индии в СССР Виджаи Лакшми Пандит, которая прибыла в Москву 5 августа 1947 г., еще до провозглашения независимости Индии. Она писала в этой связи: «Мы были взволнованы и наполнены чувством гордости за то, что Индия открывала первую дипломатическую миссию за рубежом. Наши отношения с миром только начинались. В Лондоне еще с британских дней у нас была миссия, но первый индийский верховный комиссар в Британии Кришна Менон был назначен после 15 августа 1947 г. Посольство Индии в Вашингтоне (посол Асаф Али был членом Рабочего комитета Конгресса) было также открыто после этой даты»¹²⁸².

Первый посол Советского Союза в Индии К.В. Новиков приступил к работе в октябре 1947 г. Он не занимал столь высокого места в советской иерархии, как Асаф Али или В.Л. Пандит, а был профессиональным дипломатом, заведующим Вторым европейским отделом НКВД¹²⁸³. Но главное – пользовался доверием высшего руководства СССР. Об этом говорит тот факт, что наряду с В.М. Молотовым и А.Я. Вышинским, он готовил материалы для переписки И.В. Сталина с Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем во время Второй мировой войны¹²⁸⁴. После смерти Сталина и прихода к власти Н.С. Хрущева он был смещен на посту посла Индии в июне 1953 г., пробыв в этой стране около 6 лет, и вернулся в МИД в качестве заведующего Отделом стран Юго-Восточной Азии.

Примечательно, что верительные грамоты посла Пандит были подписаны королем Георгом VI, поскольку именно он оставался главой Британской Индии до 15 августа 1947 г. Характерно и то, что в первом индийском посольстве в Москве все дипломаты, за исключением Пандит, не принимали участия в борьбе за независимость, а

были чиновниками Индийской гражданской службы, созданной Британией для управления Индией. Несмотря на все проблемы, в том числе бытовые, которые индийское посольство испытывало в Москве, Пандит отмечала, что «русские обращались ко мне с большим уважением и не отдавали особого предпочтения в связи с тем, что я женщина, что мне было приятно. Это не был период дружбы, а время “расцементирования” отношений последнего периода войны». Пандит поясняла дальше: «Поскольку Индия еще только выработывала свою внешнюю политику, в то время не было каких-то особых проблем между Советским Союзом и нами. Передо мной не было поставлено каких-либо конкретных задач, и моя работа имела ограниченный характер»¹²⁸⁵.

Во время работы Пандит в СССР она была назначена главой индийской делегации на сессии ООН в сентябре 1947 г. В ходе дискуссий в Совете Безопасности ООН СССР занял позицию поддержки Индии по очень важному для нее кашмирскому вопросу. Советский Союз использовал свое право вето, заблокировав принятие резолюции о проведении плебисцита в Кашмире. Противоположную позицию заняли США, которые тем самым выступили на стороне Пакистана. Как писала Пандит, симпатии СССР были в пользу Индии. «Политика не основана на гуманизме, – продолжала она, – страны голосуют за или против тех или иных проблем, преследуя свои собственные интересы. Но характер и выбор времени для такого голосования важны, так как помощь, оказанная в психологически важный момент, укрепляет отношения. Это относится к Индии и Советскому Союзу»¹²⁸⁶.

Позже, во время одной из своих поездок из Москвы в Дели, Пандит говорила с Неру о своем желании продолжать работу в Москве. Неру с этим согласился. Но через три месяца, 1 апреля 1949 г., она получила назначение послом в США. По всей вероятности, это было связано с первым визитом Неру в США, где предстояли сложные переговоры, в том числе по кашмирскому вопросу. Пандит должна была участвовать в подготовке визита, который начался 11 октября 1949 г.

В своих мемуарах Пандит писала, что в Москве «все время были проблемы и мало сотрудничества со стороны русских (советских) чиновников, но это было вызовом, и мне нравилось быть там, несмотря ни на что». Пандит была разочарована тем, что ее не принял Сталин. В то же время она отмечала, что тогда он не встречался с дипломатами. Его первой такой встречей была беседа с послом США во время берлинского кризиса 1949 г.¹²⁸⁷

Советский Союз быстро отреагировал на провозглашение независимости Индии. В сентябре 1947 г. член Политбюро ЦК КПСС

А.А. Жданов в одной из речей назвал Индию в числе таких стран, как Египет и Сирия, которые не принадлежали ни к социалистическому, ни к капиталистическому блоку. После первых лет взаимной «притирки», когда СССР и Индия только «нащупывали» реальные сферы взаимодействия в условиях сложной международной обстановки после Второй мировой войны, СССР стал подавать Индии серьезные знаки дружбы и сотрудничества. 14 января 1950 г. И.В. Сталин, который крайне редко встречался с иностранными дипломатами, принял посла Индии С. Радхакришнана. В феврале 1953 г. он встретился с новым индийским послом К.П.Ш. Меноном, который подробно написал об этом в книге «Летающая тройка»¹²⁸⁸.

Индийско-советское сотрудничество в 1950–1960-е годы

При выработке внешнеполитического курса Индии приходилось учитывать отношения с прежней метрополией, Англией, и противостояние между США и СССР. В первые годы независимости это было весьма сложной задачей. Относительно Советского Союза Неру писал в июне 1948 г.: «Мы хотим дружбы с Россией и сотрудничества с ней во многих областях, но мы народ чувствительный, нам очень не нравится, когда нас ругают и унижают. Русская политика, казалось, исходит из того, будто ничего существенного в Индии не произошло и будто мы по-прежнему следуем в фарватере англичан. Конечно, все это нелепо, а такая политика неизбежно ведет к ошибкам»¹²⁸⁹.

В сентябре 1948 г. Советский Союз сделал попытку внести перемены в отношения с Индией, предложив оказать ей поддержку в вопросе о судьбе Кашмира и Хайдарабада. Но это ни к чему не привело, писал биограф Неру Сарвепалли Гопал. Индия не просила такой помощи. Однако просто отсутствие враждебности и обязательство сохранять нейтралитет в случае конфликта не устраивали Советский Союз. А Неру не собирался идти на большее. Советское правительство не так уж ошибалось, не доверяя Индии, так как в то время ее нейтралитет явно благоприятствовал западным державам. Неру признавал это, и именно по его указанию Великобритания и США получили заверения, что при том положении в мире, которое было тогда, Индия ни в коем случае не будет блокироваться с Советским Союзом ни в военное, ни в мирное время¹²⁹⁰.

Заметное тяготение Неру к западным державам, его связь с Содружеством и плохие отношения с Советским Союзом содействовали росту авторитета Индии в глазах Соединенных Штатов. К началу 1949 г. эти усилия Индии были одобрительно встречены в Амери-

ке¹²⁹¹. Президент Трумэн пригласил Неру в США. В октябре 1949 г. Неру посетил Америку. Его беседы с Трумэном и другими государственными деятелями выявили разногласия между Индией и США по многим ключевым вопросам, в том числе положению в Кашмире и отношению к Китаю после образования Китайской Народной Республики (КНР), которую Индия намеревалась признать. США занимали по этим вопросам отличную от Индии позицию.

Что касалось поставок так необходимого Индии продовольствия из США, то эта проблема не получила своего положительного решения, хотя американский рынок был затоварен пшеницей. По мнению Неру, правительству США нужна была его покорность по всем вопросам, и ни на каких иных условиях оно помогать Индии не хотело. «Меня там радушно встретили, я весьма признателен за это и прямо выразил свою признательность, – писал Неру. – Но от меня ждали большего, чем выражение признательности и доброй воли, а этого я дать не мог»¹²⁹².

После поездки Неру в США отношения между Индией и Америкой не улучшились, а стали более напряженными из-за позиции американцев по кашмирскому вопросу. Неру отклонил их предложение об арбитраже по Кашмиру и выразил недовольство давлением извне тем, что США, Великобритания и другие западные страны поощряли Пакистан в этом вопросе. Особенно его возмутил пышный прием, оказанный в Вашингтоне премьер-министру Пакистана Лиакат Али Хану¹²⁹³.

В этих условиях Неру считал возможным рассмотреть вопрос о сотрудничестве с Советским Союзом со всей «осторожностью» и не заходить слишком далеко, всякий раз присматриваясь к тому, какую реакцию это будет вызывать в США на каждом этапе. В письме главным министрам штатов Неру писал: «Сегодня мы имеем дело с мощной советской группой государств, образующих монолитный блок, который проводит не только единую внутреннюю экономическую политику, но и общую внешнюю политику. Будучи экспансионистской, эта политика склонна порождать конфликты с другими государствами... С другой стороны, соперничающая группа в своем подходе, теоретически являющемся демократическим, все больше и больше опирается на реакционные и милитаристские элементы в различных странах, особенно в Азии. По логике событий, она опирается на остатки колониального господства»¹²⁹⁴.

25 июня 1950 г. разразилась война в Корее. Неру, вначале принявший сторону Америки, позже выступил с идеей объединения Кореи. Этот его совет встретил осуждение в США. Они также обвинили Неру в том, что он мобилизует силы в поддержку признания Китая в ООН.

После смерти Сталина 5 марта 1953 г. произошло заметное улучшение в отношениях между Советским Союзом и Индией. В августе 1953 г. председатель Совета министров СССР Г.М. Маленков в речи на заседании Верховного совета особо остановился на политике Индии и отношениях Советского Союза с ней. Он сказал, что позиция такой огромной страны, как Индия, имеет большое значение для укрепления мира на Востоке. Индия внесла значительный вклад в усилия миролюбивых стран, направленных на окончание войны в Корее. Отношения с Индией укрепляются; развиваются культурные и экономические связи. Маленков выразил надежду, что отношения между Индией и Советским Союзом будут впредь развиваться и крепнуть, ключом к этому послужит дружественное сотрудничество¹²⁹⁵.

Тогдашний посол Индии в Москве К.П.Ш. Менон отметил, что это был первый случай, когда столь дружественное заявление в отношении Индии, а по существу, и любого некоммунистического государства, было сделано таким видным деятелем Советского Союза. Речь Маленкова, писал Менон, в целом была впечатляющим заявлением по вопросам советской внешней политики, одновременно твердым и сдержанным, достойным и ясным, эмоциональным и исполненным государственной мудрости¹²⁹⁶.

За этим последовали конкретные шаги по расширению индийско-советских связей. В декабре 1953 г. было подписано первое торговое соглашение между обеими странами. В том же 1953 г. состоялся неофициальный визит в Советский Союз дочери Неру Индиры Ганди.

Крупным шагом в дальнейшем развитии индийско-советских отношений стал визит Неру в Советский Союз 7–24 июня 1955 г., в ходе которого он провел плодотворные переговоры с первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым и председателем Совета министров СССР Н.А. Булганиным. Помимо встреч с советскими лидерами, Неру в сопровождении И. Ганди совершил поездку по Советскому Союзу, посетив, помимо Российской Федерации, Грузию, Украину, Туркмению, Казахстан, Узбекистан. Он встречался с рабочими, колхозниками, деятелями культуры, школьниками. В речи на приеме в Кремле Неру сказал: «У нас нет врагов в мире, мы хотим дружить со всеми... Россия – великая страна, а величие налагает ответственность. Несомненно, Россия употребит свою силу с чувством ответственности за укрепление мира»¹²⁹⁷.

Выступая на массовом митинге на стадионе в Москве, Неру, в частности, сказал: «Мы приехали сюда, чтобы передать народу вашей великой страны привет и добрые пожелания индийского народа и, возвращаясь, увозим с собой дружеские чувства и добрые пожела-

ния нашей стране и нашему народу. Мы приехали к вам не в качестве неосведомленных чужестранцев, многие из нас уже давно с глубоким интересом следили за великими переменами и свершениями в вашей стране... Великие достижения Советского Союза произвели на меня глубокое впечатление. Я видел, как эта громадная страна преобразается благодаря трудолюбию ее народа и его великому стремлению улучшить условия своей жизни». Неру говорил и о своих задачах и планах по построению демократического общества в Индии: «Мы верим в демократию, равенство и отмену привилегий, – сказал он, – и ставим перед собой задачу создать в нашей стране мирным путем социалистическое по своему характеру общество. Какую бы форму это общество или демократия ни приняли, они должны открыть доступ к знанию и обеспечить равные возможности для всех»¹²⁹⁸.

Характерно, что проект Совместного заявления, подписанного по результатам советско-индийских переговоров в Москве, был подготовлен индийской стороной. Советские представители предложили некоторые дополнения к этому заявлению (несколько нерешительно, как отметил посол Менон), но сняли их после того, как индийцы объяснили причины их возражений. Советский Союз предлагал осудить политику создания военных блоков и заявить, что обе страны не примут участия в каких-либо коалициях или действиях, направленных против одной из них. Индийская сторона пояснила, что такая формулировка может рассматриваться как своеобразный «негативный военный альянс» Индии и СССР. После снятия этого предложения совместное заявление, как пишет Менон, было составлено полностью в индийском духе как по стилю, так и по существу¹²⁹⁹.

Этот эпизод свидетельствовал о том, что советская сторона внимательно относилась к индийским идеям и предложениям по вопросам внешней политики, что создало хороший прецедент на будущее.

В ноябре 1955 г. Хрущев и Булганин нанесли ответный визит в Индию. Помимо переговоров с Неру, они совершили путешествие по стране, посетив множество городов: Дели, Джайпур, Бомбей, Пу-ну, Калькутту, Бангалор, Мадрас, а также штаты Кералу, Панджаб, Кашмир. Везде им был оказан самый теплый прием. На массовом митинге в Калькутте на встрече с советскими лидерами собралось около трех миллионов человек, в Дели – более полумиллиона.

В чем причина такого взрыва энтузиазма? – задавал вопрос посол Менон, который сопровождал советских руководителей в поездке по Индии. И сам ответил на него: прежде всего в том, что народ Индии видел в Советском Союзе друга, такого друга, который не требовал от него ничего, кроме дружбы. В этом отношении, продолжал Менон, Советский Союз отличался от США. Они также были

другом, но довольно ревнивым другом, почти что властным любовником, который был готов прижать Индию к своему сердцу стальными обручами. Но Индия не была готова броситься в эти стальные объятия. Оскорбленные США повернулись в сторону Пакистана, набросили на него свою мантию и соблазнили его предложениями военной помощи. Действительно, в день приезда советских лидеров в Индию правительство США объявило о своей готовности выделить 20 млн. долл. на строительство аэродромов в Пакистане. Более того, западные державы завлекли Пакистан в такие организации, как СЕАТО и Багдадский пакт. Индия отказалась присоединиться к ним... И это создало ощущение в Индии, что ее окружают. В такой ситуации вполне естественно для Индии радоваться тому, что у нее есть другие друзья, мощные, но менее требовательные. Их единственная забота состоит в том, чтобы Индия продолжала идти по пути нейтралитета, который она сама определила для себя¹³⁰⁰.

Суть политики Советского Союза по отношению к Индии и другим развивающимся странам была сформулирована в 1956 г. на XX съезде КПСС. Речь шла о мирном сосуществовании, дружбе и сотрудничестве стран с различными социальными и политическими системами. Таким образом создавалась огромная зона мира, состоявшая из социалистических и миролюбивых несоциалистических стран в Европе и на Востоке. СССР заявил о своей поддержке народов стран Востока, выступавших за мир и отказавшихся присоединиться к военным пактам, и о том, что он готов помочь этим странам в их индустриальном развитии на условиях равенства и взаимной выгоды¹³⁰¹.

В отличие от послевоенного периода, когда СССР восстанавливал разрушенное войной народное хозяйство, во второй половине 1950-х годов он уже располагал возможностями реально оказывать помощь странам, вставшим на путь независимого развития. Это в полной мере касалось и Индии, крупнейшей несоциалистической страны, экономически более развитой, чем другие государства Азии, освободившиеся от колониального господства.

Несмотря на небольшие в сравнении с Западом экономические возможности в 1950–1960-е годы, СССР смог оказать значительное влияние на развитие базовых отраслей промышленности Индии, что существенно снизило ее зависимость от Запада. Это наглядно выявилось в переговорах и строительстве первого крупного советско-индийского предприятия – металлургического завода в Бхилаи (штат Мадхья-Прадеш). СССР оперативно и быстро решил вопрос об условиях этого проекта и начал строительство в 1955 г., в то время как западные страны затягивали с решением подобных вопросов и даже отказывались от них. При этом советские условия были более благо-

приятными, чем западные. Так, по Бхилайскому металлургическому заводу СССР согласился на погашение кредита на строительство в течение 12 лет после его окончания из расчета 2,5% годовых, с выплатой в индийских рупиях или индийских товарах. Западные же страны предлагали кредиты на более жестких условиях – 4,5–6,3% годовых в конвертируемой валюте и на более короткий срок. Кроме того, СССР предпочитал оказывать помощь в строительстве предприятий государственного сектора экономики, в то время как Запад шел на это крайне неохотно. В случае с металлургическим заводом в Бокаро Советский Союз предложил свою помощь в его строительстве после того, как длительные переговоры Индии с США по этому вопросу окончились безрезультатно. СССР также содействовал Индии в экономическом планировании и подготовке индийских инженеров для работы на предприятиях советско-индийского сотрудничества. В целом с 1955 г. до конца 1960-х годов СССР предоставил Индии кредиты на общую сумму в 1,5 млрд. долл. и помог построить десятки крупных предприятий в ключевых сферах ее экономики – металлургии, энергетике, машиностроении, нефтехимии.

Торговля между Советским Союзом и Индией также росла большими темпами. Если в 1953 г. товарооборот между обеими странами составлял всего 1,6 млн. долл., то в 1958 г. он достиг почти 100 млн. долл. Индийский импорт из СССР к этому году составил 2,5% всего импорта Индии и 4,2% всего ее экспорта. К 1965 г. эти цифры выросли до 6% и 11,5% соответственно. Индия стала самым крупным некоммунистическим торговым партнером СССР. С годами менялась и номенклатура товаров. Если вначале Советский Союз покупал в основном традиционные индийские товары (чай, ткани, кожи и т.п.), то позже к ним добавились готовые изделия и полуфабрикаты. Вместе с тем было немало проблем, связанных с тем, что некоторые товары не имели должного спроса на международном рынке и поэтому должны были продаваться только в СССР. Кроме того, окончательный расчет в двусторонней торговле производился в рупиях, что, безусловно, облегчало положение Индии при ее ограниченных валютных ресурсах, но затрудняло действия СССР в этой же связи. И тем не менее, рост торговли между обеими странами был, несомненно, важным фактором в развитии советско-индийского сотрудничества¹³⁰².

Если в 1950-х годах большую часть вооружений Индия покупала у Великобритании, то с начала 1960-х годов она начала приобретать их у других стран – Советского Союза, США, Канады, Франции и Австралии. В 1960 г. она закупила 24 транспортных самолета ИЛ-21 у СССР, и с этого времени началось активное военно-техническое сотрудничество между обеими странами. В 1961 г. Индия приобрела

партию советских вертолетов, а в 1962 г. подписала с СССР соглашение на поставку партии истребителей МиГ-21 и его производство на заводе в Индии. За этим последовали поставки из СССР другой военной техники – ракетных установок земля–воздух, танков, подводных лодок. По некоторым данным, к концу 1960-х годов получила Индия из СССР вооружений и военного оборудования на общую сумму в 700 млн. долл.¹³⁰³

Позиции Индии и СССР по Суэцкому кризису

Индия заняла антибританскую и антифранцузскую позицию по вопросу о Суэцком кризисе 1956 г., результаты которого, по существу, подвели черту под господством колониализма в мире. Этому предшествовали следующие события. Создание в 1955 г. по инициативе США и Великобритании Организации центрального договора – СЕНТО (Багдадского пакта) – военно–политической группировки на Ближнем и Среднем Востоке привело к изменениям обстановки в Южной Азии. В состав этого пакта вошли Великобритания, Турция, Ирак, Иран и Пакистан. Индийцы стали выражать опасения, что поставки американских вооружений в Пакистан могут привести к его военному превосходству над Индией. К тому же на заседании СЕНТО в Карачи в марте 1956 г. было принято решение о скорейшем урегулировании кашмирского вопроса. Все это вызывало закономерные возражения Индии. В том же 1956 г. в Индию с визитом прибыл госсекретарь США Дж. Ф. Даллес, встреча которого с Неру дала основания индийцам полагать, что США занимают пропакистанскую позицию. С одной стороны, Даллес говорил, что Америка не допустит нападения Пакистана на Индию, с другой – на встрече с Неру он сказал, что вскоре пакистанская армия по численности сравняется с индийской, а ее вооружение будет качественно выше. Тогда же, в марте 1956 г., член Политбюро ЦК КПСС А.И. Микоян в ходе визита в Индию информировал Неру: в правительстве Пакистана ему сообщили, что целью военных пактов с участием Пакистана является укрепление его военной мощи против Индии и Афганистана¹³⁰⁴. За полгода до начала Суэцкого кризиса, в декабре 1955 г., США и Великобритания сделали предложение правительству Египта о строительстве высотной Асуанской плотины в Верхнем Ниле (более 110 м в высоту и почти 5 км в длину). Такая плотина была жизненно необходима Египту. Она должна была регулировать поступление воды в долину Нила, защитить население от ежегодных разливов реки. Как показало дальнейшее развитие событий, одной из целей предложен-

ного Египту строительства плотины было сделать его зависимым от Запада (так же, как открытие Суэцкого канала в 1869 г. позволило Западу экономически контролировать Египет).

В июне 1956 г. в Каир прибыл новый советский министр иностранных дел Дмитрий Шепилов с предложением финансирования и строительства Асуанской плотины. А 19 июля того же года госсекретарь США Даллес заявил, что Вашингтон пришел к выводу, что плотина находится вне пределов экономических возможностей Египта. Помощь не будет оказана¹³⁰⁵. В этой связи Даллес сказал, что решение относительно Асуанской плотины было «шахматным ходом, какого дипломатия США не делала в течение долгого времени». Насер, утверждал он, «попал в адскую ситуацию, которая при любом способе разрешения может быть использована на благо Америки. Если он теперь обратится к русским, а те скажут "нет", это подервет всю сеть советских подачек во всем мире... Если Советы согласятся дать Насеру его плотину, тогда мы найдем способ объяснить странам-сателлитам, что их жизненные условия скудны потому, что Советский Союз вбухивает миллионы в Египет»¹³⁰⁶.

Ровно через неделю после заявления Даллеса, 26 июля 1956 г., Насер объявил о национализации Суэцкого канала. Великобритания и Франция выступили с протестом против такого решения. Они потребовали установления международного контроля над каналом. Разразился Суэцкий кризис. Фактически речь шла не только о Суэцком канале, а о влиянии на Ближнем и Среднем Востоке. Именно тогда администрация президента Эйзенхауэра разработала концепцию «Северного пояса наций», получившего воплощение в создании Багдадского пакта. Целью этого пакта было «сдерживание» СССР вдоль его южных границ. На деле многие участники пакта были меньше озабочены «советской экспансией», чем отношениями в регионе. Сирия отказалась участвовать в пакте. Ирак, столица которого Багдад был штаб-квартирой пакта в течение двух лет, был больше озабочен проблемами арабского радикализма, чем угрозой со стороны Советского Союза. Пакистан видел главную для себя опасность в Индии¹³⁰⁷. Индия, которая не входила в Багдадский пакт, рассматривала его как угрозу своей безопасности прежде всего потому что в нем был представлен Пакистан.

Великобритания и Франция предложили созвать конференцию 24 пользователей канала для разрешения кризиса. США поддержали их. Конференция состоялась в Лондоне. Индия выступила на ней с компромиссными предложениями, которые, помимо египетского суверенитета над каналом, предусматривали предоставление ежегодных отчетов в ООН египетскими властями канала, создание ассоциации

стран-пользователей канала с совещательными функциями и заключенные соглашения об урегулировании спорных вопросов в соответствии с уставом ООН¹³⁰⁸. Однако предложения Индии не были приняты.

10 сентября Насер отверг решения этой конференции. Вопрос был вынесен на рассмотрение ООН. В частных консультациях между египетскими, британскими и французскими представителями была достигнута договоренность о принципах судоходства по каналу. Они включали создание египетского оперативного совета управляющих каналом и международного надзорного совета его пользователей. 13 октября эти принципы были единогласно одобрены Советом Безопасности ООН, но меры по их воплощению в жизнь были заблокированы СССР, наложившим вето.

После этого, как пишет Киссинджер, Великобритания и Франция разработали «очевидную до смешного стратегию». Она требовала, чтобы Израиль вторгся в Египет и стал продвигаться к Суэцкому каналу, а затем Великобритания и Франция стали бы настаивать на том, чтобы Египет и Израиль отошли на 10 миль от канала. В случае отказа Египта, который заранее имелся в виду, Великобритания и Франция оккупировали бы зону канала. Этот маневр был «чересчур прозрачен и чересчур циничен». Обе эти страны поставили под сомнение свои претензии на статус великих держав, поскольку получилось будто им не обойтись без помощи Израиля, который выглядел бы как «орудие империализма»¹³⁰⁹.

29 октября 1956 г. Израиль вторгся в Синай. На следующий день Великобритания и Франция потребовали, чтобы Израиль и Египет отошли от канала, до которого израильские войска еще не дошли, и пригрозили ввести свои войска в Египет. Однако через сутки после наступления Израиля США поставили в СБ ООН на голосование резолюцию, требующую от Израиля отойти за установленную линию перемирия. Президент Эйзенхауэр жестко отреагировал: «Мы полагаем, что эти действия предприняты ошибочно, ибо не принимаем использование силы в качестве мудрого и надлежащего способа урегулирования международных споров»¹³¹⁰.

Вторжение Израиля, а затем Великобритании и Франции в Египет вызвало решительный протест Индии. Неру заявил: «Это попытка повернуть историю вспять...» Он призвал США вмешаться в это дело: «Не могу представить себе худшей формы агрессии. Если агрессия будет продолжаться и окажется успешной, вера в международные цели ООН пропадет и нас снова станет преследовать призрак колониализма... На карту поставлено будущее отношений между Европой и Азией. Как бы мы ни добивались мира, он невозможен, если допустить политику завоеваний»¹³¹¹.

Не менее определенным и решительным было послание Неру по тому же поводу премьер-министру Великобритании Антони Идену. Он писал: «Нам кажется, что это явная агрессия и нарушение устава ООН. У нас в Индии и, полагаю, во многих странах Азии на это смотрят как на возврат к прошлому мрачному периоду истории, когда западные державы навязывали странам Азии свои решения силой оружия... В этом случае наши симпатии не могут не быть всецело на стороне Египта...»¹³¹²

В военном столкновении между Израилем, Великобританией, Францией и Египтом Индия выступила в защиту последнего. Она направила ему лекарства и медицинское оборудование, а главное, послала туда лоцманов из калькуттского порта, поскольку Великобритания и Франция отозвали своих лоцманов из Порт-Саида, считая, что это парализует судоходство по Суэцкому каналу. Индия также отказалась присоединиться к так называемому Клубу пользователей канала. Это оказало большое влияние на ряд стран Африки, которые оставались еще в колониальном подчинении. Позже Индия, с согласия Египта, вошла в состав миротворческих войск ООН¹³¹³.

2 ноября 1956 г. Генеральная Ассамблея ООН потребовала положить конец военным действиям. В первый и единственный раз США голосовали вместе с Советским Союзом против своих ближайших союзников. Советский Союз обратился к руководителям США, а также Великобритании, Франции и Израиля с призывом прекратить агрессию против Египта. СССР заявил о готовности сотрудничать с ним путем предоставления своих военно-морских и военно-воздушных сил.

7 ноября 1956 г. британские и французские войска прекратили огонь. Суэцкий кризис закончился. Но его последствия были долговременными. Кризис продемонстрировал, во-первых, что эпоха колониализма безвозвратно завершилась. Во-вторых, что Великобритания и Франция перестали быть державами, сопоставимыми с США и Советским Союзом. В-третьих, Америка заявила о своей новой лидирующей глобальной роли, о том, что ее «жизненно важные интересы» распространяются на весь земной шар, охватывая оба полушария и каждый из континентов»¹³¹⁴. В-четвертых, развивающиеся страны, в первую очередь Индия, четко осознали свои возможности влиять на ход мировых событий.

Что касается США, то уже 29 ноября 1956 г. они заявили в связи со встречей руководителей Багдадского пакта – Ирака, Ирана, Пакистана и Турции, что «угроза территориальной целостности или политической независимости странам – членам пакта будет рассматриваться Америкой со всей серьезностью»¹³¹⁵. Таким образом, США прямо объ-

явили, что они берут на себя роль защитника государств, входивших в этот пакт. Такое заявление, конечно, не могло не насторожить индийское правительство.

Реакция Индии на венгерские события 1956 г.

Суэцкий кризис по времени совпал с событиями в Венгрии 23 октября – 10 ноября 1956 г., в ходе которых состоялись массовые выступления венгров против существовавшего тогда режима. Начались масштабные столкновения. В Венгрию были введены советские войска. Выступления были подавлены. В результате погибло много людей¹³¹⁶.

Индия заняла выжидательную позицию. Неру отказался поддержать требование США по рассмотрению этого вопроса в ООН. В поручении послу Индии в СССР К.П.Ш. Менону Неру предложил запросить полную информацию у советского правительства. «Дальнейшее осложнение конфликта между русскими и венграми, – писал он, – грозит серьезными последствиями и будет использоваться для того, чтобы отвлечь внимание от обстановки на Среднем Востоке». После того, как представитель Индии в ООН Кришна Менон воздержался при голосовании за резолюцию, осуждающую СССР за применение силы, Неру публично поддержал его. Однако в личной телеграмме Кришне Менону он писал: «...факт остается фактом: крупные контингенты советских войск подавили националистическое восстание, нанесли повстанцам большие потери убитыми и причинили страдания народу. События развиваются быстро, и времени на консультации нет. Вообще говоря, по-видимому, лучше воздерживаться от голосования, когда есть возражения, и вносить поправки в резолюции, но не голосовать против них»¹³¹⁷.

Представляет интерес точка зрения американцев на эти события. Вот как описывал их Киссинджер: «24 октября уличные демонстрации превратились в полномасштабную революцию. Советские танки, поспешно ввязавшиеся в драку, поджигались, а правительственные здания оказались в осаде...» «Когда венгерские студенты и рабочие сражались на улицах с советскими танками, Вашингтон хранил молчание». Вместе с тем радиостанция «Свободная Европа», которая финансировалась американским правительством, призывала 30 октября: «Министерство обороны и министерство внутренних дел все еще находятся в коммунистических руках. Борцы за свободу, не дайте этому сохраниться! Не вешайте оружие на стену!». Госсекретарь США Даллес заявил, что любая восточноевропейская страна, которая

порвет с Москвой, сможет рассчитывать на американскую помощь. Он также сказал, что США не исходили из скрытых мотивов, желая независимости странам-сателлитам и не рассматривали их как потенциальных военных союзников¹³¹⁸.

Уже после подавления восстания в Венгрии Неру, выступая в парламенте 19 ноября 1956 г., заявил, что в конце концов венгерский народ добьется своего и что события подорвали престиж Советского Союза не только в глазах неприсоединившихся стран, но также в глазах поддерживающих его стран и правительств, в том числе и народа самого Советского Союза¹³¹⁹.

22 ноября Неру направил Булганину, Кадару и Тито письма, в которых предлагал поддержать индийскую резолюцию в ООН с просьбой к правительству Венгрии принять наблюдателей ООН или хотя бы одного генсека ООН Хаммаршельда. Венгрия ответила отказом. 8 января 1957 г. США потребовали срочного созыва пленарной сессии ООН, на которой выдвинули резолюцию по ситуации в Венгрии, вызвавшую серьезные возражения Советского Союза. Индия воздержалась от голосования. Месяц спустя Москва ответила тем, что на заседании Совета Безопасности ООН воздержалась от голосования по резолюции о Кашмире, которая была неприемлема для Индии¹³²⁰.

Укрепление сотрудничества между Индией и СССР в 1970–1980-е годы

После того как Советский Союз выступил на стороне Индии в ее войне с Пакистаном в 1971 г., которая привела к образованию Бангладеш, индийско-советские отношения получили дополнительный импульс.

В ноябре 1973 г. состоялся успешный визит генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева в Индию. По его результатам обе стороны заявили, что отношения дружбы и сотрудничества между обеими странами являются моделью отношений между государствами с различными социальными системами. Во время визита советская сторона продвигала идею о коллективной безопасности в Азии. Однако индийцы холодно отнеслись к такому предложению, посчитав, что оно имеет антикитайскую направленность. Они хотели сохранить возможность развивать связи с Китаем. В конечном итоге эта инициатива не нашла отражения в совместной декларации. Однако в ней была подтверждена готовность обеих стран к поиску решений для превращения Индийского океана в зону мира. В декларации индийская сторона заявила, что приветствует ослабление напряжен-

ности в отношениях между СССР и США, поскольку это ведет к ослаблению напряженности в мире¹³²¹.

После успешного старта торгово-экономического сотрудничества в середине 1950-х годов (строительство металлургического завода в Бхилаи и других предприятий) оно было успешно продолжено. Подписанное в 1973 г. Соглашение о дальнейшем развитии торгово-экономического сотрудничества между СССР и Индией определило его главные направления – производство энергетического, металлургического оборудования, машиностроение, нефтепереработка.

Очередным этапом в развитии торгово-экономических связей стали Долгосрочная программа сотрудничества (март 1979 г.) и Соглашение от 10 декабря 1980 г., которые делали основной упор на увеличении мощностей в угольной промышленности, нефтедобыче и электроэнергетике, то есть в тех областях, которые определяли будущее развитие экономики Индии. Соглашением было предусмотрено строительство еще одного металлургического завода (мощность первой очереди 1,2 млн. тонн стали с увеличением до 3,4 млн. тонн), расширение металлургических заводов в Бхилаи и Бокаро (каждый до 4 млн.), а также сооружение крупных тепловых и гидравлических электростанций и нескольких угольных разрезов¹³²².

На начало 1980-х годов при содействии СССР в Индии было введено в строй более 55 крупных объектов. Еще 20 находились в стадии строительства и проектирования. Эти предприятия составили основу государственного сектора экономики, оказали существенное влияние на процесс индустриализации страны. К этому же времени доля объектов индийско-советского сотрудничества в производстве важнейших видов продукции составила: стали и проката 38%, алюминия – 20, в добыче нефти – 35, в переработке нефти – 40, тяжелого энергетического оборудования – 55, горно-шахтного оборудования – 43, тяжелого металлургического оборудования – 78, электроэнергии – более 10%. Предусматривалось дальнейшее расширение индийско-советского сотрудничества, в том числе и на период после 1990 г. За 25 лет при содействии СССР было подготовлено около 120 тыс. индийских специалистов¹³²³.

18 мая 1974 г. Индия взорвала ядерное устройство в раджастанской пустыне. Премьер-министр И. Ганди заявила, что испытание преследовало мирные цели, и Индия не намерена производить ядерное оружие. Испытание усилило напряженность в Южной Азии и осложнило отношения Индии с державами, располагавшими ядерным оружием.

Советский Союз негативно отреагировал на взрыв ядерного устройства в Индии, поскольку это шло вразрез с его политикой сдерживания в распространении ядерного оружия. Вместе с тем он

проявил определенную сдержанность, исходя из того, что реализация ядерных возможностей Индии представлялась делом достаточно отдаленного будущего, а также тем, что такая демонстрация ядерного потенциала Индии была направлена больше против Китая, чем какого-либо другого государства.

Пакистан заявил гневный протест против этого взрыва. Индийские ядерные испытания рассматривались им как нарушавшие относительный баланс в вооружениях, как угроза безопасности страны. США и Китай выразили свою большую озабоченность в связи с ядерными испытаниями.

Принимая министра иностранных дел Пакистана в июне 1974 г., Китай заявил о «полной и решительной поддержке Пакистана в его справедливой борьбе в защиту национальной независимости и суверенитета против иностранной агрессии и вмешательства, включая ядерную угрозу и ядерный шантаж»¹³²⁴.

В октябре 1974 г. премьер-министр Пакистана З.А. Бхутто посетил Москву. Одной из главных целей его визита было заручиться поддержкой СССР в вопросе нераспространения ядерного оружия в Южной Азии (имелась в виду Индия). Однако он не получил согласия советских руководителей, которые, тем не менее, заявили о готовности развивать отношения с Пакистаном¹³²⁵.

26 июня 1975 г. в Индии было введено чрезвычайное положение. Советский Союз поддержал правительство во главе с И. Ганди по этому вопросу. В феврале 1976 г. в выступлении на XXV съезде КПСС Брежнев отметил, что индийское правительство заявило о социалистических целях своей политики и проводит прогрессивные преобразования, несмотря на «давление внутренней и внешней реакции». Он подчеркнул, что за последние пять лет советско-индийские отношения поднялись на новый уровень и стали стабилизирующим фактором в Южной Азии и на азиатском континенте¹³²⁶.

В апреле 1976 г. Индия объявила о восстановлении полных дипломатических отношений с Китаем после индийско-китайского вооруженного конфликта 1962 г. Спустя месяц Индия и Пакистан также объявили о восстановлении дипломатических отношений на уровне посольств. Перемены в индийской политике сопровождался визитом З.А. Бхутто в Китай в мае 1976 г., результатом которого стало подтверждение китайскими руководителями важности отношений с Пакистаном. В совместном коммюнике по итогам визита была также отмечена поддержка Китаем позиции Пакистана по кашмирскому вопросу, хотя и в менее определенной, чем прежде, форме¹³²⁷.

Во время визита И. Ганди в Москву в июне 1976 г. ей было оказано повышенное внимание. На переговорах с Брежневым и другими

советскими руководителями она заявила, что фундамент, на котором основано индийско-советское сотрудничество, остается солидным и надежным. На вопрос о коллективной безопасности в Азии Ганди отвечала, что главной угрозой стабильности в Азии является экономическая стагнация и социальная несправедливость, а укрепление стабильности зависит от роста взаимопонимания и экономической мощи каждой из стран региона. В свою очередь, советская сторона выразила поддержку шагов по нормализации отношений на субконтиненте, таких как индийско-пакистанское соглашение о восстановлении дипломатических отношений. Однако в опубликованной совместной декларации не было упоминаний о нормализации индийско-китайских связей¹³²⁸.

В этот период индийско-советские отношения, несмотря на различия в подходах к отдельным проблемам, оставались весьма прочными. Это, в частности, проявлялось в голосовании обеих стран в ООН по наиболее крупным вопросам. Так, по 20 важным резолюциям, представленным на Генеральной Ассамблее ООН, Индия голосовала семь раз с СССР против США по вопросам, касавшимся Третьего мира, Ближнего Востока и Южной Африки, и только один раз с США против СССР – по вопросу об объединении Восточного Тимора с Индонезией. Как пишет Р. Хорн, Индия и Советский Союз голосовали в ООН так, как от них можно было ожидать. Нет никаких свидетельств, которые указывали бы на то, что одна из этих стран пыталась оказывать влияние на другую. Вполне очевидно, что восприятие мира в Нью-Дели было намного ближе его восприятию в Москве, нежели в Вашингтоне¹³²⁹.

Правительство Джаната парти и Советский Союз

В марте 1977 г. правительство И. Ганди потерпело поражение на парламентских выборах, и к власти пришел блок Джаната парти. Впервые была нарушена 30-летняя монополия Конгресса на власть. Предвыборная борьба шла почти исключительно по вопросам внутренней политики.

На своей первой конференции премьер-министр Морарджи Десаи заявил: «Индийско-советская дружба не должна препятствовать нашей дружбе с другими государствами»¹³³⁰. Несколько позже в ходе парламентских дебатов о приверженности Индии политике неприсоединения новый министр иностранных дел А.Б. Ваджапай уточнил позицию Индии. Он подтвердил, что Индия не будет отклоняться от прямого и трудного пути неприсоединения и «склоняться» к какому-

либо блоку. Он также подчеркнул, что новое правительство будет соблюдать все обязательства, взятые на себя его предшественником.

Всего через месяц после формирования правительства Джаната парти в Индию прибыл министр иностранных дел СССР А.А. Громыко. Это было первое общение советского представителя с новым, неконгрессистским руководством Индии. В своем выступлении Громыко подчеркнул, что дружба между Советским Союзом и Индией – долговременное явление, а не результат преходящих или одномоментных обстоятельств. СССР исполнен решимости настойчиво развивать эту дружбу и сотрудничество и надеется, что индийская сторона также будет стремиться к этой цели. Ваджпай, в свою очередь, сказал, что «узы дружбы между двумя странами достаточно прочны, чтобы выдержать испытания различных систем, пережить судьбу отдельных лиц или политических партий»¹³³¹.

Делегация во главе с Громыко подписала с индийскими лидерами ряд соглашений о заметном увеличении торгового оборота между двумя странами. По одному из них СССР предоставлял Индии новый кредит на 300–340 млн. долл. на выгодных для Индии условиях – погашение в течение 20 лет под 2,5% годовых. Кредит выдавался под импорт оборудования для индийских металлургических заводов, угольных шахт и других отраслей промышленности.

К середине 1977 г. было подписано советско-индийское соглашение о строительстве металлургического завода (в Висакхапатнаме) в дополнение к заводам в Бхилаи и Бокаро. Развивалось сотрудничество и в военно-технической области. В том же году была достигнута договоренность на поставку 70 танков Т-72, двух эсминцев, пяти вертолетов и т.п.

В октябре 1977 г. состоялась поездка Морарджи Десаи и А.Б. Ваджпай в Советский Союз. Им было оказано большое внимание со стороны советского руководства. Следует отметить, что Десаи поехал в Москву до того, как совершил визит в Вашингтон, несмотря на полученное им приглашение от президента США. На встречах с советскими лидерами премьер-министр подчеркивал долговременный характер индийско-советской дружбы, постоянную поддержку Советского Союза по жизненно важным для Индии вопросам, помощь СССР его стране в продвижении по пути экономической независимости. Ваджпай отмечал уникальный характер отношений между обеими странами. Влиятельная индийская газета «The Statesman» так охарактеризовала итоги переговоров в Москве: «Отношения между Москвой и Нью-Дели за прошедшие 30 лет настолько окрепли, что ни одна из сторон не могла позволить себе подвергнуть рискам их взаимозависимость»¹³³².

В сентябре 1978 г. состоялась поездка Ваджпай в Москву. В декабре правительство Индии объявило о решении купить 40 английских боевых самолетов «Ягуар» и самолетов с вертикальным взлетом для своего авианосца «Викрант». Этим самым Индия проявила стремление диверсифицировать свое военно-техническое сотрудничество. Советский Союз ответил на это предложением поставить технологии для уже имевшихся в Индии МиГ-21.

Крупным событием, которое имело долговременное воздействие на индийско-советские отношения, стало установление дипломатических отношений между США и Китаем 1 января 1979 г. В связи с этим Индия выразила надежду, что этот шаг приведет к ослаблению международной напряженности и будет способствовать продвижению по пути мира и стабильности в Азии¹³³³. Лидер КНР Дэн Сяопин, фактически сменивший Мао Цзэдуна после его смерти в 1976 г. в качестве руководителя Китая, во время своего визита в Вашингтоне в январе 1979 г. обрушился на Советский Союз, заявив, что он представляет собой «угрозу международному миру, безопасности и стабильности». Индийцы, однако, отметили, что президент США Джеймс Картер высказал свое несогласие с Дэн Сяопином относительно политики Советского Союза¹³³⁴.

Уже в феврале того же года Ваджпай отправился в Китай с ознакомительным визитом и без конкретной повестки дня. Однако он был вынужден прервать визит, когда китайцы предприняли атаку против Вьетнама, с которым Индия поддерживала дружественные отношения. На этом фоне в марте 1979 г. в Дели прибыл А.Н. Косыгин. Одним из главных вопросов, который интересовал его, было отношение индийцев к Китаю. Он подверг руководство КНР жесткой критике. По вопросу о нападении Китая на Вьетнам обе страны потребовали немедленного и безусловного вывода китайских войск с вьетнамской территории. Во время визита было заключено долгосрочное соглашение в области торгово-экономического, научного и технического сотрудничества. Соглашением предусматривался рост товарооборота на 50–100% в течение 1981–1985 гг. Кроме этого, СССР предложил поставить в 1979 г. более двух миллионов тонн нефти¹³³⁵.

В июле 1979 г. в правительстве М. Десаи разразился кризис. Выборы в парламент были назначены на 1980 г. В этих условиях проблемы внешней политики были отодвинуты на задний план. За месяц до ухода правительства в отставку Десаи нанес визит в Москву. Были подписаны соглашения о сотрудничестве в создании индийского спутника Земли, поставках очередной партии нефти.

В период пребывания Джаната парти у власти, несмотря на определенные разногласия между Советским Союзом и Индией, в целом

индийско-советские отношения развивались достаточно плодотворно как в двустороннем плане, так и на международной арене.

Индийско-советские отношения были подвергнуты испытаниям событиями в Афганистане, когда в декабре 1979 г. туда был введен контингент советских войск. Несколько раньше Индия признала режим Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), пришедшей к власти в 1978 г.

СССР приветствует победу на выборах Конгресса во главе с И. Ганди

В январе 1980 г. в Индии были проведены парламентские выборы, в результате которых Конгресс вернулся к власти. СССР приветствовал победу И. Ганди. Для Советского Союза позиция Индии по Афганистану имела большое значение. Тем не менее, в связи с вводом советских войск в Афганистан премьер-министр И. Ганди заявила, что ни одна страна не может быть оправдана, когда вторгается в другую страну. Однако при этом она подчеркнула, что советские войска вошли в Афганистан по просьбе правительства НДПА «только после того, как Пакистан начал готовить афганских повстанцев и посылать их в Афганистан для свержения правительства»¹³³⁶. И. Ганди также сказала, что Индия обеспокоена решением США, Китая и некоторых других стран осуществить срочные поставки вооружения Пакистану¹³³⁷. На Генеральной Ассамблее ООН при голосовании резолюции, осуждавшей ввод советских войск в Афганистан, Индия была в числе 17 других воздержавшихся стран¹³³⁸.

Во время очередного визита в Индию Громыко в феврале 1980 г. афганская проблема была одной из главных на встречах с индийскими лидерами¹³³⁹. Сотрудничество между обеими странами продолжалось, в том числе и в военно-технической сфере. В мае 1980 г. было подписано соглашение, по которому СССР предоставил Индии кредит на 1,630 млрд. долл. на льготных условиях для покупки вооружений на последующие 10–15 лет. В частности, имелась в виду поставка 100 танков Т-72 и производство еще 600 танков в Индии по советской лицензии.

В это же время отмечалось потепление отношений между Индией и Китаем. На похоронах Иосифа Броз Тито в мае 1980 г. И. Ганди встретила с председателем КНР Хуа Гофэном. Это была первая за 20 лет индийско-китайская встреча на высшем уровне. Оба руководителя пришли к выводу, что улучшение отношений между обеими странами является необходимым для укрепления мира и стабильности в Азии и

что двусторонние проблемы, в том числе пограничные, можно решить только путем взаимных консультаций, избегая при этом конфронтаций. Китайский лидер заявил, что «обе стороны должны сконцентрироваться на настоящем и будущем и отложить в сторону прошлые разногласия»¹³⁴⁰. Такие подвижки в индийско-китайских отношениях не могли остаться без внимания советского руководства.

Во время поездки нового министра иностранных дел Нарасимхи Рао в Москву в июне 1980 г. наряду с двусторонними отношениями тема Афганистана вновь стала предметом переговоров с советскими лидерами. По возвращении в Индию Рао заявил в парламенте, что вопрос об Афганистане «не позволил набросить даже малейшую тень на наши двусторонние отношения. Они действительно росли и укреплялись в течение последних пяти месяцев» после прихода правительства И. Ганди к власти¹³⁴¹.

Визит Брежнева в Индию в декабре 1980 г. подтвердил приверженность обеих стран идеем Договора о мире, дружбе и сотрудничестве 1971 г., развитию их взаимодействия для сохранения и упрочения мира и стабильности в Азии на основе мирного сосуществования. Они подчеркнули необходимость урегулирования нерешенных проблем мирными средствами как в Азии, так и в мире в целом. СССР и Индия заявили о готовности сотрудничать в объявлении Индийского океана зоной мира, призвали к ликвидации в этом районе иностранных военных и военно-морских баз, таких как американская Диего-Гарсия.

Во время визита было подписано соглашение об осуществлении в Индии совместных проектов на общую сумму в 40 млрд. рупий. По торговому соглашению на 1981–1985 гг. планировалось удвоить товарооборот. СССР дал согласие на поставку дополнительно одного миллиона тонн нефти в условиях сокращения поставок из Ирана и Ирака, между которыми шла война. Оплата поставок нефти, как и всех других товаров, должна была производиться в рупиях, а не в твердой валюте¹³⁴².

В докладе Брежнева на XXVI съезде КПСС в феврале 1981 г. особое внимание было уделено отношениям с Индией. Подчеркивалось, что советско-индийская дружба стала глубоко укорененной народной традицией, а также то, что совместные действия с мирной и независимой Индией будут оставаться одной из важнейших областей советской внешней политики¹³⁴³. Таким образом, Советский Союз рассматривал свои будущие отношения с Индией в широкой международной перспективе.

К началу 1980-х годов Индия продемонстрировала способность принимать самостоятельные, независимые решения как в отношениях с Советским Союзом, так и другими странами. В этой связи пред-

ставляет интерес наблюдение бывшего дважды послом США в Индии Честера Боулса. Он писал еще в 1971 г., что «Советский Союз и США должны были открыть для себя, что их возможность влиять на Индию и Азию строго ограничена... Мы с трудом усвоили этот урок, а в целом осторожные лидеры Советского Союза вряд ли будут повторять наши ошибки»¹³⁴⁴.

Положительная динамика отношений между Советским Союзом и Индией в первой половине 1980-х годов была вполне очевидной, несмотря на имевшиеся проблемы и трудности. Более того, эти отношения играли немалую стабилизирующую роль как в Азии, так и на мировой политической арене. В своей основе советско-индийские отношения опирались на фундаментальные ценности, имевшие первостепенное значение для обеих стран: антиколониализм и поддержку национально-освободительных движений. Хотя каждая из них вкладывала свой смысл в эти понятия. Если для СССР антиколониальная борьба была частью его глобальной борьбы против империализма, то для Индии она была продолжением ее собственной борьбы за свободу и независимость.

Развивая отношения с Индией, Советский Союз утверждал себя в Азиатском регионе, что способствовало укреплению его статуса в качестве азиатской и мировой державы. Добрые отношения с Индией, как одним из лидеров Движения неприсоединения, были важны для развития связей с другими участниками этого движения и развивающимся миром в целом. Взаимовыгодное сотрудничество с Индией имело значение для Советского Союза и потому, что демонстрировало миру реальную возможность тесной кооперации между странами, принадлежащими к разным политическим системам.

В свою очередь, Индия была заинтересована в развитии отношений с Советским Союзом в целях укрепления ее независимости, усиления ее позиций в политическом диалоге со странами Запада. Сотрудничество с СССР повышало ее безопасность в Южной Азии, Индийском океане и особенно в отношениях с Пакистаном и Китаем. Развитие торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с Советским Союзом отвечало задачам создания независимой экономической базы страны.

Стратегическая линия Советского Союза на развитие связей с Индией в условиях противоборства двух систем была вполне оправданной и приносила ощутимую выгоду обеим сторонам, отвечая их национальным интересам. В то же время советско-индийское сотрудничество не вносило дисбаланса в международные отношения, не подрывало сложившуюся структуру мировых связей, а, наоборот, придавало ей большую стабильность.

Глава 37

ИНДИЙСКО-РОССИЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Индийско-российские отношения после распада СССР

После распада СССР в мире сложилась принципиально новая ситуация, когда старые, устоявшиеся десятилетиями подходы и оценки в системе глобальной и региональной политики пришли в противоречие с реальной действительностью и не могли уже удовлетворять интересы государств – членов мирового сообщества. Вся система мировой политики, региональных и двусторонних отношений нуждалась не только в критической переоценке, но и в радикальном пересмотре с учетом сложившейся обстановки и национально-государственных интересов стран. В круг вопросов, от которых зависело настоящее и будущее всего мира, в том числе отношений между разными странами, в том числе между Россией и Индией, входили прежде всего глобальные проблемы, связанные с развалом СССР, изменением баланса политических сил на мировой арене, складыванием новой структуры геополитических и региональных связей.

Одним из важнейших факторов геополитики был распад биполярной системы международных отношений. Эта система, при всех присущих ей пороках и недостатках, имела фундаментальное значение для всех стран, в том числе СССР и Индии. В ней все было более или менее отлажено, цели и задачи каждой из стран были достаточно ясны. Национальные интересы всех стран выстраивались в весьма четкий ряд в рамках этой системы. Но нет пути назад в эту систему международных отношений. Не очень далеки были от истины те, кто говорил о складывании многополярной системы и, соответственно, о выработке всеми странами своей внешней политики в этих условиях. Но ситуация еще окончательно не проявилась. По сути дела, мир находился в состоянии всеобщего политического кризиса, в ходе которого определялись дальнейшие пути развития человечества. Шли поиски участниками этого процесса своего места в международных отношениях. Это касалось всех стран, малых и больших, в том числе и Индии.

Возможно, начался новый этап истории, в котором каждая из стран, развиваясь с учетом ее традиций, обычаев, национальных ин-

тересов, будет вносить свой вклад в решение огромных и сложных проблем мирового устройства. Без учета интересов пока еще молчаливого большинства человечества в странах Азии и Африки любая политика может зайти в тупик. Перемены в мире происходили на фоне многочисленных конфликтов и проблем, которые остались со времен холодной войны. Как показывал опыт Ближнего Востока и Афганистана, эти конфликты не поддавались быстрым и легким решениям. К старым конфликтам и проблемам добавились многочисленные новые.

Распад Советского Союза, писал бывший секретарь по иностранным делам Индии Джотиндра Натх Диксит, привел к исчезновению тех гарантий, которые обеспечивали для Индии дружественные отношения с СССР. Индия уже не могла рассчитывать на вето России в Совете Безопасности в случае обсуждения там «критического вопроса индийско-пакистанских отношений». Она должна была адаптироваться к новой ситуации и выработать такую модель отношений со всеми влиятельными державами, которая обеспечивала бы безопасность ее интересов на международных форумах¹³⁴⁵.

Брадеш Мишра, советник по национальной безопасности бывшего премьер-министра А.Б. Ваджаи, отмечал, что окончание холодной войны радикально изменило глобальную сцену. Это также совпало с фактическим прекращением действия индийско-советского договора 1971 г. Индия столкнулась с главной проблемой: какое место она должна занять в изменившемся мире? Потребовался пересмотр индийской внешней политики. Возникла необходимость установления более тесных отношений с США – единственной сверхдержавой в мире. В то же время приходилось учитывать усиление Китая на мировой арене. Меняющиеся отношения Индии с тремя державами – США, Россией и Китаем – привели к генерированию новых стратегических идей, которые должны были учитывать эти факторы¹³⁴⁶.

Начавшаяся в 1991 г. активная либерализация и глобализация индийской экономики (хотя и подготовленная предыдущим ходом развития страны) стала своеобразным ответом на новые вызовы. Индия приняла изменившийся мир таким, каким он был в конце XX в., и стала активно использовать новые возможности для укрепления своих экономических и политических позиций. Индия и раньше никогда не замыкалась на одной стране или группе стран и стремилась проводить диверсифицированную внешнюю политику, «играя по всему полю». Тем не менее, решение о радикальной переориентации внешней политики было, очевидно, непростым. Для этого предстояло ответить на ряд нелегких вопросов: как в новых условиях могли повести себя крупнейшие державы – США, Китай, Япония, европей-

ские государства? Каковы перспективы России в ее экономическом возрождении? Приходилось отвечать и на другие вопросы, затрагивавшие коренные интересы Индии.

Произошедшие в мире и в бывшем СССР перемены не могли не сказаться на индийско-российских отношениях, которые в изменившихся условиях стали приобретать качественно новый характер. До конца 1980-х годов в отношениях СССР и Индии прослеживались две тенденции развития. Первая, доминирующая тенденция отражала официальное признание обеими сторонами этих отношений как модели сосуществования стран с различными системами. Она отвечала интересам обеих стран и сыграла заметную роль в формировании политического климата сотрудничества и добрососедства в Азии и во всем мире. Было бы несправедливо и неразумно недооценивать ее или пытаться выбросить в корзину истории. Вторая тенденция, диалектически связанная с первой, выражалась прежде всего в том, что, несмотря на совпадение или близость интересов, обе страны – в силу исторических, политических, экономических и геополитических факторов, принадлежности к разным социальным системам – не подчиняли свои особые интересы интересам партнера, не забывали о них как в рамках многосторонних международных связей, так и двусторонних отношений. В этом смысле дружественное партнерство с Индией никогда не было «игрой с заранее предсказуемым результатом». Индия всегда была достойным, хотя порой и нелегким, партнером для СССР. В этой связи вряд ли следовало преувеличивать значение «идейной близости» Индии и СССР, хотя она и играла свою роль. Насколько крупную и самостоятельную – это отдельный вопрос.

Вторая тенденция развивалась исподволь достаточно долго. В Индии она проявлялась, в частности, в диверсификации ее международных связей во всех сферах. Созданный в одно время миф о том, что Индия безоглядно склонялась в сторону Советского Союза, не соответствовал реальной действительности. Отметим, что индийские руководители неизменно подчеркивали равноправный характер отношений между обеими странами. В целом можно утверждать, что развитие советско-индийских отношений определялось прежде всего национальными интересами каждой из стран, которые, совпадая во многом, не были и не могли быть идентичными.

И если первая тенденция наиболее отчетливо проявляла себя в сфере внешней политики вплоть до второй половины 1980-х годов, то вторая уходила корнями в проблемы экономики, торговли, научно-технического прогресса и подпитывалась теми трудностями, которыми во многом были связаны с начавшимся в СССР экономическим

кризисом, неспособностью Советского Союза решать свои собственные проблемы.

К концу 1980-х годов сложилась ситуация, когда Советский Союз и Индия, с одной стороны, были заинтересованы продолжать сотрудничество, а с другой СССР уже не мог вполне соответствовать возросшим потребностям развивающейся Индии в торгово-экономической и научно-технической областях. Возникшие в одно время надежды на «ускорение в ходе перестройки» в Советском Союзе, которое могло бы сохранять на плаву это сотрудничество, не оправдались. Как ни парадоксально, но именно этот период (1985–1990 гг.) был отмечен интенсивным обменом делегаций на высшем уровне (два визита М.С. Горбачева в Индию, три визита Раджива Ганди в СССР), подписанием крупномасштабных, многообещающих документов, проведением в Москве и Дели массовых фестивалей культуры. Венцом всего этого периода стала Делийская декларация о безъядерном и ненасильственном мире, прекрасный документ, недооцененный и уже через два-три года почти полностью забытый в СССР и в Индии. В судьбе Делийской декларации нашли отражение перемены, происходившие во внутривосточной жизни СССР и его внешней политике, которая с конца 1980-х годов стала отчетливо разворачиваться в сторону Запада.

Позже, после распада СССР, начался новый период в отношениях России с Индией. В течение нескольких последующих лет, вплоть до визита Б. Ельцина в Индию в январе 1993 г., внешне сохранялось такое положение, когда Россия как бы придерживалась традиционной для СССР линии в отношении Индии. Однако, по существу, дело обстояло иначе. Стало очевидно, что Россия не сможет и не будет пытаться сохранить российско-индийские отношения на прежнем уровне.

Отношения с Индией как в краткосрочной, так и в среднесрочной и долгосрочной перспективе во многом зависели от того, каким образом, в каком направлении, какими темпами будут развиваться обе страны. Политика России по отношению к Индии в 1990-х годах характеризовалась нечеткостью, непоследовательностью, носила какой-то импульсивный, временный характер. С одной стороны, предпринимались внешне заметные усилия (например, визиты руководителей России в Индию, подписание многочисленных документов), с другой, – все это не подкреплялось в должной мере последующими практическими шагами по развитию российско-индийских отношений на двусторонней и многосторонней основе. А некоторые действия России причиняли прямой ущерб, подрывая доверие индийцев. Например, эпизод с криогенными двигателями для индийских ракет, когда Россия

под давлением США отказалась их поставлять. Все это не прошло бесследно. Тогда индийский рынок был во многом потерян для России, в том числе и рынок вооружений. В целом российско-индийские связи ослабли практически по всем направлениям. Торговый оборот в 1993 г. с Россией составил всего 1,1 млрд. долл. США против 5,5 млрд. долл. в 1991 г. с СССР. Во внешней торговле России Индия занимала в 1993 г. место в конце десятки стран, значительно уступая Германии, Китаю, Италии, Японии, США, Франции и другим. Индия же в это время активно развивала отношения со странами Запада, Японией и Китаем.

И, тем не менее, в России и Индии крепло понимание, что обе страны нуждаются друг в друге. Россия и Индия могли бы более активно и плодотворно сотрудничать в глобальном плане, в том числе и в ООН. У России должен был быть интерес к Индии как крупной политической силе, игравшей заметную роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мире в целом. Россия могла быть заинтересована в сотрудничестве с Индией на Среднем Востоке и в Центральной Азии.

При этом следовало бы иметь в виду, что отказ от черно-белого видения мира – друг или враг – предполагал множество нюансов и оттенков, в том числе и в отношениях с Индией. И хотя был накоплен огромный опыт взаимовыгодного сотрудничества, но это уже не было определяющим условием для развития и укрепления российско-индийских отношений. Нужны были последовательные, настойчивые, активные усилия в этом направлении с учетом изменившейся ситуации в мире и национальных интересов России. Определенные сложности на пути развития российско-индийских отношений могли быть связаны с объективными процессами перемен в мире и азиатском регионе. В среднесрочной (7–10 лет) и тем более долгосрочной (15–25 лет) перспективе можно было надеяться, что отношения между Россией и Индией, в силу сходства или близости их геостратегических, национально-государственных интересов, огромного потенциала обеих стран, могли стать весьма плодотворными и взаимовыгодными. В интересах России было важно добиваться того, чтобы Индия оставалась партнером России в международных делах и двусторонних отношениях.

Адаптация России, Индии и многих других стран к новым условиям происходила с немалыми трудностями и издержками, что определялось не только кардинально изменившейся конфигурацией сил на международной арене, но и внутренними процессами в этих странах. По сравнению с СССР внешнеполитические приоритеты России круто изменились. В 1990-е годы на первый план вышли связи со странами СНГ, приграничными государствами, проблемы отношений с США, другими западными державами. Присущий СССР глобальный подход к внешней политике отступил на задний план и во мно-

гом сменился политикой реагирования на те или иные ситуации в мире. Позже внешнеполитическая линия РФ стала модифицироваться с учетом ее интересов в Азии и других регионах.

В целом двусторонние отношения между Россией и Индией во многом определялись текущей расстановкой сил на международной арене, которая вплоть до начала XXI в. не приобрела еще четких очертаний. По существу, продолжался процесс поиска новой модели международных отношений, во многом связанный с глобализацией, что, так или иначе, пересекалось с проблемами национальных интересов и безопасности отдельных суверенных государств. Подход к глобализации не мог быть одинаковым у стран, занимавших разные позиции по уровню экономического, технологического и военного развития.

Принципиально важными для безопасности Индии и других стран были последствия распада Советского Союза и утверждение США в качестве единственной сверхдержавы, претендовавшей на неоспоримое лидерство и на контроль за политическими и экономическими процессами в ключевых регионах мира.

Особое внимание в Индии привлекали изменения в соотношении сил между Китаем и Россией. Если до распада Советского Союза его геостратегическое и военно-политическое преимущество перед Китаем было достаточно очевидным, то после него обе страны фактически поменялись местами. При этом Китай наращивал свои силы и укреплял позиции на международной арене, а Россия по сравнению с СССР заметно ослабла и с трудом выбиралась из хаоса реформ 1990-х годов. В результате перемен в соотношении геополитических сил Китай все больше позиционировал себя как великая держава, проводившая независимую внешнюю политику.

В то же время отказ России от внешнеполитической стратегии СССР, вполне объяснимый с точки зрения логики событий, происходивших после 1991 г., привел к утрате ее влияния во многих регионах земного шара. И, тем не менее, несмотря на огромные потери в политическом и экономическом влиянии, Россия оставалась важным фактором мировой политики. В начале XXI в. она постепенно стала выходить из замкнутого круга односторонней ориентации на Запад и проводить линию на диверсификацию своих внешнеполитических связей, что, несомненно, больше отвечало ее национальным интересам. Все это учитывалось Индией.

Принятая в развитых странах, прежде всего в США, формула глобализации не принимала во внимание особенности многих развивающихся стран. Глобализация нередко сопровождалась ущемлением национальных интересов и ослаблением безопасности стран, вовлекаемых в этот процесс. Не случайно, что на очередной трехсто-

ронней встрече министров иностранных дел России, Индии и Китая (февраль 2007 г. в Дели) особо отмечалось, что глобализация открыла возможности для равного распределения ресурсов развития и влияния в мире, и это создает основу для более устойчивой и сбалансированной международной системы. Но вместе с тем подчеркивалась необходимость сохранения культурного и цивилизационного разнообразия в мире и развития инициатив по диалогу между цивилизациями и религиями¹³⁴⁷.

Поворот новой России на Запад в начале 1990-х годов был органически связан с внутренними переменами в стране и логически вписывался в общую картину развития событий. К сожалению, это происходило при одновременной утрате ее позиций на Востоке. Необходимо был более полный учет множественности факторов современной мировой политики. Формирование многополярной системы международных отношений, отражавшей разнообразие современного мира, отвечало интересам России и Индии.

В совместной российско-индийской декларации (декабрь 2004 г.) подчеркивалось, что наиболее эффективным способом решения современных проблем и вызовов является многосторонний подход, основанный на самой широкой международной поддержке. Многосторонность представляет собой инструмент для создания многополярного мира. Выступая тогда в Дели, Президент России В. Путин сказал: «Представляются крайне опасными попытки перестроить созданную Богом многоликую, многообразную, современную цивилизацию по казарменным принципам однополярного мира»¹³⁴⁸.

Россия исходила из того, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и невозможна. Однополярный мир – это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решений. Это мир одного хозяина, одного суверена, что губительно для всех, кто находится в рамках этой системы, и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри¹³⁴⁹.

Россия и Индия проводили работу по продвижению к многополярному миру, основанному на принципах международного права, суверенного равенства, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела государств¹³⁵⁰. Сбалансированность внешней политики России и Индии была обусловлена их геополитическим положением, соотношением сил в мире и ответственностью обеих стран за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и региональном уровне. Принципиально важным концептуальным требованием внешней политики обеих стран было их противодействие попыткам принизить роль суверенного государства как основополагающего элемента международных отношений.

Внешнеполитическая ориентация России в первой половине 1990-х годов во многом была результатом стратегии, ставившей под сомнение вопрос о том, нужно ли быть России глобальной державой с широкими геополитическими интересами, стратегии, предполагавшей ограничить ее влияние ближайшей периферией и даже замкнуться на себе. Это было своеобразной негативной реакцией на подчеркнуто глобальный характер внешней политики СССР, на его стремление наращивать влияние во многих регионах мира. Однако такой «ограниченный» подход не выдержал испытаний в условиях жесткой реальной политики Запада. Особенно наглядно это проявилось в отношениях с НАТО. Продвижение этой организации к границам России создало угрозу безопасности страны. Более того, утраченные в 1990-х годах позиции на Востоке не позволили России компенсировать потери на Западе или использовать «восточные рычаги» для давления на него.

К середине 1990-х годов стало ясно, что внешнеполитическая линия на одностороннюю, однобокую ориентацию лишь на некоторые, пусть самые богатые и развитые, страны себя не оправдала. Расширение НАТО на Восток с усилением этого блока не только на Европейском континенте, но и с его серьезными претензиями на военно-политическое влияние среди многих стран СНГ (Азербайджан, Грузия, Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Украина, Молдова) создало угрозу нового раскола Европы. Угрозу тем более опасную, если учесть наличие в ней ядерного оружия и мобильных военных группировок. К чему это могло привести, показала агрессия НАТО в Югославии в марте-июне 1999 г. Естественно, что дальнейшее расширение этого военно-политического блока на Восток было неприемлемым для России¹³⁵¹.

Во второй половине 1990-х годов Россия постепенно стала выходить из замкнутого круга односторонней ориентации на Запад и начала проводить линию на диверсификацию своих внешнеполитических связей, что, несомненно, больше отвечало ее национальным интересам. Тот факт, что Индия оказалась в числе первых азиатских государств, которые тогда поддержали Россию в ее критике расширения НАТО, нельзя назвать случайностью. Это было одним из результатов поворота России, пусть запоздалого и еще не очень явного, лицом к Востоку.

События последнего десятилетия XX в. показали, что у России не было иного выбора, как быть глобальной державой с интересами на Западе и Востоке. Это предопределялось ее геостратегическим положением, вековыми связями как с европейской, так и с восточными культурами и цивилизациями. Уже в силу этого Россия не мог-

ла добровольно ограничить свой политический кругозор. Стало ясно, что она не должна брать на себя мессианскую роль, как это было в течение нескольких столетий. Тем не менее, Россия и в нынешних ее границах оставалась важнейшим фактором мировой политики, державой, которая по определению не могла стоять в стороне от происходящих в мире процессов и событий. И это, несомненно, учитывалось Индией.

Индия и Россия: проблемы безопасности

В период после холодной войны большинство стран сосредоточивало свои главные усилия на внутренних социально-экономических вопросах. Это в полной мере относилось к России и Индии, которые, по разным причинам, нуждались в десятилетиях мирного развития, чтобы решить эти масштабные проблемы. Однако на смену прежнему противостоянию капитализма и социализма советского типа пришли новые линии конфронтации в мире. Острые и кровавые конфликты и войны стали фактом реальной действительности.

Вопросы безопасности стран, в том числе России и Индии, нельзя было решать в отрыве от общецивилизационных проблем. Российская формулировка «наш ориентир – социально ответственная глобализация» была развитием идеи глобализации в правильном направлении. Но она требовала более детальной и глубокой проработки с учетом международной обстановки и интересов отдельных стран. Россия не могла оставаться безучастной к негативным для нее изменениям в международной и военно-стратегической обстановке в мире. Отсюда ее заинтересованность в коллективной разработке концепции мирового устройства в XXI в.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации (2000 г.) исходила из необходимости укрепления экономических и политических позиций значительного числа государств (а не одного), в совершенствовании механизмов многостороннего (а не одностороннего) управления международными процессами. При этом все большую роль должны играть экономические, политические, научно-технические, экологические и информационные факторы. Именно на этой основе Россия вела работу по становлению многополярного мира.

В принятой 5 февраля 2010 г. Военной доктрине Российской Федерации подчеркивалось, что «мировое развитие на современном этапе характеризуется ослаблением идеологической конфронтации, снижением уровня экономического, политического и военного влияния одних государств (групп государств) и союзов и ростом влияния

других государств, претендующих на всеобъемлющее доминирование, многополярностью и глобализацией разнообразных процессов». При этом отмечалось, что на ряде направлений военные опасности Российской Федерации усиливаются. Среди основных внешних опасностей указывалось на стремление наделить силовой потенциал НАТО глобальными функциями, приблизить военную инфраструктуру стран – членов НАТО к границам РФ, в том числе путем расширения этого блока¹³⁵².

Проблема безопасности имела для России первостепенное значение, поскольку окончание холодной войны не привело к ликвидации угрозы малых и больших войн. Об этом свидетельствовали многочисленные вооруженные конфликты в разных частях планеты. По существу, вновь началась гонка вооружений, которая носила односторонний характер – происходило наращивание военных мускулов западных государств, прежде всего США. Это подтверждалось ростом военных расходов Америки в два раза по сравнению с расходами на эти же цели в пик холодной войны. Военный бюджет США в 2007 финансовом году составлял около 550 млрд. долл., что превышало расходы на оборону 40 стран, включая самые крупные¹³⁵³. В 2009 ф. г. бюджет Пентагона уже составлял 653,75 млрд. долл., а в 2010 г. был увеличен до 680,2 млрд. долл. При этом 550,2 млрд. долл. выделялось на традиционные статьи расходов, а 130 млрд. долларов предназначалось на финансирование военных операций за рубежом¹³⁵⁴.

В числе внешних военных опасностей Россия назвала создание и развертывание систем стратегической ПРО, подрывающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий, увеличение количества государств, обладающих ядерным оружием¹³⁵⁵.

Естественно, что Россия с большой настороженностью отнеслась к ядерным испытаниям Индии и Пакистана в мае 1998 г. Тем не менее, она проявила заметную сдержанность в этом вопросе. Сложившаяся ситуация требовала взвешенного подхода и трезвой оценки. Принимая решение о проведении ядерных испытаний и провозглашая себя ядерной державой, Индия, видимо, исходила из неизбежности этого. Ее аргументация: ядерные державы за полвека со времени взрыва первой американской атомной бомбы над Хиросимой 6 августа 1945 г. не продемонстрировали твердой решимости продвигаться к миру, свободному от ядерной угрозы. Индийцы заявляли, что национальная безопасность страны в мире, насыщенном ядерным оружием, может быть обеспечена двумя путями – всеобщим разоружением или реализацией принципа равной и легитимной безопасности для всех.

Агрессия НАТО во главе с США в Югославии в 1999 г. выявила, что развивающиеся государства, в том числе и Индия, не могли безразлично относиться к тому, что происходило в мире, даже в отдаленных от них регионах. Индия осудила использование США и их союзниками силы против суверенного государства как противоречащее Хартии ООН и международным правовым нормам. По мнению премьер-министра А.Б. Ваджпай, натовские бомбежки Югославии подтвердили правильность ядерного выбора Индии в 1998 г.¹³⁵⁶

Россия и Индия выступали против распространения оружия массового поражения (ОМП), средств его доставки. Они особо подчеркивали важность принятия мер, направленных на то, чтобы это оружие не попало в руки террористов. Они также поддерживали усилия по предотвращению распространения оружия в космосе.

Проблема ядерной безопасности была тем более важна, что в 1999 г. Сенат США отказался ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. И в том же году американская администрация заявила о намерении создать национальную противоракетную оборону (НПРО) вместо Договора 1972 г. по противоракетной обороне (ПРО). Такая позиция США вызвала возражения России, поскольку это вело к принципиальному изменению баланса сил. Договор между СССР/Россией и США по ПРО был фундаментом международных соглашений об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ), о нераспространении ядерного оружия и других договоров. Демонтаж договора по ПРО 1972 г. противоречил Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и другим соглашениям, направленным на устранение ядерной угрозы. В этой связи Россия выступила с предложением о создании нестратегической ПРО совместно с европейскими странами и участием США, которое оставалось без ответа.

В начале XXI в. проблема создания Америкой НПРО резко актуализировалась в связи с планами США развернуть противоракетную оборону в Восточной Европе (Чехии и Польше) в сочетании с расширением НАТО на Восток. Такие намерения США рассматривались Россией как направленные против нее. Выступая в Мюнхене на конференции «Глобальные кризисы – глобальная ответственность» 10 февраля 2007 г., президент РФ В. Путин поставил в этой связи ряд принципиальных вопросов. Среди них: почему обязательно нужно выдвигать военную инфраструктуру к границам России при этом расширении? Разве это расширение связано с преодолением сегодняшних глобальных угроз? Главная из этих угроз для России, США и Европы – это терроризм. Нужна ли Россия в борьбе с терроризмом? Конечно! Нужна ли Индия в борьбе с терроризмом? Конечно!

Но нас нет в НАТО, и других стран нет. А вот работать по этой проблематике мы можем эффективно, только объединяя усилия¹³⁵⁷.

Индия, в свою очередь, считала, что все соглашения по контролю над вооружениями должны выполняться добросовестно и в полной мере для укрепления стабильности в мире. Действия, связанные с возможностью нарушения договора по ПРО, «воспринимаются нами как непоследовательные в контексте существующих соглашений», заявил министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх накануне визита в Москву в 2000 г. Они «могут ограничить перспективы дальнейшего ядерного разоружения, ослабить режим нераспространения и подтолкнуть ядерные державы к пересмотру их планов по модернизации стратегических вооружений»¹³⁵⁸.

Однако в 2001 г. после выхода США из договора по ПРО индийцы изменили свою позицию по этому вопросу. Правительство Индии поддержало эту инициативу США как отход от норм холодной войны на основе сотрудничества, а не конфронтации. Индия заявила, что «существует стратегическая и технологическая неизбежность в отходе от мира, который является заложником доктрины взаимно гарантированного уничтожения, к основанному на сотрудничестве оборонному переходному периоду, который будет подкрепляться дальнейшими сокращениями оружия и снятием с боевой готовности ядерных сил»¹³⁵⁹. Последнее положение вошло в определенное противоречие с прежними заявлениями Индии о том, что в мире не происходит кардинального сокращения ядерных вооружений, что и подтолкнуло ее к проведению ядерных испытаний в 1998 г. Вместе с тем в самой Индии ряд политических партий, в их числе Индийский национальный конгресс, выступили тогда против планов США, считая, что они могут негативно повлиять на перспективы ядерного разоружения¹³⁶⁰.

Как писал бывший заместитель госсекретаря США и главный переговорщик с американской стороны по ядерным проблемам с Индией Струоб Тэлботт, во время визита в Вашингтон в апреле 2001 г. министр иностранных дел Индии и одновременно исполнявший обязанности министра обороны Джасвант Сингх встретил теплый прием в Белом доме. Администрация США заявила о готовности начать переговоры с Индией по военным делам на высоком уровне. Со своей стороны, Сингх сказал, что он поддерживает план президента Буша по созданию национальной ПРО, что вызвало немало возражений в Дели¹³⁶¹.

Большое значение для безопасности России и Индии имела ситуация, сложившаяся вокруг Ирана в связи с разрабатываемой им ядерной программой. Обе страны полагали, что эффективное решение иранской ядерной проблемы могло быть найдено путем полити-

ческих и дипломатических усилий, что позволило бы сотрудничать с Ираном на основе взаимоуважения и международного доверия к иранской ядерной программе, которая должна осуществляться исключительно в мирных целях.

Отношение Индии к Ирану можно было расценивать как один из индикаторов ее меняющейся позиции в направлении большего сближения с США. В конце 2006 г. Индия неожиданно для многих проголосовала в МАГАТЭ против Ирана по вопросу об обсуждении его ядерной программы в СБ ООН. Впрочем, еще раньше Индия заявляла, что выступает против появления еще одного ядерного государства в соседнем регионе. Кроме того, она опасалась, что ядерные материалы или технологии могли быть переданы Ираном негосударственным организациям. Однако в то же время Индия, как писала ее бывший представитель в ООН Арундхати Гхош, была заинтересована в снижении нагнетаемой США напряженности в близком и важном для нее, прежде всего с точки зрения энергетических ресурсов, регионе и в недопущении развязывания в нем военных действий¹³⁶².

В этом общем контексте можно было рассматривать введение Индией 21 февраля 2007 г. (в последний день выполнения Ираном принятой в декабре 2006 г. резолюции СБ ООН о прекращении обогащения урана) запрета на экспорт в Иран всех технологий, которые могли быть использованы в создании ядерного оружия. Фактически Индия действовала в рамках резолюции СБ ООН. Однако некоторые эксперты считали, что тем самым она заявила о своей лояльности США. В пользу такого аргумента говорило и то, что одним из условий подготавливаемого между Индией и США соглашения о сотрудничестве в гражданской ядерной сфере было противодействие Индии ядерному вооружению Ирана. Этот документ находился тогда в стадии согласования¹³⁶³.

Усиление террористической деятельности во всем мире на рубеже веков приняло угрожающие формы. Рост международного терроризма, транснациональной организованной преступности, незаконного оборота наркотиков и оружия оказывал существенное влияние на глобальную и региональную стабильность. Терроризм был способен дестабилизировать ситуацию не только в отдельных государствах, но и целых регионах.

Индия в течение многих лет сталкивалась с разными проявлениями международного терроризма. Она не раз заявляла, что терроризм, его связи с идеологией экстремизма и финансированием при помощи незаконной торговли наркотиками представляли один из самых серьезных вызовов для всех государств. Поэтому необходимо было сделать все, чтобы ликвидировать эту угрозу¹³⁶⁴.

Россия решительно осуждала трансграничный терроризм в штате Джамму и Кашмир и других районах Индии, поддерживала меры, предпринимаемые этой страной по пресечению деятельности сил, делавших ставку на террористические методы. Со своей стороны, Индия полагала, что действия России в Чечне, как неотъемлемой части Российской Федерации, были важными шагами по преодолению терроризма, которым руководили связанные с ним внешние силы. Россия и Индия выступали против двойных стандартов в отношении к международному терроризму. Они считали, что глобальный терроризм во всех его формах и проявлениях представлял одну из самых серьезных угроз международному миру и безопасности и осуждали все акты терроризма, кем бы и где бы они не совершались, вне зависимости от их мотивации. Они заявляли, что не может быть никакого оправдания терроризма по любым причинам, включая идеологические, религиозные, расовые, этнические и другие¹³⁶⁵.

У индийско-российских отношений всегда были достаточно ярко выраженные глобальные и региональные измерения. Адаптация России, Индии и многих других стран, включая развитие, к новым условиям происходила с немалыми трудностями и издержками, что определялось кардинально изменившейся конфигурацией сил на международной арене, в том числе и в Азии. Эти перемены оказывали огромное влияние и на характер отношений между Россией и Индией.

В конце XX – начале XXI в. существенно возросла активность США и других западных держав в Индии, Китае и других азиатских странах. Во всех сценариях развития мировой политики Америка отводила Китаю ведущее место, учитывая его динамично растущий экономический и военный потенциал, быстро развивающийся рынок. Реализуя задачу ослабления Советского Союза и России, США «проглядели» рывок в наращивании экономической и политической мощи Китая и восполняли упущенное, вовлекая его в торгово-экономические отношения. Об этом, в частности, свидетельствовало принятое Конгрессом США в 2000 г. решение о предоставлении КНР режима наибольшего благоприятствования.

Индия также рассматривалась США и Западом в качестве растущего центра силы и крупного рынка с учетом ее людских ресурсов и быстро прогрессирующей экономики. Запад стремился усилить свое влияние и в Центральной Азии, которая имела геостратегическое значение. Запад был заинтересован в доступе к ее природным ресурсам и уменьшении влияния России на этом важном для нее геополитическом пространстве. Новые государства Центральной Азии вскоре превратились в регион борьбы за влияние в нем. Ситуация там характеризовалась непостоянством и внутренней нестабильностью.

Для Индии, как и для России, было небезразлично, в каком направлении будут развиваться события в Центральной Азии. Обе страны считали, что безопасность и стабильность в этом регионе отвечали их приоритетным интересам. Они признавали, что развитие государств Центральной Азии по пути демократии требовало уважения к свободе их выбора модели развития и реформ. Россия и Индия проявляли заинтересованность в двустороннем и многостороннем сотрудничестве в этом регионе. Это могло бы внести вклад в укрепление стабильности и безопасности в Центральной Азии¹³⁶⁶.

В этом же контексте можно было рассматривать и ситуацию в Ираке в начале XXI в. Россия и Индия были обеспокоены ухудшением положения в этой стране. Они выступали за мирное решение иракской проблемы, придерживались принципиальных позиций по урегулированию ситуации в Ираке строго в рамках ООН с учетом законных интересов иракского народа, при уважении суверенитета и территориальной целостности этой страны. Россия и Индия призывали к широким международным консультациям по миротворческим усилиям в этой стране¹³⁶⁷. В связи с войной в Ираке Россия и Индия считали, что возвращение к миру, стабильности и прогрессу в этой стране может быть достигнуто только путем примирения и широкого внутреннего диалога между всеми этническими и религиозными группами и политическими силами. Они также полагали, что события в Ираке указывали на необходимость коллективных международных усилий, направленных на скорейшую нормализацию ситуации в стране.

Позиции России и Индии были близкими и по проблемам арабско-израильского конфликта. Они выступали за его всеобъемлющее и справедливое решение на основе международного права и резолюций СБ ООН, осуждали насилие, от кого бы оно не исходило, и призывали международное сообщество активизировать усилия по нормализации ситуации на Ближнем и Среднем Востоке¹³⁶⁸.

Сходные позиции Индии и Китая по ряду крупных международных проблем были близки и России, что создавало объективную основу для сотрудничества трех держав. Вместе с тем речь не шла о каком-то «треугольнике» или «блоке» этих стран. Каждая из них проводила свою независимую внешнюю политику, в которой их позиции не всегда совпадали. И, тем не менее, сотрудничество этих стран по важнейшим вопросам мировой политики было вполне оправданным и необходимым. Это нашло свое выражение во встрече на высшем уровне руководителей России, Индии и Китая в Санкт-Петербурге в 2006 г., а также многих встречах министров иностранных дел этих стран. На них обсуждались такие крупные проблемы, как демократи-

зация международных отношений в качестве ключевого условия для построения многополярного мира, основанного на равенстве государств, уважении их суверенитета и территориальной целостности. Главным инструментом для решения этих задач является ООН¹³⁶⁹.

Индия и Россия придерживались сходных или близких взглядов по ряду других важных вопросов современности. Это неоднократно подтверждалось во время регулярных встреч на высшем уровне руководителей обеих стран. Россия и Индия заявляли о своей приверженности целям установления более демократического мирового порядка, основанного на многополярном мире, который должен учитывать изменения, произошедшие в мировой политике с начала 1990-х годов. Подчеркивалось, что стратегическое партнерство между Россией и Индией служило их долговременным национальным интересам, углубляло взаимовыгодное сотрудничество и вносило вклад в международный мир и безопасность.

Индия и Россия придавали большое значение сохранению системы ООН как центра многосторонней политики, отмечая необходимость реформ ООН на справедливой демократической основе с тем, чтобы они отражали как возросшее членство в этой организации, так и другие современные реалии. Имелось в виду расширение Совета Безопасности ООН таким образом, чтобы он стал более представительным и эффективным. Россия поддерживала кандидатуру Индии на место постоянного члена в будущем расширенном СБ ООН.

Сотрудничество между Индией и Россией в начале XXI в.

В начале XXI в. Россия существенно активизировала свои связи с Индией. Подписанная в октябре 2000 г. Декларация о стратегическом партнерстве между обеими странами предусматривала развитие отношений на длительную перспективу в политической, экономической, культурной и военной областях. Наиболее приоритетными сферами сотрудничества стали высокие технологии, телекоммуникации, космос, энергетика, в том числе строительство в Индии АЭС, а также военно-техническое сотрудничество.

Россия и Индия придавали большое значение сотрудничеству в области энергетики, в том числе в строительстве и модернизации гидро- и тепловых электростанций. В 2006 г. был осуществлен запуск первого агрегата ГЭС «Тери» (штат Уттаркханд) – самой высокой плотины в Азии, построенной при содействии СССР/России. Тогда же ОАО «Силовые машины» и Bharat Heavy Electricals Ltd (BHEL) подписали контракт на совместную модернизацию пяти энергогло-

ков теплоэлектростанции «Обра» (штат Уттар-Прадеш), совокупной мощностью 1000 МВт. Большинство энергоблоков работало на оборудовании, изготовленном ВНЕС по российским проектам¹³⁷⁰.

Обе страны договорились поощрять развитие инвестиций в энергетический сектор индийскими компаниями в России и российскими компаниями в Индии, рассматривая эту сферу деятельности как приоритетную. В частности, Индия инвестировала около 2 млрд. долл. в добычу нефти по проекту Сахалин-1. Такого рода сделки были выгодны как для России, так и Индии, которая импортировала более 70% потребляемой нефти¹³⁷¹.

Индия проявляла особую заинтересованность в долговременном сотрудничестве с Россией в строительстве атомных электростанций. В 2009 г. практически завершилось строительство двух энергоблоков АЭС в Куданкуламе (штат Тамилнаду) общей мощностью 2000 МВт. Еще раньше, в январе 2007 г., была достигнута договоренность о строительстве двух дополнительных ядерных реакторов на этой АЭС, а также нескольких АЭС в других районах Индии. Индийцы считали, что в ближайшие 20 лет потребность в электроэнергии в Индии увеличится в три раза. С учетом дефицита иных источников энергии ее производство на АЭС за эти годы должно возрасти в 7–12 раз (по консервативному и оптимистичному сценариям)¹³⁷².

Развитие атомной энергетики в Индии происходило во многом благодаря ее собственным усилиям. Nuclear Power Corporation of India LTD (NPCIL) планировала в течение пяти лет построить восемь ядерных блоков по 700 МВт каждый и 10 блоков по 1000 МВт. Намечалось, что к 2032 г. индийские АЭС будут производить 65 000 МВт электроэнергии. В 2007 г. была начата эксплуатация третьего ядерного блока на АЭС в Кайга мощностью 700 МВт. Строительство индийских АЭС сочеталось с ростом добычи урана в стране, а также с использованием тория для атомных реакторов. Индия даже ставила перед собой задачу экспорта технологий для АЭС¹³⁷³.

Россия проявляла заинтересованность в развитии сотрудничества с Индией и в сфере информационных технологий, в том числе в совместных действиях на этом рынке. В 2004 г. доходы этой индийской отрасли составили более 22 млрд. долл., в 2008 г. они превысили 40 млрд. долл. Планировалось, что к 2012 г. их объем вырастет до 150 млрд. долл. Российско-индийское сотрудничество в этой сфере представлялось весьма перспективным. К 2008 г. оно охватывало около 300 проектов, имевших научное и промышленное значение. В пяти совместных научных центрах исследовались такие актуальные темы, как биотехнология, сейсмология, добыча углеводородов на морском дне, моделирование атмосферных процессов¹³⁷⁴.

С учетом динамичной работы в России по созданию программного обеспечения появилась возможность использовать российских специалистов для совместной с индийцами работы в этом направлении.

Как и прежде, одной из важных тем в российско-индийских отношениях оставалось военно-техническое сотрудничество. К началу XXI в. на долю индийских заказов приходилось около 40% из тех, что уже были заключены Россией со всеми странами мира. Была достигнута договоренность об участии Индии в мирных целях в российской Глобальной навигационной спутниковой системе (ГЛОНАСС)¹³⁷⁵.

В июне 2008 г. Прибалтийский судостроительный завод «Янтарь» приступил к строительству первого фрегата из трех для ВМС Индии в соответствии с контрактом, подписанным в июле 2007 г. (Общая стоимость контракта 1,6 млрд. долл.) Завершить строительство двух фрегатов планировалось в 2011 г., третьего фрегата – в 2012 г.¹³⁷⁶ Несколько ранее индийская государственная компания Hindustan Aeronautics Ltd. и «Рособоронэкспорт» подписали соглашение на поставку двигателей для МиГ-29 с последующим их лицензированием в Индии (подробнее о ВТС России и Индии см. главу 40).

Военно-техническое сотрудничество России и Индии постепенно перешло из формата «продавец–покупатель» к более широким формам, включавшим научные разработки, производство, техническое обслуживание и совместные учения. Убедительным примером такого сотрудничества стала совместная разработка и производство сверхзвуковой противокорабельной ракеты БраМос. Россия и Индия в принципе достигли соглашения о совместной разработке многоцелевого транспортного самолета и истребителя пятого поколения¹³⁷⁷.

Была поставлена задача увеличить ежегодный товарооборот между Россией и Индией с 3 млрд. долл. (2007 г.) до 10 млрд. долл. к 2010 г. за счет сотрудничества в высокотехнологичных сферах, включавших электронику, телекоммуникации, фармацевтику, а также машиностроение и металлургию¹³⁷⁸. В 2009 г. товарооборот достиг 8 млрд. долл.

Однако постоянно растущая конкуренция на российском и индийском рынках осложняла поиски и разработку выгодных ниш в торговле и экономике. В Индии шла жесткая борьба за ее растущий рынок, крупнейшими игроками на котором были США, Китай, Япония, Европейский Союз и Россия. Ставки в этой борьбе были очень высоки. Перспективными областями для российского бизнеса в Индии были такие направления, как металлургия; машиностроение; электронное и компьютерное производство; космические науки и техника; огранка алмазов; участие в модернизации крупных заводов, построенных при содействии Советского Союза (металлургические

заводы в Бхилаи, Бокаро, Висакхапатнаме, НПЗ в Барауни, Матхуре и Кояли, завод тяжелого машиностроения в Ранчи, завод горношахтного оборудования в Дургапуре, электростанции в Патрату и т.д.).

По мнению индийцев, имелось немало других перспективных отраслей для создания российско-индийских СП в России: разработка нефтяных и угольных месторождений; строительство домов, дорог, мостов, гостиниц, туристических комплексов; промышленность для производства лекарственных препаратов; текстиль и одежда; банковские услуги; обработка информации и т.п.

Несмотря на многие проблемы, в начале XXI в. российско-индийские отношения начали выходить из застоя 1990-х годов на уровень, соответствовавший стратегическому партнерству между Россией и Индией и их возможностям в ВТС и сфере высоких технологий. Двусторонние отношения между обеими странами в ключевых сферах экономики, научного, культурного и военно-технического сотрудничества отвечали целям международной безопасности, борьбы с терроризмом, задачам создания многополярного мира, укрепления коллективных инструментов мировой политики, прежде всего ООН.

Внешняя политика Индии в отношении России в начале XXI в. определялась тем, что Россия была признана влиятельным центром силы в многополярном мире. С другой стороны, Индия стремилась позиционировать себя в качестве мировой державы, вела дело к заметному улучшению отношений с США, нормализации отношений с Китаем, с учетом того, что у нее сохранялись пограничные проблемы с этой страной. Индия исходила из того, что конфликтные отношения между ней и Пакистаном вряд ли могли быть преодолены в обозримом будущем. Индия учитывала изменения в конфигурации сил в мире, которая приобретала все более полицентрический характер. При этом центр мирового влияния все более смещался в Азию, где находилось большинство крупных экономик мира и большая часть реальных ядерных держав. Внешняя политика Индии в первом десятилетии XXI в. реагировала на изменения в региональной и глобальной экономической и политической ситуации. Значительное влияние на нее оказывали цены на энергоносители, информационная революция, технологические инновации. Среди других факторов, которые также влияли на политику Индии, была продолжавшаяся миграция из нее, а также общее усиление миграционных потоков в мире. По подсчетам индийцев, дефицит рабочей силы в развитых странах должен привести к заметному развитию аутсорсинга производства товаров и услуг в страны с ее избытком, в том числе Индию.

После очередной победы на парламентских выборах 2009 г. правительство Индии во главе с Конгрессом несколько скорректиро-

вало свои внешнеполитические приоритеты. Во время бюджетной сессии парламента в августе 2009 г. официальный представитель правительства заявил, что Россия является стратегическим партнером, сотрудничество с которым продолжалось в течение нескольких десятилетий, что обеспечило «солидную основу» для долговременного и всестороннего развития отношений. Индийское правительство выразило готовность обсуждать с российским руководством все стратегические сферы взаимного сотрудничества, такие как оборона, космос, энергетика, наука и технологии, торгово-экономические отношения.

Правительство Индии также заявило, что отношения Индии с Америкой находятся в стадии развития, что оно стремится развивать их не только в традиционных областях, но и определять новые сферы кооперации с целью поднять ее на более высокий уровень, включая сотрудничество по таким глобальным вопросам, как изменение климата, разоружение, международный терроризм и безопасность на морях. При этом индийцы избегали противопоставления России и США¹³⁷⁹.

Во время визита премьер-министра Индии М. Сингха в Россию 6–8 декабря 2009 г. и его встреч с президентом РФ Д.А. Медведевым было подтверждено намерение обеих стран всемерно углублять и укреплять тесные, традиционно дружественные российско-индийские отношения.

В совместной декларации Россия и Индия заявили, что прочные многогранные двусторонние отношения, плодотворно развивающиеся после установления дипломатических отношений в апреле 1947 г., достигли высшего уровня – стратегического партнерства – и остаются в числе главных приоритетов двух стран. Углубление этого партнерства является самодостаточным вне зависимости от отношений с третьими странами. «Это надежная, проверенная временем дружба отвечает интересам обеих стран и стала фактором мира и стабильности в мире». Россия и Индия едины в оценке происходящих в мире радикальных изменений, которые сопряжены не только с вызовами и угрозами, но также представляют возможности для построения нового, демократического и справедливого многополярного миропорядка, основанного на коллективных началах, верховенства международного права в соответствии с целями и принципами Устава ООН. Обе страны подчеркнули, что формирующаяся система международных отношений должна основываться на принципе неделимости, безопасности, иметь универсальный характер и охватывать все государства и все основные сферы международных отношений.

Россия и Индия высказали убеждение, что только коллективными усилиями всего международного сообщества можно отвечать на такие вызовы, как преодоление глобального финансового кризиса.

Была особо отмечена актуальность обеспечения международной коллективной безопасности как одного из ключевых элементов общей системы мировой безопасности.

Обе стороны считали взаимодействие в форматах БРИК и Россия–Индия–Китай эффективным инструментом содействия укреплению более сбалансированной и предсказуемой международной системы в посткризисный период. Россия и Индия также отметили, что ШОС стала авторитетной международной организацией, обеспечивающей мир и стабильность и способствующей экономическому развитию региона. Россия выступила за полноценное членство Индии в ШОС. Россия и Индия высказались в пользу становления Афганистана в качестве демократического, плюралистического и стабильного государства, за усиление роли Международных сил содействия безопасности в борьбе с незаконной наркоиндустрией в Афганистане.

Обе стороны заявили о поддержке международных усилий, направленных на полную ликвидацию ядерного оружия в глобальном масштабе при обеспечении мер контроля. В этой связи Индия приветствовала намерения России и США заключить новый Договор по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений.

Они также выразили убеждение, что международное сообщество должно наращивать усилия в борьбе с терроризмом во всех его проявлениях. Индия поддержала усилия России по сохранению мира и стабильности на Кавказе.

Россия подчеркнула, что рассматривает Индию в качестве одного из достойных и сильных кандидатов на место постоянного члена расширенного Совета Безопасности ООН. Она поддержала заявку Индии на членство в АТС и намерена работать над снятием моратория на расширение этого форума.

Одним из значимых итогов визита премьер-министра Индии в Россию стало парафированное соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях. Это соглашение снимает все возможные ограничения и предполагает расширение сотрудничества России и Индии в мирной атомной энергетике, в том числе в строительстве АЭС¹³⁸⁰. Обе стороны обсуждали перспективы расширения торгово-экономического сотрудничества. В 2010 г. товарооборот должен составить 10 млрд. долл. М. Сингх сказал, что к 2015 г. товарооборот может вырасти до 20 млрд. долл. Среди приоритетов, выделенных российской и индийской сторонами, было сотрудничество в фармакологии, производстве и обработке алмазов, в информационных технологиях и телекоммуникациях¹³⁸¹.

Российско-индийский саммит 2009 г. продемонстрировал стремление обеих стран углублять взаимодействие во внешнеполитической сфере и важных областях торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества, а также в ВТС. Это было подтверждено во время визита в Индию премьер-министра РФ Путина в марте 2010 г.

Глава 38

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИНДИЕЙ И США

История индийско-американских отношений началась незадолго до вступления США во Вторую мировую войну. До этого у Индии были эпизодические контакты с Америкой, хотя еще в 1792 г. первый президент США Джордж Вашингтон назначил Бенджамина Роя консулом в столице Британской Индии Калькутте. В последующие полтора столетия политические отношения между Британской Индией и США, по существу, отсутствовали. Фактически единственным связующим звеном были американские миссионеры, которых в Индии насчитывалось несколько тысяч, существенно меньше, чем в Китае. Для Индии Америка была малознакомой страной. В начале 1940-х годов там проживало всего 2400 индийцев, в основном сикхов-фермеров, которые эмигрировали в Калифорнию¹³⁸².

Американское представление об Индии во многом формировалось голливудскими фильмами о британском владычестве, повестями и поэмами Редьярда Киплинга. Некоторый интерес у американцев вызывала деятельность М.К. Ганди с его ненасильственными кампаниями против британского правления.

Часть образованных индийцев рассматривала США как страну, в которой господствовал бытовой материализм, преступность и расовая дискриминация чернокожих. Джавахарлал Неру считал США расистским и империалистическим государством. В 1928 г. он писал: «Именно Соединенные Штаты представляют собой самое хорошее поле для изучения экономического империализма»¹³⁸³. Негативное впечатление у индийцев об Америке складывалось и в результате жесткой иммиграционной политики властей США. Так, Рабиндранат Тагор сократил свою поездку с лекциями в США, поскольку был оскорблен поведением иммиграционного чиновника¹³⁸⁴.

Вступление США в войну в декабре 1941 г. заметно повысило значение Британской Индии для Америки. США рассматривали ее

как опорную базу для поддержки Китая против японцев и как потенциальный источник людских и материальных ресурсов для союзников. Дуайт Д. Эйзенхауэр, тогда бригадный генерал и помощник начальника отдела военного планирования, писал: «Мы должны удержать Россию в этой войне, а также не упустить Индию!!! Тогда мы сможем сокрушить Германию при содействии Англии»¹³⁸⁵.

В марте 1942 г. Рузвельт предложил Черчиллю немедленно сформировать в Индии временное правительство доминиона, что, по его мнению, способствовало бы «большей лояльности индийцев в отношении Британской империи и подчеркнуло бы опасность японского господства при сохранении преимущества мирной эволюции, в отличие от хаотической революции». При этом Рузвельт дипломатично заметил: «Ради бога, не вовлекайте меня во все это, хотя я и хотел бы быть полезным. Строго говоря, это не мое дело, за исключением того, что оно является неотъемлемой частью успешной борьбы, которую мы вместе ведем»¹³⁸⁶.

В 1942 г. американцы создали отдельное командование (Китай–Бирма–Индия) во главе с генералом Джозефом Стилуэллом со штабом в Нью-Дели. Его задача состояла в оказании военно-технической помощи армии Чан Кай-Ши. Подразделения командования были сосредоточены в восточной Индии, где для нужд армии было построено большое число аэродромов. Это вызывало недовольство бенгальцев, поскольку под это строительство у них отнимали плодородную землю и таким образом лишали людей главного источника существования¹³⁸⁷. За время войны в Индии побывало около 250 тыс. американских солдат. Все это создавало впечатление у индийцев, что США поддерживали британцев, а не национально-освободительную борьбу индийцев. Поэтому госдепартамент США посчитал необходимым выступить с заявлением о том, что американские войска не вовлекаются в индийские внутренние дела, а находятся в Индии только для того, чтобы вести борьбу со странами оси¹³⁸⁸.

США не могли найти приемлемое решение проблемы, связанной с поддержкой индийцев в их борьбе за независимость, поскольку они опасались из-за этого внести раскол в отношения со своим союзником Англией. Во время «Августовской революции» 1942 г. Америка отказалась поддержать индийцев и оказать давление на Великобританию, чтобы она пошла на уступки по вопросу о предоставлении Индии независимости. Об этом свидетельствовало также отношение американской прессы, которая поддержала подавление англичанами движения «Прочь из Индии»¹³⁸⁹.

Во время войны Америка установила контакты с ведущими лидерами индийского освободительного движения, в том числе Неру.

В течение почти всей войны в Индии работали личные представители президента США Ф.Д. Рузвельта и их миссии. Не случайно, что в конце декабря 1944 г. США посетила В.Л. Пандит с частным визитом, а также для того, чтобы принять участие в Конференции друзей Индии, таких как известная писательница Перл Бак. Ее поездку организовал с благословения государственного департамента США командующий ВВС США генерал Стратемейер. Пандит много ездила по Америке, выступая с призывами за предоставление Индии независимости. В этой связи исполняющий обязанности госсекретаря США Джозеф Гру заявил, что Америка «будет рада внести свой вклад в соответствующей форме в удовлетворительное решение этой проблемы. Мы поддерживаем, – сказал он, – тесные связи дружбы как с Британией, так и с индийским народом»¹³⁹⁰.

За месяц до своей смерти, 15 марта 1945 г., Рузвельт проявил озабоченность положением дел на Востоке. Он говорил, что там «правит небольшая кучка белых людей, и народы Востока возмущаются этим. Наша задача, – сказал он советнику госдепа Чарлзу Тоссигу, – должна состоять в том, чтобы помочь им достичь независимости. 1100 миллионов потенциальных врагов опасны. Черчилль не понимает этого»¹³⁹¹.

После смерти Рузвельта 12 апреля 1945 г. отношения США с Индией оставались весьма сложными. В октябре 1945 г. президент США Гарри Трумэн выступил с заявлением в поддержку самоопределения всех колониальных народов. Неру приветствовал это, но высказал определенное «разочарование» тем, как на деле Америка защищает независимость этих народов¹³⁹².

Развитие событий во время Второй мировой войны, приведшее к ухудшению отношений между индийцами и Америкой, во многом предопределило их характер в последующие годы. Хотя после войны состояние индийско-американских отношений было достаточно неопределенным, индийцы подавали американцам сигналы о своей готовности активизировать связи с их страной. Одним из таких сигналов было назначение Г.Ш. Баджпаи генеральным секретарем МИД Индии. До этого он был генеральным агентом Индии в США, которого направил в Британское посольство в Вашингтоне вице-король Индии Линлитгоу. Многие индийцы рассматривали его как английскую марионетку. Однако по возвращении в Индию Баджпай занял пост генерального секретаря по международным делам, подчинявшегося только Неру как министру иностранных дел.

Первый индийский посол в США был назначен в конце 1946 г. Им стал один из руководящих деятелей Конгресса Асаф Али. Неру следующим образом определил его задачи: «США – великая страна, и мы хотим дружить с ней по многим причинам. И все-таки я хотел

бы вполне определенно сказать, что мы не намерены подчиняться кому-либо... У нас на руках много хороших карт и нам нет никакой необходимости выглядеть просителями перед любой страной»¹³⁹³.

Когда Асаф Али нанес первый протокольный визит госсекретарю Джорджу Маршаллу 26 февраля 1947 г., он, тем не менее, говорил о необходимости оказания помощи Индии. Он также заявил, что Индия могла бы быть «бастионом мира против великого северного соседа, который сейчас отбрасывает свою тень на два континента – Азию и Европу» (вполне очевидно, что имелся в виду Советский Союз. – Ф.Ю., Е.Ю.)¹³⁹⁴.

Первые индийско-американские контакты на высшем уровне

В октябре и ноябре 1949 г. Неру по приглашению президента Трумэна находился с визитом в США. В течение трех недель он путешествовал по Америке – от Атлантического до Тихоокеанского побережья, встречался со многими политическими и общественными деятелями, выступал на многочисленных митингах. Однако в беседах с руководством США Неру не нашел должного понимания по ряду крупных вопросов, в первую очередь по положению в Кашмире.

Эта проблема стала предметом серьезных разногласий между Индией и США. В январе 1948 г. СБ ООН по инициативе США и Великобритании принял резолюцию о создании Комиссии ООН по Индии и Пакистану. Комиссия пыталась добиться соглашения между обеими странами по вопросу о проведении плебисцита по Кашмиру. Главное разногласие было в том, кто будет контролировать Кашмир во время плебисцита. Проблема зашла в тупик. Между тем на территории Кашмира разрастались военные действия. 1 января 1949 г. под эгидой ООН в Кашмире была установлена линия прекращения огня, но не было достигнуто соглашение по проведению плебисцита. Таким образом, Кашмир был поделен на две части – индийскую (3/5 территории) и пакистанскую (2/5 территории). Индия продолжала настаивать, что Джамму и Кашмир является ее неотъемлемой частью, а контроль (оккупация) Пакистаном северных и северо-западных районов бывшего княжества является незаконным. Пакистан считал вопрос нерешенным и требовал проведения плебисцита под международным контролем¹³⁹⁵.

15 августа 1949 г. Неру заявил послу США Лою Хендерсону, что он «устал от моралистических советов со стороны США... А по Кашмиру он не уступит и дюйма и будет твердо стоять на этой пози-

ции даже, если Кашмир, Индия и весь мир развалятся на части»¹³⁹⁶. Еще до поездки в США Неру отклонил предложение Трумэна быть посредником по вопросу о плебисците¹³⁹⁷.

В создавшейся ситуации визит Неру в США не мог привести к прорыву в индийско-американских отношениях. К тому же американские руководители встретили в лице Неру трудного и неуступчивого партнера. Сам Неру был во многом разочарован своими собеседниками, их демонстрацией богатства, отсутствием хорошего вкуса и культуры. В частности, тем, что на его обеде с бизнесменами хозяева объявили, что представители принимающих его компаний обладают капиталом более чем в 20 млрд. долл. Его также поразило, что беседа за ужином в Белом доме носила далеко не актуальный характер: главной темой разговора Трумэна и вице-президента США Эбена Баркли были достоинства виски-бурбон, производимого в штате Кентукки¹³⁹⁸.

Конечно, не эти детали определяли позицию Неру в отношении США. Его не устраивало то, что США проявляли особое внимание к Пакистану. После того, как американцы оказали теплый прием премьер-министру Пакистана Лиакат Али Хану через несколько месяцев после поездки самого Неру в Америку, Неру писал сестре В.Л. Пандит: «Американцы или слишком наивны, или им явно не хватает интеллекта. У них одна и та же стандартная процедура и для Неру, и для Шаха Ирана, и для Лиаката Али Хана... Очень похоже, что они явно стремятся усилить Пакистан, и, если так можно выразиться, ослабить Индию. Меня просто поражает, насколько примитивно политическое мышление у американцев!.. Весьма удивляет отсутствие у них понимания ситуации в Азии»¹³⁹⁹.

Тема Кашмира и Пакистана продолжала сказываться на противоречиях и росте напряженности между Индией и США. В декабре 1950 г. в обзоре госдепартамента США об американской политике в Южной Азии подчеркивалось, что вместе с Китаем, оказавшимся под властью коммунистов, Советский Союз охватывает весь периметр Индийского субконтинента. Индия стала «ключевым государством» в некоммунистической Азии с учетом ее относительно значительной мощи, стабильности и влияния. Выражалась надежда, что Индия «добровольно согласится сотрудничать с США и близкими им по духу странами в противостоянии коммунизму»¹⁴⁰⁰.

Состоявшиеся в апреле 1951 г. в Нью-Дели индийско-американские переговоры, в которых принял участие Неру, вновь выявили серьезные разногласия по крупным вопросам, связанным с войной в Корее, отношением к Советскому Союзу и КНР, а также по Кашмиру. Посол США Хендерсон писал в этой связи, что между Амери-

кой и Индией существует фундаментальное различие относительно агрессивных намерений международного коммунизма¹⁴⁰¹.

В то время как в начале 1950-х годов США рассматривали Южную Азию как регион второстепенной важности с военной точки зрения, Пакистан представлял для них определенную ценность как территория, на которой могли бы базироваться американские самолеты в случае войны с Советским Союзом. Америка отдавала предпочтение прозападной внешней политике Пакистана, а не нейтралистской линии Индии. Пакистан уже тогда считал отношения с США одним из главных приоритетов его внешней политики¹⁴⁰².

В январе 1951 г. президент Трумэн одобрил документ Национального совета безопасности, который определил политику США в отношении Южной Азии. Этот документ стал частью «холодной войны». В нем говорилось, что если Индия окажется на стороне коммунистов, то «практически вся Азия будет потеряна» для США. Документ предусматривал проведение более активной американской политики в районе Южной Азии, в том числе осуществление экономических программ, поставку вооружений и улучшение индийско-пакистанских отношений¹⁴⁰³.

США отдают предпочтение Пакистану

После победы на выборах в конце 1952 г. новый президент США республиканец Дуайт Эйзенхауэр назначил Джона Фостера Даллеса секретарем государственного департамента. Во время предвыборной кампании Эйзенхауэр обещал проводить более жесткую политику по сдерживанию СССР и его союзников. Даллес был подходящей фигурой для проведения такой стратегии. Он был известным юристом, советником по внешней политике кандидата в президенты Томаса Дьюи, членом делегаций США в ООН. Отец и дед Даллеса были пресвитерианскими священниками, причем дед был миссионером в Британской Индии. Даллес лично не бывал в Южной Азии, но был знаком с ней по книге своего деда Джона Уэлша Даллеса «Жизнь в Индии», в которой воспевались достоинства британского колониального правления. Еще одной из книг, которую Даллес прочитал до того, как стал госсекретарем США, была книга Дж. Неру «Взгляд на всемирную историю». Социалистические взгляды агностика Неру вряд ли могли произвести положительное впечатление на глубоко религиозного антикоммуниста Даллеса¹⁴⁰⁴.

В мае 1953 г. Даллес впервые посетил Индию и Пакистан. В Индии он провел переговоры с Неру, на которых обсуждались вопросы,

связанные с КНР, войной в Корее, более широкие проблемы «холодной войны». Беседы с Неру подтвердили скептицизм Даллеса относительно нейтралистской позиции индийского премьер-министра. По вопросу о возможной военной помощи США Пакистану Даллес сказал Неру, что у США нет ближайших планов, которые привели бы к военному сотрудничеству с Пакистаном, что могло бы рассматриваться как «не нейтральный подход в отношении Индии»¹⁴⁰⁵.

После Индии Даллес полетел в Карачи. В отличие от индийцев, пакистанцы говорили с Даллесом на одном политическом языке. Генерал-губернатор Пакистана Гулам Мохаммед, премьер-министр Мухаммед Али Бобра, командующий пакистанской армией генерал Мухаммад Айюб Хан во время бесед с Даллесом подчеркивали свою приверженность борьбе с коммунизмом и стремление сотрудничать с США.

Особое впечатление на Даллеса произвел Айюб Хан, который со свойственной ему прямоотой сказал, что США «не должны бояться открыто помогать тем странам, который выразили готовность и даже желание сотрудничать с ними». Айюб Хан представил Даллесу копию его стратегической оценки ситуации в Пакистане. Этот документ был выдержан в традициях «Большой игры» XIX в. между Британией и Россией. В нем говорилось об угрозе массированного советского вторжения через горные перевалы в Центральной Азии с целью достичь теплых вод Аравийского моря. Айюб Хан также заявил, что Пакистан располагает большими людскими ресурсами и возможностью размещения военных баз и готов сотрудничать с США. Что касается озабоченности Америки относительно реакции Индии, он заверил, что «если Пакистан укрепится при американской экономической и военной помощи, то это приведет к отказу Индии от ее непримиримой политики в Кашмире»¹⁴⁰⁶.

В феврале 1953 г. Пакистан обратился к США с просьбой о предоставлении ему военной помощи. Буквально через два дня он получил положительный ответ. Тогда же Эйзенхауэр написал Неру: «...если наша помощь любой стране, включая Пакистан, будет неправильно использована и направлена против другого государства в агрессивных целях, я немедленно приму необходимые меры в соответствии с моими конституционными полномочиями как в рамках ООН, так и вне ее, чтобы остановить такую агрессию». Текст письма был опубликован в печати¹⁴⁰⁷.

После ряда последующих переговоров на разных уровнях 14 января 1954 г. США приняли принципиальное решение оказать военную помощь Пакистану. При этом Эйзенхауэр потребовал, чтобы были использованы все возможные публичные и личные средства для того, чтобы «ослабить эффект нашей акции для Индии». Это ре-

шение оказало большое влияние на отношения между США, Индией и Пакистаном на последующие десятилетия¹⁴⁰⁸.

Решение США предоставить военную помощь Пакистану вызвало острую реакцию в Индии. Письмо Эйзенхауэра Неру не смягчило отношения Дели к происходившему. После этих событий американцы полагали, что результатом может стать «интенсификация различий в американско-индийских отношениях и, возможно, более дружественные отношения между Индией и Советским Союзом, хотя, по всей вероятности, это вряд ли приведет к большим изменениям в индийской внешней политике»¹⁴⁰⁹.

По оценке американских разведывательных служб, результатом военного сотрудничества США с Пакистаном могло бы стать «некоторое усиление напряженности в индийско-американских отношениях. Однако вряд ли между США и Индией может возникнуть открытый разрыв только в результате этого... Если Пакистан материально усилится благодаря американской помощи, Индия также будет изыскивать возможности наращивать свои силы. В любом случае, чрезвычайно маловероятно, что Индия существенно сблизится с советским блоком»¹⁴¹⁰.

Несмотря на объяснения США, что их военное сотрудничество не направлено против Индии, Неру резко отрицательно реагировал на это прежде всего потому, что до этого у Пакистана не было сколько-нибудь заметной внешней поддержки. Он писал: «За Пакистаном будет стоять великая и мощная держава – США. По существу, предоставление военной помощи Пакистану является недружественным актом по отношению к Индии»¹⁴¹¹. Ход событий, в том числе и в индийско-американских отношениях, подталкивал Индию в сторону Советского Союза. Впоследствии Индия постоянно балансировала между США и СССР, а условия холодной войны были для этого вполне благоприятны.

США внимательно следили за советскими экономическими и дипломатическими инициативами в Индии, однако не предпринимали подобных же шагов в отношении этой страны. Более того, по инициативе США в сентябре 1954 г. была создана антикоммунистическая Организация договора коллективной безопасности Юго-Восточной Азии (The Southeast Asia Treaty Organization – SEATO) со штаб-квартирой в Бангкоке. В ее состав вошли Филиппины, Таиланд и Пакистан. Неру считал SEATO «вредной для Азии и дела мира». Он писал: «Привычка Запада нести “бремя белого человека” на Востоке все еще существует, даже когда условия в мире и в Азии изменились в огромной степени»¹⁴¹².

Тем не менее, индийцы были вынуждены обратиться к США за продовольственной помощью. В 1951 г. США поставили продо-

вольствие в Индию на 104 млн. долл. В 1954 г. в Америке был принят Закон 480 (Public Law 480 – PL 480), который позволил ей продавать избытки продовольствия за индийские рупии. Однако реальная поставка продовольствия в Индию была отложена из-за сложных отношений между этими странами. По американо-индийскому соглашению, подписанному в августе 1956 г., в Индию в течение трех лет было поставлено 5 млн. тонн зерна на сумму 360 млн. долл.

Во время очередного визита Даллеса в Индию в 1956 г. он вновь заявил, что военная помощь США Пакистану не направлена против Индии. В декабре 1956 г. Неру совершил вторую поездку в США. Его встречи с избранным на второй срок президентом Эйзенхауэром были более плодотворными, чем беседы с Трумэнном в 1949 г. В беседах с Эйзенхауэром, продолжавшихся около 14 часов, затрагивался широкий круг международных проблем, в том числе нейтралитет Индии и индийско-пакистанские отношения. Как отмечал президент США, Неру сказал, что ни одна из проблем в этих отношениях не является неразрешимой. Однако наиболее трудной он назвал кашмирскую проблему. Неру и Эйзенхауэр придерживались разных взглядов в отношении КНР и Пакистана. Неру выступал за то, чтобы Китай был принят в СБ ООН, а Эйзенхауэр считал, что было еще рано говорить об этом. Неру занял жесткую позицию в отношении Пакистана, назвал раздел Индии огромной ошибкой и повторял, что народ Кашмира хочет быть в составе Индии¹⁴¹³.

Проблемы Индии с обеспечением населения продовольствием вновь вынудили ее обратиться за помощью к Америке. В 1960 г. Эйзенхауэр и министр сельского хозяйства Индии С.К. Патил подписали в соответствии с законом США (PL 480) соглашение на поставку в Индию 12 млн. тонн пшеницы в течение четырех лет на общую сумму в 1 276 млн. долл. При этом предусматривалась продажа зерна за индийские рупии, которые американцы могли тратить только в Индии. В эти же годы США выделили около 500 млн. долл. на программу Всемирного банка по строительству плотин, других ирригационных сооружений в связи с соглашением между Индией и Пакистаном о разделе вод бассейна реки Инд¹⁴¹⁴.

Начиная с 1957 г. регион Южной Азии стал рассматриваться Америкой как важный фронт холодной войны. Расценивая соперничество между Индией и Китаем как борьбу между демократической и тоталитарной моделью развития, руководство США пришло к выводу, что, несмотря на частую оппозицию Индии США по ряду вопросов, «риски безопасности США от слабой и уязвимой Индии будут большими, чем риски от стабильной и влиятельной Индии... Сильная Индия будет успешным примером альтернативы коммунизму в азиатских

условиях и будет содействовать постепенному развитию инструментов для укрепления ее внешней безопасности против экспансии коммунистического Китая в Южную и Юго-Восточную Азию»¹⁴¹⁵.

Заслуживает внимания и то, что тогда же Эйзенхауэр назвал военное соглашение с Пакистаном (1954 г.) «наверное, самым худшим из планов и решений, которые мы когда-либо могли сделать. Это была ужасная ошибка, но сейчас мы, похоже, безнадежно вовлечены в это»¹⁴¹⁶.

Одним из важных элементов такой вовлеченности было то, что Пакистан входил в созданный по инициативе США Багдадский пакт. О целях этого пакта и участии в нем Пакистана президент Айюб Хан писал следующее: суть проблемы состояла во «враждебном отношении Индии к нам. Мы должны были искать союзников, чтобы обеспечить свою безопасность... Американская заинтересованность в этом пакте была хорошо известна – они хотели создать противодействие коммунизму на Среднем Востоке»¹⁴¹⁷.

В 1959 г. США подписали с Пакистаном договор об обороне. В этот период Пакистан дал согласие США на использование аэродрома в Пешаваре для разведывательных полетов над советской территорией самолетов У-2. База в Пешаваре также давала США возможность электронного мониторинга советских ракетных испытаний и была важной частью цепи электронно-прослушивающих станций, при помощи которых Америка вела наблюдение за испытаниями ракет в СССР.

Противоречия в треугольнике США– Индия–Пакистан

В декабре 1959 г. Эйзенхауэр прибыл с визитом в Индию, где его ожидал теплый прием как в официальных кругах, так и среди индийской общественности. На аэродроме в Нью-Дели его встречали все высшие руководители Индии – президент Р. Прасад, вице-президент С. Радхакришнан, Неру, президент правящей партии ИНК У.Н. Дхембар, Индира Ганди.

На встрече Эйзенхауэра с Неру обсуждался широкий круг международных проблем Азии, Европы и Африки. Неру высказал озабоченность ужесточением китайской позиции по пограничным вопросам. В свою очередь, Эйзенхауэр выразил надежду, что эти проблемы будут мирно разрешены. Наибольшее внимание было уделено индийско-пакистанским отношениям, в том числе кашмирскому вопросу. Эйзенхауэр говорил о трудностях Америки, связанных, с одной стороны, с поставками вооружений Пакистану, а с другой – стремлением не вызвать озабоченности Индии в этой связи. Он под-

черкнул, что США никогда не позволят Пакистану использовать американское оружие против Индии¹⁴¹⁸. Неру проявил готовность подписать индийско-пакистанскую декларацию о неиспользовании Индией и Пакистаном силы или военных действий для разрешения существующих между ними проблем. Если Пакистан даст такие заверения, сказал Неру, Индия будет меньше озабочена поставками американских вооружений Пакистану. Эйзенхауэр дал указание послу США в Пакистане обсудить этот вопрос с президентом Айюб Ханом. Однако последний отклонил это предложение. Его аргументация: в случае его принятия пакистанцы сказали бы, что он отдает индийцам Кашмир «на серебряном блюде». Он был не против декларации о ненападении, но только в том случае, если будет одновременно подписано соглашение о принципах решения кашмирской проблемы. Айюб Хан полагал, что предложение Неру о ненападении является уловкой, чтобы уйти от решения проблемы Кашмира¹⁴¹⁹.

После визита Эйзенхауэра в Пакистан 7 декабря 1959 г., накануне его поездки в Индию, американцы приняли решение о поставке Пакистану сверхзвукового военного самолета F-104. Это была цена, которую США заплатили за предоставление им авиабазы в Пешаваре, несмотря на неизбежные последствия в их отношениях с Индией. 1 мая 1960 г. американский разведывательный самолет У-2 с пилотом Гари Пауэрсом был сбит над территорией Советского Союза. В это время шла подготовка к встрече в верхах в Париже по разоружению четырех держав – СССР, США, Великобритании и Франции – и ответного визита Эйзенхауэра в Советский Союз после поездки Н.С. Хрущева в Америку в 1959 г. Эпизод с У-2 разрушил эти планы. Американцы были вынуждены признать ответственность за полет У-2. Встреча в верхах была сорвана, визит Эйзенхауэра в Советский Союз отменен. Хрущев публично заявил: «... если какому-либо американскому самолету будет позволено использовать Пешавар как базу для операций против Советского Союза, то мы немедленно ответим на это»¹⁴²⁰.

В связи с полетом У-2 Эйзенхауэр позже писал: «Я был единственным руководителем в США, который постоянно утверждал, что, если даже один самолет упадет на советской территории, волнения, вплоть до паники, охватят весь мир... Тем не менее, я полностью поддержал эту программу. За четыре года использования У-2 была собрана критически важная для США информация»¹⁴²¹.

События вокруг полета У-2 показали, что союзнические отношения Пакистана с США были сопряжены и с рисками. Айюб Хан стал предпринимать шаги, чтобы снять напряжение в отношениях с СССР. В этой связи характерно его заявление о том, что США «выглядят как нескладная, неуклюжая, медленная колесница»¹⁴²².

После решения США предоставить реактивные военные самолеты Пакистану Индия обратилась с просьбой к Америке о продаже 29 транспортных самолетов (Fairchild C-119). США дали положительный ответ, исходя из целесообразности усиления ВВС Индии против Китая. В мае 1960 г. индийцы попросили США продать им ракеты (Sidewinder missiles), которые Америка обещала поставить Пакистану. США отказали им в этой просьбе, то есть фактически показали, что они отдадут предпочтение Пакистану. В письме послу США в Индии государственный департамент сообщал: «Став нашим единомышленным союзником, Пакистан принял на себя ответственность и риски, предоставил нам свою территорию для серии проектов, чрезвычайно важных для нашей национальной безопасности... Важным фактом является то, что если мы хотим сохранить нашу взаимную систему безопасности, то должны показать Пакистану, что военное соглашение с нами против коммунистического блока дает ему существенные выгоды»¹⁴²³.

С учетом всего этого Индия обратилась к Советскому Союзу с просьбой о поставке вооружений. США всячески препятствовали этому. Но сами они не хотели продавать современное оружие Индии, чтобы не поставить в трудное положение своего союзника Пакистан.

Пришедшая к власти в январе 1961 г. администрация США во главе с президентом Джоном Ф. Кеннеди активизировала действия по развитию связей с Индией, но с учетом существовавших отношений с Пакистаном. Американцы приняли решение оказывать содействие Индии в размере 1 млрд. долл. ежегодно в течение пяти лет, начиная с 1962 г., включая помощь продовольствием, а также направлением нескольких сотен волонтеров Корпуса мира, которые занимались проблемами развития деревни, что, по мнению ряда американцев, должно было содействовать росту популярности США в Индии. В США также вновь рассматривался вопрос о строительстве металлургического завода в Бокаро стоимостью около 900 млн. долл. Однако в конечном счете руководство США отказалось от этой идеи. И тогда СССР предложил свои услуги. С его помощью в середине 1960-х годов в Бокаро началось строительство металлургического комбината проектной мощностью 4 млн. тонн стали.

Тогда же, в начале 1960-х годов, состоялись американо-индийские переговоры о строительстве атомной электростанции в Тарапуре около Бомбея. Объем финансирования со стороны Америки составил 80 млн. долл. К маю 1963 г. проект был одобрен обеими сторонами. При этом Индия согласилась использовать только американский обогащенный уран для ее работы¹⁴²⁴.

В мае 1961 г. вице-президент США Линдон Джонсон посетил Индию и Пакистан. Он доложил президенту Кеннеди о том, что ру-

ководство Индии благожелательно настроено в отношении США. «Это должно быть использовано, – писал он, – не для того, чтобы надеяться на вовлечение Индии в нашу сферу, что может быть ненужным, как и невозможным, но, главным образом, в надежде укрепить при Неру индийско-американскую дружбу, которая выстоит при любой перемене власти в Индии»¹⁴²⁵.

Тогда же Джонсон нанес визит в Пакистан. Он высоко отозвался о президенте Айюб Хане, назвав его «самым впечатляющим и, по своему, отзывчивым из руководителей государств», которые он посетил во время поездки. Джонсон рекомендовал, чтобы США нашли способы модернизировать пакистанские вооруженные силы. По его мнению, Айюб Хан «хочет решить кашмирскую проблему с целью высвободить пакистанские и индийские войска для того, чтобы сдерживать Китай, а не друг друга»¹⁴²⁶.

В июле 1961 г. Айюб Хан прибыл в США с первым официальным визитом. Кеннеди уделил ему повышенное внимание. В ходе переговоров была достигнута договоренность об оказании Пакистану экономической помощи на сумму 500 млн. долл. В отношении Индии Айюб Хан сказал, что если США окажут ей военную помощь, то это «вынудит его страну выйти из пактов и альянсов». На это Кеннеди ответил, что у США нет намерений оказывать такую помощь Индии, и «если он вообще будет думать об этом, то посоветуется прежде всего с президентом Айюбом»¹⁴²⁷. Американский дипломат и исследователь отношений между США и Пакистаном, США и Индией Деннис Кукс писал: «Неудивительно, что, когда Кеннеди не посоветовался с Айюбом перед тем, как дать оружие Индии в ноябре 1962 г., это глубоко обидело президента Пакистана»¹⁴²⁸.

Во время китайско-индийского вооруженного конфликта 1962 г. США положительно отозвались на просьбу Индии о военной помощи. В свою очередь, Москва, занятая кубинским кризисом, посоветовала Нью-Дели принять китайские предложения о переговорах по пограничной проблеме. Она также информировала индийцев, что поставки МиГ-21 временно приостановлены. Большинство неприсоединившихся стран, кроме Египта и Югославии, заняли выжидательную позицию. Американская помощь Индии вызвала негативную реакцию в Пакистане. Но Вашингтон надеялся, что Пакистан не предпримет враждебных действий в отношении Индии. Кеннеди писал Айюб Хану, что эта военная помощь Индии предназначена для «немедленных задач» и «для использования только против китайцев». Однако Айюб Хан решительно выступил против поставок вооружений в Индию. Он хотел использовать ее трудности в этой войне. Индия терпела военное поражение и была ослаблена. Президент Пакистана также

настаивал на том, чтобы США оказали давление на Индию в решении кашмирской проблемы¹⁴²⁹.

После убийства в ноябре 1963 г. Кеннеди новый президент США Л. Джонсон продолжил прежнюю политику США в отношении Южной Азии. По вопросу о военных поставках в Индию США, как и прежде, заняли сдержанную позицию. Политика Америки по этому вопросу получила выражение в докладе госсекретаря Д. Раска президенту Джонсону «О шагах по оказанию военной помощи Индии и Пакистану». 11 декабря 1963 г. Раск писал: «Если мы и можем продвигаться вперед, хотя и спотыкаясь в каждой из этих стран ... наши предложения по военному сотрудничеству с Индией и Пакистаном помогут продвижению к нашим стратегическим целям по сдерживанию коммунистического давления на этот регион без того, чтобы вносить напряжение в наши отношения с каждой из этих стран»¹⁴³⁰.

О раздумьях американцев по поводу их дальнейших отношений к связке Индия–Пакистан свидетельствует записка заместителя помощника президента США по национальной безопасности Джорджа Банди. Он писал 24 февраля 1964 г.: «Индия как крупнейшее и потенциально самое мощное некоммунистическое азиатское государство представляет собой главный приз в Азии. Мы уже инвестировали 4,7 млрд. долл. в долгосрочное экономическое строительство этой демократической страны. Но наша политико-военная линия никогда не соответствовала нашим экономическим инвестициям, частично потому что Пакистан хитроумно подписал с нами договоры об участии в двух альянсах, чтобы добиться новых гарантий против Индии. В результате Пакистан получил около 700 млн. долл. военной помощи, которая фактически целиком ушла на его оборону против Индии... Мы можем и должны защищать Пакистан от Индии, но мы не можем позволить, чтобы наши связи с Пакистаном или наше предпочтение Айюба, а не Неру, стояли на пути сильной американской политики в отношении Индии. Это позволило бы хвосту вилять собакой, что именно пакистанцы и стремятся сделать»¹⁴³¹.

В то время в США витали в воздухе идеи о том, что Индия может возглавить антикитайский и антикоммунистический союз. Но они не были подкреплены оказанием Индии крупной военной и экономической помощи. Поэтому надежды на мощный рывок в индийско-американском сотрудничестве быстро угасли. Для Индии более ценными оказались ее политика неприсоединения и активно развивавшиеся связи с СССР. Об этом периоде посол США в Индии Ч. Боулс писал президенту Джонсону 19 ноября 1968 г.: «В 1963–1964 гг., после индийско-китайской войны, когда мы оказали ограниченную помощь Индии, мы отвергли просьбу о модернизации ее обороны на сумму

около 75 млн. долл. ежегодно из-за опасения нарушить наши отношения с Пакистаном. В ответ на эту помощь индийцы были готовы: 1) согласиться не покупать оружие у коммунистических стран; 2) заключить соглашение с Пакистаном о поддержании равного соотношения вооруженных сил; 3) сотрудничать с нами на политической основе для установления большей стабильности в Азии и Юго-Восточной Азии. И только в августе 1964 г., когда стало ясно, что мы не готовы предоставить эту помощь, Индия повернулась к Советскому Союзу как главному источнику вооружений»¹⁴³².

Охлаждение в отношениях между Индией и США

В середине 1960-х годов в Индии сложилась критическая ситуация с обеспечением населения продовольствием, вызванная тремя подряд засухами, что привело к голоду в ряде районов страны, росту инфляции и резкому сокращению валютных резервов. В июле 1965 г. президент США Линдон Джонсон приказал приостановить направление продовольственной помощи Индии по Закону PL 480 и таким образом оказать политическое давление на нее. Такая тактика нанесла огромный урон индийско-американским отношениям¹⁴³³.

В августе 1965 г. президент Джонсон писал своим подчиненным: «Нам следует отказаться от предоставления военной помощи как Пакистану, так и Индии». Позже, 2 мая 1966 г., новый госсекретарь США Уолт Ростоу отметил: «Наша точка зрения состоит в том, что (1) Индия действительно более важна, чем Пакистан. Но (2) в индийских интересах, так же как и в наших интересах, следует сохранять открытым подход Запада к Айюбу»¹⁴³⁴. И Джонсон, и Ростоу подчеркивали, что Пакистан является крупной региональной державой и важным исламским государством. Администрация США считала, что попытки «изолировать» Пакистан и обращаться с ним как с изгоем из-за того, что он испытывал трудности с демократизацией, могли привести к катастрофе в Южной Азии и в более обширном регионе. Однако в самой Америке было немало политиков и специалистов по международным отношениям, которые полагали, что Пакистан представляет собой типичный образец «несостоявшегося государства».

В марте 1966 г., вскоре после назначения Индиры Ганди премьер-министром, свой первый официальный визит за рубеж она совершила в Америку. Президент Джонсон публично обещал ей всестороннюю помощь, однако не торопился с реализацией этого обещания. Много позже, в марте 1979 г., И. Ганди заявила, что Джонсон оказывал на нее давление, чтобы заставить ослабить связи Индии с СССР¹⁴³⁵. Попытка

таким образом воздействовать на Индию в трудный для нее час имела далеко идущие последствия. Вместо того, чтобы подчиниться этому давлению, Индия продолжила независимый курс во внешней стратегии и линию на самообеспечение в продовольственной политике. И ей это удалось в сравнительно короткое время.

Среди главных внешнеполитических вопросов, поднятых во время этого визита И. Ганди в США, была проблема Китая. Премьер-министр Индии выступила с жесткой критикой КНР. Она заявила, что Китай не верит в мир и мирное сосуществование, он хочет использовать «сельские районы» Афро-Азиатских стран для атаки на промышленно развитые «города» Запада. И именно в этих огромных и населенных сельских районах Китай должен быть остановлен. И что Индия, защищая от Китая 2000-мильную границу вдоль Гималаев и придерживаясь демократических идеалов, ведет борьбу «в интересах Запада». Индия, сказала она, может быть «азиатской альтернативой, альтернативной моделью экономических и социальных изменений, демократической, социалистической моделью». В совместном коммюнике по итогам визита И. Ганди в США отмечалось, что индийский премьер-министр «подтвердила решимость ее страны защищать свободу и целостность Индии и рассказала о вызове, который представляет агрессивная политика КНР. Премьер-министр Индии и президент США согласились в том, что такая политика представляет угрозу миру, особенно в Азии»¹⁴³⁶.

И. Ганди сделала ряд заявлений и по вопросу об отношениях между Индией и Пакистаном. Она подчеркнула необходимость своей страны решать проблемы с Пакистаном мирными методами, отвергла обвинения в том, что Индия не примирилась с самим существованием Пакистана и высказала готовность открыть границы и вести дело к тому, чтобы совместными усилиями залечить раны раздела Индии в 1947 г. Однако И. Ганди решительно высказалась против проведения в Кашмире плебисцита, который мог поставить под вопрос единство Индии. «Мы не можем сегодня пойти на второй раздел Индии на религиозной основе, – сказала она. – Это разрушит фундамент индийского государства»¹⁴³⁷.

Из рассекреченных в начале 2000 г. американских документов следовало, что руководство США не доверяло Индии. Государственный секретарь США Дин Раск в телеграмме послу Америки в Индии Честеру Боулсу 26 июля 1966 г. совершенно определенно писал об этом: «Индия движется к полному военному господству на субконтиненте. Ее собственный потенциал по производству вооружений плюс очень существенные поставки советского военного оборудования дают ей возможность говорить, что Индия имеет право наращивать свои

вооруженные силы с помощью Советского Союза, а Пакистан не имеет права получать даже запасные части из США. Поведение Индии в течение последних 20 лет в отношении Кашмира не может считаться приемлемым. Ее точка зрения, что здесь нет предмета для обсуждения и вопрос закрыт, противоречит неоднократным действиям ООН и наталкивается на долговременную естественную позицию США, которая состоит в том, что желание любого народа должно иметь решающее значение в таких политических вопросах... Я сомневаюсь, – продолжал Раск, – что мы должны полагаться на Индию как на нашего единственного партнера на субконтиненте, потому что я не верю, что Индия могла бы взять на себя роль такого партнера»¹⁴³⁸.

В последующие годы никакого заметного продвижения в развитии индийско-американских отношений не произошло. Частично это можно объяснить тем, что США «увязли» в войне во Вьетнаме, в то время как Индия требовала прекращения американских бомбардировок в этой стране и говорила о необходимости политического решения. Индия заявляла, что вьетнамцы имеют право сами выбирать свое правительство, без иностранного вмешательства.

Отношения между Индией и США еще более обострились в 1967 г. во время войны на Ближнем Востоке, когда Индия выступила на стороне арабов, а не Израиля, и поддержала позицию Советского Союза в этом вопросе.

Краткий визит президента США Ричарда Никсона в Индию с 31 июля по 1 августа 1969 г. не развеял разногласий, существовавших между двумя странами. А после того как в 1972 г. состоялся визит Никсона в Китай, США начали активно развивать связи с КНР, и их интерес к Индии почти совсем угас.

В 1970-е годы США фактически признали Китай в качестве глобальной державы наряду с СССР, но отношение американцев к Индии оставалось прежним – как к стране, не игравшей большой роли в мировой политике. Как писали в 1979 г. американские исследователи Меллор и Ольденбург, «в то время как Индия стала *средней державой* (курсив наш. – Ф.Ю., Е.Ю.), ее образ как страны бедной и неспособной решать проблемы продолжал доминировать в общественном сознании Америки»¹⁴³⁹.

В череде конфликтных ситуаций между США и Индией особое место заняли события, связанные с войной между Индией и Пакистаном в 1971 г. и образованием независимого государства Бангладеш (см. Главу 39). Америка полностью поддержала Пакистан во главе с президентом генералом Яхья Ханом и объявила освободительное движение в Восточном Пакистане сепаратистским. Она заявила, что Восточный Пакистан, по существу, оккупирован индийскими войска-

ми, и это представляет угрозу миру во всем мире. Поставленная на голосование в СБ ООН резолюция США, осуждающая Индию, не была принята, так как СССР наложил на нее вето.

В стремлении найти политическое решение проблемы И. Ганди прибыла в США, чтобы попытаться убедить американскую администрацию оказать давление на власти Пакистана отказаться от использования военной силы и удовлетворить требование народа Восточного Пакистана о независимости. Эта ее попытка не увенчалась успехом.

Более того, руководство США дало приказ авианосцу «Энтерпрайз» прибыть в Бенгальский залив. Это была демонстративная поддержка Пакистана. Эпизод с этим авианосцем на долгие годы остался в памяти индийцев как символ враждебности Америки по отношению к Индии¹⁴⁴⁰. В это же время президент США Никсон обдумывал возможность использовать ядерное оружие. Он писал позже, в 1985 г.: «Было три других случая, кроме войны во Вьетнаме, когда я рассматривал возможность применить ядерное оружие... Один из них произошел в 1971 г. во время индийско-пакистанской войны. После того, как И. Ганди завершила уничтожение Восточного Пакистана, она хотела захватить Западный Пакистан. По крайней мере, я так понимал ситуацию. Китайцы уже "лезли на стены". Мы были озабочены тем, что Китай может вмешаться, чтобы остановить Индию. До недавнего времени мы не знали, что у Китая не было такой возможности. Но если бы он вмешался, а Советский Союз отреагировал, что нам оставалось бы делать? Не было бы вопроса – что нам следовало делать»¹⁴⁴¹.

Военный конфликт между Индией и Пакистаном обнажил огромные различия в подходах между Индией и США к политике в регионе Южной Азии. Тем не менее, президент США Джеймс Картер нанес визит в Индию в январе 1978 г., но не посетил Пакистан. Главными темами переговоров Картера с индийскими лидерами и его публичных выступлений был обмен идеями о демократических ценностях и свободах, а также обсуждение перспектив двустороннего сотрудничества. Были намечены планы роста торговых отношений между двумя странами. К тому времени США были главным торговым партнером Индии, получавшим 13% ее экспорта и поставлявшим 25% ее импорта¹⁴⁴². Среди разногласий между обеими странами наиболее важным было требование США, чтобы Индия согласилась на контроль над ее атомной промышленностью в обмен на поставку из Америки обогащенного урана для АЭС в Тарапуре. На это премьер-министр М. Десаи заявил, что Индия не будет больше проводить ядерных испытаний, но отказался подписать Договор о нераспространении ядерного оружия.

Через некоторое время после визита Картера в Индию США прекратили поставку ядерного топлива для АЭС в Тарапуре, что вместе с другими факторами надолго остановило процесс нормализации индийско-американских отношений¹⁴⁴³. В июне 1978 г. состоялся ответный визит Десаи в США. Однако индийско-американские политические отношения продолжали оставаться на весьма низком уровне, о чем свидетельствовало и то, что последующий визит американского президента в Индию состоялся только через 22 года. Наступил своеобразный «мертвый сезон» в отношениях этих государств.

Низкий уровень отношений между США и Индией в течение десятилетий был связан и с тем, что Америка рассматривала Индию не как крупное, влиятельное государство, а как страну, занимающую в лучшем случае место во «втором ряду» государств в мире. Такой подход нашел свое отражение в долговременной политике США в отношении Индии. Отдельные позитивные моменты в индийско-американских контактах сменялись длительными периодами отчуждения и расхождений по важным международным проблемам¹⁴⁴⁴.

В течение почти всего периода независимости Индии ее отношения с США характеризовались неустойчивостью и нестабильностью. Проводимая Индией политика неприсоединения, направленная на то, чтобы не быть вовлеченной в блоки, возглавляемые США и СССР, также не соответствовала интересам Америки. Индийско-американские отношения оказались подверженными влиянию многих других факторов, которые были причиной не только постоянной напряженности, но временами охлаждения и даже деградации в контактах двух стран. Одним из таких критических факторов было глобальное соперничество между СССР и США. Америка, как пишет Струоб Тэлботт, «подбирала себе союзников, расположенных на периферии советской империи». Одним из них стал Пакистан, главной внешнеполитической задачей которого было обеспечить себе защиту от Индии¹⁴⁴⁵.

Перемены в отношениях между Индией и США после распада СССР

После распада СССР в Индии началась переоценка ее отношений с США. Процесс сближения обеих стран растянулся на целое десятилетие. Первые заметные подвижки в индийско-американских отношениях произошли во время визита президента США Билла Клинтона в Индию в марте 2000 г., который открыл новую страницу в отношениях между США и Индией. Как пишет С. Тэлботт, в то

время заместитель госсекретаря США, для этого потребовалось очень много времени, «было потеряно полвека». Все эти годы Индия, ее «политическая и интеллектуальная элита чувствовала себя ненужной правительству США, которое смотрело на нее свысока и презирало ее... Около 40 лет Америка находилась в состоянии идеологической и геополитической вражды с Индией... Одна из причин этого состояла в том, что США и Индия были в хороших отношениях с главными их врагами – США с Пакистаном, Индия – с Советским Союзом». «Распад СССР создал возможность для администрации Клинтона высвободить отношения со странами Южной Азии от ограничений и искажений холодной войны»¹⁴⁴⁶.

В ходе визита Клинтона обе стороны подчеркивали те аспекты двусторонних отношений, по которым их позиции совпадали или были близки и ограничивались констатацией общих положений по вопросам, являвшимся предметом разногласий или противоречий. В одном из главных документов этой индийско-американской встречи в верхах «Отношения между Индией и США: взгляд в XXI век» говорилось, что обе страны являются крупнейшими демократиями, представляют собой государства, спаянные многообразными традициями и религиями, которые постоянно доказывают, что черпают свою силу в разнообразии. Отмечалось также, что в прошлом отношения между двумя странами нередко дрейфовали, а не следовали твердому курсу на сотрудничество. Сейчас обе державы убеждены, что настало время выработать новое, плодотворное направление в развитии двусторонних связей. Лидеры Индии и США заявляли, что в их странах созданы творческие предпринимательские общества, оба государства являются лидерами информационного века. XXI в. будет во многом зависеть от успеха их сотрудничества в деле мира, процветания, демократии и свободы. Однако обе страны считали, что напряженность в Южной Азии может быть разрешена только усилиями стран этого региона.

Разделяя общую приверженность задаче сокращения и в конечном итоге ликвидации ядерного оружия, Индия и США признавали, что они не всегда соглашались в том, как достичь этой общей цели. США считали, что Индия должна отказаться от ядерного оружия. Индия полагала, что она нуждается в поддержании минимального ядерного сдерживания для обеспечения ее безопасности¹⁴⁴⁷.

В Индии и Америке все чаще стали раздаваться голоса в пользу более быстрого и активного сближения обеих стран. Влиятельные конгрессмены в США выступали за снятие санкций, наложенных после индийских ядерных испытаний в мае 1998 г., и «вовлечение Индии как политического, экономического и военного союзника»

в орбиту США с целью укрепления безопасности и стабильности в Азии. Однако по-прежнему в отношениях между Индией и США оставались крупные нерешенные проблемы, связанные с ядерной безопасностью как в Южной Азии, так и на всем Азиатском континенте¹⁴⁴⁸.

Индия и Америка идут навстречу друг другу

Во время холодной войны ориентация Индии на Советский Союз, участие в качестве лидера в движении неприсоединения во многом определяли ее политические отношения с Америкой. В течение нескольких лет после распада Советского Союза Индия осталась как бы в стороне от главных событий в мире – Россия резко развернулась на Запад, а Запад, в том числе США, не торопился форсировать укрепление отношений с Индией. Это можно было объяснить, в частности, тем, что у Запада были более приоритетные задачи – закрепление успехов, связанных с «победой» в холодной войне, в первую очередь с обеспечением условий необратимости раскола СССР, решением проблем ядерного разоружения Украины, Белоруссии и Казахстана, а также укреплением влияния США и Запада среди бывших социалистических стран Восточной Европы. Последней в этом ряду была Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ), которая перестала существовать как единое государство к середине 1990-х годов. Процесс ее дальнейшего распада при активном участии Запада был продолжен в последующие годы. Только после решения этих задач США обратились в сторону Индии.

Что касается Индии, то она исходила из того, что ее отношения с Америкой должны быть перестроены на равноправной основе. Индия считала, что, как и США, она является крупнейшей демократией, что обе стороны привержены свободе слова, имеют традиции частного предпринимательства и свободного рынка. Между Индией и США, говорил премьер-министр Индии А.Б. Ваджпай, нет конфликта интересов. Однако потенциал развития отношений между обеими странами не был использован в течение последних 50 лет. В чем причина этого? «В нежелании Америки признать нас в качестве ответственного члена международного сообщества. США не идут навстречу индийским интересам и озабоченностям», – заявил Ваджпай в Нью-Йорке в сентябре 1998 г. Среди них – региональные проблемы, связанные с Афганистаном, которые важны с точки зрения безопасности Индии. Кроме того, Индия хотела бы более продуктивно сотрудничать с США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в организации Совета Безопасности ООН. По мнению Ваджпай,

если индийско-американские отношения будут основаны на равноправии и взаимности интересов, они смогли бы стать фундаментом завтрашнего стабильного и демократического мирового порядка¹⁴⁴⁹.

Линия на взаимодействие Индии с США была энергично продолжена правительством Национального демократического альянса во главе с А.Б. Ваджапай и администрацией Джорджа Буша-младшего. Еще во время первой предвыборной президентской кампании в 2001 г. Буш говорил об Индии как о «важной, но несправедливо забытой» стране, что в течение многих лет Америка была основным торговым партнером Индии, но ей не хватало более тесного взаимодействия с Индией в политической сфере.

Организованная в Конгрессе США лоббистская группа в пользу расширения связей с Индией к началу XXI в. насчитывала более 120 человек. В ее задачи входило разъяснение членам Конгресса, администрации США и общественности огромных возможностей американо-индийского сотрудничества. «Понимание значения Индии, – говорили руководители этой группы, – должно стать приоритетной задачей. И только на этой основе можно создать прочную дружбу». Часть политического истеблишмента США полагала, что Индия «хорошо сочетается» с Америкой в геополитическом плане, прежде всего благодаря «приверженности демократии и верховенству закона». И конечно, миллиардная Индия привлекала бизнесменов США как потенциальный огромный рынок, особенно в связи с ее экономическими реформами в стране и политикой либерализации. Немалые надежды возлагались на два миллиона индийских американцев, которые весьма успешно адаптировались к условиям США. Они не порывали связи с Индией, а, наоборот, служили в качестве моста между двумя странами, особенно в наукоемких отраслях экономики, таких как информатика и программное обеспечение.

Существенным моментом в развитии индийско-американского сотрудничества была благожелательная реакция Индии в отношении планов США по созданию системы национальной противоракетной обороны. Другим крупным шагом на пути сближения двух стран стало изменение позиции США по вопросу о ядерном статусе Индии. В 2000 г. Америка впервые заявила о готовности признать Индию в качестве ядерной державы¹⁴⁵⁰. В контексте американской глобальной политики Индия и Южная Азия стали рассматриваться как важный для США регион. Об этом прямо говорили в администрации Буша: «США имеют стратегические, политические и экономические интересы во всей Южной Азии». При этом подчеркивалось, что Индия добилась «нового глобального статуса», и ее роль простирается далеко за пределы этого региона¹⁴⁵¹.

В начале XXI в. Индия и США вели активную работу по расширению связей, в том числе и в военной сфере. В совместном индийско-американском документе, подписанном после встречи Ваджпай с Бушем в Вашингтоне в ноябре 2001 г., особое внимание было уделено сотрудничеству в области обороны. По словам тогдашнего посла США в Индии Роберта Блэкуилла, «Америка исключительно высоко расценивает крепнущее военное сотрудничество с Индией ... что отвечает долгосрочным интересам обеих стран в этой области»¹⁴⁵².

Линия на расширение сотрудничества с Индией особенно энергично стала осуществляться с 2002 г. республиканской администрацией Джорджа Буша-младшего. С тех пор отношения между странами развивались невиданными ранее темпами. В контексте новой американской глобальной политики Индия и Южная Азия стали рассматриваться как важный регион, в котором Америка имеет стратегические, политические и экономические интересы.

Индия, в свою очередь, стремилась развивать интенсивный диалог с США в политической, экономической, научно-технической и других областях. Принципиально важной была встреча премьер-министра правительства НДА А.Б. Ваджпай с президентом Дж. Бушем в Нью-Йорке в сентябре 2002 г., в ходе которой обе стороны заявили о намерении развивать двусторонние отношения на качественно новой основе с учетом их общих стратегических интересов в Азии и других регионах. Еще одной вехой в отношениях между Индией и США стала встреча Ваджпай и Буша в январе 2004 г., на которой был выработан план широкомасштабного сотрудничества. Планом, в частности, предусматривалось взаимодействие обеих стран в области гражданской атомной промышленности, в космических исследованиях и диалог по противоракетной обороне. Отмечалось также, что интересы и мнения Индии и США не всегда совпадали. Однако это не является причиной конфликта или противостояния двух стран.

Правительство Объединенного прогрессивного альянса (ОПА) во главе с Конгрессом, пришедшее к власти в 2004 г., тоже заявило, что придает большое значение развитию и углублению отношений с США как с крупнейшим торгово-экономическим партнером Индии. Отмечалось, что Индия является сильной державой и в интересах США иметь хорошие отношения с ней. Однако в индийско-американских отношениях пока нет коренных изменений, тем более Индия не может быть «естественным партнером» США, поскольку они предоставляют Пакистану статус «главного союзника» вне НАТО¹⁴⁵³.

И, тем не менее, Индия настойчиво подтверждала свою готовность активно развивать отношения с США. В послании президенту США

Джорджу Бушу по случаю его избрания в 2004 г. на второй срок премьер-министр Индии Манмохан Сингх подчеркнул, что высшим приоритетом обеих стран является обеспечение безопасности в будущем мировом устройстве. Он заверил Буша, что Индия как партнер в борьбе «против терроризма и распространения оружия массового поражения будет рядом с США в укреплении международного мира и стабильности». В послании отмечалось также, что Индия и США разделяют цели борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом, выражалась надежда, что обе страны разработают «амбициозную повестку дня для более широкого стратегического сотрудничества» в области высоких технологий, торговли и обороны¹⁴⁵⁴.

Крутой поворот в индийско-американских отношениях

Индия с ее быстро растущей экономикой представляла собой огромный рынок, в том числе и в области гражданской ядерной энергетики. 18 июля 2005 г. премьер-министр Индии Манмохан Сингх и президент США Джордж Буш подписали в Вашингтоне соглашение о сотрудничестве в ядерной энергетике (см. Главу 41). Таким образом, мысль об «естественном партнерстве» между Индией и Америкой стала обретать конкретные очертания. В первую очередь речь шла об укреплении сотрудничества обеих стран в области энергетики, что чрезвычайно важно для Индии, которая являлась пятым крупнейшим потребителем энергии в мире. Этим самым закладывался фундамент для партнерства между обеими странами и в других сферах. Между тем отношения между Индией и США все еще находились на такой стадии, когда между ними существовали фундаментальные различия по ряду вопросов.

В этой связи характерную интерпретацию значения развития индийско-американских отношений дал главный переговорщик с индийской стороны по ядерному соглашению между Индией и США крупный чиновник МИД Индии С. Джайшанкар. Он полагал, что это партнерство открывало для Индии возможность более широкого глобального сотрудничества, которое раньше было ей недоступно. По его мнению, США вели переговоры с Индией не только от своего имени, но и от имени всего международного сообщества. Многие эксперты не смогли «идти в ногу» с развитием индийско-американских отношений, писал Джайшанкар, поскольку они позиционировали эти отношения в статичной глобальной ситуации, тогда как нужно было оценивать все последствия окончания холодной войны. «Для США Европа становилась все большим конкурентом и моделью альтернативных жизненных ценно-

стей. Растущее влияние Китая являлось сложным динамичным элементом в стратегических расчетах, в котором нельзя быть уверенным из-за его уникального политического устройства», – отмечал Джайшанкар. Он также считал, что «структурные ограничения американо-российских отношений становились все более явными. В то же время Япония по-прежнему воздерживалась от того, чтобы взять на себя глобальную ответственность. АСЕАН в основном был занят своими внутренними проблемами. Отношения США со странами Западной Азии [включавшую Ближний Восток], по всей вероятности, будут оставаться сложными в обозримом будущем»¹⁴⁵⁵.

Эта оценка индийского специалиста проливала свет на характер отношений между Индией и США, которые могли стать ключевыми для Индии и очень важными для США. Однако она не вполне учитывала ситуацию в самой Индии, где существовали влиятельные силы (как левые, так и правые), не готовые пойти на полномасштабное сотрудничество с Америкой, а тем более на условиях последней. Кроме того, ситуация в мире была достаточно подвижной и менялась быстрее, чем это было когда-либо раньше. Факторы, связанные с усилением геополитической роли Китая, России и самой Индии, вносили значительные коррективы в меняющуюся обстановку. Эти процессы получили свое дальнейшее развитие во время начавшегося в 2008 г. мирового кризиса.

Очередным важным шагом на пути развития стратегического сотрудничества между Индией и США стал визит премьер-министра Индии М. Сингха в эту страну в конце ноября 2009 г. В ходе визита обе стороны заявили, что начинают новую фазу в их глобальном стратегическом партнерстве. Общность идеалов и дополняющая друг друга мощь Индии и США составляют основу для противостояния вызовам XXI в. Индийско-американское партнерство является неотъемлемой частью усилий по сохранению мира и безопасности. США заявили, что они рассчитывают на то, что стабильная и процветающая Индия будет играть все возрастающую роль в мировых делах.

Обе страны осудили терроризм во всех его формах и проявлениях и заявили, что не может быть оправдания терроризму где бы то ни было. Они выразили глубокую озабоченность угрозой терроризма и экстремизма, исходящую из соседних с Индией районов. М. Сингх и Б. Обама подтвердили взаимный интерес к стабильному развитию и независимости Афганистана, к нанесению поражения террористам, укрывающимся в Пакистане и Афганистане. Обама высоко оценил роль Индии в восстановлении Афганистана.

Индия и США подтвердили свои обязательства «укреплять и реформировать глобальную экономическую архитектуру в G-20, Все-

мирном банке и МВФ». Они также обязались добиться «подлинных реформ ООН, включая ее Совет Безопасности, с тем чтобы они отражали реальности современного мира и таким образом расширили возможности ООН выполнять ее мандат как представительного, надежного и эффективного форума, который может встретить вызовы XXI в.»¹⁴⁵⁶

Выступая в Вашингтоне, М. Сингх сказал, что отношения Индии с Америкой не являются производными от кризиса или каких-либо других озабоченностей Индии. Они «не вытекают из наших отношений с другими странами». Они основываются на общих ценностях, на связях и взаимном уважении, которые существуют между двумя демократическими и плюралистическими обществами¹⁴⁵⁷.

Глава 39

ПОЛИТИКА ИНДИИ И СОПЕРНИЧЕСТВО ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В ЮЖНОЙ АЗИИ

Политика Индии в Южной Азии определялась как ее отношениями со странами региона, в первую очередь с Пакистаном, так и с Советским Союзом, Китаем и США. Динамика этих отношений менялась в зависимости от ситуации в Южной Азии и за ее пределами.

Принципиально важными для Индии были ее отношения с Пакистаном, осложненные множеством проблем, порожденных разделом Индийского субконтинента на два государства. К тому же Кашмир превратился в источник крупных конфликтов в 1947 г., 1965 г. и впоследствии. С 1955 г. до начала 1960-х годов Советский Союз постоянно был на стороне Индии и против Пакистана по кашмирскому вопросу, блокируя принятие резолюции о проведении плебисцита в Кашмире. Противоположную позицию занимали США, которые выступали на стороне Пакистана.

Немалое влияние на характер политики Индии в 1950–1960-е годы оказало активное сотрудничество Америки с Пакистаном. В 1954 г. США и Пакистан заключили договор о взаимной помощи в обороне, по которому предусматривалась поставка Пакистану вооружения на 171 млн. долл. Тогда же США брали на себя обязательство вооружить 4 пакистанских пехотных дивизии, 1,5 бронетанковых дивизии, поставить 6 эскадрилий сверхзвуковых самолетов и 12 кораблей военно-морского флота. В октябре 1954 г. США приняли решение предоставить Пакистану экономическую помощь на 105,9 млн. долл.¹⁴⁵⁸

По оценке американских разведывательных служб, результатом военного сотрудничества США с Пакистаном могло бы стать «некоторое усиление напряженности в индийско-американских отношениях. Однако вряд ли между Америкой и Индией может возникнуть открытый разрыв только в результате этого... Если Пакистан усилится благодаря американской помощи, Индия также будет изыскивать возможности наращивать свои силы. В любом случае, чрезвычайно маловероятно, что Индия существенно сблизится с советским блоком»¹⁴⁵⁹.

Несмотря на объяснения США, что их военное сотрудничество с Пакистаном не направлено против Индии, Неру резко отрицательно реагировал на эти события. Неру не столько беспокоило количество вооружений, сколько то, что «Пакистан определенно встанет в ряды западных держав и превратится в регион холодной войны в настоящем и, возможно, реальной войны в будущем». Выступая в парламенте 1 марта 1954 г., он заявил, что военная помощь США Пакистану представляет собой вмешательство в дела Южной Азии и окажет прямое влияние на кашмирский вопрос¹⁴⁶⁰. Действительно, Индия упорно отказывалась вести переговоры о проведении плебисцита в Кашмире. Ее позиция по этому вопросу состояла в том, что народ Кашмира высказался в пользу Индии, избрав в 1954 г. законодательное собрание в этом штате.

Неру тогда говорил: «Фактически Пакистан превращается в колонию США...» Америка полагает, что, проводя такую политику, она полностью охватила так называемый нейтралитет Индии с флангов и теперь вынудит ее стать на колени. Этого не случится, что бы ни произошло в будущем. «Первым результатом всего этого будет исключительная неприязнь Индии по отношению к Соединенным Штатам. Ну, а наши отношения останутся натянутыми»¹⁴⁶¹. Такой ход событий, в том числе и в индийско-американских отношениях, подталкивал Индию в сторону Советского Союза.

В июне 1962 г. США выступили в ООН в поддержку резолюции о проведении плебисцита в Кашмире. Советский Союз наложил вето на эту резолюцию. Помимо этой поддержки Индии, Советский Союз выступил на ее стороне и в вопросе Гоа, которая к тому времени еще оставалась португальской колонией, несмотря на то, что Индия добивалась включения ее в состав Индийского Союза. Португалия упорно отказывалась передать Гоа Индии, а Вашингтон поддерживал Португалию в этой связи, учитывая, что она была членом НАТО. В декабре 1961 г. индийские войска вошли в Гоа. США осудили в ООН использование Индией силы, хотя португальцы практически не оказали сопротивления.

Индийско-китайский вооруженный конфликт 1962 г. и великие державы

В октябре-ноябре 1962 г. разразился индийско-китайский вооруженный конфликт. Он не только повлиял на последующие отношения между Индией и Китаем, но и вовлек в орбиту дипломатических, политических и военных действий США, Пакистан, а также СССР. Хотя сам конфликт возник, вроде бы, неожиданно, но условия для него были подготовлены еще во второй половине 1950-х годов. До этого Индия и Китай, казалось, вели дело к установлению прочных отношений дружбы и сотрудничества, что нашло свое выражение в Индии в популярном лозунге «Хинди-чина бхай-бхай» («Индийцы и китайцы – братья»). Однако в 1959 г. на индийско-китайской границе произошли вооруженные столкновения. Поводом стал обострившийся диспут о границе между двумя странами. Последовавшее в том же 1959 г. бегство Далай-ламы из Тибета в Индию усилило напряжение между двумя странами.

В начале ноября 1962 г. китайские войска сломили оборону индийцев на северо-востоке и взяли под контроль 40 000 кв. миль территории, которую они считали китайской. В этих условиях Неру направил Кеннеди просьбу прислать две эскадрильи бомбардировщиков В-47 с американскими пилотами. Пока Кеннеди рассматривал эту просьбу, в Бенгальский залив был направлен авианосец «Энтерпрайз»¹⁴⁶².

Руководство США не успело принять решение о бомбардировщиках, так как 22 ноября 1962 г. китайцы в одностороннем порядке прекратили военные действия и отвели свои войска на 20 км к северу от линии Мак Магона (по их версии) на востоке и в Ладакхе. Их армия оставила почти всю завоеванную территорию на северо-востоке, но сохранила присутствие в стратегически важном Аксан Чине на северо-западе. Таким образом, Китай доказал свое военное преимущество, а Индия потерпела поражение¹⁴⁶³.

Военный конфликт Индии с Китаем в 1962 г. внес новый элемент в индийско-американские отношения. Впервые в Индии заговорили о возможном союзе с США против Китая и о переменах в политике неприсоединения. Появились надежды на массивную военную и экономическую помощь Америки. Однако этого не произошло. Тогда же американцы пытались оказать давление на Индию и Пакистан, чтобы решить кашмирский вопрос. Но несколько раундов переговоров между индийцами и пакистанцами не принесли результата.

После завершения китайско-индийской войны в Гималаях и почти одновременного окончания кубинского ракетного кризиса ситуация в отношениях между Индией и США, по существу, вернулась на «круги своя». Похолодание в их отношениях в этот период проявилось, в частности, в том, что на предпринятую тогда же попытку американцев установить в Индии передатчик «Голоса Америки» для ведения пропаганды на этот регион индийцы ответили отказом, ссылаясь на то, что это не соответствовало принципам неприсоединения.

Пограничная война 1962 г. между Китаем и Индией совпала с кубинским ракетным кризисом, наверное самым острым и напряженным моментом в американско-советских отношениях. Несмотря на то, что руководство США было полностью занято проблемами, связанными с ядерным противостоянием с СССР, китайско-индийский конфликт не остался вне его внимания. Часть американского руководства считала, что появилась прекрасная возможность усилить влияние США в Индии. Они настаивали на том, чтобы положительно отозваться на поступившую от нее просьбу о поставке вооружений и оказать давление на президента Пакистана с тем, чтобы он заверил Индию в невмешательстве на стороне Китая. В этом случае Индия могла бы сосредоточить свои военные ресурсы на борьбе с Китаем¹⁴⁶⁴.

Во время этого конфликта Советский Союз занял позицию нейтралитета. С одной стороны, он не хотел осложнять отношения с Индией, с другой – не ухудшать непростые отношения с Китаем. Поэтому СССР призвал обе стороны решать эту проблему путем переговоров. Индийцы в целом были удовлетворены таким подходом. Выступая в парламенте 16 ноября 1962 г. по вопросу об индийско-китайском пограничном конфликте, Неру сказал: «Мы не ожидаем, что Советский Союз сделает нечто такое, что может определенно означать разрыв с китайцами. Но он всегда, как и сегодня, выражал свою добрую волю по отношению к нам. В этом мы находим утешение. И конечно, надеемся на это и в будущем»¹⁴⁶⁵.

По окончании кубинского ракетного кризиса СССР вновь подтвердил свой нейтральный подход к индийско-китайскому конфликту. Индия избегала выступать с критикой Советского Союза, хотя в отношениях с ним проявляла определенную сдержанность. Тем более что США и Великобритания предоставили ей военную помощь, направленную против Пекина. Однако она быстро прекратилась, в то время как Советский Союз, по мере осложнения его отношений с Китаем, продолжал оказывать содействие Индии. Взаимоотношения в этих своеобразных треугольниках Китай–Индия–Советский Союз и СССР–США–Индия сыграли свою роль и в последующие годы¹⁴⁶⁶.

С середины 1960-х годов Пакистан стал пытаться налаживать связи с Китаем и СССР, сохраняя при этом отношения с США. Во время и после индийско-пакистанской войны 1965 г. Америка отказалась от активной поддержки Пакистана и приостановила продажу оружия как Индии, так и Пакистану. Последний с начала 1960-х годов установил достаточно тесные отношения с Китаем. В 1963 г. обе страны подписали соглашение о демаркации границы между Китаем и районами Кашмира, находящимися под фактическим контролем Пакистана. Китай и Пакистан активно поддерживали друг друга в их противостоянии с Индией. В эти годы происходил интенсивный обмен визитами китайских и пакистанских руководителей на высшем уровне. Развивалось торгово-экономическое и военно-техническое сотрудничество¹⁴⁶⁷. Углубление сотрудничества Советского Союза с Индией, особенно после китайско-индийского вооруженного конфликта 1962 г., отвечало задачам сдерживания влияния КНР в Азии. Это также повышало безопасность на южных границах СССР.

В феврале 1964 г. президент США Джонсон одобрил программу военного сотрудничества с Индией на сумму в 500 млн. долл. в течение пяти лет. К этому времени США уже поставили в Пакистан боевые самолеты F-104. Однако Пентагон выступал против продажи таких же самолетов Индии, поскольку эти истребители имели ограниченные возможности для использования их против Китая. В конечном итоге американцы согласились на поставку в Индию военного оборудования для шести горных дивизий, оказание содействия в улучшении в Индии транспортных связей, коммуникаций, аэродромов и т.д. Эта программа была почти полностью согласована. Ее должны были подписать в Вашингтоне 28 мая 1964 г. министры обороны Индии и США Чаван и Макнамара.

27 мая скончался Неру. Чаван немедленно вылетел в Дели военным самолетом США вместе с госсекретарем США Дином Раском для участия в похоронах Неру. 6 июня Макнамара и Чаван, который остался министром обороны в новом правительстве во главе с Лалом Бахадуром Шастри, подписали соглашение о военном сотрудничестве на 1965 г. Однако в нем отмечалось несогласие США на поставку боевых самолетов Индии. После того как США отказались поставить эти самолеты, Индия воспользовалась сделанным ранее предложением Советского Союза, и в сентябре 1964 г. Чаван подписал в Москве соглашение, по которому СССР согласился поставить 45 МиГ-21 и построить в Индии заводы по сборке еще 400 МиГов. В результате этот советский истребитель стал основным самолетом-перехватчиком индийских ВВС¹⁴⁶⁸. Эти события стали предвестником того, что всего через полтора года во время

индийско-пакистанской войны 1965 г. США прекратили поставки оружия и военное сотрудничество с Индией.

Индийско-пакистанский вооруженный конфликт 1965 г.

Эта война началась серьезными индийско-пакистанскими столкновениями в Ранн (Rann of Kutch) – болотистой ненаселенной местности около Аравийского моря. Пакистан выдвинул претензии на половину этой территории. 9 апреля 1965 г. отдельные столкновения переросли в бои, в которые было вовлечено по бригаде с каждой стороны. Через две недели, в связи с наступлением сезона дождей, индийцы отвели свои войска. Они заявили, что потеряли в столкновениях около 100 солдат. Создалось впечатление, что пакистанцы одержали верх в вооруженной схватке. Под давлением со стороны Великобритании и США 27 июня было заключено соглашение о прекращении огня. Правительство Шастри подверглось острой критике в парламенте за нерешительные действия в Ранне. Индийцы критиковали и США за то, что они не остановили использование пакистанцами американского оружия против Индии.

Эпизод в Ранне вдохновил руководство Пакистана, которое 5 августа начало проводить операцию «Гибралтар» с целью захвата Кашмира. Операцией предусматривалось тайное направление в Кашмир за линию контроля пяти тысяч специально обученных партизан с целью поднять там антииндийское восстание. По-видимому, расчет был на то, что индийцы еще не оправились после поражения в войне с Китаем и что смена руководства после смерти Неру ослабила Индию. Кроме того, благодаря военной помощи США, Пакистан имел преимущество в качестве вооружений и авиации, хотя и уступал в количестве дивизий.

Вопреки ожиданиям пакистанского руководства, индийцы быстро и решительно предприняли военные действия, перешли через линию контроля и захватили ключевые перевалы в горах, которые были использованы для инфильтрации пакистанских партизан. Многие из партизан попали в плен, а другие оказались отрезанными от Пакистана. Антииндийское восстание в Кашмире не состоялось. 1 сентября Пакистан предпринял крупное наступление через линию контроля в южном Кашмире с использованием американских танков «Паттон». Цель – отрезать столицу Кашмира Сринагар от Индии. 6 сентября индийские войска перешли индийско-пакистанскую границу в направлении Лахора. Разгорелись жестокие сражения с использованием танков. Обе стороны понесли тя-

желые потери. Но преимущество было на стороне индийцев. Война перешла в стадию позиционного противостояния¹⁴⁶⁹.

США приняли решение не вмешиваться прямо в конфликт, чтобы прекратить его, а использовать для этой цели возможности генерального секретаря ООН У Тана. Вместе с тем Индия заявила протест США в связи с применением против нее Пакистаном американского оружия.

США ввели эмбарго на поставку оружия как Индии, так и Пакистану с целью вынудить их прекратить боевые действия. В свою очередь, СССР, как и США, поддержал усилия ООН по прекращению огня и предложил свои услуги для мирных переговоров в Ташкенте. 22 сентября боевые действия прекратились. Индия и Пакистан согласились с требованием СБ ООН о прекращении огня. Итог войны – Пакистан не добился поставленных им целей, Индия предотвратила попытку Пакистана захватить Кашмир силой.

Когда СССР предложил выступить в качестве посредника между Индией и Пакистаном, США поддержали это предложение. Госсекретарь США Раск так объяснял это: «Мы поддержали русских в их попытке организовать индийско-пакистанскую встречу в Ташкенте, потому что чувствовали, что ничего не теряем. Если они добьются перемирия в Ташкенте, то на субконтиненте будет больше мира, и мы выиграем от этого. А если русские потерпят неудачу, то у них будет опыт того отчаяния, которое мы испытывали в течение двадцати лет в попытке уладить отношения между Индией и Пакистаном¹⁴⁷⁰».

В январе 1965 г. Шастри и Айюб Хан встретились в Ташкенте при посредничестве А.Н. Косыгина, проявившего себя искусным дипломатом. 9 января лидеры Индии и Пакистана подписали соглашение, по которому их войска отводились на довоенные позиции и производился обмен военнопленными. Соглашение предусматривало мирное решение спорных вопросов между Индией и Пакистаном. Завершение встречи омрачилось внезапной трагической смертью Л.Б. Шастри от сердечного приступа через несколько часов после подписания соглашения.

Для Советского Союза соглашение в Ташкенте было значительным достижением в укреплении его позиций в Южной Азии. В то же время позиции США в этом регионе пострадали, так как ни Индия, ни Пакистан не были удовлетворены действиями Америки во время их вооруженного конфликта. Индийцы были недовольны тем, что США не предотвратили использование американского оружия Пакистаном против них, тем более что именно Пакистан начал операцию «Гибралтар». У пакистанцев также были основания быть недовольными их союзником, который отказался помочь им в борьбе против Индии¹⁴⁷¹.

Индийско-пакистанская война 1965 г. привела к крупным изменениям в международной политике в Южной Азии. США, по существу, «ушли» из этого региона. Далеко не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что они стали «увязать» в войне во Вьетнаме, в то время как индийцы отказались поддерживать их в этой войне. В свою очередь, Пакистан начал активно развивать отношения с КНР. Как отмечал Деннис Кукс, в этих условиях «Вашингтон, похоже, был удовлетворен тем, что Советский Союз, которого США раньше считали главным и зловещим претендентом на влияние в этом регионе, начал занимать там позицию менеджера по безопасности»¹⁴⁷².

Укрепление связей Пакистана с Китаем, в свою очередь, стало важным фактором, подталкивавшим Советский Союз к установлению связей с Пакистаном для нейтрализации китайского влияния в нем. В индийско-пакистанском конфликте 1965 г. СССР, по существу, занял позицию равноудаленности от Индии и Пакистана. Проводимая Хрущевым политика односторонней ориентации на Индию претерпела изменения с приходом в 1964 г. к власти Л.И. Брежнева. Начался новый период в советской политике в Азии, который характеризовался стремлением развивать отношения как с Индией, так и с Пакистаном. Однако еще раньше произошли события, которые повлияли на политику СССР в Южной Азии. Начиная с марта 1969 г. после первых вооруженных столкновений на советско-китайской границе отношения Советского Союза с Китаем резко ухудшились. Параллельно происходило улучшение отношений между Китаем и США.

Изменения в мировой и региональной политике Советского Союза проявились в его сдержанности по кашмирской проблеме. В совместных заявлениях после визитов индийских лидеров в СССР в 1964 г. и 1965 г. этот вопрос даже не упоминался. В то же время стали налаживаться советско-пакистанские отношения. В 1965 г. президент Пакистана М. Айюб Хан посетил Советский Союз. В 1968 г. с визитом в Пакистан приехал председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин¹⁴⁷³. Таким образом, было положено начало развитию советско-пакистанских торгово-экономических связей¹⁴⁷⁴. На это премьер-министр И. Ганди заявила, что «ее правительство замечает перемены в советском подходе после подписания соглашения в Ташкенте». Она также сказала: «Мы должны со всей ответственностью выразить советским лидерам наши чувства и опасения. Мы не подвергаем сомнению мотивы или добрую волю Советского Союза, но убеждены, что такое развитие не может служить делу мира и стабильности на субконтиненте»¹⁴⁷⁵.

**Индийско-пакистанская война 1971 г.
и политика великих держав.
Образование Бангладеш**

Среди наиболее острых и драматичных эпизодов в отношениях между Индией и Пакистаном стала война между обеими странами в 1971 г., которая привела к образованию независимого государства Бангладеш в результате национально-освободительной борьбы народа Восточного Пакистана, поддержанной Индией. Эта война происходила на фоне крупных событий в международной политике, которые сопровождались вовлечением в индийско-пакистанские отношения Советского Союза, Америки и Китая.

1970–1971 гг. стали критическими в отношениях между Советским Союзом и Индией. Огромную роль в их дальнейшем формировании сыграли перемены на международной арене, прежде всего в американо-китайских отношениях на фоне ухудшения отношений между СССР и Китаем.

В октябре 1970 г. новый президент Пакистана генерал Яхья Хан нанес визит в США, где президент Никсон подтвердил поддержку Америки Пакистану, в том числе поставкой вооружений¹⁴⁷⁶. В ноябре того же года Яхья Хан отправился в Пекин, где получил поддержку Китая по Кашмиру.

В декабре 1970 г. на первых всеобщих прямых выборах в Пакистане партия Авами лиг (Народная лига) во главе с Муджибуром Рахманом из Восточного Пакистана получила большинство мест в парламенте страны. Военный режим Яхья Хана отказался признать результаты выборов. В знак протеста против этого в Восточном Пакистане началась всеобщая забастовка, а затем и массовая кампания гражданского неповиновения в поддержку Авами лиги с требованием независимости. Пакистанские власти запретили деятельность этой партии, арестовали Муджибура Рахмана и других ее лидеров, а при подавлении участников этой кампании применили оружие. Погибли тысячи людей, огромное число беженцев устремилось в индийские приграничные районы (по некоторым данным, их число было не менее 10 млн. человек). Сопrotивление пакистанскому режиму достигло критической точки, когда 26 марта 1971 г. на месте Восточного Пакистана была провозглашена независимая Народная Республика Бангладеш.

Индия предприняла дипломатические попытки нейтрализовать Китай в условиях обострения отношений с Пакистаном в связи с со-

бытиями в Восточном Пакистане. Однако ее усилия не увенчались успехом. Советский Союз, со своей стороны, стремился избежать кризиса в Южной Азии. 2 апреля председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный направил письмо Яхья Хану, в котором призвал его принять самые срочные меры, чтобы остановить кровопролитие и репрессии против народа Восточного Пакистана и предпринять шаги по мирному политическому решению этой проблемы¹⁴⁷⁷. Одновременно Советский Союз предпринимал меры по сдерживанию Индии. Как отмечает американский исследователь Роберт Хорн, СССР не проявлял интереса к тому, чтобы «расколоть Пакистан»¹⁴⁷⁸.

В июле 1971 г. помощник президента США по безопасности Киссинджер во время визита в Индию заявил, что Америка «поддержит Индию в случае нападения Китая»¹⁴⁷⁹. После Индии Киссинджер посетил Пакистан, где, как сообщалось, заболел. На самом деле он секретно летал в Пекин, где на встрече с китайскими руководителями договорился о визите президента США Р. Никсона в Китай в 1972 г. Тайная поездка Киссинджера в Пекин была возобновлением американо-китайских контактов, начатых в декабре 1969 г. через американского посла в Варшаве Уолтера Стассела. На этот раз «подходящим каналом» для контактов, по выражению Киссинджера, стало пакистанское правительство. Китайские руководители, по его словам, были весьма «восприимчивы» к никсоновскому стилю дипломатии. Мао Цзэдун заявил Никсону, прибывшему в Пекин в феврале 1972 г., что главную угрозу безопасности КНР представляет Советский Союз, а возможность «агрессии со стороны Соединенных Штатов или агрессии со стороны Китая относительно невелика»¹⁴⁸⁰.

По результатам визита Никсона в Китай было подписано Шанхайское коммюнике, которое фактически было направлено против Советского Союза. Если убрать дипломатический жаргон, смысл этих соглашений, писал Киссинджер, заключался в том, что Китай не будет ничего делать, чтобы обострить ситуацию в Индокитае или Корее, что ни Китай, ни США не будут сотрудничать с советским блоком, и что обе страны будут противостоять попыткам любой из стран добиться господства в Азии. Поскольку единственной страной, способной добиться господства в Азии, был Советский Союз, в силу вступила молчаливая договоренность блокировать советский экспансионизм в Азии¹⁴⁸¹.

Летом 1971 г. кризис в Восточном Пакистане и между Индией и Пакистаном резко обострился. В этих условиях министр иностранных дел СССР А.А. Громыко прибыл 8 августа 1971 г. в Дели, где на следующий день был подписан Договор о мире, дружбе и

сотрудничестве между Индией и Советским Союзом. Этим договором предусматривалось, что «если любая из сторон явится объектом нападения или угрозы нападения», то обе страны «немедленно приступят к взаимным консультациям в целях устранения такой угрозы и принятия соответствующих эффективных мер для обеспечения мира и безопасности их стран»¹⁴⁸². Таким образом, Советский Союз все еще пытался избежать военного конфликта в регионе. Вместе с тем он подчеркивал важность своих отношений с Индией в противовес усилению китайского влияния в Южной Азии. При этом он оказывал давление на Пакистан с целью заставить его найти приемлемое для Индии и других сторон решение по вопросу о Восточном Пакистане¹⁴⁸³.

В сентябре 1971 г. И. Ганди нанесла визит в Москву, где обсуждала с руководством СССР ситуацию в Южной Азии. Советские лидеры пытались убедить И. Ганди в необходимости сохранения мира в регионе и предотвращения вооруженного конфликта. При этом обращалось внимание на непредсказуемость возможного поведения США и Китая¹⁴⁸⁴. Визит И. Ганди сблизил позиции обеих стран по ситуации в Пакистане. Однако противоречия еще оставались, что отражалось даже в терминологии. Индийцы уже тогда говорили о «Восточной Бенгалии», в то время как Советский Союз придерживался традиционного названия «Восточный Пакистан». Во время визита в Алжир премьер-министра СССР А.Н. Косыгина в октябре 1971 г. в совместном советско-алжирском заявлении было подчеркнуто «уважение национального единства и территориальной целостности Пакистана».

Такое заявление вызвало протест в Индии. 14 октября И. Ганди заявила, что единственным способом решить проблему «Восточной Бенгалии» является ее независимость. Со своей стороны, Яхья Хан публично отверг призывы Советского Союза и Индии провести переговоры с лидером Авами лиг Муджибуром Рахманом. Таким образом, ни Индия, ни Пакистан не были готовы к компромиссу. Отношения между ними обострились до предела. Огромное число беженцев из Восточного Пакистана в Индию, покинувших свои дома после массовых убийств и насилий со стороны пакистанской армии, поставили ситуацию на грань войны¹⁴⁸⁵.

В этих условиях существенно возросла роль великих держав. В конце октября И. Ганди направилась в США. Ее переговоры с Никсоном и Киссинджером окончились безрезультатно. Американские лидеры отказались оказать давление на Яхья Хана, чтобы он согласился, по словам Киссинджера, с «решимостью Индии установить ее превосходство на субконтиненте»¹⁴⁸⁶.

В то время как И. Ганди вела практически бесплодные переговоры в Вашингтоне, личный эмиссар Яхья Хана Зульфикар Али Бхутто вел переговоры в Пекине. Для Пакистана эти переговоры не принесли желаемого результата. Китайцы воздержались от выражения поддержки единству и территориальной целостности Пакистана¹⁴⁸⁷.

3 декабря 1971 г. Пакистан нанес удары по индийским аэродромам на западе страны. Советский Союз немедленно осудил Исламабад за развертывание военных действий. В Совете Безопасности ООН 5, 6 и 13 декабря СССР выступил в защиту Индии, призывал к прекращению огня и отводу войск и трижды применял вето по инициативе США резолюции, которая поддерживала Пакистан. Увеличение поставок советского оружия Индии и введение в Бенгальский залив отряда военных кораблей в ответ на размещение там боевой американской группировки во главе с авианосцем «Энтерпрайз» сыграли заметную роль в придании Индии уверенности в ее действиях против Пакистана.

Война продолжалась меньше двух недель. 16 декабря под давлением индийской армии и Мукти бахини (Освободительной армии) Бангладеш пакистанская армия сдалась. На следующий день И. Ганди объявила о прекращении огня в одностороннем порядке. Пакистан потерял восточную часть территории. Бангладеш стала независимым государством¹⁴⁸⁸.

В войне между Индией и Пакистаном США открыто поддержали последний. 12 декабря президент США Никсон обратился в Совет Безопасности ООН с призывом предпринять «чрезвычайные меры», чтобы остановить войну, заявив, что «Восточный Пакистан, по существу, оккупирован индийскими войсками» и что это представляет угрозу миру во всем мире. Поставленная на голосование в СБ ООН резолюция США, осуждающая Индию, не была принята, так как СССР наложил на нее вето.

Советский Союз выступил на стороне Индии, в том числе и с учетом китайского фактора. (В то время советско-китайские отношения были крайне напряженными. С 1968 г. по 1972 г. число советских дивизий, дислоцированных вдоль границы с Монголией, было увеличено с 15 до 45, больше чем было в Центральной Европе.) До этого СССР безуспешно пытался предотвратить вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном, используя конфиденциальные каналы. Америка поддерживала Пакистан, а когда его положение резко ухудшилось, она стала настаивать, чтобы СССР сдерживал Индию, которая использовала в своих целях «сепаратистское» движение в Восточном Пакистане¹⁴⁸⁹. Вашингтон «нервничал», поскольку у него не было удобного предлога для оказания военной

поддержки Пакистану. Кроме того, политика преследований оппонентов и их аресты, которую проводило руководство этой страны в Восточном Пакистане, вызывала возмущение в США. В то же время Америка не хотела «сжигать мосты» и в отношениях с Индией. В начале декабря 1971 г. происходил активный обмен посланиями между Брежневым и Никсоном. Обе стороны маневрировали, чтобы предотвратить вооруженный конфликт. Но в то же время они поддерживали соответственно Индию и Пакистан. 10 декабря Никсон предложил Брежневу совместно призвать обе враждующие страны полностью прекратить огонь¹⁴⁹⁰.

Президент США строго доверительно информировал советское руководство через своего помощника по безопасности Киссинджера о том, что в соглашении между США и Пакистаном от 5 ноября 1962 г. был секретный протокол. В нем говорилось, что Америка поддержит Пакистан в случае агрессии со стороны Индии. Цель передачи такой информации, по мнению посла СССР в США в то время Анатолия Добрынина, состояла в явной попытке оказать давление на Советский Союз и Индию. Киссинджер также сказал, что Белый дом приказал начать подготовку по оказанию помощи Пакистану под прикрытием технической передислокации американских военно-морских сил из Юго-Восточной Азии, включая авианосец «Энтерпрайз», в Бенгальский залив. Американцы проявляли беспокойство в связи с положением на западной границе между Индией и Пакистаном. Как писал позже Киссинджер, он считал, что Индира Ганди планировала нанести удар по контролируемой Пакистаном части Кашмира, овладеть ею и нанести поражение Пакистану, что привело бы к его полной дезинтеграции. Тот же Киссинджер заверял Москву, что Вашингтон не поддерживал контакты с Пекином по поводу происходившего конфликта, хотя Пакистан имел такие связи¹⁴⁹¹.

12 декабря 1971 г. советское правительство передало Никсону информацию о том, что контакты с премьер-министром И. Ганди позволяли предположить, что индийское правительство не намеревалось предпринимать каких-либо военных действий против Западного Пакистана. Таким образом, пишет Добрынин, советское дипломатическое вмешательство помогло предотвратить распространение вооруженного конфликта, который мог бы привести к тотальному поражению и развалу Пакистана, а не только к ампутации его восточной провинции¹⁴⁹².

После прекращения огня в Восточном Пакистане авианосец «Энтерпрайз» получил приказ покинуть воды Бенгальского залива. Однако этот эпизод на долгие годы остался в памяти индийцев как символ враждебности Америки по отношению к Индии¹⁴⁹³.

Победа Индии в войне 1971 г. полностью изменила ситуацию в Южной Азии, хотя Пакистан в течение двух лет отказывался признавать Бангладеш. Во время визита нового президента Пакистана Зулфикара Али Бхутто в КНР в январе 1972 г. было подписано совместное китайско-пакистанское коммюнике, в котором Индия обвинялась в неприкрытой агрессии против Пакистана, оккупации его территории и грубом нарушении международных норм. В этом документе содержалось требование к Индии вывести войска из «Восточного Пакистана» и Кашмира. Индия выступила с протестом против таких требований, осудив заявление Китая и Пакистана по Кашмиру как вмешательство в ее внутренние дела¹⁴⁹⁴.

После войны 1971 г. появились новые возможности для расширения связей между Индией и Советским Союзом. Однако СССР не отказывался от идеи развивать отношения и с Пакистаном. Это выразилось, в частности, в приглашении нового президента Пакистана З.А. Бхутто посетить Советский Союз в марте 1972 г. СССР стремился к обеспечению стабильности в Южной Азии и к тому, чтобы попытаться убедить Пакистан отказаться от сотрудничества с Китаем. Во время визита Бхутто в Москву Косыгин возложил ответственность за конфликт 1971 г. на Пакистан и призвал к реалистичной оценке сложившейся ситуации на субконтиненте. В двусторонних пакистано-советских отношениях была достигнута договоренность о возобновлении разведки нефти в Пакистане, строительстве электростанции, а также металлургического завода в Карачи¹⁴⁹⁵. Несмотря на это, главный политический итог визита состоял в следующем: Советский Союз подтвердил свою решимость укреплять отношения с Индией, а Пакистан не отказался от связей с Китаем.

Все эти события происходили на фоне визита президента США Р. Никсона в Китай в феврале 1972 г. и его же визита в СССР в мае того же года. Их результаты оказали заметное влияние на политические процессы и в Южной Азии.

Отношения между Индией и Китаем в конце XX в.– начале XXI в.

Пограничная война 1962 г. между Индией и Китаем стала «нижней точкой» в отношениях между обеими странами за весь период независимости Индии. Но начиная с 1970-х годов она стала пересматривать свою политику в отношении КНР, особенно после образования Бангладеш, что изменило стратегическое соотношение сил в Южной Азии в ее пользу. Начавшийся в это время процесс норма-

лизации американско-китайских отношений также не мог не учитывать Индией. В совокупности все это привело к тому, что в 1976 г. индийское правительство приняло решение восстановить дипломатические отношения с Китаем на уровне послов (после пограничной войны 1962 г. посол Индии был отозван и вместо него функционировал временный поверенный). Китай ответил на этот шаг взаимностью и также восстановил в полном объеме дипломатические отношения с Индией.

С этого времени начался процесс постепенной нормализации индийско-китайских отношений. В 1979 г. в Китае с визитом побывал министр иностранных дел Индии А.Б. Ваджпай. Однако переговоры в Пекине не дали заметных результатов, так как были прерваны в связи с вторжением китайских войск во Вьетнам. В знак солидарности с Вьетнамом индийская делегация во главе с Ваджпай покинула КНР. Процесс нормализации отношений был приторможен, но не остановлен. Перемены в международной обстановке в конце 1980-х годов потребовали новых усилий в этом направлении, что привело к визиту премьер-министра Раджива Ганди в Китай в 1988 г. Это был первый в истории обеих стран визит на высоком уровне после поездки Неру в Китай в 1955 г. За ним последовала поездка в Индию премьера Госсовета КНР Ли Пэна в 1991 г., а затем и визит премьер-министра Индии Нарасимхи Рао в Китай в 1993 г. В ходе этих визитов был достигнут ряд договоренностей, направленных на улучшение отношений между обеими странами, и среди них соглашение о поддержании мира и спокойствия на границе (1993 г.). Очередное соглашение о дальнейшем развитии мер доверия на границе, в том числе в военной сфере, было подписано во время визита в Индию председателя КНР Цзян Цзэминя в 1996 г.

Испытание Индией ядерных устройств в 1998 г. привело к напряженности в отношениях с Китаем, который потребовал от Индии, чтобы она подписала договор о нераспространении ядерного оружия и прекратила работы по ядерному вооружению (см. Главу 41).

В 1999 г. был возобновлен процесс нормализации отношений, когда Китай посетил министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх. Обе стороны согласились придерживаться курса на «стабилизацию нормальных и дружественных отношений». Этот диалог был продолжен во время визита в Китай президента Индии К.Р. Нараяна в 2000 г. Тогда председатель КНР Цзян Цзэминь выдвинул пакет следующих предложений: увеличить число визитов на разных уровнях в целях укрепления взаимного доверия; расширить торгово-экономическое сотрудничество и инвестиции в обе страны; усилить координацию и сотрудничество по мировым проблемам; решать ос-

тавшиеся от прошлого вопросы в духе поиска общих подходов. Это не означало откладывание противоречий навечно или развитие отношений после полного разрешения этих противоречий. Обе страны должны вести диалог с учетом взаимных интересов.

Активный диалог между Индией и Китаем был продолжен во время поездки премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи в Индию (2002 г.), а затем ответного визита в Китай премьер-министра Индии А.Б. Ваджапаи (2003 г.). В результате этих визитов были достигнуты договоренности о расширении отношений между обеими странами на мировой арене, а также в двусторонних отношениях, особенно в торгово-экономической сфере.

В 2005 г. Индию посетил премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, а в 2006 г. – председатель КНР Ху Цзиньтао. В ходе визита последнего была достигнута договоренность увеличить товарооборот с 20 млрд. долл. (2006 г.) до 40 млрд. долл. к 2010 г.

Во время визита премьер-министра Индии М. Сингха в Китай в январе 2008 г. центральной темой переговоров с китайскими лидерами были торгово-экономические отношения. Обеими сторонами была поставлена задача увеличить товарооборот до 60 млрд. долл. к 2010 г. (прежняя цель – достичь 40 млрд. долл. была выполнена на два года раньше, при торговом дефиците в пользу Китая). Индийский премьер-министр назвал в качестве стратегической задачи развитие взаимовыгодных двусторонних экономических связей. Он отметил, что к середине XXI в. экономическое возрождение Азии приведет к тому, что на ее долю придется более 50% мировой торговли, доходов, накоплений и инвестиций. В подписанном во время визита документе «Общий взгляд Республики Индия и Китайской Народной Республики на XXI в.» были обозначены региональные и глобальные параметры индийско-китайских отношений. В нем была подтверждена индийская позиция о едином Китае (включающем Тибет и Тайвань)¹⁴⁹⁶.

В последующие два года происходило дальнейшее расширение сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической, информационно-образовательных, туризме, культурном обмене.

Вместе с тем в отношениях Индии и Китая оставались проблемы, которые затрудняли ход нормализации. Среди них было китайско-пакистанское военное сотрудничество, включая программу ядерного вооружения Пакистана. Что касается кашмирской проблемы, то Китай в конце 1990-х годов перешел от прямой поддержки Пакистана к позиции нейтралитета. Во время визита в Пакистан в декабре 1996 г. Цзян Цзэминь заявил, что противоречия между странами должны рассматриваться в длительной перспективе в поисках справедливого и разумного решения путем консультаций и пере-

говоров. Если некоторые вопросы не могут быть разрешены в настоящее время, их можно было бы временно отложить, чтобы они не мешали развитию нормальных межгосударственных отношений. Это заявление было адресовано в первую очередь Индии¹⁴⁹⁷.

Оставались и другие проблемы, не получившие своего решения за все годы интенсивных индийско-китайских переговоров. Это прежде всего погранично-территориальный вопрос, который, несмотря на заметное продвижение, особенно по расширению мер доверия, не получил своего окончательного решения. Полная демаркация границы на местности, по мнению индийцев, представлялась достаточно неопределенной. Другим раздражителем в индийско-китайских отношениях был Сикким, интеграцию которого в Индийский Союз в качестве штата (1975 г.) КНР формально не признавала¹⁴⁹⁸. Определенным препятствием на пути развития индийско-китайских отношений продолжало оставаться растущее сотрудничество Китая с Бангладеш и Бирмой, что шло вразрез с интересами Индии.

Несмотря на все это, индийцы отмечали сходство или близость подходов обеих стран по таким вопросам, как борьба с терроризмом, проблемы глобального потепления и защиты окружающей среды, сокращение разрыва между развитым Севером и развивающимся Югом, создание более справедливого мирового экономического устройства. Индия и Китай придерживались схожего подхода к созданию многополярного мира, в котором сбалансированное соотношение сил должно обеспечивать международную безопасность.

После окончания холодной войны политика Китая по отношению к Индии и Пакистану заметно изменилась. Если раньше Китай выступал на стороне Пакистана в его конфликтах с Индией, то после нее он стал предпринимать шаги по улучшению отношений с Дели, сохраняя при этом тесные связи с Исламабадом. Посол КНР в Индии говорил, что Китай проводил своеобразную «параллельную» политику в отношении этих стран, не направленную против какой-либо из них¹⁴⁹⁹.

Китайские эксперты придерживались мнения, что США после долгой паузы (с конца 1970-х годов, когда СССР вторгся в Афганистан) вновь вернулись в Южную Азию вслед за террористическим актом 11 сентября 2001 г. Это привело к изменению стратегической конфигурации сил в этом регионе. Китай же в течение десятилетия (1990–2000 гг.) проводил политику прямого взаимодействия со странами Южной Азии, «без вмешательства сверхдержав». Он успешно заполнил вакуум, образовавшийся в результате развала СССР и ослабления там позиций России, когда США еще не успели переориентировать свою политику, чтобы существенно усилить позиции в Южной Азии. По мнению ряда китайских аналитиков, главная цель

Америки в отношении этого региона состояла в том, чтобы предотвратить возможность новой индийско-пакистанской войны по вопросу о Кашмире и не отвлекать внимание от ее борьбы с террористами в Афганистане¹⁵⁰⁰.

В то же время присутствие США в Южной и Центральной Азии вызывало озабоченность КНР, поскольку американские вооруженные силы располагались на западном фланге Китая. «До тех пор пока США не выведут оттуда свои войска, Китай будет следить за каждым их шагом», – писал один из китайских экспертов. КНР была озабочена тем, что присутствие там Америки осложняло двусторонние отношения Китая со странами этих регионов. Особо отмечалось, что существование американских военных баз в Южной и Центральной Азии может привести к длительному военному присутствию США в этой части мира. Кроме того, милитаризация этого региона может нарушить планы Китая по развитию его западных провинций¹⁵⁰¹. Некоторые китайские обозреватели писали также, что США разыгрывают «индийскую карту» против Китая. С учетом всего этого Китай должен «демонстрировать Индии улыбку, а не показывать кулак». Как заявил еще в 1980-х годах Дэн Сяопин, если Китай и Индия станут сильными, следующий век можно будет назвать «столетием Азиатско-Тихоокеанского региона»¹⁵⁰².

В этом контексте представляет интерес соотношение экономической мощи Индии и Китая в начале XXI в. Картина вроде бы вполне очевидная. Если Китай, начиная с 1980-х годов, демонстрировал темпы экономического роста около 10% ежегодно, то Индия лишь с 1990-х годов смогла достичь в ходе экономических реформ темпов в 5–7%, а позже – 9%. Индия уступала Китаю по ряду позиций. Она существенно отставала от него по важнейшим показателям экономического развития (общему объему экономики, доходу на душу населения, объему иностранных инвестиций и т.п.). У Индии существовали серьезные проблемы в социальной сфере: более высокий, чем в Китае, уровень бедности и неграмотности, отставание в сфере школьного образования¹⁵⁰³, наличие тенденций, разъединяющих общество, в том числе по религиозным и кастовым признакам. Кроме того, проведение экономических реформ в многоконфессиональном и полиэтничном обществе в условиях демократии и многопартийности было сопряжено с немалыми трудностями.

Вместе с тем у Индии по сравнению с Китаем был ряд преимуществ, которые могли обеспечить ей успех в экономическом развитии. Прежде всего, она имела сложившуюся систему демократических институтов и основ гражданского общества. Индия располагала активно развивающимся сектором высоких технологий, опирающимся на дос-

тижения в системе высшего образования. Ее элита хорошо владела английским языком. Страна не сталкивалась с проблемой старения населения. У Индии была сложившаяся инфраструктура для проведения приватизации государственных предприятий. Преимуществом Индии по сравнению с Китаем было и то, что либерализация и глобализация экономики этой страны не угрожала подрывом или разрушением ее политической системы.

При условии устойчивого ускоренного социально-экономического и технологического развития Индия могла занять такое положение в мире, которое позволило бы ей претендовать уже в ближайшем будущем на роль крупного игрока в мировой политике. Сама Индия настойчиво стремилась к тому, чтобы войти в клуб таких держав.

Индия и США после террористических актов в Америке в сентябре 2001 г.

Распад Советского Союза и «уход» России из Южной Азии сопровождались изменениями в политике не только Китая, но и США. Но если КНР достаточно быстро начала заполнять геополитический вакуум в Южной Азии, то Америке для этого потребовалось почти десятилетие и террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне в сентябре 2001.

Будущий помощник президента США Джорджа Буша-младшего по национальной безопасности и госсекретарь США Кондолиза Райс писала в 2000 г., что «США испытывали огромные трудности в определении своих национальных интересов в отсутствие Советского Союза». Вместе с тем она считала, что при формировании новой внешней политики Америке следовало учитывать, что она находится в выгодной позиции. США и их союзники оказались «на правильной стороне исторического процесса». Говоря о приоритетных задачах США, Райс подчеркивала, что в распоряжении Америки имелось много ресурсов для достижения своих целей. Решающим инструментом в формировании международной политики была экономическая политика, которая, как считала Райс, «поможет [Америке] добраться до таких разных стран, как Южная Африка и Индия...»¹⁵⁰⁴.

Райс рассматривала Индию прежде всего в контексте американо-китайских отношений. Она называла Китай «стратегическим соперником», а не «стратегическим партнером» (как это иногда считала администрация Клинтона). «Добавьте к этому опыт сотрудничества Китая с Ираном и Пакистаном в распространении ракетной технологии, – продолжала Райс, – и проблемы безопасности станут очевидными. Ки-

тай сделает все возможное, чтобы усилить свое влияние, будь то кража ядерных секретов или попытки угрожать Тайваню»¹⁵⁰⁵.

Успехи Китая в расширении его влияния в Азии, в том числе и в Южно-Азиатском регионе, вызывали глубокую озабоченность США. Поэтому была поставлена задача укреплять сотрудничество с Японией и Южной Кореей, а также сохранять мощное военное присутствие в этом районе мира. В этой связи предлагалось уделять больше внимания роли Индии в региональном соотношении сил. И речь шла не только об отношениях между Индией и Пакистаном, в том числе по вопросу о Кашмире или их ядерном противостоянии. Индия, полагали американские политики и эксперты, была немаловажным элементом в китайских расчетах, поэтому она должна была присутствовать и в американских стратегических планах. Индия еще не стала великой державой, но у нее был потенциал, чтобы стать таковой. Отсюда необходимость обратить на нее особое внимание¹⁵⁰⁶.

Эти позиции республиканской администрации США по отношению к Индии разделяла и Демократическая партия. Ранее Индия занимала в приоритетах этой партии также далеко не первое место. Ее список главных направлений внешней политики возглавляли Европа, затем Россия, Япония и Китай. Далее следовали «новые растущие» страны, которые США «должны вовлекать в процессы и институты, управляющие глобальной экономикой». Среди этих «новых игроков» Индия и Бразилия были стратегически важными для США, поскольку наращивали свое региональное и даже глобальное влияние. Среди других стран, которые должны стать частью коалиции государств, определяющих глобальную экономическую политику, назывались также Южная Корея, Мексика и Южная Африка¹⁵⁰⁷.

Подходы правительства США к азиатскому региону в целом и к Индии и Китаю в частности были достаточно полно представлены в исследовании «США и Азия: к новой стратегии Америки и позиции силы», подготовленном в 2001 г. одной из влиятельных американских аналитических организаций «Рэнд корпорейшн», имеющей тесные связи с Пентагоном. Эта работа спонсировалась ВВС США, руководителем авторского коллектива был Залмай Халилзад, бывший специальный помощник президента Буша-старшего. В этом документе говорилось, что Индия и особенно Китай являются растущими силами, которые ищут свое место в мире и в ходе этих поисков потенциально могут разрушить региональный порядок. В нем содержался призыв к администрации Буша проводить стратегию баланса сил в отношении этих «набирающих мощь держав», а также «ослабевающей России». Авторы рекомендовали не допустить, чтобы какое-либо из этих государств угрожало региональной безопасно-

сти или доминировало в отношении двух других. Предлагалось предотвратить любое стремление этих трех держав к объединению усилий с целью нанесения ущерба стратегическим американским интересам в Азии. В чем же смысл такой стратегии для Америки, удаленной от Азии на тысячи километров? На этот счет давалось следующее разъяснение. Главная долгосрочная задача состояла в том, чтобы воспрепятствовать появлению любого регионального гегемона, так как он будет стремиться подорвать роль США в Азии. С учетом людских, технологических и экономических ресурсов Азии доминирование в этом регионе враждебной державы будет представлять вызов глобального масштаба, угрожающий нынешнему мировому порядку. Очевидно, что речь шла прежде всего о Китае и в меньшей степени о России или Индии¹⁵⁰⁸.

Индия между США и Пакистаном

В конце XX – начале XXI в. Южная Азия, являющаяся важным связующим звеном между собственно Азией и Ближним и Средним Востоком, а также Центральной Азией, воспринималась американцами как регион вероятной конфронтации между Индией и Пакистаном, что представляло собой вызов интересам США. При этом США не имели «надежного доступа» на этот субконтинент. Пакистан, переживавший кризис управления и находившийся под властью военных, вряд ли мог считаться партнером, на которого можно было надежно опереться. А отношения США с Индией находились еще «на ранней стадии оттепели после холодной войны». Поэтому предстояло преодолеть различия в подходах обеих стран к важным проблемам внешней политики, оставшимся от прошлого. Америка стремилась использовать свое влияние для решения индийско-пакистанского конфликта в Кашмире мирными средствами, чтобы предотвратить возможность возникновения региональной ядерной войны. Общая стратегическая задача США в отношении Южной Азии – укрепление связей с Индией и недопущение изоляции Пакистана¹⁵⁰⁹.

За несколько месяцев до террористических актов в США в сентябре 2001 г. администрация Буша занялась составлением списков «друзей и врагов» в этом регионе. В Индию был направлен заместитель госсекретаря США, для того чтобы «обхаживать» ее в качестве «любимчика» Америки в Южной Азии и возможного противовеса Китаю. Пакистан рассматривался тогда как «страна-изгой, воспитанная террористов». Но начавшаяся осенью 2001 г. война в Афганистане все перевернула, и Пакистан снова стал партнером США¹⁵¹⁰.

Индия быстро и решительно осудила террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне и заявила о своей готовности участвовать в международной антитеррористической коалиции, предоставить Америке свое воздушное пространство для полетов американской авиации, а также разведывательную информацию (представительство ФБР США уже действовало в Индии в течение некоторого времени).

После начала американских бомбардировок в Афганистане Индия провела широкую кампанию по включению Кашмира в повестку дня антитеррористической коалиции. Премьер-министр Ваджапай предупредил, что проблема терроризма не должна рассматриваться изолированно, лишь в свете одного трагического события в США. Шла глобальная война против терроризма, соответственно должны быть и глобальные решения. Индия настаивала на том, чтобы поддерживаемые Пакистаном террористические организации, осуществлявшие свою деятельность в Кашмире, были включены в составленные США «черные списки». Тем более что одна из них взяла на себя ответственность за взрыв бомбы 1 октября 2000 г. в законодательном собрании штата Джамму и Кашмир в г.Сринагаре, в результате чего погибли около 40 человек.

Если Индия сама вступила в борьбу против террористов, то США фактически принудили Пакистан к сотрудничеству с антитеррористической коалицией. Не секрет, что именно Америка помогла Пакистану выпестовать талибов. «В конечном итоге, – писала Джессика Стерн, исследователь в Гарвардском университете, – США вместе с Саудовской Аравией помогли Пакистану организовать первый международный ‘джихад’ для борьбы с Советским Союзом в Афганистане»¹⁵¹¹. По данным Милта Бирдена, бывшего руководителя представительства ЦРУ в Пакистане (1986–1989 г.), США и Саудовская Аравия «перекачали» в Афганистан за время «афганской войны с СССР» около 3,5 млрд. долл. Джихад в его насильственной интерпретации, вместе с оружием и наркотиками, стал самым важным бизнесом в регионе, который продолжал привлекать инвесторов из стран Персидского залива и из членов пакистанской диаспоры за рубежом¹⁵¹².

В ходе визита госсекретаря США Колина Пауэлла в Исламабад в октябре 2001 г. он заверил президента Пакистана генерала Первеза Мушаррафа в том, что США «не бросят» Пакистан после окончания войны (как это было в прошлом) и пообещал вознаграждение за сотрудничество¹⁵¹³.

Действительно, вскоре США сняли санкции с Пакистана, введенные после его ядерных взрывов в 1998 г., а также после военного переворота в 1999 г., в результате которого генерал Мушарраф пришел к власти. Америка также приняла меры по реструктурированию долга Пакистана в 37 млрд. долл. и обязалась оказать ему помощь в 1 млрд. долл.¹⁵¹⁴

После трех недель операции «возмездия» в Афганистане Мушарраф с удовлетворением отмечал, что его поддержка усилий США по борьбе с терроризмом помогла Пакистану обеспечить единство и безопасность, сохранить его «стратегические ресурсы» (имелся в виду ядерный потенциал), избежать потерь в кашмирском вопросе и укрепить национальную экономику. Он подчеркивал, что дипломатические и экономические приобретения Пакистана значительно перевесили материальные потери, которые он понес за время антитеррористической кампании в Афганистане, что эти потери будут полностью компенсированы как доступом к новым рынкам, так и экономической поддержкой стран коалиции¹⁵¹⁵.

Несмотря на сотрудничество Мушаррафа с Америкой, Вашингтон опасался, что генерал может потерять власть в стране. И тогда судьба Пакистана и всей войны в Афганистане могла оказаться в руках тех пакистанских военных, которые менее доброжелательно относились к антитеррористической кампании США. Еще более тревожил Америку такой сценарий, по которому к власти могли прийти исламские экстремисты, что означало бы их доступ к ядерному оружию. Нельзя сказать, что такие опасения были абсолютно беспочвенны. Прочно обосновавшиеся в Кабуле в 1996 г., талибы стали устанавливать свои порядки. Пакистан, кстати, был одним из трех государств, которые признали правительство талибов (другие два – Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты).

Многие индийские политики и эксперты считали, что Пакистан «обошел» Индию в отношениях с США во время афганской антитеррористической кампании. В лучшем случае, полагали они, Индия и Пакистан оказались «впряженными в одну повозку». Однако отдельные американские политологи придерживались мнения, что во время операции в Афганистане индийцы почувствовали себя «брошенными на обочине событий». Так, эксперт по Южной Азии профессор Стивен Коэн из университета в Джорджтауне полагал, что Индия и Пакистан рассматривали свои связи с США как «игру с нулевым результатом» в отношении друг друга. Это означало, что, если Вашингтон улучшал отношения с одной из этих стран, другая считала, что это происходит за ее счет. Сама Индия не желала, чтобы США втягивались в кашмирские дела и отвергала какую-либо роль Америки в этом вопросе. По мнению Коэна, это означало существование «вечного конфликта», который будет подрывать силы как Индии, так и Пакистана «еще пять десятилетий»¹⁵¹⁶.

Террористическая атака на парламент Индии 13 декабря 2001 года, в ходе которой погибли семь индийских граждан и шесть террористов, вызвала новый всплеск напряженности в индийско-пакистанских

отношениях. Индия предоставила США, Великобритании и Европейскому Союзу доказательства причастности к этим терактам двух групп, действовавших с территории Пакистана. США и их европейские союзники согласились с доводами Индии, что эти группы – Лашкар-и-Тойба и Джайш-и-Мохаммед – несут ответственность за нападение на индийский парламент, хотя и не были убеждены в том, что правительство Пакистана имело отношение к этому террористическому акту. Тем не менее, под давлением США Пакистан заморозил счета и активы Лашкар-и-Тойба, которая подзревалась в связях с руководимой Усамой бен Ладеном Аль-Каидой¹⁵¹⁷.

Такие события вызывали озабоченность Америки ситуацией в Южной Азии. Некоторые американские аналитики высказывали опасение, что напряженность в отношениях между Индией и Пакистаном могла привести к тому, что Индия попытается разрушить пакистанский ядерный потенциал, если появится угроза овладения экстремистами ядерного оружия. А это было чревато новой войной на субконтиненте. Полковник ВВС США в отставке Сэм Гардинер, эксперт по стратегическим играм, заявил, что американские военные провели более 25 таких игр, связанных с конфронтацией между Индией и Пакистаном, и каждая из них заканчивалась ядерной войной¹⁵¹⁸.

Все это означало, что США были вынуждены проводить политику баланса сил в отношениях с Индией и Пакистаном, в зависимости от политической целесообразности и тактической конъюнктуры.

К этому можно добавить, что на отношения между США и Индией серьезно влияло развитие событий в России и Центральной Азии. Международная операция в Афганистане не давала оснований рассчитывать, что позиции России в этой стране и Центральной Азии будут восстановлены и укреплены. Если бы это удалось сделать, то для Индии это послужило бы дополнительным стимулом для развития связей с Россией, что, конечно, не могло не учитываться Америкой.

Путь к сближению Индии и США был и оставался непростым. Обе страны разделяли несхожие подходы по ряду крупных вопросов современности. Они были во многом связаны с разным историческим опытом, разными внешними проблемами, с которыми сталкивались Индия и США. Существовали и внутривнутриполитические проблемы в самой Индии. Если в США преобладало мнение о целесообразности вовлечения Индии в сферу мировой деятельности Америки, то в Индии были влиятельные силы, которые предупреждали об опасности «складывать все яйца в одну американскую корзину». В этой связи прежде всего указывалось на угрозу терроризма, которая «исходит» из Пакистана. Более того, успехи в развитии индийско-американских отношений ставились в прямую зависимость от способности США «истребить» эту угрозу¹⁵¹⁹.

Позиция Индии по вопросу о войне США в Ираке

На пути активизации индийско-американских отношений были и другие проблемы, связанные с событиями, происходившими за пределами Южно-Азиатского региона. Прежде всего, это была война в Ираке, начатая США в марте 2003 г. Индия выступила против одностороннего применения силы в нарушение Хартии ООН. Она считала, что урегулирование ситуации в Ираке возможно только политическими методами. Эта позиция была поддержана многими индийскими политическими и общественными деятелями, тональность выступлений которых заметно отличалась от официальной позиции большей жесткостью в отношении США. Даже правящая партия БДП в своем заявлении по этому вопросу пошла дальше, чем возглавляемое ею коалиционное правительство, квалифицировав военную операцию Америки как «неоправданную военную акцию». Она требовала немедленного прекращения войны и мирного решения проблемы в рамках ООН, при обеспечении суверенитета и территориальной целостности Ирака, права его народа определять свое политическое будущее и распоряжаться природными ресурсами страны. Один из членов правительственной коалиции Национально-демократического альянса Самата парти (Партия равенства) во главе с министром обороны Дж. Фернандесом потребовала осуждения нападения США на Ирак и организовала антивоенную демонстрацию в этой связи.

С резким заявлением по поводу действий США в Ираке выступил Индийский национальный конгресс и другие партии. Один из лидеров ИНК, бывший государственный министр иностранных дел Натвар Сингх назвал «вторжение» США и Великобритании в Ирак «противозаконным, аморальным, нарушающим Хартию ООН, международные нормы и национальный суверенитет». Он указал на несостоятельность заявлений Дж. Буша и Т. Блэра о том, что Ирак владел оружием массового поражения¹⁵²⁰.

В таком же ключе высказывался и бывший премьер-министр правительства Объединенного фронта И.К. Гуджрал. Он, как и многие другие индийские политические лидеры, осудил Саддама Хусейна как диктатора, но одновременно напомнил, что Хусейн был на стороне Индии по вопросу о Кашмире, а старейшая демократия в мире – США – поддерживала многих диктаторов. Гуджрал подчеркнул, что вторая война в Персидском заливе проходила на фоне таких явлений, как израильско-палестинское противостояние, попытки США «дерусифицировать» Центральную Азию, а также про-

никновение Китая в этот район, особенно в Казахстан. Он отметил ключевое значение нефтяного фактора в этой войне, напомнив о том, что говорил ему в свое время государственный секретарь США Джеймс Бейкер: «Нефть – это наша цивилизация, и мы не позволим какому бы то ни было демону сидеть на ней»¹⁵²¹.

В опубликованном в самый канун войны в Ираке исследовании индийского Института по изучению и анализу оборонных проблем «Война в Ираке – 2003 год. Взлет новой “односторонности”» отмечалось, что, в соответствии с заявлениями американской администрации, главной целью этой военной операции является уничтожение оружия массового поражения. Указывалось также, что США пытались увязать Ирак с террористической деятельностью Аль-Каиды во главе с Усамой бен Ладеном. В качестве аргумента для войны с Ираком американцы выдвигали предположение, что Ирак обладает ядерным оружием (так называемой грязной бомбой). Однако все эти обвинения оказались не соответствующими действительности. В любом случае, писал директор института К. Сантанам, решение США начать войну с Ираком из-за наличия у него оружия массового поражения было «слабым аргументом», который не выдерживал критического анализа. В поисках истинных причин действий США в Ираке ученые Института по изучению и анализу оборонных проблем указывали на Резолюцию по военным делам (Resolution in Military Affairs), принятую США после распада СССР. В ней содержалось указание на сохранение и укрепление четырех главных элементов военного превосходства: на море, суше, в воздухе и космосе. Позже появился еще один документ – «Перестройка американской обороны: стратегия, силы и ресурсы в новом веке», – опубликованный в 2000 г. неправительственной организацией «Проект для нового американского века» («The Project for the New American Century» – PNAC). В этом документе выдвигались следующие стратегические цели: Pax Americana; использование военной силы для расширения демократии; предотвращение роста новых великих держав; слежение за возникновением военных угроз во всем мире. В нем говорилось о необходимости полностью использовать нынешний «однополюсный момент в истории». Что касается стран Персидского залива, документ рекомендовал сохранять базы США в Саудовской Аравии и других странах, «даже если Саддам Хусейн уйдет со сцены»¹⁵²².

Не менее жесткую оценку действиям США в регионе Персидского залива давали другие индийские эксперты. Они указывали, что американская оккупация Ирака была связана прежде всего с контролем над нефтяными запасами в этом регионе. С одной стороны, авантюризм Саддама Хусейна с его претензиями на региональное

господство подталкивал Америку к войне с Ираком, с другой – США выступали в роли «наследников европейских империалистов». Усилия по подготовке к войне с Ираком представляли собой явную смену модели международных отношений и кризис международных правовых норм, а провозглашенная администрацией Буша новая стратегия национальной безопасности, предусматривавшая односторонние действия и нанесение превентивных ударов, являлись радикальным отходом от прежней политики США. Вашингтон отныне сам решал, исходя из собственных интересов, кого можно «назначить» государствами-изгоями, военные возможности (реальные или воображаемые) каких стран являются достаточными для того, чтобы повести дело к изменению режима в них. В таком случае ООН и ее Совет Безопасности оказывались совершенно ненужными¹⁵²³.

Доктрина «смены режима» и «превентивной войны» никоим образом не согласовывалась с общепризнанными международными нормами, отмечали индийские эксперты. Фундаментальным принципом международного права, зафиксированным в Хартии ООН, являлось суверенное равенство всех государств. Хартия также обязывала все страны воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения, что могло бы нарушить территориальную целостность или политическую независимость любого государства. Были все основания полагать, что такой ход развития представлял собой решающий, переломный момент в международных отношениях, последствия которого выходили далеко за рамки иракской проблемы¹⁵²⁴.

Идея создания союза Индия–США–Израиль

В общем контексте сближения Америки и Индии в начале XXI в. можно рассматривать появившуюся тогда идею создания стратегического союза Индия–США–Израиль. Особенно ярко эта мысль прозвучала во время визита в Индию премьер-министра Израиля А. Шарона в сентябре 2003 г. Влиятельная газета «Times of India» писала в этой связи: «Приглашение г-на Шарона показывает, что Индия больше не стесняется своих отношений с Израилем, а на деле даже явно демонстрирует их важность...» «Нью-Дели уже давно рассматривает Тель-Авив как путь к влиятельному еврейскому лобби в США и американской администрации. Приятное ожидание мощного триединства США, Израиля и Индии еще более окрепло после катастрофы 11 сентября 2001 г. и заявлений некоторых воинствующих исламистов, что эти три страны являются врагами ислама»¹⁵²⁵.

В этой связи часть индийских аналитиков рассуждала о «химере» неприсоединения, о «несостоятельности» индийско-китайско-российского «треугольника», о важности объединения усилий Индии, США и Израиля в войне против терроризма. Ведь эти три страны сегодня являются «главными» объектами террора в мире и будут оставаться ими в обозримом будущем. Это и есть крепкая основа для развития и укрепления стратегической оси Индия–США–Израиль.

Некоторые из протагонистов такого союза заявляли: Индия должна отказаться от присущего Неру «романтического» подхода к внешней политике «в интересах демократического мира», включающего Израиль и США. Впрочем, в Индии были слышны и другие голоса, которые предупреждали, что США в течение долгих лет рассматривали Пакистан как «умеренную» силу в исламском мире, и сейчас, несмотря на то, что есть убедительные свидетельства немалой роли правительства Пакистана в поощрении терроризма, Америка считала его своим союзником в борьбе против террора. Что касается Израиля, то он не определился в своем отношении к Пакистану¹⁵²⁶.

В целом многие политики в Индии выступали за сотрудничество с США и Израилем в борьбе против терроризма, но выражали сомнение в необходимости создания стратегического союза Индия–США–Израиль. Так или иначе, но сотрудничество Индии с Израилем активно развивалось и в последующие годы.

Индийско-американские отношения в первом десятилетии XXI в.

Отношения между Индией и Америкой начали ускоренно развиваться с середины 2010-х годов. С 2004 г. по 2008 г. торговый оборот между обеими странами вырос с 30 млрд. до 66 млрд. долл. Увеличился объем взаимных инвестиций. Так, в 2008 г. индийские прямые инвестиции в США составили 4,5 млрд. долл. (рост на 60% по сравнению с 2007 г.)¹⁵²⁷.

Подписание индийско-американского договора о мирном развитии ядерной энергетики Индии в 2008 г. (см. Главу 41) придало новый импульс сотрудничеству между обеими странами в политике, экономике, научно-технологической, оборонной и других областях. Вместе с тем в отношениях между обеими странами оставались проблемы, которые косвенно были связаны с ситуацией в Пакистане и Афганистане, где продолжалась борьба с терроризмом.

Отношения между Индией и Пакистаном оставались весьма напряженными. Спланированные в Пакистане террористические атаки против Индии, особенно в Мумбаи в ноябре 2008 г., в результате кото-

рой погибло около 200 человек, крайне отрицательно повлияли на возможность поиска решений по нормализации индийско-пакистанских отношений. Индия проявляла большую озабоченность терроризмом и экстремизмом, которые исходили из районов Пакистана, граничащих с Афганистаном. Индийцы задавали вопрос: станут ли США оказывать давление на Пакистан, с тем чтобы устранить террористическую угрозу с его территории? Политика Америки в отношении Пакистана вызывала возражения у многих индийских политиков и экспертов, особенно в связи с тем, что часть влиятельных американских политических и общественных деятелей настаивала на том, чтобы Индия шла на уступки Пакистану. В том числе и по кашмирскому вопросу, в надежде, что в этом случае Пакистан передислоцирует войска с его восточной границы и сосредоточит их на борьбе с талибаном¹⁵²⁸. Обеспокоенность Индии по вопросу о политике США в отношении Китая была связана с тем, что усиление его роли в Азии и мире может привести к тому, что Вашингтон пойдет на создание «кондоминиума» (или G-2). Это будет способствовать тому, что Индия останется в стороне даже по таким вопросам, которые непосредственно затрагивают ее территориальную целостность. Речь шла о претензиях Китая на индийские территории, в том числе Аруначал-Прадеш (штат, в два раза превышающий территорию Швейцарии). В этой связи индийцы задавались вопросом: действительно США хотят, чтобы Индия играла роль «балансирующей» силы в Азии, или она является для Америки лишь условным, малозначимым приоритетом. В более конкретном плане этот вопрос звучал таким образом: будут ли США готовы помочь Индии в случае усложнения ситуации на индийско-китайской границе? При этом следовало учитывать, что с точки зрения безопасности Индия рассматривала Китай как первостепенный приоритет, в то время как Китай не относил Индию к числу приоритетных направлений в вопросах его безопасности¹⁵²⁹.

Более широкий подход к индийско-американским отношениям состоял в том, насколько общие интересы обеих стран могли взаимно дополнять друг друга в выработке стратегической линии в мировом масштабе. Похоже, что у индийцев, как и у американцев, пока еще не было убедительного ответа на этот вопрос.

Индийско-российское сотрудничество в начале XXI в.

После потери многих позиций в Индии в 1990-х годах в результате распада СССР Россия стала постепенно возвращать утраченное влияние. Однако этот процесс осложнялся, во-первых, тем, что она

не обладала политическим и экономическим весом, которым располагал Советский Союз. И во-вторых, конкуренция за влияние на Индию значительно возросла, поскольку за то десятилетие, когда Россия фактически лишь обозначала свое присутствие в этой стране, ее конкуренты – Китай, Германия, Япония, Великобритания, Франция, а позже и США, упрочили свои позиции.

Однако в первом десятилетии XXI в. были предприняты крупные шаги по развитию индийско-российских отношений. В этот период происходили регулярные обмены визитами на высшем уровне, был подписан ряд соглашений по торгово-экономическому, научно-техническому, культурному и военно-техническому сотрудничеству. Так, только во время визита в Россию премьер-министра Индии М. Сингха в декабре 2009 г. и его переговоров с президентом России Д.А. Медведевым были достигнуты договоренности о крупномасштабном сотрудничестве в сфере экономики и высоких технологий. В марте 2010 г. во время визита в Дели В.В. Путина произошло заметное продвижение в атомной энергетике и военно-техническом сотрудничестве.

Индийско-российские отношения в течение более полувека характеризовались дружбой, добрососедством и взаимовыгодным сотрудничеством. За прошедшие 60 лет между ними не было каких-либо серьезных конфликтов и противоречий. Несмотря на радикальные изменения в геостратегическом соотношении сил после распада СССР и снижение уровня и объема сотрудничества между Индией и Россией в 1990-х годах, Индия проявляла заинтересованность в сохранении и развитии отношений с РФ.

Это было связано с прагматическим подходом руководства Индии к решению ее внутренних и внешнеполитических задач и амбиций. Одной из таких крупных задач было становление Индии в качестве мировой державы и превращение ее в один из центров в многополярном мире. В этой связи представляет интерес высказывание премьер-министра Индии Манмохана Сингха 26 октября 2010 г.: «Мы не придерживаемся какого-то одного направления. Внешняя политика Индии является выражением наших просвященных национальных интересов. В нынешнем глобализованном мире роль взаимных отношений и взаимозависимости стран возросла в огромной степени. Поэтому мы стремимся устанавливать хорошие отношения со всеми основными супердержавами: США, Россией, Китаем, Японией»¹⁵³⁰. Политика России, как одного из центров влияния и силы в мире наряду с США, Китаем, Европейским Союзом, Японией, не противоречила таким глобальным устремлениям Индии, а дополняла и развивала самую концепцию многополярности.

Вместе с тем шансы России в соперничестве с США за влияние в Индии в начале XXI в. выглядели весьма скромными. Объяснялось это следующими причинами. Начиная с 2000 г. США активно наращивали усилия по долговременному политическому, торгово-экономическому, военно-техническому сотрудничеству с Индией и вовлечению ее в орбиту своей политики. С другой стороны, Россия заметно утратила влияние в Индии и выступала в роли «догоняющей» стороны в конкурентной борьбе за нее. При этом ее позиции оказались недостаточно сильными и убедительными, чтобы изменить ситуацию в свою пользу. Пожалуй, единственная сфера, где позиции России в Индии выглядели относительно прочными, – это ВТС. Но и здесь конкуренция со стороны Запада (в том числе США и Израиля) постоянно нарастала.

Присущее России ненавязывание своих концепций устройства мира, традиционное уважение национальной самобытности Индии, равноправие являются существенными аргументами в пользу взаимодействия обеих стран. Природа индийского общества с его культурой и традициями, уходящими вглубь веков, является основой индийской идентичности, которая сохранилась, несмотря на двухсотлетнее колониальное господство, и, так или иначе, проявляла себя в общественной и политической жизни страны и в международных отношениях. Это касалось и индийско-российских отношений.

Индия делала главный акцент на решении важнейших внутренних проблем – преодолении бедности, искоренении неграмотности, снижении уровня безработицы, радикальном улучшении системы здравоохранения, обеспечении продовольственной и энергетической безопасности. Поэтому она была заинтересована в сохранении внутренней стабильности, поддержании мира на ее границах с Китаем и Пакистаном, а также в более отдаленных регионах (Афганистан, Ирак, Иран, Центральная Азия). Сотрудничество с Россией по этим вопросам отвечало долговременным интересам Индии.

В свою очередь, Индия представляла значительный интерес для России, поскольку она была достаточно близка к ней в духовно-нравственном плане, а также по ряду параметров социально-экономического и политического развития. Индия интересна для России как полиэтничная и многоконфессиональная страна с давними традициями и древней культурой. Тем, что в ней был накоплен большой опыт демократического развития в условиях плюралистического общества.

Индия могла быть интересной России и тем, что более полувека она развивалась на основе смешанной экономики, в которой государству принадлежала существенная роль в ее управлении, в стремлении

достичь социальной справедливости и сохранить социальный мир. В условиях строительства демократического общества в ней сложились главные элементы рыночной экономики, она имела богатый опыт взаимодействия с международными финансовыми институтами, многонациональными корпорациями и зарубежными фирмами. В течение ряда лет Индия проводила весьма успешные экономические реформы, осуществляя либерализацию экономики и открывая ее мировому влиянию, и одновременно настойчиво защищала свои национальные интересы. Индия представляла собой один из перспективных и крупнейших мировых рынков.

Индия неоднократно подтверждала, что отношения между нею и Россией испытаны временем и традиционно характеризуются доверием и взаимопониманием, что в основе этого лежит близость интересов и взаимной выгоды. Однако в быстро меняющемся мире, в условиях жесткой политической и экономической конкуренции эти отношения нельзя воспринимать как данность. Требуется постоянная, упорная, творческая работа по развитию российско-индийских связей. Созданный в прошлом фундамент взаимодействия в разных сферах, включавших политику, экономику, научно-техническое и оборонное сотрудничество, культуру, может размываться под воздействием внутренних и внешних факторов. Поэтому нужны новые подходы в российско-индийском сотрудничестве, которые учитывали бы реалии начала XXI в.

Глава 40

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ИНДИИ

Индия всегда выступала за сохранение мира и стабильности в регионе Южной Азии и в глобальном масштабе путем проведения активной дипломатии и эффективного военного сдерживания. Она исходила из того, что в конце XX в. возросла угроза терроризма и распространения оружия массового поражения.

Индия традиционно придерживалась принципа неучастия в военных союзах или блоках, неприменения ядерного оружия первой, отказа от размещения вооруженных сил в зарубежных странах, кроме участия в миротворческих операциях под эгидой ООН. Однако в начале XXI в. в военно-стратегических кругах стала обсуждаться

идея о возможности использования наступательной тактики в отдельных случаях – с целью предотвращения угрозы безопасности страны. Политика Индии в сфере национальной безопасности состояла в проведении политических, экономических и военных мероприятий, направленных прежде всего на ослабление или снятие угрозы со стороны Китая и Пакистана.

Толчком в развитии стратегической мысли в Индии послужил распад Советского Союза и изменившиеся геополитические реалии. В новых условиях она была вынуждена заняться выработкой новой стратегии, искать ответы на ряд непростых вопросов. Среди них были следующие: в чем состоит нынешняя и будущая роль Индии в регионе Южной Азии? Есть ли возможность укрепить позиции Индии в Азии в целом, учитывая ее геостратегическое положение вблизи главных морских путей? Есть ли возможность усилить международный авторитет Индии, принимая во внимание ее огромные людские и возросшие интеллектуальные ресурсы? Как наилучшим образом использовать в национальных интересах Индии процесс глобализации? Как решать острые проблемы энергетической безопасности страны? Стоит ли Индии вновь обращаться к политике неприсоединения для более тесных экономических, политических и культурных связей с развивающимися странами или искать новые пути, учитывающие складывающуюся расстановку сил на международной арене? Как и какими темпами устранять проблемы бедности и безработицы? И наконец, какими должны быть вооруженные силы и какова их роль в этих условиях?

Среди актуальных проблем в этой связи оставались отношения с Китаем и Пакистаном. Большая часть индийских геостратегов склонялась к необходимости развивать диалог с Китаем. Мир и стабильность на индийско-китайской границе отвечали интересам обеих стран. После окончания холодной войны отношения между Индией и Китаем улучшились, хотя сам процесс не был гладким и ровным, что закономерно с учетом истории отношений между обеими странами после войны 1962 г., которая оставила за собой до сих пор не решенную болезненную индийско-китайскую пограничную проблему.

Напряженные отношения с Пакистаном продолжали находиться во внешнеполитической повестке дня Индии. Три войны с этой страной и острый вооруженный конфликт в Каргиле в 1999 г., кашмирская проблема, которая не нашла своего решения, – все это влияло на политику Индии, в том числе и на ее отношения с другими странами.

Эти и многие другие факторы определяли отношение руководства Индии к роли и значению ее вооруженных сил, особенно с учетом научно-технической революции, которая непосредственно влияла на возможности армии, флота, авиации и ядерных сил.

Военная доктрина Индии

В первые годы независимости военная доктрина Индии характеризовалась своеобразным «минималистским» подходом к ее оборонным нуждам. По существу, все сводилось к защите территориального единства страны. Такая философия приводила к тому, что на оборону выделялось относительно немного средств. Но после индийско-китайской войны 1962 г. Индия изменила политику в отношении вооруженных сил. Тогда Неру заявил: «Мы должны создать наши вооруженные силы всеми способами, имеющимися в нашем распоряжении»¹⁵³¹. По существу, с этого времени начался процесс строительства современной индийской армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил¹⁵³².

В конце 1980-х годов министр обороны Индии К.Ч. Пант писал: «Роль наших вооруженных сил строго оборонительная. Они призваны защищать наше право на самостоятельное принятие решений и на процессы развития, в частности в политической и социальной сферах. Они должны обеспечивать, чтобы волнения в странах, соседствующих с Индией, не выплескивались на нашу территорию»¹⁵³³.

После ядерных испытаний в 1998 г. военная доктрина Индии предполагала создание эффективного и надежного сдерживания как при помощи обычных вооружений, так и ядерных сил. Значительная часть индийских военных теоретиков считала, что при необходимости вооруженные силы Индии должны быть способны эффективно использовать как оборонительную, так и наступательную тактику, чтобы в кратчайший срок завершить войну на условиях, выгодных для национальных интересов страны¹⁵³⁴.

Индийские военные стратеги полагали необходимым учитывать и то, что окончание холодной войны не привело к установлению прочного и предсказуемого мира. На место конфронтации между двумя сверхдержавами пришли кровавые локальные конфликты, вызванные этническими и религиозными противоречиями, вмешательством крупных держав, прежде всего США, во внутренние дела других государств. Ситуация, как и прежде, продолжала оставаться нестабильной. Главным в отношениях между странами стала не идеология, а экономика. Богатые страны, считал бывший заместитель начальника штаба индийских военно-морских сил Сурен Говил, прибегали к новым, беспринципным методам для сохранения своего превосходства и высокого уровня жизни своих граждан¹⁵³⁵.

Анализируя события, связанные с первой войной в Ираке в 1991 г., индийский политический обозреватель С. Муралидхаран писал: «Бо-

лее серьезная озабоченность [Запада] состоит в том, чтобы защитить его претензии на финансовые ресурсы арабского мира. Они являются жизненно важными для гарантирования политической стабильности США и Великобритании, которая сегодня безвозвратно и явно ухудшается и нуждается в постоянном возобновлении этих ресурсов»¹⁵³⁶.

Профессор Бомбейского университета Нилуфер Бхагват отмечал, что еще до начала второй войны США и их союзников по НАТО в Ираке в 2001 г. президентом США Бушем и вице-президентом Чейни была создана так называемая Энергетическая силовая группа (Energy Task Force), в которую входили крупнейшие энергетические и нефтяные корпорации Америки. Она несла ответственность за решение оккупировать Ирак. Перед войной в американской и западной печати сообщалось о контрактах на реконструкцию нефтяных трубопроводов и терминалов в Ираке на сумму в 7 млрд. долл. Контракты секретно предоставлялись министерством обороны США «нужным» корпорациям без объявления тендера¹⁵³⁷.

Анализ индийскими геополитиками политических, экономических и военных аспектов войн в Ираке, Югославии и других регионах так или иначе учитывался руководством страны при выработке современной военно-политической стратегии и в строительстве вооруженных сил.

После подписания соглашения с США о сотрудничестве в мирном использовании ядерной энергии (июль 2005 г. и март 2006 г.) и принятия в США закона о сотрудничестве в этой сфере (декабрь 2006 г.) Индия существенным образом модифицировала свою внешнюю стратегию. Руководители Индии заявляли, что окончание холодной войны «освободило» страну, предоставив ей возможность одновременно углублять отношения со всеми главными центрами силы. Индия перестала быть «связанной» парадигмой холодной войны, когда хорошие отношения с одной державой вели к негативным последствиям в отношениях с ее противниками. Индия исходила из того, что в XXI в. ни одна из великих держав не преследовала своей целью эксклюзивное сотрудничество с другими державами. «Впервые в истории независимой Индии, – заявил министр иностранных дел страны Пранаб Мукерджи, – страна находится на восходящем витке улучшения отношений со всеми великими державами»¹⁵³⁸.

Вместе с тем Индия полагала, что, несмотря на все достижения во внешней политике, в ее отношениях с США, Китаем, Россией, Японией и Европейским Союзом далеко не полностью использовался весь имевшийся потенциал. Индия должна была стремиться к тому, чтобы придать реальное политическое содержание стратегическому партнерству, которое она установила со всеми крупными

державами. И еще один новый важный момент. Индийское руководство считало, что некоторые развивающиеся страны, особенно Китай и Индия, были готовы отказаться от идейной парадигмы прошлого – развитые страны против развивающихся стран, Север против Юга, Запад против Востока. Глобализация начала усиливать процесс перераспределения сил в международной системе. Подъем Китая и Индии привел не только к возрождению Азии. Последствия их быстрого роста ощущались в Африке и Латинской Америке. Поэтому индийское руководство ставило задачу перед политическими и военными стратегами изменить сам характер их мышления с учетом растущего влияния и более активной роли Индии в мировых делах¹⁵³⁹.

Такие заявления политического руководства Индии были частью не только дипломатических и пропагандистских, но и военно-стратегических усилий, направленных на утверждение в индийском и мировом общественном мнении нового облика Индии как растущей политической, экономической и военной державы. Индия придавала большое значение усилению своей военной, в том числе ядерной, мощи, которая соответствовала бы статусу великой державы.

Индийцы считали, что, несмотря на высокий уровень взаимозависимости стран, центром международной системы остаются национальные государства, а сама международная безопасность остается подчиненной силе и власти ведущих национальных держав. Национальные интересы преобладают над международными, а мощные державы используют их для прикрытия агрессивных действий в своих целях. Отсюда вывод для индийских политиков: они должны целиком и полностью сосредоточиться на защите национальных интересов, а не поддаваться прежним пустым моралистским доводам. Реальность состоит в том, что сила и власть являются сердцевинной международных отношений и останутся таковыми в будущем. Именно мощные государства устанавливали международные правила, которые обеспечивали подчинение более слабых стран.

Индия придавала особое значение вопросам своей энергетической безопасности. В этой связи она уделяла большое внимание региону Индийского океана с прибрежными государствами. Через Индийский океан транспортировалась большая доля всей мировой добычи нефти. Индия была заинтересована в использовании части этих ресурсов для своих энергетических потребностей. Вместе с тем все это вызывало ее озабоченность с точки зрения как безопасности, так и экологии. Вооруженные силы Индии были вынуждены отвечать на эти вызовы повышенным уровнем их готовности и способностью реагировать на непредвиденные обстоятельства¹⁵⁴⁰.

Индия учитывала большое влияние Китая как одного из главных импортеров энергоресурсов на переменчивый энергетический рынок. Заметное воздействие на региональную и глобальную безопасность и стратегическую обстановку, по мнению Индии, оказывала Россия как крупный поставщик нефти и газа, которая также стремилась защитить свои интересы в Центральной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке.

По мнению руководства Индии, растущие экономические, политические и военные возможности страны и ее авторитет как ответственной державы, в том числе в ядерных вопросах, способствовали укреплению ее связей с глобальным сообществом, включая сферу обороны.

Индийцы подчеркивали, что, хотя в индийско-китайских отношениях наблюдалась позитивная динамика, обеим сторонам следовало бы более активно решать мирными способами имеющиеся проблемы, включая пограничный вопрос. Индия внимательно следила за военной модернизацией Китая, за быстрым ростом его военного бюджета, а также за развитием инфраструктуры в районе китайско-индийской границы. Ее озабоченность вызывало и тесное оборонное сотрудничество между Китаем и Пакистаном, включая сотрудничество в ядерной и ракетной сферах.

Индия о роли вооруженных сил в мировой политике

Революция в информационных и военных технологиях усилила их роль в новых вооружениях, в изменении природы и целей ведения военных действий. Индийско-пакистанский вооруженный конфликт в Каргиле в 1999 г., по существу ограниченная война, рассматривался некоторыми индийскими военными экспертами как своеобразная модель конфликтов в регионе на обозримое будущее, в которых могли использоваться высокие военные технологии и вооружения.

Индийские специалисты в области обороны считали, что к применению военных средств можно прибегнуть только после того, как использованы все экономические, политические и иные невоенные рычаги воздействия. Политика будет в будущем лидировать по отношению к экономике, пишет индийский эксперт по вопросам безопасности Бхарма Челлани. Поскольку военная мощь занимает центральное место в международных отношениях, она способствует достижению экономических преимуществ. По существу, процветание и военная мощь тесно взаимосвязаны, и каждая из этих составляющих обслуживает другую¹⁵⁴¹. В этой связи он приводит интересный пример. Бывший министр обороны США в администрации президента Б.

Клинтон Уильям Коэн во время визита в компанию Microsoft заявил: «Я хочу отметить, что процветание, которого сейчас достигли такие компании, как Microsoft, не могло бы случиться, не будь у нас столь мощных вооруженных сил». Развивая эту тему, Челлани пишет, что победа США в холодной войне была тесно связана с военной мощью, поскольку произошла в эпоху уменьшающейся экономической конкурентоспособности Америки. США стали использовать политику жесткого давления для достижения преимуществ в торговле благодаря своей превосходящей военной мощи. В политически однополюсном, но экономически многополюсном мире Америка стремилась остаться единственной сверхдержавой, используя свое военное преимущество¹⁵⁴².

Индийские эксперты по стратегическому планированию исходили из того, что военная мощь гарантировала экономическое развитие. Это подтверждалось тем фактом, что все крупные экономики мира находились под защитой их независимых «ядерных зонтиков». Военная мощь обслуживала политические и экономические цели, в том числе и такие, как доступ к иностранным рынкам. В этом контексте индийцы указывали на действия США в Ираке, которые обеспечивали им доступ к дешевой нефти и возможность экспортировать вооружения в страны Персидского залива. Индийцы также помнили не столь давнее колониальное прошлое их страны. Колониализм был классическим примером использования военной силы для экономической эксплуатации Индии. Особое значение индийские военно-стратегические эксперты придавали опыту НАТО во главе с США в Югославии в 1999 г. – по существу, вмешательству иностранных войск во внутренний этнический конфликт. За 78 дней воздушной войны на Югославию было совершено 34 тыс. авиавылетов и сброшено 22 тыс. бомб. При этом не пострадал ни один американский или натовский военный. Югославский вооруженный конфликт продемонстрировал превосходящую мощь США и военную стратегическую зависимость Европы от них. Главный урок этой операции состоял в том, что единственным ответом на политику «сила всегда права», основанную на высоких технологиях и дистанционном управлении обычными вооружениями, является обладание ракетно-ядерными сдерживающими силами. Победа НАТО в Югославии с использованием высокоточного оружия, в том числе крылатых ракет и управляемых авиационных бомб, создала опасный прецедент. Поэтому Индии в условиях революционных изменений в вооружениях необходимо иметь надежное минимальное ядерное сдерживание¹⁵⁴³. В геостратегическом плане Индия расположена в таком регионе, безопасность которого связана со всеми другими регионами Азии. По мнению бывшего министра иностранных дел Индии Яш-

ванта Синхи, азиатская безопасность могла быть представлена в виде концентрических кругов, состоящих из Западной Азии, Центральной Азии, Южной Азии, Юго-Восточной Азии и Северо-Восточной Азии. Индия была частью всех кругов, и каждый из этих регионов влиял на ее безопасность. Поэтому Индия должна играть активную роль в обеспечении безопасности в Азии в сотрудничестве с другими азиатскими странами¹⁵⁴⁴.

Как полагали индийские специалисты-международники, Индия находилась в сфере интересов крупных держав. На Севере ей приходилось учитывать растущую мощь Китая, с которым у нее самая протяженная граница. На Западе и Востоке она должна была уделять много внимания соседям, которых поддерживали США и тот же Китай. Западная Азия, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия и Индийский океан представляли обширный регион, в котором сталкивались интересы великих держав. Отсюда вывод: Индия будет испытывать трудности и находиться под постоянным давлением внешних сил до тех пор, пока она не станет крупным игроком на мировой сцене¹⁵⁴⁵.

Индийские военные стратеги считали, что в XX в. оружие массового поражения (ОМП) играло большую роль в военных действиях. В Корее, Вьетнаме и других регионах были использованы разные виды ОМП. Индийцы подчеркивали, что мышление категориями оружия массового поражения продолжало оставаться в стратегических доктринах развитых стран. Такие понятия, как «побочный ущерб» появились во время войны Америки в 1999 г. против Югославии. На встрече глав государств и правительств – участников НАТО в Вашингтоне 23–24 апреля 1999 г. НАТО изменила ключевой элемент своей доктрины, который был включен в нее, когда еще существовал Советский Союз. Она исключила из доктрины следующий пункт: «Организация (НАТО) является чисто оборонительной в своих целях: никакое ее оружие не будет использовано, кроме как в целях обороны». Таким образом, НАТО из оборонной организации превратилась в наступательную. Индийцы особо отмечали и то, что НАТО заявила о расширении своей роли за пределами Северной Атлантики. После победы в Югославии президент США Клинтон провозгласил: «Северо-Атлантический альянс может вмешиваться в других местах в Европе и Африке для борьбы с репрессиями. Мы можем это сделать завтра, если это будет необходимо»¹⁵⁴⁶.

Некоторые индийские эксперты полагали, что Америка как «суперимперия» не была заинтересована в соблюдении каких-либо правил и не признавала никаких сдержек ее вооруженной мощи. США не имели близкого по мощи контрагента и потому так «гневались» при любом свидетельстве об усилении России¹⁵⁴⁷. Впрочем, мысль

о том, что применение силы должно быть ограничено правилами, высказывали и некоторые американские исследователи, в частности Гарольд Джеймс, профессор истории и международных отношений в Принстонском университете, США¹⁵⁴⁸.

Индийцы указывали и на то, что США продавали Китаю суперкомпьютеры новых поколений и технологии глобальной системы позиционирования, но в течение почти четверти века ужесточали свой контроль над экспортом высоких технологий в Индию. Вместе с тем с начала XXI в. Индия активно наращивала свои связи с США во всех сферах, в том числе и в области военного и военно-технического сотрудничества. Прорывным в этом отношении стало подписание 10 октября 2008 г. соглашения о сотрудничестве Индии и США в мирном использовании ядерной энергии. Оно, с одной стороны, открывало новые возможности для развития индийской мирной атомной энергетики, а с другой – улучшало для Индии перспективы дальнейшего развития оборонного ядерного потенциала¹⁵⁴⁹.

Высокие технологии играли все большую роль в геополитике. Индийские специалисты внимательно следили за опытом современных военных действий, особенно за США, которые использовали их для испытаний нового высокотехнологичного оружия (например, крылатые ракеты «Томагавк» во время войны в Ираке в 1991 г.). Отдельные индийские геополитики отмечали, что структура обычных вооружений Индии практически не менялась в течение более четверти века и становилась все более неадекватной в условиях технологической революции в военной сфере. Так, Б. Челлани писал, что поскольку Индия являлась де-факто ядерным государством, она должна развивать менее громоздкие и более эффективные вооруженные силы. Индия должна создавать военную промышленность, которая ставила бы в центр национальной обороны ракетно-ядерные силы. Единственным оборонным щитом против военных машин крупных держав должны быть именно ядерные и ракетные войска. Индия сможет предотвратить повторение югославского опыта в отношении себя, если она создаст межконтинентальные баллистические ракеты. Иммунитет против высокотехнологичного нападения может быть только в том случае, если подвергнувшаяся агрессии страна может нанести удар по стране-агрессору. И если Индия хочет достичь настоящей стратегической автономии, свободной от внешнего давления, и стать глобальным игроком, она должна вооружаться межконтинентальными баллистическими ракетами – символами силы и наказания в международных отношениях¹⁵⁵⁰.

Ряд индийских обозревателей привлекал внимание к тому, что контроль над вооружениями используется великими державами для

их собственных целей (сами индийцы часто избегали называть пять стран – постоянных членов СБ ООН «великими державами», предпочитая использовать для их обозначения термин «крупные» страны). Все великие державы обеспечивали свою безопасность оружием массового поражения. В случае с США мощное ядерное сдерживание является очень важным для поддержания преобладающей военной силы. В соответствии с ядерной доктриной США, их ответ на любую атаку по их жизненным интересам должен быть «сокрушительным и ошеломляющим». Вместе с тем США придерживались мнения, что реальное ядерное разоружение станет возможным только в том случае, когда, по словам бывшего министра обороны США Коэна, «новые технологии произведут новое мощное неядерное сдерживание в неопределенном будущем»¹⁵⁵¹.

Ответ Китая на развитие американских ракетно-ядерных систем, в том числе систем театра военных действий, вызывал озабоченность у Индии. Осуществляя на практике политику ракетного распространения, особенно в Пакистане, Китай не только ставил под вопрос право США размещать ядерные вооружения там, где им угодно, но и угрожал безопасности Индии.

Индийское военное строительство

В строительстве вооруженных сил независимая Индия прошла через несколько важных этапов. Первый из них продолжался с 1947 г. по 1962 г., когда страна подверглась нападению Китая и потерпела поражение в войне с ним. В течение этих 15 лет Индия в своей внешней политике учитывала ослабление позиций Великобритании в мире, наращивание влияния США в Азиатском регионе, особенно их крупную военную помощь Пакистану, который вошел в состав военных блоков СЕАТО (1954 г.) и СЕНТО (1955 г.), а также постоянный кризис в отношениях Индии с Пакистаном из-за Кашмира. Начиная с визита Джавахарлала Неру в СССР в 1955 г. и ответного визита Н.С. Хрущева в Индию в том же году, стало интенсивно развиваться военно-политическое сотрудничество между обеими странами.

Свое военное строительство Индия начинала не с нуля. За годы Второй мировой войны в колониальной Индии была создана основа для последующего развития вооруженных сил, в том числе и кадры военных, хотя и не столь многочисленные. До начала 1960-х годов Индия получила из Великобритании несколько больших кораблей (авианосец, крейсера, эсминцы, фрегаты и др.). Решающим фактором наращивания вооружений в Индии стали массивные постав-

ки оружия Америкой Пакистану с середины 1950-х годов. С этого же времени начались первые поставки в Индию техники двойного назначения из Советского Союза (транспортные самолеты и вертолеты, а также танки, бронетранспортеры и стрелковое оружие)¹⁵⁵².

В 1962 г. Индия приняла решение о приобретении за рубежом современного истребителя. Выбор был между Великобританией, Францией, США и СССР. Индия сделала его в пользу Советского Союза. Был подписан контракт на поставки МиГ-21 и лицензирование его производства в Индии. Такое решение со стороны Индии было, по существу, вынужденным, поскольку Запад отказывался предоставлять технологии для производства боевого самолета в Индии. Кроме того, цена, предложенная Советским Союзом, была значительно ниже. СССР пошел на этот шаг для противодействия стремлению США укрепиться в Южной Азии, а также из-за обострения его отношений с Китаем в то время. Поставки МиГ-21 стали началом масштабного советско-индийского военно-технического сотрудничества¹⁵⁵³.

Новый этап в военном строительстве Индии был связан с обострением отношений с КНР. До начала войны с Китаем внимание правительства Неру было поглощено решением острых проблем, стоявших перед Индией (голод, безработица, неграмотность, необходимость укрепления единства страны), и не уделяло достаточного внимания развитию вооруженных сил. Перед этой войной расходы на оборону составляли лишь 1,7% ВВП, но уже через два года они выросли до 3,8% ВВП. В 1964 г. был разработан план развития обороны с учетом военной помощи СССР. С этого же года МиГ-21 стал собираться на индийских заводах, в том числе из компонентов, изготовленных в Индии. К 1972 г. ВВС страны получили этот самолет, уже полностью произведенный в Индии. К этому же времени были реализованы контракты на поставку из СССР другой военной техники (танков и артиллерийских орудий).

Но Индия продолжала развивать ВТС и со странами Запада, прежде всего с Великобританией (например, производство лицензионного танка «Виджаянта»). Война между Индией и Пакистаном в 1965 г. подтолкнула обе страны к дальнейшей активизации военного строительства, приобретению и производству современных вооружений. Здесь Индия оказалась в более благоприятной ситуации. Во время индийско-пакистанского вооруженного конфликта США отказались поставлять оружие какой-либо из сторон. Советскому Союзу удалось сыграть положительную роль в разрешении этого конфликта на Ташкентской встрече в январе 1966 г. премьер-министра Индии Л.Б. Шастри и президента Пакистана Айюб Хана

при содействии А.Н. Косыгина¹⁵⁵⁴. С этого времени СССР стал главным поставщиком вооружений в Индию, в то время как Пакистан переориентировался в этом вопросе на Китай вместо Америки.

С 1964 г. Индия стала приобретать современные военные корабли у Советского Союза. К 1970 г. она получила 20 боевых кораблей, в том числе с управляемым ракетным оружием. В эти же годы СССР поставил Индии четыре подводных лодки. Тогда же Индия приобрела у Великобритании лицензию на постройку фрегатов типа «Линдер» (в Индии – название «Нильгири»). К 1971 г., когда началась новая индийско-пакистанская война, в составе ВМС Индии было 60 кораблей, в том числе один авианосец, два крейсера, три эсминец, 14 фрегатов и четыре подводные лодки¹⁵⁵⁵.

Победа Индии в войне с Пакистаном в 1971 г., которая привела к вовлечению в это противостояние США и СССР, способствовала развитию индийско-советского военно-технического сотрудничества. События в Афганистане с конца 1970-х годов и участие в них советских войск придали новое «дыхание» гонке вооружений в Южной Азии. США начали оказывать большую поддержку Пакистану в укреплении его вооруженных сил. Реализация соглашения 1981 г. между США и Пакистаном о военно-экономической помощи общим объемом 3,2 млрд. долл. способствовала вооружению Пакистана современным оружием – танками, бронетранспортерами, гаубицами, вертолетами. В программу американской помощи Пакистану (при финансировании со стороны Саудовской Аравии) вошла также поставка с 1983 г. 40 самолетов F-16 на сумму более 1,1 млрд. долл.¹⁵⁵⁶

Реагируя на это, премьер-министр Индии И. Ганди заявила в 1982 г.: «...за последние несколько лет Пакистан более чем удвоил свою обороноспособность, а нам до этого еще очень далеко... Пакистан определенно извлек максимальную выгоду из советского присутствия в Афганистане», которое, по ее мнению, не является началом «холодной войны», поскольку иностранное присутствие в Индийском океане (прозрачный намек на США) не только в количественном, но и в качественном плане, имея в виду ядерное оружие и др., намного сильнее¹⁵⁵⁷. В вооружении Пакистана большую роль в этот период, помимо США, играли Франция и Великобритания. Заметное место в поставках танков, самолетов и кораблей Пакистану принадлежало Китаю¹⁵⁵⁸.

В свою очередь, Индия наращивала вооруженные силы как за счет собственных усилий, так и военных поставок из-за рубежа. Основная часть таких поставок пришлась на Советский Союз. В 1980 г. Индия приобрела 20 МиГ-23 и лицензию на их сборку. В 1986–1987 гг. в Индию были поставлены 48 МиГ-29, большое количество военно-

транспортных самолетов, зенитно-ракетных комплексов и т.п. Вместе с тем Индия старалась диверсифицировать закупки вооружений, а также налаживать производство их своими силами. Так, с 1982 г. по 1986 г. из Франции было поставлено 50 истребителей «Мираж-2000», а еще раньше – истребители «Ягуар» из Великобритании. В 1986 г. началась поставка более 400 гаубиц из Швеции¹⁵⁵⁹. Предпринимались попытки наладить военно-техническое сотрудничество и с США. Однако Америка не пошла на какое-либо заметное его расширение. Более того, она отказалась поставить Индии суперкомпьютер, подозревая индийцев в намерении использовать его для создания ядерного оружия (в 1974 г. Индия провела ядерные испытания, заявив, что она сделала это в мирных целях). В ответ на это индийцы через несколько лет создали свой мощный компьютер «Парам – 10 000».

С 1985 г. в соответствии с очередным планом развития обороны Индии предусматривалась модернизация вооруженных сил и расширение собственного производства оружия и вооружений в целях сокращения зависимости от импорта. Это было продолжением политики, сформулированной в начале 1980-х годов И. Ганди. Она говорила о необходимости диверсификации источников закупок Индией военной техники с предоставлением технологий. Цель Индии – опора на собственные силы в производстве вооружений¹⁵⁶⁰.

Структура и состав вооруженных сил Индии

По численности вооруженных сил (ВС) и их качественному составу Индия входит в пятерку мировых держав. Деятельность ВС Индии и военное строительство определялись целями и задачами, которые ставило перед ними политическое руководство страны. К концу 1980-х годов индийские вооруженные силы по количественным и качественным характеристикам вышли на уровень ведущих стран мира, уступая только США, СССР и Китаю.

В начале XXI в. вооруженные силы Индии насчитывали 1 300 тыс. солдат и офицеров (третье место после КНР и США). В сухопутных войсках (СВ) было 1 100 тыс. военнослужащих. На вооружении СВ Индии имелось 3400 танков, 2500 единиц легкой бронетехники, 3460 артиллерийских орудий, 180 самоходных гаубиц, 150 реактивных систем залпового огня, 2500 различных зенитных комплексов, 300 вертолетов армейской авиации. СВ также располагали 15 пусковыми установками и 75 оперативно-тактическими ракетами «Притхви» класса «земля–земля». Штаб сухопутных сил Индии располагался

в Нью-Дели. Система управления СВ осуществлялась через пять тактических командований, созданных по региональному принципу: 1. Центральное командование со штабом в Лакхнау (штат Уттар-Прадеш); 2. Восточное командование со штабом в Колкате (штат Западная Бенгалия); 3. Северное командование со штабом в Удхампуре (штат Джамму и Кашмир); 4. Западное командование со штабом в Чандигархе (штат Пенджаб); 5. Южное командование со штабом в Пуне (штат Махараштра).

В ВВС Индии в начале XXI в. имелось около 800 боевых самолетов, в основном советского/российского производства, а также 46 французских «Миражей-2000» и 100 английских «Ягуаров», более 150 учебно-тренировочных самолетов. В ВВС насчитывалось также 230 военно-транспортных самолетов и около 190 вертолетов, 62 разведывательных самолета. Численность ВВС составляла 130 тыс. человек (включая гражданский персонал). В зоне ответственности каждого командования ВВС были размещены авиационные базы и подразделения базовой поддержки, ракетные системы «земля–воздух», радары и иное оборудование. Штаб ВВС располагался в Нью-Дели. Ему подчинялись семь командований: 1. Западное командование (штаб в Нью-Дели); 2. Юго-западное командование со штабом в Гандинагаре (штат Гуджарат); 3. Центральное командование со штабом в Аллахабаде (штат Уттар-Прадеш); 4. Восточное командование со штабом в Шиллонге (штат Мегхалая); 5. Южное командование со штабом в Тривандруме (штат Керала); 6. Командование материально-техническим обеспечением ВВС со штабом в Нагпуре (штат Махараштра); 7. Учебное командование со штабом в Бангалоре (штат Карнатак).

Индийские ВМС в начале XXI в. имели в своем составе 155 боевых кораблей. Среди них: один авианосец, 8 эминцев, 16 фрегатов, 16 подводных лодок, 19 корветов, а также другие корабли. В рамках ВМС действовали войска береговой охраны (ВБО) для защиты национальных интересов в эксклюзивной морской зоне Индии (около 2 млн. кв. км). В зоне ответственности ВБО находится 7 500 км береговой линии и почти 1200 индийских островов. Численность ВМС составляла около 55 тыс. человек. ВМС были организованы в три региональных командования: Западное командование со штабом в Мумбае (штат Махараштра); Восточное командование со штабом в Висакхапатнаме (штат Андхра-Прадеш); Южное командование со штабом в Кочине (штат Керала)¹⁵⁶¹.

Индия располагала большим числом носителей ядерного оружия. Это боевые самолеты: МиГ-27, СУ-30 МКИ, «Мираж-2000», «Ягуар», а также различные типы ракет. В соответствии с програм-

мой ракетостроения, принятой в 1983 г., Индия поставила на вооружение ракету «Притхви» в разных модификациях (для сухопутных войск, ВВС и ВМС) с дальностью пуска от 150 до 250 км. Совместно с Россией была разработана и производилась сверхзвуковая противокорабельная ракета «БраМос» для морского и воздушного базирования (дальность до 300 км). В 2002 г. были проведены испытания ракеты на жидком топливе «Агни-1» (700 км) и «Агни-2» (2000 км), способные нести ядерные боеголовки. Ракеты этого класса развертывались в войсках. Велись испытания твердотопливной ракеты «Агни-3» с дальностью полета до 3500 км. Осуществлялись разработки более мощных ракет «Агни-4» и «Агни-5» с дальностью стрельбы до 5000 км. Проводились испытания ракет-перехватчиков¹⁵⁶².

Все эти и другие, меньшей дальности, ракеты были разработаны и производились в основном собственными силами на национальной базе с использованием большинства индийских комплектующих. Отметим, что еще в 1980 г. Индия вывела на околоземную орбиту искусственный спутник с помощью своей ракеты. В январе 2007 г. в Индии был проведен эксперимент по возвращению из космоса спутника, находившегося на орбите Земли. Запущенный с помощью индийской ракеты спутник (550 кг) приводнился в Бенгальском заливе. Индийская организация космических исследований заявила, что успешное испытание технологий по возвращению спутников на Землю стало важным началом индийской программы по отправке человека в космос в ближайшие годы¹⁵⁶³.

Очередным важным шагом в развитии ракетных технологий в Индии стал успешный запуск в октябре 2008 г. управляемого с Земли космического корабля Чандраян-1 (Лунника) на лунную орбиту. Затем с этого корабля был осуществлен спуск на Луну спутника для исследования ее поверхности. Таким образом, Индия стала пятой страной, космический корабль которой достиг Луны, после СССР, США, Японии и Китая, а также Европейского космического агентства, представлявшего консорциум из 17 стран¹⁵⁶⁴.

Поскольку Индия обращала особое внимание на развитие вооруженных сил Китая, представляли интерес оценки военного потенциала обеих стран Академией военных наук КНР. Ее выводы: Китай имел некоторое превосходство в вооруженных силах над Индией, но оно не велико; Китай уступал Индии в военно-морской мощи (у Индии был авианосец); Китай сильнее Индии по ракетам дальнего радиуса действий; Китай слабее Индии в вопросах высоких военных технологий¹⁵⁶⁵.

Вместе с тем Индия существенно уступала Китаю в развитии ракетно-ядерных сил¹⁵⁶⁶. По некоторым оценкам, в течение 10–15 лет

Китай может иметь 100–150 межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися ядерными боеголовками, 3–4 атомные подводные лодки. Общее число ядерных боезарядов может составить от 500 до 900¹⁵⁶⁷.

Военно-техническое сотрудничество Индии с Россией и другими странами

Основным партнером Индии в ВТС до 1990-х годов был Советский Союз. Более половины вооружений в индийских вооруженных силах составляла советская военная техника, по некоторым оценкам, в сухопутных силах – на 60%, ВВС – на 70%, ВМФ – до 80%¹⁵⁶⁸. После распада Советского Союза возможности России в удовлетворении индийских запросов в вооружениях существенно уменьшились.

Вакуум в поставке военных технологий и вооружений не мог оставаться долгим. Индия стала все больше разворачиваться на Запад в стремлении модернизировать свои вооруженные силы. Среди самых крупных партнеров в области обороны Индия выделяла Францию, Израиль, Россию, Южную Африку, Великобританию и США. (В таком порядке они перечислялись в ежегодном докладе министерства обороны Индии за 2006 г.)¹⁵⁶⁹ Индия заметно активизировала военно-техническое сотрудничество с США и особенно с их союзником – Израилем.

С согласия США из Израиля в Индию были поставлены системы раннего предупреждения «Фалькон», противоракетные системы «Барак». Предполагалось сотрудничество в строительстве подводных лодок, совместные усилия по созданию беспилотных летательных аппаратов «Searcher-2», «Heron» (часть этих вооружений была поставлена в Индию). Израиль стал вторым после России крупнейшим поставщиком вооружений и военной техники в Индию. В 2004 г. его продажи оружия этой стране достигли 1,5 млрд. долл. (в 1998 г. они составляли только 250 млн. долл.) При этом Израиль поставлял главным образом высокотехнологичные виды вооружений и военной техники. Израиль также оказывал помощь в подготовке индийских военных для ведения контртеррористической борьбы, в создании электронного ограждения на индийско-пакистанской границе и в восточном секторе Индии для предотвращения потока незаконных эмигрантов из Бангладеш. В индийской прессе упоминалось и сотрудничество между Индией и Израилем во время индийско-пакистанского вооруженного конфликта в Каргиле в 1999 г.

В 2007 г. министерство обороны Индии рассматривало возможность реализации 18 проектов военно-технического сотрудничества с Израилем. Это касалось поставки в Индию разных видов вооружений, включая ракеты среднего радиуса действия, высокоточные управляемые ракеты и бомбы, крылатые ракеты, артиллерийские системы. Изучались также вопросы модернизации МиГ-21, МиГ-29 и т.д. У Израиля были шансы выйти в число ведущих поставщиков военной техники в Индию¹⁵⁷⁰.

По некоторым данным, в Индии прорабатывались вопросы закупок в США высокотехнологичных вооружений и оборудования, в том числе радаров, систем полетного контроля для легких боевых самолетов, а также запасных частей для вертолетов «Си Кинг», спасательных кораблей для подводных лодок, противокорабельных ракет, средств связи и разведки на суше, море и воздухе, вооружений с использованием лазерных технологий. Были намерения вести совместную с США разработку компьютерных программ в области обороны. Во время визита премьер-министра Индии Манмохана Сингха в США в ноябре 2009 г. он и президент США Барак Обама взяли на себя «обязательство продолжать взаимовыгодное оборонное сотрудничество»¹⁵⁷¹.

Развивалось военно-техническое сотрудничество Индии и с другими странами, в том числе с Францией и Великобританией.

После застоя в военно-техническом сотрудничестве с Индией в 1990-х годах Россия начала постепенно возвращать утраченные позиции, но уже в новых условиях, при заметно обострившейся конкуренции со стороны западных держав. В 2000 г. было подписано российско-индийское соглашение сроком на 10 лет, которое охватывало около 200 проектов, оцениваемых в 18 млрд. долл. В октябре 2007 г. Россия и Индия решили начать новую программу долговременного сотрудничества в военно-технической сфере. Она предусматривала новые стратегические отношения в ВТС, основанные на более тесном взаимодействии, включающем совместную разработку и производство высокотехнологичных вооружений, а также их поставку в третьи страны. Кроме того, было решено увеличить число и масштаб совместных военных маневров, а также программ по обучению военных специалистов на взаимной основе.

Среди подписанных ранее контрактов наиболее крупными были следующие. В 2000 г. было заключено соглашение на производство в Индии 40 истребителей СУ-30 МКИ (на сумму в 3,5 млрд. долл.). Предусматривалось, что к 2010 г. индийская компания Хиндустан Аэронотикс Ltd (HAL) сможет производить эти машины полностью из индийских комплектующих, а их выпуск будет завершен в 2014 г.

В 2001 г. была достигнута договоренность о поставке и производстве в Индии 310 танков Т-90С. Это можно было рассматривать как ответ Индии на поставки ранее в Пакистан 300 танков Т-80У из Украины. В 2007 г. был подписан контракт на поставку дополнительно 347 танков. Велись переговоры об аренде Индией у России атомной подводной лодки класса «Акула-2»¹⁵⁷².

В 2004 г. был подписан контракт на поставку в Индию тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Горшков», 16 истребителей корабельного базирования и 9 вертолетов противолодочной обороны для оснащения этого корабля, который проходил модернизацию в России и получил новое название «Викрамадитья». Имелось в виду, что этот корабль мог вступить в строй индийских ВМС в 2009–2010 гг. или несколько позже. В состав индийского флота должны были войти три фрегата, которые строились на российских верфях¹⁵⁷³.

Во время визита президента России В. Путина в Индию в январе 2007 г. были обсуждены крупные вопросы российско-индийского сотрудничества, в том числе и в военно-технической сфере. В этом контексте премьер-министр Индии Манмохан Сингх заявил, что, несмотря на огромные перемены в международных отношениях в течение последнего десятилетия, «Россия остается исключительно важной для стратегических интересов Индии»¹⁵⁷⁴. В ходе этого визита проводились переговоры по лицензированному производству в Индии МиГ-29 и совместной разработке и производству многоцелевого транспортно-боевого самолета. Обсуждались также вопросы создания многоцелевого истребителя пятого поколения на базе «Сухого». В октябре 2007 г. было достигнуто соглашение о совместной разработке и производстве такого самолета. По мнению министра обороны Индии А.К. Энтони, оно означало начало сотрудничества в новейших системах вооружений¹⁵⁷⁵.

Ранее была достигнута договоренность об использовании Индией российской навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС в мирных целях. Предполагалось, что Индия может принять участие в создании и запуске спутников для этой системы. Обсуждались также планы покупки Индией вертолетов и дальнейшего сотрудничества в совершенствовании сверхзвуковой крылатой ракеты совместного производства «БраМос» и возможной ее продажи третьим странам¹⁵⁷⁶. Россия участвовала в тендере на поставку Индии 126 многофункциональных фронтовых истребителей. Тендер был официально объявлен в августе 2007 г., но к концу 2010 г. этот вопрос еще не был решен. У России были серьезные конкуренты – США, Франция, Великобритания, ЕС и Швеция. От выбора Индией партнера по этой

крупной сделке во многом зависел характер ее военно-технического сотрудничества с Россией¹⁵⁷⁷.

В августе 2009 г. состоялся спуск на воду первой индийской атомной подводной лодки «Арихант» («Истребитель врагов»). Планировалось принять эту подлодку на вооружение индийских ВМС в 2011 г. Таким образом, Индия пополнит число стран, у которых есть такое мощное оружие. Это – США, Россия, Франция, Великобритания и Китай. На церемонии спуска на воду индийской АПЛ премьер-министр Манмохан Сингх заявил: «Мы вошли в список избранных государств, способных строить атомные подводные лодки». Он выразил «признательность российским друзьям за последовательное и бесценное сотрудничество, символизирующее наше тесное стратегическое партнерство с Россией». Как сообщалось в индийской прессе, «Арихант» будет вооружен 12 баллистическими ракетами, способными нести ядерные боеголовки на расстояние до 700 км, и со временем может быть оснащен ракетами дальностью до 3500 км¹⁵⁷⁸.

Как отмечалось, важные конструкторские разработки, технологии и компоненты атомного реактора на АПЛ «Арихант» были получены из России. Об этом свидетельствовал, в частности, тот факт, что на церемонии ее спуска на воду присутствовали 143 российских конструктора, инженера и консультанта¹⁵⁷⁹.

Развитие и совершенствование вооруженных сил рассматривалось Индией как важное условие укрепления ее позиций в мире на пути становления великой державы. Стратегическая линия Индии определялась ее крепкими отношениями с США, Японией, ЕС, нормализацией отношений с Китаем, стремлением поддерживать партнерские отношения с Россией, не попадая от нее в зависимость в военно-технической сфере, а также ситуацией в Южной Азии, особенно отношениями с Пакистаном.

Индия продолжала наращивать свое военное преимущество в отношении Пакистана. Тем не менее, ей приходилось уделять много внимания, в том числе и в военном аспекте, проблемным отношениям с этой страной, включая нерешенный кашмирский вопрос.

Как растущая глобальная держава Индия стремилась к достижению стратегического равенства в мощи вооруженных сил с Китаем. Однако для решения этой задачи требовалась долговременная мобилизация экономических и финансовых усилий.

Индия интенсивно развивала и совершенствовала свои вооруженные силы на основе передовых технологий. В первую очередь это касалось ядерных сил. Она стремилась удовлетворять свои запросы в вооружениях за счет собственных ресурсов. Однако ее ВПК не мог полностью обеспечить потребности страны в высокотехнологичном

оружии и вооружениях. Поэтому Индия продолжала масштабные закупки вооружений и военных технологий за рубежом. Вместе с тем она все больше отдавала предпочтение совместным с иностранными партнерами разработкам и производству военной техники. Индия проводила политику альтернативных закупок вооружений и военных технологий в разных странах. Поэтому конкуренция со стороны партнеров Индии по ВТС нарастала, что вело к сужению реальных возможностей России в этой области. И, тем не менее, российско-индийское военно-техническое сотрудничество оставалось важным элементом в оборонной политике Индии.

Во время визита премьер-министра Индии М. Сингха в Москву в декабре 2009 г. было подписано соглашение о программе ВТС на 2011–2020 гг. В соответствии с ней были предусмотрены поставки и послепродажное обслуживание российских вооружений для индийской армии на общую сумму в 10 млрд. долл., включая продажу 80 российских вертолетов Ми-17, совместную разработку ракеты класса «воздух–земля» БраМос для оснащения индийских истребителей-бомбардировщиков «Су» и совместное производство многоцелевого транспортного самолета. Обсуждались вопросы создания боевого самолета пятого поколения, совместные программы в области исследования космического пространства и Луны. Достигнута принципиальная договоренность о поставке в Индию авианесущего крейсера «Адмирал Горшков»¹⁵⁸⁰.

Во время визита премьер-министра РФ В. Путина в Индию 11–12 марта 2010 г. он заявил, что Индия без всяких преувеличений является стратегическим партнером России. Это прежде всего свидетельство почти полного совпадения наших геополитических интересов. Главная задача нынешнего этапа двусторонних отношений, сказал Путин, заключается в развитии того, что было наработано еще в советский период. Он напомнил, что при поддержке СССР была создана основа для экономического роста Индии. Со своей стороны, премьер-министр Индии Манмохан Сингх сказал, что Россия – доверительный и надежный партнер, значение которого со временем растет. В ходе визита был подписан дополнительный контракт на модернизацию крейсера «Адмирал Горшков» (окончательная стоимость всей сделки 2,3 млрд. долл.), который может быть поставлен Индии в конце 2012 г. Также были подписаны соглашение на поставку 29 палубных истребителей МиГ-29К, документ о создании СП по производству навигационного оборудования для приема сигнала российской системы ГЛОНАСС, соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях¹⁵⁸¹.

Глава 41 ПУТЬ ИНДИИ К ЯДЕРНОМУ СТАТУСУ

В своем отношении к вопросу о возможности создания ядерного оружия Индия прошла через несколько этапов. На первом из них, еще на стадии становления индийского независимого государства, не отрицалась возможность ядерного выбора для страны. В 1948 г. Джавахарлал Неру заявил, что если Индия «будет вынуждена», то она не остановится перед использованием атомной энергии в военных целях. Однако позже Индия утверждала, что не намерена и не будет производить ядерное оружие. Выступая в парламенте в апреле 1954 г., Неру сказал, что это оружие угрожает существованию человечества, и поэтому необходимо приложить все усилия для его запрещения и уничтожения. Неру выдвинул предложение запретить ядерные испытания¹⁵⁸². Это предложение было сделано вскоре после того, как США в марте 1954 г. произвели взрыв термоядерного устройства на атолле Бикини в Тихом океане.

Еще раньше, в июле 1946 г., Махатма Ганди осудил использование Америкой атомной бомбы в Японии в августе 1945 г. Он писал в этой связи: «Атомная бомба убила самые возвышенные чувства, которые помогали человечеству в течение веков. Прежде существовали так называемые законы войны, которые делали ее терпимой. Теперь нам известно лишь одно: война не знает других законов, кроме закона силы»¹⁵⁸³.

Индия начала развивать свою атомную промышленность уже с середины 1950-х годов. Она купила у Канады ядерный реактор для исследовательских целей. Тяжелая вода для его работы была поставлена из США. Индийская ядерная программа на ее начальном этапе и позже была непосредственно связана с событиями в Азии и на Южно-Азиатском субконтиненте. Среди них главное – поражение Индии в военном конфликте с Китаем в 1962 г., когда от нее были отторгнуты значительные территории на северо-востоке и северо-западе. А в 1964 г. Китай произвел испытание ядерного устройства. За этим последовало размещение китайского ядерного оружия в провинции Синьцзян и в Тибете. В то же самое время происходило наращивание военного сотрудничества между Китаем и Пакистаном.

Индийско-пакистанская война 1965 г. из-за Кашмира сыграла существенную роль в продвижении Индии к ядерному статусу. Ряд индийских экспертов считает, что именно в этот период премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри принял решение о начале военной ядерной программы. Впоследствии И. Ганди в письме президенту США Линдону Джонсону (1966 г.) достаточно определенно заявила, что китайская ядерная программа вынуждает Индию произвести свои ядерные испытания. В этой связи в меморандуме Совета по национальной безопасности США, направленном Джонсону в июне 1966 г., отмечалось: «Такое решение Индии может начать цепную реакцию распространения ядерного оружия. Это противоречило бы основным национальным интересам США»¹⁵⁸⁴.

В 1967 г. и 1968 г. США проводили активную работу по вовлечению Индии в число государств, готовых подписать Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Об этом свидетельствуют рассекреченные в июне 2008 г. документы Государственного департамента США. В одной из телеграмм посла США в Индии Честера Боулса сообщалось о целесообразности оказания влияния на Викрама Сарабхаи, председателя Атомной энергетической комиссии, который был одной из главных фигур, определявших позицию Индии по вопросу об участии в ДНЯО. В ней указывалось на требования, которые, по мнению Сарабхаи, должны быть внесены в текст ДНЯО для того, чтобы Индия смогла приступить к рассмотрению вопроса о подписании этого договора. Эти требования состояли в следующем: замораживание существовавших ядерных потенциалов ядерных держав; равноправие в отношении ядерных испытаний, означавшее, что все государства должны иметь равные права по подготовке и производству ядерных взрывов в мирных целях, или же все государства не должны этого делать; необходимость серьезных гарантий, которые обеспечивали бы недискриминационное применение этих гарантий всеми участниками ДНЯО¹⁵⁸⁵.

В документах госдепа США также сообщалось, что «занятая более насущными проблемами Индия может отложить решение по вопросу о ДНЯО на несколько лет». Однако политический и военный вызов коммунистического Китая может, по всей вероятности, привести к решению Индии присоединиться к «ядерному клубу». Указывалось и на то, что Пакистан располагает потенциальными возможностями произвести ядерные испытания, поскольку его политика привязана к политике Индии. США говорили Пакистану, что его имидж в мировом сообществе «существенно вырастет», если он подпишет ДНЯО, а Индия откажется сделать это. США также отме-

чали, что Пакистан всегда может выйти из этого договора, если Индия разработает ядерное оружие.

Со своей стороны, в индийском документе по планированию политики (1966 г.) отмечалось, что ядерная программа Китая «рассматривалась Индией как прямой удар по ее престижу и политической позиции, а также как потенциальная угроза ее безопасности». В документах госдепа США указывалось, что растущие ядерные возможности Китая, по всей вероятности, могут подтолкнуть Индию стать ядерной державой раньше, чем другие потенциальные ядерные государства. Это, в свою очередь, может придать импульс Пакистану ускорить шаги по обладанию ядерным оружием. «И хотя в настоящее время у него нет технических возможностей для развития военной ядерной программы, Пакистан, несомненно, будет стремиться получить их... В результате может произойти новое сближение Пакистана с Китаем»¹⁵⁸⁶.

В данных документах выражалось сожаление, что индийская политика неприсоединения препятствовала ее более тесным отношениям с США. Политическая основа для таких отношений «не существует в настоящее время и маловероятно, что она будет создана в ближайшие годы, если вообще это произойдет». В телеграмме посла Боулса от 12 декабря 1967 г. сообщалось, что Индия не приняла заверения США в том, что они обеспечат ее безопасность. Он писал, что премьер-министр Индира Ганди спросила, какой смысл имеют такие заверения для Индии. «Если американцы хотят прийти нам на помощь в случае нападения китайцев, то они сделают это, даже если мы не подпишем ДНЯО. А если они не захотят прийти нам на помощь, то они не сделают этого, даже если мы подпишем этот договор»¹⁵⁸⁷.

В 1968 г. 62 государства, включая три ядерных – США, СССР и Великобританию, подписали Договор о нераспространении ядерного оружия. В марте 1970 г. он вступил в действие. Две ядерные державы – Китай и Франция – не поставили свои подписи под ним. Индия и Пакистан также отказались присоединиться к Договору. К тому времени запасы ядерных боезарядов в США составили 26 000, а в СССР – 12 000. Таким образом, было накоплено такое количество ядерного оружия, которое могло полностью уничтожить жизнь на планете.

В мае 1974 г. Индия произвела испытание ядерного устройства в мирных целях, как было объявлено премьер-министром Индирой Ганди.

Со времени подписания Договора о нераспространении Индия много раз высказывалась по вопросу о всемирной ядерной угрозе, вносила свои предложения по контролю за ядерными вооружениями

и их ликвидации. Несмотря на определенные изменения в ее позиции, связанные с переменами в международной обстановке, за весь этот период отношение Индии к ядерным проблемам оставалось неизменным. Об этом свидетельствовало, в частности, заявление И. Ганди в ноябре 1982 г. «Сегодня, – сказала она, – стало не только возможным, но и вполне вероятным тотальное уничтожение человека на Земле с его исторической памятью, великими достижениями и устремленностью в будущее». По поводу отказа Индии подписать Договор о нераспространении ядерного оружия она подчеркнула, что он носит дискриминационный характер. Он дает возможность странам, обладающим ядерным оружием, наращивать его запасы, но не разрешает другим государствам даже эксперименты в целях мирного использования ядерной энергии. Это является проявлением неравенства и несправедливости¹⁵⁸⁸.

В 1988 г. Индия выступила с всеобъемлющей программой разоружения, включая уничтожение всех видов ядерного оружия до 2010 г. Программой предусматривалось подписание между США и СССР договора о сокращении на 50% стратегических наступательных вооружений, прекращение производства ядерного оружия, объявление всеобщего моратория на ядерные испытания. Вместо Договора о нераспространении предлагалось разработать и подписать в 1995 г., то есть в год истечения срока его действия, новый договор, согласно которому предусматривалось бы не только уничтожение запасов ядерного оружия, но и создание механизма по предотвращению перехода пороговых государств в ядерные¹⁵⁸⁹.

Несколько раньше, в 1986 г., Индия и СССР выступили с совместной «Делийской декларацией о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира», в которой предлагалось полностью уничтожить ядерные арсеналы до конца XX в., полностью запретить испытания ядерного оружия, его применение или угрозу применения. Однако она не нашла поддержки среди ядерных держав.

Пакистанская ядерная программа, как полагают многие эксперты, началась вскоре после поражения Пакистана в войне с Индией в 1971 г., когда в результате национально-освободительной борьбы из состава Пакистана вышла независимая Бангладеш. Создание с помощью Индии нового государства принципиально изменило соотношение сил в Южной Азии не в пользу Пакистана. Вместе с тем по-прежнему нерешенной оставалась кашмирская проблема. Крупным шагом, направленным на ее разрешение, стало подписанное в 1972 г. в Симле соглашение между Индирой Ганди и премьер-министром Пакистана Зульфикаром Али Бхутто. В соответствии с ним линия фактического раздела Кашмира на индийскую и пакистанскую части

получила официальное признание. Обе стороны взяли на себя обязательство решать все возникающие вопросы по кашмирскому урегулированию мирным путем на двусторонней основе.

Тем не менее, проблема окончательного урегулирования в Кашмире оставалась. И если Индию в целом удовлетворял статус-кво, то Пакистан явно не устраивала такая ситуация. Его претензии на населенную преимущественно мусульманами индийскую часть Кашмира по-прежнему оставались важной частью внешней и внутренней политики всех правительств Пакистана.

Решение о создании ядерного оружия было принято З.А. Бхутто в 1972 г. Оно стало реакцией на отход от Пакистана территории Бангладеш, а также пониманием того, что ослабленный Пакистан не в состоянии противостоять Индии с помощью обычных вооружений. После взрыва Индией ядерного устройства в 1974 г. Исламабад стал уделять первостепенное внимание ядерной программе. З.А. Бхутто говорил в то время, что пакистанцы будут «есть траву», но создадут ядерное оружие. Позже, находясь в камере смертника после военного переворота в стране, он писал: «Мои соотечественники хотели, чтобы я и мое правительство создали ядерную бомбу»¹⁵⁹⁰. В последующие годы руководство Пакистана неоднократно заявляло, что страна в состоянии произвести ядерное оружие, но не хочет этого. Речь шла о том, что при наличии политического решения Исламабад может создать такое оружие. Действительно, Пакистан разными способами получил от европейских и американских фирм технологию и оборудование для производства высокообогащенного урана. Большая помощь в развитии ядерной программы Пакистана была оказана Китаем.

По данным индийского эксперта по ядерным проблемам К. Субраманьяма, Пакистан стал обладать ядерным оружием в 1987 г. Некоторые обозреватели полагают, что это оружие было аналогичным китайской бомбе, испытанной в 1964 г. Поэтому Пакистану не было необходимости проводить свои испытания. Именно в 1987 г. пакистанский главный специалист по ядерному оружию Абдул Кадир Хан сообщил известному индийскому журналисту Кульдипу Наряру о том, что Пакистан располагает ядерной бомбой. В то же время работавший в Исламабаде сотрудник ЦРУ Ричард Барлоу доложил в Вашингтон, что Пакистан «собрал бомбу». В декабре 1992 г. бывший премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто в интервью американской телекомпании NBC заявила, что бомба была создана в ее бытность премьером, но без ее ведома. В свою очередь, пакистанский генерал Аслам Бег писал в декабре 1993 г., что бомба была создана в 1987 г. и Б. Бхутто знала об этом. И наконец, в августе 1994 г.

лидер оппозиции, а затем премьер-министр Наваз Шариф заявил, что его страна использует ядерную бомбу, если Индия попытается захватить пакистанскую часть Кашмира. Все эти годы директора ЦРУ неоднократно докладывали Конгрессу США, что Пакистан и Индия располагают возможностями создать ядерное оружие в короткое время¹⁵⁹¹.

Индийские испытания ядерного оружия в мае 1998 г. были проведены спустя 24 года после взрыва первого ядерного устройства. Возникает вопрос: почему Индии потребовалось почти четверть века, чтобы формально объявить себя ядерной державой, и что способствовало ее продвижению в этом направлении?

После первого испытания ядерного устройства в 1974 г. Индия проводила своеобразную политику сдерживания в развитии военной ядерной технологии. Причины этого были как внешние, так и внутренние. Сразу же после этого испытания США наложили на Индию санкции, постепенно прекратив поставку ядерного топлива для ее АЭС в Тарапуре. Канада, поддержанная рядом других стран, развернула широкую кампанию, обвинив Индию в использовании канадской технологии не для мирных целей, а для создания ядерной бомбы. Это вынудило Индию притормозить ядерную программу. Затем в 1977 г. к власти пришло правительство во главе с Морарджи Десаи – активным противником ядерного вооружения. В результате индийская ядерная программа была остановлена более чем на десятилетие. Она была возобновлена только два года спустя после того, как Индия самостоятельно спроектировала и построила в 1987 г. ядерный реактор мощностью 200 МВт. В последующие 5–6 лет индийские ученые разработали технологию производства ядерного оружия. Однако правительство Индии не принимало решения о его испытании¹⁵⁹².

Такой подход можно объяснить следующими причинами. В конце 1980-х годов произошло заметное улучшение отношений Индии с Китаем после визита премьер-министра Раджива Ганди в Пекин в декабре 1988 г. И наконец, в это время продолжал еще оставаться единым Советский Союз, с которым у Индии были традиционные дружественные отношения, закрепленные в Договоре о мире, дружбе и сотрудничестве 1971 г.

Международная ситуация и обстановка в Южно-Азиатском регионе стали принципиально меняться с начала 1990-х годов, что не могло не повлиять на изменение индийской позиции по ядерной проблеме. Распад Советского Союза в 1991 г. и последующая почти тотальная ориентация России на Запад потребовали от Индии выработки новых подходов к оценке ее безопасности.

Индия, занимавшая твердую позицию по вопросу о необходимости создания многополюсного мира на месте прежней системы двухполюсного мирового устройства, исходила из того, что она, возможно, уже в ближайшем будущем станет одним из главных игроков на мировой арене вместе с США, Китаем, Японией, Европейским Союзом и Россией. Действия США как единственной в мире сверхдержавы, претендующей на глобальное лидерство, естественно, в полной мере учитывались Индией с точки зрения ее национальных интересов и безопасности. Особенно это касалось политики США в Азиатском регионе и тем более в отношении соседних с Индией стран.

Часть политического класса Индии рассчитывала, что окончание холодной войны приведет к заметному оживлению отношений Индии с Америкой. Пришедшее к власти после выборов 1991 г. правительство Индии во главе с Нарасимха Рао стремилось укрепить отношения с США, учитывая новое соотношение сил в мире после распада СССР.

Поскольку главной озабоченностью Индии в это время была политика Пакистана, который, по ее мнению, не отказался от притязаний на Кашмир, Н. Рао предложил администрации США своеобразный компромисс: Индия проявит сдержанность в разработке оружия массового поражения и средств доставки, а Америка не будет вовлекаться в решение кашмирской проблемы. В результате Индия воздержалась от проведения испытаний ядерного оружия и приостановила разработку и размещение ракет *Агни* и *Притхви*. После некоторых колебаний администрация президента Клинтона приняла решение, что кашмирская проблема должна быть решена Индией и Пакистаном на двусторонней основе с учетом пожеланий народа Кашмира. Эти договоренности привели к заметному улучшению отношений между Индией и США¹⁵⁹³.

Вместе с тем, как пишет индийский обозреватель Прем Шанкар Джха, деятельность Америки на других направлениях оказала отрицательное воздействие на индийско-пакистанские отношения и «усилила изоляцию» Индии. Прежде всего, это была проводимая с 1996 г. «агрессивная линия США» по вовлечению Китая в мировые торговые отношения». Результатом стало расширение деловой активности американских компаний и рост их капиталовложений в этой стране. В Китай хлынул поток наукоемких технологий, в том числе суперкомпьютеров, атомных электростанций, спутниковых компонентов и т.п. В то же время США налагали запрет на продажу подобных же технологий в Индию. В результате баланс сил между Китаем и Индией стал меняться не в пользу последней¹⁵⁹⁴.

Индийцы не утверждали, что Китай непосредственно угрожает безопасности Индии. Но нерешенность пограничной проблемы с 1962 г. продолжала оставаться фактором напряженности в индийско-китайских отношениях. Время от времени эта тема всплывала в дискуссиях по этому вопросу. Индийцы заявляли, что Китай удерживает 40 тыс. квадратных километров индийской территории в Кашмире. Китайцы, в свою очередь, предъявляли претензии на широкую полосу территории в индийском штате Аруначал Прадеш. Индия не упускала из виду и наращивание военной мощи Китая, включая его ядерные вооружения¹⁵⁹⁵.

1995 г. стал для Индии решающим в продвижении ее к ядерному статусу. В связи с истечением 25-летнего срока Договора о нераспространении ядерного оружия, который Индия все время отказывалась подписывать, считая его дискриминационным, в апреле-мае того же года в Нью-Йорке была проведена конференция, на которой было принято решение о бессрочном и безусловном продлении этого Договора.

В соответствии с продленным Договором, пять держав – США, Россия, Китай, Великобритания и Франция – продолжали сохранять ядерное оружие, а остальные страны брали обязательство не создавать его. Договор в таком виде одобрили 178 государств, а 12 стран отказались присоединиться к нему. Из них три – «пороговые» ядерные державы – Индия, Пакистан и Израиль.

Несмотря на такую подавляющую поддержку Договора, конференция по его продлению вылилась в борьбу о его будущем, скорее скрытую, чем демонстративную. Многие безъядерные государства возражали против бессрочного продления Договора, поскольку в результате этого они теряли возможность воздействовать на ядерные державы, которые не предпринимали активных шагов по разоружению. Высказывалась озабоченность тем, что и четверть века спустя после подписания этого Договора угроза ядерной войны не миновала, что ядерные державы до сих пор могут прибегать к угрозе использования ядерного оружия, продолжают его испытания, занимаются совершенствованием, разработкой и производством расщепляющихся материалов, средств доставки ядерных боезарядов. Отмечалось также, что наиболее важный из договоров по ограничению ядерного оружия – СНВ-2 – не был ратифицирован и введен в действие; что ядерные державы не выполнили своих обязательств по разоружению и, возможно, никогда их не выполнят, если на них не будет оказано серьезное давление¹⁵⁹⁶.

Действительно, ко времени вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия (1970 г.) число стратегических

ядерных боеголовок составляло 7440 (США – 5240, СССР – 2200). В 1995 г. их количество возросло до 17 070 (США – 7770, Россия – 9300). А если взять общее число ядерных боезапасов США и СССР (России), включая стратегические, то с 1970 г. по 1995 г. их число выросло с 38 700 до 40 000: США – 15 000, СССР (Россия) – 25 000¹⁵⁹⁷.

Все это свидетельствовало о том, что, несмотря на окончание холодной войны, мир не стал более безопасным. Тем более что продленный Договор о нераспространении не содержал конкретных обязательств ядерных держав по ликвидации этого оружия.

В 1995 г., как и в течение предшествовавших 25 лет, Индия отказалась присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия, заявив, что его «бессрочное продление увековечивает дискриминационный характер Договора и обеспечивает легитимность сохранения ядерных арсеналов ядерными державами». Руководство Индии подтвердило свою прежнюю позицию о том, что Договор является «неравноправным, несправедливым и дискриминационным»¹⁵⁹⁸.

Жесткая реакция Индии на бессрочное продление Договора о нераспространении выглядела логичной с учетом ее прежней позиции по этому вопросу. Тем более что уже через несколько дней после его подписания Китай провел летом 1995 г. 42-е испытание ядерного оружия, а чуть позже это сделала Франция.

Многие индийские политики и эксперты полагали, что бессрочное и безусловное продление Договора о нераспространении ядерного оружия было шагом назад в истории развития мирового сообщества, попыткой дать обратный ход медленному и пока еще очень скромному прогрессу в направлении демократизации отношений между всеми странами – развитыми и развивающимися. Бессрочное продление Договора представляло собой стремление разделить международное сообщество на государства, имеющие это оружие, и на страны, у которых его нет, и навечно закрепить сложившийся баланс сил в мире.

Бессрочному продлению Договора о нераспространении предшествовало принятие Конгрессом США закона (поправка Гленна, 1994 г.), в соответствии с которым любая неядерная страна подпадала под обязательные экономические санкции в случае проведения ядерных испытаний. Кроме того, в 1996 г. намечалось подписание Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Еще одним серьезным поводом для озабоченности Индии в отношении ее ядерного выбора были появившиеся в июле 1995 г. сообщения о продаже Китаем Пакистану ракет М-11, которые были размещены в Саргодхе.

В этих условиях премьер-министр Н. Рао отдал в декабре 1995 г. распоряжение начать подготовку к ядерным испытаниям. Однако

тогда до реальных испытаний дело не дошло. С одной стороны, индийцы надеялись на то, что Америка окажет давление на Китай, чтобы он прекратил поставку ядерной технологии Пакистану и Саудовской Аравии. С другой, – примешивался и внутренний фактор. Перед выборами в парламент, назначенными на апрель 1996 г., правительство Конгресса опасалось, что возможные экономические санкции в связи с ядерными испытаниями могут повлиять на результаты этих выборов не в его пользу. Во всяком случае, под давлением США, когда американский спутник обнаружил подготовку к испытаниям, правительству Индии пришлось их отменить¹⁵⁹⁹.

Последующие два правительства Индии во главе с Д. Гоуда и И. Гуджралом придерживались традиционной линии на необходимость сохранения ядерного выбора для обеспечения безопасности страны. После прихода к власти в начале 1998 г. коалиции во главе с националистической Бхаратия джаната парти ситуация изменилась в пользу более решительных действий в отношении обзаведения ядерным оружием. Перемены внутри страны дополнялись изменениями и на внешнеполитической арене. По мнению нового руководства, окончание холодной войны не привело к ослаблению озабоченности Индии вопросами национальной безопасности. Усиление военной и экономической мощи Китая и напряженные отношения с Пакистаном стали непосредственной причиной, подтолкнувшей развитие событий в направлении ядерного вооружения страны.

Индия могла бы сохранить ядерный выбор, но не прибегать к созданию ядерного оружия, считал министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх, если бы это оружие не было формально признано законным во всем мире. Такая возможность была бы утрачена после подписания бессрочно продленного Договора о нераспространении ядерного оружия. На глобальном уровне ядерные державы, по мнению Дели, не продемонстрировали решимости продвинуться к миру, свободному от ядерной угрозы. Исходя из этой логики, и были проведены в мае 1998 г. ядерные испытания. Вместе с тем индийцы заявляли, что национальная безопасность страны в мире, насыщенном ядерным оружием, может быть обеспечена или всеобщим разоружением или реализацией принципа равной и легитимной безопасности для всех¹⁶⁰⁰.

Ядерное оружие, говорили некоторые индийцы, остается главным мерилом военной мощи государства. С этим связывался и вопрос о признании Индии в качестве великой державы, претендующей на место постоянного члена в Совете Безопасности ООН. Такая увязка вызывала сомнения в ряде стран. Так, заместитель госсекретаря США Струоб Тэлботт писал, что идеи некоторых индийцев о том,

что «новый, самопровозглашенный статус Индии как ядерной державы усиливает ее претензии на постоянное членство в Совете Безопасности ООН», не имеют оснований. «США не согласны с этим. Состав Совета Безопасности является функцией не ядерного статуса, а геополитических реалий после Второй мировой войны... Германия и Япония, кандидатуры которых поддерживает Белый дом, добились безопасности и статуса без ядерного оружия»¹⁶⁰¹.

Во второй половине 1980-х годов, когда премьер-министром страны был Раджив Ганди, Индия начала осуществлять программу создания семейства оперативно-тактических ракет и ракет средней дальности. Две из них – *Притхви* и *Агни* – могли нести ядерные боеголовки. Обе вызвали обеспокоенность США. На это Индия заявила, что *Притхви* предназначена для использования обычных боевых зарядов, а *Агни* – только для «демонстрации технологических возможностей Индии»¹⁶⁰².

К началу 1990-х годов относится история с вмешательством США в сделку по продаже Россией Индии криогенных двигателей, имеющих двойное назначение. Под предлогом, что такая сделка нарушает Соглашение о режиме контроля за ракетной технологией (МТСР, 1987 г.), США потребовали ее отмены. Россия оказалась неспособной противостоять американскому давлению. Москва отказалась от условий сделки, что нанесло серьезный ущерб российско-индийским отношениям, и без того переживавшим не лучшие времена.

Что касается Индии, то она высказала крайнее недовольство таким вмешательством, заявив о своих возражениях против ограничений в передаче двойных технологий развивающимся странам вообще и ей в частности (в эти же годы США отказались продать Индии суперкомпьютер). Попытка помешать передаче новых технологий привела лишь к тому, что Индия, имевшая довольно мощную технологическую базу, самостоятельно начала разрабатывать их. В течение нескольких лет она создала необходимые компоненты для своих ракет, а также суперкомпьютер *Парам* (Абсолют)-10 000, уступающий только американским и японским аналогам.

В 1994 г. премьер-министр Нарасимха Рао, откликнувшись на просьбу президента Клинтона, дал согласие не размещать ракеты *Притхви*, которые уже серийно производились, а также прекратить дальнейшую разработку ракеты *Агни*. Однако в июне 1997 г. Индия начала размещение *Притхви* в воинских частях, объясняя это тем, что она не может их бесконечно долго хранить на заводах. Пакистан немедленно поднял тревогу, а через два месяца запустил свою ракету *Хатф III* (дальность стрельбы 600 км).

Индия проводит ядерные испытания

11 мая 1998 г. Индия произвела два подземных ядерных испытания на полигоне Покхаран, которые, по словам премьер-министра страны Атал Бихари Ваджпай, включали термоядерное устройство, а также устройство, использующее реакцию атомного деления. 13 мая Индия провела еще три испытания – каждое мощностью менее килотонны. По официальным данным, во время испытаний была взорвана термоядерная (водородная) бомба мощностью в 45 килотонн, ядерная боеголовка мощностью в 15 килотонн и три ядерных устройства малой мощности (0,2; 0,5 и 0,3 килотонн – в такой последовательности).

«Отец» индийского ядерного оружия Р. Чидамбарам сказал, что все пять испытаний были проведены по современной технологии. Заявление Индии о том, что было взорвано именно термоядерное устройство, вызвало сомнение у ряда западных специалистов. Однако большинство их согласилось с индийской оценкой произведенного взрыва как термоядерного. Отвечая сомневающимся в успешности этого взрыва, индийский ученый Брахма Челлани утверждает: Индия будет всегда готова продемонстрировать свое обладание термоядерным оружием. Но готовы ли к этому скептики?¹⁶⁰³

После испытаний Ваджпай заявил: «Теперь Индия является государством, обладающим ядерным оружием». Ядерные испытания 1998 г. получили название «Операция шакти» (шакти – сила). Премьер-министр также сказал: «Величайший смысл этих испытаний состоит в том, что они придали Индии шакти, придали силы и уверенности в себе». А один из главных участников испытаний, с 2002 г. президент страны Абдул Калам, подчеркнул: «...мы разрушили господство ядерных держав. Теперь никто не сможет указывать нашей нации в миллиард человек, что ей делать. Это нам решать»¹⁶⁰⁴.

В ответ на эти испытания Пакистан провел 28 мая шесть ядерных подземных испытаний. Это число соответствовало общему количеству испытаний, проведенных Индией в 1974 г. и 1998 г. Таким образом, Пакистан продемонстрировал, что он находится в равном с Индией положении в том, что касается ядерных возможностей. После ядерных испытаний в Индии Ваджпай заявил, что его страна была вынуждена поступить таким образом, поскольку «она стояла перед угрозой со стороны Китая и Пакистана». Вместе с тем он подчеркнул, что Индия остается приверженной быстрому процессу ядерного разоружения, тотального и глобального уничтожения этого оружия. В письме Клинтону 11 мая 1998 г. Ваджпай так объяснил

причину проведения ядерных испытаний: «Я чрезвычайно обеспокоен ухудшением безопасности, особенно ядерной безопасности, с чем Индия сталкивается в течение последних лет. На наших границах присутствует государство, открыто имеющее ядерное оружие, государство, совершившее вооруженную агрессию против Индии в 1962 г... Это государство оказало помощь другому нашему соседу стать страной, скрытно имеющей ядерное оружие. От этого злого соседа мы претерпели три агрессии в течение последних 50 лет»¹⁶⁰⁵.

Позже Ваджапайи выступил в парламенте с заявлением в связи с испытаниями. Он подчеркнул, что отныне Индия является государством, обладающим ядерным оружием и «эту реальность невозможно отрицать». Это право Индии – право одной шестой человечества. Ваджапайи также сказал, что ядерное оружие Индии – это оружие самообороны для того, чтобы страна не подвергалась ядерным угрозам. Он заявил, что теперь Индия будет соблюдать добровольный мораторий и воздержится от подземных ядерных испытаний¹⁶⁰⁶.

Говоря о причинах проведения ядерных испытаний Индией, министр иностранных дел Джасвант Сингх в качестве одной из них назвал распад Советского Союза. Логика его рассуждений такова: «Если вы посмотрите на полосу земного шара от Ванкувера до Владивостока, то увидите своеобразную парадигму ядерной безопасности, которая появилась после роспуска Варшавского договора. Азиатская часть Тихоокеанской зоны покрывается частично. Китай представляет собой самостоятельную ядерную державу. И только Южная Азия и Африка находятся вне сферы ядерной безопасности. Поэтому, по нашей стратегической оценке, эта территория не защищена от ядерного нападения и представляет собой вакуум. Если рассмотреть ситуацию, сложившуюся вокруг Индии, то она выглядит в высшей степени беспокойной. А если добавить к этому, что нашими соседями являются две державы, объявившие себя ядерными, то надо признать абсолютную необходимость создания балансирующего сдерживающего потенциала». Произведя ядерные испытания, Индия создала противовес Китаю и исправила ядерный дисбаланс в Азии, сказал Сингх¹⁶⁰⁷.

Дж. Сингх писал, что последние 50 лет показали, что моралистический подход и самоограничение в ядерной политике не принесли заметных дивидендов. Разоружение оказалось нереалистичной политикой. Если обладание пятью державами ядерного оружия увеличивает безопасность в мире, то почему в случае с Индией опасность возрастает? Если эти пять держав используют ядерное оружие как показатель их мощи, почему Индия должна добровольно девальвировать свою мощь и национальную безопасность? Если ядерное сдерживание

работает на Западе, то по какой причине оно не работает в Индии, спрашивал Дж. Сингх. И еще один важный момент. Своими испытаниями в мае 1998 г. Индия не нарушила ни одного своего международного обязательства, поскольку она не подписывала ни Договора о нераспространении ядерного оружия, ни Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, утверждали в Дели¹⁶⁰⁸.

Ядерные державы осуждают индийские испытания

Сразу же после индийских ядерных испытаний 11 и 13 мая президент США Билл Клинтон выступил с заявлением, в котором он, в частности, сказал: «Я надеюсь, индийское правительство скоро поймет – Индия может быть великой страной в XXI в., не прибегая к ядерному оружию. Я думаю, Индия недооценивается в мире и в США... Она действительно великая страна... Но было бы абсолютно неправильно полагать, что для демонстрации своего могущества на пороге XXI в. можно прибегать к действиям, напоминающим самые страшные события XX в. И это притом что все остальные страны стремятся оставить ядерную эпоху в прошлом. Это просто неправильно. Ясно и то, что индийцы не нуждаются в ядерном оружии, чтобы поддерживать свою безопасность против Китая, Пакистана или кого-либо еще. Поэтому я думаю, что они допустили ужасную ошибку. Мы говорим об этом вполне ответственно и считаем, что лучшие дни Индии впереди. Но она должна определять свое величие в терминах XXI в., а не в тех терминах, которые все другие страны уже решили отвергнуть»¹⁶⁰⁹. Эти слова были произнесены 13 мая 1998 г., а 28 и 30 мая того же года Пакистан провел свои ядерные испытания.

Представляет интерес реакция госсекретаря США Мадлен Олбрайт на известие о прошедших ядерных испытаниях. Индия «вырыла себе могилу», – сказала она Джасвант Сингху. На что он ответил: «Я должен заметить, что цивилизационно мы в Индии не роем ямы, чтобы хоронить себя, даже если говорить метафорически. Поэтому такое высказывание является примером еще одного фундаментального непонимания индийского государства и индийских тончайших чувств»¹⁶¹⁰.

Президент РФ Борис Ельцин заявил 12 мая 1998 г., что «Индия подвела нас». «Я думаю, что нам следует искать поворота в обратную сторону, используя дипломатические средства и обмены визитами». МИД РФ высказался в том ключе, что ядерные испытания в Индии вызвали в России, «как близкого друга Индии, чувство глубокого сожаления». Было отмечено, что эти испытания «подталкивают мир к распространению ядерного оружия и создают допол-

нительные значительные препятствия на пути дальнейшего сокращения ядерных вооружений»¹⁶¹¹.

С жесткой критикой индийских ядерных испытаний выступил Китай. Он объявил беспочвенными объяснения Индией причин испытаний наличием ядерной угрозы со стороны КНР¹⁶¹². Собравшийся тогда в Бирмингеме саммит большой восьмерки также осудил индийские и пакистанские ядерные взрывы и приостановил предоставление негуманитарных займов обеим странам.

4 июня 1998 г. пять постоянных членов СБ ООН совместно выступили с осуждением ядерных испытаний Индией и Пакистаном. А 6 июня 1998 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию (1172), осуждающую Индию и Пакистан за проведение ядерных испытаний и призывающую обе страны немедленно прекратить программы разработки ядерного оружия и присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерных держав. Резолюция также призывала Индию и Пакистан заняться «коренными причинами» напряженности в отношениях между этими странами, «включая Кашмир». Последнее вполне удовлетворило Пакистан, который в течение долгих лет выступал за посредничество ООН и США в решении кашмирского вопроса, но у индийцев это вызвало полное неприятие. Премьер-министр Ваджапай назвал эту резолюцию «неприемлемой»¹⁶¹³.

США и Китай выступили с совместным заявлением, в котором выразили глубокую обеспокоенность ядерными испытаниями Индии и Пакистана, а также тем, что это может привести к усилению напряженности между ними. США и Китай подчеркнули, что, несмотря на проведение этих испытаний, Индия и Пакистан не имеют статуса ядерных держав в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия¹⁶¹⁴.

Отношение к индийским и пакистанским ядерным взрывам не было однозначно отрицательным на Западе. Так, бывший вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер считал, что «испытания, проведенные Индией и Пакистаном, представляют собой усилия, направленные на обеспечение равноправного участия так называемого третьего мира в новом мировом порядке... Как долго Индия, крупнейшая демократическая страна в мире с населением около миллиарда человек, будет оставаться исключенной из круга постоянных членов Совета Безопасности ООН? ... Судьба человечества будет зависеть от того, сумеем ли мы создать мировой порядок на основе равенства или нет»¹⁶¹⁵. Примерно в том же ключе рассуждали бывший министр обороны США Р. Макнамара и ряд других деятелей, занимавшихся этой проблемой.

Интересно и мнение Г. Киссинджера в этой связи. Он писал в книге «Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI в.», что Индия не откажется от программы разработки ядерных вооружений. Проведя испытания ядерного оружия, Индия и Пакистан «не будут рисковать своим выживанием, прислушиваясь к увещаниям стран, которые сами основывают свою безопасность на обладании таковым». В то время как у США есть все основания препятствовать распространению ядерного оружия, у Индии и Пакистана существуют не менее веские причины преследовать собственные цели в сфере ядерных вооружений. Поэтому американская политика должна исходить не из попыток заставить Индию и Пакистан отказаться от своих программ создания ядерных вооружений, а из того, чтобы сделать их партнерами по обеспечению режима ядерного сдерживания и смягчения политической напряженности в Южной Азии»¹⁶¹⁶.

Заслуживает внимания и мнение Тэлботта, который был главным переговорщиком американцев с Джасвант Сингхом, о значении индийских ядерных испытаний. Политическая цель испытаний Покхран-2, пишет он, была более простой, а результаты более быстрыми и окончательными – Индия объявила миру, что отныне она непреложно является ядерной державой без каких-либо сомнений и извинений. И что она должна рассматриваться как таковая ее историческими и потенциальными антагонистическими соседями – Пакистаном и Китаем, а также ее далеким демократическим другом на другой половине мира¹⁶¹⁷.

Реакция в Индии на ядерные испытания

В самой Индии реакция на проведенные ядерные испытания была в целом сугубо положительной. Однако некоторые члены парламента от оппозиции упрекали правительство в том, что оно начало новый виток гонки вооружений и поставило под угрозу безопасность нации. Они были уверены, что Пакистан обязательно ответит на эти индийские ядерные испытания. Так, один из лидеров Джаната парти (Народной партии) Джайпал Редди заявил, что раньше «Индия имела решающее военное преимущество над Пакистаном. Но атомная бомба существенно уравнивает шансы. То преимущество, которое было у Индии раньше, теперь после ядерных испытаний полностью потеряно»¹⁶¹⁸.

Через неделю после ядерных испытаний Индия в одностороннем порядке заявила о моратории на последующие испытания (о чем через несколько дней спустя говорил в парламенте Ваджапайи) и выразила готовность вести переговоры о возможности присоединения

к Договору о всеобщем запрещении ядерного оружия (ДВЗЯО) на равноправных началах и без каких-либо условий¹⁶¹⁹.

Характерно, что через год после ядерных испытаний Индия заявила, что использование США и их союзниками силы против суверенной Югославии противоречит Хартии ООН и международным правовым нормам. Натовские бомбежки Югославии, сказал премьер-министр Ваджапай, должны «открыть глаза» странам индийского субконтинента. «Слабость является приглашением к нападению. Сейчас, когда Индия обладает ядерным оружием, – сказал он, – любая страна подумает дважды перед тем, как напасть на нас»¹⁶²⁰.

«Миротворческая операция» НАТО во главе с США в Югославии в марте–июне 1999 г., писал в «Лос-Анджелес Таймс» профессор Калифорнийского университета Том Плэйт, подтвердила, что развивающиеся государства, в том числе и Индия, не могут безразлично относиться к тому, что происходит в мире. Эти страны «отмечают, что вновь Соединенные Штаты при помощи крылатых ракет и при поддержке из-за кулис мощнейшего на земле ядерного арсенала добились в Косово того, чего они хотели, не потеряв ни одного летчика. Китай с тревогой и страхом наблюдал за тем, как западная технология делала с непокорной Югославией то же самое, что она раньше совершила в Ираке в 1991 г. За югославской кампанией НАТО внимательно следили также Индия и Пакистан, которые незадолго до этого потрясли мир своими ядерными испытаниями»¹⁶²¹.

Видимо, не случайно, что именно в разгар натовской операции в Югославии Индия произвела в апреле 1999 г. успешный запуск новой ракеты средней дальности (2000 км) *Агни-II*, способной нести ядерную боеголовку. Испытание этой ракеты было проведено через пять лет после последнего запуска *Агни-I* в феврале 1994 г. Такой перерыв в испытаниях был вызван давлением со стороны США. На сей раз в сложившейся обстановке Индия решила проигнорировать это давление.

Санкции США

После индийских ядерных испытаний США ввели военные и экономические санкции против Индии, в частности запретили экспорт в эту страну вооружений, а также деятельность компаний, которые могли подозреваться в связях с индийской ядерной программой. Позже Америка выдвинула ряд условий, принятие которых привело бы к снятию санкций с Индии. Первое – участие в ДВЗЯИ; второе – сотрудничество Индии в переговорах о постоянном запрете на про-

изводство расщепляющихся материалов; третье – «стратегический режим сдерживания», по которому арсенал баллистических ракет Индии должен быть ограничен уже существующими двумя типами – *Агни* и *Притхви*; Индия должна согласиться не размещать ракеты вблизи пакистанской границы, не устанавливать боеголовки на ракеты и не хранить их вблизи ракет; четвертое – Индия должна установить строгий контроль («мирового класса») над экспортом опасных материалов, технологий или ноу-хау, которые в случае их попадания в «не те руки», облегчат другим странам изготовление ядерного оружия и баллистических ракет; и пятое – возобновить диалог с Пакистаном для обсуждения главных причин напряженности между двумя странами, «включая Кашмир»¹⁶²².

У индийцев однако были другие взгляды на эти проблемы. По важнейшей из них – подписанию ДВЗЯИ – премьер-министр Ваджапайи заявил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1998 г., что Индия, объявив мораторий на ядерные испытания, уже приняла на себя основные обязанности по ДВЗЯИ. Вместе с тем в письме президенту США он ушел от какого-либо обещания по этому договору. 13 октября 1999 г. сенат США выступил против ратификации ДВЗЯИ, который был подписан Клинтоном еще два года назад. В результате администрация США лишилась, как пишет Тэлботт, «большой дубинки» в переговорах с Индией по вопросу о ее политике после ядерных взрывов в мае 1998 г. Это был первый мощный удар по санкциям против Индии¹⁶²³.

Существует мнение, что индийцы, просчитывая политические последствия ядерных испытаний, исходили из того, что санкции начнут утрачивать силу через полгода после их объявления. Действительно, уже в сентябре 1998 г. во время визита Ваджапайи в Париж президент Франции Жак Ширак заявил, что его страна будет поддерживать стратегический диалог с Индией как с партнером в строительстве многополюсной международной системы. К этому времени Германия, Италия и Великобритания также стали проявлять намерение ослабить санкции. В этих условиях США решили сами готовиться к их постепенной отмене. В январе 1999 г. Америка предложила снять запрет на использование кредита Всемирного банка в 210 млн. долл. для строительства нескольких электростанций в штате Андхра Прадеш «в обмен» на обещание Индии подписать ДВЗЯИ. Поступали и другие предложения по ослаблению режима санкций. Но индийцы не приняли их и спокойно стали ждать того времени, когда санкции упадут сами по себе¹⁶²⁴.

В августе 1999 г. индийцы опубликовали проект ядерной доктрины, который, по мнению американцев, свидетельствовал, что Индия

придерживается своей прежней позиции по ядерным вооружениям и не готова на какие-либо уступки в переговорах с США. В соответствии с проектом доктрины, Индия намеревалась разрабатывать и размещать ядерную триаду – на самолетах, мобильных ракетах наземного базирования и морских силах. В случае реализации этих планов она, по мнению американцев, могла получить ядерный арсенал, не только равный арсеналам Великобритании и Франции, но даже более мощный, что привело бы к ускорению китайской ядерной программы¹⁶²⁵.

12 октября 1999 г., через день после приведения к присяге правительства во главе с Ваджпаи, Клинтон сообщил ему о своем желании совершить поездку в Индию. В письме премьер-министру Индии он писал: «На нас, как на лидерах двух крупнейших демократий в мире, лежит особая ответственность продемонстрировать, что демократия – это лучшая основа не только для внутреннего процветания и стабильности, но и для сотрудничества и гармонии между демократическими странами, и я рассчитываю работать с Вами на этом поприще». В том же месяце президент США отменил значительное число оставшихся санкций против Индии (а в случае с Пакистаном ослабил только несколько из них). Таким образом, США хотели показать, что они готовы пойти на ускоренное улучшение отношений с демократической, хотя и ядерной Индией. И в то же время медленнее двигаться навстречу Пакистану, который снова оказался под давлением военных¹⁶²⁶.

Поворот в индийско-американских отношениях и ядерная программа Индии

После визита президента США Билла Клинтона в Индию в марте 2000 г. начался новый этап в отношениях между двумя странами. Следующий президент США Джордж Буш стал активно развивать связи с Индией. Это дало основание газете «New York Times» писать в августе 2001 г., что «администрация Буша движется широким фронтом в деле укрепления отношений с Индией, которую она рассматривает как забытого в США, но потенциально важного стратегического союзника и торгового партнера в Азии¹⁶²⁷».

Среди мер по укреплению американо-индийских связей важное место должно было принадлежать отмене остающихся санкций. Эта отмена, писала «The New York Times», «устранит раздражитель в отношениях между двумя странами, а также послужит сигналом, что у США нет другого выбора, как признать, что Индия – вторая по численности населения страна мира – пробилась в члены ядерного

клуба. И, что особенно важно, такой пересмотр прежних подходов не будет выглядеть странным, учитывая оппозицию администрации Буша в отношении Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, а также ее намерения создать ядерный щит против того, что она склонна рассматривать в качестве неизбежного – распространения ракетной технологии и оружия массового уничтожения». Иными словами, «США должны считаться с тем, что Индия является ядерной державой, и джина невозможно снова засунуть в бутылку». Эта же мысль высказывалась и американскими официальными лицами. В августе 2001 г. заместитель госсекретаря США Ричард Армитадж заявил: «Индия является ядерной державой»¹⁶²⁸. Но это не означало формального признания ядерного статуса Индии.

Несколько раньше – в мае 2001 г. – США выступили с инициативой по созданию национальной противоракетной обороны (НПРО). Президент Буш заявил, что Договор по противоракетной обороне (ПРО), подписанный США и СССР в 1972 г., является наследием холодной войны и должен быть заменен системой американской противоракетной обороны, которая защитит США и их союзников от «стран-изгоев» – Ирана, Ирака, Северной Кореи, Ливии. Президент США сказал, что в нынешнем мире «сдерживания времен холодной войны недостаточно, чтобы сохранить мир, защитить наших граждан, союзников и друзей». Намерения администрации США создать НПРО вызвали возражения и противодействие в Европе и Азии, в том числе в России и Китае, а также в самой Америке. Аргументы противников этой инициативы США состояли в том, что она может привести к разрушению стратегической стабильности, основанной на всей предыдущей системе договоров, в том числе СНВ-1, СНВ-2 и других (всего около 30 договоров), вызвать гонку вооружений¹⁶²⁹.

Правительство Индии в целом поддержало эту инициативу США. Оно приветствовало это американское предложение «как отход от норм холодной войны» и как «основанное на консультациях и сотрудничестве, а не на конфронтации»¹⁶³⁰. Индия заявила, что «существует стратегическая и технологическая неизбежность в отходе от мира, который является заложником доктрины взаимно гарантированного уничтожения, к основанному на сотрудничестве оборонному переходному периоду, который будет подкрепляться дальнейшими сокращениями оружия и снятием с боевой готовности ядерных сил»¹⁶³¹. Вместе с тем в самой Индии ряд политических партий, в их числе Индийский национальный конгресс, выступили против планов США, считая, что они могут разрушить международный консенсус по ядерному разоружению¹⁶³². Кроме того, Индия выражала глубокую

озабоченность «достоверными сообщениями о наращивании ядерных и ракетных сил КНР»¹⁶³³.

В 2002 г. была создана совместная Индийско-американская группа по сотрудничеству в области высоких технологий с целью облегчить процесс их передачи в Индию. В 2003 г. была разработана программа по ослаблению контроля и лицензирования со стороны США и осуществлению Индией мер в сфере нераспространения ядерного оружия с тем, чтобы снять озабоченности США и других государств по этим вопросам.

Ядерная доктрина Индии

В 2003 г. Индия обнародовала политические принципы, на основе которых она управляла ядерным арсеналом. Эти принципы соответствовали доктрине, подготовленной Национальным консультативным советом по безопасности (National Security Advisory Board). Суть ядерной доктрины Индии состояла в следующем: не использовать ядерное оружие первой; создавать и сохранять ядерный потенциал на надежном минимальном уровне сдерживания; не использовать ядерное оружие против неядерных государств; в случае ядерного нападения на Индию ядерный ответ на это будет «массивным с целью нанесения неприемлемого ущерба» противнику; Индия сохраняла за собой выбор нанесения ответного ядерного удара в случае, если она или ее вооруженные силы, где бы они ни находились, подвергнутся масштабной атаке с использованием биологического или химического оружия; Индия будет продолжать осуществлять контроль над экспортом ядерных и ракетных технологий и материалов; Индия будет придерживаться ранее объявленного ею моратория на проведение ядерных испытаний. Одновременно она заявляла о своей приверженности глобальному разоружению¹⁶³⁴.

Тогда же правительство Индии объявило о создании органа по управлению ядерным арсеналом, утвердило правила и порядок его функционирования. Этот орган получил название Управление ядерным командованием (Nuclear Command Authority) – УЯК. Оно состояло из Политического совета, возглавляемого премьер-министром страны. Этот гражданский совет являлся единственным органом, ответственным за применение ядерного оружия. Таким образом, ядерная «кнопка» находится в распоряжении премьер-министра. В этот совет также входили министры – внутренних дел, обороны, иностранных дел, финансов – и заместитель председателя Плановой комиссии. В дополнение к Политическому совету был создан

Исполнительный совет во главе с советником по национальной безопасности при премьер-министре. Исполнительный совет обеспечивал УЯК данными и информацией и исполнял директивы Политического совета. Для непосредственного выполнения указаний УЯК было создано Командование стратегическими силами, которое несло ответственность за управление ими¹⁶³⁵.

В отличие от Индии, Пакистан не отвергал возможности первым использовать ядерное оружие в том случае, если он «почувствует, что создана угроза его территориальной целостности». В Ядерное командование и Управление по контролю Пакистана (Nuclear Command and Control Authority) над ядерным оружием входили военные, которые играли главенствующую роль в механизме принятия решений, а также политические и научные советники. Окончательное решение по использованию этого оружия принадлежало президенту страны¹⁶³⁶.

Официальных данных о числе ядерных боеголовок и средств их доставки ни Индия, ни Пакистан не публиковали. Но, по оценкам института «Система стратегических вооружений Джейнс» («Jane's Strategic Weapons System») в Лондоне, у Индии в начале XXI в. было от 100 до 150 ядерных боезарядов, у Пакистана – от 25 до 50¹⁶³⁷.

Прорыв в индийско-американских отношениях по ядерной проблеме

Параллельно с США Индия вела переговоры о мирном использовании ядерной энергии с Францией и Россией. Однако они не привели к ощутимым результатам, поскольку обе эти страны были связаны обязательствами в рамках Группы ядерных поставщиков (Nuclear Supply Group–ГЯП), в которую входили 45 государств. Кроме того, они не хотели, чтобы это нанесло ущерб их отношениям с США. Заявляя о своем стремлении помочь усилиям Индии на этом направлении, они «посоветовали» вести переговоры с Америкой по этим вопросам. В результате Индия провела несколько раундов переговоров с США, итогом которых стало подписание 18 июля 2005 г. премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом и президентом США Джорджем Бушем Совместного заявления о сотрудничестве в гражданской ядерной области¹⁶³⁸.

В соответствии с Совместным заявлением, Индия согласилась разделить военную и гражданскую ядерные программы. При этом гражданская программа попадала под контроль МАГАТЭ. Индия также согласилась подписать Дополнительный протокол к Соглашению о контроле (1997 г.) и соблюдать руководящие принципы Груп-

пы ядерных поставщиков и Режимы контроля ракетной технологии (МТРС) в своих законах по экспортному контролю ядерных материалов. Индия также заявила о своем моратории на ядерные испытания и выразила намерение совместно с США работать над договором по прекращению производства расщепляющихся материалов (Fissile Material Cutoff Treaty). В свою очередь, США обязались ускорить поставку ядерного топлива для АЭС в Тарапуре.

В Совместном заявлении отмечалось, что Индия является «ответственным государством, обладающим развитыми ядерными технологиями», и поэтому она должна пользоваться теми же преимуществами и выгодами, что и страны с развитыми ядерными технологиями, такими как США. Это можно было интерпретировать как признание Америкой Индии как де факто ядерной державой.

Позже по соглашению между Индией и США от 2 марта 2006 г., подписанного во время визита в Индию президента Буша, Индия разделила ядерные объекты на гражданские и военные. В соответствии с согласованным планом к 2014 г. 14 из 22 ядерных реакторов будут находиться под контролем МАГАТЭ (в 2006 г. под контролем было всего 4 реактора). Таким образом, вне контроля МАГАТЭ останется 8 реакторов, которые можно считать стратегическими или военными. С 2006 г. по 2009 г. 11 ключевых исследовательских центров, 3 реактора на тяжелой воде и 2 хранилища отработанного ядерного топлива будут поставлены под контроль МАГАТЭ. Производящий плутоний реактор «Сириус» будет остановлен через 5 лет. Еще один реактор «Апсара» (с французской активной зоной) к 2010 г. попадет под контроль МАГАТЭ¹⁶³⁹. Со своей стороны, США согласились оказать содействие Индии в создании стратегических запасов топлива для реакторов, находящихся под контролем МАГАТЭ, чтобы избежать непредвиденных последствий, связанных с перерывами в поставках топлива.

В ходе индийско-американских переговоров возникли некоторые серьезные проблемы. США требовали, чтобы индийские ядерные установки находились под постоянным контролем МАГАТЭ. Индия согласилась на это, хотя данное требование не было предусмотрено Совместным заявлением от 18 июля 2005 г. Вместе с тем Индия настаивала на гарантированных поставках ядерного топлива, чтобы избежать ситуации, которая ранее сложилась в АЭС в Тарапуре. США в конечном счете согласились с таким предложением Индии.

Последняя проблема имела свою предысторию. В мае 1964 г. Индия и США подписали контракт на строительство в Тарапуре, недалеко от Мумбаи (Бомбей), двух атомных реакторов на легкой воде, каждый мощностью в 210 МВт. Реакторы были построены компани-

ей General Electric и начали производить электроэнергию в 1969 г. Еще до начала строительства этой АЭС США заключили с Индией в 1963 г. соглашение о поставках топлива для этих реакторов в течение 30 лет. Однако после индийских ядерных испытаний в 1974 г. США сначала стали задерживать поставки топлива, а затем и полностью прекратили их в 1980 г. С 1983 г. Франция согласилась поставлять топливо для этой АЭС на период до 1993 г. С 1984 г. оба реактора АЭС существенно снизили производство электроэнергии. По некоторым данным, Китай поставил на эту АЭС в 1994–1995 гг. 30 тонн низкообогащенного урана.

По соглашению между Россией и Индией (октябрь 2000 г.) Россия поставила в 2001 г. для Тарапурской АЭС 50 тонн низкообогащенного урана, который обеспечивал работу до 2008 г. Однако Россия не смогла продолжить поставки топлива из-за возражений Группы ядерных поставщиков, которая ссылаясь на то, что страны, не подписавшие Договор о нераспространении ядерного оружия (в том числе и Индия), не имеют права получать ядерные технологии или топливо.

Вскоре после визита президента США Буша в Индию и подписания индийско-американского соглашения в ядерной сфере Россия объявила 14 марта 2006 г., что поставит топливо для АЭС в Тарапуре, предположительно еще 50 тонн, которые могут продлить работу АЭС до 2012–2013 гг. Объясняя причины поставки топлива для АЭС в Тарапуре, Росатом заявил, что проинформировал Группу ядерных поставщиков об этой поставке, которая вызвана соображениями безопасности реакторов. США посчитали эти действия России преждевременными, поскольку Индии еще предстояло реализовать договор о разделении ядерных реакторов на гражданские (под контролем МАГАТЭ) и стратегические (военные), в соответствии с американо-индийским соглашением. Государственный департамент США заявил, что, хотя Индия и нуждается в ядерном топливе, такого рода соглашения (то есть между Россией и Индией) должны опираться на совместные инициативы между США и Индией, на основе тех мер, которые Индия должна предпринять в будущем¹⁶⁴⁰.

Премьер-министр России Михаил Фрадков объяснил действия России тем, что они «не противоречат международным обязательствам». А индийская сторона заявила, что российские предложения по поставке топлива для АЭС в Тарапуре «не имеют отношения к нашим ядерным соглашениям с США», что они не нарушают руководящих принципов ГЯП и что Россия заранее информировала ГЯП о поставках топлива, исходя исключительно из вопросов безопасности¹⁶⁴¹.

Этот эпизод не стал препятствием на пути сотрудничества Индии и США в ядерной сфере. В июле 2006 г. Палата представителей Конгресса США приняла законопроект, в котором говорилось, что президент США «должен не допустить передачу Индии ядерного оборудования, материалов и технологий правительствами стран, входящих в Группу ядерных поставщиков, или из других источников». В свою очередь, законопроект Сената также исключил «экспорт или реэкспорт в Индию любого оборудования, материалов или технологий, имеющих отношение к обогащению урана». На это премьер-министр Индии Манмохан Сингх заявил в Верхней палате индийского парламента: «Мы не согласимся ни на какие изменения соглашения, которые воспрепятствуют получению нами выгод от полного гражданского ядерного сотрудничества»¹⁶⁴².

В этой связи председатель Комиссии по атомной энергетике Анил Какодкар дал следующее разъяснение: «Мы придерживаемся принципа или философии замкнутого ядерного топливного цикла. Это означает, что использованное в реакторе топливо должно пройти процесс восстановления, а уран и плутоний переработаны. Таким образом мы не только обеспечиваем экономически чистую обработку отходов, но и существенно увеличиваем количество энергии, которое извлекаем из данного количества урана... Логика замкнутого ядерного топливного цикла все более признается во всем мире и, я уверен, станет универсальной довольно быстро». Какодкар подтвердил, что Индия не намерена подписывать Договор о нераспространении ядерного оружия. Она отказывается признавать саму терминологию этого договора, в соответствии с которой существуют государства, «обладающие ядерным оружием», и государства, «не обладающие ядерным оружием». Суть дела состоит в том, что Индия является страной, обладающей ядерным оружием. Фактом является и то, что позиции Индии по вопросу о нераспространении являются «безупречными». Поэтому любое соглашение с Индией должно учитывать эти реалии¹⁶⁴³.

В своем выступлении в парламенте премьер-министр Манмохан Сингх подчеркнул, что главное направление внешней политики Индии состоит в защите ее национальных интересов. Индия признает сложности в развитии все более взаимозависимого и многополярного мира. В то время как она признает тот факт, что США являются преобладающей силой в мире, и хорошие отношения Индии с США отвечают ее национальным интересам, это ни в коей мере не отражается на ее оценке общей ситуации. Существует много сфер сотрудничества с США, но в то же время есть немало областей, в которых у нее имеются различия с Америкой, и Индия не боится

говорить ей об этом, в том числе и публично. Индия не позволит ни одной другой стране, включая США, оказывать влияние на ее политику, говорил премьер-министр Индии. Премьер-министр сказал, что во время визита в США в 2005 г. он заявил, что интервенция США в Ираке была ошибкой, и подтвердил это президенту Бушу во время его визита в Индию в марте 2006 г., сказав, что Индия не является сторонником смены режима в Ираке¹⁶⁴⁴.

Индийское руководство считало, что главной целью соглашений с США по гражданскому ядерному сотрудничеству было устранение ограничений во всех сферах сотрудничества и передача технологий, относящихся к гражданской ядерной энергетике. Индия не соглашалась ни на какое ограничение, которое могло бы помешать ей обеспечить все условия для полного гражданского ядерного сотрудничества. Одновременно она подчеркивала, что является страной с развитой ядерной технологией, что было зафиксировано в индийско-американском Совместном заявлении в июле 2005 г., которое не относило Индию к числу держав, обладающих ядерным оружием, но в то же время признавало наличие у нее такого оружия. Это означало, что Индия не попадает под полный контроль МАГАТЭ, как в случае с неядерными державами, которые являются участниками ДНЯО. Поэтому не было и ограничений в продолжении Индией деятельности, связанной с ядерным оружием. Индия, считал Манмохан Сингх, по этим важным аспектам будет во многом выступать наравне с пятью державами, обладающими ядерным оружием и являющимися участниками ДНЯО.

Кроме того, план по разделению гражданских ядерных объектов и стратегических военных объектов обеспечивал Индии особые условия контроля со стороны МАГАТЭ, которые предусматривали непрерывную поставку топлива для гражданских реакторов с правом Индии предпринимать необходимые меры в случае, если такие поставки прерываются.

Манмохан Сингх также заявил, что Индия не согласится с вмешательством каких-либо стран в развитие ее стратегической ядерной программы и не допустит внешнего участия в ее обследовании. Тем более она не допустит того, чтобы это стало условием для будущего ядерного сотрудничества между Индией и международным сообществом. Индия не была согласна и на мораторий на производство расщепляющихся материалов. Реагируя на законопроект США по вопросу о ядерном сотрудничестве с Индией, который предусматривал, что США будут иметь право прекратить это сотрудничество в случае, если Индия взорвет ядерное устройство, индийский премьер-министр сказал, что такое условие неприемлемо, хотя Индия

в одностороннем порядке объявила о моратории на ядерные испытания. «Обладание ядерным оружием и его развитие является неотъемлемой частью нашей национальной безопасности», – подчеркнул он¹⁶⁴⁵.

Вместе с тем Индия заявила о своей приверженности недискриминационному глобальному ядерному разоружению в духе Плана действий, предложенного в 1988 г. премьер-министром Радживом Ганди на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Этот план предусматривал полную ликвидацию ядерного оружия с целью глобального ядерного разоружения в зафиксированных временных рамках. Индия отвергала периодически выдвигавшиеся предложения о региональном ядерном нераспространении или региональном ядерном разоружении. Без глобального ядерного разоружения не может быть речи о присоединении Индии к ДНЯО в качестве неядерной державы или о ее согласии на полный контроль в качестве условия для поставок ядерного топлива и технологий в настоящем или будущем¹⁶⁴⁶.

Окончание холодной войны, казалось, должно было ослабить угрозу распространения ядерного оружия по нашей планете. Однако это, к сожалению, не произошло. Ядерная бомба по-прежнему оставалась символом мощи для многих государств. Среди них не только пять ядерных держав – США, Россия, Англия, Франция, Китай, но и три пороговых государства – Индия, Пакистан, Израиль. После того как КНДР произвела взрыв ядерного устройства 9 октября 2006 г., ее, вероятно, можно было считать «пороговым ядерным государством». Некоторые эксперты полагали, что такой же статус можно «присвоить» и Ирану, однако достаточных доказательств этого не было. Считалось также, что еще семь стран пытались создать ядерное оружие или даже создали его, но по разным причинам были вынуждены отказаться от военной ядерной программы. Это – Южно-Африканская Республика, Бразилия, Аргентина, Южная Корея, Тайвань и Ливия. Таким образом, существовало немало государств, которые могли «обзавестись» ядерным оружием в сравнительно короткое время при определенных обстоятельствах. Были и другие возможные претенденты на ядерный статус¹⁶⁴⁷.

В этой связи заслуживает внимания позиция Индии в связи с ядерными испытаниями в КНДР в октябре 2006 г. Индия выразила глубокую озабоченность этими испытаниями и заявила, что КНДР осуществила их в нарушение международных обязательств, что создало угрозу миру, стабильности и безопасности на Корейском полуострове и в регионе. МИД Индии также заявил, что эти испытания представляют опасность «тайного распространения ядерного оружия», таким образом косвенно отмечая связь в этой сфере между Се-

верной Кореей и Пакистаном, сотрудничество между этими странами в военной ядерной области и развитии ракетных технологий¹⁶⁴⁸.

18 декабря 2006 г. президент США Буш подписал закон о сотрудничестве США и Индии в мирной атомной энергетике. По своей сути закон пересматривал десятилетиями проводимую США политику в ядерной сфере. Он позволял Индии получать от США ядерные технологии и ядерное топливо для гражданских целей. И это притом что Индия не подписала Договор о нераспространении ядерного оружия и испытала такое оружие в 1974 г. и 1998 г. «Это важное достижение для всего мира, – заявил Буш на церемонии подписания этого закона. – После 30 лет пребывания вне системы [нераспространения] Индия теперь будет осуществлять свою ядерную энергетическую программу в соответствии с международными правилами. В результате мир станет более безопасным». «США и Индия являются естественными партнерами, объединенными глубоко укорененными ценностями, – сказал Буш. – Соперничество, которое когда-то разделяло наши страны, более не существует... Американский народ стал считать Индию другом»¹⁶⁴⁹.

В соответствии с этим законом, Индия была обязана разрешить инспекцию 14 гражданских ядерных объектов в обмен на поставки ядерной технологии и топлива из США. Восемь военных ядерных объектов в Индии не могли быть подвергнуты инспекции МАГАТЭ. Закон предусматривал, что США и Индия должны получить исключение из правил Группы ядерных поставщиков. Индия также должна была заключить соответствующее соглашение по этому вопросу с МАГАТЭ. После этого закон вновь должен быть рассмотрен Конгрессом США.

В законе был выдвинут ряд условий, которые вызвали критику части индийской политической элиты. По закону президент США должен прекратить экспорт ядерных материалов в Индию, если она произведет испытание ядерного оружия. Кроме того, президент США должен ежегодно докладывать Конгрессу о том, как Индия сотрудничает с Америкой по вопросу о сдерживании ядерных амбиций Ирана.

После подписания в США этого закона Манмохан Сингх заявил, что он отражает выход Индии на мировую сцену «в качестве державы, с которой будут считаться». Он также сказал, что индийско-американское соглашение является важной частью усилий Индии, направленных на удовлетворение ее быстро растущих потребностей в энергии¹⁶⁵⁰.

Однако в Индии существовала серьезная оппозиция этому закону как со стороны левых, так и правых сил. Критики закона говори-

ли, что он содержит ряд неприемлемых условий, не гарантирует непрерывность поставок ядерного топлива для гражданских реакторов и препятствует тому, чтобы Индия сама восстанавливала израсходованное топливо.

Левые партии, при поддержке которых в 2004 г. было сформировано правительство во главе с ИНК, заявили, что Общая программа-минимум, на основе которой действовало это правительство, не предусматривала такого рода сотрудничества с США. Ядерное соглашение с Америкой позволит ей «шантажировать» Индию и станет препятствием на пути проведения ею независимой внешней политики¹⁶⁵¹.

Свои возражения по поводу этого закона высказало и руководство главной оппозиционной Бхаратия джаната парти, которое однако не выступило против стратегического сотрудничества с США¹⁶⁵². Лидер правой оппозиции в парламенте Л.К. Адвани заявил, что судьба стратегической обороны Индии брошена на чашу весов, что нельзя допустить, чтобы Индия заложила свою внешнюю политику во имя стратегических целей США.

На это премьер-министр ответил, что никакой закон иностранного государства не может отнять у Индии суверенного права проводить свою внешнюю политику, руководствуясь ее национальными интересами. «Наша стратегическая программа не будет подвергнута внешней проверке или какому-либо вмешательству», – сказал М. Сингх¹⁶⁵³.

Часть политического класса в Индии считала, что индийско-американское соглашение в ядерной сфере служило цели противопоставить Индию Китаю. Но официальный Вашингтон отвергал эту идею. США заявляли, что случай с Индией является «уникальным», поскольку она охраняла свою ядерную технологию и не распространяла ее в других странах. Более того, соглашение с Индией укрепляло связи США с этой демократической азиатской державой. При этом американские официальные лица говорили, что Китай является «важным другом» США. Помощник госсекретаря США по политическим вопросам Николас Бэрнс (главный переговорщик с Индией по ядерному соглашению) отметил, что у Америки и Китая есть ряд вопросов, которые «разделяют их. Но в целом направление верное». А теперь «впервые с 1947 г. мы имеем отличные отношения с Индией»¹⁶⁵⁴. Между тем Китай негативно отнесся к индийско-американскому ядерному соглашению, а Пакистан осудил его.

После того, как Конгресс США утвердил закон о сотрудничестве с Индией в ядерной сфере, правительство Индии в июле 2007 г. одобрило его текст, заявив, что закон учитывает все озабоченности Индии. Несмотря на возражения оппозиции, правительство Индии

не отказалось от подписания соглашений с США по ядерной проблеме¹⁶⁵⁵.

События конца XX – начала XXI в. показали, что в мире продолжалось развитие новых, более совершенных и разрушительных видов вооружений. Ядерная программа Индии, которая видела себя в качестве одного из центров многополюсного мира, вписывалась в этот контекст. Индия пошла по пути создания ядерного оружия и выбора уровня ядерного сдерживания с учетом меняющейся обстановки в мире. Ее руководители неоднократно заявляли, что Индия не откажется от своего ядерного статуса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Долгое время в массовом сознании на Западе и в России Индия выглядела как «страна чудес», экзотических традиций, жрецов и факиров. Поэтому немногие были готовы к тому, что обнаружилось в конце XX в. – эта страна достигла выдающихся успехов в современных сферах высоких технологий, совершила прорыв во многих ключевых отраслях науки, техники и экономики. Конечно, Индия добилась этого не вдруг, а в результате многолетнего напряженного труда своего народа, хорошо выверенных решений, умения найти свое достойное место в мире.

Индийцы воспринимали то лучшее, что давал мировой опыт, в первую очередь в области знаний, информатики и высоких технологий. Это было частью их традиции преумножения знаний из разных источников. Но индийцы также были далеки от того, чтобы автоматически заимствовать привнесенные извне культурные ценности, противоречившие их духовности и ментальности. Индийский ум и индийская традиция предполагали наличие убедительной аргументации в пользу тех или иных изменений, тем более затрагивающих основы культуры, морали и нравственности. И хотя глобализация в области политики, культуры и общественных норм поведения не обходила Индию стороной, а оказывала немалое воздействие, особенно на городскую молодежь из зажиточных и средних слоев, Индия сохраняла многие из своих культурно-цивилизационных особенностей, отличавших ее от других стран мира.

Индия конца XX в. выдвинула амбициозную задачу войти в число ведущих держав мира. Ничего удивительного в этом нет. Страна с населением более миллиарда человек не могла думать о себе иначе, как крупномасштабно. За годы независимости для реализации этих идей были созданы достаточно мощные предпосылки. Появился многомиллионный средний класс, огромное число людей интеллектуального труда, получивших качественное образование, которые стали оказывать растущее влияние на политический и экономический курс страны. Нынешняя Индия – это молодая энергичная страна, и в этом ее преимущество перед многими «стареющими» странами Запада и Востока.

Индия входит в число наиболее быстро растущих экономик мира. Она наращивает свое региональное и глобальное влияние, готова совершить прорыв в экономике и технологии и может стать важным фактором в стратегическом соотношении сил в Азии и мире уже в ближайшие десятилетия. Индия позиционирует себя как будущая великая держава.

За шесть десятилетий Индия проделала большую работу по преобразованию колониальной социально-экономической структуры в государственно-капиталистическую на основе смешанной экономики, содержащей важные элементы социальной защиты населения. Это обеспечило эволюционное, поэтапное развитие, без взрывов и потрясений в стране с крайней социально-экономической отсталостью, огромной безработицей и нищетой большей части населения. Можно сказать, что Индия выработала свою собственную модель развития. Важной частью деятельности государства стали аграрные реформы, в ходе которых произошло определенное перераспределение земель на основе частного владения и аренды в пользу тех крестьян, которые совсем не имели земли или располагали небольшими участками. Индии удалось создать основные отрасли современной промышленности, достичь высокой степени экономической самостоятельности, подготовить квалифицированные кадры ученых, специалистов, инженеров, рабочих. Расширились торгово-экономические, научно-технические связи Индии со многими странами и регионами мира.

В последнее десятилетие XX в. быстрыми темпами развивались наукоемкие отрасли, особенно информационные технологии и программное обеспечение. Индийские достижения в этой области способны дать импульс развитию конкурентных преимуществ и в других сферах, включая ряд отраслей машиностроения и научных исследований, особенно биотехнологий, медицины, фармацевтики и сельского хозяйства. Сфера услуг в Индии заняла доминирующее место в структуре ВВП. Ее опережающее развитие может стать предпосылкой для создания экономики, базирующейся преимущественно на знании. В стране улучшается ситуация, связанная с использованием высококвалифицированного труда. Если в конце XX в. происходил активный отъезд специалистов, особенно программистов, из Индии на Запад, то позже начался обратный «отток мозгов» из западных стран, в первую очередь из США, что не в последнюю очередь было связано с мировым кризисом, начавшимся в 2008 г.

Модернизация производства, ускорение темпов экономического роста способствовали повышению жизненного уровня населения страны. С 1951 г. по 2001 г. доход на душу населения увеличился более чем в 2,5 раза, уровень грамотности – более чем в три раза,

ожидаемая продолжительность жизни выросла более чем в два раза – с 32,1 г. до 68,6 г. (оценка за 2007г.). При этом в отдельных штатах показатели человеческого развития во многом приблизились к средневропейским. Так, в Керале в 2001 г. ожидаемая продолжительность жизни составила более 73 лет, грамотность – более 90%. Таким образом, в самой Индии появились целые регионы, на которые могли ориентироваться и равняться другие штаты.

Достаточно высокие темпы социально-экономического развития Индии, обеспечивавшие при этом улучшение жизни значительной части населения, были фундаментальными достижениями индийского общества и государства. Экономика Индии развивалась в условиях политической стабильности на основе демократии, которая глубоко укоренилась в индийском обществе.

И, тем не менее, масштабные социальные проблемы во многом продолжали сдерживать поступательное развитие страны. В абсолютных цифрах число бедных составляло в начале XXI в. более 400 млн. человек (по международным стандартам), неграмотных – почти треть населения. Проблемы ликвидации бедности, снижения уровня безработицы и общего улучшения условий жизни населения оставались одними из главных задач государства и общества.

К решающим факторам, которые оказывали и будут оказывать влияние на формирование внутренней и внешней политики Индии в XXI в., можно отнести то, что страна развивалась в условиях демократии. К тому же в ней был отработан механизм коалиционных правительств, при которых, во-первых, обеспечивалось широкое представительство – социальное и региональное – в руководящих органах исполнительной и законодательной ветвей власти, вне зависимости от того, какая политическая группировка добивалась победы на выборах. Во-вторых, происходила мирная передача власти, не вызывавшая крупных политических и социальных потрясений. В-третьих, правящий класс Индии внимательно следил за изменениями в социальной ситуации в стране и корректировал социально-экономические процессы, в том числе связанные с реформами. Существенную роль в обеспечении социальной и политической стабильности играл средний класс.

В условиях быстрого развития Индии росли и ожидания основной массы населения, его надежды на улучшение социально-экономического положения. Эти ожидания усиливались демонстрационным эффектом от показа СМИ достижений в более высоких социальных группах и слоях. Однако недостаточное «просачивание» результатов реформ в нижние слои общества и сохранение и даже увеличение разрыва между «верхами» и «низами» создавали

немалые препятствия на пути развития страны. Негативное воздействие религиозного экстремизма, радикализма и сепаратизма на главные ценностные установки населения также оказывало влияние как на внутреннюю ситуацию в Индии, так и на ее внешнюю политику.

Главной внешнеполитической задачей независимой Индии было ее становление в качестве одной из ведущих мировых держав. Этой цели служили укрепление ее экономического и политического потенциала на основе достаточно быстрого развития экономики, а также создание мощных вооруженных сил, располагающих ядерным оружием и другой современной военной техникой. Индия упорно добивалась включения ее в Совет Безопасности ООН в качестве постоянного члена. Она будет настаивать на этом праве.

В начале XXI в. внешнеполитический курс Индии был продолжением и развитием ее традиционной внешней политики. Это обеспечивалось тем, что Индия проводила внешнюю политику и защищала свою безопасность в условиях демократии, а также тем, что ее внешняя политика была, по существу, консенсусной, то есть пользовавшейся поддержкой большинства общества.

Индия исходила из целесообразности создания многополярного мира, а также из того, что мировое экономическое и военно-политическое развитие будет определяться главными центрами силы. Важнейшим из них была Америка как самая мощная держава, которой удавалось использовать свое влияние для сохранения старых и создания новых военно-политических альянсов. Однако эти возможности США сокращались, в том числе и потому, что в последние годы усилились другие крупные государства. Происходили заметные перемены в глобальном соотношении сил. Лидерству Запада был брошен вызов азиатскими странами, что было связано с усилением их экономического и политического влияния и ростом их национального самосознания. В определенном смысле этот вызов был даже более сильным, хотя и менее антагонистичным, чем вызов коммунизма.

Индия представляет для Запада потенциальный огромный рынок с учетом ее людских ресурсов и достаточно быстро прогрессирующей экономики. Она постоянно наращивает свое региональное и глобальное влияние. Индия готова совершить прорыв в экономике и технологии и может стать важным фактором в стратегическом соотношении сил в Азии и мире в первой половине XXI в.

Укрепление Индии и Китая вело к изменениям в соотношении сил в Азии и мире в целом. Это учитывалось всеми странами, в первую очередь США, для которых одной из главных долгосрочных задач было сохранение влияния в Азии. Провозглашенная Индией,

Китаем и Россией стратегия на создание многополюсного мира, по существу, вела к ограничению лидерства США. Мировой кризис 2008–2010 гг. также подтвердил эту тенденцию.

Индийско-китайские отношения претерпели огромные изменения после поражения Индии в военном конфликте с Китаем в 1962 г. С конца 1980-х годов обеими сторонами предпринимались усилия по их нормализации. Тем не менее, в индийско-китайских отношениях было немало проблем. Среди них – военное сотрудничество между Китаем и Пакистаном. Поэтому Индия была вынуждена оценивать свою безопасность с учетом как военной мощи и ядерных арсеналов Китая, так и военного потенциала Пакистана. В целом отношения между Индией и Китаем можно охарактеризовать как достаточно сложные. Однако возможности их улучшения далеко не исчерпаны, поскольку имеется определенное сходство позиций обеих стран по ряду крупных вопросов, таких как создание многополярного мира, укрепление роли ООН в международных делах. Индия, как и Китай, стремилась достичь статуса великой державы. Как и Китай, она шла к этому статусу постепенно, «торопилась не спеша».

Создание Шанхайской организации сотрудничества в составе России, Китая, Казахстана, Киргизстана, Таджикистана и Узбекистана заметно изменило политический ландшафт евразийского континента. С 2006 г. Индия принимала участие в деятельности ШОС в качестве наблюдателя, наряду с Пакистаном, Ираном и Монголией. Деятельность ШОС на основе решения всех проблем в духе равноправия, взаимного доверия и сотрудничества, а также ненаправленности против других стран открыла перспективы более глубокого понимания и взаимодействия государств, прежде всего Азиатского региона.

Сотрудничество между Индией, Россией и Китаем на трехстороннем уровне, а также в ШОС способствовало созданию группировки, объединившей Бразилию, Россию, Индию и Китай (БРИК). В условиях мирового кризиса страны БРИК совместно выступили с идеей реформирования международной финансовой архитектуры, что получило отражение в саммите 20 крупнейших держав мира в Питтсбурге (сентябрь 2009 г.).

Одним из главных приоритетов индийской внешней политики было улучшение отношений с соседними государствами, укрепление мира и безопасности в Южной Азии. Важнейшей для Индии болезненной проблемой в этом регионе была неурегулированность кашмирской проблемы, что не только осложняло взаимоотношения Индии и Пакистана, но и дестабилизировало общую ситуацию в регионе. Положение также осложнялось тем, что обе страны рас-

полагали ядерным оружием. Кашмирский вопрос рассматривался Индией как двусторонний, в то время как Пакистан проявлял готовность принять посредничество третьих стран. Решение этой тупиковой проблемы, видимо, могло быть найдено на пути признания статус-кво, то есть превращения линии фактического контроля в международную границу. Однако это вряд ли возможно в обозримом будущем.

Индия проявляла большую заинтересованность в развитии отношений с государствами Центральной Азии и Казахстаном. Для нее было небезразлично, как развивались эти соседние государства и, особенно, какой могла быть в них роль ислама. Это напрямую связано с тем, что индийское государство особенно внимательно относилось к настроениям своих 150 млн. мусульман. Возможное укрепление позиции исламистов в Центральной Азии могло бы оказать влияние на мусульман Индии, в том числе на усиление среди них фундаменталистских настроений.

Позиция Индии в отношении Афганистана во многом определялась тем, что она исторически рассматривала его как сферу своих жизненных интересов. Индия выработывала афганскую политику в значительной степени в контексте ее отношений с Пакистаном и его политики в Афганистане, с учетом кашмирской проблемы, а также исламского фактора. Индия была заинтересована в стабильном Афганистане, в сохранении его территориальной целостности, в блокировании наркотрафика из Афганистана через Пакистан в Индию.

Индия вела активный диалог с Европейским Союзом и отдельными странами Европы, в том числе с Францией, Германией, Великобританией. Индийцы считали, что Европейский Союз превращается в один из мировых центров силы, но этому препятствовали существенные расхождения между странами ЕС по ряду крупных вопросов, касавшихся суверенитета этих стран. В целом сотрудничество Индии с Европой имеет хорошие перспективы. Индия стремилась взаимодействовать с другими странами в решении таких вопросов, как международный терроризм, глобальный экономический кризис, изменение климата и реформа международных институтов.

Заметное место в индийской внешней политике занимали отношения с Россией, хотя, по мнению индийских политиков и экспертов, она существенно ослабла после распада СССР и сталкивалась с серьезными социально-экономическими проблемами. Вместе с тем Россия располагает большим экономическим потенциалом, который может позволить ей возродиться в качестве мощного государства. Глубокий интерес Индии к России определялся и тем, что никогда за все долгие годы отношений между нашими

странами не были отягощены какими-либо конфликтами или неразрешимыми противоречиями.

Позиции Индии и России совпадали по таким принципиальным вопросам, как установление демократического мирового порядка, основанного на многополярном мире. Обе страны придавали большое значение сохранению системы ООН как центра многосторонней политики. Для Индии важна поддержка России по вопросу о ее постоянном членстве в будущем реформированном и расширенном Совете Безопасности ООН. Обе страны считали, что безопасность и стабильность в Центральной Азии отвечали их приоритетным интересам. Индия и Россия заявляли, что глобальный терроризм во всех его формах и проявлениях является одной из самых серьезных угроз международному миру и безопасности.

Несмотря на довольно ограниченный объем индийско-российского торгово-экономического и научно-технического сотрудничества, в обеих странах есть возможности для его расширения, в том числе в области энергетики, инфраструктуры, высоких технологий. Важной частью российско-индийских отношений остается военно-техническое сотрудничество. Вместе с тем во всех этих сферах Россия сталкивается с растущей конкуренцией со стороны других держав.

Индийский опыт представляет интерес для многих стран. Он свидетельствует о том, что политическая демократия может и должна сочетаться с демократией социальной и экономической. Без этого невозможно ликвидировать огромный разрыв между богатством и бедностью, избавиться от опасности социальных кризисов и взрывов, которые могут расколоть общество. Опыт Индии также говорит о том, что демократия не может рассматриваться в качестве раз и навсегда данной реальности. Она может крепнуть и развиваться только в таких условиях, когда решаются жизненно важные задачи общества, растет благосостояние людей. Именно это обеспечивает стабильность и согласие в обществе и является предпосылкой успешного продвижения вперед.

С ростом экономики Индии ее руководство в своих стратегических установках все больше выходило за рамки региона Южной Азии, глобализируя свое политическое мышление и реальную политику по мере накопления сил (экономических, информационных, военных и т.п.). Большое значение придавалось людским ресурсам – индийцы считали, что держава с населением более миллиарда человек должна действовать адекватно, то есть крупномасштабно. То, что раньше считалось бременем, а именно – огромный рост населения, может стать геополитическим преимуществом.

Примечания

- ¹ Для ознакомления с работами указанных и других авторов см.: Библиография Индии. Дореволюционная и советская литература на русском языке и языках народов СССР, оригинальная и переводная. Составители: Г.Г. Котовский, Д.А. Бирман, Н.И. Сосина. М.: Наука, 1976 (1982).
- ² Quit India Resolution. August 7–8, 1942. Bombay.
- ³ См.: Winston Churchill. India, speeches and an introduction. London: T. Butterworth, ltd., 1931.
- ⁴ Сдасюк Г.В. Индия. География хозяйства. М.: Мысль, 1975, с. 18–20, 32.
- ⁵ Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М.: ИВ РАН, 2004, с. 78.
- ⁶ Левковский А.И. Особенности развития капитализма в Индии. М.: Восточная литература, 1963, с. 17–19; Алаев Л.Б. Индия: Национально-освободительное движение и обострение конфессиональных разногласий // История Востока. Т. 5. Восток в новейшее время: 1914–1945 гг. Р.Г. Ланда (отв. ред). М.: Вост. лит., 2006, с. 307–311; Thorner Daniel. Land and Labour in India. New Delhi: Asia Publishing House, 1974, p. 109.
- ⁷ Павлов В.И. Формирование индийской буржуазии. М.: Изд. восточной литературы, 1958, с. 175, 278, 279.
- ⁸ Гордон Л.А. Из истории рабочего класса Индии. М., 1961, с. 127–148; Комаров Э.Н. Материальное положение промышленного пролетариата Бенгалии и некоторые вопросы его формирования // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. 5. М., 1953.
- ⁹ Keith A.B., ed. Speeches and Documents on Indian Policy 1750–1921. Vol. 1, Oxford, 1922, p. 383; Metcalf T.R. The Aftermath of Revolt. India 1857–70. Princeton (New Jersey), 1964, p. 129, 133; Юрлова Т.Ф. Народное восстание 1857–1859 гг. в Индии и английское общество. М.: «Наука», 1991, с. 121, 124; Комаров Э.Н. Политическое развитие независимой Индии. Основные формы, этапы и закономерности // Индия в глобальной политике. Отв. ред. Ф.Н. Юрлов. М.: ИВ РАН, 2003, с. 186–226.
- ¹⁰ Алаев Л.Б. История Востока. Т. 5: Восток в новейшее время: 1914–1945 гг., с. 307–311; Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008, с. 27.
- ¹¹ Левковский А.И. Особенности развития капитализма в Индии, с. 67.
- ¹² Durant Will. The Case for India. Simon and Schuster. New York, 1930, p. 55.
- ¹³ Вопросам религиозного реформаторства в Индии уделяли большое внимание в своих исследованиях российские историки и философы. Среди них: Л.Б. Алаев, Н.П. Аникеев, Э.Н. Комаров, Б.И. Клюев, В.С. Костюченко, А.Д. Литман, О.В. Мезенцева, Л.Р. Полонская, Р.Б. Рыбаков, И.П. Чельшева, и др.

- ¹⁴ При написании индийских имен авторы придерживались следующих правил. Если фамилия не склоняется, то склоняли только имя. Например: с Дайянандой Сарасвати, с Махатмой Ганди, с Джавахарлалом Неру. В остальных случаях склоняли только фамилию. Например: с Сайид Ахмад Ханом, с Лала Ладжпат Раем, с Аурубиндо Гхошем. Исключение: с Рабиндранатом Тагором.
- ¹⁵ См. Дебендранат Тагор. Автобиография. Перевод с англ., вступительная статья Т.Г. Скороходовой. М., 2007; Скороходова Т.Г. Эпоха бенгальского возрождения: история социокультурного синтеза // Индийские исследования в странах СНГ. Материалы научной конференции. М.: ИВ РАН, 2007, с. 174–190.
- ¹⁶ Новая история Индии. Издательство восточной литературы, М., 1961, с. 447, 449.
- ¹⁷ Веды – священные книги древних индийцев: «Ригведа», «Яджурведа», «Самаведа» и «Атхарваведа».
- ¹⁸ Чатурварнья – иерархическая структура индусского общества из четырех варн (сословий) – брахманов-жрецов, кшатриев-воинов, вайшьев – земледельцев и торговцев, шудр – неимущих и неполноправных. За пределами чатурварнья находились неприкасаемые и племена.
- ¹⁹ Подробно см.: Мезенцева О.В. Мир ведийских истин. Жизнь и учение Свами Дайянанды. М.: ИФ РАН, 1994.
- ²⁰ Там же, с. 170.
- ²¹ Ghose Sankar. The Renaissance to Militant Nationalism in India. Calcutta et al.: Allied Publishers, 1969, p. 39, 40.
- ²² Упанишады – «сокровенные наставления», завершающие ведийский священный канон, датируются приблизительно VIII–VI вв. до н.э. Изложенные в них учения получили наименование «веданта» (букв. «конец вед»).
- ²³ Thus Spake Vivekananda. Shri Ramakrishna Math. Madras–4: Mylapore, 1963, p. 88–91.
- ²⁴ «Ману-смирти» – брахманский сборник поучений и предписаний для членов различных социальных групп, в котором содержатся и правовые нормы (в том числе в области уголовного и гражданского права). Он относится к священному преданию – смирти. Одни исследователи полагают, что этот сборник составлен в промежутке между II в. до н.э. и II в. н.э.; другие датируют его приблизительно первой половиной I тысячелетия н.э., третьи – начиная с I в. до н.э.
- ²⁵ Рыбаков Р.Б. Буржуазная реформация индуизма. М., 1981, с. 93.
- ²⁶ Swami Vivekananda. The Complete Works of Swami Vivekananda. Calcutta: Advaita Ashrama, Vol. III, 1960., Vol.III, p. 205; Провозвестие Вивекананды. М.: ИВ РАН, 1993, с. 60–61.
- ²⁷ Новая история Индии, с. 450.
- ²⁸ Nizami K.A., ed. Sir Syed Speaks to You. Aligarh: Aligarh Muslim University, 1968, p. 25, 27, 29.
- ²⁹ Hamid Abdul. Muslim Separatism in India. A Brief Survey 1858–1947. Lahore, Karachi, Dacca, 1971, p. 33.
- ³⁰ Mukherjee Hiren. India Struggles for Freedom. Calcutta, 1948, p. 82.
- ³¹ Ганковский Ю.В., Гордон-Полонская Л.П. История Пакистана. М., 1961, с. 15–18.
- ³² Pirzada S. Sh., ed. Foundations of Pakistan. All India Muslim League Documents: 1906–1947. Vol. I, 1906–1924. Karachi: 1969–1970, p. XVII–XVIII.

³³ Khan Syed Ahmed. *The Present State of Indian Politics*, 1888, p. 7–21 // Ghose Sankar. *The Renaissance to Militant Nationalism in India*, 1969, p. 299.

³⁴ Белокреницкий В.Я. Москаленко В.Н. Истоки мусульманского сепаратизма // *История Пакистана: XX век*, с. 28–49; *Новая история Индии*, с. 456; Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX вв.. М.: «Наука», 1982, с. 130–132; см. Юревич Л.И. Саид Ахмад-хан и зарождение мусульманского общинного движения в Индии // *Ученые записки Тихоокеанского института АН СССР*, т. II, М.–Л., 1948; Ghose Sankar. *The Renaissance*, p. 86–94; Ashraf K.M. *An Overview of Indian Muslim Politics*. New Delhi: Manak Publication, 2001.

³⁵ Iqbal Muhammad. *Six Lectures on the Reconstruction of Religious Thought in Islam*. Lahore: Kapur Art Printing Works, 1930, p. 216, 232; см. Икбал Мухаммад. Реконструкция религиозной мысли в исламе. М.: «Восточная литература» РАН, 2002 (Перевод с англ., предисловие, комментарий и глоссарий М.Т. Степанянц).

³⁶ См.: Кудрявцев М.К. Кастовая система в Индии; Куценков А.А. Эволюция индийской касты; Юрлова Е.С. Индия: От неприкасаемых к далитам. Очерки истории, идеологии и политики. М.: ИВ РАН, 2003.

³⁷ Арии – самоназвание племен, говоривших на языках индоевропейской группы и мигрировавших в Индию примерно в середине II тысячелетия до н.э.

³⁸ O’Hanlon R. *Caste, Conflict, and Ideology: Mahatma Jotirao Phule and Low Caste Protest in Nineteenth-century Western India*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, p. 193–205.

³⁹ Keer Dhananjay. *Mahatma Jotirao Phooley, Father of the Indian Social Revolution*. Bombay, 1974, p. 214–224; см. Omvedt Gail. *Cultural Revolt in a Colonial Society: The Non-Brahman Movement in Western India, 1873 to 1930*. Bombay: Scientific Socialist Education Trust, 1976.

⁴⁰ Gupta S.K. *The Scheduled Castes in Modern Indian Politics: Their Emergence as a Political Power*. Delhi, 1985, p. 167, 189.

⁴¹ Сурендранатх Банерджи (1848–1925) Один из старейших умеренных политических деятелей Индии, президент Конгресса в 1895 и 1902 гг., активный участник движения свадешти, критиковал Ганди за его несотрудничество с властями.

⁴² Sitaramaya Pattabhi. *The History of the Indian National Congress 1885–1935*. Bombay: The Working Committee of the Indian National Congress, 1935, p. 98.

⁴³ Singh Iqbal. *The Indian National Congress: A Reconstruction*. Vol. One: 1885–1918. New Delhi: Manmohar, 1987, p. 13–15.

⁴⁴ Congress Varnika. Centenary commemorative volume. Official Journal of the AICC(I). Vol. 2, № 12, December 1985. New Delhi, p. 40 (далее – Varnika).

⁴⁵ Pande B.N., gen. ed. *A Centenary of the Indian National Congress*. Volume 1: 1885–1919. New Delhi: All India Congress Committee (I) / Vikas Publishing House, 1985, p. 103 (далее – A Centenary History).

⁴⁶ Majumdar R.C. *History of the Freedom Movement in India*. Vol. I. Calcutta: Firma K.L. Mukhopadhyay, 1962, p. 392.

⁴⁷ Chandra B., A.Tripathi and B.De. *Freedom Struggle*. New Delhi, 1983, p. 57.

⁴⁸ Singh Iqbal. *The Indian National Congress* Vol. One, p. 19.

⁴⁹ Цит. по: Singh Iqbal. *Indian National Congress*. Vol. II: 1919–1923. New Delhi: Manohar, 1988, p. 22.

- ⁵⁰ Ray N.R. Introduction // A Centenary History, p. 22, 23.
- ⁵¹ Ghose Sankar. The Renaissance, p. 83.
- ⁵² Цит. по: Ibid. p. 174, 175.
- ⁵³ Ibid., p. 199.
- ⁵⁴ Цит. по: Mason Philip, ed. India and Ceylon. Unity and Diversity. Bombay, 1967, p. 166.
- ⁵⁵ Цит. по: Ghose Sankar. The Renaissance, p. 229, 230.
- ⁵⁶ Tahmankar Dattatraya Vishwanath. Lokmanya Tilak: father of Indian unrest and maker of modern India. London : John Murray, 1956, p. 107.
- ⁵⁷ Развивая дальше свои идеи, Тилак в публичном выступлении в Калькутте в 1907 г. говорил: «Если вы хотите быть свободными, вы можете быть свободными. Если вы не хотите быть свободными, то будете раздавлены и вечно будете такими. Если у вас нет силы для активного сопротивления, то найдется ли у вас сила для самопожертвования, чтобы не помогать иностранному правительству править вами? Это и есть бойкот, который мы считаем политическим оружием. Мы не будем помогать правительству собирать налоги и поддерживать мир. Мы не будем помогать им нашей кровью и деньгами воевать в Индии и за ее пределами. Мы не будем помогать им осуществлять их правосудие. Мы создадим наши собственные суды. И когда придет время, мы не будем платить налогов. Можете ли вы сделать это общими усилиями? Если сможете сегодня, то будете свободны завтра... В таком направлении вы должны думать и действовать и готовить себя к этому. Это и есть путь, по которому нация продвигается вперед. Это и есть способ воспитания национальных чувств. Этот урок следует выучить в той борьбе, которая идет сегодня» [Tilak B.G. His Writings and Speeches (with an appreciation by Aurobindo Ghose). Madras: Ganesh, 1919].
- ⁵⁸ Lele J. Caste, Class and Dominance: Political Mobilization in Maharashtra // Dominance and State Power in Modern India. Vol. II. Delhi: Oxford University Press, 1990, p.142]
- ⁵⁹ Ghose Sankar. The Renaissance, 1969, p. 79.
- ⁶⁰ Неру Дж. Открытие Индии. М.: ИЛ, 1955, с. 460.
- ⁶¹ Ghose Sankar. The Renaissance, 1969, p. 76.
- ⁶² Цит. по: A Centenary History, Vol. One, p. 24–25.
- ⁶³ Ibid., p. 25.
- ⁶⁴ Датт Пальм. с. 21, 128.
- ⁶⁵ Varnika, p. 40, 41.
- ⁶⁶ Ibid.
- ⁶⁷ См.: Зубкова (Бычихина) Л.В. Теософское общество и «национальное пробуждение» в Южной Индии (конец XIX – начало XX в.) // Alaisa. М.: «Восточная литература», 2004, с. 248–268; Егорова М.Н. О Сокровенных Истинах Учения Жизни. М.: Пролог, 2007, с. 174–179.
- ⁶⁸ Ghose Sankar, The Renaissance, p. 46.
- ⁶⁹ Ramaswami Aiyar C.P. Annie Besant. New Delhi: Publications Division. Ministry of Information and Broadcasting. Government of India, 1977, p. 99.
- ⁷⁰ Левковский А.И. Начало массового общендийского национально-освободительного движения (движения Свадеш) // Рейснер И.М. и Н.М. Гольдберг (ред.).

Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б.Г. Тилака. М.: Изд. АН СССР, 1958, с. 322–325.

⁷¹ Sarkar Sumit. *The Swadeshi Movement in Bengal 1903–1908*. New Delhi: People's Publishing House, 1973, p. 17–20.

⁷² О становлении индийского капитализма в конце XIX – в начале XX вв., в том числе и во время движения свадеши, см.: Левковский А.И. Особенности развития капитализма в Индии, с. 67–84; Wolpert Stanley. *A New History of India*. New York, Oxford et al., 2000, p. 276.

⁷³ Цит. по: Комаров Э.Н., Литман А.Д. Мировоззрение Мохандаса Карамчанда Ганди. М.: «Наука», 1969, с. 27.

⁷⁴ Bhattacharya Sabyasachi. *Vande Mataram: In rewind mode* // *Frontline*. Nov. 21–Dec. 04, 2009.

⁷⁵ Цит. по: Э.Н. Комаров, А.Д. Литман. Указ. соч., с. 29.

⁷⁶ Swami Vivekananda. *The Complete Works of Swami Vivekananda*. Calcutta: Advaita Ashrama, Vol. III, 1960, p. 300–301.

⁷⁷ Мантра – молитвенная формула или заклинание, обладающее божественной или магической силой.

⁷⁸ 27 декабря 1911 г. на сессии Конгресса в Калькутте Тагор исполнил сочиненную им песню «Джана-гана-мана» (Душа народа) на бенгали. 24 января 1950 г. Учредительное собрание приняло резолюцию, в соответствии с которой песня «Джана-гана-мана», переведенная на хинди, стала государственным гимном Индии. Песня Тагора «Амар шонар Бангла» («Моя золотая Бенгалия») в 1971 г. стала гимном нового государства Бангладеш.

⁷⁹ Tagore R. *The Spiritual Japan* // *The Modern Review*. June 1917, p. 612–616.

⁸⁰ Общество развития культуры и физической подготовки (Society for the Promotion of Culture and Training // *Sedition Committee Report*, 1918, p. 15).

⁸¹ Цит. по: Ghose Sankar. *The Renainssance*, p. 224, 225.

⁸² Рыбаков Р.Б. Буржуазная реформация индуизма. М.: «Наука», 1981, с. 102–107.

⁸³ Ghose Aurobindo. *The Doctrine of Passive Resistance*. Calcutta: Arya Publishing House, 1948, p. 28–31, 81–83.

⁸⁴ Singh Karan. *Prophet of Indian Nationalism. A Study of the Political Thought of Sri Aurobindo (1893–1910)*. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1967, p. 112.

⁸⁵ О философских взглядах Ауробиндо Гхоша см.: Костюченко В.С. *Интегральная веданта*. М.: «Наука», 1970.

⁸⁶ Smith James Dunlop, Martin Gilbert. *Servant of India*. London: Longmans, 1966, p. 147–148.

⁸⁷ Sarkar Sumit. *The Swadeshi Movement*, p. 113, 114.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 115, 125.

⁸⁹ До 1902 г. эти провинции были известны как Северо-Западные провинции, а в 1937 г. их переименовали в Соединенные провинции.

⁹⁰ Sarkar Sumit. *The Swadeshi Movement*, p. 129–131.

⁹¹ Sen S.K. *Worker, Peasant and Tribal Movements (1885–1919)* // *A Centenary*, Vol. I, p. 408–409; Гордон Л.А. Экономическое положение рабочего класса Бомбея накануне забастовки 1908 г.; Чичеров А.И. Процесс Б.Г. Тилака в июле 1908 года и бомбейская забастовка // Рейснер И.М. и Н.М. Гольдберг, ред. *Национально-*

освободительное движение в Индии и деятельность Б.Г. Тилака, с. 431–495, 496–561.

⁹² Pandey B.N., ed. *The Indian Nationalist Movement 1885–1947. Select Documents*. Delhi: The Macmillan Company of India Ltd., 1979, p.23, 24 (далее – Pandey B.N. *Select Documents*).

⁹³ Phatak N. R., Bha Ga Kunte. *Source material for a history of the freedom movement in India*. Vol. 2. Bombay: Govt. Central Press, 1957, p. 395–396.

⁹⁴ Basu Sankari Prasad. *The Swadeshi Upsurge // A Centenary History*. Vol. One, p. 237–238.

⁹⁵ *A Centenary History*. Vol. One, p. 235.

⁹⁶ *Ibid.*, p. 198, 244–245.

⁹⁷ Дхоти – мужская одежда, которую носят на бедрах, свободный ее конец пропускаясь между ног, закрепляется на талии и может достигать щиколоток.

⁹⁸ Basu Sankari Prasad. *The Swadeshi Upsurge // A Centenary History*. Vol. One, p. 243.

⁹⁹ Varnika, p. 43.

¹⁰⁰ *Ibid.*

¹⁰¹ *Ibid.*

¹⁰² Singh Iqbal. *The Indian National Congress*. Vol. 1, p. 129–139, 141, 146.

¹⁰³ Dodwell H.H., ed. *The Cambridge Shorter History of India*. New Delhi et al.: S. Chand and Co., 1969, p. 883 (далее – *The Cambridge Shorter History of India*).

¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 884.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 884, 885; см. также *Новая история Индии*. М., 1961, с. 633, 634.

¹⁰⁶ Pandey B. N., ed. *Select Documents*, p. 32, 33.

¹⁰⁷ Basu Sankari Prasad. *The Swadeshi Upsurge // A Centenary History*. Vol. One, p. 242.

¹⁰⁸ Varnika, p. 208.

¹⁰⁹ Тедж Бахадур Сапру (1875–1949), выходец из семьи кашмирских брахманов – известный юрист, судья Высокого суда в Аллахабаде, политический и общественный деятель, один из основателей Индийской либеральной партии (1910). Позже он часто выступал посредником в переговорах между Конгрессом и британским правительством, критиковал кампании несотрудничества и «соляной поход» Ганди, был активным сторонником самоуправления и конституционных реформ, но не требования независимости Индии, принимал активное участие во всех трех конференциях круглого стола в Лондоне (1931–1933 гг.), способствовал достижению соглашения между Ганди, Амбедкармом и британским правительством, выразившемся в подписании Пунского пакта [Bose Sunil Kumar. *Tej Bahadur Sapru*. New Delhi: Publications Division, Ministry of Information and Broadcasting, Govt. of India, 1978].

¹¹⁰ Varnika, p. 44.

¹¹¹ Basu S.P. *The Swadeshi Upsurge // A Centenary History*. Vol. One, p. 254.

¹¹² Неру Джавахарлал. *Автобиография*. М.: Изд. ИЛ, 1955, с. 37.

¹¹³ Gokhale G.K. to Bhupendranath Basu on the re-entry of the extremists into Congress. 25 December, 1914. Gokhale Papers, File № 119, Part III. *National Archives of India (NAI)*. New Delhi // Pandey B.N., ed. *Select Documents*, p. 13.

¹¹⁴ Rajput A.B. *Muslim League. Yesterday and Today*. Lahore: Muhammad Ashraf, 1948, p. 14.

- ¹¹⁵ Тагоръ Рабиндранатъ. Национализмъ. Берлин: Изд-во С. Ефронъ (без даты), с. 105.
- ¹¹⁶ О создании и деятельности мусульманских организаций в это время см.: Пономарев Ю.А. История Мусульманской лиги. М.: «Наука», 1982, с. 22–29.
- ¹¹⁷ Мухаммед Али Джинна (1876–1948) начал свою деятельность в качестве одного из лидеров Конгресса, был личным секретарем Дадабхаи Наороджи, придерживался умеренных взглядов, выступал за конституционные методы борьбы. В 1920 г. после начала движения несотрудничества вышел из Конгресса. О его жизни и деятельности см. Стенли Уолперт «Джинна – творец Пакистана». М.: 1997.
- ¹¹⁸ Tyabji B. Hussain. Badruddin Tyabji. A Biography. Bombay, 1952, p. 167.
- ¹¹⁹ Ghosh P.C. The Development of the Indian National Congress 1892–1909. Calcutta, 1960, p. 23.
- ¹²⁰ Азад Абул Калам. Индия добивается свободы. М.: Изд. ИЛ, 1961, с. 37.
- ¹²¹ Rajput A.B. Muslim League Yesterday and Today, 1948, p. 19–20.
- ¹²² Пономарев Ю.А. История Мусульманской лиги Пакистана. М.: «Наука», 1982, с. 34–38.
- ¹²³ Varnika, p. 210, 211.
- ¹²⁴ Prakash Indra. A Review of the History and Work of the Hindu Mahasabha and the Hindu Sanghatan Movement. Delhi: Akhil Bharat Hindu Mahasabha, 1952, p. 13.
- ¹²⁵ Singh Sant Nihal. The Elevation of Depressed Classes // Indian Review, September, 1910; Gupta S.K. Op. cit., p. 169; Gopal Ram. Indian Muslims. A Political History (1858–1947). Bombay, etc.: Asia Publishing House, 1959, p. 111.
- ¹²⁶ История Индии, 1973, с. 363.
- ¹²⁷ Ambedkar Dr. Babasaheb. Writings and Speeches in 17 volumes. Compiled by Vasant Moon. Mumbai: Government of Maharashtra. Education Department. 1979–2001. Vol. I. p. 262–263.
- ¹²⁸ Gupta S.K. Op. cit., p. 191.
- ¹²⁹ Sarkar Sumit. Modern India 1885–1947. Delhi: Macmillan India Ltd., 1984, p. 57.
- ¹³⁰ Keer Dhananjay. Dr. Ambedkar, p. 33.
- ¹³¹ Ambedkar Dr. Babasaheb. Op. cit. Vol. 1, p. 267.
- ¹³² Panandiker V.A.Pai, ed. The Politics of Backwardness: Reservation Policy in India. New Delhi. 1997, p. 97–98.
- ¹³³ A Centenary History. Vol. I, p. 453, 454.
- ¹³⁴ Vijayalakshmi S. Healing the Bridge and the Home Rule // A Centenary History, Vol. I, p. 453–455.
- ¹³⁵ Балабушевич В.В. и Дьяков А.М., отв. ред. Новейшая история Индии. М.: Издательство восточной литературы, 1959, с. 28–29 (далее – Новейшая история Индии).
- ¹³⁶ Statistical Abstract... from 1914–15 to 1923–24, p. 648 // Новейшая история Индии, с. 37.
- ¹³⁷ Kumar Ravinder. Essays in Social History of Modern India. Calcutta: OUP, 1983, p. 222, 223 (далее – Essays).
- ¹³⁸ Цит. по: Ibid., p. 224.
- ¹³⁹ Rai Lajpat. Unhappy India. Delhi: Anmol Publications. (1928) 1985, p. 288, 353, 481.

- ¹⁴⁰ Sanderland J.T. *India in Bondage*. New York, 1929, p. 140, 158.
- ¹⁴¹ Durant Will. *The Case for India*, p. 44, 47, 54, 55.
- ¹⁴² Sunderland J.T. *India in Bondage*, p. 149, 151.
- ¹⁴³ Santimay Ray. *National Revolutionary Movements in India (1900–1918) // A Centenary History*, Vol. 1, p. 379–381.
- ¹⁴⁴ *Sedition Committee 1918, Report*. Great Britain. Government of India. London, 1918, p. 101.
- ¹⁴⁵ Santimay Ray. *National Revolutionary Movements in India (1900–1918)*, p. 367, 376, 378; О деятельности партии «Гадар» и других национально-революционных организаций Индии см.: Райков А.В. *Национальные революционные организации Индии в борьбе за свободу. 1905–1930 гг. М., 1979*; Райков А.В. *Некоторые вопросы эволюции идейно-политических позиций партии «Гадар» // Индия: проблемы истории национально-освободительного движения и современного политического развития*. М.: «Наука», 1980, с. 221–234; см. также статью Х. Обероя, преподавателя истории Южной Азии в Университете Британской Колумбии, Ванкувер (Канада) на эту же тему: Oberoi Harjot. *Ghadar Movement and its Anarchist Genealogy // EPW*. Dec. 12, 2009, p. 40–46.
- ¹⁴⁶ Roy M.N. *M.N. Roy's Memoirs*. Calcutta: Allied Publishers, 1964, p. 289–290.
- ¹⁴⁷ Vijayalakshmi S. *Healing the Breach and the Home Rule Movement // A Centenary History*, Vol. 1, p. 458–460.
- ¹⁴⁸ Ghose Sankar. *The Renaissance*, p. 335.
- ¹⁴⁹ Jawaharlal Nehru on the Home Rule Movement and the internment of Mrs Annie Besant, 21 June 1917 // Pandey B.N., ed. *Select Documents*, p. 49.
- ¹⁵⁰ Aiyar C.P. Ramaswami. *Annie Besant*, p. 126.
- ¹⁵¹ A.I.C.C. *Files 1885–1947 – Resolution of Lucknow Session, December 1916 // Цит. по: A Centenary History*, Vol. 1, p. 469, Note 66.
- ¹⁵² Bannerjee Tarasankar. *Congress during 1917–1919. The Environment in Motion // A Centenary History*. Vol. 1, p. 520.
- ¹⁵³ После достижения Индией независимости в 1947 г. этот триколор стал государственным флагом страны. Прялку на белом поле флага, которая была ранее добавлена М.К. Ганди, заменила *дхарма чакра* (колесо закона) Ашоки.
- ¹⁵⁴ Banerjea Surendranath. *A Nation in Making*: London: Oxford University Press, 1925, p. 283, 285.
- ¹⁵⁵ *The Cambridge Shorter History of India*, p. 909–910.
- ¹⁵⁶ *Ibid.*, p. 910.
- ¹⁵⁷ *Ibid.*, p. 911–912.
- ¹⁵⁸ *Ibid.*, p. 913.
- ¹⁵⁹ *Ibid.*, p. 914–919.
- ¹⁶⁰ На сессии Конгресса в 1919 г. в Амритсаре, в работе которой Тилак в последний раз принял участие, он в беседе с журналистом Дурга Дасом сказал: «Я могу не дожить до самоуправления Индии, но последующему поколению это удастся сделать, если оно будет много трудиться и направит усилия на решение новых задач. Я считаю, что волнения в Панджабе, введение военного положения и побоище в Джалиявалла багх... привнесли в политическую атмосферу дух восстания, новым символом которого является Ганди. Я не стану на его пути,

хотя и считаю, что максимальный результат даст сотрудничество [с англичанами] на определенных условиях» [Das Durga. India: From Curzon to Nehru and After. London: Collins, 1969].

¹⁶¹ Singh Iqbal. The Indian National Congress. Vol. Two: 1919–1923. New Delhi: Manohar, 1988, p. 236.

¹⁶² Подробнее см.: Рейснер И.М. и Н. М. Гольдберг (ред). Национально-освободительное движение и деятельность Тилака.; Karandikar S.L. Lokmanya Bal Gangadhar Tilak. Poona: 1957.

¹⁶³ Ганди Мохандас Карамчанд. Моя жизнь. М.: «Наука», 1969, с. 39–117, 137.

¹⁶⁴ По приезде в Бомбей в 1915 г. Ганди был награжден правительством Индии золотой медалью за гуманитарные заслуги во время его деятельности в Южной Африке [Nanda B.R. Mahatma Gandhi. A Biography. London: Unwin Books, 1959, p. 83; подробнее см.: Шаститко П.М. Сто лет бесправия (Положение индийцев в Южно-Африканском Союзе. 1860–1960 гг. М.: Изд-во Восточной литературы, 1963).

¹⁶⁵ Nehru J. Statement in Rajya Sabha. March 27, 1961 // Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. Four, 1957–1963. New Delhi: Publication Division. Ministry of Information and Broadcasting. Government of India. 1964, p. 337.

¹⁶⁶ Kripalani J.B. Gandhi. His Life and Thought. New Delhi: Publication Division. Ministry of Information and Broadcasting. Government of India, 1975, p. 49–50.

¹⁶⁷ Акт, совершенный ради защиты своих религиозных убеждений, в шиваизме получил название «сатьяграха» или упорство в истине.

¹⁶⁸ Hingurani Anand H. The Science of Satyagraha. Bombay: Bharatiya Vidya, 1962, p. 22.

¹⁶⁹ Tendulkar D.G. Mahatma: Life of Mohandas Karamchand Gandhi. 8 vols. Delhi: The Publications Division. Ministry of Information and Broadcasting. Government of India (Reprinted Oct., 1969). Vol. I, p. 280.

¹⁷⁰ Young India. 14 January, 1920.

¹⁷¹ Brown J.M., ed. (Introduction & Notes). Mahatma Gandhi. The Essential Writings. New York: OUP, 2008, p. 309–375.

¹⁷² Tendulkar D.G.. Mahatma. Vol. 5, p. 38.

¹⁷³ Ibid. Vol. 7, p. 135.

¹⁷⁴ Ibid. Vol. 2, p. 87, 88.

¹⁷⁵ Ганди Мохандас Карамчанд. Моя жизнь, с. 151.

¹⁷⁶ Цит. по: Gandhi Indira. Selected Speeches and Writings of Indira Gandhi. Vol. III. (September 1972–March 1977), p. 304.

¹⁷⁷ Young India, 11 August 1920.

¹⁷⁸ Tendulkar D.G. Mahatma. 1960. Vol. II, p. 47–49; см.: Rolland Romain. Mahatma Gandhi. New Delhi: Publication Division, Patiala House, (1924) 1969.

¹⁷⁹ Fischer Louis. A Week with Gandhi. New York: Duell, Sloan and Pearce: USA, 1942, p. 24.

¹⁸⁰ Kripalani J.B. Gandhi, p. 1–58.

¹⁸¹ Ганди Мохандас Карамчанд. Моя жизнь, с. 386–388, 389.

¹⁸² Прасад Раджендра. Автобиография. М.: ИЛ, 1961, с. 105–107.

¹⁸³ Varnika, p. 211.

- ¹⁸⁴ Tendulkar D.G. Mahatma. Vol. I, p. 223.
- ¹⁸⁵ Ibid., p.226; Kripalani J.B. Gandhi, p. 57–58.
- ¹⁸⁶ Fischer Louis. A Week with Gandhi, p. 99.
- ¹⁸⁷ Nanda B.R. Mahatma Gandhi, p. 100–102.
- ¹⁸⁸ The Kheda Satyagraha: M.K.Gandhi's speech, 10 April 1918 // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 51.
- ¹⁸⁹ Неру Дж. Автобиография, с. 275.
- ¹⁹⁰ The Ahmedabad Satyagraha: M.K.Gandhi to Ambalal Sarabhai, 21 December 1917 // Pandey B.N. Select documents, p. 50, 51.
- ¹⁹¹ Nanda B.R. Mahatma Gandhi, p. 102–104.
- ¹⁹² Новейшая история Индии, с. 50; Varnika, p. 49, 50.
- ¹⁹³ The Rowlatt Satyagraha: M.K.Gandhi's instructions to the Satyagrahis, 7 April 1919 // Pandey B.N., ed. Select documents., p. 51, 52.
- ¹⁹⁴ См.: Пригарина Н.И. Поэтика творчества Мухаммада Икбала. М.: «Наука», 1978.
- ¹⁹⁵ Kumar Ravinder. Essays, p. 185–188, 212.
- ¹⁹⁶ Неру Дж. Автобиография, с. 55.
- ¹⁹⁷ Подробнее см.: Райков А.В. Амритсарская трагедия 1919 г. и освободительное движение в Индии. М.: «Наука», 1985.
- ¹⁹⁸ Jha J.C. The Struggle for Swaraj (1919–1922) // A Centenary History. Vol. II: 1919–1935, p. 58.
- ¹⁹⁹ Неру Дж. Автобиография, с. 55; Varnika, p. 52.
- ²⁰⁰ Collett Nigel. The Butcher of Amritsar: General Reginald Dyer. London and New York: Hambledon and London, 2005, p. 380 // Цит. по: Tunzelmann Alex von. Indian Summer. The Secret History of the End of an Empire. New York: Henry Holt and Co, 2007, p. 42–43.
- ²⁰¹ Chopra P.N., ed. India's Major Non-Violent Movements 1919–1934 (British Secret Reports on Indian People's Peaceful Struggle for Political Liberation). New Delhi: Vision Books, 1979, p. 13–14.
- ²⁰² Цит. по: А.В. Райков. Амритсарская трагедия 1919 г., с. 96, 100.
- ²⁰³ Там же, с. 101.
- ²⁰⁴ M.K. Gandhi to Viceroy on the Non-cooperation Movement, 1 August 1920 // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 52, 53.
- ²⁰⁵ Jha J.C. The Struggle for Swaraj (1919–1922), p. 70
- ²⁰⁶ Ghose Sankar. Socialism, Democracy and Nationalism in India. Calcutta: Allied Publishers. 1973, p. 44, 45; Durant Will. The Case for India, p. 73–74; Jha J.C. The Struggle for Swaraj, p. 78, note 184.
- ²⁰⁷ Birla G.D. In the Shadow of the Mahatma. A Personal Memoir. Bombay, Calcutta, Madras: Orient Longmans Ltd., 1953, p. 2.
- ²⁰⁸ Kaushik P.D. The Congress Ideology and Programme, 1920–47. Bombay, New Delhi, 1964, p. 34.
- ²⁰⁹ Jha J.C. The Struggle for Swaraj, p. 80.
- ²¹⁰ Khaparde. Diary, 1920. Indian National Archive (NAI) // A Centenary History, Vol. II, p. 75, 76.
- ²¹¹ Цит. по: Singh Iqbal. The Indian National Congress. Vol.2, p. 241–242.
- ²¹² Ibid., p. 243, 244.

- ²¹³ Цит. по: Ibid., p. 244; см.: Rolland Romain. Op. cit., p. 83–84.
- ²¹⁴ Pandit Vijaya Lakshmi. *The Scope of Happiness : a Personal Memoir*. New York: Crown, 1979, p. 180.
- ²¹⁵ Fischer Louis. *A Week with Gandhi*, p. 8.
- ²¹⁶ Gandhi M.K. *Young India*. 23 February, 1921 // Ганди Мохандас Карамчанд. *Моя жизнь*, с. 490–491.
- ²¹⁷ Jha J.C. *The Struggle for Swaraj*, p. 82.
- ²¹⁸ Ibid., p. 82, 83.
- ²¹⁹ Henningham Stephen. *Peasant Movement in Colonial India: North Bihar, 1917–42*. Canberra: ANU, 1982, p. 70–89.
- ²²⁰ Неру Дж. *Автобиография*, с. 88, 89.
- ²²¹ Джаджмани – традиционная система внутриобщинного обмена услугами, наследственно закрепленными за кастами. Чем ниже ритуальный статус касты, тем больше у нее было строго обозначенных трудовых обязанностей в отношении других каст. Эта система обеспечивала высшим кастам экономическую и социальную эксплуатацию низших каст [Алаев Л.Б. *Сельская община в Северной Индии*. М.: «Наука», 1981, с. 205].
- ²²² Qanungo S.N. *The Struggle for Purna Swaraj (1930–1935) // A Centenary*. Vol. II, p. 204–205.
- ²²³ Nanda B.R. *Mahatma Gandhi*, p. 195.
- ²²⁴ Sunderland J.T. *India in Bondage*, p. 149, 151.
- ²²⁵ Chopra P.N., ed. *India's Major Non-Violent Movements*, p. 65, 76–78.
- ²²⁶ Kumar Ravinder. *Essays*, p. 199.
- ²²⁷ Ганди М.К. *Моя жизнь*, с. 537–539.
- ²²⁸ Chopra P.N., ed. *India's Major Non-Violent Movements*, p. 64.
- ²²⁹ Kumar Ravinder. *Essays*, p. 251–253, 261.
- ²³⁰ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. *История Пакистана: XX век*, с. 38, 39.
- ²³¹ Неру Дж. *Автобиография*, с. 57, 58.
- ²³² M.K.Gandhi to Viceroy on Non-cooperation Movement, 1 August 1920 // Pandey B.N., ed. *Select Documents*, p. 52–53.
- ²³³ Singh Iqbal. *The Indian National Congress*. Vol. II, p. 239.
- ²³⁴ Majumdar R.C. *History of the Freedom Movement in India*. Vol. III, p. 190–194.
- ²³⁵ Niemijer A. C. *Khalifat movement in India*. The Hague, 1972.
- ²³⁶ Singh Iqbal. *Indian National Congress*. Vol. II, p. 266, 267.
- ²³⁷ Majumdar R.C. *History of the Freedom Movement in India*. Vol. III, p. 195, 196.
- ²³⁸ Kumar Ravinder. *Essays*, p. 258.
- ²³⁹ Ibid., p. 260.
- ²⁴⁰ Jha J.C. *The Struggle for Swaraj*, p. 89.
- ²⁴¹ Singh Iqbal. *Indian National Congress*. Vol. II, p. 277.
- ²⁴² Varnika, p. 219.
- ²⁴³ Singh Iqbal. *Indian National Congress*. Vol. II, Appendix II, p. 557.
- ²⁴⁴ Ghose Sankar. *Socialism, Democracy*, p. 44, 45.
- ²⁴⁵ Singh Iqbal. *Indian National Congress*. Vol. II, p. 282–284, 288.
- ²⁴⁶ Gandiji's Resolution at Ahmedabad Congress Session. December 28, 1921 // Singh Iqbal. *Indian National Congress*. Vol. II, Appendix II, p. 555–558.

- ²⁴⁷ Singh Iqbal, Indian National Congress. Vol. II, p. 303–306.
- ²⁴⁸ Ibid., p. 311–313.
- ²⁴⁹ Nanda B.R. Mahatma Gandhi, p. 131–137.
- ²⁵⁰ Неру Дж. Автобиография, с. 93, 94.
- ²⁵¹ Bose S.Ch. The Indian Struggle 1920–1942. Bombay, etc.: Asia Publishing House. 1964, p. 73.
- ²⁵² Ibid. p. 69.
- ²⁵³ Bamford P.C., Deputy Director, Intelligent Bureau, Home Department, Government of India. Confidential. History of the Non-cooperation Movement (1919–24). Part I // Chopra P.N., ed. India's Major Non-Violent Movements, p. 84, 85.
- ²⁵⁴ Неру Дж. Автобиография, с. 531, 571.
- ²⁵⁵ M.K. Gandhi to Jawaharlal Nehru on the Suspension of the Non-cooperation Movement, 19 February 1922 // Pandey B.N., ed. Select documents, p. 55, 56.
- ²⁵⁶ Pandit Vijaya Lakshmi. Op. cit. p. 82–86.
- ²⁵⁷ Прасад Раджендра. Указ. соч., с. 236.
- ²⁵⁸ Durant Will. Op. cit., p. 85.
- ²⁵⁹ Bose S.Ch. The Indian Struggle, p. 114–116.
- ²⁶⁰ Jha J.C. The Struggle for Swaraj, p. 94.
- ²⁶¹ Chopra P.N., ed. India's Major Non-Violent Movements, p. 85, 86.
- ²⁶² Bose S. Ch. The Indian Struggle 1920–1942, p. 75.
- ²⁶³ Новейшая история Индии, с. 129.
- ²⁶⁴ Nanda B.R. The Swarajist Interlude // A Centenary History, Vol. II, p. 115.
- ²⁶⁵ Неру Дж. Автобиография, с. 121.
- ²⁶⁶ Цит. по: Ghose Sankar. Socialism, Democracy, p. 178.
- ²⁶⁷ Ibid., p. 325.
- ²⁶⁸ Majumdar R.C. History of the Freedom Movement. Vol. III, p. 247–249.
- ²⁶⁹ Nanda B.R. The Swarajist Interlude, p. 127, 130.
- ²⁷⁰ Ibid., p. 129.
- ²⁷¹ Sittaramayya Bhogaraju Pattabhi. History of the Indian National Congress. Vol. I, Bombay: Padma Publ., 1946, p. 288.
- ²⁷² Bose S.Ch. The Indian Struggle, p. 113.
- ²⁷³ Nanda B.R. The Swarajist Interlude, p. 131.
- ²⁷⁴ Ibid., p. 135.
- ²⁷⁵ Nanda B.R. The Swarajist Interlude, p. 141.
- ²⁷⁶ The Cambridge Shorter History of India, p. 922–923.
- ²⁷⁷ Varnika, p. 224.
- ²⁷⁸ Prakash Indra. Op. cit., p. 43.
- ²⁷⁹ Ibid., p. 49.
- ²⁸⁰ Ghose Sankar. Socialism, Democracy, p. 144–153.
- ²⁸¹ Singh Iqbal. The Indian National Congress. Vol. Two Vol. II, p. 112; Shradhdhanda. Inside Congress. Bombay: Phoenix, 1946, p. 195–196.
- ²⁸² Majumdar R.C. History of the Freedom Movement. Vol. III, p. 275, 276.
- ²⁸³ Ibid., p. 272–273.
- ²⁸⁴ Ibid., p. 280, 281.
- ²⁸⁵ Ibid., p. 283.

- ²⁸⁶ Ibid., p. 286.
- ²⁸⁷ Baxter Craig. The Jana Sangh. A Biography of an Indian Political Party. Philadelphia. University of Pennsylvania Press, 1969, p. 33.
- ²⁸⁸ Parmananda Bhai. Hindu Sanghatan. Lahore, 1936, p. 190, 191, 228; Rajput A.B. Op. cit., p. 54, 55.
- ²⁸⁹ РСС имеет строгую вертикальную структуру управления – от верховного руководителя (*сарсангчалака*–вождя) и всеиндийского рабочего комитета через комитеты в штатах и дистриктах до первичной ячейки (шакха). Подробно см.: Клюев Б.И. Религия и конфликт в Индии. М.: ИВ РАН, 2002, с. 211–218.
- ²⁹⁰ Golwalkar M.S. We Or Our Nationhood Defined. Nagpur: Bharat Prakashan, 1947, p. 55–56; Golwalkar M.S. Why Hindu Rashtra? Bangalore: Kesari, 1962; Golwalkar M.S. Bunch of Thoughts. Bangalore: Vikrama Prakashan, 1966.
- ²⁹¹ В начале XX в. в Конгрессе преобладали брахманы, которые насчитывали всего около 6% населения страны, из них порядка 10% на Севере и 2–3% на Юге. Основная же масса населения состояла из небрахманских каст, включая самые низшие, так называемые угнетенные классы или неприкасаемые – 19%.
- ²⁹² Подробнее см.: Юрлова Е.С. От неприкасаемых к далитам, с. 62–74; Omvedt Gail. Dalits and the Democratic Revolution: Dr. Ambedkar and the Dalit Movement in Colonial India. New Delhi: Sage Publications, 1994.
- ²⁹³ Абсентеисты – землевладельцы, живущие вне своего имения и не занимающиеся ведением собственного хозяйства.
- ²⁹⁴ Еще в древности брахманы на территории Южной Индии были преимущественно выходцами с севера страны [Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. История Индии. М.: Дрофа, 2010, с. 147].
- ²⁹⁵ Шастры, или *дхарма*-шастры, – брахманские сборники наставлений этического характера для членов различных социальных групп. Их появление относят ко II веку до н.э. – VI веку н.э.
- ²⁹⁶ Dirks Nicholas B. Recasting Tamil Society: The Politics of Caste and Race in Contemporary Southern India // J.C.Fuller, ed. Caste Today. New Delhi: Oxford University Press, 1997, p. 279–280.
- ²⁹⁷ Ramachandran N. Dravidian Patriarch Periyar E.V.R's Visit to Russia – 1932. Chennai: Periyar Centre, 2009.
- ²⁹⁸ Natarajan S. History of Social Reforms 1818–1947 // Encyclopedia of Social Work in India. Vol. I, New Delhi, 1968, p. 409.
- ²⁹⁹ См.: Гусева Н.Р. О сектах в сикхизме // Струве В.В., Ольдерогге Д.А., ред. Страны и народы Востока. Выпуск V. Индия – страна и народ. М.: «Наука», 1967.
- ³⁰⁰ Keer Dhananjay. Dr. Ambedkar., p. 8.
- ³⁰¹ Natesan G.A. The Depressed Classes (in India). An Enquiry into their Conditions. New Delhi: Gitanjali Prakashan, (1912) 1977, p. 37–42.
- ³⁰² Keer Dhananjay. Dr. Ambedkar, p. 36–37.
- ³⁰³ См.: Костюченко В.С. Классическая веданта и неоведантизм. М., 1983.
- ³⁰⁴ Там же, с. 274.
- ³⁰⁵ Pandit Vijaya Lakshmi. The Scope of Happiness, p. 63–68; Fischer Louis. The Life of Mahatma Gandhi. London: Jonathan Cape, 1951, p. 7–8.

- ³⁰⁶ Bose Subhas Chandra. *The Indian Struggle 1920–1942*. Calcutta: Asia Publishing House, 1967, p. 49–50.
- ³⁰⁷ Fischer Louis. *A Week with Gandhi*, p. 68.
- ³⁰⁸ Ray Baren, ed. *Gandhi's Campaign Against Untouchability, 1933–1934. An Account from the Raj's Secret Official Reports*. New Delhi: Gandhi Peace Foundation, 1996, p. 23.
- ³⁰⁹ Ганди Мохандас Карамчанд. *Моя жизнь*, с. 490.
- ³¹⁰ Ray Baren, ed. *Gandhi's Campaign*, p. 26.
- ³¹¹ *Ibid.*, p. 30.
- ³¹² *Ibid.*, p. 39.
- ³¹³ Ambedkar Dr. Babasaheb, Vol. 1, p. 78.
- ³¹⁴ Tendulkar D.G., *Mahatma*. Vol. III, p. 185.
- ³¹⁵ Неру Дж. *Автобиография*, с. 197–201.
- ³¹⁶ Bose S.Ch. *Op. cit.*, p. 155.
- ³¹⁷ Kaura Uma. *Muslims and Indian Nationalism*. Delhi, 1977, p. 45.
- ³¹⁸ Bose S.Ch. *Op. cit.*, p. 151.
- ³¹⁹ Nehru Motilal to M.K.Gandhi on the Calcutta Convention (December 1928), 14 August 1929 // Pandey B. N., ed. *Select Documents*, p. 63, 64.
- ³²⁰ Bose S.Ch. *The Indian Struggle 1920–1942*, p. 151.
- ³²¹ Ghose Sankar. *Socialism, Democracy*, p. 82.
- ³²² Цит. по: Qanungo S.N. *The Struggle for Purna Swaraj*, p. 176.
- ³²³ Bose S.Ch. *Op. cit.*, p. 157.
- ³²⁴ Nanda B.R. *Mahatma Gandhi*, p. 155.
- ³²⁵ Цит. по: Qanungo S.N. *The Struggle for Purna Swaraj*, p. 175.
- ³²⁶ Majumdar R.C. *History of the Freedom Movement*. Vol. III, p. 316.
- ³²⁷ Jawaharlal Nehru to M.K.Gandhi on the Independence Resolution of the Madras Congress (1927), 11 January 1928 // Pandey B.N., ed. *Select Documents*, p. 61–63.
- ³²⁸ Неру Дж. *Автобиография*, с. 217, 218.
- ³²⁹ Majumdar R.C. *History of the Freedom Movement*. Vol. I, p. 559.
- ³³⁰ Qanungo S. N. *The Struggle for Purna Swaraj*, p. 178.
- ³³¹ *Ibid.*, p. 179.
- ³³² Luce Edward. *In Spite of the Gods: The Strange Rise of Modern India*. New York, London et al.: Doubleday, 2007, p. 184.
- ³³³ Qanungo S.N. *The Struggle for Purna Swaraj*, p. 179.
- ³³⁴ *Ibid.*, p. 180.
- ³³⁵ Joshi Kalpana (Datta). *Chittagong Armoury Raiders: Reminiscences*. New Delhi: PPH, 1945, p. 50–51.
- ³³⁶ Цит. по: *A Centenary History*. Vol. II, p. 609.
- ³³⁷ *Ibid.*, p. 611.
- ³³⁸ Цит. по: Adhikari G. *Development of Ideology of the National Revolutionaries // Nitish Ranjan Ray and others, eds. Challenge. A Saga of India's Struggle for Freedom*. New Delhi: PPH, 1984, p. 12.
- ³³⁹ Райков А.В. *Национальные революционные организации Индии; Mukherjee Hiren. Who Fought for India's Freedom?* New Delhi: PPH, 1984.

- ³⁴⁰ Muzaffar Ahmed. Communist Party of India and its Formation Abroad. Calcutta, 1962; Sardesai S.G. India and the Russian Revolution. New Delhi: CPI Publication, 1967.
- ³⁴¹ Девяткина Т.Ф., Егорова М.Н., Мельников А.М. Зарождение коммунистического движения в Индии. Очерки истории. М.: «Наука», 1978.
- ³⁴² Adhikari G. Documents of the History of the Communist Party of India. New Delhi: PPH, 1971, p. 371–373.
- ³⁴³ Namboodiripad E.M.S. A History of Indian Freedom Struggle. Trivandrum: Social Scientist Press, 1986, p. 311.
- ³⁴⁴ Правда. 22.03.1929.
- ³⁴⁵ Communists Challenge Imperialism from the Dock. Calcutta: PPH, 1967, p. III–IV, 305.
- ³⁴⁶ Guidelines of the History of the Communist Party of India. New Delhi: PPH, 1974, p. 24.
- ³⁴⁷ Namboodiripad E.M.S. A History of Indian Freedom Struggle, p. 322–324.
- ³⁴⁸ Roy Subodh, ed. Communism in India. Unpublished Documents 1925–1934. New Delhi: PPH, 1972, p. 31, 32, 109.
- ³⁴⁹ Ibid., p. 111.
- ³⁵⁰ Communists Challenge Imperialism, p. 298, 299.
- ³⁵¹ Roy Subodh, ed. Communism in India, p. 114–116.
- ³⁵² Communists Challenge Imperialism, p. 306.
- ³⁵³ Choudhury S. Peasants and Workers Movement in India, 1905–1929. New Delhi: PPH, 1971, p. 255, 256.
- ³⁵⁴ Communists Challenge Imperialism, p. X, 306.
- ³⁵⁵ Guidelines of the History of the Communist Party, p. 30.
- ³⁵⁶ Roy Subodh, ed. Communism in India, p. 116, 117.
- ³⁵⁷ Dange S.A. Selected Writings. Vol. 2. Bombay, 1977, p. XVII, XVIII.
- ³⁵⁸ Guidelines of the History of the Communist Party, p. 30.
- ³⁵⁹ Nanda B.R. Mahatma Gandhi, p. 158.
- ³⁶⁰ Гхош Аджой. Статьи и речи. М., 1962, с. 20, 21, 31.
- ³⁶¹ Communists Challenge Imperialism, p. XIV, 306.
- ³⁶² Guidelines of the History of the Communist Party, p. 30, 31.
- ³⁶³ Roy Subodh, ed. Communism in India, p. 164, 165.
- ³⁶⁴ Неру Дж. Автобиография, с. 385.
- ³⁶⁵ Namboodiripad E.M.S. A History of Indian Freedom Struggle, p. 513, 514; Райков А.В. Национальные революционные организации Индии, с. 241.
- ³⁶⁶ Namboodiripad E.M.S. Kerala. Society and Politics. An Historical Survey. New Delhi, 1984.
- ³⁶⁷ Saha Panchanan. History of the Working Class Movement in Bengal. New Delhi: PPH, 1978, p. 185–186.
- ³⁶⁸ Abdullah Rasul M. Tebhaga Struggle of Bengal. New Delhi: PPH, 1986; Котовский Г.Г., отв. ред. Классовая борьба в современной Индии. М.: «Наука», 1969, с. 50–51.
- ³⁶⁹ Подробно см.: Новейшая история Индии, с. 457, 514, 545.
- ³⁷⁰ Неру Дж. Автобиография, с. 222–223.
- ³⁷¹ Там же, с. 182.

- ³⁷² Pledge taken on Independence Day, 26th January 1930 // Pandey B.N., ed. *Select Documents*, p. 64, 65.
- ³⁷³ Tendulkar D.G. *Mahatma*. Vol. II, p. 15–16.
- ³⁷⁴ Qanungo S.N. *The Struggle for Purna Swaraj*, p. 208.
- ³⁷⁵ *Ibid.*, p. 209.
- ³⁷⁶ *Ibid.*, p. 210.
- ³⁷⁷ Simon Report. London 1930, Vol. II, p. 18, 36, 60, 90, 290 // Цит. по: Durant Will. *Op. cit.*, p. 144–149.
- ³⁷⁸ Fischer Louis. *The Life of Mahatma Gandhi*, p. 269.
- ³⁷⁹ Nanda B.R. *Mahatma Gandhi*, p. 166–168.
- ³⁸⁰ Baig Tara Ali. Sarojini Naidu. New Delhi: Publications Division, Government of India, 1974, p. 106–109; Калининкова Е.Я. Сароджини Найдуду – поэтесса и политик // *Азия и Африка сегодня*, 1999, № 9.
- ³⁸¹ Chattopadhyaya Kamaladevi. *The Struggle for Freedom* // Tara Ali Baig, ed. *Women of India*. New Delhi: The Publications Division, 1958, p. 18.
- ³⁸² Baig Tara Ali, ed. *Women of India*, p. 25.
- ³⁸³ Неру Дж. Автобиография, с. 236; «Диктаторами» называли членов Конгресса, имена которых были занесены в список, составленный Комитетом Конгресса. Поскольку в условиях борьбы и заключения многих в тюрьмах, когда после ареста очередного лидера нельзя было проводить выборы нового, на его место заступал следующий конгрессист из списка. «Диктатор» имел все полномочия отдавать приказы в отношении продолжения кампании несотрудничества, и все члены Конгресса подчинялись ему. Одним из таких «диктаторов» в январе 1932 г. была Пандит [Pandit Vijaya Lakshmi. *Op. cit.*, p. 102].
- ³⁸⁴ Liddle Joanna and Rama Joshi. *Daughters of Independence: Gender, Caste and Class in India*. New Delhi: Kali for Women, 1986, p. 36.
- ³⁸⁵ Цит. по: Неру Дж. *Открытие Индии*, с. 477.
- ³⁸⁶ Там же, с. 478.
- ³⁸⁷ Nanda B.R. *Mahatma Gandhi*, p. 170.
- ³⁸⁸ Гордон-Полонская Л.Р. Подготовка английским правительством нового акта об управлении Индией и позиция индийских политических партий (1928–1933 гг.) // *Ученые записки Института востоковедения*. Том XVIII. М.: АН СССР, 1957, с. 383, 384.
- ³⁸⁹ Юрлова Е.С. *Неприкасаемые в Индии*. М.: «Наука», 1989, с. 76–80.
- ³⁹⁰ Неру Дж. Автобиография, с. 263, 264.
- ³⁹¹ The Gandhi–Irwin Pact, 5 March 1931, Home Political File 5/45/31 (NAI) // Pandey B.N., ed. *The Indian Nationalist Movement, 1885–1947, Select Documents*, p. 65–67.
- ³⁹² Неру Дж. Автобиография, с. 279; Nanda B.R. *Mahatma Gandhi*, p. 171, 172.
- ³⁹³ Bose S.C. *Op. cit.*, p. 201, 202.
- ³⁹⁴ Неру Дж. Автобиография, с. 194–195.
- ³⁹⁵ Bose S.C. *Op. cit.*, p. 204, 205.
- ³⁹⁶ Resolution of Congress on fundamental rights, 6–8 August 1931. *The Indian National Congress, 1930–34*, p. 119–20 // Pandey B.N., ed. *Select Documents*, p. 67, 68.
- ³⁹⁷ Bose S.Ch. *Op. cit.*, p. 209, 210.

- ³⁹⁸ Congress Directives to M.K.Gandhi at the Second Round Table Conference, September 1931. M.K.Gandhi Papers (GMM) // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 68–70.
- ³⁹⁹ Nanda B.R. Mahatma Gandhi, p. 183.
- ⁴⁰⁰ Ibid., p. 176.
- ⁴⁰¹ Gandhi Devadas to Jawaharlal Nehru on the Round Table Conference, 2 October 1931. Nehru Papers (NMML) // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 71–73.
- ⁴⁰² Qanungo S.N. The Struggle for Purna Swaraj, p. 254.
- ⁴⁰³ Tendulkar D.G. Mahatma. Vol. III, p. 127–128.
- ⁴⁰⁴ Юрлова Е.С. Неприкасаемые в Индии, с. 29–31.
- ⁴⁰⁵ Presidential Address to the Indian Congress, 1923 by Moulana Mohamed Ali, Congress Presidential Address, Second Series, p. 700 // Цит. по: Gupta S.K. The Scheduled Castes in Modern Indian Politics, p. 50; Varnika, p. 222.
- ⁴⁰⁶ Неру Дж. Автобиография, с. 342, 343.
- ⁴⁰⁷ Qanungo S.N. The Struggle for Purna Swaraj, p. 261.
- ⁴⁰⁸ Неру Дж. Автобиография, с. 348, 359, 360.
- ⁴⁰⁹ Уолперт Стенли. Джинна–творец Пакистана. М.: «Рудомино», 1997, с. 157.
- ⁴¹⁰ Separate Electorate for the untouchables. M.K.Gandhi to Ramsay MacDonald, 18 August 1932. Home Political File № 31/113/32, (NAI) // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 73, 74.
- ⁴¹¹ Ramsay MacDonald to M.K.Gandhi, 8 September, 1932. Home Political File № 31/113/32, (NAI) // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 74; Bose S.Ch. Op. cit., p. 221, 246.
- ⁴¹² Verma Mukut Behari. History of the Harijan Sevak Sangh (1932 to 1968). Delhi: Harijan Sevak Sangh. 1971, p. 35.
- ⁴¹³ Крипалани К. Рабиндранат Тагор. М., 1983, с. 238.
- ⁴¹⁴ Birla G.D. In the Shadow of the Mahatma, p. 68.
- ⁴¹⁵ Qanungo S.N. The Struggle for Purna Swaraj, p. 262–266; Прасад Р. Автобиография, с. 344–346.
- ⁴¹⁶ Kumar Ravinder. Gandhi, Ambedkar and the Poona Pact, 1932 // Kumar Ravinder. The Making of a Nation: Essays in Indian History and Politics. New Delhi: Manohar, 1980; Kumar Ravinder. The Pact that Saved A Society // Weekend Telegraph. Calcutta. 17.06, 24.06. 1989.
- ⁴¹⁷ The Poona Pact, September 1932. Home Political, File №, 41/5/32 (NAI) // Pandey B.N., ed. Select Documents, Select Documents, p. 74, 75.
- ⁴¹⁸ Verma Mukut Behari. History of the Harijan Sevak Sangh, p. 245.
- ⁴¹⁹ Tendulkar D.G. Mahatma Vol. 3, p. 174.
- ⁴²⁰ Уолперт Стенли. Джинна – творец Пакистана, с. 158.
- ⁴²¹ Constitutional Relations Between Britain and India: The Transfer of Power. 12 vols. London: Her Majesty's Stationary Office, 1970–1983. Vol. VII, № 603, 1977, p. 1034 (далее – TOP).
- ⁴²² Ray Baren. Gandhi's Campaign, p. 35.
- ⁴²³ Tendulkar D.G. Mahatma. Vol. 3, p. 182.
- ⁴²⁴ Harijan. January 11, 1936 // Цит. по: Nanda B.R. Mahatma Gandhi, p. 188–193, 199.
- ⁴²⁵ Ibid., p. 200.
- ⁴²⁶ Keer Dhananjay. Dr. Ambedkar, p. 229; Tendulkar D.G. Mahatma. Vol. III, p. 196.

- ⁴²⁷ Неру Дж. Автобиография, с. 360.
- ⁴²⁸ Qanungo S. N. The Struggle for Purna Swaraj, p. 268.
- ⁴²⁹ Bose S.Ch. Op. cit., p. 248.
- ⁴³⁰ Ram Jaggivan. Caste Challenge in India. New Delhi: Vision Books., 1980, p. 44.
- ⁴³¹ Sarkar Sumit, Modern India 1885–1947, p. 283.
- ⁴³² Lord Irwin to Purshotamdas Thakurdas on the Civil Disobedience Movement, 29 September 1930 // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 111.
- ⁴³³ Birla G.D. In the Shadow of the Mahatma, p. 55–56.
- ⁴³⁴ Ibid., p. 138.
- ⁴³⁵ Цит. по: Ghose Sankar. Socialism and Communism in India. Bombay, etc.: Allied Publishers, 1971, p. 1.
- ⁴³⁶ Ranade M.G. Essays on Indian Economics. Bombay 1899, p. 19–20, 31–34 // Цит. по: Ghose Sankar. Socialism and Communism in India, p. 4, 5.
- ⁴³⁷ Ray Lala Lajpat. India's Will to Freedom. Madras: Ganesh & Co, 1921, p. 23, 24, 29, 30, 33, 36.
- ⁴³⁸ Pal B.C. The World Situation and Ourselves. Calcutta, 1919, p. 40–43, 61–64; Ray Lala Lajpat. India's Will to Freedom, p. 36, 37.
- ⁴³⁹ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 2. М.: «Прогресс», 1981, с. 371.
- ⁴⁴⁰ Nehru Jawaharlal. A Bunch of Old Letters. Bombay: Asia Publishing House, 1958, p. 353.
- ⁴⁴¹ Bose S. Ch. Selected Speeches. Calcutta: Asia Publishing House, 1962, p. 50.
- ⁴⁴² Sitaramaууа Bhogaraju Pattabhi. The History of the Indian National Congress. Vol. I, p. 782.
- ⁴⁴³ Bose S.Ch. The Indian Struggle, p. 357.
- ⁴⁴⁴ Неру Дж. Автобиография, с. 499–500, 545, 551.
- ⁴⁴⁵ Pradhan Atul Chandra. Socialist Stirrings Within the Congress (1934–40) // A Centenary History, Vol. III, p. 223.
- ⁴⁴⁶ Chowdhury Satyabrata Rai. Leftist Movements in India: 1917–1947. Calcutta, 1977, p. 167, 170, 171.
- ⁴⁴⁷ Collected Works of Mahatma Gandhi (далее – CWMG). Vol. 58, p. 36 // Цит. по: A Centenary History. Vol. III, p. 225.
- ⁴⁴⁸ CWMG, Vol. 59, New Delhi, 1974, p. 6 // A Centenary History, Vol. III, p. 226.
- ⁴⁴⁹ Narayan Jayaprakash. Socialism, Sarvodaya and Democracy. Bombay, etc.: Asia Publishing House, 1964, p. 141.
- ⁴⁵⁰ Ibid., p. 142–154.
- ⁴⁵¹ Deva Narendra. Socialism and the National Revolution. Bombay, 1946, p. 6, 7.
- ⁴⁵² Pradhan Atul Chandra. Socialist Stirrings within the Congress (1934–40) // A Centenary History, Vol. III, p. 227.
- ⁴⁵³ Ibid., p. 227, 228.
- ⁴⁵⁴ Narayan Jayaprakash. Socialism Sarvodaya and Democracy, p. 3–36.
- ⁴⁵⁵ Цит. по: Pradhan Atul Chandra. Socialist Stirrings within the Congress (1934–40), p. 233.
- ⁴⁵⁶ Narain V.A. The Act of 1935. Impact on National Politics // A Centenary History. Vol. 3, p. 123–124.

- ⁴⁵⁷ The Cambridge Shorter History of India, p. 953–956.
- ⁴⁵⁸ Цит. по: Sarkar Sumit. *Modern India 1885–1947*, p. 338.
- ⁴⁵⁹ Sir Samuel Hoare on the Indian Constitutional Reform, 1 January 1935; Prime Minister MacDonald on the proposed constitutional reforms, 19 January 1931 // Pandey B.N., ed. *Selected Documents*, p. 111–112, 113.
- ⁴⁶⁰ Nehru J. A Bunch of Old Letters, p. 298.
- ⁴⁶¹ Varnika, p. 233.
- ⁴⁶² Gopal Sarvepalli. *Jawaharlal Nehru. A Biography. Vol. I (1889–1947)*. Oxford, 1975, p. 209.
- ⁴⁶³ *Ibid.*, p. 211.
- ⁴⁶⁴ Pandey B.N., ed. *Selected Documents*, p. 159–160.
- ⁴⁶⁵ Sitaramayya Bhogaraju Pattabhi. *Op. cit.*, p. 16.
- ⁴⁶⁶ *Ibid.*, p. 34.
- ⁴⁶⁷ Sumit Sarkar. *Modern India 1885–1947*, p. 349.
- ⁴⁶⁸ Раскол организации Лиги в Пенджабе начался еще в 1916 г., а затем усилился во время Халифатского движения. В 1922 г. Фазл-и-Хусейн и индус Чаудри Чхоту Рам образовали Юнионистскую партию, которая объединила крупных пенджабских землевладельцев – мусульман, сикхов и индусов. Но в партии лидировали мусульмане. В 1927 г. в Мусульманской лиге произошел раскол по вопросу об отношении к комиссии Саймона. Большинство членов Лиги из Пенджаба, возглавляемые Мианом Мухаммадом Шафи, в отличие от Джинны, высказались за сотрудничество с комиссией Саймона и провели свое отдельное заседание [Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. *История Пакистана: XX век*, с. 42, 47, 48].
- ⁴⁶⁹ Narain V.A. *The Act of 1935: Impact on National Politics // A Centenary History, Vol. III*, p. 140, 141; Белокреницкий В.Я., В.Н. Москаленко. *История Пакистана. XX век*. Крафт, ИВ РАН. М., 2008, с. 44–49.
- ⁴⁷⁰ Patra Kishori Mohan. *The First Congress Ministries: Problems and Prospects (1937–1939) // A Centenary History, Vol. III*, p. 146–149.
- ⁴⁷¹ Абдул Гаффар Хан (1890–1988) возглавлял пуштунскую националистическую антибританскую организацию «Пуштун джирга» (Пуштунская конференция) в Северо-Западной пограничной провинции, в которую входили отряды добровольцев «худаи хитматгар» («божьи слуги») из пуштунских племен (около 200 тыс. человек). Они носили рубашки красного цвета, отсюда и их название – «краснорубашечники». Гаффар Хан был тесно связан с Ганди и стремился вести борьбу с колониальными властями методами ненасилия. В 1931 г. созданная им организация вошла в состав Конгресса. См. также: Тихонов Ю.Н. *Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945)*. М. – Липецк: «Информ», 2007, с. 136–137.
- ⁴⁷² Pande B.N., ed. *Select Documents*, p. 117–118.
- ⁴⁷³ Kothari Rajni. *Politics in India*. Boston: Little, Brown and Company, 1970, p. 68–69.
- ⁴⁷⁴ Ghose Sankar. *Political Ideas and Movements in India*. Bombay, etc.: Allied Publishers, 1975, p. 176; Кашин В.П. *Вир Саваркар // Азия и Африка сегодня*. 2005, № 10, с. 55–57.
- ⁴⁷⁵ Sarkar Sumit. *Modern India 1885–1947*, p. 356, 357.

- ⁴⁷⁶ M.A. Jinnah on Congress, December 1938. Presidential Address at the Muslim League's Session // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 150.
- ⁴⁷⁷ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана: XX век, с. 52, 54.
- ⁴⁷⁸ Уолперт Стенли. Джинна – творец Пакистана, с. 158; Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: ИВ РАН, 2003, с. 45.
- ⁴⁷⁹ Sir Muhammad Iqbal to M.A.Jinnah on a separate Muslim State, 28 May 1937 // Pandey B.N. ed. Select Documents, p. 149, 159.
- ⁴⁸⁰ Brown Judith M. Modern India: the origins of an Asian democracy. Delhi, New York: Oxford University Press, 1994., 1985, p. 185.
- ⁴⁸¹ Цит. по: Уолперт Стенли. Джинна – творец Пакистана, с. 214–220.
- ⁴⁸² Азад А.К. Индия добивается свободы, с. 74.
- ⁴⁸³ Bose S.Ch. The Indian Struggle, p. 295–298.
- ⁴⁸⁴ Tendulkar D.G. Mahatma. Vol. IV, p. 220.
- ⁴⁸⁵ Bose S.Ch. The Indian Struggle, p. 331–332.
- ⁴⁸⁶ Tendulkar D.G. Mahatma. Vol. V, p.32, 46.
- ⁴⁸⁷ Ibid., p. 67.
- ⁴⁸⁸ Kripalani J.B. Gandhi, p. 178–179.
- ⁴⁸⁹ Tendulkar D.G. Mahatma. Vol. V, p. 85; Bose S.C. The Indian Struggle, p. 333; The Congress Crisis of 1939: (a) S.C.Bose to M.K.Gandhi, 29 March 1939; (b) M.K. Gandhi to S.C.Bose, 2 April 1939; Jawaharlal Nehru to S.C.Bose, 3 April 1939 // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 129–132.
- ⁴⁹⁰ Pradhan A.C. Socialist Stirrings within the Congress (1934–40), p. 259.
- ⁴⁹¹ The Indian National Congress 1936–37. Allahabad, s.d., p. 47, 48.
- ⁴⁹² Nehru Jawaharlal. China, Spain and the War: Essays and Writings. Allahabad: Kitabistan, 1940, p. 57–85.
- ⁴⁹³ Nehru Jawaharlal. The Unity of India: Collected Writings, 1933–1940. London: Drummond, 1942, p. 285, 286.
- ⁴⁹⁴ Nehru. The Unity of India, p. 304; The Indian National Congress, 1939–40. Allahabad, p. 10–11.
- ⁴⁹⁵ The Indian National Congress, 1936–37. Allahabad, p. 15; The Indian National Congress. Ahmedabad, c.d., с. 198, 199; The Indian National Congress. Jabalpur, c.d., с. 84, 85; Nehru Jawaharlal. China, Spain and the War, p. 18.
- ⁴⁹⁶ Nehru Jawaharlal. China, Spain and the War, p. 162–164.
- ⁴⁹⁷ Ibid., p. 242–257.
- ⁴⁹⁸ Дьяков А.М. Индия во время и после второй мировой войны 1939–1949 гг. М.: Академии наук СССР, 1952, с. 13.
- ⁴⁹⁹ Prasad Bimal. Foreign Policy in the Making // A Centenary History. Vol. III, p. 825, 826; Неру Дж. Открытие Индии, с. 464, 465.
- ⁵⁰⁰ Неру Дж. Открытие Индии, с. 465.
- ⁵⁰¹ Там же, с. 467.
- ⁵⁰² Дьяков А.М. Указ. соч., с. 23.
- ⁵⁰³ Неру Дж. Открытие Индии, с. 467.
- ⁵⁰⁴ M.A.Jinnah's appeal for the observation of Deliverance Day, 2 December 1939 // B.N. Pandey, ed. Select Documents, p. 153.
- ⁵⁰⁵ Coupland R. Indian Politics, 1936–1942. London, 1943, p. 237.

- ⁵⁰⁶ Bose S.Ch. Crossroads. The Works of Subhas Chandra Bose, 1938–40. Compiled by Netaji Research Bureau. Calcutta. Bombay et al.: Asia Publishing House, 1962, p. 109.
- ⁵⁰⁷ Ibid., p. 77, 78.
- ⁵⁰⁸ Ibid., p. 188, 189, 222.
- ⁵⁰⁹ Ibid., p. 267, 268, 306, 307.
- ⁵¹⁰ Leverkuehn Paul, ed. German Military Intelligence. London: Weidenfeld and Nicolson, 1954, p. 117; см. также: Тихонов Ю.Н. Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М. – Липецк: «Информ», 2007, с.199–204.
- ⁵¹¹ Lukacs John. Churchill and Hitler. Der Zweikampf. Stuttgart, 1991, p. 119, 127. // Цит. по: Фалин Валентин. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., Центрполитграф, 2000, p. 183.
- ⁵¹² Фалин Валентин. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция, с. 170–173.
- ⁵¹³ The Demand for Pakistan. The Lahore Resolution of the Muslim League, 24 March 1940 // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 154.
- ⁵¹⁴ Белокреницкий В.Я., В.Н. Москаленко. История Пакистана. XX век, с. 56; Уолперт Стенли. Указ. соч.
- ⁵¹⁵ The Demand for Pakistan. The Lahore Resolution of the Muslim League, 24 March 1940 // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 154; Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Указ. соч., с. 155.
- ⁵¹⁶ Цит. по: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век, с. 56.
- ⁵¹⁷ Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М., ИВ РАН, 2003, с. 45, 46.
- ⁵¹⁸ Черчилль Уинстон. Вторая мировая война: в 6 т. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1998, т. 2, с. 19.
- ⁵¹⁹ Shirer W.L.. The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. London: Pan Books Ltd., 1960, p. 885. В книге Уинстона Черчилля на английском языке – The Second World War, опубликованной в 1948 г., он не приводит эту заключительную часть его речи в парламенте [см.: Черчилль Уинстон. Вторая мировая война, т. 2, с. 65].
- ⁵²⁰ Черчилль Уинстон. Вторая мировая война, т. 2, с. 66.
- ⁵²¹ Там же, с. 102.
- ⁵²² Там же, с. 200.
- ⁵²³ Неру Дж. Открытие Индии, с. 474–479, 518–520.
- ⁵²⁴ Qanungo Bhupen. Preparations for Civil Disobedience. January–September, 1940 // A Centenary History. Vol. III, p. 363. В то же самое время британское правительство отказало и другой колонии – Бирме после войны предоставить даже статус доминиона (а не полной независимости), хотя до этого англичане неоднократно заявляли, что этот статус составляет цель английской политики.
- ⁵²⁵ Qanungo Bhupen. The Individual Civil Disobedience (October 1940–December 1941) // A Centenary History, Vol. III, p. 407, 408.
- ⁵²⁶ Ibid., p. 412, 413.
- ⁵²⁷ Крипалани Кришна. Рабиндранат Тагор, с. 260.
- ⁵²⁸ Birla G.D. Op. cit., p. 250–252.

- ⁵²⁹ Prasad Bimal. Foreign Policy in the Making // A Centenary History, Vol. III, p. 831.
- ⁵³⁰ Бушевич В., Дьяков А. и др. Индия. Ташкент, 1941, с. 278.
- ⁵³¹ Там же, с. 383–390.
- ⁵³² Новейшая история Индии, с. 373, 374.
- ⁵³³ Там же, с. 388, 391.
- ⁵³⁴ Бушевич В., Дьяков А. и др. Индия, с. 275.
- ⁵³⁵ Гхош Кали Чаран. Голод в Бенгалии. М., 1951, с. 146; Неру Дж. Открытие Индии, с. 544–545; TOP. Vol. IV, 15 July 1943–31 August, 1944. London. Her Majesty's Stationary Office, 1973.
- ⁵³⁶ Pandit Vijaya Lakshmi. Op. cit., p. 171–173.
- ⁵³⁷ The Bengal Famine and the New Viceroyalty // TOP, Vol. 4, 1973; Sen Amartya. Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation. London: OUP, 1981, p. 65, 75–78.
- ⁵³⁸ Gunzelmann Alex. Indian Summer., p. 120.
- ⁵³⁹ Ibid., p. 121, 342.
- ⁵⁴⁰ Ibid., p. 120.
- ⁵⁴¹ Гольдберг Н. Некоторые особенности индийской армии в годы Второй мировой войны // Очерки по Новой истории стран Среднего Востока. М., 1951, с. 40, 43, 44, 48.
- ⁵⁴² Prasad B., ed. India and the War. Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War. New Delhi, 1963.
- ⁵⁴³ Черчилль Уинстон. Указ. соч. т. 4, с. 52, 74–78.
- ⁵⁴⁴ Там же, с. 79, 81, 82.
- ⁵⁴⁵ Там же, с. 83–87.
- ⁵⁴⁶ Там же, с. 87–91.
- ⁵⁴⁷ Там же, с. 92–93.
- ⁵⁴⁸ Qanungo Bhupen. The Quit India Movement, 1942 // A Centenary History, Vol. III, p. 493, 494.
- ⁵⁴⁹ TOP. Vol. I, № 308, 1970.
- ⁵⁵⁰ Проект декларации английского правительства, представленный Стаффордом Криппсом // Абул Калам Азад. Указ. соч., с. 320–322; Новейшая история Индии, с. 410, 411.
- ⁵⁵¹ Qanungo Bhupen. The Quit India Movement, p. 503–504; Абул Калам Азад. Указ. соч., с. 1–121.
- ⁵⁵² Ibid., p. 504.
- ⁵⁵³ The Cambridge Short History of India, p. 962.
- ⁵⁵⁴ Fischer Louis. A Week with Gandhi, p. 15.
- ⁵⁵⁵ The Cambridge Short History of India, p. 961.
- ⁵⁵⁶ TOP, Vol. I, № 543, 1970.
- ⁵⁵⁷ Qanungo Bhupen. The Quit India Movement, p. 509–510, 512.
- ⁵⁵⁸ Fischer Louis. A Week with Gandhi, p. 58, 63.
- ⁵⁵⁹ Qanungo Bhupen. The Quit India Movement, p. 519, 525.
- ⁵⁶⁰ Ibid., p. 526.
- ⁵⁶¹ Из перехваченного полицией письма активиста компартии Индии в Бомбее Шарафа Атхара Али руководителю этой партии П.Ч. Джоши, датированного 17 мая 1942 г. [TOP. Vol.II, № 90 (Enclosure 2). 1971].

- ⁵⁶² Gopal S., ed. *Selected Works of Jawaharlal Nehru* (далее – SWJN). Vol. XII, New Delhi, 1979, p. 325–330.
- ⁵⁶³ Неру Дж. *Открытие Индии*, с. 491, 514.
- ⁵⁶⁴ Там же, с. 515.
- ⁵⁶⁵ Черчилль Уинстон. *Указ. соч.*, т. 4, с. 150, 151.
- ⁵⁶⁶ Там же, с. 101.
- ⁵⁶⁷ SWJN. Vol. XII, 1979, p. 346–367, 378–379.
- ⁵⁶⁸ Qanungo Bhupen. *The Quit India Movement*, p. 538.
- ⁵⁶⁹ SWJN, Vol. XII, p. 386–400.
- ⁵⁷⁰ Qanungo Bhupen. *The Quit India Movement*, p. 540, 541.
- ⁵⁷¹ SWJN, Vol. XII, p. 436–453.
- ⁵⁷² Qanungo Bhupen. *The Quit India Movement*, 1942, p. 552, 553.
- ⁵⁷³ *Quit India Resolution*. August 7–8, 1942. Bombay // *Varnika*, p. 74–77.
- ⁵⁷⁴ Tendulkar D.G. *Mahatma*, Vol. 6, p. 199.
- ⁵⁷⁵ *Varnika*, p. 83, 86.
- ⁵⁷⁶ Ibid.
- ⁵⁷⁷ О деятельности Аруны Асаф Али см.: Васильева Л.А. *Легенда национально-освободительного движения Аруна Асаф Али // Выдающиеся женщины Индии XX века*. М.: ИВ РАН, 2002, с. 136–165.
- ⁵⁷⁸ Brown J.M. *Modern India*, p. 311–314. Когда Индия уже находилась на пороге независимости, Черчилль сказал Неру, тогда вице-премьеру Временного правительства: «Вы победили двух величайших врагов человека – ненависть и страх». Эту же мысль он позже высказал сестре Неру В.Л. Пандит и при этом добавил: «Я надеюсь, что вы не держите зла против нас за то, что мы сажали вас в тюрьмы». А также отметил, что «одной из больших ошибок, которые британцы допустили в Индии, было то, что у них не было социальных контактов с индийцами». [Pandit Vijaya Lakshmi. *Op. cit.*, p. 283–284].
- ⁵⁷⁹ Philips C.H. and Wainwright M.D., eds. *The Partition of India. Policies and Perspectives 1935–1947*. London, 1970, p. 747.
- ⁵⁸⁰ Fisher L. *The Life of Mahatma Gandhi*, p. 508.
- ⁵⁸¹ *Varnika*, p. 87–89; Неру Дж./ *Открытие Индии*, с. 625; О событиях, связанных с «августовской революцией», см.: Абул Калам Азад. *Указ. соч.*, с. 62–150; Черешнева Л.А. *Августовская революция 1942 г. в Индии*. М.: ИНИОН РАН, 2007.
- ⁵⁸² <http://pakistaniat.com/2007/02/09/jinnah-maulana-fazlur-rehman-jui-freedom-fighter>. The Muslim League's call for a direct action, 29 July 1946 // Pandey B.N., ed. *Select Documents*, p. 197–198.
- ⁵⁸³ Hauner Milan. *India in Axis Strategy. Germany, Japan, and Indian Nationalists in the Second World War*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981, p. 654–663.
- ⁵⁸⁴ Bose's letter to Woermann 05.07.1941 // German Foreign Office 195/139182.
- ⁵⁸⁵ Bose S. Ch. *The Indian Struggle*, p. 441–442.
- ⁵⁸⁶ Райков А.В. *Опаснейший час Индии*. Липецк, 1999, с. 80–91; см. также: Тихонов Ю.Н. *Указ. соч.*, с. 199–204.
- ⁵⁸⁷ Conversation between S.Ch.Bose and A.Hitler on 27 May 1942 in the presence of the Foreign Minister Ribbentrop, the Secretary of State Keppler and Walter Hewel // German Foreign Office 1314/350373–87.

- ⁵⁸⁸ Шелленберг Вальтер. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М.: «Дом Бируни», 1991, с. 247.
- ⁵⁸⁹ Цит. по: Milan Hauner. Указ.соч., п. 561.
- ⁵⁹⁰ TOP. Vol. 1, Nos 104, 157, 158.
- ⁵⁹¹ Райков А.В. Опаснейший час Индии, с. 184–186.
- ⁵⁹² Lebra J.S. Jungle Alliance, Japan and the Indian National Army. Singapore, 1971, p. 221.
- ⁵⁹³ Murrey Williamson, Millett Allan. A War to be Won. Fighting the Second World War. Cambridge, Massachusetts, and London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2000, p. 192–195.
- ⁵⁹⁴ М.Н. Рой в своих мемуарах писал, что ко времени Первой мировой войны индийские революционеры с надеждой смотрели на Германию в борьбе против Великобритании. После посещения Японии в 1915 г., где он встретил Раш Бехари Боса, М.Н. Рой отметил: «Я был весьма удивлен, что Р.Б. Бос верил в то, что наша миссия освобождения Индии может быть завершена только в рамках большей миссии Японии по освобождению Азии от господства белых...» [Roy M.N. M.N. Roy's Memoirs. Bombay, 1964, p. 1–6].
- ⁵⁹⁵ Murrey Williamson, Millett Allan. Op. cit., p. 295–298.
- ⁵⁹⁶ Singh Mohan. Leaves from My Diary. Lahore, 1946, p. 252–271; Об ИНА и С.Ч. Босе см. также: Shah Nawaz Khan. My Memories of INA and Its Netaji. Delhi, 1946; H. Mukherjee. Bow of the Burning Gold. A Study of Subhas Chandra Bose. New Delhi, 1977; Challenge. A Saga of India's Struggle for Freedom (Ed. Board – N.R. Ray, Kalpana Joshi (Dutt) and others). PPH, New Delhi, 1984.
- ⁵⁹⁷ Singh Mohan. Leaves from My Diary, p. 286.
- ⁵⁹⁸ Отставной индийский генерал Хабибулла рассказывал авторам этой книги в 1964 г., как англо-индийская армия, в которой он участвовал в качестве офицера, «громила японцев и ИНА в бирманских болотах».
- ⁵⁹⁹ Toye Hugh. The Springing Tiger. Subhas Chandra Bose – A Study of a Revolutionary. London: Cassell, 1959, p. 224–230]. Однако в индийском народе распространено мнение, что Бос не только вступил на индийскую землю, но даже первым поднял там трехцветный флаг «независимой Индии». Об этом, в частности, говорили Ф.Н. Юрлову некоторые индийцы во время его поездки из Имфала к индийско-бирманской границе в 1977 г.
- ⁶⁰⁰ Райков А.В. Опаснейший час Индии, с. 262–274.
- ⁶⁰¹ Fischer Louis. A Week with Gandhi, p. 26, 29, 58.
- ⁶⁰² TOP, Vol. 6, 1976, p. 418.
- ⁶⁰³ Ghosh K.K. The Indian National Army // The Second Front of the Indian Independence Movement. Meerut, 1969, p. 199, 233–237; см. также: Challenge. A Saga of India's Struggle for Freedom. New Delhi: PPH, 1984; Райков А.В. Опаснейший час Индии, с. 252–262; Шаститко П.М., Выхухолев В.В. «Гальвар» поднимает флаг. Рассказ о восстании бомбейских моряков в 1946 г. М.: Наука, 1982.
- ⁶⁰⁴ О восстании писали поэмы, ставили драмы. Через 20 лет после этого события авторам этой книги довелось присутствовать в Калькутте на спектакле «Коллод» («Девятый вал»), посвященном героям этого восстания. Переполненный зал с энтузиазмом воспринимал все происходившее на сцене.

- ⁶⁰⁵ Азад Абул Калам. Указ. соч., с. 162.
- ⁶⁰⁶ TOP. Vol. V. 1974, p. 1175, 1236–1237.
- ⁶⁰⁷ Tendulkar D.G. Mahatma. Vol. VII, p. 11.
- ⁶⁰⁸ Ibid., p. 11–13, 17–18.
- ⁶⁰⁹ The Amrita Bazar Patrika. Calcutta. 23.02.1946.
- ⁶¹⁰ The New York Times. 24.02.1946.
- ⁶¹¹ Юрлов Ф.Н. Индийское общество в годы Второй мировой войны // Война и общество в XX веке: в трех книгах; Книга 2. Война и общество накануне и в период Второй мировой войны, М.: Наука, 2008, с. 345–381.
- ⁶¹² TOP, Vol. 9, Enclosure to № 8, 1980.
- ⁶¹³ TOP, Vol. 8, № 11, 1979.
- ⁶¹⁴ A Centenary History. Vol. III, p. 643.
- ⁶¹⁵ Bhatia Vinod, Mahajan Sneh. On the Eve of the Transfer of Power: Congress–Muslim League Interaction // A Centenary History, Vol. III, p. 683.
- ⁶¹⁶ Wolpert Stanley. The New History of India, p. 342.
- ⁶¹⁷ Perti R.K. The Cabinet Mission // A Centenary History. Vol. III, p. 663.
- ⁶¹⁸ The Cabinet Mission Plan for the Constitution of India, 16 May 1946 // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 186–190.
- ⁶¹⁹ Wolpert Stanley. The New History of India, p. 343.
- ⁶²⁰ Perti R.K. The Cabinet Mission, p. 663.
- ⁶²¹ Congress' objections to the Cabinet Mission Plan: Congress President Abul Kalam Azad to Lord Pethick Lawrence, 20 May 1946 // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 191.
- ⁶²² Wolpert Stanley. The New History of India, p. 343.
- ⁶²³ Perti R.K. A Cabinet Mission, p. 664.
- ⁶²⁴ The Muslim League's acceptance of the Plan, 6 June 1946 // Pandey B.N. History of the Nationalist Movement. Select Documents, p. 192.
- ⁶²⁵ Wolpert Stanley. The New History of India, p. 344.
- ⁶²⁶ Perti R.K. The Cabinet Mission, p. 668–670, 673.
- ⁶²⁷ TOP, vol. VII, № 94, p. 233, 234.
- ⁶²⁸ Ibid.
- ⁶²⁹ Field Marshal Viscount Wavell to H.M. King George VI. Vicerigal Lodge, Simla, 8 July 1946 // TOP, vol. VII, Appendix, p. 1091–1095.
- ⁶³⁰ Ibid.
- ⁶³¹ Ibid., p. 1990.
- ⁶³² Bhatia Vinod, Sneh Mahajan. On the Eve of the Transfer of Power: Congress–Muslim League Interaction, p. 688; The Muslim League's call for a direct action, 29 July 1946 // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 197–198.
- ⁶³³ Bhatia Vinod, Sneh Mahajan. On the Eve of the Transfer of Power, p. 689–691; Кашин В.П. Великая калькутская резня: подоплека и особенности // Южная Азия. Конфликты и компромиссы. М.: ИВ РАН, 2004, с. 73–83.
- ⁶³⁴ The Interim Government. 1. The personnel of the first Interim Government, 24 August 1946 // Pandey B.N., ed., p. 199.
- ⁶³⁵ Bhatia Vinod, Mahajan Sneh. On the Eve of the Transfer of Power, p. 695.
- ⁶³⁶ Lord Wavell's attempts to bring the Muslim League into the Interim Government, 11 September, 1946 // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 201.

- ⁶³⁷ M.A. Jinnah to Lord Wavell on the Muslim League's decision to join the Government, 13 October, 1946; Reconstitution of the Interim Government, 25 October, 1946 // Pandey B.N., ed. *Select Documents*, p. 201, 202.
- ⁶³⁸ The Muslim League decision to boycott the Constituent Assembly, 21 November, 1946 // Pandey B.N., ed. *Select Documents*, p. 205, 206.
- ⁶³⁹ Wolpert Stanley. *The New History of India*, p. 345.
- ⁶⁴⁰ Цит. по: Bhatia Vinod, Mahajan Sneh. *On the Eve of the Transfer of Power*, p. 711.
- ⁶⁴¹ The Muslim League's demand for the dissolution of the Constituent Assembly, 31 January, 1947 // Pandey B.N., ed. *Select Documents*, p. 207.
- ⁶⁴² Fischer Louis. *The Life of Mahatma Gandhi*, p. 574–585.
- ⁶⁴³ Kripalani J.B. *Op. cit.*, p. 254–263.
- ⁶⁴⁴ Луис Маунтбэттен (1900–1979) лорд, контр-адмирал, английский военный и политический деятель. В 1941–1943 гг. был советником, а затем руководителем спецопераций британских вооруженных сил. В 1943–1946 гг. занимал пост главнокомандующего вооруженными силами союзников в Юго-Восточной Азии. В 1946–1947 гг. командовал крейсерской эскадрой Средиземноморского флота. Индийцы отмечали его динамичность, способность вести переговоры с разными, зачастую неуступчивыми политическими партнерами, его умение добиваться цели. Как отмечает историк Раджни Котхари, «Маунтбэттен в кратчайшее время и без колебаний провел хирургическую операцию по разделу Индийского субконтинента» [Kothari Rajni. *Politics in India*, 1970, p. 74].
- ⁶⁴⁵ TOP. Vol. X, 1981, p. 90–94.
- ⁶⁴⁶ Stephens Ian. *Pakistan*. London: Ernest Benn. 1963, p. 125.
- ⁶⁴⁷ Das M.N. *India Wins Independence // A Centenary History*, Vol. III, p. 734.
- ⁶⁴⁸ Tendulkar G.M. *Mahatma*, Vol. 8, p. 22, 23.
- ⁶⁴⁹ Jinnah's Interview with Mountbatten, 10 April 1947 // *Mountbatten Papers (MP)* 191 № 46.
- ⁶⁵⁰ Patel's Interview with Mountbatten, 24 April 1947 // *MP* 90 № 90.
- ⁶⁵¹ Top Secret Note by C. Auchinleck, 11 May 1946, p. 740 // *MP* 40.
- ⁶⁵² Suhrawardy's Interview with Mountbatten, 26 April 1947; *MP* № 100, Jinnah's Interview with Mountbatten, 26 April 1947 // *MP* 192, № 98.
- ⁶⁵³ Auchinleck's Interview with Viceroy, 14 April, 1947 // *MP* 192, № 64.
- ⁶⁵⁴ Resolution № 1 of Akali Dal, 14 April, 1947 // *MP* 120; см.: Кашин В.П. *Раздел Пенджаба, 1947 год // Индия. Общество, власть, реформы*. М.: «Восточная литература» РАН, 2003, с. 164–187.
- ⁶⁵⁵ Amrit Kaur's Interview with Mountbatten, 3 May 1947; MB 193, No 116, Khizar's Interview with Viceroy, 3 May 1947 // *MP* 193, No 115.
- ⁶⁵⁶ SS to Viceroy, 9 May 1947 // *MP* 176.
- ⁶⁵⁷ Паничкин Ю.В. *Образование Пакистана и пуштунский вопрос*. М.: Научная книга, 2005, с. 59.
- ⁶⁵⁸ Gandhi to Mountbatten, 8 May, 1947 // *CWMG*, Vol. 87.
- ⁶⁵⁹ Patel's Statement, 9 May 1947 // *TOP*. Vol.10, № 375.
- ⁶⁶⁰ Азад А.К. *Указ. соч.*, с. 266.
- ⁶⁶¹ Note by Pandit Nehru, 11 May, 1947 // *TOP*. Vol.10, № 406.
- ⁶⁶² Secret Cabinet, Extract from I.B. (47) 28th Meeting (London), 28 May, 1947 // *MP* 24.

- ⁶⁶³ Ibid.
- ⁶⁶⁴ Statement of 3 June 1947 // TOP, Vol. X1, № 45; Partition Plans, April–May 1947: (a) Alan Campbell – Johnson’s account of the first plan, 14 April 1947; (b) Lord Ismay’s account, 2–19 May 1947; (c) Jawaharlal Nehru to Lord Mountbatten, 1 May 1947; (d) V.P.Menon to Vallabhai Patel, 10 May 1947; (e) The Final Plan, 3 June 1947 // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 211–217; Заявление английского правительства от 3 июня 1947 г. // Азад Абул Калам. Указ. соч., с. 341–347.
- ⁶⁶⁵ Prakash Indra. A Review of the History and Work of the Hindu Mahasabha, p. 242–244.
- ⁶⁶⁶ Jawaharlal Nehru’s Speech, 3 June 1947 // Pandey B.N., ed. Select Documents, p. 218.
- ⁶⁶⁷ Tendulkar D.G. Mahatma, Vol. 8, p. 4; см.: Черешнева Л.А. Проблема независимости и раздела колониальной Индии в 1939–1947 гг. (Борьба политических сил) – автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Липецк.: Липецкий государственный педагогический университет, 2009.
- ⁶⁶⁸ Pyarelal (Pyarelal Nayyar). Mahatma Gandhi: The Last Phase. 2 vols. Ahmedabad: Navajivan, 1998, vol. 2, p. 255.
- ⁶⁶⁹ Nehru, Patel and Kripalani’s Interview with Mountbatten, 10 June, 1947 // МР № 193.
- ⁶⁷⁰ Das M.N. India wins Independence // A Centenary History, Vol. III, p. 777.
- ⁶⁷¹ Tendulkar D.G. Mahatma, Vol. 8, p. 16.
- ⁶⁷² Das M.N. India wins Independence, p. 779.
- ⁶⁷³ Pyarelal (Pyarelal Nayyar). Mahatma Gandhi. Vol. 2, p. 368.
- ⁶⁷⁴ Tendulkar D.G. Mahatma. Vol. 8, p. 111.
- ⁶⁷⁵ Растянников В.Г. Аграрная революция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., «Наука», 1973, с. 109; Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке, с. 74.
- ⁶⁷⁶ Гордон Л.А., Егорова М.Н. Рабочий класс независимой Индии. М.: Наука, 1968, с. 66.
- ⁶⁷⁷ Левковский А. И. Особенности развития капитализма в Индии, с. 326–329, 347–359.
- ⁶⁷⁸ Гордон Л.А., Егорова М.Н. Указ. соч., с. 55; Гордон Л.А. Религиозно-кастовый состав населения Индии // Касты в Индии. М., 1965, с. 231.
- ⁶⁷⁹ Котовский Г.Г., отв. ред. Классовая борьба в современной индийской деревне (1947–1965). М.: «Наука», 1969, с. 8, 9, 10–12.
- ⁶⁸⁰ Гордон Л.А., Егорова М.Н. Указ. соч., с. 183–197.
- ⁶⁸¹ Левковский А.И. Особенности развития капитализма в Индии, с.367; Гордон Л.А., Егорова М.Н. Указ. соч., с. 8, 11.
- ⁶⁸² Неру Дж. Открытие Индии, с. 55.
- ⁶⁸³ Varnika, p. 105.
- ⁶⁸⁴ Ibid.
- ⁶⁸⁵ Das M.N. India Wins Independence, p. 799.
- ⁶⁸⁶ Уолперт Стенли. Джинна – творец Пакистана, с. 7.
- ⁶⁸⁷ Varnika, p. 96.
- ⁶⁸⁸ Tunzelmann Alex von. Indian Summer, p. 215, 217.
- ⁶⁸⁹ Butalia Urvashi. The Other Side of Silence: Voices from the Partition of India, p. 65.
- ⁶⁹⁰ Pandey Gyanendra. Remembering Partition: Violence, Nationalism and History in India. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, p. 88–91 // Цит. по: Tunzelmann Alex von, Op. cit. p. 214.

- ⁶⁹¹ Lateef Shahida. *Muslim Women in India: Political and Private Realities*. New Delhi: Zed Book, 1990, p. 7.
- ⁶⁹² Roberts Andrew. *Eminent Churchillians*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1994, p. 127 // Цит. по: Tunzelmann Alex von, *Op. cit.* p. 229.
- ⁶⁹³ Ziegler Philip. *Mauntbatten Revisited*. Austin: University of Texas, 1955, p. 22.
- ⁶⁹⁴ Fisher Louis. *The Life of Mahatma Gandhi*, p. 520.
- ⁶⁹⁵ Prakasa Sri. *Pakistan: Birth and Early Days*. Meerut: Meenakshi Prakashan, 1965, p. 38.
- ⁶⁹⁶ Campbell-Johnson Alan. *Mission with Mountbatten*. London: Robert Hale, 1951, p. 200–201.
- ⁶⁹⁷ Fisher Louis. *The Life of Mahatma*, p. 516.
- ⁶⁹⁸ Baxter Craig. *Op. cit.*, p. 37.
- ⁶⁹⁹ Patel to Nehru, 3 August, 1947, M.O. Mathai Papers, 2A File of Correspondence between Nehru and V. Patel // Цит. по: Brown Judith. *Nehru: A Political Life*. New Haven and London: Yale University Press, 2003, p. 174.
- ⁷⁰⁰ CWMG. Vol. 90, p. 550–556.
- ⁷⁰¹ Wolpert Stanley. *A New History of India*, p. 335.
- ⁷⁰² Birla G.D. *Op. cit.*, p. 324–325.
- ⁷⁰³ Nehru's broadcast, 30 January, 1948 // SWJN. Vol. 5, p. 35–35; Tendulkar D.G. *Mahatma*, vol. VIII, p. 288.
- ⁷⁰⁴ Payne Robert. *The Life and Death of Mahatma Gandhu*. New York: E.P.Dutton and Co., 1966, p. 637–641 // Цит. по: Guha Ramachandra. *India after Gandhi*, p. 22.
- ⁷⁰⁵ Brown Judith M. *Modern India*, p. 333–334.
- ⁷⁰⁶ В 1964 г. во время поездки авторов книги в г. Талчер в штате Орисса, нас познакомили с человеком, который назвал себя «королем». Он разъезжал в роскошном мерседесе с персональным номером, на котором было выбито: «Махараджа Талчера». Однако местные власти не очень признавали его княжеское достоинство. Они даже не дали ему возможности выступить на состоявшемся там собрании, хотя и пригласили в президиум. Некоторые из местных руководителей говорили о нем, как об «угнетателе и эксплуататоре».
- ⁷⁰⁷ Lord Mauntbatten's address to the Constituent Assembly of India, 15 August 1947 // Pandey B.N., ed. *Select Documents.*, 1979, p. 246–247.
- ⁷⁰⁸ Wolpert Stanley. *A New History of India*, p. 354.
- ⁷⁰⁹ *Ibid.*, p. 354; Шаумян Т.Л. Кашмирская проблема: новые подходы и перспективы // Международный конгресс востоковедов. Труды, том 3, М., 2007, с. 1105–1107.
- ⁷¹⁰ *Новейшая история Индии*, с. 518–519.
- ⁷¹¹ Там же, с. 515; Menon V.P. *The Story of the Integration of Indian States*. Bombay: Orient Longmans, 1956, p. 96.
- ⁷¹² Narayan Jayaprakash. *Socialism, Sarvodaya and Democracy*, p. 79–87.
- ⁷¹³ *The Cambridge Shorter History of India*, p. 1069.
- ⁷¹⁴ *Ibid.*, p. 974–975.
- ⁷¹⁵ Ambedkar B.R. *Speech Delivered in the Constituent Assembly of India on 25th November 1949* // Thus Spoke Ambedkar (Selected Speeches). Vol. II. Jullundur (India), 1969, p. 169–190.
- ⁷¹⁶ Конституция Индии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956, ст. 395.

⁷¹⁷ Индийский социолог А. Бетей, высоко оценив принятие основного закона страны, заметил однако, что «конституция может указывать направление, в котором мы должны двигаться. Но как далеко мы сможем продвинуться и с какой скоростью, решит социальная структура». [Beteille Andre. *Constitutional Morality* // EPW. October 4, 2008, p. 35–42]; Историк Рамчандра Гуха сравнил процесс выработки Конституции Индии с принятой почти в то же время (в ноябре 1946 г.) конституцией Японии (вступила в силу в мае 1947 г.). В феврале 1946 г. 24 американца (16 из них военные), пишет Гуха, собрались в Токио. Через неделю они подготовили проект конституции, который был переведен на японский язык и затем обсужден в парламенте Японии. При этом любая поправка, даже косметическая, подлежала одобрению американцами [Guha R. *India after Gandhi*, p. 122, 123; см. также Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркаръян. *История Японии: XX век*. М.: ИВ РАН, изд-во «Крафт+», 2007, с. 245–259; Emmerson John K. *Arms, Yen and Power. The Japanese Dilemma*. Tokio: Charles E. Tuttle Co. 1976, p. 40–50]. Из более поздних основных законов отметим Конституцию Российской Федерации, которая была принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Она была выработана группой специалистов и политиков в период с начала октября 1993 г., но не обсуждалась в представительном законодательном органе – учредительном собрании или парламенте.

⁷¹⁸ Nehru Jawaharlal. *J.Nehru's Objectives Resolution in the Constituent Assembly*, 31 January 1947 // Pandey B.N., ed. *Select Documents*, p. 206–207.

⁷¹⁹ Конституция Индии, с. 53.

⁷²⁰ *The Constitution of India with Comments. Selective Comments by P.M. Bakshi*. New Delhi: Universal Law Publishing Co., 2000, p. 4, 5.

⁷²¹ *Ibid.*, articles 52–72.

⁷²² *Ibid.*, p. 351–354; Плешова М.А. Конституционный процесс в Индии (1991–2000) // Юрлов Ф.Н., ред. *Индия в глобальной политике. Внешние и внутренние аспекты*. М.: ИВ РАН. 2003, с. 227–249.

⁷²³ *The Constitution of India*, articles 14–35; article 246, List II – State List.

⁷²⁴ Конституция Индии, ст. 356, 365.

⁷²⁵ *The Constitution of India*, article 50.

⁷²⁶ Ходатенко Е.Н. Судебная система Индии // *Индия сегодня*. М.: Институт востоковедения РАН. Арияварта-Пресс. 2005, с. 144–149.

⁷²⁷ *The Constitution of India*, article 231.

⁷²⁸ Флорин/ Егоров В.Н. Государственный административный аппарат независимой Индии. М., 1975; *The Constitution of India ... Articles 308–323*.

⁷²⁹ Bose Sugata. *Some of the Parts* // *Outlook*. 11.01.2010, p. 4–5.

⁷³⁰ *The Constitution (Seventh Amendment) Act, 1956*.

⁷³¹ *Правовое регулирование национальных отношений*. М., 1980, с. 18.

⁷³² *The Constitution of India*, article 350A.

⁷³³ *The Constitution of India*. 2000, articles 344 (1) and 351.

⁷³⁴ Agnihotri Rama Kant. *Multilinguality for India* // *Seminar* 590. New Delhi, October 2008, p. 37, 38; Rao Srinivasa S. *India's Language Debates and Education of Linguistic Minorities* // EPW. September 6, 2008, p. 63, 64.

⁷³⁵ Гхош Аджой Кумар. Статьи и речи, с. 296, 301.

- ⁷³⁶ Golwalkar M.S. Bunch of Thoughts. Bangalore: Jagrana Prakashan, 1966, p.133–135, 212–214.
- ⁷³⁷ Bharatiya Jana Sangh. Election Manifesto. New Delhi, 1957, p. 1.
- ⁷³⁸ Janata. Bombay. 12.02.1956.
- ⁷³⁹ The Constitution of India, p. 4, 5.
- ⁷⁴⁰ Ганди Индира. Статьи, речи, интервью. М.: Изд-во Прогресс, 1975, с. 415.
- ⁷⁴¹ Sunday. New Delhi. 20.09.1962.
- ⁷⁴² Franda Marcus F. West Bengal and the Federalizing Process in India. Princeton: New Jersey, 1968, p. 158.
- ⁷⁴³ Котовский Г.Г. Индия в новейшее время // Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. Изд-во «Мысль», М., 1979, с. 489–491.
- ⁷⁴⁴ Nehru Jawaharlal. India Today and Tomorrow. New Delhi: Indian Council for Cultural Relations. 1959, p. 5.
- ⁷⁴⁵ Неру Дж. Автобиография, с. 576, 615.
- ⁷⁴⁶ Там же, с. 615, 617.
- ⁷⁴⁷ Nehru Jawaharlal. India and the World. London: G.Allen & Unwin Ltd., 1936, p. 27, 28.
- ⁷⁴⁸ Rao Ramana M.V. A Short History of Indian National Congress. New Delhi, 1959, p. 255.
- ⁷⁴⁹ Котовский Г.Г. Индия в новейшее время, с. 493.
- ⁷⁵⁰ Ghose Sankar. Socialism and Communism in India, p. 204.
- ⁷⁵¹ The First Five Year Plan. New Delhi: Planning Commission, Government of India. 1958, p. 9.
- ⁷⁵² Ibid., p. 209.
- ⁷⁵³ Brown Judith M. Nehru. A Political Life, p.236–243.
- ⁷⁵⁴ Цит. по: Ghose Sankar. Socialism and Communism in India, p. 205.
- ⁷⁵⁵ Цит. по: Ibid., p. 206. Об общественно-политических взглядах Неру см. также: А.И. Чичеров. Джавахарлал Неру и независимая Индия. М., «Наука», 1990; О.В. Мартышин. Политические взгляды Неру. М., «Наука», 1981; Р.А. Ульяновский. Вступительная статья к книге Дж. Неру. «Взгляд на всемирную историю», т. I, «Прогресс», М., 1981; он же: Политические портреты борцов за национальную независимость. М., 1980; Э.Н. Комаров. Джавахарлал Неру: социально-политические воззрения и историческая роль // Мировоззрение Джавахарлала Неру. М., Главная редакция восточной литературы, 1973.
- ⁷⁵⁶ Malavia K.D. Democracy and Socialism. Draft Resolution for the 68th Session of the Indian National Congress at Bhubaneshwar. New Delhi (s.a.), p. 1–7.
- ⁷⁵⁷ Котовский Г.Г. Индия в новейшее время, с. 520–522.
- ⁷⁵⁸ Nehru Speaks. New Delhi: Congress Forum for Socialist Action, 1972, p. 34.
- ⁷⁵⁹ Котовский Г.Г. Индия в новейшее время, с. 522–524.
- ⁷⁶⁰ Растяльников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке, с. 605; об аграрных реформах в Индии см.: Котовский Г.Г. Аграрные реформы в Индии. М., 1959; Ульяновский Р.А. Реформа аграрного строя // Экономика современной Индии. М., 1960; Растяльников В.Г., Максимов М.А. Развитие капитализма в сельском хозяйстве современной Индии. М.: 1965; Г.Г. Котовский. Земельная реформа в Индии 50–60-х годов и проблемы ограничения частного землевладения // Индия: общество, власть, реформы. ИВ РАН, М., Вост. лит., 2003,

- с. 239–265; Растянников В.Г. Аграрная революция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973; Торнер Даниэль. Аграрный строй Индии. М., 1959; Нилов/Юрлов Ф.Н. Преобразования левodemократического правительства Западной Бенгалии в деревне // Индия 1984. Ежегодник. М., 1986, с. 82–103; он же: Левodemократические правительства в штатах Индии. М., 1987, с. 228–273.
- ⁷⁶¹ Растянников В.Г. Земельная реформа в Индии. Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание. ИВ РАН. М., 2005, с. 315–317.
- ⁷⁶² Jannuzi Tomasson F. Agrarian Crisis in India. The Case of Bihar. Bombay, Calcutta, etc.: Sungam Books, 1974, p. 169–194.
- ⁷⁶³ Narayan Jayaprakash. Socialism, Sarvodaya and Democracy, p. 166–167.
- ⁷⁶⁴ Котовский Г.Г. Индия в новейшее время, с. 524–525.
- ⁷⁶⁵ Растянников В. Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке, с. 78–79.
- ⁷⁶⁶ Миронова Е.И. Этапы «зеленой революции» Индия 1981–1982. Ежегодник. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983, с. 67–82; Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Урожайность хлебов в России. 1795–2007. М.: ИВ РАН, 2009, с. 16–20.
- ⁷⁶⁷ Подробно см. Noorani A.G. Into the Sunset // Frontline. September 12–25, 2009; В книге «Моя жизнь. Моя страна» Л.К. Адвани, один из лидеров Бхаратия джаната парти, отмечает, что сразу же по получении известия об убийстве Ганди, глава РСС Голвалкар направил телеграммы премьер-министру Дж. Неру, заместителю премьер-министра Сардару Пателю и сыну М.К. Ганди – Девдасу Ганди. В них он выразил скорбь по поводу «жестокого и фатального нападения на великого человека». В тот же день Голвалкар послал телеграммы всем отделениям РСС с инструкцией объявить 13-дневный траур, как того требует индусский обычай, чтобы почтить «трагическую смерть глубокочтимого Махатмы». На следующий же день после убийства Ганди Голвалкар в письме Неру осудил преступление, совершенное Годсе [Advani L.K. My Country. My Life. New Delhi: Rupa and Co., 2008, p. 71–75]. Представляет интерес и такой факт. По данным историка Р. Манчандры, уже в наше время ежегодно 15 ноября в день казни Натурама Годсе его почитатели собираются в Пуне, чтобы перед урной с его прахом, а также картой неразделенной Индии принести клятву добиться отмены вивисекции родины [Manchandra Rita. Beyond Partition // EPW. August 16, 2008, p. 27].
- ⁷⁶⁸ Baxter Craig. Op. cit., p. 27.
- ⁷⁶⁹ Ibid., p. 52; см.: Jaffrelot Christophe. The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics, 1925 to the 1990s. New Delhi: Penguin India, 1999.
- ⁷⁷⁰ Nehru on Communalism. New Delhi: Sampradyikta Virodhi Committee. 1965, p. 223–224.
- ⁷⁷¹ Цит. по: Noorani A.G. Power Drive // Frontline. April 11–24, 2009.
- ⁷⁷² INC. Fourth General Election, 1967, New Delhi, p. 62–73.
- ⁷⁷³ CPI. Political Thesis (Adopted at the Second Congress, 28 February to 6 March 1948) // Documents of the History of the Communist Party of India. Vol. VII, 1948–1950. New Delhi, 1976, p. 40.
- ⁷⁷⁴ CPI. Guidelines of the History of the Communist Party of India. New Delhi: PPH, 1974, p. 77, 78.

- ⁷⁷⁵ Documents of the History of the Communist Party of India. Vol. VII, p. 460–461.
- ⁷⁷⁶ Ibid., p. 462–464.
- ⁷⁷⁷ Ibid., p. 463.
- ⁷⁷⁸ Правда. М., 21.10.1951.
- ⁷⁷⁹ Documents of the History of the Communist Party of India. Vol. VII, p. X, XIV.
- ⁷⁸⁰ CPI. Guidelines, p. 88–89.
- ⁷⁸¹ INC. The Fourth General Elections. A Statistical Analysis. New Delhi, 1967, p. 64–65.
- ⁷⁸² IBID., p. 66–73, 88–91.
- ⁷⁸³ New Age. 31.03.1957.
- ⁷⁸⁴ New Age. 24.03.1957.
- ⁷⁸⁵ Nair M.N.Govindan. Challenge of Kerala // New Age. Monthly. April 1957, p. 9–12.
- ⁷⁸⁶ Namboodiripad E.M.S. Kerala. Problems and Possibilities, p. 68.
- ⁷⁸⁷ Vasudev Uma. Indira Gandhi. Revolution in Restraint. Delhi, Bombay, etc.: Vikas Publishing House Pvt Ltd, 1974, p. 257, 258.
- ⁷⁸⁸ Vasudev Uma, Op. cit., p. 267.
- ⁷⁸⁹ Во время выступления Неру перед высшими чиновниками МИД Индии в январе 1963 г. секретарь по иностранным делам И.Д. Гундевия задал ему вопрос: «Что может произойти с государственными службами Индии, если коммунисты выигрывают на выборах и завтра придут к власти в центре – в Нью Дели?» Далее Гундевия пишет: «Неру задумался над моим вопросом, оглядел комнату, а затем сказал: “Коммунисты, коммунисты, коммунисты, почему все вы так озадачены коммунистами и коммунизмом? Что такого коммунисты могут сделать, чего мы не можем сделать и не сделаем для страны? Почему вы думаете, что коммунисты могут когда-либо прийти к власти в центре?” После долгой паузы он сказал, произнося слова медленно и очень подчеркнуто: “Опасность для Индии, обращаю ваше внимание на это, исходит не от коммунизма, а от правого индусского коммунизма”» [Gundevia Y.D. Outside the Archives. New Delhi: Sangam Books, 1984, p. 209–210].
- ⁷⁹⁰ Vasudev Uma. Op. cit., p. 276.
- ⁷⁹¹ Mathur D.B., Mohan Lal Sharma and Basu Deo Sharma. Kerala. Politics of Polarisation // Iqbal Narain, ed. State Politics in India. New Delhi: Meenakshi Prekashan, 1976, p. 184, 185.
- ⁷⁹² Регинин/Чичеров А.И. Индийский национальный конгресс. Очерки идеологии и политики. Изд-во «Наука». М., 1978. с. 94.
- ⁷⁹³ Нилов/Юрлов Ф.Н. Леводемократические правительства в штатах Индии, с. 16, 17.
- ⁷⁹⁴ Юрлова Е.С. Индира Ганди: путь к власти // Восток (Oriens), 2008, № 4, с. 96–108.
- ⁷⁹⁵ INC. The Fourth General Elections, p. 62–73, 88–91.
- ⁷⁹⁶ Ibid., p. 1,2.
- ⁷⁹⁷ Чакраварти Раджагопалачари (1878–1972) – видный деятель Конгресса, участник кампаний несотрудничества, премьер Мадраасского президентства с 1937 г., выступил за сотрудничество с Англией во Второй мировой войне, против движения «Прочь из Индии!», генерал-губернатор Индии (1948–1950), министр внутренних дел Индии. Отказал Неру в его просьбе заменить смертный приговор

коммунистам – участникам крестьянского восстания в Теленгане на более мягкий. После этого их пути разошлись. В 1952–1954 гг. Раджагопалачари был главным министром штата Мадрас. Известен своими переводами на английский язык «Махабхараты», «Рамаяны» и других классических произведений, за что стал первым обладателем высшей государственной награды Индии – ордена Бхарат Ратна.

⁷⁹⁸ Masani M.R. Congress Misrule and the Swatantra Alternative. Bombay, 1966, p. XII, XV–XVI; Masani M.R. Why Swatantra? Bombay, 1967, p. 1.

⁷⁹⁹ The Amrita Bazar Patrika. Calcutta, 01.01.1964.

⁸⁰⁰ Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. V. March 1963–May 1964. Publication Division. Ministry of Information and Broadcasting, Government of India. New Delhi. 1968, p. 228.

⁸⁰¹ Gandhi Indira. Forword to the First Volume of Selected Works of Jawaharlal Nehru, p. 806–810.

⁸⁰² India 1994. A Reference Annual. New Delhi: Publication Division. Ministry of Information and Broadcasting. Government of India, p. 914.

⁸⁰³ Проблемы экономического и социального развития независимой Индии. М., 1967; Л.И. Рейснер и Г.К. Широков. Современная индийская буржуазия. М., 1966; О.В. Маляров. Концентрация капитала и производства в Индии. М., 1968.

⁸⁰⁴ Регинин/Чичеров. Индийский национальный конгресс: очерки идеологии и политики (60-е и первая половина 70-х годов), с. 86, 87.

⁸⁰⁵ The Statesman. 13.02.1966.

⁸⁰⁶ Калантар (газета на бенгальском яз.). Калькутта. 03.10.1966.

⁸⁰⁷ Нилов / Юрлов Ф.Н. Западная Бенгалия: политические проблемы, с. 73–111.

⁸⁰⁸ Комаров Э.Н., Чичеров А.И. Тенденции политического развития современной Индии; Нилов / Юрлов Ф.Н. Некоторые вопросы формирования политики и идеологии партии Бангла конгресс (1964–1967) // Идеологические проблемы современной Индии. «Наука», М., 1970; Плешова М.А. Штат Уттар-Прадеш: социально-политические проблемы. «Наука», М., 1974.

⁸⁰⁹ Sengupta Arjun. Indira Gandhi's Economic Reforms // Mainstream. Annual 1995, p. 25.

⁸¹⁰ Юрлов Ф.Н. Проблемы коммунистического движения Индии: опыт Коммунистической партии Индии (марксистской). М.: Институт общественных наук, 1985.

⁸¹¹ Нилов / Юрлов Ф.Н. Леводемократические правительства в штатах Индии, с. 120–125; он же. Западная Бенгалия: политические проблемы, с. 147–150, 162–164.

⁸¹² Naxalbari and After. A "Frontier" Anthology. Two Volumes. Calcutta, 1978.

⁸¹³ Gatade Subhash. Naxalbari after three decades. Heroes of a Greek tragedy? // Mainstream, February 27, 1999, p. 21–26.

⁸¹⁴ Advani L.K. My Country. My Life, p. 738.

⁸¹⁵ Нилов / Юрлов Ф.Н. Леводемократические правительства в штатах Индии, с. 65–72.

⁸¹⁶ Katju Manjari. Vishva Hindu Parishad and Indian Politics. New Delhi: Orient Longman Ltd., 2003, p. 1–4; 142–145.

⁸¹⁷ Баджранг Бали – одно из имен обезьяны Ханумана, последователя и защитника Бога Рамы.

- ⁸¹⁸ Ключев Б.И. Религия и конфликт в Индии, с. 210–221.
- ⁸¹⁹ Vajpayee A.B. Bharatiya Jana Sangh // Pattabhiram M., ed. General Election in India 1967. Bombay, etc.: Allied Publishers, 1967, p. 73–82.
- ⁸²⁰ Election Commission of India Report on the Fourth General Election in India. 1967. New Delhi, p. 62–73, 88–91.
- ⁸²¹ Ibid.
- ⁸²² The Times of India. 15.05.1967.
- ⁸²³ The Statesman, 09.11.1969.
- ⁸²⁴ Ghosh Atulya. The Split. Jayanti, Calcutta, 1970, p. VII–X, 3–8.
- ⁸²⁵ The Times of India. 18.11.1969.
- ⁸²⁶ India 1973. A Reference Annual. New Delhi: Publication Division. Ministry of Information and Broadcasting. Government of India, 1973, p. 269.
- ⁸²⁷ Frank Katherine. Op. cit., p. 308.
- ⁸²⁸ The Times of India. 20.01.1971.
- ⁸²⁹ ДМК – региональная партия, основана в 1949 г. в Тамилнаду. Ее история восходит к Джастис парти, основанной в 1916 г. В 1944 г. последнюю возглавил Перияр, но назвал ее Дравидар кажагам [см.: Arooran Nambi. Tamil Renaissance and Dravidian Nationalism 1905–44, Koodal publishers, 1980, Madurai: 152–251]. После 1947 г. Дравидар кажагам потребовала отделения от Индийского Союза. Казначеем этой партии был Кондживарам Натараджан Аннадураи (1909–1969), которого называли просто «Анна», что означает «старший брат». В 1949 г. он разошелся с Перияром и основал ДМК, отказался от требования отделения штата и переименовал штат Мадрас в штат Тамилнаду. В 1967 г. стал его главным министром. После его смерти один из известных актеров, член ДМК, Рамачандран назвал эту партию Всеиндийской ДМК им. Анна (All India Anna DMK).
- ⁸³⁰ The Times of India. 31.03.1971; India 1973. A Reference Annual. New Delhi, 1973.
- ⁸³¹ India 1973. A Reference Annual. New Delhi, 1973.
- ⁸³² Frank Katherine. Op. cit., p. 328.
- ⁸³³ Sengupta Arjun. Indira Gandhi's Economic Reforms // Mainstream. Annual 1995, p. 21, 26.
- ⁸³⁴ India 1994. A Reference Annual. New Delhi: Publication Division. Ministry of Information and Broadcasting. Government of India, 1994, p. 13, 18, 20.
- ⁸³⁵ Report on the Fifth General Election to the House of the People in India. 1971. Vol. II (Statistical). Election Commission of India. New Delhi, 1973; Kumar Radha. The History of Doing. New Delhi: Zubaan, 2007, p. 103.
- ⁸³⁶ Юрлова Е.С. Социальное положение женщин и женское движение в Индии. М.: «Наука», 1982, главы 2, 3, 4.
- ⁸³⁷ Report of the Committee on the Status of Women in India. Ministry of Education and Social Welfare. New Delhi, 1974.
- ⁸³⁸ The Current. 28.07.1973.
- ⁸³⁹ Nayar Kuldip. The Judgement. Inside Story of the Emergency in India. New Delhi, etc.: Vikas Publishing House Pvt Ltd., 1977, p. 7.
- ⁸⁴⁰ Ghosh Sankar. Indira Gandhi, the Resurgent Congress and Socialism. New Delhi: AICC, 1975, p. 1–36.

- ⁸⁴¹ Malhotra Inder. Indira Gandhi. A Personal and Political Biography. London, Sydney, etc.: Hodder&Stoughton, 1989, p. 155, 156.
- ⁸⁴² Ibid., p. 145–147. Авторы монографии в то время работали в Дели и имели возможность непосредственно наблюдать за тем, как широко и в деталях обсуждалось все это в средствах массовой информации.
- ⁸⁴³ Беседа авторов с министром железных дорог Лалит Нараян Мишрой в Дели в июне 1974 г.
- ⁸⁴⁴ The Times of India. 20.05.1975.
- ⁸⁴⁵ Malhotra Inder. Indira Gandhi, p. 162.
- ⁸⁴⁶ Moraes Dom. Indira Gandhi. Boston: Little, Brown and Co., 1980, p. 220.
- ⁸⁴⁷ Kothari Rajni. State against Democracy. In Search of Humane Governance. New Delhi: Ajanta Publications, 1988, p. 291–292.
- ⁸⁴⁸ Dhar P.N. Indira Gandhi. The ‘Emergency’ and Indian Democracy. New Delhi: OUP, 2000, p. 300–351.
- ⁸⁴⁹ Malhotra Inder. Indira Gandhi, p. 168–169/
- ⁸⁵⁰ Nayar Kuldip. The Judgement. Inside Story of the Emergency in India, p. 1–55, 158; Pandit Vijaya Lakshmi. Op. cit., p. 1–9.
- ⁸⁵¹ Gandhi Indira. Broadcast to the Nation, over the Air. June 26, 1975. // Selected Speeches and Writings of Indira Gandhi. Vol. III. (September 1972–March 1977). Publication Division. Ministry of Information and Broadcasting. New Delhi, 1984, p. 177.
- ⁸⁵² Как светское государство Индия не имеет официальной религии. Все граждане имеют равные права на свободу совести, вольны отправлять религиозные обряды и проповедовать любую религию по своему выбору или быть атеистами. Конституция не допускает дискриминации граждан по религиозным признакам со стороны государства [Constitution of India, 2000, p. 3].
- ⁸⁵³ Luce Edward. In Spite of the Gods, p. 186.
- ⁸⁵⁴ Malhotra Inder. Op. cit., p. 194, 195.
- ⁸⁵⁵ Gandhi Indira. Why Emergency. Free rendering of broadcast in Hindi over the Air. New Delhi, June 27, 1975 // Indira Gandhi. Selected Speeches and Writings. Vol. III. September 1972 – March 1977. Publication Division. New Delhi, 1984, p. 178.
- ⁸⁵⁶ Beteille Andre. Constitutional Morality // EPW. 2008, October 4, p. 35–42.
- ⁸⁵⁷ Malhotra Inder. Op. cit., p. 171.
- ⁸⁵⁸ Thakur Janardan. All the Janata Men. New Delhi et al.: Vikas Publishing House, 1977, p. 3.
- ⁸⁵⁹ The Times of India. 27.03.1977.
- ⁸⁶⁰ Malhotra Inder. Op. cit., p. 198.
- ⁸⁶¹ Нилов / Юрлов Ф.Н. Роль органов деревенского самоуправления в деятельности правительства Левого фронта// Нилов Ф.Н. Леводемократические правительства в штатах Индии, с. 273–288.
- ⁸⁶² Юрлов Ф. Индия. Бхаратия джаната парти – путь к власти // Азия и Африка сегодня. 2003, № 7, с. 30–36; № 8, с. 24–30.
- ⁸⁶³ Jayakar Pupul. Indira Gandhi: An Intimate Biography. Pantheon Books. New York, 1993, p. 253–254, 263–264.
- ⁸⁶⁴ Limaye Madhu. Janata Party Experiments: An Insider’s Account of Opposition Politics. Vol. I. Delhi: B.R.Publishing Corporation, 1994, p. 451.

- ⁸⁶⁵ Chandran Ramesh. The Battle for Chikmagalur // *Illustrated Weekly of India*. 05.11.1978.
- ⁸⁶⁶ Varnika, p. 1.
- ⁸⁶⁷ Thakur Janardhan. *All the Janata Men*. Vikas Publishing House. New Delhi, 1979, p. 148–150; Chandra Jag Parvesh. *Verdict on Janata*. Delhi: Metropolitan Book Co., 1979, p. 26, 96.
- ⁸⁶⁸ The Constitution of India, article 352; Austin Granville. *Working the Democratic Constitution: The Indian Experience*. New Delhi: OUP, 1999, p. 409–430.
- ⁸⁶⁹ Bhambhri C.P. *Bharatiya Janata Party*. Delhi: Shipra Publications, 2001, p. 245; см. также: Чичеров А.И. Джавахарлал Неру и независимая Индия. «Наука»: М., 1990, с. 243.
- ⁸⁷⁰ Kurian V. Mathew. Economic Changes from Nehru to Narasimha Rao. What Lessons Do we Draw? // *Mainstream*. 24.09.1995, p. 11–13.
- ⁸⁷¹ См.: Юрлова Е.С. Кастеизм – фактор политической жизни // Котовский Г.Г., отв. ред. *Экономическое, социальное и политическое развитие Индии (1947–1987)*. М.: «Наука», 1989, с. 245–252.
- ⁸⁷² INC(I). *Minutes of the All India Congress Committee Meeting*. Bombay, 20–21st October, 1983. New Delhi, 1983.
- ⁸⁷³ Gandhi Indira. *Presidential Address*. 77th Session of Indian National Congress. Calcutta (1983). New Delhi, 1983, p. 7.
- ⁸⁷⁴ *India Today*. 16–31 May, 1980.
- ⁸⁷⁵ В декабре 1983 г. в Калькутте прошла сессия Конгресса, на которой было отмечено 100-летие Национальной конференции Индийской ассоциации. Вся политическая тональность этой сессии свидетельствовала о том, что Раджив Ганди является «наследником» высшей власти в партии и правительстве. В частности, приглашения делегациям из ряда стран, в том числе СССР, были направлены от его имени, а не президента Конгресса Индиры Ганди. Ф.Н. Юрлову довелось принять участие в этой сессии и встречах с И. Ганди и Р. Ганди.
- ⁸⁷⁶ Guha Ramachandra. *India after Gandhi*, p. 550.
- ⁸⁷⁷ *The Times of India*. 30.03.1982.
- ⁸⁷⁸ Weiner Myron. *Sons of the Soil: Migration and Ethnic Conflict in India*. Princeton: Princeton University Press, 1978, Chapter 3; Guha Amalendu. *Little Nationalism Turned Chauvinist: Assam's Anti-Foreigner Upsurge 1979–1980* // *EPW Annual Issue*, October 1980.
- ⁸⁷⁹ Baruah Sanjib. *India Against Itself: Assam and the Politics of Nationality*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999, Chapter Five. С 1980 по 1982 г. представители властей и лидеры ассамского движения вели напряженные переговоры. Однако решения проблемы не было найдено. Конфликт продолжался и приобрел драматические формы. В феврале 1983 г. толпа ассамских индусов и племен убила более сотни бенгальских мусульман [Murty T.S. *Assam, the Difficult Years: A Study of Political Developments in 1979–83*. New Delhi: Himalayan Books, 1983].
- ⁸⁸⁰ *India Today*. 16–31.07.1981, p. 75; Mathew George. *Politicisation of Religion: Conversion to Islam in Tamil Nadu* // *EPW*, 19 June, 1982.
- ⁸⁸¹ The Constitution of India. First Schedule. The States.

- ⁸⁸² White Paper on the Punjab Agitation. New Delhi. Government of India Press, 1984, p. 67–90.
- ⁸⁸³ Frankel F.R. and Rao M.S.A., eds. *Dominance of State Power in India: Decline of Social Order*. Vol. 2. Delhi: OUP, 1990, p. 451.
- ⁸⁸⁴ *Time*. 27 October, 2003.
- ⁸⁸⁵ Guha Ramachandran. *India after Gandhi*, p. 568.
- ⁸⁸⁶ Singh Parwant and Harji Malik, eds. *Punjab: The Fatal Miscalculation*. New Delhi, 1985, p. 133.
- ⁸⁸⁷ Anklesaria Shahnaz. *Fallout of Army Action: A Field Report // EPW*. 28 July, 1984.
- ⁸⁸⁸ Nehru B.K. *Nice Guys finish Second*. New Delhi: Viking, 1997, p. 627–641.
- ⁸⁸⁹ *Varnika*, p. 371.
- ⁸⁹⁰ Gandhi Sonya. *Rajiv*. New Delhi: Penguin Books, 1994, p. 20.
- ⁸⁹¹ *Ibid.*, p. 93.
- ⁸⁹² *India Today*. 30.11.1984; Varadarajan Siddharth. *India after Indira, 25 years on // The Hindu*. 01.11.2009; Gurpreet Singh. *We felt safe under his rule // Frontline*. Jan. 30 – Feb.12, 2010.
- ⁸⁹³ *The Times of India*. 04.12.1984; *EPW*, 22–29.12.1984; *The World Almanac and Book of Facts 2007*. New York: World Almanac Books, p. 782; Venkatesan V. *Bhopal Gas Disaster // Frontline*. Dec. 19, 2009 – Jan. 1, 2010, p. 32–40. В связи с 25-летием трагедии в Бхопале, начиная с декабря 2009 г., в Индии проходили массовые выступления с требованием увеличения компенсации жертвам взрыва на заводе. Раздавались также призывы подвергнуть рассмотрению в индийском суде вопроса об ответственности Андерсона. Эта тема обсуждалась в правительстве Индии и парламенте. Вместе с тем власти США заявили, что это дело закрыто и не подлежит дальнейшему обсуждению [*The Hindu*. 20.08.2010].
- ⁸⁹⁴ *Nehru's Birthday Number // Mainstream*. New Delhi, 1984, p. 25.
- ⁸⁹⁵ *The Patriot*. New Delhi. 06.12.1984.
- ⁸⁹⁶ *The Patriot*. 06.01.1985; INC(I). *The Centenary Resolve*. Bombay, 1985, p. 7–84; West Bengal. *Calcutta*. 01–16.11.1984, p. 385.
- ⁸⁹⁷ INC(I). *The Centenary Resolve*, p. 7–8.
- ⁸⁹⁸ *India Today*. 31.12.1985; *Sunday*. 29 October – 1 November, 1986.
- ⁸⁹⁹ *Sunday*. 21–27 July, 1985; 2–8 October, 1988; *EPW*. 07.09.1985.
- ⁹⁰⁰ Bannerjee Indranil. *The New Maharajas // Sunday*. 6–12 December 1987.
- ⁹⁰¹ Nadakarni M.V. *Farmers' Movements in India*. New Delhi: Allied Publishers, 1987.
- ⁹⁰² *India Today*. 15.09.1985; *EPW*. 05.10.1985.
- ⁹⁰³ *India Today*. 15.01.1986.
- ⁹⁰⁴ *India Today*. 31.07.1986.
- ⁹⁰⁵ *Sunday*. 1–7 December, 1985.
- ⁹⁰⁶ *The Indian Express*. 21.12.1985; *The Times of India*. 11.02.1986.
- ⁹⁰⁷ Kumar Radha. *The History of Doing*, p. 166–169.
- ⁹⁰⁸ *Ibid.*, p. 97; *Eve's Weekly*. 29.03 – 04.04.1986]
- ⁹⁰⁹ Advani L.K. *Op. cit.*, p. 365.
- ⁹¹⁰ *Ibid.*, p. 360.
- ⁹¹¹ *The Statesman*. 20.04.1986; 01.05.1986.

- ⁹¹² Об этом см.: Глушкова Ирина. Из индийской корзины. М.: «Восточная литература» РАН, 2003, с. 72–78.
- ⁹¹³ Advani L.K. Op. cit., p. 366, 367, 931–933.
- ⁹¹⁴ People's Union for Democratic Rights. Bhagalpur Riots. New Delhi, 1990.
- ⁹¹⁵ Sunday. 24–30 July, 1988.
- ⁹¹⁶ Sunday. 27 August – 02 September 1989; India Today. 15.09.1989.
- ⁹¹⁷ India Today. 16.06.1988.
- ⁹¹⁸ Sunday. 09–15 July, 1989.
- ⁹¹⁹ Сафронова А.Л. Особенности межобщинных отношений в Южной Азии: прошлое и настоящее сингалло-тамильского противостояния // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение, 2009, № 4, с. 3–27.
- ⁹²⁰ Ananth V. Krishna. V.P.Singh (1931–2008) // EPW. December 6, 2008, p. 21.
- ⁹²¹ Guha Thakurta Paranjy, Ragheraman Shankar. Divided we Stand. Los Angeles, L., New Delhi: Sage Publications, 2007, p.139–140, 149.
- ⁹²² Decan M.V. The Indian Media // Bouton M.Marshall and Oldenburg Philip (eds). India Briefing, 1989. Boulder: Westview Press, 1989.
- ⁹²³ Sunday. 1–7 October, 1989.
- ⁹²⁴ Ramakrishnan Venkitesh. Icon of Justice // Frontline. December 06–19, 2008.
- ⁹²⁵ Srinivas M.N. Social Change in Modern India. California, 1966; Irshchik E.F. Politics and Social Conflict in South India: The Non-Brahman Movement and Tamil Separatism 1916–29. California, 1969; Kothari R., ed. Caste in Indian Politics. New Delhi, 1970; Dumont L. Homo Hierarchicus. London, 1972.
- ⁹²⁶ Куценков А.А. Эволюция индийской касты. М.: Изд-во «Наука», 1983, с. 302.
- ⁹²⁷ Кудрявцев М.К. Кастовая система в Индии. М.: «Наука», 1992, с. 5.
- ⁹²⁸ Klass Morton. Caste: Emergence of the South Asian Social System. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1980.
- ⁹²⁹ Beteille Andre. Caste in Contemporary India // Fuller C.J., ed. Caste Today. Delhi: OUP, 1997 p. 177.
- ⁹³⁰ Yadav K.C. India's Unequal Citizens. A Study of Other Backward Classes New Delhi: Manohar, 1994, p. 215–245.
- ⁹³¹ Report of the Backward Classes Commission. Publication Division. Government of India. New Delhi, 1980, Part I, p. 56, 63–64.
- ⁹³² The Hindustan Times. 12.08.1983.
- ⁹³³ Link. 26.01.1986, p. 33; 25.01.1987, p. 40.
- ⁹³⁴ Buniyadi Sangarsh (Voice of the Backward and Oppressed), 1984, № 3, p. 15.
- ⁹³⁵ Link. 21.04.1985. см.: Murugkar Lata. Dalit Panther Movement in Maharashtra: A Sociological Appraisal. Bombay: Popular Prakashan. 1991.
- ⁹³⁶ Sunday. 3–9 December, 1989.
- ⁹³⁷ <http://www.milligazette.com.15.01.2007/>
- ⁹³⁸ Singh V.P. Affirmative Action in India // Mainstream 18.05.1996.
- ⁹³⁹ Ibid.
- ⁹⁴⁰ Юрлова Е.С. Индия. От неприкасаемых к далитам, с. 330–333.
- ⁹⁴¹ Report of the Backward Classes Commission. Vol. III to VII, p. 145.
- ⁹⁴² Advani L.K. Op. cit., p. 375–378.

- ⁹⁴³ Davis Richard H. The Iconography of Rama's Chariot // David Ludden, ed. Making India Hindu: Religion, Community, and the Politics of Democracy in India. New Delhi: OUP, 1996.
- ⁹⁴⁴ Advani L.K. Op. cit., p. 378–379.
- ⁹⁴⁵ www.outlookindia.com/ 01.06.2009/
- ⁹⁴⁶ Advani L.K. Op. cit., p. 380.
- ⁹⁴⁷ Jaffrelet Christophe. The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics, 1925 to the 1990s. New Delhi: Penguin India, 1999, p. 420–422.
- ⁹⁴⁸ Brass Paul. The Production of Hindu–Muslim Violence in Contemporary India. New Delhi: OUP, 2003, p. 110–123.
- ⁹⁴⁹ Advani L.K. Op. cit., p. 385–386.
- ⁹⁵⁰ Frontline. 15–25.10.1991.
- ⁹⁵¹ 27th Report of the Commissioner for Scheduled Castes and Scheduled Tribes 1979–1980. New Delhi, 1981, p. 289.
- ⁹⁵² Link. 13–20.11.1988, с. 33.
- ⁹⁵³ Шанкарачарья – титул религиозных вождей шиваизма, возглавляющих монашеские ордена и монастыри.
- ⁹⁵⁴ Беседа Юрловой Е.С. с Нирмалой Дешпанде в штаб-квартире ХСС 14 февраля 1989 г.
- ⁹⁵⁵ 26th Report of the Commissioner for Scheduled Castes and Scheduled Tribes 1978–1979. New Delhi, 1980, p. 182–185.
- ⁹⁵⁶ Omvedt Gail. Capitalist Structure and Rural Classes in India // EPW. 1981, № 52, p. A–156.
- ⁹⁵⁷ Vasanthi Devi V. A Cry for Justice // Frontline. June 24 – July 07. 2000.
- ⁹⁵⁸ Беседа Юрловой Е.С. с проф. Сундарамом 22 февраля 1983 г. в Мадраце.
- ⁹⁵⁹ Беседа Юрловой Е.С. с Н. Шармой 23.01.1989 г. в Дели.
- ⁹⁶⁰ Тилак – кастовый знак, чаще всего налобный, свидетельствующий об определенном статусе (кастовом, семейном или сектантском) индивида. Наносится с помощью краски, лака, различных паст.
- ⁹⁶¹ Беседа Юрловой Е.С. с Канши Рамом 30.01.1989 г. в Дели.
- ⁹⁶² India Today. 16–31.07.1981, с. 75.
- ⁹⁶³ Организации Семьи хиндутвы предпочитают гандистское название бывших неприкасаемых – хариджаны.
- ⁹⁶⁴ India Today. 16–31.07.1981, p. 76.
- ⁹⁶⁵ The Indian Express. 05.11.2002.
- ⁹⁶⁶ Беседа Е.С. Юрловой с В. Бедекармом в Бомбее 4 февраля 1989 г.
- ⁹⁶⁷ Srinivas M.N. National Building in Independent India. New Delhi, 1976, p. 34.
- ⁹⁶⁸ Agnivesh Swami. Reforming Hinduism from within // Outlook India. 05.11. 2002; см.: Юрлова Е.С. Новая вера для нового статуса (Религиозные обращения низших каст) // Южная Азия. Конфликты и компромиссы. М.: ИВ РАН, 2004, с. 115–136.
- ⁹⁶⁹ Punalekar S.P. Aspects of Caste and Class in Social Tensions: A Study of Maharashtra Riots. Surat, 1981, p. 63.
- ⁹⁷⁰ The Times of India. 20.12.1993.
- ⁹⁷¹ EPW. 27.01.1990, p. 184.
- ⁹⁷² Gill Y.S. Bahujan Samaj Party Trades in Caste // New Age. 12.04.1987.

- ⁹⁷³ Беседа Е.С. Юрловой с Канши Рамом 24 января 1983 г.
- ⁹⁷⁴ India 2004. A Reference Annual, p. 9, 12–14, 16.
- ⁹⁷⁵ Этот статус присваивается партиям, набравшим не менее 4% голосов избирателей на выборах в парламент или имеющих поддержку не менее 4% голосов избирателей на выборах в законодательные собрания в 4 штатах.
- ⁹⁷⁶ EPW. 30.10.1999, p. 3099.
- ⁹⁷⁷ Юрлова Е.С. Партия большинства народа – вверх по ступеням власти // Ванина Е.Ю., ред. Разговор с Мариной и Олегом Плешовыми: политические символы и реалии Южной Азии. М.: ИВ РАН, 2010.
- ⁹⁷⁸ Panandiker V.A. Pai, ed. The Politics of Backwardness: Reservation Policy in India. New Delhi, 1997, p. VI; см.: Е.С. Юрлова. Касты приспосабливаются к новым условиям // Индийские исследования в странах СНГ. Материалы научной конференции. М.: ИВ РАН, 2007, с. 336–352.
- ⁹⁷⁹ Paul Sharda. 1977 General Elections in India. New Delhi: Associated Publishing House, 1977, p. 235–236.
- ⁹⁸⁰ Растяжников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке, с. 605.
- ⁹⁸¹ Economic Survey 1994–95. New Delhi. Ministry of Finance, p. S-10, 156–157, 158, 159.
- ⁹⁸² Parasuram T.V. World Bank report praises pre-reform Indian economy // The Times of India. 18.09.1996.
- ⁹⁸³ Document: Recent Economic Developments and Prospects for 1994–95 // Mainstream. February 11, 1995, p. 12.
- ⁹⁸⁴ India Today. June 30, 1991, p. 118.
- ⁹⁸⁵ Sengupta A. Sustainable Economic Reform // Mainstream. February 22, 1995, p. 27.
- ⁹⁸⁶ India Today. June 30, 1991, p. 118.
- ⁹⁸⁷ Ibid., p. 129.
- ⁹⁸⁸ Selected Speeches of Indira Gandhi. January 1966 – August 1969. New Delhi: Ministry of Information and Broadcasting, 1971, p. 304.
- ⁹⁸⁹ Document: State of the Economy and Economic Reforms. Mid-Term Appraisal of the Eighth Five Year Plan (1992–1997) drafted by the Planning Commission: // Mainstream, February 17, 1996, p. 11, 13.
- ⁹⁹⁰ Document: An Enduring Quest for Cooperation. Prime Minister's Address at Humboldt University (February 5, 1994) // Mainstream, February 19, 1994, p. 35.
- ⁹⁹¹ Document: State of Economy and Economic Reforms. Mid-Term Appraisal of the Eighth Five-Year Plan // Mainstream, February 17, 1996, p. 13; Special Report – India: Biggest Tiger of All // Foreign Affairs, vol. 72, No 3 (Summer 1993), p. 14.
- ⁹⁹² Document: State of Economy and Economic Reforms // Mainstream, February 17, 1996, p. 13.
- ⁹⁹³ Economic Survey 1994–95, p. 12, 14; Независимая газета. 21.03.1997.
- ⁹⁹⁴ Document: Recent Economic Developments and Prospects for 1994–95 // Mainstream. February 11, 1995, p. 12; Финансовые известия. 23.02.1996.
- ⁹⁹⁵ Document: Recent Economic Developments and Prospects for 1994–95, p. 17, 19.
- ⁹⁹⁶ Gupta S.P. Mid-Year Review of the Economy 1995–96. Delhi. Konark Publishers, 1996, p. 155, 156.
- ⁹⁹⁷ Mehta Jaya. Union Budget «Pro-Poor» Exercise // Mainstream. March 25, 1995, p. 5.

- ⁹⁹⁸ The Economic Times. Bombay. January 3, 1995.
- ⁹⁹⁹ Rekhi Kanwal S. Reforms are Disappointing // India Today. January 15, 1994, p. 100.
- ¹⁰⁰⁰ Финансовые известия. 23.02.1996.
- ¹⁰⁰¹ The Times of India. 27.07.1996.
- ¹⁰⁰² Gandhi M.K. India of My Dreams. Ahmedabad, 1949, p. 175.
- ¹⁰⁰³ Aiyar Swaminathan S. Anklesaria. No Escape from Fund-Bank Supervision// The Times of India, March 13, 1992.
- ¹⁰⁰⁴ Dutt Ruddar. Dangers of Foreign Direct Investments Inflow // Mainstream. January 21, 1995, p. 12.
- ¹⁰⁰⁵ Dandavate Madhu. Alienation from Gandhian Ethos // Indian Express, March 13, 1996; Madhu Dandavate. Finance Minister's Tall Claims and Half Truths // The Times of India. March 4, 1996.
- ¹⁰⁰⁶ EPW. February 10, 1996, p. 330.
- ¹⁰⁰⁷ Church George J. Launch of Economic Cold War // Time. July 3, 1995, p. 30–31.
- ¹⁰⁰⁸ Pani Narendar. Advantage Authoritarianism // The Times of India. 04.11.1996.
- ¹⁰⁰⁹ Narayanan K.R.. Liberal Values and Human Rights // Mainstream. February 24, 1996, p. 9.
- ¹⁰¹⁰ Malkani K.R. West Vs the Rest. In Praise of Protectionism // The Times of India. 18.03.1997.
- ¹⁰¹¹ Gupta S.P. Mid-Year Review of the Economy, 1995–96. Delhi: Konark Publishers, 1996, p. 143–145, 148.
- ¹⁰¹² Kasbekar Kiron. Xenophobia will not take us anywheres // The Economic Times, September 27, 1995.
- ¹⁰¹³ Narayanswamy R. Privatisation in Eastern Europe and Its Implications for South Asia // The International Seminar on Reform, Conflict and Change in CIS and East Europe, 23–26 Nov., 1993, New Delhi, p. 3.
- ¹⁰¹⁴ The Constitution of India, articles 243–243 ZG.
- ¹⁰¹⁵ Bandyopadhyay D., Saila K.Ghosh and Buddhadeb Ghosh. Dependency versus Autonomy: Identity Crisis of India's Panchayats // EPW. 20.09.2003.
- ¹⁰¹⁶ Mahi Pal. Panchayati Raj and Rural Governance: Experiences of a Decade // EPW. 10.01.2004.
- ¹⁰¹⁷ Беседа Юрлова Ф.Н. с членами панчаята деревни Мубаракпур дистрикта Бхагпат штата Уттар-Прадеш 27 января 2004 г.; о деятельности панчаятов см. Плешова М.А. Демократия в Индии. Проблемы местного самоуправления. М.: ИВ РАН, «Наука». 1992; Ф.Н. Нилов / Юрлов. Леводемократические правительства в штатах Индии. Изд-во «Наука», М., 1987, с. 242–288.
- ¹⁰¹⁸ Advani L.K. Op. cit., p. 387–388.
- ¹⁰¹⁹ Jaffrelot Christophe. India's Silent Revolution: The Rise of the Low Castes in North Indian Politics. London: Permanent Black, 2003, p. 348.
- ¹⁰²⁰ Конституция Индии, ст. 62.
- ¹⁰²¹ Юрлова Е. Индия: касты и межкастовые отношения живут и изменяются // Азия и Африка сегодня, 2006, № 11, с. 13–19.
- ¹⁰²² Advani L.K. Op. cit., p. 399.
- ¹⁰²³ Sunday. 06–12.12.1992.
- ¹⁰²⁴ Sunday. 13–19.12. 1992.

- ¹⁰²⁵ Advani L.K. Op. cit., p. 406–409.
- ¹⁰²⁶ McKean Lise. *Divine Enterprise: Gurus and Hindu Nationalist Movement*. University of Chicago Press. Chicago, 1996, p. 315.
- ¹⁰²⁷ *India Today*. 17.12.1992.
- ¹⁰²⁸ Purandare Vaibhav. *The Sena Story*. Mumbai: Business Publications, 1999, p. 369; см. также Клюев Б.И. Религия и конфликт в Индии, с. 222–224.
- ¹⁰²⁹ Padgoankar Dilip, ed. *When Bombay Burned*. New Delhi: UBSPD, 1993, p. 42–104.
- ¹⁰³⁰ *White Paper on Ayodhya*. Government of India. February 1993. Extracts // Bham-bri C.P. *Bharatiya Janata Party. Periphery to Centre*. Shipra, New Delhi, 2001, p. 293–328.
- ¹⁰³¹ Venkatesan J. *Liberhan Commission submits report* // *The Hindu*. 01.07.2009.
- ¹⁰³² *The Hindu*. 29.11.2009.
- ¹⁰³³ *The Hindu*. 01.10.2010.
- ¹⁰³⁴ Advani L.K. Op. cit., p. 481.
- ¹⁰³⁵ Advani L.K. Op. cit., p. 480. В своих выступлениях Ваджпай нередко использовал сравнения и метафоры из индийской истории, мифов и легенд. Чакравьюха – это боевое формирование в форме колеса, в котором человек или группа людей оказываются окруженными противниками и почти не имеют шансов выбраться из этой ситуации. В древнем индийском эпосе «Махабхарата» на 13-й день битвы между Кауравами и Пандавами, последние оказались окруженными со всех сторон. Однако при помощи бога Кришны Пандавам удалось выбраться из этого окружения и на следующий день нанести поражение Кауравам.
- ¹⁰³⁶ *The Telegraph*. Calcutta, 30.11.1996.
- ¹⁰³⁷ *The Times of India*. 26.10.1996.
- ¹⁰³⁸ Беседа Ф.Н. Юрлова с И. Гуптой в декабре 1997 г.
- ¹⁰³⁹ Юрлова Е.С. Президент Индии К.Р. Нараянан // *Азия и Африка сегодня*, М., 2001, № 4, с. 47–51.
- ¹⁰⁴⁰ *The Hindustan Times*. 03.04.1998.
- ¹⁰⁴¹ *The Hindu*. 29.03.1998.
- ¹⁰⁴² Юрлов Ф. Индия. Зигзаги коалиционной политики // *Азия и Африка сегодня*, 1999, № 8, с. 16–21.
- ¹⁰⁴³ *Frontline*. August 09–22, 1997.
- ¹⁰⁴⁴ *The Hindu*. 01.04.1998.
- ¹⁰⁴⁵ *Frontline*. August 9–22, 1997.
- ¹⁰⁴⁶ *The Times of India*. 25.12.1997.
- ¹⁰⁴⁷ *Frontline*. August 9–22, 1997.
- ¹⁰⁴⁸ *The Times of India*. 06.05.1999.
- ¹⁰⁴⁹ *The Indian Express*. 27.04.1999.
- ¹⁰⁵⁰ *Frontline*. Nov. 13–26, 1999.
- ¹⁰⁵¹ *Outlook*. 19.10.1999.
- ¹⁰⁵² Юрлов Ф. Индия. Время коалиций // *Азия и Африка сегодня*, 2000, № 3, с. 18–24.
- ¹⁰⁵³ *Frontline*. Nov. 13–26, 1999.
- ¹⁰⁵⁴ *Frontline*. Oct. 23–Nov. 5, 1999.
- ¹⁰⁵⁵ Юрлов Ф. Индийский национальный конгресс – во власти и в оппозиции // *Азия и Африка сегодня*, 2004, № 1, с. 28–34.

- ¹⁰⁵⁶ The Hindustan Times. 20.09.1999.
- ¹⁰⁵⁷ Юрлов Ф.Н., отв. ред. Демократия в Индии. М.: ИВ РАН, 2002, с. 3–83.
- ¹⁰⁵⁸ India Today. Aug. 30,1999, p. 22, 23.
- ¹⁰⁵⁹ Free Press Journal. Oct. 26,1999.
- ¹⁰⁶⁰ India Today. Oct. 27,1999.
- ¹⁰⁶¹ Frontline. 21.12.2002 – 03.01.2003.
- ¹⁰⁶² Varadarajan Siddharth, ed. Gujarat: The Making of a Tragedy. New Delhi. Penguin Books, 2002.
- ¹⁰⁶³ Bhatia Bela. A Step Back in Sabarkantha // Seminar. May, 2002; The Hindu. 01.03.2009.
- ¹⁰⁶⁴ Куценков А.А. Межобщинный конфликт: природа, движущие силы, динамика // Южная Азия: конфликты и компромиссы. Материалы научной конференции. М., Институт востоковедения РАН, 2004, с. 66–69.
- ¹⁰⁶⁵ The Telegraph. 22.11.2002.
- ¹⁰⁶⁶ Bidwai Praful. The road to Gujarat // Frontline. Oct. 25 – Nov. 07, 2008.
- ¹⁰⁶⁷ The Indian Express. 16.12.2002.
- ¹⁰⁶⁸ The Hindu. 26.12.2002.
- ¹⁰⁶⁹ The Indian Express. 9.01.2003.
- ¹⁰⁷⁰ The Indian Express. 25.12.2002.
- ¹⁰⁷¹ Frontline. 21.12.02 – 03.01.2003.
- ¹⁰⁷² The Hindu. 18.12.2002.
- ¹⁰⁷³ Outlook. 30.12.2002.
- ¹⁰⁷⁴ Friese Kai. Hijacking India's History // The New York Time. 30.12.2002.
- ¹⁰⁷⁵ Ванина Е.Ю. История в политике: борьба за прошлое в современной Индии // Южная Азия: конфликты и компромиссы. Материалы научной конференции. М.: ИВ РАН, 2004, с.138–168; Санкритьяян Рахул. От Волги до Ганга. М., 2002; Дандекар Р.Н. От вед к индуизму. Эволюционирующая мифология. М. : «Восточная литература» РАН, 2002.
- ¹⁰⁷⁶ Юрлов Ф. Бхаратия джаната парти – путь к власти // Азия и Африка сегодня. 2003, № 8, с. 24–30.
- ¹⁰⁷⁷ Frontline, April 24 – May 07, 2004.
- ¹⁰⁷⁸ National Democratic Alliance. An Agenda for Development, Good Governance, Peace, and Harmony. Elections to the 14th Lok Sabha, April–May 2004 // [www.bjp.org/April 8, 2004](http://www.bjp.org/April%208,%202004).
- ¹⁰⁷⁹ Frontline. April 24 – May 07, 2004.
- ¹⁰⁸⁰ [www.expressindia.com/ 27.05.2004](http://www.expressindia.com/27.05.2004).
- ¹⁰⁸¹ The Times of India. 31.03.2004.
- ¹⁰⁸² [www.expressindia.com/ 27.05.2004](http://www.expressindia.com/27.05.2004).
- ¹⁰⁸³ Outlook. 03.05.2004.
- ¹⁰⁸⁴ The Indian Express. 14.06.2004.
- ¹⁰⁸⁵ Lok Sabha Elections 2004. Manifesto of the Indian National Congress, p. 3.
- ¹⁰⁸⁶ Ibid., p. 4–7.
- ¹⁰⁸⁷ Ibid., p. 10, 11,14–15.
- ¹⁰⁸⁸ 14th Lok Sabha 2004. CPI(M) Election Manifesto; CPI Election Manifesto; Human Development Report 2003. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York. Oxford: OUP. 2003, p. 238.

- ¹⁰⁸⁹ www.newindpress. 11.05.2004.
- ¹⁰⁹⁰ The Deccan Herald. 16.05.04.
- ¹⁰⁹¹ Election Commission of India – General Elections 2004. National Summary. 09.06.2004; Results. National Summary of votes and seats // www.indianembassy.ru/
- ¹⁰⁹² www.eci.gov.in/ 07.06.2004.
- ¹⁰⁹³ Results. National Summary of Votes and Seats, Compared with Those Won in the 1999 election // www.eci.gov.in/
- ¹⁰⁹⁴ The Indian Express. 14.06.2004.
- ¹⁰⁹⁵ www.newindpress/18.05.2004.
- ¹⁰⁹⁶ The Hindu, 19.05.2004.
- ¹⁰⁹⁷ Frontline, June 05–18, 2004.
- ¹⁰⁹⁸ The Deccan Herald. 16.05.04; The Telegraph, 25.05.04.
- ¹⁰⁹⁹ The Hindu, 19.05.2004, 27.05.2004.
- ¹¹⁰⁰ The Hindu. 28.05.2004.
- ¹¹⁰¹ The Deccan Herald. 16.05.2004.
- ¹¹⁰² www.newindpress / 28.05.2004.
- ¹¹⁰³ The Telegraph. 28.05.2004.
- ¹¹⁰⁴ President's Address to the Joint Session of Parliament. 07.06.2004; Common Minimum Programme of the United Progressive Alliance; Юрлов Ф. Индийская демократия в действии // Азия и Африка сегодня. 2004, № 10, с. 22–26, № 12, с. 19–24.
- ¹¹⁰⁵ The Hindu. 12.12.2008.
- ¹¹⁰⁶ Юрлов Ф. Индия: опыт реформ и модернизации // Азия и Африка сегодня, 2006, № 5, с. 2–7.
- ¹¹⁰⁷ Юрлов Ф. Управится ли ученый с миллиардной страной // Российская федерация сегодня, 2007, № 23, с. 58, 59.
- ¹¹⁰⁸ Outlook. July 22, 2007, p. 68.
- ¹¹⁰⁹ Юрлова Е. Индия: женщины на пути перемен // Азия и Африка сегодня. 2008, № 9, с. 13–17.
- ¹¹¹⁰ Юрлова Е. Президент Индии – Прадипха Патил // Азия и Африка сегодня, 2007, № 12, с. 47–50.
- ¹¹¹¹ Chitambaram P. Finance Minister of India. Reforms lead the Way // Week. New Delhi. 31.12.2006, p. 22, 23.
- ¹¹¹² Aiyar Shankar. The Other India Story // India Today. 08.09.2008, p. 34, 35; Datt Gaurav, Ravallion Martin. Shining for the Poor Too? // EPW, 13.02.2010, p. 59; см. также Горячева А.М. Концептуальные и методологические проблемы оценки бедности в Индии Индийские исследования в странах СНГ. М.: ИВ РАН, 2007, с. 201–216; Как пишет А.М. Горячева, в Индии много сторонников мнения, что процесс изменения масштабов бедности имеет в последние 15 лет скорее хаотический характер год от года, нежели устойчивую тенденцию к значительному сокращению [Горячева А.М. Указ. соч., с. 202].
- ¹¹¹³ Aiyar Shankar. Op. cit., p. 34.
- ¹¹¹⁴ The Times of India. 11.08.2009.
- ¹¹¹⁵ The Hindu. 17.11.2008.
- ¹¹¹⁶ The Hindu. 12.12.2008.

- ¹¹¹⁷ Rajalakshmi T.K. School question // Frontline. July 18–31, 2009.
- ¹¹¹⁸ President Pratibha Patil's address to the Parliament. 12th February 2009 // www.presidentofindia.nic.in/
- ¹¹¹⁹ The Hindu. 03.03.2009.
- ¹¹²⁰ Lok Sabha Elections 2009. Manifesto of the Congress // [www.aicc.org.in/new/election2009 – new.php](http://www.aicc.org.in/new/election2009-new.php).
- ¹¹²¹ BJP 2009 Manifesto // <http://www.bjp.org>.
- ¹¹²² Computations by CSDC based on Election Commission Data. Verdict 2009 // EPW, May 23, 2009, p. 9, 10.
- ¹¹²³ The Indian Express. 29.05.2009; Frontline. June 6–19, 2009.
- ¹¹²⁴ [www.ndtv.com/ 28.05.2009](http://www.ndtv.com/28.05.2009).
- ¹¹²⁵ Ramakrishnan V. Strategic Choice // Frontline. June 20–July 03, 2009.
- ¹¹²⁶ Bidwai Praful. Reading the Verdict // Frontline. June 06–19.2009.
- ¹¹²⁷ Paul Sharda. 1977 General Elections in India. New Delhi: Associated Publishing House, 1977, p. 230–236.
- ¹¹²⁸ Подробнее см. Клюев Б.И. Итоги парламентских выборов в Индии (сентябрь–октябрь 1999 г.) и Юрлов Ф.Н. Новый раунд коалиционной политики // Демократия в Индии. М., ИВ РАН, 2002.
- ¹¹²⁹ The Hindu. 16.04.2009.
- ¹¹³⁰ EPW. 23 May, 2009.
- ¹¹³¹ Frontline. June 06–19, 2009.
- ¹¹³² www.bjp.org/10.07.2009.
- ¹¹³³ Bharatiya Janata Party National Executive Meeting, 20–21 June, 2009, Presidential Speech // [www.bjp.org/ 10.07.2009](http://www.bjp.org/10.07.2009).
- ¹¹³⁴ <http://news/rediff.com/report/2009/ju/13>.
- ¹¹³⁵ Basu Deepankar. The Left and the 15th Lok Sabha Elections // EPW. 30.05.2009, p. 10–15; Haridas K. The Left Debacle in Kerala // EPW. 30.05.2009, p. 15–17.
- ¹¹³⁶ Press Communiqué. The Central Committee of the Communist Party of India (Marxist) met in Delhi on June 20 and 21, 2009 // [http:// www.cpm.org](http://www.cpm.org). 22.06. 2009.
- ¹¹³⁷ National Election Study 2009, weighted data. Sample Size: 2849. Votes in per cent and swing in percentage points; Юрлова Е.С. Партия большинства народа – вверх по ступеням власти // Разговор с Мариной и Олегом Плешовыми: политические символы и реалии Южной Азии. М.: ИВ РАН, 2010.
- ¹¹³⁸ Юрлова Е. Индия: мусульмане и мусульманки. Проблемы религиозного меньшинства в многоконфессиональном обществе // Азия и Африка сегодня, 2007, № 10, с.19–21.
- ¹¹³⁹ The President of India, Smt. Pratibha Devisingh Patil's address to the Joint Session of 15th Lok Sabha in New Delhi. 04.06.2009 // The Hindu.04.06.2009.
- ¹¹⁴⁰ www.nytimes.com/2009/07/07.
- ¹¹⁴¹ Ramakrishnan V. Promises to keep // Frontline. July, 18–31, 2009.
- ¹¹⁴² Bidwai Praful. UPA's early drift // Frontline, July 18–31, 2009.
- ¹¹⁴³ Interview of Montek Singh Ahluwalia, the deputy chairman of the Planning Commission // [www.outlookindia.com/ 27.07.2009](http://www.outlookindia.com/27.07.2009).
- ¹¹⁴⁴ см.: Нилов/Юрлов Ф.Н. Некоторые аспекты отношений между центром и штатами // Индия 1981–1982. Ежегодник. М.: «Наука», 1983.

- ¹¹⁴⁵ Five Year Plan 2002–2007. Vol. III. Planning Commission. Government of India. p. 79.
- ¹¹⁴⁶ Ганди Индира. Статьи, речи, интервью, с. 415.
- ¹¹⁴⁷ Five Year Plan 2002–2007, p. 74, 76, 77.
- ¹¹⁴⁸ Ibid., p. 36, 37, 48, 54, 58, 65, 81, 87, 126, 133; Маляров О.В. Бюджетный процесс и бюджетная политика государства в Индии. М.: ИВ РАН, 2006, с. 27, 41.
- ¹¹⁴⁹ Five Year Plan 2002–2007, p. 79.
- ¹¹⁵⁰ Sharda Paul. 1977 General Elections in India, p. 235, 236.
- ¹¹⁵¹ The Constitution of India, articles 356, 357.
- ¹¹⁵² Guha Thakurta Paranjoy, Raghuraman Shankar. Divided We Stand. India in a Time of Coalitions, p. 40, 71.
- ¹¹⁵³ World Affairs. New Delhi, Vol. II, № 1, Jan.–March 1998, p. 19.
- ¹¹⁵⁴ Yurlov Felix N. India: Democracy and Formation of a Multiparty System, p. 1192–1202.
- ¹¹⁵⁵ См.: Нилов/Юрлов Ф.Н. Леводемократические правительства в штатах Индии.
- ¹¹⁵⁶ Белокреницкий В.Я. Политическая система и политическая культура в мусульманских странах Южной Азии (к постановке вопроса) // Индия в глобальной политике. Внешние и внутренние аспекты. М.: ИВ РАН, 2003, с. 146–150.
- ¹¹⁵⁷ Jawaharlal Nehru's Speeches, March 1963 – May 1964. Vol. 5, New Delhi: Publication Division. Government of India, 1968, p. 69.
- ¹¹⁵⁸ Gandhi Indira. Selected Speeches and Writings, Vol. III, p. 256.
- ¹¹⁵⁹ см.: Юрлов Ф.Н. Индия. Уроки реформ // Азия и Африка сегодня. 1998, № 11, с. 6–12; № 12, с. 28–33; Юрлов Ф.Н. Опыт социальной демократии в Индии, с. 188–215.
- ¹¹⁶⁰ The New India: Progress Through Democracy, p. 4.
- ¹¹⁶¹ Gandhi Indira. Aspects of our Foreign Policy, p. 2.
- ¹¹⁶² Gandhi Indira. The Years of Endeavour, p. 346, 359.
- ¹¹⁶³ В Индии индусов 80,5%, мусульман – 13,4%, христиан – 2,3, сикхов – 1,9, джайнов – 0,4, буддистов – 0,8% [http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001].
- ¹¹⁶⁴ Подробно см.: Юрлов Ф.Н. Глава 25. Индия // История Востока в шести томах. Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000 гг.), с. 544–586.
- ¹¹⁶⁵ Цит. по: Gandhi Indira. The Years of Endeavour, p. 359.
- ¹¹⁶⁶ См.: Юрлов Ф.Н. Россия и Индия в меняющемся мире.
- ¹¹⁶⁷ Kothari Rajni. Soviet Developments in Wider Perspective, p. 71.
- ¹¹⁶⁸ Ibid., p. 68.
- ¹¹⁶⁹ The Patriot. 05.11.1991.
- ¹¹⁷⁰ The Times of India. 04.03.1992; The Statesman. August 08.08.1991.
- ¹¹⁷¹ Kothari Rajni. Soviet Developments in Wider Perspective, p. 72.
- ¹¹⁷² India Today. August 31, 1991, p. 108/
- ¹¹⁷³ Prahalad C.K. Globalisation: pitfalls, pain and potential, p. 13.
- ¹¹⁷⁴ Seminar. August 2007, № 576, p. 34.
- ¹¹⁷⁵ Mishra Chaturanan. National and Global Actions: Essentials for Inclusive Growth // Mainstream. Jan. 24. 2009.
- ¹¹⁷⁶ President Pratibha Patil's Address to the Parliament, 12 February, 2009.

- ¹¹⁷⁷ EPW. February 21, 2009, № 8.
- ¹¹⁷⁸ The Hindu. 05.02.2009.
- ¹¹⁷⁹ Singh Randhir. On the Question of Socialism Today // Mainstream. February 15–21. 2008.
- ¹¹⁸⁰ Капур Дж.Ч. Наше будущее: потребительство или гуманизм, с. 180–181.
- ¹¹⁸¹ Sen Amartya. “I prefer to Fight Today’s Battles”. Interview.
- ¹¹⁸² Kabra K.N. Reflections on Socialist Perspectives // Mainstream. July 25 and August 1, 1992, p. 23–28; 30–31.
- ¹¹⁸³ The Times of India. 01.02.05; The Economist. The World in 2006, p. 95.
- ¹¹⁸⁴ Chandrasekhar C.P. Steady Inflow // Frontline. 12–15.09.2009.
- ¹¹⁸⁵ The Hindu. 25.04.06; 30.11.2009.
- ¹¹⁸⁶ Котин И.Ю. Побег баньяна: миграция населения Индии и формирование «узлов» Южно-Азиатской диаспоры. СПб: Петербургское Востоковедение, 2003; Yurlov F.N. Diaspora: Experience of Indian Diaspora for Russia // Eurasian Report. A Journal of Eurasian Foundation. Summer 2008, Vol. 2, № 2, New Delhi, p. 29–43.
- ¹¹⁸⁷ Юрлов Ф. Индийская диаспора в Америке // Азия и Африка сегодня. 2001, № 5 и № 6.
- ¹¹⁸⁸ Wadhwa Vivek. Are Indians Model Immigrants? // Business Week online. 14 September, 2006.
- ¹¹⁸⁹ Автор книги об индийцах из Силиконовой долины Чидананд Раджгхатта пишет: «Если говорить просто, 500 тысяч индийцев, по 50 тысяч в год, прибыли в США за последнее десятилетие (1990–2000 г.). Они представляют собой лучшее, что есть в Индии, – сливки индийского таланта. Те, кто приехали в Америку раньше – в 1980-е годы, достигли вершин в бизнесе и профессиональной карьере. Они смогли использовать волну технологического взрыва в США, который начался благодаря деятельности таких крупных компаний, как Хьюлетт Паккард, Майкрософт, Сиско и других» [New Generation of Indian Americans Creating Waves in US // NDTV-MSNBC Online. 10.08.2000; Итоги. М. 26 июня, 2006].
- ¹¹⁹⁰ Фирсова И. Впечатляющие масштабы научно-технического прогресса. // Индия сегодня. Приложение к журналу Азия и Африка сегодня, август 2000, с. 25.
- ¹¹⁹¹ The Indian Express. 15.09.2000.
- ¹¹⁹² Deccan Chronicle. 13.07.2000.
- ¹¹⁹³ The India Post. California-Chicago-New York. 21.04.2000.
- ¹¹⁹⁴ The India Tribune. Chicago, New York and Atlanta, 06.05.2000.
- ¹¹⁹⁵ <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/07/17/>
- ¹¹⁹⁶ The Sunday Times of India Review, December 31, 1995; Lahiri Jhumpa. The Namesake. Boston, NY: A Mariner Book, Houghton Mifflin Company, 2003; Desai Kiran. The Inheritance of Loss. NY: Grove Press, 1971.
- ¹¹⁹⁷ Vedanta in America // Vedanta Society of St.Louis. St.Louis, Missouri, 2000.
- ¹¹⁹⁸ Kennedy Miranda. The Indian Lobby. How The Indian-American Community Flaxes Political Muscle In Washington DC // The Caravan. New Delhi, January 2010, p. 32–39.
- ¹¹⁹⁹ The Indian Express. 03.11.2000.
- ¹²⁰⁰ The Hindu. 08.01.2009, 09.01.2009.
- ¹²⁰¹ [http:// presidentofindia.nic.in/sp090109.html/](http://presidentofindia.nic.in/sp090109.html/)

- ¹²⁰² Giridhardas Anand. India Calling // www.nytimes.com/2008/11/23/weekinreviews/
- ¹²⁰³ www.outlookindia.com/11.03.2009/
- ¹²⁰⁴ Puri Anjali. Free from India? // Outlook. August 18, 2008, p. 24–36.
- ¹²⁰⁵ Ганди Индира. Мир, сотрудничество, неприсоединение. М.: «Прогресс», 1985, с. 192.
- ¹²⁰⁶ См. в этой связи: Horn Robert C. Soviet-Indian Relations. Issues and Influences, p. 9–10.
- ¹²⁰⁷ Индира Ганди. Внешняя политика Индии, с. 191.
- ¹²⁰⁸ Haksar P.N. India's Foreign Policy and Its Problems. New Delhi, 1989, p. 214–217.
- ¹²⁰⁹ Ibid., p. 222–224.
- ¹²¹⁰ Индира Ганди. Мир, сотрудничество, неприсоединение, с. 207, 208; Keynote Address to the Seventh Conference of Heads of State and Government of Nonaligned Countries by Mrs Indira Gandhi, Prime Minister of India. Delhi, 7 March, 1983 // K.P. Misra. Nonaligned Movement. India's Chairmanship. New Delhi, 1987, p. 95–96; 100–102.
- ¹²¹¹ Ibid., p. 95–96; 100–102.
- ¹²¹² Statement by Prime Minister Rajiv Gandhi as Chairman of the Movement of Non-aligned Countries, Harare, 2 September 1986 // K.P. Misra. Nonaligned Movement, p. 219–227.
- ¹²¹³ Ibid., p. 194, 323, 324; Тузмухамедов Р.А. Движение неприсоединения и международное право. М.: «Наука», 1989.
- ¹²¹⁴ Индийский вестник. Бюллетень посольства Индии в России. 2003, № 2, с. 2, 3.
- ¹²¹⁵ Синха Яшвант. Аспекты внешней политики Индии. Министерство иностранных дел. Нью-Дели, 2003, с. 69, 70, 202.
- ¹²¹⁶ Bharatiya Jana Sangh. Election Manifesto. General Elections in India 1967. Ed. M. Patabharam, Bombay, et al. 1967, p. 205.
- ¹²¹⁷ Interview of India's External Affairs Minister to India Today (June 14, 2004); to Outlook (June 7, 2004).
- ¹²¹⁸ President's Address to the Joint Session of Parliament. 07.06.2004; Interview of India's External Affairs Minister to India Today (June 14, 2004); to Outlook (June 7, 2004).
- ¹²¹⁹ В число членов ДН входили бывшие республики СССР: Беларусь, Туркменистан и Узбекистан. Статус наблюдателя имели Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргистан, Таджикистан, Украина.
- ¹²²⁰ Frontline. Sept. 23–Oct. 06.2006.
- ¹²²¹ www.expressindia.com/16.09.2006.
- ¹²²² Ghosh Partha S. Beyond the Rhetoric // Frontline. Sept. 23–Oct.06.2006.
- ¹²²³ Cherian John. Return to NAM // Frontline. Sept.23–Oct.06.2006.
- ¹²²⁴ Ibid.
- ¹²²⁵ Pandit Vijaya Lakshmi. Op. cit., p. 206/
- ¹²²⁶ Ibid., p. 218.
- ¹²²⁷ Nambiar Vijay K. Permanent Representative of India to the UN. An Essay on India's Case for a Permanent Seat in the UN Security Council // 6th Asian Security Conference on United Nations, Multilateralism and International Security. January 27–29 2004, New Delhi.
- ¹²²⁸ Gandhi Indira. Selected Speeches and Writings. Vol. III, p. 704.

- ¹²²⁹ Jawaharlal Nehru's Speeches. March 1963–May 1964. New Delhi, 1968. Vol. V, p. 201.
- ¹²³⁰ Ibid., p. 204–205, 207.
- ¹²³¹ Gandhi Indira. Address to U.N. General Assembly. October 23, 1970 // *The Years of Endeavour*, p. 702–708.
- ¹²³² Независимая газета. 11.04.1997.
- ¹²³³ Nambiar Vijay K. Op. cit.
- ¹²³⁴ Rajamani Lavanya. Democratisation of the United Nations // *EPW*. 09.12.1995, p. 3141.
- ¹²³⁵ *Mainstream*. 27.05.1993, p. 7; 20.05.1995, p.3.
- ¹²³⁶ Koshy Ninan. Restructuring UN Security Council // *Mainstream*. 07.10.1995, p.7, 8.
- ¹²³⁷ Kumar Jeevan. Democratisation of UN // *The Deccan Herald*. 03.01.1994.
- ¹²³⁸ Kissinger Henry. *Diplomacy*. New York: Touchstone, 1995, p. 250.
- ¹²³⁹ Nauriya Anil. United Nations and the Iraq War // *EPW*. 17.02.1996, p. 391, 394.
- ¹²⁴⁰ Ganguly Sumit, Brian Shoup and Andrew Scobell, eds. *US–Indian Strategic Cooperation into the 21st century*. London and New York: Routledge, 2006, p. 205–206.
- ¹²⁴¹ Российская газета. 13.12.2006.
- ¹²⁴² Cherian John. Return to NAM // *Frontline*. Sept.23–Oct.06.2006.
- ¹²⁴³ *The Hindu*. 29.09.2006; *Frontline*. Oct. 07–20.2006.
- ¹²⁴⁴ Гопал Сарвепалли. Джавахарлал Неру. Биография. Том 2, с. 38–47.
- ¹²⁴⁵ The London Declaration of the Commonwealth Prime Ministers, April 28, 1949 // *The Modern Law Review*. 12 (3), 1949: p. 351–4.
- ¹²⁴⁶ Aso Rock Commonwealth Declaration. Commonwealth Secretariat. 8 December 2003 // www.thecommonwealth.org/
- ¹²⁴⁷ Baladas Ghoshal. Recent Trends in South Asia // K.P.Misra, V.D.Chopra, eds. *South Asia–Pacific Region. Emerging Trends*. New Delhi: International Institute for Southern Asia-Pacific Studies, 1988, p. 69–84; Кауль Т.Н. Индия и Азия. М.: «Прогресс», 1989, с. 114–115.
- ¹²⁴⁸ Declaration of the Fourteenth SAARC Summit // calcuttanews.net/ 04.04.2007; *The Dawn*. 04.04.2007.
- ¹²⁴⁹ *The Hindu*. 29.04.2010; 30.04.2010.
- ¹²⁵⁰ Ibid.
- ¹²⁵¹ Naidu G.V.C. India and South East Asia: Look East Policy // *World Focus*. New Delhi. September 2004, p. 10.
- ¹²⁵² Chairman's Statement of the Fifth ASEAN–India Summit. Cebu, Philippines, 14 January 2007 // www.12thaseansummit.org.ph/
- ¹²⁵³ *The Hindu*. 26.10.2009.
- ¹²⁵⁴ BIMSTEC Summit Declaration // *World Focus*. September 2004, p. 23, 24.
- ¹²⁵⁵ BIMSTEC Summit. Address by Prime Minister Manmohan Singh // *World Focus*. September 2004, p. 21, 22.
- ¹²⁵⁶ *The Hindu*. 13.11.2008, 14.11.2008.
- ¹²⁵⁷ Цит. по: Chakraborty Debashis, Sengupta Dipankar. IBSAC (India, Brazil, South Africa, China): A Potential Developing Country Coalition in WTO Negotiations. CSH Occasional Paper. 2006 № 18. Centre de Sciences Humaines. New Delhi, 2006, p. 18.
- ¹²⁵⁸ *The Hindu*. 29.11.2009.

- ¹²⁵⁹ Никонов В.А. Пробуждение БРИК (текст подготовлен по итогам первой конференции экспертов и политологов БРИК, состоявшейся в Москве в декабре 2008 года). М.: «Форум», 2009, с. 8, 9.
- ¹²⁶⁰ Frontline. 04–17 July, 2009; Михаэль Либиг. Страны БРИК: на пути к новой экономической модели // news.km.ru / 27.07.2009.
- ¹²⁶¹ Время новостей. 28.09.2009.
- ¹²⁶² The Hindu. 17.04.2010; Время новостей. 19.04.2010.
- ¹²⁶³ Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию (материалы Третьего заседания Форума ШОС. Китай, г. Пекин, 19–21 мая, 2008 г.). Под ред. А.В. Лукина. М.: МГИМО–Университет, 2008; Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества; Глущенко Ю.Н. Россия и проблемы борьбы с международным терроризмом в Центральной Азии // Кокарев К.А., ред. Россия в Азии: проблемы взаимодействия. М.: Российский институт стратегических исследований, 2006.
- ¹²⁶⁴ Kahn Jeremy. India's Helping Hand Gets Burned // Newsweek. 02.11.2009, p. 10.
- ¹²⁶⁵ Frontline. 04–17.07.2009.
- ¹²⁶⁶ Ibid.
- ¹²⁶⁷ The Hindu. 11.08.2009; The Hindu, 07.04.2010,
- ¹²⁶⁸ Mohan C. Raja. Impossible Allies. Nuclear India, United States and the global order. New Delhi: India Research Press, 2006., p. 283.
- ¹²⁶⁹ Vajpayee A.B. Inaugural Address at the Eponymous International Conference. New Delhi // www.outlookindia.com/ 09.07.2003.
- ¹²⁷⁰ Pandit Vijaya Lakshmi. Op. cit., p. 194–197.
- ¹²⁷¹ Nehru Jawaharlal. India's Foreign Policy, p. 2.
- ¹²⁷² Ibid., p. 2–3.
- ¹²⁷³ UN General Assembly, Official Records, Second Part, First Session, Plenary Meeting, 25 October 1946, p. 732 // Цит. по: Mohanty Arun. Pages from the History of Establishment of Diplomatic Relations between India and Russia – Eurasian Report. A Journal of Eurasian Foundation. New Delhi, Vol. 1, № 2, Summer 2007, p. 14.
- ¹²⁷⁴ Nehru to Mrs Pandit, 14 November 1946 // SWJN. Second Series. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 1984–1981 (Vol. 1–11), vol. I, p. 539.
- ¹²⁷⁵ Asian Relation Organisation. Asian Relations, being Report of the Proceedings and Documentation of the First Asian Relation Conference. New Delhi, 1948, p. 24, 24.
- ¹²⁷⁶ Ватс Бхагат. Интриги против Индии. М. 1971, с. 125.
- ¹²⁷⁷ Menon Kumara Padmanabha Sivasankara. Memories and Musings. Bombay: Allied, 1979, p. 222.
- ¹²⁷⁸ Mohanty Arun. Op. cit., p. 13.
- ¹²⁷⁹ Горошко Г.Б. Из истории установления советско-индийских дипломатических отношений // Народы Азии и Африки, 1982, № 3, с. 33.
- ¹²⁸⁰ The Statesman. 08.01.1947 // Цит. по: Mohanty Arun, op. cit., p. 15.
- ¹²⁸¹ См.: Юнель А.И. Гл. V. СССР и Индия на завершающем этапе борьбы Индии за независимость (1945–1947) // СССР и Индия. М.: Главная редакция восточной литературы, 1987, с. 117–133.
- ¹²⁸² Позже В.Л. Пандит писала, что Неру хотел направить ее послом в Вашингтон, но Маулана Абул Калам Азад настоял на том, чтобы назначить на этот пост Асаф

Али (члена Рабочего комитета Конгресса), который сам стремился к этому. После этого Пандит, которая вообще не хотела работать за рубежом, так как была министром в правительстве Уттар-Прадеш и членом Учредительного собрания Индии, согласилась стать послом в СССР [Pandit Vijaya Lakshmi. Op. cit., p. 227, 235].

¹²⁸³ Подробнее см.: Шустов В. Посол Кирилл Васильевич Новиков // *Международная жизнь*. М., 2002, № 4.

¹²⁸⁴ Печатнов В. Как Сталин и Молотов писали Черчиллю. По документам сталинского архива // *Время новостей*. 01.09.2009.

¹²⁸⁵ Pandit Vijaya Lakshmi. Op. cit., p. 237–238.

¹²⁸⁶ Ibid., p. 244.

¹²⁸⁷ Ibid., p. 240, 244, 245, 248. См. также: Горошко Г.Б. К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и Индией // *Индия 1988*. Ежегодник. М.: Наука, 1990, с. 264–279.

¹²⁸⁸ Menon K.P.S. *The Flying Troika*, p. 26–33.

¹²⁸⁹ Неру – Кришне Менону, 26 июня 1948 г. Цит. по: Гопал Сарвепалли. Джавахарлал Неру. Биография, т. 2, с. 37.

¹²⁹⁰ Записки Неру от 11 и 12 сентября 1948 г. // Гопал С. Указ. соч., т. 2, с. 37.

¹²⁹¹ Гопал С. Указ. соч., т. 2, с. 47, 48.

¹²⁹² Неру – С. Радхакришнану, 6 февраля 1950 г. // Гопал С. Указ. соч., т. 2, с. 53.

¹²⁹³ Неру – В.Л. Пандит, 10 мая 1950 г. и 29 мая 1950 г. // Гопал С. Указ. соч., т. 2, с. 55, 56.

¹²⁹⁴ Записка Неру Баджпаи от 6 февраля 1950 г.; Неру – Радхакришнану, 5 марта 1950 г.; Неру – главным министрам, 15 июля 1950 г. // Гопал С. Указ. соч., т. 2, с. 56, 57, 96.

¹²⁹⁵ Правда. 9 августа 1953 г.

¹²⁹⁶ Menon K.P.S. *The Flying Troika*, p. 58–59.

¹²⁹⁷ Менон К.П.Ш. Джавахарлал Неру в Советском Союзе // *Индия. К 100-летию со дня рождения. Джавахарлал Неру (1889–1989)*. Ежеквартальный иллюстрированный журнал посольства Республики Индия в СССР. М., 1989, с. 32–35.

¹²⁹⁸ Там же, с. 36.

¹²⁹⁹ Menon K.P.S. *The Flying Troika*, p. 119.

¹³⁰⁰ Ibid., p. 131–132.

¹³⁰¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет, т. 1. М.: Госполитиздат, 1956.

¹³⁰² Stein Arthur. *India and the Soviet Union: the Nehru Era*. Chicago: University of Chicago Press, 1969, p. 297.

¹³⁰³ См.: Bannerjee Jyotirmoy. *India in Soviet Global Strategy*. Calcutta: South Asia Books, 1977, p. 157.

¹³⁰⁴ Гопал С. Указ. соч., т. 2, с. 269.

¹³⁰⁵ Киссинджер Генри. *Дипломатия*. М.: «Ладомир», 1997, с. 477. Любопытна хронология событий, имевших место непосредственно перед принятием такого решения. 16 мая 1956 г. Насер объявил об установлении дипломатических отношений с КНР и непризнании правительства Чан Кай-Ши, что было прямым вызовом США. Характерна в этой связи настойчивость Индии в признании Китая, несмотря на возражения США.

- ¹³⁰⁶ Kyle Keith. Suez. N.Y.: St. Martin's Press, 1991, p. 85, 130 // Цит. по: Киссинджер Генри. Указ. соч., с. 477.
- ¹³⁰⁷ Киссинджер Генри. Указ. соч., с. 474–475.
- ¹³⁰⁸ Телеграмма Кришны Менона из Лондона Неру, 29 сентября 1956 // Гопал С. Указ. соч., т. 2, с. 278.
- ¹³⁰⁹ Киссинджер Генри. Указ. соч., с. 487.
- ¹³¹⁰ Там же, с. 488.
- ¹³¹¹ Неру Даллесу, 31 октября 1956 г. // Гопал С. Указ. соч., т. 2, с. 279.
- ¹³¹² Неру – Идену, 1 ноября 1956 г. // Гопал С. Указ. соч., т. 2, с. 280.
- ¹³¹³ Pandit Vijaya Lakshmi. Op. cit., p. 295–297.
- ¹³¹⁴ Цит. по: Киссинджер Генри. Указ. соч., с. 995.
- ¹³¹⁵ Там же, с. 95.
- ¹³¹⁶ По данным политолога Олега Филимонова, погибло около 2500 венгров, из них около 1000 человек в столкновениях с советскими войсками, а остальные «во внутривенгерском гражданском конфликте». Советские войска потеряли 720 человек убитыми [Олег Филимонов. Мифы о восстании. К 50-летию юбилею венгерских событий 1956 года // Полит.ру. 4 марта 2010 г.].
- ¹³¹⁷ Цит. по: Гопал С. Указ. соч., т. 2, с. 285–287.
- ¹³¹⁸ Киссинджер Генри. Указ. соч., с. 502–503.
- ¹³¹⁹ Гопал С. Указ. соч., т. 2, с. 290.
- ¹³²⁰ Там же, с. 292, 293.
- ¹³²¹ Правда. 01.12.1973; см.: Лебедева Н.Б. Международные отношения в зоне Индийского океана. М.: Наука, 1991.
- ¹³²² Коптевский В.Н. Новый этап советско-индийского экономического сотрудничества на рубеже 70–80-х годов // Индия 1981–1982. Ежегодник. М.: Наука, 1983, с. 15–28.
- ¹³²³ Коптевский В.Н. Экономическое и техническое сотрудничество СССР с Индией // Индия 1983. Ежегодник. М.: Наука, 1985, с. 17–29; он же. СССР–Индия. Четверть века плодотворного экономического и научно-технического сотрудничества // Индия 1980. Ежегодник. М.: Наука, 1982, с. 63–79.
- ¹³²⁴ The Times. 26.06.1974 // Horn R., op. cit., p. 99.
- ¹³²⁵ Правда. 25.10.1974.
- ¹³²⁶ Правда. 24.02.1976.
- ¹³²⁷ Peking Review, № 23. 04.06.1976, p. 7–8 // Horn R. Op. cit., p. 131.
- ¹³²⁸ The Statesman. 10.06.1976; 12.06.1976; 14.06.1976.
- ¹³²⁹ Horn R. Op. cit., p. 137.
- ¹³³⁰ The Indian Express. 25.03.1977.
- ¹³³¹ The Statesman. 27.04.1977.
- ¹³³² The Statesman. 21.10.1977.
- ¹³³³ The Times India. 17.12.1978.
- ¹³³⁴ The Statesman. 31.01.1979.
- ¹³³⁵ Horn R. Op. cit., p. 169.
- ¹³³⁶ Overseas Hindustan Times. 06.03.1980.
- ¹³³⁷ Ганди Индира. Внешняя политика Индии, с. 19–23.
- ¹³³⁸ Los Angeles Times. 17.01.1980.

- ¹³³⁹ ТАСС. 14.02.1980.
- ¹³⁴⁰ The Statesman. 06.05.1980; 09.05.1980.
- ¹³⁴¹ ТАСС. 15 июня 1980.
- ¹³⁴² СССР–Индия. Дружбе крепнуть. Визит Леонида Ильича Брежнева в Республику Индию. 8–11 декабря 1980 г. М.: Политиздат, 1980.
- ¹³⁴³ КПСС. Съезд, 26-й. Москва. 1981. М.: Политиздат, 1981, т. 1.
- ¹³⁴⁴ Bowles Chester. America and Russia in India // Foreign Affairs, July 1971, p. 649.
- ¹³⁴⁵ Dixit J.N. Anatomy of a Flawed Inheritance. Indo-Pak Relations 1970–1994. Delhi: Konark Publishers Pvt. Ltd., 1995, p. 221–222.
- ¹³⁴⁶ Mishra Brajesh. From Ahimsa to Atom Bomb // The Week. 31.12.2006.
- ¹³⁴⁷ The Hindu. 15.02.2007.
- ¹³⁴⁸ Независимая газета. 06.12.2004.
- ¹³⁴⁹ См.: Выступление В. Путина на конференции в Мюнхене «Глобальные кризисы – глобальная ответственность» 10 февраля 2007 г. // Российская газета. 12.02.2007.
- ¹³⁵⁰ Joint Statement on the Outcome of the Official Visit of H.E. Mr. Vladimir V. Putin, President of the Russian Federation to the Republic of India. 25.01.2007// www.meaindia.nic.in/2007/01/25/
- ¹³⁵¹ См., напр.: Заявление секретаря Совета безопасности РФ С. Иванова // «Независимое военное обозрение». Приложение к Независимой газете. 9–15 июня 2000 г.
- ¹³⁵² Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 10.02.2010.
- ¹³⁵³ Feldstein Martin. The Underfunded Pentagon // Foreign Affairs. March/April 2007, p. 134–140; Время новостей. 06.02.2007.
- ¹³⁵⁴ Время новостей. 15.10.2009.
- ¹³⁵⁵ Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 10.02.2010.
- ¹³⁵⁶ The Times of India. 29.03.1999.
- ¹³⁵⁷ Российская газета. 12.02; 21.02. 2007.
- ¹³⁵⁸ Независимая газета. 22.06.2000; Ramachandran R. Towards a New Arms Race // Frontline. July 22 – Aug. 04, 2000.
- ¹³⁵⁹ The Hindu. 12.05.2001.
- ¹³⁶⁰ The Deccan Herald. 18.05.2001.
- ¹³⁶¹ Talbott Strobe. Engaging India., p. 211.
- ¹³⁶² www.outlookindia.com/ 14.02.2007.
- ¹³⁶³ The Hindu. 17.02.2007.
- ¹³⁶⁴ Prime Minister Shri Atal Bihari Vajpayee's Statement at the Address by the President of the United States of America Mr William J. Clinton to two Houses of Parliament. March 22, 2000 // www.meadev.gov.in/
- ¹³⁶⁵ Индийский вестник. Бюллетень Посольства Индии в России. 2003, № 3, с. 11; Lok Sabha Elections 2004. Manifesto of the Indian National Congress, p. 26–27.
- ¹³⁶⁶ Joint Statement on the Outcome of the Official Visit of H.E. Mr. Vladimir V. Putin.
- ¹³⁶⁷ Joint Declaration by the Russian Federation and the Republic of India. 03.12.2004; The Indian Express. 03.02.2003; Индийский вестник. 2003, № 3, с. 2, 11.
- ¹³⁶⁸ Joint Statement on the Outcome of the Official Visit of H.E. Mr. Vladimir V. Putin.

- ¹³⁶⁹ The Hindu. 15.02.2007; По вопросу о сотрудничестве между Россией, Индией и Китаем см.: Титаренко М.Л. Россия. Безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. «Памятники исторической мысли». М., 2003, с. 101–108; Белокреницкий В.Я. Стратегический треугольник Россия–Китай–Индия: реальность конфигурации // Китай в мировой политике. РОССПЭН. М., 2001, с. 352–397; Уянаев С.В. Россия–Индия–Китай: не блок, а система партнерства в интересах развития и мира // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. Институт Дальнего Востока РАН. М., 2005, с. 190–204; Широков Г.К., Лунев С.И. Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. Московский общественный научный фонд. М., 1998; Яковлев А. Россия, Китай и Индия в условиях биполярного мира. Институт Дальнего Востока РАН. М., 1996.
- ¹³⁷⁰ Время новостей. 08.09.2006.
- ¹³⁷¹ Barua Amit. India and Russia. Firming Up a Friendship // Frontline. 18–31.12.2004.
- ¹³⁷² India. Vision 2020. The Report. Planning Commission. Government of India. New Delhi. 2004, p. 114.
- ¹³⁷³ [http:// india.gov.in/](http://india.gov.in/) 26.02.2007.
- ¹³⁷⁴ Шварц И. Бизнес с мозгами // Коммерсантъ Guide. 25.01.2007, с. 33.
- ¹³⁷⁵ Chenoy Anuradha M. India and Russia. The Real Meaning of the Visit; Amit Barua. India and Russia. Firming Up a Friendship // Frontline. 18–31.12.2004; Российская газета. 03.12.2004, 04.12.2004.
- ¹³⁷⁶ Индийский вестник. 2008, № 6, с. 2.
- ¹³⁷⁷ Российская газета. 15.02.2007.
- ¹³⁷⁸ The Deccan Herald. 05.12.2004; 24.10.2007.
- ¹³⁷⁹ Dikshit Sandip. India for Strategic relations with US, Russia // The Hindu. 15.08.2009.
- ¹³⁸⁰ Российская газета. 08.12.2009.
- ¹³⁸¹ [http:// www.kremlin.ru/transcripts/6259/](http://www.kremlin.ru/transcripts/6259/)
- ¹³⁸² Isaaks Harold. Scratches on Our Mind. White Plains. New York: M.E. Sharpe, 1980, p. 265–285.
- ¹³⁸³ Clymer Kenton. Jawaharlal Nehru and the United States, the Preindependence Years // Diplomatic History 14 (Spring 1990), p. 147.
- ¹³⁸⁴ Hess Gary. America Encounters India, 1941–1947. Baltimore: John Hopkins, 1971, p. 14.
- ¹³⁸⁵ Цит. по: Venkataramani M.S. and Shrivastava B.K. Quit India, The American Response to the 1942 Struggle. New Delhi: Vikas, 1979, p.53–54.
- ¹³⁸⁶ Roosevelt to Churchill, 10 March 1942 // Foreign Relations of the United States (FRUS), 1942. Vol. I, p. 615–616.
- ¹³⁸⁷ Fischer Louis. A Week with Gandhi, p. 24.
- ¹³⁸⁸ Hess Gary. America Encounters India, 1941–1947, p. 82.
- ¹³⁸⁹ Об отношении США к Индии в тот период см.: Лунев С.И. Индия и США. Межгосударственные отношения. М.: «Наука», 1987, с. 9–12.
- ¹³⁹⁰ Pandit Vijaya Lakshmi. Op.cit., p. 186–187; Text of Grew's 29 January 1945 press conference remarks// FRUS, 1945, vol. VI, p. 249.
- ¹³⁹¹ Memorandum of conversation with Roosevelt, 15 March 1945 // FRUS, 1942. Vol. I, p. 121–125.
- ¹³⁹² Nehru Interview with the press, 28 October 1945 // SWJN, vol. 14, p. 457–458.

- ¹³⁹³ Nehru letter to Asaf Ali, 21 December, 1946 // SWJN, Second Series, vol. I. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 1984, p. 556; Формально посольство Индии в США было открыто после провозглашения независимости Индийского союза.
- ¹³⁹⁴ Memorandum of call by India's Appointed Ambassador Asaf Ali on Secretary Marshall, 26 February 1947 // FRUS, 1947, vol. III, p. 147–149.
- ¹³⁹⁵ См.: Спор о принадлежности Кашмира: у истоков проблемы // Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Указ. соч., с. 155–176; Lamb A. Kashmir. A Disputed Legacy. 1846–1990. Hertingforbury: Roxford Books, 1991.
- ¹³⁹⁶ Embassy New Delhi to State Department, 15 August, 1949 // FRUS, 1949, Vol. VI, p. 1732.
- ¹³⁹⁷ State Department to New Delhi, 25 August 1949, and 5 September 1949 // FRUS, 1947, vol. III, p. 1733–34, 1736–38.
- ¹³⁹⁸ Pandit Vijaya Lakshmi. *Op. cit.*, p. 252–253.
- ¹³⁹⁹ Letters from Nehru to Mrs Pandit, 10 and 29 May 1950 // Цит. по: Гопал С. Указ. соч. т. 2, с. 56.
- ¹⁴⁰⁰ Department of State policy Statement on India, 1 December 1950 // FRUS, 1950, vol. V, p. 1476–80.
- ¹⁴⁰¹ McGhee. *Envoy to the Middle World*. New York: Harper & Row, 1983, p. 293–295.
- ¹⁴⁰² Kux Dennis. *The United States and Pakistan 1947–2000. Disenchanted Allies*. Woodrow Wilson Center Press, Washington, D.C. Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 2001, p. 34.
- ¹⁴⁰³ Draft statement proposed by the National Security Council on South Asia, 22 January 1951 // FRUS, 1951, vol. VI, p. 1650–1653.
- ¹⁴⁰⁴ Kux Dennis. *The United States and Pakistan 1947–2000*, p. 51, 52.
- ¹⁴⁰⁵ Dulles' report of his May 22, 1953, meetings with Nehru // FRUS, 1954–54, vol. 9, p. 119–121.
- ¹⁴⁰⁶ “Assesment of the Soviet Threat to Pakistan and the Armed Forces Needed to Meet This Threat”, memorandum dated December 1952, presented to Dulles by Ayub Khan, May 23, 1953, Pakistan 1953 folder, SoA (...) Office Files, DSR, NA; Memorandum of May 23, 1953, meeting between Dulles and Gen. Ayub Khan // FRUS, 1952–54, vol. 9, pt. 1 132–34.
- ¹⁴⁰⁷ *The New York Times*. February 26, 1954 // Цит. по: Kux Dennis. *The United States and Pakistan 1947–2000*, p. 63.
- ¹⁴⁰⁸ Memorandum of January 14, 1954, Meeting (of Dulles) with the President // FRUS, 1954–54, vol. 9, p. 453–54.
- ¹⁴⁰⁹ National Security Council Document 5409, “United States Policy Toward South Asia”, 19 February 1954 // FRUS, 1952–54, vol. IX, p. 1091–92.
- ¹⁴¹⁰ National Intelligence Estimate, “Prospects for Northern Tier and Consequences”, 22 June 1954 // FRUS, 1952–54, vol. IX, p. 516–20.
- ¹⁴¹¹ 31 December 1953 // SWJN, vol. 3, p. 472.
- ¹⁴¹² Letter of 15 September 1954 // SWJN, vol. 4, p. 48.
- ¹⁴¹³ Eisenhower Dwight D. *The White House Years. A Personal Account. Waging Peace 1956–1961*. New York: Doubleday&Co, 1965, p. 106–114.
- ¹⁴¹⁴ Kux Dennis. *Enstranged Democracies, India and the United States*, p. 150.

- ¹⁴¹⁵ Statement of Policy toward South Asia, NSC 5701, 10 January 1957, p. 36 // Цит. по: Kux Dennis, *Enstranged Democracies, India and the United States*, p. 154.
- ¹⁴¹⁶ Report of the 3 January 1957 Meeting of the National Security Council, p. 25–27 // Цит. по: Kux Dennis, *Enstranged Democracies, India and the United States*, p. 154.
- ¹⁴¹⁷ Ayub Khan M. *Friends Not Masters. A Political Autobiography*. New York, etc.: OUP, 1967, p. 154, 155.
- ¹⁴¹⁸ Kux Dennis. *Enstranged Democracies, India and the United States*, p. 166; Gopal Sarvepalli. *Jawaharlal Nehru. A Biography*, vol. III, p. 104.
- ¹⁴¹⁹ Embassy Karachi Telegram to the State Department, December 23, 1959 // FRUS, 1958–60, vol. 15, p. 197–201.
- ¹⁴²⁰ Beschloss Michael. *Mayday: Eisenhower, Khrushchev and the U-2 Affair*. New York: Harper and Row, 1986, p. 60.
- ¹⁴²¹ Eisenhower Dwight D. *The White House Years. A Personal Account. Waging Peace 1956–1961*. New York: Doubleday&Co, 1965, p. 546–547.
- ¹⁴²² Kux Dennis. *The United States and Pakistan 1947–2000*, p. 113.
- ¹⁴²³ Letter to Ambassador Ellsworth Bunker from Assistant Secretary G. Lewis Jones, 13 July 1960 // Цит. по: Kux Dennis. *Enstranged Democracies, India and the United States*, p. 169.
- ¹⁴²⁴ Задуманная как образец американской высокотехнологичной помощи, АЭС в Тарапуре стала объектом острых американо-индийских противоречий после того, как в 1974 г. Индия произвела взрыв ядерного устройства. США наложили на нее санкции и прекратили поставки обогащенного урана более чем на 30 лет.
- ¹⁴²⁵ Memorandum from Vice-President Johnson to President Kennedy, 23 May 1961 «Mission to Southeast Asia, India and Pakistan» // Kux Dennis. *Enstranged Democracies, India and the United States*, p. 190.
- ¹⁴²⁶ Kux Dennis. *The United States and Pakistan 1947–2000*, p. 118.
- ¹⁴²⁷ Memorandum of conversation between President and Ayub, July 11, 1961 // FRUS, 1961–63, vol. 19, p. 74.
- ¹⁴²⁸ Kux Dennis. *The United States and Pakistan 1947–2000*, p. 123.
- ¹⁴²⁹ *Ibid.*, p. 131; Kux Dennis. *Enstranged Democracies, India and the United States*, p. 205; о вооруженном конфликте между Китаем и Индией см. Главу 39.
- ¹⁴³⁰ Цит. по: Kux Dennis. *Enstranged Democracies, India and the United States*, p. 229.
- ¹⁴³¹ *Frontline*. May 12–25, 2001.
- ¹⁴³² *Ibid.*
- ¹⁴³³ Hufbauer Gary, Schott Jeffrey, Elliott Kimberly Ann. *Economic Sanctions Reconsidered: Supplemental Case Histories*. Washington: Institute for International Economics. 1990, p. 324.
- ¹⁴³⁴ *Frontline*. May 12–25, 2001.
- ¹⁴³⁵ Dutt V.P. *India's Foreign Policy*. New Delhi: Vani Educational Books, 1984, p. 55, 56.
- ¹⁴³⁶ *Foreign Affairs Record*. April 1966, p. 74, 75.
- ¹⁴³⁷ Dutt V.P. *Op. cit.*, p. 61.
- ¹⁴³⁸ Telegram from the Department of State to the Embassy in India /1/ 362. Washington, July 26, 1966 // FRUS, 1964–1968, Volume XXV. South Asia.
- ¹⁴³⁹ Mellor John W., ed. *India: A Rising Middle Power*. Boulder, Colorado: Westview Press, 1979, p. 1.

- ¹⁴⁴⁰ Cohen Stephen Philip. *India. Emerging Power*, p. 274.
- ¹⁴⁴¹ Nixon Richard. *What the President Saw: A Nation Coming Into its Own* // *Time*. 29 July, 1985, p. 27.
- ¹⁴⁴² *The Statesman*. 04.01.1978.
- ¹⁴⁴³ Horn R. *Op. cit.*, p. 157.
- ¹⁴⁴⁴ Cohen Stephen Philip. *India. Emerging Power*, p. 1.
- ¹⁴⁴⁵ Talbott Strobe. *Engaging India. Diplomacy, Democracy and the Bomb*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2004, p. 7–9.
- ¹⁴⁴⁶ Talbott Strobe. *Engaging India*, p. 6, 7; см. также: Лунев С.И. *Индия и США*.
- ¹⁴⁴⁷ Document 1. *India – US Relations: A Vision for the Twenty-First Century* // *World Affairs*. Vol. 4, April – June 2000, No 2, p. 126.
- ¹⁴⁴⁸ *The Hindu*. 20.07.2000.
- ¹⁴⁴⁹ *Mainstream*. 17.10.1998, p. 14; Посол США в Индии Честер Боулс еще в начале 1950-х годов писал, что Америка не может рассчитывать на «истинно дружеские индийско-американские отношения до тех пор, пока мы не будем готовы согласиться с правом Индии иметь свою точку зрения». Однако многие американцы настаивали на том, что «тот, кто не с нами, должен быть обязательно против нас». Это приводило к тому, что Америка теряла много потенциальных друзей не только в Индии, но и во всем мире [Bowles Chester. *Ambassador's Report*, p. 164; он же: *Mission to India. A Search for Alternatives in Asia (To the Memory of Jawaharlal Nehru)*. New Delhi: B.I. Publications, 1974].
- ¹⁴⁵⁰ *The New York Times*. 27.08.2001; см. Главу 41.
- ¹⁴⁵¹ *The Indian Express*. 18.05.2001.
- ¹⁴⁵² *The Times of India*. 16.11.2001; Sify news.com/ 17.11.2001.
- ¹⁴⁵³ Interview of India's External Affairs Minister to *Outlook* (June 7, 2004) and to *India Today* (June 14, 2004).
- ¹⁴⁵⁴ *Frontline*. Nov. 20 – Dec. 03, 2004.
- ¹⁴⁵⁵ www.hindu.com/12.18.2000.
- ¹⁴⁵⁶ Совместное заявление премьер-министра Сингха и президента Обамы // www.whitehouse.gov/the-press-office/joint-statement-between-prime-minister-dr-singh-and-president-obama. November 24, 2009/
- ¹⁴⁵⁷ *The Times of India*. 26.11.2009.
- ¹⁴⁵⁸ Kux Dennis. *The United States and Pakistan 1947–2000*, p. 69.
- ¹⁴⁵⁹ National Intelligence Estimate, “Prospects for Northern Tier and Consequences”, 22 June 1954 // *FRUS*, 1952–54, vol. IX, p. 516–20.
- ¹⁴⁶⁰ *SWJN*, vol. 3, p. 472, 503.
- ¹⁴⁶¹ Письмо Неру к Паниккару, 12 ноября 1953 г. // Гопал С. *Указ. соч.*, т. 2, с. 177.
- ¹⁴⁶² Hoffman Steven A. *India and the China Crisis*. Berkeley: University of California Press, 1990, p. 97–98. После индийско-китайской войны 1962 г. в США рассматривалась возможность использования ядерного оружия в случае, если Китай во второй раз начнет войну против Индии. Это нашло отражение в рассекретенных американских документах. В беседе президента США Джона Кеннеди с министром обороны Робертом Макнамарой последний сказал: «До того, как мы примем на себя какое-то определенное обязательство защищать Индию против Китая, мы должны признать: чтобы выполнить это обяза-

тельство, если произойдет какая-то массивная китайская атака, мы должны будем использовать ядерное оружие. Любая серьезная атака Китая на любую часть этого региона потребует использования Америкой ядерного оружия, и это предпочтительнее ввода большого количества американских солдат». На это Кеннеди ответил: «Мы должны защитить Индию, и поэтому мы защитим Индию», если она подвергнется нападению [Giridharadas Anand. 63 Tapes Reveal Kennedy and Aids Discussed Nuclear Arms in a China–India Clash // The New York Times. August 26, 2005].

¹⁴⁶³ Мукиджанова Р.М. Пакистан, Южная Азия и политика США. 60-е годы – начало 70-х годов. М., 1974.

¹⁴⁶⁴ Kux Dennis. The United States and Pakistan 1947–2000, p. 130.

¹⁴⁶⁵ Цит. по: Horn Robert C. Soviet-Indian Relations, p. V.

¹⁴⁶⁶ Bowles Chester. Mission to India, p. 166–177.

¹⁴⁶⁷ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана: XX век, с. 231, 232.

¹⁴⁶⁸ Kavic Lorne. India's Quest for Security: Defence Policies, 1947–1965. Berkeley, CA: University of California Press, 1967, p. 196–200.

¹⁴⁶⁹ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Указ. соч., с. 93.

¹⁴⁷⁰ Rusk Dean. As I Saw it. Oral History. N.Y.: W.W.Norton & Co, 1990 p. 36.

¹⁴⁷¹ Мукиджанова Р.М. Пакистан, Южная Азия и политика США, с. 94–109.

¹⁴⁷² Kux Dennis. Enstranged Democracies, India and the United States, p. 240.

¹⁴⁷³ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Указ. соч., с. 231.

¹⁴⁷⁴ По некоторым данным, тогда же Советский Союз впервые предложил Пакистану вооружение [Choudhury G.W. India, Pakistan, Bangladesh and the Major Powers: Politics of a Divided Subcontinent. New York: Free Press, 1975, p. 56–57].

¹⁴⁷⁵ The Hindu. 22.07, 23.07.1968.

¹⁴⁷⁶ Horn Robert. Op. cit., p. 57.

¹⁴⁷⁷ Jackson Robert. South Asian Crisis: India, Pakistan and Bangladesh. New York: Praeger, 1975, p. 172.

¹⁴⁷⁸ Horn Robert. Op. cit., p. 61.

¹⁴⁷⁹ Chopra Pran. India's Second Liberation. Cambridge, Mass.: M.I.T.Press, 1974, p. 84.

¹⁴⁸⁰ Киссинджер Г. Указ. соч., с. 660, 661.

¹⁴⁸¹ Там же, 662.

¹⁴⁸² Menon K.P.S. The Indo-Soviet Treaty. Setting and Meaning. Delhi, Bombay, etc.: Vikas Publications, 1971; Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между Республикой Индия и Союзом Советских Социалистических Республик. Статья IX // Приложение к книге Кауля Т.Н. «Азия и Индия». М.: Прогресс, 1989, с. 202.

¹⁴⁸³ Horn Robert. Op. cit., p. 64.

¹⁴⁸⁴ Chopra Pran. Op. cit., p. 90.

¹⁴⁸⁵ Frank Katherine. Indira: The Life of Indira Nehru Gandhi. New Delhi: Harper-Collins Publishers, 2007, p. 334–335.

¹⁴⁸⁶ Kissinger Henry. White House Years. Boston: Little Brown, 1979, p. 878.

¹⁴⁸⁷ The Statesman. 09.11.1971.

¹⁴⁸⁸ Dixit J.N. Anatomy of a Flawed Inheritance. Indo-Pak Relations 1970–1994. Delhi: Konark Publishers Pvt. Ltd., 1995, p. 29–30; Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана: XX век, с. 238–242.

- ¹⁴⁸⁹ Dobrynin Anatoly. In Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. Seattle and London: University of Washington Press, 1995, p. 236.
- ¹⁴⁹⁰ Ibid.
- ¹⁴⁹¹ Ibid., p. 237.
- ¹⁴⁹² Ibid., p. 238.
- ¹⁴⁹³ Cohen Stephen Philip. India. Emerging Power, p. 274.
- ¹⁴⁹⁴ The Statesman. 05.02.1972; Белокрениций В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Указ. соч., с. 99–101.
- ¹⁴⁹⁵ Правда. 18.03.1972.
- ¹⁴⁹⁶ Acharya Alka. India–China Relations: Towards a «Shared Vision» // EPW, January 26 – February 1, 2008, p. 10–13.
- ¹⁴⁹⁷ Jiang Zemin. Carrying forward generations of friendly and good neighbourly relations and endeavouring toward a better tomorrow for all // Strategic Digest. New Delhi: Institute for Defence Studies and Analysis. January 1997, p. 17–20.
- ¹⁴⁹⁸ Santhanam K., Kandapalli Srikanth, eds. Asian Security and China 2000–2010. Institute for Defence Studies and Analyses. New Delhi: Shipra, 2005, p. 279–289.
- ¹⁴⁹⁹ Cheng Ruisheng. Transforming Historical Sino-Indian Relations // World Affairs. October–December 2001, p. 5.
- ¹⁵⁰⁰ Zhang Li. Indo-Pakistan Relations and South Asian Security // South Asian Studies Quarterly. Sichuan University, 2002, № 1.
- ¹⁵⁰¹ Hua Han. China and South Asia // Santhanam K., Kandapalli Srikanth, eds. Asian Security and China 2000–2010, p. 290–300.
- ¹⁵⁰² Ibid.
- ¹⁵⁰³ Как Индия боролась и борется с этими трудностями см.: Супрунова Л.Л. Опыт модернизации образования в Индии. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- ¹⁵⁰⁴ Rice Condoleezza. Promoting the National Interest // Foreign Affairs. New York. January/February 2000, p. 45, 46, 50.
- ¹⁵⁰⁵ Ibid.
- ¹⁵⁰⁶ Ibid., p. 56.
- ¹⁵⁰⁷ Campaign 2000. New World, New Deal. A Democratic Approach to Globalization // Foreign Affairs. March/April 2000, p. 89, 90.
- ¹⁵⁰⁸ Khalilzad Zalmay, ed. The United States and Asia: Toward a New U.S. Strategy and Force Posture. Rand 2001, p. XIII. (Далее – Rand) // Rand.org/publications / MR / MR 1315; Буш Джордж У. – 43-й президент Соединенных Штатов Америки // Office of International Information Programs, U.S. Department of State, 2001, p. 1.
- ¹⁵⁰⁹ Rand, p. XVI.
- ¹⁵¹⁰ The New York Times. 25.11.2001.
- ¹⁵¹¹ Stern Jessica. Pakistan's Jihad Culture // Foreign Affairs. November/December 2000, p. 125.
- ¹⁵¹² Ibid., p. 121.
- ¹⁵¹³ www.sify.com/ 17.10.2001; The New York Times. 25.11.2001.
- ¹⁵¹⁴ The New York Times. 05.11.2001.
- ¹⁵¹⁵ The Dawn.com/ 01.11.2001.
- ¹⁵¹⁶ Cohen Stephen Philip. India. Emerging Power, p. 300.
- ¹⁵¹⁷ The New York Times. 05.11.2001.

- ¹⁵¹⁸ The Dawn.com/ 01.11.2001.
- ¹⁵¹⁹ Gaan Narottam, Das Sudhansubala. Indo-US Relations Towards a Rapprochement: From Post Cold War to Post September 11 // *India Quarterly. A Journal of International Studies*. Indian Council of World Affairs. New Deli. July–December, 2000, Nos 3 and 4, p. 177–2004.
- ¹⁵²⁰ The Hindustan Times. 24.12.2001; The Indian Express. 25.12.2001.
- ¹⁵²¹ Express India.com/ 22.10.2001.
- ¹⁵²² Santhanam K. and the IDSA Insight Team. Iraq War 2003. Rise of the New «Unilateralism». Institute for Defence Studies and Analyses. New Delhi, 2003, p. 2, 4–6, 9–11, 164.
- ¹⁵²³ Frontline. 02.08 – 15.08.2003.
- ¹⁵²⁴ The Indian Express. 14.04.2003.
- ¹⁵²⁵ Santhanam K. and the IDSA Insight Team. Iraq War 2003. Rise of the New «Unilateralism», p. 2, 4–6, 9–11, 164.
- ¹⁵²⁶ Sharma Rajan. Iraq. The New World Disorder // *Frontline*. 01–14.02.2003.
- ¹⁵²⁷ Feigenbaum Evan A. India's Rise, America's Interest. The Fate of the U.S.–Indian Partnership // *Foreign Affairs*. March/April 2010.
- ¹⁵²⁸ Ibid.
- ¹⁵²⁹ Ibid.
- ¹⁵³⁰ The Times of India. 27.10.2010.
- ¹⁵³¹ Nehru J. Massive Aggression on Our Frontiers. Broadcast from All India Radio, Delhi. October 22, 1962 // *Nehru Jawaharlal. Speeches*. Vol. Four. 1957–1963. New Delhi: Publication Division. Ministry of Information and Broadcasting. Government of India, p. 226–230.
- ¹⁵³² См.: Юрлов Ф.Н. Индия: Военная доктрина и вооруженные силы // *Восток*. М., 2009, № 3 и № 4.
- ¹⁵³³ Pant K.C. Philosophy of Our Defence // Singh Jasjit and Vecaric V., eds. *Non-Provocative Defence: The Search for Equal Security*. New Delhi: Lancer International, 1989, p. 212–213.
- ¹⁵³⁴ Singh Jasjit. The Role of Air Power // Chellaney Brahma, ed. *Securing India's Future in the New Millennium*. New Delhi: Orient Longman, 1999, p. 113.
- ¹⁵³⁵ Govil Suren P. The Role of Naval Power // Chellaney Brahma, ed. *Securing India's Future in the New Millennium*, p. 124.
- ¹⁵³⁶ Muralidharan Sukumaran. The Need to Safeguard Oil Resources // *The Economic and Political Weekly*. March 30, 1991.
- ¹⁵³⁷ Bhagwat Niloufer. War in Iraq: Business by Other Means // *World Affairs*. 2006, Autumn, Number Three, p. 112, 113, 116.
- ¹⁵³⁸ The Hindu. 18.01.2007.
- ¹⁵³⁹ Ibid.
- ¹⁵⁴⁰ Annual Report of the Ministry of Defence, 2005–2006 // <http://mod.nic.in/report/pdf>.
- ¹⁵⁴¹ Chellaney B. *Securing India's Future in the New Millenium*, p. 529.
- ¹⁵⁴² Ibid.
- ¹⁵⁴³ Ibid., p. 528–529, 533.
- ¹⁵⁴⁴ Sinha Yashwant. Asian Security. Long-term Trends and Implications // Santhanam K., Kandapalli Srikanth, eds. *Asian Security and China 2000–2010*, p. 5.
- ¹⁵⁴⁵ Chellaney B. *Op. cit.*, p. 534.

- ¹⁵⁴⁶ Chellaney B. Op. cit., p. 557.
- ¹⁵⁴⁷ Noorani A.G. Imperial Dreams // Frontline. Dec. 30, 2006 – Jan. 12, 2007.
- ¹⁵⁴⁸ См.: Harold James. The Roman Predicament: How the Rules of International Order Create Politics of Empire. New Jersey: Princeton University Press, 2005; Porter Bernard. Empire and Superempire: Britain, America and the World. New Haven: Yale University, 2006.
- ¹⁵⁴⁹ The Hindu. 03.10.2008; 22.10.2008.
- ¹⁵⁵⁰ Chellaney B. Op. cit, p. 567.
- ¹⁵⁵¹ Ibid., p. 570.
- ¹⁵⁵² Шилин А.А. Стратегический баланс в Южной Азии. М.: «Научная книга», 2004, с. 16–27; Сафронов И. Братство по оружию // Коммерсантъ Guide. 26.01.2007, с. 32.
- ¹⁵⁵³ Nehru Jawaharlal. Manufacture of MIG Aircraft. From reply to debate in Raja Sabha, June 23, 1962 // Nehru Jawaharlal's Speeches. Vol. IV, p. 447–450.
- ¹⁵⁵⁴ См.: Кауль Т.Н. Индия и Азия. Приложение 3. Ташкентская декларация, с. 196–198.
- ¹⁵⁵⁵ Шилин А.А. Указ. соч., с. 51–52.
- ¹⁵⁵⁶ Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана. М., 1984, с. 255.
- ¹⁵⁵⁷ Ганди Индира. Внешняя политика Индии, с. 295–296.
- ¹⁵⁵⁸ Содержательный анализ стратегии Китая в сфере военной безопасности и модернизации вооруженных сил Народно-освободительной армии Китая дается в главе «Вооруженные силы» в монографии Б.Н. Кузька и М.Л. Титаренко «Китай–Россия 2050: стратегия соразвития». Институт Дальнего Востока РАН, Институт экономических стратегий РАН. М., 2006, с. 492–524.
- ¹⁵⁵⁹ Шилин А.А. Указ. соч., с. 78–79.
- ¹⁵⁶⁰ Ганди Индира. Внешняя политика Индии, с. 231, 232.
- ¹⁵⁶¹ Шилин А.А. Указ. соч., с. 139–141, 166–167; Баранов С.А. Вооруженные силы // Индия сегодня. М.: ИВ РАН, Арияварта-Пресс, 2005, с. 151–155.
- ¹⁵⁶² Rediff News. 13.12.2007; Frontline. May 24–June 06.2008.
- ¹⁵⁶³ The Hindu. 22.01.2007.
- ¹⁵⁶⁴ The Hindu. 23.10.2008; РТТ. 08.11.2008.
- ¹⁵⁶⁵ Цит. по: Santhanam K., Kondapalli Srikanth (eds). Asian Security and China 2000–2010, p. 82.
- ¹⁵⁶⁶ Fisher Richard D. Jr. China's Missile Modernization and Space Warfare Plans // Santhanam K., Kondapalli Srikanth (eds). Asian Security and China 2000–2010, p. 152–181.
- ¹⁵⁶⁷ Arbatov Alexei and Dvorkin Vladimir, eds. Nuclear Deterrence and Non-Proliferation. Carnegie Moscow Center. Moscow, 2006, p. 44; см. также Gennady Chufrin, Vyacheslav Belokrenitsky, Vladimir Moskalenko, Tatiana Shaumyan. Chapter 12. South Asia // Arbatov Alexei, Dvorkin Vladimir, eds. Nuclear Weapons After the Cold War. М.: R.Elinin Publishing House, 2008, p. 319–351; Время новостей. 26.01.2007.
- ¹⁵⁶⁸ Макиенко К.В. Индийский оружейный рынок: конкуренция обостряется // Национальная оборона. 2006, № 8, ноябрь, с. 12–19.
- ¹⁵⁶⁹ Annual Report of the Ministry of Defence, 2005–2006 // <http://mod.nic.in/reports/pdf>.
- ¹⁵⁷⁰ The Hindu. 01.09.2007.

- ¹⁵⁷¹ Joint Statement between Prime Minister Dr. Singh and President Obama // www.whitehouse.gov/the-press-office/joint-statement. November 24, 2009.
- ¹⁵⁷² Российская газета. 18.11.2008.
- ¹⁵⁷³ Российская газета. 04.12.2004; Независимая газета. 01.12.2004, 03.12.2004; Сафронов И. Братство по оружию. Коммерсантъ Guide. 25.01.2007, с. 32; Мазин А. Индийский ВПК и амбиции Дели // Азия и Африка сегодня. 2007, № 12, с. 2–9; Юрлов Ф. Индия в мировой политике // Азия и Африка сегодня. 2005, № 7, с. 32–36.
- ¹⁵⁷⁴ <http://www.nytimes.com/2007/01/26>.
- ¹⁵⁷⁵ The Hindu. 19.10.2007.
- ¹⁵⁷⁶ Известия. 26.01.2007; Russia, India Cement Nuclear Ties // www.nytimes.com/aponline/AP-India-Russia.html/ 2007.01.26/
- ¹⁵⁷⁷ Время новостей. 30.08.2007.
- ¹⁵⁷⁸ The Age. New Delhi. 02.08.2009; Время новостей. 27.07.2009.
- ¹⁵⁷⁹ Bidwai Praful. H-bomb or a fizzle? // Frontline. 12–25.09.2009.
- ¹⁵⁸⁰ Российская газета. 08.12.2009; Время новостей. 07.12.2009, 08.12.2009.
- ¹⁵⁸¹ РИА Новости. 12.03.2010; Независимая газета. 12.03.2010; Cherian John. India & Russia Stronger ties // Frontline. Mar. 27– Apr. 09, 2010.
- ¹⁵⁸² Nehru Jawaharlal. Atomic Energy for Peace and Progress of Mankind // Desai Balvant A., ed. Atoms for Peace. Delhi, 1975, p. 10; Bhatia Shyam. India's Nuclear Bomb. Delhi, 1979, p. 121.
- ¹⁵⁸³ Ганди М.К. Атомная бомба и ахимса // Хариджан, 7 июля 1946 г. – В кн.: Мохандас Карамчанд Ганди. Моя жизнь. М.: «Наука», 1969, с. 567.
- ¹⁵⁸⁴ Talbott Strobe. Dealing with the Bomb in South Asia // Foreign Affairs. March/April 1999, p. 112.
- ¹⁵⁸⁵ Varadarajan Siddharth. Declassified Documents Reveal Chester Bowles Junket Diplomacy // The Hindu. 17.08.2008.
- ¹⁵⁸⁶ Ibid.
- ¹⁵⁸⁷ Ibid.
- ¹⁵⁸⁸ Ганди Индира. Мир, сотрудничество, неприсоединение, с. 147, 149, 166, 167.
- ¹⁵⁸⁹ Vinod M.J. Nuclear Proliferation in South Asia: Problems and Prospects // Mainstream. 06.05.1995, p. 9.
- ¹⁵⁹⁰ Bhutto Zulfikar Ali. If I am Assisinated. Delhi, 1979, p. 137, 138.
- ¹⁵⁹¹ Subrahmanyam K. Nuclear India in Global Politics // World Affairs. Vol. 2, No 3, July-September 1998, p. 28.
- ¹⁵⁹² Jha Prem Shankar. Why India Went Nuclear // World Affairs. Vol. 2, No 3, July/September 1998, p. 82.
- ¹⁵⁹³ Ibid., p. 91; Сотников В.И. Ядерная проблема в индийско–пакистанских отношениях (вторая половина XX–начало XXI в.). М.: Научная книга. 2003.
- ¹⁵⁹⁴ Jha Prem Shankar. Why India Went Nuclear // World Affairs. Vol. 2, No 3, July/September 1998, p. 92.
- ¹⁵⁹⁵ Каменнов П.Б. Оборонное строительство // Титаренко М.Л., гл. ред. Китайская Народная Республика в 2004–2005 гг. Политика, экономика, культура. М.: Институт Дальнего Востока РАН. 2005, с. 230–241; Sify network. New Delhi. 28.08.2001.
- ¹⁵⁹⁶ Ahmed Tufail. Western Double-Speak on NPT // Mainstream. 13.05.1995, p. 5.

- ¹⁵⁹⁷ Current History. A Journal of Contemporary World Affairs. Philadelphia, USA. May 1999, p. 204, 205.
- ¹⁵⁹⁸ The Hindustan Times. 06.05.1995.
- ¹⁵⁹⁹ Jha Prem Shankar. Why India Went Nuclear, p. 85.
- ¹⁶⁰⁰ Singh Jaswant. Against Nuclear Apartheid // Foreign Affairs. Vol. 77, No 5, September/October 1998, p. 41–43.
- ¹⁶⁰¹ Talbott Strobe. Engaging India, p. 116, 117.
- ¹⁶⁰² Jha Prem Shankar. Why India Went Nuclear, p. 85, 96.
- ¹⁶⁰³ Дискуссия о том, было ли взорвано Индией в 1998 г. термоядерное устройство, продолжилась и позже, в том числе и среди индийских ученых. Однако руководители этими испытаниями и причастные к ним политические деятели твердо придерживались официальной точки зрения [Bidwai Praful. H-bomb or a fizzle? // Frontline. 12–25.09.2009; Bidwai Praful and Vanaik Achin. South India on a Short Fuse: Nuclear Politics and the Future of Global Disarmament. Delhi: OUP, 2001].
- ¹⁶⁰⁴ Chellaney Brahma. Nuclear-Deterrent Posture // Chellaney Brahma (ed.). Securing India's Future in the New Millennium. Orient Longman Ltd. New Delhi. 1999, p. 202–209; Chengappa Raj. Weapons of Peace: The Secret Story of India's Quest to Be a Nuclear Power. New Delhi: HarperCollins, India, 2000; Ченгаппа Радж. Как создавалось ядерное оружие Индии // Азия и Африка сегодня, 2003, № 4, с. 54; № 11, с. 57, 58.
- ¹⁶⁰⁵ Document II. The text of a letter sent on 11 May 1998, to President Bill Clinton from Prime Minister Atal Bihari Vajpayee // World Affairs. July–September 1998, p. 178–179.
- ¹⁶⁰⁶ Document I. Statement by Prime Minister Shri Atal Bihari Vajpayee in Parliament on 27 May, 1998 // World Affairs. July–September 1998, p. 174–177.
- ¹⁶⁰⁷ Talbott Strobe. Engaging India. Diplomacy, Democracy and the Bomb, p. 81, 82.
- ¹⁶⁰⁸ Singh Jaswant. Against Nuclear Apartheid, p. 41–43.
- ¹⁶⁰⁹ Президент Билл Клинтон. Совместное заявление для печати с канцлером Гельмугом Колем. Потсдам, Германия, 13 мая 1998 г.
- ¹⁶¹⁰ Talbott Strobe. Engaging India, p. 82.
- ¹⁶¹¹ Дипломатический вестник. 1998, № 6, с. 31.
- ¹⁶¹² Document V. Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 11 May, 1998 // World Affairs. July–September 1998, p. 186.
- ¹⁶¹³ Document IV. Joint Communique of the Five Permanent Members of the UN Security Council on the India–Pakistan Nuclear Tests // World Affairs. July–September 1998, p. 183–185; Talbott Strobe. Engaging India, p. 80, 81.
- ¹⁶¹⁴ Document VI. US–China Joint Statement on South Asia 27 June, 1998 // World Affairs. July–September 1998, p. 187–189.
- ¹⁶¹⁵ Индия. Перспективы – специальный номер. Нью Дели, август–сентябрь 1998, с. 26.
- ¹⁶¹⁶ Киссинджер Генри. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI в. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2002, с. 167, 169.
- ¹⁶¹⁷ Talbott Strobe. Engaging India, p. 51.
- ¹⁶¹⁸ Ibid., p. 73.

- ¹⁶¹⁹ Talbott Strobe. Dealing with the Bomb in South Asia // Foreign Affairs. March/April 1999, p. 76.
- ¹⁶²⁰ The Times of India. 29.03.1999.
- ¹⁶²¹ Plate Tom. Nukes Keep You Safe // The Moscow Times. 23.06.1999.
- ¹⁶²² Talbott Strobe. Engaging India, p. 96, 97.
- ¹⁶²³ Ibid., p. 179, 180, 208.
- ¹⁶²⁴ Ibid., p. 143, 148, 149.
- ¹⁶²⁵ Ibid., p. 171; India Today. 11.01.1999, p. 34.
- ¹⁶²⁶ Talbott, Engaging India, p. 181, 182.
- ¹⁶²⁷ The New York Times. 27.08.2001.
- ¹⁶²⁸ Ibid.
- ¹⁶²⁹ CNN.com.01.05.2001; The Washington Post. 02.05.2001; The New York Times. 01.05.2001.
- ¹⁶³⁰ The Hindu. 12.05.2001.
- ¹⁶³¹ www.outlookindia.com/ 14.05.2001.
- ¹⁶³² The Deccan Herald. 18.05.2001.
- ¹⁶³³ The Hindu. 21.01.2003.
- ¹⁶³⁴ The Indian Express. 05.01.2003.
- ¹⁶³⁵ The Hindu. 05.01.2003.
- ¹⁶³⁶ Сотников В.И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях (вторая половина XX в. – XXI в.), с. 170–191; Юрлов Ф.Н. Индия. Ядерные искушения и реальная политика // Азия и Африка сегодня. М., 1996, № 7, с. 56–59; № 8, с. 58–62; Он же: Индия. И щит, и меч // Азия и Африка сегодня. 1999, № 12, с. 30–35; Он же: Индия: ядерные проблемы и вызовы // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность. Сборник статей памяти Ю.В. Гонковского. М.: «Научная книга», 2004, с. 117–134; Gennady Chuffrin, Vyacheslav Belokrenitsky, Vladimir Moskalenko, Tatiana Shaumyan. Chapter 12. South Asia // Arbatov Alexei, Dvorkin Vladimir, eds. Nuclear Weapons After the Cold War. M.: R.Elinin Publishing House, 2008, p. 319–351.
- ¹⁶³⁷ The New York Times. 05.01.2003.
- ¹⁶³⁸ Sibal Kanwal. US–India Nuclear Cooperation // The Indian Express. 27.04.2006.
- ¹⁶³⁹ Frontline. Sept. 23–Oct. 06, 2006.
- ¹⁶⁴⁰ Frontline. March 25–April 07, 2006.
- ¹⁶⁴¹ Ibid.
- ¹⁶⁴² Frontline. Sept. 23–Oct. 06, 2006.
- ¹⁶⁴³ Ibid.
- ¹⁶⁴⁴ Excerpts from Prime Minister's Reply to Discussion in Rajya Sabha on Civil Nuclear Energy Cooperation with the United States on 17.08.2006 // The Hindu. 01.10.2006.
- ¹⁶⁴⁵ The Hindu. 01.10.2006.
- ¹⁶⁴⁶ Ibid.
- ¹⁶⁴⁷ См.: Arbatov Alexei, Dvorkin Vladimir, eds. Nuclear Deterrence and Non-Proliferation, p.12; Arbatov Alexei, Dvorkin Vladimir, eds. Nuclear Weapons After the Cold War.
- ¹⁶⁴⁸ The Hindu. 10.10.2006; Khan A.Q. Nuclear Rogue. Not off the Hook Yet // India Today, February 16, 2004, p. 46–52.

- ¹⁶⁴⁹ [http://www.washingtonpost.com/ 2006/12/18/](http://www.washingtonpost.com/2006/12/18/)
¹⁶⁵⁰ [http://www.nytimes.com/ 2006/12/18/](http://www.nytimes.com/2006/12/18/)
¹⁶⁵¹ The Hindustan Times. 01.09.2007.
¹⁶⁵² Sifynews. 01.09.2007.
¹⁶⁵³ The Hindu. 05.01.2007.
¹⁶⁵⁴ The Deccan Chronicle. 19.12.2006.
¹⁶⁵⁵ The Hindustan Times. 25.07.2007.

Хронология

1885, 28 декабря

Создание Индийского национального конгресса (Конгресса).

1905

Раздел Бенгалии на Западную (преимущественно индусскую) и Восточную (преимущественно мусульманскую) провинции.

1905, август

Начало движения свадеши (в защиту отечественных товаров).

1905–1908

Возникновение обществ и организаций в поддержку движения свадеши.

1906, декабрь

Создание первой политической организации мусульман – Всеиндийской мусульманской лиги (МЛ).

1907

Образование «Объединенного бенгальского индусского движения» в Бенгалии и «Хинду махасабхи» (собрания индусов) в Панджабе.

1907

Раскол Конгресса на сессии в Сурате на «экстремистов» во главе с Бал Гангадхар Тилаком и «умеренных» под руководством Гопал Кришна Гокхале.

1909

Реформа Морли–Минто, впервые предусматривающая представительство большинства индийцев в провинциальных советах при сохранении большинства англичан в Центральном (Имперском) совете. Впервые вводилась курительная система выборов: общая (индусская), землевладельческая и мусульманская. Реформа полностью сохраняла власть Британской империи в Индии.

1900–1910

Движения «угнетенных классов» во главе с Нараяна Гурусвами, Айянкали и другими реформаторами.

1911, декабрь

Колониальные власти под давлением движения свадеши отменили раздел Бенгалии и перенесли столицу Британской Индии из Калькутты в Дели.

1913, декабрь

Создание Всеиндийской Хинду махасабхи (Всеиндийского великого собрания индусов).

1914, август

Великобритания объявила войну Германии. Индия автоматически вовлечена в Первую мировую войну на стороне метрополии и ее союзников. Индийские лидеры – М.К. Ганди, М.А. Джинна, Л.Л. Рай и другие заявили о сотрудничестве с правительством Великобритании. Более одного миллиона индийских солдат принимали участие в боевых действиях во Франции, Фландрии, Турции, Месопотамии, Северной Африке.

1916

Б.Г. Тилак и Э. Безант создают Лигу самоуправления (Home Rule League) для борьбы конституционными методами за участие индийцев в управлении страной.

1916

Мухаммед Али Джинна избран президентом Мусульманской лиги. В Лакхнау подписано соглашение между Конгрессом и МЛ о сотрудничестве.

1917, апрель

Первое выступление Ганди в защиту индийских крестьян.

1918

Доклад Монтегю–Челмсфорда. Ранее заявленное предложение о реформе самоуправления Индии по существу отменено. Власть остается в руках генерал-губернатора в центре и губернаторов в провинциях. «Умеренные» в Конгрессе приветствуют доклад, «экстремисты» заявляют о его неприемлемости.

1919

Принятие Британским правительством Закона об управлении Индией, которым предусматривалось создание в центре Государственного совета и Законодательного собрания, расширение системы избирательных курий, разделение полномочий между центром и провинциями.

Введение британскими властями Закона Роулэтта, предоставившего властям право ареста и ссылки без суда. Ганди объявляет начало всеиндийского движения *сатьяграха* за отмену этого закона.

1919, 13 апреля

Расстрел в Амритсаре (Джалианвалла багхе) по приказу английского генерала Дайера безоружной толпы мирных жителей. Несколько сот человек убито, более тысячи ранено. Ганди сказал: «Битва при Плесси (1757 г.) заложила основы Британской империи. Амритсар потряс эту империю».

1919, декабрь

Сессия Конгресса в Амритсаре приняла решение бойкотировать выборы в Центральный и провинциальные законодательные органы, назначенные в соответствии с Законом об управлении Индией 1919 г.

1920

Лидеры Халифатского движения и М.К. Ганди заявили о необходимости индуско-мусульманского единства в борьбе за сварадж (самоуправление).

Основание в Ташкенте Коммунистической партии Индии (руководители: М.Н. Рой и Абани Мукхерджи).

1920–1922

По предложению Ганди Конгресс провел кампанию несотрудничества с властями. Ганди объявил, что сварадж можно достичь к концу 1921 г. 40 тысяч участников этой кампании было арестовано, в их числе видные деятели партии Мотилал и Джавахарлал Неру, Абул Калам Азад, Ч.Р. Дас и другие.

1920–1930

Деятельность «Движения самоуважения» во главе с Перияром на Юге Индии. Его цель: проведение социальных реформ в пользу широких масс.

Выступления неприкасаемых против социальной дискриминации в Махараштре во главе с Б.Р. Амбедкаром.

1922, 5 февраля

В деревне Чаури-Чаура (Соединенные провинции) полиция открыла огонь по демонстрантам, протестующим против высоких цен и продажи алкогольных напитков. Толпа подожгла участок, 22 полицейских по-

гибли. Ганди принял решение прекратить кампанию гражданского неповиновения. Находившиеся в тюрьме руководители Конгресса выступили против такого решения. К этому времени к тюремному заключению было приговорено около 30 тысяч участников кампании.

1923, февраль

Создание Партии свараджа Индийского национального конгресса. Президент партии Ч.Р. Дас, генеральный секретарь М. Неру. Цель партии – получение Индией статуса доминиона. Партия приняла решение участвовать в выборах в ноябре 1923 г. в Центральный законодательный совет и законодательные советы провинций.

1924–1925

Индуско-мусульманские религиозно-общинные столкновения (Кохат, Шахджанпур, Аллахабад, Дели, Алигарх, Шолапур, Калькутта).

1925, июнь

Создание Раштрия сваям севак сангха (Союза добровольных служителей нации, РСС) – индуской религиозно-общинной организации во главе с Кешаб Балирам Хедгеваром.

1925

Первая Всеиндийская коммунистическая конференция (руководители – Музаффар Ахмад, С.В. Гхатге).

1926–1927

Обострение отношений между индусами и мусульманами, массовые погромы на Малабарском побережье (восстание мопла), столкновения в Калькутте и других городах.

1926

Бойкот индийцами комиссии Джона Саймона, назначенной британским правительством для подготовки очередной реформы по управлению Индией.

Доклад (конституция) Мотилала Неру.

1927

Визит Мотилала Неру и его сына Джавахарлала Неру в СССР.

1928

Создание Социалистической республиканской армии Хиндустана во главе с Бхагат Сингхом. Проявления революционного экстремизма.

1928

Президент Конгресса Мотилал Неру выступил против использования религии в политике. Он заявил, что целью политических партий является предоставление Индии статуса доминиона. Джавахарлал Неру и Субхас Чандра Бос потребовали полной независимости Индии.

1929, декабрь

Президент Конгресса Дж. Неру на сессии партии заявил, что является социалистом и выступает за предоставление Индии полной независимости.

Конгресс принял резолюцию о полной независимости Индии.

1929–1933

Мирутский процесс над коммунистами и другими патриотами. Создан комитет защиты обвиняемых во главе с М. Неру. Ганди посетил обвиняемых в тюрьме.

1930, февраль

Начало очередной кампании гражданского неповиновения во главе с Ганди.

1930, март–май

«Соляной поход» и арест Ганди.

1930–1931

В ходе кампании гражданского неповиновения арестовано более 90 тысяч человек.

1930, ноябрь

Первая конференция круглого стола в Лондоне. Кроме англичан, в ней участвовали представители Мусульманской лиги, Хинду махасабхи, «угнетенных классов», индийских князей. Конгресс бойкотировал конференцию. Большинство его лидеров и лично Ганди в это время находились в тюрьме.

М.А. Джинна выдвинул программу из 14 пунктов, главными из которых были введение федерального устройства Индии, предоставление мусульманам одной трети мест в центральном и провинциальных органах власти.

1931, 23 марта

Казнь Бхагат Сингха и его товарищей.

1931, сентябрь–ноябрь

Вторая конференция круглого стола в Лондоне с участием Ганди.
Пакт меньшинств.

1932, сентябрь

Голодовка Ганди в тюрьме с требованием пересмотра «Общинного решения», принятого премьер-министром Великобритании Макдональдом. Подписание Пунского пакта руководством индусской общины и Б.Р. Амбедкаром. На основании пакта парламент Великобритании внес изменения в «Общинное решение». Борьба между Конгрессом и Лигой за влияние среди неприкасаемых решена в пользу Конгресса.

1932–1933

Хариджанская кампания Ганди.

1934, май

Проведение первой Всеиндийской социалистической конференции в Патне (председатель Ачарья Нарендра Дева).

1934, октябрь

Создание в рамках Конгресса Конгресс-социалистической партии (генеральный секретарь Джайпракаш Нараян).

1934

Объявление компартии Индии вне закона.

1935, август

Принятие британским парламентом Закона об управлении Индией. Сохранение полного контроля английских властей над Индией. Оппозиция индийцев этому закону.

1937

Выборы в провинциальные законодательные собрания. По итогам выборов Конгресс сформировал правительства в восьми провинциях из 11.

1938, февраль

Президентом Конгресса на сессии в Харипуре (Гуджарат) избран левый конгрессист Субхас Чандра Бос.

1939

Посещение Джавахарлалом Неру Китая.

1939, март

С.Ч. Бос снова избран президентом Конгресса на сессии партии в Трипури (Центральные провинции), но под давлением Ганди и правых в руководстве партии подал в отставку. Президентом Конгресса был избран Раджендра Прасад.

1939, октябрь

Конгресс отказался сотрудничать с британскими властями и отозвал членов партии из провинциальных правительств.

1939, 22 декабря

М.А. Джинна объявил эту дату «днем избавления» от власти Конгресса.

1940, март

На сессии МЛ в Лахоре принята «пакистанская» резолюция, призывавшая к созданию в будущем отдельных государств на северо-западе и востоке Индии.

1940, октябрь

Конгресс принял решение о проведении кампании индивидуального гражданского неповиновения. Арестовано около 25 тысяч участников кампании, в том числе Дж. Неру. Большинство их было освобождено к концу 1941 г.

1941, 22 июня

Нападение Германии на Советский Союз. В определенной части индийского общества произошел поворот в отношении к войне. Руководство КПИ объявило, что война стала «народной» и призвало к поддержке военных усилий Великобритании.

1942, январь

Конгресс принял резолюцию, в которой выразил солидарность с советским народом в его борьбе против германского фашизма.

1942, март–апрель

Провал миссии британского кабинета во главе с С. Криппсом, имевшей целью заручиться поддержкой Конгресса, Мусульманской лиги и других партий на время войны.

1942, июль

Британские власти сняли запрет на КПИ и стали освобождать коммунистов из тюрем.

1942, 7 августа

Конгресс принял резолюцию «Прочь из Индии!» с требованием провозглашения независимости страны, создания временного правительства. Аресты руководителей Конгресса, включая Ганди, Неру и других, по обвинению в подготовке заговора с целью свержения правительства в Индии. Массовые демонстрации и забастовки протеста. Более 60 тысяч человек арестовано, сотни убитых и раненных. Конгресс и движение обезглавлены.

1942–1943

Создание Индийской национальной армии (ИНА) из числа захваченных японцами индийских военнопленных. С.Ч. Бос принял на себя командование ИНА.

1943

Голод в Бенгалии. Погибло, по официальным данным, от 1,2 до 2 млн. человек.

1944, май

Освобождение Ганди из тюрьмы.

1945, май

Участие Индии в Учредительной конференции Организации объединенных наций в Сан-Франциско.

1945, май – июнь

Лидеры Конгресса, включая Неру, освобождены из тюрем.

1945, июнь– июль

Конференция в Симле по вопросу о будущем устройстве Индии с участием вице-короля А. Уэйвелла, лидеров Конгресса и МЛ закончилась неудачей.

1945, ноябрь – декабрь

Суд над офицерами ИНА в Дели – просчет британских властей.

1945–1946

Выборы в провинциальные собрания.

1946, март–июнь

Миссия британского кабинета министров во главе с Петик-Лоуренсом с целью «ускорить при согласии индийцев выработку механизма, который позволил бы индийскому народу самому решать свою судьбу» (из заявления премьер-министра Великобритании К. Эттли).

1946, май

Трехсторонняя конференция в Симле по вопросу о «передаче власти» индийцам с участием миссии британского кабинета, руководителей Конгресса и Лиги.

1946, июль–август

Отказ Лиги от сотрудничества с Конгрессом, призыв к «прямым действиям» в борьбе за Пакистан.

1946, 16–20 августа

Крупные межобщинные столкновения в Бенгалии, вызвавшие волну погромов в других частях Индии.

1946, сентябрь

Сформирование временного индийского правительства во главе с Неру при вице-короле Индии без участия Лиги.

1946, октябрь

Присоединение Мусульманской лиги к временному правительству.

1946–1947, март

Межобщинные столкновения в Бенгалии, Бихаре, других провинциях. Усилия Ганди по достижению примирения.

1946, декабрь

Начало работы Учредительного собрания по выработке Конституции Индии. Отказ Лиги войти в его состав.

1947, март

Прибытие в Индию нового вице-короля Л. Маунтбэттена.

1947, 13 апреля

Установление дипломатических отношений между Индией и Советским Союзом.

1947, 3 июня

Обнародование плана раздела Индии. Выступления Неру, Джинны, лидера сикхов Б. Сингха, давших согласие на раздел.

1947, 18 июня

Принятие британским парламентом Закона о независимости Индии.

1947, 14 августа

Провозглашение в Карачи создания независимого доминиона Пакистан.

1947, 15 августа

Провозглашение в Дели независимости Индии.
Дж. Неру утвержден в должности премьер-министра Индии. Генерал-губернатором страны стал Л. Маунтбэттен.

1947, август–октябрь

Переселение миллионов индусов и мусульман из Пакистана в Индийский Союз и из Индийского Союза в Пакистан. Массовая гибель людей в межобщинных столкновениях.

1948, 30 января

Убийство Махатмы Ганди.

1948

Конгресс принял резолюцию по промышленной политике, заложившей основу смешанной экономики.

1949, апрель

После трех лет переговоров с правительством Великобритании Неру дал согласие на вступление Индии в Содружество наций в качестве независимой республики и при условии изменения прежнего названия «Британское содружество наций» на «Содружество наций». Примеру Индии последовали многие другие освободившиеся колонии.

1949, 26 ноября

Принятие Конституции Индии Учредительным собранием.

1949

Конгресс заявляет о своей цели построения общества «всеобщего благоденствия», основанного на равенстве политических, экономических и социальных возможностей.

1949

Визит Неру в США.

1950, 26 января

Вступление Конституции Индии в действие. День Республики Индия.

1950–1960

Проведение аграрных реформ. Движение бхудан и грамдан.

1951

Создание консервативной религиозно-общинной партии Бхаратия джана сангх (Индийский народный союз – БДС).

1951, октябрь

Отход КПИ от сектантской позиции 1948 г. и решение участвовать в выборах.

1951 (конец года) – 1952 (начало года)

Проведение первых всеобщих выборов в парламент и законодательные собрания штатов. Победа Конгресса. В оппозиции компартия, БДС и Народно-социалистическая партия.

1953

Поездка Индиры Ганди в Советский Союз.

1955, июнь–июль

Визит Дж. Неру в сопровождении И. Ганди в Советский Союз.

1955, ноябрь–декабрь

Визит Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в Индию.

1956

КПИ на съезде в Палгхате (Керала) приходит к выводу о возможности сотрудничества с патриотическими силами индийской буржуазии.

1956

Вторые всеобщие выборы. Укрепление позиций Конгресса. Победа левых сил в Керале.

1956, декабрь

Визит Неру в США. Встречи с президентом США Д. Эйзенхауэром.

1959

Индира Ганди избрана президентом Конгресса.

1959, июль

Введение президентского правления в Керале и роспуск левого правительства.

1959

Образование правой партии Сватантра (Независимая).

1959, декабрь

Визит президента США Дуайта Эйзенхауэра в Индию.

1961, сентябрь

По инициативе Индии, Югославии, Индонезии и Ганы в Белграде состоялась первая конференция Движения неприсоединения. В ней приняли участие представители 25 государств.

1961, ноябрь

Визит Неру в США. Встреча с президентом США Джоном Кеннеди.

1962

Третьи всеобщие выборы. Конгресс сохраняет власть. Усиление консервативных сил.

Индийско-китайский вооруженный конфликт.

1963

«План Камараджа» по укреплению партийной организации Конгресса.

1964, январь

Конгресс принимает решение о строительстве в Индии «демократического социализма».

1964, 27 мая

Смерть Джавахарлала Неру.

1964, 9 июня.

Лидером парламентской фракции Конгресса избран Лал Бахадур Шастри. В тот же день он приведен к присяге в качестве премьер-министра.

1964

Раскол в коммунистическом движении. Образование Коммунистической партии Индии и Коммунистической партии Индии (марксистской).

1965, август–сентябрь

Вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном.

1966, январь

В Ташкенте подписано соглашение между премьер-министром Индии Л.Б. Шастри и президентом Пакистана Айюб Ханом при посредничестве премьер-министра СССР А.Н. Косыгина.

1966, 11 января

Внезапная смерть Л.Б. Шастри.

1966, 25 января

И. Ганди стала премьер-министром Индии.

1966, март

Поездка И. Ганди в США – ее первый официальный зарубежный визит после назначения премьер-министром. Встреча с президентом США Л. Джонсоном.

1966

Раскол в партийных организациях Конгресса. Потеря партией влияния в массах.

1967

Всеобщие выборы. Конгресс побеждает в центре, но теряет власть в 9 штатах из 17. Усиление позиций правых партий.

1969

Раскол Конгресса на две партии: Конгресс во главе с И. Ганди и Организацию конгресс во главе с М. Десаи.

1969–1970

Программа «Десять пунктов» И. Ганди. Национализация 14 крупнейших банков.

1970, октябрь

Неофициальный визит И. Ганди в СССР. Встреча с А.Н. Косыгиным.

1971, март

На внеочередных выборах в парламент Конгресс идет под лозунгом «Долой бедность!», единый альянс четырех правых партий выдвигает лозунг «Долой Индиру!». Конгресс побеждает в центре, но теряет монополию на власть в штатах.

1971, август

Подписание в Дели Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между Индией и Советским Союзом.

1971, сентябрь

Визит И. Ганди в СССР. Встреча с Л.И. Брежневым и другими советскими руководителями. Она информировала советскую сторону о при-

сутствии в Индии более 9 млн. беженцев из Восточного Пакистана, что «угрожало Индии серьезными социальными, экономическими и политическими последствиями».

1971, ноябрь

Визит И. Ганди в США. Встреча с президентом США Р. Никсоном. Провал переговоров по ситуации в Восточном Пакистане.

1971, декабрь

Вооруженный конфликт между Пакистаном и Индией. Подписание в Дакке акта о капитуляции пакистанских войск. Создание Бангладеш.

1972, июль

Подписание в Симле Соглашения о двусторонних отношениях между Индией и Пакистаном.

1971–1975

Выдвижение на политическую сцену Санджая – сына И. Ганди.

1973, ноябрь

Визит генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева в Индию.

1972–1974

Экономический кризис. Антиправительственные выступления под руководством Джайпракаш Нараяна.

1974

Оппозиция выдвигает лозунг «тотальной революции», призывает к борьбе с коррупцией, за демократизацию общественной жизни.

1974, май.

Всеиндийская забастовка железнодорожников подавлена властями. Рост напряжения в обществе.

1974, 18 мая

Взрыв ядерного устройства в Индии «в мирных целях», по словам И. Ганди.

1975, июнь

Высокий суд Аллахабада обвинил премьер-министра И. Ганди в нарушении правил ведения избирательной кампании, отменил ее избрание в парламент и запретил ей занимать выборную должность в течение шести лет.

1975, 26 июня

И. Ганди ввела в стране чрезвычайное положение. Запрет на деятельность 26 религиозно-общинных и левозэкстремистских организаций. Введена цензура печати, ограничены полномочия судов. Отменено решение Высокого суда Аллахабада. Арест лидеров и активистов оппозиционных партий, включая Дж. Нараяна, А.Б. Ваджапай и других.

1975, 1 июля

Провозглашение правительством И. Ганди «программы из 20 пунктов», предусматривающей снижение цен на продовольствие и другие жизненно важные товары, освобождение сельской бедноты от кабальной задолженности и т.п.

1976

Принятие поправки к конституции. В преамбулу основного закона к формуле «Индия – суверенная демократическая республика» добавлены слова «социалистическая, светская».

1976, июнь

Визит И. Ганди в СССР. В совместном заявлении Советский Союз выразил поддержку шагов по нормализации отношений на субконтиненте. И. Ганди заявила, что Советский Союз проявил дальновидность, поддерживая проводимую Индией политику неприсоединения.

1976–1977

Санджай Ганди выдвинул программу из 5 пунктов, которая была признана руководством Конгресса в качестве официальной. Ее осуществление, в том числе по ограничению рождаемости, сопровождалось насилием и принуждением.

1977, январь

Правительство И. Ганди объявляет о проведении выборов в парламент.

1977 март

Победа на выборах оппозиционного блока «Джаната парти». Тяжелое поражение Конгресса во главе с И. Ганди. Премьер-министром становится М. Десаи.

1977, октябрь

Визит премьер-министра М. Десаи в СССР.

1978, январь

Визит президента США Джеймса Картера в Индию.

1978, июнь

Ответный визит М. Десаи в США.

1978

Новый раскол в Конгрессе. Создание группировки во главе с Я. Чаваном, затем с Д. Урсом. Большинство членов осталось с И. Ганди в партии Конгресс (И).

1979

Раскол в правительстве Джаната парти.

1979, июнь

Визит премьер-министра М. Десаи в СССР. Встреча с Л.И. Брежневым. Подписание соглашения о строительстве металлургического завода в Висакхапатнаме.

1979, октябрь

Смерть Джайпракаш Нараяна.

1980

Создание Бхаратия джаната парти (Индийской народной партии, БДП) на основе Бхаратия джана сангха.

1980, январь

Внеочередные выборы в парламент. Победа Конгресса во главе с И. Ганди. Сокрушительное поражение оппозиции.

1980, июнь

Смерть Санджая Ганди в авиакатастрофе. Вступление в политику старшего сына И. Ганди Раджива.

1980, декабрь

Визит Л.И. Брежнева в Индию.

1983, март

В Дели состоялась VII Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран под председательством премьер-министра Индии И. Ганди.

1983

Создание комиссии Саркария по пересмотру отношений между центром и штатами в пользу последних. Правительство «заморозило» реализацию предложений комиссии.

1980–1984

Осложнение внутривнутриполитической ситуации.

1984, май

Проведение антитеррористической операции «Голубая звезда» в Пенджабе.

1984, 31 октября

Убийство И. Ганди охранниками-сикхами. Избрание Раджива Ганди лидером парламентской фракции и приведение его к присяге в качестве премьер-министра.

1984, ноябрь

Антисикхские погромы в Дели и других городах.

1984, декабрь

Победа Конгресса во главе с Р. Ганди на внеочередных парламентских выборах.

1985, апрель

Визит в Индию премьер-министра Великобритании М. Тэтчер.

1985, май

Визит в Советский Союз премьер-министра Р. Ганди. Подписание соглашения об основных направлениях торгово-экономического и научно-технического сотрудничества на период до 2005 г.

1985, июнь

Визит Р. Ганди во Францию.

Визит Р. Ганди в США.

Взрыв в воздухе террористами самолета авиакомпании «Эйр Индия». Гибель 329 пассажиров и членов экипажа.

1985, октябрь

Визит Р. Ганди в Великобританию. Договоренность о совместной борьбе с терроризмом.

Визит Р. Ганди на Кубу. Обсуждены проблемы координации деятельности Движения неприсоединения.

1985, ноябрь

Визит Р. Ганди в Японию.

1985, декабрь

Визит в Индию президента Пакистана Зия-уль-Хака.

1985

Дело мусульманки Шах Бано в Верховном суде Индии и его политические последствия. Обострение религиозно-общинных противоречий.

Создание Бахуджан самадж парти (Партии большинства народа, БСП).

Индия участвует в создании Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) на встрече глав государств и правительств в Дакке.

1986, февраль

Визит в Индию главы римско-католической церкви папы Иоанна Павла II.

1986, март

Участие делегаций Конгресса, КПИ и КПИ (м) в работе XXVII съезда КПСС в Москве.

1986, апрель

Визит в Индию канцлера ФРГ Г. Коля.

1986, май

Визит в Индию президента Африканского национального конгресса Южной Африки О. Тамбо.

Поездка Р. Ганди в Замбию, Анголу, Зимбабве и Танзанию.

1986, ноябрь

Визит в Индию генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. Подписание совместно с Р. Ганди «Делийской декларации о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира».

1986–1988

Дело о коррупции в связи с покупкой Индией гаубиц из Швеции, известное как «дело Бофорс».

1988

Визит Р. Ганди в Китай.

1989, июль

Визит Р. Ганди в Пакистан.

1989

Парламентские выборы. Поражение Конгресса. Приход к власти правительства Национального фронта (НФ) во главе с В.П. Сингхом при поддержке извне со стороны БДП.

1980–1990

Обсуждение в парламенте и обществе рекомендаций правительственной комиссии Б.П. Мандала о предоставлении квот в государственных учреждениях и предприятиях для так называемых отсталых классов. Острая политическая борьба по этому вопросу.

1990

Премьер-министр В.П. Сингх объявляет о принятии им рекомендаций комиссии Б.П. Мандала и введении 27-процентного резервирования мест для «прочих отсталых классов» в государственных учреждениях и высших учебных заведениях. БДП отзывает свою поддержку его правительству.

Отставка правительства НФ. Образование правительства меньшинства во главе с Чандрашекхаром при поддержке Конгресса.

1991, 21 мая

Убийство Раджива Ганди террористкой из организации «Тигры освобождения тамил илама» (Шри Ланка).

1991, май–июнь

Конгресс получает относительное большинство на выборах и формирует правительство во главе с Нарасимха Рао.

1991–1996

Реформы с целью преодоления экономического кризиса. Эволюционная модернизация. Выбор «среднего пути – между двумя догмами: командной и рыночной экономик».

1992, октябрь

Решение Верховного суда, обязывающее правительство осуществить рекомендации комиссии Б.П. Мандала о резервировании 27% рабочих мест для «прочих отсталых классов».

1992, 6 декабря

Разрушение индусскими религиозными фанатиками мечети Бабура в Айодхье с целью строительства на ее месте храма бога Рамы. Массовые индусско-мусульманские столкновения.

1993, январь

Визит президента РФ Б.Н. Ельцина в Индию.

1994

Индия официально заявляет о своих претензиях на постоянное членство в Совете Безопасности ООН.

1996, май

Парламентские выборы. Приход к власти БДП, которая, однако, не смогла привлечь на свою сторону другие партии и вынуждена уйти в отставку через 13 дней, так как не располагала большинством в нижней палате.

1996, июнь

Сформирование коалиционного правительства Объединенного фронта из 14 региональных и левых партий при поддержке Конгресса извне.

1997

Конгресс отзывает свою поддержку правительства Объединенного фронта. Объявлены новые выборы в парламент.

1997, июль

Президентом Индии впервые избран представитель зарегистрированных каст К.Р. Нараянан.

1998, февраль

Внеочередные парламентские выборы. Поражение Конгресса. Коалиция из 18 партий во главе с БДП формирует правительство Национального демократического альянса (НДА) во главе с А.Б. Ваджпаи.

1998, май

Ядерные испытания в Индии.

1999

Новые внеочередные выборы в парламент. Победа коалиции НДА из 24 партий во главе с БДП.

1999, май–июль

Вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном в Каргиле.

2000, декабрь

Визит президента РФ В.В. Путина в Индию. Совместно с премьер-министром Индии А.Б. Ваджпай была подписана Декларация о стратегическом партнерстве между Россией и Индией, Долгосрочная программа научного и технологического сотрудничества между обеими странами на 2001–2010 гг.

2000, март

Визит президента США Билла Клинтона в Индию.

2001, ноябрь

Визит премьер-министра А.Б. Ваджпай в Россию.

2002, февраль

Мусульманские погромы в Гуджарате.

2002

Победа БДП на выборах в законодательное собрание в Гуджарате и «культурный национализм хиндутвы».

2002, июль

Президентом Индии избран компромиссный кандидат Абдул Калам.

2002, сентябрь

Визит премьер-министра Индии А.Б. Ваджпай в США.

2002, декабрь

Визит В.В. Путина в Индию.

2003, февраль

Участие делегации Индии во главе с премьер-министром А.Б. Ваджпай в XIII конференции Движения неприсоединения (Куала-Лумпур). Главная тема – «возрождение Движения неприсоединения».

2003

Индия принимает участие в создании группировки в составе: Индия–Бразилия–Южная Африка. Позже к ней присоединился Китай. Цель группировки ИБЮАК – развитие торгово-экономических связей.

2003, ноябрь

Визит А.Б. Ваджапи в Россию.

2004, январь

Визит премьер-министра А.Б. Ваджапи в Пакистан. Достигнута договоренность с пакистанскими руководителями о «комплексном диалоге» при обсуждении проблем двусторонних отношений.

2004

Парламентские выборы. Курс Конгресса на создание коалиции привел его к победе. Образование Объединенного прогрессивного альянса (ОПА) во главе с Соней Ганди при поддержке извне левых партий. Сформирование правительства под руководством премьер-министра Манмохана Сингха.

2004, июль

Индия принимает участие в создании региональной организации прибрежных стран Бенгальского залива (БИМСТЭК) с целью развития технического и экономического сотрудничества между ними.

2004, декабрь

Визит президента РФ В.В. Путина в Индию. Среди подписанных документов – Совместная декларация РФ и Республики Индия, Соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космоса в мирных целях.

2004–2009

Курс на экономические реформы «с человеческим лицом». Индия выбирает «прагматический средний путь» (Манмохан Сингх).

2005, июль

Премьер-министр Индии Манмохан Сингх и президент США Джордж Буш подписали в Вашингтоне соглашение о сотрудничестве в ядерной сфере.

Вступление Индии в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в качестве наблюдателя.

2005, декабрь

Визит премьер-министра Индии М. Сингха в Россию.

2005–2009

Индия принимает участие в создании и деятельности группировки Бразилия–Россия–Индия–Китай (БРИК).

2006, март

Визит президента США Дж. Буша в Индию. Он заявил о необходимости укрепления стратегического партнерства между двумя крупнейшими демократиями мира.

2006, сентябрь

Участие делегации Индии во главе с премьер-министром М. Сингхом в XIV конференции Движения неприсоединения (Гавана). Он заявил, что Движение неприсоединения «вновь занимает уникальное место, чтобы играть роль моста в достижении понимания между разными странами».

2007, январь

Визит президента РФ Путина в Индию. Его участие в праздновании Дня Республики в качестве главного гостя.

2007, август

Избрание президентом Индии Пратибхи Патил – первой женщины на этом посту в Индии.

2007, ноябрь

Визит М. Сингха в Россию.

2008, январь

Визит премьер-министра М. Сингха в Китай.

2008, октябрь

Подписание соглашения между Индией и США по вопросу о мирной ядерной энергетике Индии.

2008, ноябрь

Лидеры стран БРИК выступили на саммите G-20 в Вашингтоне с инициативой реформирования бреттон-вудских институтов.

2008, 26 ноября

Террористический акт в Мумбаи. Погибло 166 человек.

2008, декабрь

Визит президента РФ Д.А. Медведева в Индию. Подтверждена линия руководства обеих стран на приоритетное развитие стратегического партнерства России и Индии. Подписаны Совместная декларация, межправительственное Соглашение о сотрудничестве в строительстве в Индии атомных электростанций.

2009, апрель–май

Парламентские выборы. Победа коалиции Конгресса и его союзников. Продолжение курса на реформы для обеспечения экономического роста, который должен носить инклюзивный и равноправный характер.

2009, июнь

Премьер-министр Индии М. Сингх принял участие в работе Совета глав государств ШОС и первом саммите БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) в Екатеринбурге.

Лидеры стран БРИК на этой встрече призвали к реформированию глобальных финансовых институтов, а также к реформе ООН и предоставлению Индии и Бразилии места в Совете Безопасности ООН, соответствующего их роли в мире.

2009, ноябрь

Визит премьер-министра М. Сингха в США.

2009, декабрь

Визит премьер-министра М. Сингха в Россию. В совместной декларации Россия и Индия заявили, что прочные многогранные двусторонние отношения, плодотворно развивающиеся после установления дипломатических отношений в апреле 1947 г., достигли высшего уровня – стратегического партнерства и остаются в числе главных приоритетов двух стран. Подписано соглашение о программе ВТС на 2011–2020 гг.

2010, март

Визит премьер-министра РФ В.В. Путина в Индию. Достигнуты договоренности о продолжении сотрудничества в атомной энергетике и ВТС.

Библиография

- Азад Абул Калам.* Индия добивается свободы. М.: Изд. ИЛ, 1961.
- Алаев Л.Б.* Индия: Национально-освободительное движение и обострение конфессиональных разногласий // История Востока. Т. V: Восток в новейшее время: 1914–1945 гг. / отв. ред. Р.Г. Ланда. М.: «Вост. лит.», 2006.
- Алаев Л.Б.* Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М.: «Наука», 1981.
- Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л.* История Индии. М.: «Дрофа», 2010.
- Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г.* История Индии. М.: Изд-во «Мысль», 1973.
- Антонова К.А., Гольдберг Н.М., Осипов А.М.,* отв. ред. Новая история Индии. М.: Издательство восточной литературы, 1961.
- Арбатова А. и Чуфрин Г.,* ред. Ядерное противостояние в Южной Азии. М., 2005.
- Балабушевич В.В. и Дьяков А.М.,* отв. ред. Новейшая история Индии. М.: Издательство восточной литературы, 1959.
- Баранов С.А.* Сепаратизм в Индии. М.: ИВ РАН, 2003.
- Белокреницкий В.Я.* Восток в международных отношениях и мировой политике. М.: ИВ РАН, 1999.
- Белокреницкий В.Я., Зайцев И.В., Ульченко Н.Ю.* Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010.
- Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008.
- Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л.* Южная Азия в мировой политике. М.: «Международные отношения», 2003.
- Бельский А.Г.* Индусский коммунизм: исторические истоки и идейно-политические принципы // Индуизм: традиции и современность. М.: «Наука», 1985.

Болятко А.В., отв. ред., *Клименко А.Ф.*, сост. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. М.: Ин-т Дальн. Вост. РАН, 2008.

Брагина Е.А. Реформы 90-х годов и противоречия экономического роста Индии // *Моханти Арун*, ред. Россия и Индия – стратегические партнеры. М.: Международный центр социально-политических исследований, 2002.

Бхатия В. Джавахарлал Неру и становление индийско-советских отношений (1917– 1947). М.: «Мысль», 1989.

Бугров А.С. Эволюция потенциала экономического развития Индии и России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М.: ИВ РАН, 2010.

Ваджнаи Атал Бихари. Индия на пути в будущее. Сборник речей и выступлений (март 1998 – сентябрь 2001 г.). М.: Институт востоковедения РАН, 2001.

Ванина Е.Ю. Прошлое во имя будущего: индийский национализм и история (середина XIX – середина XX в.) // В. А. Тишков и В. А. Шнирельман, ред. Национализм в мировой истории. М.: «Наука», 2007.

Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI веке: проблемы, перспективы, направления. В 2-х т. М.: РАН, Ин-т Дал. Востока, 2004.

Володин А.Г. Буржуазная оппозиция в социально-политической структуре Индии. М.: «Наука», 1982.

Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: начала, тенденции, перспективы // М.: Институт востоковедения РАН, 2002.

Ганди Индира. Мир, сотрудничество, неприсоединение. М.: Изд-во «Прогресс», 1985.

Ганди Индира. Статьи, речи, интервью. М.: «Прогресс», 1975.

Ганди Мохандас Карамчанд. Моя жизнь. М.: «Наука», 1969.

Ганковский Ю.В. Народы Пакистана (основные этапы этнической истории). М., 1964.

Ганковский Ю.В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967.

Ганковский Ю.В. и Гордон-Полонская Л.Р. История Пакистана. М., 1961.

Глушкова И.П., отв. ред. Древо индуизма. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1999.

- Гордон Л.А.* Религиозно-кастовый состав населения Индии // *Касты в Индии*. М., 1965.
- Гордон Л.А., Егорова М.Н.* Рабочий класс независимой Индии. М.: «Наука», 1968.
- Гордон-Полонская Л.Р.* Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана (критика «мусульманского национализма»). М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
- Горев А.В., Зимянин В.М.* Неру. М.: Молодая гвардия, 1980.
- Горошко Г.Б.* Борьба в Индии по вопросам внешней политики. 1957–1964. М., 1966.
- Горячева А.М.* Население и экономический рост в Индии. М.: «Наука», 1983.
- Горячева А.М.* Распределение национального дохода и проблема бедности в Индии. М.: «Наука», 1991.
- Грановский А.Е.* Экономический рост в странах Южной Азии. М.: «Наука», 1988.
- Гусева Н.Р.* Индуизм. М.: «Наука», 1977.
- Гхош Аджой Кумар.* Статьи и речи. М., 1962.
- Датт В.П.* Внешняя политика Индии: пер. с англ. М.: «Прогресс», 1988.
- Девяткина Т.Ф., Егорова М.Н., Мельников А.М.* Зарождение коммунистического движения в Индии. Очерки истории. М.: «Наука», 1978.
- Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления. М.: Служба внешней разведки Российской Федерации, 1995.
- Дьяков А.М.* Индия во время и после второй мировой войны (1939–1949). М.: Изд. АН СССР, 1952.
- Егоров И.И.* Планирование и хозяйственный механизм в Индии. М.: «Наука», 1988.
- Журавлева Е.С., Кочетов В.П.* Внешняя политика Индии. 1964–1989 гг. М.: МГИМО МИД РФ, 1991.
- Зеленева И.В., Головинов Е.В., Лихачев К.А.*, сост. Внешняя политика Индии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2006.
- Икбал Мухаммад.* Реконструкция религиозной мысли в исламе. М.: «Восточная литература» РАН, 2002 (Перевод с англ., предисловие, комментарий и глоссарий М.Т. Степанянц).

- Илюмжинов В.Н.* Хаосоликая Индия. М: Институт экономических стратегий, 2009.
- Кзаков В.И.* Борьба за создание национальных штатов в независимой Индии. М.: «Наука», 1967.
- Капур Дж.Ч.* Наше будущее: потребительство или гуманизм: пер. с англ., ред. Салганик М.А., Юрлова Е.С., М.: ИВ РАН, 2008.
- Кауль Т.Н.* Индия и Азия. М.: «Прогресс», 1989.
- Киссинджер Генри.* Дипломатия. М.: «Ладомир», 1997.
- Киссинджер Генри.* Нужна ли Америке внешняя политика. К дипломатии XXI в. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2002.
- Клюев Б.И.* Национально-языковые проблемы независимой Индии. М.: «Наука», 1978.
- Клюев Б. И.* Религия и конфликт в Индии. М.: ИВ РАН, 2002.
- Колонтаев А.П.* Проблема занятости в развивающейся экономике. М.: «Наука», 1988.
- Комаров Э.Н.* Некоторые концептуальные проблемы социально-политического развития // Экономическое, социальное и политическое развитие Индии (1947–1987). М.: «Наука», ГРЛВ, 1989.
- Комаров Э.Н.* Политическое развитие независимой Индии: основные формы, этапы и закономерности // Индия в глобальной политике. Внешние и внутренние аспекты. М.: ИВ РАН, 2003.
- Комаров Э.Н.* Расстановка партийных сил в Индии: эволюция и связь с социально-экономическим развитием (по данным факторного анализа результатов выборов в законодательные собрания штатов в 1962–1977/78 гг., а также по итогам выборов в Народную палату в 1980 г.) // Индия: проблемы истории национально-освободительного движения и современного политического развития. М.: «Наука», ГРВЛ, 1980.
- Комаров Э.Н.* Элитарная модернизация как форма и результат общественного развития Индии в колониальный период // Россия и окружающий мир: контуры развития. Вторые павловские чтения, 1995. М.: ИСАА при МГУ, 1996.
- Конституция Индии (С изменениями на 1 мая 1955 года). М.: Изд-во иностранной литературы, 1967.
- Костюченко В.С.* Интегральная веданта (Критический анализ философии Ауробиндо Гхоша). М.: «Наука», 1970.

- Костюченко В.С.* Классическая веданта и неоведантизм. М.: «Наука», 1983.
- Котин И.Ю.* Побег баньяна: миграция населения Индии и формирование «узлов» Южно-Азиатской диаспоры. СПб: Петербургское Востоковедение, 2003.
- Котовский Г.Г.* Земельная реформа в Индии 50–60-х годов и проблемы ограничения частного землевладения // Индия: общество, власть, реформы. ИВ РАН, М.: Вост. лит., 2003.
- Котовский Г.Г.*, отв. ред. Классовая борьба в современной индийской деревне (1947–1965). М.: «Наука», 1969.
- Котовский Г.Г., Хейфец А.Н., Шаститко П.М.*, отв. ред. СССР и Индия. М.: «Наука», 1987.
- Кременюк В.А., Лукин В.П., Руднев В.С.*, отв. ред. Политика США в Азии М., 1977.
- Кудрявцев М.К.* Кастовая система в Индии. М.: «Наука», 1992.
- Куценков А. А.* Эволюция индийской касты. М.: «Наука», 1983.
- Куценков А.А. и Юрлов Ф.Н.*, отв. ред. Индия: достижения и проблемы. М.: ИВ РАН, 2002.
- Куцобин П.В.* Аджой Гхош и коммунистическое движение в Индии. М.: «Мысль», 1985.
- Лебедева Н.Б.* Международные отношения в зоне Индийского океана. М.: «Наука», 1991.
- Левковский А.И.* Особенности развития капитализма в Индии. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
- Лузянин С.Г.* Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как опыт регионального сотрудничества // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI веке. Проблемы, перспективы, направления. Т. 1, М., 2004.
- Лунев С.И.* Дипломатия в Южной Азии. М.: Международные отношения, 1993.
- Лунев С.И.* Россия–Индия: политическое сотрудничество в сфере глобальных, региональных и двусторонних отношений // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. В 2-х т. М.: РАН, Ин-т Дал. Востока, 2004. Т.1.
- Майский И.М.* Воспоминания советского посла. Война 1939–1945 гг. М.: Изд. ИЛ, 1955.

Маляров О.В. Бюджетный процесс и бюджетная политика государства в Индии. М.: ИВ РАН, 2006.

Маляров О.В. Монополистический капитал в социально-экономической структуре Индии (Концентрация и централизация капитала). М.: «Наука», 1990.

Маляров О.В. Роль государства в социально-экономической структуре Индии. М.: «Наука», 1978.

Мартышин О.В. Политические взгляды Джавахарлала Неру. М.: «Наука», 1981.

Мартышин О.В. Политические взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди. М.: «Наука», 1970.

Мезенцева О.В. Мир ведийских истин. Жизнь и учение Свами Дайянан-ды. М.: ИВ РАН, 1994.

Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарян С.Б. История Японии: XX век. М.: ИВ РАН, изд-во «Крафт+», 2007.

Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана (формирование и основные этапы эволюции). М.: «Наука», 1984.

Мукинджанова Р.М. Пакистан, Южная Азия и политика США. 60-е годы – начало 70-х годов. М., 1974.

Насенко Ю.П. Дж. Неру и внешняя политика Индии. М.: «Наука», 1975.

Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет. М.–Нижний Новгород: Издат. Дом «Медина», 2008.

Неру Джавахарлал. Автобиография. М.: Изд. ИЛ, 1955.

Неру Джавахарлал. Взгляд на всемирную историю. Т. 1–3. М.: «Прогресс», 1981.

Неру Джавахарлал. Открытие Индии. М.: Изд. ИЛ, 1955.

Нилов / Юрлов Ф.Н. Западная Бенгалия: политические проблемы. М.: «Наука», 1972.

Нилов /Юрлов Ф.Н. Леводемократические правительства в штатах Индии. М.: «Наука», 1987.

Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения. М.: Служба внешней разведки Российской Федерации, 1993.

- Осинов А.М., Рейснер И.М.*, ред. Народное восстание в Индии. 1857–1859 гг. Сб. статей к 100-летию восстания. М.: Восточная литература, 1957.
- Осинов Г.А.* Развивающиеся страны и нераспространение ядерного оружия. М.: «Наука», 1990.
- Павлов В.И.* Формирование индийской буржуазии. М.: Издательство восточной литературы, 1958.
- Паничкин Ю.В.* Образование Пакистана и пуштунский вопрос. М.: «Научная книга», 2005.
- Петров В.В.* Народонаселение Индии. М.: «Наука», 1978.
- Плешов О.В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М.: ИВ РАН, 2003.
- Плешов О.В.* Ислам и политическая культура в Пакистане. М.: ИВ РАН, 2005.
- Плешова М.А.* Демократия в Индии. Проблемы местного самоуправления. М.: ИВ РАН, «Наука». 1992.
- Плешова М.А.* Штат Уттар-Прадеш: социально-политические проблемы. М.: «Наука», 1974.
- Полонская Л.Р., Вафа А.Х.* Восток: идеи и идеологи (Критика буржуазных и мелкобуржуазных концепций «третьего пути» развития). М.: «Наука», 1982.
- Пономарев Ю.А.* История Мусульманской лиги Пакистана. М.: «Наука», 1982.
- Права человека: Сборник универсальных и региональных международных документов. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Празаускас А.А.* Этнос, политика и государство в современной Индии. М.: «Наука», 1990.
- Прасад Р.* Автобиография. М.: Изд. ИЛ, 1961.
- Райков А.В.* Амритсарская трагедия 1919 г. и освободительное движение в Индии. М.: «Наука», 1985.
- Райков А.В.* Опаснейший час Индии. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 1999.
- Растянников В.Г.* Аграрная революция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М.: «Наука», 1973.
- Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М.: ИВ РАН, 2004.

Резинин / Чичеров А. И. Индийский национальный конгресс: очерки идеологии и политики (60-е – первая половина 70-х годов). М.: «Наука», 1978.

Резников А.Б. Стратегия и тактика Коммунистического интернационала по национально-колониальному вопросу. Проблемы теории и истории. М.: Изд-во политической литературы, 1978.

Рейснер И.М. и Гольдберг Н. М., ред. Национально-освободительное движение и деятельность Тилака. М.: Изд. А.Н. СССР, 1958.

Рейснер Л.И. Развивающиеся страны. Очерк теорий экономического роста. М.: «Наука», 1976.

Рейснер Л.И., Широков Г.К. Планирование в Индии. М.: «Наука», 1969.

Рейснер Л.И., Широков Г.К. Современная индийская буржуазия. М.: «Наука», 1966.

Рыбаков Р.Б. Буржуазная реформация индуизма. М.: «Наука», 1981.

Сафронова А.Л. Буддизм в историко-культурной традиции Шри Ланки. М.: «Муравей», 2005.

Сахаров А. Мир, прогресс, права человека: Статьи и выступления. М.: Сов. писатель, 1990.

Сдаюк Г.В. Штаты Индии. М.: «Мысль», 1981.

Семенова Н.И., Чичеров А.И., ред. Индия – Союз штатов. Проблемы полиэтнического и социально-экономического развития. М.: «Наука», 1981.

Симония Н.А., Рейснер Л.И. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: «Наука», 1984.

Синха Яшвант. Аспекты внешней политики Индии. Нью-Дели: Министерство иностранных дел. 2003.

Скорородова Т.Г. Раммохан Рай, родоначальник Бенгальского Возрождения (опыт аналитической биографии). СПб.: Алетейя, 2008.

Сотников В.И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях (вторая половина XX–XXI века). М.: Научная книга, 2003.

Степаняц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX вв. М.: «Наука», 1982.

Степаняц М.Т. Философия ненасилия: уроки гандизма. М.: Знание, 1999.

Супрунова Л.Л. Опыт модернизации образования в Индии. М.: Прогресс–Традиция, 2009.

- Тагор Дебендранатх.* Автобиография: пер. с англ., вступит. ст. Т.Г. Скороходовой. М.: ИВ РАН, 2007.
- Тагор Рабиндранат.* Собрание сочинений в четырех томах. М.: Художественная литература, 1982.
- Титаренко М.Л.* Российско-китайско-индийское трехстороннее сотрудничество и фактор США // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. В 2-х т. М.: РАН, Ин-т Дал. Востока, 2004.
- Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.– Липецк: «Информ», 2007.
- Торнер Даниэль.* Аграрный строй Индии. М.: Изд. АН СССР, 1959.
- Тузмухамедов Р.А.* Движение неприсоединения и международное право. М.: «Наука», 1989.
- Ульяновский Р.А.* Вступительная ст. к кн. Дж. Неру. «Взгляд на всемирную историю», Т. 1. М.: «Прогресс», 1981.
- Ульяновский Р.А.* Три лидера великого индийского народа: Мохандас Карамчанд Ганди, Джавахарлал Неру, Индира Ганди. М.: Изд. Полит. лит-ры, 1986.
- Уолперт Стенли.* Джинна – творец Пакистана. М.: Изд-во «Рудомино», 1997.
- Фалин Валентин.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М.: Центрполитграф, 2000.
- Флорин / Егоров В.Н.* Государственный административный аппарат независимой Индии. М.: «Наука», 1975.
- Челышева И.П.* Этические идеи в мировоззрении Вивекананды, Б.Г. Тилака и Ауробиндо Гхоша. М.: «Наука», 1986.
- Черешнева Л.А.* «Августовская революция» 1942 г. в Индии. М.: ИНИОН РАН, 2007.
- Черчилль У.С.* Вторая мировая война: в 6 т. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1998.
- Чичеров А.И.* Джавахарлал Неру и независимая Индия. М.: «Наука», 1990.
- Чуфрин Г.И.* АСЕАН: итоги, проблемы, перспективы. М.: ИВ РАН, 1998.
- Чуфрин Г.И.* Внешне-экономические связи современной Индии. М., 1978.

- Чуфрин Г.И.* Формирование действенных структур безопасности и сотрудничества в Центральной Азии. М.: ИМЭМО РАН, 2007.
- Чуфрин Г.И.* Экономическая интеграция развивающихся стран Азии: возможности, трудности, пределы. М.: «Наука», 1983.
- Шаститко П.М.* Век ушел: сцены из истории отечественного востоковедения. ИВ РАН. М.: Вост. лит., 2009.
- Шаститко П.М., Выхухолов В.В.* «Тальвар» поднимает флаг. Рассказ о восстании бомбейских моряков в 1946 г. М.: «Наука», 1982.
- Шаумян Т.Л.*, рук. авт. кол. Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание. М.: ИВ РАН, Ариаварта-Пресс, 2005.
- Шаумян Т.Л.*, отв. ред. Принципы панчашила в современном мире. М.: ИВ РАН, 2004.
- Шаумян Т.Л.*, ред., *Юрлова Е.С.*, сост. Выдающиеся женщины Индии XX века. М.: ИВ РАН, 2002.
- Шелленберг Вальтер.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М.: «Дом Бируни», 1991.
- Шилин А.А.* Стратегический баланс в Южной Азии. М.: Научная книга, 2004.
- Широков Г.К.* Восток: Панорама новейшего времени. М., 2003.
- Широков Г.К., Лунев С.И.* Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. М., 1998.
- Эмери Л.С.* Моя политическая жизнь. М.: Изд. ИЛ, 1960.
- Юрлов Ф.* Индийская демократия в действии // *Азия и Африка сегодня.* 2004, № 10 и № 12.
- Юрлов Ф.Н.* Индийское общество в годы Второй мировой войны // *Война и общество в XX веке: в 3 кн.; Кн. 2.* Е.Н. Кульков, отв. ред. Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. М.: «Наука», 2008.
- Юрлов Ф.* Бхаратия джаната партии – путь к власти // *Азия и Африка сегодня.* 2003, № 7, № 8.
- Юрлов Ф.Н.* Введение; Новый раунд индийской коалиционной политики // *Демократия в Индии.* М.: ИВ РАН, 2002.
- Юрлов Ф.Н.* Глобализация: проблемы и вызовы // А.М. Петров, отв. ред. и составитель. Российское востоковедение в память о М.С. Капице. Очерки, исследования, разработки. М.: «Муравей», 2001.

- Юрлов Ф.Н.* Гл. 25. Индия // История Востока: В 6 т. М.: Вост. лит., 1995–2008. Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000 гг.). Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин.
- Юрлов Ф.Н.* Индия: военная доктрина и вооруженные силы // «Восток» (Oriens), 2009, № 3 и № 4.
- Юрлов Ф.* Индия. Время коалиций // Азия и Африка сегодня, 2000, № 3.
- Юрлов Ф.Н.*, ред. Индия в глобальной политике. Внешние и внутренние аспекты. Материалы научного семинара. М.: ИВ РАН, 2003.
- Юрлов Ф.* Индия в мировой политике // Азия и Африка сегодня. 2005, №№ 4, 5, 7.
- Юрлов Ф.* Индия: опыт реформ и модернизации // Азия и Африка сегодня, 2006, № 5.
- Юрлов Ф.Н.* Индия: ядерные проблемы и вызовы // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока. История и современность. Сборник статей памяти Ю.В. Ганковского. М.: «Научная книга», 2004.
- Юрлов Ф.Н.* Проблемы коммунистического движения Индии: опыт Коммунистической партии Индии (марксистской). М.: Институт общественных наук, 1985.
- Юрлов Ф.Н.* Россия и Индия в меняющемся мире. М.: ИВ РАН, 1998.
- Юрлова Е.С.* Введение // Выдающиеся женщины Индии XX века. М.: ИВ РАН, 2002.
- Юрлова Е.С.* Индира Ганди: путь к власти // Восток (Oriens) 2008, № 4.
- Юрлова Е.С.* Индия: мусульмане и мусульманки. Проблемы религиозного меньшинства в многоконфессиональном обществе // Азия и Африка сегодня, 2007, № 10.
- Юрлова Е.С.* Индия: от неприкасаемых к далитам. Очерки истории, идеологии и политики. М.: Институт востоковедения РАН, 2003.
- Юрлова Е.С.* «Неприкасаемые» в Индии. М.: «Наука», 1989.
- Юрлова Е.С.* От Махатмы Ганди к Мартину Лютеру Кингу: борьба против кастовой дискриминации в Индии и расизма в Америке // В Индию духа. Сборник статей к 70-летию Р.Б. Рыбакова. М.: ИВ РАН, 2008.
- Юрлова Е.С.* Соня Ганди. Трагедии и триумфы // Азия и Африка сегодня. 2010, № 5.
- Юрлова Е.С.* Социальное положение женщин и женское движение в Индии. М., «Наука», 1982.

Юрлова Т.Ф. Народное восстание 1857–1859 гг. в Индии и английское общество. М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1991.

Яшкин В.А. Экономика Индии, Китая и России: некоторые итоги сравнительного анализа // Индия: социально-экономические проблемы и пути их решения. М., 2003.

Abbas K.A. Janata in a Jam? Bombay: Jaico Publishing House, 1978.

Abdullah Rasul M. Tebhaga Struggle of Bengal. New Delhi: PPH, 1986.

Adhikari G. Documents of the History of the Communist Party of India. New Delhi: PPH, 1971.

Advani L.K. My Country. My Life. New Delhi: Rupa and Co., 2008.

Ambedkar Dr. Babasaheb. Writings and Speeches in 17 volumes. Compiled by Vasant Moon. Mumbai: Government of Maharashtra. Education Department. 1979–2001.

Ambedkar B.R. Speech Delivered in the Constituent Assembly of India on 25th November 1949 // Thus Spoke Ambedkar (Selected Speeches). Vol. II. Jullundur (India), 1969.

Appadorai A Documents on Public Thought in Modern India. Vol. II. Bombay: OUP, 1976.

Arbatov Alexei, Dvorkin Vladimir, eds. Nuclear Deterrence and Non-Proliferation. Carnegie Moscow Center. Moscow, 2006.

Arbatov Alexei and Dvorkin Vladimir, eds. Nuclear Weapons after the Cold War. Carnegie Moscow Center. Moscow: R.Elinin Publishing House, 2008.

Asian Relation Organisation. Asian Relations, being Report of the Proceedings and Documentation of the First Asian Relation Conference. New Delhi, 1948.

Arooran Nambi. Tamil Renaissance and Dravidian Nationalism 1905–44. Madurai: Koodal publishers, 1980.

Ashraf K.M. An Overview of Indian Muslim Politics. New Delhi: Manak Publication, 2001.

Austin Granville. Working the Democratic Constitution: The Indian Experience. New Delhi: OUP, 1999.

Baig Tara Ali, ed. Women of India. New Delhi: The Publications Division, 1958.

Bannerjee Jyotirmoy. India in Soviet Global Strategy. Calcutta: South Asia Books, 1977.

Baxi Upendra. Emancipation as Justice: Legacy and Vision of Dr. Ambedkar // Yadav K.C., ed. From Periphery to Centre Stage: Ambedkar, Ambedkarism and Dalit Future. New Delhi: Manohar. 2000.

Baxi U. and Parekh B., eds. Crisis and Change in Contemporary India, London: Sage, 1995.

Baxter Craig. The Jana Sangh. A Biography of an Indian Political Party, Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969.

Beidelman T.O. A Contemporary Analysis of the Jajmani System. New York, 1959.

Beteille Andre. Caste, Class and Power. Berkeley, 1965.

Beteille Andre. Marxism and Class Analysis. New Delhi: OUP, 2007.

Beteille Andre. The Backward Classes and the New Social Order. Delhi: OUP, 1981.

Bhambhri C.P. Bharatiya Janata Party. Periphery to Centre. Delhi: Shipra, 2001.

Bharatiya Jana Sangh. Election Manifesto. New Delhi, 1957.

Bhatia Shyam. India's Nuclear Bomb. Delhi, 1979.

Bhutto Zulfikar Ali. If I am Assisinated. Delhi, 1979.

Bidwai Praful and Patnaik Achin. South Asia on a Short Fuse: Nuclear Politics and the Future of Global Disarmament. New Delhi: OUP, 2001.

Birla G. D. In the Shadow of the Mahatma. A Personal Memoir. Bombay, Calcutta, Madras: Orient Longmans Ltd., 1953.

Bose Subhas Chandra. The Indian Struggle 1920–1942. Calcutta: Asia Publishing House, 1967.

Bose Subhas Chandra. Crossroads. The Works of Subhas Chandra Bose, 1938–40. Compiled by Netaji Research Bureau. Calcutta. Bombay, etc.: Asia Publishing House.1962.

Bose Sunil Kumar. Tej Bahadur Sapru. New Delhi: Government of India, 1978.

Bowles Chester. Ambassador's Report. Comet Books. Collins. London, 1954.

Bowles Chester. Mission to India. A Search for Alternatives in Asia (To the Memory of Jawaharlal Nehru). Bombay. Delhi: B.I. Publications, 1974.

Brass Paul. The Production of Hindu–Muslim Violence in Contemporary India. New Delhi: OUP, 2003.

- Brass P.R.* The Politics of India since Independence. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Brown J.M.*, ed. (Introduction & Notes). Mahatma Gandhi. The Essential Writings. New York: OUP, 2008.
- Brown Judith.* Modern India: the origins of an Asian democracy. Delhi, New York: OUP, 1994.
- Brown Judith.* Nehru: A Political Life. New Haven and London: Yale University Press, 2003.
- Bumiller Elisabeth.* May you be the mother of a hundred sons. A Journey among the women of India. New York: Fawcett Books, 1990.
- Butalia Urvashi.* The Other Side of Silence: Voices from the Partition of India. Delhi: Viking, 1998.
- Campbell-Johnson A.* Mission with Mountbatten. London: Robert Hale, 1972.
- Chandra B., Tripathi T. and De V.* Freedom Struggle. New Delhi, 1983.
- Chandra Jag Parvesh.* Verdict on Janata. Delhi: Metropolitan Book Co., 1979.
- Chattopadhyaya Kamaladevi.* The Struggle for Freedom // Tara Ali Baig (ed.). Women of India. New Delhi: The Publications Division, 1958.
- Chaudhri S.* Gandhi and the Partition of India. New Delhi: Sterling Publishing House, 1986.
- Chellaney B.* Securing India's Future in the New Millenium. New Delhi: Orient Longman Ltd., 1999.
- Chitrol V.* Indian Unrest. London, 1910.
- Chopra P.N.*, ed. India's Major Non-Violent Movements 1919–1934 (British Secret Reports on Indian People's Peaceful Struggle for Political Liberation). New Delhi: Vision Books, 1979.
- Chopra P.N.*, ed. Quit India Movement. British Secret Report. New Delhi: Padma Publications, 1976.
- Choudhury G.W.* India, Pakistan, Bangladesh and the Major Powers: Politics of a Divided Subcontinent. New York: Free Press, 1975.
- Choudhury S.* Peasants and Workers Movement in India, 1905–1929. New Delhi: PPH, 1971.
- Chowdhury Satyabrata Rai.* Leftist Movements in India: 1917–1947. Calcutta, 1977.

- Chufirin G.*, ed. *Russia and Asia. The Emerging Security Agenda.* New Delhi: OUP, 1999.
- Cohen Stephen Philip.* *India: Emerging Power.* Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2001.
- Cohen Stephen Philip.* *The Indian Army. It's Contribution to the Development of a Nation.* Berkeley: University of California Press, 1971.
- Collett Nigel.* *The Butcher of Amritsar: General Reginald Dyer.* London and New York: Hambledon and London, 2005.
- Collins L., Lapierre D.* *Freedom at Midnight.* Delhi: Vikas Publishing House, 1994.
- Collins Larry and Lapierre Dominique.* *Mountbatten and the Partition of India. Vol. 1. March 22– August 15, 1947.* New Delhi: Vikas, 1982.
- Constitutional Relations between Britain and India. The Transfer of Power (1942–7).* In 12 vols. London: Her Majesty's Stationery Office, 1970–1983.
- Copland I.* *The Princes of India in the Endgame of Empire, 1917—1947,* Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- CPI. Guidelines of the History of the Communist Party of India.* New Delhi: PPH, 1974.
- Das Durga.* *India: From Curzon to Nehru and After.* London, Collins, 1969.
- Dash P.L., Nazarkin A.N.,* ed. *India and Russia. Strategic Synergy Emerging.* New Delhi: Autorpress, 2007.
- Desai A. R.* *Social Background of Indian Nationalism.* Bombay: Popular Prakashan, 1976.
- Dettman Paul R.* *India Changes Course: Golden Jubilee to Millenium.* Westport. Conn: Praeger, 2001.
- Dhanagare D.N.* *Peasant Movements in India 1920–1950.* Delhi: OUP, 1986.
- Dhar P.N.* *Indira Gandhi. The 'Emergancy' and Indian Democracy.* New York, New Delhi: OUP, 2000.
- Dixit J.N.* *Anatomy of a Flawed Inheritance. Indo-Pak Relations 1970–1994.* Delhi: Konark Publishers Pvt. Ltd., 1995.
- Dobrynin Anatoly.* In *Confidence. Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents.* Seattle and London: University of Washington Press, 1995.
- Documents of the History of the Communist Party of India. Vol. VII, 1948–1950.* New Delhi: PPH, 1976.

- Dodwell H.H.*, ed. *The Cambridge Shorter History of India*. Delhi–New Delhi, etc.: S. Chand & Co., 1969.
- Dumont Louis*. *Homo Hierarchicus. The Caste System and Its Implications*. London: Paladin, 1972.
- Durant Will*. *The Case for India*. New York: Simon and Schuster, 1930.
- Dutt V.P.* *India's Foreign Policy*. New Delhi: Vani Educational Books, 1984.
- Economic Survey 1994–95. New Delhi: Government of India. Ministry of Finance. Economic Division.
- Election Commission of India Report on the Fourth General Election in India. New Delhi, 1967.
- Fay P.W.* *The Forgotten Army. India's Armed Struggle for Independence 1942–1945*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993.
- Fischer Louis*. *A Week with Gandhi*. New York: Duell, Sloan and Pearce: USA, 1942.
- Fischer Louis*. *The Life of Mahatma Gandhi*. London: Jonathan Cape, 1951.
- Five Year Plan 2002–2007. Vol. III. New Delhi: Planning Commission of India.
- Forbes G*, *Women in Modern India*, Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Franda Marcus F*. *West Bengal and the Federalizing Process in India*. Princeton: New Jersey, 1968.
- Frank Katherine*. *Indira: The Life of Indira Nehru Gandhi*. New Delhi: HarperCollins Publishers, 2007.
- Frankel F.R. and Rao M.S.A.*, eds. *Dominance of State Power in India: Decline of Social Order*. Vol. 2. Delhi: OUP, 1990.
- Frankel Francine R., Hasan Zoya and others*, eds. *Transforming India. Social and Political Dynamics of Democracy*. New Delhi: OUP, 2000.
- Friedman Thomas L*. *The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization*. New York: Ferrar, Straus and Giroux, 1999.
- Fuller C.J.*, ed. *Caste Today*. Delhi: OUP, 1997.
- Galanter Mark*. *Competing Equalities: Law and the Backward Classes in India*. Berkeley: University of California Press, 1984.
- Gandhi Indira*. *Aspects of our Foreign Policy*. New Delhi: Government of India, 1973.

- Gandhi Indira*. Democracy and Discipline. Speeches of Shrimati Indira Gandhi. New Delhi: Government of India, 1975.
- Gandhi Indira*. Selected Speeches. January 1966–August 1969. New Delhi: Government of India, 1971.
- Gandhi Indira*. Selected Speeches and Writings of Indira Gandhi. Vol. III (September 1972–March 1977). New Delhi, Government of India, 1984.
- Gandhi Indira*. The Years of Endeavour. Selected Speeches of Indira Gandhi. August 1969–August 1972. New Delhi: Government of India, 1975.
- Gandhi M.K.* The Science of Satyagraha. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1962.
- Gandhi Rajiv*. Indian National Congress: 100 years – the milestones. New Delhi: Publications Division, 1985.
- Gandhi Sonia*, ed. Gandhi Indira and Jawaharlal Nehru. Freedom's Daughter: Letters between Indira Gandhi and Jawaharlal Nehru, 1922–39. London: Hodder and Stoughton, 1989.
- Gandhi Sonia*. Rajiv. New Delhi: Penguin Books, 1994.
- Gelb Lesley H.* Power Rules: How Common Sense Can Rescue American Foreign Policy. New York: Harper Collins, 2009.
- Ghosh Atulya*. The Split. Calcutta: Jayanti, 1970.
- Ghose Aurobindo*. The Doctrine of Passive Resistance. Calcutta, 1948.
- Ghose Sankar*. Political Ideas and Movements in India. Calcutta: Allied Publishers, 1975.
- Ghose Sankar*. Socialism, Democracy and Nationalism in India. Calcutta: Allied Publishers, 1973.
- Ghose Sankar*. Socialism and Communism in India. Calcutta: Allied Publishers, 1971.
- Ghose Sankar*. The Renaissance to Militant Nationalism in India. Calcutta: Allied Publishers, 1969.
- Ghosh K.K.* The Indian National Army – The Second Front of the Indian Independence Movement. Meerut, 1969.
- Ghosh Kalicharan*. The Roll of Honour – Anecdotes of Indian Martyrs. Calcutta, 1965.
- Gowalkar M.S.* Bunch of Thoughts. Bangalore: Jagrana Prakashan, 1966.
- Gowalkar M.S.* Why Hindu Rashtra? Bangalore: Kesari Press, 1962.

Gopal Ram. Indian Muslims. A Political History (1858–1947). Bombay: Asia Publishing House, 1959.

Gopal S., ed. Anatomy of a Confrontation: The Babri Masjid–Ramjanmabhumi Issue. New Delhi: Penguin, 1990.

Gopal Sarvepalli. Jawaharlal Nehru. A Biography. In 3 vols. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976–1984.

Gorringe Hugo. Untouchable Citizens: Dalit Movements and Democratisation in Tamil Nadu. New Delhi: Sage, 2005.

Gould H.A. and Ganguly S., eds. The Hope and Reality: US–Indian Relations from Roosevelt to Reagan. Boulder: Westview Press, 1992.

Goyal Desh Raj. Rashtriya Swayamsevak Sangh. New Delhi: Radha Krishna Prakashan, 1979.

Great Britain. Cabinet Mission to India. Papers Relating to the Cabinet Mission to India 1946. London: His Majesty's Stationery Office, 1946.

Guha Ramachandra. India after Gandhi. The History of the World's Largest Democracy. New Delhi: Picador, 2007.

Guha S. The Mahatma Gandhi and the Netaji. Two Men of Destiny of India. New Delhi: Sterling Publishers, 1986.

Guha Thakurta Paranjoy, Raghuraman Shankar. Divided we Stand: India in a Time of Coalitions. New Delhi: Sage Publications, 2007.

Gundevia Y.D. Outside the Archives. New Delhi: Sangam Books, 1984.

Gupta Giri Raj, ed. Cohesion and Conflict in Modern India. New Delhi: Vikas Publishing House, 1978.

Gupta S.K. The Scheduled Castes in Modern India. Their Emergence as a Political Power. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1985.

Gupta S.P. Mid-Year Review of the Economy 1995–96. Delhi: Konark Publishers, 1996.

Haksar P.N. India's Foreign Policy and its Problems. New Delhi: Patriot Publishers, 1989.

Halappa G.S., ed. Dilemmas of Democratic Politics in India. Bombay: Maaktalas, 1966.

Hamid Shahid. Disastrous Twilight: A Personal Record of the Partition of India. London: Leo Cooper/Secker and Warburg, 1986.

Harrison Selig S. India: The Most Dangerous Decades. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1960.

- Hasan Mushirul*, ed. *Inventing Boundaries. Gender, Politics and the Partition of India*. New Delhi: OUP, 2002.
- Hasan M.* *Legacy of a Divided Nation: India's Muslims since Independence*. New Delhi: OUP, 2001.
- Hauner Milan.* *India in Axis Strategy. Germany, Japan, and Indian Nationalists in the Second World War*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981.
- Heimsath C.H.* *Indian Nationalism and Hindu Social Reform*. Princeton: Princeton University Press, 1964.
- Henningham Stephen.* *Peasant Movement in Colonial India 1917-42*. Canberra, 1982.
- Hess Gary.* *America Encounters India, 1941-1947*. Baltimore: John Hopkins, 1971.
- Hiro Dilip.* *Blood of the Earth. The Battle for the World's Vanishing Oil Resources*. New York: Nation Books, 2007.
- Hutchins F.G.* *India's Revolution. Gandhi and the Quit India Movement*. Cambridge, Mass, 1973.
- Hoffman Steven A.* *India and the China Crisis*. Berkeley: University of California Press, 1990.
- Horn Robert C.* *Soviet-Indian Relations. Issues and Influences*. New York: Praeger, 1982.
- Human Development Report 2003. Published for the United Nations Development Programme. New York, Oxford: OUP, 2003.
- Ilaiah Kancha.* *Why I am not a Hindu: A Sudra Critique of Hindutva Philosophy, Culture and Political Economy*. Calcutta: Mandira Sen for Samya, 2002.
- INC(I). *Minutes of the All India Congress Committee Meeting*. Bombay, 20-21st October, 1983. New Delhi, 1983.
- INC(I). *The Centenary Resolve*. Bombay, 1985.
- India: *Vision 2020. The Report plus Background Papers*. Planning Commission. New Delhi: Government of India, 2004.
- Inoguchi Tarashi, Newman Edward, and Keane John*, eds. *The Changing Nature of Democracy*. Tokio, New York, Paris, 1998.
- Irshchik E.F.* *Politics and Social Conflict in South India: The Non-Brahman Movement and Tamil Separatism 1916-29*. California, 1969.
- Iyer V.K.Krishna.* *Dr Ambedkar and the Dalit Future*. Delhi: B.R. Publishing Corporation, 1990.

Jackson Robert. South Asian Crisis: India, Pakistan and Bangladesh. New York: Praeger, 1975.

Jaffrelot Christophe. India's Silent Revolution. The Rise of the Low Castes in North Indian Politics. New Delhi: Permanent Black, 2003.

Jaffrelot Christophe. The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics, 1925 to the 1990s. New Delhi: Penguin India, 1999.

Jawaid M.A., Jehangir K.N., Bose Sh., eds. Minorities of India. Problems and Prospects. New Delhi: ICSSR, Manak Publications, 2007.

Jayakar Pupul. Indira Gandhi: An Intimate Biography. New York: Pantheon Books, 1993.

Jondhale Surendra and Beltz Johannes, eds. Reconstructing the World: B.R. Ambedkar and Buddhism in India. New Delhi: OUP, 2004.

Jordens J.T.F. Swami Shradhananda: His Life and Causes. Delhi: OUP, 1981.

Kalam A.P.J. Abdul with Rajan Y.S. India 2020. A Vision for the New Millennium. New Delhi: Penguin Books, 1998.

Kalhan Promilla. Kamala Nehru. An Intimate Biography. New Delhi: Vikas Publishing House, 1973.

Kannan K.P. Of Rural Proletarian Struggles: Mobilization and Organization of Rural Workers in South-West India. Delhi: OUP, 1988.

Karat Brinda. Survival and Emancipation. Notes from Indian Women's Struggles. New Delhi: Three Essays Collective, 2005.

Katju Manjari. Vishva Hindu Parishad. New Delhi: Orient Longman, 2003.

Kaura Uma. Muslims and Indian Nationalism. Delhi, 1977.

Kaushik P.D. The Congress Ideology and Programme (1920–1985) (The Ideological Foundation of INC under Gandhian Leadership and After). New Delhi: Gitavanali, 1986.

Keer Dhananjay. Dr. Ambedkar. Life and Mission. Bombay: Popular Prakashan, 1981.

Keer Dhananjay. Mahatma Jotirao Phooley, Father of the Indian Social Revolution. Bombay: Popular Prakashan, 1974.

Khan Maulana Wahiduddin. Woman Between Islam and Western Society. New Delhi: Al-Risala Books, 1995.

Khan Rasheeduddin. Bewildered India: Identity, Pluralism, Discord. New Delhi: Har-Anand, 1994.

- Kissinger Henry*. White House Years. Boston: Little Brown, 1979.
- Klass Morton*. Caste: Emergence of the South Asian Social System. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1980.
- Kochanek S.A.* The Congress Party of India: The Dynamics of One-Party Democracy. Princeton: Princeton University Press, 1968.
- Kohli Atul*. Democracy and Discontent: India's Growing Crisis of Governability. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Kothari Rajni*. State against Democracy. In Search of Humane Governance. New Delhi: Ajanta Publications, 1988.
- Kripalani J.B.* Gandhi. His Life and Thought. New Delhi: Publication Division, Government of India, 1975.
- Kumar Radha*. The History of Doing. An Illustrated Account of Movements for Women's Rights and Feminism in India 1800–1990. New Delhi: Zubaan, 2007.
- Kumar Ravinder*. Essays in the Social History of Modern India. Calcutta: OUP, 1986.
- Kumar Ravinder*. The Making of a Nation: Essays in Indian History and Politics. New Delhi: OUP, 1989.
- Kuppuswamy B.* Social Change in India. Delhi: Konark Publishers, 1996.
- Kux Dennis*. India and the United States: Estranged Democracies 1941–1991. Washington. D.C.: National Defense University Press, 1993.
- Kux Dennis*. The United States and Pakistan 1947–2000. Disenchanted Allies. Baltimore, Maryland: The John Hopkins University Press, 2001.
- Lateef Shahida*. Muslim Women in India: Political and Private Realities. New Delhi: Zed Book, 1990.
- Lebra J.S.* Jungle Alliance, Japan and the Indian National Army. Singapore, 1971.
- Liddle Joanna and Joshi Rama*. Daughters of Independence: Gender, Caste and Class in India. New Delhi: Kali for Women, 1986.
- Lieten G. K.* The First Communist Ministry in Kerala 1957–9. Calcutta, New Delhi, 1982.
- Limaye Madhu*. Janata Party Experiments: An Insider's Account of Opposition Politics. Vol. 1. Delhi: B.R.Publishing Corporation, 1994.
- Linz Juan J. & Stepan Alfred*. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1996.

- Lipset Seymour Martin.* American Exceptionalism. A Double-Edged Sword. New York–London: W.W. Norton & Company, 1997.
- Luce Edward.* In Spite of the Gods: The Strange Rise of Modern India. New York, London: Doubleday, 2007.
- Ludden David,* ed. Making India Hindu: Religion, Community, and the Politics of Democracy in India. New Delhi: OUP, 1996.
- Madhok Balraj.* Indianisation. New Delhi: Hind Pocket Books (P) Ltd., 1970.
- Mahajan V.D.* The Nationalist Movement in India. New Delhi: Sterling Publishers Pvt Ltd, 1979.
- Majumdar R.C.* History of the Freedom Movement in India. In 3 vols. Calcutta: Mukhopadhyay, 1962–1963.
- Malavia K.D.* Democracy and Socialism. Draft Resolution for the 68th Session of the Indian National Congress at Bhubaneshwar. New Delhi (s.a.)
- Malhotra Inder.* Dynasties of India and Beyond. New Delhi: Harper Collins, 2003.
- Malhotra Inder.* Indira Gandhi. A Personal and Political Biography. London, Sydney, etc.: Hodder&Stoughton, 1989.
- Masani M.R.* Why Swatantra? Bombay, 1967.
- McKean Lise.* Divine Enterprise: Gurus and Hindu Nationalist Movement. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Mehta Asoka.* Democratic Socialism. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1959.
- Mellor John W.,* ed. India: A Rising Middle Power. Boulder, Colorado: Westview Press, 1979.
- Menon K.P.S.* Russia Revisited. New Delhi: Vikas Publications, 1971.
- Menon K.P.S.* The Flying Troika. London: OUP, 1963.
- Menon K.P.S.* Yesterday and Today. New Delhi: Allied Publishers, 1976.
- Menon V.P.* The Story of the Integration of Indian States. Bombay: Orient Longmans, 1956.
- Menon V.P.* The Transfer of Power in India. Bombay: Orient Longmans, 1957.
- Mishra D.P.* The Nehru Epoch. From Democracy to Monarchy. New Delhi: Vikas Publishing House, 1978.
- Misra B.B.* The Unification and Division of India. Delhi: OUP, 1990.

- Misra K.P.* Nonaligned Movement India's Chairmanship. New Delhi: Lancers Books, 1987.
- Mohan C. Raja.* Crossing the Rubicon: The Shaping of India's New Foreign Policy. New York : Palgrave Macmillan, 2004.
- Mohan C. Raja.* Impossible Allies. Nuclear India, United States and the global order. New Delhi: India Research Press, 2006.
- Moinihan Daniel P., Weaver Suzanne.* A Dangerous Place. Boston: Little, Brown, 1978.
- Mukerjee Hiren.* Gandhi, Ambedkar and the Extirpation of Untouchability. New Delhi: People's Publishing House, 1982.
- Mukherjee Hiren.* Who Fought for India's Freedom? New Delhi: PPH, 1984.
- Murrey Williamson, Millett Allan.* A War to be Won. Fighting the Second World War. Cambridge, Massachusetts, and London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2000.
- Murshedd Tazeen Mahnaz.* The Sacred and the Secular. Bengal Muslim Discourses 1871–1977. Delhi: OUP, 1995.
- Murugkar Lata.* Dalit Panther Movement in Maharashtra: A Sociological Appraisal. Bombay: Popular Prakashan, 1991.
- Muzaffar Ahmed.* Communist Party of India and its Formation Abroad. Calcutta, 1962.
- Nadakarni M.V.* Farmers' Movements in India. New Delhi: Allied Publishers, 1987.
- Namboodiripad E.M.S.* A History of Indian Freedom Struggle. Trivandrum: Social Scientist Press, 1986.
- Namboodiripad E.M.S.* Nehru: Ideology and Practice. New Delhi: National Book Centre, 1988.
- Nanda B.R.* Jawaharlal Nehru: Rebel and Statesman. New Delhi: OUP, 1995.
- Nanda B.R.* Mahatma Gandhi. A Biography. London: Unwin Books, 1959.
- Nanda B.R., ed.* Socialism in India. Delhi: Vikas, 1972.
- Narain Iqbal.* State Politics in India. New Delhi: Meenakshi Prakashan, 1976.
- Narayan J.P.* Nation Building in India. Bombay: Navachetna Prakashan, 1975.
- Narayan J.P.* Socialism, Sarvodaya and Democracy. Bombay, Calcutta: Asia Publishing House, 1964.

- Nayar Kuldip*. The Judgement. Inside Story of the Emergency in India. New Delhi: Vikas Publishing House Pvt Ltd., 1977.
- Nayar Kuldip, Singh Khushwant*. Tragedy of Punjab. Operation Bluestar and After. New Delhi: Vision Books, 1984.
- Naxalbari and After. A "Frontier" Anthology. Two Volumes. Calcutta, 1978.
- Nehru B.K.* Nice Guys finish Second. New Delhi: Viking, 1997.
- Nehru J.* A Bunch of Old Letters. New York: Asia Publishing House, 1960.
- Nehru Jawaharlal*. Congressmen's Primer for Socialism (A Compilation). New Delhi: All India Congress Committee (1965) 1976.
- Nehru J.* India's Foreign Policy. Selected Speeches, September 1946–April 1961. Delhi: The Publication Division, 1961.
- Nehru J.* India's Independence and Social Revolution (Collection of addresses and reports). New Delhi: AICC(I), 1984.
- Nehru J.* Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. 1–5. New Delhi: Government of India. 1957–1968.
- Nehru J.* Letters to Chief Ministers 1947–1964. 5 vols. New Delhi: J.Nehru Memorial Fund, 1985–9.
- Nehru J.* Nehru on Communalism. New Delhi: Sampradyikta Virodhi Committee. 1965.
- Nehru J.* Selected Works of Jawaharlal Nehru, 1st series. New Delhi: Orient Longman, 1972–1982 (Vol. 1–14).
- Nehru Speaks. New Delhi: Congress Forum for Socialist Action, 1972.
- Nehru Motilal*. The Voice of Freedom. Bombay: Asia Publishing House, 1961.
- Nizami K.A.*, ed. Sir Syed Speaks to You. Aligarh: Aligarh Muslim University, 1968.
- Nossiter T.J.* Communism in Kerala: A Study in Political Adaptation. London: C.Hurst, 1982.
- O'Hanlon Rosalind*. Caste, Conflict, and Ideology: Mahatma Jotirao Phule and Low Caste Protest in Nineteenth-century Western India. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Omvedt Gail*. Cultural Revolt in a Colonial Society: The Non-Brahman Movement in Western India, 1873 to 1930. Bombay: Scientific Socialist Education Trust, 1976.

- Omvedt Gail.* Dalits and the Democratic Revolution: Dr. Ambedkar and the Dalit Movement in Colonial India. New Delhi: Sage Publications, 1994.
- Panandiker V.A.Pai,* ed. The Politics of Backwardness. Reservation Policy in India. New Delhi: Konark Publishers, 1997.
- Pande B.N.,* gen. ed. All India Congress Committee (I). A Centenary History of the Indian National Congress (1885–1985). 5 vols. New Delhi: Vikas Publishing House Private Limited, 1985.
- Pandey B.N.,* ed. The Indian Nationalist Movement, 1885–1947. Select Documents. Delhi, Bombay, Calcutta: The Macmillan Company of India Ltd., 1979.
- Pandey Gyanendra.* Remembering Partition: Violence, Nationalism and History in India. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Pandit Vijaya Lakshmi.* The Scope of Happiness: A Personal Memoir. New York: Crown, 1979.
- Pattabhiram M.,* ed. General Election in India 1967. New Delhi: Allied Publishers, 1967.
- Paul Sharda.* 1977 General Elections in India. New Delhi: Associated Publishing House, 1977.
- Perkovich George.* India's Nuclear Bomb. Berkeley: University of California Press, 1999.
- Philips C.H. and Wainright M.D.,* eds. The Partition of India. Policies and Perspectives, 1935–1947. London: George Allen and Unwin, 1970.
- Pirzada S. Sh.,* ed. Foundations of Pakistan. All India Muslim League Documents: 1906–1947. Vol. I, 1906–1924. Karachi: 1969–1970.
- Porter Bernard.* Empire and Superempire: Britain, America and the World. New Haven: Yale University, 2006.
- Prasad B.,* ed. India and the War. Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War. New Delhi, 1963.
- Punalekar S.P.* Aspects of Class and Caste in Social Tensions: A Study of Maharashtra Riots. Surat: Centre for Social Studies. 1981.
- Purandare Vaibhav.* The Sena Story. Mumbai: Business Publications, 1999.
- Rai Lajpat.* Unhappy India. Delhi: Anmol Publications, (1928) 1985.
- Ram Jagjivan.* Caste Challenge in India. New Delhi: Vision Books. 1980.
- Ray Baren,* ed. Gandhi's Campaign Against Untouchability, 1933–1934. An Account from the Raj's Secret Official Reports. New Delhi: Gandhi Peace Foundation, 1996.

Ray N.R., Joshi / Dutt Kalpana and others, eds. *Challenge. A Saga of India's Struggle for Freedom*. New Delhi: PPH, 1984.

Report of the Backward Classes Commission. New Delhi. Publication Division, Government of India, 1980.

Report of the Committee on the Status of Women in India. New Delhi: Ministry of Education and Social Welfare, 1974.

Ross A. *The Emissary*. G.D. Birla, Gandhi and Independence. London: Collins Harvill, 1986.

Rotter A.J. *Comrades at Odds: The United States and India, 1947–1964*. Ithaca: Cornell University Press, 2000.

Roy M.N. *M.N.Roy's Memoirs*. Bombay, New York: Allied Publishers, 1964.

Roychoudhury Profulla. *West Bengal – A Decade (1965–1975)*. Calcutta: Boipatra, 1977.

Rudolph Lloyd, Susanne Hoerber Rudolph. *Explaining Indian Democracy: A Fifty-Year Perspective, 1956–2006* (Vol. 1. *The Realm of Ideas: Inquiry and Theory*; Vol. II. *The Realm of Institutions: State Formation and Institutional Change*; Vol. III. *The Realm of the Public Sphere: Identity and Policy*). New Delhi: OUP, 2008.

Roosevelt Elliot. *As we saw It*. New York: Duel, Sloan, and Pearce, 1946.

Saha Panchanan. *History of the Working Class Movement in Bengal*. New Delhi: PPH, 1978.

Santhanam K. and the IDSA Insight Team. *Iraq War 2003. Rise of the New "Unilateralism"*. New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, 2003.

Santhanam K., Kandapalli Srikanth, eds. *Asian Security and China 2000–2010*. Institute for Defence Studies and Analyses. New Delhi: Shipra, 2005.

Sardesai S.G. *India and the Russian Revolution*. New Delhi: CPI Publication, 1967.

Sardesai S.G. Bose Dilip. *Marxism and the Bhagvat Geeta*. New Delhi: PPH, 1982.

Sarkar Sumit. *Modern India 1885–1947*. Delhi: Macmillan India Ltd., 1984.

Sarkar Sumit. *Towards Freedom. Part 1*. New Delhi: OUP, 2007.

Sarkar Sumit, ed. *Towards Freedom: Documents on the Movement for Independence in India, 1946, Part 2*. Indian Council of Historical Research. New Delhi: OUP, 2008.

- Selbourne David*. *An Eye to India. The Unmasking of a Tyranny*. New Delhi: Penguin Books, 1977.
- Sen Amartya*. *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. London: OUP, 1981.
- Sen Amartya*. *The Argumentative Indian: Writings on Indian Culture, History and Identity*. New Delhi: Penguin Books, 2005.
- Seshadri Kandadai*. *Studies in Indian Polity*. New Delhi: Uppal Publishing House, 1986.
- Shah Ghanshyam*, ed. *Caste and Democratic Politics in India*. New Delhi: Permanent Black, 2002.
- Shastri Sandeep, K.C.Suri & Yogendra Yadav*, eds. *Electoral Politics in Indian States: Lok Sabha Elections in 2004 and Beyond*. New Delhi: OUP, 2009.
- Shirer W. L.* *The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany*. London: Pan Books Ltd. 1960.
- Singh A.* *The Origins of the Partition of India. 1936–1947*. Bombay: OUP, 1987.
- Singh Iqbal*. *Indian National Congress: A Reconstruction*. Vol. I: 1885–1918. New Delhi: Manohar, 1987.
- Singh Iqbal*. *Indian National Congress. A Reconstruction*. Vol. II: 1919–1923. New Delhi: Manohar, 1988.
- Singh Jasjit and Vecaric V.*, eds. *Non-Provocative Defence: The Search for Equal Security*. New Delhi: Lancer International, 1989.
- Singh Karan*. *Prophet of Indian Nationalism, A Study of the Political Thought of Sri Aurobindo (1893–1910)*. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1967.
- Singh Mahavir*, ed. *International Terrorism and Religious Extremism. Challenges to Central and South Asia*. New Delhi: Anamika Publishers, 2004.
- Singh Parwant and Malik Harji*, eds. *Punjab: The Fatal Miscalculation*. New Delhi: 1985.
- Singh Sarila Narendra*. *The Shadow of the Great Game: The Untold Story of India's Partition*. New Delhi: HarperCollins, 2005.
- Singh Yogendra*. *Social Stratification and Change in India*. New Delhi: Manohar, 1997.
- Sisson R. and Wolpert S.*, eds. *Congress and Indian Nationalism: The Pre-Independence Phase*. Delhi: OUP, 1986.

Smith Donald Eugene. India as a Secular State. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963.

Spear P. The Oxford History of Modern India. London: OUP, 1965.

Srinivas M.N., ed. Caste: Its Twentieth Century Avatar. New Delhi: Viking, 1996.

Subramanyam K., ed. India and the Nuclear Challenge. New Delhi: Lancer International, 1986.

Talbot Strobe. Engaging India. Diplomacy, Democracy and the Bomb. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 2004.

Tendulkar D.G. Mahatma: Life of Mohandas Karamchand Gandhi. 8 vols. Delhi: The Publications Division. Ministry of Information and Broadcasting. Government of India (Reprinted Oct. 1969).

Thakur Janardan. All the Janata Men. New Delhi, Bombay: Vikas Publishing House Pvt. Ltd., 1978.

The Constitution of India. With Selective Comments by P.M.Bakshi. New Delhi: Universal Law Publishing Co., 2000.

The World Almanac and Book of Facts 2007. New York: World Almanac Books, 2007.

Tunzelmann Alex von. Indian Summer. The Secret History of the End of An Empire. New York: Henry Holt and Company LLC, 2007.

Vanhanen Tatu. The Process of Democratization. A Comparative Study of 147 states: 1980–88. New York: Crane Russak, 1990.

Vanina Eugenia, ed. Indian History. A Russian Viewpoint. New Delhi: Pragati Publications, 2003.

Varadarajan Siddharth, ed. Gujarat: The Making of a Tragedy. New Delhi: Penguin Books, 2002.

Varma Pavar K. The Great Indian Middle Class. New Delhi: Penguin Books, 2007.

Vasudev Uma. Indira Gandhi. Revolution in Restraint. Delhi, Bombay: Vikas Publishing House Pvt Ltd, 1974.

Venkataramani M.S. and Shrivastava B.K. Quit India. The American Response to the 1942 Struggle. New Delhi: Vikas, 1979.

Vivekananda. Selections from Swami Vivekananda. Calcutta: Advaita Ashrama, 1975.

Vivekananda. The Complete Works. Vol. III. Calcutta: Advaita, 1948.

Weiner Myron. India at the Polls, 1980. A Study of Parliamentary Elections. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers, 1984.

Weiner Myron, Field John Osgood, eds. Studies in Electoral Politics in the Indian States. In 4 vols. Delhi: Manohar Book Service (1975–1977).

White Paper on Ayodhya. New Delhi: Government of India Press. February 1993.

White Paper on the Punjab Agitation. New Delhi: Government of India Press, 1984.

Wilkins W.J. Modern Hinduism. The Religion and Life of the Hindus. Delhi: Book Faith India, (1887) 1999.

Wolpert S. Nehru: A Tryst with Destiny. New York: OUP, 1996.

Wolpert Stanley. A New History of India. New York, Oxford: OUP, 2000.

Yadav K.C., ed. From Periphery to Centre Stage. Ambedkar, Ambedkarism and Dalit Future. New Delhi: Manohar, 2000.

Yadav K.C. India's Unequal Citizens. A Study of Other Backward Classes New Delhi: Manohar, 1994.

Yurlov F.N. Challenges of a Globalized and Unipolar World // World Affairs. The Journal of International Issues. New Delhi, Autumn 2006, Vol. 10, № 3.

Yurlov F.N. Diaspora: Experience of Indian Diaspora for Russia // A Journal of Eurasian Foundation. New Delhi, Summer 2008, Vol. 2, № 2.

Yurlov Felix. India: Democracy and Formation of a Multiparty System // International Congress of Asian and North African Studies XXXVII. Vol. III, M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2007.

Yurlov F.N. New Asia: Development and Globalisation // Singh M. (ed.). Building a New Asia. New Delhi: Shipra, 2005.

Yurlov F.N. Russia and India: Facing Together the Partnership Challenge // P.L. Dash, Andrei M.Nazarkin (eds). Indo-Russian Diplomatic Relations. Sixty Years of Enduring Legacy. Delhi: Academic Excellence, 2008.

Yurlov F.N. Russia and India: Partners in World Politics // India and Russia: Strategic Synergy Emerging. Delhi: Authorpress, 2007.

Yurlov Felix N. Shifting Patterns in the New World Order // World Affairs. New Delhi. 1998, January–March.

Yurlov F. The Social Cost of Globalization // Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences. Vol. 33, 2002, Number 3.

Yurlova E.S. Emergence of Scheduled Castes as a Political Power // K.S.Singh (ed.). Ethnicity, Caste and People. New Delhi: Manohar, 1992.

Yurlova E. S. Scheduled Castes in India. New Delhi: Patriot Publishers, 1990.

Yurlova E.S. Social Equality and Democracy in Ambedkar's Understanding of Buddhism // Jondhale Surendra and Beltz Johannes (eds). Reconstructing the World: B.R.Ambedkar and Buddhism in India. New Delhi: OUP, 2004.

Yurlova E.S. The Indian Untouchables: from Subordination to Empowerment // International Congress of Asian and North African Studies XXXVII. Vol. III, M.: Institute of Oriental Studies RAS, 2007.

Zelliot Eleanor. From Untouchable to Dalit. Essays on the Ambedkar Movement. New Delhi: Manohar, 1996.

Указатель имен собственных

- Абдулла, Шейх Мухаммед, 293, 294
Абдулла, Фарук, 389
Ага Хан III, 67, 68
Агаркар, Гопал Ганеш, 33
Агнивеш, Свами, 425
Агнихотри, Рама Кант, 310
Адвани, Лал Кришна, 351, 377, 398,
400, 417, 418, 459, 463, 469, 472,
474, 492, 499, 513, 761, 773
Адхиари Г., 170
Азад, Абул Калам, 67, 81, 118, 127,
153, 188, 238, 246, 257, 258, 263, 276
Айер, Субраманья Дж., 29
Айюб Хан, Мухаммад, 345, 663,
666–669
Айянгар, Сринивас, 173
Айянкали, 27
Айяр, В. Кришна, 370, 384
Айяр, Рамасвами, 279
Акбар, Мухаммад, 164
Александр А.В., 260
Али, Аруна Асаф, 177, 246,
Али, Асаф, 267, 614, 660
Али, Мохаммед, 116, 136, 163, 184
Али, Шаукат, 116
Амбедкар, Бхимрао Рамджи, 145,
151, 152, 155, 179, 182, 186, 187,
191, 207, 237, 243, 268, 295, 297,
328, 420, 425–429
Андерсон, Уоррен, 392
Аннан, Кофи, 590, 591
Ансари М.А., 97, 103, 127, 153, 193
Армитадж, Ричард, 752
Ахлувалия, Монтек, 524
Ахмед, Музаффар, 165, 170
Ахмед, Фахруддин Али, 371, 375
Ачарья, М.Р.Б.Т., 163
Ашраф К.М., 210
Багерхатта Дж.П., 165
Баджадж, Джамнаалал, 195
Баджаи Г.Ш., 659
Бак, Перл, 659
Балайоги Г.М., 466
Банди, Джордж, 670
Банерджи, Джатиндранатх, 47
Банерджи, Мамага, 512
Банерджи, Сурендранатх, 29, 34, 36, 85
Баннерджи, Мохан Чандер, 29
Бардоли Н.Ч., 173
Бари, Абдул, 97
Баркатулла, Маулана, 78, 163
Баркли, Эбен, 661
Барлоу, Ричард, 738
Барроуз, Фредерик, 272
Баруа, Дев Кант, 373
Басу Б.Н., 72, 73
Басу, Джьоти, 392, 464
Басу, Санкари Прасад, 56
Бег, Аслам, 738
Бедкар, Вишрам, 425
Безант, Энни, 41, 79, 80, 82, 83, 93,
97, 110, 158
Бейкер, Джеймс, 707
Билграми, Саед Хусейн, 67
Бирден, Милт, 703
Биркенхед, 131, 132, 152, 173
Бирла К.К., 348
Бирла, Гханшьям Дас, 102, 186, 187,
193, 206, 291

- Блаватская Е.П., 41
 Блэр Т., 707
 Богра, Мухаммед Али, 663
 Боннерджи, Ромеш Чандер, 29, 30, 32
 Бос Дж.Ч., 195
 Бос, Анандамохан, 29
 Бос, Бхупендранат, 64
 Бос, Кхудирам, 49
 Бос, Раш Бехари, 76, 254
 Бос, Сарат Чандра, 208, 267
 Бос, Субхас Чандра, 119, 122, 130, 155, 156, 158–160, 162, 173, 174, 180, 181, 184, 192, 194, 196, 197, 199, 201, 206, 213–215, 220, 221, 236, 239, 248–252, 254–256
 Брар Р.С., 389
 Брежнев Л.И., 627, 629, 634, 689, 694
 Булганин Н.А., 618, 619, 627
 Буш, Джордж (младший), 591, 647, 678–680, 700, 703, 707, 708, 716, 752, 755, 756, 758, 760
 Буш, Джордж (старший), 702
 Бхабха, Хормесджи, 267
 Бхаве, Ачарья Виноба, 324
 Бхат, Махадев, 56
 Бхатгачария, Абхинаш Чандра, 83
 Бхиндранвале, Джарнаил Сингх, 386–389, 401
 Бхутто, Беназир, 738
 Бхутто, Зульфикар Али, 629, 693, 695, 737
 Бэмфорд П.Ч., 120
 Бэрнс, Николас, 762
 Ваджпаи, Атал Бихари, 329, 341, 353–355, 372, 375–377, 418, 462–464, 467–472, 475, 476, 478, 483, 485, 486, 490, 493–495, 498, 499, 580, 608, 630–632, 637, 646, 677–679, 696, 697, 703, 744, 745, 748–751
 Варма, Пхулан Прасад, 198
 Вашингтон, Джордж, 509, 623, 657
 Венкатараман, 318
 Вивекананда, Свами, 19–21, 45, 197
 Виджаярагхавачария, 103
 Видьянанд, Свами, 107, 108
 Вираргхачавари, 29
 Гали, Бутрос Б., 589
 Гангули, Дварканатх, 29
 Ганди, Варун, 517
 Ганди, Девадас, 176, 182, 187
 Ганди, Индира, 177, 196, 336–338, 343–346, 348, 356–359, 361, 362, 365–375, 378–384, 387–391, 393, 410, 411, 414, 442, 453, 473, 477, 479, 480, 500, 505, 506, 517, 523, 531, 544–546, 578, 579, 584, 585, 618, 628–630, 633, 634, 666, 672, 674, 690, 692–694, 725, 734, 736, 737
 Ганди, Кастурба, 87, 184,
 Ганди, М. К. (Махатма), 5, 14, 41, 48, 53, 64, 73, 86–126, 128–130, 133, 136, 137, 141, 142, 147–152, 154–160, 163, 168, 169, 172–178, 180–193, 195, 197–199, 201, 206–209, 213–215, 225–227, 230, 234, 236, 238, 239, 241–246, 248, 252, 256–258, 262, 263, 265, 266, 268–270, 272, 275, 277, 279, 280, 282, 285, 287, 288, 290–292, 295, 296, 309, 316, 324, 325, 327, 357, 374, 391, 437, 446, 449, 453, 489, 583, 657, 734
 Ганди, Приянка, 477
 Ганди, Раджив, 383, 384, 390–392, 393–398, 400–404, 413, 431, 454, 464, 465, 477, 500, 512, 579, 639, 696, 739, 743, 759
 Ганди, Рахул, 477, 512, 516, 517
 Ганди, Санджай, 365, 366, 371–373, 375, 379, 383, 386, 517
 Ганди, Соня, 98, 403, 431, 432, 446, 466, 471, 472, 475–477, 494, 500, 501, 507, 512, 515, 517

- Ганди, Фероз, 338, 391
 Гардинер, Сэм, 705
 Гоуда, Деве, 464, 465, 742
 Гейтс, Билл, 564
 Геншер, Ганс-Дитрих, 748
 Георг V, 64, 76
 Георг VI, 614
 Геринг Г., 222
 Гитлер Адольф, 216, 220–222, 227, 251
 Гленн, Джон, 742
 Говил, Сурен, 716
 Годсе, Натурам Винаяк, 292, 489
 Гокхале, Гопал Кришна, 5, 33, 34, 36, 39, 40, 56, 62, 64, 79, 91, 92, 124
 Голвалкар, Мадхав Садашив, 139, 210, 311, 327, 328, 341
 Горбачев М.С., 639
 Горе Н. Г., 200
 Горе Т. Дж., 198
 Грант У., 451
 Громько А.А., 631, 633, 692
 Гру, Джозеф, 659
 Гуджрал, Индер Кумар, 465, 536, 707, 742
 Гупта, Индраджит, 465
 Гупта, Налини, 165
 Гупта, Нерамба, 78
 Гурусвами, Нараяна, 27
 Гхате С.В., 165, 170
 Гхисингх, Субхаш, 401
 Гхош, Аджой Кумар, 161, 162, 331
 Гхош, Атулья, 358
 Гхош, Ауробиндо, 37, 46–48, 53, 58, 126
 Гхош, Бариндра Кумар, 45, 46, 49
 Гхош, Лалмохан, 29
 Гхош, Пханиндратх, 161
 Гхош, Раш Бихари, 59, 60
 да Сильва, Луис Игнасио Лула, 600
 Дайер 99, 100
 Даллес Дж. Ф., 622, 623, 626, 662, 663, 665
 Данге, Шрипад Амрит, 110, 163, 165, 170
 Дандавате, Мадху, 449
 Дани, Бхаяджи, 329
 Дантвала М.Л., 198
 Дас, Джатин, 161, 162
 Дас, Дурга, 293
 Дас, Пулин, 50
 Дас, Читта Ранджан (Дешбандху), 99, 102., 116–119, 124–126, 128–130, 371
 Датт Р. Ч., 552
 Датт, Батукесвар, 161, 169
 Датт, Ромешчандра, 29
 Датта Б.Н., 78
 Датта, Бупендратх, 46
 Дафферин, Фредерик, 28
 Дева, Ачарья Нарендра, 198, 200, 206, 208, 210, 214
 Девадасан Н., 509
 Десаи, Махадев, 174
 Десаи, Морарджи, 343, 345, 356–370, 372, 375, 376, 379, 630–632, 675, 738
 Десаи, Бхулабхай, 193, 201, 208
 Дешмукх, Нана, 341
 Дешпанде, Нирмала, 420, 421
 Джайн, Милап Чанд, 465
 Джатти Б.Д., 375
 Джаякар М.Р., 134, 153, 159, 187, 268
 Джаярам, Джаялалита, 507
 Джинна, Мухаммед Али, 66, 72, 81, 102, 103, 110, 122, 124, 131, 136, 153, 159, 179, 188, 205, 211, 212, 219, 222, 223, 235, 243, 248, 257, 258, 260, 263, 264, 266, 267, 270, 272, 275, 277, 280, 287, 294
 Джонсон, Линдон, 561, 668–672, 686, 734

- Джоши Дж. В., 29
 Джоши П. Ч., 170
 Джоши С.М., 198
 Джоши, Мурли Манохар, 459–461
 Джоши, Шарад, 394
 Джудео, Дилип Сингх, 487
 Добрынин, А.Ф., 694
 Догру, Прем, 340
 Дубаши, Джай, 436
 Дхармананд, Свами, 107
 Дхебар У.Н., 342, 666
 Дьюи, Томас, 662
 Дэн Сяопин, 632, 699
- Ельцин Б.Н., 639, 747
- Жданов А.А., 616
- Захир, Сайед Али, 267
- Иден, Антони, 625
 Икбал, Мухаммад, 24, 98, 211, 288, 295,
 Имам, Хасан, 96
 Ирвин, Эдвард, 152, 158, 173, 174, 180, 193,
- Кадар, Янош, 627
 Камарадж, Кумарасами, 343, 345, 347
 Какодкар, Анил, 757
 Калам, Абдул, 500, 503, 505, 581, 744
 Канунго, Хемчандра, 49, 50
 Капур, Яшпал, 370
 Каргер, Джеймс, 632, 674, 675
 Карунанидхи М., 465
 Каур, Раджкумари Амрит, 149
 Келкар Н.Ч., 97, 134, 153, 159, 173
 Кеннеди, Джон Ф., 668–670, 684
 Керзон, Джордж, 39, 42, 43, 55, 228
 Кесри, Сигарам, 465
 Кидваи, Рафи Ахмед, 289
- Кинг, Мартин Лютер, 566
 Киплинг, Редьярд, 35, 100, 283
 Кир-Харди, Джеймс, 56
 Киссинджер, Генри, 588, 624, 626, 691, 692, 694, 748
 Клинтон, Билл, 675; 676, 700, 719, 720, 739, 743; 744; 746, 750; 751
 Косыгин А.Н. 345, 632, 688, 689, 692, 695, 724
 Коэн, Уильям, 719, 722
 Крипалани Дж.Б., 89, 92, 193, 206, 277, 279
 Криппс, Стаффорд, 232, 235–237, 244, 260
 Кришна С.М., 607
 Кришнамачари Т.Т., 343, 344
 Кумар, М., 515
 Кумар, Нитиш, 521
 Кунвар, Мехта, 51
 Куреши, Акбар, 164
 Куреши, Шаиб, 156
 Кхалилзад, Залмай, 701
 Кхапарде Г.С., 81, 97, 103
- Лал, Банси, 365
 Лал, Шаду, 68
 Латиф, Абдул, 21
 Ленин В.И., 163, 167
 Ли, Трюгве, 583
 Лиакат Али Хан, 267, 269, 276, 277, 288, 328, 617, 661
 Либерхан, М.С. 462
 Лимайе, Мадху, 378
 Линлитгоу, Виктор, 205, 208, 237
 Ллойд Джордж, Дэвид, 96, 111
 Локханде Н.М., 54
 Лонговал, Сант Сингх, 387, 395
 Лохия, Раммохан, 200
- Мадзини, Джузеппе, 54, 56, 170
 Мадхок, Балрадж, 341, 357
 Майявати, 430, 507

- Макдональд, Джеймс Рамсей, 182, 183, 185, 205
- Макнамара, Роберт, 686, 747
- Малавия, Мадан Мохан, 51, 69, 93, 111, 124, 158, 159, 173, 176, 186
- Маленков Г.М., 618
- Малкани К.Р., 451
- Мандал, Биндешвар Прасад, 407–414, 416, 417, 419, 429, 430, 457, 458
- Мандал, Джогендра Натх, 267
- Манджур, Исмаил, 76
- Мансур, Ферозуддин, 163
- Мао Цзэдун, 350, 632, 691
- Маркс, Карл, 167, 195, 196, 316, 354
- Маршалл, Джордж, 660
- Масани, Мину Р., 339
- Маунтбэттен, Луис, 269–272, 274–282, 287, 288, 290, 294
- Маханга, Прафулла, 395
- Махмуд, Саед, 127
- Медведев, Д.А., 600, 601, 606, 655, 711
- Менон В.П., 292
- Менон К.П.Ш., 613, 614, 616, 618, 619, 626
- Менон С.М., 419
- Менон, В.К.Кришна, 184, 343, 613, 614, 626
- Мехта Дж., 444
- Мехта, Ашок, 198
- Мехта, Кальян, 51
- Мехта, Кунвар, 51
- Мехта, Ферозшах, 28, 36, 56, 124
- Микоян А.И., 622
- Минто, Гилберт, 61–64, 69, 84
- Мираджкар С.С., 170
- Миттер, Прамотх, 47
- Мишра, Баджеш, 518, 637
- Мишра, Лалит Нараян, 369
- Мишра, Чатуранан, 553
- Моди К.К., 536
- Моди, Нарендра, 484, 485, 487, 499
- Моди, Хоми, 192
- Молотов В.М., 610–614
- Монтегю, Эдвин, 72, 82–84, 100, 133, 175
- Морли, Джон, 61, 63, 64, 84
- Мохаммед, Гулам, 663
- Мохани, Хасрат, 117, 165
- Мудалияр, Рамасвами, 583
- Мукерджи, Аджой, 347
- Мукерджи, Пранаб, 435, 716
- Мукерджи, Шьяма Прасад, 138, 272, 290, 295, 327–329, 340
- Мукхерджи, Абани, 163
- Мундже Б.С., 134, 210
- Мурти, Нараяна, 564
- МуССолини, Бенито, 184, 215, 223; 224
- Мушарраф, Первез, 703; 704
- Мьюди, Френсис, 289
- Мэттерс, Леонард, 184
- Нагумо, Тьюити, 232
- Наикер, Е. В. Рамасами (Перияр), 80, 142
- Наир, Н. Говиндан, 334
- Найду, Сароджини, 78, 116, 176, 177, 184, 246
- Намбудирипад Э.М.Ш., 164, 200
- Нанак, гуру, 99,
- Нанда, Гулзарилал, 343–345
- Наороджи, Дадабхаи, 29, 30, 32, 34, 36, 39, 58, 124, 149, 194
- Наороджи, Куршед, 149
- Нараян, Джайпракаш, 198–200, 206, 214, 295, 296, 312, 325, 366, 369, 370, 372, 374, 375, 377, 380
- Нараянан, Кочерил Раман, 451, 465, 471, 533, 550, 696
- Нараянсвами Р., 452
- Насер, Гамаль Абдель, 577, 580, 623, 624
- Наяр, Сушила, 149

- Неру Б.К., 389
- Неру, Джавахарлал, 6, 38, 41, 64, 80, 89, 95, 99, 107, 112, 116, 117, 119–121, 125, 127, 134, 149, 153, 155, 156, 160, 168, 170, 177–180, 182, 184, 192–199, 201, 202, 205–210, 213–219, 224–226, 236–238, 240, 244–246, 248, 256, 258, 263, 266–269, 273, 276–280, 286–288, 290–292, 294–296, 298, 299, 308–311, 314–322, 325, 328, 329, 336, 337, 342–345, 357, 371, 390, 391, 393, 398, 399, 404, 411, 441, 445, 453, 471, 484, 505, 531, 542, 543, 547, 548, 552, 554, 575–577, 580, 584, 591, 592, 610–613, 615–619, 622, 624–627, 657, 658–667, 669, 670, 683–687, 689, 709, 715, 723, 733
- Неру, Камала, 57, 177
- Неру, Мотилал, 51, 103, 109–111, 113, 118, 119, 125–134, 149, 153–156, 158, 159, 168, 172, 176, 180, 181, 185, 371
- Ниведита (Маргарет Нобл), 57
- Ниджалинганпа С., 357, 358
- Никсон, Ричард, 673, 674, 690, 691–695
- Нимбкар Р.С., 110
- Нишгар, Абдул Раб, 267, 277
- Нкрума, Кваме, 577
- Нумани, Шибли, 66
- О’Двайер, 99
- Обама, Барак, 566, 681, 729
- Окинлек, Клод, 271, 273, 288; 294
- Олбрайт, Мадлен, 746
- Олкотт Г.С., 41
- Павар, Шарад, 426, 475, 500, 512, 513, 516
- Пал, Бепин Чандра, 37, 53, 54, 58, 80, 81
- Пан Ги Мун, 591
- Панде, Гьяендра, 289
- Пандит, Виджая Лакшми, 105, 121, 177, 229, 343, 344, 583, 610, 614
- Пант К.Ч., 715
- Пант, Говинд Валлабх, 153, 399
- Пармананда, Бхаи, 138
- Пасван, Рам Вилас, 511
- Патвардан, Ананд, 489
- Патвардхан, Ачют, 198, 200
- Патель, Сардар Валлабхай, 92, 127, 176, 193, 201, 206–208, 246, 257, 266, 269, 271, 275, 278, 280, 290–292, 309, 317, 357, 773
- Патель, Виталбхай, 110, 197
- Патил С.К., 665
- Патил, Пратибха Девисингх, 505–507, 510, 522, 553, 572
- Патнаик, Навин, 512
- Патхак, Соханлал, 76
- Пауэлл, Колин, 703
- Пауэрс, Гари, 667
- Петик-Лоуренс, Ф.У. 258, 260
- Подгорный Н.В., 691
- Прахакаран В., 402
- Пракасам Т., 127
- Прасад, Раджендра, 92, 121, 127, 134, 149, 184, 186, 187, 193, 206, 208, 214, 266, 267, 287, 309, 666
- Пратап, Раджа Махендра, 78
- Престон Л., 450
- Путин В.В., 483, 642, 646, 657, 711, 730, 732
- Пхуле, Джотиба, 25, 26, 54
- Раджагопалачари, Чакраварти, 103, 125, 127, 130, 149, 176, 184, 187, 192, 193, 206, 208, 266, 282, 287, 289, 339
- Раджгуру, Шиврам, 161
- Радхакришнан С., 345, 616, 666

- Рай, Лала Ладжпат, 37, 51, 52, 54, 58, 59, 68, 69, 72, 100, 119, 124, 132, 146, 149, 195
 Рай, Раммохан, 18
 Рай, Сидхарта Шанкар, 371
 Райс, Кондолиза, 700
 Рам, Джагдживан, 192, 267, 375, 379, 429, 515
 Рам, Канши, 423, 428–430
 Рамакришна, Парамахамса, 19, 20, Ранаде, Махадев Говинд, 29, 33, 34, 54, 91, 147, 194
 Рао, Н.Т.Рама, 384, 389
 Рао, Нарасимха, 432, 465, 739, 743
 Раск, Дин, 673
 Рахман, Муджибур, 690, 692
 Редди Н.С., 380
 Редди, Джайпал, 748
 Рекхи, Канвал С., 445
 Ридинг, Руфус, 118, 152
 Рис Т.У., 281
 Ричардс, Франк, 259
 Рой Б.Ч., 193
 Рой, Манабендра Натх, 163
 Роллан, Ромен, 169
 Рузвельт Ф.Д., 222, 233, 234, 237, 240, 241, 610, 614, 658, 659
 Рэдклифф, Сирил, 281; 288; 289

 Саваркар, Винаяк Дамодар, 37, 55, 56, 110, 134, 135, 138, 139, 210, 243, 327
 Саваркар, Ганеш, 55
 Саваркар, Нараян, 56
 Саймон, Джон, 152, 153, 155, 156, 161, 174, 175, 203
 Самант, Дата, 384
 Самарт Н.М., 72
 Санкритьян, Рахул, 198
 Сапру, Тедж Бахадур, 63, 158, 159, 186, 187
 Сарабхаи, Викрам, 734
 Сарасвати, Дайянанда, 19–21, 35
 Саркариа, Раджиндер Сингх, 382, 533
 Сахиб, Хан, 209, 275
 Сачар, Раджиндра, 521
 Саяджирао, князь Бароды, 145
 Саяни Р., 66
 Свами Самарта Рамдас, 56
 Сен, Амаргья, 556
 Сен, Кешаб Чандра, 19
 Сен, Сурья, 161
 Сенгупта, Арджун, 348, 435
 Сенгупта, Джатиндра Мохан, 155
 Сешадри Х.В., 459
 Сива, Субраманьям, 53
 Сиддики, Мохаммад Шафик, 163
 Сингх, Балдев, 267, 277
 Сингх, Бхагат, 161, 162, 169, 180
 Сингх, Вишванатх Пратап, 383, 403, 404, 413–416, 418, 419, 427, 457, 464
 Сингх, Джасвант, 647, 697, 743, 745–748
 Сингх, Заил, 386, 390
 Сингх, Каран, 49
 Сингх, Манмохан, 462, 476, 501, 503–505, 509, 513, 515, 517, 523, 559, 572, 581, 582, 594–597, 600, 606, 655, 656, 680, 681, 682, 697, 711, 712, 729–733, 755, 757–759, 761, 762
 Сингх, Мастер Тара, 258
 Сингх, Мохан, 252, 253–255,
 Сингх, Натвар, 581, 707
 Сингх, Раджнатх, 518
 Сингх, Хари, 280, 293, 294
 Сингх, Чаран, 375, 378–380
 Сингх, Шубег, 388
 Сингхал, Ашок, 424, 460, 462, 485
 Синдия, Васундхара Радже, 487
 Синдия, Виджая Радже, 461
 Синдхи, Обейдулла, 78

- Синха, Джагмохан Лал, 370
 Синха, Сатъендра Прасанна, 93
 Синха, Яшвант, 580
 Ситарамая, Паттабхи, 53, 130
 Соланки М., 444
 Сталин И.В., 216, 614–616, 618
 Стассел, Уолтер, 691
 Стиллуэлл, Джозеф, 658
 Субраманьям К., 738
 Сукарно, 577
 Сухраварди Х. Ш., 266, 272, 273, 277
- Тагор, Дебендранатх, 19
 Тагор, Рабиндранат, 19, 45, 50, 66, 100, 103, 104, 106, 186, 195, 226
 Тандон, Пуршотгам Дас, 290
 Теланг К.Т., 29
 Тикаит, Махиндра Сингх, 394
 Тилак, Бал Гангадхар, 35–38, 40, 51, 53–55, 58–60, 63, 64, 73, 79–81, 83, 86, 81, 96, 97, 102, 105, 106, 110, 124, 134, 138, 147, 148, 210
 Тиртх, Ниранджан Дев, 420
 Тиртх, Свами Бхаскар, 107
 Тито, Иосиф Броз, 577, 580, 627, 633
 Тодзио, Хидеки, 252, 253
 Толстой Л.Н., 89
 Трумэн, Гарри, 561, 611, 617, 659, 660, 661, 662, 665
 Тхакре, Бал, 461
 Тхакурдас, Пуршотамдас, 193
 Таябджи, Бадруддин, 29, 66
 Тэлботт, Строуб, 647, 675, 676, 743, 748, 751
 Тэгчер М., 384
- Уилкинсон, Эллен, 184
 Уиллингдон, Джордж, 184, 189
 Уилсон Вудро, 96
 Уотлей, Моника, 184
 Упадхайя, Дин Даял, 340
- Упадхья, Брахмабхандаба, 46
 Урс, Деврадж, 379
 Усмани, Шаукат, 163, 165, 170
 Уэйвелл, Арчибалд, 230, 237, 248, 258, 263, 265–267, 269
 Уэллес С., 222
 Уэллс, Герберт, 169
- Фернандес Джордж, 706
 Фитингова, Роза, 163
 Франко Ф., 215
- Хак, Фазлул А.К., 132, 222
 Хаммаршельд Д.Я., 627
 Хан, Абдул Гаффар, 184, 209
 Хан, Абдул Кадир, 738
 Хан, Ариф Мохаммед, 397
 Хан, Гхазанфар Али, 267
 Хан, Сайид Ахмад, 22, 23, 67
 Хан, Шафат Ахмед, 267
 Хантер, Уильям, 75, 98, 99
 Хар Даял, Лала, 77
 Хардинг, Чарлз, 76, 93, 254
 Хасан, Маулана Якуб, 114
 Хасан, Мухаммад, 164
 Хедгевар, Кешав Балирам, 138, 139, 210
 Хор, Самуэл, 182
 Хрущев Н.С., 614, 618, 619, 667, 689, 723
 Ху Цзиньтао, 600, 606, 697
 Хуа Гофэн, 633
 Хусейн, Саддам, 707, 708
- Цзян Цзэминь, 679, 698
- Чаван Я.Б., 343, 369, 379, 686, 687
 Чайтанья, 106
 Чаки, Прафулла, 49
 Чанд, Лала Лал, 68
 Чандрашекхар, 419, 431, 457, 535
 Чарлу, Ананда, 29

- Чаттерджи, Банкимчандра (Бонким-
чондро Чоттопаддхай), 44
Чаттерджи, Сомнатх, 501
Чаттопадхья, Вирендранатх, 78,
163
Чаттопадхья, Камаладеви, 77
Челмсфорд, Фредерик, 82–84, 175
Чемберлен, Остин, 82
Черчилль, Уинстон, 178, 223, 224,
230, 233–235, 240, 241, 245
Чидамбарам Р., 744
Чинтамаянанд, Свами, 461
Чиплункар, Вишнушастри, 35
Чоудхури, Сачин, 345
Чоухан, Джагджит Сингх, 387
Чундригар И.И., 267
Четтийяр, Сингаравеллу, 163, 165
- Шариф, Наваз, 738
Шарма, Камалеш, 592
Шарма, Маули Чандра, 329, 340
Шарма, Шанкар Даял, 463
Шарон А., 709
Шастри Р.Ч.Л., 165
- Шастри, Лал Бахадур, 343–345, 686–
688, 724, 734
Шелленберг, Вальтер, 251
Шиваджи, Радже Бхосле, 35, 37, 55, 56
Ширак, Жак, 751
Шрадхананда, Свами, 111, 137
- Эдвард, принц Уэльский, 115
Эйзенхауэр, Дуайт, 623, 624, 658,
662–667
Эйнштейн, Альберт, 169
Эльфинстон, Джон, 66
Эмери, Леопольд, 230, 257, 258
Эмптхилл, Артур, 43
Энгельс, Фридрих, 167
Энтони А.К., 731
Эттли, Клемент, 258–260, 269, 276
- Юл, Джордж, 29
Юм, Аллан Октавиан, 28–30, 32, 41
- Ядав, Лалу Прасад, 417, 418, 511
Ядав, Муляям Сингх, 418, 472, 464
Янг, Мэкуорт, 57

Указатель географических названий

- Абиссиния, 215
Авади, 319, 347
Австралия, 155, 224, 564, 594, 596, 621
Австрия, 220, 228
Агра, 51, 135
Азербайджан, 643, 791
Айодхья, 399, 400, 401, 416–418,
457–462, 468, 469, 475, 484, 487,
496, 503, 514, 518, 521
Алжир, 578, 592
Алигарх, 57, 67, 135, 137
Алипур, 49
Аллахабад, 68, 80, 121, 125, 137, 159,
238, 370, 372, 400, 404, 462, 726
Амбала, 68, 273
Аметхи, 383
Амритсар, 21, 68, 96, 98–101, 111,
112, 135, 273, 284, 386, 388, 414
Андаманские о-ва, 254
Андхра-Прадеш, 108, 142, 172, 293,
308, 330, 350, 351, 376, 378, 383–
385, 389, 409, 410, 466, 475, 499,
514, 516, 519, 564, 727, 751
Аравийское море, 663, 687
Аргентина, 78, 760
Аруначал-Прадеш, 477, 710, 740
Ассам, 17, 51, 64, 108, 161, 187, 247,
255, 262, 271, 278, 376, 384, 385,
395, 401, 404, 414, 460, 528
Аурангабад, 426
Афганистан, 78, 134, 249, 573, 581,
587, 590, 591, 594, 605, 606, 622,
633, 634, 637, 656, 678, 682, 699,
703–705, 710, 713, 724, 725, 768
Ахмедабад, 44, 98, 109, 130, 148, 266
Багдад, 623
Бангалор, 491, 493, 509, 564, 619, 727
Бангкок, 250, 595, 596, 664
Бангладеш (Народная Республика
Бангладеш), 42, 360, 366, 368, 385,
390, 445, 542, 593, 596, 627, 674,
690, 691, 693, 695, 696, 698, 729, 737
Бандунг, 336, 577, 593
Банкипур, 62, 66, 89
Барауни, 654
Бардоли, талук, 51, 116, 118, 120, 122
Барода, княжество, 48, 295
Беларусь (Белоруссия), 606
Белгаум, 130, 131, 137
Белград, 577
Белуджистан, 17, 77, 153, 154, 211,
262, 264, 271, 278, 281
Белчи, 378
Бельгия, 222, 295, 575
Бенарес (Варанаси), 37, 49, 75, 91,
103, 137
Бенгалия, 15, 17, 42, 54, 97, 172, 270,
276, 282, 289, 309, 314, 323, 350,
385, 539
Восточная Бенгалия, 264, 273, 278,
692
Западная Бенгалия, 42, 172, 295,
312, 314, 315, 330, 332, 347, 350–
352, 355, 356, 360, 371, 376, 383,
401, 453, 464, 467, 477, 480, 481,
499, 512, 516, 518, 519, 526, 535,
540, 726
Бенгальский залив, 232, 233, 255,
271, 596, 597, 674, 683, 693–695,
727

- Берлин, 78, 221, 222, 249, 250, 559
 Бикини, атолл, 733
 Бирма (Мьянма), 17, 77, 78, 228, 229, 232, 233, 239, 240, 245, 254, 596, 658
 Бихар, 15, 17, 42, 51, 64, 67, 93, 105, 107, 108, 118, 161, 187, 198, 207, 212, 247, 262, 266, 268, 269, 271–273, 282, 283, 313, 323, 325, 347, 348, 350, 351, 355, 356, 360, 364, 369, 377, 378, 384, 385, 400, 407, 409, 411, 416–419, 427, 467, 477, 483, 511, 512, 515, 521, 526–528, 533
 Бихаршариф, 385
 Бокаро, 621, 628, 631
 Болгария, 609
 Бомбей (Мумбай), 16, 17, 44, 98, 109, 166, 168, 187, 246, 257, 295, 321, 385, 460, 619, 756
 Босния и Герцоговина, 590
 Бразилия, 448, 552, 587, 591, 597–603, 701, 760, 767
 Бруней, 595
 Бутан, 593, 594, 596, 597
 Бхагалпур, 401
 Бхагпат, округ, 456
 Бхилаи, 620, 628, 631, 654
 Бхопал, 17, 280, 295, 392, 493
 Бхубанешвар, 320, 343
 Ванкувер, 745
 Вардха, 148
 Варшава, 691
 Вашингтон, 246, 509, 567, 600, 614, 617, 623, 626, 630–632, 647, 659, 669, 705, 708, 710, 720, 738, 762
 Великобритания (Соединенное королевство), 213, 220, 222, 224, 228, 272, 292, 293, 297, 320, 384, 387, 451, 506, 541, 558, 560–562, 570, 572, 581, 586, 587, 592, 612, 613, 616, 617, 621–625, 658, 660, 667, 686, 687, 705, 707, 711, 716, 723–725, 728, 729, 731, 736, 740, 751, 768
 Венгрия, 609, 626, 627
 Виджаявада, 493
 Висакхапатнам, 238, 631, 654, 727
 Владивосток, 286
 Восточный Тимор, 630
 Вьетнам, 402, 561, 562, 584, 585, 587, 593, 632, 673, 674, 689, 696, 720
 Гавана, 581, 582
 Газа, сектор, 584
 Гайя, округ, 125, 325
 Гана, 577
 Ганг, р., 69, 597
 Гандинагар, 726
 Гарвард, 587
 Гаухати, 373
 Гвалиор, княжество, 17, 55, 295
 Германия, 78, 160, 213, 216, 220, 221, 222, 255, 525, 591, 711, 743, 751
 Гоа, 312, 313, 683, 684
 Годхра, 385, 484, 486
 Гонконг, 552
 Грузия, 609, 618, 643
 Гуджарат, 19, 87, 92, 94, 95, 102, 105, 116, 118, 148, 149, 175, 213, 367, 369, 370, 385, 406, 410, 411, 420, 460, 483–488, 492, 495, 496, 499, 503, 517, 521, 528, 565, 726
 Дакка, 42, 50, 272
 Даман, 312, 313
 Данди, 175
 Дания, 222
 Дели (Нью-Дели), 64, 68, 76, 80, 96–99, 118, 127, 135–137, 153, 161, 168, 188, 189, 191, 208, 235, 241, 255–257, 283, 288, 289, 291, 294, 314, 355, 365, 369, 376, 378, 379,

- 388, 390–392, 401–403, 415, 424,
429, 473, 477, 487, 488, 491, 493,
500, 515, 516, 526, 531, 571, 577,
578, 586, 594, 597, 612, 613, 615,
619, 630–632, 639, 642, 647, 658,
662, 664, 666, 669, 686, 692, 698,
709, 711, 726, 743, 746
- Джаббалпур, 137
Джайпур, 347, 619
Джалиянварла багх, 99, 112
Джалландар, 273
Джамму и Кашмир, 17, 292, 293,
300, 303, 309, 376, 383, 384, 469,
484, 487, 500, 512, 514, 515, 518,
649, 660, 703, 726
Джаркханд, 313, 340, 351, 360, 483,
512
Джунагадх, 280, 281, 292, 293
Диего-Гарсия, о-в, 578, 634
Дну, 312, 313
Дурбан, 88, 580
Дурганпур, 654
Душанбе, 606
- Египет, 234, 577, 582, 616, 623, 624
Екатеринбург, 599, 600, 605, 606
- Замбия, 578
Зимбабве, 579
- Израиль, 578, 624, 625, 673, 708, 709,
712, 728, 729, 741, 760
Имфал, 232, 255
Индийский океан, 229, 232, 233, 578,
627, 634, 635, 718, 720, 725
Индокитай, 229, 245
Индонезия, 577, 603
Индор, княжество, 17, 295
Иордания, 591
Ирак, 245, 573, 588, 590, 622, 623,
625, 650, 706–708, 713, 716, 719,
721, 750, 752, 758
- Иран, 241, 245, 251, 594, 604, 605,
622, 625, 634, 647, 648, 661, 701,
713, 752, 760, 761, 767
Ирландия, 561
Исламабад, 693, 698, 704, 737, 738
Испания, 215, 220
Италия, 56, 160, 213, 220, 221, 224,
250, 583, 640, 751
- Йеравада, 185, 213, 216
- Кабул, 221, 249, 704
Кавказ, 241, 251, 256
Казахстан, 603, 605, 606, 618, 643,
677, 707, 767, 768
Каир, 578, 632
Кайга, 652
Какинада, 53, 130, 278
Калифорния, 563, 564, 567
Калькутта (Колката), 16, 17, 21, 28,
29, 34, 42, 43, 45–47, 49, 53, 54,
47–61, 63, 64, 66, 76, 98, 101, 102,
105, 109, 116, 121, 124, 129, 130,
134, 135, 137, 147, 154–157, 160,
164, 166, 168, 172, 178, 221, 229,
233, 238, 257, 315, 392
Канада, 155, 224, 387, 558, 560, 564,
570, 572, 621, 734, 738
Канпур, 109, 130, 132, 165, 329, 493
Канчи, 420
Канья Кумари, 329
Капская колония, 559
Карачи, 67, 68, 178, 180, 195, 197,
257, 594, 622, 663, 695
Каргил, 483, 715, 719, 729
Карнатак, 80, 143, 360, 376, 378, 379,
409, 427, 453, 460, 464, 468, 477,
517, 519, 564, 727
Катхивар, п-ов, 87, 195, 292
Кашмир, 281, 291, 293–295, 329, 340,
341, 401, 467, 475, 615–617, 619,
627, 660–663, 665, 667, 672, 673,

- 682, 683, 686–688, 690, 694, 695,
699, 701, 703, 707, 723, 734, 737–
740, 747, 750
- Кветта, 288
- Кембридж, 49, 126, 211, 501
- Кения, 558, 560
- Керала, 142, 143, 170–172, 330, 333–
338, 347–349, 352, 355, 356, 376,
409, 410, 428, 477, 481, 516, 518,
519, 527, 531, 540, 619, 726, 727,
765
- Киль, 252
- Кипр, 584
- Киргизстан, 603, 605, 606, 643, 767
- Китай (КНР), 78, 160, 240, 350, 353,
390, 445, 448, 451, 453, 551, 558,
576, 581–584, 586, 587, 589, 590,
593, 594, 596, 598–607, 611, 613,
614, 617, 627, 629, 632, 633, 635,
637, 640–642, 649, 650, 653–658,
661, 665, 666, 668, 669, 672–674,
681, 682, 684–687, 689–692, 695–
703, 707, 710–715, 717, 718, 721–
726, 728, 731, 732, 734–736, 738–
742, 745–749, 753, 760, 762, 766,
767
- Коломбо, 233, 402, 578
- Колумбия, 295
- Конго, 584
- Копенгаген, 599
- Коралловое море, 253
- КНДР, 760
- Косово, 749
- Кохат, 136, 137
- Кохима, 255
- Кочин, 17, 171, 727
- Кояли, 654
- Красное море, 229, 232, 253
- Куала-Лумпур, 580
- Куба, 581
- Кувейт, 588, 590
- Куданкулам, 652
- Курская дуга, 255
- Куч-Бихар, княжество, 295
- Кхеда, дистрикт, 94, 111
- Ладакх, 684
- Лакхнау, 135, 726
- Латвия, 591
- Лахор, 21, 22, 52, 63, 68, 69, 77, 98,
136, 152, 159, 161, 162, 172, 173,
196, 212, 222, 240, 273, 281, 294,
688
- Левант, 234
- Ленинград, 217
- Ливия, 752, 760
- Лондон, 17, 28, 41, 55, 57, 61, 110,
158, 178, 179, 181, 182, 203, 204,
222, 246, 248, 259, 268, 275, 277,
283, 288, 385, 387, 592, 602, 614,
623, 754
- Маврикий, 558
- Мадагаскар, о-в, 252
- Мадрас (Ченнаи), 17, 19, 29, 42, 60,
61, 64, 67, 73, 80, 105, 108, 109,
132, 156, 163, 619
- Мадхья-Бхарат, 295
- Мадхья-Прадеш, 148, 313, 355, 356,
360, 392, 409–411, 460, 467, 477,
483, 487, 488, 492, 506, 517, 527,
620
- Майменсингх, 46
- Майсор, 17, 321, 366
- Малабар, 113–115, 171
- Малайзия, 252, 445, 558, 560, 572,
595
- Малайя, 240, 245
- Мальдивы, 593, 597
- Мандалай, 77
- Манипур, 528
- Маратхвада, 426, 427
- Масулипаттам, 53
- Матхура, 459, 462, 654

- Махакосал, дистрикт, 214
Махараштра, 25, 33, 56, 80, 97, 98,
102, 134, 138–141, 143, 145, 191,
351, 376, 385, 394, 409, 426–429,
475, 477, 492, 505, 513, 516, 526–
528, 726, 727
Мевар, 108
Мегхалайя, 360, 376, 726,
Меконг, р., 597
Мексика, 78, 448, 552, 561, 603, 701
Месопотамия, 74, 78
Миднапур, дистрикт, 47, 57
Мидуэй, атолл, 253, 255
Мизорам, 395, 401, 488
Минакшипур, 385
Мирут, 23, 110, 165, 166, 168, 169,
385
Мозамбик, 584
Молдова, 643
Монголия, 604, 605, 694, 767
Морадабад, 385
Москва, 12, 110, 165, 168, 221, 627,
669, 743, 769
Мубаракпур, 456
Муззафарабад, 294
Мултан, 135, 273
Муршидабад, 108
Мюнхен, 228, 646

Нагаленд, 360, 376
Нагпур, 44, 51, 59, 63, 102, 103, 106,
117, 122, 137, 138, 210, 366
Наксалбари, 350, 351
Нандиграм, 519
Насик, 55
Наталь, 88, 559
Непал, 231, 593, 596, 597
Нигерия, 587
Нидерланды, 222
Никобарские о-ва, 254
Ноакхали, 266, 269, 282
Новая Зеландия, 155, 224, 596

Норвегия, 222
Нью-Йорк, 246, 566, 567, 580, 599,
611, 613, 678, 679, 700, 703, 740

Объединенные Арабские Эмираты,
704
Орисса, 15, 17, 42, 51, 64, 105, 118,
161, 187, 207, 262, 339, 351, 355,
356, 360, 367, 394, 467, 468, 475,
477, 512, 516, 519, 527, 528
Османская империя, 11

Пабна, дистрикт, 108
Пакистан, 4, 5, 13, 14, 210, 211, 212,
227, 235–237, 260, 261, 263–266,
269–275, 277, 278–283, 287–292,
294, 295, 303, 314, 315, 328, 329,
340, 341, 345, 353, 360, 365, 366,
386, 388, 390, 395, 401, 483, 487,
496, 542, 586, 593–595, 597, 602,
604, 605, 615, 617, 620, 622, 623,
625, 627, 629, 633, 635, 645, 654,
660–676, 680, 682–695, 698, 701–
705, 709, 710, 713–715, 718, 722–
725, 730, 732, 734–739, 741, 742,
744, 745, 747–752, 754, 762, 767,
768
Палгхат, 333
Панама, 78
Панджаб, 15, 51, 98, 118, 121, 154,
161, 187, 210, 211, 262, 264, 271,
273, 278, 282, 288–290, 295, 326,
335, 356, 360, 375, 376, 383, 386–
389, 394, 395, 401, 428, 484, 516,
527, 528, 531, 535, 619, 726
Париж, 222, 667, 751
Патиала, 295
Патна, 22, 198, 200, 378, 380, 416,
493
Патрату, 654
Пекин, 686, 690, 691, 693, 694, 696,
739

Пепсу, 295
 Пёрл-Харбор, 232
 Персидский залив, 253, 432, 558,
 560, 587–589, 704, 707, 708, 719
 Пешавар, 164, 165, 178, 221, 275,
 666, 667
 Польша, 216, 221, 228, 445, 609, 646
 Пондишери, 49, 165, 312
 Порбандар, 87
 Порт-Саид, 625
 Португалия, 312, 684
 Пуна, 29, 33, 73, 80, 177, 185, 187,
 726
 Пури, 420

 Равалпинди, 137, 273
 Раджастан, 108, 149, 295, 360, 385,
 420, 477, 487, 488, 492, 506
 Раджпутана, 295
 Раджшахи, 108
 Рае-Барели, округ, 370
 Рамгарх, 212, 223
 Рангун, 232, 234, 252
 Ранчи, 654
 Ратнагири, дистрикт, 54, 56
 Рим, 222
 Россия (Российская Федерация),
 160, 316, 331, 439, 452, 483, 501,
 506, 540, 543, 549, 566, 581, 586,
 587, 589, 594, 599–603, 605–607,
 609, 612, 613, 616, 618, 636–647,
 649–656, 658, 663, 677, 681, 699–
 702, 705, 706, 711–713, 717, 718,
 721, 727–733, 739–741, 743, 747,
 753, 755–757, 760, 763, 767–769
 Румыния, 609

 Сабанг, 252
 Сабармати, р., 148
 Сагар, 137
 Салем, 493
 Самастипур, 369

 Сан-Франциско, 77, 567, 583, 610
 Саргодха, 742
 Саудовская Аравия, 703, 704
 Саураштра, 295
 Сахара, 491, 508
 Себу, 596
 Севаграм, 238
 Северо-Западная пограничная про-
 винция (СЗПП), 17, 136, 153, 154,
 179, 207, 209–211, 261–264, 271,
 275, 278, 281, 282
 Сикким, 106, 313, 383, 698
 Силиконовая долина, 561, 563, 564
 Силхет, дистрикт, 264, 278, 281
 Симла, 258, 261, 266, 288, 737
 Синай, 624
 Сингапур, 76, 216, 224, 232, 234, 239,
 250, 252, 254, 552, 558, 560, 572, 595
 Сингур, 519
 Синд, 153, 154, 187, 211, 262, 264,
 271, 278, 281, 290
 Синьцзян, 353, 734
 Сирия, 616, 623
 Сизтл, 567
 Советский Союз (СССР, Советская
 Россия), 11, 216, 217, 220, 316,
 336, 345, 535, 539, 543, 548, 550,
 551, 553, 555, 557, 575, 576, 583,
 584, 589, 607, 610–623, 625, 627–
 635, 637–639, 641, 649, 654, 660–
 662, 664, 667, 668, 671, 673, 674,
 676, 677, 682, 683, 685–687, 689,
 690–695, 700, 703, 711, 714, 721,
 723–725, 728, 739, 745
 Соединенные провинции, 15, 106,
 210, 226
 Сринагар, 294, 688, 704
 Сталинград, 255
 Суматра, о-в, 252
 Сураг, 51, 59, 493
 Суринам, 569
 Суэцкий канал, 623–625

- США, 10, 12, 77, 78, 96, 163, 222, 224, 228, 233, 238, 241, 253, 295, 328, 329, 344, 349, 353, 384, 387, 392, 445, 450, 451, 483, 506, 509, 543, 551, 553, 558, 560–569, 572, 573, 575–577, 579, 581, 582, 584, 586–591, 593, 594, 598–600, 602–604, 606, 609–612, 615–618, 620–630, 632, 633, 635, 637, 638, 640–642, 645–650, 654–694, 696, 699–712, 716, 717, 719–726, 728–732, 734–744, 747–762, 765, 767, 768
- Таджикистан, 604–607, 768
- Таиланд (Сиам), 78, 232, 445, 572, 591, 595–598, 665
- Тайвань, 256, 353, 552, 698, 701, 760
- Тамилнаду, 142, 143, 343, 355, 356, 360, 376, 383, 385, 409, 424, 458, 465–467, 471, 481, 499, 507, 512, 516, 519, 531, 652
- Танзания, 558, 560
- Тарапур, 669, 675, 739, 756, 757
- Ташкент, 163, 345, 604, 688,–690
- Теленгана, 172, 514
- Тель-Авив, 709
- Тибет, 353, 684, 698, 734
- Тирунелвели, дистрикт, 52, 53
- Тихий океан, 232, 233, 253, 254, 734
- Токио, 252
- Траванкор, 17, 27, 142, 171, 276, 279
- Тривандрум, 727
- Тринидад (Тринидад и Тобаго), 559, 569
- Тринкомали, 233
- Трипура, 108, 295, 376, 383, 519, 540
- Трипури, 214, 220
- Тричинополи, 114
- Туркмения (Туркменистан), 606, 618
- Турция (Турецкая Республика), 71, 111, 216, 603, 622
- Тутикорин, 53
- Уганда, 558, 560
- Узбекистан, 604–606, 618, 643, 768
- Украина, 610, 618, 643, 677, 730
- Уттаркханд, 483, 484, 517, 652
- Уттар-Прадеш, 247, 313, 314, 321, 325, 326, 347, 348, 355, 556, 367, 570, 377, 379, 383, 385, 399, 406, 411, 418, 423, 428, 430, 456, 457, 459–462, 467, 477, 483, 484, 506, 507, 512, 513, 515, 520, 521, 526, 528, 625, 726
- Фаизпур, деревня, 207
- Ферозпур, 68, 288, 290
- Фиджи, 558, 559, 569
- Филиппины, 78, 596, 611, 665
- Филпур, 344
- Финляндия, 74, 216, 217
- Фландрия, 74
- Франция, 10, 49, 74, 77, 78, 111, 167, 213, 216, 220, 222, 224, 228, 251, 312, 384, 387, 450, 506, 575, 581, 586, 587, 611, 622–625, 640, 668, 711, 723, 725, 729–731, 736, 741, 742, 751, 752, 755, 757, 760, 769
- Хайдарабад, г., 385, 491, 554, 616
- Хайдарабад, княжество, 17, 172, 279–281, 292, 293, 324
- Халистан, 387, 401, 535
- Хараре, 579
- Хардвар, 69, 107
- Харипур, 213
- Харьяна, 326, 355, 356, 365, 378, 386, 394, 410, 424, 516, 528
- Химачал-Прадеш, 295, 460, 487, 500, 517, 528
- Хиндустан, 134, 138, 139, 160, 161, 227, 260, 264, 271, 272, 275, 277, 280
- Хиросима, 646

Центральные провинции, 15, 137,
148, 210, 214

Чампаран, дистрикт, 111
Чандернагор, 312
Чандигарх, 386, 395, 401
Чаури-Чаура, деревня, 118–121
Чехия, 609, 647
Чехословакия, 228
Чечня, 649
Чикаго, 566, 567
Читтагонг, 178, 255, 272
Чхаттисгарх, 313, 351, 483, 487, 488, 517

Шахджанпур, 137
Швейцария, 564, 711
Швеция, 403, 564, 575, 725, 731
Шиллонг, 727

Шолапур, 109, 135, 178
Шри Ланка (Цейлон), 233, 597, 606

Эрнакулам, 334

Югославия (СФРЮ), 577, 584, 589,
609, 643, 646, 670, 678, 717, 720,
721, 750
Южная Африка (ЮАР), 155, 224,
248, 558, 598, 603, 701, 702
Южная Корея, 552, 585, 602, 701,
760

Япония, 246, 252, 255, 442, 564, 586,
587, 589, 691, 594, 596, 598, 600,
603, 638, 640, 654, 681, 701, 702,
711, 712, 717, 728, 732, 734, 739,
744

Резюме

Настоящая работа «История Индии: XX век» входит в серию монографий по современной политической истории стран Востока (Азии и Северной Америки), издаваемую Институтом востоковедения Российской академии наук. Авторами этого тома являются специалисты по Индии доктор исторических наук Ф.Н. Юрлов и кандидат исторических наук Е.С. Юрлова.

Современная Индия представляет собой объект многочисленных исследований отечественных историков, экономистов, социологов, политологов и культурологов. Еще в 1950-е годы было положено начало комплексному изучению проблем этой страны, родоначальником которого был профессор А.М. Дьяков. Под руководством А.М. Дьякова и доктора исторических наук В.В. Балабушевича в 1959 г. была опубликована монография «Новейшая история Индии», в которой рассматривались события в этой стране в период с 1917 г. по 1955 г. В 1973 г. вышла в свет «История Индии», авторами которой были Г.М. Бонгард-Левин (Индия в древности), К.А. Антонова (Индия в средние века) и Г.Г. Котовский (Индия в новейшее время). В 1979 г. вышло исправленное и дополненное издание этой книги.

Настоящая работа посвящена политической истории Индии в XX в., включая первое десятилетие XXI в. Она отражает как события в Индии и мире после распада Советского Союза, так и изменения в оценках ряда исторических фактов, которые стали возможными в результате появления новых исследований и рассекреченных документов.

Во Введении авторы дают общую характеристику процессов, связанных с национально-освободительным движением в Индии, а также главных задач, которые решались в период независимости. В Первой части работы рассматривается социально-политическая ситуация в стране в первой половине XX в., образование и деятельность Индийского национального конгресса. Авторы отмечают значение массового национального движения, кампаний несотрудничества с колониальными властями во главе с М.К. Ганди, которые носили преимущественно ненасильственный характер. Исследуется деятельность социальных движений, религиозно-общинных организаций, небрахманских каст и «угнетенных классов». Также анализируется процесс развития социалистических идей в Индии, зарождение ком-

мунистического движения. Рассматриваются события в Индии накануне и во время Второй мировой войны, раздел Индии и завоевание ею независимости в августе 1947 г.

Вторая часть монографии посвящена политической истории Индии после завоевания независимости. Рассматриваются такие этапные события, как образование Индийского Союза, формирование первого национального правительства во главе с Джавахарлалом Неру, выработка и принятие Конституции Индии. Значительное место посвящено реорганизации индийских штатов, новому курсу экономической и социальной политики, аграрным реформам. Анализируются проблемы политического развития Индии – от преобладания власти Индийского национального конгресса до появления реальной оппозиции сначала в штатах, а затем и в центре (1967–1977 гг.), обострение социальной и политической ситуации в стране, введение чрезвычайного положения правительством Индиры Ганди (1975 г.), выход на политическую авансцену консервативной Бхаратия джаната парти (Индийской народной партии).

В отдельных главах исследуются проблемы отношений между штатами Индии и центральным правительством, усиление влияния штатов, создание коалиционных правительств, роль традиционных факторов (религия, касты) в общественно-политической жизни страны. Особо подчеркивается важность развития демократических институтов и создания основ гражданского общества, отмечается значение экономических реформ (от начала 1990-х до конца первого десятилетия XXI в.) и в этой связи – индийский опыт общественного развития. Отдельно анализируется вклад индийской диаспоры (25 млн. человек) в модернизацию Индии.

Третья часть работы посвящена внешней политике независимой Индии. Отмечается роль Индии в Движении неприсоединения, особенно значимая до распада СССР, ее участие в деятельности ООН, других международных организациях и группировках, включая ШОС и БРИК. В отдельных главах рассматриваются вопросы индийско-советских отношений в условиях холодной войны, и индийско-российских отношений в 1992–2010 гг., а также отношения между Индией и США, Китаем и Пакистаном. Анализируются проблемы, связанные с политикой Индии и соперничеством великих держав в Южной Азии. Отдельно рассматриваются вопросы военного строительства и ядерной программы Индии.

В Заключении авторы кратко подводят итоги развития Индии, ее достижений в социально-экономической жизни, а также отмечают главные проблемы, которые затрудняют ее движение к статусу великой державы.

Summary

The present volume entitled “History of India: The 20th Century” is part of a series of books on the contemporary history of the countries of the East, including Asia and Northern Africa, published by the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. The authors of this volume Dr F.N.Yurlov and Dr E.S.Yurlova are known experts on India.

Contemporary India has been the subject of research by many Russian scholars. Its complex studies were initiated by Prof. A.M.Dyakov in the 1950s. The first book “Contemporary History of India” (A.M.Dyakov and V.V.Balabushevich, eds.) was published in 1959. Next came “History of India” (1973), in three parts, authored by G.M.Bongard-Levin (Ancient India), K.A.Antonova (Medieval India) and G.G.Kotovskiy (Modern India).

The present book deals with the contemporary political history of India. It embraces the period from the end of the 19th century to the beginning of the twenty-first century. The research is well documented. Based on Russian and foreign past studies, it uses some of the recently declassified documents as well as new publications which were brought out after the collapse of the Soviet Union.

In the Introduction, the authors give a general analysis of the historic processes connected with the Indian national liberation movement against the British colonial domination.

The First Part of the book examines the socio-political situation in India in the first half of the 20th century, the birth and activities of the Indian National Congress. Special attention is devoted to the non-cooperation movement led by M.K.Gandhi. Separate chapters deal with the social movements and religious organizations, non-Brahman and “depressed classes” movements. Development of Socialist ideas in India, as well as the formation of the Communist party and its activities are also scrutinized. The First Part contains the events on the eve and the beginning of the World War II, the partition of India and winning its Independence in August 1947.

The Second Part of the monograph deals with the political history of India after Independence till the beginning of the 21st century. Such important developments as the creation of the Indian Union, the work of the

first Indian government headed by Jawaharlal Nehru, the adoption of the Constitution of India are studied here. A number of the chapters deal with problems relating to the reorganization of States, Nehru's course of socio-economic development and agrarian reforms. The authors take stock of country's experience in democratic functioning. Among the major problems of the political development of that period were the monopoly of the Congress power and emergence of a real political opposition – first in the States, and later at the Centre, the imposition of Emergency in 1975 and the appearance of the Bharatiya Janata Party on the political avant-stage.

Centre–States relations are analyzed in the context of the rise of power and influence of the States and their elites. The role of such traditional factors as religion and caste in socio-political life of the country is also discussed, as well as problems of coalition governments in the Centre and the States.

Special attention is devoted to the development of the democratic institutions and creation of foundations of civil society, to the importance of the economic reforms from the 1990s through the first decade of the twenty-first century. The Indian socio-economic developmental experience in the last few decades is examined in this connection. Special importance is allotted to the contribution of the 25-million Indian diaspora to the modernization of India.

The Third Part is devoted to Independent India's foreign policy. The role of the Non-Aligned Movement, which was of a great significance to India and the world until the collapse of the Soviet Union, is presented here. The participation of India in the UN, and other international organizations and groupings (including SSO and BRIC) is also discussed. The authors examine the Indo-Soviet relations in the context of the Cold War, as well as Indo-Russian relations in 1992–2010. Relations between India and the USA, China and Pakistan are studied in separate chapters, as well as Great Powers' rivalry in South Asia. Chapters dealing with India's military build-up and its nuclear programme are also presented in this part of the book.

In the Conclusion the authors briefly sum up India's socio-economic achievements and also note the main problems which hinder her progress to the status of a great power.

In six decades of Independence India has moved along the path of transformation from a colonial socio-economic structure to state capitalism based on mixed economy with important elements of a social safety net. It ensured evolutionary development escaping revolutions and social explosions in a country with extreme socio-economic backwardness, huge unemployment and poverty of the major part of the population. One may say that India has proposed its own model of development. It has suc-

ceeded in building basic branches of modern industries, attaining economic self-sufficiency, creating qualified cadres of scientists, engineers and workers.

Modernization of economy and high rate of economic growth enabled India's people to raise their level of life. During this period, per capita income increased 2.5 fold, literacy – 3.5 fold, expected longevity – more than twice, from 32 to 67 years. Such socio-economic progress was achieved in the conditions of stability based on democracy which is deeply rooted in the Indian society. At the same time, these achievements could not negate the serious problems and shortcomings faced by the Indian society. Most important among them are poverty, unemployment, illiteracy and the growing gap between the rich and the poor.

At the beginning of the twenty-first century, India put forward a very ambitious task to join the ranks of the world leading states. It has created a number of prerequisites to achieve this goal. Among them are a multi-million middle class, and a great number of educated people. Today's India is a young energetic country able to rapidly move forward.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
----------------	---

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ Борьба за независимость

ГЛАВА 1. ИНДИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.....	14
Социально-политическая ситуация.....	14
Деятельность социально-религиозных реформаторов и просветительских обществ	18
ГЛАВА 2. СОЗДАНИЕ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНГРЕССА.....	28
Главные идеи первых лидеров Конгресса	33
Националисты (экстремисты) и умеренные	36
Теософское общество	41
ГЛАВА 3. СВАДЕШИ–ПООЩРЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ИНДИЙСКИХ ТОВАРОВ.....	42
Деятельность революционных групп в Бенгалии	47
Расширение географии свадеши и экстремизма	51
ГЛАВА 4. РАСКОЛ В КОНГРЕССЕ	58
Реформы Морли-Минто	61
Конгресс после раскола на умеренных и националистов	63
ГЛАВА 5. ПОЯВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-ОБЩИННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И КАСТОВЫХ ДВИЖЕНИЙ.....	65
Создание Всеиндийской мусульманской лиги.....	66
Образование Хинду махасабхи.....	68
Политизация религий и рост общинного сознания	69
ГЛАВА 6. ИНДИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕ НЕЕ	72
Националистические и террористические движения	76

Движение за самоуправление (хоум рул)	79
Доклад и реформы Монтегю-Челмсфорда	82
ГЛАВА 7. ГАНДИ ВЫХОДИТ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СЦЕНУ ИНДИИ	86
Ганди в Южной Африке	88
Идеи и практика <i>ахимсы</i> и <i>сатьяграхи</i>	89
Первые выступления Ганди в защиту крестьян	93
События в Амритсаре – поворотный пункт в освободительном движении	96
ГЛАВА 8. ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОЕНИЯ 1920–1922 гг.	101
Практика несотрудничества	105
Крестьянские движения и кампания несотрудничества	107
Участие рабочих в кампании несотрудничества	109
Халифатское движение	111
Ганди получает полную власть в Конгрессе	115
ГЛАВА 9. ПАРТИЯ СВАРАДЖА: ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ	123
Арест Ганди	123
Кризис в Конгрессе. Акцент на работе в законодательных органах	124
Ганди на свободе	128
Свараджисты теряют позиции	131
Усиление напряжения между религиозными общинами	133
Создание Раштрия сваямсевак сангха	137
ГЛАВА 10. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.	140
Движения небрахманских каст	140
Движения «угнетенных классов»	144
Конгресс в борьбе за влияние среди неприкасаемых	146
ГЛАВА 11. СТАТУС ДОМИНИОНА ИЛИ ПОЛНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ?	152
Бойкот комиссии Саймона и общинные проблемы	152
Появление левого крыла в Конгрессе	156
Попытки достижения компромисса в Конгрессе	157
ГЛАВА 12. ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В БОРЬБУ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ	160
Зарождение коммунистического движения	162

Мирутский процесс	165
Деятельность коммунистов в массовых организациях	170
ГЛАВА 13. ВТОРАЯ КАМПАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОЕНИЯ В НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ	172
«Соляной поход»	175
Первая конференция круглого стола и Делийский пакт	178
Вторая конференция круглого стола и «Общинное решение»	181
Голодовка Ганди и Пунский пакт	185
Хариджанская кампания Ганди	189
Индийский бизнес и движение гражданского неповиновения	192
ГЛАВА 14. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ИНДИИ	194
Борьба социалистов и консерваторов в Конгрессе	194
Конгресс-социалисты и их программа	199
ГЛАВА 15. ИНДИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	203
Закон об управлении Индией 1935 г.	203
Выборы в провинциальные собрания 1937 г.	207
Противоречия между Ганди и Босом	213
Конгресс и Неру против фашизма	215
ГЛАВА 16. ИНДИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	217
Объявление Индии воюющей стороной	217
Реакция индийских политических партий на события в мире	221
Третья кампания гражданского неповиновения 1940 г.	225
Вклад Индии в борьбу против держав оси	228
Англо-индийские вооруженные силы в годы войны	230
ГЛАВА 17. МИССИЯ КРИППСА. «ПРОЧЬ ИЗ ИНДИИ!»	232
Война приближается к Индии	232
Провал миссии Криппса	235
Индия и японская угроза	237
Призыв Ганди «Прочь из Индии!»	242
«Августовская революция»	245
ГЛАВА 18. С.Ч. БОС ИЩЕТ ПОДДЕРЖКИ У ДЕРЖАВ ОСИ	248
С.Ч. Бос в гитлеровской Германии	248
Индийская национальная армия (ИНА)	251
Суд над офицерами ИНА	256

ГЛАВА 19. ИНДИЯ НАКАНУНЕ НЕЗАВИСИМОСТИ	257
Конференции круглого стола в Симле.....	257
Выборы 1946 г. в Индии	258
Миссия британского кабинета.....	259
Формирование временного правительства.....	266
Британское решение о «передаче власти»	269
Планы раздела Индии.....	271
Индия на пороге раздела и независимости.....	276
Положение в Индии в канун независимости.....	282

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Индия в годы независимости

ГЛАВА 20. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП НЕЗАВИСИМОСТИ	286
Рождение Индийского Союза. Свобода в крови и страданиях.....	286
Решение судьбы княжеств и возникновение «кашмирской проблемы»	292
Формирование правительства во главе с Неру	295

ГЛАВА 21. ВЫРАБОТКА И ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ ИНДИИ	297
Основные положения Конституции Индии.....	298
Парламентская система правления	302
Управление в штатах	303
Независимость судебной системы	305
Государственные службы	307
Реорганизация штатов.....	308

ГЛАВА 22. НОВЫЙ КУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	315
Программные документы правительства Неру.....	315
Аграрные реформы 1950–1960-х годов	321
Движения бхудан и грамдан	324
«Зеленая революция»	326

ГЛАВА 23. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНДИИ В 1947–1964 гг.....	327
Изоляция религиозно-общинных партий	327
Первые всеобщие выборы. Победа Конгресса и появление политической оппозиции.....	329
Конгресс укрепляет позиции. Победа левых сил в Керале.....	333

Индира Ганди входит в политику	336
Усиление влияния консервативных сил	338
Вызов монополии Конгресса на власть	341
Перемены в Конгрессе после смерти Неру	344
ГЛАВА 24. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ	
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМНЫ В ИНДИИ (1966–1984).....	346
Раскол в коммунистическом движении	349
Выход Бхаратия джана сангха на политическую авансцену	352
Всеобщие выборы 1967 г. Изменения в соотношении политических сил.....	355
Раскол в Конгрессе в 1969 г.	357
Изменения в положении женщин.....	362
Обострение ситуации в стране	365
Чрезвычайное положение (1975–1977).....	371
Коалиционное правительство Джаната парти.....	374
Возвращение Конгресса во главе с И. Ганди к власти	381
Операция «Голубая звезда»	386
Убийство Индиры Ганди.....	389
ГЛАВА 25. ПРОБЛЕМЫ И ТРУДНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА	
РАДЖИВА ГАНДИ.....	391
Новые веяния в социально-экономической политике.....	391
Примирение центрального правительства с конфликтующими штатами	395
«Дело Шах Бано» и обострение религиозно-общинных отношений	396
Новые этнические и религиозные проблемы	401
Коррупция в высших эшелонах власти	403
ГЛАВА 26. УСИЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ КАСТ.....	
Деятельность комиссии Мандала	407
Разгул кастеизма	410
Правительство В.П. Сингха и проблема резервирования	413
Движение хиндутвы и проблема Айодхьи	416
Борьба против социальной дискриминации далитов	419
Мирные формы протеста далитов.....	423
Бахуджан самадж парти – партия большинства народа.....	427
ГЛАВА 27. РЕФОРМЫ 1990-х ГОДОВ.....	
Власть политической династии Неру–Ганди прервана.....	431
Новая экономическая политика.....	434

Эволюционная модернизация Индии	439
Глобализация экономики Индии	446
Усиление роли местного самоуправления.....	453
Правление БДП в Уттар-Прадеше. Разрушение мечети в Айодхье	457
ГЛАВА 28. ВРЕМЯ КОАЛИЦИЙ	463
Конец однопартийного правления	463
Объединенный фронт во власти.....	464
Выборы 1998 г. – победа Национального демократического альянса	466
Программа управления НДА	469
Роспуск парламента и назначение новых выборов.....	471
ГЛАВА 29. НОВЫЙ ВИТОК КОАЛИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ.....	472
Парламентские выборы 1999 г.	472
Выборы как зеркало перемен в обществе.....	477
Реформы «второго поколения» правительства НДА.....	481
Победа БДП в Гуджарате и «культурный национализм семьи хиндутвы».....	483
Идеологическое обеспечение политической деятельности БДП ..	488
НДА объявляет о досрочных выборах в парламент	490
ГЛАВА 30. ВЫБОРЫ 2004 г. – КОНГРЕСС СНОВА ВО ВЛАСТИ ...	493
Предвыборная программа Конгресса.....	494
Критика правительства НДА слева	496
Результаты выборов 2004 г.	497
Курс Конгресса на создание Объединенного прогрессивного альянса	500
Программа-минимум Конгресса и его союзников.....	502
Реформы и проблемы неравенства.....	503
Избрание президентом Индии Пратибхи Патил	505
Достижения и трудности коалиционного правительства (2004–2009)	507
ГЛАВА 31. ИНДИЯ ПОДТВЕРЖДАЕТ СТАТУС КРУПНЕЙШЕЙ ДЕМОКРАТИИ В МИРЕ	510
Расстановка сил перед выборами 2009 г.	511
Предвыборные манифесты Конгресса и БДП	513
Итоги парламентских выборов 2009 г.	514
Традиционные формы политической мобилизации	520
Программа правительства ОПА	522

ГЛАВА 32. ОТНОШЕНИЯ ЦЕНТР–ШТАТЫ И РОСТ ВЛИЯНИЯ РЕГИОНОВ	524
Тенденции децентрализации власти	525
Неравномерность развития штатов	527
Рост политического влияния регионов	529
Президентское правление в штатах как инструмент политики	531
Коалиционные правительства – часть партийно-политической системы	534

ГЛАВА 33. ИНДИЙСКИЙ ОПЫТ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	538
Опыт индийской демократии	541
Смешанная экономика – третья альтернатива?	545
Индия и распад СССР	548
Индийцы о социальной справедливости	550

ГЛАВА 34. ИНДИЙСКАЯ ДИАСПОРА И ЕЕ ВКЛАД В МОДЕРНИЗАЦИЮ СТРАНЫ	558
Миграция индийцев за рубеж	559
Индийские иммигранты в США	560
Залог успехов индийских иммигрантов	563
Заинтересованность Индии в связях с диаспорой	570
Возвращение индийских эмигрантов на родину	572

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Внешняя политика Индии

ГЛАВА 35. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ	575
Индия в Движении неприсоединения	575
Индия и ООН	583
Участие Индии в международных организациях и группировках	591
Новая внешнеполитическая ориентация Индии	607

ГЛАВА 36. ИНДИЙСКО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	610
Установление дипломатических отношений между Индией и Советским Союзом	610
Индийско-советское сотрудничество (1950–1960-е годы)	616
Позиции Индии и СССР по Суэцкому кризису	622

Реакция Индии на венгерские события 1956 г.	626
Укрепление сотрудничества между Индией и СССР в 1970–1980-е годы	627
Правительство Джаната парти и Советский Союз	630
СССР приветствует победу на выборах Конгресса во главе с И. Ганди	633
ГЛАВА 37. ИНДИЙСКО-РОССИЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО	636
Индийско-российские отношения после распада СССР	636
Индия и Россия: проблемы безопасности.....	644
Сотрудничество между Индией и Россией в начале XXI в.	651
ГЛАВА 38. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИНДИЕЙ И США	657
Первые индийско-американские контакты на высшем уровне	660
США отдают предпочтение Пакистану.....	662
Противоречия в треугольнике США – Индия – Пакистан.....	666
Охлаждение в отношениях между Индией и США	671
Перемены в отношениях между Индией и США после распада СССР	675
Индия и Америка идут навстречу друг другу	677
Крутой поворот в индийско-американских отношениях	680
ГЛАВА 39. ПОЛИТИКА ИНДИИ И СОПЕРНИЧЕСТВО ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В ЮЖНОЙ АЗИИ	682
Индийско-китайский вооруженный конфликт 1962 г.	684
Индийско-пакистанский вооруженный конфликт 1965 г.	687
Индийско-пакистанская война 1971 г. и политика великих держав. Образование Бангладеш	690
Отношения между Индией и Китаем в конце XX в.– начале XXI в... ..	695
Индия и США после террористических актов в Америке в сентябре 2001 г.	700
Индия между США и Пакистаном	702
Позиция Индии по вопросу о войне США в Ираке	706
Идея создания союза Индия–США–Израиль	708
Индийско-американские отношения в первом десятилетии XXI в.	709
Индийско-российское сотрудничество в начале XXI в.....	710
ГЛАВА 40. ВОЕННАЯ ДОКТРИНА И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ИНДИИ	713
Военная доктрина Индии	715

Индия о роли вооруженных сил в мировой политике	718
Индийское военное строительство.....	722
Структура и состав вооруженных сил Индии	725
Военно-техническое сотрудничество Индии с Россией и другими странами.....	728
ГЛАВА 41. ПУТЬ ИНДИИ К ЯДЕРНОМУ СТАТУСУ	733
Индия проводит ядерные испытания	744
Ядерные державы осуждают индийские испытания	746
Реакция в Индии на ядерные испытания	748
Санкции США.....	749
Поворот в индийско-американских отношениях и ядерная программа Индии	751
Ядерная доктрина Индии	753
Прорыв в индийско-американских отношениях по ядерной проблеме	754
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	763
ПРИМЕЧАНИЯ.....	770
ХРОНОЛОГИЯ	835
БИБЛИОГРАФИЯ	859
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ.....	889
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	898
РЕЗЮМЕ.....	906
SUMMARY	908

Научное и учебное издание

Юрлов Феликс Николаевич, Юрлова Евгения Степановна

История Индии. XX век

Редактор А.Я. Зинкевич
Корректор М.Я. Колесник
Верстка Д.С. Севальнев
Эмблема серии А.Е. Жуков

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Изд. Лиц. ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.
Подписано в печать 30.11.10.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 57,5. Уч-изд. л. 53,9 Тираж 350 экз. Заказ № 2135 .

Институт востоковедения РАН
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Зайцев
107031, Москва ГСП, ул. Рождественка, 12

Отпечатано в ООО «Типография “Сарма”».
142115, Московская обл., г. Подольск, ул. Правды, 30.